

БОЛЬШИЕ № КНИГИ

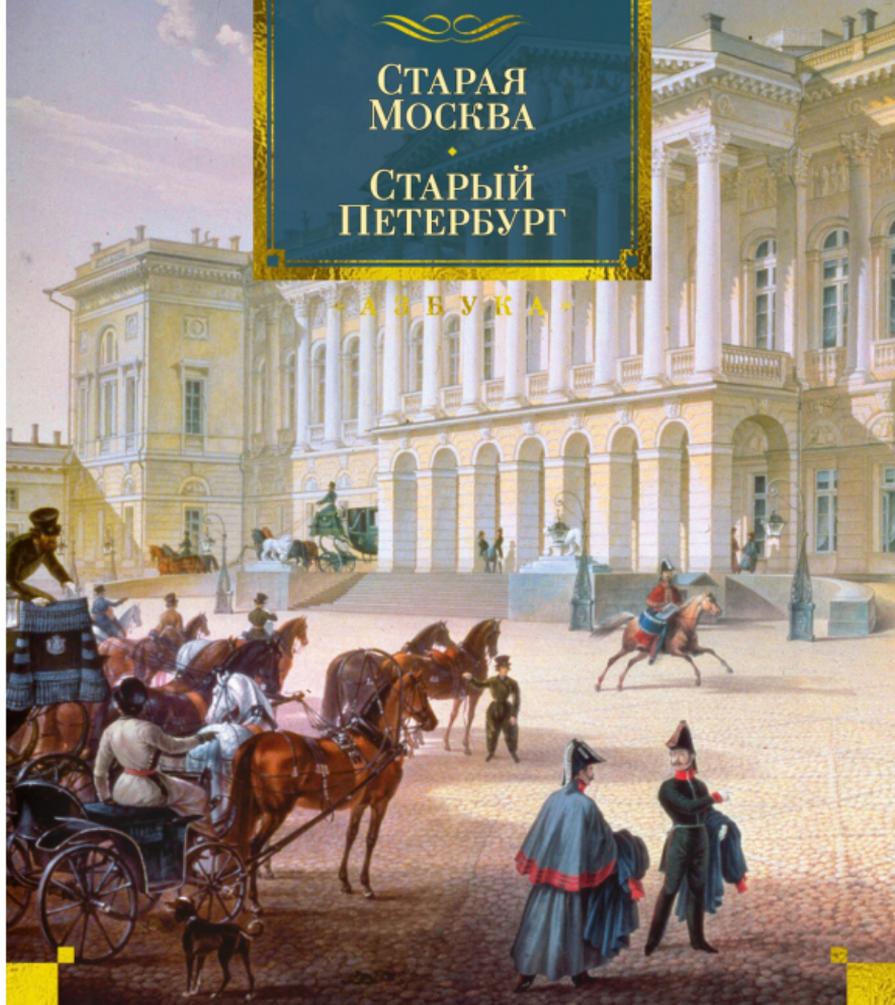
Михаил Пыляев

СТАРАЯ
МОСКВА

СТАРЫЙ
ПЕТЕРБУРГ

А Б В У К А

Старая Москва. Старый Петербург //Азбука, Азбука-Аттикус, Санкт-Петербург, 2023
ISBN: 978-5-389-24150-3
FB2: Denis, 23.08.2023, version 1
UUID: 3e55c0cc-3df8-11ee-8496-0cc47af30fe4
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Иванович Пыляев

Старая Москва. Старый Петербург

Михаил Иванович Пыляев (1842–1899) родился в Гдове, учился в Санкт-Петербурге, слушал лекции в Харьковском университете, много путешествовал, в том числе по Сибири и Кавказу, по Турции и Египту. В столичных изданиях Михаил Пыляев публиковал статьи по истории театра и балета, обзоры художественных выставок, писал о событиях культурной жизни Санкт-Петербурга. В 1879 году несколько статей о петербургской старине положили начало будущим сборникам «Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы» и «Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы», снискавшим автору славу тонкого знатока истории. Для нас сочинения Михаила Пыляева остались зачастую единственным источником фактов, почерпнутых автором из частных архивов, впоследствии утраченных. Но и сами по себе эти чрезвычайно обаятельные повествования, своеобразные путеводители по минувшим дням двух российских столиц, даже более века спустя заслуженно пользуются любовью читателей.

Содержание

#1	0006
Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы	0007
От автора	0007
Глава I	0009
Глава II	0064
Глава III	0103
Глава IV	0130
Глава V	0174
Глава VI	0209
Глава VII	0271
Глава VIII	0307
Глава IX	0360
Глава X	0405
Глава XI	0460
Глава XII	0513
Глава XIII	0541
Глава XIV	0571
Глава XV	0606
Глава XVI	0654
Глава XVII	0691
Глава XVIII	0760
Глава XIX	0801
Глава XX	0846
Глава XXI	0903

Глава XXII	0946
Глава XXIII	0987
Глава XXIV	1034
Глава XXV	1063
Старый Петербург Рассказы из былой жизни столицы	1098
От автора	1098
Глава I	1099
Глава II	1134
Глава III	1190
Глава IV	1218
Глава V	1251
Глава VI	1279
Глава VII	1332
Глава VIII	1368
Глава IX	1391
Глава X	1463
Глава XI	1503
Глава XII	1578
Глава XIII	1626
Глава XIV	1653
Глава XV	1721
Глава XVI	1744
Глава XVII	1789
Глава XVIII	1842

Михаил Пыляев
Старая Москва. Старый
Петербург

Подбор иллюстраций Екатерины Мишиной

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы

От автора

Настоящая книга составлена мною по тому же плану, как и ранее изданные сочинения мои «Старый Петербург» и «Забытое прошлое окрестностей Петербурга». Я не имел в виду написать полную историю Москвы, а лишь собрал здесь устные сказания современников и те сведения о ней, которые рассеяны в русских и иностранных сочинениях и которые рисуют преимущественно быт и нравы первопрестольной столицы в прошлом и начале нынешнего столетия.

Многие из рисунков, воспроизведенных в настоящем издании, появляются в печати в первый раз и заимствованы главным образом из богатого и всегда радушно открытого для занимающихся драгоценного собрания графюр П. Я. Дашкова.

Вид на Москву с балкона Кремлевского

дворца в сторону Москворецкого моста. Гравюра Ф. Лорие (?) по рисунку Ж. Делабарта. 1797. Фрагмент

Глава I

Москва при Екатерине II. – Улицы и мостовая. – Рогатки и фонари. – Характеристика высшего общества того времени. – Роскошь нарядов, экипажей и пр. – Модный молодой человек. – «Новоманерныя петербургския слова». – Великосветский жаргон. – Тетушка Петровской эпохи. – Жизнь на улицах в праздники. – Кулачные бои. – Место народных гуляний. – Рысистые бега. – Святочные катанья по городу. – Полицеймейстер Эртель и граф А. Орлов. – Праздники в Москве во время коронации Екатерины II. – Поездка царицы на поклонение мощам святителя Сергия. – Описание торжеств в лавре. – Уличный маскарад. – «Торжествующая Минерва». Авторы этого зрелища: Волков, Сумароков и Херасков. – Характеристика А. П. Сумарокова и Хераскова. – Церковь Св. Кира и Иоанна в память восшествия императрицы на престол. – Павловская больница. – Проект Воспитательного дома. – Постройка здания. – Пожертвования П. А. Демидова. – Чудачества Демидова. – Переписка с Бецким. – Благотворительная деятельность последнего.

Москва при императрице Екатерине II жила еще верная преданиям седой старины. По рассказам современников, в ней можно было найти много такого, до чего еще не кос-

нулась эпоха преобразований Петра Велико-го.

Старина в Москве сохранялась не только в общественном быту, но и во внешнем устройстве города.

Москва при Екатерине II представляла несколько сплошных городов и деревень. Сама государыня, когда говорила про Москву, то называла ее «сосредоточием нескольких миров».

Имя города Москве давали только каменные стены Кремля, Китая и Белого города. Настоящий же город строился не по плану заморского зодчего, а по прихоти каждого домохозяина; хотя Бантыш-Каменский в биографии князя В. Голицына и говорит, что в угоду этому боярину было построено в Москве до 3000 каменных домов, но вряд ли это было на самом деле. Улицы были неправильные, где чересчур узкие, где не в меру уже широкие, множество переулков, закоулков и тупиков часто преграждались строениями.

Дома разделяли иногда целые пустоши, иногда и целые улицы представляли не что иное, как одни плетни или заборы, изредка

прерываемые высокими воротами, под двускатной кровлей которых виднелись медные восьмиконечные кресты, да и о жизни на дворах давали знать лаем одни псы в подворотнях.

Дома богатых людей ютились на широких дворах в кущах вековых деревьев; здесь царствовало полное загородное приволье: луга, пруды, ключи, огороды, плодовые сады.

К богатым барским усадьбам прилегалла большая часть густо скученных простых деревенских изб, крытых лубком, тесом и соломой. На улицах существовала почти везде невылазная грязь и стояли болота и лужи, в которых купалась и плескалась пернатая домашняя птица.

Большая часть улиц не была в те времена вымощена камнем, а по старому обычаю мощена была фашинником[1] или бревнами. Такие улицы еще существовали в Москве до пожара 1812 года. Грязь с московских улиц шла на удобрение царских садов, и ежегодно это удобрение туда свозилось по несколько сот возов[2]. Насколько непроходимы были улицы Москвы от грязи, видно из того, что ино-

гда откладывались в Кремле крестные ходы.

Мостить улицы камнем стали в Москве с 1692 года, когда Петр Великий издал указ, по которому повинность мостить камнем московские улицы разложена была на все государство[3]. Сбор дикого камня распределен по всей земле: с дворцовых, архиерейских, монастырских и со всех вотчин служилого сословия, по числу крестьянских дворов, с десяти дворов один камень, мерою в аршин, с другого десятка – в четверть, с третьего – два камня, по полуаршину, наконец, с четвертого десятка – мелкого камня, чтобы не было меньше гусяного яйца, мерою квадратный аршин. С гостей и вообще торговых людей эта повинность была разложена по их промыслам. Все же крестьяне, в извозе или так приезжавшие в Москву, должны были в городских воротах представлять по три камня ручных, но чтобы меньше гусяного яйца не было.

На ночь большие улицы запирались рогатками; у которых сторожа были из обывателей, рогатки вечером ставились в десять часов, а утром снимались за час до рассвета. Сторожа при рогатках стояли иные с оружием.

ми, другие же с палками или «грановитыми дубинами». При опасностях сторожа били в трещотки.

Первые рогатки в Москве учреждены были при Иоанне III, в 1504 году; у них стояли караулы и никого не пропускали без фонарей; за пожарами наблюдала полиция с башенок, называемых тогда лантернами; последние устраивались над съезжими дворами. Первые фонари в Москве были зажжены осенью 1730 года, во время пребывания двора в Москве; поставлены они были на столбах, один от другого на несколько сажен; фонари были в первое время слюдяные.

Некоторым обывателям, у которых окна выходили на улицу, позволялось ставить на окнах свечи; как последние, так и фонари горели только до полуночи. В 1766 году всех фонарей на столбах было 600; в 1782 году фонарей было уже 3500 штук, а в 1800 году фонарей в Москве стояло до 6559 штук. Каждый фонарь в первое время по постановке обошелся казне по одному рублю. На больших улицах расставлены фонари были чрез 40 сажен; по переулкам, от кривизны их, против

этого вдвое.

В екатерининское время московское высшее общество было далеко не на высокой ступени умственного и нравственного развития – под золотыми расшитыми кафтанами таились старинные грубые нравы.

Такие противоречия заставили литераторов того времени выступить с обличительным протестом против нравов высшего общества, где на первом плане была только одна мода. По требованиям моды роскошь в костюмах доходила до крайностей: бархат, кружева и блонды[4], серебряные и золотые украшения считались необходимыми принадлежностями туалета. Кафтаны носились с золотым шитьем и с золотым галуном, и не носить такого кафтана для светского человека значило быть осмеянным. Щеголь должен был иметь таких дорогих кафтанов по нескольку и как можно чаще переменять, шубы были бархатные, с золотыми кистями; на кафтанах тоже подле петель привешивались иногда кисти, а на шпаге ленточка; манжеты носились тонкие кружевные, чулки носили шелковые со стрелками, башмаки с красными или розовыми

ми каблуками и большими пряжками; имели при себе лорнет, карманные часы, по несколько золотых, иногда осыпанных бриллиантами табакерок с миниатюрными портретами красавиц или с изображением сердца, пронзенного стрелой, и другие драгоценные безделки; на пальцах множество колец, а в руках трость.

Но особенное внимание щеголей было обращено на головную уборку: завивание волос, пудру и парики. Убрать голову согласно с требованиями светских приличий как для мужчин, так и для женщин было хлопотливое и нелегкое искусство. Волосы были завиваемы буколь в двадцать и более, щеголи просиживали за таким занятием часа по три и по четыре. Кудри завивали наподобие «заливных труб и винных бочонков», как острил журнал «Пустомеля».

Вот как, по свидетельству сатирических листков, проводил свое время модный молодой человек, носивший в екатерининское время названия щеголя, вертопраха и петиметра[5]. «Проснувшись он в полдень или немного позже, первое мажет лицо свое па-

рижскою мазью, натирается разными соками и кропит себя пахучими водами, потом набрасывает пудремань и по несколько часов проводит за туалетом, румяня губы, чистя зубы, подсурмливая брови и налепливая мушки, смотря по погоде петиметрского горизонта. По окончании туалета он садится в маленькую, манерную карету, на которой часто изображаются купидоны со стрелами, и едет вскачь, давя прохожих, из дома в дом».

В беседе с щеголихами он волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; его за это называют «резвым ребенком». Признание в любви он делает всегда быстро; например, рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, он вдруг прерывает разговор: «Э! кстати, сударыня, сказать ли вам новость? Вить я влюблен в вас до дурачества» – и бросает на нее «гнилой взгляд». Щеголиха потупляется, будто ей стыдно, петиметр продолжает говорить ей похвалы.

После этого разговора щеголиха и петиметр бывают несколько дней безумно друг в друга влюблены. Они располагают дни свои

так, чтобы всегда быть вместе: в «серинькой» [6] ездим в английскую комедию, в «пестринькой» бываем во французской, в «колетца» – в маскараде, в «медный таз» – в концерт, в «сайку» – смотрим русский спектакль, в «умойся» – дома, а в «красное» – ездим прогуливаться за город. Таким образом петиметр держит ее «болванчиком» до того времени, как встретится другая.

На жаргоне петиметров было много слов, буквально переведенных с французского языка; такие слова назывались «новоманерные петербургские слова». Современная комедия не раз осмеивала этот язык. «Живописец» Новикова приводит интересные образцы этого модного щегольского наречия.

Например, слово «болванчик» было ласкательное – его придавали друг другу любовники, оно значило то же, что *idole de mon âme* [7]; «Ах, мужчина, как ты забавен! Ужесть, ужесть! Твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут». Маханьем называлось волокитство. «Ха, ха, ха! Ах, монкер [8], ты уморил меня!» – «Он живет три года с женою и по сю пору ее любит!» – «Пере-

стань, мужчина, это никак не может быть, три года иметь в голове своей вздор!». «Бесподобно и беспримерно» в особенном новом смысле, например: «Бесподобные люди! Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает, а он так темен в свете, что по сию пору не заметил, что это ничуть не славно и совсем неловко; он так развязен в уме, что никак не может ретироваться в свете». На простом языке эти странные слова без смысла обозначали следующее: «Редкие люди! Она любит его постоянно, а он совсем не понятлив в щегольском обхождении и не понимает того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами; он так глуп, что и сам любит ее равномерно».

Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовных похождений, страстных признаний и сплетен двусмысленного содержания о разных знаковых лицах; волокитство было и общим развлечением, и целью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нежная, предупредительная любовь между мужем и женою

на языке модного света называлась смешным староверством. Торжество моды было тогда, если муж и жена жили на две отдельные половины и имели свой особенный круг знакомых: жена была окружена роем поклонников, а муж содержал «метрессу»[9], которая стоила больших денег.

Но, несмотря на приведенные нами крайности, порожденные французским влиянием, в тогдашнем московском обществе еще много сохранялось старины. Сатирические журналы рисуют этих представителей старины, разумеется, в карикатуре, и на них нельзя опираться как на документы. Но в известной степени их показания все-таки заслуживают внимания.

Во «Всякой всячине», например, описывается визит молодого племянника у старой тетки: «Не успел последний войти к ней и поклониться, как она закричала на него: „Басурман, как ты в комнаты благочинно войти не умеешь?“ Я извинился, говоря, что я так спешил к ней подойти, что позабылся. Она глядела на него нахмурившись, в комнате было темно, тетка сидела на кровати, племянник

хотел поцеловать ее руку, но тут встретил непреодолимые препятствия. Между ними находились следующие одушевленные и неодушевленные предметы. У самой двери стоял, направо, большой сундук, железом окоченный; налево множество ящичков, ларчиков, коробочек и скамеечек барских барынь. При конце узкого прохода сидели на земле рядом слепая между двумя карликами и две богачки. Перед ними, ближе к кровати, лежал мужик, который сказки сказывал; далее странница и две ее внучки — девушки-невесты, да дура. Странница с внучками лежали на перинах; у кровати занавесы были открыты, вероятно от духоты, ибо тетушка была одета очень тепло: сверх сорочки она имела лисью шубу. Несколько старух и девок еще стояло у стен для услуг, подпирая рукою руку, а сею щеку. Их недосуги живо изображали растрепанное убранство их голов и выпачканное платье. Племянник так и не достиг со своим поклоном к тетке, он передал чело-век пять и перебил множество посуды и в конце концов был очень рад, что кой-как выскочил поздорову из комнаты своей род-

ственницы».

Если можно было встретиться с таким образом жизни в дворянском быту, то еще проще была в то время жизнь посадских людей и простолюдинов.

Например, когда богатый человек едал на серебре десятки кушаньев, простолюдин ел хлеб пополам с соломой, лебедой, спал прямо на полу в дыму с телятами и овцами, а летом и осенью простой народ прямо спал на улицах; на Москве-реке и Яузе мылись лица обоего пола прямо открыто на воздухе; стирали свое белье. Ниже мы прилагаем изображение Серебрянских бань на реке Яузе – бани эти существовали еще в XVI столетии. В виду этих бань в приходе Николы в Воробьино стоял некогда родовой дом драматурга А. Н. Островского. Здесь талантливый писатель написал целый рой своих неувядаемых комедий. Теперь в доме Островского открыто распивочное заведение и как раз, где помещался письменный стол бессмертного художника, стоит стойка кабатчика. Описывая картину тогдашнего уличного быта, мы находим, что на «Вшивом рынке» собиралась целая толпа

мужчин, которые там стриглись, и от этого рынок был постоянно устлан волосами, будто ковром.

Посадские и простой народ летом ходили в халатах или рубахах, а зимою носили тулупы, покрытые китайкою или нанкою[10]; летом на головах имели круглые шляпы и картузы, а зимою шапки и меховые картузы. Отличительный наряд женщины простого сословия было покрывало, которое называлось накидкою. Накидки обыкновенно были ситцевые, но зажиточные носили «канаватные»[11] с золотом – бывали такие накидки ценою по сту рублей и более; выйти без такой накидки из дому почиталось за стыд; обыкновенная одежда баб состояла из рубашки с широкими рукавами и узенькими запястьями.

У пожилых женщин был у рубашек высокий ворот и широкий воротник, юбка и душегрейка или шушун – последние были разных покроев; голову повязывали платком. В старину все купчихи носили юбки и кофты, а на головах платки; последние были парчовые, глазетовые[12], тканые, с золотыми каймами, шитые золотом, битые канителью[13]; быва-

ли платки по сту и более рублей; дамы, как в богатых, так и в бедных домах, носили бумажные вязаные колпаки. По праздникам же выходили на улицу в дорогих кокошниках, убранных жемчугом и драгоценными камнями; на шее было «перло» (жемчужная нитка).

В праздничные дни все женщины являлись на улицу – старые садились на скамейках или на «завалинках» у ворот и судачили, молодые качались на улицах на качелях и досках. Зимой катались женщины и мужчины на коньках по льду, также катались на салазках с гор.

В Китай-городе, позади Мытного двора, была устроена такая катальная гора известным Ванькой Каином; она долго после него носила название Каиновой. Зимой народ также в праздничные дни собирался на льду на кулачные и палочные бои. Охотники собирались в партии и таким образом составляли две враждебные стороны. По свисту обе стороны бросались друг на друга и бились жестоко, многие выходили навек из битвы изуродованными, других выносили мертвыми.

Вступая в единоборство, кулачные бойцы

предварительно обнимались и троекратно целовались. В екатерининское время на Москве кулачным ратоборством славился половойй из певческого трактира Герасим, родом ярославец; это был небольшого роста мужик, плечистый, с длинными мускулистыми руками и огромными кулаками.

Этого атлета где-то отыскала княгиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала чесменскому герою графу Орлову; последний был большой охотник до таких ратоборств. В зимнее время знаменитые кулачные бои составлялись под старым Каменным или Троицким мостом, под которым была мельница, и речка Неглинная для этого запружалась; от запрудки здесь образовывался широкий пруд, почти во всю длину теперешнего верхнего кремлевского сада. В кулачных боях принимало участие и высшее тогда дворянское сословие. В дни, когда не было боев, охотники до рысаков потешались на борзых конях, в маленьких саночках либо в пошевнях[14].

Здесь же об Масленице строились горы, балаганы (комедии) и было народное гулянье, где знать московская, чиновники и горожане

с своими семействами проезжали кругом гулянья, простые же люди катывались с гор; женщины толпились около комедий и шатров бакалейных. Молодежь же фабричная собиралась в то время на подгородках и билась на кулачки. Подгородками назывались два места на берегах той же Неглинной, одно выше Курятного, или Воскресенского, моста, под стеною Китая-города, по левому берегу Неглинной до старого пушечного, или полевого, двора, или место, где теперь стоят Челышева бани и где фонтан с площадью; все это пространство называлось верхним подгородком.

Другой, нижний подгородок был на месте нынешнего нижнего кремлевского сада, что между Троицкими и Боровицкими воротами. Ни по тому, ни по другому подгородку проездов не было. Чаще же охотники до рысистого бега выезжали кататься по набережной Москвы-реки, от Устинского Неглинного моста до Москворецкого, где теперь старая кремлевская набережная, либо в село Покровское, или за Москву-реку на Шабаловку, потому что набережная в то время, не мощенная и не обло-

женная камнем, была малопроезжа и потому просторна для рысистого бега.

Улицы Покровского села, Старой Басманной и Шабаловки всегда были широки, длинные, просторны, гладки и без ухабов и бойков, которые по проезжим улицам Москвы выбивались обозными лошадьми, обыкновенно идущими одна за другою вереницею и ступая одна за другою след в след.

Рысистая охота гоняться друг за другом в то время жила только в купеческом сословии. Ездили купцы обыкновенно в одиночку на легких козырных санках с русскою упряжью; резвых рысаков в то время называли «катырями»; ни красота статей, ни порода не принимались в расчет, требовалась одна резвая рысь, скачье осмеивалась.

Чиновная знать и дворяне-помещики катились по всем лучшим московским улицам в городских санях каретной работы на манежных кургузых лошадях с немецкою упряжью. Сани были богатой нарядной отделки с полостями, с кучерскими местами и запятками, на которых стояли лакеи или гусары, а иногда и сами господа.

Сани бывали двухместные, большие с дышлами, запрягались парюю, четвернею, иногда и шестернею цугом. Бывали и особенные беговые сани-одиночки, без кучерского места; у них была на запятках сидейка, на которой сидел верхом человек. Эти санки наружно отделявали пышно, с бронзою или в серебре, внутри обивали ярким трипом[15], полость такого же цвета, подпушенная мехом; оба полоза своими загнутыми головами сходились вместе на высоте аршин двух от земли и замыкались какою-нибудь золоченою либо серебряною фигурою, например головою Медузы, Сатира, льва, медведя с ушами сквозными для пропуска вожжей. Лошадь была манежная кургузая, в мундштуке с кутасами[16] и клапанами, в шорах с постромками, впрягалась в две кривые оглобли, с седелкою, без дуги.

Охотник садился в барское место, сам правил вожжами, на запятках сидел верхом гусар, держал легкий бич, щелкал по воздуху и кричал: «Поди, поди, берегись!» Такие святочные катанья продолжались до 1812 года.

Проездки и кулачные потехи на пруду су-

ществовали только до 1797 года; в этом году мельница под каменным Троицким мостом уничтожена, Неглинный пруд спущен, горы с комедиями переведены на Москву-реку, к Воспитательному дому. По Кремлевскому берегу, который до этого был в природном виде, стали от самого каменного до деревянного Москворецкого выводить из камня набережную. Да притом в это время поступивший новый обер-полицеймейстер Эртель строго запретил на улицах скорую езду.

Почти в эти же года приехал в Москву на постоянное свое житье чесменский герой граф А. Г. Орлов, устроил свой бег под Донским и начал кататься в легких беговых саночках, с русскою упряжью, как ездят и теперь. Вся московская знать стала искать с ним знакомства и с его позволения стала выезжать к нему на бег, строго подражая ему в упряжке, и с этого времени немецкие нарядные санки стали свозиться в железный ряд на Неглинную как старье, и тут в пожар 1812 года они сгорели чуть ли не все. В летнее время охотники до конского бега из купеческого сословия выезжали на Московское поле, между

заставами Тверскою и Пресненскою, либо на Донское поле, что было между улиц Серпуховскою и Шабаловскою; оба эти места были песчаны, широки и малопроезжи.

Охотники катались на дрожках-волочках – это были те же беговые дрожки, только пошире, на железных осях, без переднего щитка. Эти волочки и послужили графу Орлову образчиком для беговых дрожек теперешнего вида. В двадцатых годах нынешнего столетия появился для такого катанья новый вид дрожек, который у извозчиков слыл под именем «калиберца».

В тридцатитрехлетнее царствование Екатерины II Москва видела много веселых и тяжелых дней. Веселые дни начались с приездом императрицы для коронации 13 сентября 1762 года[17]. В этот день состоялся торжественный въезд государыни.

Улицы Москвы были убраны шпалерами из подрезанных елок, на углах улиц и площадях стояли арки, сделанные из зелени с разными фигурами.

Дома жителей были изукрашены разноцветными материями и коврами. Для тор-

жественного въезда государыни устроено несколько триумфальных ворот: на Тверской улице, в Земляном городе, в Белом городе, в Китай-городе Воскресенские и Никольские в Кремле.

У последних триумфальных ворот встретил Екатерину II московский митрополит Тимофей с духовенством и сказал императрице поздравительную речь. Въезд государыни был необыкновенно торжествен, Екатерина ехала в золотой карете, за ней следовала залитая золотом свита. Клики народные не смолкали.

Чин коронавания[18] происходил в воскресенье; стечение народа в Кремль началось еще накануне, хотя в тот день шел большой дождь; в день же коронавания утро было пасмурно, но к вечеру погода разгулялась. По первому сигналу из двадцати одной пушки в 5 часов утра все назначенные к церемонии персоны начали съезжаться в Кремлевский дворец, а войска построились в 8-м часу около соборной церкви и всей Ивановской площади.

В 10-м часу затрубили трубы и забили в ли-

тавры, и по этому сигналу двинулась процессия в церковь. Государыня между тем, во внутренних своих покоях приготовившаяся к священным таинствам – миропомазанию и причащению, вошла в большую аудиенц-камеру, куда уже все регалии из сенатской камеры принесены были и положены на столах по обе стороны трона.

Когда все государственные чины собрались, императрица села под балдахин в кресла свои. В это время духовник государыни, Благовещенского собора протопоп Феодор, стал кропить святою водою путь государыни.

Как только государыня из дворца вышла на Красное Крыльцо, начался звон во все колокола и военная салютация. При приближении к соборным дверям государыню встретил весь церковный синклит[19], до двадцати архиереев и более сорока архимандритов во главе с архиепископом Новгородским, который поднес государыне для целования крест; митрополит Московский окропил святою водою. Государыня села на приготовленный ей престол.

В это время она надела на себя порфиру[20]

и орден Андрея Первозванного, а когда возложила на себя корону, то на Красной площади произведена была стрельба. После этого все чины двора принесли ей поздравление, а новгородский архиепископ Димитрий сказал ей поздравительное слово.

Выход из храма был не менее торжествен – все войска при виде государыни в короне и порфире производили салютации. Государыня пошла в Архангельский собор, где поклонилась усопшим предкам, после этого в Благовещенский собор и там приложилась к святым мощам и затем возвратилась во дворец.

Императрица Екатерина в своей аудиенц-камере села под балдахин и жаловала многих разными милостями. Потом царица отправилась в Грановитую палату, где происходил обед.

Во время стола исполнялся концерт на хорах, вокальный и инструментальный. По окончании стола государыня возвратилась в свои покои, и в тот день ничего более не происходило. При наступлении ночи весь дворец Кремлевский и все публичные строения, как и колокольня Ивана Великого, были иллюми-

нованы.

В полночь государыня вышла инкогнито на Красное Крыльцо и любовалась на иллюминацию. В эту ночь, по словам очевидца, вся Москва пылала огнями; на выстроенных ко дню приезда государыни триумфальных воротах горели разные щиты: на одном был представлен гелиотроп (цвет, подобный солнцу), а под ним гора с надписью: «От всего мира видима буду»; на других виднелся меч с надписью: «Закон управляет, меч защищает»; на других воротах представлен орел, держащий в когтях громовые стрелы, надпись гласила: «Защитение величества»; на других виднелся царский жезл с надписью: «Жезл правости, жезл царствия твоего»; на других был изображен вензель Екатерины, поддерживаемый ангелами, а под ним Россия, с надписью: «Слава Богу, показавшему нам свет»; на порталах изображена была радуга с надписью: «Предвестие вёдра»; на следующих четыре части света, из которых Европа «особливо весело себя оказывала». Повсюду виднелись крылатые «гениусы» и «фамы», «которые в трубы поздравление говорили».

В довершение всего этого напротив самого Кремля, к Замоскворечью, был сожжен великолепный фейерверк.

На шестой день после коронации Екатерина II дала праздник для народа. Народное празднество происходило на Красной площади и на Лобном месте.

В день праздника по улицам разъезжали торжественные колесницы, украшенные резною позолотой, на которых стояли жареные быки, лежали пирамидами дичь и разного сорта хлеб. За этими колесницами тянулись роспуски, установленные посеребренными и позолоченными бочками меда и пива.

На Красной площади стояло множество столов с различными яствами. Там же были устроены фонтаны, которые били красным и белым вином. Тоже и на некоторых перекрестках главных улиц были столы для бедных, где их угощали закусками и питьями.

Близ Кремля к этому дню были разбиты шатры, украшенные разноцветными флагами, где раздавались пряники и разные сладости народу.

В других местах возвышались балаганы и

амфитеатры, где представляли акробаты, фокусники, ходили по канату персияне и т. д. Сама императрица в сопровождении большой свиты разъезжала по улицам Москвы, любуясь народным празднеством; в это время окружавшие ее герольды бросали в народ серебряные жетоны. Такие празднества в Москве продолжались целую неделю.

После коронационных празднеств Екатерина отправилась в Троицкую лавру; путь императрицы отличался необыкновенною торжественностью. Государыня выехала из Москвы 17 октября и прибыла в лавру в тот же день в восьмом часу. У ворот обители были расположены по бокам сорок молодых воспитанников в белых одеждах, с венцами на головах и с пальмовыми ветвями в руках; при прибытии императрицы они запели следующий кант:

*Гряди, желаннейшая мати,
Гряди с дрожайшим Павлом к
нам,
Гряди от гроба дар прияти
В созданный чудотворцем храм...
и пр.*

Это пение продолжалось до самого входа императрицы в храм; при вступлении в церковь певчие запели: «Достойно есть»; в это время государыня прикладывалась к святым мощам, после чего ей было возглашено многолетие. При торжественных кликах многолетия государыня вышла из храма; здесь опять на паперти встретили ее семинаристы и запели уже другой кант:

*Прийди, Екатерина,
Вторая к нам Елисавет,
Надежда всех едина,
Прийди, о презлатых нам лет,
И Павла возведи с собою,
Идуща спешною ногою.*

Во время этого шествия продолжалась пушечная пальба и колокольный звон. Придя в приготовленные покои для императрицы, архимандрит с братиею и учителями поднес хлеб-соль, наместник лавры Иннокентий произнес торжественную речь, и затем еще пели канты семинаристы.

На другой день после литургии государыня со свитой обедала у настоятеля лавры, осматривала ризницу и различные церков-

ные древности, потом отправилась в семинарию, в богословскую палату, где были собраны как учителя, так и воспитанники, одетые «в белом с золотыми травами платье», имея в руках ветви и зеленые на головах венцы, ожидая с наичувствительнейшим желанием свою всемилостивейшую видеть государыню, и как токмо собрание юношества увидело монархиню, радостию сердечно взыграв, воспе-ли следующий кант:

*Сидящей на Российском троне
Вы, музы, в вашем Геликоне
Приличный стих воспойте
И радость в нас откройте,
Сокрытую в сердцах.
Дни ваши ныне преблаженны,
Ликуй, ликуй, Парнас священный,
Зря на Екатерину,
Надежду всех едину;
Науки продолжай... и т. д.*

После этого канта ученики приветствовали государыню на русском, латинском и греческом языках стихами и речами. В заключение сказал речь ректор семинарии Платон, и затем настоятель лавры Лаврентий поднес го-

сударыне оду; последняя начиналась так:

*Не может толь нас веселить
Весна своей красою,
Ни в жаркий день кто прохла-
дить
Сердца всех нас водою.
Коль ты пришествием своим,
Дрожайшая наша мати... и т. д.*

Государыня после осматривала библиотеку семинарии; в тот же вечер Екатерина посетила опять семинарию, где давалась учениками драма «О Царе Навуходоносоре и трех отроцех в печи». По преданию, эта драма тянулась очень долго; по окончании представления вся лавра была иллюминирована.

«В субботу, поутру, 19-го октября, государыня, приложившись к мощам, при колокольном звоне и пушечной пальбе, изволила выдти за святые ворота, потом „сидши в линию, путь в царствующий свой град восприяла в начале девятого часу, при сем производилась пушечная пальба с колокольным звоном. Проезжая слободою Клементьевою, изволила в народ бросить деньги“» [21].

Императрица после коронации из перво-

престольной не уезжала, а пробыла там целую зиму. Москва в дни пребывания государыни увидела невиданные до этого празднества и маскарады. Роскошь и великолепие последних доходили до сказочного волшебства.

Так, первый такой грандиозный маскарад был дан в последние дни Масленицы. Устройство этого маскарада было препоручено придворному актеру Федору Григорьевичу Волкову; всех действующих лиц в нем было более четырех тысяч человек; двести огромных колесниц были везены запряженными в них волами от двенадцати до двадцати четырех в каждой.

Маскарад назывался «Торжествующая Минерва»[22]. В нем, как гласило печатное объявление, «изъявится гнусность пороков и слава добродетели». Маскарад в течение трех дней, начиная с десяти часов утра и до позднего времени, проходил по улицам Большой Немецкой, по обеим Басманным, по Мясницкой и Покровской.

По возвращении последнего к горам началось всеобщее катанье, на театре давались кукольные комедии, «фокус-покус и разные

телодвижения»; вместе с желающими смотреть на это торжество в масках и без маски вызывались из публики желающие «бегаться на лошадях».

Маскарадное шествие открывалось предвозвестниками торжества с большою свитою и затем разделялось на отделы; перед каждым отделом несли особенный знак. Первый знак был посвящен Момусу, или «Упражнение малоумных»; за ним следовал хор музыки, кукольщики, по сторонам двенадцать человек на деревянных конях.

За ними ехал верхом Родомант-забияка, храбрый дурак; подле него шел паж, поддерживая его косу. После него шли служители Панталоновы, одетые в комическое платье, и Панталон-пустохват в портшезе[23]; потом шли служители глупого педанта, одетые скарамушами, следовала сзади и книгохранительница безумного вряля; далее шли дикари, несли место для арлекина, затем вели быка с приделанными на груди рогами; на нем сидел человек, у которого на груди было окно, — он держал модель кругом вертящегося дома.

Эту группу программа маскарада объясняла так: Мом, видя человека, смеялся, для чего боги не сделали ему на грудях окна, сквозь которое бы в его сердце можно было смотреть; быку смеялся, для чего боги не поставили ему на грудях рогов и тем лишили его большей силы, а над домом смеялся, отчего нельзя его так сделать, что если худой сосед, то его поворотить на другую сторону. За этой группой следовал Бахус, олицетворяя «Смех и бесстыдство».

Картина представляла пещеру Пана, в которой плясали нимфы, сатиры, вакханки; сатиры ехали на козлах, на свиньях и обезьянах. Колесница Бахуса заложена была тиграми.

Здесь вели осла, на котором сидел пьяный Силен, поддерживаемый сатирами, наконец, пьяницы тащили сидящего на быке толстого краснолицего откупщика; к его бочке были прикованы корчемники и шесть крючков, следовали целовальники, две стойки с питьем, на которых сидели чумаки с балалайками. Эту группу заключал хор пьяниц.

Третья группа представляла «Действие

злых сердец»: она представляла ястреба, терзающего голубя, паука, спускающегося на муху, кошачью голову с мышью в зубах и лисицу, давящую петуха. Эту группу заключал нестройный хор музыки; музыканты были наряжены в виде разных животных.

Четвертое отделение представляло «Обман»; на знаке была изображена маска, окруженная змеями, кроющимися в розах, с надписью: «Пагубная прелесть»; за знаком шли цыгане, цыганки пьющие, поющие и пляшущие колдуны, ворожеи и несколько дьяволов. В конце следовал Обман в лице прожектеров и аферистов.

Пятое отделение было посвящено посрамлению невежества; на знаке были изображены: черные сети, нетопырь и ослиная голова. Надпись была: «Вред непотребства». Хор представлял слепых, ведущих друг друга; четверо, держа замерзших змей, грели и отдували их. Невежество ехало на осле. Праздность и Злословие сопровождала толпа ленивых.

Шестое отделение было «Мздоимство»; на знаке виднелись изображения: гарпия, окруженная крапивой, крючками, денежными

мешками и изгнанными бесами. Надпись гласила: «Всеобщая пагуба». Ябедники и крючкотворцы открывали шествие, подъячие шли с знаменами, на которых было написано: «Завтра». Несколько замаскированных длинными огромными крючьями тащили за собою заряженных «акциденциею», то есть взяточников, обвешанных крючками; поверенные и сочинители ябед шли с сетями, опутывая и стравливая идущих людей; хромая «правда» тащилась на костылях, сутяги и аферисты гнали ее, колотя в спину туго набитыми денежными мешками.

Седьмое отделение было – мир на выворот, или «превратный свет»; на знаке виделось изображение летающих четвероногих зверей и человеческое лицо, обращенное вниз. Надпись гласила: «Непросвещенные разумы». Хор шел в развратном виде, в одеждах наизнанку, некоторые музыканты шли задом, ехали на быках, верблюдах; слуги в ливреях везли карету, в которой разлеглась лошадь; модники везли другую карету, где сидела обезьяна; несколько карлиц с трудом поспевали за великанами; за ними подвигалась люлька

с спеленатым в ней стариком, которого кормил грудной мальчик. В другой люльке лежала старушка, играла в куклы и сосала рожок, а за нею присматривала маленькая девочка с розгой; затем везли свинью, покоящуюся на розах. За нею брел оркестр певцов и музыкантов, где играл козел на скрипке и пел осел. Везли Химеру, которую расписывали маляры и песнославили рифмачи, ехавшие на коровах.

Восьмое отделение глумилось над спесью; знак был – павлиний хвост, окруженный нарциссами, а под ними зеркало, с отразившеюся надутою харею, с надписью: «Самолюбие без достоинств».

Девятая группа изображала «Мотовство и бедность». На знаке виден был опрокинутый рог изобилия, из которого сыпалось золото; по сторонам курился фимиам. Надпись гласила: «Беспечность о добре». Хор шел в платьях, обшитых картами; шли карты всех мастей, за ними следовала слепая Фортуна, затем счастливые и несчастные игроки. Брели и нищие с котомками.

Шествие замыкала колесница Венеры с си-

дящим возле Купидоном. К колеснице были прикованы гирляндами цветов несколько особ обоего пола. Затем шла Роскошь с ассистентами-мотами. Хор поющих бедняков и скупцов в характерных масках. За сим началось самое торжественное и великолепное из всего маскарада: первую катилась колесница Юпитера и затем следовали персонажи, изображающие золотой век. Впереди виднелся хор аркадийских пастухов, за ними следовали пастушки и шел хор отроков с оливковыми ветвями, славя дни золотого века и пришествие Астреи на землю. Двадцать четыре часа в блестящей золотом одежде окружали золотую колесницу этой богини; последняя призывала радость, вокруг нее теснились толпой стихотворцы, увенчанные лаврами, призывая мир и счастье на землю. Далее являлся уже целый Парнас с Музами и колесница Аполлона; потом шли земледельцы с их мирными орудиями, несли мир и жгли в облаках дыма военные оружия.

Затем следовала группа Минервы с добродетелями: здесь были науки, художества; торжественные звуки труб и удары литавр пред-

шествовали колеснице Добродетели; последнюю окружали маститые старцы в белоснежной одежде с лаврами на головах. Герои, прославленные историей, ехали на белых конях, за ними шли философы, законодатели; хоры отроков в белых одеждах с зеленеющими ветвями в руках предшествовали колеснице Минервы и пели хвалебные гимны. Хоры и оркестры торжественной музыки гремели победоносные марши.

Маскарадное шествие заключалось горой Дианы, озаренной лучезарными светилами.

Три дня двигалась эта процессия по московским улицам. Несмотря на холодную погоду, все окна, балконы и крыши домов были покрыты народом. Императрица смотрела на маскарад, объезжая улицы в раззолоченной карете, запряженной в восемь неаполитанских лошадей с цветными кокардами на головах. Екатерина сидела в ало-бархатном русском платье, унизанном крупным жемчугом, с звездами на груди и в бриллиантовой диадеме.

За нею тянулся огромный поезд высоких тяжелых золотых карет с крыльцами по бо-

кам, карет, очень похожих на веера, на низких колесах; в каретах виднелись распудренные головы вельможных царедворцев, бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотом или унизанные блестками, с большими стальными пуговицами и т. д.

В других осмистекольных ландо сидели роскошно одетые дамы в атласных робронах и калишах на проволоке, в пышных полонезах, в глазетовых платьях и длиннохвостых робах с прорезами на боку, с фижмами или бочками; головы были также распудрены; сзади карет стояли лакеи, одетые турками, гусарами, арабами, албанцами.

В день этого народного маскарада во дворце была играна итальянская опера «Иосиф Прекрасный в Египте». Автору Ф. Г. Волкову, по словам его биографа Н. И. Новикова, маскарад этот стоил жизни. Разъезжая верхом для наблюдения за порядком маскарада, он сильно простудился, вскоре слег в постель и через два месяца скончался.

Волков составлял программу этого маскарада не один; его сотрудником был известный в то время драматург Александр Петро-

вич Сумароков. Он был первым директором русского театра. Сумароков писал во всех родах поэзии – современники ставили его наравне с Мольером и Расином, плакали от его драм и смеялись до слез, любуясь его комедиями. Большие похвалы ему воздавал и великий Вольтер.

Про Сумарокова существует множество анекдотов, характеризующих его вспыльчивость и доброе сердце. Он первый ввел разговоры актеров со сцены на злобы дня; так, узнав, что дети профессора Крашенинникова, известного описателя Камчатки, остались после смерти отца в бедности, он заставил одного из героев своей комедии сказать с подмостков сцены следующее: «Отец ездил в Камчатное и в Китайчатое государство, а дети ходят в крашенине и потому Крашенинниковыми называются».

Монолог актера попал в цель, кто-то из вельмож исходатайствовал пенсию несчастным у императрицы. Другой раз, встретив раненого офицера, который просил милостыню, он, не имея при себе денег, снял с себя мундир, шитый золотом, и отдал офицеру, а сам

возвратился домой в кафтане своего лакея и тотчас же отправился во дворец к государыне просить для бедного пособия.

Несмотря на такие порывы великодушия, этот сострадательный человек в минуты гнева ломал палки на спинах своих бедных подчиненных актеров единственно за то, что они плохо декламировали стихи. Сумароков умер в Москве 1 октября 1777 года и похоронен в Донском монастыре, – могила его у самой задней ограды, прямо против Святых ворот Донского монастыря[24]. На месте, где был погребен Сумароков, теперь лежит профессор Московского университета П. С. Щепкин.

Сотрудником Сумарокову при составлении стихотворной программы маскарада, данного во время коронации, был тоже известный стихотворец Мих. Матв. Херасков[25]; это был очень угрюмый, важный и напыщенный человек.

В нежной юности с ним случилось очень странное приключение: его нянька посадила на окошко, а в то время проходила толпа цыган, которые и похитили его. К счастью, вскоре вспомнили о цыганах, догнали их и отня-

ли ребенка.

Не случилось бы последнего, Херасков пел бы цыганские песни, а не героев нашей истории. В доме Хераскова собирались по вечерам все московские литераторы и читали свои литературные произведения, и, как говорит Дмитриев, похвала Хераскова всегда ограничивалась одними словами: гладко, очень гладко!

Херасков, как и Сумароков, был страстный любитель до театральных представлений; при нем в университете существовал постоянный театр с богатым гардеробом, а также и свой собственный у него в доме. На первом театре играли студенты и даже женские роли исполняли они же. Так, известный впоследствии профессор П. И. Страхов на этом театре являлся в роли Семиры, очаровывая зрителей и самого автора А. П. Сумарокова.

С подмостков этого же театра перешли на московский публичный театр два студента: Иванов и Плавильщиков – первый был известен на сцене под именем актера Калиграфова. П. И. Страхов нередко игрывал и в операх у Хераскова на домашнем театре, хотя и не

знал нот и не имел голоса. Вот как, по словам Страхова, проходили такие исполнения на сцене: «Херасков непременно хотел, чтобы я исполнял в его опере „Добрые солдаты“ первую роль молодого „Пролета“. Надо было угождать доброму начальнику, и вот я разыгрывал ее пополам с превосходным университетским тенором Мошковым, тогда еще гимназистом; он пел мои арии за кулисами, а я лишь расхаживал по сцене, размахивал руками и молча разевал рот, как будто бы пел. Наш капельмейстер, глухой Керцелли, мастерски поддерживал оркестром нашу хитрость, и после никто из зрителей не хотел даже верить нашим проделкам».

В первые годы царствования Екатерины II Москва увидела много новых построек. Так, в ознаменование восшествия государыни на престол была воздвигнута на Солянке, «на Кулишках», по плану архитектора Бланка, церковь во имя Св. Кира и Иоанна. Храм был освящен митрополитом Амвросием в присутствии самой императрицы в 1768 году. По окончании литургии государыня отбыла в Петербург. В этой церкви сохраняется царское

место, нарочно устроенное для этого дня. В этой церкви имеется придел во имя Живоначальной Троицы. Из надписи, находящейся на доске над дверями, видно, что на этом месте была церковь во имя Троицы и что в пожар 1754 года она сгорела, и в 1758 году церковь опять возобновлена и освящена митрополитом Тимофеем.

В год пребывания Екатерины II в Москве, после коронации, был издан указ о крытии гонтом[26] в Кремле и Китае-городе казенных и частных зданий, и в этот же год государыня повелела открыть Воспитательный дом[27], сперва в Китай-городе, и затем уже, в следующем году, в Белом городе, в день рождения государыни.

В 1763 году, в память выздоровления наследника престола, была устроена еще Павловская больница за Серпуховскими воротами. Мысль основать Воспитательный дом в Москве принадлежала Ив. Ив. Бецкому.

В своей записке он просил государыню для постройки дома дать место, так называемый «Гранатный двор» (последний стоял там, где теперь правая сторона Воспитательного дома;

он принадлежал пушечному двору, основанному во времена царя Феодора), с Васильевским садом подле Москвы-реки, со всею около лежащею казенною землею и строением, купно с отданною от Адмиралтейства мельницею, что на Яузе, и старую городскую стену употребить в строение. Эта стена, вероятно, тогда еще существовала и простиралась от Белого города по берегу Москвы-реки к стене Китай-города. Васильевский сад был посажен отцом Иоанна Грозного, великим князем Василием III.

На постройку этого здания открылась добровольная подписка по церквам всей России. Сама государыня с наследником была первая вкладчица.

Апреля 21-го 1764 года, в день рождения государыни, при громе пушек состоялась закладка здания. Генерал-фельдмаршал П. С. Салтыков первый положил камень в основание этого здания, с надписью означения времени заложения и с двумя медными досками, на которых было вырезано на латинском и русском языке следующее: «Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссий-

ская, для сохранения жизни и воспитания в пользу общества в бедности рожденных младенцев, а притом и в прибежище сирых и неимущих родильниц, повелела соорудить сие здание, которое заложено 1764 г. апреля 21-го дня».

В день закладки, в ознаменование благотворения, было собрано более пятидесяти бедных невест и отдано с приданным замуж за ремесленников, и затем более тысячи человек бедных в этот день были угощаемы обедом.

В память закладки была выбита медаль с изображением на одной стороне поясного портрета государыни, а на другой стороне изображена была Вера, имеющая на голове покрывало и держащая в правой руке крест; облокотившись на постамент при церковном здании, она повелевает Человеколюбию, представленному в образе жены, поднять найденного на пути ребенка и отнести в основанный милосердием государыни дом. Вверху, кругом, видны слова Спасителя: «И вы живы будете» (Иоанн 11: 19), внизу за чертою: «Сентября 1-го дня 1763 года», то есть день

учреждения.

В 1771 году при этом Воспитательном доме был учрежден известным своими причудами и странностями Прокофием Акинфиевичем Демидовым[28] Родильный институт. Демидов на это учреждение прислал Бецкому 200 000 рублей.

Когда Демидов в 1772 году посетил Воспитательный дом, то опекунский совет поднес последнему золотую медаль и благодарственное свидетельство, до сих пор сохраняющееся в портретной галерее дома; оно написано на пергаменте и украшено миниатюрною живописью, превосходно исполненною академиком Козловым. По поводу этого посещения было напечатано тогда в «Московских ведомостях» стихотворение под заглавием «Вывеска к жилищу Прокофия Акинфиевича Демидова». Вот начало этого стихотворения:

*Демидов здесь живет,
Кой милосердия пример дает,
Свидетель в том
Несчастливым дом.*

Польщенный таким приемом, Демидов подарил Воспитательному дому большой ка-

менный дом свой, находившийся в Донской улице, в приходе церкви Риз-Положения.

Несмотря на внимание и почет, которые опекунский совет постоянно оказывал Демидову, последний своими причудами и дурачествами немало причинял ему огорчений и очень часто приводил это почтенное учреждение «в недоумение». Так, например, узнав, что опекунский совет крайне нуждается в деньгах, обещал сперва дать займы 20 000 рублей, но вместо денег прислал в него четыре скрипки по числу членов: Вырубова, Умского и князей Голицына и Гагарина.

В другой раз, в 1780 году, когда совет по приказанию Бецкого препроводил к Демидову оба его бюста, мраморный и бронзовый, с тем чтобы он взял для себя один из них, то Демидов их не принял и отослал при следующем отзыве: «От Московского Воспитательного дома объявлено мне, чтобы я от господ опекунов взял бюст, и за оное приношу нижайшую благодарность, а паче за милость его высокопревосходительства Ив. Ив. Бецкого. В третьем году, когда я был в Питере у Ивана Ивановича, при мне сделан гипсовый бюст, а

сказывал он, что многим мраморные делают-ся и потому мне ненадобно; о чем с моею благодарностью хошь сие, хошь напишите высокопочтенному совету, а паче Ивану Ивановичу, в оное не входит и мне не пишет, какой из того план хочет сделать? Для того ли, что живущий мой дом, по смерти моей, считаться будет к Воспитательному дому? Я же скоро умру и об этом его превосходительству сказывал. Он смеялся: кто прежде умрет? И так, с высокопочтанием и моею преданностью остаюсь»[29].

Демидовым выстроены также примыкающие к квадрату постройки «Корделожи».

После Демидова и другие стали приносить свои пожертвования в кассу Воспитательного дома. Так, 3 марта 1774 года, ночью, от неизвестного прислано было к Бецкому письмо с препровождением в особом ящике десяти тысяч рублей, половина золотом, а другая ассигнациями; как письмо, так и ящик запечатаны были печатью, изображающею солнце, освещающее шар земной, с надписью: *non sibi, sed populi*[30].

Письмо было написано по-французски. В

нем неизвестный благотворитель между прочим говорит: «Не спрашивайте меня, государь мой, об моем отечестве; я произведен на свет не в сей обширной империи, но отечеству моему должен я только рождением, а России обязан тысячею несравненно превосходнейших выгод».

Сверх 10 000 рублей, доставленных при этом письме, неизвестный благотворитель обещал прислать в другой срок, 29 июня 1774 года, еще 20 000 рублей и в третий срок, 3 октября, также 20 000 рублей.

Это пожертвование вызвало со стороны Бецкого самую оживленную переписку с заявлением глубокой благодарности благотворителю, напечатанной в то время в прибавлении к «С.-Петербургским ведомостям».

В числе воспитанников этого благотворительного заведения каждый год выпускается несколько с фамилиею Гомбургцевых – последняя дается питомцам по следующему случаю. В 1767 году, в августе 31-го, в полдень было подано привратнику дома неизвестным лицом запечатанное письмо с надписью: «Императорского Воспитательного дома вы-

сокопочтенным господам членам совета в Москве», в середине конверта было письмо, извещающее, что покойная светлейшая ландграфиня и наследная принцесса Гессен-Гомбургская Настасья Ивановна, урожденная княгиня Трубецкая, вручила сей неизвестной сумме денег с завещанием употребить ее на пользу бедных; с 1755 года сумма эта, отданная в рост, составила уже 10 000 рублей и представляется теперь в совет на содержание из процентов сей суммы на вечные времена столько воспитанников, сколько позволит сумма процентов. Совет исполнил волю благодетельной завещательницы и содержимых двадцать воспитанников назвал Гомбургцами.

В 1767 году для управления этим благотворительным заведением был учрежден Опекунский совет. В этом году Екатерина II неожиданно посетила заведение и в память своего посещения положила в кружку богатый вклад и двухлетнему питомцу Никите пожаловала 300 червонцев. Сам Бецкой Воспитательному дому принес в дар в разное время 162 995 рублей. Памятники трудов и за-

слуг Бецкого не ограничились одной Москвой; в Петербурге он посвятил лучшие свои годы на попечение общества благородных девиц (Смольный монастырь).

Бецкой родился в Стокгольме в 1704 году; князь И. Ю. Трубецкой был отцом его, мать была шведка, баронесса Вреде. Трубецкой вступил в брак во время своего плена, при жизни своей первой жены. С восшествием Екатерины II Бецкой является в числе первых сановников императрицы. И. И. Бецкой достиг маститой старости, умер девяноста трех лет от роду. Бецкой очень любил сельское хозяйство; на террасе дома его был устроен висячий сад, где он разводил шелковичных червей на листьях тутовых деревьев. В кабинете Бецкого была устроена по китайскому образцу духовая печь, в которой он посредством пара выводил из яиц цыплят.

Беганье последних около него служило для него большим развлечением и обращало его мысли к другим птенцам, о призрении которых он так много потрудился. Вообще воспитывать безродных была его страсть; из числа таких его питомцев был и известный некогда

обер-полицеймейстер Петербурга и впоследствии сенатор Иван Савич Горголи. Этот Горголи был образцом рыцаря и франта. Никто так не бился на шпагах, никто так не играл в мячи, никто не одевался с таким вкусом, как он. Он первый начал носить высокие тугие галстуки на щетине, прозванные его именем «горголиями». В 1808 году его посылали с каким-то поручением к Наполеону, бывшему тогда в Байоне, и по приезде оттуда его назначили санкт-петербургским обер-полицеймейстером. По природе он был очень добрый и давал много воли своим подчиненным. Вскоре по его назначении явилось в городе стихотворение, которое оканчивалось следующим двустишием:

*Как не любить по доброй воле
Ивана Савича Горголи.*

Когда это стихотворение попало на глаза Горголи, то он, улыбнувшись, добавил:

А то он вам задаст же соли...

Горголи был женат на одной из воспитанниц И. И. Бецкого.

Вид на Москву из Кремля. Литография А.

Дюрана. 1844. Фрагмент

Вид на Москву с балкона Кремлевского дворца в сторону Москворецкого моста. Гравюра Ф. Лорие (?) по рисунку Ж. Делабарта. 1797. Фрагмент

Глава II

Моровая язва. – Общая паника на улицах столицы. – Мортусы. – Воспоминания Страхова. – Бегство главнокомандующего из Москвы. – Народный бунт. – Убийство архиепископа Амвросия. – П. Д. Еропкин. – Приезд князя Г. Г. Орлова в Москву. – Суд над убийцами архиепископа. – Несколько анекдотов из жизни графа Орлова. – Отъезд Орлова за границу. – Торжества 1773 года. – Триумфальные ворота. – Фельдмаршал Румянцев. – Случай с ним в молодости. – Характер его. – Дом Суворова в Москве. – Награды Румянцеву. – Несколько анекдотов из жизни Румянцева.

В 1771 году Москву посетил ужасное бедствие – в январе месяце в столице открылась страшная моровая язва. Занесена была чума в Москву войском из Турции; врачи предполагали, что ее впервые завезли вместе с шерстью на суконный двор, стоявший тогда у моста, за Москвою-рекою.

Здесь с 1 января по 9 марта умерло 130 человек; следствие открыло, что на празднике Рождества один из фабричных привез на фаб-

рику больную женщину с распухшими железами за ушами и что вскоре по привозе она умерла. Чума с быстротой переносилась из одного дома в другой; самый сильный разгар чумы в Москве продолжался четыре месяца: август, сентябрь, октябрь и ноябрь. Жители столицы впали в уныние, сам главнокомандующий, граф Салтыков, бежал из Москвы в свою деревню; в городе в это бедственное время не было ни полиции, ни войска; разбои и грабежи стали производиться уже явно среди белого дня.

По словам очевидца Подшивалова, народ умирал ежедневно тысячами; фурманчики [31], или, как их тогда называли, «мортусы», в масках и вощаных плащах длинными крючьями таскали трупы из выморочных домов, другие поднимали на улице, клали на телегу и везли за город, а не к церквам, где прежде покойников хоронили. Человек по двадцати разом взваливали на телегу. Трупы умерших выбрасывались на улицу или тайно зарывались в садах, огородах и подвалах.

Вот как описывает это страшное время П. И. Страхов, профессор Московского универси-

тета, бывший еще гимназистом; брат его состоял письмоводителем в Серпуховской части при особо назначенном на это время смотрителе за точным исполнением предохранительных и карантинных мер против заразы. Этот Страхов жил у Серпуховских ворот и от отца своего имел приказ непременно доставлять каждое утро записочку, сколько вчерашний день было умерших во всей Москве, а Страхов-гимназист каждое утро обязан был ходить к брату за такими записочками. Прямая и короткая дорога была ему туда и назад по Земляному валу чрез живой Крымский мост.

«Вот бывало, – говорит он, – я в казенном разночинском сюртуке из малиноваго сукна с голубым воротником и обшлагами на голубом же стамедном подбое, с медными желтыми большими пуговицами и в треугольной поярковой шляпе, бегу от братца с бумажкой в руке по валу, а люди-то из разных домов по всей дороге и выползут и ждут меня, и лишь только завидят, бывало, и кричат: дитя, дитя, сколько? А я-то лечу, привскакивая, и кричу им, например: шестьсот, шестьсот, и добрые

люди, бывало, крестятся и твердят: слава Богу, слава Богу! Это потому, что накануне я кричал семьсот, а третьего дня восемьсот! Смертность была ужасная и росла до сентября так, что в августе было покойников чуть-чуть не восемь тысяч, в сентябре же хватило за двадцать тысяч, в октябре поменьше двадцати тысяч, а в ноябре около шести тысяч»[32].

Отец Страхова еще на Святой неделе принял самые строгие меры предосторожности. На дворе своем, у ворот, разложил костры из навоза и поручил сыну-гимназисту, чтобы ни день, ни ночь не допускал их гаснуть; заколотил наглухо ворота, калитку запер на замок и ключ отдал ему же, строго-настрого приказав всех приходивших, не впуская во двор, опрашивать и впускать в калитку не иначе, как старательно окуривать у костра.

«Далее, – говорит Страхов, – наш приход весь вымер до единого двора, уцелел один наш двор; везде ворота и двери были настезь растворены. В доме нашего священника последняя умерла старуха; она лежала зачумленная под окном, которое выходило к нам на двор, стонала и просила, ради Бога, испытать

водицы. В это время батюшка наш сам читал для всех нас правила ко Святому Причащению, остановился и грозно закричал нам: „Боже храни, кто из вас осмелится подойти к поповскому окну, выгоню того на улицу и отдам негодьям“, так тогда называли мортусов, то есть колодников, приставленных от правительства для подбирания мертвых тел по улицам и на дворах. Окончив чтение, сам он вынул из помела самую обгорелую палку, привязал к ее черному концу ковш, почерпнул воды и подал несчастной».

Уголь и обгорелое дерево тогда было признано за лучшее средство к очищению воздуха. Первая чумная больница была устроена за заставой в Николоутрешском монастыре. Вскоре число больниц и карантин в Москве прибавилось, также были предприняты и следующие гигиенические меры: в черте города было запрещено хоронить и приказано умерших отвозить на вновь устроенные кладбища, число которых возросло до десяти, затем велено погребать в том платье, в котором они умерли. Фабрикантам на суконных фабриках было приказано явиться в карантин, не яв-

дьяввшихся же приказано было бить плетьюми; сформирован был батальон сторожей из городских обывателей и наряжен в особые костюмы. Полицией было назначено на каждой большой дороге место, куда московским жителям позволялось приходить и закупать от сельских жителей все, в чем была надобность. Между покупателями и продавцами были разложены большие огни и сделаны надолбы, и строго наблюдалось, чтобы городские жители до приезжих не дотрогивались и не смешивались вместе. Деньги же при передаче обмакивались в уксус.

Но, несмотря на все эти строгие меры, болезнь переносилась быстро. Так, один мастеровой из села Пушкина, испугавшись моровой язвы, отправился к себе в деревню, но ему хотелось купить жене обновку, и он купил в Москве для нее кокошник, который впоследствии оказался принадлежавшим умершей от чумы. Все семейство мастерового умерло быстро, а затем и все село лишилось обитателей. Точно таким образом вымер и город Козелец от купленного в Чернигове кафтана.

Как мы уже выше говорили, паника в

Москве настолько была сильна, что бежал даже московский главнокомандующий граф Петр Семенович Салтыков (известный победитель Фридриха II при Кунерсдорфе) в свое подмосковное имение Марфино; вместе с ним выехали губернатор Бахметев и обер-полицеймейстер Ив. Ив. Юшков. За оставление своего поста граф был императрицею уволен.

После него чумная Москва подпала под деятельный надзор генерал-поручика Еропкина; последнему именным указом было приказано, чтоб чума «не могла и в самый город С.-Петербург вкраться», и от 31 марта велено было Еропкину не пропускать никого из Москвы не только прямо к Петербургу, но и в местности, лежащие на пути; даже проезжающим через Москву в Петербург запрещено было проезжать чрез московские заставы. Мало того, от Петербурга была протянута особая сторожевая цепь под начальством графа Брюса.

Цепь эта стягивалась к трем местам: в Твери, в Вышнем Волочке и в Бронницах. Но, несмотря на все заставы и меры, предпринимаемые полицией, чума все более и более

принимала ужасающие размеры – фурманщички уже были не в состоянии перевозить всех больных, да и бóльшая часть из них перемерла; пришлось набирать последних из каторжников и преступников, приговоренных уже к смерти.

Для этих страшных мортусов строили особые дома, дали им особых лошадей, носилки, крючья для захватывания трупов, смоляную и вощаную одежду, маски, рукавицы и проч. Картина города была ужасающая – дома опустели, на улицах лежали непогребенные трупы, всюду слышались унылые погребальные звоны колоколов, вопли детей, покинутых родными, и вот в ночь на 16 сентября в Москве вспыхнул бунт. Причина бунта, как говорит Бантыш-Каменский[33], была следующая. В начале сентября священник церкви Всех Святых (на Кулишках) стал рассказывать будто о виденном сне одного фабричного: последнему привиделась во сне Богородица, которая сказала, что так как находящемуся на Варварских воротах ее образу вот уже более тридцати лет никто не пел молебнов и не ставил свечей, то Христос хотел послать на

Москву каменный дождь, но Она умолила Его и упросила послать на Москву только трехмесячный мор. Этот фабричный поместился у Варварских ворот, собирал деньги на какую-то «всемирную свечу» и рассказывал свой чудесный сон.

Толпы народа повалили к воротам, священники бросили свои церкви, расставили здесь аналои и стали служить молебны. Икона помещалась высоко над воротами – народ поставил лестницу, по которой и лазил, чтоб ставить свечи; очень понятно, что проход и проезд был загроможден. Чтобы положить конец этим сборищам, весьма вредно действующим при эпидемиях, митрополит Амвросий думал сперва убрать икону в церковь, а собранную на нее в поставленном там сундуке немалую сумму отдать на Воспитательный дом. Но, не решаясь лично взять на себя ответственность, он посоветовался с Еропкиным; последний нашел, что брать икону в смутное время небезопасно, но что сундук можно взять, и для этого послал небольшой отряд солдат с двумя подьячими для наложения печатей на сундук.

Народ, увидя это, закричал: «Бейте их! Богородицу грабят! Богородицу грабят!» Вслед затем ударили в городской набат у Спасских ворот и стали бить солдат. Архиепископ Амвросий, услышав набат и видя бунт, сел в карету своего племянника, жившего также в Чудовом монастыре, и велел ехать к сенатору Собакину; последний со страху его не принял, и от него владыко поехал в Донской монастырь.

Мятежники кинулись в Кремль, многотысячная толпа была вооружена и неистово вопила: «Грабят Богородицу!» Толпа ворвалась в Чудов монастырь и накинулась на все: в комнатах и в церквях рвала, уничтожала и кощунствовала; вслед за тем были разбиты чудовские погреба, отдаваемые внаймы купцу Птицыну, – все вино было выпито. Между тем Амвросий, видя себе неизбежную гибель, просил у Еропкина, чтобы он дал ему пропускной билет за город. Вместо билета Еропкин прислал ему для охраны его особы одного офицера конной гвардии, но пока закладывали для Амвросия лошадей, толпа ворвалась в Донской монастырь. Амвросий, предчувствуя

свою гибель, отдал свои часы и деньги племяннику своему, находившемуся при нем все время, и велел ему искать спасения, а сам пошел в церковь, одев простое монашеское платье; увидев, что толпа черни стремится в храм, Амвросий приобщился Святых Тайн и затем запрятался на хорах церкви.

Бунтовщики кинулись в алтарь и стали всюду искать свою жертву. Они не щадили ничего, опрокинули престол. Увидя, что хоры закрыты, они отбили замки и кинулись туда, и там, не найдя Амвросия, хотели сойти, как какой-то мальчик заметил ноги и платье несчастного мученика и закричал: «Сюда! сюда! Архиерей здесь!» Толпа с яростью накинулась на невинную жертву и потащила его из храма. Здесь, выведя его в задние ворота к рогатке, ему сделали несколько вопросов, на которые он ответил, и, казалось, слова архипастыря тронули многих, как вдруг из соседнего монастырского кабака выбежал пьяный дворовый человек г. Раевского, Василий Андреев, и закричал: «Чего глядите вы на него? Разве не знаете, что он колдун и вас морочит?» Сказав это, он первый ударил невинного стра-

дальца колом в левую щеку и поверг его на землю, а затем и остальные изверги накинулись на несчастного архиепископа и убили его.

По словам биографа Амвросия, тело его лежало на улице весь день и ночь. На месте, где убит был архиепископ, в память этого прискорбного случая был воздвигнут каменный крест. Убийцы, покончив с Амвросием, кинулись было к Еропкину, который жил на Остоженке, в доме, где теперь коммерческое училище[34], но тот уже в это время вызвал стоявший в тридцати верстах от Москвы великолукский полк, принял над ним начальство и отправился с ним в Кремль.

Выехав из Спасских ворот, он увидел, что вся площадь была покрыта народом. Еропкин подъехал к бунтовщикам верхом вместе с своим берейтором и стал их уговаривать разойтись, но толпа кинулась к Кремлю, кидая в Еропкина камнями и поленьями; одно из них попало ему в ногу и сильно ушибло. Видя, что увещания не действуют, Еропкин, поставив перед Спасскими воротами два орудия, приказал стрелять холостыми заряда-

ми в народ. Толпа, увидя, что убитых нет, закричала: «Мать крестная Богородица за нас!» – и кинулась к Спасским воротам. Тогда Еропкин приказал зарядить картечью, и на этот раз грянул выстрел, оставивший многих убитых и раненых.

После этого толпа в страхе кинулась на Красную площадь и прилегающие улицы; вслед за ней поскакали драгуны, переловившие многих бунтовщиков. Еропкин два дня не слезал с лошади и был первым во всех стычках с народом. По усмирении бунта он послал к императрице донесение о происшествии, испрашивая прощения за кровопролитие.

Екатерина милостиво отнеслась к поступку Еропкина и наградила его Андреевскою лентою через плечо и дала 20 000 рублей из кабинета и хотела пожаловать ему четыре тысячи душ крестьян, но он отказался, сказав:

– Нас с женой только двое, детей у нас нет, состояние имеем, к чему же нам набирать себе лишнее.

Позднее, когда он был московским главным командующим, то не переехал в казенный

дом и денег, отпускаемых казной для приема гостей, не брал.

В посещение императрицей Екатериной II Москвы он давал ей праздник у себя в доме, и, когда она его спросила: «Что я могу для вас сделать, я желала бы вас наградить», – он отвечал:

– Матушка государыня, доволен твоими богатыми милостями, я награжден не по заслугам: андреевский кавалер, начальник столицы, заслуживаю ли я этого?

Императрица не удовольствовалась этим ответом и опять ему сказала:

– Вы ничего не берете на угощение Москвы, а между тем у вас открытый стол, не задолжали вы? Я заплатила бы ваши долги.

Он отвечал:

– Нет, государыня, я тяну ножки по одежке, долгов не имею, и что имею, тем угощаю, милости просим кому угодно моего хлеба-соли откусать. Да и статочное ли дело, матушка государыня, мы будем должать, а ты, матушка, станешь за нас платить долги.

Видя, что Еропкину дать нечего, государыня прислала жене его орден Св. Екатерины.

По наружности П. Д. Еропкин был высоко-го роста, весьма худощавый, несколько сторб-ленный, очень приятной внешности, в моло-дости он был красавцем и замечательным си-лачом. Глаза у него были большие, очень зор-кие, но довольно впалые, нос орлиный; он пудрился, носил пучок и был причесан в три локона (*à trois marteaux*). Еропкин был очень умен, великодушен, благороден, бескорыстен и, как немногие, в обхождении очень прост. Езжал он цугом в шорах с верховым впереди, при остановках у ворот и у подъездов верховой трубил в рожок, давая тем знать о приезде главнокомандующего. Вставал он по утрам рано, начинал всегда день молитвою, и когда одевался, то заставлял прочесть себе житие святого того дня. Со своих крестьян оброку брал в год не больше двух рублей. Родился Еропкин в 1724 году, умер в 1801 году легко, точно уснул, отыграв три пульки в роком-боль. Еропкин был замечательный стрелок из лука, он снимал стрелой яблоко с головы мальчика.

По усмирении бунта в Москву был при-слан князь Гр. Гр. Орлов; он приехал в столи-

цу 26 сентября, когда стояли ранние холода и чума заметно уже ослабевала. Вместе с Орловым прибыли команды от четырех полков лейб-гвардии с необходимым числом офицеров. По приказу Орлова состоялось 4 октября торжественное погребение убитого Амвросия.

Префект Московской академии Амвросий на похоронах сказал замечательное слово. В течение целого года покойного поминали во все службы, а убийцам возглашалась анафема. Убийцы Амвросия, Василий Андреев и Иван Дмитриев, были повешены на том самом месте, где совершено убийство. К виселице были приговорены еще двое – Алексей Леонтьев и Федор Деянов, но виселица должна была достаться одному из них по жребию; остальных шестьдесят человек: купцов, дьячков, дворян, подьячих, крестьян и солдат – было приказано бить кнутом, вырезать ноздри и сослать в Рогервик на каторгу; захваченных на улице малолетних приказано было высечь розгами, а двенадцать человек, огласивших мнимое чудо, велено сослать вечно на галеры с вырезанием ноздрей.

И с этих же дней вышел приказ прекра-

тить набатный звон по церквам и ключи от колоколен иметь у священников. Казнь над преступниками была совершена 21 ноября. По приезде в Москву Орлов многими благоразумными мерами способствовал окончательному уничтожению этой губительной эпидемии и восстановлению порядка. Он с неустрашимостью стал обходить все больницы, строго смотрел за лечением и пищей, сам глядел, как сожигали платье и постели умерших от чумы, и ласково утешал страждущих. Несмотря на такие высокочеловеческие меры, москвичи смотрели на него недружелюбно и на первых же порах подожгли Головинский дворец, в котором он остановился.

Но вскоре народ оценил его заботы и стал охотно идти в больницы и доверчиво принимать все меры, вводимые Орловым. По истечении месяца с небольшим после его приезда государыня уже писала ему: «...что он сделал все, что должно было истинному сыну отечества, и что она признает нужным вызвать его назад».

Около 16 ноября Орлов выехал из Москвы; от шестинедельного карантина в городе

Торжке императрица освободила его собственноручным письмом. Въезд Орлова в Петербург отличался необыкновенной торжественностью; в Царском Селе, на дороге в Гатчину, ему были выстроены триумфальные ворота из разноцветных мраморов по рисунку архитектора Ринальди; вместе со множеством пышных надписей и аллегорических изображений на воротах красовался следующий стих тогдашнего поэта В. И. Майкова: «Орловым от беды избавлена Москва».

В честь Орлова была выбита медаль, на одной стороне которой он был изображен в княжеской короне, на другой же представлен город Москва, и впереди, в полном ристании на коне сидящий, в римской одежде, князь Орлов, «аки бы в огнедышащую бездну ввергающийся», в знак того, что он с неустрашимым духом за любовь к отечеству и для спасения Москвы живота своего не щадил. Кругом надпись: «Россия таковых сынов в себе имеет», внизу: «За избавление Москвы от язвы в 1771 году».

По поводу первой надписи Карабанов рассказывает, что Орлов не принял самую импе-

ратрицею вручаемые ему для раздачи медали и, стоя на коленях, сказал:

– Я не противлюсь, но прикажи переменить надпись, обидную для других сынов отечества.

Выбитые золотые медали были брошены в огонь и появились с поправленною надписью: «Таковых сынов Россия имеет». После Москвы Орлов никаких уже больше полномочий не получал и жил на покое. Под конец своей жизни он влюбился в свою двоюродную сестру, Е. Ник. Зиновьеву. Они обвенчались вопреки постановлениям греко-российской церкви. Незаконный брак был судим в совете, и члены приговорили их заключить в монастырь, один только Кирилл Разумовский был за Орлова, сказав товарищам-судьям, что «лежащего не бьют, и еще так недавно все бы из нас считали себя счастливыми быть приглашенными на эту свадьбу».

Императрица Екатерина не утвердила приговора, сказав, что рука ее не подпишет подобной бумаги и было бы грешно забыть, чем она обязана Орлову. Государыня на другой день назначила красавицу-жену Орлова в

свои статс-дамы, наградив ее орденом Св. Екатерины и несколькими вполне царскими подарками.

Года через четыре после своей свадьбы Орлов повез свою супругу за границу на воды – у ней открылась чахотка. Княгиня Орлова через год скончалась в Лозанне. Смерть нежно любимой жены сильно повлияла на Орлова – он помешался в рассудке и почти безумный возвратился в Петербург и отсюда был отвезен братьями в Москву и помещен там в их доме, под Донским, в знаменитом Нескучном.

В ночь на 13 апреля 1783 года Орлов скончался. 17 апреля с царскою почестью он был отпет в Донском монастыре и затем перевезен в подмосковное село Орловых, Отраду. Здесь тело князя покоилось только до 1832 года; в этом году графиня Анна Алек. Орлова-Чесменская перенесла прах его в построенный ею новгородский Юрьевский монастырь и положила рядом с его братьями.

Москва при Екатерине видела всех замечательных лиц своей эпохи; в стенах Белокаменной отдыхали утомленные благами фортуны и власти первые вельможи и государ-

ственные люди XVIII века. Москва при Екатерине, как говорит Карамзин, прослыла «республикой», в ней было больше свободы в жизни, но не в мыслях, более разговоров, толков о делах общественных, нежели в Петербурге, где умы развлекаются двором, обязанностями службы, исканием, личностями.

Князь Вяземский говорит: в Петербурге сцена, в Москве зрители; в нем действуют, в ней судят. И какие большие актеры, обломки славного царствования Екатерины, проживали в былое время в Москве, каких лиц изменчивая судьба не закидывала в затишье московской жизни. Орловы, Остерманы, Голицыны, Разумовские, Долгорукие, Дашкова – одна последняя княгиня своею историческою знаменитостию, своенравными обычаями могла придать особенный характер тогдашним московским гостиним.

Но не одни опальные и недовольные, покидая службу, переселялись в Москву, – были и такие, которые, достигнув известного чина, оставляли службу и жили для семейства в древней столице. Многие из помещиков приезжали на зиму в Москву и жили открытыми

домами. Московское благородное собрание и дворянский клуб, начиная от вельможного до мелкопоместного дворянина, собирали в свои залы по вторникам от трех до пяти тысяч человек. Эти вторники для многих служили исходными днями браков, семейного счастья и блестящих судеб.

Но особенно отличались москвичи своими пышными, почти сказочными празднествами, когда им приходилось чествовать государыню или заезжих полководцев. Так, например, с зимы 1773 года в Москве затевалось еще небывалое по великолепию и роскоши празднество в честь побед наших войск в Турции.

С весны на Ходынке стали возводиться разные крепости, города наподобие отнятых у турок, строились также театры, галереи, храмы, беседки и проч. Дворянство и купечество воздвигло для встречи государыни и виновника торжеств графа Румянцева-Задунайского двое триумфальных ворот. Первые триумфальные ворота были воздвигнуты на средства московского дворянства у Тверской заставы.

Улица, идущая от этой заставы, в то время

называлась не Тверскою, а Царскою. Ворота были вышиною в сорок восемь аршин, украшены они были столбами коринфской архитектуры, наместо крыши на них находился пьедестал для вызолоченной статуи – посланницы небес в виде воинственной женщины, в правой руке которой была громовая стрела, а в левой – щит с именем императрицы и пальмовою ветвью, внутренняя же часть ворот представляла храм побед. Другие триумфальные ворота были построены на средства купечества у бывшего тогда каменного большого здания, с тяжелыми железными воротами, которые на ночь в то время замыкались. Замечательно, что эти железные ворота были украдены ворами в одну темную ночь и, несмотря на тщательные поиски полиции, не отысканы.

Вторые триумфальные ворота были украшены скульптурными и живописными изображениями, представляющими подвиги наших войск; вместо кровли на них было несколько ступеней, на которых помещалась статуя в восемь аршин вышиною, представляющая славу (фаму).

Помимо этих двух ворот, Никольские и Воскресенские ворота были также украшены разными символическими изображениями из мифологии. Екатерина желала, чтобы виновник торжества, граф П. А. Румянцев, явился в столицу в древней колеснице, подобно римскому победителю. Но победитель оттоманов униженно просил государыню о вступлении в Москву без торжеств и почестей. Екатерина уступила Румянцеву, но с тем только, чтобы он принял с приветствиями и поздравлениями всех собравшихся для этого случая в Москве сановников и военных.

Скромный кагульский герой[35], по словам современников, в молодости отличался необыкновенным удальством; особенно Румянцев не знал препятствий по части побед над прекрасным полом и очень часто торжествовал над непреклонными. Так, однажды, заплатив одному оскорбленному мужу двойной штраф, он в тот же день воспользовался правом своим, сказав мужу, что последний не может жаловаться, потому что получил уже вперед удовлетворение. Об этом поступке молодого полковника Румянцева было доведено

до сведения набожной Елисаветы Петровны, и, в уважение заслуг отца его, провинившегося в нескромной шалости Румянцева императрица отправила к отцу для исправления, и будущий фельдмаршал понес телесное отеческое наказание, хотя и был в полковническом чине.

Граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский был высокого роста, стан имел очень стройный, величественный, отличался превосходною памятью и крепким сложением, не забывал никогда, что читал и видал, не знал болезней, семидесяти лет от роду делал в день по пятидесяти верст верхом не уставая, вел жизнь в лагере, как простой солдат, вставал по утрам на заре и, несмотря на строгость военной тогдашней дисциплины, не делал никого из подчиненных несчастными, а только трунил над сибаритами и лентяями. Так, раз, обозревая на рассвете свой лагерь, заметил офицера, отдохавшего в халате, начал с ним разговаривать, взял его под руку, вывел из палатки, прошел мимо войск и потом вступил вместе в шатер фельдмаршальский, окруженный генералами и штабом.

Делами своими занимался сам, без помощи секретаря; сам распечатывал и читал свои письма и бумаги. Обыкновенно он ничего не подписывал в присутствии своего секретаря, чтобы на досуге с спокойным духом перечсть написанное.

В его время князь Потемкин представлял в государстве первое лицо и могуществом своим затемнял заслуги всех преемников на военном поприще. Потемкин много неприятностей причинил Румянцеву, но последний никогда не жаловался на это, а единственно только избегал говорить о нем. Когда до Румянцева дошло известие о его смерти, то великодушный герой не мог удержаться от слез.

– Чему удивляетесь вы? – сказал он своим домашним. – Потемкин был мне соперником, но Россия лишилась в нем усерднейшего сына.

Румянцев любил часто беседовать о своем друге Суворове, который всегда являлся к нему в полном мундире и забывал при нем шутки свои. Суворов, по преданию, тоже избегал тех торжеств, которые были предложены победителям в Москве. Он так же скромно

проживал тогда близ церкви Вознесения, на правой руке, второй или третий дом, если идти от Кремля. Незадолго до 1812 года дом Суворова был куплен каким-то медиком и позднее, после пожара, принадлежал купцу Вейеру.

Вся родня князя Италийского похоронена при церкви Феодора Студийского. Эта церковь в нескольких шагах от Суворовского родового дома, она была прежде монастырем, устроенным в память Смоленской Богоматери. В этой церкви гениальный полководец приучал себя читать Апостола и при всяком выезде из Москвы никогда не оставлял своих родителей без особых поминовений. Он тут и в церкви Вознесения служивал то молебны, то панихиды. Московские старожилы, жившие в пятидесятых годах, еще помнили, как Александр Васильевич сам, сделав три земных поклона перед каждою местною иконою, ставил свечку, как он служивал молебны, стоя на коленях, и как он благоговейно подходил под благословение священника.

За Кучук-Кайнарджийский мир, который так торжественно праздновала Москва на

Ходынском поле, Румянцев получил до двенадцати наград. Под конец своей жизни он избрал местопребыванием своим поместье Ташань в окрестностях Киева, там он построил себе дворец, но для своего жилья выбрал только две комнаты. Любимым его занятием было чтение книг.

– Вот мои учителя, – говорил Румянцев, указывая на них.

Часто, в простой одежде, сидя на пне, удил он рыбу. Однажды приезжие отыскивали в саду кагульского героя, чтобы посмотреть на него, и обратились к Румянцеву с вопросом, где бы увидеть графа?

– Вон он, – сказал ласково Румянцев, – наше дело города пленить да рыбу ловить.

В богато убранном дворце графа в нескольких комнатах стояли простые дубовые стулья.

– Если великолепные комнаты, – говорил он, – внушают мне мысль, что я выше кого-либо из людей, то пусть сии простые стулья напоминают, что и я такой же простой человек, как и все.

Граф Румянцев очень любил курить из глиняных трубок; назначенный к нему в ар-

мию во время турецкой войны один чиновник по дипломатической части вздумал угостить ему, захватив для него целый ящик таких трубок, но не позаботился уложить их. Фельдмаршал очень обрадовался, потому что трубок у него оставалось немного, и приказал раскрыть при себе ящик, а когда увидел одни обломки, то, рассердясь, сказал, указывая на свое сердце: «Тут-то много...», а потом на голову: «да здесь нет».

Супруга графа Румянцева, зная непостоянство своего мужа, по случаю какого-то праздника послала в армию к нему подарки, в числе которых было несколько кусков на платье его любезной. Задунайский, тронутый до слез, сказал о супруге:

– Она человек придворный, а я – солдат; ну, право, батюшки, если бы знал ее любовника, послал бы тоже ему подарки.

Румянцев умер от удара 3 декабря 1796 года, на семьдесят втором году от рождения. По смерти, когда открыли его кабинет, то нашли в его бумагах пакет с надписью: «Относящееся лично до меня». Думали, что это завещание, но, открыв, нашли два письма: одно бы-

ло от императрицы, которая предлагала ему сан гетмана малороссийского; второе заключало скромный отказ Румянцева и просьбу это достоинство заменить званием генерал-губернатора.

После его смерти были найдены многочисленные доказательства его благотворительности и щедрости; пенсии, которые он давал втайне бедным, доходили до 20 000 рублей в год. Тело Румянцева с воинскою пышностью было отвезено в Киев, где было выставлено в продолжение восьми дней и затем предано земле в церкви Киевской лавры.

В память побед Румянцева был сооружен в Петербурге гранитный обелиск в 70 футов вышины по плану архитектора Бренна. На мраморном пьедестале обелиска надпись: «Румянцева победам».

Празднование мира с Турцией отличалось необыкновенною торжественностью: в дни празднеств вся Москва, по словам современников, очутилась на Ходынском поле, все лавки в городе были закрыты, лучшие товары были перевезены во временно устроенные магазины на Ходынке, большая часть азиат-

ских товаров, продаваемых на Макарьевской ярмарке, была привезена тоже сюда.

Въезд императрицы в Москву был очень пышен. Государыня въехала в золотой карете, запряженной восьмеркой лошадей, богато убранных; при въезде в Воскресенские ворота по всем церквам раздался колокольный звон, пошла перекатная пушечная пальба и заиграла военная музыка. Москвичи встретили царицу хлебом-солью. Екатерина остановилась на Пречистенке, во дворце, где теперь дом князя Голицына.

По случаю предполагаемого мирного торжества с турками к этому Пречистенскому дворцу были сделаны огромные деревянные пристройки из брусьев. Кабинет императрицы помещен был возле парадных комнат на большую улицу и по высоте был очень холоден и плохо закрыт от непогоды и ветра. Несмотря на это, государыня очень долго занималась в нем делами. По словам современников, ее секретари Теплов и Кузьмин просто коченели в нем от холода.

Однажды императрица заметила, что они очень прозябли, и приказала подать им ко-

фею, какой всегда сама употребляла. Когда секретари его выпили, то от непривычки почувствовали биение сердца и сильное головокружение; государыня, расхохотавшись, сказала:

– Теперь знаю средство согреть вас от стужи.

По приезде в Москву, в тот же день вечером, государыня отправилась в Кремль в Успенский собор ко всенощной.

Там государыня была помазана священным елеем и приложилась к ризе Господней. На другой день, в пятницу, 16 июля, была назначена торжественная церемония. В 6 часов утра дан был сигнал из пяти пушек собирать войскам, и гренадеры лейб-гвардии были поставлены в два ряда по всем улицам, по которым должно было идти триумфальное шествие из Пречистенского дворца. К 10 часам съехались все придворные особы в Кремлевский дворец, и затем двинулось шествие, предводительствуемое герольдами и церемониймейстерами.

Государыня шла в малой короне под балдахин, несомым генералами, рядом с ней на-

следник престола в адмиральском мундире с бриллиантовыми эполетами, перед государыней шел Румянцев, по сторонам процессии шли кавалергарды в своих богатых красных с золотом кафтанах, в шлемах с перьями; процессию замыкали статс-дамы и первые чины двора, залитые в золото и бриллианты.

С первых шагов процессии началась пушечная пальба, загремели трубы и литавры и раздался со всех церквей колокольный звон. В это же время из Успенского собора двинулась духовная процессия с архиереями и придворным духовенством и у врат храма приняла императрицу с крестом и святой водою и проводила к царскому месту против алтаря.

После литургии и благодарственного молебна духовенство принесло поздравление императрице, и затем церемониальное шествие опять возобновилось. Государыня отправилась теперь в Грановитую палату, где стоял для нее трон и подле лежали государственные регалии и рядом с ними патенты и награды отличившимся в турецкую войну.

Грановитая палата была издавна местом, где русские цари давали аудиенции в торже-

ственных случаях; построена она еще в 1473 году итальянским архитектором Марком Фрязиным и окончена братом его Петром Фрязиным; получила она название Грановитой от граней, которыми покрыты наружные ее стены.

Грановитая палата носила также название Большой золотой государевой палаты; последнее название произошло уже от внутреннего ее убранства – ее стены и своды в екатерининское время были расписаны по золоту. На самой середине палаты находилась четырехсторонняя колонна, которая вверху, соединяясь со стрелками сводов, поддерживает последние; ширина каждой колонны была полтора аршина, колонна со всех сторон была украшена в древнем греческом стиле лепною работою, изображающею птиц, зверей и других химерических животных под золотом; вокруг колонны бронзовая, художественно сделанная вызолоченная решетка, по которой в несколько рядов приделаны подсвечники.

Налево от входа устроено на трех скамейках в виде амфитеатра место для музыкантов; направо, в углу, под бархатным балдахином

трон государей, возвышающийся на четырех ступенях; подзоры балдахина обшиты бахромою и украшены висящими на шнурах кистями; вся палата обита темно-малиновым бархатом; шесть окон освещают палату, последние почти на сажень от пола и не велики и дают небольшой свет, отчего вся палата носит вид величественной таинственности; в простенках окон расположены в симметрии по три герба, густо вызолоченные. В Грановитой палате царь Иоанн Васильевич в 1552 году три дня угощал своих храбрых сподвижников, отличившихся при покорении Казани.

Одного серебра для подарков послам и боярам было издержано им более 400 пудов. Пожары в XVI и XVII веках не раз уничтожали великолепное внутреннее убранство Грановитой палаты. До Петра Великого палата удерживала свой первоначальный вид, но затем, позднее, внутренний вид ее изменился к худшему – вся живопись ее по штукатурке была сбита и своды перекрашены запросто.

В 1880-х годах было приступлено к восстановлению палаты в первоначальный вид, была найдена старинная подробная опись древ-

ней стенописи.

При переделке стен, когда был снят малиновый бархат, то в некоторых местах, под штукатуркой, открылись следы древних живописных по золоту орнаментов, украшавших стены залы, а самая кладка показала следы пожаров и многократных исправлений.

Теперь стенопись исполнена русскими иконописцами, крестьянами Владимирской губернии, села Палеха, братьями Белоусовыми. В Грановитой палате хранится, на большом поставце, серебряная посуда – дар русским царям от иноземных властителей; главное место в палате занимает так называемый красный угол, где, как и в старину, стоит теперь царский трон.

В Грановитой палате Екатерина II наградила героев турецкой войны многими милостями. Из Грановитой палаты государыня возвратилась во дворец на Пречистенку уже в своей походной карете. За императрицей скакала на конях ее блестящая военная свита; здесь были гусары, кавалергарды, кирасиры, затем албанцы и множество разных военных.

Граф Румянцев ехал за императрицей в бо-

гатой карете цугом. В Воскресенских воротах государыню приветствовал хор музыки торжественным маршем. За государыней следовал верхом, в красном плаще, с двумя герольдами и князь Потемкин, бросая из мешка в народ серебряные жетоны, выбитые в память мира с турками. На жетонах изображены были две масличные ветви и надпись: на одной стороне – «Мир с турками», а на другой – «Приобретен победами». Через день был назначен большой приезд ко дворцу, где была представлена мать фельдмаршала Румянцева, на которую императрица возложила ленту Св. Екатерины. Мать фельдмаршала, графиня Марья Андреевна, была дочь графа Андрея Артамоновича Матвеева.

По словам графа Сегюра: «Она в старости маститой, в параличе, была исполнена жизни: сохранила веселость, пылкое воображение, обширную память; разговор ее был столь же привлекателен, поучителен, как история, хорошо написанная». О браке отца Румянцева с ней существует следующее предание. Когда заслуги отца Румянцева при дворе Петра Великого стали заметны и последний сделался

любимцем царя, то один из вельмож предложил ему руку своей дочери и тысячу душ в приданое. Румянцев, как известно, был бедняк, сын небогатого костромского дворянина. Осчастливленный подобным предложением, Румянцев бросился к ногам царя, испрашивая согласия на брак, от которого зависело все благополучие его жизни. Подняв Румянцева, Петр спросил:

– Видел ли ты невесту и хороша ли она?

– Не видал, – отвечал Румянцев, – но говорят, что она не дурна и не глупа.

– Слушай, Румянцев, – продолжает государь, – балу я быть дозволяю, а от стовора удержишься. Я сам буду на бале и посмотрю невесту; если она действительно достойна тебя, то не стану препятствовать твоему счастью.

До 10 часов вечера ожидали царя и, полагая, что какое-либо важное дело помешало ему сдержать данное слово, начали танцевать; но вдруг Петр явился в дом невесты своего любимца, увидел ее, стоя в дверях в толпе любопытных зрителей, и, сказав про себя довольно громко: «Ничему не бывать», уехал.

Хозяин и жених были чрезвычайно огорчены этим неприятным событием.

На другой день Румянцев с печальным видом явился к царю.

– Нет, брат, – произнес царь, лишь только увидел его, – невеста тебе не пара и свадьбе не бывать, но не беспокойся, я твой сват. Положись на меня, я высватаю тебе гораздо лучшую, а чтоб этого вдаль не откладывать, приходи вечером, и мы поедем туда, где ты увидишь, правду ли я говорю.

В назначенное время государь отправился с Румянцевым к графу Матвееву.

– У тебя есть невеста? – спросил Петр, когда Матвеев вышел ему навстречу. – А я привез ей жениха.

Торжественное шествие императрицы Екатерины II с Красного крыльца в Успенский собор. Д. Андрузский с гравюры С. Путимцева по оригиналу Ж. Девельи и М. Махаева. 2-я пол. XIX в. Фрагмент

Глава III

Рассказы про Румянцева. – Пречистенский дворец. – Народное гулянье на Ходынском поле. – Фейерверк и парадные спектакли. – Устройство праздников по плану Екатерины II. – Присутствие императрицы на праздниках. – Приезд турецкого посла. – Парадный прием турецкого посланника Абдул-Керима. – Подарки султана. – Главнокомандующий Москвы князь М. Н. Волконский. – Характеристика этого вельможи. – Ассигнационный банк в Москве. – Первое появление ассигнаций. – «Меновные лавки». – Фальшивые ассигнации. – Пугачевский бунт. – Толки о нем в Москве. – Привоз Пугачева в Москву. – Суд над Пугачевым и казнь его на Болоте. – Приезд императрицы в Москву. – Реформы Екатерины II и разные милости. – Указ об экипажах и ливреях. – Пребывание государыни в Москве.

Неожиданное предложение привело графа в большое замешательство, тем более что он считал Румянцева как бедного дворянина недостойным руки своей дочери. Государь тотчас отгадал мысль Матвеева.

– Ты знаешь, – произнес он, – что я его люблю и что в моей власти сравнять его с самыми знатнейшими.

Нечего было делать графу, пришлось согласиться на желание такого свата. Девятнадцатилетняя дочь графиня Марья Андреевна была объявлена невестою Румянцева.

Существует еще другое предание про эту свадьбу. Бывши еще в девушках, графиня Матвеева была замечена Петром I, и однажды Петр из ревности, рассердясь на нее в Екатерингофе, телесно наказал ее на чердаке из своих рук и вскоре после того против желания ее родителей выдал за неимущего дворянина Румянцева.

После свадьбы Румянцев был произведен в бригадиры с пожалованием ему нескольких деревень. В царствование императрицы Екатерины I и Петра II он быстро шел по службе, но в грозное время временщика Бирона, за отказ принять должность главноуправляющего государственными доходами, был лишен чинов и знаков отличия и сослан в Казанскую губернию на жительство.

Там три года, как преступник, под строгим караулом влачил он бедственную жизнь. Наконец был прощен и назначен губернатором в Казань, а потом в Малороссию.

При императрице Елисавете Петровне он получил пост полномочного посланника в Константинополе, затем с успехом занимал на конгрессе в Або место полномочного от

российского двора, где успел склонить шведских министров к выгодному миру для России, за что и награжден графским титулом, — он вскоре после этого и умер, в 1749 году, семидесяти лет от роду.

Жена его графиня Марья Андреевна скончалась 4 мая 1788 года, на девяностом году от рождения, и погребена в Невском монастыре, в Благовещенской церкви.

Сын фельдмаршала граф Николай Петрович был большой любитель и собиратель древностей, рукописей, редкостей и разных диковинок; музей его теперь известен в Москве. Граф имел свой дом на Покровке, и там во многих комнатах на потолках были рисованные и барельефные изображения батальей, где участвовал его отец Задунайский.

Этот дом впоследствии купил какой-то купец и соскоблил и счистил все эти славные воспоминания. Сын фельдмаршала жил не подолгу в Москве; он служил в Петербурге и был канцлером до 1812 года.

Под конец своей жизни граф Н. П. Румянцев отличался большими странностями. При нем самым приближенным человеком состо-

ял его домашний шут, гермафродит Ион Иванович, или, как тогда все называли, Анна Ивановна; последний ходил в чепце и женском капоте, вязал чулок и шил в пальцах. Этот шут отличался крайне сварливым характером, брюзжал и злился на всех и часто дрался. Колотушки его нередко попадали и на долю самого графа, который сносил их с христианским смирением.

По рассказам, этот шут после таких побоев приносил к Румянцеву всегда горсть медяков в вознаграждение за побои и на эти медные деньги граф покупал деревянное масло, которое и теплил перед своим образным киотом в спальне.

Время пребывания императрицы в Москве, как мы выше говорили, ознаменовалось народными праздниками. Все эти празднества были устроены по мысли государыни.

Вот как она излагает свои планы празднеств в письме к Гримму:

«Так как вы говорите мне о праздниках по случаю мира, послушайте, что я вам расскажу, и не верьте всем вздорам, которые пишут в газетах. Сочинили было проект, похожий на

все праздники: храм Янусу, храм Бахусу, храм диаволу и его бабушке и преглупые аллегории, нелепые уже потому, что они были чудовищно громадны: это были гениальные усилия породить что-то, вполне лишенное здравого смысла.

Сильно рассерженная этими великолепными и обширными проектами, которые я отвергла, я в одно прекрасное утро призвала своего архитектора Баженова и сказала ему:

– Друг мой, в трех верстах от города есть луг; вообразите себе, что этот луг Черное море, что из города доходят до него двумя путями; ну, так один из этих путей будет Дон, а другой – Днепр; при устье первого вы постройте обеденный зал и назовете его Азовом; при устье другого вы устройте театр и назовете его Кинбурном. Вы обрисуете песком Крымский полуостров, там поставьте Керчь и Еникале, две бальные залы; налево от Дона вы расположите буфет с вином и мясом для народа, против Крыма вы зажжете иллюминацию, чтобы представить радость двух империй о заключении мира. За Дунаем вы устройте фейерверк, а на той земле, которая долж-

на представлять Черное море, вы расставите освещенные лодки и суда; берега рек, в которые обращены дороги, вы украсите ландшафтами, мельницами, деревьями, иллюминированными домами, и вот у вас будет праздник без вымыслов, но зато прекрасный, а особенно естественный.

Мой друг, восхищенный этой мыслию, тотчас схватился за нее, и так готовится праздник. Я забыла вам сказать, что направо от Дона будет ярмарка, окрещенная именем Таганрога... Правда, что море на твердой земле не совсем имеет смысл, но простите этот недостаток...»

Празднества, как мы уже говорили, вышли чрезвычайно удачны: благодаря простору, не было ни одного несчастья, которое бы омрачило народное веселье. Народное гулянье открылось на Ходынке 21 июля; торжества начались с утра этого дня и тянулись несколько дней подряд. На поле, как мы уже говорили, были построены разные крепости и города с турецкими названиями; были здесь залы бальные и обеденные, стоял и театр, был выстроен и потешный деревянный дворец; впо-

следствии он был перенесен на Воробьевы горы и поставлен на каменные подклеты, оставшиеся от прежних царских теремов.

Кругом этого дворца разбит большой сад и аллеи. Все постройки на Ходынском поле были сделаны на турецкий образец, с разными вычурами: башнями, каланчами, с высокими минаретами, как при мечетях. На поле была устроена огромная ярмарка или базар на восточный манер, стояли кофейные дома, давалось народу даровое угощение, обеды и разные театральные представления. Места для зрителей были устроены на подмостках в виде кораблей с мачтами и парусами, в разных местах, которые названы именами морей, где Черное, Азовское, где река Дон; на острове Фанагории устроен театр для балансеров; в Азове и в Ногайских ордах стояли обеденные столы с жареными быками, с золочеными рогами, на каланчах били фонтаны вином.

С прибытием государыни на поле празднеств был подан сигнал к началу пиршества, многотысячная толпа быстро расхватала все яства. Государыня смотрела на гулянье с красиво устроенной для нее галереи, на которой

стояла роскошно отделанная серебром и покрытая тигровым бархатом и белым атласом с букетами мебель, в окнах галереи виднелись фарфоровые вазы с цветами. Для императрицы и августейшего семейства в Азовской крепости был приготовлен на пяти столах обед на 139 персон, после обеда на театре давали французскую комедию.

После этого шла в одной из галерей и русская опера «Иван-царевич», затем был маскарад, где танцевали особенный для этого случая кадрили кавалеры и дамы, одетые в богатые турецкие и рыцарские костюмы.

На другой день государыня в городке «Таганроге» закупала богатые азиатские товары на большие суммы, вечером она отправилась на корабли, с которых и смотрела на блистательный фейерверк, изображавший Чесменскую битву. Фейерверк этот устраивал генерал-поручик Мелиссино. После фейерверка государыня на возвратном пути ко дворцу проезжала по дороге, по одним сторонам которой были устроены деревянные щиты с разноцветными шкаликами и плошками. По закрытии торжеств вскоре в Кремле был парад-

ный прием турецкого посла с грамотой о вечном мире и подарками.

Присланный посол от турецкого султана был Абдул-Керим. Церемониальный въезд его от подъездного дома на Якиманской улице через Каменный мост, затем по Моховой, Никольской в посольский дом на Солянке был необыкновенно пышен; посол ехал в золотой карете в восьмерку белых лошадей с многочисленной свитой арабов, гайдуков, скороходов, окруженной придворными чинами в золотых кафтанах.

Аудиенция его у императрицы вышла также не менее торжественна. Подарки, поднесенные послом, были необыкновенно ценны: в них обнаружилась вся роскошь сказочного Востока.

В числе подарков было золотое зеркало, осыпанное алмазами и рубинами, с арабскою надписью следующего содержания: «Благословение и счастье, удовольствие и спасение, честь и победа, благая помощь и сила, власть и могущество, слава и долголетие владельцу». Драгоценнейший веер с алмазами, сапфирами, изумрудами и рубинами, такой же цены

седло, усыпанное многоценными камнями, пернат[36] и сабля, украшенная алмазами, яхонтами и жемчугами. Екатерина II осталась довольна подарками своего друга Абдул-Гамида, как она в шутку называла султана, и в своих письмах к иностранцам говорила: «Мне кажется, что дружба и согласие, которые установились между возлюбленным моим братом Абдул-Гамидом и мною, заставляют многих худеть».

Хотя мир с турками и был заключен, но завистливая Европа не переставала интриговать в Турции; точно так же и в то время, как теперь, турки беспрестанно нарушали условия мирного договора. По этому поводу государыня писала через два года к Гримму: «По имени мир наш существует, на деле же марабу (этим именем она часто называет турок) ежедневно его нарушают пункт за пунктом и потом опять хотят ставить заплаты... Мой братец Абдул-Гамид все тот же». Окончательного подписания некоторых пояснительных статей Кучук-Кайнарджийского мира императрица дождалась только спустя четыре года после войны, в чем ей помог своим влиянием

французский посланник Сен-При; последний получил за это от императрицы Андреевскую звезду с алмазами.

После Салтыкова был назначен в Москву главнокомандующим князь М. Н. Волконский (1713–1789). Это был один из выдающихся вельмож века Екатерины, умный и добрый, с низшими необыкновенно обходительный и гордый только с временщиками. Императрица два раза мирила его с Потемкиным. Он успешно отправлял все важные государственные должности, возлагаемые на него государыней. В 1771 году назначенный главнокомандующим в Москву, на этом важном тогда посту он блистательно управляет столицей и деятельно ведет переписку с императрицей; при нем в Москве учреждается банк для вымена государственных ассигнаций, директором которого как в Москве, так и в Петербурге назначается граф Андрей Петрович Шувалов.

Первая контора ассигнационного банка была открыта на Мясницкой, в приходе архи-диакона Евпла: здесь был обмен ассигнаций и медной монеты; последняя хранилась в подвалах и особых кладовых; то и другое име-

ло необыкновенную сырость, и мешки с медью, производя постоянную россыпь, требовали нового счета, новой поверки; позднее в этом доме была винная контора. Сперва ассигнации в публике встретили недоверие, но вскоре кредит бумажных денег и требование на них сильно возросли, но банк туго их выдавал, вследствие этого в Москве открылись меняльные лавки, или, как их тогда называли, «меновные лавки». Промен в последних в первое время существовал следующий: меняя крупные ассигнации на мелкие, платили промену по грошу с рубля; разменивая ассигнации на медь, брали по пяти копеек с рубля; разменивая рублевики на ассигнации – по десяти копеек с рубля; а рублевики на медные деньги – по восьми копеек с рубля. Первые ассигнации были следующего достоинства: 25, 50, 75 и 100 рублей.

По случаю появившихся фальшивых ассигнаций, переделанных из 25-рублевого достоинства в 75-рублевые, повелено впредь не делать 75-рублевых ассигнаций и всенародно было объявлено, чтобы каждый частный человек, имеющий такие ассигнации, в уста-

новленный срок представлял их для обмена на другого достоинства.

Подделывателями ассигнаций явились два брата Пушкиных, Сергей и Михаил, и Федор Сукин. Сергей Пушкин привез из-за границы штемпеля, литеры и бумагу для делания поддельных ассигнаций. Екатерина II ревностно взялась за преследование подделывателей и собственноручную прислала записку Волконскому, в которой выписывает наказание виновным: «Сергея Пушкина, который для делания штемпеля ездил в чужие края и с оными при обратном пути на границе пойман, следовательно, более других заботился о произведении сего вредного государственному кредиту дела, лишить чинов и дворянства и взвести на эшафот, где над ним переломить шпагу и поставить на лбу В, заключить его вечно, как вредного обществу человека, в какую ни есть крепость. Михаила Пушкина, как сообщника сего дела, лишить чинов и дворянства и сослать в ссылку в дальние сибирские места. Феодора Сукина, чрез колебание совести которого сие вредное дело открылось и Сергей Пушкин пойман, то смотря более на его

неокаменелость в преступлении, нежели на его действительную вину, повелеваем лишить всех чинов и сослать в ссылку в Оренбургскую губернию. Имение же всех сих отдать ближним их по законам наследникам».

Кредит государственных ассигнаций после того сильно поколебался и только пятнадцать лет спустя приобрел в народе снова свою ценность. В 1786 году ассигнации были обменены на новые образцы, заготовлено было их на 50 000 000 рублей; всех обменено было прежних ассигнаций на сумму 46 219 250 рублей. В следующем году ассигнаций было выпущено уже на 100 миллионов рублей. К концу царствования Екатерины ассигнаций в обращении было на 157 миллионов рублей.

С 1768 по 1786 год бумага для ассигнаций делалась на красносельской бумажной фабрике графа Сиверса – есть предание, что в первое время не хватило материала для приготовления бумаги и что Екатерина приказала выдать все свое старое дворцовое белье: скатерти и салфетки.

Позднее была учреждена казенная бумажная мельница в Царском Селе.

Первые ассигнации приготавливались на белой бумаге, имели вид четвероугольника, по сторонам с внутренними просвечивающимися прописями; сверху – «Любовь к отечеству», внизу – «Действует в пользу онаго», с левой стороны – «Государственная казна» и с правой – достоинство ассигнации прописью; в конце следовали для возбуждения большего доверия подписи: двух сенаторов, советника правления и директоров банка, писанные собственноручно пером. Первые ассигнации были в обращении 18 лет.

Легкий способ и неограниченное право выпускать ассигнации, заменяющие наличные деньги, дали повод министру финансов во времена Николая I графу Е. Ф. Канкрину назвать их «сладким ядом государства». При Павле I число ассигнаций возросло до 212 миллионов; при Александре I в 1810 году сумма их достигала до 577 миллионов. С 1812 по 1817 год масса всех ассигнаций, обращавшихся в народе, простиралась до 836 миллионов, зато и достоинство их упало на 75 процентов против серебряной монеты.

В течение этого времени народ привык

считать серебряную монету в 25 копеек, или четвертак, ассигнационным рублем, и серебряная монета в 25 копеек принималась за 100 копеек медной монеты. Есть свидетельство, что в Отечественную войну Наполеон, желая подорвать окончательно наш кредит, пустил в ход массу фальшивых ассигнаций; по выходе французов из Москвы крестьяне представляли военному начальству доставшиеся им по разным случаям во время неприятельского нашествия сторублевые ассигнации французского изделия, так искусно подделанные, что даже в ассигнационном банке приняли их с первого взгляда за настоящие; они отличались от русских только тем, что подпись на них была выгравирована.

Данилевский в своей истории 1812 года говорит о письме Бертье к Наполеону, где последний, между прочим, изъявляет свою горечь о потере «последней своей коляски, в которой были самые тайные бумаги». Данилевский добавляет: «В ней найдено было нами очевидное доказательство плутовства Наполеона: доска для делания фальшивых сторублевых русских ассигнаций».

Известный следователь по раскольничьим делам И. Липранди уверяет, что эти фальшивые ассигнации печатались в Москве на Преображенском кладбище: московские старожилы ему указывали в 1846 году на две комнаты на этом кладбище, в одной из которых стоял станок для делания фальшивых ассигнаций, а в другой жили французские жандармы.

Возвращаемся опять к деятельности московского главнокомандующего князя Волконского. При возникновении пугачевского бунта императрица деятельно ведет с ним переписку, советуя ему «успокоивать умы жителей древней столицы». Князю Волконскому привелось также быть главным деятелем в суде над самозванцем. В Москве чернь была в таком настроении, что правительство одно время боялось, «чтобы Пугачев не наделал в ней какой ни на есть пакости». Вера в него как в Петра III там была очень сильна; в эти-то видах Москва и была избрана местом для суда и казни Пугачева.

Князь Волконский хотел сделать ввоз Пугачева как можно более гласным; он приказал изготовить особенную повозку, на кото-

рой стояла виселица, и к ней, стоя, должен был быть прикован Пугачев; наверху над ним должна быть доска, на которой большими буквами выписаны все его злодеяния.

Но императрица проект князя не одобрила, а приказала «его привезти днем под конвоем (окроме тех, кои с ним) сот до двух донских казаков и драгун без всякой дальней аффектации и не показывая дальней уважение к сему злодею и изменнику». Пугачева привезли в Москву в 10 часов утра 4 ноября 1774 года.

Народ массами встретил повозку с ним и провожал в бесчисленном количестве по всем улицам до Монетного двора (в Охотном ряду), где была приготовлена тюрьма для Пугачева. Множество карет с дамами собралось к Воскресенским воротам; думали, что Пугачев подойдет к окну. Но этого ему сделать было нельзя: по привозе в тюрьму его приковали к стене.

Жена и сын его помещены были в отдельной комнате. Следователи Шешковский и Галахов поселились в той же тюрьме; через час прибыл в тайную экспедицию и князь Вол-

конский. К судьям в судейскую комнату ввели Пугачева, который пал на колени. Князь Волконский стал говорить с ним «исторически», каким он образом, где и когда он содеял злодеяния и т. д. На вопросы Пугачев отвечал спокойно и ясно: «Мой грех, виноват» и проч. Послал Волконский и за женой Пугачева. Казачка не знала о делах мужа и отвечала на все вопросы неведением; Пугачев бросил ее еще за три года.

Для участия в окончательном суде прибыли в Москву генерал-прокурор князь Вяземский и П. С. Потемкин, возивший в Петербург следственное дело. 9 января 1775 года была подписана сентенция. Пугачев и Перфильев приговорены были к четвертованию. Казнь совершилась 16 января 1775 года в Москве, на Болоте. Вот что передают очевидцы о казни Пугачева: «Эшафот был воздвигнут на середине площади; вокруг были поставлены пехотные полки, — начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб, по причине жестокого мороза. Здесь же был и обер-полицеймейстер Архаров со своими подчиненными.

На высоте лобного места, или эшафота,

стояли палачи. Позади фронта все пространство низкой лощины Болота, все кровли были усеяны зрителями; любопытные даже стояли на козлах и запятках карет и колясок. Вдруг все всколебалось и с шумом заговорило: „Везут! везут!“

Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной высоты сани, и в них сидел Пугачев; он держал в руках две толстые зажженные свечи из желтого воска, который, от движения оплывая, залеплял ему руки; напротив его сидел священник в ризе с крестом и еще секретарь тайной экспедиции; за санями следовал отряд конницы. Пугачев был с непокрытою головою и кланялся на обе стороны.

Сани остановились против крыльца лобного места. Когда Пугачев и любимец его Перфильев в сопровождении духовника и двух чиновников взошел на эшафот, раздалось: „На караул!“ – и один из чиновников стал читать манифест.

При произнесении чтецом имени злодея Архаров спрашивал: „Ты ли донской казак Емелька Пугачев?“ – „Так, государь, – отвечал

последний, – я“ и проч. Во все продолжение чтения манифеста он, глядя на собор, часто крестился, тогда как его сподвижник, Перфильев, стоял неподвижно, потупя глаза в землю.

По прочтении манифеста духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота.

Тогда Пугачев сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратясь к соборам; потом с оторопелым видом стал прощаться с народом, кланялся на все стороны, говоря прерывистым голосом: „Прости, народ православный“.

После этого экзекутор дал знак палачам, и палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп и стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтаныя. Тогда он всплеснул руками, опрокинулся назад, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе, палач взмахнул ее за волосы. С Перфильевым последовало то же. Четвертование было исполнено над трупами. Отрезанные части тела несколько дней выставлены были около московских застав и, наконец, сожже-

ны вместе с телами, а пепел развеян палачами. Внук Пугачева был жив еще в 1890 году; он жил в одной из московских богаделен».

Через две недели после казни Пугачева в Москву прибыла императрица Екатерина и здесь принимала участие в удовольствиях столицы, где в то время праздники следовали за праздниками.

Роскошью и разнообразием их Екатерина старалась возвысить блеск своего двора и затмить пережитое ею тревожное время. Со дня открытия законодательной комиссии, более шести лет перед этим, Екатерина не позабыла своего неудовольствия на старую столицу и, возвратясь снова в ее белокаменные стены, говорила, что чума не истребила всего политического яда, корнящегося в этом городе.

Весною 1775 года в Москве изготовлялись важнейшие из реформ екатерининского царствования – новые губернские учреждения, которые явились главным результатом законодательной комиссии; образцом для этих учреждений послужило устройство остзейских провинций. Разумеется, подобный образец имел большую поддержку в остзейцах, за-

нимавших многие значительные места при дворе и в администрации. Екатерина хотела сначала ввести новые учреждения только в Твери, в виде опыта. Но, как уверяет Сиверс, совет, состоявший из придворных льстецов, бросился к ее ногам и со слезами умолял немедленно обратиться в закон такое великое благодеяние. Императрица уступила, и проект сделался законом.

В Москве также в это время вышел манифест «о высочайших дарованных разным условиям милостях по случаю заключенного мира с турками». В числе пунктов этого манифеста был один, который унижал достоинство граждан и облегчал чиновникам и недобросовестным богачам способы притеснять мелких торговцев.

Пункт этот предписывал гражданам, не имеющим капитала свыше 500 рублей, называться не купцами, а мещанами и платить по-прежнему подушные; купцы же всех трех гильдий освобождались от подушного и обязывались платить по одному проценту с «объявленного им по совести» капитала. Про этот манифест государыня писала к Гримму, что

он ее лишает полутора миллиона дохода. Также не менее неудовольствия в Москве произвел указ и 3 апреля 1775 года об экипажах и ливреях.

Главным мотивом для распределения экипажей и ливрей соответственно разным рангам выставлено желание уменьшить «день ото дня умножающуюся роскошь». Сакен, саксонский посланник, доносил своему двору, будто этот указ произвел в Москве большее неудовольствие, нежели бедствия чумы и пугачевщина, а неслужащая часть дворянства, униженная новыми правилами, будто начала покидать столицу. Государыня в этот приезд пробыла в Москве почти год и на этот раз видимо осталась довольна древней столицей.

О своих тогдашних впечатлениях вот что она писала Гримму: «Я в восторге, что сюда приехала, и здесь все большие и малые в восторге, что меня видят... Этот город есть феникс, воскресающий из пепла; я нахожу народонаселение заметно уменьшенным, и причиной тому чума: она наверное унесла в Москве более ста тысяч человек. Но перестанем говорить об этом. Вы хотите иметь план

моего дома? Я вам пришлю его, но не легкая штука опознаться в этом лабиринте.

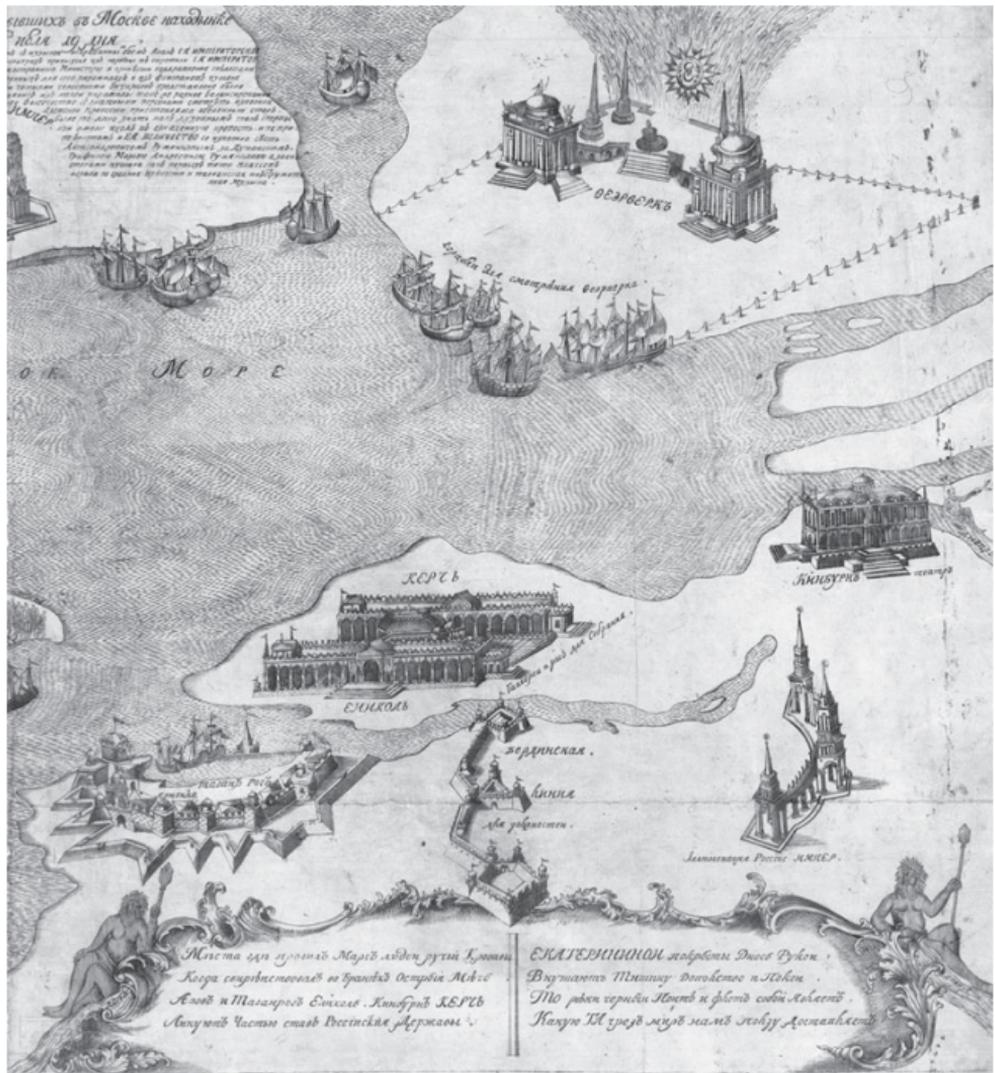
Я пробыла здесь два часа и не могла добиться того, чтобы безошибочно находить дверь своего кабинета, это торжество путаницы. В жизни я не видала столько дверей; я уж полдюжины велела уничтожить, и все-таки их вдвое более, чем требуется».

Какие неудобства императрица испытывала, видно, между прочим, из слов: «Сидя между тремя дверями и тремя окнами», а также из следующей выдержки: «У меня в Москве очень дурное помещение в грязном квартале, дом мой высок и сам по себе, и по местоположению, которое он занимает; соседние испарения распространяют там миазмы, более полезные в истерике, чем приятные, и я удаляюсь оттуда почаще...»

Панорама увеселительных строений на Ходынском поле в честь празднования победы над Турцией. 1775. Фрагмент

Петровский дворец близ Москвы. Литография А. Дюрана. 1840-е

Глава IV

Рассказы капитана де Белькура про Москву. – Подъездной дворец. – Загородные дома в Петровском. – Зем-

лянки французов. – Башиловка. – Архитектор Матвей Казаков. – Лобное место. – Историческое прошлое его. – Салтычиха. – Убийцы Жуковы. – Тайная канцелярия. – Истязания и пытки. – Вольная типография. – Н. И. Новиков. – Деятельность московских масонов. – Гроза, постигшая их. – Университетская типография. – Старые московские типографчики и книгопродавцы. – Возвращение Новикова в Москву. – Характеристика Новикова. – Рассказы про масонов. – Обряд посвящения в масоны. – Банкеты масонов. – Число масонских лож в Москве. – Запрещение масонских лож в 1822 и 1826 годах. – Забытая масонская ложа.

В царствование Екатерины II Москва, как уже мы выше говорили, не производила хорошего впечатления своими постройками. По словам Тесьби де Белькура, древняя столица имела вид «совокупности многих деревень, беспорядочно размещенных и образующих собой огромный лабиринт, в котором чужестранцу не легко опознаться». Вы видите тут, говорит он, огромные, роскошно изукрашенные палаты; но все строено в самом странном вкусе (*le goût le plus baroque*). Эти палаты окружены дрянными маленькими домишками, которые без преувеличения можно назвать балаганами.

Даже самый царский дворец в Кремле состоит из беспорядочных полуразрушенных

построек, как будто он только что выдержал осаду от варваров-разрушителей. Улицы дурно расположены и так же дурно содержатся.

Благоустроенных общественных зданий нет, ни одно даже не заслуживает такого названия. Белькур восхищается только одними триумфальными (Красными) воротами, существующими посейчас.

Во время пребывания своего в Москве в 1775 году императрица Екатерина II повелела в память побед российских войск над оттоманами заложить подъездной дворец за Тверской заставой, на пустом месте, принадлежащем московскому Высокопетровскому монастырю.

Постройку дворца государыня препоручила известному зодчему Матвею Казакову. Дворец был назван по местности – Петровским – и выстроен в готическом вкусе. Екатерина II в первый раз остановилась в этом дворце в 1787 году.

Есть предание, что государыня во время своего пребывания здесь отослала все назначенные для нее караулы солдат, сказав, что она хочет остаться во дворце под охраной сво-

его народа. И после того, как передает предание, толпы народа стали тесниться около дворца, остерегая друг друга, говоря: «Не шумите, не нарушайте покоя нашей матушки». Возле этого дворца уже в первое время стояли загородные дома: гр. Апраксина, кн. Волконского, Голицына и других, а также в лежащей около большой вековой роще ютилось несколько загородных трактиров и ресторанов; один из таких, под названием *Gastronome Russe*, долго славился своими гастрономическими обедами; его содержал француз-повар.

В Отечественную войну Петровская роща пострадала от неприятелей; самые большие деревья были вырублены на батарее. Французы в этой местности построили себе роскошные землянки с рамами, дверями, зеркалами и мебелью, взятыми из лучших барских московских палат. Но когда в Кремле вспыхнул пожар и французы начали выбираться из Москвы, то и император Наполеон выбрал своим местожительством Петровский дворец, а гвардия и свита его еще гуще разместились в этих землянках.

При выступлении неприятеля из Москвы многие отдельные отставшие его отряды в этой местности были разбиты крестьянами, и трупы убитых были зарыты в этих землянках. Но собственно Петровский парк обстроился только в тридцатых годах нынешнего столетия. В эти годы вся местность от Тверской заставы до Петровского дворца была разделена на участки и отдана желающим здесь строиться.

Самое большое пространство земли взял тогдашний начальник комиссии для построений А. А. Башилов; он выстроил здесь вокзал, где давались праздники с цыганами, фейерверками и т. п. В его же время был построен и Петровский летний театр. Улица Башиловка получила название от имени этого землевладельца.

Петровский дворец Казаков выстроил в семь лет. Государыне очень понравилось здание дворца. Кроме этого дворца, Казаковым в Москве построены: Голицынская и Павловская больницы, соборная церковь в Зачатиевском монастыре и здание присутственных мест в Кремле. В этом здании считается об-

разцовым произведением зодчества ротонда с куполом, над которым видна императорская корона с надписью: «Закон».

До 1812 года здесь стоял колоссальный золотой св. Георгий на коне, изображающий герб Московской губернии. Эта ротонда была назначена для общих собраний губернского дворянства и для баллотирования новых членов через каждые три года. Купол этот считается по своей величине чудом архитектурного искусства. Существует рассказ, что, когда по его отделке были вынуты все подмости и леса, начальник кремлевской экспедиции М. М. Измайлов пригласил всех известных тогда архитекторов, в числе которых был и знаменитый Баженов, для освидетельствования здания и купола, и когда зодчие выразили некоторое сомнение в прочности его, то Казаков взошел на поверхность купола и более получаса стоял на нем.

Этот опыт, довольно наивный надо сказать, восхитил всех архитекторов, и по возвращении Казакова он был принят рукоплесканиями и криками «ура!». В первое время по постройке против главного входа в велико-

лепной арке воздвигнут был императорский трон, обширные галереи с обеих сторон также были отделаны барельефами и гербами уездных городов Московской губернии. Когда в 1787 году Екатерина II с блестящей свитой обозревала эту постройку, то сказала сопровождавшему ее М. М. Измайлову:

– Я ожидаю, что благородные дворяне при первом своем собрании здесь для выборов, смотря на этот трон, припомнят, что я дала им и всему их потомству грамоту с правами и преимуществами важными.

После этого государыня обратилась к Казакову, сказав:

– Как все хорошо, какое искусство! Это превзошло мое ожидание; нынешний день ты подарил меня удовольствием редким; с тобою я сочтуса, а теперь вот тебе мои перчатки, отдай их своей жене и скажи, что это на память моего к тебе благоволения.

При выходе государыни из здания мастеровые приветствовали царицу восторженными криками. Императрица приказала им выдать 500 рублей. Казаков за постройку получил следующий чин, бриллиантовый пер-

стену и значительную пенсию. Казаков пользовался благоволением императоров Павла I и Александра I. Им построено в Москве множество частных домов; он умер семидесяти девяти лет в чине действительного статского советника, по приезде его из Москвы в Рязань, во время нашествия французов в 1812 году.

На месте, где было воздвигнуто им колоссальное здание в Кремле, некогда стояли палаты князя Трубецкого и упраздненные церкви Св. Козьмы-Дамиана, Филиппа Митрополита и Введения во Храм Богородицы.

В числе построек нехудожественных и капитальных, но важных в истории Москвы в царствование Екатерины II на Красной площади, против Спасских ворот, было перестроено Лобное место; до этого оно было кирпичное с деревянною решеткой, которая запиралась железным засовом, имело навес или шатер на столбах; государыня приказала сделать его из дикого белого тесаного камня, круглый помост его с амвоном оградить каменными перилами, а с запада ступенчатый вход с железною решеткой и с дверью.

Позднее, при императоре Павле I, московское купечество хотело здесь поставить под куполом огромный крест с изображением Страстей Христовых, рая и ада, также св. мест Иерусалима, хранящийся в соборной церкви Сретенского монастыря, но почему-то этот план не осуществился, хотя проект и был одобрен митрополитом Платоном.

Лобное место издревле имело религиозное и государственное значение: сюда ставились приносимые в Москву святые мощи и образа, здесь служились молебны, здесь объявлялись указы народу, и отсюда народ узнавал об избираемых на царство царях, отсюда патриарх раздавал народу свое благословение, и здесь же совершались казни, вероятно по месту, недалеко от застенка, который помещался в Константиновской башне. При Петре I Лобное место было обставлено головами стрельцов, воткнутыми на кол, и только при Петре II, по указам 1727 года июня 10 и сентября 17, сняты виселицы и столбы, на которых были тела казненных. Лобное место получило свое название по валявшимся там черепам. Но полагают также, что название это произошло и

от возвышенного места, кафедры (lobium), с которой нередко цари говорили с народом.

Отсюда Иоанн Грозный торжественно просил прощения у земли и обещал, в присутствии митрополита и депутатов государства, быть судьей и обороной своих подданных; там же он в 1570 году объявлял свой суд над обвиненными боярами; отсюда Василий Шуйский был провозглашен царем; с этого же места Лжедмитрий просил дозволения оправдаться ему перед народом; с Лобного же места патриарх в Вербное воскресенье по совершении молебствия ехал до соборной церкви на осляти, ведомом царем. У Лобного же места бывало самое раннее весеннее гулянье в Лазареву субботу, называлось оно «Под вербою».

Здесь была небольшая ярмарка, на которой продавалась верба для наступающего праздника недели Ваий, или Входа во Иерусалим; придельный храмовый праздник этого дня был в Покровском соборе, известном более под именем Василия Блаженного. С Лобного места нанимались попы служить обедни в домовые церкви.

У Лобного места при царе Алексее Михай-

ловиче стояли пушки и был царев кабак, называемый «Под пушками». На этом же Лобном месте была поставлена на эшафоте палачом Салтычиха в саване, со свечою в руке, с листом на груди, на котором было написано: «Мучительница и душегубица». Салтычиха, Дарья Михайловна, была вдова Салтыкова и по связям покойного своего мужа принадлежала к самым знатным людям того века; загублено ею было крестьян и дворовых людей до 138 душ.

Гнев Салтычихи происходил только от одной причины – за нечистое мытье белья или полов. Побои Салтыкова наносила собственноручно палкою, скалкою, поленьями, или при ее глазах несчастных добивали плетями ее конюхи и гайдуки.

Замечательно, что сердце этой ужасной женщины было доступно любви: она питала самую нежную, сердечную любовь к инженеру Тютчеву. Жила эта тигрица в Москве, в собственном доме, на углу Кузнечного моста и Лубянки. Дело Салтычихи тянулось шесть лет. Салтычиха от всего отпиралась, говоря, что все доносы были сделаны на нее из зло-

бы. Судья просил императрицу, чтобы она позволила употребить над ней пытку; государыня не согласилась, но только приказала перед глазами Салтычихи произвести пытку над кем-нибудь из осужденных, но и это не привело последнюю к раскаянию. Но наконец «душегубицу и мучительницу» приказано было заключить в подземную тюрьму под сводами церкви Ивановского монастыря, пищу приказано ей было подавать туда со свечою, которую опять гасить, как скоро она наестся. Пищу подавал ей солдат, сперва в окно, потом в дверь.

По сказанию старожилов, от своего тюремщика она родила ребенка. Салтычиха была в старости очень толстая женщина, и когда народ приходил смотреть в окошечко, самовольно отдергивая зеленую занавесочку, желая посмотреть на злодейку, употреблявшую, по общей молве, в пищу женские груди и младенцев, то Салтычиха ругалась, плевала и совала палку сквозь открытое в летнюю пору окошечко. Салтычиха была заключена в склепе тридцать три года, умерла в 1800 году и похоронена в Донском монастыре. Застенок, в

котором она сидела, разобран вместе с церковью в 1860 году.

В царствование Екатерины II отправление карательного правосудия с принесением публичного покаяния совершалось как на Лобном месте, так и на улицах Москвы. Государыня такими гласными обрядами хотела действовать на дух и нравственность народа, возбуждая омерзение к ужасным преступлениям. Из таких примеров известен был в 1766 году еще один, когда по московским улицам при громадном стечении народа отряд солдат с заряженными ружьями, со священником с крестом провожал босых, скованных мужчину и женщину, в саванах, с распущенными волосами, которые падали на глаза; это были Жуковы, убийцы своей матери и сестры.

Они останавливались пред дверьми Успенского собора, перед церквами Св. Петра и Павла в Басманной, Параскевы Пятницы на Пятницкой, у Николы Явленного на Арбате и т. д. Там читался им манифест. Преступники, стоя на коленях, должны были прочесть сочиненную на этот случай молитву и неоднократно повторять пред народом покаяние.

В екатерининское время Тайная канцелярия была уничтожена, но вскоре открылась Тайная экспедиция, что было одно и то же. В сороковых годах нынешнего столетия старожилы московские еще помнили железные ворота этой «тайной», где караул стоял во внутренности двора; страшно было, говорили, ходить мимо них. В застенках и каменных мешках содержались заподозренные и оговоренные люди в кандалах, колодках и нередко с кляпом во рту. Туда не допускались ни родные, ни знакомые, ворота отпирались только при особенных случаях или рано утром, или поздно ночью. Места заключения назывались в старину «порубами», «ямами», погребами, каменным мешком, где нельзя ни сесть, ни лечь. В Константиновской башне, по стене Московского Кремля, к ней ведущей, существует посейчас крытый коридор с узенькими окошечками, где содержались приговоренные к пытке с заклепанными устами, которые расклепывались для ответа и для принятия скудной пищи, и прикованные к стене, в которой были железные пробойи и кольца.

Употребительнейшая из пыток в то время

была дыба, или виска: истязуемому завертывали и связывали назад руки веревкою, за которую подняв кверху на блоке, утвержденном на потолке, вывертывали руки из суставов, а к ногам привязывали тяжелые колодки, на которые становился палач и подпрыгивал, увеличивая мучения истязуемых. Кости, выходя из суставов, хрустели, ломались, иногда кожа лопалась, жилы вытягивались, рвались. В таком положении пытаемого часто били кнутом по обнаженной спине так, что кожа лоскутьями летела, и после еще встряхивали по спине зажженным веником. Когда снимали с дыбы, палач вправлял руки в суставы, схватив за руки и вдруг дернув наперед.

Иногда, для вынуждения признания у преступника, перед ним пытали «на заказ» другого злодея, дабы тем вынудить правду у обвиняемого, также кормили подозреваемого соленым и сажали его в жарко натопленную баню, не давая ему пить до тех пор, пока не вымучат признания, часто ложного.

При истязаниях секли иногда и сальными свечами; последние причиняли ужасное мучение. Допрашивали «подлинную» также

подлинниками, или смоляными кнутами, к хвостам которых прикреплялись кусочки свинца. Наказывали кнутом преступника, положив его на спину другого. Аббат Шапдатрош[37] приводит в своем путешествии описание такого наказания над Натальей Лопухиной, статс-дамой, первой красавицей своего времени в царствование Елисаветы Петровны, за участие в заговоре маркиза Ботта.

«Простая одежда, – говорит он, – придавала новый блеск ее прелестям. Один из палачей сорвал с нее небольшую епанчу, покрывавшую грудь ее; стыд и отчаяние овладели ею, смертельная бледность показалась на челе ее, слезы полились ручьями. Вскоре обнажили ее до пояса в виду любопытного, молчаливого народа; тогда один из палачей нагнулся, между тем другой схватил ее руками, приподнял на спину своего товарища, наклонил ее голову, чтобы не задеть кнутом. После кнута ей отрезали часть языка».

Екатерина II запретила наказывать на спинах других, а приказала делать на станке и козе. В застенках нередко истязуемого подымали на блоке вверх, разводили под ним

огонь и мучили его жаром и дымом или привязывали его на кол, так что можно было его вертеть над огнем, как жаркое на вертеле. Для выведывания тайны также забивали под ногти спицы или гвозди; это называлось «выведать всю подноготную».

При Бироне иногда виновных бросали с камнем в реку, чтобы «след простыл». Ранее этого так казнили отцеубийц на Руси: связав им руки и привесив камень или надев на голову куль, кидали в воду. Также, по преданию народному, их живыми опускали на дно могилы, а на них ставили гроб с телом убитого и таким образом засыпали землей.

За подделку денег лили в горло олово и отсекали руки. При Петре I было введено колесование, заимствованное от шведов, и вешание за ребра – колесовали разбойников и вешали за ребра воров; за поджоги и колдовство сжигали живыми. Последнюю казнь несли также еретики и неудачные врачи. К жесточайшим мукам причисляли также литье воды по каплям на обритуемую голову, причем на уши клали горячие угли.

Против тайного судилища на площади сто-

яло в екатерининское время низенькое каменное здание вольной типографии, содержанием которой был известный Н. И. Новиков.

Кроме этой типографии, у Новикова было еще две: одна в Армянском переулке, в доме, теперь занимаемом Лазаревским институтом, и другая – у Сухаревой башни, в доме Генрихова; у Новикова была еще и четвертая, тайная; последняя помещалась в одном из его домов.

Другая тайная типография масонов была у И. В. Лопухина. О новиковской типографии упоминает князь Трубецкой в письме к неизвестному петербургскому брату-масону: «Уведомляю тебя, мой друг, что, благодаря Спасителю нашему, мы открыли тайную орденскую типографию, в которой нужные переведенные книги для братьев печататься будут. Бр. Новиков посылает тебе при сем начатые в оной печататься книги: „О молитве“ и „Дух масонства“. Сокрывай оные от всех, а употребляй только сам для своего чтения и познания».

Из тайной же типографии московских масонов вышла, по всей вероятности, и книга,

которую Сопиков называет редчайшею, именно «Божественная и истинная метафизика» Пордеча, вышедшая без означения года и места печати. Во второй типографии печатались на французском языке небольшие сборники условных масонских знаков, ударов и т. д., и здесь же, у Лопухина, был отпечатан и его *Catéchisme moral pour les vrais F. M.* 5790. Катехизис этот, как говорит Лопухин, он отдал знакомому книгопродавцу продать как новую книжку, полученную из чужих краев [38].

В числе домов Новикова в Москве был теперь известный своею доходностью и обширностью так называемый Шипов дом и здание нынешних Спасских казарм. Новиков, помимо домов, имел обширную книжную лавку в Москве и комиссионеров в шести губернских и уездных городах. Новиков имел в Москве много друзей, в числе которых были самые влиятельные люди, как, например, московский главнокомандующий князь Долгоруков-Крымский, преемник его граф З. Г. Чернышев, граф П. Панин, московский куратор университета Херасков и многие другие.

Последний и дал возможность снять Новикову в аренду типографию Московского университета и издавать «Московские ведомости»; при Новикове последние вместо малой четверки стали печататься в большую и в две колонны и выдаваться по средам и субботам. В кабинете этого содержателя типографии стали собираться вельможи и профессора и люди, замечательные по своим дарованиям; одни содействовали успехам российской словесности своим влиянием, другие своими трудами и советами. «Ведомостей» тогда расходилось уже до 4000 экземпляров.

Желая приохотить публику к чтению, он завел первую в Москве библиотеку для чтения, открытую в его доме у Никольских ворот, для безденежного пользования всеми желающими. Книжная деятельность Новикова росла, типографские станки работали без устали, Москва зажила сильным литературным движением.

Когда было назначено освидетельствование книг, находящихся в магазинах Новикова, то реестр показал, что их было 362 книги разного названия, 3 названия отпечатанных,

но не поступивших в продажу, и 55 названий еще печатавшихся в его типографиях. Но скоро гроза постигла Новикова, общество мартинистов[39] обратило на себя внимание правительства, и в числе первых таких жертв был Новиков и его близкий друг Ив. Вл. Лопухин. Главнокомандующий тогда в Москве князь Ал. М. Прозоровский приказал книжные магазины и типографию Новикова запечатать, и 11 февраля 1793 года по указу Екатерины II всех новиковских изданий было сожжено 18 656 книг. Лопухина сослали на жительство в деревню, Новикова же постигла участь более тяжкая.

Он жил тогда в деревне своей и сильно скучал, предчувствуя еще большую беду, и, как рассказывали его дети, несколько дней сряду прилетал на крышу его дома ворон и зловещим своим криком не давал покоя ни хозяину, ни его семейству. Вскоре Новиков был арестован, взят под стражу и привезен в Москву, где содержался три недели. За Новиковым в село его Авдотьино был послан целый эскадрон полицейских драгун под начальством князя Жевахова.

По этому случаю граф К. Г. Разумовский сказал князю Прозоровскому:

– Вот расхвастался, как город взял! Стари-чонка, скорченного геморроидами, взял под караул. Да одного бы десятского или будочника за ним послать, так и притащили бы его.

Для следствия над Новиковым прислан был в Москву известный Шешковский, и после вопросных пунктов, данных им Новикову, на которые он отвечал удовлетворительно, ему была предложена подписка в том, что он отказывается от своих убеждений и признает их ложными. Новиков не согласился дать подписку и был отправлен в Шлиссельбург; по просьбе его ему было дозволено взять с собою одну книгу – Библию, которую он читал во время своего заточения и выучил всю наизусть.

В Шлиссельбурге сначала содержали его очень строго, но впоследствии императрица дозволила ему прогуливаться внутри крепости. Там Новиков содержался до вступления на престол Павла I. О судьбе Новикова в Москве ходили разные тайные слухи. Так, в дневнике А. Т. Болотова находим под числом

12 января 1796 года:

«Славного Новикова и дом, и все имение, и книги продаются в Москве из магистрата, с аукциона – и типография, и книги, и все. Особливое нечто значило. По-видимому, справедлив тот слух, что его нет уже в живых, – сего восстановителя литературы».

После Новикова университетская типография поступила на откуп к известному в свое время архитектору, ученику и помощнику Баженова – Василию Ивановичу Окорокону с его родственником Цветушкиным. В это время типография и книжная и газетная лавка перемещены были от Воскресенских ворот на Тверскую, в дом бывшей межевой канцелярии, который впоследствии был пожалован Екатериною II Московскому университету.

С этого времени и Вражский Успенский переулок, идущий с Тверской на Никитскую улицу, стал называться Газетным, потому что в нем была первая газетная лавка, где подписчикам раздавались московские газеты. Впоследствии там, где была книжная лавка, существовала церковь университетского благородного пансиона.

По возвращении из Шлиссельбурга Новиков по зимам жил в Москве, а летом в селе Авдотьино; приехал он из ссылки дряхлым стариком, в разодранном тулупе. Московские старожилы, жившие еще в пятидесятых годах, хорошо помнили старика Новикова, ходившего с палкой, в гороховом широком сюртуке, черном бархатном жилете и белом галстуке. Черные волосы его, уже тогда редкие на лбу и на висках, зачесанные назад, открывали красивый его лоб, брови его дугою, орлиный нос; нижняя часть лица выражала кротость и добродушие.

Вот как описала наружность Новикова княгиня Е. Р. Дашкова в письме к Ив. В. Лопухину: «Мне он тотчас же бросился в глаза, и я бы тотчас его узнала, без всех ваших рекомендаций, по одному его черному пасторскому кафтану, по его башмакам с черными, особенно глянцевыми пряжками. Лицо его открыто; но не знаю, я как-то боюсь его; в его прекрасном лице есть что-то тайное».

Всегдашним спутником Новикова в прогулках по улицам Москвы был его душевный друг, тоже масон, бывший правитель канце-

лярии главнокомандующего в Москве графа Чернышева С. И. Гамалея; последний был небольшого роста, имел высокий лоб, маленькие глаза с нависшими бровями; в обществе был молчалив, отчего казался суровым, но у себя в кабинете был очень ласков и словоохотлив, говорил очень убедительно и с одушевлением.

Вышедши в отставку, он не имел ничего и потому был приглашен Новиковым жить у него в деревне, где к окошку его комнаты приходило множество нищих, и он всегда сам выходил на крыльцо, разговаривал с ними и раздавал медные деньги. Гамалея получал пенсии сто рублей в год; в службе он был бескорыстен, и никогда никто не смел ничего предложить ему в знак благодарности. Рассказывают, что один богатый московский купец, будучи чем-то ему обязан, хотел угостить его обедом, и, узнав, что он любит рыбный стол, достав лучшую и редкую рыбу, он позвал своих знакомых и пригласил Гамалея; последний принял его приглашение только с условием, чтобы весь стол был приготовлен из любимой его рыбы, самой дешевой плот-

ВЫ.

Купец понял намерение честного Гамалея, отказал своим гостям и должен был с ним вдвоем есть плотву, которой, может, и вкусу до того времени не знал.

Сам Новиков был такой же глубоко религиозный и чисто нравственный человек, как и друг его; про него выразился митрополит Платон: «Дай Бог, чтобы во всем мире были христиане таковые, как Новиков». Новиков обладал огромными талантами, образованием и благороднейшим характером; он был главою кружка московских масонов; лучшие люди его времени, как, например, граф Чернышев, Лопухин, Репнин, Тургенев, митрополиты Платон, Михаил (Десницкой) и Серафим (Глаголевской), считали его своим другом.

Новиков умел адептам[40] своим словом внушать подвиг и чисто христианской братской любви.

Известен, например, следующий случай, когда в Москве был голод и на съестные припасы стояла неслыханная дороговизна. В одном из собраний своего общества бедствия неимущего класса были описаны им так крас-

норечиво, что один из слушателей встал, подошел к оратору и прошептал ему что-то на ухо; это был человек не старый, известный богач премьер-майор Григ. Мак. Походяшин [41]. Речь Новикова так сильно на него подействовала, что он тут же отдал на помощь бедным все свое огромное состояние.

На деньги этого богача Новиковым была открыта безденежная раздача хлеба неимущим в Москве; это изумило всех москвичей, хотя и привыкших к благотворительным действиям Новикова. Никто не мог понять, откуда взялись средства к такому благодеянию, когда четверть ржи стоила двадцать рублей.

С этой минуты добровольно разорившийся Походяшин исполнился какого-то благоговения к Новикову. В Москве думали, что он разорился на лечение своей жены, и только впоследствии узнали настоящую причину его бедности. Походяшин пережил Новикова; над смертным одром его висел портрет Новикова, и смотреть на него было единственным утешением человека, жившего когда-то в роскоши и умиравшего на чердаке, в положении, близком к нищете. Просвещеннейшие моск-

вичи весьма сочувственно относились к деятельности Новикова и были усерднейшими его адептами. Но несмотря на все добрые дела московских масонов и очевиднейшую их благонамеренность, в тогдашнем обществе об них ходила самая дурная слава.

Одной из важнейших причин такой дурной славы, без сомнения, должно считать ту таинственность, в которую их учение облакало все собрания. Державин говорит о своей тетке Блудовой, считающей появившихся в Москве масонов отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которых разглашали невероятные басни, что они заочно за несколько тысяч верст неприятелей своих умерщвляют, и тому подобные бредни.

Про масонов говорили также, что в их обществе мужчины и женщины живут все безразлично одни с другими, что члены их дурачат идиотов и обируют их, что они идолопоклонники, служения свои производят на высотах или в подвалах, причем исполняют многие магические обряды, проводят на земле черты и фигуры, разводят огни, делают за-

клинания, клянутся на мертвой голове, спят в гробах со скелетами и проч.

Рассказывали также про обряды посвящения, что брали при этом клятвы служить дьяволу. Также порицали все знаки и непонятные слова для профанов при встречах и при разговорах масонов друг с другом.

Но вот кто были эти страшные московские масоны, или мартинисты, во главе которых стоял Новиков. По словам записки Карамзина, составленной для того, чтобы напомнить о печальной судьбе семейства Новикова, они были не что иное, как христианские мистики; толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом Завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость и проч.; но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность к государю.

Помимо этого, мартинисты имели и другое глубокое значение: они проповедовали чистую евангельскую любовь, не щадили капиталов в пользу благотворительности бедным и несчастным и заботились об устройстве

больниц, аптек и школ. Нравственная сторона их учения заслуживает полной симпатии; она вполне объяснена в катехизисе И. В. Лопухина, отпечатанном на французском языке, и в других масонских сочинениях.

Наклонность к мистицизму, составлявшему одно из существенных качеств масонов, была характеристическою чертою века; мистицизм возник в противовес крайнему учению энциклопедистов.

Существует рассказ, что глубоко религиозный Новиков был выбран друзьями-масонами без всяких предварительных объяснений. Однажды посещавшие его приятели собрались к нему в известном числе и после небольшого вступления, не требуя от него обета, прочли ему принятие и, против ожидания, его поздравили членом своего общества.

– Мы знаем тебя, – говорили они, – знаем, что ты честный человек, и уверены, что не нарушишь тайны.

Общество, в которое был введен Новиков, составляло «Великую провинциальную ложу», мастером которой был И. П. Елагин, секретарем ложи – известный стихотворец В. И.

Майков[42]. Между московскими масонами, в первое время по открытии лож, находилось много людей, серьезно преданных благу человечества, желавших распространения просвещения и благотворительности.

Но позднее, в павловское и александровское время, принадлежать к масонам было лишь простою модой, завезенною из-за границы, и большинство светских людей вступало в ложу лишь ради заманчивой таинственности и тесного равенства, соединяющих между собою вообще масонов, несмотря на различие сословий и национальностей.

Избрание таких «профанов» в первую степень масона – «шотландского ученика» – в ложах сопровождалось разными таинственными приемами. Посвященного с завязанными глазами, полураздетого, с оголенным плечом и рукою водили по подземельям, заставляли клясться на Библии и мече, окружали остриями мечей, ставили на кабалистический треугольник или ковер, клали в гроб, заставляли переплывать воду или пробегать через огонь и т. д.

В конце концов испытываемому вруча-

ли передник и перчатки и давали еще небольшой ключ из слоновой кости, отпирающий дверь ложи; при этом шотландскому ученику сообщался пароль или слово, по которому он узнавал брата-масона; помимо этого, объяснялось также ему, как делать рукопожатие и другие знаки при встречах с неизвестными братьями-масонами.

Масоны позднейшей уже, Александровской, эпохи любили носить различные знаки в виде булавок, брелоков, перстней с мертвой головой и т. д. Одно время отличительным признаком всякого масона был длинный ноготь на мизинце. Такой ноготь носил и Пушкин; по этому ногтю узнал, что он масон, художник Тропинин, придя рисовать с него портрет. Тропинин передавал покойному князю М. А. Оболенскому, у которого этот портрет хранился, что когда он пришел писать и увидел на руке его ноготь, то сделал ему знак, на который Пушкин ему не ответил, а погрозил ему пальцем. Этот бесспорно лучший портрет нашего поэта принадлежит теперь дочери князя М. А. Оболенского, княгине А. М. Хилковой.

Каждый вступающий в масоны в екатерининское время пред введением в ложу обязан был клятвенно обещать исполнить наистрожайше следующее: 1) прилежное упражнение в страхе Божиим и тщательное исполнение заповедей евангельских; 2) непоколебимую верность и покорность своему государю, с особливою обязанностью охранять престол его не только по долгу общей верноподданным присяги, но и всеми силами стремясь изобретать и употреблять всякие к тому благие и разумные средства и таким же образом стараясь отвращать и предупреждать все оному противное тайно и явно, наипаче в настоящие времена адского буйства и волнения против властей державных; 3) рачительное и верное исполнение уставов и обрядов своей религии и т. д. (только одни христиане могли быть выбраны в масоны).

Затем следовало «приуготовление». В назначенной комнате приготавливалось три стола, покрытые один черным, другой белым, третий желтым; на первом лежала Библия, раскрытая на 6-й и 7-й главах Книги премудрости Соломоновой, знак рыцаря, то есть

крест в сердце, обнаженный меч, погашенный светильник, кость мертвой головы, над которой зажженная лампада, небольшой сосуд с чистою водою и дощечка с надписью: «Познай себя, обрящещи блаженство внутрь тебя суще». На втором столе полагалось изображение пламенной звезды, а на третьем – рукомойник с водою, белые перчатки и мастерская золотая лопатка.

Введение профана к приуготовлению. Он вводился с завязанными глазами, в мантии, на которой изображено на левой стороне обвитое змеем сердце, посреди сердца – малый свет, еще помраченный тенью. Затем следовала первая беседа – брат-вводитель обращался к вводимому с вопросами: восчувствовал ли он, что тьма его окружает, истинно ли желает искать премудрости и т. п. – и потом надевал на него знак рыцаря, прикрепленный к шнурку, на котором пять узлов – в означение, что он должен обуздать свои чувства. Вторая беседа – поступающий в общество должен омыть свои глаза, и тут же ему вручается меч на борьбу с царством тьмы и возжженный светильник для освещения пути к храму

премудрости. Третья беседа – вместо прежней надевается на него другая мантия, у которой левая сторона белая, с изображением кровоточивого сердца, окруженного лучами света; правая же сторона мантии темная. Кандидат оmyвает руки, надевает белые перчатки, и вводитель привешивает ему лопатку.

Принятие. Вводитель стучится в двери к председателю, и на вопрос: «Кто там?» – брато-брядоначальник отвечает: «Испытанный, омовенный, знамением избрания и ранами, на добром подвиге полученными, украшенный желатель премудрости». «Таковому не должно и не можно воспретить вход», – отвечает председатель. Кандидат входит и дает обещание стараться всеми силами: 1) испрашивать премудрости от Бога, служить Ему и кланяться духом и истиною; 2) хранить душу и тело от осквернения и прилежно убегать всего, что может препятствовать наитию духа премудрости, ибо в злохудожную душу не внидет премудрость, ниже обитает в теле, повинем в грехе; 3) любить ближних и служить им желанием, мыслями, словами, делами, примером.

После разных обрядов и наставлений председатель дает ему золотое кольцо с вырезанным внутри крестом и словами: «Помни смерть»; рыцарский знак надевается на него уже на розовой ленте, а мантия белая; вместе с этим нарицается ему новое имя.

Выборы в степени «учеников, братьев и мастеров» и в другие высшие степени всегда зависели от собрания «Великой ложи». Все масоны, несмотря на различие национальностей и положения, были связаны между собою тесными узами.

Самые торжественные собрания у масонов происходили накануне праздника Рождества Христова.

В этот вечер все собирались во всех своих украшениях под предводительством старшего настоятеля, читались торжественные речи, затем садились за стол, беседовали «в благоустройном веселии и пениях благочестивых», продолжая это до самой полуночи. Как же скоро пробьет 12 часов, то по знаку настоятеля все вставали и, воспев радостную песнь в прославление Спасителя мира, закрывали собрание.

В этот вечер делался главнейший сбор деньгами на какую-либо «чувствительнейшую помощь ближним, во славу рождаемого Спаса».

В масонских собраниях XVIII века пелись различные хоры и песни, многие из таких песен сопровождались постукиванием рюмок и стаканов – рюмки и стаканы, употребляемые на масонских банкетах, были особенной формы, с толстым и крепким дном. В начале шестидесятых годов были еще живы два-три старика из придворных певчих, которые певали в былые годы масонские песни в ложах. Сборник масонских песен был отпечатан тайно в какой-то типографии, с обозначением города Кронштадта.

В Москве масонских лож существовало более сорока. Первая из масонских лож – «Клио» – была основана в 1763 году; есть известие, что императрица Екатерина II была попечительницей (tutrice) ложи «Клио»[43]. Через десять лет спустя в Москве была основана вторая ложа – «Трех мечей» («Zu den drei Degen»); в этой ложе был мастером известный друг Новикова – Шварц. Ложа располагала

большими денежными средствами, которые получила от графини Чернышевой. В 1774 году была основана третья ложа в Москве, приезжими купцами-иностранцами, и носила она название *La Réunion des Etrangers*. В 1775 году из Петербурга перенесены ложи «Латонны» и «Горуса» (*Horus*), и в этот же год, под управлением Новикова, открыты четыре еще младшие ложи, где мастерами были Лопухин, Гамалея, Кутузов и Ключарев, и в этот же год была перенесена из Петербурга в Москву «Ложа Озириса» и также основан в Москве орден «Тамплиерства» бароном Бенингсом. Ешевский говорит[44], что братья-масоны усомнились в законности Бенингсова основания и обращались чрез посредство ложи «Трех глобусов» к герцогу Брауншвейгскому. В 1779 году основаны ложи «Аписа», «Трех Знамен», или «Мастер-ложа»; мастером здесь был П. А. Татищев. Под начальством Татищева в Москве работали еще три другие масонские ложи: в одной из них мастером стула был сын Татищева, в другой – купец Таусен.

Около этого же времени в Москве, по показанию Новикова, были еще две ложи «настоя-

щих французских»; в одной из этих лож главным двигателем был приезжавший в то время в Москву известный граф Калиостро.

В 1786 году была в Москве еще эклектическая ложа «Гармония», где соединялись братья разных лож для лучшего устройства русского масонства. Мастером был в ней известный Шварц. В 1782 году, 21 октября, была основана ложа «Девкалиона»; мастером стула здесь был известный Гамалея.

В 1783 году открывается в Москве ложа «Сфинкса»; под начальством князя Гагарина, эта ложа была признана четвертой ложей-матерью. В 1784 году в Москве возникает ложа «Блистающей звезды» под руководством мастера стула И. Вл. Лопухина; затем ложа «Св. Моисея», где мастером был Ф. П. Ключарев, и ложа «Светоносного треугольника», здесь мастером стула был А. М. Кутузов, и в этом же году, 1 сентября, московские розенкрейцеры [45] учреждают «Типографскую компанию».

1785 и 1786 годы для московских масонов полны разных тревог; в эти годы масонство со стороны правительства подпадает под строгий присмотр. 23 декабря выходит указ Екате-

рины II к митрополиту Платону и графу Брюсу об испытании Новикова в законе Божиим и рассмотрении изданных им книг; через месяц следует другой указ московскому губернатору П. В. Лопухину об осмотре масонских больниц и школ.

В этом году ходят в московском обществе упорные слухи, что некоторые масонские собрания стали превращаться в политические клубы; молва обвиняет в якобинстве гр. Строганова, Репнина, Шувалова и еще некоторых других вельмож. В 1786–1787 годах московские розенкрейцеры просят покровительства у великого князя Павла Петровича. В 1788 году основывается в Москве ложа «Пламенеющей звезды» («Zum flammenden Stern»). В марте 1790 года опять гроза наступает для масонов. Екатерина II поручает князю Прозоровскому следить без огласки за московскими масонами; в следующем году уже в Москву приезжают гр. Безбородко и Архаров для разведывания о масонах; в ноябре этого же года уничтожается типографская компания.

В 1792 году, как мы выше уже упомянули, – обыск типографии Новикова и арест его само-

го и заключение в крепость в Шлиссельбурге. Затем строго следят за всеми масонами, делают обыски, и идут аресты. Так, возвращавшихся из-за границы масонов Невзорова и Колокольникова сперва заключают в Невский монастырь, а после сажают их в крепость.

В 1793 году выходит указ Екатерины об истреблении запрещенных и вредных новиковских изданий; вследствие этого сожжено на Болоте руками палачей более 18 656 книг.

В последующем году и в царствование императора Павла I в Москве о масонстве нет никаких известий, но несомненно, что ложи за все эти годы действовали, но держались в большой тайне. Снова же масонские ложи в Москве воскресают уже в царствование императора Александра Благословенного; в числе первых лож этой эпохи здесь известны были «Ложа тройственного спасения», основанная от «Астреи»; мастером стула здесь был купец Розенштраух; ложа эта помещалась в Демидовом переулке, в приходе Богоявления Господня; братьями были здесь почти все иностранцы.

Затем в то время не менее известна также была ложа «Ищущих манны», где мастером стула был С. П. Фонвизин, ритор Ал. Ив. Поздеев, известный орловский помещик Малоархангельского уезда; первый стюарт был Вас. Львов. Пушкин. В 1822 году вышло запрещение тайных обществ и масонских лож и затем, в 1829 году, новое подтверждение этого запрещения. Но, кажется, несмотря на строгое запрещение, масонские ложи тайно еще в Москве существовали, хотя и в крайне ограниченном числе.

Так, пишущему эти строки передавал известный московский старожил, директор московского архива, покойный князь М. А. Оболенский, что еще в конце пятидесятых годов нынешнего столетия где-то на Полянке существовала тайно масонская ложа, где, по ходившим в городе слухам, мастером стула был известный в то время проповедник одной из церквей на Арбате.

В шестидесятых годах на Мясницкой улице, напротив почтамта, в доме бывшем Кусовникова, существовал целый ряд комнат со всеми атрибутами и украшениями прежнего

масонства. Владельцы этого дома, очень состоятельные, но скупые старики, муж с женой, поселившиеся без прислуги в доме тотчас по уходе французов из Москвы, с переездом в дом и войдя в первую из таких масонских зал, обитую всю черным, со скелетом в углу и с ремешками на стенах, как они называли иероглифы, из суеверного страха и перепуга так и не решились обойти всех комнат, а заблагорассудили заколотить двери навсегда.

Оригиналы-старики прожили в доме более пятидесяти лет, ни разу не переступив порога таинственных и страшных комнат фармазнов[46].

А. А. Мартынов[47] говорит, что дом Кусовниковых ранее более восьмидесяти лет был во владении Измайловых, и позднее, когда перешел к последним владельцам, то многие годы являл собою вид запустения и одичалости в центре московского движения: ворота его редко растворялись, на дворе виднелся обширный огород. Владельцы его вели жизнь загадочно отшельническую, не имели прислуги, кроме дворника, и выезжали кататься лишь по ночам. В Москве об этом доме ходи-

ЛО НЕМАЛО ТОЛКОВ.

Обнародование манифеста о коронации Екатерины II на Соборной площади Кремля 18 сентября 1762 года. А. Мельников с гравюры А. Колпашникова по оригиналу Ж. Девельи и М. Махаева. 2-я пол. XIX в.

Глава V

Второй приезд Екатерины в Москву. – Село Коломенское. – Последний приезд Екатерины в Москву. – Анненгофский сад и дворец. – Празднества во время пребывания Екатерины в Москве. – Сокольничье поле. – Сокольники и их прошлое. – Народные празднества при императоре Александре I. – Первое мая в Сокольниках в старину. – Дача графа Ростопчина. – Начало московских народных гуляний. – Старые кунстмейстеры, балансеры, великаны, скоморохи, гусяры и проч. – Гулянье на Масленице. – Кулачные бои. – Санное катанье и маскарад.

В конце июня 1787 года Москва снова увидела Екатерину II. Императрица приехала в древнюю столицу на возвратном пути своего путешествия из Крыма. В Москве государыня намеревалась отпраздновать двадцатипятилетие своего царствования. Екатерина ехала с блестящей свитой, при ней были три посланника: английский – Фритц Герберт, французский – Сегюр и австрийский – Кобенцел. Госу-

сударыня в шутку называла их своими карман-ными министрами. Затем в свите были еще князь де Линь, граф Ангальт, и в числе других замечательных лиц, сопровождавших государыню в путешествии, находились графы Чернышев, Безбородко и Дмитриев-Мамонов. Последнего государыня называла «красным кафтаном» (*Habit rouge*). «Под этим красным кафтаном, – говорила она, – скрывается превосходнейшее сердце, соединенное с большим запасом честности. Наружность его также совершенно соответствует внутреннему достоинству: черты лица правильны, чудные черные глаза с тонко нарисованными бровями, рост несколько выше среднего, осанка благородная, поступь свободная» и т. д. (Такой, как описывает императрица, блестящей наружности портрет графа Мамонова, кажется единственный, висит в Царскосельском дворце, в круглой агатовой комнатке; писан он карандашом на небольшой белой мраморной дощечке; молодой красавец изображен одетым в какой-то маскарадный костюм.)

Государыня, не доезжая десяти верст до Москвы, остановилась в селе Коломенском;

приехав сюда, императрица уже нашла своих внуков, расположившихся здесь с начала июня месяца. Государыня остановилась во дворце, построенном в шесть месяцев. Начат он был почти в день выезда императрицы в путешествие. Стоял он на том же месте, где теперь стоит и нынешний, близ церкви Вознесения, но он был гораздо обширнее теперешнего.

По рассказам коломенских старожилов, здание Екатерининского дворца занимало бóльшую часть той площади, которая теперь находится между воротами Вознесенской и Георгиевской церквей и садом, примыкающим к одноэтажному павильону, находящемуся на левой стороне нынешнего дворца. Екатерининский дворец был о четырех этажах: два нижних были каменные, а верхние – деревянные.

Около дворца стоял «Оперный дом», а против дворца через Москву-реку был деревянный мост. В этом дворце жила императрица, а с нею и внуки ее Александр и Константин. До сих пор еще в Коломенском живо предание о том, как учился под кедром Александр и

как он с братом Константином стрелял из пистолета в Дьяковском овраге[48]. Дворец, в котором жила Екатерина II, безжалостно приказал сломать бывший начальник Кремлевского дворца князь Н. Б. Юсупов и перевезти его в Кремль. Старый же дворец царя Алексея Михайловича, в котором родился Петр Великий, был сломан еще в 1767 году. В это время дворец был настолько ветх, что не было уже возможности поддерживать его, а потому императрица и приказала разобрать его; уважая отечественные древности, Екатерина приказала сделать вернейшую модель старого дворца, которая, как пишет А. Корсаков[49], долгое время хранилась вместе с прочими редкостями в московской Оружейной палате, но где находится теперь – неизвестно[50]. По рассказам Бергхольца, бывшего в нем 4 мая 1722 года, в нем было 270 комнат и 3000 окон. «В числе комнат есть красивые и большие, но все вообще так ветхо, что уже не везде можно ходить, почему наш вожатый в одном месте просил нас не ступать по двое на одну доску, и мы, конечно, не пошли бы, если бы нам об этом было сказано прежде; но он думал, что

так как сам император еще недавно всюду ходил там, то и нас необходимо поводить. ◆...◆ Коломенский дворец, – добавляет Бергхольц, – построен 60 лет тому назад отцом его величества, который и сам не далее как за 27 лет еще жил в нем и потому назначил теперь известную сумму на его возобновление». В петровское время в летнее время в селе Коломенском стояло до 31 000 солдат лагерем.

Коломенские плодовые сады, скотный и птичий дворы были первые в России. Все празднества, бывшие во время коронации Екатерины I, Петра II, Анны и Елисаветы, устраивались в этом дворце. Император Петр II часто ездил сюда на охоту, а в 1729 году провел здесь все лето. Особенно императрица Елисавета Петровна заботилась о поддержании и сохранении дворца своего деда, где в то время хранилась и колыбель великого ее родителя. Императрица, живя в Москве, любила приезжать в Коломенское с знатнейшими лицами своего двора и угощала их там столом по старинному царскому положению.

Императрица Екатерина также очень любила Коломенское и поэтически описывала

его в своих письмах, хотя и говорила про него, что Коломенское относится к Царскому Селу, как плохая театральная пьеска к трагедии Лагарпа. Императрица прожила в Коломенском три дня, и в воскресенье, 27 июня, накануне дня своего вступления на престол, утром в десятом часу был назначен парадный въезд в столицу. Поезд открывал впереди всех земский исправник Московского округа с заседателями и полицейскими драгунами, за ним ехал почт-директор с своими чиновниками и почтальонами верхом, потом конвойная губернская команда, выборные из дворянства, почетные дворяне верхом и затем уже карета императрицы, впереди которой шли два скорохода, а за ними двенадцать пар ординарцев, карета в восемь лошадей цугом, у стекол стояли великаны; государыня сидела с великими князьями, а сзади кареты ехал московский губернатор генерал-майор Петр Васильевич Лопухин.

По приближении государыни к городским воротам встретили императрицу главнокомандующий московский П. Д. Еропкин с генералами и прочими высшими чинами и поеха-

ли в свите по бокам ее кареты, за ними уже следовали в придворных каретах чужестранные министры и придворный штат, составивший свиту императрицы. У самой Серпуховской заставы были устроены триумфальные ворота с разными символическими и аллегорическими изображениями; в боковых нишах ворот помещались два оркестра музыки: инструментальный и вокальный.

Здесь же ожидали прибытия императрицы все городские власти, именитое купечество, ремесленные цехи со старшинами, и от первых стояли городской голова и выборные с хлебом-солью. Когда поезд подъехал к воротам, городу было дано знать 51 выстрелом из пушек, поставленных у заставы; с приближением же кареты императрицы к воротам раздалась музыка и послышалось пение кантов, на приезд государыни сочиненных. По принятии государынею хлеба-соли кортеж двинулся дальше. У каменного Всесвятского моста императрицу ожидали директор главного народного училища с учителями и учениками, поставленными по обеим сторонам улицы. Лишь только императрица проехала мост, го-

родскою артиллериею был произведен 101 выстрел и во всей Москве раздался колокольный звон.

При въезде Екатерины в Воскресенские ворота заиграла поставленная на них бальная, а на гауптвахте – полковая музыка. В Спасских воротах, где ожидал ее московский обер-комендант с своими чинами, играла гарнизонная музыка.

Государыня отправилась в Успенский собор, где была встречена архиепископом Платоном с духовенством. По окончании литургии государыня прикладывалась к святым иконам и мощам. Г. Любецкий передает следующий любопытный рассказ о наречении в этот день Платона митрополитом. Протодиакон получил во время литургии тайное повеление императрицы: при словах «преосвященнаго Платона, приносящаго Св. Дары Господеви и Богу нашему», провозгласить его митрополитом. Платон, думая, что протодиакон ошибся, заметил ему это из алтаря, но когда тот снова повторил то же самое, тогда Платон догадался, в чем было дело. Он выступил в царские двери, поклонился государыне

и отблагодарил ее импровизованною речью.

После обеда императрица посетила Платона и потом со свитой отправилась к главнокомандующему Москвы, где был приготовлен для государыни и всех высших особ обеденный стол.

А. Корсаков говорит: «Это был четвертый и последний триумфальный въезд наших государей из Коломенского в Москву. Был еще пятый въезд, но это был нерадостный, встреченный с горем и плачем и с унылым звоном колоколов московских. То был печальный поезд, тянувшийся из Таганрога с прахом Александра Благословенного».

Екатерина II в свой приезд 1787 года остановилась в Пречистенском дворце, в первые же приезды в Москву государыня жила в Головинском дворце, против Немецкой слободы, за Яузою. Последний дворец существовал еще при императоре Петре Великом; при этом государе голландец Тимофей Брантгоф разводил здесь сад.

Императрица Анна Иоанновна очень любила этот сад и приказывала даже называть его своим именем – «Анненгоф». Когда эта го-

сударыня в первое время жила здесь, то перед дворцом лежал один только большой луг и не было ни одного деревца.

Раз императрица, гуляя со своими приближенными, сказала: «Очень бы приятно было гулять здесь, ежели бы тут была роща: в тени ее можно бы было укрыться от зноя». Несколько дней спустя было назначено во дворце особенное торжество по случаю какой-то победы. Императрица, встав утром рано, по обыкновению подойдя к окну, чтобы посмотреть на погоду, была поражена удивлением: перед глазами ее стояла обширная роща из старых деревьев.

Изумленная царица потребовала объяснения этого чуда, и ей доложили, что ее придворные, которым она несколько дней тому назад, гуляя по лугу, выразила свое желание иметь здесь рощу, воспользовались мыслью государыни и тогда же вечером разбили луг на участки, и каждый, кому какой достался по жребию участок, со своими слугами в одну ночь насадил его отборными деревьями.

П. Львов, у которого мы заимствуем это предание, говорит, что еще в его время здесь

были деревья, на которых можно было видеть имена придворных, которые их сажали. Глинка говорит, что роща, принадлежащая к дворцу, была будто бы насажена еще самим Петром Великим и что государь здесь лично делал окопы; место же под сад взято у Лефор-та.

В Анненгофский сад были выписаны разных родов деревья из Персии; но все эти заморские растения от худого присмотра погибли в дороге, не прибыв еще в Москву. По отчетам садовника Дениса Брокета, для этого сада часто были покупаемы у жителей Немецкой слободы тюльпаны, нарциссы, лилии и другие цветочные и луковичные растения.

Из производства интендантской конторы, в которой состоял Анненгофский сад и дворец, видно, что ежегодно на содержание сада и устройство его отпускаема была сумма в 30 000 рублей. Заведовали ими обер-гофмейстер Сем. Андр. Салтыков и обер-архитектор Рас-трелли. Кроме того, ближайшим смотрителем над строением Анненгофских садов был архитектор Петр Гейден. В Анненгофских садах, кроме главного садовника, находился смотри-

тель из военных. Таковым был в 1741 году подпрапорщик Афанасий Федоров с жалованьем по 1 рублю в месяц.

Интересны также существовавшие тогда цены на растения. Так, из справки видно, что крестьянин Филатов обязался перевезти в новый Анненгофский сад из вотчины князя В. Урусова, Московского уезда, из села Садков-Знаменское тож, по Серпуховской дороге, в 17 верстах от Москвы, из рощи липовых деревьев штабмовых 2000, шпалерных 1000 и более, ценою с вырыванием и перевозкою: за штабмовые по 6 рублей, а за шпалерные по 3 рубля за сотню. В 1741 году весною крестьянин цесаревны Елисаветы Петровны доставил для посадки в новый сад разные деревья толщиной «в рублевик» и «в полтинник», а именно: ильмы по 6 копеек за дерево, ясени по 6 копеек за дерево, клен по 3 рубля за сто, орешник толщиной «в полтинник» по 1 рублю за сто. Садовые ученики получали жалованье в треть по 5 рублей. Они носили мундир: «кафтаны серые, камзолы красные, штаны козлиные».

Из таких же отчетов и описей Анненгофского сада видим, что в те годы в саду было

девять прудов с рыбою и несколько беседок; также там стояли каменные статуи Венус, Самсон, сфинксы золоченые и проч.

О пространстве, какое занимал Анненгофский сад, точных указаний нет. Впрочем, об обширности его можно судить из того, что в 1740 году наряжены были главною дворцовою канцеляриею дворцовые крестьяне из сел Троицкого-Голенищева, Измайлова, Коломенского, Софьина и Братовщина для перевозки в сад одного только навоза из Остоженских конюшен.

В каких размерах здесь были устроены оранжереи, можно заключить из того, что на отопление их отпускалось ежемесячно 45 сажен.

Вскоре после кончины Анны Иоанновны деревянный дворец сгорел. Следы этого дворца существовали еще в двадцатых годах нынешнего столетия; П. С. Валуев, бывший президент кремлевской экспедиции, устроил на фундаменте этого дворца галерею и беседку. В двадцатых годах нынешнего столетия здесь было самое модное гулянье. Императрица Елисавета Петровна приказала негде далеко от

старого дворца построить новый, тоже деревянный. Дворец этот в народе стал называться Головинским; название это произошло от того, что как строитель дворца, так и поставщик материалов для дворца оба носили одну фамилию – Головин.

Во время чумы в Москве в этом дворце поселился присланный из Петербурга князь Гр. Орлов, но чуть ли не на третий день по его приезде Головинский дворец, как мы уже говорили, сгорел до основания. Одни полагали, что дворец сгорел от неосторожности во время топки камина, другие же уверяли, что от поджога. Императрица Екатерина II наместо прежнего деревянного приказала построить каменный, назначив строителем знаменитого русского зодчего В. И. Баженова. Как план Головинского дворца, так и все украшения в нем были рассматриваемы и утверждены Екатериною II. Все эмблемы лепной работы, которые были над окнами и дверями в большой зале, были избраны императрицею, и каждая из них представляла торжество какой-нибудь добродетели.

Император Павел I приказал этот огром-

ный каменный дворец превратить в казармы, поместив в нем четыре батальона московского гарнизонного полка, и назвать дворец Екатерининскими казармами. В 1812 году Головинский дворец был почти разрушен французами и только в 1823 году возобновлен и перестроен под надзором генерал-майора Ушакова, директора Смоленского кадетского корпуса, а в следующем, 1824 году, по воле императора Александра Благословенного, из Костромы сюда переведен Смоленский кадетский корпус (бывшее Псковское благородное училище), что теперь Первый Московский кадетский корпус, столетний юбилей которого праздновался лет десять тому назад.

Но, возвращаясь к пребыванию Екатерины II в Москве, мы видим, что с приездом императрицы празднества и торжества пошли каждый день зауряд. Тогдашнее вельможное барство древней столицы один перед другим старалось отличиться своими балами. Кроме таких праздников, государыня часто совершала увеселительные поездки на загородные гулянья, как, например, Сокольничье поле. Здесь в те времена обыкновенно собирались

цыгане, кочевавшие тогда на Филях; тогдашние цыгане ходили в своих ярких национальных одеяниях: мужчины – в кафтанах с перехватами и широких восточных шальварах, а женщины – в ярких разноцветных платьях с перекинутыми на одно плечо алыми, выцветшими шальями и с золотыми монетами в ушах вместо серег.

Государыня ездилa со всею пышностью: впереди, перед каретою ее, ехал взвод лейб-гусар в блестящих мундирах, сзади сопровождал ее подобный же конный отряд гвардейской свиты; поздно вечером путь императрицы освещался факелами. Появление государыни на какой-нибудь улице производило полное волнение в народе, всюду неслись восторженные крики, и толпа кидалась бегом провожать царицын поезд.

Нередко государыня посещала и Сокольничью рощу. В Сокольниках, на немецких станях, особенно шумно праздновался день 1 мая городскими жителями. Обычай здесь праздновать первый день весны шел со времен Петра Великого. Сокольничья роща была частью Лосиногo погонного острова, где из-

древле русские государи любили потешаться звериною и соколиною охотой. В народе это гулянье слывет под именем «немецкого стана, или немецких столов». Предание гласит [51], что здесь было первое становище немцев, вызванных и добровольно приехавших в Россию и поселившихся в Немецкой слободе, известной под финским названием Кукуя, или Кукуй.

Сюда на новоселье немцы собирались вспоминать родной свой праздник «первое мая». Любопытство привлекало сюда и русских, у которых впоследствии и обрусел этот чужестранный праздник, но название «немецких станов» удержалось. Когда в Москву приведены были пленные шведы, Петр I, поселив их близ Сокольничьей рощи, роздал знающим разные мастерства в науку русских мальчиков, которые помещены были в матросской фабрике в Преображенском селе. У царя стоял дворец в Сокольничьей роще; в сороковых годах нынешнего столетия были еще целы старые липы царской посадки; стояли они в саду Чориковой дачи.

Здесь государь угощал немецких и швед-

ских мастеров по обычаю их страны, своими столами. Это угощение и прослыло «немецкими столами» и из немецкого гулянья сделалось чисто русским народным гуляньем «первого мая». Существует предание, что государь здесь устраивал воинские потехи с примерными сражениями, осадой и взятием крепостей и сам с ними участвовал в ратоборствах. При дочери Петра, императрице Елисавете, это гулянье пользовалось особенной популярностью. Так, в 1756 году здесь было столько народу, что прогуливаться не было возможности. Карет было в этом году более тысячи.

На Сокольничьем поле император Александр I давал три дня сряду праздник своему народу после коронации. В этот день на обширном поле устроены были беседки и галереи в разных стилях; стояли столы, целые быки мяса с золотыми рогами; жареные гуси, утки, индейки, как плоды, висели на деревьях; винные и пивные фонтаны били без устали; стояли полные вином сороковые бочки и т. д. Государь приехал на гулянье в исходе первого часа, заиграла музыка, и с криком «ура!» все столы опустели, и весь сад с яствами исчез, и

даже от быков ничего не осталось; только еще фонтаны продолжали бить вином, народ пил из них шляпами, другие подставляли прямо рты к фонтанам. Государь ездил верхом посреди рядов народа и приветливо обращался к толпе со словами: «Кушайте, будьте довольны!» «Довольны, очень довольны, ваше императорское величество, – отвечал ему один отставной служивый гвардеец времен Екатерины, – тебе только так угощать нас, в тебе, государь, мы видим нашу матушку-царицу!» По преданию, порядок в этот день царствовал образцовый, не было ни одного скандала, праздник кончился благополучно. Все это произошло благодаря заботливой распорядительности обер-полицеймейстера Каверина и двух полицеймейстеров – Ивашкина и Алексеева.

На этом народном празднике отличился со своею трупною вольтижером известный в то время привилегированный берейтор Петр Магио.

В первые годы царствования императора Александра в Сокольниках праздник «первого мая» выходил необыкновенно разгульным

и многолюдным.

На это народное гулянье приезжали почти все тогдашние вельможи и разбивали здесь свои турецкие и китайские палатки с накрытыми столами для роскошной трапезы и великолепными оркестрами; рядом с такими сказочно пышными палатками в то время стояли простые, хворостяные, чуть прикрытые сверху тряпками шалаши с единственными украшениями – дымящимся самоваром, со сбитнем и простым пастушьим рожком для аккомпанемента поющих и пляшущих поклонников алкоголя.

С. П. Жихарев в своих воспоминаниях говорит: «Сколько щегольских модных карет и древних, прапрадедовских колымаг и рыдванов, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасных лошадей и претощих кляч, прелестнейших кавалькад и прежалких дон-кихотов на прежалчайших росинантах!»

Описывая одно из таких гуляний 1805 года, он упоминает про палатку своего знакомого Е. Е. Ренкевича, у которого он нашел прекрасное общество и роскошное угощение. Палатка эта была поставлена на самом бойком месте,

несколько наискось против палатки главнокомандующего и других вельмож; отсюда все гулянье, на всем его протяжении в обе стороны, было видно. Между тем народ, наиболее тут толпившийся, нетерпеливо посматривал к стороне заставы и, казалось, чего-то нетерпеливо поджидал, как вдруг толпа зашевелилась и радостный крик: «Едет! Едет!» пронесся по окрестности. И вот началось шествие необыкновенно торжественного поезда, без которого, говорили, гулянье «первого мая» было бы не в гулянье народу. Впереди на статном фаворитном коне своем Свирепом ехал граф А. Орлов в парадном мундире и обвешанный орденами. Азиатская сбруя, седло, мундштук и чепрак были буквально залиты золотом и украшены драгоценными камнями. Немного поодаль, на прекраснейших серых лошадях, ехали дочь его и несколько дам, которых сопровождали А. А. Чесменский, А. В. Новосильцев, И. Ф. Новосильцев, князь Хилков, Д. М. Полторацкий и множество других неизвестных мне особ. За ними следовали берейторы и конюшие графа, не менее сорока человек, из которых многие имели в поводе

по заводной лошади в нарядных попонах и богатой сбруе. Наконец, потянулись и графские экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четверками одномастных лошадей. Проезжая мимо палатки Ренкевича, А. А. Чесменский приглашал всех находящихся в ней дам к графу на сегодняшнюю скачку.

В начале нынешнего столетия у Сокольничьей заставы стояла знаменитая дача графа Ростопчина. Спустя сорок лет после нашего французов от этой роскошной барской усадьбы оставались одни развалины дома и запустелый сад, по дорожкам которого росла трава и ездили иногда для сокращения пути проезжие в телегах.

Все московские гулянья прошлого века отличались от нынешних большим разнообразием и разгулом. И. Е. Забелин весьма верно замечает, что общее веселье тогда поддерживалось и общим участием москвичей, большинство которых не успело еще поставить себя выше народных обычаев и не только не чуждалось, но, напротив, принимало самое живое личное участие во многих забавах про-

стого народа. Гулянья того времени еще во многом сохраняли те первобытные черты, в которых вполне отражалась старинная жизнь со всеми особенностями и оттенками; эти главные черты были: пьянство, пляски, кулачные бои и т. д.

Одним из центров каждого гулянья был большой шатер, известный в народе посейчас под кличкой «колокола». Из гуляющих редко кто проходил мимо шатра-колокола, верх которого украшался обыкновенно небольшим флагом и зеленою кудрявою елкою; внутри шатра стояли стойки с бочонками и разною питейною посудю, в числе которой потребительнейшая называлась «плошкою» и «крючком». Это была особая мера, в которой продавалось вино в разливку, и в старину не просили «на водку», а просили обыкновенно «на крючок».

Кроме большого шатра, на гуляньях стояли еще разного рода шалаши и палатки, крытые нередко рогожей и лубком. Здесь помещались трактиры, герберги, продавцы пряников, орехов, царьградских стручьев; также всюду на гуляньях виднелись столы, где ды-

мились самовары с ароматным имбирным сбитнем, продавалась хмельная буза, полпиво и проч. В числе народных забав первое место занимали качели, затем карусели, нынешние детские коньки. Затем давались для народа и драматические представления, устраиваемые в лубочных балаганах, шалашах и других на скорую руку постройках.

Такие балаганы строились обыкновенно на Святой под Новинским и на Масленице на Москве-реке. Представления в таких театрах не отличались чистотою; героем комедии был шут или дурак со своими нецеломудренными рассказами и прибаутками. В числе народных зрелищ были еще кукольные комедии и райки, показываемые заезжими иностранцами; приезжали в Москву и разные немецкие шпрингеры, балансеры, позитурные мастера, кунстмейстеры, эквилибристы и великаны. В числе последних в 1765 году в Немецкой слободе показывался иностранец Бернард-Жилли; ростом он был в $3\frac{1}{2}$ аршина, во всем с пропорциональными членами и такой величины, что «не найдено еще человека, который бы свободно не мог проходить

под его руку». Великан начал расти только с десятого года. Этот силач представлен был императрице в Царском Селе. Жил в те времена еще итальянец Швейцер в Немецкой слободе и показывал любопытствующим персонам повседневно разные курьезные действия собак и брал за смотрение по рублю.

Другой заезжий француз показывал человека, который был выброшен во время жестокой бури на остров Мартиник и три месяца питался камешками, дававшимися ему в пищу. Жила у Тайницких ворот у малороссиянина Репкова дочь, которая, трех лет от роду, играла на гусях 12 пьес по слуху, самоучкой. Показывалась также на Тверской, в екатерининское время, у жены Шаберта де Тардия, привезенная из Африки птица страус, которая больше всех птиц в свете, чрезвычайно скоро бегают, имеет особенную силу в когтях, на бегу может схватить камень и так сильно оным ударить, как бы из пистолета выстрелено было; она же птица ест сталь, железо, разного рода деньги и горящие уголья. За смотрение благородные платили по своему изволению, а с купечества брано было по 24 копей-

ки; простому же народу объявлялась цена при входе.

В числе древнейших народных забав на гуляньях можно было встретить медведя с козю. Затем также на старинных гуляньях славились игрою на рожках тверские ямщики; они же «оказывали весну разными высвисты по-птичьи». Эти простые мужички составляли целые хоры самых разнообразных птичьих голосов, начиная от нежной малиновки до соловья.

Кроме описанных удовольствий, на старинных гуляньях можно было встретить и «собачью комедию». С такою ученою комедию на Москве в 1766 году был итальянец Иозеф Швейцер: с некоторым числом больших и малых собак, приученных к разным «удивительным действиям», давал он представление в Немецкой слободе, в доме графа Скавронского. За смотрения «оних действий» брал сперва по рублю с персоны, но затем позднее и 50 копеек, а с «подлого» народа по 10 копеек с человека.

Давало свои представления в этом же году на придворном театре в Головинском двор-

це «собрание разных искусников, танцующих по веревке, прыгающих, ломающихся и представляющих пантомиму». Приезжал также в Москву французский королевский механик господин Тезие с удивительною физической и оптической машиной, посредством которой он перспективным представлением по правилам архитектуры показывал города, замки, церкви, сады, гавани, триумфальные ворота и прочие любопытства достойные вещи, которые зрителей довольно приводят в удивление. В 1764 году в Москву наезжал английский берейтор Батес и производил свои «конские ристания».

На Кисловке, близ Никитского монастыря, в доме купца Телепнева, «показывал свое искусство с разными удивительными штукаами маленький безногий человек». В Немецкой слободе, в доме француза Мармсона, можно было видеть «весьма любопытную машину, называемую оракул».

В Старой Басманной, против Разгуляя, в доме парикмахера Карла Шлаха, была машина, которая изображала статуи в движении, «как натуральные люди работают на горах, подко-

пах и ямах для сыскания руды серебряной и золотой».

Показывал также в Немецкой слободе, в Чоглоковом доме, голландский кунстмейстер Сергер штуки с Цицероновою головою и прочими большими итальянскими двухаршинными куклами, которые разговаривали, представлял комедию о «докторе Фавсте», а также у него и ученая лошадь «по-прежнему действовала».

Тот же Сергер пред Рождеством объявил, что у него, в доме Трубникова, на Дмитровке, начнется новая комедь из больших итальянских марионеток, которая будет называться «Храбрая и славная Юдифь».

Французский механик Дюмолин показывал удивительную машину, которая «одним разом шесть лент ткет, и самодельную канарейку, которая поет разные арии»; у этого же механика показывалась движущаяся лягушка, которая знает время на часах и, показывая оное, плавает в судне. Показывалась также и голова в натуральную величину, движущиеся действия которой так натуральны, что всех зрителей устрашает.

Помимо итальянских марионеток, или кукол, были и русские скоморохи, которые разыгрывали роли, наряжаясь в скоморошное платье, надевали на себя хари, или маски; некоторые из них носили на голове доску с движущимися куклами, поставленными всегда в смешных и часто в соблазнительных положениях; но больше всего они отличались и забавляли народ прибаутками, складными рассказами и красным словцом. Были между ними глумцы и стихотворцы-потешники. Тешили народ такие скоморохи также и музыкой. В то время еще старых национальных инструментов было несколько; так, например, гусли, гудки (ящички со струнами), сопелки, дудки, сурьмы (трубы), домвры, накры (род литавр), волынки, ленки, медные рога, барабаны, бубны, торбаны и проч.

Самое многолюднейшее гулянье в Москве в старину было на Масленице; главное гулянье на этой неделе сосредоточивалось на Москве-реке, и особенно на Неглинной, где теперь фонтан перед Кремлевским садом, потом еще за Кузнецким мостом на Трубе. Летом здесь текла Неглинная и было непрохо-

димое болото, а зимой это место, как широкая площадь, представляло много удобств для постройки масленичных гор и кулачных боев, без которых в старину, как мы уже говорили, в Москве не проходило ни одного зимнего праздника.

Борьба и кулачный бой составляли одну из первых и любимых забав народных в Сырную неделю: на улицах и на реке бились «сам на сам», или один на один. Это – бой стеной, стенка на стенку. Такие единоборческие потехи назывались в летописях «играми, игрушками», и их давали наши великие князья.

Для примерных битв составлялись две враждебные стороны; по данному знаку свистком обе стороны бросались одна на другую с криками; для возбуждения охоты тут же били в накры и в бубны. Бойцы поражали друг друга в грудь, в лицо, в живот, и сразу сбить противника на землю называлось «снять с чистоты». В то время бились неистово и жестоко, и очень часто многие выходили навек калеками, а другие оставались на месте мертвыми. Катанье на санях по улицам начиналось с понедельника, а более с четверга на

Сырной неделе; вечером в эти дни ездили целыми вереницами, а народ катался с песнями.

При Петре Великом масленичные потехи бывали в Москве у Красных ворот. Император сам в понедельник на Масленице открывал празднество, повертевшись на качелях с офицерами.

По случаю Ништадтского мира в 1722 году царь дал в Москве невиданный дотоле маскарад и санное катанье. В четверг на Масленице открылось шествие большого поезда из села Всесвятского, где еще накануне с вечера было собрано множество морских судов разного вида и разной величины саней, запряженных разными зверями. По данному ракетой сигналу сухопутный флот, напоминающий древний великого князя Олега, на полозьях и колесах потянулся длинною вереницею от Всесвятского к Тверским триумфальным воротам. Шествие открывал арлекин, ехавший в больших санях, запряженных в шестерик лошадей, украшенных бубенчиками и побрякушками.

В следующих санях ехал князь-папа Зотов,

облаченный в длинную мантию из красного бархата, подбитую горностаем; в ногах у него сидел Бахус на бочке. За ним следовала свита пьяниц, замыкаемая шутом в санях, запряженных четырьмя свиньями. Затем началось шествие самого флота под предводительством Нептуна, сидевшего с трезубцем в руках на колеснице, везомой двумя сиренами.

В процессии находился и князь-кесарь Ромодановский, в царской мантии и княжеской короне; он занимал первое место в большой лодке, везомой двумя живыми медведями. Наконец, следовал громадный восьмидесятивосьмипушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля «Фридемакера», спущенного на воду в марте 1721 года в С.-Петербурге. Корабль имел три мачты и полное корабельное вооружение, даже до последнего блока.

На этом корабле, везомом шестнадцатью лошадьми, сидел сам император в одежде флотского капитана с адмиралами и офицерами и маневрировал кораблем, как бы на море. За этим кораблем следовала раззолоченная гондола императрицы. Государыня была

в наряде простой остфризской крестьянки; свита царицы состояла из придворных дам и кавалеров, одетых арабами.

За гондолой появились настоящие герои маскарада, известные под именем «неугомонной обители» или «всепустейшаго собора». Они сидели в широких длинных санях, сделанных в виде драконовой головы, и наряжены были волками, журавлями, медведями, драконами, представляя в лицах героев Эзоповых басен.

Пестрое маскарадное шествие потянулось через Тверские ворота в Кремль при пушечных выстрелах. Эта процессия достигла дворца только вечером. На следующий день и на третий день, 2 февраля, сбор был назначен у ворот, построенных на этот случай купечеством. Этот маскарад окончился великолепным пиршеством и фейерверком. Участвовавшие в этом маскараде в течение четырех дней каждый день меняли костюмы на новые.

Подновинское предместье Москвы во время народного гулянья. Гравюра по оригиналу Ж. Делабарта. 1799. Фрагмент

Петровский театр в Москве. Литография В. Сенькова. 1780

Глава VI

Первые театральные представления в Москве. – Первые заморские комедианты и антрепренер. – Спектакли немецкой труппы. – Судьба московского театра при Екатерине I и в последующее царствование. – Московский театр при Екатерине II. – Н. С. Титов. – Головинский театр. – Антрепренер Медокс. – Театр на Знаменке. – Петровский театр. – Ротонда. – Первая русская опера. – Актеры Медокса: Померанцев, Шушерин, Украсов, Колесников, Лапин, Сахаров, Плавильщиков и Сандунов. – Переход московского театра в казну. – Репертуар старого театра. – Трагедии, оперы и оперетки. – Первая опереточная артистка. – Слезливая эпоха. – Пантомимный драматический балет. – Спектакли в доме Пашкова. – Новый Арбатский театр. – Балетная и французская труппы. – Актрисы Жорж, Вальберхова и Семенова. – Патриотические спектакли. – Актриса Лисицына. – Прекращение спектаклей в Москве. – Пожар Арбатского театра.

Первые публичные театральные представления в Москве происходили при Петре в «Комедийной храмине», на Красной площади, и в Немецкой слободе, в доме генерала Франца Яковлевича Лефорта. Обе эти храмины имели «театрум и хоры», и против пожара в них были приняты следующие курьез-

ные меры: для этой цели были предназначены два окна, в которые можно было пролезть двум человекам и которые во время действия закрывались щитками, так как свет внешний для комедии был неудобен.

На случай пожара в храмине стояли два ушата воды, и следившим за порядком здесь подъячим посольского приказа было предписано особенно наблюдать, чтобы не было курения. Места в театре были четырех разрядов: первые стоили гривну, вторые – два алтына, третьи – пять копеек и последние алтын.

Входные билеты, или, как их тогда называли, ярлыки, печатались на толстой бумаге. Ярлыки продавались в чуланах, то есть небольших комнатах при театре; для кассы были устроены два ящика – в один опускались полученные за вход деньги, а в другой – ярлыки. У сбора денег были приставлены сторожа, нанятые из посадских людей.

Сбор с комедий в 1703 году равнялся 406 рублям 23 алтынам. В 1704 году комедийных денег в сборе мая с 15-го по 2 июня – 82 рубля 27 алтын 4 деньги, и в том же году с 15 мая по

10 ноября – 388 гривен 9 алтын 4 деньги.

Сбор в летние большие дни был значительнее, чем в осенние дни, потому что публики было больше.

В светлые вечера зрителям по воротам не надо было платить двойной платеж, как в комедию, так и из комедии едучи. Для облегчения посетителей и усиления театрального сбора от 5 января 1705 года государь указал в указные дни, когда бывает комедия, всем смотрящим всяких чинов людям ходить по-вольно и свободно, без всякого опасения, а в те дни ворот городских по Кремлю, по Китай-городу и по Белому городу в ночное время до 9 часу ночи не запираеть и с проезжих указной по воротам пошлины не имать, для того чтобы смотрящие того действия ездили в комедию охотно.

Но указ о вольном бесплатном проезде в комедию в конце концов не имел желаемого успеха, и, как ниже увидим, комедийная хранина в 1707 году совсем пришла в запустение и была переведена на Печатный двор и на подворье Богоявленского монастыря.

Для комедийной хранины в 1701 году от-

правлен был за границу поступивший к царю на службу комедиант Иван Сплавский, в город Гданск (Данциг) для вербования в Москву театральной труппы.

Он в контракте обязывался, по прибытии с труппою в Москву, «царскому величеству всеми вымыслами, потехами угодить и к тому всегда доброму, готовому и должному быти», и за все это ему назначено ежегодно получать по 5000 ефимков. Современники в то время смотрели на зарождающийся «светский театр» как на дело дьявольское и богопротивное и глядели, приговаривая: «С нами крестная сила!» Но не так думало тогда только наше духовенство, составлявшее в то время самый образованный класс, наиболее знакомый с литературою Запада. Студенты духовного училища при московском Заиконоспасском монастыре переводили на славянский язык французские и немецкие мистерии, заимствованные из библейской истории, и разыгрывали их в трапезах и рекреационных залах.

Лучшими из этих пьес были: «Эсфир и Агаффер», «Рождество Христово», «Кающийся

грешник» и «Христово Воскресенье», с весьма аллегорическими посторонними действиями. Первая из этих пьес впоследствии, по повелению Елисаветы Петровны, игралась Великим постом на придворном театре; по преданию, во второй пьесе Пречистой Девы Марии на театре между действующими лицами не было, а был только образ ее.

Публичные представления на Красной площади в конце 1704 года на время прекратились в этом году: Яган Куншт, этот предтеча нынешних антрепренеров, бежал из Москвы, не заплатив жалованья никому из своих служащих. Несчастные его комедианты принуждены были просить, чтобы для уплаты им Кунштова долга взять в казну принадлежащие его театру гардероб и другие вещи. В хронике русского театра Носова приведен список описанных вещей и следующее объявление об аукционе: «Продаются театральные украшения, принадлежащие директору немецких комедиантчиков Ягану Куншту, убоявшемуся нашего градского начальства наказания за сочиняемые им и играемые на публичном театре пасквильные комедии, уехал из России ин-

когнито, не заплатя никому жалованья, по сему резонту и объявляем, что продажа сия делается на уплату долгов комедиантов».

В числе вещей продавались: дворец с великолепными садами, крепостями, лесами, рощами, лугами, наполненными людьми, зверями, птицами, мухами и комарами; море, состоящее из 12 валов, из которых самый огромный, 9-й, вал немного поврежден. Полторы дюжины облаков, снег в больших хлопьях из белой овернской бумаги и т. д.

После Куншта театр на Красной площади перешел в руки Отто Фюрста; представления у последнего чередовались с русскими представлениями; русские давались по воскресеньям и вторникам, а немцы играли по понедельникам и четвергам, – немецкие и русские пьесы представлялись под управлением Фюрста. Немецкая труппа давала по большей части так называемые пьесы на случай (*pièces de circonstances*). Так, например, в 1703 году ему поручалось поставить драматическое представление на случай взятия русскими Нотебурга, или Орешка. Новому антрепренеру было отдано несколько русских учеников в

науку. Об этих русских актерах сохранился интересный документ, относящийся к 1705 году, рисующий как ту эпоху, так и состояние тогдашнего драматического искусства у нас.

Вот этот доклад начальству: «Ученики комедианты русские без указа ходят всегда с шпагами, и многие не в шпажных поясах, но в руках носят, и непрестанно по гостям в ночные времена ходя пьют. И в рядах у торговых людей товары емлют в долги, а денег не платят. И всякие задоры с теми торговыми и иных чинов людьми чинят, придираясь к бесчестию, чтоб с них что взять нахально.

И для тех взяток ищут бесчестий своих и тех людей волочат и убыточат в разных приказах, мимо государственного посольского приказу, где они ведомы.

И взяв с тех людей взятки, мирятся не дожидаясь по тем делам указа, а иным торговым людям бороды режут для таких же взяток».

Особенно в таких злокозненных деяниях обличался актер Василий Теленков, он же Шмага пьяный, – по посланному на него доносу к боярину Головину вышла от последне-

го резолюция: «Комедианта пьяного Шмагу взяв в приказ высеките батоги».

В 1704 году в труппе Фюрста женские роли исполняли две женщины: девица фон Велих и жена генерального доктора Паггенкампа, в русских документах последняя попросту переделана в Поганкову. Первая жалованья получала 150 рублей, вторая – по 300 рублей[52]. В 1705 году в Москве публичных немецких спектаклей не давалось. В 1707 году драматические представления часто происходили при дворе царицы Прасковьи Феодоровны и великой княжны Натальи Алексеевны; из дворцовых документов видно, что в разное время высылались по требованию цариц в село Преображенское и Измайлово театральные костюмы и декорации, которые служили в труппах Куншта и Фюрста.

В селе Измайлове дочь царя Иоанна Алексеевича сама распоряжалась представлениями за кулисами. На этом придворном театре в антрактах являлись дураки, дуры, шуты с шутихами и забавляли зрителей пляскою под звуки рожка с припевами или разными фарсами. Там было, по пословице царя Алексея

Михайловича, «делу время, а потехе час». В 1706 году, в год смерти второго[53] директора русского театра графа Ф. А. Головина, второй антрепренер, бывший золотых дел мастер Артемий Фюрст, принимал участие в церемонии его похорон; последние, как известно по уцелевшей современной гравюре, отличались необыкновенною пышностью, актерам были выданы из театрального платья «латы добрые всея воинские одежды и с поручи и с руками».

При другой, тоже пышной церемонии, для торжества по случаю Полтавской победы, в Москве было построено несколько триумфальных ворот, и на одних, именно в Китай-городе, на площади у церкви Казанской Богородицы, устроены декорации из комедийного дома. Известно еще, что в 1713 году, по указу царицы Прасковьи, были взяты из «комедии, обретающиеся близ Николаевских ворот, двадцать перспективных картин».

На всех этих театрах русскими учениками Куншта и Фюрста играны были пьесы следующие: «О Франталисе эфирском и о Мирандоне, сыне его», «О честном изменнике», «Тюрмо-

вый заключенник, или Принц Пикельгяринг», «Постоянный папиньянус», «Доктор Принужденный» и проч. Все эти пьесы имели все театральные эффекты и ужасы – сражения, убийства и проч.

По обыкновению, в пьесах были и смешные сцены, где шут Пикель Гяринг[54] сыплет грязные площадные шутки, поет куплеты, вроде:

*Братья, да возвеселимся,
Сим вином да утвердимся!
Бог убо весть – сколько нам жи-
ти,
Ныне идем купно в поле,
Убитыми быть или вздраве... и
т. д.*

Бергхольц говорит, что о представлениях на театрах к знатым людям сами актеры разносили афиши и что один из таких придумал даже извлекать из этого выгоды, выпрашивая вознаграждение, за что и был наказан батогами. Афиши были печатные и так называемые перечневые; последние печатались для лучшего объяснения публике содержания и хода представления.

После Петра I, при Екатерине и в последующее царствование, в Москве публичных представлений не было. Со вступлением на престол Анны Иоанновны простота прежних времен сменилась великолепием и пышностью. Никогда еще коронавание русских государей не совершалось с таким великолепием и блеском, как коронация Анны Иоанновны. К этому торжественному дню польский король Август II отправил в Москву отборнейшие таланты своей дрезденской оперы. Это были итальянцы, между которыми находились европейские знаменитости, превосходные певицы, танцовщицы и музыканты. Из числа их особенно отличалась актриса Казанова, мать известного авантюриста Жака Казанова, и комик певец Педрилло, впоследствии шут государыни.

Этими-то артистами и была представлена первая итальянская интермедия, с неслыханною роскошью в костюмах и декорациях. В 1741 году, с восшествием на престол императрицы Елисаветы Петровны, началась новая блистательная эпоха процветания драматического искусства в России, и в ее же царство-

вание положено начало отечественному театру. Ко дню коронавания императрицы в Москве нарочно был построен новый театр на берегу Яузы; театр был обширен и прекрасно убран. В день коронации был дан первый великолепный спектакль на итальянском языке; он состоял из оперы «Clemenza di Tito» («Титово милосердие») и «La Russia afflitta et riconsolata» («Опечаленная и вновь утешенная Россия»), большой аллегорической интермедии, смысла которой пояснять не нужно, потому что он виден из самого заглавия пьесы. После следовал балет «Радость народа, появление Астреи на российском горизонте и о восстановлении златого века». Балет, по сказаниям современников, был превосходный и приводил в неимоверный восторг публику.

В следующие дни торжества был представлен еще другой балет: «Златое яблоко на пире богов, или Суд Париса». Оба балета были сочинены и поставлены на сцену Антонио Ринальдо-Фузано; этот балетмейстер служил прежде при дворе Анны Иоанновны и был преподавателем танцевания великой княгини Елисаветы Петровны.

При первом известии о восшествии ее на престол Фузано, бывший тогда в Париже, поспешил в Петербург, чтобы представиться венценосной своей ученице и предложить ей свои услуги; императрица тотчас же его приняла и наименовала вторым придворным балетмейстером для комических балетов; первым балетмейстером и хореографом трагических танцев числился Ланде, в то время находившийся за границей. В 1759 году в Москву был отправлен по высочайшему повелению актер Ф. Г. Волков вместе с другим актером, Яковом Шумским, для основания публичного театра.

Прибывшие в Москву артисты нашли русский театр уже существующим; построен он был в 1756 году в малом виде у Красного пруда[55], где теперь станция железной дороги, в доме Локателли. Антрепренер московского театра Джиовани-Батисто Локателли приехал в Россию в 1757 году с итальянскою труппою, где главные роли исполняли певицы Мария Комати и Жиованна Локателли, называвшаяся по театру Стелла, и затем Бунни; певцами у него были Андреас Елиас, Ергард, тенор Бун-

ни и молодой кастрат Масси; первые представления он давал в Петербурге на придворном театре.

Через год он переехал в Москву, куда выписал еще певцов, музыкантов и танцоров; лучшими в его труппе были певица Монтаваники и кастрат Монфредини; первый спектакль дал хороший сбор, но потом пошли плохие сборы, за вход к нему в театр платили по рублю с человека, а на ложи существовала годовая плата по 300 рублей. Наши баре в то время отделяли свои абонементные ложи шелковыми материями и зеркалами; оперою здесь распоряжался Локателли, итальянские интермедии давались безденежно, к смотрению их университет приглашал все дворянство, как тогда объявлялось в «Московских ведомостях».

Театр находился под управлением директора университета Мих. Матв. Хераскова, писавшего для него пьесы вместе с Сумароковым.

В числе актеров здесь были известные впоследствии литераторы, тогда еще университетские студенты: Я. П. Булгаков, Д. И. Фонви-

зин. Для поощрения талантов государыня повелела награждать шпагами тех, которые окажутся хорошими актерами. На этом же театре появилась первая русская актриса Авдотья Михайлова.

Первая пьеса, представленная на московском публичном театре, называлась «Сердечный магнит», драма увеселительная, с музыкою, в трех действиях, перевод с итальянского студента Егора Булатницкого, белыми стихами.

За нею давалась другая пьеса с великолепным спектаклем, под названием «Обращенный мир» (то есть «Свет навыворот»), драма увеселительная, с музыкою, в трех действиях, изобретенная живописью, театральным украшением Ангиолом Карбоном (Анжело Карбонно), инженером Болонским. Танцы Гаспара Сантини. После них с необыкновенным успехом шла героическая комедия в стихах М. Хераскова «Безбожник».

Но театр московский долго не мог держаться, потому что не имел постоянной труппы, актеры-студенты, оканчивая курс в университете, поступали на государственную

службу или уезжали в Петербург или провинции. Новое звание и служба не позволяли им продолжать сценическое поприще, театр сиротел и оскудевал. В 1761 году он рушился совершенно; многие его артисты перешли в Петербург на придворный театр.

Во время коронационных празднеств при восшествии на престол Екатерины II в Москве, как мы выше уже говорили, были даны великолепные театральные представления, затмившие все до этих пор виденные сценические зрелища. В начале царствования Екатерины вольный московский театр содержал все тот же итальянец Бельмонти.

В эту эпоху на московском театре случился неслыханный до этого времени театральный скандал. Около 1770 года Бельмонти поставил на своем театре драму Бомарше «Евгения»; пьеса эта не принадлежала к классическому репертуару и, как не модная, не имела даже успеха в Париже. Петербургский театр тоже ее не принял. «Евгения» в Москве явилась в переводе молодого литератора Пушкинова, прошла с большим успехом и делала полные сборы.

Проживавший тогда в Москве А. П. Сумароков, видя такой редкий успех, возмущился и написал письмо к Вольтеру. Тонкий фернейский философ отвечал Сумарокову в его тоне. Подкрепленный словами Вольтера, Сумароков решительно восстал против «Евгении» и бранил Бомарше на чем свет стоит.

Но его не слушали. Бельмонти по-прежнему продолжал давать ее на своем театре, московская публика продолжала наполнять театр во время спектаклей и по-прежнему аплодировала «слезной мещанской драме», как называли этот новый род пьес Вольтер и Сумароков с компанией классиков. Тогда возмущенный Сумароков написал не только резкую, но даже дерзкую статью и против драмы, и против актеров, и против публики, умышленно называя переводчика «подьячим» – худшего названия он не мог придумать. «Ввелся у нас, – писал он, – новый и пакостный род слезных драм. Такой скаредный вкус не приличен вкусу Великой Екатерины... „Евгения“, не смея явиться в Петербург, вползла в Москву, и как она скаредно ни переведена каким-то подьячим, как ее скверно

ни играют, а она имеет успех. Подьячий стал судьей Парнаса и утвердителем вкуса московской публики. Конечно, скоро будет преставление света. Но неужели Москва скорее поверит подьячему, нежели г. Вольтеру и мне?»

Этими словами как все московское тогдашнее общество, так и актеры с содержателем театра сильно обиделись и поклялись отомстить Сумарокову за его выходки. Сумароков, чувствуя приближение грозы, заключил с Бельмонти письменный договор, по которому последний обязывался ни под каким видом не давать на своем театре его трагедий, обязуясь в противном случае за нарушение договора поплатиться всеми собранными за спектакль деньгами.

Но это не помешало врагам Сумарокова привести свой план в исполнение. Они упростили московского губернатора Салтыкова приказать Бельмонти поставить его «Синава и Трувора», потому что, как говорили они, это было желанием всей Москвы. Салтыков, ничего не подозревавший, приказал Бельмонти поставить эту трагедию. Бельмонти, как и актеры, был очень рад насолить Сумарокову и

приказал артистам исказить пьесу насколько было возможно. В назначенный вечер театр наполнился враждебной Сумарокову публикой, занавес поднялся, и едва актеры успели нарочно дурно выговорить несколько слов, раздались свистки, крики, стук ногами, ругательства и прочие бесчинства, тянувшиеся довольно долго.

Никто трагедии не слушал, публика старалась исполнить все, в чем ее упрекал Сумароков. Мужчины ходили между кресел, заглядывали в ложи, разговаривали громко, смеялись, хлопали дверьми, грызли у самого оркестра орехи, и на площади по приказу господ шумели слуги и дрались кучера. Скандал вышел колоссальный, Сумароков пришел в бешенство.

Такой неслыханный скандал поверг его в сильный гнев; он не знал, что делать, ходил по комнате, плакал, перечитывал последнее письмо Вольтера о драме Бомарше и наконец излил свое горе в следующих строках:

*Все меры превзошла теперь моя
досада.*

Ступайте, фурии! ступайте вон

*из ада.
Грызите жадно грудь, сосите
кровь мою
В сей час, в который я терзаюсь,
вопию, —
Сейчас среди Москвы «Синава»
представляют
И вот как автора несчастного
терзают...*

После вскоре он написал к государыне жалобу на Салтыкова. Государыня ему ответила, что ей приятнее видеть «представление страстей в его драмах, нежели в его письмах». Этим дело не кончилось, письмо было перетолковано в самую неблагоприятную для Сумарокова сторону; он написал на эти слухи эпиграмму, начинавшуюся так:

*Наместо соловьев кукушки здесь
кукуют
И гневом милости Дианы тол-
куют;
Хотя разносится кукушечья мол-
ва,
Кукушкам ли понять богинины
слова?..*

Московское общество, в свою очередь,

упросило в это время бывшего в Москве молодого Державина ответить на «Кукушку», и он написал «Сороку», окончив ее так:

*Сорока что совет,
То все слывет сорочий бред.*

И подписал ее двумя буквами: Г. Д. Последнее обстоятельство дало возможность Сумарокову заподозрить ни в чем не повинного какого-то Гавриила Дружерукова, и последний едва отделался от Сумарокова.

Помимо русских спектаклей у Бельмонти давались итальянские интермедии и оперы; певцами в то время у него служили Мора, Фонети, Тоника, Приор с женою и другие. В 1766 году антрепризу русского театра взял на себя полковник Н. С. Титов.

Представления собранной им труппы давались в Головинском деревянном театре, построенном в бытность императрицы Екатерины в Москве. Титов взял в свою труппу актеров Померанцева, Калиграфа и Базилевича; остальные персоналы, нужные для спектаклей, дополнялись из разного звания людей; маскарады и оперные спектакли остались по

пятилетнему контракту за Бельмонти; последний, впрочем, в это время принял к себе в компаньоны еще Чути. Титов содержал театр до 1769 года; после него антрепризу приняли опять итальянцы. В эти же годы казна отвела Бельмонти и Чути место для постройки между Покровскими и Мясницкими воротами, где были стена Белого города и Лесной ряд. По словам А. А. Мартынова[56], после шли представления в доме графа С. И. Воронцова на Знаменке, где теперь дом М. С. Бутурлиной.

Затем театр принял иностранец Гроти, к которому в 1776 году поступил в товарищи московский губернский прокурор князь П. В. Урусов. В этом же году Гроти отделился от него, и князь Урусов один содержал Московский публичный театр «с благопристойными к удовольствию публики увеселениями», а также устраивал уже один концерты, маскарады и вокзалы[57]. Князь Урусов принял к себе в товарищи англичанина Михаила Егоровича Медокса.

По уличному прозвищу в Москве, он слыл за кардинала. Прозвище это он получил за

свой обычай ходить всегда в красном плаще. Медокс был превосходный механик; он сделал часы с полным оркестром музыки и различными фигурами, приходящими в движение, подобно механизму известных страсбургских часов. Эти часы были поднесены императрице Екатерине и ценились очень высоко. Одно время они стояли в Москве у известного антиквария Г. Лухманова; на них съезжалась смотреть вся Москва. Часы эти впоследствии купил сын фельдмаршала графа Каменского.

Медокс был более двадцати пяти лет антрепренером театра и, кроме долгов, ничего не нажил.

Известно, что почти все театры в Москве погибли от пожаров. Так и театр, который арендовал Медокс с князем Урусовым на Знаменке, сгорел во время представления трагедии «Димитрий Самозванец». Пожар этот стоил жизни известному в то время актеру Калиграфу: на нем он простудился и затем вскоре умер.

Большие убытки от пожара потерпел князь Урусов. Это обстоятельство и принудило

до его уступить свою привилегию держать театр Медоксу за 28 000 рублей; сверх этого, новый содержатель театра был повинен платить опекунскому совету ежегодно 3100 рублей. Получив привилегию, Медокс заложил свое вокзальное заведение за 50 000 рублей и принялся за постройку большого каменного театра. Место для нового театра Медокс купил у князя Лобанова-Ростовского, на Петровской улице, в приходе древней церкви Спаса, что в Копье (от этой улицы большой московский театр и стал называться Петровским).

План и работы производил ему архитектор Розберг; театр был построен в пять месяцев и обошелся Медоксу в 130 000 рублей. Тогдашний начальник столицы, князь В. М. Долгорукий-Крымский, остался так доволен зданием, что дал Медоксу привилегию на содержание театра еще на десять лет, то есть до 1796 года.

Внутреннее устройство этого театра было почти такое же, какое было до пожара 1853 года, с тою только разницею, что ложи не были открыты, но каждая составляла как бы отдельную комнату; подле оркестра были особые места, занимаемые постоянными посети-

телями; назывались они «табуретами», и большая часть владельцев этих мест имели свои собственные крепостные театры в Москве. Это были строгие ценители и судьи, и Медокс часто руководствовался их советами.

Они получали всегда приглашения на две генеральные репетиции новой пьесы, вместе с авторами и переводчиками. Каждый из таких гостей имел здесь голос.

Если ареопаг знатоков общим приговором решал, что пьеса идет успешно, что каждый актер на своем месте и твердо знал свою роль, суфлер переходил на ампула бесполезностей, и когда Аполлон не скакал на сцене, тогда только Медокс назначал первое представление.

Публика была всегда уверена, что увидит что-нибудь «совокупное», как тогда называли, ensemble. В то время пьеса разыгрывалась без докучного эха, и из дыры не торчала всклокоченная голова суфлера, на которую тогда еще не было изобретено деревянного колпака. Места для дам были кресла, стоили они 2 рубля; партер был за креслами, ценою по рублю за место. Ложи не продавались на

один спектакль; в «Московских ведомостях» 1780 года, № 76, напечатано объявление Медокса о принятии подписки на годовой наем мест; они оставались на полной ответственности годовых абонентов, которые обязаны были оклеивать их на свой счет обоями, освещать и убирать как хотели: каждая ложа имела свой замок, и ключ хранился у хозяина ложи. Декорации тогдашнего театра были просты, написаны по-домашнему, хотя многие из них писывал «Ефрем, российских стран маляр», но они не были несообразны, а художественны. В костюмах играли первые роли китайка, коломенка и крашенина.

Отстроенный большой театр представлял большое удобство для спектаклей и маскарадов, которые посещало тогда все высшее общество; они давались в особой великолепной круглой зале (ротонде), украшенной зеркалами, где при собрании многочисленной публики освещение производило изумительный эффект.

План[58] внутреннего устройства этой залы и идею дал сам Медокс. Это было нечто изящное в своем роде: зала освещалась свер-

ху огнем, горевшим в 42 хрустальных люстрах; к ней примыкали еще несколько больших гостиных. Вход в маскарад стоил рубль медью. Посетители все допускались только замаскированные. Петровский театр был открыт в 1780 году; для этого случая, по желанию государыни, Аблесимов сочинил пролог-диалог в стихах «Странники»; в нем были выведены Аполлон, Меркурий, Момус, Муза, Талия и Сатир. Декорация представляла вдали Парнас, у подножия которого лежала Москва с возвышающимся новым великолепным зданием; к нему подъехал в великолепной колеснице Аполлон, предшествуемый Меркурием.

Спустя несколько лет после открытия Петровского театра на Медокса посыпались невзгоды. В это время Ив. Ив. Бецкой нашел выгодным для казны учредить публичный театр при московском Воспитательном доме, с двумя труппами – русской и итальянской. Это обстоятельство заставило Медокса подать прошение бывшему тогда главнокомандующему графу З. Г. Чернышеву.

Просьба его осталась не уважена, но на его

счастье вдруг произошла перемена. И. И. Бецкой нашел неприличным, чтоб девицы Воспитательного дома танцевали и представляли на публичном театре, и потому, запретив воспитанникам участвовать в спектаклях, заключил с Медоксом следующие условия: 1) уступается ему театр, устроенный в большой зале главного корпуса; 2) вносить Медоксу ежегодно десятую часть с собираемых доходов с театра в Воспитательный дом; 3) принять гардероб за 4000 рублей; 4) принять же ему, Медоксу, на полное содержание и жалованье питомцев обоего пола, которые были привезены из петербургского театра к московскому: для балетов 50 человек, для декламации 24 человека и для музыки 30 человек; 5) Воспитательный дом обязывается с своей стороны построить еще другой театр вне главного корпуса и дозволить Медоксу одному производить на них представления и, кроме Медокса, никому уже содержания публичного театра в Москве не дозволить.

Таким образом, Медокс сделался владельцем и распорядителем двух театров. Он начал с того, что уволил всю иностранную труппу,

состоящую из немцев и французов, принятую Воспитательным домом, а строение театра со всеми принадлежностями положил продать и вырученные деньги обратить на уплату долгов своих; но в этом он не успел, и впоследствии его финансы от всех предприятий до того расстроились, что если бы даже ему была уступлена опекунским советом десятая часть доходов с театра, которую Медокс никогда не платил, 188 150 рублей, то и затем он остался бы совету должен с лишком 100 000 рублей. У Медокса осталась одна русская опера. Изворотливый Медокс прилагал все старание, чтобы придать занимательность своим спектаклям. В продолжение года он поставил, впрочем, не более 80 спектаклей.

Замечательно, что в первое время публика считала по какому-то предубеждению русскую сцену неспособною для оперы, и когда первую русскую оперу «Перерождение» в 1777 году решились играть, то Медокс так был неуверен в успехе, что перед представлением заставил актеров в нарочно сочиненном для этого разговоре испросить у публики дозволения сыграть ее.

Русская труппа Медокса в восьмидесятых годах состояла из тринадцати актеров и девяти актрис; настоящих танцовщиц было четыре и три танцовщика вместе с балетмейстером; музыкантов было двенадцать человек, из них один капельмейстер Керцелли. Вся труппа получала жалованья 12 139 рублей 50 копеек; старший оклад был 2000 рублей; получал его один актер Померанцев. Актеры у него были: Лапин, Залышкин, Сахаров, Волков, Ожогин, Украсов, Колесников, Федотов, Попов, Максимов, Померанцев и Шушерин. Последние оба играли в драмах и комедиях: первый был превосходный актер в ролях благородных отцов; у него была превосходная дикция, он готовился поступить в дьячки, но невзначай как-то попал в театр, и здесь решилась его судьба, он поступил в актеры.

Померанцев был красавец собою и обладал ловкостью и благородством – он был актер чувства.

Это был предтеча знаменитого П. С. Мочалова; Карамзин сравнивал его с великим французским актером Моле, восхищавшим в свое время всю Европу. Для Померанцева на

сцене тогдашних заученных классических жестов и поз не существовало – во время игры он забывал все на свете.

Жесты этого актера были очень просты, но всегда кстати – за ним, как говорили его современники, водился один странный жест указательного пальца, и этот жест у него, как у знаменитого трагика Девриена, был потрясающий в драматических моментах. Рассказывали, что, когда Померанцев подымал свой указательный палец в торжественные минуты, у зрителей становился волос дыбом.

Он был велик в ролях просто человеческих, но не героев, – последних он не любил играть. К его портрету тогдашний поэт сказал:

*На что тебе искусство?
Оно не твой удел. Твоя наука –
чувство.*

Другой актер, Шушерин, был как раз противоположностью Померанцева. Вся его игра была чисто ходульная, искусственная, у него все было рассчитано – голос, осанка; он не играл на сцене, как говорили про него тогдаш-

ние критики, но повелевал над собою.

Его недостатки были неотъемлемою потребностью века. Шушерин был не хорош собою, но на сцене был красавец – особенно глаза его были выразительны, и часто, вместо слов, он отвечал одним взглядом и одной улыбкой, и выше этого красноречия не могла стать ни одна классическая фраза. Такие моменты были блистательны в его игре. Роли короля Лира (по-тогдашнему Леара) и царя Эдипа были коронные в репертуаре этого актера. Вскоре он перешел на службу в Петербург[59], где, впрочем, долго не ужился, а опять переехал в Москву. С. Глинка рассказывает, что здесь он построил себе уютный домик и в июне 1812 года праздновал новоселье, на котором, выпивая заздравный кубок, Глинка ему пророчески сказал: «Хозяину дай Бог пожить еще сто лет, а дому не устоять». Тогда все дивились такому предсказанию. К несчастью, оно оправдалось; осенью того же года дом Шушерина сгорел во время пожара Москвы дотла, а хозяин пережил его несколькими месяцами.

Комиком в труппе Медокса был Ожогин.

Этот актер был необходим для райка[60]. Он был большого роста, с комической физиономией и удивительно развязный на сцене; голос его был груб и сиповат; он был не дурен в «Мельнике» Аблесимова; но этот же мельник – Ожогин являлся и в Коррадо де Герера, в опере «Редкая вещь», и в роли французского бочара Мартына.

Волков был крепостной человек князя Волконского, играл роль слуг, что по тогдашнему репертуару считалось нелегким; Колесников в свое время был лучший певец; Украсов, несмотря на свои преклонные года, играл все вертопрахов и исполнял их превосходно, несмотря на то что ему изменял уже голос и хрипел. Замечательные трагические актеры были Лапин и Сахаров; первый перешел на московскую сцену из Петербурга, потому что не поладил с Дмитревским.

Он соединял в себе все качества, делавшие его отличным трагиком: красивую наружность, звучный и гибкий голос, чистую и правильную дикцию. В игре его было много благородства, и он чрезвычайно напоминал собою знаменитого французского актера Флора-

джа.

Женские первые роли исполняли: Надежда Калиграф, замечательная актриса в ролях трагических и женщин жестоких и коварных; М. С. Синявская играла первых любовниц, где требовалось сильное чувство, и затем в ролях героинь.

Две эти актрисы были из первых. Померанцева исполняла роли старух и, по сказаниям современников, в драмах заставляла плакать, а в комедиях морила со смеху; играла также в операх, талант имела необыкновенный. Баранчеева играла роли благородных матерей и больших барынь. Е. А. Носова – превосходная и симпатичная оперная актриса – обладала прекрасным голосом и большим талантом, но была безграмотна, и все роли ей начитывали. По словам современников, она замечательно пела русские песни, как, например, «При долинушке стояла»; последнюю нередко по требованию публики повторяла до десяти раз, так что едва не задыхалась.

Успех с нею разделял также певец Колесников, лучший в тогдашнее время тенор. Из оперных актрис славилась в екатерининское

время еще известная Лизанька Сандунова. Особенно большой успех в конце царствования Екатерины имели в Москве оперы «Волшебная флейта», «Дианино древо», «Cosa gaга», «Венецианский купец», затем «Старинные Святки», «Водовоз» и «Русалка».

Во всех этих операх отличалась Сандунова; только в это время даровитая певица не представляла уже большого интереса, потому что была в летах и внешность имела уже далеко не привлекательную. Сандунова была низенького роста и очень полная на вид. Сандунова положила на музыку известную песню «Ехал казак за Дунай».

Сандунова нередко играла и у французов; так, в опере «L'amant statue» она неподражаемо исполняла роль Селимены. Но и в то время, когда Сандунова допевала свои арии, петье еще при Екатерине, в Москве она имела многих страстных обожателей ее таланта. В числе таких был некто Гусятников. В описываемое время, как рассказывает князь Вяземский, в Москву приезжала из Петербурга на несколько представлений известная актриса Филис-Андрие.

Поклонники русских актрис взволновались и вооружились против нашествия иностранок. Поклонник Сандуновой Гусятников особенно сильно вооружался против французов. Однажды приезжает он в французский спектакль, садится в первый ряд кресел, и только что начинает Филис делать свои рулады, он затыкает себе уши, встает с кресел и с заткнутыми ушами торжественно проходит всю залу, кидая направо и налево взгляды презрения и негодования на недостойных французолубцев, как их тогда называли в Москве.

Про мужа знаменитой актрисы Филис-Андрие, который хотя и был плохой актер, но за жену петербургское общество к нему благоволило, ходил следующий анекдот. При императоре Александре I однажды был назначен в Эрмитаже спектакль. Утром того дня Андрие, встретясь на дворцовой набережной с государем, спросил его, может ли он вечером явиться на сцене ненапудренный.

– Делайте как хотите, – отвечал государь.

– О, я знаю, государь, – отвечал Андрие, – вы добрый малый, но что скажет маменька?

Достоинной ее соперницей на московской сцене была еще жена Померанцева. По словам тогдашних театральных критиков, это был совершенный оборотень. Из слезливой драмы она переходила в живую и веселую комедию. Она являлась то сентиментальной девушкой, то наивной пейзажкой[61], то хитрой, оборотливой служанкой, и всегда публика встречала и провожала ее аплодисментами. Ум, живость, ловкость и необыкновенная веселость были всегдашними ее спутниками. Она одевалась с необыкновенным вкусом; тогдашняя публика любила ее до обожания.

В числе артистов театра Медокса были еще два замечательных таланта – это Плавильщиков и Сандунов, муж актрисы. Первый из этих актеров имел декламацию пышную и высокопарную, он был сколком тогдашнего знаменитого французского трагика Барона. Плавильщиков сложением был колосс. Играя роли героев, он приходил в такой пафос, что приводил весь театр в трепет. До поступления на сцену он был учителем истории. Не менее хорош Плавильщиков был и в ролях так называемых тогда мещанских; в послед-

них, по рассказам современников, он трогал зрителей до слез.

Плавильщиков написал несколько пьес для сцены.

Сандунов Сила Николаевич происходил родом из дворян. Это был первый русский комик; амплуа его были роли слуг. В то время господствовала на русской сцене французская комедия, в которой все интриги, по обыкновению, завязывались и держались на плуте-слуге или ловкой служанке, и амплуа слуги было самое трудное. Сандунов в таких ролях был неподражаем и был на сцене как дома: смел, развязен и ловок.

Сандунов был самый модный и любимый актер. Все тогдашние молодые люди в обществе старались ему подражать; у него было множество друзей между знатью в свете; он был небольшого роста, прекрасно сложен, говорил прищуривая глаза, но сквозь эти щелчки век вырывались взгляды самые умные и хитрые: он высматривал каждое движение того, с кем говорил, и проникал его насквозь. Его женитьба известна всем, и сама Екатерина II принимала в ней живейшее участие.

Сандунов одно время служил в Петербурге, но после опять перешел в Москву. Во время нашествия французов в 1812 году он бежал в Су-мы и здесь явился с бородой и в мужицкой сермяге к своему приятелю А. А. Палицыну, известному переводчику «Новой Элоизы» Жан-Жака Руссо.

– У меня погибли все пожитки, – сказал Сандунов своему приятелю, – но о них не жалею. У меня уцелели две вещи, для меня самые дорогие: мраморный бюст матушки Екатерины и ее песня; она всегда у меня в кармане, вот тут – близ сердца. С этой песнею узнал я свет, с нею и в гроб лягу!

Сандунов умер в Москве и похоронен на Лазаревом кладбище. На могиле его стоит чугунный крест с лавровым венком и на развернутом свитке читается эпитафия, написанная его братом:

*Я был актер, жрец Талии смешливой,
И кто меня в сем жречестве видал,
Тот мне всегда рукоплескал,
Но я не знал надменности кичли-*

вой!

*В смысл надписи, прохожий, про-
никай!*

*Тщеславься жизнью, но знай,
Что мира этого актеры и актри-
сы,*

*Окончив роль – как я, уйдут все за
кулисы!*

*Кто роль свою умеет выдержать
до конца,*

*Тот воздаяния получит – от Твор-
ца.*

Брат Сандунова был известный в то время обер-секретарь. Братья были очень дружны между собою, что не мешало им нередко подтрунивать друг над другом.

– Что это давно не видать тебя? – говорит актер брату своему.

– Да меня видеть трудно, – отвечал тот, – утром сижу в Сенате, вечером дома за бумагами. Вот твое дело другое, каждый, когда захочет, может увидеть тебя за полтинник.

– Разумеется, – говорит актер, – к вашему высокородию с полтинником не сунешься.

По открытии Медоксом Петровского театра дела его пошли хорошо – труппа у него бы-

ла блистательная и очень любимая москвичами; весь репертуар состоял из тридцати пьес и семидесяти пяти спектаклей в год. Кроме большого Петровского театра, был еще у него и другой, летний, в вокзале в Рогожской части. Тут играли только маленькие комические оперы в одном или в двух действиях и такие же комедии. За представлением следовал бал или маскарад, который заключался всегда прекрасным ужином – и все это тогда стоило пять рублей.

Для открытия вокзала В. И. Майков сочинил небольшую оперу «Аркас и Ириса», музыка Керцелли. Для гуляющих в саду были раскинута палатки, где находились кофейни, поставлены качели; балансеры вольтижировали на канатах, играла музыка и пели песенники. Сюда обыкновенно стекалось публики по 5000 человек и более.

Медокс предполагал в своем вокзале устроить другой театр, для простого народа, в котором бы представляли одни пьесы народные или патриотические. В этих пьесах должны были бы играть молодые актеры, и кто из них отличился, то того переводили бы в большой

театр. Но вскоре дела Медокса приняли дурной оборот – многие актеры его покинули, сборы пошли плохие, он впал в неоплатные долги и обязательств с казною не мог выполнять.

В таком положении он стал просить главнокомандующего князя А. А. Прозоровского оказать ему возможное содействие, но последний отвечал Медоксу: «Фасад вашего театра дурен, нигде нет в нем архитектурной пропорции; он представляет скорее груды кирпича, чем здание. Он глух потому, что без потолка и весь слух уходит под кровлю. В сырую погоду и зимой в нем бывает течь сквозь худую кровлю, везде ветер ходит, и даже окна не замазаны, везде пыль и нечистота. Он построен не по данному и высочайше подтвержденному плану, – внизу нет сводов, нет определенных входов, в большую залу один вход и выход, в верхний этаж лож одна деревянная лестница, вверху нет бассейна, отчего может быть большая опасность в случае пожара.

Кругом театра, вместо положенной для разезда улицы, деревянное мелочное строе-

ние. Внутреннее убранство театра весьма посредственно, декорации и гардероб худы. Зала для концертов построена дурно – в ней нет резонанса; зимой ее не топят, оттого все сидят в шубах; когда топят – угарно. Актеров хороших только и есть два или три старых; нет ни певца, ни певицы хороших, ни посредственно танцующих и знающих музыку. Поверить нельзя, что у вас капельмейстер глухой и балетмейстер хромой».

В декабре 1790 года императрица спрашивала Прозоровского о московском театре и, известясь от него, что театр во всех частях неудовлетворителен, заметила, что право Медокса скоро должно кончиться, и поручила князю привести театральные представления в лучшее состояние. Князь предложил директорам Дворянского клуба принять театр в свое содержание, но они от этого отказались. Медокс согласен был продать театр за 350 000 рублей. В 1792 году Медокс подавал просьбу Прозоровскому, в которой упомянул о своих заслугах пред обществом построением театра и просил оказать ему возможное пособие. Осенью в этом году опекунский совет назна-

чил к продаже все имущество Медокса.

Но, несмотря на затруднительное положение, Медокс не переставал давать спектакли, и в 1794 году труппа его составлена необыкновенно удачно – многие талантливые актеры, перешедшие из петербургского театра, играли у него. Высшая публика весьма охотно ездила в русский театр, и в доказательство моды на русские драматические представления в Москве завелось много домашних театров – таких в то время в Москве было более двадцати. Медокс не ослабевал в постановке своих спектаклей, и что только нового являлось в Петербурге, то и он спешил поставить у себя. Он подрядил трудолюбивого переводчика Н. С. Краснопольского переводить все новые пьесы с немецкого и поставил три части «Русалки», которая и шла у него долгое время с большим успехом. В 1796 году срок привилегии Медокса кончился, он просил тогдашнего начальника столицы М. М. Измайлова отсрочить ему привилегию еще на два года, потому что в его театре около двух лет не было представлений по причинам, от него не зависевшим.

Его просьба была уважена. После актер Сандунов составил с товарищами проект и просил начальство отдать ему театр на откуп. Но высочайшего на это соизволения не последовало. В 1804 году был учрежден комитет для разбора дел театральных и высочайше повелено было занять у опекунского совета 300 000 рублей, из которых комитет уплатил первоначально долгу театра 191 366 рублей, а остаток предоставил театральной дирекции, которая тогда только что учреждалась, на расходы и нужное обзаведение театра. Впоследствии как ни старался Медокс оградить свое имение, но оно подверглось все продаже, как то: флигель Петровского театра, деревянный дом, в котором жил Медокс, и его вокзал с садом; в это время Медокс был должен кредиторам 76 000 рублей. Последние получили все деньги сполна и с процентами, потому что, независимо от вырученных за проданное его имение, императрица Мария Феодоровна оказала благодеяние Медоксу, обеспечив горькую его судьбу, дав ему единовременно 10 000 рублей и положив еще пенсию ему ежегодно в 3000 рублей.

В 1805 году, зимою, Петровский театр сгорел от неосторожности гардеробмейстера: собирались играть «Русалку», но как пожар произошел до начала спектакля и публика только начала съезжаться, то с людьми несчастья не последовало. После пожара театральные представления в Москве не прекращались.

От Медокса московский театр на короткое время подпал непосредственному надзору, или попечительству, Императорского московского воспитательного дома, от имени которого театральною частию распоряжался Гавриил Степанович Карнович.

Как мы выше уже говорили, московский Воспитательный дом уже ранее этого занимался образованием актеров. Так, известна была еще в 1784 году в Петербурге труппа чиновника Книпера, составленная единственно из воспитанников этого благотворительного учреждения. Всех актеров у Книпера из воспитанников было 51 человек; из последних возникли многие замечательные таланты, как, например, Тамбуров и Крутицкий. Последний был в свое время в такой славе, что

иностранные артисты, проживавшие в Петербурге, часто ходили на него смотреть. Эта труппа впоследствии присоединилась к императорской.

Первого апреля 1806 года театр московский сделался императорским и перешел в зависимость директора театральных зрелищ; вместе с этим повелено было всем артистам зачесть их годы службы у Медокса за действительную к выслуге пенсионов, и был назначен особым директором в Москве князь Мих. Пет. Волконский, от которого впоследствии приобретена в казну и его крепостная труппа артистов. В бытность директором театра князь Волконский особенно заботливо относился к постановке пьес. Так, актера Волкова, игравшего тогда в «Русалке» роль Тарабара, он нарочно посылал поучиться в Петербурге у Воробьева (известного ученика Маркети), как он выражался, тарабарской грамоте.

На московском театре долго стояли столбами рабски подражательного французского классицизма Сумароков и Княжнин; перед именами этих авторов благоговели все грамотные и безграмотные. Никто не смел отыс-

кивать в их творениях недостатков и погрешностей.

Считалось святотатством критиковать какое-нибудь место в «Димитрии Самозванце», в «Синаве и Труворе» (Сумарокова), в «Додоне», в «Рославе», в «Титове милосердии» (Княжнина); говорили: «Матушка их царица отметила!», «Старшие хвалят!», и если являлся какой-либо смелый «выскачка и растабарывал» как-нибудь не в пользу общепринятого хорошим, старики всех кругов начинали над выскачкою смеяться и говорить в один голос: «Смотри, пожалуй, умней хочет быть Сумарокова!» В числе русских опер непомрачаемо блистал в прошлом московском веке «Мельник-колдун, обманщик и сват» Аблесимова; за ним стоял «Сбитеньщик» Я. Б. Княжнина, очевидно, впрочем, заимствованный из французских нравов.

После них имели большой успех две оперы князя Горчакова – «Баба-яга» и «Счастливая тоня». Первая из них более нравилась публике, за вторую публика претендовала на князя Горчакова и громко говорила: «Ну, что бы это его сиятельству назвать рыбака своего Ива-

ном, а не Миловзором» или «Что бы это рыбаку-то его сиятельства поймать не духа, а уж если не черта, то, по крайней мере, водяного дедушку, а дух, что это такое? Всяк бывает дух!».

За этими операми следовала «Ахридеич» («Иван-царевич»), опера Великой Екатерины, замечательная по великолепию своих декораций; «Гостиный двор» (Матинского), картинка нравов тогдашнего купечества и крючкотворства приказных. «Розана и Любим» (Николаева) с «Барчуком-псарем» и проч. Музыка ко всем этим операм составляли большую частью какие-то мелодические сборники из русских и всяких песен. Поставляли музыку Мартини, Керцелли, Фрей и другие музыканты, теперь позабытые; был, впрочем, знаком москвичам того времени и Моцарт, но он не ладился под наш стих, как ни запрягал его в наши оглобли какой-нибудь Фрей или Афанасий.

Нынешняя оперетка, или, как тогда ее величали, «малая опера», тоже уже была известна москвичам. Из таких уже пользовались успехом «Несчастье от кареты» (Княжнина),

«Федул с детьми» (Екатерины Великой), «Новое семейство» (Вязмитинова) и еще некоторые другие. Особенно нравились «Федул с детьми», со своими песнями, хорошо подобранными, и «Несчастье от кареты», резкая сатира на бар-французолобцев. Одна афиша «Федула» составляла какую-то народную скороговорку! Для любопытства привожу часть имен пятнадцати детей Федула: Дуняша, Фатяша, Минодора, Нимфодора, Митродора, Анкудим, Никодим, Иполит, Неофит, Парамон, Филимон и т. д.

Одна историческая песня из этой оперы – «Во селе, селе Покровском», петая актрисой Сандуновой, – производила фурор во всех тогдашних салонах. Сандунова, как говорили, сама находила здесь какой-то факт из собственных своих приключений, и потому-то мастерство ее в этой песне было мастерством особенным! В «Несчастьи от кареты» героиней была барыня-полуфранцуженка, которая очень желала иметь модную французскую карету и, за недостатком денег на покупку ее, решила продать в рекруты крестьянина.

Домашний шут научил этого бедняка ска-

зять его госпоже несколько французских слов с соблюдением «прононсия», и тем бедняк спас себя от рекрутчины и женился на ком хотел. Успех эта оперетка имела тогда колоссальный, все ходили слушать пение Сандуновой и смотреть на «буфонства» любимого тогда комического актера Ожогина, от одного выхода которого на сцену публика уже поми-рала со смеху. Но особенный фурор в этой пьесе производила песня на напев известной песни графини Шереметевой «Вечор поздно из лесочку», петая Сандуновой и ею сочиненная:

*Если б завтра да ненастье,
То-то б рада я была.
Если б дождик – мое счастье —
За малинкой в лес пошла.*

В тот романический век нежные души видели в песне Сандуновой намек на судьбу известной крестьянки Параши (графини) с Лизанькой (Сандуновой). Как известно, обе были актрисы и певицы, обе сыграли в свете между современниками видную героическую роль.

Позднее, с 1790-х годов, на сцену входит в моду слезливая немецкая комедия, немецкая

драма и даже частью немецкая опера и трагедия, и завладевает московскою сценою Август фон Коцебу. В Москве многие дивились большому успеху Коцебу и говорили: «Как это он, Коцебу, русский подданный, мог прославить себя литературно в целой Европе?» И вследствие этого всякая пьеса Коцебу в переводе имела в Москве большой успех. Особенно с большим успехом давались его драмы: «Сын любви», «Серебряная свадьба», «Ненависть к людям и раскаяние», «Попугай», «Бедность и благородство души» и проч.

Во всех пьесах Коцебу первые женские роли играла трагическая актриса М. С. Синявская; позднее заменила ее М. С. Воробьева, «сотворенная, как говорила тогдашняя критика, для драм Коцебу». В «Гусситах под Наумбургом», когда эту пьесу стали часто давать в начале 1812 года, весь театр рыдал от игры этой артистки. Критика в наивном восторге иначе ее не называла, как «невозможною». Несколькими годами позднее такой же слезливый успех в Москве производили приезжие из Петербурга артисты Самойловы в пьесе «Павел и Виргиния»; оба, муж и жена, были

превосходны; в первый раз эти артисты играли на Арбатском театре в опере «Водовоз». Н. Полевой в своих театральных воспоминаниях говорит: «Волосы стали у меня дыбом, когда Павла разлучили с Виргиниею, а когда Павел бросается в море, и потом на сцене беготня и смятение и их вытаскивают без чувства, – я едва дышал...»

Из также слезливых пьес в начале нынешнего столетия в Москве долго не сходили с репертуара две Лизы: первая – «Лиза, или Торжество благодарности», соч. Н. И. Ильина, в ней пожинала лавры Сандунова; вторая – «Лиза, или Следствие гордости и обольщения», соч. Б. М. Федорова, была взята им из повести Карамзина «Бедная Лиза»; в роли последней из Лиз опять пользовалась успехом Матрена Семеновна Воробьева. После представления этой пьесы, по словам современников, у ничем не повинного Лизина пруда в Москве по вечерам гуляли толпами влюбленные. Какой-то непочтительный поэт невинный пруд почтил даже следующим двустишием:

Здесь Лиза утонула, Эрастова

*невеста,
Топитесь, барышни, для всех вас
будет место.*

Отличалась также такими же элегическими достоинствами комедия Ефимьева «Преступник от игры, или Братом проданная сестра» (истинное происшествие). В Петербурге в таких немецких драмах и русских переделках имел громадный успех актер Яковлев; особенно извлекал он слезы у зрителей в «Графе Вальтроне», в «Ненависти к людям и раскаянии» и в тех же «Гусситах под Наумбургом».

Даже ничего не имеющие общего со слезами танцы и балет в то время носили характер элегический, и зритель ежеминутно трепетал в ужасе за участь любовников. Так, в известном балете «Ацис и Галатя» неожиданные катастрофы с первого акта поражали публику: герой балета, бедный Ацис, с открытием занавеси тотчас же попадал неожиданно в руки ужасного Полифема – он с яростию опрокидывает его, схватывает за ногу и как перо бросает через сцену по воздуху. Ацис должен был бы уничтожиться от удара, но он невредимо сохраняется Амуром, подхватывающим

его на лету и переносящим на облаке в безопасное место. Во втором акте Полифем застает любовников на берегу морском в самом страстном изъяснении чувств; он отрывает от горы целый обломок скалы и с яростию бросает его на них.

Гора летит и готова раздавить любовников, не ожидающих такой беды; но вдруг вся эта скала раздвояется и из нее вылетает Амур, в то же мгновение сцена переменяется, представляя восхитительнейшее зрелище – царство любви.

В этой картине вся правая сторона сцены не имела кулис, и целая гора, кипящая сверху донизу народом и занимавшая всю длину театра, выдвигалась вперед. Все проделки с падающим и летающим несчастным героем балета делались в то время с куклою, одетою Ацисом. Другой такой же слезливый балет, «Венгерская хижина», был заимствован из истории венгерских возмущений, и ни один из зрителей не мог устоять, чтобы не тронуться до слез сценою с ребенком во втором акте, и много было пролито слез чувствительными барышнями при смотреии этого балета.

В 1871 году московскую публику восхищала балетная танцовщица, или, как ее тогда называли, пантомимная актриса Е. И. Колосова, особенно она была хороша в роли Медеи и Изоры («Рауль синяя борода»). Также очень нравилась публике ее русская пляска с танцором Огюстом. Знаменитая трагическая актриса Жорж даже просила ее выучить этой пляске ее меньшую сестру, которая плясала в бенефис актрисы Жорж с Огюстом. Колосова в свой бенефис в 1811 году перед балетом («Рауль синяя борода», которого представлял Лефевр) участвовала в двух пьесах: в комедии Иванова «Женихи» она играла офицера Быстря и в оперетке И. И. Вальберха «Два слова, или Ночь в лесу» – роль Розы, прислуживающей в трактире.

Большие похвалы расточались в это время балетам; по ним учились, хореографические произведения того времени обнимали мир видимый и воображаемый, историю и мифологию, рыцарские романы и восточные сказки. Но какая это была история! Так, в «Альцесте» мифология греков была смешана с понятиями нашего времени, так как в древнем

тарtare фигурировали черти и фурии, одетые в платье нового покроя. Критика 20-х годов дает много интересных данных относительно театральных костюмов на московской сцене. При костюмировке на верность мало обращалось внимания. Дмитрий Донской являлся вооруженным римским мечом, Антигона – в русской фате, Отелло – в полусапожках, Аменаида – с бриллиантовой гребенкой; своеволие в нарядах комических лиц было не менее безгранично. Жених являлся во французском кафтане, напудренным, со шпагою, а невеста – одетой по последней книжке «Дамского журнала».

В «Бригадире» все женщины, исключая бригадиршу, были одеты в платья последнего времени, мужчины – в кафтаны 1770 года, а сын бригадира – в новомодный фрак и напудрен. Существовали привилегированные костюмы. Подьячие, приказные являлись непременно в коротких оборванных кафтанах, в треугольных шляпах; необходимою принадлежностью считались рукавицы, муфта, шпага, тавлинка[62]. Евреи, какие бы ни были, были всегда одеты в платье польских евреев.

Театральные предания, впрочем, и по сей час чтутся многими актерами. Так, первый любовник непременно является на сцену завитой бараном, а простак – всегда в рыжем парике и т. д.

Как уже мы выше сказали, после пожара Петровского театра представления в Москве возобновились в доме Пашкова на Моховой, и затем в 1807 году сделано было распоряжение о постройке нового деревянного театра у Арбатских ворот, где оканчивается Пречистенский бульвар; на этой площади теперь устроен бассейн. Театр был построен по плану архитектора Росси и открыт 13 апреля 1808 года пьесой С. Н. Глинки «Баян», русский песнопевец древних времен с хорами и балетами. Площадь, на которой стоял театр, была вновь нивелирована и вымощена, потому что в дождливую погоду по ней ни пройти, ни проехать было невозможно от грязи.

Арбатский театр был очень красив, весь окружен колоннами, подъезды к нему вели со всех сторон; большое пространство между колонн в виде длинных галерей, соединявшихся вместе, представляло хорошее место

для проездов. Внутреннее устройство театра было превосходное; декорации для него написаны были художником Скоти; балетмейстером принят Лефевр, и переведены из Петербурга танцовщики Делиль, Ламираль и Константин Плетен. Но самая лучшая эпоха московского балета была только в следующем году, когда сюда приезжал знаменитый Дюпор, который, порхая по сцене, удивлял своею силою, грацией и легкостью; с ним танцевали петербургские танцовщицы Сенклер, Новицкая и Иконина. Дюпор поставил здесь балеты: «Зефир, или Ветренник, сделавшийся постоянным» («Le volage fixe»), «Любовь Венеры и Адониса, или Мщение Марса» и «Севильский цирюльник». В ноябре 1809 года на этом театре играла отличная французская труппа с известной актрисой Жорж во главе – она дебютировала в роли Федры, потом Дидоны. В это время с этой артисткой те же роли по-русски играла актриса Вальберхова; насчет игры этой артистки в Москве в то время были сложены стихи:

*Вальберхова Дидона
Достойна трона!*

Актриса Жорж во второй раз приезжала в Москву в 1812 году; в то же время на сцене Арбатского театра появилась ей соперница Семенова (Катерина Семенова). По словам критиков того времени, Семенова ничем не отличалась от французской актрисы. Лучшие литераторы того времени были руководителями Семеновой, Н. И. Гнедич по нескольку раз проходил с ней каждую роль. Русская артистка не знала твердо русскую грамоту, ей должны были начитывать роли, объяснять каждый монолог с ударением всякого стиха; последнему искусству ее обучала жившая у нее актриса П. А. Лобанова – известная артистка на роли наперсниц.

Жорж и Семенова съехались в одно время в Москву и представляли одни и те же роли; это состязание талантов вызывало в московском обществе много толков, и публика разделилась на две партии. Ариана, Меропа, Танкред чередовались на театре по-французски и по-русски. Жорж, отдавая справедливость Семеновой, говорила, что она имеет перед нею то преимущество, что играет трагедию и в прозе, которая на сцене у нее нейдет с языка.

С Семеновой играли тогда первые роли Шушерин, Плавильщиков и Мочалов. Семёнову вся знать Москвы приглашала к себе на вечера и за прочтение какого-нибудь монолога платила по 500 рублей. Во время представления «Меропы», в которой она явилась в роли Аменайды, ей была поднесена бриллиантовая диадема, и тогдашний поэт Ю. А. Нелединский, восхитясь ее игрою, написал в ложе экспромт, кончающийся так:

*Всех привела в восторг! Твоих
страшася бед,
Всяк чувствами к тебе, всяк зри-
тель был Танкред.*

Где требовалось изображение сильных страстей – Семенова не имела соперниц. Оставя совсем театр, она долго жила в Москве и участвовала во многих благотворительных спектаклях.

Из таких спектаклей особенно замечательно был устроен в большой зале Благородного собрания, где она играла Эйлалию вместе с известным любителем Ф. Ф. Кокошкиным, на этот спектакль недоставало мест для желающих. В другой раз она играла на театре графа

Апраксина, тоже в спектакле благородных любителей. В 1808 году на Арбатском театре с большим успехом давалась пьеса графа Ростопчина «Вести, или Убитый живой», в ней играли актеры Сила Сандунов, в роли поэта, и А. И. Лисицына, в роли Мартемианы Бабровны Набатовой, развозчицы вестей.

Пьеса повторялась несколько дней сряду; самому автору так понравилась игра Лисицыной, что он на другой день после представления прислал ей сумму, равнявшуюся годовому окладу ее жалования, надписав: «Ея Совершенству Маремьяне Бабровне Набатовой». В 1809 году, 6 декабря, в 8 часов вечера, Арбатский театр посетил император Александр I; давали оперу «Старинные Святки», и когда Сандунова, игравшая Настасью-боярышню, с кубком в руке вышла на сцену и запела: «Слава нашему царю, слава!» – все присутствовавшие встали, обратились к царской ложе и закричали: «Слава царю Александру!»

В Отечественную войну, при получении сведения о Клястицком и Кобринском сражении, давали на этом театре опять «Старинные Святки», и здесь опять Сандуновой пришлось

величать наших героев: Витгенштейна, Тор-масова и Кульнева, вместе с присутствовавшей публикой. 30 августа 1812 года был последний спектакль с маскарадом в этом театре, давали «Семейство Старичковых», публика состояла почти из одних военных. При вступлении неприятеля в Москву Арбатский театр сделался одною из первых жертв пожара.

Императорский Большой театр в 1839 году.
Литография А. Дюрана и О. Раффе. 1845

Глава VII

Московский театр в 1812 году. – Французская труппа. – Богатый театральный гардероб. – П. А. Поздняков. – Спектакли в Москве во время нашествия Наполеона. – Трагическая судьба артистов. – Возрождение московского театра. – Апраксинский театр. – Любительские спектакли. – Столыпинский театр. – Крепостные актеры. – Продажа столыпинской труппы. – Покупка труппы в казну. – Граф Гудович. – Старинные театральные обыкновения. – Отмена некоторых обычаев. – Граф Ростопчин. – Дурасовский театр. – Театр князя Хованского. – Характеристика князя. – Его шут Савельич. – Потемкинский театр.

Во время пребывания французов в Москве, в Отечественную войну, император Наполе-

он приказал отыскать французских артистов,

живших в Москве, и велел для военной публики дать несколько спектаклей.

Французская труппа артистов, под управлением даровитой актрисы Бюрсей, в то время всеми забытая, жила в большом доме князя Гагарина, на Басманной, в части города, совершенно противоположной той, откуда вступила неприятельская армия.

Семья артистов состояла из гг. Адне, первого трагика парижского театра Сен-Мартен, Перу, Госсе, Лефебра и г-ж Андре, Перигюи, Лекень, Фюзи, Ламираль и Адне.

Короли кулис, в лаптях и сермяжных армяках, влачили свое существование в ограбленной столице. По приказу императора генерал Боссе выдал им значительную сумму денег для поправления их печального положения.

Вот как описывает актриса Фюзи[63] состав этой труппы, представшей перед своим директором генералом Боссе. Первый трагик явился в фризовой шинели и шапке ополчения; первый любовник – в семинарском сюртуке и треугольной шляпе; благородный отец – без сапог и с дырявыми локтями; злодей – без необходимейшей части туалета – без

панталон, в коротеньком испанском плаще.

Женский персонал был одет еще скуднее. Вся труппа была разряжена так, как будто шла в маскарад нищих и бродяг. Одна только директорша, г-жа Бюрсей, была в красной душегрейке на заячьем меху и в головном уборе Марии Стюарт, с черным страусовым пером и в чалме, в которой некогда играла в «Трех султаншах» и «Заире».

Граф Дюма, которому Наполеон поручил надзор за Кремлем, открыл спрятанные в подземельях сундуки с разными богатыми придворными одеждами.

И надо представить себе, с какою жадностью, по словам Фюзи, артисты, почти нагие, бросились вскрывать сундуки московских бояр. Мужчины делили дедовские кафтаны русских; женщины отнимали друг у дружки старинные атласные роброны бабушек и т. д.

Но, несмотря на все эти роскошные наряды, у актеров недоставало самого необходимого – белья. Далее Фюзи говорит: у нас не было ни платья, ни башмаков. Однако ленты и цветы посыпались на нас градом в день первого спектакля; последние находили в ка-

зармах французской гвардии. К стыду победителей, эти казармы гвардии, где развевались ленты, были святые соборы Кремлевский, Успенский, Благовещенский и Архангельский. Представления французской труппы давались на Большой Никитской, на домашнем театре Позднякова, где теперь дом князя Юсупова.

Театр П. А. Позднякова в старой Москве славился своею роскошью, зимним садом и другими затеями прошлого вельможного барства. Спектакли Позднякова считались первыми в Москве. Сам хозяин на своих спектаклях и маскарадах важно разгуливал наряженным не то персиянином, не то китайцем. Про него сказал Грибоедов в своей комедии:

На лбу написано театр и маскарад.

У него же находился и «певец зимой – погоды летней»: это был садовник-бородач, который во время балов и маскарадов, прячась в кустах, щелкал и заливался соловьем. У Позднякова режиссером театра был Сандунов, а в труппе особенно славилась актриса

Любочинская.

Про Позднякова, этого московского хлебо-сола и увеселителя, князь Вяземский рассказывает следующий случай. У него в качестве домашнего гофмаршала, или камергера, состоял некто Лунин, который при дворе его хозяйничал и приглашал на празднества и проч. В Москву ожидали персидского или турецкого посла. Разумеется, Поздняков не мог пропустить эту верную оказию и занялся приготовлениями к великолепному празднику в честь именитого восточного гостя. К сожалению, смерть застала его в приготовлениях к этой тысяче и одной ночи. Посол приезжает в Москву, и Лунин к нему является. Он докладывает о предполагаемом празднике и о том, что Поздняков извиняется перед послом: за приключившуюся смертью его праздник состояться не может.

Поздняковский театр французами был приведен в порядок с необыкновенною роскошью и мог щегольнуть невиданным и неслыханным богатством. Здесь ничего не было мишурного, все было чистое серебро и золото. Ложи были отделаны дорогою драпировкою.

Занавесь была сшита из цельной дорогой парчи, в зале висело стосемидесятиместное паникадило из чистого серебра, некогда украшавшее храм Божий.

Сцена была убрана с небывалою роскошью. Всюду виднелись в изобилии богатейшая мебель, драгоценные украшения, мрамор, бронза – их извлекали из-под пепла и из погребов, куда москвичи прятали свои сокровища, предавая жилища огню. Кремлевские палаты, галереи Чудова монастыря и колокольня Ивана Великого были битком набиты всевозможными сокровищами и драгоценностями.

Через три дня после приказа был назначен первый спектакль. Вот первая афиша: «Théâtre Français à Moscou. Les comédiens français auront l'honneur de donner mercredi prochain, 7 octobre 1812, une première représentation du „Jeu de l'amour et du hazard“, comédie en 3 actes et en prose, de Mariveau. Suivie de „L'amant auteur et valet“, comédie en 1 acte et en prose de Ceron. Dans le „Jeu de l'amour“: m-rs Adnet, Perroud, St.-Clair, Belcour, Bertrand; m-mes André, Fusil»[64].

Цена местам была назначена следующая: первая галерея 5 рублей или 5 франков, партер 3 рубля или 3 франка, вторая галерея 1 рубль или 1 франк.

Первый спектакль имел большой успех, военная публика неистово кричала «браво!». Весь партер был занят солдатами: заслуженные, с крестами Почетного легиона, сидели в первых рядах; оба ряда лож были наполнены чиновниками штаба и офицерами войск всех национальностей.

Публика при всякой оказии кричала: «Vive l'empereur! Vive Napoleon!»[65] Женщин в театре было немного – несколько оставшихся гувернанток и модисток с Кузнецкого моста.

Оркестр был превосходный и состоял из лучших музыкантов гвардии. Между тем как одни солдаты смотрели на представление, товарищи их поочередно охраняли театр.

Кое-где были разложены огни, и чрезвычайное множество бочек с водою и ведер стояло около самого театра. По всей же Никитской и по бульварам тянулись сторожевые кордоны и пикеты – такие строгие меры предпринимались на случай пожара, могущего

произойти на сцене.

За все время пребывания французов в Москве дано было одиннадцать представлений. Вот пьесы, которые имели успех и повторялись несколько раз: «Figaro», «Le procureur arbitre», «Side et Zaira», «Три султанши» и другие. На театре также очень нравились военной публике разнохарактерные дивертисменты[66] из танцев; последние целиком были взяты у русских.

Из таких танцев особенно блистательно шла русская пляска, которую превосходно плясали две сестры Ламираль – по рождению русские.

Сам император не удостоил своим присутствием ни одного спектакля. Впрочем, Фюзи в своих записках говорит, что однажды Наполеон зашел на представление, когда давали пьесу «Открытая война».

Но для императора каждый вечер давался концерт из пьес любимых его авторов. Между иностранцами, жившими в Москве и уцелевшими при общем погроме, нашли итальянца, певца Таркинио, к нему добыли пьяниста Мартини, сына автора оперы «Редкая вещь»

(«La cosa rara») и «Дианино древо», еще отыскали певицу романсов и ариеток г-жу Фюзи.

Вот как описывает последняя один из таких концертов: «Я пела романс, которым прославилась в московских гостиных. В присутствии императора зрители не аплодировали; но романс, никому не известный, произвел некоторое впечатление. Наполеон, разговаривая с кем-то во время пения, не слышал романса, однако ж шум в зале заставил его спросить о причине графа Боссе. Мне приказано было повторить романс. С тех пор меня беспрестанно мучили этим романсом. Король неаполитанский выпросил у меня музыку. Романс был написан в рыцарском духе.

7 октября император призвал меня и начал расспрашивать об улучшениях касательно театра. Он начал перечислять артистов, которых можно взять из Парижа, отмечая имена их карандашом на лоскутке бумаги; он говорил о мерах, которые нужно принять для скорейшего доставления их в Москву.

Список еще не был кончен, как наши занятия были прерваны неожиданным приездом адъютанта Мюрата с известием о поражении

короля неаполитанского под Тарутиным войсками Бенингсена.

В тот же вечер был отдан приказ о выступлении войск из Москвы, и бедные французские актеры были предоставлены на свою волю – оставаться ли в Москве или следовать за армией. Артисты из Москвы выехали очень печально и кончили путешествие очень трагически. Первый любовник поехал верхом, трагики и комики поместились в лазаретном фургоне, директорша и первая любовница поехали на тройках в ландо, – до Смоленска они кое-как дотащились, но уже от Смоленска на них обрушились всевозможные несчастья.

Так, первый любовник потерял своего буцефала и отморозил ноги, и затем, оставленный на большой дороге, умер с голоду в лазаретной фуре.

Другой первый сюжет труппы забыл запасть рукавицами и валенками, на пути отморозил себе ноги и руки, а при переправе через Березину утопил свою жену и повозку. Директорша и первая любовница долго путешествовали на одной хромой лошади, в старом зарядном ящике, но под конец на одном из

привалов, во время партизанского наезда, первая любовница была сильно контужена ядром и вскоре скончалась.

Сам директор, граф Боссе, долго путешествовал верхом на пушке, отморозил себе ноги и кое-как добрался до Франции».

По выходе французов из Москвы первый посетил Наполеоновский театр известный драматург князь А. А. Шаховской.

Вот что он увидел здесь: на сцене валялись дохлые лошади, лестница, коридоры и зал были загромождены мебелью, зеркалами, музыкальными инструментами.

В уборных валялись обрезки парчовых и бархатных материй, из которых артисты выкраивали себе кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и спенсеры.

Наши русские актеры в годину Отечественной войны потерпели немало. Князь И. М. Долгоруков в своем «Капище сердца» рассказывает: «Когда партизаны-неприятели уже грабили в окрестностях около нашей подмосковной, мы снабдили подводами семейства актеров: Мочалова с женою и дочерью и певицу Насову с матерью и доставили им воз-

возможность дотащить до Ярославля.

При всем горе и несчастьи, в котором всякий из нас тогда находился, были минуты, в которые нельзя было не расхохотаться. Например, когда я увидел, что Насова натягивала дугу у телеги и сама в нее впрягала лошадь, Насова, которую я помню в театре, дающую оперу в свой бенефис, которой, кроме четырех тысяч сбора в один вечер, летели еще из партера на сцену кошельки с особенными подарками признательности, – видеть же ее около лагуна с дегтем и клячи было жалко и смешно.

Не меньше был забавен и Мочалов, когда он вдруг прибежал к матери моей и трагически вопиял против невежества нашего управителя. Дело было в следующем: Мочалов, видя, что мы слишком стеснены, желал нанять квартиру на заводе; управляющий заводом, узнав, что он актер, запретил ему отдавать квартиру, говоря, что Господь покарает весь завод за то, что он приютил в такое тяжкое время грешника – актера».

Этот Степан Мочалов был отец известного в свое время трагического актера П. С. Моча-

лова.

Театр московский возродился только в 1814 году. Первая пьеса, игранная на московской сцене, была драма Бориса Федорова «Крестьянин-офицер, или Известие о прогнании французов из Москвы». Пьеса шла тридцать раз кряду.

Но ранее этого еще в Москве давали на частном театре графа С. С. Апраксина, на Знаменке, любимую оперу «Старинные Святки»; помимо этой пьесы шли там патриотические пьесы: «Храбрые кариловцы при нашествии врагов», соч. Вронченки; затем «Освобождение Смоленска», «Всеобщее ополчение» и комедия Бориса Федорова «Прасковья Прадухина».

Дом Апраксина в Москве был самый гостеприимный. Судить о широком хлебосольстве этого барина можно по тому, что, как рассказывает князь Вяземский, он вскоре после нашествия французов дал в один и тот же день обед в зале Благородного собрания на сто пятьдесят человек, а вечером в доме своем ужин на пятьсот. Но не одними балтазаровскими пирами угощал Москву Апраксин, и

более возвышенные и утонченные развлечения и празднества находили там москвичи. У него бывали литературные вечера и чтения, концерты и так называемые благородные, или любительские, спектакли.

В его барском доме, как мы уже говорили, была обширная театральная зала; там давали в особенности славившуюся тогда оперу «Диана и Эндимион», в которой гремели охотничьи рога, за кулисами слышался лай гончих собак, а по сцене бегали живые олени. У него шли пьесы «Ям», «Филаткина свадьба», «Русалка» и проч. После французов там долго давался дивертисемент под названием «Праздник в стане союзных войск», с солдатскими песнями. В труппе Апраксина был известный комик Малахов и замечательный тенор Булахов (отец), с металлическим голосом и безукоризненной методой.

Про Булахова говорили итальянцы, что если бы он пел в Милане или Венеции, то затмил бы все европейские знаменитости. В любительских спектаклях у Апраксина играли два очень талантливых любителя, два соперника по искусству – приятели Апраксина:

Фед. Фед. Кокошкин и Ал. М. Пушкин; первый заведовал у него русскою сценою, другой – французскою.

Оба были превосходные актеры, каждый в своем роде. Первый был трагический актер старинных сценических преданий и обычаев; второй был тоже большой знаток сценического искусства и на театре был как дома, играл свою роль как чувствовал и понимал и был неподражаем в комедии Бомарше в роли Фигаро.

На театре Апраксина много лет играли императорские актеры, и опера итальянская выписана и учреждена была тоже при содействии Апраксина. Когда умер граф Апраксин, то в Москве про смерть его ходили разные слухи и рассказывали следующий, бывший с ним в молодости случай.

Он был с кем-то в приятельских отношениях. По каким-то служебным неприятностям этот приятель вынужден был выйти из военной службы. Он поселился в Москве, – это было в царствование Екатерины II. Увольнение от службы делало его положение в обществе сомнительным.

Он умирает. По распоряжению градоначальника отменяются военные почести, обыкновенно оказываемые при погребении бывшего военного лица. Апраксину показался такой отказ несправедливым; он командовал тогда полком в Москве и прямо от себя и, так сказать, частным образом воздал покойнику подобающие почести.

В ночь, следующую за погребением, является ему умерший благодарить за дружеский и благородный поступок и исчезает, говоря ему: до свидания. Другой раз является он ему и говорит: «Теперь приду к тебе, когда мне суждено будет уведомить тебя, что ты должен готовиться к смерти».

Прошли многие годы. Апраксин успел состариться и позабыть видение. Наконец он легко занемогает; ни доктор, ни домашние не видят в нездоровье его опасности, но он грустен и задумчив. Проходит несколько дней, и он, к удивлению брата, быстро угасает. Эту неожиданную смерть в то время и объяснили третьим видением, или сновидением, которого он был жертвою.

Кроме театра Апраксина, после француз-

ского погрома уцелел еще другой барский театр; помещался он в Знаменском переулке, близ Арбатских ворот, в доме Столыпина; театр этот после перешел во владение к князю Хованскому и позднее был продан последним князю Трубецкому вот по какому случаю. По соседству с ним был дом князя А. И. Вяземского, у Колымажного двора. Когда князь скончался, на отпевание был приглашен московский викарий. По ошибке он приехал в дом Хованского и, увидев князя, сказал ему: «Как я рад, князь, что встречаю вас; а я думал, что приглашен в дом для печального обряда». Хованский был очень суеверен и вовсе не располагал умирать. Он невзлюбил дома своего и поспешил продать его при первом удобном случае.

Труппа актеров Ал. Ем. Столыпина в свое время пользовалась большою известностью. Особенно славилась в ней опереточная актриса Варинька (Столыпинская), впоследствии вышедшая замуж за известного писателя Н. Стрехова.

До 1806 года почти вся труппа Петровского театра состояла, за небольшим исключением,

из крепостных актеров Столыпина.

Крепостных актеров от свободных артистов отличали только тем, что на афишах не ставили буквы «Г.», то есть «господин» или «госпожа», да и обращались с ними тоже не особенно любезно.

Так, С. П. Жихарев рассказывает: «Если они зашибались, то им делали тут же на сцене выговор особого рода». В 1806 году этих бедняков помещик намеревался продать.

Проведав про это, артисты выбрали из среды своей старшину Венедикта Баранова; последний от лица всей труппы, актеров и музыкантов, подал прошение императору Александру I. «Слезы несчастных, – говорил он в нем, – никогда не отвергались милосерднейшим отцом, неужель божественная его душа не внемлет стону нашему. Узнав, что господин наш, Алексей Емельянович Столыпин, нас продает, осмелились пасть к стопам милосерднейшего государя и молить, да щедротами его искупит нас и даст новую жизнь тем, кои имеют уже счастье находиться в императорской службе при Московском театре. Благодарность будет услышана Создателем

Вселенной, и Он воздаст спасителю их».

Просьба эта через статс-секретаря князя Голицына была препровождена к обер-камергеру А. А. Нарышкину, который представил государю следующее объяснение: «Г. Столыпин находящуюся при Московском вашего императорского величества театре труппу актеров и оркестр музыкантов, состоящий с детьми их из 74 человек, продает за сорок две тысячи рублей. Умеренность цены за людей, образованных в своем искусстве, польза и самая необходимость театра, в случае отображения оных могущего затрудниться в отыскании и долженствующего за великое жалованье собирать таковое количество нужных для него людей, кольми паче актрис, никогда со стороны не поступающих, требуют непременно покупки оных. Всемиловитейший государь! По долгу звания моего, с одной стороны, наблюдая выгоды казны и предотвращая немалые убытки театра, от приема за несравненно большее жалованье произойти имеющие, а с другой стороны, убеждаясь человеколюбием и просьбою всей труппы, обещающей всеми силами жертвовать в пользу службы,

осмеливаюсь всеподданнейше представить милосердию вашего императорского величества жребий столь немалого числа нужных для театра людей, которым со свободою от руки монаршей даруется новая жизнь и способы усовершенствовать свои таланты, и испрашивать как соизволения на покупку оных, так и отпуска означенного количества денег, которого ежели не благоволено будет принять на счет казны, то хотя на счет московского театра, с вычетом из суммы, každогодно на оный отпускаемой».

Бумага эта была подана государю 25 сентября 1806 года; император нашел, что цена весьма велика, и повелел г. директору театров склонить продавца на более умеренную цену. Столыпин уступил 10 000, и актеры, по высочайшему повелению, были куплены за 32 000 рублей.

Из этих артистов в свое время пользовались успехом следующие актеры: И. П. Кураев – очень талантливый комик; А. И. Касаткин – певец и актер того же амплуа; Я. Я. Соколов – певец-тенор, замечателен был в опере «Иосиф» и в «Водовозе»; Лисицын – комик

невысокого комизма, особенно хороший в ролях дураков и шутов; Кавалеров – в роли слуг; из актрис: Баранчеева, хорошая в ролях благородных матерей и больших барынь; Караневича, которая, по словам С. П. Жихарева, роли молодых любовниц превращала в старых; упоминавшаяся уже выше г-жа Насова, водевильная актриса с превосходным голосом, чистая натура; Бутенброк, недурная певица, и сестра ее Лисицына, на роли старух, – обе были очень талантливые актрисы; последняя выдвинулась случайно. Во время представления «Русалки» игравшая роль Ратины Померанцева внезапно была поражена ударом на сцене. Кто-то сказал, что молодая Лисицына, еще неопытная актриса, может заменить ее; актер Сандунов убедил ее согласиться сыграть за нее и сам разрисовал дебютантке лицо сухими красками так, что она долго плакала от боли, и когда надела костюм, то ее сестра и другие товарищи приняли ее за Померанцеву и с участием стали расспрашивать о здоровье. Лисицына мастерски провела свою роль и с тех пор стала любимицей публики.

Существует предание, что крепостных ак-

теров публика не особенно любила и не так усердно посещала Петровский театр, где играли они.

Рассказывают, что вскоре после покупки труппы император Александр I смотрел игру актеров и она ему не понравилась. Государь заметил заведовавшему театром Нарышкину:

– Твои артисты совсем испортились.

– Когда же, не может быть, ваше величество, – отвечал остряк Нарышкин, – как им испортиться, когда они играют на льду.

В то время под театром помещались погреб с винами.

Впоследствии, когда был выстроен Большой театр в Москве, граф Ростопчин говорил, что это хорошо, но недостаточно; нужно купить еще 2000 душ, приписать их к театру и завести между ними род подушной повинности, так чтобы по очереди высылать по вечерам народ в театральную залу: на одну публику надеяться нельзя.

По постройке Большого театра главнокомандующим в столице был генерал-фельдмаршал граф И. В. Гудович. Русские артисты нашли в нем самого ревностного покровите-

ля – им были увеличены оклады и даны многие льготы; граф сам имел своих актеров, и особенно хорош был его оркестр музыкантов.

При Гудовиче на театре вошло в обыкновение со сцены, после первой игранной пьесы, извещать публику о следующем спектакле. Этот обычай был принят в старину, когда еще не печаталось афиш. Обыкновенно выходили с анонсом первые актеры с тремя поклонами и говорили: «Почтеннейшая публика! В следующий (такой-то) день императорскими российскими актерами представлено будет...», а если возвещался бенефис, то объявление оканчивалось: «Такой-то артист ласкает себя надеждою, что почтеннейшая публика удостоит его своим посещением».

В Петербурге в это же время, в управление театрами князя П. И. Тюфякина, было заведено, что артист, возвещавший о спектакле, был одет не иначе как в башмаки и с треугольной шляпой. Рассказывают, что когда началась война 1812 года и французский актер Дюрен явился на сцену с обычным анонсом, сказав: «Messieurs, demain nous aurons l'honneur de vous donner»[67] и проч., увидел,

что в зале всего сидит один зритель, и то, кажется, должностное лицо, а потому тотчас же переменял начало речи и сказал: «Monsieur, demain nous aurons l'honneur...»[68] закрыть спектакли, распустить труппу и т. д.

В Москве играли по 31 августа, но с первых чисел июня, то есть со времени объявления войны, у подъездов театра виднелись две кареты, не более, – дворянство уже не посещало театра, ходили только одни купцы.

При графе Гудовиче в театре было отменено интересное для артистов «метание кошельков» на сцену. Про этого главнокомандующего Москвы ходило много анекдотов. Гудович был нрава горячего, правил строгих, любил правду и очень преследовал порочных; видом он был угрюм и неприступен; но в кругу друзей и домашних ласков и приветлив.

По словам князя Вяземского, он крепко стоял за свое звание. Во время генерал-губернаторства его в Москве приезжает к нему иностранный путешественник; граф спрашивает его, где он остановился.

– Au pont de Maréchaux[69].

– Des maréchants-ferrants, vous voulez dire, –

перебивает граф довольно гневно, – en Russie, il n’y a de maréchal que moi[70].

Гудович говаривал, что с получением полковничьего чина он перестал метать банк сослуживцам своим. «Неприлично, – продолжал он, – старшему подвергать себя требованию какого-нибудь молокососа-прапорщика, который, понтируя против вас, почти повелительно вскрикивает „атанде“[71]».

В Москве он был настойчивый гонитель очков и троечной езды и принимал самые строгие меры благочиния против злоупотребления очков и третьей лошади. Никто не смел являться к нему в очках; даже в посторонних домах случалось ему, завидя очконосца, посылать к нему слугу с наказом: нечего вам здесь так пристально разглядывать, можете снять с себя очки.

Приезжавшие в город из подмосковных в телегах и в колясках должны были, под опасением попасть в полицию, выпрыгать у заставы одну лошадь и привязывать ее сзади.

Заменивший его граф Ростопчин не гнал очки, и хотя и говорил в одной из своих афиш, что он «смотрит в оба», это, однако, не

помешало ему просмотреть Москву, хотя и по обстоятельствам, от него не зависевшим.

В описываемую нами эпоху в числе барских театров славился в Москве Дурасовский. У этого так называемого тогда «евангельского» богача в его имении Люблине было все, включительно до пансиона для дворянских детей с учителем-французом, неизвестно для какого каприза заведенного.

По словам мисс Вильмот[72], когда она раз посетила театр этого барина, на сцене и в оркестре его появлялось около сотни крепостных людей, но хозяин рассыпался на счет бедности постановки, которую он приписывал рабочей поре и жатве, отвлекшей почти весь его наличный персонал, за исключением той горсти людей, которую успел собрать для представления.

Самый театр и декорации были очень нарядны, и исполнение актеров весьма порядочное. В антрактах разносили подносы с фруктами, пирожками, лимонадом, чаем, ликерами и мороженым. Во время представления ароматические курения сожигались в продолжение всего вечера.

О другом таком же барском театре, князя Хованского, анекдот из жизни которого мы привели выше, нам известно, что на нем ставились целые оперы с балетами.

Князь Хованский сам был известен как симпатичный поэт; его песенка в свое время обошла всю Россию и, кажется, посейчас живет в памяти деревенских девушек и горничных. Кто из нас не слышал милую песенку про «незабудочку»:

*Я вечер в лугах гуляла,
Грусть хотела разогнать,
И цветочков там искала,
Чтобы к милому послать... и
т. д.*

Спектакли у князя ставились с большим умением и разборчивым вкусом. Смерть князя Хованского оплакивал Карамзин в стихах («Друзья, Хованского не стало»). У князя Хованского жил известный шут, или дурак, Иван Савельич, которого знала вся Москва. Этот Савельич на самом деле был преумный и иногда так умно шутил, что не всякому остроумному человеку удалось бы придумать подчас такие смешные и забавные шутки. Хо-

ванские очень любили и баловали его – для него была устроена особая одноколка и дана в его распоряжение лошадь; он в этом экипаже ездил на гулянья, которые бывали на Масленице и Святой. В летнее время он появлялся на гулянье под Новинском в своей одноколке: лошадь вся в бантах, в шорах, с перьями, а сам Савельич во французском кафтане, в чулках и башмаках, напудренный, с пучком и с кошельком и в розовом венке, сидит в своем экипаже, разъезжает между рядами карет и во все горло поет: «Выйду ль я на реченьку» или «По улице мостовой шла девица за водой». Выезды Савельича очень забавляли и тешили тогдашнее общество. После Хованских Савельич в Москве жил в доме Ек. Серг. Ивашкиной (урожденной Власовой, по первому мужу Шереметева), супруги обер-полицеймейстера в первой четверти нынешнего столетия. Савельич в 1836 году был еще жив; под конец своей жизни он сделался комиссионером и нажил состояние. Однажды, обязавшись чихнуть на каждой из ста двадцати ступеней, он добросовестно вычихал себе дом у одного богатого причудливого московского

вельможи.

В числе барских театров в Москве в конце царствования Екатерины II был очень недурной у графа Павла Серг. Потемкина, внучатного брата знаменитого князя Таврического.

Смерть владельца театра[73] от отравы в свое время произвела в Москве немало толков.

Бантыш-Каменский говорит, что кончину графа тогда приписывали посещению, будто бы сделанному ему страшным Шешковским [74] и вызванному внезапным желанием исследовать дело о поступке его в 1786 году в Кизляре с персиянами.

Дело это помрачает имя П. С. Потемкина коварным и жестоким поступком. Двое из братьев Али-Мегемет-хана, хищника персидского престола, бежали от его преследований; первый успел укрыться в Астрахани, а второй приближался морем к кизлярскому берегу. Потемкин отказался принять его под предлогом, что Россия в мире с Персией.

Но изгнанник, преследуемый по пятам неприятельскими кораблями, решился с отчаяния войти в Кизлярский порт. Комендант

Кизляра послал ему навстречу лодки, наполненные солдатами, которых беглецы радостно приветствовали. Но только что солдаты взошли на корабль, как бросились на персиян, перерезали, передушили и перетопили их всех и разграбили несметные сокровища, увезенные на этом корабле принцем, который сам погиб в волнах.

Дело это почти десять лет оставалось безгласным, несмотря на общую его известность, но наконец нашли нужным поднять его, ввиду того что Россия, воюя с Персией, приняла на себя защиту прав принцева брата Сали-хана, спасшегося в Астрахани и жившего в России забытым, пока он не сделался нужен как предлог для войны с Персией.

Над Потемкиным было наряжено следствие, – вся Москва заговорила об этом скандале; Потемкин сделался очень болен. Жена его, красавица Прасковья Андреевна (урожденная Закревская, род. 1763 г., ум. 1816 г.), растрепанная, простоволосая, с воплем и слезами, приходила к Иверской поднимать образ Богородицы и несла его к себе в дом молебствовать по улицам Москвы. Жена Потем-

кина славилась своей красотой и пользовалась восторженной любовью князя Таврического.

Когда в 1789 году при главной квартире его, рядом с военным штабом, образовался, к удивлению России, другой, женский, то в числе лиц последнего, как говорит П. П. Бекетов [75], Прасковья Потемкина занимала первое место.

Современники сохранили для потомства имена этих патриоток, облегчавших воинские труды светлейшего. Это были: П. А. Потемкина, гр. Самойлова, кн. Долгорукая, гр. Головина, кн. Гагарина, жена польского генерала де Витта. Энгельгардт в своих воспоминаниях говорит, что жене Потемкина «его светлость оказывал великое внимание». Это внимание доходило у него до боготворения. Вот как выражал Потемкин страсть «к сударушке своей Парашеньке»: «Утеха моя, сокровище бесценное, ты дар Божий для меня, – писал он ей. – Цалую от души ручки и ножки твои прекрасныя, моя радость... Дурочка моя умненькая, *je vous porte dans mon cœur...*[76] Жизнь ты моя, тобою моя жизнь приятна, бес-

ценная, ангел, которым сердце мое наполнено... Я, видя тебя благополучную, буду счастлив и в архиерействе подам мое благословение; облачась пребогато, скажу к тебе: да победиши враги твоя красотой твоею и добротой твоею. Знаешь ли ты, прекрасная голубушка, что ты кирасиром у меня в полку! Куда как шапка к тебе пристала, и я прав, что к тебе все пристанет. Прости... цалую ручки ангельския» («Рус. стар.». 1875. Т. XIII).

Возвращаясь к другому Потемкину, мы видим, что он, обвиняемый в грабеже и убийстве, впоследствии издал стихотворение «Глас невинности». На это стихотворение явился колкий и ядовитый ответ – «Возражение на „Глас невинности“». Подобных возражений было еще три: одно из этих сатирических посланий приписывали Державину; последнее, по выражению Болотова, «летало всюду в Москве и читано было многими».

В Москве тогда говорили, что жадность Потемкина доходила до того, что он променивал косяками людей и солдат на косяки горских лошадей и овец, которые ему были нужны. Он не жалел своих соотечественников отда-

вать в неволю ради своей корысти.

К делу Потемкина примешивали еще генерала Гудовича, командира кубанских войск и рязанского наместника. Потемкин думал даже оставить Россию и поступить на службу австрийского императора. Молва в Москве еще приписывала Потемкину смерть князя П. М. Голицына, молодого полковника, красавца, охранявшего дорогу от Казани к Оренбургу и нанесшего первый удар Пугачеву. Но последнее обвинение не верно: Голицына убил Шепелев на дуэли, как тогда говорили, «изменнически заколол». Шепелев был женат впоследствии на одной из племянниц князя Потемкина.

По поводу этой дуэли ходили следующие толки. В бытность Екатерины II в 1775 году в Москве на бале Голицын был замечен государыней; увидав его, она сказала: «Как он хорош! Настоящая куколка». Эти слова его и погубили.

П. С. Потемкин воспитание получил в Московском университете, в первые годы его основания. Быстрая служебная карьера его начинается в первую турецкую войну; здесь он

получил чин гвардии капитан-поручика и Георгия 4-й степени.

В 1774 году он был произведен из бригадиров в генерал-майоры и назначен начальником двух секретных следственных комиссий – оренбургской и казанской, действовавших по делу о пугачевском бунте. Потом, как мы уже упоминали, он был в Москве в числе судей над Пугачевым. За начальство в южных окраинах России он получил Анненскую ленту, затем Александровскую и камергерский ключ. В 1783 году он приводил к присяге покорившихся России крымцев и убедил царя Ираклия Кахетинского и Карталинского принять русское подданство, за что получил Владимирскую ленту и чин генерал-поручика. С 1784 года он был наместником саратовским и вместе с тем кавказским. Несмотря на сильную протекцию своего могучего родственника, он в эти годы лишился благосклонности Екатерины и жил в Москве, где и считался одним из первых в числе недовольных правительством.

По словам Бантыш-Каменского, Потемкин отличался неустрашимостью, умом, образова-

нием, любил заниматься словесностью, знал в совершенстве отечественный и многие иностранные языки. Из произведений его пера известно более десяти напечатанных книг, в числе которых три драмы в стихах: «Россы в Архипелаге», «Торжество дружбы» и переводная «Магомет», трагедия Вольтера. Из неизвестных произведений Потемкина: «История о Пугачеве» и описание кавказских народов. Потемкин имел двух сыновей: Григория Павловича, убитого под Бородином, и Сергея Павловича, умершего в 1858 году, известного любителя искусств, литературы и театра; оба они умерли бездетными, и род Потемкиных пресекся.

Эрмитаж в усадьбе Кусково. Гравюра П. Ф. Лорана. 1770-е

Глава VIII

Театры: в Нескучном и Кускове. – Богатство Шереметевых. – «Дом в уединении». – Наталья Долгорукова. – Описание Кусковской рощи. – Шереметевский театр. – Славное его прошлое. – Посещение Кускова императрицей Екатериной II. – Характеристика графа П. Б. Шереметева. – Село Останкино; посещения этого села императором Павлом I. – Богатство обеденного стола. – Император Александр I в Останкине. – Историческая судьба актрисы графа Шереметева. – Граф. Н. П. Шереметев. – Романтическая любовь его. – Приезд императора Павла в Останкино. – Брак графа Шереметева. – Смерть графини и трогательная печаль графа. – Благотворительность графа Шереметева. – Село Троицкое графа Румянцева. – Празднество в нем. – Прием императрицы Екатерины II. – Исторические воспоминания о Троицком.

Но кто славился в доброе старое время в Москве своим театром и актерами, то это граф Шереметев. Театров у графа было три, один в Москве и два подмосковных – в Кускове и Останкине; в Кускове, помимо постоянного театра, существовала еще воздушная сцена в саду из липовых шпалер с большим амфитеатром; впрочем, такой воздушный театр был еще в Нескучном, селе Д. В. Голицына. На воздушном театре давали не только дивертисменты и водевили, но даже большие комедии, трагедии и балеты. Загоскин об

этом говорит: «Я очень помню, как однажды в проливной дождь дотанцовывали на нем последнее действие „Венгерской хижины“ почти по колено в воде».

Кусковский театр был первый из русских барских театров; он был несравненно богаче тогдашнего московского. Этот театр надо считать рассадником наших сценических талантов конца XVIII столетия. Стоял он у одного угла роши; еще в пятидесятых годах нынешнего столетия видно было обветшалое здание его с фронтоном и порталом.

На этот некогда знаменитый Кусковский театр, видно, не жалели тогда золота, которое еще в упомянутые года блестело из-под пыли и паутины. Три яруса лож, и особенно авансцена, были отделаны со всею роскошью и грандиозностью итальянской архитектуры. Театр был выстроен в полгода французским архитектором Вали; год постройки его нам неизвестен, – смутно известно только, что его начали строить перед Рождеством и окончили к Петрову дню, ко дню ангела графа Петра Борисовича. Спектакли у Шереметева бывали по четвергам и воскресеньям, на них стека-

лась вся Москва, вход для всех был бесплатный.

Ввиду этого обстоятельства тогдашний содержатель московского частного театра Медокс обратился с жалобой к главнокомандующему Москвы князю А. А. Прозоровскому на графа Шереметева, говоря, что он платит условленную часть своих доходов Воспитательному дому, а граф отбивает у него зритель.

Кусково, по преданию, получило свое название от куска, которым граф Петр Борисович обыкновенно называл свою родовую собственность, небольшой участок земли, где были дом, главный пруд, сад и село.

Вся земля кругом принадлежала князю А. М. Черкасскому, и в сравнении с его огромным имением, которое составляли почти все ближние села и деревни, окружавшие Кусково, действительно оно было кусочком. Когда граф Петр Борисович женился на единственной дочери князя Черкасского, то все его поместья: Перово, Тетерки, Вишняки, Вылонь, Жулебино и Останкино – перешли в род графов Шереметевых. Княжна Черкасская, поми-

мо этого, принесла мужу в приданое более 80 000 душ крестьян.

Молодая графиня провела детство в Вишняках и очень любила их; она не хотела забыть родину, и молодой граф исполнил желание своей супруги, выстроил для нее на своем куске дворец и назвал его Кусковым; дом был построен по плану архитектора Валли.

В этом доме в одной комнате стены были из цельных венецианских зеркал, в другой – обделаны малахитом, в третьей – обиты драгоценными гобеленами, в четвертой – художественно разрисованы не только стены, но и потолки; всюду античные бронзы, статуи, фарфор, яшмовые вазы, большая картинная галерея с картинами Рафаэля, Ван Дейка, Доминикино, Корреджо, Веронезе, Рембрандта, Гвидо Рени; большая часть картин была, впрочем, по смерти графа в 1788 году вывезена в Петербург и часть в Останкино; в некоторых комнатах висели люстры из чистейшего горного хрусталя.

Замечательны также были в кусковском доме огромная библиотека и оружейная палата; в последней было редкое собрание древне-

го и нового оружия: английские, французские, испанские, черкесские, греческие и китайские ружья, дамасские сабли, оправленные в золото и осыпанные драгоценными камнями, турецкие ятаганы, шашки и проч. В числе конских приборов было седло Карла XII, доставшееся вместе с его скакуном графу Борису Петровичу в Полтавском сражении.

В спальне покойного графа висел неоконченный его портрет, писанный пятнадцатилетнею его дочерью; смерть помешала кончить его, и неутешный отец не хотел, чтобы чья-нибудь рука коснулась работы милой его дочери. Других портретов его было здесь несколько: один работы Гротта, простреленный десятью пулями; другой в парадной столовой и также прострелен пятью пулями; рядом с ним прорезанный портрет графини, жены его. Эти три испорченных портрета остались памятником пребывания здесь французов в 1812 году. По преданию, граф П. Б. очень не любил французов и был враг тогдашней французской философии.

В саду Кускова было 17 прудов, карусели, гондолы, руины, китайские и итальянские до-

мики, китайская башня наподобие нанкин-ской, с колоколами, — граф называл ее голу-бятней, каскады, водопады, фонтаны, маяки, гроты, подъемные мосты.

Теперешний дом и сад Кускова только остатки прежнего великолепия: нынешний так называемый гай, или роща возле театра, был некогда превосходным английским са-дом, с такою обстановкою, что граф и его го-сти предпочитали его дому и французскому саду.

В этой роще стоял летний дом графа Пет-ра Борисовича, где он постоянно жил в неприемные дни и где принимал своих дру-зей. Дом этот назывался «домом уединения».

В этом домике жил граф, когда лишился милых сердцу жены и дочери, и оттуда выхо-дил только для приема знатных гостей, ино-гда Екатерины и других государей. Только то-гда он являлся еще истинно русским вельмо-жею, и иностранные принцы с изумлением описывали его пиры; но, возвратясь в свой до-мик, в свое уединение, он снова был отшель-ником, верным памяти о сердечном счастье. Жена графа была красавица; она обладала та-

кими роскошными локонами, что еще в бытность фрейлиной императрицы Анны ей одной позволялось носить их при дворе.

Дочь графа Петра Борисовича была невестою графа Никиты Ивановича Панина. Говорили, что отец был вдвойне огорчен как потерей дочери, так и горестию своего друга по ней. Тоска и чувствительность графа, можно сказать, была отличием всех Шереметевых. Кто не знает славной страданиями Натальи Долгоруковой, самоотверженная любовь которой к своему мужу увековечена в наших преданиях старины!

По преданию, княгиня Наталья Борисовна пришла из Сибири прямо в Кусково ночью, в темный осенний вечер, перешла сад и подошла к дому; но в нем все было заперто. Бедная путница с ребенком на руках едва дошла до дома священника и там провела ночь. Через несколько недель княгиня была уже при дворе и в милости. Екатерина возвратила ей все, что некогда потерял муж ее.

Позднее многострадальная приняла схиму и жила в Киеве, в монастыре, под именем старицы Нектарии. Княгиня Наталья, по преда-

нию, бросила свое обручальное кольцо в Днепр и постриглась в монахини в одежде фрейлины с Екатерининскою лентою через плечо.

Сын ее, по семейным преданиям, был самым суетным, мелочным и тщеславным человеком и едва не попал в большую беду: он затеял заговор и хотел возвести на престол Иоанна Антоновича при содействии родственника своего князя М. И. Долгорукова, точно такого же тщеславного человека; по рассказам, последний у себя в преогромном деревянном доме имел на подмостках раззолоченный трон, на котором и сиживал, и редко в присутствии гостей сходил с него.

Существует рассказ, крайне, впрочем, сомнительный, будто бы он посещал в Шлисфельдбурге Иоанна Антоновича в одежде афонского монаха.

В доме уединения в 1810 году, помимо графа, жила еще Анна Николаевна – калмычка, весьма важное лицо в Кускове.

С 1810 года дом этот жадные опекуны стали отдавать внаймы, и его нанимала для летней дачи, прельщенная преданиями старины

Кусковского театра, известная актриса Е. С. Сандунова; весной 1812 года нанял было его купец 1-й гильдии Чертков, но отказался из опасения сырости, затем в июне нанимал М. Ф. Бестужев за 500 рублей и также отказался из опасения сырости; уже в июле явилась придворная актриса Сандунова и давала 350 рублей ради упущенного времени, но опекуны, ценя дом в тысяч пятьдесят и более, рассудили отказать «политическим образом», а в самом деле потому, что она жила с мужем в разводе; состояние ее было неизвестно, и опасались «неблагопристойных компаний».

Судьба спасла Сандунову от последующей встречи здесь с французами, а ограбленный ими дом был вскоре сломан (см. очерк П. Бесонова).

На конце рощи было небольшое озеро под названием Локасино; искусственная река соединяла его некогда с другими небольшими озерами; через рукава этой речки живописно перекинуты были красивые мосты с раззолоченными перилами; один из них вел в глубину рощи, к так называвшемуся «убежищу философов», или в Тентереву деревню, в краси-

вый домик с зеркальными стенами, полами и плафоном, наполненный тысячами редкостей.

Недалеко от этого дома было другое здание под названием «Метрея»; это был небольшой скотный двор, куда приводили графу на показ его любимых коров. У опушки гая, недалеко от нынешней Гиреевской рощи и дороги в Косино, бил фонтан; в пятидесятых годах в этом гае стояла еще «беседка тишины» и курган.

Беседку окружал некогда искусный лабиринт, а на кургане стояла статуя Венеры; возле нее была львиная пещера; здесь на лаврах лежал лев, под ним была латинская надпись, и здесь же хранилась плита с допотопными окаменелостями, найденная в окрестностях Кускова.

Недалеко отсюда был знаменитый стог сена, который еще помнят некоторые старожилы; при приближении к нему замечалась оригинальная беседка в виде русской избы, в которой за дубовым столом на тесаных скамьях сидели двенадцать мужичков в праздничных нарядах и в интересных позах и пили водку. Это была группа восковых фигур,

которая называлась пьяною компаниею. П. Бессонов говорит, что эта группа не изображала русских мужичков, а иностранцев, что тут были восковые фигуры какого-то «Велиуса», «турка», еще «господина без печали, веселого брата», затем «француза» и доктора «Бамбаса вместе с дамой». Судьба этих кукол была самая печальная: портной Иван Пучков и обойщик Нефед Никитин в ночное время перебили их, отшибли им головы и руки, отобрали их платье и продали в Москве. Позднее опустошение этого «шомьера»[77] довершили мыши и всепожирающее время.

Также на идущей мимо театра в Владычино дороге, на том месте, где теперь мост через канал, прежде был так называемый «потаенный фонтан», и стоило только шутнику отвернуть кран, как на бедного, проходившего через мост, лился проливной дождь.

Говоря о бывшем великолепии Кускова, нельзя не вспомнить и о старинных его угодах. К числу их принадлежала и та роща, которая теперь известна под именем зверинца; зверинец был в окружности до трех верст; еще заметны теперь два пересекающихся под

прямым углом в середине леса проспекта и видны следы каменной башни, служившей сборным местом охотников, но уже нет следов построек настоящего зверинца, где содержались разных пород звери: черные американские, серые русские и сибирские медведи, лоси, лисицы и проч. Стада оленей ходили свободно; их считалось до шестисот голов; остатки этих стад выведены отсюда в 1809 году, и зверинец уничтожен. Охоту графа составляли обыкновенно сорок псарей, сорок егерей, сорок гусаров и т. д., все по сорока.

Но охота графа принимала иногда более огромные размеры, и тогда театром ее делались все окрестности; сотни наездников и амазонок, благородных гостей графа, цвет тогдашней аристократии, множество богатых экипажей, блестящих ливрей, лихих скакунов в раззолоченных уборах – все это составляло прекрасную картину, напоминавшую охоты Генриха IV в Булонском лесу или королей английских в Виндзоре.

На другой стороне сада, против грота и «Итальянского дома», возвышалось двухэтажное здание в мавританском вкусе под назва-

нием эрмитажа; построен последний был архитектором Валли; в этом здании из нижнего этажа в верхний была машина, поднимавшая на стол 16 кувертов[78]; низ здания был занят тремя буфетами; здесь сервировали стол и приборы, и каждый отдельно поднимался наверх. Здесь был также подъемный диван, поднимавшийся наверх вместе с гостями.

Наверху эрмитажа граф по часам сиживал один, и никто лишней не мог войти туда: все подавалось и принималось машиной. Также необыкновенно богаты были кусковские оранжереи, теплицы, но лучшие деревья перешли к Шереметевым от Черкасского; здесь были бесценные лавровые и померанцевые деревья огромной величины, считавшие уже при графе П. Б. несколько столетий своей жизни.

Оранжереи, теплицы и грунтовые сараи Шереметева снабжали фруктовыми отводками все окрестные поместья и много способствовали развитию плодового садоводства не только под Москвою, но и во всей России.

Для лавровых деревьев были сделаны особые двери, или, лучше, проломы, до 18 аршин

в вышину; таких лавров и померанцев было трудно найти даже на юге; некоторые деревья доходили до 18 аршин высоты, кадки вместе с деревом весили до 150 пудов; для перенесения их с места на место требовалось до 100 человек, но на катках их сдвигали с места 60 рабочих; деревьям, по счету слоев одного высохшего дерева, приходилось с чем-то 400 лет; по оценке, сделанной во время опеки над малолетним наследником Шереметева, каждое дерево ценилось 10 000 рублей ассигнациями.

На месте нынешнего оранжерейного здания, где уцелела старая домовая церковь, стоял первый дом владельцев, за которым в память Петровской эпохи и для собрания воедино голландских памятников сооружен был дом – «Голландский» (1749 год).

Этот дом был весь выложен внутри изразцами или плитками самого разнообразного рисунка, с мраморным полом, украшенный по стенам множеством картин с голландскими видами, фламандской школы, рисовавшими домашний быт.

Бессонов замечает, что, разумеется, все

главные источники для своих причудливых планов молодой граф приобрел, женившись на Варваре Алексеевне Черкасской (1711–1767), дочери известного А. М. Черкасского (очень честного, но недостаточно деятельного канцлера Анны и Елисаветы) и наследнице несметных, в том числе сибирских, богатств, прибавим – наследнице особенно изящного вкуса; отец заведовал строением дворцов и садов, равно как устройством художественных ремесел.

В Кускове уцелела еще железная решетка, сделанная по рисунку, который во время пребывания здесь на досуге набросала Екатерина.

В то старое время существовал еще «Итальянский дом», предназначенный для памятников итальянского искусства, преимущественно для дорогих картин с историческим и духовным содержанием; внешность дома теперь обезображена, внутри – жилые покои с мебелью петровского времени; картины и редкости вынесены. Прежде везде, кроме картин и статуй, были мрамор, золото, хрусталь, резьба по дереву, штоф, атлас, живописные

плафоны и фрески. Дом этот поврежден после отдачи внаймы.

От «Итальянского дома» через вал вел мостик, где стояли пять каменных изящных домиков, с окнами и воротцами, решетками и колоннами; все это было вызолочено; правая сторона обводного канала была отведена для редких птиц, лебедей, журавлей, американских гусей, фазанов, пеликанов и т. д.

Пруды Кускова были полны дорогих рыб; рыбы было столько, что неводом вылавливали зараз по 2000 карасей – и раз была вынута из пруда раковина с жемчугом; в старину на пруде было несколько рыбачьих хижин, стояли яхты с шлюпками и лодками, был остров с руинами, были матросы в шкиперских кафтанах кофейного и вишневого цвета с белыми пуговицами.

Помимо прудов, среди садов Кускова протекал быстрый ручей; он был расчищен, углублен, обложен по берегам камнем и обращен в речку; от этой речки сделаны отводы и каналы, вырыты водоемы, ручейки, обставленные разукрашенными с живописными берегами островками, переходными мостика-

ми, с золочеными перилами, башенками, беседками и т. д.

Перечисляя памятники роскошного прошлого Кускова, нельзя обойти описанием каруселя с затейливыми играми, как то: кольцами, мячами, кеглями, висячим шаром, деревянными конями для езды в одноколках, фортункой, качелями висячими и круглыми на столбах; затем был здесь «Диоген», врытый в землю, – сидел он в дубовом чану со снимающейся крышкой; философ был сделан из алебаstra и расписан под цвет натурального тела; он имел при себе муравленый кувшин и шнуровую книгу в кожаном переплете.

В саду был еще «Храм молчания», или «тишины». В этом здании, сооруженном в лабиринте, стояли только, в знак молчания, две большие вазы с крышками. В саду также в некоторых местах возвышались большие декорации из тесу с изображениями красками красивых ландшафтов и строений. Такие декорации часто употреблял в дело князь Потемкин во время проездов Екатерины по бедным и скучным местностям. Была в Кускове одна декорация, представлявшая домики, при

них ворота с замком и скобками.

Красовалась там еще беседка «Трефиль», снаружи и внутри обитая равендуком[79], с расписными стеклами; на ней надпись: «Найти здесь спокойство»; был и «Философский домик», обитый внутри березовою корою и на дверях с надписью на французском и русском языках. В числе затей стоял еще «открытый воксал» для музыки и танцев, с наугольными кабинетами, снаружи и внутри фонари и колокольчики.

Но наибольшею роскошью, как мы уже говорили, отличался театр Шереметева. По величине он равнялся нынешнему московскому Малому театру, но удобством, вкусом, изяществом и богатством он далеко оставлял второй позади.

Построен он, как мы сказали, по плану архитектора Валли и убран внутри по рисункам известного Гонзаго. Начат он, по преданию, год спустя после постройки барского дома.

Театров, до постройки главного, в Кускове было несколько; так, по архивным спискам, известны сначала были: «Домашний», «Старый», «При вокзале в гае», затем уже «Новый»

и «Новоустроенный». В новом виде театр просуществовал недолго – перед кончиной Петра Борисовича и в первые лишь годы Николая Петровича. Театр Шереметева у современников стяжал громкую славу как отличным исполнением богатого репертуара, так и счастливым выбором главных исполнителей, число которых было весьма немногочисленно, но зато хорошо поддержано массою танцовщиц и особенно превосходным оркестром и хором певчих. Особенно также богат был театр роскошными декорациями и обильным гардеробом.

Летом, в праздники, представления переносились на «воздушный театр», помещавшийся под открытым небом в большом саду, между «Итальянским домом» и деревянным бельведером. На этом театре было поставлено несколько драм, с десяток комедий, до двадцати балетов и боле сорока опер; некоторые из этих театральных пьес ставились здесь ранее двора и эрмитажа.

В начале нынешнего столетия театр был запечатан. Было даже время, много лет тому назад, когда в запустелом театре поселились

целою шайкою мошенники и с трудом были оттуда выгнаны.

О полноте и богатстве гардероба можно судить по тому, что в 1811 году по сделанной описи театрального платья, парчового, шелкового и т. д., было сундуков семнадцать, а разных уборов, перьев, обуви и т. п. – семьдесят шесть сундуков. Исполнители театральной помещались в особых корпусах, близ театра, «свои» же иногда и по собственным домам; певчие, родоначальники знаменитой некогда Шереметевской капеллы, – преимущественно малороссы; певцы-солисты, музыканты, актеры и актрисы, танцовщики и танцовщицы особо – из своих и приглашенных за плату. В старших музыкантах было много иностранцев, главные Файер и Фацил, или Фасциус, а из своих русских: Дмитрий Трехвалов, позднее – Алексей Скворцов, Осип Долгонос и Василий Зайцев.

Любопытно, что музыкантам-иностранцам, особенно же актерам и актрисам, предпочтительно пред прочими сожителями и наравне с графскою семьею, отпускались из прудов к столу караси, иногда (например, рус-

ским в посту) в большом количестве на весь корпус, так что, глядя на счета, можно бы с первого раза подумать, не считалось ли это принадлежностью и лучшим питанием жрецов сценического искусства. Стражами театра состояли старший «гусар Иван Белый с шестью рабочими». Графский библиотекарь, как и поставщик театральных пьес, был крепостной человек – Василий Вороблевский; театральных пьес и других сочинений этого автора, напечатанных в эпоху от 1772 по 1797 год, известно более пятнадцати.

В 1787 году, в бытность Екатерины II в Кускове, граф Шереметев давал представления на своем театре; граф Сегюр, бывший на этих спектаклях, говорит, что балет удивил его не только богатством костюмов, но и искусством танцовщиков и танцовщиц. Наиболее ему показалось странным, что стихотворец, музыкант, автор оперы, как и архитектор, живописец, написавший декорации, так и актеры и актрисы, – все принадлежат графу и были его крепостные люди.

Все празднества в Кускове отличались необыкновенною пышностью; во время

праздников у графа Шереметева число гуляющих посетителей доходило до 50 тысяч человек, исключая званых гостей, которых приглашалось по билетам более 2000 человек.

Где теперь столбы и шлагбаум, на выезде из кусковской земли в сторону Пернова и Опекунова, при повороте к Тетеркам, стоял деревянный столб с надписью, приглашавшей посетителей Кускова «веселиться, как кому угодно, в доме и в саду».

Из таких исторических праздников и торжеств в Кускове известен был «День открытия обелисков». Один из таких, помещенных в глубине Большого сада, там, где перегораживала его решетка по рисунку императрицы, имел на вершине статую якобы Минервы, но гораздо более похожую на фигуру самой государыни, с надписью о посещении 1775 года, «в память чего благодарность сей монумент из пожертвованного ея величеством мрамора соорудила».

Другой, близ Большого дома, пирамидальный, гласил, что «Екатерина II пожаловала графу П. Б. Шереметеву (мрамор) в 1785 году, во время бытности его губернским предводи-

телем московского дворянства».

Празднества в старину шли с необыкновенным великолепием: в саду была иллюминация, прозрачные картины, пирамиды, пели хоры певчих, играли оркестры музыкантов, оранжерея была превращена в вокзал, где танцевали тысячи пар.

Слух об этих роскошных праздниках дошел до государыни, и в бытность императрицы в Москве во время празднования двадцатипятилетия ее царствования, на третий день торжеств, 30 июня 1787 года, в три часа пополудни, императрица отправилась в Кусково со всем двором и блестящею свитою. Екатерина вступила на кусковскую землю чрез великолепную арку, убранную оранжерейными растениями, между которыми были размещены символические картины с приветственными надписями.

Наверху галереи играла музыка. При приближении поезда к подъемному мосту[80] стоявший на Большом пруде двадцатипушечный корабль и другие меньшие суда салютовали, а с берегов также гремели пушечные выстрелы.

К Большому дому вела галерея живых картин: здесь стояли попарно жители и слуги Кускова с корзинами цветов, девушки в белых платьях и венках рассыпали букеты по пути. Через Большой сад хозяин провел царицу в сад английский и лабиринт, где при вечернем солнце показывал свои прихотливые сооружения и редкости, а после повел царицу в театр, где давали оперу «Самнитские браки» и в заключение балет. Екатерине очень понравился спектакль; она допустила всех артистов к руке и раздала им подарки.

На одном из праздников в Кускове сопровождал Екатерину император австрийский Иосиф. Посетив Кусково, император думал, что приехал к венценосному владельцу.

Граф Сегюр в своих воспоминаниях говорит, что стол графа Шереметева в этот день был сервирован золотую посуду на шестьдесят персон; граф Комаровский, видевший этот праздник, замечает в своих записках: «Что всего более удивило меня, так это плато, которое было поставлено перед императрицей. Оно представляло на возвышении рог изобилия, все из чистого золота, а на том возвыше-

нии был вензель императрицы из довольно крупных бриллиантов».

На возвратном пути из театра весь сад уже горел огнями; на пруду плавали лодки и гондолы с песенниками и хорами музыкантов, два обелиска по обеим сторонам пруда представляли два ярких маяка, вдали горели щиты с вензелевыми изображениями царицы и сыпались целые каскады разноцветных огней.

Перед началом фейерверка государыне подали механического голубя, и с ее руки он полетел к щиту с ее изображением и парящей над нею Славой; вместе с этим щитом в один миг вспыхнули другие, и пруд и сад залились ярким светом.

Во время фейерверка разом было пущено несколько тысяч больших ракет, и иностранцы, бывшие на празднике, удивлялись, как частный человек мог тратить несколько тысяч пудов пороху для минутного своего удовольствия.

На этом празднике бесчисленные толпы народа гуляли целую ночь. В галерее был ужин, во время которого пели певчие.

Государыня возвратилась с праздника по дороге, освещенной вплоть до Москвы площадками, фонарями, смоляными бочками. Когда царица подъезжала к Москве, то в столице били утреннюю зорю.

По преданию, граф повторил такой праздник еще два раза – 1 августа и потом 6 августа. На первом из этих праздников между прочими пьесами на театре был поставлен балет, не игранный еще на императорском театре: «Инеса де Кастро», соч. Канциани.

Граф П. Б. Шереметев умер 30 ноября 1788 года; он похоронен вместе со своими предками в соборной усыпальнице Спасо-Андрониева монастыря. Сын героя полтавского и прутского, современник Петра и шести других царствований, он был истинный вельможа золотого века Екатерины, ослеплявший иноземцев «умною пышностью»; пышность его не была разорительная: он расходовал только то, что получал из имений, и был далеко не расточительный и весьма осторожный в расходах, превосходный хозяин, устроивший систематическую экономию и строгие штаты со сметами. П. Бессонов в своем очерке («Графи-

ня Прасковья Ивановна Шереметева») про него говорит: «Это был образец екатерининского вельможи-богача, ловкий, хотя не слишком услужливый и довольно самостоятельный придворный, с хитростью, блесвешю в его несколько скошенных глазах, важный, но не надменный и со всеми до низших ласковый, не любивший голололомного труда, но очень крепкий природным умом и образованный по-французски; член знати европейской и вместе хлебосольный русский барин; артист в душе для всех искусств, с отличным ко всему вкусом, до изысканной гастрономии и равно до тяжелых дедовских блюд».

В его домах: петербургском, московском и кусковском – до конца его жизни ежедневно накрывались столы для бедных дворян, часто до ста приборов, из десятка и более блюд; сам же Шереметев никогда не ел более трех блюд.

Выезжал он на охоту в сопровождении не менее как пятидесяти дворян, которым он благодетельствовал, и имея при себе не менее 700 человек дворни, как то: конюхов, шатерничих, поваров и проч.; шатры, палатки, огромные запасы следовали за ним больши-

ми обозами.

В гости он ездил к соседям также в сопровождении нескольких сотен конных проводников; но, несмотря на такую пышность выездов, он очень любил уединяться и даже одно время хотел постричься, носить воду, дрова в келью и выметать сор своими руками.

Граф прожил семьдесят пять лет, умер в почетном звании обер-камергера и кавалером ордена Св. Андрея Первозванного. Он был обладателем ста сорока тысяч душ крестьян.

Граф Петр Борисович во время первых дворянских выборов в Москве, при учреждении губерний в 1782 году, был единогласно выбран сперва в уездные предводители дворянства, и на другой день, когда тогдашний главнокомандующий граф З. Г. Чернышев пригласил всех дворян в Грановитую палату для выбора губернского предводителя, они опять единогласно выбрали графа и в эту почетную должность.

У покойного графа был сын Николай Петрович; последний, подобно отцу, умел угощать высоких посетителей, давать праздники, превышавшие пышностью и блеском да-

же те, которые давал отец.

Николай Петрович жил в другом своем имении под Москвой, селе Останкино, в красивом доме, выстроенном по плану знаменитого архитектора Гваренги, но несколько измененном по вкусу графа нашим русским, не менее знаменитым зодчим Казаковым.

Император Павел посещал Останкино, и граф приготовил ему однажды следующий сюрприз: когда государь проезжал густую рощу, которая заслоняла вид на Останкино, то вдруг, как бы по мановению волшебного жезла, деревья упали, открыв красивую панораму всего Останкина.

В ожидании государя сделана была от начала рощи до самого Останкина просека, у каждого подпиленного дерева стоял человек и по данному сигналу сваливал деревья. Император был очень удивлен, любовался декорацией и благодарил хозяина за доставленное ему удовольствие.

Останкинский дом по убранству и роскоши представлял целый музей: масса бронзы, гобеленов, художественных статуй, картин, венецианские зеркала, всюду мрамор, мозаи-

ка, золото, китайский и японский фарфор, мебель с инкрустациями и т. д.

Нижний этаж был обитаем, верхний же представлял великолепный театр, окруженный настоящими чертогами. Сад в Останкине делился на английский и парк перед домом; аллеи лип были подстрижены стенами и кругами, всюду виднелись мраморные статуи, беседки и т. д.

Налево от дворца могучая кедровая роща, по преданию вывезенная из Сибири старым владельцем Останкина, князем Черкасским, бывшим сибирским губернатором. В этой роще стоит мраморная урна над прахом любимой собаки графа. Недалеко отсюда была и аллея Вздохов из лип.

Между деревьями встречаются вековые дубы, и среди них есть могучий дуб – прародитель всех тамошних дубов, имеющий за собою несколько столетий.

Император Павел не раз посещал Останкино. По вступлении на престол государь здесь был встречен боем в литавры с хоровым гимном на день коронавания его, положенным на музыку Козловским:

*Какия солнцы озаряют
Великолепный русский трон?
В божественной чете сияют
Лучи от царских двух корон... и
проч.*

Когда в царствование императора Павла король польский Станислав Понятовский посетил Останкино, то его хозяин дал для него блестящий праздник.

Король был удивлен великолепием шереметевского имения. После роскошного обеда король отправился в театр, на котором крепостные актеры сыграли уже игранную при Екатерине пьесу «Самнитские браки»; роскошные костюмы, точные эпохе, были необыкновенно богаты, на артистке, игравшей главную роль, было ожерелье ценою в 100 000 рублей; декорации были написаны Гонзаго.

После шел балет, и затем все гости уже танцевали в залах; под конец был предложен ужин, – в зале, в которой ужинали, был устроен роскошный буфет, уступы которого были уставлены драгоценными сосудами.

Между гастрономическими блюдами пода-

вали тогда модное кушанье под названием «бомбы à la Sardanapale, облитые соусом эпикурейцев». Это было нечто очень вкусное, состоящее из дичинного фарша; изобретено это блюдо было поваром прусского короля Фридриха II.

Большие блюда с десертами были накрыты хрустальными колпаками, на которых были представлены разные этрусские фигуры. Дорога, по которой поехал король в Москву, была вся освещена горевшими смоляными бочками.

Во время коронационных празднеств императора Александра I Останкино посетил государь – здесь ему был устроен пышный праздник. Государя с семейством встретили полонезом Козловского, слова Державина, «Гром победы, раздавайся», с пушечными выстрелами; затем была пропета кантата на день коронавания государя: «Русскими летит странами на золотых крылах молва»; после пел еще графский хор известные тогда куплеты: «Александр! Елисавета! Восхищаете вы нас!»

По окончании обеда высокие посетители

приглашены были в темную комнату, обращенную окнами на двор, и оттуда смотрели блистательный фейерверк. Блестящая иллюминация, устроенная Шереметевым, от Останкина тянулась на пять верст к Москве и стоила ему несколько десятков тысяч рублей.

Второв в своих записках говорит, что на всем пути стояли какие-то изобретенные особые машины, в конструкцию которых входила серебряная ткань. Теперь нельзя представить той роскоши и блеска, которыми отличались почти все московские собрания эпохи восшествия на престол Александра I, – возможен ли теперь, например, маскарад с пятнадцатью тысячами гостей, вроде того, какой был устроен в Слободском дворце по случаю коронации императора?

Не менее богатый праздник в Останкине дали опекуны молодого графа во время пребывания двора с новобрачными в 1817 году; в это время посетил имение Шереметевых и прусский король Вильгельм III, отец новобрачной.

Прием царственных особ состоялся утром, в полдень был здесь утренний спектакль, да-

вали русскую пьесу «Семика, или Гулянье в Марьиной роще». Пьеса эта долго не сходилась в то время с репертуара; она была не что иное, как большой дивертисмент из песен и плясок.

С этой пьесой связан следующий анекдот: для пения и пляски в «Семике» часто был приглашаем любитель – военный писарь Лебедев, замечательный «плясун-ложечник»: не было в то время ни одного вечера или барского спектакля, в котором бы не плясал и не пел Лебедев. Высокие покровители этого Лебедева вздумали и на этот раз пригласить его на спектакль. Император Александр I не любил таких удовольствий, плясун ему не понравился, и, узнав, что он военный писарь, государь запретил ему впредь показываться на сцене, а начальству тоже досталась гонка за допущение на сцену военнослужащего.

Августейшее семейство по приезде в Останкино было встречено хором певцов, пропевшим модную тогда кантату «Ты возвратился, благодатный», затем на устроенном в зале театре, до поднятия занавеса, слышалась русская песня «Не будите меня, молодую».

При поднятии занавеса представилась следующая картина: вся импровизованная сцена была убрана срубленными березками, где в кружках на полянах пировали крестьяне. В спектакле участвовали все крепостные артисты – как певцы, актеры, так и тансеры и тансерки[81], хороводы ходили по сцене, распевая неумолкаемо русские песни: «Заплетися, плетень», «А мы просо сеяли» и затем плясовую, в то время самую излюбленную, «Под липою был шатер».

После на сцену явились цыгане во главе с известной цыганской певицей Стешей, прозванной цыганской Каталани; последняя пропела тоже модный в то время романс Жуковского «Дуброва шумит, собираются тучи».

Затем следовала более веселая песня «Зеленая рощица всю ночь прошумела» и т. д. В числе шереметевских певчих здесь был известный впоследствии певец Императорского московского театра П. Булахов, отец не менее известного Петербургу оперного артиста.

Бархатный тенор Булахов, по рассказам современников, был необыкновенно красив, и, получи последний музыкальное образование,

он мог бы затмить все тогдашние европейские знаменитости. Пела на этом празднике еще известная в то время оперная артистка Кротова, в русском сарафане, трогательную песню Мерзлякова «Я не думала ни о чем в свете тужить».

Затем участвовал и кордебалет шереметевский во главе с дансеркой Медведевой, плясавшей под хоровую песню «Возле речки, возле моста»; с нею плясал еще тогдашняя балетная знаменитость Лобанов. Танцы были поставлены лучшими в то время балетмейстерами Глушковским и Аблецом.

В дивертисменте участвовал еще и солдатский хор, пропевший песню на бегство французов:

*За горами, за долами
Бонапарте с плясунами... и т. д.*

Военная песня эта производила тогда большой успех. Император Александр не раз угощал ею своих высокопоставленных иноземных гостей. Так, рассказывает князь Вяземский[82], в 1813 году, около Дрездена, по случаю именин государя, наша артиллерия уго-

щала обедом прусскую.

На обеде был и прусский король; после обеда короля угостили молодецкой солдатской песней. Королю прусскому так понравилось русское пение, что для его удовольствия солист-рожечник хора, бомбардир Милаев, желая отличиться, от натуги надорвался и через неделю отдал богу душу.

Говоря о Кусковском театре, мы видим, что он стал процветать в 1790 году, в эпоху страстной любви графа к его актрисе Параше, по сцене Жемчуговой; эту фамилию граф дал своей будущей жене, романическая судьба которой более известна всем чувствительным барышням от крестьянского до барского сословия по песне:

*Вечор поздно из лесочка
Я коров домой гнала... и проч.*

Графа Н. П. Шереметева его современники представляли тогда тридцативосьмилетним страстным, хотя несколько и пресыщенным, мужчиной, страсти которого были – охота, лошади да женщины.

Образованный и благородный человек по

своему времени, граф при первой встрече со своей крестьянкой был поражен ее красотой и воспылал к ней серьезной страстью; он стал вести свою любимицу по артистической дороге.

Он взял ее из отцовского дома и поместил во флигеле, где жили его актрисы; здесь он обратил все свое внимание на образование своей избранницы. К ней были приставлены учителя, в числе которых были и иностранцы; для сценического искусства ей была дана наставница, Т. В. Шлыкова, подруга и неизменный друг Параши до гроба. Кусковский театр в эту эпоху расцвел, и лучшим его украшением сделалась талантливая Параша.

На одном из таких парадных спектаклей, данном 1 августа 1790 года, в приходский праздник, она явилась в великолепном балете, не игранном еще на придворном театре, «Инеса де Кастро» (Нинет а-ла-Кур). В числе других капитальных ролей особенно она была хороша в «Самнитских браках», где она играла роль Элианы, в блестящем рыцарском наряде Средних веков (вместо классического) и в шлеме.

В этом виде была снята на одном из портретов будущая графиня Шереметева. В Кусковском театре еще недавно сохранялась классическая колесница о двух колесах, на которой выезжала Параша.

Будущую графиню в этой роли видели император Иосиф, король Станислав Понятовский и многие знатные принцы. Граф в Параше встретил действительно редкую и высокую душу, и любовь его скоро сделалась страстью постоянной и единственной. Живя с нею, граф с каждым часом совершенствовался и возвышался и не мог того не чувствовать.

Он расстался с прежними мелкими страстями и увлечениями, постепенно бросил охоту, забыл праздную жизнь, предался сценическому искусству, сделался хорошим хозяином, распространил и усовершенствовал школу, покровительствовал художникам, много читал и много делал добра.

Расстояние между его общественным положением и положением его подруги было слишком велико для тогдашнего времени: тогда скорее простили бы распутства, не знав-

шие предела, чем подобную страсть, и вся эта блестящая обстановка и внешность скрывала только самую глубокую драму, полную треволнений, огорчений и проч.

По рассказам старых людей, граф нередко входил в комнаты Параша и заводил с ней беседу, как ему тяжело, что он собирается жениться на равной, и нужно им расстаться. Параша не выражала ни упреков, ни жалоб, только после, когда выйдет граф, она плакала и молилась.

Граф Н. П. жил с Парашей в так называемом «новом доме», построенном им на месте «Мыльня», наискось от театра; внутри этого дома все было просто, в спальне же актрисы Жемчуговой было еще проще: в окнах занавесы из затрапезы и серпянки, в простенке зеркало, две картинки с пастушками, нишь для самой простой постели с ситцевым подзором, два сосновых столика, березовые кресла, потолок подбит холстом, пол сосновый.

Единственную роскошь представляли картины, принадлежавшие графу. Параша знала одну дорогу – в театр да в сад по большой крайней аллее; девять лет, с 1790 года, когда

построен был этот дом, до 1799 года здесь жили влюбленные в тиши и уединении, между природою и искусством.

Но жить в Кускове им было невесело – ко- сые взгляды, намеки, сплетни и т. д., и, как рассказывает Бессонов, случай решил отъезд из Кускова: раз, гуляя по большой аллее, Параша встретила посетителей, приехавших погулять по саду; подученные дети бросились к ней с вопросом: «Где здесь живет кузнечиха, где здесь кузница и есть ли дети у кузнеца?» Огорченная, она бросилась в свой покой, и граф после этого тотчас распорядился отъездом в Останкино.

Театр был запечатан в 1800 году и после пятнадцатилетнего своего процветания покинут. Родной внук Натальи Борисовны Долгоруковой, известный поэт И. М. Долгоруков, писал о Кусковском театре:

*Театр волшебный подломился,
Хохлы в нем опер не дают,
Парашин голос прекратился,
Князя в ладоши ей не бьют;
Умолкли нежной груди звуки,
И «Крез меньшей» скончался в*

скуке.

То же самое последовало и с новым домом – жилищем влюбленных; через десять лет после смерти графа опекуны в него стали пускать жильцов-дачников, но вскоре дорогой памятник для Шереметевых был срыт до основания и сглажен и наместо его здесь посажены серебристые тополи.

В Останкине, как говорит биограф Пр. Шереметевой, Бессонов, влюбленная чета вздохнула свободнее, подругу графа только видели да знали по слухам, не было у нее тысячи тяжелых связей, заботливо отсюда удаленных.

Граф с Парашей перестал вовсе посещать место дорогих, но щекотливых воспоминаний, мало-помалу все вещи из Кускова были вывезены; перевели также и театральную труппу, и в Останкине повторились те же представления: оркестры музыки, хоры, катанья по прудам с песнями, фейерверки и проч. В Останкине театр был только «домашний», допускались только избранные, меньше было огласки, более свободы для главной его героини.

Граф предпочитал чествовать в Останкине

высоких посетителей, как мы уже говорили, императора Павла I, короля польского Станислава Понятовского и др.

Зимою, живя в Петербурге, граф еще меньше делал у себя приемов, на которых редко показывалась Прасковья Ивановна. У графа Николая Петровича не было только парадных праздников, но обычного своего гостеприимства он не покидал, и ежедневный его открытый стол, по обыкновению, был на тридцать и более человек. Садись за этот стол кто хотел, не только знакомые, но и мало известные хозяину. И. А. Крылов рассказывал князю Вяземскому, что к нему повадился постоянно ходить один скромный искатель обедов, чуть ли не из сочинителей. Разумеется, он садился в конце стола, и, также разумеется, слуги обходили блюдами его как можно чаще. Однажды не посчастливилось ему пуще обыкновенного: он встал из-за стола почти голодный. В этот именно день случилось так, что хозяин, после обеда проходя мимо него, в первый раз заговорил с ним и спросил: «Доволен ли ты?»

– Доволен, ваше сиятельство, – отвечал он

с низким поклоном, – все было мне видно.

В его доме на Фонтанке поставлен в саду был деревянный дом, напоминавший собою «Кусковский дом в уединении», и здесь уединялась нежно любящая друг друга чета.

Бессонов[83] говорит, что в Останкине как хозяйку дома Прасковью Ивановну навещал император Павел, признавая этим «совершившийся факт»; еще больше любил и уважал последнюю за ее высокие душевные качества московский митрополит Платон, светило своего времени. Посоветовавшись с добрым своим другом, митрополитом Платоном, «с апробации и благословения его», граф вступил в законный брак.

Бракосочетание в Москве было торжественное в церкви Симеона Столпника на Поварской 6 ноября 1801 года; свидетелями при бракосочетании были близкие люди: К. Ан. Щербатов, известный археолог А. Ф. Малиновский и синодский канцелярист Н. Н. Бем, домашний графа; со стороны же невесты – друг ее актриса Т. В. Шлыкова, умершая в 1863 году, девяноста лет. Но брак ее долго сохранялся в тайне, и бедная жена одного из первых бога-

чей и знатных людей не смела при всех называть его своим мужем. В последние годы супруги жили в Петербурге на Фонтанке в собственном доме; спальня Прасковьи Ивановны находилась близ домово́й церкви, и последняя была единственным ее утешением. 3 февраля 1803 года у ней родился сын Димитрий, но мать беспрерывно спрашивала о новорожденном, выражала боязнь, чтобы его не похитили; требовала часто к себе и единственно радовалась, заслышав крик его в соседней комнате.

Но дни ее были сочтены, и 23 февраля 1803 года она скончалась. Погребена она в Невской лавре; над могильной ее плитой видна следующая эпитафия:

*Храм добродетели душа ея была,
Мир, благочестие и вера в ней жи-
ла.*

*В ней чистая любовь, в ней друж-
ба обитала... и т. д.*

Муж заказал портрет лежавшей в гробу графини и надписал девиз покойной: «Наказуя наказа мя, смерти же не предаде мя».

Из спальни граф устроил моленную, или

образную, завещав не прикасаться к сей комнате и блюсти ее как святыню; надпись цела посейчас; другая на полу, где скончалась графиня. Вообще весь дом и сад в Петербурге испещрены надписями в ее память и сувенирами: здесь сидела она, здесь проводила приятно время и т. п. На бронзовой доске мраморной тумбы в саду начертано:

*Je crois voir son ombre attendrie
Errer autour de ce séjour,
J'approche – mais bientôt cette image
cherie
Me rend à mon douleur en fuyant
sans retour...[84]*

Тяжка и мучительна была утрата супруги для графа; до самой своей кончины он не мог вспомнить об ней без слез – память о графине увековечена в Москве постройкой Странноприимного дома с больницею и богадельнею, основанного по мысли ее графом Н. Пет. Покойная графиня отличалась широкою благотворительностью; ежегодно по завещанию ее выдается значительная сумма сиротам, бедным, убогим ремесленникам на выкупы за долги и на вклады в церковь. После смерти

графини Кусково совсем оскудело – граф еще при жизни ее перевел все оттуда в Останкино, даже зверинец графа оскудел – все ценные его олени были перебраны к столу, а борзые и гончие, как и охотничьи наряды, были проданы разным лицам, славившимся в ту пору охотою.

К довершению всего и сам «Крез меньшей», как тогда называли графа Ник. Пет., скончался в Петербурге 2 января 1809 года, снедаемый тоской по любимой супруге.

После смерти графа все его имение перешло к единственному его сыну, графу Дмитрию Николаевичу (род. 1803, умер в 1871 году), не имевшему в то время шести лет.

Его опекуны во время долгой опеки все свозили, уничтожали и продавали даже с аукциона все движимое имение, все памятники, постройки, здания, сооружения и проч., прикрываясь недостатком средств для штата. Нашествие французов на Москву в 1812 году им пришлось тоже кстати. Ссылаясь на посещение неприятелем подмосковных имений Шереметева, они исписали огромные списки вещей, будто бы расхищенных или уничтожен-

ных французами.

После графа Дмитрия Николаевича осталось двое сыновей, а потому по прошествии ста пятидесяти лет огромное богатство графов Шереметевых, ни разу не делимое, подверглось в первый раз дележу между наследниками и выделу вдовой части.

Говоря о Кускове, нельзя пройти молчанием и села Троицкого, графа П. А. Румянцева-Задунайского, которое живо напоминает также блестящие годы царствования Екатерины Великой.

До 1760 года история этой местности не представляет ничего замечательного, но с этого времени, когда оно перешло во владение графа Румянцева, для него настали лучшие годы.

Скоро там сооружена была церковь с двумя колокольнями, выстроен обширный дом, разведен сад, устроены огромные оранжереи, выкопаны пруды и проч. Графиня Мария Андреевна, мать Задунайского, особенно любила Троицкое и даже предпочитала его южным поместьям сына.

Август 1775 года особенно памятен для

Троицкого; в это время императрица Екатерина II здесь праздновала Кучук-Кайнарджийский мир после своего десятидневного праздника в столице.

По преданию, государыня встретила там великолепный бал и народный праздник. Троицкое в то время представляло роскошную царскую дачу, вроде французского Версаля, где государыню окружал весь блестящий ее двор.

Министры, вельможи, полководцы, иностранные послы, несколько полков гвардии расположены были по окрестным полям и рощам Троицкого; тысячи народа пировали на празднике; для всех был стол, и вино для всех лилось полной чашей. Верстах в двух от теперешней фермы старожилы указывали место под названием «Столы»; здесь праздник продолжался несколько дней.

Для государыни были разбиты роскошные шатры, в одном из них был накрыт обеденный стол; после стола царица слушала музыку, цыганские песни и смотрела на пляску.

Вечером после заревой пушки были иллюминация и фейерверк; по преданию, госуда-

рыня отослала почетный караул, назначенный для нее, в лагерь за кагульскую ферму, препоручив себя караулить народу, кочевавшему всю ночь в Троицком саду и селе.

Государыня, уезжая из Троицкого, изъявила желание, чтобы дом свой в имении граф назвал Кайнарджи, в память того, что здесь среди роскошного пира не забыт был и мир с турками. Кагулом же названа ферма, выстроенная в 1797 году графом Ник. Пет. Румянцевым, старшим сыном фельдмаршала. Кагульская ферма в свое время была замечательная; здесь были собраны все русские растения и первые земледельческие орудия и машины. Управлял этой фермой знаменитый агроном Роджер, которому сельскохозяйственное искусство обязано введением особого плуга, изобретенного им.

После 1812 года все это образцовое хозяйство рушилось, и луга заросли травой, и бывшее отошло в область преданий. Младший сын Задунайского Сергей Петрович, впрочем, увековечил эти предания, поставив там памятник, который находится теперь в Фениной.

Вверху его стоит бюст императрицы, а ниже на белом мраморе надпись: «Кайнарджи»; под ним змея поднимает голову к трофеям Задунайского, но богиня Мира попирает змею и с пальмой в руке предстоит перед императрицей. На пьедестале памятника надпись: «От Екатерины дана сему месту знаменитость, оглашающая навсегда заслуги графа Румянцева-Задунайского».

В этом селе церковь сооружена в 1774 году графом П. А. Румянцевым, и, подновленная в 1812 году, до войны с французами она была очень богата; при приближении неприятеля крестьяне, желая спасти церковную утварь, собрали с икон серебро и золото, сняли оклады, лампы и проч., все это зарыли в церкви под пол за левым клиросом и наскоро заложили плитою.

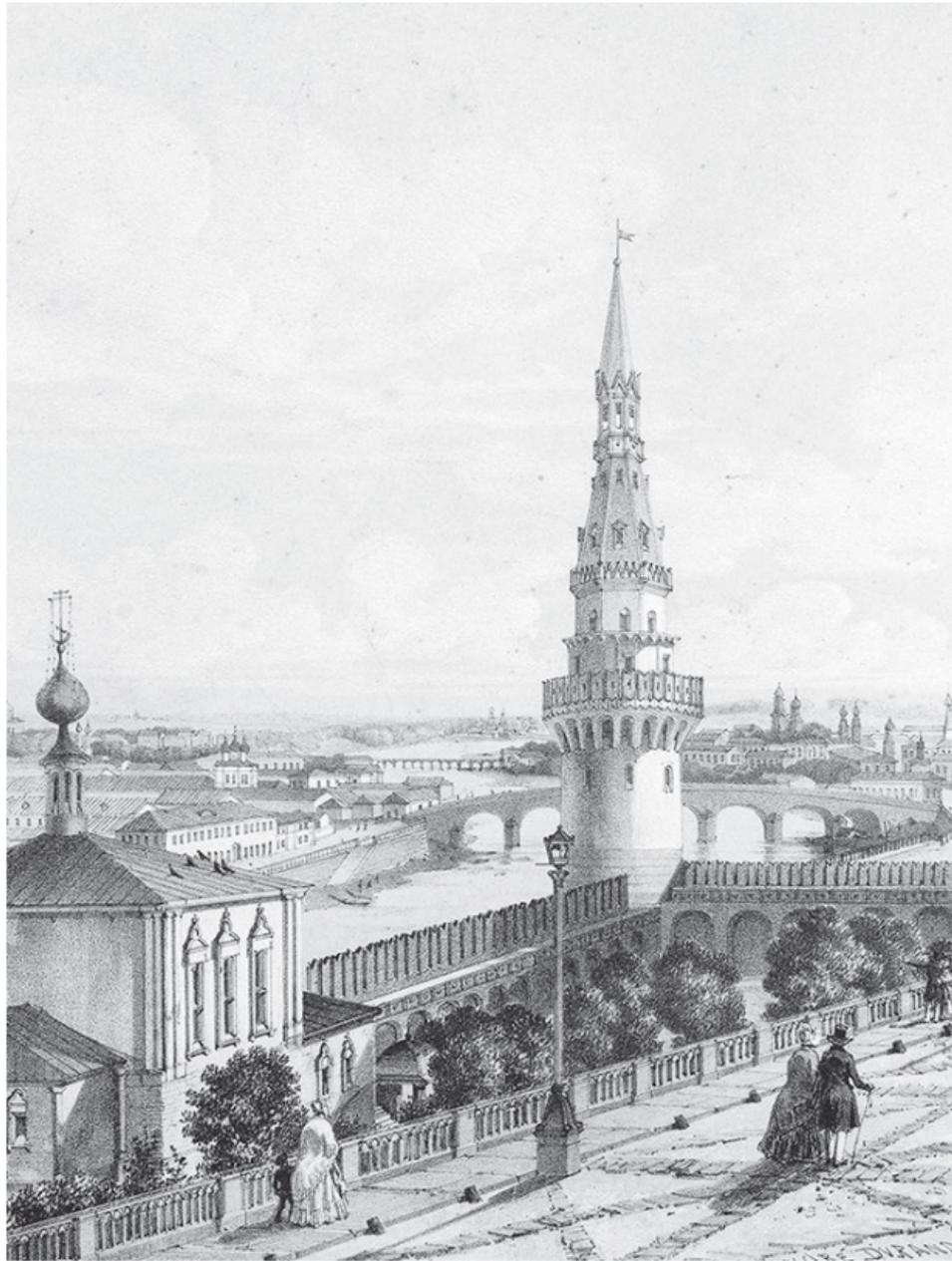
Но французы нашли клад, и уже через несколько месяцев после изгнания их оно было возвращено в Троицкое; одного серебра здесь было более двенадцати пудов. Но недоставало еще многого, в том числе ризы с иконы св. Николая и драгоценного ковчега.

На следующее лето случилось поправлять

мост, который и теперь существует между Фениной и Троицком на Пехорке, и под ним между свай из-под песку и илу увидали ризу, и несколько дней спустя нашли и ковчег, закрытый в неглубокой рытвине недалеко от села.

В старину в Троицком были лучшие огромные оранжереи, снабжавшие все рестораны и фруктовые лавки столицы редкими фруктами.

Вид на Москву из Кремля. Литография А. Дюрана. 1844. Фрагмент

Глава IX

Большое количество садов в древней Москве. – Замоскворецкие сады. – Сад П. А. Демидова. – Заповедные вековые рощи. – Мерзляковский дуб. – Нескучное Орлова и Д. В. Голицына. – Воздушный театр. – Жизнь чесменского героя. – Шванвич. – Сад в Нескучном. – Манеж, карусели. – Алексей Орлов на похоронах Петра III. – Кончина графа. – Заслуги Орлова в деле коннозаводства. – Анекдоты. – Судьба Нескучного после смерти графа Орлова. – Село Остров. – Историческое прошлое этого имени. – Графиня Орлова-Чесменская. – Ее набожность. – Дочь графа Орлова, графиня Анна Алексеевна. – Благотворительность на монастыри. – Ее советник архимандрит Фотий. – Богатство Юрьева монастыря. – Послушница Фотина. – Прodelки этой ханжи. – Кончина Фотия. – Могилы Фотия и графини А. А. Орловой-Чесменской. – Судьба села Острова.

Москва, по историческим преданиям, всегда красовалась своими рощами и садами. Прямо пред «очами векового Кремля» лежали Садовники; многие столетия смотрел на них Кремль, любясь их зеленью; оттуда, по ветру, к нему навевался сладкий запах цветов и трав; там целые слободы заселялись только садоводами; к нему примыкала как бы вдобавок цветущая поляна (нынешняя Полянка) с прудами, рыбными сажалками, с заливными озерами и т. д.

Сады в урочище Садовниках были непри-

хотливы: в них не было ни регулярности, ни дорожек – одни только неправильные тропинки, и то не везде.

В этих садах вся земля, не занятая деревом, кустом, грядой овощей, шла под сенокос хозяйский. Плоды старых садов московских обыкновенно приносили яблони, вишни, груши, малину, крыжовник (агрыз), смородину черную и красную; с белой смородиной и с земляникою на грядках долго, очень долго никто не был знаком из наших предков (первый в Москве землянику «викторию» ввел доктор П. Л. Пикулин, в конце сороковых годов). Малинники в то время были очень густы, почти непроходимы, в них заживал непрошенный гость – косолапый Мишка. По краям садов сажалась черемуха, рябина, по углам иногда заживали орешник. От каждого сада, на более сырых местах, тянулись огороды, большею частью капустные.

В числе замоскворецких садов и огородов были также огороды и сады царские. Самый главный царский сад был Васильевский; он от урочища Подкопая припирал по лугам к устью Яузы, там, где теперь Воспитательный

дом; этот сад принадлежал Кремлю; его создателем был, если верить преданиям, Василий Дмитриевич, сын Донского. Это был первый садовод из наших великих князей; сад этот примыкал к рекам Москве и Яузе, был орошаем еще и по срединам своим речкой Сорочкою, протекающею через двор некогда главного архива Коллегии иностранных дел.

При впадении этой Сорочки в устье рек была и мельница; на холмах Ивановских красовались сосновые рощицы. Татары, разгромив сады замоскворецкие, не коснулись садов васильевских.

Гроза отца Васильева – Димитрия, уже очень могучая, смирила их своеволие, и в новых садах васильевских они уже не бывали. Но зато впоследствии тут гарцевали поляки, и разгром постиг и эти сады, точно так, как и замоскворецкие при татарах. С лишком три века спустя после того большая часть лугов васильевских принадлежала уже богачу Демидову, и на одном из этих лугов построен им «Дом воспитательный».

Что же касается до сада строителя этого дома, Прокопия Акинфиевича Демидова, то он в

екатерининское время в Москве был единственный: в нем было собрано около двух тысяч сортов[85] одних редких ботанических растений. И по словам академика Палласа, который жил целый месяц для описания у Демидова, сад у последнего не имел в России соперника.

Сад Демидова находился за городом, у самой Москвы-реки, близ Донского монастыря. Он был разбит в 1756 году; берег реки тогда был совсем неудобен для разбивки сада, и для этого работали здесь над разравниванием почвы целых два года по семисот человек рабочих в день.

Сад имел правильную фигуру амфитеатра; сперва владелец посадил в нем одни плодовые деревья, но потом засадил его ботаническими кустарниками и травянистыми растениями и построил здесь множество каменных оранжерей. Сад от двора и дома к Москве-реке шел уступами разной ширины и высоты, но длиною везде в девяносто пять сажен; самая верхняя площадка отделялась от двора прекрасною железною решеткою, которая имела около десяти сажен в ширину.

С правой стороны находились гряды с луковичными растениями, и тут же был устроен зверинец для кроликов, которые здесь переносили и зиму на открытом воздухе.

С левой стороны шли каменные грунтовые сараи, парники для ананасов. С уступа вел сход в семнадцать ступеней, выложенных железными плитами. Такие плиты были по всему саду; на второй площадке сада, имеющей более девяти сажен в ширину, находились гряды с многолетними и однолетними растениями, посаженными в грунту и горшках; с левой стороны находились гряды, обнесенные каменной стеною для плодовых деревьев, а с правой стороны шли две кирпичные оранжереи, параллельные одна к другой, простирающиеся каждая на десять сажен в длину: одна была для винограда, другая – для рощения семян, а зимою для многолетних растений. Второй сход вел к третьей площадке сада, гораздо большей, чем прежние две. Здесь были две оранжереи шириной во весь сад; в этих оранжереях стояли пальмы и деревья теплых стран.

На четвертой площадке опять были оран-

жерей. Наконец, пятая площадка сада была самая большая; на ней был большой пруд и птичник, обсаженный деревьями; тут содержались редкие птицы и животные, выписанные из Голландии и Англии. Здесь же стояли карликовые деревья, искусственно выведенные до очень малых размеров, не более аршина или двух, – из таких здесь были березка болотная, курильский чай, раkitники и т. д. Для любителей и ботаников хозяином сада было дано дозволение собирать растения и составлять гербарии.

В старину окрестности Москвы славились своими заповедными вековыми рощами, и куда бы ни кинул взгляд свой путник, всюду встречал лесных гигантов. Один из таких вековых обитателей дубрав, впрочем, жив еще по сей час, и проезжий со станции Мытищи может его видеть, хотя он стоит в пяти верстах от железного пути. Этот гигант – вяз, воспетый А. Ф. Мерзляковым более восьмидесяти лет тому назад в известной народной песне:

*Среди долины ровныя, на гладкой
высоте,
Цветет, растет высокий дуб в*

*могучей красоте.
Высокий дуб развесистый, один у
всех в глазах,
Один, один, бедняжечка, как ре-
крут на часах.*

Только этот вяз у поэта почему-то назван дубом. Это предание нам передавал один из почтенных московских старожилков.

В конце царствования Екатерины II Москва, по свидетельству иностранцев, представляла какой-то ленивый, изнеженный, великолепный азиатский город, где, как величественные призраки, существовали все те, кто был некогда в силе, и все те, кто был в немилости или считал себя обойденным на известной лестнице почестей.

Все эти разукрашенные призраки былого величия колыхались в своих парадных покоях или двигались в восьмистекольных золотых каретах, запряженных восемью лошадьми, под тяжестью блестящих мундиров, с лентами, с бриллиантовыми ключами и т. д.

В числе таких наших московских призраков золотого прошлого в памяти нашей восстанет утопающий среди чисто азиатской роско-

ши генерал-адмирал великой царицы граф Алексей Орлов-Чесменский, который жывал в своем Нескучном; рядом с этим селом была дача князя Дмитрия Владимировича Голицына, а за его дачей – дача князя Шаховского. Император Николай купил Нескучное у дочери графа Орлова, графини Анны Алексеевны, за 800 000 ассигнациями.

Князь Голицын купил часть у Шаховского и принес в дар государю, таким образом увеличенное Нескучное стало называться Александрией. Александровский дворец – это тот самый дом, в котором жывал граф Орлов и давал свои праздники и пиршества для забавы своей единственной дочери.

В Нескучном долго существовал воздушный театр графа Орлова. Это было не что иное, как крытая большая галерея полукружием, а самая сцена была приспособлена так, что деревья и кусты заменяли декорации.

Еще в двадцатых годах нынешнего столетия два раза в неделю здесь бывали представления, по окончании которых пускали фейерверк.

Герой чесменский доживал свой громкий

славой век в древней столице; современник его С. П. Жихарев говорит: «Какое-то очарование окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшего на лаврах в простоте частной жизни, и привлекало к нему любовь народную. Неограниченно было уважение к нему всех сословий Москвы, и это общее уважение было данью не сану богатаго вельможи, но личным его качествам».

Граф А. Г. был типом русского человека могучей крепостью тела, могучей силой духа и воли; он с тем вместе был доступен, радушен, доброжелателен, справедлив и вел образ жизни на русский лад, тяготая ко вкусу более простонародному; эти-то качества и покоряли сердца всех московских жителей.

Другой современник графа, заслуженный профессор Московского университета П. И. Страхов, вот как описывает появление графа на улицах столицы: «И вот молва вполголоса бежит с губ на губы: едет, едет, изволит ехать. Все головы оборачиваются в сторону к дому графа А. Г.; множество любопытных зрителей всякого звания и лет разом скидают шапки долой с голов, а так бывало тихо и медленно

опять надеваются на головы, когда граф объедет кругом.

Какой рост, какая вельможная осанка, какой важный и благородный и вместе добрый, приветливый взгляд! Такое-то почтение привлекал к себе любезный москвичам боярин, щедро наделенный всеми дарами: и красотой, и силой разума, и силой телесной».

Про Алексея Орлова говорили, что физическая его сила была настолько велика, что он гнул подковы и свертывал узлом кочергу. Про него рассказывали, что еще в юношеские свои годы только один человек в Петербурге мог одолеть его силой, – это был лейб-кампанец Шванвич, отец того Шванвича, который пристал к Пугачеву и сочинял для него немецкие указы. Раз в доме виноторговца Юберкампфа, на Большой Миллионной улице в Петербурге, оба силача встретились. По рассказам, Шванвич справлялся всегда с Алексеем Орловым, но когда братья были вдвоем, то Орловы брали верх. Разумеется, они часто сталкивались друг с другом; когда случалось, что Шванвичу попадался один из Орловых, то он бил Орлова, когда попадались оба брата, то

они били Шванвича. Чтобы избежать напрасных драк, они заключили между собою условие, по которому один Орлов должен был уступать Шванвичу и, где бы ни попался ему, повиноваться беспрекословно, двое же Орловых берут верх над Шванвичем, и он должен покоряться им также беспрекословно. Встретившись, как уже мы сказали, в трактире с Орловым, Шванвич овладел биллиардом, вином и бывшими с Орловым женщинами. Он, однако ж, недолго пользовался своей добычей; вскоре пришел в трактир к брату другой Орлов, и Шванвич должен был, в свою очередь, уступить биллиард, вино и женщин. Полупьяный Шванвич хотел было противиться, но Орловы вытолкали его из трактира. Взбешенный этим, он спрятался за воротами и стал ждать своих противников. Когда Алексей Орлов вышел, Шванвич разрубил ему палашом щеку и убежал. Удар пришелся по левой стороне рта; раненый Орлов был тотчас отнесен к вблизи жившему здесь лейб-медику принца Петра, племяннику знаменитого Бюргера, Герману Кааву; удар, нанесенный нетвердой рукой, не был смертелен. Орлов от-

делался продолжительною болезнью, но шрам остался на щеке, отчего Алексей Орлов и получил прозвание «со шрамом» (le Balafré).

Позднее, когда Орловы возвысились, они могли бы погубить Шванвича, но они не захотели мстить ему; он был назначен кронштадтским комендантом, и стараниями Орлова смягчен был приговор над его сыном, судившимся за участие в пугачевском бунте.

Алексей Орлов в молодости был победителем не только на каруселях, но всегда выходил победителем в кулачных боях и в состязаниях со всеми тогдашними рубаками.

Алексей Орлов был самым деятельным из братьев во время вступления императрицы Екатерины на престол. В ночь перед решительным днем он вместе с Бибиковым приехал в Петергоф, разбудил государыню и отвез ее в Петербург, исполняя должность кучера.

От быстрой езды лошади скоро были замучены; на дороге он встретил мужика с возом сена, у которого была свежая лошадь; Орлов предложил ему поменяться с ним, но последний отказался. Орлов вступил с ним в драку, осилил его, выпряг его лошадь и оставил ему

свою замученную. Подъезжая к столице, путники встретили саксонца Неймана, которого тогда посещали многие молодые люди, и в том числе Орловы; Нейман, увидя своего друга Алексея, закричал ему по-приятельски:

– Эй, Алексей Григорьевич, кем это ты навьючил экипаж?

– Знай помалкивай, – отвечал Орлов, – завтра все узнаешь.

Впоследствии граф Алексей Орлов был вознагражден государыней больше всех своих братьев; к его обогащению тоже немало послужили и те морские призы, которые он захватил во время войны с турками. На его морскую экспедицию Екатериною было отпущено в его безотчетное распоряжение около 20 000 000 рублей, и современники уверяют, что значительная часть этой суммы перешла в его собственность.

Мы видим из истории, как он щедро и безрассудно распоряжался казенным добром. Так, чтобы представить страшное и величественное Чесменское сражение на четырех заказанных им картинах живописцу Гекерту с различных точек зрения и в четыре после-

довательных момента, он взорвал на воздух близ Ливорно старое военное судно. Эти картины висят в Петергофском дворце, а гравюры с них сделаны на меди английским художником.

Граф Алексей Орлов, живя в Москве, любил выставлять свои богатства и свои знаки отличия пред изумлявшеюся толпою. Орлов в конце царствования Екатерины был одним из четырех сановников, имевших через плечо ленту ордена Георгия Победоносца[86]. Выезды Алексея Орлова на гуляньях в Москве были необыкновенно пышны и торжественны.

Сад графа в Нескучном был расположен на полугоре, разбит на множество дорожек, холмов, долин и обрывов и испещрен обычными постройками в виде храмов, купален, беседок. Березовая кора стала, кажется, у него у первого употребляться на украшение для садовых построек, как об этом передают иностранцы.

Все памятники и постройки в этом саду напоминали подвиги и победы графа А. Г. Орлова. Летом ни одного праздника, ни одного воскресенья не обходилось без того, чтобы в саду

графа не было каких-либо торжеств и празднеств. Представления на театре графа давались в его похвалу и прославление. Образы Петра I, Екатерины II и Алексея Орлова, по странному сопоставлению, сменялись один другим, и хоры величали в хвалебных гимнах подвиги победителя турок. Самого графа представляли актеры в образе бога войны.

В манеже его Нескучного постоянно устраивались карусели, и не только вся аристократическая молодежь, но и дочь его, графиня Анна Алексеевна, со своими сверстницами участвовала в них. Она изумляла зрителей, выдергивая на всем скаку копытами ввернутые в стены манежа кольца, а также срубая картонные головы с надетыми на них чалмами и рыцарскими шлемами.

Из сверстниц молодой графини здесь отличались княгини: Урусова (урожденная Хитрово), Гагарина, Н. Ф. Четвертинская, В. Ф. Вяземская и Щербатова. В этом же манеже ездил по утрам, для моциона, наш молодой историк Н. М. Карамзин.

Граф Орлов жил в Москве после смерти своего брата Григория; говорят, Орлов не мог

выносить князя Потемкина. Спустя несколько лет, летом 1791 года, граф приехал в Петербург для присутствования в Петергофе на празднествах в день восшествия на престол. На празднестве граф был угрюм и недоволен; после праздников граф уехал обратно в Москву и, пока жива была Екатерина II, никогда уже не приезжал в Петербург.

По смерти государыни Алексей Орлов обязан был посетить Петербург при совершенно иных обстоятельствах, чем прежде. Император Павел вступил на престол и тотчас же вызвал графа Алексея Орлова в Петербург. Легко себе представить, с каким тяжелым чувством он уехал из Москвы и прибыл в Петербург, чтобы явиться перед очи императора. Ауденция происходила при закрытых дверях; слышен был только горячий разговор. Граф вышел из кабинета императора сильно прихрамывая: Орлов в то время страдал подагрой.

Спустя несколько дней, при погребении императора Петра III, его видели еще больше хромавшим. При торжественном принятии праха Петра III из Александро-Невского мона-

стыря и перенесении из монастыря в императорский Зимний дворец и из дворца в крепость граф должен был идти перед гробом и нести императорскую корону. Не нужно быть очень чувствительным, как говорит очевидец этого случая Гельбиг, чтобы содрогнуться, живо представив себе настроение, в котором должен был находиться Орлов. «Один из первых чинов при императорском дворе, уже в глубокой старости и в болезненном состоянии, он должен был сделать пешком трудный переход более чем в три четверти часа и на всем этом пути был предметом любопытства, язвительных улыбок и утонченной мести!»

После погребения императорской четы, Петра III и Екатерины II, Орлов должен был немедленно уехать, что он охотно и исполнил. При коронации в Москве, когда новый император прибыл в столицу, Орлов с трудом получил разрешение ехать за границу и отправился в Дрезден.

Граф хотел навсегда поселиться в Саксонии и здесь торговал себе поместье, но саксонское правительство, не желая ссориться с тогдашним русским двором, крайне чувстви-

тельным к малейшим оскорблениям, постаралось отклонить его от намерения купить имение.

По смерти императора Павла граф возвратился в Москву, где и умер в 1808 году; Орлов скончался в самый Рождественский сочельник, и день отпевания тела его был днем сетования целой столицы. Графа отпевали в церкви Положения Риз Господних, близ Донского монастыря. При выносе гроба сотни тысяч людей, с открытыми головами и со слезами на глазах, творили молитву, а крепостные люди плакали навзрыд.

Так любили москвичи графа за его приветливость и благотворительность. В день похорон графа восьмидесятилетний сержант, чешменский герой тоже – Изотов, тридцать лет служивший в доме графа Орлова и спасший ему однажды жизнь, был в числе провожавших тело, помогал опустить гроб в могилу и тут же мгновенно умер. Дома графа сохранились в целости от неприятельского разорения в 1812 году; в старом доме, где всегда жила покойный, устроена была городская больница; другой, новый дом, сделался царским

дворцом; его любимые имения, село Остров и село Хреновое, поступили в состав государственных имуществ.

По смерти графа был уничтожен один его бег под Донским, и две китовые кости тогда же поступили в Московский университет: последние тоже уцелели от пожара 1812 года и сохраняются по сей час.

Граф А. Г. Орлов, как известно, знаменит также своими заслугами в деле российского коннозаводства – почин кровного коннозаводства и тесно связанного с ним скакового дела положен им в Москве в 1785 году.

Граф в этом году завел в столице публичные скачки на призы, ранее того выписал из Англии лучших скакунов и из Аравии – редких производителей. Известный знаток конского дела П. А. Дубовицкий говорит, что орловский рысак усовершенствован был графом по строго задуманному им плану, причем он доказал фактами, ссылаясь на другие заводы наших вельмож (и особенно на обширный Серебряно-Прудский завод графа Шереметева), имевшие те же богатые и разнообразные типы всех европейских и азиат-

ских пород, что хотя они и производили весьма хороших лошадей, но не имели определенного типа, какой выработал граф Орлов, а потому все произведения этих громадных заводов исчезли бесследно.

Через искусное сочетание арабской и английской крови граф вывел и тип верховой лошади – такой тип, какой известен в лице его знаменитого Свирепого, который не гнулся под девятипудовым богатырем-вельможей, когда он, залитый золотом и бриллиантами, красовался на гуляньях в Москве, выезжая в пышных поездах с огромной свитой, составлявшею нечто среднее между восточною роскошью и средневековою торжественностью рыцарских турниров.

Проживая все царствование императора Павла I в Дрездене, граф и там удивлял немцев своими выездами; особенно любовались последние его кобылами Арфой и Амазонкой. Другие любимые его две лошади были Потешный и Каток: первую граф подарил князю Голицыну, а второй по наследству достался генералу Алексею Алексеевичу Чесменскому.

До самого нашествия Наполеона они не пе-

реставали по зимам спорить между собою на москворецком беге и, при всей своей старости, не встречали себе соперников. Граф, помимо лошадиной охоты, имел и псовую для истребления волков, тревоживших его табуны; граф сам вел собственноручно родословные своих собак; у него также были почтовые голуби, летавшие с письмами в его Хатунскую волость за 70 верст из Москвы.

Известны еще посейчас орловские бойцовые гуси, а также и орловские канарейки с особенным напевом. По рассказам, граф был необыкновенно хлебосолен и приветлив.

К его обеду ежедневно могли приезжать находившиеся в Москве дворяне, хотя бы с ним и незнакомые, но для этого они должны были быть в дворянском мундире. Если же приехавший незнакомый был в партикулярном платье, тогда граф спрашивал у него: «От кого вы, батюшка, присланы?», и когда незнакомец называл себя, тогда граф извинялся, что не разглядел, ибо по старости уже плохо видит.

Этим граф давал разуметь, что всякий, но только русский дворянин имеет право на его

хлебосольство. По воскресеньям у него обедало от 150 до 300 человек.

Со смертью графа Алексея Орлова его Нескучное пришло в упадок. Дочь его, графиня Анна Алексеевна, была так потрясена потерей отца, что дала обет перед образом не знать уже более никаких светских удовольствий.

Узнав о кончине отца, она впала в обморок, в котором пробыла четырнадцать часов. Нескучное в тридцатых годах, по словам бытописателя Москвы, было таким местом, где порядочные люди боялись прогуливаться.

Сад Нескучного сделался сборным местом цыган самого низкого разряда, отчаянных гуляк «в полуформе», бездомных мещан, ремесленников и лихих гостинодворцев, которые по воскресным дням приезжали сюда пропить на шампанском и полушампанском барыши всей недели, гулять, буяннить, придирались к немцам, ссориться с полуформенными удалцами и любезничать с «дамами».

Вот как рисует там картину гуляющих Загоскин: «На каждом шагу здесь встречались с вами купеческие сынки в длинных сюртуках

и шалевых жилетах и замоскворецкие франты в венгерках; не очень ловкие, но зато чрезвычайно развязные барышни в кунавинских шалях, накинутых на одно плечо вроде греческих мантий. Вокруг трактира пахло пуншем, по аллеям раздавалось щелканье каленых орехов, хохот, громкие разговоры, разумеется на русском языке, иногда с примесью французских слов нижегородского наречия: „Коман ву портеву требьян! бон жур! мон шер!“ и т. д.»

Изредка вырывались фразы на немецком языке и можно было подслушать разговор какого-нибудь седельного мастера с подмастерьем булочника, которые, озираясь робко кругом, толковали между собою о действиях своего квартального надзирателя, о достоверных слухах, что их частный пристав будет скоро сменен, и о разных других политических предметах своего квартала.

С изгнанием цыганских таборов из Нескучного и уничтожением распивочной продажи все это воскресное веселое общество переселилось в разные загородные места, и в особенности в Марьину рощу.

У графа Алексея Григорьевича Орлова было еще другое подмосковное село – Остров, лежащее от столицы в двенадцати верстах. Село это некогда было известно под именем Дворцового села; оно уже в 1328 году в духовной грамоте Ивана Даниловича Калиты упоминается.

Затем известно, что при царе Василии Ивановиче здесь стоял княжеский терем; в 1547 году здесь жил еще молодой грозный царь Иоанн Васильевич и здесь, по сказаниям псковского летописца, во время Петрова поста, когда к нему пришли посланные от псковичей 70 человек выборных с жалобой на своего наместника, князя Турунтая Пронского, государь, не выслушав и не разобрав дела, «разгневался на псковичей, обливал вином горячим, палил бороды и волосы, да свечу зажигал и повелел их покласти нагих на землю; и в ту пору на Москве колокол-благовестник напрасно (неожиданно) отпаде и государь поиде к Москве, а жалобников не истял (не погубил)».

Позднее видим, что царь Алексей Михайлович ходил в поход в село Остров: тишай-

ший государь останавливался в Острове, когда ходил в монастырь у Николы на Угреше. После село Остров принадлежало при Петре всеильному тогда вельможе князю Меншикову, и уже при императрице Елисавете Петровне оно приписано было к комнате великого князя Петра Феодоровича. Императрица Екатерина II всемилостивейше пожаловала его графу А. Г. Орлову в потомственное и вечное владение; в год пожалования, в 1767 году, в сентябре месяце, почтил своим посещением нового владельца великий князь Павел Петрович, где и кушал в доме графа.

В 1782 году, 6 мая, граф А. Г. праздновал в селе Острове свое бракосочетание с девицею Евдокиею Николаевною Лопухиной. Почти вся Москва была свидетельницею торжества, продолжавшегося несколько дней.

Молодая Лопухина вступила в брак двадцати лет; при красивой наружности она отличалась добродушием и приветливостью, была набожна, не пропускала церковного служения не только в праздники, но и в обыкновенные дни; молодая графиня не любила нарядов и никогда не надевала брилли-

антов. Через три года, 2 мая, родила она дочь Анну, и через год, 20 августа, при рождении сына Иоанна скончалась и сама графиня Авдотья Николаевна, в Москве, на двадцать пятом году.

Граф Иван Орлов-Чесменский был зачислен в Преображенский полк, но через год тоже умер. Чесменский герой проводил лето обыкновенно в Острове. Старожилы рассказывали, что с самых юных лет дочь его удивляла всех своею набожностью и, несмотря на равнодушие и даже холодность отца ее в деле веры, нимало не охладевала, так что в то время, как съехавшиеся гости наполняли дом отца, молодая графиня тайком убегала в церковь к вечерне, так как это было удобное время ускользнуть от внимания имевших над нею надзор.

Сперва о ней весьма тревожились, но впоследствии знали уже, где ее отыскивать, шли в церковь и находили там молящуюся. В Острове церковь была вблизи дома, и молодая графиня убегала туда, не будучи никем замеченною.

После смерти отца двадцатидвухлетняя

графиня осталась одна наследницею всех богатств графа – ежегодный доход наследницы простирался до 1 000 000 рублей, стоимость ее недвижимого имущества, исключая бриллиантов и других драгоценностей, ценившихся на 20 000 000 рублей, доходила до 45 000 000 рублей. Очень понятно, что у такой богатой наследницы было немало женихов.

В числе последних был граф Воронцов и сын фельдмаршала Каменского, граф Николай Михайлович. По словам биографа графини Елагина[87], Анна Алексеевна посвятила себя жизни уединенной, близкой к отшельничеству и, несколько лет спустя по смерти отца, поехала на богомолье в Киев, а потом в Ростов; здесь во время поклонения мощам св. Дмитрия познакомилась она с гробовым иеромонахом Анфилохием. Графиня избрала его своим духовником, но он вскоре скончался. Тогда Орлова желала найти себе другого руководителя и обратилась к епископу пензенскому Иннокентию за советом; тот указал ей на Фотия. Для знакомства с последним Орлова покинула родную Москву и переехала в Петербург. Здесь она искала два года случая

сблизиться с ним, но последний, опасаясь влияния ее знатности и богатства на свое убожество, тщательно уклонялся от нее. Орлова познакомилась с Фотием только по переводе его в Юрьев монастырь.

Графиня купила поблизости этого монастыря у тамошнего помещика В. И. Семевского за 75 000 рублей небольшую усадьбу и построила для себя дом на том месте, где, по преданию, некогда стоял древний монастырь Св. Пантелеймона.

Жизнь вблизи монастыря Фотия на первое время, однако, не удалила графиню от большого света. Она ездила в Петербург и Москву, делала приемные вечера для избранного общества и не покидала и двор, где числилась камер-фрейлиной, и ездила с императрицею Александрой Феодоровной на коронацию в Москву, затем в Киев, в Варшаву и Берлин, и все это время графиня оставалась светской женщиной. Мисс Вильмот, известная приятельница княгини Дашковой, рассказывает, что граф Чесменский устраивал у себя праздники единственно для дочери и что последняя была всегда героинею праздников. Орло-

ва была очень грациозна и легка в танцах, и все присутствовавшие невольно любовались ею.

По желанию отца и для удовольствия гостей она плясала танец с шалью, с тамбурином, казачка, цыганку, русскую и проч. При этом две служанки выполняли вместо нее фигуры, считавшиеся не довольно приличными для молодой графини, а гости составляли около нее благоговейный круг.

По словам Вильмот, после каждого танца графиня подбегала к восхищенному отцу, чтоб поцеловать у него руку. Графиня впоследствии впала в пиетизм[88] и в течение своей двадцатипятилетней жизни вблизи Юрьева монастыря отличалась строгою подвижническою жизнью, держала пост, соблюдая его по-отшельнически, например, в первую неделю поста ела одну просфору, а в продолжение Страстной недели ела только однажды, в Великий четверток.

Елагин, сообщая о такой аскетической жизни Орловой, говорит, что это она делала под руководством Фотия. Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская и архимандрит Фо-

тий, как верно замечает П. Бартенев[89], суть лица вполне исторические. Их жизнь и деятельность служили противовесом тому вероисповедному безразличию, которое господствовало в русском образованном обществе не столько по влиянию философии XVIII века, сколько вследствие того, что Россия сделалась убежищем для французских эмигрантов.

Строгий подвижник Фотий умел придать вес себе в высших кружках тогдашнего распущенного общества, он имел доступ во дворец, обличал сильных мира и поднял значение русского духовенства, до того тогда униженного, что издавались даже распоряжения, чтобы помещики подносили священникам и причту, приходящим со святынею, лишь определенное количество рюмок водки.

Юрьевский архимандрит Фотий, сын дьячка в приходской церкви в Новгородском уезде, по фамилии Спасский, в мире Петр Никитич, родился в 1792 году, получил образование сперва в Новгородской, потом в Петербургской семинарии и в Духовной академии, впрочем, болезнь груди не дала ему возможность окончить полного курса; двадцати пяти

лет он был пострижен в монахи и на третий год по пострижении рукоположен в иеромонахи и в том же году был назначен законоучителем и настоятелем во втором кадетском корпусе; с воспитанниками Фотий был крайне строг и в домашней жизни воздержан чрезвычайно.

Уверяли, что он питался одним чаем, — жил тогда Фотий в самой убогой квартирке на Петербургской стороне, в одном из самых глухих переулков. Фотий отличался крайне болезненным, истощенным видом, смотрел исподлобья; он последние годы своей жизни носил на теле вериги, от которых у него были зловонные язвы.

Фотий спал на каменной кушетке, покрытой волосяной тканью. Проповеди его по воскресным дням отличались самым строгим аскетизмом.

На второй год своего законоучительства в корпусе Фотий за отличие был назначен иеромонахом в Невскую лавру и два года спустя рукоположен в игумены Новгородского третьеклассного Деревяницкого монастыря. Удаление свое из Петербурга Фотий приписы-

вал козням тайных богопротивных обществ и врагов церкви Христовой. Фотий был самым яростным изобличителем сект, которым покровительствовал сильный тогда А. Н. Голицын. Фотий считал последнего главным виновником всех церковных смут.

Князь Голицын, как и многие из важных лиц того времени, дорожил тем, что после времен неверия и безбожия явилось религиозное чувство, религиозное возбуждение, хотя бы и в неправильном виде; он надеялся, что это движение, будь оно даже и неправильное, обратится в пользу господствующей церкви. А. Н. Голицын, уважая всех сектантов, уважал и православных в их религиозном чувстве: форма для него не значила в деле религии ничего.

Фотий яро, с исступлением восстал против сильных в то время приверженцев так называемой внутренней церкви; он не хотел вступать в сделку и не хотел выжидать; он, как человек энергичный, пошел напролом вперед.

Эта-то черта его характера и вызвала в графине Орловой безграничную преданность к

нему и уважение, выразившиеся тем, что она предоставила ему все свое колоссальное состояние. После Деревяницкого монастыря Фотий был переведен в Сковордский монастырь, и отсюда в том же 1822 году Фотий, за примерное поведение и за исправление двух монастырей, переведен был настоятелем первоклассного Юрьева монастыря; с переходом сюда и начинается историческая деятельность Фотия.

По свидетельству одних, Фотий был фанатик, другие видели в нем лицемера, а третьи считали его клеветом Аракчеева.

Вот характеристика Фотия, сделанная самой графиней Орловой, когда один близкий к ней человек спросил ее, что вас привлекло к Фотию: «Он возбудил мое внимание тою смелостью, тою неустрашимостью, с какою он, будучи законоучителем кадетского корпуса, молодым монахом, стал обличать господствовавшие заблуждения в вере. Все было против него, начиная со двора; он не побоялся этого; я пожелала узнать его и вступила с ним в переписку; письма его казались мне какими-то апостольскими посланиями, в них был осо-

бый язык, особый тон, особый дух. Узнав его ближе, я убедилась, что лично для себя ничего не искал: он распоряжался для других моим состоянием, но себе отказывал во всем; я хотела обеспечить бедных его родных, он мне и этого не позволил».

Не одна графиня Орлова в то время была увлечена Фотием, но и Аракчеев, и Шишков были его поклонники; портрет Шишкова во весь рост стоял в парадной зале Фотия.

При поступлении Фотия в Юрьев монастырь эта обитель была самая бедная, пришедшая в совершенную ветхость. Фотий выпросил у императора Александра I для поддержания монастыря ежегодно по 4000 рублей.

Но монастырь обогатился не этим вкладом – несколько миллионов было пожертвовано графиней Орловой для возобновления его; по словам Е. Карновича[90], одна только серебряная рака для мощей св. Феоктиста стоила ей свыше 500 тысяч рублей. В настоящее время это один из замечательнейших и богатейших русских монастырей как по своей обстройке, так и по богатейшим в нем сокрови-

щам.

Серебро, золото, бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды, жемчуг и разные драгоценные в художественном отношении вещи напоминают как о несметных богатствах Орловой, так и о безграничности ее пожертвований. Даже по смерти Фотия на Юрьев монастырь графиня Орлова внесла более полумиллиона рублей. Благодаря таким жертвованиям, Юрьев монастырь в народе стал слыхать богатым, и странники и странницы начали усердно его посещать, находя там более чем сытную пищу; съестные припасы, по распоряжению Орловой, подвозились в монастырь целыми обозами.

Для более далеких богомольцев в монастыре были устроены гостиницы, а также для больных больницы. Особенно много приходило сюда так называемых «бесных» больных, от духов нечистых, которых отчитывал сам архимандрит Фотий.

Много шуму наделал в свое время один случай, имевший место в монастырской больнице. Однажды сюда явилась молодая девушка, Фотина, служившая фигуранткой в петер-

бургском балете; не предвидя себе хорошей будущности на театре, она вздумала играть видную роль в другом месте. Придя в больницу, она объявила себя одержимой нечистым духом, Фотий принялся отчитывать ее. После заклинательных молитв, при конвульсивных движениях, раздались крики: «Выйду, выйду!», и затем девица впала в беспамятство. Придя в чувство, она объявила себя освобожденною от беса. Ей отвели помещение подле монастыря.

Фотий об ней заботился; скоро она начала рассказывать, что ей бывают видения и что она на молитвах по ночам удостоивается особых озарений. Фотий хотя и верил, но желал убедиться точнее и не раз ночью посылал своего молодого келейника за монастырь подсматривать, что делает исцеленная девица. Всякий раз он получал известие, что она молится, что в ее комнате виден какой-то необыкновенный свет, что она в молитве как бы отделяется от земли.

Очень понятно, что молодой келейник сошелся с бывшей фигуранткой. С первого появления ее сюда Орлова получила против нее

предубеждение, считала ее обманщицей и не раз предостерегала Фотия от нее, говоря: «Не верь ей, батюшка, она обманывает тебя, ей верно хочется денег; отдай ей хоть половину моего состояния; ты себе делаешь бесчестие, держа ее и лаская».

Правда, Фотий ласкал ее, как родное дитя, и это возбуждало толки. Фотина убедила Фотия, что для отвращения гнева Божия нужно, чтобы живущие в окрестностях монастыря девицы собирались на вечернее правило в монастырь и, одетые в одинаковую одежду с иноками, совершали молитву.

Говорили, будто Фотина явилась в куполе церкви, одетая в такую одежду, как бы для указания. Фотий, устроив такие хитоны, стал приглашать соседних девушек на молитву и приходящих щедро оделял деньгами.

Охотниц являлось все более и более; из военных поселений стали приходиться почти все девицы. Эти сборища не обходились без беспорядков. Молва и говор, полный ропота, несмотря на денежные раздачи, распространились по окрестностям и дошли до губернатора. Он лично хотел удостовериться в спра-

ведливости слухов и приехал во время вечернего правила в монастырь.

Но в это время ворота монастыря запирались, и губернатора не пустили. Губернатор сказал архиерею, для которого не могли не отпереть ворот, и последний положил конец этим собраниям. Графиня Орлова уговорила Фотия удалить Фотину, и он отправил ее в Федоровский Переяславский монастырь. Фотина, щедро наделенная деньгами от Фотия, уехала в монастырь.

Менее чем через год после смерти Фотия Фотина оставила монастырь, вышла замуж за своего кучера и от дурного обращения с нею мужа вскоре умерла.

Фотий умер в 1838 году, на руках графини Орловой, и был погребен торжественно в Юрьевском монастыре, в пещере, подле самой церкви Похвалы Богородицы.

В этой усыпальнице, у подножия креста, стоят два мраморных гроба с мраморными заплатами на крышах. На одном белом гробе сделана по серебро-кованому покрову надпись: «Здесь покоится прах в Бозе почившего 1838 г., февраля 26 дня, в час пополуночи и

погребенного в девятый день, 6 марта, настоятеля-благодетеля и возобновителя святыя обители сея преподобнаго отца священно-архимандрита Фотия».

На другом темноватом гробу сделана на бронзовой доске следующая надпись: «Здесь покоится прах графини Анны Алекс. Орловой-Чесменской, камер-фрейлины двора ея императорскаго величества и кавалерственной дамы ордена Св. Екатерины меньшого креста. Родилась 2 мая 1785 г., скончалась 5 октября 1848 года». Графиня Анна Алексеевна пережила Фотия на десять лет; она умерла скоропостижно на шестьдесят четвертом году от рождения, в келье настоятеля Юрьева монастыря, собравшись выехать оттуда в Петербург.

Графиня Орлова предполагала в селе своем Острове устроить женскую обитель и при ней богоугодные заведения, но от этого отговорил ее тамошний священник отец Никифор, бывший очень нерасположенным к монашеству. Орлова жила в селе Острове после смерти своего отца.

Усадьба там была раскинута на тридцати

двух саженьях; здесь был обширный дом и превосходный сад, расположенный по холмам и скатам, с удивительным разнообразием и украшенный множеством беседок и павильонов, существовавших еще в недавнее время. Графиня еще при жизни продала свои имения в казну, в числе которых и Остров поступил в ведомство Министерства государственных имуществ.

В 1868 году, спустя двадцать лет после смерти графини, островский дом, манеж и некоторые еще бывшие там здания, начинавшие приходить в упадок, решено было продать с торгов, и Угрешский монастырь, лежащий поблизости к Острову, нашел выгодным купить их.

В 1869 году Угрешский монастырь посетил митрополит Московский Иннокентий. Прохаживаясь по площадке угловой башни, примыкающей к настоятельским келиям, и обозревая окрестности обители, он стал расспрашивать настоятеля о названии селений, видимых через ограду с высоты площади. Упомянув при ответах владыке об Острове, настоятелю пришло на мысль рассказать о неиспол-

нившихся желаниях графини, и, говоря об обширных островских постройках, давно уже совершенно пустых, он выразил между прочим мнение, что хорошо было бы воспользоваться этими зданиями для какого-нибудь благоугодного заведения.

Это случайное замечание настоятеля породило в уме митрополита мысль на самом деле воспользоваться, если это только возможно, существующими в Острове строениями на учреждение там богадельни для престарелых и немощных лиц белого духовенства Московской епархии. Владыко вошел в сношение с министром государственных имуществ, прося его исходатайствовать Высочайшее соизволение на пожалование села Острова духовному ведомству для устройства там богадельни, и в мае 1870 года село Остров с постройками всемилостивейше было безвозмездно пожаловано духовному ведомству, и спустя год здесь помещена была богадельня в квадратном одноэтажном здании, имеющем посредине двор.

При графине Орловой это был графский скотный двор, впоследствии преобразован-

ный в училище. Таким образом, странными путями, хотя и не при жизни Орловой, исполнились ее желания. Островский дом и другие строения, принадлежавшие ей и купленные Угрешским монастырем, употреблены совершенно соответственно ее желаниям.

Вид Моховой улицы и дома Пашкова. Гравюра Ф. Лорие по рисунку Ж. Делабарта. 1798. Фрагмент

Торжественное шествие императрицы Екатерины II с Красного крыльца в Успенский собор. Д. Андрузский с гравюры С. Путьмицева по оригиналу Ж. Девельи и М. Махалева. 2-я пол. XIX в. Фрагмент

Глава X

Разорительная роскошь вельмож. – Щедрость императрицы Екатерины II. – Доходы государства. – Случайные люди. – И. Н. Корсаков. – Азартные игры. – Великосветские менялы и торгошники драгоценностями. – Многочисленные дворни помещиков. – В. В. Головин и его сын. – Публикация о продаже людей. – Покупка Екатериной имения Черная Грязь. – Царский питомник. – Аптекарский сад в Москве. – Прогулки царицы. – Рассказ о князе Кантемире и о покупке Царицына. – Кантемир, молдаванский господарь. – Его сыновья: князь Антиох и князь Сергей. – Первые постройки в Царицыне. – Работы архитектора В. И. Баженова. – Дворец Царицынский. – Пруды. – Увеселительные постройки. – Выбор невест царем Алексеем Михайловичем. – Наталья Кирилловна Нарышкина. – Опала на Нарышкиных. – Царь Феодор. – Царица Агафья Семеновна. – Усыпальница рода Нарышкиных. – Каменные палаты Нарышкиных в Белом городе. – Александр Львович и Семен Кириллыч Нарышкины.

Век Екатерины II наша русская знать приобрела большую склонность к разорительным роскошным празднествам; еще импера-

трица Анна Иоанновна сильно развивала страсть к роскоши у своих придворных; в ее время было запрещено даже два раза являться ко двору в одном и том же платье; у жены Бирона было одно платье, унизанное жемчугом и стоившее 100 000 рублей; гардероб жены Бирона тогда ценился в полмиллиона, а одних бриллиантов у ней было на два миллиона.

В такой разорительной роскоши историки справедливо видят сознательную цель верховника Бирона – систематически разорить наше высшее дворянство. В таком недобром стремлении разорить нашу знать едва ли мы можем заподозрить Екатерину II; из дошедших примеров мы видим, как щедра была императрица к своим приближенным.

Так, известный Ив. Ник. Корсаков, когда он «вышел из случая», имел денег около 2 500 000 рублей. У него в деревне, в доме, не только слуги, но и люди гостей пивали шампанское. Гости у него ежедневно бывало не менее восьмидесяти человек. Ив. Ник. Корсаков начал военную службу сержантом в Конной гвардии – он был капитаном в Кирасирском

полку, когда Потемкин назначил его, в числе трех лиц, в кандидаты на звание флигель-адъютанта к императрице, на место только что уволенного Зорича; первые два были: Бергман, лифляндец, и Ронцов, побочный сын графа Воронцова. Корсаков обладал необыкновенно изящной фигурой, но, в сущности, он был более любезен, чем красив: по словам Гельбига, его внешность была так изящна и прелестна, что подобное редко встречается.

Этот внешний лоск его скоро пропал. Легкомыслие и доброта составляли главные черты его характера; он обладал даром чрезвычайно приятной беседы и правильным, хотя не пронизательным умом. Все три кандидата были представлены императрице в приемной.

Когда они явились, Потемкина еще не было. Императрица пришла, поговорила с каждым из них и наконец подошла к Корсакову. Она дала ему букет, только что поднесенный ей, и поручила отнести этот букет князю Потемкину и сказать ему, что она желает говорить с ним. Потемкин, чтоб наградить при-

несшего букет, сделал его своим адъютантом.

День спустя после представления, в июне 1778 года, Корсаков сделан был флигель-адъютантом и мало-помалу чрез очень короткие промежутки стал прапорщиком кавалергардов, что давало ему чин генерал-майора, затем кавалером ордена Белого Орла и, наконец, генерал-адъютантом государыни.

По удалении от двора он серьезно захворал и после отправился в Москву, где и остался жить навсегда. Корсаков навлек гнев государыни, похитив жену графа А. С. Строганова. Корсаков был хороший музыкант и превосходно играл на скрипке – он обладал в свое время самую драгоценную скрипку в России.

Про него существует анекдот, что он имел у себя, по примеру дворцов, большую библиотеку. Когда он получил в подарок от государыни дом, бывший Васильчикова, то позвал к себе книгопродавца и заказал ему библиотеку для библиотечной комнаты. На вопрос же книгопродавца, сделал ли Корсаков реестр книг, которые желал бы иметь, и по какой отрасли должны быть выбраны книги, он отве-

чал:

– Об этом я уж не забочусь, это ваше дело; внизу должны стоять большие книги, и чем выше, тем меньшие, точно так, как у императрицы[91].

Какие безумные суммы денег истратили Потемкин и Орловы! Теперь достоверно известно, что последние получили за двадцать лет от щедрот государыни 45 000 душ крестьян и 17 миллионов деньгами. Один Зорич, с августа 1777 года по 3 июня 1778 года, получил от Екатерины Шкловское имение, заключающее в себе 16 000 душ, помимо бриллиантов; ему также выдано подарками более 2 000 000 рублей. Один стол близких придворных Екатерины, П. А. Зубова, графа Н. И. Салтыкова и графини Браницкой, ежедневно стоил казне с вином, кофе, чаем и шоколадом и проч. более 600 рублей.

Если сопоставить эти расходы с доходами государства в то время, так, право, все сказанное покажется какою-то насмешкою или выдумкою. Так, известно, что в последний год царствования императрицы общая сумма доходов государства достигала всего 70 657 691

рубль.

Только удивляться надо, откуда брались тогда деньги на разные траты и войны. Энгельгардт, например, в своих записках рассказывает, что когда был заключен Безбородко мир с турками и когда приходилось туркам заплатить России 24 миллиона пиастров, то канцлер торжественно им заявил, что «русская государыня не имеет нужды в турецких деньгах!». Энгельгардт добавляет, что такой поступок глубоко изумил турок. А что стоило императрице путешествие ее в полуденный край? Известно, что назначенных десяти миллионов на это путешествие не хватило.

Праздная и разгульная жизнь бар прошлого века стоила много денег, но не на одно вино только шло у них много денег: что проигрывалось еще в карты! Азартная игра в царствование Екатерины велась даже при дворе, а от двора она распространялась и во всех обществах. Энгельгардт утверждает, что азартные игры хотя законом были запрещены, но правительство на то смотрело сквозь пальцы.

Однако императрица иногда и преследова-

ла игроков. Так, письмом от 7 августа 1795 года к московскому главнокомандующему Измайлову, она предписывает: «Коллежских ассессоров: Иевлева и Малимонова, секунд-майора Роштейна, подпоручика Волжина и секретаря Попова за нечистую игру сослать в уездные города Вологодской и Вятской губерний, под присмотр городничих, и внеся при том имена их в публичные ведомости, дабы всяк от обмана их остерегался». У Волжина при том было отобрано векселей, ломбардных билетов и закладных на 159 000 рублей и, кроме того, множество золотых и бриллиантовых вещей. Все эти богатства приказано было «яко стяжание, неправедным образом снисканное и ему не принадлежащее, отдать в приказ общественного призрения Московской губернии на употребления полезные и богоугодные».

В том же году писал Бантыш-Каменский князю Куракину: «У нас сильный идет о картежных академиках перебор. Ежедневно привозят их к Измайлову; действие сие в моих глазах, ибо наместник возле меня живет. Есть и дамы...» Через несколько дней он сообщал:

«Академики картежные, видя крепкой за собой присмотр, многие по деревням скрылись».

По рассказам современников, в екатеринское время в каждом барском доме по ночам кипел банк, и тогда уже ломбард более и более наполнялся залогом крестьянских душ. Не к добру послужило дворянству это учреждение дешевого и долгосрочного кредита. Двадцать миллионов, выданные помещикам, повели к еще большему развитию роскоши и к разорению дворянства. Быстры и внезапны были переходы от роскоши к разорению.

В большом свете завелись менялы; днем разъезжали они в каретах по домам, с корзинками, наполненными разными безделками, и променивали их на чистое золото и драгоценные камни, а вечером увивались около тех несчастливцев, которые проигрывали свои имения, и выманивали у них последние деньги.

У Загоскина в воспоминаниях находим описание одного из таких ростовщиков сительного происхождения, отставного брига-

дира князя Н., промотавшего четыре тысячи душ наследственного имения. Вот как описывает он место его действий на одном из московских великосветских балов, где в ту эпоху подобный торговец был необходимой принадлежностью: «Посреди комнаты стоял длинный стол, покрытый разными галантерейными вещами: золотые колечки, сережки, запонки, цепочки, булавочки и всякие другие блестящие безделушки разложены были весьма красиво во всю длину стола, покрытого красным сукном. За столом сидел старик с напудренной головой, в черном фраке и шитом разными шелками атласном камзоле. Наружность этого старика была весьма приятная, и, судя по его благородной и даже несколько аристократической физиономии, трудно было отгадать, каким образом он мог попасть за этот прилавок. Да, прилавок, потому что он продал при нас двум дамам, одной – золотое колечко с бирюзой, а другой – небольшое черепашковое опахало с золотой насечкою; третья барышня, лет семнадцати, подошла к этому прилавку, вынула из ушей свои сережки и сказала:

– Вот возьмите! Маменька позволила мне променять мои серьги. Только воля ваша, вы много взяли придачи: право, десять рублей много!

– Ну, вот еще, много! – сказал продавец. – Да твои-то сережки и пяти рублей не стоят.

– Ах, что вы, князь! – возразила барышня. – Да я за них двадцать пять рублей заплачу...»

В числе таких торговцев драгоценными камнями в Москве был известен некто Кристин, живший в доме графа Маркова; родом Кристин был швейцарец и некогда служил нашим агентом при иностранных дворах.

До начала Французской революции он был секретарем известного министра Колонна; он видел начало революции в Париже, куда ездил переодетый с тайными поручениями от графа д'Артуа, впоследствии короля Карла X. Кристин тайком проникал в Тюльерийский дворец, подавал утешение пленному королю; когда пали невинные королевские головы, Кристин вместе с графом д'Артуа явился в Петербург. Из Петербурга он ездил тайным агентом в Швецию; здесь он на одном из придвор-

ных балов, как рассказывает Вигель, как будто разбежавшись, наткнулся на стоящего у камина несовершеннолетнего молоденького короля Густава IV; низко кланяясь и будто бы в смущении извиняясь, шепотом сказал ему:

– Ваше величество, вас обманывают, хотят женить на уроде, позвольте с вами объясниться.

Тот едва внятным голосом отвечал ему:

– У меня учитель математики ваш земляк, шевалье такой-то, напишите мне через него.

В записке своей Кристин изобразил все прелести великой княгини Александры Павловны и всю пользу от родственного союза с Екатериной. В это время через месяц ожидали невесту, кривобокую принцессу Мекленбургскую. Король вдруг заупрявился, объявил, что этому браку не бывать, и как ни старались убедить его, он поставил на своем. Никто не мог понять причины такой внезапной перемены, но король ли проговорился, Кристин ли проболтался, или сами догадались, но гроза висела над головою тайного агента. Кто-то предупредил его, что его хотят взять и отправить в рудники дарлекарлийские.

Будучи приятелем со всеми дипломатами, он был причислен к какой-то миссии и отослан курьером из Швеции. Только через несколько месяцев ему посчастливилось приехать в Петербург, в то самое время, когда в Петербурге находился король шведский с дядей и шло уже сватовство.

Разумеется, ему нигде нельзя было показываться. Екатерина II приняла Кристина у себя в кабинете очень ласково, щедро наградила его, велела определить в иностранную коллегию с чином надворного советника и пожаловала ему четыреста душ крестьян близ Летищева, в Подольской губернии. При представлении императрице с ним случился презабавный анекдот.

Государыня позволила ему быть при представлении в Эрмитажном театре, только в закрытой ложе. Он в ней соскучился, пошел бродить за кулисы и забрался на самый верх. Устав, он присел на какое-то седалище, которое вдруг стало опускаться; Кристин закричал, его успели приподнять, и видны были одни только ноги. Это было облако, на котором должен был спускаться Меркурий.

Кристин при императоре Александре жил в Париже, где сошелся с семейством Бонапарта; как роялист, он тайно переписывался с графом д'Артуа, переписка была открыта; Бонапарт схватил его и отправил в крепость в Лион; отсюда ему удалось убежать и обратиться в Москву, в которой он и проживал, торгуя драгоценностями и обделявая дела с векселями.

Вигель в своих воспоминаниях говорит, что, умирая, Кристин все свое имущество отказал графине де Броглио (урожденной Трубецкой). Какие рукописные сокровища достались, какие перлы рассыпались перед этою женщиной!.. Переписка со множеством исторических лиц, чего стоили одни письма Сталь, самый роман его жизни, все это, как ненужное, рукою невежества предано огню...

Страсть московских барынь к драгоценным нарядам в то время была так велика, что вошло в обычай, за неимением собственных дорогих вещей, без всякого стыда надевать чужие платья и украшения; некоторые блистательные уборы, принадлежавшие богатым дамам, появляясь по очереди то на той, то на

другой особе, приобрели даже себе всеобщую известность.

И в силу предрассудка гости, богаче других одетые, хотя бы все знали, что на них чужие наряды, пользовались везде знаками особенного внимания и предпочтения. Даже старики-вельможи эпохи Екатерины были не лишены этого предрассудка и появлялись на вечерах, покрытые с головы до ног бриллиантами, нередко взятыми за деньги напрокат. Характер всех балов московских того века был церемонный и однообразный.

На каждом празднике целая стая слуг различных наций, в пестрых национальных костюмах: здесь были негры в желтых куртках с белыми тюрбанами на головах, русские одеты были в кафтаны, подпоясанные пестрыми кушаками, на головах высокие гренадерские шапки; все они или бегали и метались как угорелые, или стояли как столбы до тех пор, пока их громко не позовут; между ними были карлики и гайдуки чуть не саженого роста, и почти у каждого барина за спиной стоял шут, забавлявший общество своими дурачествами и по временам отпускающий и самые

злые остроты насчет самого барина и его гостей.

Между молодежью на балах в Москве по большей части встречались незрелые юноши, напомаженные и разодетые по последней моде; последние всегда были в сопровождении французских гувернеров, которые тщательно следили за первыми их шагами в обществе.

Вполне образованных молодых людей в Москве было немного, бóльшая часть из них жила в Петербурге или в армии, где делали карьеру. Англичанка Вильмот, гостившая в Москве у княгини Дашковой, делает следующее заключение о московском обществе и вообще о русской цивилизации: «Подчиненность развита здесь до крайней степени. Тут нет того, что в Англии называют словом „джентльмен“; достоинства каждого оцениваются мерою высшей милости. В понятиях массы слова „хороший“ и „плохой“ – суть синонимы благоволения и неблаговоления; уважение к личному характеру заменяется уважением к чину».

Большой почет в старое время вселяли к

себе все богачи-помещики. Дома таких господ кишели прислужниками, приставленными к разным должностям.

Например, у богатого помещика Головина их было около трехсот, у Лунина – двести восемьдесят, у графа Алексея Орлова-Чесменского – более пятисот человек. Такая большая дворня почти ничего не делала и выполняла только прихоти своего барина. У С. Н. Шубинского находим любопытное описание дворни и жизни богатого помещика В. В. Головина, владельца огромного подмосковного села Новоспасского. Жизнь этого барина в молодости была полна бедствий и страданий.

При Бироне он был пытан и затем два года сидел в тесном заключении при церкви Воскресения Христова, в Москве. Несчастья, испытанные им, имели довольно сильное влияние на его характер. Он сделался нелюдимым и религиозным до суеверия. Все его дворцовые власти входили в его комнату по команде горничной и докладывали с низкими поклонами по раз утвержденным правилам.

Вокруг его дома всю ночь ходил неусыпный дозор, бил в колотушки, гремел в доску и

трубил в рожок. Утром после докладов ему приносили чай, и впереди обыкновенно шел один слуга с большим медным чайником с горячей водой, за ним другой нес большую железную жаровню с горячими угольями, шествие заключал выборный с веником, насаженным на длинной палке, для обмахивания золы и пыли.

Напившись чаю, он отправлялся в церковь. После обедни его вели под руки двое слуг; подавали затем завтрак и после обед – обед тянулся три часа. Кушаний бывало обыкновенно семь блюд, но иногда число их доходило и до сорока. Для каждого блюда был особый повар, и каждый из них приносил блюдо в белом фартуке.

Сервиз был весь оловянный, но в праздники – серебряный и фарфоровый. Поставя блюда, повара уходили, и являлись двенадцать официантов, одетых в красные кафтаны кармазинного сукна, с напудренными волосами и длинными белыми косынками на шее.

После обеда подавался десерт и хозяин пил шоколад. Ужина не было. На ночь все двери и ставни в доме закрывались железными бол-

тами. Если барину не удавалось уснуть, то он начинал читать вслух свою любимую книгу «Жизнь Александра Македонского», Квинта Курция, или садился в большие механические кресла, начинал качаться в них, поправляя руками на обоих висках волосы, закладывая их за уши, и, перебирая четки и понижая и возвышая голос, читал заклинания против сатаны и злых духов. Окончив заклинания, он вставал с кресел и начинал ходить по всем комнатам, постукивая колотушкой или обмахивая густым крылом мнимую нечисть вокруг себя. Если же он находил пыль, то приказывал курить ладаном и окроплять то место святою водою.

В комнатах у него было семь кошек, которые днем ходили по комнатам, а ночью привязывались к семиножному столу. За каждой кошкой было поручено ходить особой девке. Отправляясь зимою в Москву, он был всегда сопровождаем чрезвычайно пышным поездом, в котором находилось до 70 лошадей и около 20 различных экипажей. Впереди всего везли чудотворную икону Владимирской Божией Матери в золоченой карете, с утвер-

жденным внутри фонарем, в сопровождении крестов и священника. Затем следовал барин с барыней в особенных шестиместных фаэтонах, запряженных парадным цугом в восемь лошадей.

Дочери ехали в четырехместных каретах, в шесть лошадей; молодые господа – в открытых колясках или санях, в четыре лошади. Все они сидели поодиночке, за исключением малолетних детей их, которые помещались с матерями. Барские барыни[92] и сенные девицы ехали в бричках и кибитках. Канцелярия, гардероб, буфет, кухня были отправляемы в особых фурах.

Двадцать богато одетых верховых егерей оберегали этот затейливый поезд. При жене этого помещика находились безотлучно пара уродливых карликов и ученый гуслист, ловкий, видный и красивый мужчина, природный черкес, вывезенный из Кавказа. Из сыновей этого Головина был известен тоже Василий Васильевич, удивлявший всех москвичей своею роскошью. Он выезжал не иначе как парадом, с вершниками, гусарами, с гайдуками и скороходами, окруженный всегда мно-

жеством дур и дураков. Свиту его составляли также арабы, башкиры, татары и калмыки.

Головин угощал своих гостей богатыми праздниками, обедами, ужинами, на которых гремели его хоры музыки и пели певчие и плясали цыгане, до которых он был большой охотник. Этот Головин умер в 1800 году.

В Екатерининскую эпоху вельможа без богатой дворни или нескольких тысяч душ крестьян почти был немислим. Сама императрица покровительствовала таким барским привычкам, щедро раздавая вельможам населенные имения. И встретить среди толпы царедворцев и вельмож того времени лиц, которые бы не имели крестьян или от них отказывались, было исключительным явлением. Таким редким бескорыстием и неприятием крепостных душ в ту эпоху отличались только два лица – это П. Д. Еропкин и масон Гамаля: первый, как мы уже выше говорили, отказался от 4000 душ, назначенных ему за его деятельность во время чумы в Москве, второй – от 3000 душ в награду за свою службу.

Всего роздано крестьян Екатериной II с 1762 по 1796 год около 800 000, обоюга пола

около 2 000 000. Случайные люди получили более четверти того, что было роздано во все царствование Екатерины. Императрица в один день (18 августа 1795 года) подписала указы о пожаловании более 100 000 душ. Император Павел относительно раздачи населенных имений следовал примеру своей матери. Он в день своей коронации роздал 105 лицам более 80 000 душ. В последний год царствования этого императора уже затруднялись находить имения для пожалования, и император Александр I, как говорит Богданович[93], на письмо одного сановника, желавшего получить населенное имение, отвечал: «Русские крестьяне большею частью принадлежат помещикам – считаю излишним доказывать унижение и бедствие такого состояния, и потому я дал обет не увеличивать числа этих несчастных и принял за правило никому не давать в собственность крестьян». По словам В. Семевского[94], с этих пор населенные имения стали давать только в аренду, зато в обширных размерах продолжалось пожалование ненаселенных имений.

Цены на людей в екатерининское время

были различны; при продаже с землей душа ценилась от 70 до 120 рублей в начале царствования и до 200 рублей в конце его. При продаже без земли люди ценились весьма дешево: так, в 1773 году одна мещовская помещица продала души по 6 рублей за штуку. За рекрута в начале царствования платили по 120 рублей, в конце – 400 и даже 700 рублей.

Крепостных людей продавали публично на базарах и ярмарках. Текели, бывший в России в 1778 году, видел в Туле, на площади, до сорока девиц, стоявших толпою; на вопрос проводника, что они здесь делают, был ответ, что продаются.

Когда же сам путешественник спросил их, то девушки наперерыв отвечали:

– Купи нас, господин, купи!

Текели поразил веселый вид, с каким девицы говорили о собственной продаже. Он любопытствовал узнать от них:

– А пошли бы вы за мной, куда бы я вас ни повел?

– Нам все равно – вам или другому служить, – был ответ.

Одним из главных центров этой торговли

была Урюпинская ярмарка, на которой парней и девушек покупали преимущественно армяне для сбыта в Турцию.

В старинных ведомостях то и дело встречаются публикации о продаже людей, так: «Продаются 20-ти лет человек, парикмахер, и лучшей породы корова» или «Лучшие моськи продаются и семья людей, за сходную цену». Крепостных не только продавали, но и проигрывали, давали ими взятки, платили ими врачам за лечение и проч.

В 1850-х годах в Москве необученная горничная стоила 50 рублей, а умеющая шить и проч. – 80 рублей. Дорого ценились в екатерининские времена музыканты и разные артисты. Так, например, Потемкин заплатил Разумовскому за его оркестр 40 000 рублей, одна крепостная актриса была продана за 5000 рублей.

Вигель описывает одного владельца крепостных артистов: «Его повара, его лакеи, конюхи делались, в случае надобности, музыкантами, столярами, сапожниками и т. д.; его горничные и служанки – актрисами, золотошвейками и т. д. Они в одно и то же время –

его наложницы, кормилицы и няньки детей, рожденных ими от барина. Я часто присутствовал при его театральных представлениях. Музыканты являлись в оркестр, одетые в различные костюмы соответственно ролям, которые они должны были играть, и как только по свистку поднимался занавес, они бросали свой фагот, литавры, скрипку, контрабас, чтоб сменить их на скипетр Мельпомены, маску Талии и лиру Орфея; а утром эти же люди работали стругом, лопатой и веником».

Особенно уморительно было видеть, как этот владелец артистов, во время представления, в халате и ночном колпаке, величественно разгуливал между кулисами, подбадривая словами и жестами своих крепостных актеров.

Однажды, во время представления Дидоны, этому барину не понравилась игра главной актрисы; он вбежал на сцену и отвесил тяжелую оплеуху несчастной Дидоне, вскричав: «Я говорил, что поймаю тебя на этом! После представления отправляйся на конюшню за наградой, которая тебя ждет». Дидона, по-

морщившись от боли, причиненной оплехой, вновь вошла в свою роль и продолжала арию как ни в чем не бывало. Впоследствии эта актриса за потерю голоса была сослана в отдаленную деревню.

Когда этот помещик отправлялся в другое свое имение, то за ним ехало не менее двадцати кибиток с его наложницами, танцовщицами, актрисами, поварами и проч. На каждой станции раскидывали огромную палатку, где помещался барин со своими невольницами, а в другой – двадцать человек увеселяли его пением во время обеда.

Случалось, что крепостные артисты посылались господами на заработки. Так, князь Щербатов говорит, что разорившийся князь Вяземский имел одного крепостного музыканта, которого он посылал играть для своего прокормления.

В начале царствования Екатерины II оброк с крестьян доходил от одного рубля до трех. В конце же царствования – от пяти до двадцати пяти с души, но одной денежной платой часто помещики и не ограничивались, а заставляли своих крестьян платить и натурой. Из

официальных сведений 1766 года видно, что у самых добрых помещиков крестьяне работали на барина три дня в неделю.

Окрестности Москвы славились своими садами и питомниками плодовых деревьев. Так, в родовой вотчине Романовых, селе Измайлове, сад был известен своими лекарственными и хозяйственными растениями.

Вдоль по берегу речки Серебровки, против деревянного дворца, как рассказывает профессор Снегирев[95], на тридцать три сажени простирался «регулярный сад», от которого и теперь остались еще следы – кустарники шиповника, барбариса, крыжовника и сирени. Позади дворца также был насажден царем Алексеем Михайловичем «виноградный сад» на пространстве целой версты, где разводились лозы виноградные, также росли разных сортов яблони, груши, дули, сливы, вишни и другие заморские деревья.

Еще в пятидесятых годах здесь цела была липовая аллея, саженная – по преданию – царем Алексеем Михайловичем, под тенью которой любил гулять в юности своей Петр I с своими наставниками. Впоследствии там су-

ществовал вокзал, где бывали в былое время блистательные собрания. Измайловские сады служили рассадниками для других садов в России; из них плоды доставляемы были для государева обихода, а целебные травы и коренья посылались в аптекарский приказ, остальные поступали в продажу.

В 1703 году Петр I из Шлиссельбурга писал к Стрешневу: «Из села Измайлова послать осенью в Азов коренья всяких зелий, а особливо клубнишнаго, и двух садовников, дабы там оныя размножить». В 1704 году царь повелел ему же прислать в С.-Петербург, не пропусая времени, «всяких цветов из Измайлова, а больше тех, кои пахнут». Аптекарский сад близ Сухаревой башни, на Балкане, разведен большею частию из Измайловского.

В садоводство Измайлова входило и хмелеводство; там еще прежде, чем в Гуслицах, разводился лучший хмель на косогорах и близ протоков. Хмельники ежегодно доставляли от 500 до 800 пудов хмелю не только для дворцовой пивоварни, но и на продажу. Цветущие луга, сады и огороды в Измайлове способствовали и размножению пчеловодства. В 1777 го-

ду они доставили 179 пудов меду и столько же воску.

В прежнее время также славилось своими плодовыми садами и огородами и село Покровское, отделенное тогда еще от городских селений вековыми заповедными рощами и пахотными полями.

Как мы выше уже говорили, императрица Екатерина II почти весь 1775 год провела в Москве; в этом году императрица посетила в храмовые праздники большинство славящихся в народе церквей, сходила пешком на богомолье в Троицко-Сергиевскую лавру, посетила подмосковных помещиков – гр. Шереметева в Кускове, гр. Румянцева, затем Нарышкина; описание последнего посещения мы приведем ниже.

Живя в селе Коломенском, Екатерина II делала дальние прогулки пешком и в экипажах, чтоб осматривать местность, и вот в одну из таких прогулок ознакомилась она с прелестным местоположением имения князя Кантемира Черная Грязь и пожелала приобрести его.

Но ранее описания покупки считаем не

лишним здесь сказать несколько слов и о Коломенском, где от дворца, в котором жила Екатерина, остался теперь один фундамент.

Село Коломенское некогда было любимым жильем царя Алексея Михайловича; здесь он имел свою соколиную охоту, в которую даже принимал охотников по совершении известного обряда.

По словам иностранцев, в Коломенском особенно замечателен был дворец, в обоих этажах которого было более 150 комнат; особенно замечательны были в нем дубовые резные ворота и затем высокие терема, в числе шести, а также и внутреннее убранство теремов богатыми шелковыми тканями и красивыми печными изразцами.

В сенях дворца, на потолке, был написан знак зодиака, в окнах виднелись доски с изображением герба России. Перед окнами дворца стоял невысокий каменный столб, у которого в определенный день и час являлись недовольные решениями приказов и, увидя государя у окошка, кланялись ему «до лица земли» и оставляли на столбе свои челобитные. В комнатах царицы окна были золоченые.

Возвращаемся к покупке имения князя Кантемира. Императрица осмотрела окрестности древней столицы и купила себе прелестное место, по общему отзыву – земной рай, имение князя Кантемира Черную Грязь, которое и назвала Царицыно Село, более известное теперь под именем Царицыно.

Вот как описывает сама государыня в письме своем к Гримму этот красивый забытый уголок, купленный и обстроенный ею в две недели: «Представьте берег, покрытый большим лесом, и ея величество, с лакеем переезжающую ручей на пароме. Перед нею низменность, покрытая кустарником, где вы поместите фазаньи клетки, прудок, оканчивающийся плотиной, осененный высокими ивами, и между ними открывается еще более значительный пруд, которого один берег, крутой, занят разбросанными по нем маленькими деревеньками, а другой, с незаметным склоном, представляет вашему взору поля, луга, букеты лесов и отдельные деревья; на лево от плотика тинистый ручеек зарос лесом, который постепенно возвышается амфитеатром. Ну, представьте же себе все это, и вы

будете в Царицыне».

В другом месте государыня говорит, как она подъехала к Царицыну: «Дорога привела меня к громадному пруду, связанному с другим, еще огромнейшим; но этот второй пруд, богатый прелестнейшими видами, не принадлежал этому величеству, а некоему князю Кантемиру, ея соседу. Второй пруд соединяется с третьим прудом, который образовал бесчисленное множество заливов, и вот гулявшие, переходя от пруда к пруду то пешком, то в карете, очутились за семь длинных верст от Коломенского, высматривая имение своего соседа, старика с лишком 70-летнего, который нисколько не интересовался ни водами, ни лесами, ни прелестными видами, восхищавшими путешественников. Он проводил свою жизнь за карточным столом, проклиная свои проигрыши, и вот осторожно и с полнейшей деликатностью весь двор с императрицей во главе начинает интриговать, чтобы выведать намерения его, узнать, выигрывает он или проигрывает; не продает ли свое имение, дорожит ли им, часто ли в нем бывает, не нужно ли ему денег, кто его друзья, чрез кого бы

заинтересовать его. Мы не хотим одолжения, мы не хотим чужого, мы покупаем, но и отказать нам не есть преступление. „Как хотите, м. г.[96], нам улыбается приобретение, но мы можем обойтись без него“. Придворные мои засуетились, один говорит: „Он мне отказал, он не хочет продавать“. – „Ну, тем лучше“. Другой доносит: „Ему не нужно денег, он играет счастливо“. Третий: „Он сказал, я не могу продать, у меня нет ни наследников, ни кого-либо другого; имение мое исходит из казны, ей же я его предоставлю“. Наконец является пятый и передает, что Кантемир сказал: „Я решительно объявляю, что имение мое может быть продано только казне“. – „А, это прекрасно!..“ Вот к нему наряжают нарочного узнать, любит ли он имение. „Нисколько, – отвечает он, – доказательство, что я живу в другом, я это имение наследовал от брата и никогда в него не езжу; оно может годиться только императрице“. – „Сколько же вы за него хотите?“ – „Двадцать тысяч рублей“. – „Мне велено предложить вам двадцать пять тысяч рублей“».

Из имеющегося у нас рукописного описа-

ния села Царицына, конца прошлого века, имение куплено у бригадира Сергея Дмитриевича, князя Кантемира; вместе с ним приобретены казною у князя деревни Хохловка, Пладрово и Ореховка и у гвардии капитана князя Ив. Ал. Трубецкого село Булатниково и позднее годом село Коньково у фрейлины Зиновьевой. Имение Черная Грязь переименовано по указу, данному Сенату августа 14-го дня 1775 года, в Царицыно Село. Имение Черная Грязь подарено отцу владельца, бывшему господарю молдавскому князю Дмитрию Константиновичу, Петром Великим. Князь Кантемир родился в Яссах в 1663 году. В 1684 году за оказанные важные услуги Порте Кантемир был возведен в достоинство молдавского государя, во время войн турок с русскими в 1711 году Кантемир присоединился в подданство России вместе с управляемым им княжеством. Кантемир с своими боярами присягнул в верности Петру I в самый день Петра и Павла.

Когда Петр Великий был окружен у Прута турецкими войсками, в числе предложений, потребованных визирем от царя, было пред-

ложено выдать и Кантемира пленником. Но государь им ответил: «Я лучше уступлю туркам всю землю, простирающуюся до Курска, нежели выдам князя, пожертвовавшего для меня всем своим достоинством. Потерянное оружием возвращается; но нарушение данного слова невозвратимо, отступить от чести тоже, что не быть государем». Визирю было объявлено, что Кантемир бежал из лагеря, между тем он скрылся в царской карете, куда один служитель носил к нему пищу.

Прутский договор лишил князя его владений, но Петр возвратил потери, понесенные им, пожаловав ему в Москве дом и в Севском уезде тысячу дворов с селом Дмитровским, впоследствии городом, затем подмосковную Черную Грязь со всеми угодьями. Вместе с тем государь положил ему ежегодную пенсию в 6000 рублей, пожаловал свой портрет, осыпанный бриллиантами, и вместе с титулом светлейшего князя предоставил ему право судить самому выехавших с ними из Молдавии его бывших подданных, в числе более двух тысяч человек.

Это был единственный пример русского

подданного, пользовавшегося такою властью. В 1715 году Кантемир приговорил было к смертной казни трех молдаванских дворян и нескольких к ссылке за смертоубийство, потом переменял смертную казнь на телесное наказание, что и было утверждено государем.

Кантемир сперва поселился в Харькове, откуда, по приглашению Петра, переехал сперва в Москву и затем в Петербург, где в 1717 году перед второю женитьбою на дочери князя И. Ю. Трубецкого обрил себе бороду, снял молдаванское платье и оделся в европейскую одежду. Петр I произвел тогда князя в тайные советники и сделал сенатором и пожаловал ему шпагу, осыпанную бриллиантами.

Кантемир был самый образованный человек своего времени: помимо восточных языков, он знал все европейские, на которых писал и говорил; он оставил более пятнадцати сочинений по части истории. Кантемир умер в своем орловском имении Дмитровке[97], населенной князем молдаванами и малороссиянами, названном по его имени. В 1782 году село это преобразовано в уездный город Орловской губернии. У князя Дмитрия было два сы-

на – вышеупомянутый владелец Черной Грязи князь Сергей и затем известный сатирик князь Антиох, наш резидент в Лондоне и затем посланник в 1738 году в Париже, где он и оставался до своей смерти в 1744 году.

Молодой красавец, воспитанный в Константинополе в духе безбожия, он объяснялся на всех европейских языках как на своем природном, а музыкальные его произведения по сейчас исполняются в Турции. В крайне молодых годах он занимал уже высокие должности, так, двадцати двух лет он был нашим посланником в Лондоне.

По покупке Царицына в две недели были возведены легкие деревянные постройки, и государыня уже переехала туда в конце июня месяца. Екатерина жила там, как говорит Державин, в маленьком домике, состоящем из шести комнат.

В день Преображенья, 6 августа, здесь устроен был обеденный стол для штаб- и обер-офицеров Преображенского полка. Впрочем, в Царицыне существовали еще постройки при Петре I; это были обширные деревянные палаты, в которых, в тишине и уедине-

нии, жил и воспитывался молодой сын Кантемира – князь Антиох. Екатерина поручила архитектору В. И. Баженову построить в Царицыне в готическо-мавританском вкусе дворец; план этого дворца государыня утвердила лично, убавив в нем окна и ширину лестниц. Вместе с дворцом строились также длинные галереи, оперный дом, мосты, въездные ворота; все это выводилось из камня во вкусе самой затейливой архитектуры.

В Царицыно также пролагалась широкая дорога, обрамленная березками, – аллея тянулась на две версты. По смерти царицы эта дорога была заброшена, мосты развалились, и по ней трудно было пройти даже пешком.

По преданию, не один праздник был дан государыней в новом ее имении. Один такой, по словам Любецкого, состоялся здесь во время сенокоса; пышно прибыла сюда царица из Коломенского: золотая карета императрицы была запряжена восьмериком неаполитанских кровных лошадей; головы их были украшены кокардами, на ремнях кареты сидели пажы, впереди бежали скороходы, по бокам ехали кавалергарды и кирасиры в красных мун-

дирах, на вороных лошадях, сверкая блестящими своими кирасами, позади следовала верхами свита. Народ на протяжении почти всей дороги стоял густыми шпалерами, шумно приветствуя царицу. В Царицыне государыню ожидал роскошный завтрак; на лугах нового имения, в праздничных нарядах, косили траву косцы, звонкие песни стройно лились по окрестностям, стройные хороводы баб в цветных сарафанах плясали там и сям по полянам. Императрица со всею свитою смотрела на сельский праздник, сидя в большой беседке, устроенной для нее из сена и полевых цветов.

Государыня поздно возвратилась с праздника в Москву; на дороге, по которой она ехала, стояли иллюминированные версты, далеко отбрасывая зарево огней своих. Работа дворца, спустя десять лет по покупке имения, была почти приведена к концу. Но, по преданию, Потемкину она не понравилась, и в 1787 году вышло повеление все здание сломать до основания и на этом месте поставить новый дворец, который и посейчас красуется в виде какой-то полуразвалины мрачного вида.

Здание существующего дворца с восемью высокими башнями очень напоминает какую-то гигантскую гробницу, стоящую на катафалке и окруженную недвижно стоящими какими-то гигантами-монахами со свечами в руках.

Впечатление эта неудачная постройка производит унылое, какое-то удручающее. Зато большие зеркальные пруды Царицына полны жизни и оживляют всю окрестность – вода в них чиста и прозрачна, текут они из двух речек и называются: Ореховский, Лазаревский, Верхний, Хохловский, Шапиловский и Царь-Борисовский; на двух последних устроены мельницы – воды прудов богаты аршинными щуками и большими карпами.

Лет двадцать тому назад тут была поймана щука с золотой серьгой, на которой виднелась корона и имя царицы Екатерины II. Говорили, что когда-то, чуть ли не лет тридцать тому назад, здесь был пойман карп с именем царя Бориса на сережке. Наш покойный драматург А. Н. Островский каждое лето здесь сиживал с удочкой.

В 1886 году там был пойман арендатором

царицынских прудов большой осетр с золотой серьгой в губе, пущенный еще при Екатерине II. При поимке этого исторического осетра в невод, из Нижнего пруда, произошла целая история. Вот как этот случай описал в своем московском фельетоне г. Курепин: «Когда приволокли в сетях осетра, арендатор был в восторге; но тут вмешался в дело окружный надзиратель. Имея в виду историческое значение осетра, надзиратель не позволил арендатору взять его, а предложил следующее: устроить для осетра особый садок, приставить для охраны стражу за счет арендатора и хранить осетра, пока он, надзиратель, отпрапортует в удельную контору, а контора снесется с дворцовым ведомством и т. д., пока, словом, не воспоследует окончательное распоряжение высшего начальства. Подумав, арендатор почесал в затылке и отпустил осетра на все четыре стороны, а насчет всего вышеизложенного был составлен длинный протокол, впрочем, не длиннее осетра, который был 2 аршин 11 вершков».

В царицынском саду существует очень красивый каменный мост, соединяющий два

берега, есть островки, купальни; одна из таких стоит на месте Кантемировых палат; есть там уединенная галерея, храм Меланхолии, затем фруктовый сад с оранжереями; последний в начале нынешнего столетия доставлял ежегодно фрукты в столицу на значительную сумму.

В саду имелось также несколько беседок для приезжающих в Царицыно, последние были устроены так, что приезжающий здесь находил все хозяйство.

Некогда здесь существовал и трактир, помещавшийся в одной из дворцовых развалин; по сейчас еще видна и другая такая же двухэтажная беседка с обрушенными печами и комнатами. Лучшая здесь историческая беседка известна под именем «Миловида»; стоит она на крутом холме; сквозная арка ее, составляющая залу, украшена мраморными бюстами.

По преданию, «Миловидой» она названа самой императрицей Екатериной II; из этой беседки видно село Коломенское. Другие беседки носят названия «Езопка», «Хижина» и т. п.: названы они этими именами бывшим

начальником московских дворцов и садов П. С. Валуевым.

Первая из этих беседок была сделана из березовых бревен с корой; дорожки и аллеи Царицына также носят разные названия; так, большая глухая аллея носит прозвище «Несторовой» и т. д.

В старину на прудах царицынских плавали лебеди, черные гуси, австралийские пеликаны и другие редкие птицы. По имеющемуся у нас списку, в 1800 году в Царицыне было 13 павлинов с павами, 18 лебедей, 2 журавля и более 79 разных пород гусей.

В 1801 году из оранжерей было собрано разных фруктов до 27 580 штук, проданы последние были за 2108 рублей 70 копеек. На содержание садов и оранжерей царицынских с 1780 года по 1793 год израсходовано было 16 924 рубля 27 копеек.

Императрица Екатерина II, в бытность свою в Москве, не раз посещала подмосковные усадьбы своих приближенных, братьев Нарышкиных.

В ряду имен, окружавших двор еще царя Алексея Михайловича, одно из первых и по-

четнейших было бесспорно Нарышкиных. По свидетельству иностранцев, Нарышкины происходят от древнего чешского рода Нарисци, имевшего некогда во владении своем город Егер, что, между прочим, подтверждается и гербом этого города, имеющим большое сходство с гербом Нарышкиных.

Историк Миллер, согласно со справкою разрядного архива, отвергает это известие и показывает, что в 1463 году к великому князю Иоанну Васильевичу выехал из Крыма Нарышко и был при нем окольным. Потомки его Нарышкины, находясь в русской службе наместниками, воеводами и в иных знатнейших чинах, жалованы были от государей вотчинами и другими почестями и знаками монарших милостей. Уничтожение местничества и разрядных грамот было причиною, что первым в роде Нарышкиных назван небогатый московский дворянин Полуект, или Полиевкт, отец Кирилла и дед девицы Натальи Нарышкиной, воспитанной в доме известного боярина Артамона Матвеева; отец ее Кирилло Полуектович служил тогда в рейтарских полках под начальством Матвеева.

Лет двести тому назад богатые и знатные люди имели обыкновение у себя в доме собирать небогатых родственников, а также дочерей покровительствуемых людей. Из дома знатного человека можно было скорее составить себе партию, чем живя в небогатом родительском доме.

В списке девиц, из которых в 1669 и 1670 годах царь Алексей Михайлович выбирал себе вторую жену, встречаем немало девиц, живших у своих родственников.

История отвергает анекдот, приводимый голштинским немцем Штелином, будто царь Алексей Михайлович заметил Наталью Нарышкину у Матвеева за ужином, влюбился и посватался за нее, а потом уже сделал, по старинному обычаю, смотр шестидесяти невестам.

Не в сентябре 1670 года, как пишет Штелин, и не в один день, а с 28 ноября 1669 года по 17 апреля 1670 года девятнадцать раз обходил по ночам верховые опочивальни тишайший царь Алексей Михайлович и выбирал из среды спавших красавиц, которая была по красивей и ему, великому государю, пригляд-

ней. Привезли во дворец на царское смотренье и девиц из Вознесенского монастыря... смотрел под конец царь и разных чинов привозных девок московских и городовых (из Новгорода, Костромы, Суздаля, Владимира, Рязани). Последнюю оглядывал царь Беляеву – из монастырок.

В то время производились царские осмотры так: не более как в шести палатах наверху во дворце ложились на постелях по несколько девиц, подле каждой стояли ближние ей родственницы. Девицы, раскидавшись на мягких пуховиках, спали, то есть притворялись спящими. Царь обходил неспешно, любуясь на красавиц. Дохтуры свидетельствовали, нет ли тайной скорби (болезни). Затем, по окончании осмотров, царь объявлял избранницу, ее нарекали царевной и великою княжной и переменяли имя.

А сколько при царских смотринах бывало происков, интриг! Вспомним несчастную судьбу Хлоповой, невесты царя Михаила, и Всеволожской – невесты царя Алексея.

От брака царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной родился Петр Великий.

Веселое житье Натальи Кирилловны продолжалось только пять лет; в январе 1676 года Алексей Михайлович, пользовавшийся, по видимому, хорошим здоровьем, скончался неожиданно. Нового царя Феодора Алексеевича окружили враги Нарышкиных и Матвеева, близкие люди его матери.

Царь Феодор был здоровья очень слабого, его переехали санями, и он страдал цингюю. Матвеев был сослан, Нарышкиным была объявлена опала, а один из Нарышкиных, по свидетельству Желябужского, был наказан публично батогами перед холопьем приказом.

Смуты, последовавшие по смерти слабого Феодора, честолюбивые замыслы царевны Софьи и возбуждаемые ею крамолы стрелецкие подвергли кроткую царицу Наталью, мать Петра, и весь род Нарышкиных жесточайшим преследованиям буйных стрельцов. Иван Кириллыч Нарышкин, родной брат царицы Натальи и дядя Петра, носивший звание боярина и оружничего (чин, соответствующий нынешнему званию генерал-фельдцейхмейстера), невинно погиб мученическою смертью на копьях разъяренных стрельцов, которые

отсекли ему ноги, руки и голову, потом, разрубив туловище на мелкие части, топтали ногами останки неповинного страдальца в глазах старика отца его. Самого боярина Кирилла Полуектовича злодеи заставили принять монашество, сослав его в Кириллов монастырь.

Н. Полевой[98] говорит, что он там и умер, но это неверно; в Высокопетровском монастыре, в Москве, находится его могила. По году его кончины видно, что после мученической смерти сыновей он прожил еще девять лет. Любопытно знать, где он провел эти девять лет и точно ли был пострижен, чего не видно в надписи на могиле.

Жизнь самой царицы также была в опасности. Наталья укрылась в Троицко-Сергиевском монастыре; Петр здесь чуть-чуть не погиб от отравы.

Царицу Наталью Кирилловну за введение при Кремлевском дворе музыки и театральных представлений фарисейски набожная тогда партия Милославских называла еретицей. Но какую же злобу и ненависть вызвала вскоре жена царя Феодора Алексеевича, Агафья

Семеновна, взятая из польского рода Грушецких.

Она была выбрана царем не по-старинному, на смотрах в верховых опочивальнях, а приглянулась просто на улице во время крестного хода. Эта царица, по преданию, уговарила царя снять с себя и с бояр женские охабни, стричь волосы, брить бороду и ходить по-польски с саблей и носить кунтуш.

Царь все это исполнял в угоду царицы и только одного не делал – не брил бороды, и то потому, что у двадцатилетнего монарха борода еще не показывалась.

Царица Наталья прожила только тридцать девять лет. В день кончины ее Петр писал к архангельскому воеводе Апраксину: «Беду свою и последнюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не может, купно же и сердце».

В стенах древнего Высокопетровского монастыря, до бывшего в Москве морового поветрия, погребались все члены фамилии Нарышкиных.

Монастырь этот основан при Дмитрие Донском; первый игумен был Иоанн, извест-

ный установитель общежития монахов в Москве. По смерти Алексея митрополита, Иоанн, в свите известного Миняя, отправился в Царьград и после смерти митрополита безуспешно искал себе сана митрополита, соперничая с переяславским архимандритом Пименом.

В 1505 году монастырь Петровский был перестроен и назван Высокопетровским; так говорит Амвросий в своей «Истории Российской иерархии». В «Степенной книге» сказано: «На месте, где построен монастырь, прежде было одно из селений боярина Кучки, называвшееся Высоцкое, отчего и монастырь назван Высокопетровским». В той же «Степенной книге» говорится, что «великий князь Иван Данилович Калита, проезжая близ этого места, узрел над ним видение: белый, как бы снеговой столб, и в память этого видения Калита основал на этом месте храм во имя Божией Матери».

Петр I, вступив на престол, приказал в 1690 году, в память убиенных стрельцами дядей своих, погребенных здесь, построить каменную колокольню и кельи для монахов.

Нарышкины погребены в холодном храме Боголюбской Богоматери. Здесь по обеим сторонам стоят ряды каменных, соединенных между собою памятников, точно таких, как в Архангельском соборе, с поставленными на них черными дощечками.

На эти дощечки перенесены в сокращении старинные надписи, иссеченные на памятниках внизу в головах. Всех рядов шесть, памятников восемнадцать, по правую сторону три ряда, или девять памятников мужского рода, по левую также три ряда – девять памятников женского рода.

Один из Нарышкиных, генерал-поручик Петр Кириллович, был погребен около храма в 1770 году. До нашествия французов в Москву 1812 года все эти памятники были покрыты красным сукном, но в приход французов сукно было похищено.

Некогда в ризнице монастыря находились парадные покровы – всех таких было девять; покровы были малиновые и зеленые бархатные, обшитые серебряными тонкими круглыми бляхами величиною с большое яблоко.

В тридцатых годах нынешнего столетия на

каждом памятнике стояли образа святых, соименных погребенным в могиле. В 1812 году французы, думая найти сокровища в гробах, разломали памятники и осмотрели могилы. Надписи на некоторых памятниках тоже истреблены французами.

Каменные палаты Нарышкиных в Москве были в Белом городе, на берегу Неглинной, там, где теперь дом Горного правления. Родовой дом Нарышкиных продал племянник Натальи Кирилловны – Александр Львович Нарышкин, жене генерала Н. С. Свечина; последняя в 1818 году продала его уже Горному правлению.

Племянник царицы и двоюродный брат Петра Великого Ал. Львович был очень любим императором; Петр его иначе не называл, как Львовичем. В молодых летах он путешествовал по Европе, где обучался морской науке. Петр его хотел отправить в Испанию для склонения короля к войне с Швецией; в изготовленной грамоте государь называл его графом. С 1723 года он управлял Морскою академиею и школами. При императрице Екатерине I он был президентом камер-кол-

легии и директором артиллерийской конторы и числился еще тогда капитаном от флота.

Его врагом был тогда всесильный Меншиков; он уговорил впоследствии императора Петра II лишить его чинов и сослать в дальние деревни. Опала его продолжалась недолго; с удалением Меншикова он снова приехал ко двору, где по-прежнему стал посещать юного монарха и смело укорял его за праздность и охоту.

Долгоруковы опять уговорили Петра II удалить Нарышкина в его подмосковное село Чашниково. Это еще более раздражило Нарышкина, и он еще смелее стал укорять императора и роптать на правительство.

Когда его сосед, Козлов, уговаривал Нарышкина выехать к государю, забавлявшемуся охотою близ места ссылки Нарышкина, и испросить у него прощение, он отвечал: «Что мне ему, с чего поклониться? Я и почитать его не хочу, я сам таков же, как и он, и думал на царстве сидеть, как он; отец мой государством правил, дай мне выйти из этой нужды, я знаю, что сделать»[99].

Это неуважение к императору, переданное

государю, подвергло его суду по законам (1729). Он был в опасности подпасть розыску или пыткам, но милостивый император велел допросить его не в полном собрании Верховного совета, а только двум членам – Остерману и князю В. Л. Долгорукову.

Нарышкин был отправлен в свое Шацкое имение, в Тамбовскую губернию. Долгоруковы велели объявить ему чрез своих агентов: если он отдаст им две вотчины – Покровское и Кунцово, то будет по-прежнему в Москве.

Он с негодованием отверг это предложение и оставался в опале до самой смерти Петра II. Императрица Анна в числе разных отличий, дарованных ему, сделала его директором императорских строений и садов.

Императрица Елисавета, по восшествии на престол, пожаловала его кавалером ордена Св. Андрея Первозванного и произвела в действительные тайные советники. Он умер в 1745 году, на пятьдесят первом году от рождения.

В своем Покровском он построил церковь и вывез образа из Италии для иконостаса этого храма. В этой церкви хранится в ризнице

полотенце, вышитое золотом и шелками царицей Натальей Кирилловной.

Из замечательных лиц рода Нарышкиных нельзя не упомянуть о Семене Григорьевиче Нарышкине, генерал-адъютанте Петра Великого, – последний был сын боярина Григория Филимоновича, он приходился внучатым братом Наталье Кирилловне.

Служил он вначале комнатным стольником, потом был камергером, капитаном гвардии и, наконец, генерал-адъютантом у Петра Великого. Император удостоивал его особым доверием, посылая за границу с важными поручениями к иностранным державам. Он был замешан в деле царевича Алексея и сослан в дальнюю деревню, откуда был возвращен Екатериною I ко двору. Умер он в 1747 году.

Известен также по дипломатической службе Семен Кириллович Нарышкин, тоже внучатый брат царицы Натальи. Сначала служил он кравчим. Эти придворные чины имели в своем ведении посуду, напитки, столовое белье и в торжественные дни подносили кушанья государю.

Они наблюдали также за столом, охраняли

царское здоровье и занимали место непосредственно после бояр. По смерти императрицы Анны этот Нарышкин уехал за границу, где проживал под именем Тенкина.

Вступив на престол, императрица Елисавета отправила его чрезвычайным посланником в Англию, затем он был назначен состоять гофмаршалом при наследнике престола, при Екатерине II был генерал-аншефом и обер-егермейстером. Жил он и умер в Москве, в своем доме, на Басманной. Семен Кириллович был первым щеголем в свое время.

В день бракосочетания Петра III он выехал в карете, в которой везде были вставлены зеркальные стекла, даже на колесах. Кафтан его был шитый серебром, на спине его было вышито дерево, сучья и листья которого расходились по рукавам.

У Нарышкина был очень хороший домашний театр. 8 декабря 1774 года императрица Екатерина II присутствовала у него на спектакле. Давали оперу «Альцеста», соч. Сумарокова. Всех посетителей на этом спектакле было до двухсот человек. До представления оперы играл хор роговой музыки, изобретателем

которого он считался. После оперы дан был балет – «Диана и Эндимион». Последний был поставлен более чем великолепно; на сцене бегали олени и собаки, являлись боги и богини.

Вид Спасских ворот. Гравюра Ф. Лорие по рисунку Ж. Делабарта. 1797. Фрагмент

Глава XI

Два брата Нарышкиных: Семен и Алексей. – Два царедворца: Александр и Лев Нарышкины. – Дочери Нарышкина. – Граф Северин Потоцкий. – Марья Антоновна Нарышкина. – Анекдоты о Нарышкине. – Мать Нарышкиных. – Графиня Н. К. Соллогуб. – Обер-церемониймейстер И. А. Нарышкин. – Смерть его сына на дуэли. – Толстой, прозванный Американцем, характеристика его. – Анекдоты и рассказы о нем современников. – Рассказы Новосильцевой о Толстом. – Ек. Ив. Нарышкина. – Исторические сведения о роде Нарышкиных. – Рассказы Кокса. – Граф Л. К. Разумовский, его роскошная жизнь в Москве. – Романическая женитьба Разумовского. – Графиня Разумовская. – Ее примерная скорбь по мужу. – Страсть к нарядам. – Празднества в Петровском во время Александра I. – Судьба этого имениа в последующие годы.

Известны в роде Нарышкиных два брата – Семен и Алексей Васильевичи, сыновья генерал-поручика Вас. Васильев. Нарышкина;

оба брата по летам были сверстники императрицы Екатерины II, образование получили по своему времени отличное и принадлежали к той фаланге молодых людей, которые, вслед за Херасковым, выступили на поприще юной тогдашней журналистики, – оба брата писали стихотворения. Младший из них, Алексей, состоял в 1767 году генерал-адъютантом майорского чина по инженерному корпусу при графе Гр. Орлове и в этой должности сопутствовал ему, когда Орлов сопровождал Екатерину в знаменитом ее путешествии по Волге, во время которого переведен был императрицею и ее свитою Мармонтелев «Велисарий», главы 7-я и 8-я которого переведены А. В. Нарышкиным.

В 1787 году он был избран в действительные члены Императорской Российской академии. Из других потомков этой фамилии первыми сановниками и приближенными к императрице Екатерине II идут блистательные придворные вѣка этой царицы – Лев Александрович и остроумный сын его Александр Львович. Судя по запискам графа Сегюра и принца де Линя, неистоцимая и непринуж-

денная веселость Льва Нарышкина вошла тогда в поговорку, и где только требовалось развлечение, где только собиралось веселое общество – он был необходимым лицом; при дворе Петра III и императрицы Екатерины II брали Нарышкина во все дальние прогулки, во все путешествия.

Во время торжественных выездов, имея звание обер-шталмейстера, он всегда сидел в императорской карете. Чтобы забавлять императрицу, он, как говорят иностранцы, брал уроки у французского актера Рено. В шуточном описании путешествий императрицы по каналам и в Москву Нарышкин обвиняется иностранными посланниками в колдовстве, привлекается к допросу, и здесь является самая забавная и живая характеристика этого вельможи.

Отношения к Нарышкину Екатерины были самые дружественные: она часто ездила к нему в гости, он же составлял ее вечернюю партию. По характеристике его, сделанной современниками, видно, что при своем балагурстве он не мог похвалиться обширными познаниями, над чем Екатерина в веселые ми-

ноты любила посмеяться, называя его невеждой по ремеслу. Особенно забавляли императрицу политические суждения Нарышкина.

Раз она пишет к Гримму: «Вы непременно должны знать, что я до страсти люблю заставлять обер-шталмейстера говорить о политике, и нет для меня большего удовольствия, как давать ему устраивать по-своему Европу».

В сочиненной Екатериной шуточной поэме «Леониана» вначале рассказывается детство и воспитание Льва Нарышкина, а затем его путешествие сухим путем и морем с разными комическими приключениями и эпизодами, приведшими его в руки алжирских корсаров, откуда жена выкупает его за большую сумму.

Такие шуточные пародии в форме путешествий, во вкусе известий, распространявшихся об императрице и России иностранными газетчиками, были в большой моде тогда при дворе. Эти шутки и аллегории, видимо, очень нравились императрице, и их в ее переписке с Гриммом встречается несколько по разным поводам.

Так, одна такая пародия, написанная Сегю-

ром, изображает приезд в Москву и происшедший там будто бы заговор и бунт, в котором участвуют не только высшие сословия, но и сам митрополит московский. Окруженная опасностями, государыня спасается из одного дворца в другой и, наконец, в загородные дворцы: Коломенское, Царицыно – и везде искусно и ловко ускользает в минуту опасности.

Обратное путешествие в Петербург, где также готовится восстание, исполнено затруднений всякого рода: общество терпит нужду в припасах, которых никто не дает, причем приведено имя тверского помещика Полторацкого в французском переводе: *Un et demi*[100].

Наконец, путешественников ожидают опасности на водяном пути, кишашем разбойниками, и проч. Министрам и посланникам отведена при этом каждому своя роль, и шутка продолжается еще и на петергофском празднике.

Более пятидесяти лет Нарышкины состоят при государыне; один служит обер-шталмейстером, другой – обер-мундшенком; у послед-

него государыня, в бытность цесаревной, присутствует на свадьбе в Москве и из своего дворца, бывшего в конце Немецкой слободы, в октябре месяце, в мороз и гололедицу, делает чуть ли не семь верст до дома Нарышкина.

Свадьба Нарышкина происходила в Казанской церкви, близ Иверских ворот. Екатерина описывает и весь церемониал этой свадьбы. После ужина, говорит она, в передспальной комнате было сделано несколько туров парадных танцев, и затем нам сказали с мужем, чтобы мы вели молодых в их покои. Для этого надобно было миновать множество коридоров, довольно холодных, взбираться по лестницам, тоже не совсем теплым, потом проходить длинными галереями, которые были выстроены на скорую руку из сырых досок и где со всех сторон капала вода.

Под конец своей жизни, в одном из писем к Гримму, императрица припоминает всех своих живых сверстников, в числе которых упоминает и двух Нарышкиных. Грустные ноты звучат в воспоминаниях царицы. «В четверг, 9 февраля 1794 года, – говорит она, – исполнилось 50 лет с тех пор, как я с матушкой

приехала в Москву; из этих прошедших лет я милостию Божиею царствую тридцать два года. Во-вторых, вчера были при дворе разом три свадьбы. Вы понимаете, что это уже третье или четвертое поколение после тех, кого я тогда застала, и я думаю, что здесь, в Петербурге, едва ли найдется десять человек, которые помнили бы мой приезд. Во-первых, Бецкой – слепой дряхлый старик: он сильно заговаривается и спрашивает у молодых людей, знавали ли они Петра I; потом графиня Матюшкина, 78 лет, вчера танцевавшая на свадьбе; потом обер-шенк Нарышкин, тогда камер-юнкер, и его жена; затем брат его, обер-штабмейстер; но он не сознается в этом, чтобы не казаться слишком старым, и т. д.».

Государыня щедро изливала на него добро и дружбу и при женитьбе его, в 1759 году, на свой счет омеблировала дом, где он должен был поселиться. По вступлении Екатерины на престол он получил звание обер-штабмейстера, в котором и пребывал до самой своей смерти.

По врожденной веселости характера и особенной остроте ума, он присвоил себе право

всегда шутить, не стесняясь в своих речах. Во все царствование Екатерины он пользовался большою благосклонностью императрицы.

Впрочем, в своих записках часто она о нем отзывается не с большим уважением, то называет его «арлекином», то «слабым головой и бесхарактерным», или «человеком незначительным», но зато государыня восхищается его комическим талантом, который доставляет ей большое удовольствие, – в нем она находит некоторый ум: «Он слышал обо всем, – говорит она, – и все как-то особенно ложилось в его голове.

Он мог, – продолжает царица, – произнести, не приготовясь, диссертацию о каком угодно искусстве или науке; при этом он употреблял надлежащие технические термины и говорил безостановочно с четверть часа или долее; кончалось тем, что ни он, ни другие не понимали ни слова из его, по-видимому, складной речи и в заключение раздавался общий хохот».

Подчас Нарышкин забавлял императрицу и тем, что самым отчаянным образом спускал перед нею кубари. Принц де Линь в одном из

писем своих, писанных из южной России во время путешествия в Крым с императрицей, рассказывает: «Намедни обер-шталмейстер Нарышкин, прекраснейший человек и величайший ребенок, спустил среди нас волчок, огромное собственной его головы. Позабавив нас жужжаньем и прыжками, волчок с ужасным свистом разлетелся на три или на четыре куска, проскочил между государыней и мною, ранил двоих, сидевших рядом с нами, и ударился об голову принца Нассауского, который два раза пускал себе кровь».

Екатерина II дразнила Нарышкина смертью сардинского короля накануне своей собственной кончины. Впечатление, которое Л. А. Нарышкин производил на государыню своею забавною личностью, было так сильно, что она написала на него комедию «L'Insouciant» и два юмористических очерка. Замечателен первый из них, содержание которого мы привели выше, называлось оно «Léoniana ou faits et dits de sir Léon, grand-écuyer, recueillis par ses amis». Иностранцы, видевшие Нарышкина при дворе Екатерины, были также поражены его необычайною

оригинальностью: это свойство находит в нем Сегюр рядом с умом посредственным, большою веселостью, редким добродушием и крепким здоровьем. Нарышкин умер в 1799 году, в своем доме на Мойке, за Поцелуевым мостом, теперь Демидовский дом призрения трудящихся.

Род Нарышкиных отличался красотой телесною, добродушием и популярностью; у всех их была какая-то врожденная склонность к изящному, и каждый находил у них уют. Образ жизни вельмож двора императрицы Екатерины II теперь принадлежит к области вымысла, к романам и повестям. В коренном вельможе того времени было соединение всех утонченностей, всех великосветских качеств, весь блеск ума и остроумия, все благородство манер века Людовика XIV и вся вольность нравов эпохи Людовика XV, вся щедрость и пышность старых польских магнатов и все хлебосольство древних русских бояр.

Цель жизни состояла в том, чтобы наслаждаться жизнью и доставлять наслаждение другим и среди наслаждений поддерживать

таланты и дарования. В доме, например, Льва Алекс. Нарышкина принимаемы были не одни лица, имеющие проезд ко двору, но и каждый дворянин мог хоть ежедневно обедать и ужинать в его доме. По характерному выражению Грибоедова, у него «дверь была отперта для званых и незваных».

Литераторов, художников и музыкантов Нарышкин сам отыскивал, чтобы украсить ими свое общество. В девять часов утра можно было узнать от швейцара: обедает ли Нарышкин дома и будет ли вечером, и после того без приглашения являться к нему; но на вечер приезжали только хорошо знакомые в доме. Ежедневно стол накрывался на пятьдесят и более персон. Являлись гости, из числа которых хозяин многих не знал по фамилии, и все принимаемы были с одинаковым радушием.

На вечерах была музыка, танцы, *les petits jeux*[101], но карточной игры вовсе не было. По свидетельству современников, на вечерах Нарышкина в одной комнате раздавались шумные песни цыган, сопровождаемые живою их пляской, в другой – гремела музыка, в

третьей – лучшие танцовщицы восхищали толпившихся вокруг них гостей, в четвертой, в кругу посетителей – играли русские или французские актеры. На балах была расточаема азиатская роскошь; званые обеды удовлетворяли самый изысканный гастрономический вкус; но в обыкновенные дни стол был самый простой. Обед состоял из шести блюд, а ужин из четырех. На обыкновенных обедах кушанье стряпалось большею частью из домашней провизии.

С первым зимним путем огромные обозы с домашней провизией приходили из деревень в столицу. На столе в обыкновенные дни стояли кувшины с кислыми щами, пивом и медом, а вино – обыкновенно францвейн или франконское – разливали лакеи, обходя вокруг стола два раза во время обеда. Редкие и дорогие вина подавали тогда только на парадных обедах или на малых, званых.

Державин воспел дом Нарышкина:

*Нарышкин! Коль и ты привет-
ством
К веселью всем твой дом открыл!*

.....

*Где скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна,
Важна хозяйка, домовита,
Досужа, ласкова, умна,
Где лишь приязнью, хлебосоль-
ством
И взором ищут угождать... и
проч.*

В екатерининское время вся польская знать, и с нею лучшая шляхта, стала наезжать в Россию, где и находила отличный прием при дворе и в высшем обществе. При короле Станиславе Понятовском в Петербург стекались все польские честолюбцы. Из таких известен граф Северин Потоцкий. Он, после отца своего, лишившегося огромного состояния на спекуляциях, остался беден. Граф А. С. Ржевусский рассказывал, что, возвращаясь из Петербурга, он встретил на одной станции Потоцкого, ехавшего в Петербург.

Это было в начале польской революции, в 1793 году. Они были приятели, и Ржевусский спросил его, зачем он едет в Петербург. «В Польше у меня ничего не осталось, – отвечал Потоцкий, – а теперь человек с именем может

все приобрести при русском дворе. Еду за всем! – прибавил он, смеясь». И действительно, Потоцкий впоследствии приобрел все в России.

В частной жизни он был весьма оригинален, никогда не заводился домом, жил на холостую ногу, в гостинице (на Екатерининском канале, в доме Варварина), вечера проводил в гостях. В обществе был приятен и остроумен, дома – капризен и брюзга.

Многие из таких знатных поляков были сенаторами и занимали высшие должности. Браки русских с польками, а поляков с русскими стали особенно покровительствуемы Екатериною. Граф Соллогуб, князь Любомирский и князь Понинский женились на трех дочерях Л. А. Нарышкина[102]. За второй дочерью Нарышкина, Марьей Львовной, вышедшей замуж за князя Любомирского, очень ухаживал Потемкин. Она была превосходная музыкантша; Державин написал ей экспромт во время игры ее на арфе и воспел ее под именем Эвтерпы. Потемкин, почти нигде не показывавшийся в обществе, уступал своей прирожденной лени, ежедневно приезжая в дом

Нарышкина; у него он чувствовал себя совершенно свободным и сам никого не стеснял — серьезное чувство влекло его к юной дочери Нарышкина, и в тогдашнем обществе никто в этом не сомневался, видя, как он настойчиво ухаживал за нею; посреди всех посторонних он всегда был как будто наедине с нею.

Канцлер Безбородко писал в Англию к своему родичу, Виктору Павловичу Кочубею: «Князь (Потемкин) у Льва Александровича Нарышкина всякий вечер провождает. В городе уверены, что он женится на Марии Львовне. Принимают туда теперь людей с разбором, а вашу братью, молодежь, исключают». Дмитрий Львович Нарышкин, впоследствии обер-егермейстер, женился на польской княгине, Марье Антоновне Четвертинской, знаменитой своею красотой и вниманием императора Александра I. По свидетельству современников, ее сердечная доброта отражалась у ней не только во взоре, но и в голосе и в каждом ее приеме; она делала столько добра, сколько могла, и беспрестанно хлопотала за бедных и несчастных. Женившись на ней, Нарышкин выделился из роди-

тельского дома; это обстоятельство дало другу дома его, поэту Державину, написать грациозное стихотворение «Новоселье молодых», где он молодых хозяев воспеваает под именем Дафниса и Дафны.

Затем у Державина встречается и другое стихотворение, «Аспазии», написанное для Марьи Антоновны Нарышкиной. Она имела гибкий стан, правильные черты лица, большие глаза, приятнейшую улыбку, матовую, прозрачную, неполированного мрамора белизну кожи.

Ф. Вигель, видевший Нарышкину, описывает встречу так: «Разиня рот стоял я перед ея ложей и преглупым образом дивился ея красоте, до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною; скажу только одно: в Петербурге, тогда изобиловавшем красавицами, она была гораздо лучше всех».

Род князей Четвертинских происходит от русских государей, от святого Владимира и от правнука его Святополка, князя Черниговского.

Потомство последнего сделалось подвластно Литве, когда этот край отделился от Рос-

сии. Предки Четвертинских, размножаясь, обеднели. При Петре Великом Гедеон, князь Четвертинский, был православным митрополитом в Киеве, и уже потомки его впали в католицизм и затем возвысились в Польше в почестях. Отец княгини Марьи Антоновны был умерщвлен в 1794 году во время варшавского возмущения.

Про брата мужа Марьи Антоновны в обществе тоже много ходило анекдотов и рассказов. Так, на каком-то торжественном празднестве в кадетском корпусе, в присутствии великого князя Константина Павловича и многих высших сановников, Нарышкин подходит к великому князю и говорит:

– J'ai aussi un cadet ici[103].

– Я не знал, – отвечает великий князь, – представьте мне его.

Нарышкин отыскивает брата своего Дмитрия Львовича, подводит его к Константину Павловичу и говорит:

– Voici mon cadet[104].

Великий князь расхохотался, а Дмитрий Львович, по обыкновению своему, пуще шаркался и встряхивал своею напудренной и

тщательно завитою головою.

А. Л. Нарышкин был в ссоре с канцлером Румянцевым. Однажды заметили, что он за ним ухаживает и любезничает с ним. Когда просили у него объяснить тому причину, он отвечал, что причина в басне Лафонтена:

*Maître corbeau sur un arbre perché
Tenait en son bec un fromage...[105]
и т. д.*

Дело в том, что у Румянцева на даче изготовлялись отличные сыры, которые он дарил своим приятелям. Нарышкин был очень лаком и начал восхвалять сыры его, в надежде, что он и его оделит гостинцем.

Император раз, в первый день Пасхи, спросил Нарышкина:

– Avez-vous embrassé aujourd’hui votre cousin Roumianzoff?[106]

– Non, sir, nous nous sommes seulement embarrassés[107], – отвечал он.

Нарышкин не любил Румянцева и часто трунил над ним. Последний до конца своей жизни носил косу в своей прическе.

– Вот уж подлинно скажешь, – говорил На-

рышкин, – нашла коса на камень.

Нарышкин говорил про одного скучного царедворца: «Он так тяжел, что если продавать его на вес, то на покупку его не стало бы и Шереметевского имения».

На берегу Рейна предлагали Нарышкину взойти на гору, чтобы полюбоваться окрестными живописными картинами.

– Покорнейше благодарю, – отвечал он. – С горами обращаюсь всегда, как с дамами: пребываю у их ног.

Сам Нарышкин тоже перед коронацией императора Александра I долго не остригал своей косы.

– Отчего ты не острижешь своей косы? – раз спросил его император.

– Je ne veux pas qu'on dise de moi que je n'ai ni tête, ni queue[108], – отвечал он.

Нарышкин рассказывал про Всеволожского, известного московского хлебосола, что он живет очень открыто – у него два огромных дома в Москве без крыш стоят.

Раз, когда за придворным обедом подавали грибы, император, зная, что Нарышкин их любит, приказал камер-лакею подать ему это

блюдо после всех, восхваляя между тем другим это кушанье. Нарышкину остался только один гриб. Он отказался.

– Отчего ты не жалуешь этого блюда? – спросил его государь.

– Оттого, ваше величество, чтоб не сказали, что я от вас гриб съел, – отвечал Нарышкин.

Когда в 1807 году умер министр финансов граф Васильев, Нарышкин просил для себя это место.

Император сперва выразил свое удивление, потом очень смеялся, когда Нарышкин сказал ему:

– Je suis non seulement versé dans les finances, mais renversé[109].

Один старый вельможа, живший в Москве, жаловался на свою каменную болезнь, от которой боялся умереть.

– Не бойтесь, – успокаивал его Нарышкин, – здесь деревянное строение на каменном фундаменте долго живет.

– Отчего, – спросил его кто-то однажды, – ваша шляпа так скоро изнашивается?

– Оттого, – отвечал Нарышкин, – что я со-

храняю ее под рукой, а вы на болване.

Получив с прочими дворянами бронзовую медаль в воспоминание 1812 года, Нарышкин сказал:

– Никогда не расстанусь с нею, она для меня бесценна; нельзя ни продать ее, ни заложить.

Раз как-то на параде, в Пажеском корпусе, инспектор кадет упал на барабан.

– Вот в первый раз наделал он столько шуму в свете, – заметил Нарышкин.

Нарышкин имел обыкновение часто занимать деньги, которые редко уплачивал в срок; умирая, на смертном одре, он сказал:

– В первый раз я отдаю долг – природе.

А. Л. Нарышкин был женат на дочери Закревского – родной племяннице графа Разумовского, Марине Осиповне. Императрица сама сосватала племянницу Разумовских Закревскую за Нарышкина. Сватовство это началось на бале у Екатерины II, тогда еще великой княгини. Марина Осиповна, молоденькая и ловкая, мастерски танцевала менуэт с Нарышкиным. Великая княгиня, сидевшая между сестрою Нарышкина Сенявиною и

невесткою его Анной Никитичной (урожденной Румянцевой), любовалась парой и решила вместе с собеседницами своими, что молодых людей следует непременно женить; ее еще более к этому подстрекало то, что Нарышкина сватали в городе на племяннице Шуваловых, Хитровой. Государыня накануне свадьбы Марины Осиповны сама была на девичнике, который справлялся в Аничковском доме (нынешний дворец). Свадьба праздновалась с обыкновенною торжественностью, с маршалами, шаферами и ближними девицами. Марина Осиповна впоследствии была очень влиятельная особа в высшем петербургском обществе. Про нее пишет жена Державина, что она Гог и Магог.

По смерти своего мужа она была в ссоре с детьми за то, что они нарушили завещание дяди их Алекс. Алекс. Нарышкина. Завещанием этим он отдавал одну половину жене своей Анне Никитичне (урожд. Румянцевой, двоюродной сестре Задунайского), другую брату своему Льву Александровичу, а после него уже детям. Нарышкина была превосходная хозяйка – она управляла всею домашнею эко-

номией своего мужа.

Ей принадлежало в Могилевской губернии огромное имение Горы и Горки, теперь уездный город Горки, отданное ею старшей дочери графине Нат. Льв. Соллогуб; в этом имении в пятидесятых годах существовало Горыгорецкое училище. Здесь некогда гостил поэт Державин и воспел его в своих стихах. Державин в то время ездил в Белоруссию по повелению императора Павла для изыскания мер к отвращению голода и для исследования причин бедственного положения тамошних крестьян. Так, находясь по этому поводу на следствии в соседней деревне Березятни, принадлежавшей графу Поте, и возвращаясь оттуда однажды ночью в дом графини Соллогуб, он был встречен ее дочкой (она впоследствии вышла за князя Голицына), которая, из шутки перерядясь в жидовское платье, поднесла поэту несколько стреляных бекасов (см. стихотв. «Горы», Державин, т. II, изд. Я. Грота).

В начале нынешнего столетия в Москве на Пречистенке жил обер-церемониймейстер Иван Александрович Нарышкин, небольшой пятидесятилетний худенький и миловидный

человечек, очень учтивый в обращении и большой шаркун, как называет его в своих записках Благово; волосы у него были очень редки, он стриг их коротко и каким-то особенным манером, что очень к нему шло; он был большой охотник до перстней и носил пре-крупные бриллианты.

У него было несколько сыновей и две дочери. Старший из сыновей Нарышкина, Александр Иванович, был видный и красивый молодой офицер, живого и вспыльчивого характера, у последнего была дуэль с известным Толстым, прозванным Американцем; на этой дуэли Толстой убил Нарышкина.

Убив Нарышкина, Толстой бежал из Москвы и долго путешествовал, был в Сибири, Камчатке. Про него сказал Грибоедов:

*Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся
алеутом
И крепко на руку не чист.*

Ф. И. Толстой был очень видный, красивый мужчина и большой кутила. По возвращении из ссылки или бегства, так года за два или три до двенадцатого года, когда немного

позабыли про его дуэль и другие грешки его молодости, он некоторое время в Москве был в большой моде, и дамы за ним бегали.

Про него сказал кто-то в Москве: «Кажется, он довольно смугл и черноволос, а в сравнении с душою его он покажется блондинкою».

Толстой был лихой собеседник и гуляка; о нем рассказывает князь Вяземский, что однажды в английском клубе сидел пред ним барин с красно-сизым и цветущим носом, и Толстой смотрел на него с сочувствием и почетом; но, видя, что во все продолжение обеда барин пьет одну чистую воду, Толстой вознегодовал и говорит:

– Да это самозванец! Как смеет он носить на лице своем признаки, им не заслуженные?

Раз Толстой написал своему приятелю в письме из Тамбова: «За неимением хороших сливок пью чай с дурным ромом». Толстой был мастер играть словами. Один из его родственников, ума ограниченного и скучный, добивался, чтобы он познакомил его с поэтом-партизаном Денисом Давыдовым; Толстой под разными предлогами все откладывал представление, наконец однажды, чтобы

разом отделаться от скуки, предлагает он ему подвести его к Давыдову.

– Нет, – отвечает тот, – сегодня неловко, я лишнее выпил, у меня немножко в голове.

– Тем лучше, – говорит Толстой. – Тут-то и представляться к Давыдову.

Затем он берет его за руку и подводит к Давыдову, говоря:

– Представляю тебе моего племянника, у которого немного в голове.

Однажды Толстой заходит к старой своей тетке.

– Как ты кстати пришел, – говорит она. – Подпишись свидетелем на этой бумаге.

– Охотно, тетушка, – отвечает он и пишет: «При сей верной оказии свидетельствую тетушке мое нижайшее почтение».

Гербовый лист стоил несколько сот рублей.

Какой-то князь был должен Толстому по векселю довольно значительную сумму; срок платежа давно прошел, а князь все не платил, несмотря на несколько писем Толстого; наконец последний, выбившись из терпения, написал ему: «Если вы к такому-то числу не вы-

платите долг свой весь сполна, то не пойду я искать правосудия в судебных местах, а отнесусь прямо к лицу вашего сиятельства».

Толстой был резкий тип прошлой эпохи; он был далеко не безупречен, но зато обладал неустрашимостью и силой характера; ему было море по колено; он не пресмыкался ни перед личностью, ни перед общественным мнением и признавался иногда в своих проступках с откровенностью, не лишённую цинизма. Впрочем, все эти недостатки не помешали ему в двенадцатом году оставить калужскую деревню, в которую он сослан был на житье, и явиться простым солдатом на Бородинское поле, геройски сражаться с неприятелем и заслужить крест Св. Георгия 4-й степени.

Говорили тогда, что в азартные игры играл он не безупречно. Толстой и сам в этом сознался, отказав раз своему приятелю, князю С. Гр. Волконскому, метать ему банк:

– Нет, мой милый, я вас слишком для этого люблю. Если бы вы сели играть, я увлекся бы привычкой исправлять ошибки фортуны.

Новосильцев[110] приводит рассказ, как Толстой сошелся с Нащокиным, с которым он

не расставался по смерти и даже умер у него на руках. Вот как описывает он первую встречу друзей. Шла адская игра в клубе; наконец все разъехались, за исключением Толстого и Нащокина, которые остались за ломберным столом. Когда дело дошло до расчета, Толстой объявил, что противник должен ему заплатить двадцать тысяч.

– Нет, я их не заплачу, – сказал Нащокин, – вы их записали, но я их не проиграл.

– Может быть, это и так, но я привык руководиться тем, что записываю, и докажу это вам, – отвечал граф.

Он встал, запер дверь, положил на стол пи-столет и прибавил:

– Он заряжен. Заплатите или нет?

– Нет.

– Я вам даю десять минут на размышление.

Нащокин вынул из кармана часы, потом бумажник и отвечал:

– Часы могут стоить пятьсот рублей, а в бумажнике двадцатипятирублевая бумажка: вот все, что вам достанется, если вы меня убьете, а в полицию вам придется заплатить

не одну тысячу, чтоб скрыть преступление. Какой же вам расчет меня убивать?

– Молодец, – крикнул Толстой и протянул ему руку, – наконец-то я нашел человека!

В продолжение многих лет друзья жили безотлучно, кутили вместе, попадали вместе в тюрьму и устраивали охоты, о которых их близкие и дальние соседи хранили долгое воспоминание.

Друзья в сопровождении сотни охотников и огромной стаи собак являлись к незнакомым помещикам, разбивали палатки в саду или среди двора и начинали шумный, хмельной пир. Хозяева дома и их прислуга молили Бога о помощи и не смели поглядеть на глаза непрощенных гостей.

Князь Вяземский говорит, что на одном из таких пьяных обедов, на котором был Толстой, подают к концу обеда какую-то закуску или прикуску. Толстой отказывается. Хозяин настаивает, чтобы он попробовал предлагаемое, и говорит:

– Возьми, Толстой, ты увидишь, как это хорошо; тотчас отобьет весь хмель.

– Ах, боже мой! – воскликнут тот, перекре-

стясь. – Да за что же я два часа трудился? Нет, слуга покорный, хочу оставаться при своем.

Толстой одно время, неизвестно по каким причинам, наложил на себя эпитимию и месяцев шесть не брал в рот ничего хмельного. В это время совершались в Москве проводы приятеля, который отъезжал надолго. Проводы эти продолжались недели две. Что ни день, то прощальный обед или прощальный ужин. Все эти прощания оставались, разумеется, не сухими. Толстой на них присутствовал, но не нарушал обета, несмотря на все приманки и увещания приятелей, несмотря, вероятно, и на собственное желание. Наконец, назначены окончательные проводы, за городом, в селе Всесвятском. Дружно выпит прощальный кубок, отъезжающий сел в кибитку и пустился в дальний путь. Гости отправились в город. Толстой сел в сани вместе с Денисом Давыдовым, который, надо заметить, не давал обета трезвости. Ночь морозная и светлая, глубокое молчание. Толстой вдруг кричит кучеру: «Стой!» Сани остановились. Он обращается к попутчику и говорит:

– Голубчик, Денис, дохни на меня!

Относительно бегства из ссылки Толстого находим много разноречивых рассказов. Г-жа Новосильцева[111] говорит, что он во время кругосветного морского путешествия поссорился с командиром экипажа Крузенштерном и вздумал возмущать против него команду. Крузенштерн вынужден был высадить его на каком-то необитаемом острове, оставив, на всякий случай, ему немного провианта. Когда корабль удалился, Толстой снял шляпу и поклонился командиру, стоявшему на корабле. Остров этот оказался, однако, населенным дикарями, среди которых Толстой прожил довольно долго. Несколько лет спустя, на его счастье, какой-то корабль заметил его местожительство и отвез его в Европу.

В самый день своего возвращения в Петербург Толстой узнал, что Крузенштерн дает бал, и ему пришло в голову сыграть довольно оригинальный фарс. Он переоделся, поехал к врагу и стал в дверях залы. Увидя его, Крузенштерн не верил глазам.

– Толстой, вы ли это? – спросил он наконец, подходя к нему.

– Как видите! – отвечал незванный гость. –

Мне было так весело на острове, куда вы меня высадили, что я совершенно помирился с вами и приехал даже вас поблагодарить!

Вследствие этого эпизода своей жизни он был назван Американцем.

По другим сведениям этот рассказ вполне опровергается[112]. В первых годах царствования императора Александра I было снаряжено морское кругосветное плавание под начальством Крузенштерна. Толстой, служивший тогда в Преображенском полку, испросил позволение участвовать в этой экспедиции. У Толстого, по рассказам той же г-жи Новосильцевой, было несметное число дуэлей.

Он был разжалован одиннадцать раз. Чужой жизнью он дорожил так же мало, как и своей. За одну дуэль или какую-то проказу, как рассказывает Вяземский, он был посажен в Выборгскую крепость. Спустя несколько времени показалось ему, что срок его ареста миновал, и он начал бомбардировать рапортами и письмами коменданта. Это, наконец, надоело последнему, и он прислал ему выговор и строгое предписание не докучать начальству пустыми ходатайствами. Малогра-

мотный писарь, переписывавший эту бумагу, где-то совершенно неуместо поставил вопросительный знак.

Толстой обеими руками ухватился за этот неожиданный знак препинания и снова принялся за перо. «Перечитывая, – писал он коменданту, – несколько раз с должным вниманием и с покорностью предписание вашего превосходительства, отыскал я в нем вопросительный знак, на который вменяю себе в непременною обязанность отвечать». И тут же стал он снова излагать свои доводы, жалобы и требования.

Толстой имел свои погрешности, о которых можно сожалеть, но нельзя не сказать, что он был человек ума необыкновенного. Толстой умер в подмосковном своем имении в начале сороковых годов.

Возвращаясь опять к роду Нарышкиных, нельзя пройти молчанием Екатерину Ивановну Нарышкину, дочь Ивана Львовича Нарышкина. Отец ее рано овдовел и умер тридцати четырех лет, оставив ее на попечение старшего брата Александра Львовича.

По матери своей она происходила от Фомы

Ивановича Нарышкина, дяди Кирилла Полуектовича. Семейство Нарышкиных разделилось уже в XVI веке, и при Петре Великом родство между отдельными ветвями было так отдаленно, что, несмотря на строгость в то время церковных правил, потомки разных поколений свободно могли вступать между собою в брак. Брак царя Алексея Михайловича возвысил весь захудалый род Нарышкиных, и самые отдаленные родственники попали ко двору, как родственники царицы.

Екатерина Ивановна воспитывалась в доме дяди своего Александра Львовича, известного своею надменностью и женатого на графине Е. А. Апраксиной. Сестры его при дворе Петра Великого играли весьма важную роль и считались чем-то вроде принцесс крови. Обручение Нарышкиной с графом К. Гр. Разумовским было очень парадно, в большой придворной церкви. Самая свадьба происходила спустя три месяца, 27 октября. В этот день, как отмечено в камер-фурьерском журнале, знатнейшие обоего пола особы съехались ко двору его императорского величества в галерею.

Потом обыкновенною церемониею «из покоев его императорского величества чрез галерею невеста ведена с литавры и трубы маршалом князем Трубецким с шаферами и другими кавалерами. Невесту вел его императорское высочество, за нею следовали ея высочество государыня великая княгиня и другие чиновные дамы в церковь и, по обвенчании, такую же церемонию пошли в галерею и в парадные камеры, пока на приготовленные столы кушанья становили. И как поставили кушанья в покоях на стороне его императорского высочества, подле малой комнатной церкви, в трех покоях: в первой половине два стола с балдахинами, на восемьдесят персон; во втором покое два стола на столько же персон; в третьем покое на двадцать персон, – за столом, обыкновенно под балдахином, посажена невеста подле ея матери, по правую сторону великая княгиня, по левую – вдовствующая ландграфиня Гессен-Гомбургская; в конце стола, из высочайшей милости, изволила присутствовать сама императрица, подле нея, по правую и левую сторону, сидели господа послы.

За другим столом, под балдахинном, жених; подле его отцы и братья и прочие знатные чужестранные министры. Во время столов, по свадебной церемонии обыкновенно, маршал с трубами и литаврами проводил ближних девиц и форшнейдера. В продолжение стола играла итальянская музыка. По окончании стола возвратились в галерею, и начались танцы, и, несколько потанцевав, с музыкою провожены до карет, и жених и невеста отвезены в дом их. На другой день после свадьбы Екатерина Ивановна была объявлена статс-дамой и пожалована пребогатым портретом». Ек. Ив. Нарышкина приходилась императрице Елисавете внучатой сестрой. 30 октября вся императорская фамилия пиновала у нее в доме.

Великолепный дом Нарышкиной, где впоследствии жил ее муж, Разумовский, был построен на старинном Романовом дворе; после смерти Ек. Ив. он в 1782 году был перестроен по плану графа З. Г. Чернышева[113]. Дом этот поныне не изменил своего внешнего вида. Все пространство по обеим сторонам Воздвиженки, при соединении ее с Москвою, на бе-

регу Неглинной, принадлежало с XVII и начала XVIII века Нарышкиным. Воздвиженка называлась в то время Арбатскою улицею.

Родовые вотчины Нарышкина были Петровское (Разумовское), подмосковное Троицкое, Лыково и Поливаново. Петровское, по рассказам Кокса[114], путешествовавшего в 1778 году вместе с лордом Гербертом, походило скорее на город, чем на дачу. Оно состояло из 40 или 50 домов разной величины. У мужа Нарышкиной, графа Разумовского, находились здесь телохранители, множество слуг и оркестр музыки.

Огромные Петровские пруды были выкопаны работниками-малороссами. Граф жил окруженный блестящим военным штатом: генерал- и флигель-адъютантами, ординарцами, почетными караулами, целою толпою егерей, гайдуков, гусаров, скороходов, карликов и всяких других телохранителей. Огромный старинный сад Петровского шел уступами к большому озеру, живописно лежащему в отлогих зеленых берегах; длинные тенистые аллеи из столетних деревьев еще посейчас живо напоминают бывшее великолепие бар-

ского времени.

Недалеко от Петровского-Разумовского есть группа исполинских дубов, посаженных, по преданию, рукою Петра Великого. Существует также предание, что в Петровском стоял некогда охотничий домик Алексея Михайловича. В память рождения Петра царем построена там церковь во имя Свв. Петра и Павла; в церкви хранится апостол, пожертвованный императором Петром I с собственноручною его подписью. Петр Великий очень любил это село и там выстроил для себя летний дворец и близ него несколько домиков; при нем эта местность называлась сельцо Астрадово. Впоследствии муж Нарышкиной, граф К. Г. Разумовский, отдал его пятому своему сыну, Льву Кирилловичу. Страсть к постройкам и садоводству была в семействе Разумовских наследственна, и этот новый владелец еще больше украсил свое подмосковное имение. Екатерина II, отправляясь на коронацию в Москву, остановилась в этом подмосковном. Здесь провела она несколько дней, посещая изредка город под строгим инкогнито. Здесь увидел ее Державин, находившийся тогда

простым солдатом на карауле при петровском доме. Симпатичная личность Разумовского очень подробно очерчена князем Вяземским и А. А. Васильчиковым[115]. Она настолько интересна, что нельзя не привести несколько кратких выдержек о ней.

Родился Разумовский в 1757 году; в 1774 году он был зачислен в блестящее посольство князя Н. В. Репнина и вместе с ним отправился в Константинополь. По возвращении с Востока он поступил в Семеновский полк. В это время в полку он сделался одним из первых петербургских щеголей и ловеласов, но среди светских успехов своих он сумел сохранить свежесть и чистоту сердца.

И. И. Дмитриев рассказывает, что во время дежурств на петербургских гауптвахтах к нему то и дело приносили записочки на тонкой надушенной бумаге, видимо писанные женской рукой. Он спешил отвечать на них на заготовленной заранее, также красивой и щегольской бумаге. В Семеновском полку он дослужился до полковничьего чина и только в 1782 году поступил генерал-адъютантом к князю Потемкину. Отец сам спешил удалить

сына из столицы. «Лев – первой руки мот, – писал он к другому своему сыну, Андрею[116], – и часто мне своими беспутными и неумеренными издержками немалую скуку наводил».

За Дунаем он забыл свое столичное сибаритство и храбро дрался против турок и не прочь был покутить с товарищами, которые его все без памяти любили. Сперва он командовал егерским полком, под начальством Суворова, а потом был дежурным генералом при князе Н. В. Репнине. В 1791 году он был под Мачином. За военные подвиги Разумовский был награжден орденом Св. Владимира 2-го класса. В 1796 году он подал по болезни в отставку и отправился за границу. Пропутешествовав несколько лет, он окончательно поселился в Москве. Отец отделил ему вместе с громадным малороссийским имением Карловкою можайские вотчины и Петровское-Разумовское. В 1800 году Лев Кириллович, по делам и для свидания с родными, отправился в Петербург. Едва успел он туда приехать, как получил высочайшее приказание немедля возвратиться в Москву[117]. Граф Лев Кирил-

лович, по словам князя Вяземского, «был замечательная и особенно сочувственная личность». Он не оставил по себе следов ни на одном государственном поприще, но много в памяти знавших его. Он долго жил в Москве, на Тверской, в доме, купленном им у Мятловых (теперь принадлежит г. Шаблыкину – в нем помещается английский клуб), и забавлял Москву своими праздниками, спектаклями, концертами и балами. Он был человек высокообразованный: любил книги, науки, художества, музыку, картины, ваяние. Едва ли не у него первого в Москве был зимний сад в доме. Это смешение природы с искусством придавало еще новую прелесть и разнообразие праздникам его.

Лев Кириллович был истинный тип благородного барина; наружность его была настоящего аристократа: он смотрел, мыслил, чувствовал и действовал как барин; росту он был высокого, лицо имел приятное, поступью очень строен, в обращении отличался необыкновенною вежливостью, простодушием и рыцарскою честью. Он был самый любезный говорун и часто отпускал живое, мет-

кое, забавное слово. Он несколько картавил, даже вечный насморк придавал речи его особенно привлекательный диапазон. Всей Москве известен был обтянутый светлой белизны покрывалом передок саней его, заложенных парюю красивых коней, с высоким гайдуком на запятках. Всякому москвичу знакома была большая меховая муфта[118] графа, которую он ловко и даже грациозно бросал в передней, входя в комнаты. Разумовского в обществе тогда называли Le Comte Léon. Разумовский был близок с Карамзиным и в тесной связи с масонами. Он был масоном и глубоко верующим и ревностным христианином.

Как уже было сказано выше, Разумовский был поклонником прекрасного пола.

В то время в Москве жил князь Ал. Ник. Голицын, внук знаменитого полтавского героя. Этот князь отличался крайним самодурством, за которое в Москве его прозвали именем оперетки, бывшей в то время в большой моде, Cosa-gara (редкая вещь).

Про Голицына рассказывали, что он отпускал ежедневно кучерам своим по полудюжи-

не шампанского, что он крупными ассигнациями зажигал трубки гостей, что он горстями бросал на улицу извозчикам золото, чтобы они толпились у его подъезда, и проч., и проч. Разумеется, что все его громадное состояние – у него считалось 24 000 душ – пошло прахом.

Голицын был женат на красавице, княжне М. Г. Вяземской, почти ребенком выданной за самодура. Сумасшедшая расточительность мужа приводила княгиню в отчаяние. Он не читая подписывал заемные письма, в которых сумма прописана была не буквами, а цифрами, так что заимодавцы, по большей части иностранные, на досуге легко приписывали к означенной сумме по нулю, а иногда по два, по три. Все прочие действия и расходы его были в таком же поэтическом и эпическом размере.

Последние годы жизни своей провел он в Москве, получая приличное денежное содержание от племянников своих, светлейших князей Меншиковых и князей Гагариных. Вяземский про него говорит, что он был по-своему практический мудрец, никогда не сожа-

лел он о прежней своей пышности, о прежнем своем высоком положении в обществе, а наслаждался по возможности жизнью, был всегда весел духом, а часто и навеселе.

Уже принадлежавши екатерининскому времени, он еще брался с молодежью и разделял часто их невинные и винные проказы; в старости он сохранял величавую, совершенно вельможную наружность. Ума он был далеко не блистательного, но так хорошо, плавно изъяснялся, особенно по-французски, что за изящным складом речи не скоро можно было убедиться в довольно ограниченном состоянии умственных способностей его.

Граф Разумовский был в свойстве с князем Голицыным и часто встречался с его женой в обществе. Нежное его сердце не устояло при виде ее миловидности и того несчастного положения, в котором она находилась вследствие самодурства мужа. Об этом романе вскоре заговорила вся Москва. «Брат Лев, – писал старик Разумовский к сыну Андрею в 1799 году, – роль Линдора играет». С обоюдного и дружелюбного согласия состоялся развод. Граф женился на княгине. Брак этот в свое

время наделал много шума.

Богатые и знатные родственники Голицына сильно восставали против этого брака; сам же князь продолжал вести дружбу с графом Разумовским, часто обедал у бывшей своей жены и нередко с нею даже показывался в театре. Брак хотя официально не был признан, но сильные мира, как, например, главнокомандующий граф Гудович, племянник его гр. В. П. Кочубей, явно стали на сторону молодой графини, и московское общество стало принимать молодую, щеголеватую и любезную графиню и толпиться у нее на роскошных пирах – зимою на Тверской, а летом в Петровском. Только изредка, тайком, делались намеки на не совсем правильный брак, но и этим намекам скоро был положен конец.

В бытность императора Александра I в 1809 году в Москве на бале у Гудовича государь подошел к графине и, громко назвав ее графинею, пригласил на полонез. Брак Разумовского был самый счастливый: шестнадцать лет протекли у них в самой нежной любви и согласии.

Графиня М. Г. Разумовская пережила мужа

сорока семью годами. Симпатичная ее личность памятна еще многим людям нашего высшего общества. Графиня после кончины мужа предавалась искренней и глубокой грусти.

Для здоровья ее, сильно пострадавшего от безутешной печали, ее уговорили отправиться за границу, и здесь она переменяла траурную одежду на светлую.

За границей много говорили о ее блестящих салонах в Париже и на водах. По возвращении в Россию она опять заняла первое место в высшем обществе. Графиня сперва поселилась на Большой Морской в своем доме (теперь Сазикова), затем переехала на Литейную, в дом Пашкова (дом Департамента уделов).

Когда дом был куплен в казну, император Николай Павлович подарил графине всю мебель, находившуюся в ее комнатах. Последние годы графиня жила на Сергиевской, в доме графа Сумарокова (теперь Боткина). Царская фамилия особенно была милостива к графине и удостоивала ее праздники своим присутствием. Но при всей своей любви к об-

цеству графиня таила у себя священный уголок, хранилище преданий и памяти минувшего.

Рядом с ее салонами и большою залю было заветное, домашнее, сердечное для нее убежище. Там была молельня с семейными образами, мраморным бюстом Спасителя работы знаменитого итальянского художника, с неугасающими лампадами и портретом покойного графа.

У графини была одна страсть – к нарядам. Когда в 1835 году, проезжая через Вену, она просила приятеля своего, служившего по таможне, облегчить ей затруднения, ожидавшие ее в провозе туалетных пожитков, он спросил:

– Да что же вы намерены провезти с собою?

– Безделицу, – отвечала она, – триста платьев.

К характеристике ее добавляет А. А. Васильчиков, что графиня очень любила Париж и простодушно признавалась, что любит его за то, что женщины немолодые носят там туалеты нежных, светлых оттенков.

– Ах, улица эта губит меня, – шутя говорила она на другой день после приезда своего, гуляя по Rue de la Paix.

Перед коронацией покойного государя графиня поехала в Париж, чтобы заказать приличные туалеты для готовящихся торжеств в Москве. Графиня, нигде не останавливаясь (тогда еще не везде были железные дороги), одним духом доехала до Парижа; ей было уже восемьдесят четыре года. Приехала она довольно поздно вечером, а на другой день утром, как ни в чем не бывало, гуляла по любимой своей Rue de la Paix.

В то время в Париже находилась старая венская приятельница и ровесница графини княгиня Грасалькович, рожденная княжна Эстергази, славившаяся тоже необыкновенною своею бодростью, несмотря на преклонные лета. Узнав, что графиня одним духом доскакала до Парижа для заказа нарядов, княгиня с завистью воскликнула: «После этого мне остается только съездить на два дня в Нью-Йорк».

Графиня Разумовская скончалась в 1865 году, девяноста трех лет от роду. Она тихо усну-

ла на руках своих преданных приближенных. Все домашние любили графиню безгранично. Она делала много добра и милостей без малейшего притязания на огласку. Тело ее перевезено было в Москву, в Донской монастырь, и положено рядом с мужем. Мало знакомых сошло помолиться вокруг ее поздней могилы.

Великолепное Петровское графини сильно пострадало во время двенадцатого года. Впрочем, по уходе неприятеля, за исключением повырубленных там деревьев, все было возобновлено в прежнем виде. Во время пребывания императора Александра I, в 1818 году, ему не удалось побывать в Петровском. Графиню там посетили только король и принц прусские вместе с принцем мекленбургским.

Этим посещением заключились навсегда веселые пиры в живописном и гостеприимном Петровском. Граф Лев Кириллович умер 21 ноября 1818 года, а вскоре после смерти его Петровское купил бывший в то время московский градоначальник князь Долгоруков.

После него, в 1829 году, это барское имение приобрел аптекарь Шульц; новый владелец с

этим имением много не церемонился, частями повырубил там вековой парк на дрова и продал несколько домов на своз. От Шульца имение было куплено в казну, и здесь была устроена земледельческая академия.

Церковь великомученицы Ирины при доме Нарышкиных на Воздвиженке. Фотогравюра по рисунку Н. Мартынова. 1886

Вид на Москву с балкона Кремлевского дворца в сторону Москворецкого моста. Гравюра Ф. Лорие (?) по рисунку Ж. Делабарта. 1797. Фрагмент

Глава XII

Тетка царицы Натальи Кирилловны. – Федор Полуектович Нарышкин. – Авдотья Петровна Нарышкина. – Монахиня Деввора. – Народные предания о родине царицы Натальи с. Киркино. – Ирина Григорьевна и Наталья Александровна Нарышкины. – Борода Архипыча. – Последние родичи царственной ветви Нарышкиных. – С. Кунцово. – Ал. Вас. Нарышкин. – Подгородный дом Нарышкиных. – Церковь Большого Вознесения. – Могилы Скавронских. – Первый полковой Преображенский двор и дворы птенцов Петра. – Старейший представитель рода Нарышкиных.

Интересна судьба также еще одной Нарышкиной, тетки царицы Натальи Кирилловны, бывшей при ней ближней боярыней. Она была родом шотландка, родилась в Москве, в Немецкой слободе, называемой просто Кокуем. В этой слободе иноземцы жили совершенно особою от прочих москвичей жизнью, у них были свои нравы, свои обычаи и вера. Вступать в браки русским с «девками Немецкой слободы» в то время считалось делом

неслыханным, и вот в такой неравный брак (*mésalliance*) вступил дядя царицы, Федор Полуектович Нарышкин; нареченная его невеста была Авдотья Петровна Гамильтон[119].

В почтенном труде А. А. Васильчикова «Род Нарышкиных» она названа Анной. П. И. Мельников предполагает, что, вероятно, имя Авдотьи она получила уже впоследствии, при переходе в православную веру, в честь знатной своей тетки. Об этой Нарышкиной сохранилось несколько любопытных письменных известий и еще более любопытных народных преданий. По смерти своего мужа, рейтарского ротмистра Федора Полуектовича Нарышкина, вместе с матерью своей иноземкой и с тремя сыновьями: Василием, Андреем и пятилетним Семеном, «за многия вины», как сказано в царской грамоте арзамасскому воеводе, была отправлена в ссылку в сельцо Лобачево Алатырского уезда.

По преданию, обвинялась она в пособничестве тем поступкам своей племянницы, в которых обвиняли мачеху царевна Софья, ее сестры и тетки. Незадолго до смерти своей царь Феодор Алексеевич освободил старших

сыновей Авдотьи Петровны, а младший, Семен, остался при ней. Для надзора за Нарышкиной назначен был особый пристав, Данило Чернцов.

По указу великого государя «велено ему быть у Федоровской жены Нарышкина, у вдовы Овдотьи, и у матери ее, и у детей, в приставах и держать во всякой осторожности, чтобы к ней, Овдотье, тайно никто не приходил и писем никаких не приносил, также бы и они ни с кем тайно ничего не говорили и от себя писем и людей своих никуда не посылали. А на карауле велено с ним, Данилой, быть алатырским стрельцам десяти человекам и стоять, переменяясь, помесечно». Но сосланные не очень-то слушались Чернцова, так что он был вынужден жаловаться на их поступки. «Вдова Овдотья, – писал он в Москву, – и мать ее, и дети, и люди ее чинятся во всем не послушны, и его, Данила, она, Овдотья, била и бороду выдрала и жену его бранят, и бесчестят, и беспрестанно бьют же».

У приставов при опальных людях всегда были несогласия с находившимися под их надзором. Эти несогласия обыкновенно про-

исходили из-за корыстных целей. Бедным приставам хотелось поживиться на счет богатых ссыльных людей, и вот отсюда и вытекали разные дразги и несогласия.

Нравы того времени были таковы, что выдранный борода пристав не представляла бы ничего особенного, но дело кончилось тем, что Нарышкина со всем семейством и людьми из места своего заточения неизвестно куда скрылась. Данилу Чернцова за несмотрение выдрали батогами и сослали в дальние сибирские места на государеву службу.

Авдотья Петровна Нарышкина скрылась в северной части Арзамасского уезда, в лесу, близ Пустынского озера, в пяти верстах от села Пустыни, и для того чтобы живущие вблизи раскольники не выдали ее тайного места жительства, Нарышкина, как предполагает П. И. Мельников, сама назвалась раскольническою старицей Девворой[120].

До сих пор в лесу, на берегу Пустынского озера, указывают место, где был построен небольшой, в два этажа, деревянный дом этой Девворы. В каждом этаже было, как рас-

сказывают, по три покая. Дом стоял на лужайке, внутри густой чащи столетних деревьев, которые совершенно закрывали его ветвями.

П. И. Мельников посещал это место и видел там сохранившиеся признаки бывшего жилья: погребные ямы, заросшие бурьяном, несколько гряд и позднейшие ямы кладкопателей.

Несколько десятков лет тому назад здесь рылись искатели кладов, и хотя сокровищ не нашли, но отыскали железный таган, медную кастрюлю, две серебряные столовые ложки и старообрядскую просфирную печать.

Место, где жила Нарышкина в Пустынском лесу, доныне зовется Царицыным или Деввориным местом. Раскольники уважают его и на лужайке, где стоял дом, служат панихиду по инокине Девворе. Они почитают ее праведною.

Предание повествует следующее. Во времена гонений за старую веру одна из царских сродниц, другие говорят – сама царица, не восхотела приять Никоновых новшеств, и на Москве, при царском дворе живучи, претерпела многие мучения. Сам патриарх и многие

архиереи уговаривали ее покинуть старую веру и принять новую, она их не послушала и до того озлобила царя, что он послал ее в заточение.

Но из заточения она успела бежать, постриглась в инокини и была наречена Девворой. Поселилась матушка Деввора на Пустынском озере со своими людьми, также не восхотевшими принять нового учения, и жила она в своем доме безвестно много времени. Никуда она не выходила из дому, и только в летнюю пору, в светлые ночи, приходила со своими домочадцами гулять по берегу озера.

Потом как-то проведали про место, где скрывается мать Деввора, и прислано было от царя много ратных людей для ее поимки. Так всех их тут и забрали, а потом, заковав в железо, отвезли в дальнее заточение.

Вообще, на бедную Наталью Кирилловну было наплетено немало небылиц. Так, князь Долгоруков, известный составитель родословной книги, приводит взятый им из напечатанной в 1827 году в «Историческом, политическом и статистическом журнале» рассказ: «В 25-ти верстах от города Михайлова стоит

селение Киркино, коего жители большею частью дворяне (одиндворцы); там сохранился изустный рассказ, что царица Наталья родилась в Киркине и что боярин Матвеев, проезжая случайно через это селение, увидел плачущую девицу и полюбопытствовал спросить о причине ея слез. Услышав, что причиною печали была насильственная смерть ее девки, „самовольно удавившейся“, добрый боярин взял ее к себе на воспитание. В этом селении и поныне говорят: „Если бы не удавилась девка в Киркине, не быть бы на свете Петру“».

Село Киркино теперь принадлежит С. Н. Худекову; в нем построено одноклассное уездное училище, названное Нарышкинским. В церковном архиве села Киркина хранятся редкие документы, относящиеся до рода Нарышкиных, архив этот ревниво оберегается от археологов старым священником.

Место, где скрывалась беглая Авдотья Петровна Нарышкина с детьми, было через несколько лет отыскано, и арзамасскому воюводе предписано было взять ее, посадить в тюрьму и в застенке произвести розыск.

Вскоре после застенка судьба ее несколько улучшилась: два старших ее сына были взяты в Москву и сделаны комнатными стольниками царевича Петра, младший же сын остался при матери. При вступлении Петра Великого на престол в первый же день состоялся вызов «думного дворянина Феодоровой жене Полуектовича Нарышкина с сыном (Симеоном) велено быть на Москве не мешкав».

После этого Нарышкина опять появляется при дворе, чтобы видеть избиение своих родичей во время Стрелецкого бунта.

Из женского поколения Нарышкиных, помимо Авдотьи Нарышкиной, известна по своей набожности и принадлежности к старой вере и Ирина Григорьевна Нарышкина, бывшая замужем за князем Иваном Юрьевичем Трубецким, этим последним боярином русским, пережившим это звание целым полувеком. Князь был женат дважды. Нарышкина была его вторая жена; от нее он имел одну дочь, княжну Анастасию (родилась в 1700 году, умерла в 1755 году), выданную сначала на двенадцатом году возраста за молдаванского господаря и русского сенатора князя Дмитрия

Константиновича Кантемира, потом по смерти его вышедшую за русского генерал-фельд-маршала князя Людвига-Вильгельма Гессен-Гомбургского. Кроме дочери, князь имел, как мы выше уже говорили, еще побочного сына, прижитого им в Стокгольме, известного впоследствии И. И. Бецкого.

В истории рода Нарышкиных известна также была Настасья Александровна Нарышкина, сын которой, Александр Иванович, был вельможа времен Екатерины II; сын последнего, Иван Александрович, был женат на Екатерине Алек. Строгановой, сестре барона, впоследствии графа Гр. Ал. Строганова. Сын Ив. Алек. Нарышкина, как мы выше говорили, был убит Толстым, Американцем, на дуэли. Нарышкин жил в Москве на Пречистенке, почти напротив дома бывшего Всеволожского, остававшегося столько десятков лет в том виде, в каком он уцелел от пожара 1812 года.

Настасья Александровна Нарышкина известна дружбою царицы Прасковьи Феодоровны, супруги царя Иоанна Алексеевича. По преданию, это была самая ярая противница всех преобразований Петра Великого и руко-

водительница царицы Прасковьи во всех ее благотворениях.

В роде этой Нарышкиной сохранялась, как святая реликвия, борода известного юродивого императрицы Анны Иоанновны Тимофея Архипыча; с этой бородой было связано, по суеверному преданию, благосостояние всей семьи Нарышкиных, и с утратой ее должен прекратиться и род Нарышкиных.

Действительно, во время переезда в новый дом борода исчезла, и в год исчезновения ее было получено известие, что у главы семьи Нарышкиных, проживавшего тогда за границей, у единственного его сына Александра появились первые признаки того тяжкого недуга, который свел его впоследствии преждевременно в могилу; после смерти его эта ветвь Нарышкиных действительно пресеклась.

Родовым имением царственной ветви Нарышкиных были подмосковные села Кунцово, Фили и Покровское, пожалованные царем Алексеем Михайловичем своему тестю Нарышкину. Описывать Кунцово с его столетними аллеями, беседками и т. д. мы здесь не бу-

дем, от этого бывшего барского гнезда сохранилось теперь весьма немного, но скажем несколько слов о существующем там «Чертовом мосте».

К числу преданий о нем относится следующее. Лет тридцать назад, в одну из чудных летних ночей, сюда приехала попить компания – представители лучших интеллигентных людей того времени в Москве; здесь были профессора, литераторы и актеры.

Беседа на открытом воздухе шумно и весело прошла до утра, и когда первые лучи солнца озолотили верхушки деревьев, пирующие дали клятву по смерти в этот день собираться в Кунцово.

Каждый год сюда приезжали гости, и каждый год число их редело. Несколько лет тому назад сюда приезжали только двое – это были известный в свое время доктор и ученый П. Л. Пикулин и не менее известный переводчик Шекспира Н. Х. Кетчер. Теперь и эти оба покойники.

В Покровском, в церкви, сохранилось много исторических вещей, внесенных в дар родичами Нарышкиных. Из таких даров в риз-

нице хранятся: Евангелие, напечатанное в Москве в 1689 году, аксамитные[121] ризы и полотенце, вышитое золотом и шелками, работы самой царицы Натальи Кирилловны.

Пред запрестольными образами висят шесть больших серебряных вызолоченных лампад с надписью: «Лета 7202 (1694) сия лампада построена в новопостроенную каменную церковь Нерукотворенного Спасова Образа, что в селе Покровском, тщанием и иждивением боярина Льва Кирилловича Нарышкина».

Эта церковная утварь была спасена в 1812 году от неприятеля купцом Шуховым. В числе местных образов замечательны: св. Иоанна Предтечи и св. Алексия человека Божия, апостолов Петра и Павла письма Карпа Золотарева, зоографа XVII века, и св. мучеников Адриана и Наталии.

По словам А. А. Мартынова, в этих иконах представляется семейство царя Алексея Михайловича со второю супругою его Натальею Кирилловною Нарышкиной, с сыновьями ее Иоанном и Петром. На образе апостолов виднеется следующая знаменательная надпись:

«Образ камене, его же Христос нарече: Петре! ты если Каменю веры, на нем же созиждю церковь мою и врата адова не одолеют ю»; на хартии у апостола Петра, изображенного с крестом на раме и с двумя ключами в руке, начертано из его посланий: «Отложите убо всяку лесть и лицемерие и зависть и все клеветы, яко новорождению младенцы словесное и нелестное млеко возлюбите, да в нем возрастете во спасение».

Другие образа также напоминают фамилию Нарышкиных. Все церкви в подмосковных селах, принадлежащих Нарышкиным, сходствуют по стилю – они итальянской архитектуры, во вкусе Возрождения (renaissance).

Этот вкус, надо полагать, был самый модный в Москве в конце XVII века. Зодчий этих церквей неизвестен, но по всем признакам несомненно, что он был чужеземец.

В подмосковном селе Троицком (Лыково тож), принадлежавшем некогда родному брату матери Петра I, Ивану Кирилловичу Нарышкину, существует храм, который также увековечивает в образах святых имена Нарышкиных.

Здесь тот же собор святых апостолов Петра и Павла, мученицы Наталии, Льва Катанского, Мартиниана, Анны пророчицы, Евдокии, Параскевы и проч. В этом храме, на антиминсе, обозначено имя императора Петра I и сына его царевича Алексея Петровича; освящена церковь в 1708 году Каллистом, архиепископом Тверским и Кашинским.

С церквами в селах Троицком и Покровском на Филях сходствует также церковь при доме графа Шереметева на Воздвиженке, принадлежавшая некогда тоже одному из Нарышкиных.

В сооружениях церквей при своих домах и вотчинах в XVII веке соревновали один перед другим все знатные московские бояре. Такие храмы строились отдельно на дворах, с главами и со звоном. В них хранились и читались за литургиею фамильные синодики, которые служили родословною летописью, сближавшею потомков с предками. Примеру предков и своих современников подражали и Нарышкины.

Такая церковь Нарышкиных, по словам Ив. Снегирева, стояла у их каменных палат,

на берегу Неглинной, в Белом городе, там, где теперь дом Горного правления. Церковь была с двумя престолами: во имя Св. Мученицы Ирины и во имя Св. Параскевии Пятницы.

В этом храме были приделы во имя Знаменья и Святителя Николая. Церковь эта впоследствии принадлежала племяннику Натальи Кирилловны, Александру Львовичу. Существует предание, что как дом, так и церковь эту выстроил Нарышкиным царь Алексей Михайлович поблизости своего дворца, соединившись с Нарышкиными узами родства.

Во время нашествия французов в 1812 году вся церковная утварь и образа были отданы на сбережение известному купцу-антикварию Шухову, о котором упоминалось выше. Все эти церковные драгоценности были сохранены им в целости от неприятеля и впоследствии отданы Львом Кирилловичем Нарышкиным в церковь Знамения Пресвятой Богородицы: 1) большой местный образ св. мученицы Ирины, старинного письма, в серебряном окладе, украшенном камнями и жемчугом; 2) большой местный образ Казан-

ской Божией Матери, превосходного письма, в серебряной ризе; 3) образ Знамения Пресвятой Богородицы. Эта икона находилась в воротах дома и теперь обращена в запрестольную. Место, занимаемое иконою, видно в воротах, существующих в первобытном виде. Все проходившие мимо ворот имели обыкновение снимать шапку перед образом; 4) большое запрестольное Евангелие, в большом, богатом, серебряном вызолоченном окладе, с финифтяными украшениями.

Эта церковь за ветхостью была сломана в 1842 году. Службы в ней не было с 1812 года. Трехэтажные каменные палаты Нарышкиных целы посеичас. Отец Натальи Кирилловны, боярин Кирилл, ранее жил в доме, где теперь помещается Арбатская часть.

Предания о царице Наталье Кирилловне еще живы в Рязанском уезде, в селении Алешни. Там рассказывают, как бедная, молодая и прекрасная боярышня Наталья проживала у богатого своего родича Нарышкина. М. Н. Макаров, известный знаток русской старины, умерший в пятидесятых годах нынешнего столетия, слышал от старика, помещика села

Желчина, А. П. Гагина, где была приходская церковь Алешни, как в старину, еще при его дедах, боярышне Наталье Кирилловне богатый ее родственник и его сосед Нарышкин поручал ключи хозяйские и присмотр за домом; как, бывало, она в черевичках, на босую ногу, ходила на погребицу, выдавала еще на восходе солнца припасы домашние, наглядывала за «подпольем», где хранились вина и наливки. Богатый родственник называл ее просто «племянинкою Кирилловною».

Тот же Гагин передавал Макарову, что Наталья Кирилловна с самого детства чуждалась всех сельских игрищ, и молодые соседи, дворяне Коробьины, Худековы, Марковы, Ляпуновы, Остросаблины, Казначеевы, никогда ее в свои хороводы не залучали. Зато храм Господень часто видел Наталью, и многие молитвы она читала наизусть не хуже священника, отчего подружки ее, боярышни, и называли ее желчинскою черничкою. Макаров в 1821 году видел в селе Желчине место в церкви, где молилась будущая мать Петра Великого.

При дворе императора Петра Великого На-

рышкины, как мы выше говорили, имели значение принцев крови. Так, при погребении Петра две Нарышкины, Марья и Анна Львовны, шли в глубоком трауре за гробом императора перед герцогом Голштинским и великим князем Петром Алексеевичем (Петром III), у них были ассистенты, и пажи несли их шлейфы.

В павловское время в Москве, в приходе Николы в Хамовниках, в Соболевском переулке, жил очень открыто и давал праздники сенатор Алексей Васильевич Нарышкин. Этот вельможа принадлежал к младшей линии Нарышкиных; отец его, коллежский советник Василий Васильевич Нарышкин, был во времена Екатерины II начальником Нерчинских заводов; несмотря на то что он был крестником императрицы и имел знатную родню, в 1777 году Екатерина лишила его не только должности, но и чинов.

Про самодурство этого Нарышкина существуют почти баснословные рассказы; в бытность свою начальником Нерчинских заводов он чудил немилосердно, кидал деньги горстями в народ и устраивал сказочные

празднества.

В то время в Нерчинске имел сереброплавильный завод один из замечательных сибирских богачей Михаил Сибиряков. Разорившись на празднества, Нарышкин стал немилосердно эксплуатировать Сибирякова; последний сперва поддавался Нарышкину, но наконец решился раз отказать ему, когда он потребовал от него пять тысяч рублей в долг без отдачи. Рассерженный Нарышкин собрал бывшую в его распоряжении артиллерию и окружил солдатами дом богача Сибирякова, угрожая, что он начнет стрелять из пушек, если Сибиряков не даст ему требуемых им пяти тысяч. Сибиряков, осажденный в своем доме пехотою и угрожаемый артиллериею Нарышкина, вышел на крыльцо и с низким поклоном представил своему победителю на серебряном блюде требуемую от него сумму. Воинственный Нарышкин заключил с ним мир и, распустив свою команду, вошел в дом Сибирякова и пировал с обобраным хозяином шумно и весело до поздней ночи.

Сын этого Нарышкина жил в Москве необыкновенно пышно; он выезжал со двора

в богато вызолоченной карете, на шести лошадях; перед каретою шли скороходы в золотых кафтанах, в чулках и башмаках, несмотря ни на какую грязь; за стеклами его кареты стояли гусары в богатых голубых венгерках с серебряными бляхами; пуговицы на кафтане Нарышкина, как и пряжки на башмаках, все были из бриллиантов.

Как мы выше уже сказали, где стоит теперь Арбатская часть, там жил отец Натальи Кирилловны и был впоследствии подгородный дом царицы Натальи; по всем данным, вблизи этих Арбатских мест стояли почти все усадьбы родных или близких людей царицы Натальи, а по ней и сына ее Петра Великого. Об этом свидетельствует, например, церковь Св. Феодора Студийского, что у Никитских ворот, или, по-прежнему у Смоленских ворот, основанная в 1626 году патриархом Филаретом Никитичем на своей земле во имя Смоленския Божия Матери.

Вторым свидетельством можно принять то, что император Петр, сочетавшись браком с императрицею Екатериною I, поместил по близости на своих романовских или нарыш-

кинских местах всех ее родственников. Таким образом, тут отведены были дворы и выстроенны покои для Ефимовских или Скавронских; последние даже и погребались у церкви Большого Вознесения, называемой Старым.

Так, у старой теплой церкви, сломанной в конце тридцатых годов, между многими надгробными камнями лежала четвероугольная каменная плита, очень богато отделанная, на которой видна была следующая надпись: «1729 года, апреля 14, представися раба Божия Благоверные великие государыни императрицы Екатерины Алексеевны сестра ея родная Крестина Самойлова дочь Скавронских, а тезоименитство ея июля 24 дня; а жития ея было 42 года, а прежде ея того же года, декабря 25 представися супруг ея Симон Леонтьев, сын Гендриков, поживе 56 лет; да 1731 года, февраля в 6-й день, представися дщерь их Агафья Симонова дочь, жена Григорья Петрова Соловова, поживе 16 лет и погребена против сей таблицы на сем месте». Надпись эта в свое время была густо позолочена. Кругом надписи орнаменты в виде лавров с княжескою короною; два парящих ангела держат ее.

Подле этой надмогильной плиты виднелась еще другая, значительно, впрочем, попорченная; из надписи прочесть можно было только следующее: «Во вечное житие преjde от сего света ноября в 4-й день... Екатерины Алексеевны, сиятельнойшей граф Феодор Самойлович Скавронский». Эти могилы возбудили в свое время много толков в Москве. Покойный М. П. Погодин тщательно исследовал их и нашел на одном из камней герб Скавронских с одноглавым орлом; а на другом камне, на могиле дочери, «особливую фигуру».

Знарок московской старины Макаров в то время в «Молве» поместил заметку, в которой, между прочим, сообщал, что ему, как прихожанину церкви Старого Вознесения, давно было известно о родовом при оной кладбище Скавронских и что Большая Никитская слобода, где сооружена эта церковь, называлась Царицыною улицею и всегда принадлежала к удельным доходам цариц. Рядом с церковью Вознесения был дом секретаря святителя Димитрия Ростовского Ксенофонта Феоктистова. Феоктистов был похоронен тоже у Вознесения. Камень с могилы его снят в

сороковых годах нынешнего столетия. Дом Феоктистова был цел в царствование Екатерины II. Потомки Феоктистова здравствуют посейчас; некогда родичи последнего жили в Рязанском уезде.

Наконец, в дополнение сказанного о возможной и точной принадлежности арбатского частного дома царице Наталье Кирилловне прибавим еще, что юный Петр, не удаляясь от родного ему места, учредил тут же свой полковой Преображенский двор; он стоял в Гранатном переулке (4-го квартала за № 334)[122]. Сюда, в свой полковой двор, из Преображенского села ко двору матери своей приводил Петр своих воинов, готовых, вышколенных Лефортом или Гордоном. Царь дивил этими воинами и друзей, и старых бояр русских, не одобрявших забавы юного монарха. В павловское время, по словам старожиллов, у ворот этого двора, где было положено начало нашей гвардии, стояла будка, а в будке – часовой инвалид-гвардеец, полусолдат. Бывало, он сиживал тут, скорняжничая, а иногда починивая какую-нибудь обувь. Так тут шла его последняя служба до смены на вечный кара-

ул – в небеса!

Недалеко от этих мест стояли дома птенцов Петровых – здесь были палаты воина-вельможи Бутурлина, сенатора Писарева, математика Брюса и царедворца Толстого.

Нарышкины своим богатством обязаны браку Натальи Кирилловны с царем Алексеем Михайловичем. Первым богачом этой фамилии был отец царицы, боярин Кирилл Полуектович (1623–1691). Он владел в пяти пожалованных ему вотчинах до 88 000 крестьян.

Два его сына, убитые мятежными стрельцами, не оставили после себя детей, двое младших детей также умерли бездетными, следовательно, все его богатство перешло оставшемуся в живых единственному его сыну Льву Кирилловичу, за вычетом незначительной части его племяннице Наталье Мартимиановне, вышедшей замуж за князя В. П. Голицына. По смерти Льва Кирилловича имение его перешло к двум его сыновьям – Александру и Ивану, у последнего была одна дочь, вышедшая замуж, как мы выше говорили, за Разумовского. От нее в род последнего и перешло 44 000 душ крестьян, то есть половина

всех недвижимых имений, принадлежавших Кириллу Полуектовичу, в числе которых были большие пензенские вотчины.

Другая половина старинного нарышкинского имения, как говорит Карнович, разделась между двумя сыновьями Александра Львовича: обер-шенком Алекс. Александровичем и известным во времена Екатерины II обер-шталмейстером Львом Александровичем.

Последний из них значительно увеличил свое родовое состояние женитьбой на Закревской – племяннице гр. Разумовской. По богатству своему он считался наравне с графом А. С. Строгановым, и о нем, как и о Строганове, говорила Екатерина II, что он делает все, чтобы разориться, но никак не может достигнуть этого.

Жена брата этого Нарышкина хотела передать свое большое состояние графам Румянцевым, но Нарышкины выиграли процесс, и богатство перешло к сыновьям Льва Александровича – Александру и Дмитрию. Из них последний был женат, как мы выше говорили, на Марье Антоновне Четвертинской; послед-

нему император Александр I пожаловал обширные земли в Тамбовской губернии. Сын его обер-гофмаршал Эмануил Дмитриевич, родившийся в 1815 году, известный своею благотворительностью, считается старейшим представителем царской линии Нарышкиных.

Церковь Успения на Покровке. Литография А. Дюрана. 1835

Обнародование манифеста о коронации Екатерины II на Соборной площади Кремля 18 сентября 1762 года. А. Мельников с гравюры А. Колпашникова по оригиналу Ж. Девельи и М. Махаева. 2-я пол. XIX в.

Глава XIII

Князь Ник. Бор. Юсупов. – Богатства рода Юсуповых. – Князь Григорий Юсупов. – Село Архангельское. – Князь Голицын, вельможа екатерининских времен. – Театр. – Богатство оранжерей. – Расчетливость князей Юсуповых. – Директорство. – Земельное богатство Юсупова. – Анекдоты из жизни Юсупова. – Т. В. Юсупова. – Князь Б. Н. Юсупов. – Родовой дом князей Юсуповых в Москве. – Трудовая жизнь князя Б. Н. Юсупова. – Графиня де Шево.

Одним из последних вельмож блестящего века Екатерины II был также в Москве князь Николай Борисович Юсупов. Князь жил в древнем своем боярском доме, подаренном за службу прапрадеду его князю Григорию Дмитриевичу императором Петром II.

Дом этот стоит в Харитоньевском переулке и замечателен как старый памятник зодчества XVII века. Здесь дед его угощал венценосную дочь Петра Великого императрицу Ели-

савету во время ее приезда в Москву.

Богатства Юсуповых издавна славятся своею колоссальностью. Начало этого богатства идет со времен императрицы Анны Иоанновны, хотя и до этого времени Юсуповы были очень богаты. Родоначальник их, Юсуф, был владетельный султан Ногайской орды. Сыновья его прибыли в Москву в 1563 году и были пожалованы царем богатыми селами и деревнями в Романовском округе (Романовско-Борисоглебский уезд Ярославской губернии). Поселенные там казаки и татары были подчинены им. Впоследствии одному из сыновей Юсуфа были даны еще некоторые дворцовые села. Царь Федор Иванович также неоднократно жаловал Иль-Мурзу землями. Лжедмитрий и Тушинский вор пожаловали Романовским посадом (уездный город Романов Ярославской губернии) его сына Сеюша.

При вступлении на престол царь Михаил Федорович оставил все эти земли за ним. Потомки Юсуфа были магометанами еще при царе Алексее Михайловиче. При этом государе первый принял христианство правнук Юсуфа, Абдул-Мурза; он при крещении получил

имя Дмитрия Сеюшевича Юсупово-Княжево.

Новокрещенный князь скоро подпал царской опале по следующему случаю: он вздумал у себя на обеде попотчевать гусем патриарха Иоакима; день оказался постный, и князя за это нарушение уставов церкви от имени царя наказали батогами и отняли у него все имение; но вскоре царь простил виновного и возвратил отобранное.

По поводу этого случая существует следующий анекдот. Однажды правнук Дмитрия Сеюшевича был дежурным камер-юнкером во время обеда у Екатерины Великой. На стол был подан гусь.

– Умеете ли вы, князь, разрезать гуся? – спросила Екатерина Юсупова.

– О, гусь должен быть очень памятен моей фамилии! – отвечал князь. – Мой предок съел одного в Великую пятницу и за то был лишен нескольких тысяч крестьян, пожалованных ему при въезде в Россию.

– Я отняла бы у него все имение, потому что оно дано ему с тем условием, чтобы он не ел скоромного в постные дни, – заметила шутливо по поводу этого рассказа императрица.

У князя Дмитрия Юсупова было три сына, и по смерти его все богатство было разделено на три части. Собственно богатству Юсуповых положил начало один из сыновей последнего, князь Григорий Дмитриевич. Потомки других двух сыновей не богатели, а дробились и приходили в упадок.

Князь Григорий Дмитриевич Юсупов был одним из боевых генералов времен Петра Великого – его ум, неустрашимость и отвага доставили ему расположение императора.

В 1717 году князь был назначен, в числе других лиц, исследовать злоупотребления князя Кольцова-Масальского по соляному сбору в Бахмуте. В 1719 году он был генерал-майором, а в 1722 году сенатором. Екатерина I произвела его в генерал-поручики, а Петр II назначил его подполковником Преображенского полка и первым членом военной коллегии. Ему же был поручен розыск над Соловьевым, переводившим в заграничные банки миллионы, принадлежавшие кн. Меншикову.

Он же производил следствие о казенных вещах, утаенных обер-камергером князем Ив. Долгоруким. Вдобавок к этому, как говорит

Карнович, он занимался чрезвычайно прибыльною в то время провиантскою и интендантскою частью, а также строил суда. Петр II подарил ему в Москве обширный дом в приходе Трех Святителей, а в 1729 году пожаловал ему в вечное потомственное владение многие из отчисленных в казну деревень князя Меншикова, а также отписанное у князя Прозоровского имение с подгородною слободою.

Испанский посол Дюк де Лириа так характеризует князя Юсупова: «Князь Юсупов татарскаго происхождения (брат его еще и поныне магометанин), человек вполне благовоспитанный, очень хорошо служивший, достаточно знакомый с военным делом, он был весь покрыт ранами; князь любил иностранцев и был очень привязан к Петру II, одним словом, принадлежал к числу тех людей, которые всегда идут прямою дорогою». Одна страсть омрачала его – страсть к вину.

Он умер 2 сентября 1730 года, на 56 году от рождения, в Москве, в начале царствования Анны Иоанновны, погребен в Богоявленском монастыре[123] (в Китай-городе), в нижней

церкви Казанской Богородицы. Надгробная его надпись начинается так: «Внуши, кто переходит, семо, много научит тебя камень сей. Погребен зде генерал-аншеф и проч., и проч.». Юсупов оставил трех сыновей, из числа которых двое вскоре умерли, и единственный оставшийся сын Борис Григорьевич получил все его громадное богатство. Князь Борис был воспитан, по повелению Петра Великого, во Франции. Он пользовался особенным расположением Бирона.

При императрице Елисавете Петровне Юсупов был президентом коммерц-коллегии, главным директором Ладожского канала и девять лет управлял кадетским сухопутным Шляхетным корпусом.

Во время управления этим корпусом он первый в столице завел для собственного удовольствия и для развлечения немногих сановников, задержанных против воли делами службы на берегах Невы, театральные представления. Двор в то время пребывал в Москве; актеры-кадеты разыгрывали в корпусе лучшие трагедии, как русские, сочиняемые в то время Сумароковым, так и французские в

переводах.

Репертуар французских состоял по преимуществу из пьес Вольтера, представляемых в искаженном виде[124]. Когда двор возвратился из Москвы, государыня пожелала видеть представление, и в 1750 году, по инициативе Юсупова, состоялось первое публичное представление русской трагедии сочинения Сумарокова «Хорев», и в том же году, 29 сентября, императрица изустным своим указом повелела Тредьяковскому и Ломоносову сочинить по трагедии. Ломоносов через месяц составил трагедию «Тамира и Селим». Что же касается Тредьяковского, то он тоже через два месяца доставил трагедию «Деидамия», «катастроф» которой «было ведение царицы на жертву богине Диане». Трагедия, однако, не удостоилась даже печатания при академии.

Но возвращаемся опять к Борису Юсупову. Императрица Елисавета, довольная управлением его Шляхетным корпусом, пожаловала ему в вечное потомственное владение в Полтавской губернии, в селе Ряшках, казенную суконную фабрику со всеми станами, инструментами и мастеровыми и с приписным к

ней селом, с тем чтобы он выписал в это имение голландских овец и привел фабрику в лучшее устройство.

Князь обязался ежегодно в казну поставлять сперва 17 тысяч аршин сукна всяких цветов, а потом ставил 20 и 30 тысяч аршин.

Сын этого князя, Николай Борисович, как мы уже выше сказали, был один из самых известных вельмож, когда-либо живших в Москве. При нем его подмосковное имение село Архангельское обогатилось всевозможными художественными вещами.

Им был разбит там большой сад с фонтанами и огромными оранжереями, вмещавшими более двух тысяч померанцевых деревьев.

Одно из таких деревьев было им куплено у Разумовского за 3000 рублей; подобного ему не было в России, и только два таких, находившихся в версальской оранжерее, были ему под парю. По преданию, этому дереву было уже тогда 400 лет.

Село Архангельское, Уполозы тож, расположено на высоком берегу реки Москвы. Архангельское было родовой вотчиной князя Дмитрия Михайловича Голицына, одного из

образованных людей петровского времени.

При императрице Анне Иоанновне князь был сослан в Шлиссельбург, где и умер. Во время опалы князь жил в этом имении; здесь у него, по словам И. Е. Забелина, была собрана изящная библиотека и музей, которые своим богатством уступали в то время только библиотеке и музею графа Брюса. Большая часть рукописей из Архангельского перешла потом в собрание графа Толстого и теперь принадлежит Императорской публичной библиотеке; но лучшие были расхищены при описи имения – ими попользовался, как говорит Татищев, даже герцог курляндский Бирон.

Во времена Голицыных Архангельское напоминало старинное деревенское житье бояр по незатейливости и простоте. Двор князя состоял из трех небольших светлиц, собственно восьмиаршинных изб, соединенных сенями. Внутреннее убранство их было просто. В передних углах иконы, у стены лавки, печки из желтых изразцов; в одной светлице было два окна, в другой четыре, в третьей пять; в окнах стекла были еще по-старинному в свинцовых переплетах или рамах; столы дубовые, четы-

ре кожаных стула, еловая кровать с периною и подушкою, в пестрядинных и выбойчатых наволоках, и т. п.

При светлицах была баня, а на дворе, огороженном решетчатым забором, разные службы – поварня, погреб, ледники, амбары и пр. Невдалеке от дома стояла каменная церковь во имя Архангела Михаила, основанная отцом князя, боярином Михаилом Андреевичем Голицыным. Но что не соответствовало незатейливому простому боярскому быту тогда здесь, это две оранжереи, весьма необыкновенные по тому времени; здесь зимовали заморские деревья: лаврус, нукс, малабарика, миртус, купресус и другие.

Против оранжерей был расположен сад, длиною 61 сажень, шириною 52 сажени, в нем были посажены: самбукус, каштаны, шелковицы, серенгии (2 шт.), грецких орехов 14, божие деревья, маленькая лилия и т. п.; на грядках росли: гвоздика, катезер, лихнис халцедоника, касатики (*iris*) синие и желтые, калуфер, исоп и пр.

Против хором был заведен сад, в длину на 190 сажен, в ширину на 150 сажен, с першпек-

тивными дорогами, по которым были посажены клены и липы штамбовые. Последний из Голицыных, который владел Архангельским, был Николай Александрович, женатый на М. А. Олсуфьевой. Эта Голицына и продала Архангельское за 100 000 рублей князю Юсупову.

По покупке имения князь вырубил много лесу и принялся за капитальную стройку усадьбы. Дом был выведен в прекрасном итальянском вкусе, соединен колоннадами с двумя павильонами, в которых, как и в семнадцати комнатах дома, еще пятьдесят лет тому назад было расположено 236 картин, состоявших из оригиналов: Веласкеза, Рафаэля Менгса, Перуджини, Давида, Риччи, Гвидо Рени, Тиеполо и других. Особенное внимание из этих картин заслуживала картина Дойяна «Триумф Метелла»; из мраморов Архангельского замечательна группа Кановы «Амур и Психея» и резца Козловского прекрасная статуя «Купидон», к несчастью поврежденная при перевозке в 1812 году. Картинную галерею Юсупов собирал тридцать лет.

Но лучшая красота Архангельского – это

домашний театр, построенный по рисунку знаменитого Гонзаго для 400 зрителей; двенадцать перемен декораций этого театра были писаны кистью того же Гонзаго. У Юсупова был еще другой театр в Москве, на Большой Никитской улице, который прежде принадлежал Позднякову и на котором давались французские представления во время пребывания французов в Москве в 1812 году.

Библиотека Юсупова состояла более чем из 30 000 томов, в числе которых были редчайшие эльзевиры[125] и Библия, отпечатанная в 1462 году. В саду был еще дом, называемый «Каприз». Рассказывали по поводу постройки этого дома, что, когда еще Архангельское принадлежало Голицыным, муж и жена поссорились, княгиня не захотела жить в одном доме с мужем и велела выстроить для себя особый дом, который и назвала «Капризом». Особенность этого дома была та, что он стоял на небольшой возвышенности, но для входа в него нет крылец со ступенями, а только отлогая дорожка, идущая покатостью к самому порогу дверей.

Князь Юсупов очень любил старые брон-

зы, мраморы и всякие дорогие вещи; он в свое время собирал их такое количество, что другого такого богатого собрания редких античных вещей трудно было найти в России, – по его милости разбогатели в Москве менялы и старьевщики: Шухов, Лухманов и Волков. Князь Николай Борисович по своему времени получил блестящее образование – он в царствование Екатерины был посланником в Турине. В университете этого города князь получил свое образование и был товарищем Альфиери.

Император Павел при своем короновании пожаловал ему звезду Андрея Первозванного. При Александре I он был долго министром уделов, при императоре Николае – начальником кремлевской экспедиции, и под его ведением перестраивался Малый Николаевский кремлевский дворец. Он имел все российские ордена, портрет государя, алмазный шифр, и когда уже нечем было его более наградить, то ему была пожалована одна жемчужная эполета.

Князь Юсупов был очень богат, любил роскошь, умел блеснуть, когда нужно, и, будучи

очень даже щедр, был иногда и очень расчетлив. Графиня Разумовская в одном письме к мужу описывает праздник в Архангельском у Юсупова, данный императору Александру I и королю прусскому Фридриху-Вильгельму III. «Вечер был превосходный, но праздник – самый плачевный. Все рассказывать было бы слишком долго, но вот тебе одна подробность, по которой можешь судить об остальном. Вообрази, после закуски поехали кататься по ужасным дорогам и сырым некрасивым местам. После получасовой прогулки подъезжаем к театру. Все ожидают сюрприза, и точно, сюрприз был полный: переменили три раза декорации, и весь спектакль готов. Все закусили себе губы, начиная с государя. В продолжение всего вечера была страшная неурядица. Августейшие гости не знали решительно, что им было делать и куда деваться. Хорошее понятие будет иметь король прусский о московских вельможах. Скаредность во всем была невообразимая».

Все Юсуповы не отличались расточительностью и старались более собирать богатства. Так, выдавая невест из своего рода, Юсуповы

не давали много в приданое.

По завещанию, например, княгини Анны Никитичны, умершей в 1735 году, дочери ее к выдаче назначено было в год только 300 рублей, из хозяйственных статей: 100 ведер вина, 9 быков и 60 баранов. При выдаче замуж княжны Евдокии Борисовны за герцога курляндского Петра Бирона дано было в приданое только 15 000 рублей с обязательством со стороны отца невесты снабдить будущую герцогиню алмазным убором и другими снарядами с означением цены каждой вещи. Княжна-невеста была ослепительной красоты и прожила в замужестве за Бироном недолго.

После смерти ее Бирон прислал на память Юсупову ее парадную постель и всю мебель из ее спальни; обивка мебели была голубая атласная с серебром.

Интересен также свадебный договор князя Дмитрия Борисовича Юсупова с окольниковым Актинфовым, который обязался в случае, если не выдаст за князя свою дочь к назначенному сроку, уплатить ему 4000 рублей неустойки – сумма весьма значительная для половины XVIII столетия.

Село Архангельское не раз было удостоено приездом высочайших особ; императрица Мария Феодоровна гащивала по нескольких дней, и в саду есть памятники из мрамора с надписями, когда и кто из высочайших особ там бывал. Очень понятно, что, принимая царственных особ, Юсупов давал и праздники великолепные.

Последний из таких праздников дан был Юсуповым императору Николаю после его коронавания. Здесь были почти все иностранные послы, и все удивлялись роскоши этого барского имения. Праздник вышел самый роскошный и великолепный. В этот день в Архангельском был обед, спектакль и бал с иллюминацией всего сада и фейерверком.

Князь Николай Борисович был другом Вольтера и живал у него в Фернейском замке; в молодости своей он много путешествовал и был принят у всех тогдашних властителей Европы. Юсупов видел в полном блеске двор Людовика XVI и его жены Марии Антуанетты; Юсупов не раз был в Берлине у старого короля Фридриха Великого, представлялся в Вене императору Иосифу II и у английского и ис-

панского королей; Юсупов, по словам его современников, был самый приветливый и милый человек, без всякой напыщенности или гордости; с дамами он был изысканно вежлив. Благово рассказывает, что когда в знакомом доме ему, бывало, приходилось встретиться на лестнице с какою-нибудь дамой, знает ли он ее или нет, всегда низко поклонится и посторонится, чтобы дать ей пройти. Когда у себя летом, в Архангельском, он гулял в саду, туда тогда допускались все желающие гулять, и он при встрече непременно раскланяется с дамами, а ежели встретит хотя по имени ему известных, подойдет и скажет приветливое слово.

Пушкин Юсупова воспел в прелестной своей оде «К вельможе». Князь Николай Борисович управлял театрами с 1791 по 1799 год, и, как и его отец, положивший начало русскому драматическому театру в Петербурге, он на этом поприще сделал тоже для искусства много; у князя была в Петербурге собственная итальянская опера-буфф, доставлявшая удовольствие всему двору.

По словам биографа Николая Борисовича,

он любил театр, ученых художников и даже в старости приносил дань удивления прекрасному полу! Нельзя сказать, чтобы и в молодых годах Юсупов бегал от прекрасного пола; по рассказам знавших его, он был большой «ферлакур»[126], как тогда называли волокит; в деревенском его доме была одна комната, где находилось собрание трехсот портретов всех красавиц, благорасположением которых он пользовался.

В спальне его висела картина с мифологическим сюжетом, на которой он был представлен Аполлоном, а Венерой была изображена особа, которая более известна была в то время под именем Минервы. Император Павел знал про эту картину и, при восшествии своем на престол, приказал Юсупову убрать ее.

Князь Юсупов под старость вздумал было пуститься в дела и завел у себя зеркальный завод; в то время все зеркала были больше привозные и стояли в большой цене. Это предприятие князю не удалось, и он потерпел большие убытки.

Последние годы своей жизни князь Юсу-

пов безвыездно проживал в Москве и пользовался большим уважением и любовью за свою чисто аристократическую обходительность со всеми. Одно только немного вредило князю – это пристрастие к женскому полу.

Князь Н. Б. Юсупов был женат на родной племяннице князя Потемкина, Татьяне Васильевне Энгельгардт, бывшей ранее замужем за своим дальним родственником Потемкиным. Жена Юсупову принесла колоссальное богатство.

Супруги Юсуповы не знали счета ни своих миллионов, ни своих имений. Когда у князя спрашивали:

– Что, князь, имеете вы имение в такой-то губернии и уезде?

Он отвечал:

– Не знаю, надо справиться в памятной книжке.

Ему приносили памятную книжку, в которой по губерниям и уездам были записаны все его имения, он справлялся, и почти всегда оказывалось, что у него там было имение.

Князь Юсупов в старости был очень молоджав и любил трунить над своими сверстника-

ми-стариками. Так, раз, когда он пенял графу Аркадию Маркову по поводу старости его, тот на это ответил ему, что он одних с ним лет.

– Помилуй, – продолжал князь, – ты был уже на службе, а я находился еще в школе.

– Да чем же я виноват, – возразил Марков, – что родители твои так поздно начали тебя грамоте учить.

Князь Юсупов был дружен с известным графом Сен-Жерменом и просил у него дать ему рецепт долгоденствия. Граф всей тайны ему не открыл, но сказал, что одно из важных средств есть воздержание от питья не только хмельного, но и всякого.

Князь Юсупов, несмотря на свою галантность с женщинами, в бытность свою директором театра умел быть, когда надо, строгим с подчиненными ему актрисами. Однажды какая-то певица итальянской оперы по капризу сказалась больной; Юсупов приказал, под видом участия к ней, не выпускать ее из дому и к ней никого не впускать, кроме врача. Этот деликатный арест так напугал капризную артистку, что мнимую болезнь у нее как рукой сняло.

Князь Юсупов, как мы говорили, был женат на вдове Потемкиной. В жизни этой богачки, как упоминает Карнович, представлялось одно замечательное обстоятельство: приехавшая при Екатерине Великой в Петербург сильно чудившая герцогиня Кингстон, графиня Ворт, так полюбила молодую еще в то время Татьяну Васильевну Энгельгардт, что хотела взять ее с собою в Англию и передать ей все свое несметное состояние. Герцогиня приехала в Петербург на собственной великолепной яхте, имевшей сад и убранной картинами и статуями; при ней, кроме многочисленной прислуги, находился оркестр музыки. Татьяна Васильевна не согласилась на предложение герцогини и, овдовев, вышла в 1795 году за Юсупова. Супруги впоследствии не очень поладили и жили не вместе, хотя не были в ссоре. Князь умер ранее жены, последняя умерла после него спустя лет десять. У них был один сын. Замечательно, что в этой линии Юсуповых, как и в младшей линии графов Шереметевых, постоянно в живых оставался один только наследник. Теперь, кажется, это изменилось – у Шереметевых есть

несколько, а у Юсуповых ни одного.

Татьяна Васильевна Юсупова тоже не отличалась расточительностью и жила очень скромно; она сама управляла всеми своими именьями. И из какой-то бережливости княгиня редко меняла свои туалеты. Она долго носила одно и то же платье, почти до совершенного износа. Однажды, уже под старость, пришла ей в голову следующая мысль: «Да если мне держаться того порядка, то женской прислуге моей немного пожитков останется по смерти моей». И с самого этого часа произошел неожиданный и крутой поворот в ее туалетных привычках. Она часто заказывала и надевала новые платья из дорогих материй. Все домашние и знакомые дивились этой перемене, поздравляли ее с щегольством ее и с тем, что она как будто помолодела. Она, так сказать, наряжалась к смерти и хотела в пользу своей прислуги пополнить и обогатить свое духовное завещание.

У ней была только одна дорого стоившая страсть – это собирать драгоценные камни. Княгиня купила знаменитый бриллиант «Полярная звезда» за 300 000 рублей, а также диа-

дему бывшей королевы неаполитанской Каролины, жены Мюрата, и еще знаменитую жемчужину в Москве у грека Зосимы за 200 000 рублей, под названием «Пелегринна», или «Странница», некогда принадлежавшую королю испанскому Филиппу II. Затем Юсупова много тратила денег на свое собрание античных резных камней (cameo и intaglio).

Единственный сын Татьяны Васильевны, Борис Николаевич, известен как человек весьма деятельный и заботливый в выполнении своих обязанностей. По рассказам его современников, он умирал на службе и за хозяйственными делами своих обширных имений и за день до своей смерти занимался делами службы. По словам его биографа, «счастье открывало ему блестящее поприще».

Он был крестником императора Павла и еще в детстве получил Мальтийский орден, а от отца к нему перешло потомственное командорство ордена Св. Иоанна Иерусалимского. По выдержании экзамена при комитете испытаний в Санкт-Петербургском педагогическом институте, он поспешил вступить в гражданскую службу.

Как уже мы сказали, трудолюбивая деятельность была отличительною чертою его характера. Князь, владея в семнадцати губерниях имениями, каждый год обозревал обширные свои имения. Даже такие страшные вещи, как, например, холера, не удерживали его от хозяйственных забот; и в то время, когда последняя свирепствовала в Малороссии, он не побоялся приехать в свое село Ракитное, где в особенности губительно действовала эта эпидемия; не опасаясь заразы, князь всюду ходил по селу.

В домашней жизни князь чуждался роскоши; все утро его было посвящено служебным и хозяйственным делам.

Но в час обеда он всегда был рад встретить у себя своих приятелей и знакомых: он не делал разбора и различия по чинам, и однажды приглашенные им получали к нему доступ навсегда.

В разговоре князь был шутлив и остроумен и умел ловко подметить странности своих знакомых. Вечером князь всегда был в театре, любовь к которому унаследовал от отца, долгое время управлявшего театрами; князь,

впрочем, любил только бывать в русских спектаклях.

Князь превосходно играл на скрипке и имел редкое собрание итальянских скрипок. Борис Николаевич не любил своего Архангельского и никогда не жилал в нем подолгу; одно время он начал многое оттуда вывозить в свой петербургский дом, но император Николай Павлович, помнивший его Архангельское, велел сказать князю, чтобы он Архангельского своего не опустошал.

Князь никогда не давал празднеств в этом имении и, приезжая в Москву, обыкновенно останавливался в своем древнем боярском доме, подаренном, как мы выше говорили, его прадеду императором Петром II.

Дом этот в Земляном городе, в Большом Харитоньевском переулке, представлял редкий памятник зодчества конца XVII века; прежде он принадлежал Алексею Волкову. Каменные двухэтажные палаты Юсуповых с пристройками к восточной стороне стояли на просторном дворе; к западной их стороне примыкало одноэтажное каменное здание, позади – каменная кладовая, далее шел сад, кото-

рый до 1812 года был гораздо обширнее, и в нем был пруд. По словам А. А. Мартынова, первая палата о двух ярусах, с крутою железною крышею на четыре ската, или епанчою, отличается толщиною стен, складенных из восемнадцатифунтовых кирпичей с железными связями. Прочность и безопасность была одним из первых условий здания. Наверху входная дверь сохранила отчасти свой прежний стиль: она с ломаною перемычкою, в виде полуосмиугольника и с сандриком вверху, в тимпане образ свв. благоверных князей Бориса и Глеба. Это напоминает заветный благочестивый обычай русских молиться пред входом в дом и при выходе из него. Здесь были боярская гостиная, столовая и спальня; к западной стороне – покой со сводом, об одном окошке на север, по-видимому, служил моленною. В нижнем этаже, под сводами, то же разделение; под ним – подвалы, где хранились бочки с выписными фряжскими[127] заморскими винами и с русскими ставлеными и сыпучими медами, ягодными квасами и проч. Пристроенная на восток двухэтажная палата, которая прежде составляла один по-

кой, теперь разделена на несколько комнат.

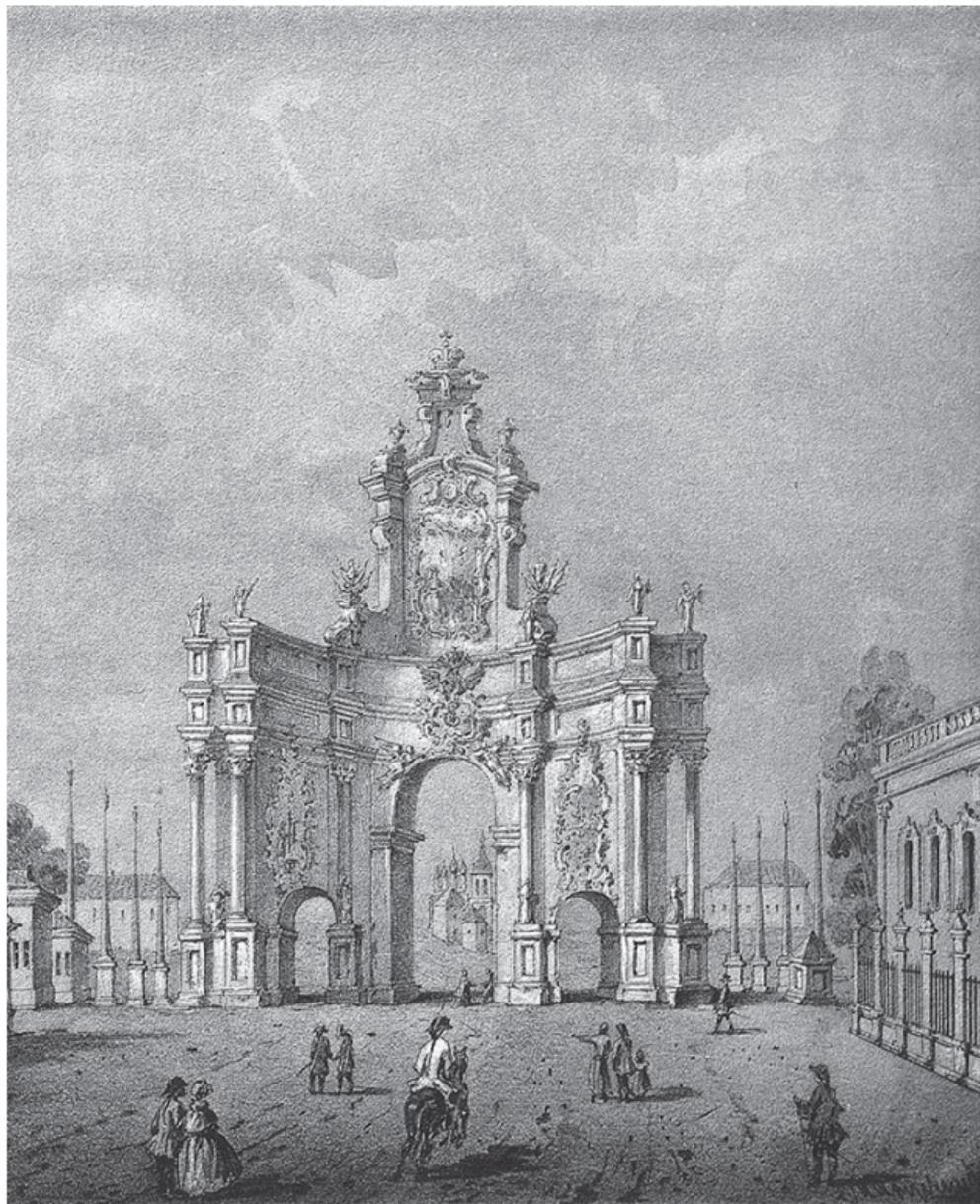
Здесь князь Борис Григорьевич угощал державную дочь Петра Великого, любимую верного слугу своего отца. Над палатой возвышается терем с двумя окнами, где, по преданию, была церковь; из него в стене виден закладенный такой же тайник, какой находится в Грановитой палате. Дом этот в роду Юсуповых находится около двухсот лет; в этот дом по большим праздникам собиралась с хлебом-солью, по древнему заведенному обычаю, тысячная толпа крестьян для принесения поздравлений. Сюда же были принесены на руках, теми же крестьянами, смертные останки князя Юсупова для погребения в подмосковное село Спасское.

Князя Юсуповы погребаются в особой каменной палатке, пристроенной к церкви; на гробнице Бориса Николаевича вырезана следующая надпись, написанная самим умершим: «Здесь лежит русский дворянин князь Борис, княж Николаев, сын Юсупов, родился 1794 года, июля 9-го, скончался 1849 года, октября 25-го», внизу написана по-французски любимая его поговорка: «L'honneur avant tout»

[128]. В основании видны золотой крест и якорь; на первом надпись: «Вера в Бога», на втором – «Надежда в Бога».

Князь Борис Николаевич был женат два раза: первая его жена была княгиня Н. П. Щербатова (умерла 17 октября 1820 года); вторая – Зинаида Ивановна Нарышкина, родилась в 1810 году; во втором браке за иностранцем, графом де Шево. От первого брака сын, князь Николай Борисович, родился 12 октября 1817 года. Графиня де Шево и князь Николай Борисович здравствуют посейчас. Князь считается последним в роде – сыновей у него нет, есть только дочери.

Старые триумфальные ворота в конце Тверской улицы в 1775 году. Литография XIX в. по рисунку М. Махаева

Дворец князя Матвея Гагарина на Твер-

ской улице. Фотогравюра по рисунку Н. Мартынова. 1886

Глава XIV

Матвей Гагарин. – Губернаторство его в Сибири. – Роскошные палаты князя Гагарина в Москве. – Суд и казнь князя Гагарина. – Загородный дом. – Гагаринские пруды. – Дача Студенец. – Граф Закревский. – Дом князя Б. И. Гагарина. – Князь Г. П. Гагарин. – Муж Лопухиной. – Княгиня П. Ю. Гагарина. – Домашние спектакли. – Актрисы Семенова и Жорж. – Домашние спектакли в павловское время. – С. Марфино. – Театралы александровского времени. – Награды театралов в старое время. – Театрал Сибилев. – Ф. Ф. Кокошкин. – Анекдоты про Кокошкина. – Французские любительские спектакли. – Загородные дома вельмож в екатерининское время.

Говоря о доме Юсуповых, нельзя пройти молчанием московского дома князя Матвея Петровича Гагарина, в петровское время московского губернатора и сибирского; дом этот, искаженный только в своем виде, цел по сейчас: стоит он на Тверской улице и разбит на мелкие квартиры и магазины.

И. Снегирев говорит: когда еще в Белом городе в царствование Петра Великого между уютными каменными домами бояр стояли не только деревянные хоромы, но даже избы го-

рожан, тогда князь М. И. Гагарин воздвиг великолепные палаты, на образец венецианских, вероятно по проекту одного из иностранных архитекторов, которые вместе с русскими строителями украшали столицу произведениями церковного и гражданского зодчества. Мы еще помним первобытный наружный вид этих палат и можем наверное сказать, что они составляли украшение Царской, или Тверской, улицы.

Великолепие внешности его палат соответствовало и роскошному внутреннему убранству. Разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза, серебро и золото употреблены были на украшение покоев, где зеркальные потолки отражали в себе блеск люстр, канделябр, в висячих больших хрустальных сосудах плавали живые рыбы, разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образов, находившихся в спальне его, осыпанные бриллиантами, стоили, по оценке тогдашних ювелиров, более 130 000 рублей.

Где стояли эти каменные палаты, в 1657 году был двор князя Ивана Дашкова; по отъезде

своим в Сибирь князь отдал этот дом своему сыну Алексею, женатому на дочери вице-канцлера Шафирова. Молодой Гагарин, большой кутила, долго путешествовал по Европе, живя там как владетельный князь. После смерти своего отца, казненного Петром Великим, он был разжалован царем в простые матросы и служил при адмиралтействе.

Причину казни князя Гагарина современники толкуют не одинаково. Берггольц говорит, что он был повешен за расхищение царской казны, но в то время Меншиков, Брюс и Апраксин тоже крали, но их не вешали. Страленберг утверждает, что до царя дошли слухи о намерении Гагарина сделаться в Сибири независимым от России владетелем. Это подтверждается запискою некоторых дворян, составленною в 1730 году, в то время, когда шли в Москве толки о форме правления при вновь избранной императрице Анне. «Не видели ли мы, – сказано в записке, – как при самовластном, но молодом монархе, велику власть имеющие, Мазепа действительно, а Гагарин намерением подданство отложите дерзнули».

Берггольц рассказывает, что Гагарин не

хотел признаваться в своих проступках и потому несколько раз был наказываем кнутом. Когда князь Гагарин был уже приговорен к виселице и казнь должна была совершиться, царь за день перед тем словесно приказывал уверить его, что не только дарует ему жизнь, но и все прошлое предаст забвению, если он признается в своих ясно доказанных преступлениях. Но, несмотря на то что многие свидетели, и в том числе родной его сын, на очных ставках убеждали в них более, нежели сколько было нужно, виновный не признался ни в чем. Тогда в самый день отъезда царя в Ригу он был повешен перед окнами юстиц-коллегии в присутствии государя и всех своих знатных родственников. Через несколько дней виселица была перенесена в другое место, на Большую площадь. Бергхольц пишет, что он слышал, будто для большего устрашения тело будет повешено в третий раз по ту сторону реки и затем отошлетя в Сибирь.

Где видел Бергхольц висевшим тело несчастного князя, там стояло много шестов с воткнутыми на них головами. Лицо преступника было закрыто платком, одежда состояла

из камзола и исподнего платья коричневого цвета, сверх которого надета белая рубашка; на ногах у него маленькие круглые русские сапоги. Росту князь Гагарин был очень небольшого.

Когда князь был губернатором всей Сибири, то делал очень много добра сосланным туда пленным шведам, для которых в первые три года своего управления истратил будто бы до 15 000 рублей собственных денег. Князь Гагарин удивлял царскою пышностью в Сибири. У него за столом подавали кушанья на пятидесяти серебряных блюдах, сам же он ел только на золотых тарелках. Колеса его кареты были также серебряные, и лошади подкованы серебряными и золотыми подковами. Гагарин прежде пользовался большим доверием императора и потому стал почти самовластно управлять обширною и богатою страною.

В числе сокровищ князя находился драгоценный рубин, привезенный ему из Китая; впоследствии этот рубин достался, в виде подарка князя, Меншикову и от него перешел к императрице Екатерине I. Сын Гагарина, пу-

тешествовавший за границей, до того сорил деньгами, что иностранцы считали молодого князя за какого-то набоба.

Когда происходило следствие над отцом, то и у сына спрашивали: «Как он поехал за море, что с ним было от отца его отправлено денег, и золота, и товаров, а также через векселя; в бытность за морем, сколько денег, и товаров, и золотых и прочих вещей через него получал и что всей суммы в ту его бытность за морем издержано».

Петр, узнав о злоупотреблениях в Сибири Гагарина, вызвал его в Петербург под тем предлогом, что назначает его участвовать в суде над царевичем Алексеем Петровичем, а сам между тем отправил для разведки о действиях губернатора одного полковника, а следом за ним – и своего денщика Егора Пашкова.

Первый из этих ревизоров, подкупленный в Петербурге на сторону Гагарина князем Меншиковым, скрыл все губернаторские злоупотребления и за это поплатился своею головою. Пашков же рассказал Петру всю правду об ужасном лихоимстве князя.

После следствия признано было, что Гагарин утаил на Вятке от отпуска за море хлеба в 1716 году и некоторое количество его роздал иноземцам за алмазные вещи; брал себе казенные деньги, получал взятки от откупщиков и даже грабил купеческие караваны. Князь после пытки, как мы уже говорили, был повешен.

Великолепные палаты Гагарина в царствование Екатерины II принадлежали внуку казенного, князю Матвею Алексеевичу; а когда линия этих князей Гагариных пресеклась в 1804 году за смертью внучки казенного, графини Матюшкиной, то в 1805 году владела ими мать графа Платона Зубова, потом переходили они в руки купцов Часовникова, Крашенинникова и Дубицкого и затем к Д. А. Олсуфьеву.

Дом Гагарина в веке Петра Великого представлял немалую диковинку не только на Тверской улице, но и по всей Москве; построен он был по образцу венецианских дворцов. Четырехэтажные палаты эти выходили фасадом на улицу, образуя портал с двумя павильонами; в уступах между ними на арках

устроена была открытая терраса с балюстрадою.

В бельэтаже у портала и в павильонах висели балконы из белого камня, украшенного вычурною резьбою. Наличники и сандрики над окнами состояли из орнаментов, искусно высеченных из белого же камня. Над подъездными воротами видно было клеймо, увенчанное княжескою короною и запечатленное следующею надписью: «Боже, во имя Твое спаси».

В этих воротах с стрельчатым сводом на правой стороне парадная лестница вела в верхние этажи здания. Глубокие подвалы из белого камня занимали низ всего здания, сложенного из тяжеловесного кирпича и белого камня с частыми железными связями. С лицевой стороны фасада этого дома разными владельцами его было сделано много рельефных украшений во вкусе архитектуры XVII века и заимствованных из флорентинских городских домов.

Из бельэтажа на улицу, по обе стороны ворот, были красивые каменные крыльца с оборотами, с фигурами, балюстрадами, иссечен-

ными из белого камня. На заднем фасаде дома на дворе находился из того же второго этажа длинный балкон с балясом и художественными орнаментами.

Об этом доме известный наш зодчий прошлого столетия В. И. Баженов отзывался с восторженной похвалой. В настоящее время дом переделан для жилья, внизу его трактир и лавки. По словам А. А. Мартынова, дом этот совершенно был переделан и утратил свой первобытный характер в 1852 году.

Загородный дом Гагариных был за Трехгорною заставой, что теперь называется Студенец, а в то время он назывался Гагаринские пруды. Впоследствии эта дача перешла к графу Федору Андреевичу Толстому и уже от него к единственной его дочери, графине А. Ф. Закревской.

Муж графини тогда был министром внутренних дел. Слово «загородный дом» тогда состарилось для москвичей, его начали заменять словом «дача». Вот отчего переименованное Трехгорное в Закревского дачу стало привлекать всех москвичей в это имение. Граф гостеприимно открыл для всех двери, и

все другие загородные гульбища были брошены, опустели.

Новый владелец прекрасно изукрасил свою дачу. От больших ворот до главного дома над самою рекой шла прямая, широкая и длинная аллея для экипажей с двумя боковыми узкими, для пешеходов, аллеями. С обеих сторон этих аллей было по три обрыва четырехугольных, равной величины, разделенных между собою вновь прокопанными канавами, тогда еще с чистою проточною водой, и соединенных деревянными мостиками. Каждый из этих островков был посвящен памяти одного из героев, под начальством которых Закревский находился: Каменского, Барклая, Волконского и других. На каждом посреди деревьев находились или храмик, или памятник названным полководцам.

Необыкновенная, нового рода правильность, напоминающая что-то фронтовое, и самая чистота, в которой все это было содержимо, как бы заимствованы были у аракчеевских военных поселений. Но недолго эта дача была в моде у москвичей, – вскоре она была продана и теперь под названием Студенец

принадлежит обществу садоводства.

Существовал в Москве некогда еще другой – не менее исторический – гагаринский дом, с большим садом, прудами и со всеми затеями прошлого барского житья. В этом доме, перед 1812 годом, помещался английский клуб, а теперь в нем находится Екатерининская больница. Построен он был в 1716 году бригадиром князем Богданом Ивановичем Гагариным. Дом этот в роде Гагариных был более ста лет; куплен он в казну в 1833 году.

Один из рода этих Гагариных, князь Гавриил Петрович, служил при императрице Екатерине II сенатором. Император Павел I произвел его в кавалеры ордена Св. апостола Андрея Первозванного.

Впоследствии он был министром коммерции и издал «Банкротский устав»; он известен также как духовный писатель; эпитафия, написанная им для своего намогильного памятника, одно время была в большой моде и повторялась на всех кладбищах на монументах зажиточных людей. Вот она:

*Прохожий, ты идешь, но ляжешь
так, как я,*

*Постой и отдохни на камне у меня;
Взгляни, что сделалось со тварью
горделивой,
Где делся человек? И прах зарос
крапивой!
Сорви ж былиночку и вспомни обо
мне!
Я дома, ты в гостях – подумай о
себе!*

Сын этого князя – муж известной красавицы в павловское время, урожденной Лопухиной, – издал сочинения отца под заглавием «Забавы уединения моего в селе Богословском».

В начале нынешнего столетия в Москве была известна княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, урожденная княжна Трубецкая, бывшая впоследствии за вторым мужем Кологривовым. Эта княгиня слыла в тогдашнем московском обществе как очень эмансипированная женщина; у ног ее лежали наши историк Карамзин и поэт того времени князь Ив. Мих. Долгорукий, посвятивший ей несколько стихотворений.

Особенно известно одно под названием

«Параша». Из-за любви к Гагариной застрелился тогда один молодой человек[129].

Странная судьба была этой княгини Гагариной: родная племянница фельдмаршала Румянцева-Задунайского, она вышла за молодого полковника Фед. Серг. Гагарина, погибшего при штурме Варшавы; неутешная молодая вдова, мать нескольких малолетних детей, была взята в плен и в темнице родила меньшую дочь. Она была освобождена вместе с другими пленницами после взятия Праги Суворовым. Долго она отвергала всякие утешения, в серье носила землю с могилы мужа своего, но вместе с твердостью имела она необычайные, можно сказать, невиданные живость и веселость характера; раз предавшись удовольствиям света, она не переставала им следовать.

Сбросив иго старинных предрассудков и повиновение законам приличия, она стала пользоваться излишнею свободой. В то время не знали слов «эмансипированная», «нигилистка» и т. д. и называли Гагаринову просто бойкой барыней. Под конец, когда Прасковья Юрьевна стала терять свои прелести, явился

обожатель – Петр Алек. Кологривов, отставной полковник, служивший при Павле в Кавалергардском полку, и княгиня, чтобы отвязаться от преследований влюбленного, вышла за него замуж.

В доме Гагариной был театр, на котором нередко шли итальянские оперы, – примадонною в последних была сама хозяйка дома. Княгиня также играла и на театре Шаховских под Новинском, где появлялась в ролях репертуара французской актрисы Жорж.

В те времена в высшем обществе в большой моде были драматические спектакли, и не только считали обязанностью смотреть драматических актрис Семенову и приезжавшую тогда в Москву знаменитую французскую актрису Жорж, но и у себя на дому устраивали благородные спектакли и, в подражание им, появлялись в ролях этих артисток.

Две эти артистки, Семенова и Жорж, в Москве производили в то время необыкновенный фурор.

Говорили тогда, что Жорж имела годового содержания в Петербурге 60 000 рублей и,

считая с царскими подарками, двумя бенефисами в Петербурге и двумя бенефисами в Москве, получала до 100 000 рублей в год.

Мамзель Жорж приехала в первый раз в Москву как раз ко дню бенефиса знаменитой Семеновой и послала ей 50 рублей, прося себе ложу в 3-м ярусе. Через неделю шел бенефис Жорж, и Семенова со своей стороны посылает ей 200 рублей и тоже просит ложу 3-го яруса, но гордая артистка отвечает следующей запиской: «Милостивая государыня! Если вы препроводили ко мне ваши 200 руб. для того, чтобы судить о моем таланте, то я не нахожу слов, как вас благодарить, и прилагаю к вашим деньгам еще 250 руб. для раздачи бедным людям. Но если вы посылаете деньги эти мне в подарок, то извольте знать, что в Париже я имею у себя двести тысяч франков».

Девушка Жорж не отличалась строгостью нрава; она была привезена в Москву молодым гвардейским офицером Бенкендорфом. Из Петербурга до первой станции ее сопровождал большой кортеж поклонников артистки, всю дорогу и на станции вино лилось рекой, многие кавалеры не стояли на ногах;

когда же пришлось ехать дальше, компания подхватила Жорж на руки и снесла ее в сани при криках: «Vive le célèbre talent, vive la beauté!»[130]

Князь Вяземский в своих мемуарах рассказывает, как он, очарованный величием ее красоты и не менее величественною игрою художницы, отправлялся к ней лично за билетом на ее бенефис. Она жила на Тверской, у француженки мадам Шеню, которая содержала и отдавала комнаты внаймы с обедом в то время, когда в Москве не имелось ни отелей, ни ресторанов.

Вяземский говорит: «Взобравшись на лестницу и прикоснувшись к замку дверей, за которыми таился мой кумир, я чувствовал, как сердце мое прытче застучало и кровь сильнее закипела. Вхожу в святилище и вижу пред собою высокую женщину в зеленом, увядшем и несколько засаленном капоте; рукава ее высоко засучены, в руке держит она не классический мельпоменовский кинжал, а просто большой кухонный нож, которым скоблит деревянный стол: это была моя Федра и Семирамида. Нисколько не смущаясь моим посеще-

нием врасплох и удивлением, которое должно было выражать мое лицо, сказала она мне: „Вот в каком порядке содержатся у вас в Москве помещения для приезжих, я сама должна заботиться о чистоте мебели своей“».

О красоте Жорж дает нам понятие другой ее современник, Ф. Ф. Вигель, видевший ее в Москве. По словам его: «Голова ея могла служить моделью скорее ваятелю, чем живописцу; в ней виден был тип прежней греческой женской красоты, которую находим мы только в сохранившихся бюстах на древних моделях и барельефах и которой форма как будто разбита или потеряна. Самая толщина ея была приятна; более всего в ней очаровательным казался ея голос, нежный, чистый и внятный; она говорила стихи нараспев, в игре ея было не столько нежности, сколько жара; везде, где нужно было выразить благородный гнев или глубокое отчаяние, она была неподражаема».

Тот же Вяземский приводит рассказ в своих воспоминаниях: «Лет через тридцать в Париже захотелось мне подвергнуть испытанию мои прежния юношеские ощущения

и сочувствия. Я отправился к девице Жорж; увидя ее, я внутренне ахнул и почти пожалел о зеленом измятом капоте и кухонном ноже: предо мною предстала какая-то старая баба-яга, плотно оштукатуренная белилами и румянами и... можно ли было, глядя на эту безобразную маску, угадать в ней ту, которая как будто еще не так давно двойным могуществом искусства и красоты оковывала благоговейное внимание многих тысяч зрителей, поражала их, волновала, приводила в умиление, трепет, ужас и восторг».

В павловское время в Москве особенно вошла в моду страсть к благородным спектаклям. Эта страсть преимущественно процветала в высшем обществе. Таких «партикулярных спектаклей» на неделе давалось по нескольку. Тогдашний московский главнокомандующий, князь Долгорукий, нашел нужным даже испросить у государя на них разрешение. Государь на его просьбу ответил следующим: «...что запрещать их не находит надобности, но находит однако ж нужным, чтоб не были играны пьесы без цензуры и не игранные еще в больших театрах, и чтобы для

сохранения надлежащего порядка в таких частных собраниях, а равно и для наблюдения за исполнением предыдущих пунктов предписуемого, быть всегда частному приставу, который за то и отвечать должен».

По отзывам современников, особенно блистательны были домашние спектакли в имении Марфине, деревне графа Ив. Петр. Салтыкова.

В живописном имении этом стоял на горе, над широким прудом с островами, превосходный трехэтажный дом в стиле Возрождения (вид этой барской усадьбы был отлитографирован в сороковых годах архитектором П. Бурениным, отцом известного нашего критика В. П. Буренина). Два флигеля одинаковой вышины, построенные в одну линию, соединялись с ним галереями и террасами, и таким образом получался огромный фасад. С одной стороны был длинный, правильно распланированный сад с бесконечными прямыми липовыми аллеями, а с другой примыкала к нему прекрасная густая роща, идущая вниз по скату горы до самого пруда или озера. Приемным комнатам нижнего этажа служило

украшением многочисленное собрание старинных фамильных портретов; большая же часть верхнего, под именем Оружейной, обращена была в хранилище не только воинских доспехов, принадлежавших предкам, взятым на войне с пруссаками[131], но и всякой домашней утвари, даже платья их и посуды, серебряной и фарфоровой, вышедшей из употребления.

Театральные представления давались здесь в большой фамильной зале, а также еще в небольшом деревянном театре, построенном в саду и на открытом воздухе, в двух верстах от господского дома, среди прекрасной рощи, названной Дарьиной. Здесь поляна, состоящая из двух противоположно идущих отлогостей, образовала природный театр; сцена заключалась в правильном продолговатом полукружии. Сам Карамзин приезжал сюда для постановки спектаклей и для этого театра написал пьесу под названием «Только для Марфина».

В числе светских любителей, князей Белосельского и Козловского[132], графа Чернышева и других, играл также Василий Львович

Пушкин, являясь в роли Оросмана в «Заире». По отзывам современников, этот актер-литератор отличался весьма неказистой внешностью, имел в тридцать лет рыхлое, толстеющее туловище на жидких ногах, косо́й живот, кривой нос, лицо треугольником, рот и подбородок à la Charles Quint[133] и притом очень редкие волосы и был почти без зубов. Несмотря на такую невзрачность, внешность его не имела ничего отвратительного, а, скорее, была только забавной.

В числе актеров, как сам рассказывает в своих воспоминаниях, подвизался и известный Фил. Фил. Вигель, распевая следующие куплеты в роли бурмистра в пьесе «Только для Марфина»:

*Будем жить, друзья, с женами,
Как живали в старину,
Худо быть нам их рабами,
Воля портит лишь жену... и т. д.*

На это отвечал ему другой герой пьесы Карамзина – вахмистр:

*Наш бурмистр несет пустое,
Не указ нам старина,*

Воля – дело золотое... и проч.

В числе актрис-любительниц играли: вышеупомянутая княгиня П. Ю. Гагарина, П. И. Мятлева, старшая дочь хозяйки дома, графини Салтыковой, вдовы долго начальствовавшего в столице графа Салтыкова, – последняя игрою напоминала известную в то время актрису Вальвиль, затем княжна Хилкова, которая тоже пела и играла как настоящая актриса.

На этом домашнем театре шли и оперы: так, известная в то время опера Паизиелло «La servante-maîtresse», русские – «Два охотника» и излюбленный в то время «Мельник» Аблесимова.

Марфино с незапамятных времен принадлежало роду Салтыковых: сюда из Москвы бежал от чумы в 1771 году граф Петр Семенович Салтыков, победитель Фридриха II, и здесь с того времени, потеряв доверенность императрицы Екатерины II, жил он не более года в опале; по словам его биографа, душевная скорбь прекратила жизнь его. Граф Салтыков был очень любим солдатами и отличался неустрашимостью и храбростью на войне; во

время битвы он выказывал необыкновенное хладнокровие: когда ядра летали мимо него, он постегивал хлыстиком вслед за ними и шутил. У него было необыкновенно доброе сердце. В разговорах он отличался шутливостью.

Порошин в своих воспоминаниях рассказывает, что однажды в присутствии государыни, когда придворные, хвалясь ловкостью, делали из пальцев своих разные фигуры, фельдмаршал Салтыков правою ногою вертел в одну сторону, а правою рукою в другую, в одно время. Сын фельдмаршала, Иван Петрович, отдал Марфино в приданое своей дочери, когда она вышла замуж за графа Григ. Влад. Орлова; от него оно поступило к графам Паниным и от них уже к графу Мусину-Пушкину.

В описываемую эпоху в Москве было множество театралов. По признанию одного из таких театралов, поэта Вяземского, привычка к театру – род запоя. «В известный час после обеда занает какой-то червь в груди; дома не сидится, покидаешь чтение самой занимательной книги, отвлекаешься от приятного и увлекательного разговора и отправляешься в

театр, чтобы в креслах своих смотреть на посредственных актеров и слушать скучную драму». Московская труппа в те годы была так себе; больших талантов, и в особенности образованных актеров, тогда не было. Репертуар, вообще весь русский репертуар, был слаб и скуден. «Нас, между прочим, – продолжает Вяземский, – забавляло смотреть, как некоторые из актеров на сцене, в самом пылу действия или любовного объяснения, одним глазом на минуту не смигнут с директорской ложи, чтобы видеть: доволен ли их игрою Аполлон Александрович Майков, тогдашний директор театра».

Блестящую тогдашнюю московскую молодежь привлекал в особенности балет, пламенно воспетый Денисом Давыдовым в лице красавицы Ивановой и удостоенный похвальным отзывом в «Евгении Онегине». Тогда, собственно, настоящего нынешнего балета не было, а давался разнохарактерный дивертисмент, – в нем являлись в разнообразных плясках красивые, грациозные и талантливые танцовщицы.

Первое место тогда занимала Иванова и за-

тем живая, увлекательная, черноглазая и густо-черноволосая цыганочка Новикова. Из мужского персонала на московском театре первое место в пляске и пении занимал молодой Лобанов; в роли цыгана, с черною бородою и в ярко-красном архалуке[134], он приводил, в известном тогда «Семике», в восторг всю публику от райка до кресел своими эксцентрическими и неистовыми коленцами. Со славою Лобанова соперничал еще военный писарь Лебедев, не принадлежавший московскому театру, но со стороны, участвовавший в «Семике» как песенник. Голосом своим он звонко заливался; руки его, вооруженные ложками, фейерверочно вертели их; ноги его так прытко изворачивались вприсядку, и все тело его так изгибалось и трепетало, что он был живой и превосходный образец беснующегося.

Выше уже мы рассказали про случай с ним, бывший во время приезда императора Александра I, прекративший его театральную карьеру навсегда.

Нравы театралов в старое время в Москве были жестокие, и боже избави, если ка-

кая-нибудь актриса им не нравилась: ее зашикают и засвищут, несмотря на существовавшие в то время строгие порядки относительно зрелищ. По поводу такого неистового протеста театралов М. А. Дмитриев приводит в своих «Мелочах» следующий случай. Какую-то актрису публика не выносила и при появлении ее шикала, шумела и топала; это дошло до Петербурга, приказано было всех посадить под арест: кого на гауптвахту, кого просто в полицию. Посадили человек двадцать, в том числе графа Потемкина; между ними еще попался некто Сибилев, человек за пятьдесят лет, самый смирный, толстый, с красным лицом; последний являлся безмолвно на бульварах и имел привычку, бывая в театрах, ходить по ложам всех знакомых, что в то время было не принято в свете. Князь Ник. Бор. Юсупов, о котором мы выше говорили, любил его, потому что над ним можно было посмеяться. Он называл его, по круглой его фигуре и по красноте лица, арбузом, а по охоте его лазить по ложам – «ложелаз», что было тем смешнее, что напоминало ловеласа, на которого совсем не похож был Сибилев. Пове-

ление было исполнено, но вся Москва раскричалась, лица были известные. Из Петербурга тотчас велено было всех выпустить.

Мало этого: государь сам приехал в Москву поглядеть впечатление. На вечере у князя Голицына он изъявил желание играть в карты с графиней Потемкиной, муж которой был посажен под арест, и был с ней очень любезен; выиграв у нее пять рублей и получая от нее деньги, сказал ей очень благосклонно, что сохранит эту бумажку на память. Графиня отвечала ему, что она со своей стороны не имеет нужды в напоминании, чтобы помнить о его величестве. Государь отвечал: «А вы все еще на меня сердитесь за мужа? Забудемте это с обеих сторон». Между тем в Москве вышла карикатура, представляющая лица всех посаженных под арест, и впереди них – смиренный Сибилев с надписью: «Le chef de la conjuration»[135].

В числе больших театралов в Москве был некто Ф. Ф. Кокошкин. Он сам играл в благородных спектаклях и был хорошим актером – все роли его были обдумань, все шаги разотчены, искусства у него было очень много, но

натура иногда скрывалась за искусством. Во время его директорства в театре он пригласил лучших актеров; ему много был обязан московский театр: им был вызван Щепкин на московскую сцену; им были приняты трагик Максин, Афанасьев, Лавров, певец Бантышев, Ленский, Рязанцев, актриса Львова-Синецкая; в балет при нем были выписаны из Парижа Ришар и г-жа Гюллен. Театральное училище тоже представляло для него главную заботу. Экзамены училища делались публично в театре, из училища при нем вышли Живокини, Сабуров, Над. Репина, Сабурова, Карпакова, Богданова и другие.

В дом Кокошкина собирались литераторы и люди высшего общества; для усвоения воспитанниками манер хорошего тона у него давались вечера, в которых по приглашению принимали участие и взрослые воспитанники училища. Из литераторов у него бывали: Мерзляков, Загоскин, Давыдов, Раич, оба Дмитриева, Погодин, Шевырев, Полежаев, А. И. Писарев; последний начал свое водевильное поприще под руководством Кокошкина. Им же были поощрены в первых своих лите-

ратурных трудах Н. Ф. Павлов, С. Т. Аксаков и Ф. Ф. Кони.

Сам Кокошкин написал комедию в стихах «Воспитание, или Вот приданое», перевел несколько французских мелодрам, в числе которых «Жизнь игрока»[136]. Затем переделал оперетку «Роман на один час; чертенок розового цвета на один час в отпуску», также перевел «Мизантропа» Мольера, который в первый раз был исполнен в 1814 году на благородном спектакле. В этой же пьесе в 1815 году, декабря 15-го, в первый раз появилась на сцене, не принадлежа еще к театру, М. Д. Львова-Синецкая в роли Прелестиной (то есть Селимены). Когда Кокошкин управлял театрами, артисты приходили к нему как к другу. Он жил на Воздвиженке, в угольном доме, против церкви Бориса и Глеба. Он часто по целым ночам просиживал на сцене за постановкою пьес, боясь поручить их режиссеру или кому-нибудь непосвященному в тайнства сцены.

Как русский барин, Кокошкин жил пышно, открыто, привлекая к себе хлебосольством, привязывая радушием. Старики-акте-

ры долго помнили его блистательные и очаровательные праздники, которые он давал в селе Бедрине, где великолепие природы смешивалось с роскошью вымысла, где плавучие острова Бедринского озера, воспетого А. И. Писаревым, оглашались песнями наяд, игра природы прикрашивалась игрою искусства, где простой холм над заливом переносил вас в древнюю Элладу, где звучал меч Ахиллеса и сожигался троянский флот и где тяжелый александрийский стих сменялся веселыми песнями колонистов, не театральных, а действительных, поселенных Кокошкиным близ Бедрина.

Отказавшись от театра, он пустился в спекуляцию и сделался фабрикантом – в то время это было в моде, – и картофельная мука, патока, глиняная посуда, новые печи, сальные свечи – все было перепродаваемо новым фабрикантом, и кажется, не без выгод для других.

Кокошкин был два раза женат: в первый раз на дочери сенатора, И. П. Архаровой, и во второй раз на актрисе; от последнего брака он имел детей. За два года до своей смерти он

был разбит параличом и влачил жизнь страдальческую. Он умер в Москве в сентябре 1838 года.

Про Кокошкина ходило множество анекдотов; говорили, что он никогда не читал Шекспира потому, что был отчаянный классик. По рассказам молодых дебютантов и актеров, он учил их сам с голоса, как учат птиц, и потому некоторые из них играли немножко нараспев, подражая голосу учителя. Кокошкин очень любил чтение вслух и декламацию.

Про него Ал. Ив. Писарев говорил, что он любил литературу как средство громко читать. Голос у него был звучный, интонация обдуманная; особенностью его голоса была необыкновенная гибкость. Когда он играл на сцене, то были слышны даже его тихие тоны.

Он требовал от актеров, чтобы они попадали в октаву, или, правильнее, в тон. Но игре Кокошкина очень вредила какая-то необыкновенная торжественность на сцене. Внешность Кокошкина была оригинальная: он был очень небольшого роста, в рыжем парике, с большой головой и наруганными щеками. Носил он длинные чулки в башмаках с пряж-

ками и атласную culotte courte[137] черного, а иногда розового цвета. Он казался олицетворением важности, пафоса и самодовольствия. И. И. Дмитриев, когда был министром юстиции, предложил ему место московского губернского прокурора, но предварительно захотел посоветоваться о нем с его тестем, Ив. Петр. Архаровым. «Ох, мой отец, – сказал тот, – велика твоя милость, да малый-то к театру больно привязан!» Дмитриев не посмотрел на это, думая, что театр не помешает делу, и сделал его прокурором. Однако последствия оправдали заключение тестя. Кокошкин не показал стойкости на этом важном месте и недолго занимал его. Назначая его на место прокурора, Дмитриев говорил, что переводчик, передавший верно и хорошо характер Альцеста, должен быть сам человек добросовестный и правдивый.

У Кокошкина была привычка всем говорить: «Мой милый!» Об этом упоминает Аксаков в своих воспоминаниях. Однажды Кокошкин спорил с Писаревым, кто лучше – Расин или Шиллер? Писарев спросил его: «Да читали ли вы Шиллера? Вы прочтите». – «Не чи-

тал, милый, – отвечал Кокошкин, – и читать не хочу! Я уж знаю, что Расин лучше!» Потом, взглянувши умилительно на Писарева, прибавил: «Эх, милый, Александр Иваныч! Когда я тебя в чем-нибудь обманывал? Поверь же ты мне на слово, что Расин лучше!» Этот анекдот был всем известен.

В начале нынешнего столетия Москва насчитывала более двадцати домашних театров, где играли крепостные люди и сами господа, любители. Из таких театров, как мы выше упоминали, первыми были: два театра графа Шереметева, в Кускове и Останкине, графа Орлова – под Донским, Бутурлина и Мамонова – в Лефортове, на Разгуляе – у Мусина-Пушкина, в Петровском – у Разумовского, у Голицына, у Пашкова – на Моховой, в Люблине, Перове, Рождествене, Архангельском; в апраксинском Ольгове, помимо этого загородного, был еще театр на Знаменке, у графа.

Последний театр в то время был лучший в Москве, с ложами в три яруса; на нем играли все знаменитости, посещавшие Москву; здесь давалась итальянская опера, на любительских же спектаклях тут игравали лучшие то-

гдашние любители: Кокошкин, Яковлев, Гедеонов. В женском персонале появлялась и сама хозяйка дома. Последняя, по словам Благово, никогда не знала своей роли и, подходя к суфлеру, спрашивала его: «Comment?»[138] П. Арапов говорит, что в его время залы княгини З. А. Волконской исключительно оглашались итальянской музыкою, а театры С. С. Апраксина и Ф. Ф. Кокошкина предпочтительно принадлежали трагедии и высокой комедии.

Пьесы на барских любительских театрах преимущественно исполнялись на французском языке, несмотря на то что эту моду к иноземному языку осмеяли наши лучшие тогдашние драматурги – Княжнин и Фонвизин, первый в роли Фирюлина, в «Несчастьи от кареты», второй – в «Бригадире», в лице глупого бригадирского сынка, которого душа, как говорил последний, принадлежала французской короне.

Позднее И. А. Крылов еще злее вывел тогдашнюю столичную и провинциальную галломанию в своих двух комедиях – «Урок дочкам» и «Модная лавка». Вслед за ним пробо-

вал также смеяться в своей комедии и граф Ростопчин над французским языком и полурусским воспитанием значительной части дворянского сословия. Что же касается до барских театров, то их предал полному осмеянию князь Шаховской в своей комедии «Полубарские затеи». После этой пьесы столичные и деревенские меломаны как-то совсем поприутихли и новых домашних оркестров, трупп и балетов уже не учреждали.

Вид Новодевичьего монастыря. Литография Ш. К. Башелье. 2-я треть XIX в.

Глава XV

Девичье поле. – Дома вельмож. – Древнехранилище Погодина. – Лубочные картины. – Гулянья на Девичьем поле в екатерининское время. – Случай с полковником Брандтом. – Народный театр. – Дом Макарова, птенца Петра Великого. – Внук Макарова. – «Журнал для милых». – Сотрудницы его. – Позднейшая журнальная деятельность Макарова. – Его рассказы о прежнем быте помещиков. – Пути сообщения в старое время, заставы и проч. – Дом князя Никиты Трубецкого. – Характеристика этого вельможи. – Дом Н. П. Архарова. – Московский Сартин. – Сенатор Иван Архаров, брат обер-полицеймейстера. – Архаровский полк. – Рыски. – Анекдоты и рассказы про Архарова.

В екатерининское время у многих наших бар были загородные дома в отдаленных частях Москвы, вошедших впоследствии в состав города. Поблизости от Кремля в старину наши вельможи избирали себе места большею частью на Девичьем поле, около Хамовников, у Крымского брода.

Девичье поле исстари славилось своими народными гуляньями. Цари Михаил Феодорович, Алексей Михайлович, Феодор Алексеевич, отправляясь сюда на богомолье 28 июля, имели обыкновение отсюда встречать крестный ход и для того приезжали сюда иногда еще накануне праздника, останавливаясь в

шатрах, раскинутых на поле, бывали в монастыре у малой вечерни, у всенощной, а в самый праздник и у ранней и у поздней обедни и, наконец, кушали в шатрах.

Можно вообразить, сколько тогда бывало шатров на поле и сколько народа, если уже сами цари имели обыкновение здесь проводить праздник. Девичье поле, по преданию, получило свое название оттого, что сюда на поле девицы гоняли коров. Более древнее предание гласит, что название это восходит к временам татарского ига, когда москвичи сюда приводили девиц в дань монголам и при отдаче их подносили еще на головах послам молоко и мед в серебряных чашах.

На Девичьем поле стоит огромное здание Новодевичьего монастыря, строителем которого называют фрязина Алевиза, который в начале XVI столетия кроме этого монастыря построил многие каменные церкви.

В этом монастыре проживал у своей сестры отрекавшийся от престола Борис Годунов. Здесь умоляли его духовенство и бояре принять державу. Этот монастырь, как и Вознесенский, долгое время служил царскою усы-

пальницею. В нем погребены царевны, дочери царя Алексея Михайловича – Софья и Екатерина; дочь царя Иоанна V – Анна, затем первая супруга Петра Великого Евдокия Федоровна, урожденная Лопухина. В «Древней Вифлиофике» сказано, что тело царевны было сперва погребено в Софиевской церкви и уже впоследствии было перенесено в собор. Каменные гробы почивших цариц стоят на помосте храма, над ними устроены из кирпича надгробницы, покрытые суконными и бархатными покровами. В этом монастыре после заговора Щегловитого в 1689 году заключена была сестра императора Петра I, царевна и соправительница Софья, «за известныя подъяискательства». Но, невзирая на бдительность стражи, царевна чуть-чуть не бежала из монастыря; через пять лет Софья опять успела раздуть пламя мятежа в стрельцах, посягая на жизнь царя. Но бунт был вовремя усмирён царем и крамольные стрельцы повешены перед окнами кельи царевны с челобитными в руках, в которых умоляли ее принять престол. В этом монастыре провела царевна последние дни свои, до конца не оставляя вла-

столюбивых своих замыслов.

В 1808 году умерла в Новодевичьем монастыре столетняя старица, которая помнила царевну и указывала ее келью. В монастыре была игуменья Елпидифория, из фамилии Кропотовых, у которой сохранялся портрет царевны Софьи. Император Павел навещал эту игуменью и жаловал наградами. По рассказам, она также была последней самовидицей жизни царевны в монастыре.

Близ Троицкой дороги, не доезжая села Рахманова, было село Сафрино, некогда принадлежавшее графине Ягужинской. Прежде это была собственность царевны Софьи, точно так же, как и село Сафрино, при берегах Москвы-реки по зимней рязанской дороге. Тут были богатые плодовые сады, разведенные самою Софьею, а дом Ягужинских был некогда дворцом ее. Впоследствии он был перестроен.

Лет шестьдесят тому назад помнили еще его: он был с чистыми сенями, расположенными посредине двух больших связей, из коих каждая разделялась на две светлицы.

В Сафрине светлел чистыми водами пруд

опальной царевны, богатый рыбою и обсаженный вербами, на которых долго виднелись литеры, означавшие имена царевны и друзей ее. В литерах этих угадывали имена князя Василия Голицына, Семена Кропотова, Ждана Кондырева, Алмаза Иванова, Соковнина и других.

Народная молва передавала, что Сафрино прежде называлось Софьиным же, но что при пожаловании его в поместье имя Софьино изменено для каких-то причин. Известный знаток московской старины А. А. Мартынов отвергает все эти предания, а предполагает, что село Сафрино принадлежало некогда роду дворян Сафариных.

Лет сто тому назад ходила молва[139], что под мостом при деревне Гольгиной (на Троицкой же дороге) в каждую полночь жаловались и плакались души Хованских, казненных по домогательству будто бы царевны Софьи в селе Воздвиженском и потом затоптанных в гати под Гольгиной; что долго тени несчастных сына и отца Хованских выходили на Гольгинскую гать, останавливали проезжих и прохожих и требовали свидетельств по

суду Божию на князя Василия Голицына и Хитрова. Говаривали, что один из Хованских, кланяясь прохожим, снимал свою отрубленную голову, как шапку. Через несколько лет после того тени Хованских были заменены под Голыгинскою гатью стоном лешего, но теперь нет, кажется, уже и лешего.

На Девичьем поле некогда стоял деревянный дом, знакомый каждому из москвичей; здесь проживал со своими рукописями, автографами и вековыми хартиями профессор Погодин. Им занесено на страницы издававшегося им «Москвитянина» следующее предание о Девичьем поле в день 1 декабря, чтимое по сей час в обители ежегодным торжественным всенощным бдением с акафистом[140] в свидетельство истины этого происшествия.

В морозную декабрьскую ночь очередной дьячок спал глубоким сном в сторожке у передних ворот монастыря. Вдруг чудится ему, что кто-то стучит в окно и велит идти благовестить к заутрени.

Он просыпается, выходит на двор, посмотрел на небо: нет, еще слишком рано; идет старик досыпать в сторожку. Лишь только за-

крыл глаза, опять будто кто-то толкает его в бок: пора к заутрени. Очнулся – вышел в другой раз; смотрит опять на небо – нет, все еще рано. Ворча, опять уходит старик спать. «Ступай благовестить», – в третий раз раздается у него в ушах, когда он едва уснул. Дьячок вскочил испуганный; досада его взяла. «Ударю в колокол, – подумал он. – Не стану смотреть на звезды; нужды нет, что рано: пускай посердится батько».

Вышел из сторожки и идет он стеною и видит чрез зубцы, что по монастырю ходят взад и вперед какие-то люди с фонарями и свечами, что к паперти подъехало много пошевной тройками. Видит, что-то недоброе. Бежит на колокольню и звонит во все колокола что ни есть мочи. Раздается гром на все поле. Все в монастыре просыпаются и бегут со всех сторон к церкви узнать, что за тревога, и видят – в задние ворота скачет вон из монастыря что есть духу троек двадцать к Москве-реке. Слышит звон и царь Петр Алексеевич, пировавший в то время на Пречистенке. «Скорее сани, – кричит Петр, – пошлите за солдатами». Думает царь: «В Девичьем монастыре живет

заключенная сестра – опять нет ли какого стрельцкого заговора».

Прискакал царь с свитой к монастырю, стучится в ворота, не отпирают. «Ломай ворота», – командует Петр. Приносят ломы, заступы, топоры, бьют, ломают, кто-то успел перелезть через стену и растолковать испугавшемуся причту, что приехал царь. Ворота отперли. «Что у вас тут делается?» – спрашивает государь. И все в один голос начинают рассказывать, что к ним приезжали воры, все замки церковные сбиты, двери выломаны, образа, ризы, дорогие вещи собраны были уже в вороха и вынесены на паперть, но дьячок зазвонил тревогу, и воры, не успев покласть добра на воза, испуганные ускакали.

Петр обошел, все осмотрел и, обходя, заметил, что везде на полу, по снегу накапано было множество воску. «Перехватать завтра всех, – говорит он, – кто попадетя в кафтане, залитом воском, на рынках, площадях, по улицам и привести ко мне». Приказ исполнен, и на другой день собрано было к нему со всей Москвы множество народа, закапанного воском, в котором по лицам легко уже было

зоркому взгляду царя отличить виноватых от невинных. Таким образом грабители были пойманы.

Рассказ этот Погодин слышал от старика монастырского священника.

В доме профессора М. П. Погодина было собрание русских древностей в полном объеме: здесь были древнейшие иконы – живописные, литые, резные, из кости, из камня, дерева, шитые; кресты, редчайшие старопечатные славяно-церковные книги, рукописи, монеты, различная утварь, оружие, грамоты и судебные дела древности, автографы, эстампы, лубочные картины, курганные вещи, первые издания и проч.

Много десятков лет тому назад Москва была богата такими музеями и имела многие частные собрания. Так, П. Ф. Карабанов собрал превосходную коллекцию, как бы служившую дополнением к древностям и редкостям Оружейной палаты, – в нее вошли собрания А. В. Олсуфьева, П. П. Бекетова и Ф. В. Каржавина. В числе его редкостей у него было единственное собрание русских портретов и монет царского периода; последних также

было весьма значительно и у А. Д. Черткова, господ Раковых и С. Г. Строганова, профессора Буазе, графа Мусина-Пушкина, Бекетова, князя В. Д. Голицына, грека Зосимы, Шестынина, Нечаева, Головина, Макарова, Писарева, Шпревица (преимущественно восточная монета, описанная Френом). Собиратели монет для продажи были гг. Лухманов, Шухов, Шульгин, Бардин, Волков.

Большая часть таких нумизматических сокровищ уничтожена и вовсе теперь не существует. Так, собрания профессора Буазе и Мусина-Пушкина сгорели в 1812 году в Москве, из последней коллекции целы по сей час только две монеты – тогда единственный Ярославлев рубль, в слитке, поднесенный владельцем Академии наук, да гривна золотая, поднесенная им Александру I, хранящаяся, кажется, теперь в Императорском Эрмитаже.

Из торговцев монетами был знаменит торговавший прежде в Москве, а потом в двадцатых годах в Петербурге, по Перинной линии, Е. С. Петров.

Для примера, как ценились тогда русские монеты, приведем цены из имеющейся у нас

рукописной тетрадки нумизмата 1830 года. Так, например, серебряная полуполтина царя Алексея Михайловича была куплена за 125 рублей; золотой с надписью «Российский рублевик» 1710 года – за 400 рублей. Медные платы, привезенные П. П. Свиньиным из Екатеринбурга, были проданы графу Ф. А. Толстому по 150 рублей за штуку. Маленькая серебряная монета Владимира была куплена у нумизмата Келлера за 400 рублей собирателем С. Еремеевым; монета эта была найдена в 1823 году в Ростовском уезде. Последний также купил пятикопеечник 1723 года с изображением всадника за 500 рублей.

С этим пятикопеечником случилась неожиданная история: желая сделать его доступным всем собирателям, Еремеев отдал его граверу снять с него снимок на меди. В то самое время, когда гравер нес к владельцу доску, пятикопеечник был им потерян. Тщетны были все поиски: доска Еремеевым была пожертвована в Московское историческое общество, где к трудам его и был приложен снимок с этого пятикопеечника.

Также весьма дорого ценился в тридцатых

годах четвертак Иоанна Антоновича, считавшийся величайшею редкостью; за него было заплачено в то время 800 рублей ассигнациями.

Собрания по части древней русской иконописи были: Г. Т. Молошникова, И. В. Стрелкова, графа С. Г. Строганова (к нему поступило впоследствии бывшее Папуринское), А. А. Рахманова, С. Н. Тихомирова. Из древних рукописей богатейшая была у И. Н. Царского, князя М. А. Оболенского, И. А. Гусева (впоследствии перешедшая к К. Т. Солдатенкову), А. И. Лобанова, Г. И. Романова. Старопечатных книг много было у И. Н. Царского, А. А. Рахманова, В. М. Ундольского. Огромное и единственное в Европе прежде Голицынское собрание рисунков и эстампов первейших мастеров было у князя И. А. Долгорукова; собрание драгоценных эстампов – у Н. Д. Иванчино-Писарева (последний купил также значительную часть коллекций Власова), затем у Д. А. Ровинского, Маковского, Новосильцева. Последние собиратели не брезгали и лубочными московскими картинами.

По московским преданиям, резчики лубоч-

ных картин жили прежде у Успения в печатниках. Знаменитая московская лубочная печатница Ахметьева, основанная в половине XVIII века, существовала около ста лет у Спаса в Спасской, за Сухаревой башней, переходя от одного хозяина к другому. Говорят, что Ахметьев получил свое заведение в приданое за своею невестою. У него работали в печатнице на двадцати станах. При старике доски вырезались в заведении. Подлинники, или «истинники», буквально переносились резчиками с одной доски на другую и отличались верностью копировки. Когда же вступила в управление Ахметьевскою печатницею Татьяна Афанасьевна, то истинники раздавались по деревням, и там уже правильная резьба на дереве обратилась в кустарное грубое ремесло. Резчики начали своевольно отступать от истинников, и вместо русского народного платья появились на «персонах» наряды немецкие.

Вместе с изуродованием персон начали портить и тексты народных сказок. Все отпечатанные листы из Ахметьевской печатни отдавались по деревням. Раскраска преимуще-

ственно производилась четырьмя главными цветами: красным, желтым, синим и голубым.

Но никто в Москве лучше не умел раскрашивать картин, как известная старушка Федосья Семеновна с сыном. Старые лубочные картины теперь очень редки. Средоточием продажи лубочных изданий всегда была Москва; продавались они в старину у Спасского моста, близ старого бастиона; около них всегда толпилась масса народа. Здесь сидели наши народные слепцы, распевавшие Лазаря и Алексея Божьего человека. От Спасского моста они перешли к ограде Казанского собора. Здесь застал их 1812 год. После этого их согнали к Холщовому ряду и после вытеснили в Квасной ряд. Временные выставки лубочных произведений бывали на Смоленском рынке и у Сухаревой башни по воскресеньям.

Во время пожара 1812 года погибло много народных источников, драгоценных по изобретению и по тексту. И теперь уже не встретишься ни с «Ершом», ни с «Бовою», ни с «Аникою», ни с «Мышами, погребаяющими кот» или с «Веселою Масляницею».

В царствование Екатерины II летом, в каждый праздник и каждое воскресенье, на Девичьем поле было общественное многолюдное гулянье людей высшего круга. Особенно здесь торжественно праздновался день 13 мая. На поле щеголи екатерининских времен имели обычай ездить верхом для прогулок. «Под Девичье» считалось за самое лучшее и блистательнейшее гулянье.

Жихарев рассказывает, что в его время, в 1803 году, на таких гуляньях в Москве обращала внимание карета какого-то Павлова, голубая с позолоченными колесами и рессорами, соловые лошади с широкими проточинами и с гривами по колена, в бархатной пунцово-красной с золотым набором сбруе. Коренные, как львы, развязаны на позолоченных цепях, а подручная беспрестанно на курбетах. Из кавалькад лучшие были графа Орлова-Чесменского, графа П. И. Салтыкова, Поливанова и других. Гулянье под Девичьим особенно многолюдно было о Пасхе. Тогда карет и кавалькад счету не было. По случаю гулянья под Девичьим во всех барских домах, находящихся на Пречистенке, назначаемы были большие

вечера и балы. На Девичьем назначались в то время тоже парады для войск.

На одном из таких плац-парадов, еще в павловское время, вскоре после приезда императора в Москву для коронации, произошел следующий случай. В последний год царствования императрицы был выпущен из конной гвардии поручик Брандт премьер-майором в Астраханский гренадерский, впоследствии Архаровский, полк. Брандт был молодой человек вспыльчивого характера. Вечером он получил записку, содержащую приказ от экзерцирмейстера полковника Н., чтобы на другой день в 8 часов представить полк на Девичьем поле. Брандт дошел до Зубова, остановился и ожидал, чтобы на Спасской башне ударило 8 часов.

Едва пробило, как Брандт вступил на плац-парад, где уже экзерцирмейстер прохаживался. Брандт подошел к нему с рапортом. «Ты опоздал», – сказал полковник. «По записке вашей, – отвечал Брандт, – я привел полк в 8 часов». – «Неправда, я приказал быть в 7 часов». – «Записка ваша при мне». – «Покажи». Брандт подал. Прочитав записку, экзерцир-

мейстер разорвал ее в куски. Это взорвало Брандта. «Зачем ты ее изорвал, – сказал он, – грамоте не знаешь, вместо 7 написал 8 и теперь меня обвинить хочешь!» – «Тише, молодец!» И в запальчивости своей экзерцирмейстер произнес неприличное слово насчет прежнего, при Екатерине, порядка вещей. Но он не успел еще договорить, как пощечина была уже на щеке его. По команде дошло это происшествие до государя. Брандт был разжалован в солдаты и во все время коронации оставался рядовым в Архаровском полку.

За две недели до отъезда императора в Петербург приезжает в полк фельдъегерь с повелением представить императору рядового Брандта. Брандт введен был в кабинет императора, стал у дверей во фронт и твердым голосом произнес: «Здравия желаю вашему императорскому величеству!» Государь подошел к нему и сказал: «У Царя Небесного нет правосудия без милосердия, и у царя земного быть не должно. Вы поступили против субординации, я вынужден был вас наказать, но вы, как благородный человек, защищали вашу императрицу. Поцелуйте, господин полков-

НИК».

На Девичьем поле в 1769, 1770 и 1771 годах был открыт первый казенный народный театр; в нем давались представления бесплатно по воскресным, праздничным и викториальным дням. На содержание театра, на наем комедиантов и музыкантов определено было отпускать на каждый год по 300 рублей из подлежащих до московской полиции доходов.

Содержать этот театр и давать представления обязался уволенный от дел бывшей московской гоф-интендантской конторы канцелярист Илья Скорняков, и это обязательно исполнял три года в летнее время, начиная с недели после Святой и до осени, до Покрова дня. Представления были: «комедийные-увеселительные» интермедии и курьезные шпринг-мейстерские действия. Представления начинались в 3 часа и оканчивались в 6 часов; «позывку» же для собирания народа музыкантам на трубах или валторнах было приказано начинать в начале первого часа. С появлением в Москве моровой язвы спектакли на Девичьем поле прекратились и,

как видно из дела московской Управы благочиния 1769 года, за № 4, 115, более уже не возобновлялись.

В екатерининское время Девичье поле от слободы до монастыря не было так широко, как нынче; в его поймах стояли не фабрики, не сады господские, но огороды монастырские и рощи.

Гул колоколов с церквей московских сладко пел по этим рощам; но сладок ли он был для заключенных вместе с царевной Софьей в ограде монастырской? На Остоженке, подле церкви Успения, почти на Буйвище (кладбище), жил Козьма Макаров, старший письмоводитель канцелярии Петра. Светлый домик Макарова прямо смотрел на Девичий монастырь, и говорили в то время, что сам хозяин должен был смотреть только на поле к монастырю. Император нередко бывал в этом домике, он грустил здесь и говорил о строптивой сестре своей Софье. Хозяин этого домика погребен в церкви Успения; над ним долго стоял его родовой образ св. Харлампия. Эта икона и посейчас находится в названном храме.

Брат этого Макарова по отцу, Алексей Васильевич, был любимым кабинет-секретарем Петра I; Гельбиг говорит, что царь будто взял его к себе и составил его счастье за то, что он был очень толковый мальчик и занимался у него списыванием секретных бумаг. Макаров был неграмотен и копировал механически. Известие это неправдоподобно: как же в таком случае Макаров мог прочесть несчастному Шафирову смертный приговор и потом объявил ему помилование? Макаров был женат на дочери дьяка московского военного приказа Ив. Петр. Топильского – он сговорен был в Москве, но свадьба его состоялась в Петербурге.

Из имеющейся у нас рукописи видно, что по указу Топильский со всею своею свитою прибыл в Петербург, и 6 февраля 1715 года происходил в Исаакиевской церкви, по церковному обычаю, обряд бракосочетания, который совершал иерей Алексей, прозванием Грач, в присутствии царя и многих знатных особ, и потом все пошли в дом его величества, где новобрачные были посажены под устроенными двумя балдахинами. После публич-

ного стола новобрачных все гости проводили до дома Макарова. На другой день «в дом новобрачных приезжал государь, потчевал венгерским и сам, по своей высокой милости, про их здоровье изволил выпить рюмку. После кушаньев забавлялись музыкою и танцеванием разных персон переменяемых, в удовольствовании всяких конфектов и деликатных закусок и напитков. На бракосочетании были: отцом – сам государь и матерью – царица и свет. кн. Меншикова, братья Ад. Ад. Вейде и князь Василий Володимирович (?), сестры: княгиня Настасья Петровна и Марфа Андреевна (?), маршал князь Ягужинский, форшнейдер Мешукоб (?), ближняя девица, вдова да-Балкова (де Балк), шафера: Игнатий Муханов, Прокопий Мурзин, Иван Кочетов, Семен Алабердеев, Ермолай Скворцов, Никита Витгоф, Иван Синявин».

Голиков говорит, что Макарова Петр, как уже упомянуто выше, заметил еще мальчиком, в бытность свою в Вологде, определил сперва к себе писцом и затем уже произвел в кабинет-секретари, и с тех пор он неотлучно состоял при царе и сопутствовал Петру даже

во всех заграничных его путешествиях. Макаров пользовался большою доверенностью царя и хранил у себя значительные казенные суммы; он приводил в исполнение тайные приказы государя, неизвестные даже Правительствующему Сенату, и напоминал последнему о его обязанностях, для чего и был оставлен в Москве в 1723 году.

Макаров пользовался большою доверенностью и императрицы Екатерины I и даже, по словам Бантыш-Каменского, вспомоществовал ей в получении престола. На сделанный ему вопрос почетнейшим духовенством и всем генералитетом, оставил ли покойный император духовное завещание или нет, отвечал, что незадолго до последней своей поездки в Москву государь уничтожил духовную, прежде им написанную, и намеревался составить другую с этою мыслью, не раз выраженною вслух, «что если народ, возведенный им на высочайшую степень славы и могущества, в состоянии забыть его благодеяния, то не желает он посрамить последней воли своей; буде же россияне умеют ценить подъятые им труды для благоденствия их,

ему не нужно излагать на бумаге намерений, торжественно уже объявленных». Феофан Прокопович и Меншиков подтвердили слова Макарова, несмотря на голоса некоторых противников этой речи. Макаров был произведен императрицей Екатериной в генерал-майоры и на другой год сделан тайным советником.

Сверх того он получил несколько деревень. В конце царствования Екатерины Макаров покинул свою придворную службу. При вступлении на престол Петра II он был назначен президентом камер-коллегии. При императрице Анне Иоанновне он все еще состоял в этой должности. Он умер в 1750 году, в кругу своего семейства. Дочь его от второго брака была замужем за генерал-аншефом князем Мих. Ник. Волконским.

Внук этого Макарова, Михаил Николаевич Макаров, известен своими многочисленными литературными трудами. Он принадлежал, как и его однофамилец, издатель «Московского Меркурия», к числу ревностных карамзинистов; свою литературную деятельность он начал семнадцати лет – изданием «Журнала

для милых» (1804). Макаров, как сам позднее признавался, в первый раз встретил Карамзина в типографии и тотчас же поднес ему билет на «Журнал для милых». Карамзин поблагодарил его и сказал: «В первый раз еще вижу детей журналистами». Он знал уже журнал Макарова: содержание журнала была пустота с сентиментальностью и какое-то жалкое и бессильное поползновение к непристойности.

«Северный вестник» Мартынова по выходе первой книги дал совет, чтоб «милые и в руки не брали этого журнала». Юный Макаров начал издавать его с помощью одного студента славяно-греко-латинской академии, И. В. Смирнова; целью его было не одно угождение милым, но опровержение обвинений Шишкова, направленных против Карамзина, однако во всем журнале и подозревать нельзя такого героического предприятия! Poleмика была поручена сотрудницам, известным только одним издателям.

По словам М. А. Дмитриева, сотрудницами его были две кроатки[141], по обстоятельствам приехавшие в Москву, – очень юные де-

вицы: княгиня Елисавета Трубецка и сестра ее А. Безнино. Они учились по-русски у того же студента Смирнова. Им-то вверена была критика. Журнал не мог, однако, продолжаться. Тогда издатели уговорили одну из сотрудниц издавать другой, от своего имени. Она не задумалась и немедленно объявила в газетах о новом журнале «Амур» и перевела свою фамилию по-русски, то есть вместо «кн. Трубецка» подписывалась под программой «княжна Елисавета Трубецкая». Княжна такого имени и фамилии была известна в Москве в большом свете; можно себе представить, сколько хлопот стоило это бедному Макарову. Журнал не состоялся, и обе кроатки отъехали ни с чем за границу. В 1811 году Макаров издавал в Москве «Журнал драматический», ежемесячно небольшими книжками: вышло всего 11 книжек. В журнале помещались пьесы драматические, театральные разборы, стихотворения и пр.; в нем борьба с последователями Шишкова была в полном разгаре. Позднее Макаров писал небольшие статьи о преданиях старины рязанской и московской, а также и библиографические известия о старых кни-

гах: в «Наблюдателе», «Дамском журнале», «Молве», «Репертуаре», «Отечественных записках» и «Москвитянине».

Особенно интересны его рассказы о жизни недостаточных помещиков, осуждавших себя на вечное житье в подмосковных и других имениях. По словам его, жилые постройки их большею частью состояли из двух деревянных связей, разделенных сенями, которые, однако ж, впоследствии обращались иногда в приемную комнату, сени же прирубались с боков; все это было крыто соломенными снопиками, иногда тростником.

У некоторых господ бывали небольшие домики, выстроенные хотя и прочно, но без законов симметрии – кое-как; на этих домиках, вчастую на переднем фесе, между ужасными простенками, бывало только четыре окна, а над крышею торчала одна безобразно широкая и кривая труба, размалевываемая только для приезда гостей или для праздника известью. Печи в этих зданиях, худо складенные и после их топки неумело закрываемые, очень часто производили угар, и потому нередко случалось видеть хозяев с обвязанными голо-

вами. С этой стороны зимняя жизнь наших помещиков бывала для них нерадостна. Некоторые из таких печей собраны были еще из самых старинных изразцов, на иных из них изображались и такие эмблемы, как, например, «Купидо обуздывает льва, или его же, льва, он же, Купидо, сочиняет агнцем» и проч. На других кафлях рисовались голландские рыбаки на ловле сельдей. Такие, например, в деревенском доме Макаровых сберегались от прадеда, который, как мы выше говорили, служил при Петре и имел случай доставать их прямо из Голландии. От такой выписки кафлей из Голландии и все наши печи приняли на Руси название голландских.

Печи делались на один фасон, колонками, которыми обыкновенно убирались самые богатейшие наши печи во впадинах и лежанках. Заслонки на этих печах навешивались обыкновенно латунные, со многими отверстиями, но теплых душников проводить не умели, и при затопке печи дым из душника для помещика был делом обыкновенным. Тут сутились за глиной, за мякинным хлебом, мазали печь и портили все донельзя.

Стены помещичьих домов украшались картинками немецкой гравировки, всего чаще мифологическими, в числе которых бывало всегда несколько одинаковых, например амуры. Вместо офортов белели ящики с чучелами белок, хорьков, щеглят, снегирей и проч.

Перед домами густо росли березки, ивняк; старики уверяли, что густо насаженные деревья служат лучшею защитой строения от бурь и зимних метелей. В больших комнатах, как, например, залы и гостиные, у богатых помещиков печей совсем не было: по зимам в них не жили.

Путешествие по дорогам какого-нибудь помещика тянулось большой вереницей, и экипажей десять считалось очень малой свитой.

На заставах всюду были караулы полицейских чиновников – этот обычай был повсеместный в Европе. Каждый должен был при проезде записываться, но никто в то время не записывался своим именем, а говорил имя, какое ему взбредет на ум. Эта свобода на заставах перешла к нам с застав заграничных; там, по словам Карамзина, чего-чего не гова-

ривал проезжающий. Шлагбаумов не было, вместо них стояли на полуизломанных колесах рогатки, охранявшиеся наемными полицейскими нижними чинами, десятниками.

В караульне сидел в худом колпаке и в позатасканном халате, некогда белом, какой-нибудь отставной прапорщик.

Богатые и знатные помещики ехали целым караваном; при том состоянии дорог, в каком они были в то время, при езде по ухабам, пескам и бревенчатой мостовой, поездка, например, из Петербурга в Москву выходила настоящим путешествием, затруднительным и тяжелым.

Знатный барин, трогаясь в путь, вперед отправлял поваров с целой походной кухней и провизией. С ним отправлялся дворецкий с винами, столовым бельем и серебром. Еще раньше отправлялся обойщик с коврами, занавесками, постелями и бельем. В городах доставали квартиру для ночлега или у знакомых, или у зажиточных купцов.

В деревнях выбирали почище избу и отделяли коврами и занавесками. Потом уже отправлялись господа с шутами и кормили-

цами, с детьми и няньками, гувернерами и гувернантками и ехали так дней семь или восемь до Москвы. Как в екатерининское время, так и в павловское путешествовать без конвойных было небезопасно – тогда еще слухи не умолкали о разных Верещагиных, Роциных, Дубровиных и других дорожных удалцах, которые шутить не любили.

В числе барской свиты в те времена непременно находились казаки и гусары из собственных дворовых людей, а также и из настоящих солдат, выпрошенных на слово в отпуск у разных начальников московских сводных батальонов. Вся такая стража прицепляла к себе разного рода оружие – сабли, шпаги, пицали, кинжалы.

Дорога была всюду несносная, то по выбитым деревянным бревенчатым мостовым, то по камням, ямам и пескам. Первое порядочное сообщение между Москвою и Петербургом основалось только в 1820 году.

В этом году князь Михаил Семенович Воронцов, долго живший за границей, составил компанию с своими друзьями на акциях в 75 000 рублей ассигнациями и завел дилижансы,

которые тогда назывались почтовыми колясками. В это же время казна стала прокладывать и шоссейную дорогу. Предприятие Воронцова встретило полное сочувствие публики, и 1 сентября 1820 года из Большой Морской, из отделения конторы дилижансов, отправился первый такой поезд в Москву, состоявший из семи пассажиров разного звания, мужчин и женщин.

При этом отправлении присутствовали: министр почт князь А. Н. Голицын, К. Я. Булгаков и множество любопытных, которые смотрели на дилижансы как на чудо. Немедленно после первого отправления подписались на второе восемь пассажиров, и число их беспрестанно умножалось. Даже знатные особы брали дилижансы. Ездить в них было в моде.

В первые десять лет между Москвою и Петербургом проехало в дилижансах 33 603 человека; во второе десятилетие, несмотря на соперничество многих возникших частных заведений, – до 50 000 человек. В третье десятилетие, когда уже открыты были отправления казенных почтовых карет и брик, число

пассажиров стало уменьшаться.

В течение тридцати лет, с 1 сентября 1820 года по 1 сентября 1850 года, первоначальное в России заведение дилижансов собрало за места 3 810 534 рубля 22 копейки серебром. После этого общество передало акции, стоившие сначала каждая 1000 рублей ассигнациями, за 600 рублей серебром за штуку своему управляющему Ф. Д. Серапину.

Возвращаясь к загородным домам наших вельмож, стоявшим в XVIII столетии вблизи Девичьего поля, мы находим на углу нынешней Мало-Царицынской улицы дом князя Никиты Юрьевича Трубецкого, известного генерал-прокурора в царствование императрицы Елисаветы и не менее известного сановника, ненавидимого петербургскою чернью. Трубецкой был, по рассказам современников, человек непостоянный, подобоострастный, коварный, жестоко обращавшийся с подсудимыми и собственноручно бивавший их. Жестокосердие его доходило до того, что он в комиссии для суда над Остерманом и Минихом подал голос о колесовании, четвертовании их живыми. Он без вины гнал зятя своего графа

Головкина и засудил его, в чем на смертном одре каялся вдове изгнанника. Трубецкой был судьей тоже канцлера графа Бестужева.

Когда он допрашивал лично фельдмаршала Миниха, однажды, укоряя его в большой трате людей при осаде Данцига, спросил: чем можешь ты в том оправдаться? «Продолжайте, – отвечал Миних, – читайте мне и другие вопросные пункты, я на все вдруг отвечу». По прочтении их он произнес свое оправдание убедительным и сильным красноречием, ссылаясь на донесения, хранящиеся в военной коллегии. «Во всем этом, – говорил покоритель Данцига, – буду отвечать перед Судом Всевышнего. Там, конечно, оправдание мое будет лучше принято». В одном только, по словам фельдмаршала, он должен был упрекать себя, что не подверг заслуженному наказанию Трубецкого, когда последний, состоя в должности генерал-кригс-комиссара во время турецкой войны, был обвинен в растрате казенных денег. «Этого, – заключил свои объяснения с Трубецким Миних, – я себе не прощу, и это моя единственная вина». Миних, видя явные натяжки и недоброжелательство к

нему Трубецкого, наконец объявил ему, чтобы он сам составил к его подписи ответные пункты, какие пожелает. Трубецкой так же пристрасно допрашивал и Гросса, воспитателя детей графа Остермана, родного брата Генриха Гросса, бывшего потом министром во Франции, в Пруссии, Польше и Англии. Несчастный Гросс, не чувствовавший за собою никакой вины, со страха лишил себя жизни насильственным образом. При Трубецком Правительствующий Сенат, которого власть была уменьшена в предшествовавшие царствования Верховным тайным советом и Высоким кабинетом, снова был возведен на прежнюю степень, как был при Петре: сенаторам предоставлено право доносить без всякого пристрастия о происходящем вреде в государстве и о беззаконниках, им известных.

Трубецким был составлен высочайше утвержденный доклад «О запрещении отсе-
кать правую руку преступникам, осужден-
ным на вечную работу, чтобы они могли быть
способны к оной и не получали напрасно про-
питания». Князь Н. Ю. Трубецкой был сын бо-
ярина Юр. Юр., родного брата фельдмаршала

Петра II, Ив. Юр.; родился он в 1700 году, вступил на службу в Преображенский полк в 1722 году. В 1730 году был генерал-майором и кавалергардским поручиком и в 1731 году был сделан премьер-майором Преображенского полка. В ужасный век Бирона он был кригс-комиссаром и к делу несчастного Волынского хотя и был прикосновенен, но вышел сух. В 1740 году он был назначен сибирским губернатором, но сумел кстати отказать от дальней поездки.

В царствование императрицы Елисаветы Трубецкой был награжден орденом Св. Андрея Первозванного и получил богатые деревни в Лифляндии и почти все время царствования этой царицы исправлял многотрудную должность обер-прокурора. Император Петр III очень любил Трубецкого и пожаловал его полковником Преображенского полка. Он был одним из членов Совета, собиравшегося ежедневно в комнатах государя под собственным его председательством, о делах государственных. Болотов и княгиня Дашкова рассказывают, что когда Петр III, при вступлении на престол, успел уже вместо прежних темно-зе-

ленных мундиров одеть гвардию в новую форму, узкую и неудобную, но отличавшуюся щегольством и пестротой, и когда все придворные лица, в угоду императору, успели преобразиться в военных людей, некоторые из них представляли очень забавные фигуры; в числе таких явился и князь Трубецкой, до этого времени известный за дряхлого, умирающего подагрика с опухшими ногами. Трубецкой был низенький, толстый старик.

При вступлении императрицы Екатерины II на престол он был лишен звания полковника Преображенского полка. Это звание до Петра III принадлежало одним царственным особам. Екатерина, по вступлении на престол, объявила при этом ему, что желает служить с ним в одном полку и уверена, что он уступит ей начальство. Трубецкой был переименован в полковники, а 9 июня 1763 года уволен от всех должностей с полным пенсионом и единовременным награждением в 50 000 рублей и с повелением давать ему, не в пример другим, пристойный караул, когда будет находиться в столицах. Трубецкой был очень дружен с князем Антиохом Кантемиром. Россий-

ский Ювенал посвятил ему свою седьмую сатиру. Мнение Кантемира о Трубецком, как друга, крайне пристрастно.

Последние годы своей жизни князь Трубецкой жил в Москве, умер в 1768 году и похоронен в Чудовом монастыре. Князь Трубецкой был женат два раза – первая его жена была графиня Анастасия Гаврил. Головкина, а вторая – Анна Даниловна Хераскова, урожденная княгиня Друцкая; известный писатель Мих. Матв. Херасков приходился ему пасынком.

От обоих браков он имел семь сыновей и трех дочерей. Одна из его дочерей, княгиня Елена, была за князем Ал. Ал. Вяземским, знаменитым генерал-прокурором в царствование императрицы Екатерины II. Князь Ник. Трубецкой был один из богатейших людей своего времени как сам по себе, так и по женитьбе на графине Головкиной.

Впоследствии к этой фамилии присоединились еще богатства графов Румянцевых вследствие женитьбы князя Юр. Ник. на графине Дарье Алексеевне Румянцевой. Эти богатства в конце концов разделились между

многочисленными представителями фамилии князей Трубецких.

В приходе Иоанна Предтечи, что у Девичьего поля, на Большой улице стоял большой дом генерал-поручика Николая Петровича Архарова. Имя этого генерала некогда гремело славой хорошего сыщика в делах полицейских и следственных.

П. Бартенев говорит, что сохранилось предание, будто начальник парижской полиции при Людовике XV, Сартин, написал к Архарову письмо, в котором выражал удивление его талантливости в открытии преступлений и в быстроте следствий. Архаров с пятнадцатилетнего возраста начал службу рядовым в Преображенском полку. В 1761 году он получил первый офицерский чин и, вскоре по восшествии на престол Екатерины II, вступил в полицию.

Простое обращение с народом и особенно умение красно и в то же время понятно говорить с ним облегчало Архарову его трудную должность. Служебным своим возвышением Архаров обязан Орловым, с которыми был близко знаком. По словам Хмырова, он в

1772 году переведен из преображенских капитан-поручиков в полицию с чином армии полковника. Когда в Москве открылась чума и вспыхнул мятеж в 1771 году, Архаров способствовал вместе с Гр. Орловым успокоению столицы и был оставлен в ней обер-полицеймейстером (первый московский обер-полицеймейстер был Греков); вскоре Архаров был переименован в московские губернаторы. Особенную деятельность в Москве он обнаружил в 1774 и 1775 годах, когда там производилось следствие над пугачевским бунтом и потом торжествовалось общее замирение государства. Фамилия Архарова сделалась известною по всей Российской империи, и его дар проницательности до сих пор еще живет в московских преданиях. Архаров знал до малейших подробностей все, что делалось в городе; с изумительною быстротою отыскивал всевозможные пропажи, умел читать в чертах и выражениях лица приводимых к нему людей, нередко по одному этому безошибочно решал, прав или виноват подозреваемый, и с помощью самых оригинальных средств обнаруживал самые сокровенные преступления.

ния. Архаров имел помощником Шварца, одно имя которого держало в страхе всю Москву. Место действий Архарова было в Москве Рязанское подворье, помещавшееся на Мясницкой улице, в начале ее от Лубянской площади; в доме этом теперь находится духовная консистория. Там в большом доме содержали людей, состоявших под следствием, секли, пытали и проч.

В нем же в 1792 году держали и, как говорят, тоже пытали знаменитого Новикова. Екатерина II впоследствии вызвала Архарова из Москвы и поручила ему сначала так называемые водяные коммуникации, в управлении коими надлежало иметь часто дело с простым народом, со всеми барочниками и перевозчиками; потом назначила его наместником новгородским и тверским.

Особенно он отличился в шведскую войну (1788–1790) быстрою доставкою ополчений из мелкопоместных дворян и причетников.

В важнейших полицейских случаях Екатерина нередко призывала его во дворец, например, когда пропал из придворной церкви образ Толгской Богоматери в богатом серебря-

ном окладе с драгоценными камнями, ценный около 8000 рублей, которым императрица Анна Иоанновна благословляла Елисавету Петровну, а последняя Екатерину II при бракосочетании. Образ находился в Зимнем дворце с 1764 года, и в покраже его подозревали одного из церковных истопников. Он был найден Архаровым на второй день после покражи без оклада, у вала, близ Семеновского полка; впоследствии в воровстве его подозревали гвардейских солдат.

В другой раз, когда он занимал еще должность московского обер-полицеймейстера, в Петербурге приключилась значительная покража серебряной утвари.

По розысканиям возникло подозрение, что похищенные вещи направлены в Москву, о чем немедленно и был уведомлен Архаров. Но он отвечал, что серебро не было вовсе привезено в Москву и находится в Петербурге, в подвале подле дома обер-полицеймейстера; там оно и найдено.

В записках Храповицкого находим следующие отметки об Архарове, сказанные государыней; так, в одном месте читаем: «Похвале-

на расторопность Архарова, и что он хорош в губернии, но негоден при дворе». В другом месте: «Увидя приехавшего Архарова: „C'est un intrigant de plus. Он год и 8 месяцев здесь не был. Il est mieux là qu'ici“»[142].

В рассказах московских старожилов некогда пользовался недоброй славой так называемый суровый Архаровский полк, и в строю его считалось восемь батальонов. Имя архаровца служит в народе как синоним плута.

При восшествии на престол император Павел дал Архарову, вместе с званием московского военного губернатора, этот полк, назначив его шефом; поместили полк в Екатерининском дворце, и он составлял тогда московскую полицейскую стражу.

Но еще ранее этого в Москве были полицейские драгуны, сформированные в 1750 году, когда на дороге из Москвы в Петербург появилось много разбойников. Обе полные роты этих драгун состояли при полиции в самой черте города, остальные роты были распределены по окрестностям.

Также и во время бывшего пугачевского бунта, когда личная безопасность составляла

один из труднейших вопросов для городского управления, был призван еще в Москву полк егерей; последние были одеты в светло-зеленые мундиры, на голове род картуза с круглой тульей, с левой стороны к правой огибало тулью перо или султан, придерванный кокардой, а длинный круглый козырек был у них обложен медью.

На третий день, при вступлении на престол императора Павла, Архаров был назначен вторым петербургским губернатором. Архаров в первый день царствования Павла вместе с гр. Ростопчиным явился в дом гр. Орлова-Чесменского, которого немедленно привел к присяге, и за это получил Андреевскую ленту, снятую государем с собственного плеча.

В день коронавания Павла Архарову дано две тысячи душ, но вслед за тем он лишился губернаторства и был выслан в свое тамбовское имение, где прожил три года вместе со своим братом.

По рассказам Н. Греча, Архаров пал вместе с полицеймейстером Чулковым вот по какому случаю. Вследствие его распоряжений в

Петербурге непомерно вздорожало сено. На общее их падение была сделана карикатура: Архаров был представлен лежащим в гробу, выкрашенном новою краскою полицейских будок, черною с белую полосую; вокруг него стояли свечи в новомодных уличных фонарях, у ног стоял Чулков и утирал глаза сеном.

В 1800 году Архаров получил позволение жить в Москве. Дом его отличался радушием и гостеприимством. Помимо бывших его сослуживцев, полицейских чиновников, его посещали многие и из тогдашнего высшего общества.

Князь Вяземский в своих воспоминаниях приводит случай с Сумароковым, бывший будто еще во время его службы в Москве. В какой-то годовой праздник приехал к Архарову с поздравлением Сумароков и привез новые стихи свои, напечатанные на особых листках. Раздав по экземпляру хозяину и гостям-знакомым, спросил он об имени одного из посетителей, ему неизвестного. Узнав, что он чиновник полицейский и доверенный человек у хозяина дома, он и ему подарил экземпляр. Общий разговор коснулся драматической лите-

ратуры, каждый высказывал свое мнение, новый знакомец Сумарокова изложил и свое, которое, по несчастью, не сходилось с его мнением. С живостью встав с места, подходит он к нему и говорит: «Прошу покорнейше отдать мне мои стихи, этот подарок не по вас, а завтра для праздника пришлю вам воз сена или куль муки». Жихарев говорит[143], что Архаров, живя на покое, читал иностранные газеты и постоянно следил за всеми политическими происшествиями в Европе; он еще в 1805 году предсказывал неизбежную войну нашу с французами.

Н. П. Архаров имел внешность крайне антипатичную, какую-то отталкивающую от него каждого. Женат он не был; умер он в 1814 году в тамбовском своем имении, в богатом селе Рассказове, и похоронен в Трегуляевом монастыре, под Тамбовом. Архаров имел побочную дочку от французенки, которой и передал часть своего наследства.

Один из воспитанников Архарова был известен как литератор и издатель; у Архарова был брат, Иван Петрович, участвовавший в морейской экспедиции и помогавший графу

А. Г. Орлову в увозе из Ливорно известной самозванки Таракановой. Иван Петрович Архаров был совершенная противоположность своего брата, был всеми любим и уважаем за свою честность и открытый характер; у него было две дочери, старшая была замужем за графом Соллогубом, отцом известного писателя; вторая, Александра Ивановна, была замужем за А. В. Васильчиковым. Последняя передавала Бартеневу живо сохранившийся в ее памяти их быстрый отъезд из Москвы, во время немилости Павла, и когда, в числе выражавших к ним участие особ, приехал и Карамзин с большою пачкою книг, чтобы изгнанникам было чем разгонять скуку в их ссылке. У Ивана Петровича было прекрасное подмосковное село Иславское, в котором он давал большие праздники, куда съезжались погостить все соседи и москвичи.

Граф Соллогуб в своих воспоминаниях говорит: «Я видел впоследствии пространные сады села Иславского, развалины деревни, флигеля для приезжавших и самый помещичий дом, сохранивший легендарное значение». Иславское впоследствии перешло в род

Васильчиковых. Как уже мы говорили, Иван Петрович был человек строгой честности, добрый, простой, откровенный.

О нем сохранились следующие два анекдота. Встретив на старости товарища юности, много десятков лет им не виданного, он, всплеснув руками, покачал головой и воскликнул невольно: «Скажи мне, друг любезный, так ли я тебе гадок, как ты мне?» Он имел слабость притворяться, что хорошо знает французский язык, хотя не знал его вовсе. Приезжает к нему однажды старый приятель с двумя рослыми сыновьями, для образования коих денег не щадил. «Я, – говорит он, – Иван Петрович, к тебе с просьбою: проэкзаменуй-ка моих парней во французском языке. Ты ведь дока...» Иван Петрович подумал, что молодых людей кстати спросить об их удовольствиях, и сообразил фразу: «Messieurs, comment vous divertissez vous?», но брякнул: «Messieurs, quoique vous averti»[144]. Юноши остолбенели. Отец стал бранить их за то, что они ничего не знают, даже такой безделицы, что он обманут и деньги его пропали, но Иван Петрович утешил его заявлением, что

сам виноват, обратившись к молодым людям с вопросом, еще слишком мудреным для их лет.

Аудиенция у Екатерины II. Гравюра И. Матюшина по рисунку Н. Негодаева. 1870-е

Глава XVI

Дом графа Кирилла Разумовского. – Блеск русского двора в XVIII веке. – Франты и модистки старого времени. – Академия наук при Разумовском. – Жизнь старого вельможи. – Отставка гетмана. – Рассказы про его жену. – Показание Мировича. – Служба в Сенате и житье в столице. – Пропажа 20 тысяч душ. – Несколько анекдотов. – Карета Разумовского. – Дом графа на Воздвиженке. – А. К. Разумовский. – Роскошь разумовского дома, сады, пруды, оранжереи и другие ботанические диковинки. – Характер Алексея Разумовского. – Разумовский как министр народного просвещения. – Дети графа. – Их странности. – Иллюминат Перрен. – Несчастливая судьба графа Кирилла.

На Девичьем поле, в приходе Знамения Богородицы, стоял загородный двор графа Кирилла Григорьевича Разумовского; этот двор, как и Гороховский двор родного брата его, стоявший на наемной земле Спасо-Андрониева монастыря, был пожалован императрицей Елисаветой Петровной во время ее

пребывания в Москве в 1744 году. Кирилл Разумовский, при пышном дворе Елисаветы, был настоящий вельможа, не столько по почестям и знакам отличия, сколько по собственному достоинству и тонкому врожденному умению держать себя. Отсутствие гениальных способностей в нем вознаграждалось, как говорит Гельбиг, страстную любовью к отчизне, правдивостью и благотворительностью, качествами, которыми он обладал в высшей степени и благодаря которым он заслуживал всеобщее уважение.

Императрица Екатерина II про него говорит: «Он был хорош собою, оригинального ума, очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил брата своего, который также был красавец, но был гораздо великодушнее и благотворительнее его. Я не знаю другой семьи, – продолжает Екатерина, – которая, будучи в такой отменной милости при дворе, была бы так всеми любима, как эти два брата». Кирилл Разумовский был хорошо образован для своего времени, он отлично говорил по-французски и по-немецки. Обучался он в Страсбурге и в Берлине у из-

вестного Леонарда Эйлера, бывшего профессором четырнадцать лет при Петербургской академии.

Кирилл Разумовский молодых лет пустился в вихрь света: он ежедневно находился в обществе государыни, то при дворе, то у брата своего. Имя его, по словам Васильчикова, беспрестанно встречается в камер-фурьерских журналах: то он дежурным, то форшнейдером, то он принимает участие в «кадрильи великой княгини», состоящей из тридцати четырех персон, и т. д.

Блеск двора Елисаветы был изумительный, щегольство и кокетство дам тогда было в большом ходу при дворе, и все дамы только и думали о том, как бы перещегоолять одна другую. Елисавета сама подавала пример щегольства; так, во время пожара в Москве, в 1753 году, у нее сгорело 4000 платьев, а после смерти ее Петр III нашел в гардеробе с слишком 15 000 платьев, частью один раз надеванных, частью совершенно не ношенных; два сундука шелковых чулок; лент, башмаков и туфель до нескольких тысяч, более сотни неразрезанных французских материй и проч.

Даже французы, привыкшие к блеску своего Версальского двора, не могли надивиться роскоши нашего двора. Но не одна Елисавета любила, чтобы вокруг нее все сверкало и блистало, – чрезвычайная пышность двора была и в предшествовавшее царствование.

Известна любовь Анны Иоанновны к роскоши и блеску, требовавшей от вельмож и придворных громадных расходов, и для того, чтобы быть на хорошем счету у императрицы, чтоб не затеряться в раззолоченной толпе, наполнявшей дворцовые апартаменты, человек, не обладавший миллионами, неминуемо должен был продавать ежегодно не одну сотню «душек», по нежному выражению известного майора Данилова.

Придворные чины, по словам Миниха-сына, не могли лучшего сделать императрице уважения, как если в дни ее рождения, тезоименитства и коронации приедут в новых платьях во дворец. Манштейн в своих записках пишет: «Придворный, тративший на свой туалет в год не более 2000 или 3000 рублей, был почти незаметен». К русским можно было очень хорошо применить сказанное одним

саксонским офицером польскому королю о его вельможах: «Государь, надобно расширить и возвысить городские ворота, для того чтобы могли проходить в них дворяне, несущие на спинах своих целые деревни». Словом, все, имевшие честь служить при дворе, разорялись окончательно, чтоб только быть замеченными. Портным же и модным торговцам достаточно было прожить два года в столице, чтоб составить себе большое состояние.

В екатерининские времена покупки модных вещей совершались по большей части в Гостином дворе, а не в магазинах на Кузнецком мосту, как теперь. На Ильинке, около лавок, в зимнее время бывали самые модные гулянья всей московской аристократии, и тогдашние волокиты назначали там свидания. На это купцы неоднократно жаловались царице, говоря, «что петиметры и амурщики [145] только галантонят» и мешают им продавать.

Приезды в магазины наших бар в те времена отличались необыкновенною торжественностью. Большие, высокие кареты с гранеными стеклами, запряженные цугом крупных

породистых голландских лошадей всех мастей, с кокардами на головах, кучера в пудре, гусары, егеря сзади и на запятках, с скороходами, бежавшими впереди экипажа; берлины [146], с боковыми крыльцами, широкие сани с полостями из тигровых шкур, возницы, форейторы в треуголках с косами, вооруженные длинными бичами; чинные и важные поклоны, приветы рукой, реверансы и всякие другие учтивости по этикету того времени – все это представляло довольно театральную картину на улицах Москвы.

Но помимо Гостиного двора существовали и лавки, куда ездили наши аристократки. Так, в екатерининские времена была модистка Виль; здесь продавались тогда модные «шельмовки» (шубки без рукавов), маньки (муфточки), чепцы рожки, сороки, чепцы «королевино вставанье», à la грек подкольный женский кафтан, распашные «кур-форме» и «фурро-форме», башмачки «стерлядки», «улиточка» и проч. Разные бантики, кружева, в екатерининское время – цветы, гирлянды для наколок и на дамские платья модницы покупали у m-me Кампиони; «уборщик и во-

лосочес» Бергуан рекомендовал всем плешивым помаду для отращивания волос из духов «Вздохи Амура», он же делал изобретенную им новую накладку для дамских головок в виде башен с висячими садами à la Семирамид. Другой парикмахер из Парижа, Мюльет, рекомендовал для мужчин парики из тонких белых ниток, которые так легки и покойны, что весят только девять лотов; одевая их, не надо помадить толстым слоем сала и обсыпать мукою; голландец Шумахер, в Китай-городе, на Фомовском подворье, продавал полотна и кисеи; портной Жуков публиковал в «Московских ведомостях» 1777 года, что он имеет плюсовые кафтаны, на разных мехах винчуры и нового фасона чинчиры.

Возвращаемся к молодому франту и моднику Кирилле Разумовскому. Через год по возвращении из-за границы он был назначен президентом Академии наук. Назначение двадцатидвухлетнего молодого человека было мотивировано следующим аргументом: «...в рассуждении усмотренной в нем особой способности приобретенного в науках искусства». Дела в те времена шли не особенно

блистательно, назначенный для поправления их Разумовский тоже их не поправил. В университете и гимназии при академии учеников совсем почти не было. Для набора лучших учеников в Москву посылали известного В. К. Тредьяковского. Такие набранные студенты из семинарий кутили, дрались между собою и грубили начальнику. Но вскоре дела поправились и в числе студентов явились известные: Барсов, Румовский и Поповский. Кирилл Разумовский, вследствие именного изустного указа императрицы, предписал, «дабы при Академии переводили и печатали книги гражданские различного содержания, в которых польза и забота соединена была бы с пристойным к светскому житию нравоучением». В год назначения президентом Разумовского состоялась и свадьба его с Нарышкиной. Описание этой пышной свадьбы мы привели уже выше, говоря о роде Нарышкиных. Спустя четыре года граф был назначен гетманом Малороссии, но, как он сам сознавался, последним фактически он никогда не был, – последний гетман Малороссии, по словам его, был Иван Мазепа. Но граф гетман в

своём Глухове жил царьком. В универсалах [147] своих употреблял старинную формулу: «Мы», «нашим», «нам», «того ради приказуем», «дан в Глухове» и т. д. При нём находились телохранители, большая конная команда. Эта команда была одета в зелёные гусарские мундиры и занимала караулы при дворе. Глуховский двор был копией петербургского двора в миниатюре: во дворце был полный придворный штат – капеллан, капельмейстер, сотник, конюший и проч. При дворе находились казаки – «бобровники», стрельцы и пташники, обязанность которых была ловить на гетмана бобров и стрелять всякую дичину к столу.

В торжественные дни бывали выходы в церковь и молебны с пушечною пальбою. Во дворце давались банкеты с музыкой и бывала даже французская комедия.

Особенно пышен был стол у Разумовского; самые утонченные блюда приготавливали у него французские повара, выписанные им из Парижа. Граф очень любил полакомиться, но не забывал бедных и делился со всяким своим пожитком.

Существует множество анекдотов про его лукулловские обеды, где за пышной трапезой сидели званые и незваные и не только ели за столом, но и уносили кушанья в карманах.

Существует предание, что пристрастием ко всему французскому и введением французского языка во всеобщее употребление Россия обязана Кириллу Григорьевичу Разумовскому и другу его Ив. Ив. Шувалову. В их время весь двор бредил французами и подражал и преклонялся всему, что к нам приходило из Парижа. Этим подражанием, кажется, посейчас страдает русское общество. По смерти императрицы Елисаветы галломану-гетману пришлось учиться прусской экзерциции. Император Петр III, вступив на престол, стал заставлять всех изнеженных царедворцев Елисаветы ежедневно выделять перед дворцом новое прусское учение, введенное им в войска. Новому правилу вынужден был подчиняться и Разумовский; чтобы не быть предметом насмешек государя, Разумовский взял к себе молодого офицера и каждый день брал у него уроки военного артикула с эспантоном [148] в руках.

Как гетман ни трудился, а все-таки ему приходилось глотать насмешки и выговоры. Император поклонялся всему прусскому и хвастался пред гетманом тем, что Фридрих произвел его в генерал-майоры прусской службы.

– Вы можете с лихвой отомстить ему, – отвечал Разумовский. – Произведите его в русские фельдмаршалы.

Кирилл Разумовский управлял полномочно Малороссией, желал преемственности гетманства и отправил к Екатерине просьбу об этом. Государыня, недовольная гетманом, была возмущена таким прошением и отозвала его в Петербург.

По приезде в столицу Разумовский явился тотчас же во дворец. Прием гетману был сделан самый холодный и глубоко оскорбил его. Один лишь Теплов, его бывший приближенный, долго интриговавший против него, встретил его с распростертыми объятиями. Граф Гр. Орлов, видевший эту встречу, сказал: «И лобза его же предаде». Государыня, ревнивая к своей власти, запретила Разумовскому являться ко двору. В городе, как говорит А. Ва-

сильчиков[149], приписывали эту немилость интригам Гр. Орлова и говорили, что гетманом будет назначен последний. Государыня справедливо сильно гневалась на Разумовского.

Ходили невероятные слухи про его жену; говорили, что когда она ехала в Петербург, то брала на станциях по сту лошадей и не платила прогонов. Сопутствовали ей два гренадера и сержант и будто бы били ямщиков до смерти и так озорничали во все время пути. Разумовский в ноябре 1764 года подал прошение об увольнении его от должности гетмана. Отставку его давно ждали, а вместе с ней возвратились и милости к нему царицы. Он был пожалован в генерал-фельдмаршалы, и ему пожизненно было даровано гетманское содержание и дан город Гадяч с селами и дом в Батурине. Гетман опять стал желанный гость императрицы во дворце и во всех ее путешествиях.

Но вскоре, как говорит предание, ожидала его немилость. По делу известного Мировича, когда судьи, в числе которых был и Разумовский, спросили его, кто подал ему мысль

предпринять такое ужасное дело, последний ответил: «Господин гетман, граф Разумовский!» Все судьи, а также и Разумовский, были крайне изумлены. Оказалось, что Минович хлопотал об имении, несправедливо от него отнятом, и не раз просил об этом гетмана. Разумовский же отвечал ему, что мертвого с погоста не возят, и добавил: «Ты молодой человек, сам прокладывай себе дорогу, старайся подражать другим, старайся схватить фортуна за чуб и будешь таким же паном, как и другие». Эти слова гетмана и дали Мировичу преступную мысль на возведение принца Иоанна на престол. Хотя бездоказательно, все-таки имя Разумовского было замешано в деле Мировича, и он счел нужным удалиться на время от двора и отправился за границу.

Вернувшись из-за границы, граф поселился в Петербурге. Живя в столице, граф заседал в Сенате и был членом Совета при дворе, в числе семи. Его меткие остроты и колкие речи тогда ходили по городу. «Что у вас нового в Совете?» – спрашивали его. «Все по-старому, – отвечал Разумовский. – Один Панин (Ник. Ив.) думает, другой (Петр Ив.) кричит, один

Чернышев (граф Зах. Григ.) предлагает, другой (граф Ив. Гр.) трусит; а прочие хоть и говорят, да того хуже».

По смерти своей жены и брата Разумовский стал часто посещать Москву. Здесь граф уже не жил в своих палатах на Девичьем поле, а поселился на Воздвиженке в великолепном доме, который выстроил он в три года, на месте прежде бывших жениных хором, по плану графа З. Г. Чернышева: дом этот и по сей час не изменил своего вида, принадлежит он теперь графу Шереметеву, в род которого он перешел в 1800 году. Из описи церкви московских 1789 года видно, что при доме графа Разумовского находилась церковь Знамения Богородицы и в ней приделы Сергия Чудотворца и Варлаама Хутынского, с главами и звоном. Дом графа был один из великолепных в Москве; он кишел слугами в золотых нарядных ливреях; в нем ежедневно давались праздники, стол графа был накрыт для всех, а сердечное и благородное обхождение графа привлекало и привязывало к нему всех. Под старость он являлся на свои обеды и балы в ночном колпаке и шлафроке с нашитою на

нем Андреевскою звездою. В последний проезд Потемкина через Москву (в 1791 году), как говорит Васильчиков, он заехал к Разумовскому.

На другой день гетман отдал ему визит. Великолепный князь Тавриды принял его, по обыкновению, не одетый и не умытый, в шлафроке. В разговоре между прочим князь попросил у гостя дать в честь его бал. Разумовский согласился и на другой день созвал всю Москву и принял Потемкина, к крайней досаде последнего, в ночном колпаке и шлафроке.

Про жизнь фельдмаршала в то время ходило немало странных толков, и в Москве говорили, что он самый худой хозяин «да и разума уже стал не очень пылкого», управляющие обкрадывали его самым немилосердным образом.

Так, в числе странных московских происшествий, в 1795 году случился следующий почти невозможный казус: у Разумовского, между четвертою и пятою ревизиею, пропало ровно двадцать тысяч душ крестьян. Похищение было сделано так искусно, что найти концов

не было возможности, крестьяне пропали не в одном месте, а понемногу в разных местах.

Тогда обвиняли в этой хитрой пропаже главного управителя и одну графиню, к прелестям которой граф был неравнодушен. Под конец своей жизни граф не ездил уже в Москву, а проживал в Батурине; там он заметно стал прихварывать, страдал одышкой и имел раны на ноге. Граф было собрался ехать за границу, сын его Андрей выслал ему для заграничного вояжа карету из Лондона, которая обошлась ему в 18 000 рублей, – карета оказалась слишком грузною и граф не решился в ней путешествовать. За четыре месяца до смерти он ездил в ней осматривать строящуюся церковь – это была его последняя прогулка. Кирилл Разумовский скончался 9 января 1803 года. Почти два года гетман никуда не выходил, большую часть дня дремал в креслах, спрашивал: какова погода, ругал доктора и в пику ему обращался за советами к разным знахаркам.

Особенным его расположением пользовалась одна старая баба, которая натирала ему ноги чесноком и коровьим пометом. Она

также по утрам хватала его зубами за колени и нашептывала какие-то слова. Старый его приятель, граф И. В. Завадовский, увидевши его в это время, вот что писал о нем к графу А. Г. Воронцову: «Я расстался с ним как с ночным картежником и с дневным биллиардщиком. Вид его поразил меня до слез: водят под руки, голова преклонилась долу, иссох как сухарь; дух только не утратил приятной веселости».

Несмотря на удручающие недуги, старик с увлечением предавался своей страсти к постройкам. Так, в селе Яготине он выстроил церковь и перенес из Киева свой дом, выстроенный из дубовых брусьев.

А. Васильчиков говорит: семейное предание гласит, что с графа стали требовать за тот дом какую-то постоянную повинность. Разгневанный Разумовский, живо помнивший прежнее свое положение в Малороссии, велел в 24 часа разобрать дом и перенести из Киева в Яготин. Дом этот состоял из главного корпуса и шести павильонов, из которых каждый равнялся большому дому. С каждой стороны дома были еще большие каменные

службы. В другом своем имении, Баклаш, он выстроил дом в подражание сельских домов в окрестностях Рима. В Почепе – еще другой великолепный каменный и церковь.

Дом был построен по плану Деламота, с огромными залами для балов и концертов и библиотекою в 5000 томов. Вокруг него, по красивым берегам Судогости, был разведен сад в голландском вкусе. Граф жил в Батури-не, в огромном деревянном доме. Последний находился на месте, которое теперь называется Городком. Предание говорит: многие постройки в Батури-не, как и церковь, ему не пришлось достроить, и после его смерти все это начало разрушаться. Дом свой на Воздвиженке, как мы выше говорили, Кирилл Разумовский продал шурина своего сына Алексея графу Шереметеву за 400 000 рублей; дом этот ранее торговал Безбородко, но с него требовали 450 000 рублей без мебели, и дело разошлось.

К продаже этого дома склонил отца старший сын Алексей Кириллович; дом приходился ему на часть, и для него он казался слишком велик. Шереметев купил его с ча-

стью мебели. В нем, по словам А. Васильчикова, парадная гостиная осталась в полном убранстве, из комнат же графа Кирилла Григорьевича вынесена была только подвижная мебель. Люстры, зеркала и даже в церкви утварь, ризы и проч. остались за Шереметевым.

Немало времени потребовалось для вывоза серебра, библиотек, картин, оружейных и проч., так как рядом с скарбом отца тут же хранилось все имущество сына.

Продав старинные палаты отца, сын Разумовского, Алексей Кириллыч, стал себе строить богатые деревянные палаты из дубовых брусьев, считая каменные нездоровыми, на месте пожалованного императрицею Елисаветою дяде его, графу Алексею Григорьевичу, «Горохового двора», в тогдашней шестнадцатой части города, нынешней Басманной.

Дом этот занимал целый квартал, один сад этого большого дома имел в окружности более $3\frac{1}{2}$ версты и занимал 43 десятины земли. Теперь часть его принадлежит училищу семинарии, а в доме помещается малолетнее отделение Воспитательного дома. На всем

пространстве его были устроены боскеты, цветники, всевозможные прихотливые аллеи из искусственно подстриженных деревьев; широкие дорожки в нем начинались от дома, высоко насыпанные и утрамбованные, и мало-помалу все делались уже и уже и наконец превращались в тропинку, которая приводила к природному озеру, или на лужайку, усеянную дикими цветами, или к холмику, покрытому непроницаемым кустарником, или вела к крутому берегу реки Яузы.

Берега этой реки не были обделаны, без всяких сходов или лестниц, овраги в саду тоже оставались дикими оврагами, и только в трудных местах кое-где были проложены мостики и сделаны тропинки. Другой берег тоже входил в состав сада и представлял такой же дикий вид с вековыми деревьями, растущими кущами.

Граф Разумовский устроил такой сад, чтобы среди шумной Белокаменной иметь такое место, которое прелестью неисконной природы заставляло бы его забывать, что он находится в городе. В саду было четыре пруда, в которых много водилось хорошей рыбы.

Граф был большой любитель растений, и лучшие тогдашние европейские садовники были им выписаны для этого сада и для его имения села Горенки, в оранжереях которого были собраны редчайшие ботанические коллекции. Известные ботаники Таушер, Лондес, Гельм изъездили Сибирь, Урал и Кавказ для пополнения этих богатейших собраний. Садовник графа, известный Шпренгель, развел петербургский ботанический сад.

В оранжереях графа было более 500 огромных померанцев; оранжереи эти тянулись на версту, а сад был расположен на двух верстах. В теплицах графа были выращены до тех пор неизвестные растения из породы вискустов, названные в честь графа *Rasoumoskia*, и другой новый вид — *Personaterhi*, названный *Rasoumovia*. Дом графа был деревянный, двухэтажный, на каменном фундаменте, выстроен был полуовалом и украшен всем, что только может придумать зодчество, соединяя пышность с простотою. На этот дом, как граф признавался, он истратил более миллиона рублей.

Внутреннее его убранство отличалось

пышностью, красотой и большим вкусом. Залы блистали бронзою и зеркалами, многие комнаты были обиты богатейшими гобеленами.

Картины лучших мастеров, как старых, так и новых, вместе с весьма интересными портретами, между прочими Нарышкинскими, украшали стены. Подоконники в гостиных сделаны из лапис-лазури[150]. Сервизы столовые и чайные были севрские и саксонские; особенно был замечателен один столовый, заказанный императрицей Екатериной в Дрездене, обвитый георгиевскими лентами.

Дом со всем убранством, по словам иностранцев, стоил около четырех миллионов рублей. Как говорит де Местр, каталог библиотеки одних изданий XV века составлял довольно большой, толстый том. Известны два каталога библиотеки этой, составленные профессором Геймом.

На земле Разумовского стояла около дома церковь Вознесения, что на Гороховом поле, считавшаяся в то время домовою. В этой церкви снаружи под карнизом были изображены св. Апостолы; храм внутри украшен

был богато. Построен он был в 1793 году Разумовским. Церковь эта, по преданиям, была только возобновлена, создана же еще во времена Михаила Феодоровича. В день Вознесения здесь бывало народное гулянье, более же богатая публика в этот день гуляла в Дворцовом саду.

Граф А. К. Разумовский, как говорят его современники, был «гордыни непомерной». Высокомерие его породило в Москве слух, будто он считал себя царской крови. Этот слух, впрочем, и сам граф не отвергал, а вдобавок рассказывал какую-то невероятную нелепицу. Гордый со всеми, граф был суров и в кругу своего семейства. Разумовский был масоном и принадлежал к ложе *Capitulum Pertropolitatum*; занимаясь масонством и ботаникой, он жил очень уединенно в Москве, прячась от общества в своем глухом саду, или, как говорит Вигель, «среди царской роскоши со своими растениями».

Граф был женат на графине Варваре Петровне Шереметевой; он служил при дворе, сперва камер-юнкером, потом камергером, затем, в 1778 году, вышел в отставку, жил в

Москве и занимался отделкою дома в выделенном ему отцом селе Горенках. В 1784 году он разошелся с женою; простая, бесхарактерная и кое-как воспитанная, графиня Варвара Петровна давно уже надоела вспылчивому вольтерьянцу-мужу своею набожностью, суеверием и совершенною беспомощностью.

После рождения младшего сына своего, Кирилла, графиня должна была покинуть детей и выехать из дома Разумовского. Графиня очень боялась мужа и с разбитым сердцем оставила нежно любимых детей.

По словам А. Васильчикова, графиня купила себе в Москве, на углу Маросейки и Лубянской площади, место и выстроила там дом по образцу флигеля, существовавшего при доме ее свекра. После изгнания жены граф удалился от света и стал редко видеться не только с знакомыми, но даже с самыми близкими родственниками.

В 1807 году Разумовский был назначен попечителем Московского университета и его округа. По получении места одной из главных забот его было переведение университета в более просторное и удобное помещение.

Старым университетским строением, купленным Екатериною в 1785 году у князя Барятинского, он был недоволен и хотел перевести университет в Екатерининский, или Головинский, дворец в Лефортове. Отдача дворца под университет не состоялась.

В 1809 году Александр I посетил Москву и подробно осмотрел университет. Посещение императором университета и выгодное впечатление, произведенное на государя Разумовским, обратило на него высочайшее внимание. Гордый, угрюмый, желчный и раздражительный у себя в кабинете, Разумовский, при случае, умел блеснуть в обществе. Его несомненные познания, утонченная светскость показали императору достаточными для того, чтобы сделать его достойным преемником старого Завадовского. Вигель говорит: «Может быть, Линней и был бы хорошим министром просвещения, но между ученым и только что любителем науки – великая разница».

Воспитанный за границей и начиненный французской литературой, он считал себя русским Монморанси. Он никакой памяти по

себе не оставил в министерстве. Заслугой на министерском поприще Разумовского было основание Царскосельского лицея, на экзамене которого впервые раздали публично стихи Пушкина. Существует известие, что после этого экзамена у Разумовского был торжественный обед, на который был приглашен и отец поэта. Обращаясь к отцу Пушкина, Разумовский сказал ему:

– Я бы желал, однако ж, образовать сына вашего в прозе.

– Оставьте его поэтом, – пророчески и с необыкновенным жаром возразил Державин [151].

При Разумовском надзор за типографиями, книгопродавцами, журналами, книгами и газетами был крайне строг, и ему между тогдашних невинных литературных произведений стали представляться мысли, никогда не приходившие на ум писателям. Строгости эти дошли до того, что он вместе с министром полиции, Вязмитиновым, нашел неприличными суждения журналов о театрах и актерах, так как первые императорские, а вторые находятся на царской службе, и безусловно за-

претил критические статьи об игре актеров и рецензии о самих пьесах...

В 1816 году Разумовский вышел в отставку и переехал в Москву.

Н. И. Греч в своих записках говорит: «Разумовского подсел директор лицея Е. А. Энгельгардт. Он будто невзначай попался на встречу Александру I в Царском Селе и на вопрос государя, что делает, отвечал, что огорчен выговором министра. Государь любопытствовал узнать за что, Энгельгардт отвечал: „В декабре прошлого года представлял я министру о необходимости сделать торги на постройку летних панталон воспитанникам и не получил никакого ответа. В январе повторил представление – и тут ответа не было. В марте третье представление – и новый отказ. Вот наступил май, и я сшил панталоны без торгов. В октябре, наконец, получил я разрешение на торги, но тогда донес, что панталоны уже сшиты и изношены. Министр сделал мне строжайший выговор за слушание пред начальством и неисполнение приказаний“». Через неделю Разумовский был отставлен.

В 1818 году весь двор посетил графа в роскошных его хоромах на Гороховом поле и осматривал его ботанические сокровища. В Отечественную войну, в бытность французов в Москве, его дом нисколько не пострадал, в нем жил Мюрат, и строгий караул охранял все диковинки этого барского жилья.

Граф тяготился своими пышными палатами, требующими большого ремонта, и он два раза просил императора купить его в казну. Цену он за него назначал 850 000 рублей, из которых только 50 000 рублей желал получить наличными деньгами, остальные же 800 000 рублей просил зачитать за долги, состоящие за ним в разных казенных местах. Хотя дом лично был известен императору, но покупка его в казну тогда не состоялась. Граф в марте 1822 года внезапно и серьезно заболел в своем имении Почепе и 5 апреля скончался; старый вольтерьянец перед смертью покаялся и прильнул устами к поданному ему дочерью Распятию.

Характер графа в последние годы был невыносимым. Все его боялись, весь дом дрожал при вспышках его гнева. С крестьянами

своими он был суров; каждую его прихоть приходилось исполнять немедленно и во что бы то ни стало. Так, весною граф из Почепа вдруг всем домом поднялся в Баклан, чтобы там слушать соловьев. Это было во время разлития рек, и несколько тысяч крестьян строили дамбы и насыпи для его проезда. С детьми своими граф не ладил. Младший, Кирилл, сумасшедший, томился в каземате; со старшим сыном Петром он несколько лет как прервал всякие сношения. Он воспитывался за границей и по образованию был совсем француз; начал он службу в Измайловском полку и дослужился до чина генерал-майора. Петр Алексеевич отличался самою широкою расточительностью; несмотря на хорошее содержание, получаемое от отца, матери и богача-дяди, графа Шереметева, он не выходил из неоплатных долгов. Это обстоятельство и подвинуло Шереметева на неравный брак, надевавший столько шуму в обеих столицах.

Разумовский своих родных никогда не посещал, а окружил себя самым неподходящим обществом. Чтобы отвлечь его от разных знакомств, отец перевел его на службу в Одессу,

где тогда губернатором был герцог Ришелье. Здесь он повел жизнь еще безнадежнее, окружив себя разными проходимцами и темными лицами, и делал долги направо и налево. На Молдаванке, под Одессой, он выстроил себе с безвкусными затеями дачу и под всем строением, под домом, устроил лабиринт, многочисленные извилины которого были ему одному лишь известны. Здесь он скрывался от докучных кредиторов и незваных гостей.

Он продал после отца свой роскошный дом в Москве своим заимодавцам за очень скромную сумму. Все еще дорогие вещи и ценные картины, гобелены, бронза, фарфор также за бесценок попались в руки московских продавцов – Лухманову, Волкову, Бардину, Родионову и др.

Долго эти многотысячные предметы роскоши бывшего великолепия рода Разумовских продавались иностранцам нашими купцами-антиквариями. Граф Петр умер в 1835 году в Одессе не в блестящем положении. С ним окончился род Разумовских в России.

Другой его брат, граф Кирилл Алексеевич, по словам А. А. Васильчикова, из книги кото-

рого – «Семейство Разумовских» – нам не раз приходится брать сведения о Разумовских, был несравненно даровитее своего брата; умный и живой, он уже в детстве удивлял всех своими необыкновенными способностями. К несчастью, он попал в руки гувернера, который чрезвычайно возбудил его пылкое воображение. По словам современников, в то время трудно было устоять молодому человеку; тогда между молодыми и зажиточными людьми был в большой моде разврат, и молодой человек, который не мог представить очевидного доказательства своей развращенности, был принимаем дурно или вовсе не принимаем в обществе своих сотоварищей и должен был ограничиться знакомством с одними пожилыми лицами, которые также, впрочем, в те времена тянулись за молодыми людьми.

Кто не развратен был на деле, хвастал развратом и наклепывал на себя такие грехи, каким никогда и причастен быть не мог; всему этому виною были французские наставники. Разумовский пятнадцати лет верил в духов, в привидения и т. п. странности.

Почти отроком он был сделан камергером и очутился в Петербурге, на полной свободе, среди искушений роскошной столицы. Вокруг него образовалась толпа льстецов и нахлебников. Про его роскошную и беспутную жизнь скоро узнал отец – и между ними произошло крупное столкновение, после которого у молодого графа явились первые признаки умопомешательства. Разумовский был отправлен за границу; там он сошелся с иллюминатами.

Про иллюминатов-алхимиков в то время в обществе существовало следующее мнение: они, под предлогом обогащения других, наживали сами, разоряя вконец своих адептов.

Иллюминаты для своих целей употребляли многие непозволительные способы: они прибегали к разным одуряющим курениям, напиткам и заклинаниям духов для того, чтобы успешнее действовать на слабоумие уверившихся им людей; они умели привлекать к себе молодых людей обольщением разврата, а стариков – возбуждением страстей и средствами к тайному их удовлетворению.

В Москве в первых годах нынешнего столе-

тия главой иллюминатов был француз Перрен, мужчина лет сорока, ловкий, вкрадчивый, мастер говорить и выдававший себя за великодушного героя, щедрого и сострадательного, готового на всякое добро, на деле же это был лицемер первого сорта, развративший не одно доброе семейство и погубивший многих молодых людей из лучших фамилий. Он жил на Мясницкой, в доме Левашова, но только для вида, настоящая же его квартира была за Москвою-рекою, в Кожевниках, в доме Мартынова, куда собирались к нему адепты обоего пола; что тут происходило – было покрыто завесой. Перрен, впрочем, не более двух или трех лет мог продолжать свои операции в Москве; его обличил один богатый ревнивец-муж, следивший за своею женой. Все его штуки были открыты, и Перрен был обвинен в покровительстве разврата и шулерства и был выслан со своими юными помощниками и помощницами за границу.

Возвращаясь опять к молодому Разумовскому, мы видим, что он за границей коротко сошелся с такими иллюминатами и вдобавок приобрел страсть к вину и стал пить запоем.

Пьянство окончательно расшатало его умственные способности.

По возвращении в Россию граф стал производить разные бесчинства, на пути, где проезжал, делал станционным смотрителям угрозы, одного чуть не заколол кинжалом, другого ранил в грудь, камердинера своего ранил тоже ножом, выстрелил в коляске из пистолета в ямщика, сидевшего на козлах.

В некоторых местах проезжал с песнями и криком; в городе Зарайске разогнал всех из дома, где остановился; одного полицейского офицера едва не заколол, а другого чуть не застрелил. Такие странные поступки дошли до государя, и император приказал заключить его в Шлиссельбургскую крепость. Пензенскому губернатору Вигелю приказано было арестовать его; арестовать его оказалось нелегко, ходили слухи, что по возвращении из-за границы он привез какие-то бумаги, которые скрывает в своей постели, спит всегда под крепким замком, с заряженными пистолетами и имеет при себе яд.

В сентябре 1806 года граф был взят в своем имении Ершове и отвезен в Шлиссельбург-

скую крепость; книги, бумаги и его аптечка были доставлены в Министерство внутренних дел. В бумагах и книгах ничего не было найдено особенного, только в аптеке нашли доктора «более ядов, чем нужно для отравления целого полка, и не довольно лекарств, чтобы вылечить одного человека от лихорадки».

Граф имел большое пристрастие к лекарствам и принимал их ежечасно здоровый и больной. Позднее из Шлиссельбурга граф был отправлен в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, который издавна был русскою Бастилиею, в которую административными мерами ссылали преступников или провинившихся особого разряда.

Здесь его видел поэт князь П. А. Вяземский; по словам его, это был молодой человек прекрасной, но несколько суровой наружности: лицо смуглое, глаза очень выразительные, но выражение их имело что-то странное и тревожное, волосы черные и густые. Одет он был в какой-то халат, обитый мерлушкою; на руке пальцы были обвиты толстою проволокою, вместо колец.

Когда приступили к завтраку, граф с приметным удовольствием и с жадностью бросился на рюмку водки. По рассказам монахов, граф был тих и молчалив, но по временам на него находило бешенство; тогда он кричал: «Вот я тебе задам». Он с большим трудом переменил белье, иногда игрывал на гитаре. Шестнадцать лет провел он в монастыре; после смерти отца он был своими родными опекунами переведен в Харьков, где уже его сумасшествие перешло в тихий идиотизм: он рассуждал как ребенок и писал огромным почерком между двумя строками.

Он умер в Харькове в 1829 году, и где похоронен — неизвестно. Таким несчастным безумцем кончил свою жизнь блестящий аристократ и наследник несметного богатства.

Подновинское предместье Москвы во время народного гулянья. Гравюра по оригиналу Ж. Делабарта. 1799. Фрагмент

Глава XVII

Слободской дворец. – Лефортовское пепелище. – Граф А. П. Бестужев-Рюмин. – Дом Безбородко. – А. Л. Кологривов. – Исторические сведения о московской полиции. – Обер-полицеймейстер А. С. Шульгин 1-й. – Дом фельдмаршала графа Каменского. – Рассказ графини Блудовой. – Графиня Каменская. – Фельдмаршал М. Ф. Каменский. – Эксцентричность графа. – Убийство фельдмаршала. – Дети графа Каменского. – Блистательная военная карьера сына фельдмаршала. – Всеобщая страсть к нюханию табаку. – Первые московские табачные и другие лавки. – Романическая страсть Каменского. – Графиня А. А. Орлова-Чесменская. – Таинственное предсказание юродивого. – Граф Закревский. – Сергей Каменский, страсть его к театру. – Крепостные артисты и спектакли. – Дом прапорщицы Блудовой. – Молодой Блудов и его друзья. – Арзамасское общество. – Члены общества и их прозвища. – «Шубное прение». – Таинственное избрание в члены дяди поэта Пушкина. – Дети графа Блудова.

Говоря о пышном доме Разумовского, нельзя пройти молчанием и другого такого же исторического дома, считавшегося по богатству и внутреннему украшению первым в Москве.

Дом этот известен был под именем Слободского дворца. Название это он получил от Немецкой слободы, в которой находился. История этого здания восходит ко временам императора Петра – несомненно, что вблизи была усадьба сподвижника царя, Франца Яко-

влевича Лефорта. Затем, в этой местности были еще небольшие загородные дворцы Анны Иоанновны, так называемый Желтый, и императрицы Елисаветы Петровны – Марлинский.

В елисаветинское время эта местность принадлежала государственному канцлеру графу Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину, одному из богатейших вельмож своего времени.

Дом канцлера был построен в 1753 году по самому точному образцу существующего его дома в Петербурге: все комнаты были здесь расположены точно так, как в петербургском доме. Это было сделано для того, чтобы не отставать от своих привычек.

По словам современников, у канцлера роскошь в палатах была изумительная; так, в загородном его доме даже веревки, которыми придерживались роскошные ткани его палаток, были шелковые, а находившийся при доме погреб был так значителен, что от продажи его, после смерти канцлера, графам Орловым составилась, как говорит князь Щербатов, «знатный капитал».

У Бестужева одной серебряной посуды было более двадцати пудов. Несмотря на такое богатство, канцлер то и дело жаловался на свои недостатки и просил у императрицы, «дабы ея императорское величество ему, бедному, милостыню подать изволила», или писал царице, что у него нет ни ножей, ни вилок, и просит себе придворного сервиза, при-совокупляя, что он заложил за 10 000 рублей табакерку, подаренную ему королем шведским, так как ему не с чем было дотащить до Петербурга.

В Москве у Бестужева был не один дом; один из его домов находился еще в приходе Бориса и Глеба, что у Арбатских ворот. В этой церкви был поставлен его портрет, как возобновителя древнего храма; он выстроил этот храм в 1764 году.

Бестужев впал в немилость императрицы в 1758 году. Преданный интересам австрийского двора, он поселил в императрице неприязнь к Фридриху Великому и вовлек Россию в разорительную войну, стоившую государству более трехсот тысяч народа и тридцати миллионов рублей. Во время опасной

болезни Елисаветы он написал к своему другу Апраксину, успешно тогда воевавшему в Пруссии, чтобы тот со всем войском немедленно возвратился в Россию. Победитель Фридриха, Апраксин, к удивлению всей Европы, немедленно двинулся в отечество. Императрица выздоровела и, справедливо негодуя на Бестужева, лишила его чинов и предала суду, который приговорил его к смертной казни. Елисавета помиловала Бестужева и, назвав его в манифесте «бездельником», состарившимся в злодеяниях, сослала Бестужева в его подмосковную Геротово, где он жил в курной избе, носил крестьянское платье, читал божественные книги и сочинял разные назидательные трактаты. Петр III вызвал из ссылки своего личного врага, Екатерина II возвратила ему все, чего он был лишен, и за старостью лет уволила его в отставку с пенсиою в двадцать тысяч рублей в год, сверх жалованья по чину.

В отставке Бестужев не был праздным: он переводил книги, выбивал золотые и серебряные медали с разными эмблематическими воспоминаниями и предвещаниями, состав-

лял медикаменты и проч. Бестужев был образованнейший человек своего времени, отличался трудолюбием, но имел капитальные недостатки: был горд, мстителен, неблагодарен, вел жизнь невоздержную, хотя, вместе с тем, и отличался набожностью.

Он умер в 1766 году, оставив одного сына, графа Андрея, не одаренного талантами отца; последний вел жизнь беспутную, праздную и умер спустя два года после отца, не оставив потомства.

Московский дом Бестужева, тот, который находился на реке Яузе, против Екатерининского дворца и возле дворца, именуемого Лефортовским, Екатерина II купила у его наследников и 3 июля 1787 года, накануне своего выезда из Москвы, подарила графу Безбородко.

Безбородко в письме к своей матери в день получения дома описывал этот случай так: «Подарив дом, государыня повелела оный починкою исправить, надстроить и перестроить по данному от меня плану на счет казенный, от Екатерининского нового здесь дворца. Таким образом, по милости ея величества, бу-

ду я иметь в Москве один из лучших домов, и в самой здоровой части города».

По всем данным, императрица наградила этим подарком Безбородко за то, что он сопровождал ее в Крым.

По словам польского короля Станислава Понятовского, осматривавшего дом Безбородко, «во всей Европе не найдется другого подобного ему по пышности и убранству. Особенно прекрасны бронза, ковры и стулья; последние и покойны, и чрезвычайно богаты. Это здание ценят в 700 000 рублей. Граф Безбородко, который сам показывал королю все комнаты, сказал, что он построил этот замок в девять лет (?). Петербургский его дом, который богаче драгоценными картинами, не может равняться с московским в великолепии убранства. Многие путешественники, имевшие случай видеть Сен-Клу в то время, когда он вполне отделан был для французской короны, утверждают, что в украшении безбородкинского дома более пышности и вкуса. Золотая резьба на стульях работана в Вене, а лучшая бронза куплена у французских эмигрантов. В обеденном зале находится парад-

ный буфет, которого уступы установлены множеством прекрасных сосудов, золотых, серебряных, коралловых и т. д. Обои чрезвычайно богаты; некоторые из них выписаны, другие деланы в России. Китайская мебель прекрасна».

Гельбиг рассказывает, что в бытность императора Павла в доме Безбородко, однажды он стоял с канцлером у окна комнаты, из которой можно было обозревать прелестный сад.

Государь, который на все смотрел с военной точки зрения, выразил мысль, что это мог бы быть превосходный плац для учения. Это было сказано без намерения и желания. Но когда государь, проснувшись рано, подошел к окну, то нашел сад обращенным в плац-парад. Безбородко во время ночи приказал гладко вырубить деревья и кусты. Императору так понравилось это, что он за дорогую цену купил его дом.

По покупке дома император приказал быстро произвести в нем разные постройки. Последними занимались денно и ночью со свечами 1600 человек. Павел I велел два длин-

ных деревянных дворца, Желтый и Марлинский, обратить в дворцовые службы[152]. Так как поблизости его не было церкви, то император приказал архитектору Миллеру пристроить к нему деревянную, во имя Михаила Архангела и всех бесплотных сил. Также приказано было гофмейстеру, князю С. С. Гагарину, «сделать в Лефортовском дворце конюшни и кухню и соединить с дворцом крытым коридором и плацдарм пред домом исправить во всем по плану. Деньги для постройки брать из почтовых доходов, пропадавших до того без всякой пользы».

Прежний дом князя Безбородко, таким образом, с окружающими его зданиями был наименован Слободским дворцом.

С именем этого дворца связаны многие исторические предания. Два императора, Павел и Александр I, посещая Москву, имели в нем пребывание. В достопамятный год Отечественной войны император Александр I, прибыв в Москву, объявил здесь известное воззвание к столице. В этом дворце московское купечество в присутствии самого государя, одушевляемое чувством патриотизма, не вы-

ходя из залы, открыло добровольную подписку. Всеобщее усердие превзошло ожидания монарха; всякий наперерыв вырывал друг у друга перо, и в несколько минут собрано было до миллиона рублей.

Государь видел неподдельные чувства, видел в каждом нового Минина и не мог более быть в зале: слезы блеснули в его глазах, он закрылся платком и вышел в другую комнату.

В том же году, спустя какой-нибудь месяц, этого дворца уже не существовало: он сгорел вместе с Москвою. Теперь на его месте стоит техническое училище Воспитательного дома.

Дворцовый, или Государев, сад при Слободском дворце разведен в царствование императрицы Елисаветы Петровны; этот сад был когда-то моднейшим гуляньем москвичей в день Вознесения и в Троицын день. В этом саду есть несколько деревьев, посаженных рукою Петра Великого. Здесь государь любил отдыхать на простой дерновой скамейке. Чтобы это место сохранить на вечные времена, императрица Елисавета и приказала здесь устроить сад.

Из барских домов, поступивших в казну, известен на Тверском бульваре дом московского обер-полицеймейстера; дом этот некогда принадлежал Кологривовым.

Из семьи богатых помещиков Кологривовых проживало в Москве несколько. Так, в двадцатых годах был известен очень состоятельный помещик – чудака, театрал и собачей, А. А. Кологривов, сын екатерининского бригадира; по рассказам, он наезжал по зимам в Москву и Петербург со всем своим деревенским штатом, состоящим из доморощенных актеров, музыкантов, певчих и собак. Все эти артисты были подстрижены на один лад и окрашены черной краской. Когда Кологривова спрашивали, зачем он возит за собой всю эту ораву, то он отвечал:

– У меня на сцене, как я приду посмотреть, все актеры и певчие раскланиваются, и я им раскланиваюсь; к вам же придешь в театр, никто меня и не заметит и не раскланяется.

Когда его же спрашивали, зачем у него на псарне до 500 штук собак, он отвечал:

– Вы этого не поймете: как тьякнувши мои псы разбредутся по кустам да поднимут лай,

так что твои певчие.

О другом Кологривове, таком же чудаке и эксцентрике, упоминает в своих воспоминаниях граф Соллогуб. Кологривов был родной брат по матери известному министру духовных дел императора Александра I, князю Александру Николаевичу Голицыну. Кологривов хотя и дослужился до звания обер-церемониймейстера, но дурачился как школьник.

У него была особенная страсть к уличным маскарадам; последняя доходила до того, что он наряжался нищенкой-чухонкой и мел тротуары. Завидев знакомого, он тотчас кидался к нему, требовал милостыни и в случае отказа бранился по-чухонски и даже грозил метлою. Тогда только его узнавали и начинали хохотать. Он доходил до того, что вместе с нищими становился на паперти церкви и заводил из-за гроша с ними ссоры. Сварливую чухонку даже раз отвели на съезжую, где она сбросила свой наряд, и перед ней извинились.

Однажды к известной набожностью и благотворительностью Татьяне Борисовне Потемкиной приходят две монахини, прося

слезно подаяния на монастырь. Растроганная Потемкина идет за деньгами, но вернувшись – остолбенела от ужаса. Монашенки неистово плясали вприсядку. То были Кологривов и другой с ним еще проказник.

Существует еще рассказ. Как-то на одном кавалерийском параде вдруг перед развернутым фронтом пронеслась марш-маршем неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опор необыкновенно толстая дама в зеленой амазонке и шляпе с перьями. Рядом с ней на рысях рассыпался в любезностях отчаянный щеголь. За ними еще следовала небольшая свита. Неуместный маскарад был тотчас же остановлен. Дамою нарядился тучный князь Ф. С. Голицын; любезным кавалером был Кологривов. Шалунам был объявлен выговор, но карьера их не пострадала.

Но часто шутки Кологривова не обходились и без последствий. Так, раз, сидя во французском театре, он заметил какого-то зрителя, который, как ему показалось, ничего в представлении не понимал. Кологривов вошел с ним в разговор и спросил: понимает ли он по-французски. Незнакомец отвечал «нет».

– Так не угодно ли, чтоб я объяснил вам, что происходит на сцене.

– Сделайте одолжение.

Кологривов стал объяснять и понес страшную чушь. Соседи даже в ложах фыркали от смеха.

Вдруг не знающий французского языка спросил по-французски:

– А теперь объясните мне, зачем вы говорите такой вздор?

Кологривов сконфузился.

– Я не думал, я не знал!

– Вы не знали, что я одной рукой могу вас поднять за шиворот и бросить в ложу к этим дамам, с которыми вы перемигивались?

– Извините!

– Знаете вы, кто я? Я Лукин.

Кологривов обмер.

Лукин был силач легендарный. Подвиги его богатырства невероятны, и посеичас рассказы о нем живы в морском ведомстве, к которому он принадлежал. Вот на кого наткнулся Кологривов. Лукин встал.

– Встаньте, – сказал он, – идите за мной!

Они пошли к буфету. Лукин заказал два

стакана пунша; пунш подали, Лукин подал стакан Кологривову:

– Пейте!

– Не могу, не пью.

– Это не мое дело. Пейте!

Кологривов, захлебываясь, выпил стакан; Лукин залпом опорожнил свой и снова ско-мандовал два стакана пунша. Кологривов от-некивался и просил пощады; оба стакана бы-ли выпиты, а потом еще и еще; на каждого пришлось по восьми; только Лукин, как ни в чем не бывало, возвратился на свое кресло, а Кологривова мертвецки пьяного отвезли до-мой.

Граф Соллогуб рассказывает, что один слу-чай положил конец мистификациям и шут-кам Кологривова. На одном большом обеде, в то время, когда садились за стол, из-под одно-го дипломата выдернули стул. Дипломат рас-тянулся, но тотчас же вскочил на ноги и гром-ко сказал: «Я надеюсь, что негодяй, позволив-ший со мной дерзость, объявит свое имя». На эти слова ответа не последовало. Впрочем, ответ был немислим и по званию обиженно-го, и по непростительному свойству поступка.

Кологривова любили не только как забавника, но и как человека. Ума он был блестящего, и, если б не страсть к шутовству, он мог бы сделать завидную карьеру.

Как мы выше сказали, дом Кологривовых был куплен для обер-полицеймейстера.

Начальное учреждение московской полиции Карамзин относит к 1505 году. В то время, когда установлены были решетки по улицам, которые видел Герберштейн, в Москве не было полиции, а в каждой части, на которые делился город, было свое особое управление.

Оно состояло из объезжих голов, бояр с подьячими, из решеточных приказчиков и из сторожей. Решеточные приказчики были начальники сторожей; сторожа были сами обыватели, отправлявшие общественную земскую повинность натурою. Наказ того времени говорит, что боярин с подьячими и с решеточными приказчиками должны ездить по городу непрестанно день и ночь, а сторожа, расставленные в определенных местах, должны день и ночь непрестанно ходить каждый по своей улице и по своему переулку, подчиняясь непосредственно особым десятским,

выбранным из среды их, и решеточным приказчикам.

Сторожа смотрели, чтобы «бою, грабежу, корчмы и табаку, и никакого воровства и разврата не было, и чтобы воры нигде не зажгли, не подложили бы огню, не накинули ни со двора, ни с улицы». Меры осторожного обращения с огнем были самые строгие; так, запрещалось сидеть поздно с огнем, печи и мыльни запечатывались до нового указа; что же касается до печения хлеба, варения пищи, то дозволено то и другое только в поварнях или, у кого их нет, в печах, построенных в земле, в огородах за двором, защищая их крепко от ветру.

Исключение делалось в пользу черных сотен людей, больных и родильниц. Людям черной сотни дозволено топить свои печи в ненастные дни дважды в неделю, по воскресеньям и четвергам. Стрельцы и стрелецкий приказ в 1686 году служили исполнительной полицейскою властью.

Любопытны известия, как при набожном царе Михаиле Феодоровиче в ночное время караулили в Кремле сторожа.

Когда наступал девятый час вечера, или, по тогдашнему, восьмой час ночи, тогда начинается стрелецкая стрела перекликаться. Ворота Кремля затворялись зимою в 8 часов вечера и отпирались всегда после заутрени. Близ собора Успенского часовой страж начинал первый протяжно и громко нараспев возглашать: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» За ним второй возглашает: «Святые московские чудотворцы, молитесь Бога о нас!» Потом третий: «Святой Николай чудотворец, моли Бога о нас!» Четвертый: «Все святые, молитесь Бога о нас!» Пятый: «Славен город Москва». Шестой: «Славен город Киев». Седьмой: «Славен город Суздаль»... и так поименуют: Ростов, Ярославль, Смоленск и проч. Первый снова восклицает: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» После этого как этот страж, так и другие, чтобы не спать и не дремать, до благовеста к заутрени поют вполголоса разные духовные молитвы.

Самый памятный в числе полицейских чиновников был еще в старину на Москве «земский ярыжка». Одет он был в красный и зеленый кафтан, на груди у него нашивались две

буквы – З и Я, то есть «земский ярыжка». Когда государь выезжал из города или шествовал в крестном ходе, тогда из них несколько человек с метлами и лопатами шли впереди всех, очищая дорогу. Кроме того, где происходили шум или драка, они всякого могли брать и отводить к суду беспрекословно.

Первый обер-полицеймейстер в Москве при императоре Петре был Греков, как мы выше уже говорили.

В 1729 году в Москве учреждается полицейский драгунский эскадрон и Москва делится на двенадцать команд, центральным пунктом которых назначается съезжий двор. Таких съезжих дворов было двенадцать, в каждом было два офицера, два урядника и шесть солдат с барабанщиком. Рогаточные караулы из жителей в то время оставались по-прежнему.

При Петре III получил звание генерал-полицеймейстера Дивов, но скоро это звание было уничтожено, и в Москве с восшествием Екатерины II восстановлен опять обер-полицеймейстер и введен следующий штат полиции: один обер-полицеймейстер, один на-

дворный советник, один ассессор и один секретарь с канцелярскими чинами. Для посылок при московской полиции находилось двадцать человек конных драгун.

Из числа начальников полиции в век Екатерины был Архаров, о котором выше мы говорили, и затем таким же деятельным и энергичным был в царствование Александра I А. С. Шульгин 1-й. Он занимал место обер-полицеймейстера десять лет. Он оставил после себя хорошую память очень во многом и сделал по своему ведомству множество полезных преобразований и учредил такие порядки по управлению, из которых многие остаются без изменения до сего времени. Главнейшее же преобразование в Москве он сделал в пожарной команде.

Пожарных сигналов на каланчах при нем тогда еще не было, а при пожарных командах всегда было по несколько казаков с оседланными лошадьми, которые в случае пожара давали знать о том в соседние части. Но, несмотря на это, пожарные являлись на пожары с изумительною скоростью. Лошади под обозом были превосходные, самый обоз и

сбруя в блестящем щегольском виде. Команда в соответственной времени одежде, без металлических шлемов.

Набор пожарных лошадей тогда подкреплял не то закон, не то обычай отбирать у всех лошадей за неосторожную езду по улицам и отдавать в пожарную команду без судебного на то определения. Это правило при некоторых случаях влекло за собою вопиющую и притеснительную несправедливость.

Шульгин на пожарах отличался молодецкою неустрашимостью и мастерскими распоряжениями. Из толпы то и дело слышались восклицания: «Вот отец, вот так молодец» и проч. Шульгин пользовался почти всеобщою любовью, и особенно купечества, несмотря на то что все его боялись, потому что могучая рука его, сжатая в кулак и распростертая, была для многих грозна и тяжела.

Шульгин жил самым широким барином, очень роскошно. Кухня его была образцом порядка и опрятности. Он по утрам сам ходил на кухню и осматривал припасы, приготовленные для того дня и разложенные на столах под хрустальными колпаками. Посуда,

столы, стены, полы, одежда поваров, они сами и все прочее отличалось безукоризненною, щегольскою чистотою и блеском; малейшая пылинка не могла укрыться от зоркого его взгляда.

Эта чистота и блеск проявлялись во всем житейском быту Шульгина и на всем, что хоть несколько подлежало непосредственному его влиянию. Он очень любил хорошо покушать и угостить своих приятелей хорошим обедом.

Злые языки в то время рассказывали, что фельдъегерь, который схватил Коцебу, известного драматического писателя, на границе и отвез его в Сибирь, и был этот Шульгин. Коцебу называет его по фамилии только Ш. и говорит, что он отличался курьезною способностью пить и есть на каждой станции при перемене лошадей – без разбору и порядка, все, что можно было отыскать: мед и паюсную икру в одно и то же время.

Шульгин не имел своего состояния, но за женою получил в приданое значительный капитал. Должность обер-полицеймейстера в то время не имела высокого оклада. Шульгин

был отличный хозяин и примерный во всем распорядитель; средства, которые доставляла ему должность, были очень достаточны, и даже с избытком, для роскошной его жизни, но, к несчастью, он перешел в этом границы умеренности и расчета и забыл, что всему бывает конец, следовательно, и доходам, приносимым какою-либо должностью, и самой службе.

Для удовлетворения своих роскошных затей и предприятий он пользовался значительным кредитом и выстроил на Тверской улице дом, принадлежащий теперь Шевалдышеву, в котором помещается его гостиница. Дом строился под личным его надзором, причем употреблялись самые лучшие и дорогие материалы, построен он был самым великолепным образом, а обмоблирован так, что в то время в Москве трудно было отыскать другой подобный дом.

Во время службы Шульгина в Москве про него ходило множество рассказов. Так, при переводе К. Я. Булгакова из московских почт-директоров в петербургские он говорил брату его Александру: «Вот мы и братца ваше-

го лишились. Все это комплот[153] против Москвы. Того гляди и меня вызовут. Ну уж если не нравится Москва, так скажи прямо: я берусь выжечь ее не по-французски и не поростопочински, а по-своему, так что после меня не отстроят ее во сто лет». Он же говорил: «Французы ужасные болтуны и очень многословны. Например, говорят они: Коман ву порте ву? К чему это два ву? Не проще ли сказать: Коман порте? И так каждый поймет». Когда он был в Москве обер-полицеймейстером, то военным губернатором был в ней князь Дмитрий Владимирович Голицын. Шульгин не ладил с губернатором и не скрывал этого ни от кого.

Голицын, ценя его неутомимую деятельность и труды, не обращал на эти личности внимания и каждый раз ходатайствовал о наградах ему.

В 1824 году Шульгин был переведен из Москвы в Петербург. По отъезде своем в Петербург он отправил все свое имущество с особым обозом. Неподалеку от Новгорода встретил этот обоз граф Аракчеев и обратил внимание на длинный ряд разных блестящих

экипажей и походных фур, множество превосходных и ценных верховых и упряжных лошадей и щегольски одетую в форменное платье прислугу.

Остановясь и подозвав к себе одного служителя, он спросил: «Кому все это принадлежит?» На ответ же его, что санкт-петербургскому обер-полицеймейстеру Шульгину, он сказал: «Скажи ему, что всего этого никогда не было и нет у самого Аракчеева».

Вслед за событием 14 декабря 1825 года Шульгин был уволен от своей должности и переехал в Москву. Он сперва поселился в своем доме; средства его к жизни ограничились одним пенсионом, явились долги, и в конце концов все его вещи были проданы, как и дом, с аукциона.

Купцы в первое время, по старой памяти, его несколько раз выручали из беды, но под конец от него отказались. Шульгин с горя стал придерживаться чарочки.

Из бывшего своего великолепного палаццо он переехал в убогий домишко в три окна на Арбате, и здесь прохожие нередко видели, как на дворе, в ветхом замасленном халате, он ко-

дол дрова или сам рубил капусту.

Под конец его жизни в его безвыходное положение вошел князь Д. В. Голицын и, припомня о нем одно хорошее, забыв обо всем дурном, сделался его благодетелем, платил за квартиру и снабжал его пищею. В таком положении Шульгина и застала смерть около 1832 года.

В конце царствования Екатерины, императора Павла и в первые годы Александра I славился, по рассказам современников, дом графа Каменского на Зубовском бульваре[154]. Дом этого любимца Павла был типом московского барского дома прошлого века. По словам Ег. Ковалевского[155] и графини А. Д. Блудовой[156], в этом доме со всеми утонченностями западной роскоши и светскости сливались и все русские и татарские древние обычаи.

Дом Каменского наполняли мамы, няни, калмычки, карлицы, турчанки, то есть взятые в плен турецкие девушки, подаренные по возвращении из армии наших военных знакомым дамам, крещенные ими в православную веру и кое-как воспитанные.

В этом доме сохранялась вся русская уродливая жизнь со строгостью нравов и суеверием.

На домашнем театре играли комедии Вольтера и Мариво, и в важных семейных торжествах, как, например, при свадьбах, сеньные девушки пели русские обрядовые песни, как в допетровской Руси. Блудова рассказывает, что когда дочь фельдмаршала выходила замуж, горничные девушки и приживалки пели свадебные песни ежедневно во все время между помолвкой и свадьбой, так что наконец графинин попугай выучился напеву и некоторым словам так твердо, что продолжал петь их, когда невеста давно была замужем уже за вторым мужем.

Хозяйка дома, графиня Анна Павловна Каменская, урожденная княгиня Щербатова, была одна из первых красавиц своего времени, благородная душой, добрая сердцем, мягкая нравом; об ней вся Москва говорила как об ангеле во плоти.

В замужестве она не была счастлива: муж много заставил ее страдать; у него была известная всем, нагло выставленная связь с

простою злою женщиной, к которой он уезжал беспрестанно в деревню на целые месяцы, когда не был в Петербурге или в армии, оставляя жену одну в Москве; но она никогда не заслужила ни малейшего упрека, никогда злословье не касалось ее.

Граф Мих. Федот. Каменский был сын мундшенка, служившего при дворе Петра Великого; он родился в 1738 году, обучался в сухопутном кадетском корпусе и четырнадцати лет начал военную службу капралом, а на двадцать девятом году уже имел чин бригадира.

Характера Каменский был очень крутого. Существует предание, что он подвергал телесному наказанию своих сыновей, когда те были уже в генеральских чинах. Каменский был небольшого роста, сухощавый, широкий в плечах: лицо у него было круглое, приятное, брови густые, в разговоре нетерпелив и строг, иногда очень ласков.

Самым выдающимся его достоинством была храбрость. Порошин рассказывает, что Фридрих Великий, говоря об нем в 1765 году с своим генералом Таденциным, называл его

«МОЛОДЫМ канадцем, довольно образованным».

Суворов, отзываясь о Каменском, говорил, «что он знал тактику». Сегюр в своих записках называет его вспыльчивым и жестоким, но отдает полную справедливость ему как полководцу, который никогда не боялся смерти. Державин приветствовал его победы в 1806 году во время войны с Францией и называл его «булатом, обдержанным в боях, оставшимся мечом Екатерины, камнем и именем, и духом». Каменский в своей молодости два года служил во Франции для приобретения опытности в военном искусстве. Он прославился при Екатерине в обеих войнах с турками, но никогда не был любим за свой крутой и вместе вспыльчивый нрав и за жестокость.

В 1783 году он назначен был генерал-губернатором рязанским и тамбовским. Рассказывают, что когда он был губернатором, то частенько прибегал к крутым мерам с виновными без разбору. Так, однажды впустили к нему с просьбою какую-то барыню в ту минуту, как он хлопотал около любимой суки и щенков ее клал в полу своего сюртука; взбе-

шенный за нарушение такого занятия, он стал кидать в бедную просительницу щенят.

Державин упоминает про него, что в бытность его тамбовским наместником он заботился о народном образовании и заводил первоначальные школы, которых тогда еще не было в том крае. Он покровительствовал также поэту Богдановичу и издал в Москве в 1778 году первую книгу поэмы его «Душенька».

Его упрекали современники за то, что он, подражая Суворову, часто оригинальничал и юродствовал. Так, живя в своем орловском имении с. Сабурове, он носил всегда куртку на заячьем меху, покрытую голубою тафтою, с завязками, желтые мундирные штаны из сукна, ботфорты, а иногда коты и кожаный картуз; волосы сзади связывал веревочкою в виде пучка, ездил в длинных дрожках цугом с двумя форейторами; лакей сидел на козлах, он имел приказание не оборачиваться назад, но смотреть на дорогу.

Последнее обстоятельство, как увидим ниже, и было губительно для графа. Каменский, как и многие богачи-вельможи того времени,

был тоже неразборчив в своей связи и подпал под влияние грубой, необразованной и некрасивой женщины; с нею проводил он все время в деревне.

Фельдмаршал жил в своих комнатах совершенно один; в кабинет его никто не впускался, кроме камердинера; у дверей этой комнаты были привязаны на цепи огромные две меделянские собаки, знавшие только графа и камердинера.

В Москву же, в семейство он приезжал на короткое время и являлся в нем безграничным деспотом, грозою всех домашних. Любовная связь с упомянутой женщиной погубила Каменского.

Богатство и власть, которою наделял ее фельдмаршал в своем имении, не удовлетворяли его любовницу. Ей захотелось выйти замуж, и предметом своей любви она избрала полицейского чиновника, а средством к достижению цели – убийство. Обещанием награды и надеждой на безнаказанность она уговорила одного молодого парня из дворовых, не любивших вообще своего крутого помещика, разрубить ему череп топором в лесу, через

который он ездил часто; кучер был соучастником или, по крайней мере, не защитил барина, и оба приговорены были к наказанию, но сама виновница кровавого преступления осталась в стороне, благодаря протекции полицейского, за которого она вышла замуж. Убийца одним ударом топора рассек фельд-маршалу череп и половину языка.

Преступление совершилось 12 августа 1809 года; смерть вождя трогательно описал поэт Жуковский. По делу об убийстве Каменского пошло в Сибирь и отдано в солдаты около 300 человек. По рассказу же графа Делагарда[157], подробности смерти графа совсем другие: убийцами Каменского были два молодых крепостных человека, которым он дал музыкальное образование в Лейпциге. По возвращении их к помещику он с ними обращался жестоко и одного из них за маловажный проступок высек. Это и вызвало жажду мести. Ночью они проникли в спальню графа и убили его топором, упрекая его за то, что он вздумал извлечь их из той среды, в которой они родились. Убив своего барина, они явились в город и повинились в преступлении.

В бывшем имении графа Каменского, с. Сабурове, в Орловской губернии, сохранился другой рассказ о смерти графа Каменского – он нам любезно доставлен теперешним владельцем этого имения Г. А. Спечинским. «По покупке имения в 1871 году, – как передает нам последний, – я еще застал в живых старика-сторожа, который рассказал мне, как убили фельдмаршала. Вот его слова: „Каменский был очень строгий помещик, вместе с тем крайне недоверчивый, и его бурмистры и приказчики у него держались недолго. Года два до смерти он доверился молодому малому, конторщику, который пользовался его большим доверием. Дошло дело до того, что Каменский наконец убедился, что этот конторщик даже отпускает людей на волю и выдает им фальшивые вольные за его подписом, а ему показывает, что последние находятся в бегах. Узнав об этом, Каменский не уволил конторщика от дел, а стал его преследовать наказаниями, обещая еще сослать в Сибирь. Конторщик этого не выдержал, бежал и скрылся в Сабуровском лесу, которого тогда было до 800 десятин в одном месте.

Однажды летом Каменский поехал в этот лес, чтоб назначить место для вырубki, парю, в дрогах; одет он был в форме, в треугольной шляпе. Чтобы въехать в лес, надо было подняться на очень крутую гору, по узкой дороге; налево от дороги лежал обрыв, поросший кустарником, а еще ниже река Цон. В этих-то кустах и подкараулил его конторщик и, подойдя сзади, ударил его топором так сильно, что рассек шляпу и голову пополам. Каменского похоронили 15 августа в церкви с. Сабурова и послали курьера с известием к императору Александру I. Власти стали искать преступника, кучер не был в заговоре и прямо указал на убийцу. Государь приказал найти во что бы то ни стало убийцу. Была приведена целая дивизия, которая оцепила лес и простояла бивуаком до половины октября, но убийца не находился; его искали все в лесу, а он жил в заливе Цона, ниже леса, в тростнике; но когда пошли морозы, то он долее там сидеть не мог и больной вышел и отдался властям уже полумертвый; его приказано было наказать кнутом на месте преступления, что и было исполнено. Наказания он

не вынес и умер. На месте, где был убит Каменский, был положен большой камень, более 300 пудов; этот камень лежал покойно до зимы 1889 года, но этою зимою крестьяне ухитрились расколоть его на четыре части и продать в город Орел“.

Настоящей любовницы, по словам того же старожилы, у Каменского не было, а была крепостная его труппа актрис, которая и составляла его гарем; помещался последний в третьем этаже каменного здания и носил название „гульбицы“».

Помимо трех детей, дочери и двух сыновей, у фельдмаршала Каменского от любовницы остался незаконный сын, носивший, впрочем, фамилию тоже Каменского; он в молодости выказал замечательные военные способности; он служил у своего брата и позднее отличился в 1812 году, но за какой-то проступок был сослан в одну из крепостей, где случайно и утонул, купаясь.

Самый даровитый и блистательный член семьи Каменских, молодой главнокомандующий граф Николай Михайлович, тоже погиб в молодых годах насильственной смертью. Ни-

колай Каменский отличался блистательными военными способностями, так сказать наследственными, хотя не наследовал от отца ни его крутого нрава, ни его привычек.

Он был красавец собою, с добрым сердцем, немного вспыльчивый, очень ласковый с нижними чинами и особенно строг и горд с равными генералами; в сражениях отличался личною храбростью, легко терпел нужду с солдатами, довольствуясь очень немногим, но единственно что любил – это покойную и широкую одежду.

Когда молодой Каменский явился к Суворову в армию, на поля Италии, то Суворов, зная нелюбовь его отца к нему, был крайне удивлен. Свидание фельдмаршала с Каменским было очень трогательно. «Как! – воскликнул великодушный Суворов, бросившись обнимать его, – сын друга моего будет со мною пожинать лавры, как я некогда с отцом его!» Прочитав письмо бывшего сослуживца, фельдмаршал не мог удержаться от слез и произнес: «Когда ты к батюшке будешь писать, то принеси ко мне письмо, я припишу».

В тот день была обедня; Суворов, по обык-

новению, пел на клиросе; вдруг, от земных поклонов, подбежал к Каменскому с вопросом:

– Поет ли твой батюшка?

– Поет, – отвечал Каменский.

– Знаю, – возразил Суворов, – но он поет без нот, а я по нотам.

И с этими словами побежал к певчим.

Под командой Суворова Каменский отличался своею неустрашимостью: особенно он выказал свою храбрость при атаке неприятеля во время перехода через Чертов мост. «Юный сын ваш, – писал Суворов к отцу Каменского, – старый генерал». Командуя Мушкатерским полком, Каменский жил роскошно; от отца он не получал никакого дохода.

Открытая жизнь заставила его растратить казенные суммы. На него был сделан донос императору Павлу и назначено строгое следствие. Каменский от горя занемог; преданные ему офицеры его полка собрали часть затраченных денег, и как полк был расположен в разных местах, то искусно и передали суммы по батальонам. Солдаты не принесли жалобы на своего любимого командира; нашелся

только один из них, и то в нетрезвом виде, который пожаловался инспектору на Каменского.

Следствие шло как раз во время вступления императора Александра I на престол. Каменский, не смея обратиться за помощью к суровому своему отцу, чистосердечно принес свою виновность молодому императору и получил прощение от монарха.

Отец Каменского держал в таком страхе своих сыновей, что последние, бывши уже в генеральских чинах, не смели при нем ни курить, ни нюхать табак и трубки и табакерки прятали от отца.

Кстати сказать о моде, вышедшей тогда в высшем обществе, к нюханию табаку. В екатерининские времена почти все нюхали табак, даже молодые девицы; почтенные люди любили тогда щеголять своими богатыми табакерками, а у знатных бар были целые коллекции прекрасных золотых, с эмалью и бриллиантами, табакерок, которые раскладывались в гостиных по столам.

Благово в своих воспоминаниях рассказывает про свою бабушку, Татищеву, которая

имела следующую странность: позвонит, бывало, человека, даст ему грош и скажет: «Попшли взять у будочника мне табаку». Немного погодя и несут ей на серебряном подносе табак от будочника в прегрязнейшей бумаге, и она, не брезгая, сама развернет и насыпает этот зеленый и противный табак в свои дорогие золотые табакерки. Такие покупки у тогдашних бар не считались странными. Курить же табак в то время было предосудительно; мужчины курили его в своих кабинетах, при запертых дверях, и ежели это случилось при дамах, то испрашивалось дозволение.

Курение заметным образом стало входить в моду после 1812 года, и в особенности в 1820 году, когда стали привозить из заграницы сигарки; на первые такие, гамбургские, смотрели как на диковинку. Русские сигары, как и табак курительный и нюхательный, стали первые фабриковать саратовские колонисты-немцы.

Первый сарептский магазин немецких колонистов был открыт где-то за Покровкой. Известность он приобрел также своими медовы-

ми коврижками и пряниками. На первой неделе Великого поста считалось обязательным для каждого барского семейства ездить в этот магазин, и целая нить карет, бывало, тянулась по Покровке в эти дни.

Иностранный же табак, как и шерсть, и полотна (ручные), чулки, батист, носовые платки и голландский сыр, московские баре покупали на Ильинке, за Гостиным двором, в нюрнбергских лавках.

Возвращаемся опять к сыну фельдмаршала Каменского. Военную славу он стяжал главным образом во время финляндской войны, когда был главнокомандующим армиею.

Последние победы Каменского были уже за Балканами, во время наших войн с турками. Безданная любовь к дочери ключницы-немки свела героя в преждевременную могилу. Познакомился он с нею в доме князей Щербатовых, здесь он ежедневно виделся с красавицей; это заметили родные и выдали ее замуж за другого жениха, молодого офицера Кисленского. Горе и отчаяние Каменского было велико. Мать, чтобы заставить его забыть ее, выбрала ему в Москве знатную и бо-

гатую невесту, добрую, с нежным сердцем, с пламенным воображением, но не очень красивую собою, графиню Анну Алексеевну Орлову-Чесменскую.

Графиня страстно полюбила ловкого, статного молодого генерала, военная слава которого уже гремела; но сознание своей непривлекательности и неотступная мысль о корыстолюбивых планах своих женихов, которую, как говорят, в ней поселял ее домашний советник, незаконный сын ее отца, заставили преодолеть ее романическую любовь к Каменскому: Орлова отказала ему.

Отказ был неожидан. Граф уехал в армию. Графиня А. Д. Блудова в своих воспоминаниях говорит: «Орлова отказала Каменскому, но по смерти его не могла утешиться и, отказавшись навсегда от замужества, посвятила всю жизнь свою на дела богоугодные и на украшение обителей иноческих и церквей».

Пожертвования графини Орловой на церкви равнялись $7\frac{1}{2}$ миллиона рублей; только из одного отчета 1848 года о действиях Вологодского попечительства о бедных духовного звания мы узнаем, что графиня в своей духов-

ной назначила следующие капиталы: 340 монастырям с пустынями по 5000 рублей серебром каждому; 48 кафедральным соборам по 3000 рублей серебром; 49 попечительствам духовного звания по 6000 рублей серебром; всего 2 308 000 рублей серебром.

Графиня Блудова вот что рассказывает о Каменском. Когда он, расстроенный, прощаясь с матерью, сел в коляску, чтобы ехать в армию, к экипажу подошел юродивый и протянул к нему руку с платком, говоря: «На, возьми на счастье! Добрый путь!» Каменский знал юродивого, бывавшего часто в их доме, улыбнулся ему приветливо и взял платок. Но ему не верилось в счастье: он взял платок, чтобы не обидеть юродивого, но тут же машинально передал его своему адъютанту, а этот адъютант был Закревский. Домашние Каменских, рассказывая про этот случай, замечали, что их любимый граф передал свое счастье Закревскому и уже не возвратился живым в отчий дом.

Граф Каменский был назначен императором Александром на Волынь, но по совету врачей его повезли в Одессу; дорогою он со-

всем лишился слуха и памяти, бредил, кашлял и почти потерял рассудок. Он скончался 4 мая 1811 года, на 34-м году. Когда вскрыли его тело, то открыли следы отравы. Его привезли в Орловскую губернию, в родовое их село Сабурово, и похоронили подле отца; но мать просила, чтобы сердце было отдано ей: оно хранилось в приходской церкви ее дома в Москве, в Троице Зубове, пока она была в живых, а после ее смерти, по ее просьбе, похоронено с нею на кладбище в Девичьем монастыре, где она указала себе могилу возле друга своего, Катерины Блудовой.

Графиня А. А. Орлова умерла более тридцати лет спустя после смерти Каменского, но еще в последние годы своей жизни передавала своей старой подруге, г-же Герард, об отвергнутом ею женихе со всею горячностью, со всем увлечением любви двадцатилетней девушки.

Тело Каменского, как мы говорили, было предано земле подле праха отца, умершего за два года перед тем от руки убийцы; церковь, в которой над двумя героями поставлены простые белые камни, без надписей, уже в со-

роковых годах нынешнего столетия представляла развалину. Село было уже не в роду Каменских, и теперь, если не ошибаемся, трудно уже найти место, где покоятся останки победителя при Козлуджи и завоевателя Финляндии.

Старший сын фельдмаршала Сергей отличался только всеми недостатками отца: он служил также в армии, дослужился до генеральского чина и был георгиевским кавалером и известен своими неумелыми и бедственными распоряжениями при осаде Руцук; Сергей Каменский, подобно отцу, жил дурно с женой, от которой имел двух дочерей, умерших девицами.

Проживал граф до старости в своем Сабурове в Орловской губернии и славился своими странностями и крепостным театром. Он хотел купить актера Щепкина и под конец жизни растратил на свой театр все огромное состояние своего отца. После смерти первой жены, урожденной Ефимовой, он женился на своей любовнице, молоденькой красавице, вдове Кириловой, от которой имел многих незаконных и законных детей. Один из его

сыновей, Андрей, красавец собой, по способностям очень напоминал своего несчастного дядю; он умер в молодых годах в деревне от расстройства ума. Другие его дети, кажется, поселились в Смоленской губернии и затерялись в неизвестности.

Что же касается до отца, то по своим странностям он выходил из ряда обыкновенных людей. Вот несколько интересных рассказов, сохранившихся о нем в Орловской губернии и в записках его современников.

Театр Каменского находился в городе Орле, на Соборной площади, здание было одноэтажное, деревянное, с колоннами, внутренность театра была недурная, с двумя ярусами лож, райком и партером с нумерованными креслами. Для самого графа была особенная ложа; в этой ложе перед местом графа на столе лежала книга, в которую он собственноручно вписывал замеченные им неисправности или ошибки артистов; на сцене, сзади от этого места, висело несколько плеток, и после каждого акта он ходил за кулисы и там делал свои расчеты с виновными артистами, крики которых иногда долетали до слуха зрителей.

Граф требовал от актеров, чтобы роль была заучена слово в слово, чтобы они говорили без суфлера, и беда тому была, кто запнется или не знает роли. Что же касается до игры актера или актрисы, то на это граф мало обращал внимания.

К ложе графа примыкала галерея, где обыкновенно сидели так называемые пансионеры, дворовые девушки, готовившиеся в актрисы или танцовщицы. Для последних было обязательно посещение театра. Каменский требовал, чтобы на другой день каждая из них продекламировала какой-нибудь монолог из представленной пьесы или протанцевала бы вчерашнее па. Граф иногда садился в первом ряду кресел и смотрел на спектакль; во втором ряду тотчас же за ним сидела его мать и с нею две его дочери, а позади матери в третьем ряду – любовница графа, с огромным портретом его на груди: если последняя чем-нибудь навлекала на себя неудовольствие графа, то портрет этот от нее отбирался и на место его давался другой, точно так же отделанный, но на котором лица не было видно, но виднелась одна спина; портрет этот

вешался ей тоже на спину, и в таком виде, на соблазн всем, она должна была показываться всюду.

Кроме этого наказания, назначалось и другое, более жестокое: в квартиру к ней ставилась смена дворовых людей под командою урядника, которая каждые четверть часа входила к ней и говорила ей: «Грешно, Акулина Васильевна, рассердили батюшку графа, молитесь», и бедная женщина должна была сейчас же класть земные поклоны; так что ей приходилось не спать и по ночам беспрестанно класть поклоны.

В антрактах публике в креслах разносили моченые яблоки и груши, изредка пастилу, но чаще всего вареный превкусный мед.

Публика в театр собиралась во множестве, но не из высшего круга, которая только приезжала изредка ради смеха, и нередко у Каменского во время представления бывали скандалы. Так, в собрании И. А. Вахрамеева, в гор. Ярославле, по сообщению А. Титова, имеется стихотворение, в котором описан один из таких крупных скандалов: во время спектакля один полковник кинул на сцену бед-

ным артистам 100 рублей; Каменский вскипел гневом и кинулся с бранью на полковника. Полковник сначала все молчал и притворился, будто оробел, но когда граф, поощренный его молчанием, накинулся на него еще храбрее, тут полковник уже не выдержал и в свою очередь напал на Каменского, требуя от него тотчас удовлетворения на палашах или стреляться на пистолетах.

Не ожидавший такого исхода Каменский сильно перетрусил и уже при всех, по приказу полковника, стал просить у него извинения, стоя в слезах на коленях.

Билеты для входа граф продавал и раздавал сам лично, сидя у кассы с своим георгиевским крестом на шее. Шалуны того времени платили графу за места медными деньгами, которые пересчитывать Каменскому иногда приходилось по получасу и дольше.

При театре во время спектаклей назначался караул от полка; в последнем действии пьесы граф требовал в свою ложу караульного офицера и вручал ему пять пятирублевых синеньких ассигнаций, а иногда одну двадцатипятирублевую беленькую ассигнацию, все-

гда истертые и разорванные, и весьма часто между ними были и фальшивые.

Такие проделки графа, как говорит Жиркевич в своих записках, стоили ему за три года около одной тысячи рублей ассигнациями, так как негодные для размена падали на него, а граф тут же при даче отрекался от них.

Прислуга при театре была в ливрейных фраках с красными, синими и белыми воротниками. О днях спектаклей извещалось печатными афишами. Репертуар пьес, даваемых на театре, был самый разнообразный, пьесы часто менялись и ставились иногда более чем роскошно; так, в «Калифе Багдадском» бархату, шелку, турецких шалей и страусовых перьев было более чем на тридцать тысяч рублей.

Главные артисты труппы были более чем карикатурны, игра их вызывала один смех и была ниже всякой посредственности. В числе чудачеств графа были и ежедневные его вечерние приказы, в которых он повышал и производил своих лакеев из одного ливрейного фрака в другой, обозначавший по цвету разряд и степень должности; также в еже-

дневном приказе возвещалось по дому, как водится в полках, о беспорядках, замеченных им в течение дня, – например: делалось замечание графине за допущение ею того, что при входе ее в лакейскую люди или не встали со своих мест, или не оказали должную ей почитительность.

День Каменского был распределен в следующем порядке: утром, в 5 часов, он делал визиты до 7 часов, потом отправлялся в свою театральную контору, где начинал раздавать и продавать билеты, записывая собственноручно в книгу за билеты деньги и имена тех, кому дарил билеты.

В 9 часов он закрывал контору и отправлялся за кулисы и там до 2 присутствовал при репетициях. В 2 часа шел гулять пешком по городу, постоянно по одному и тому же направлению до известного места, не делая ни шагу более, ни шагу менее, и возвращался домой обедать.

За обедом у него бывало мало приглашенных; за столом блюд было нескончаемое количество, прислуги при столе толпилась целая орда, больше ссорившаяся и ругавшаяся

громко между собою, чем служившая; сервировка была чрезвычайно грязная: скатерти потертые, грязные, салфетки тоже такие же, в дырках; стаканы, рюмки разные, часто с отбитыми краями.

За обедом он занимал гостей рассказами о своем театре, но очень не любил, когда ему напоминали его боевую жизнь и его брата. Во всех его комнатах царствовала полная грязь и беспорядок. В передней валялся лакейский хлам и сидело постоянно 17 лакеев и вязало чулки и невода. Каждый из лакеев обязан был подавать графу кто трубку, кто платок, воду и т. п. Зала была огромная: саженой 12 в длину и саженой 7 в ширину, уставленная кругом простыми стульями, выкрашенными сажею и покрытыми черной юфтью. На потолке висели три великолепные хрустальные люстры, в одном углу залы стояли 2 турецких знамени и 8 бунчуков и при них часовой, одетый испанцем, с тромбоном, менявшийся через каждые два часа.

За залой шли три больших гостиных, все устланные богатыми персидскими коврами, с большими, в простенках окон, венециански-

ми зеркалами и с портретами, писанными масляными красками, которыми стены были увешаны от потолка почти до самого пола. В первой гостиной, по словам Жиркевича, висели картины актеров всех наций, во второй – графа и его родни, а в третьей – его крепостных актеров; вся мебель в этих комнатах была из карельской березы, покрытая шелковой материею. Во второй гостиной, под портретами отца и брата, лежали под стеклянными колпаками все их военные регалии; напротив этих портретов к стене стояли большие часы, купленные им у известного московского антрепренера Медокса за 8000 рублей, игравшие, когда часовая стрелка показывала 11 минут 3-го пополудни, «Со святыми упокой» и в 4 часа тоже пополудни известный польский «Славься, славься, храбрый росс». Первый бой обозначал, что в этот час найдено тело убитого фельдмаршала, а другой бой – момент рождения на свет самого графа.

После обеда граф водил своих гостей в первую гостиную, где был накрыт стол со всевозможными сладостями. Но едва било пять часов, граф покидал всех и отправлялся в

свой театр, подготовляя сам все к спектаклю, который начинался в 6¹/₂ часа.

Граф был строг только со своими артистами, которых и держал под караулом, как в карантине; с другими же своими крепостными людьми был добр и помогал им всем, как и нищим, которым два раза в неделю подавал милостыню медными деньгами.

Граф Каменский имел более семи тысяч душ крестьян, но когда он умер, то буквально нечем было похоронить его; от огромного его состояния ничего не осталось, все оно пошло на театр. Все имения графа скупил генерал Красовский. Исторической усадьбой покойного графа теперь владеет Гр. Ал. Спечинский.

Рядом с роскошным домом фельдмаршала Каменского в Москве ютился небольшой дом приятельницы жены фельдмаршала, прапорщицы Катерины Ермолаевны Блудовой. Калитка из сада последней приходилась прямо в сад Каменских, так что хозяйке дома не нужно было делать для этого неизбежных в то время выездов и приятельницы видались каждый день; этикет того времени не дозволил бы жене фельдмаршала показаться пеш-

ком на улице, да и суровый фельдмаршал не позволил бы таких ежедневных свиданий.

Несмотря на неважный чин – прапорщицы, род Блудовых считался одним из древнейших. По фамильным преданиям, Блудовы ведут род свой от Ивещея, в св. крещении Ионы Блудта, бывшего воеводою в Киеве в 981 году и умертвившего великого князя Ярополка; впоследствии он кровию своею смыл преступление, служа верно великому князю Ярославу, и сложил голову в битве с королем польским Болеславом Храбрым.

Существует предание, что по дороге в Смоленск лежит известное пространство земли под названием «Ступня Федора Блудова»; эта богатырская ступня чуть не покрыла всей Вязьмы. Местность эту московские князья, за большие службы, пожаловали предкам Блудовых. На этой ступне откармливал Блудов стада своих коней и на ней давал отпор полчищам польским и литовским. Долго владел этою землею Федор Блудов, да вдруг замирился князь Иван Васильевич с князем Александром Литовским и отдал ему, со многими землями, и ступню Федора Блудова. Заплакал

горько Федор о своей ступне и молвил челом грозному московскому царю: «Кровь отцов моих залила ступню нашу на Вязьме, так не владеть ступнею моей литвину, не отдам моей крови, умру на ней...» И московский царь не отдал ступни Блудова литовцам. В Вязьме теперь про эту славную ступню уже не помнят, и место это теперь – ровное поле! Мы не переходим от преданий к исторической генеалогии этого рода семьи Блудовых, которая, принадлежа к коренному русскому дворянству, жила из рода в род в провинции, вдали от двора, близко к народу, знала его, помогала в беде и нуждах не по одному своекорыстному расчету, а по сочувствию к той среде, в которой постоянно находилась.

Блудова была родом Тишина из новгородских дворян; красоты она была необыкновенной, а также и очень умная; овдовела она в очень молодых годах; муж ее, казанский помещик, умер очень молодым человеком, простудившись в отъезжем поле; он был страстный псовый охотник, расстроивший свое состояние охотой и частью картежной игрой.

После него осталось двое детей: дочь и

сын. Первая вышла замуж за костромского помещика Писемского, а второй впоследствии был государственный деятель граф Дмитрий Николаевич Блудов, состоявший на службе более шестидесяти лет. Мать Блудова очень любила своего сына и ничего не щадила для его образования; лучшие учителя, профессора университета давали ему уроки.

Память его поражала учителей, как впоследствии его знакомых; французским языком он владел как русским и, кроме того, знал немецкий, итальянский и отчасти древние языки; по-английски он выучился бывши уже советником посольства в Лондоне, без пособия учителя, при помощи лексикона и романов Вальтера Скотта.

Страсть к театру была господствующею в нем в молодости. Он мог прочесть наизусть целые тирады, почти целые трагедии Озерова и Расина. Счастливая его память сохранила ему эту способность до глубокой старости. По бабке Блудов приходился двоюродным племянником Державина, по матери – двоюродным братом Озерова. Записанный дядей Державиным, подобно другим столбовым дворя-

нам, чуть не с пеленок в Измайловский гвардейский полк, он в павловское время был уволен. Шестнадцать лет, в 1800 году, поступил он юнкером в московский архив государственной коллегии иностранных дел и через полгода был, благодаря необыкновенным способностям, произведен в переводчики, а на другой год – в коллежские асессоры.

В архиве Блудов сошелся и сблизился с братьями Андреем и Алекс. Тургеневыми, с Дашковым, Вигелем; последний в своих записках о Блудове отзывается с каким-то увлечением, вовсе ему не свойственным. По его словам, Блудов своим блестящим умом сделал на него впечатление необыкновенное. Слушая его, он постоянно находился под магическим влиянием его слова. Впоследствии Блудов был в тесной дружбе с Карамзиным и Жуковским. С последним он сошелся с ранних лет; их свел его товарищ по службе Дашков, который с Жуковским воспитывался в благородном пансионе, – любовь к театру и поэзии связала его с Жуковским на всю жизнь.

Едва ли не первое стихотворное произведе-

дение Блудова, как говорит Е. Ковалевский, написано им обще с Жуковским; это песня «Объяснение портного в любви», и вот что послужило к ней поводом: между архивными товарищами Блудова был некто Л., сын портного; что этот Л. был влюблен, это вещь весьма обыкновенная, но он был влюбленный дикого свойства и сильно надоедал товарищам, и особенно Блудову, своею любовью. Вся песня состояла в применении разных предметов портняжеского мастерства к объяснению любви; тут были стихи вроде следующих:

Нагрето сердце, как утюг!

или:

*О ты, которая пришла
Меня к себе любви иглой,
Как самый крепкий шов двойной.*

Кончалась песня словами:

*Умрет несчастный твой порт-
ной.*

По какому-то странному случаю, песня эта, конечно не предназначенная для печати, попала в старинные песни, но еще страннее, что

автором ее назван сам несчастный Л-у, осмеянный в ней.

Блюдов имел большое влияние на Жуковского; он убедил его, как уверяет М. Дмитриев в своих «Мелочах», Грееву элегию «Сельское кладбище» перевести не четырехстопными ямбами, а шестистопными.

Князь Вяземский рассказывает, что у графа Блюдова была задорная собачонка, которая кидалась на каждого, кто входил в кабинет его. Когда, бывало, придешь к нему, первые минуты свидания, вместо обмена обычных приветствий, проходили в отступлении гостя на несколько шагов и в беготне хозяина по комнате, чтобы отогнать и усмирить негостеприимную собачонку.

Поэт Жуковский не любил этих эволюций и уговаривал графа держать собачку на привязи. Как-то долго не видать было его. Блюдов пишет ему записочку и пеняет за продолжительное отсутствие. Жуковский отвечает, что заказанное им платье еще не готово и что без этой одежды с принадлежностями он явиться не может. При письме собственноручный рисунок: Жуковский одет рыцарем, в шишаке и

с забралом, весь в латах и с большим копьём в руке. Все это, чтобы защищать себя от нападений кусающегося врага.

Князь Вяземский говорит про Блудова, что он имел авторское дарование, но до сорока лет и долее не мог решиться ничего написать. Он же упоминает о нем: «Как в литературной сфере Блудов рожден не производителем, а критиком, так и в государственной он рожден для оппозиции». Слабая сторона его характера была раздражительность и вспыльчивость, в минуту гнева он никого не щадил, но, когда проходил гнев, он уже все забывал и с ласковою улыбкою спешил заговаривать с обруганным. Блудов считался остряком в свое время, и попасться к нему на язычок многие побаивались. Когда на место государственного секретаря Сперанского был назначен Шишков, человек неглупый и почтенный, но вовсе по лености неспособный ни к каким делам, движимый теплым чувством любви к отечеству, он написал несколько манифестов; лучшим из них было известие о потере Москвы. Блудов сказал, что для возбуждения красноречия должно было сгореть Москве.

Когда вышло первое иллюстрированное издание новых басен Крылова, Блудов говорил, что басни вышли «с свиньею и с виньетками». Строгий и несколько изысканный вкус Блудова не допускал появления хавроньи в поэзии.

Когда граф Хвостов в своих стихах сказал: «Суворов мне родня, и я стихи плету», Блудов заметил: «Полная биография в нескольких словах; тут в одном стихе все, чем он гордиться может и стыдиться должен». Когда Шатобриан про друга Блудова, Александра Тургенева, написал: «Граф Тургенев, бывший министр народного просвещения в России, человек всякого рода познаний», Блудов, прочитав эти строки, сказал: «Угораздился же Шатобриан выразить в нескольких словах три неправды и три нелепости: Тургенев не граф, не бывал никогда министром просвещения и далеко не всеведущ».

В Арзамасском ученом обществе, в этом обществе, посвященном шуткам и пародиям, Блудов носил прозвище Кассандры. Блудова и Жуковского можно назвать основателями этого общества; кроме них, здесь были все пе-

редовые люди того времени. Поводом к основанию общества арзамасцев послужила статья Блудова «Видение в Арзамасе, издание общества ученых людей». Также дал мысль об Арзамасе Блудову еще и следующий случай.

В то время отправлялся в Арзамас воспитанник Петербургской академии, живописец Ступин, с тем, чтобы основать там школу живописи. По поводу этого трунили над Ступиным, говоря, что он хочет грубую арзамасскую живопись возвести в искусство и образовать академию. Это и повело к шуточному названию общества – «Арзамасская академия» и Арзамасское ученое общество. В уставе этого общества, написанном в шуточном тоне Блудовым и Жуковским, между прочим сказано было: «По примеру всех других обществ, каждому нововступившему члену „Арзамаса“ надлежало было читать похвальную речь своему покойному предшественнику, но все члены нового „Арзамаса“ бессмертны, и так, за неимением собственных готовых покойников, новоарзамасцы положили брать напрокат покойников между халдеями „Беседы“ и „Академии“».

Протоколы составлялись Блудовым и большею частью Жуковским; последний имел необыкновенную способность противопоставлять самые разнородные слова, рифмы и целые фразы одни другим таким образом, что речь его, по-видимому правильная и плавная, составляла совершенную бессмыслицу и самую забавную галиматью. Карамзин об арзамасцах писал из Петербурга к своей жене: «Здесь из мужчин всех для меня любезнее арзамасцы: вот истинная русская академия, составленная из людей умных и с талантом! Жаль, что они все в Москве, а не в Арзамасе». В следующем письме: «Сказать правду, здесь не знаю я ничего умнее арзамасцев, с ними бы жить и умереть».

Члены этого общества были молодые интеллигентные люди, богатые надеждами, но не карманом. За исключением двух-трех, это все были бедняки. Блудов и Жуковский, как говорит графиня А. Д. Блудова в своих воспоминаниях, часто под конец месяца, когда их финансы приходили к концу, хлебали одни щи, которые варил себе Гаврила, слуга и дядька Блудова.

Собрания арзамасцев бывали большею частью у Блудова и Уварова; в начале вечера читалось какое-нибудь серьезное сочинение; разбиралось, критиковалось, и затем предлагался веселый ужин, на котором арзамасский гусь и веселые куплеты, эпиграммы, а за неимением их обычная кантата Дашкова, птая всеми вместе, составляли обычную неизбежную принадлежность ужина.

Из нескольких эпиграмм, написанных Блудовым, вот одна:

*Хотите ль, господа, между певца-
ми
Узнать Карамзина отъявленных
врагов!
Вот комик Шаховской с плачев-
ными стихами
И вот бледнеющий над рифмами
Шишков:
Они умом равны: обоих зависть
мучит;
Но одного сушит она, другого пу-
чит.*

Шишков был худ, Шаховской – толст и неповоротлив.

Воейков, описывая многих арзамасцев в

своим «Парнасском адрес-календаре», про Блудова говорит: «Д. Н. Блудов, государственный секретарь бога Вкуса, при отделении хороших сочинений от бессмысленных и клеймении сих последних печатью отвержения, находится на теплых водах для излечения от простудной лихорадки, которую получил он на Липецких водах» (намек на комедию Шаховского).

«Липецкия воды» Шаховского в свое время наделали много толков в литературных кружках. Князь в этой комедии осмеял Жуковского, хотя и невпопад; этим он раздражил всех почитателей Жуковского и Карамзина и лучших литераторов того времени. В печати явилось много эпиграмм и пародий на Шаховского и помещено было письмо с Липецких вод, в котором, под видом посетителей вод, были выведены все действующие лица из комедии князя Шаховского.

Даже приемы в члены Арзамасского общества одно время не обходились без намеков на литературные труды князя Шаховского. Так, во время приема Вас. Льв. Пушкина в члены общества, его в одной из приемных

комнат С. С. Уварова положили на диван и навалили на него шубы всех прочих членов.

Это намекало на шутивную поэму князя Шаховского «Восхищенные шубы» и значило, что новопринимаемый должен вытерпеть, как первое испытание, «шубное прение», то есть «преть» под этими «шубами». Второе испытание состояло в том, что, лежа под ними, он должен был выслушать чтение целой французской трагедии какого-то француза, петербургского автора, которую и читал сам автор.

Потом, с завязанными глазами, водили его с лестницы на лестницу и приводили в комнату, которая была перед самым кабинетом. Кабинет, в котором было заседание и где были собраны члены, был ярко освещен, а эта комната оставалась темною и отделялась от него аркою с оранжевою огневою занавескою. Здесь развязывали ему глаза – и ему представлялось посредине чучело, огромное, безобразное, висевшее на вешалке для платья, покрытое простынею.

В. Л. Пушкину объяснили, что это чудовище означает дурной вкус; подали ему лук и

стрелы и велели поразить чудовище. Пушкин, как мы выше говорили, был человек очень тучный, с большим подбородком, подагрик и вечно страдающий одышкой; он натянул лук, пустил стрелу и упал, потому что за простыней был скрыт мальчик, который, в ту же минуту, выстрелил в него из пистолета холостым зарядом и повалил чучело! Потом Пушкина ввели за занавеску и дали ему в руку эмблему Арзамаса, мерзлого арзамасского гуся, которого он должен был держать в руках во все время, пока ему говорили длинную приветственную речь.

Наконец ему поднесли серебряную лохань и рукомойник умыть руки и лицо, объясняя, что это прообразует «Липецкие воды, комедию князя Шаховского». Общий титул членов Арзамасского общества было: их превосходительства гении Арзамаса. Этот Пушкин носил в обществе кличку Вот. Случилось однажды, что он, отправляясь из Москвы, написал эпиграмму на стационарного зрителя, а его жене мадригал. И то и другое он прислал в общество – общество нашло стихи плохими, и Пушкин был разжалован из имени Вот в Во-

грушку! Пушкин очень этим огорчился и прислал другое стихотворение, начинавшееся так:

*Что делать! Видно, мне кибитка
не Парнас!
Но строг, несправедлив ученый
Арзамас!
Я оскорбил ваш слух; вы оскорби-
ли друга!.. и проч.*

Общество, по рассмотрении, послание нашло хорошим, и Пушкину было возвращено прежнее Вот и с прибавлением «я вас», то есть «Вот я вас» – Virгилиево Quos ego. В. Л. Пушкин был от этого в восхищении.

Так забавлялись в старые годы люди в больших чинах, в важных должностях и не молодые. Никто в то время не считал предосудительным быть веселым и шутливым.

С отъездом графа Блудова в 1818 году советником посольства в Лондон общество совсем перестало собираться, и только изредка члены его подписывались своими шутливыми именами в письмах друг к другу или под своими литературными статьями.

Мы здесь не касаемся государственной дея-

тельности графа Блудова и не перечисляем всех важных должностей, которые он занимал в течение своей многолетней службы.

У графа Блудова было трое детей: старшая дочь, камер-фрейлина графиня Антуанета Дмитриевна, известная всему Петербургу своею набожностью, благотворительностью и ярким славянофильством (графиня написала воспоминания, частью уже напечатанные); граф Вадим и граф Андрей, долго бывший посланником. Граф Блудов-отец скончался 19 февраля 1864 года.

Вид улицы Кузнецкий мост. Литография О. Дерау по изданию И. Дациаро. 1846

Глава XVIII

Кузнецкий мост. – Прежний Неглинный верх. – Церковь Флора и Лавра. – Граф Ив. Лар. Воронцов. – Первые лавочки на Кузнецком мосту. – История моста. – Штаты шутов, карликов и проч. – Род Воронцовых-Дашковых. – Помещица Бекетова. – Платон Петрович Бекетов. – Его книжная лавка, типография и издательская деятельность. – Дача Бекетова. – Дом ближнего боярина Мусина-Пушкина. – Граф Платон, ссылка его в Соловецкий монастырь. – Его страшная тюрьма. – Граф Валентин Мусин-Пушкин. – Сын графа, один из первых богачей своего времени. – Графы Брюсы. – Арбат. – Многочисленные ремесленники двора тишайшего царя. – Цена хлеба в XVII веке. – Курьи Ножки. – Арбатские ворота. – Церковь Бориса и Глеба. – Церковь Николы Явленного.

Самый излюбленный и модный пункт Москвы – Кузнецкий мост – древний народ московский звал Неглинным верхом. С него, прощаясь с Москвою и ее златоглавым Кремлем, в последний раз сматривал путник, отправляясь в дальние лесные пути, в Кострому, в Вологду.

Позднее Неглинный верх стал у москвичей прозываться Кузнецкой горой; здесь, по преданию, ютился длинный ряд кузниц и убогих изб кузнецов, с их задворками, огородами и т. д.

Гора красою не обладала, вся краса этой горы заключалась только в монастырях: Рождественском, Девицьем и в убогом Варсанофьевском, памятном многими минувшими делами, и в том числе вторичным погребением «страдальцев» Годуновых.

Там было опальное кладбище. Здесь некоторое время покоился прах Бориса Годунова. Тело Годунова, которое сперва было погребено с почестью в Архангельском соборе, где стоят теперь в южном приделе три гробницы: царя Иоанна Грозного, сыновей его царя Феодора и царевича Иоанна, умершего от руки отца в 1562 году.

Борис Годунов был положен близ друга и благодетеля своего Феодора Иоанновича; его тело Лжедмитрием было вырыто в 1606 году из собора и выброшено сквозь нарочно сделанное отверстие, которого следы видны и теперь в Предтеченской церкви, пристроенной к юго-востоку собора.

По сказанию современников самозванца, мощи св. царевича Димитрия, тотчас по перенесении их из Углича, хотели положить на том самом месте, где была могила Годунова,

для чего даже была выкопана яма и выложена камнем; но после происшедших чудес они составлены снаружи и яма заложена.

По словам тех же современников, тело Бориса Годунова, а также и тела жены и сына его Феодора отвезены были без всяких почестей в один из убогих Варсанофьевских монастырей и без молитвы и последних напутствий зарыты в землю.

Труп и самого преемника Годуновых, Лжедмитрия, впоследствии обнаженный, обруганный, отвезен был тоже в Убогий дом, где теперь Покровский монастырь, в Москве. По преданию, обезображенный труп московского лжецаря везли в навозной телеге, конные стрельцы и толпа народа провожали его с проклятиями и ругательствами.

Телега с трупом не прошла в ворота Убогого дома; мертвеца стащили с телеги и бросили в яму, где хоронили воров, разбойников, казненных, замученных в застенках и умерших в опале.

В то время, когда везли самозванца, стояла ужасная буря, несмотря на то что это было в мае месяце (1606 года). Такая же буря была и в

день встречи самозванца в Кремле.

В течение семи дней, пока труп самозванца лежал в Убогом доме, стояли такие морозы, что поля покрылись снегом и сады все вымерзли. Народное суеверие приписало все это волшебству самозванца, ропот в народе был страшный, и власти присудили труп Лжедмитрия отвезти в подмосковное село Котлы, там сжечь его и пеплом выстрелить из пушки в ту сторону, откуда пришел самозванец.

Возвращаемся опять к Кузнецкому мосту. Как бы в противоположность монастырям: Девичьему, Варсанофьевскому и Рождественскому, стояла в Кузнечном приходе несуществующая теперь церковь Флора и Лавра[158], близ нее грозно высился со своими башнями двор Пушечный; на этот двор езжали смотреть цари, как лились их пушки.

Таков был Кузнецкий мост в древности, при благоверных царях.

Своей красотой и постройками Кузнецкий мост обязан поселившемуся здесь русскому боярину графу Ивану Ларионовичу Воронцову; тогда кузнецы здесь замолкли и вся Кузнечная слобода поступила в его же власть.

Граф на Кузнецкой горе сразу построил шесть каменных домов, на воротах которых в екатерининское время значились № 403, 414, 416, 480 и 481. Воронцов при своих домах разбил английские и французские сады, накопал пруды, поставил оранжереи и прочие усадебные постройки; за графом потянулись и другие бояре, жившие тогда на Москве, и к домам Воронцова быстро выстроились дома: Бибиковых, Боборыкиных, князей Барятинских, графа Бутурлина, Волынского, пять домов князей Голицыных, четыре дома князей Долгоруких и еще многих других.

Незаметно вскоре в боярских домах открылись две немецкие лавочки с разными уборами и туалетными принадлежностями, к которым вскоре примкнул ряд еврейских лавочек, но их вскоре выселили из этой местности.

Впоследствии, уже во время Французской революции, здесь открылось и несколько французских модных лавок с разным иностранным товаром. Теперь говорят: «Ехать на Кузнецкий мост покупать товары», а в екатерининское время говорили: «Ехать во французские лавки».

Кузнецкий мост теперь самый аристократический пункт Москвы; здесь с утра и до вечера снуют пешеходы и экипажи, здесь лучшие иностранные магазины и книжные лавки. Еще в нынешнем столетии на Кузнецком мосту происходили веселые эпизоды карательного полицейского правосудия – и в такие часы сюда стекались толпы народа, чтоб посмотреть, как нарядные барышни в шляпках и шелковых платьях и франты в цимерманах на головах с метлами в руках мели тротуары – такими полицейскими исправительными мерами в то время наказывали нарушителей и нарушительниц общественного благочиния, а также и поклонников алкоголя.

На Кузнецком мосту в старину действительно существовал мост деревянный, но в царствование Елисаветы Петровны был выстроен каменный, «под смотрением архитектуры гезеля Семена Яковлева»; мост этот, по словам старожилов, был преплохой, его сломали гораздо позже нашествия французов.

В старину в Москве и все мосты были деревянные, из плотов, которые в весеннее и

осеннее время, при большой воде, разметывались и разбирались. Первый в Москве каменный мост на Москве-реке был начат при царе Михаиле Феодоровиче. В его царствование, в 1643 году, был вызван из Страсбурга палатный мастер Анце Яковсен, по прозванию Яган Кристлер, с дядею своим Иваном Яковлевым Кристлером, для постройки чрез Москву-реку каменного неподвижного моста.

Строение моста продолжалось более сорока лет и окончилось в 1687 году, когда, как мы уже выше говорили, любимец царевны Софьи, князь Василий Васильевич Голицын, украшал Москву многими памятниками зодчества. Постройку, по преданию, окончил какой-то неизвестный монах. Сооружение моста обошлось правительству чрезвычайно дорого, так что после этого народная мудрость ввела поговорку: «Дороже каменного моста».

Что же касается до первых каменных домов или палат в Москве, то первую такую поставил себе в 1419 году митрополит Иона; примеру его последовали в 1470 году гость (купец) Таракан и в 1485 боярин Василий Образец и голова Владимиров. В старину в

Москве при великих князьях дворы были до того огромные, что делились как уделы и даже два князя владели одним двором.

Велики были и дворы архиерейские, и монастырские подворья в столице. Кругом дворы огораживались забором, иногда острым тыном или заметом, иные делали каменные или кирпичные ограды, иногда там, где на дворе вся постройка была деревянная. В ограду вело двое и трое, иногда и более ворот, и между ними одни были главные, имевшие у русских некоторого рода символическое значение; они украшались с особенною заботливостью и делались иногда в виде отдельного проездного строения.

У самых ворот строилась караульная избушка, называемая воротнею. При царе Алексее Михайловиче, в 1681 году, приказано было в Кремле, в Китай-городе и Белом городе строить исключительно одни каменные строения, и для этого выдавали из приказа Большого дворца хозяевам на постройку кирпич по полтора рубля за тысячу, с рассрочкою на десять лет, а тем, которые не имели средств сооружать каменные постройки, приказано

делать вокруг дворов по крайней мере каменные ограды.

Форма деревянных домов в старину была четверугольная; особенность русского двора была та, что дома строились рядом с воротами, а посредине от главных ворот пролегал к жилью дорога. Вместо того чтобы строить большой дом или делать к нему пристройки, на дворе сооружали несколько жилых строений, которые носили название хором, постройки были жилые, служебные или кладовые; жилые носили наименование избы, горницы, повалуши, сенника.

Изда – общее название жилого строения. Горница, как показывает самое слово, было строение горное, или верхнее, надстроенное над нижним, обыкновенно парадное, чистое, светлое, служившее для приема гостей; повалуши в старину служили для хранения вещей; сенником называлась комната холодная, часто надстроенная над конюшнями и амбарами; служила она летним покоем, необходимым во время свадебных обрядов.

В зажиточных домах окна делались большие и малые; первые назывались красными,

и в каменных зданиях они были меньше, чем в деревянных. Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красными материями, а с наружной стороны закрывались на ночь железными ставнями, особенно в каменных домах; вместо стекол употребляли чаще слюду; стекло исключительно доставлялось из-за границы, и для окон преимущественно употреблялись цветные.

Внутреннее расположение боярского дома старого времени, как и убранство горниц, было крайне неприхотливое; все стены, кроме капитальных, рубились деревянные, мебель самая простая: широкие лавки по стенам, постланные у богатых азиатскими коврами, большой дубовый стол, такие же передвижные скамьи, поставец с посудой, кровать с пологом, наконец, выложенная затейливыми изразцами печь с лежанкою, топившаяся из сеней и развалисто выдвигавшаяся на первый план горницы; ни зеркала, ни картины не украшали горниц до половины XVII века; первые зеркала явились в Москве у боярина Артамона Сергеевича Матвеева в 1665 году; картины гравированные и живописные яви-

лись тоже в тех же годах.

Признаком довольства дома почиталось обилие пуховиков и подушек. Богатством дома также была и божница, или киота, с образами, в богатых окладах, с жемчугами и драгоценными камнями. В старину боярин любил щегольнуть богатством одежд; дорогие одежды означали первостепенных царских вельмож.

Аристократ того времени отличался также множеством челядинцев в доме, также обилием кушаньев и богатством своего погребца, обильными ставленными крепкими медами. У богатого боярина дом всегда был полон бедных дворян-«знакомцев»; если такой боярин выезжал куда-нибудь в гости, то и «знакомцы» за ним следовали. Домашний штат имел еще сказочника, шута, или дурака, и затем непременно карлика, который прислуживал ему. Подобные миниатюрные прислужники были даже и у архиереев; так, на картине в Новом Иерусалиме, писанной по приказу царя и изображающей во весь рост патриарха Никона, окруженного современниками, уцелел для потомства карлокелейник этого

иерарха.

К числу домочадцев богатого боярина принадлежал и священник домово́й его церкви, или, где ее не было, живший по договору для пения в самом доме всех церковных служб, кроме обедни. Наконец, на дворе, в прихожих и лакейских всегда ютилось много странников, калек, юродивых и других людей, кормившихся от боярской трапезы.

Несмотря на то что такой образ жизни был уничтожен Петром I, но он все-таки, с маленькими изменениями, существовал еще в допожарную эпоху.

Батюшков, посетивший Москву в 1812 году, говорит про одного из бар, что, войдя в дом его, можно было увидеть в прихожей слуг оборванных, грубых и пьяных, которые от утра до ночи играли в карты.

Комнаты этого барина были без обоев, стулья без подушек, на одной стене большие портреты, в рост, царей русских, а напротив – Юдифь, держащая окровавленную голову Олоферна над большим серебряным блюдом, и обнаженная Клеопатра с большой ехидной на груди – чудесные произведения кисти до-

машнего маляра. В час обеда на столе стояли щи, каша в горшках, грибы и бутылки с квасом. Сам хозяин сидел в тулупе, хозяйка в салопе; по правую сторону – приходский поп, приходский учитель и шут, а по левую – толпа детей, старуха-нянька, мадам и гувернер из немцев. Большой двор этого барина тоже не отличался чистотой и весь был завален сором и дровами, позади был огород с капустой, редькой и репой, как водилось еще при дедах.

Но не так уже жил в то время бывший царедворец Елисаветы или Екатерины II; в доме такого вельможи было сборное место русского дворянства. Большие залы в большом здании такого барина вмещали по несколько сот гостей, начиная от вельможи до мелкопоместного дворянина. Праздники и пиршества тянулись по неделям.

К таким богатым домам в Москве принадлежал и дом младшего из братьев Михаила и Романа Воронцовых, графа Ивана Илларионовича (1709–1789), бывшего уже к 1760 году генерал-лейтенантом, а в царствование Екатерины II находившегося в отставке и жившего то в Москве, то в тамбовском своем имении.

И. Ил. Воронцов был женат на дочери известного по своей несчастной судьбе кабинет-министра Вольтерского; этот брак не увеличил состояния младшего из Воронцовых, человека строгой честности и чуждого всякой сомнительной наживы. Впоследствии, однако, происшедшая от Ивана Илларионовича младшая отрасль графов Воронцовых приобрела весьма значительное состояние благодаря своему родству с князьями Дашковыми по знаменитой Екатерине Романовне Дашковой, вышедшей замуж за князя Михаила-Кондратия Ивановича Дашкова.

Князья Дашковы[159], из Рюриковичей, не были знатны, имя их не встречается в русской истории, и оно получило известность только чрез княгиню Екатерину Романовну; но, живя скромно, они копили все более и более, причем накопленное ими не дробилось между размножавшимися наследниками.

Напротив, даже к исходу XVIII века все богатство князей Дашковых сосредоточилось в руках одного владельца, бывшего последним в их роде. Перед смертью князь Дашков завещал все свое имение внучатому брату своему,

графу Ивану Илларионовичу Воронцову, получившему в 1807 году от императора Александра I дозволение именоваться потомственно графом Воронцовым-Дашковым.

По свидетельству современников, сын Ивана Воронцова, граф Ларион Иванович, отличался не старинным, но новым «дивным хлебосольством». Бывало, спросишь любого московского дворянина:

– К кому ты нынче?

– К его сиятельству графу Лариону Ивановичу – там у него и «ломбер», и «шнип-шнаршнур»[160], и накормят, и напоят досыта; там у него и всякая новость: чего душа хочет!

Простонародие звало его «боярином в боярах».

– Этот боярин не как другие, – говорил московский обыватель, – сплетней не плел, старух не слушал, все видел сам, все изведывал своею особою, а не через дворецких.

Такая шла про него слава. После смерти Воронцова сын его, Иван Ларионович, переехал в приход Риз-Положения на Большую Калужскую улицу, а дом его купила богатая помещица Бекетова и зажила в нем тихо на по-

ловине своего пасынка, Платона Петровича Бекетова, известного мецената и литератора того времени.

В одном из флигелей своего большого дома последний завел типографию, лучшую в то время в Москве, а в другом его флигеле, между чепцами и шляпками, открылась его книжная лавка – сборный пункт всех московских писателей того времени.

До Бекетова никто не издавал с таким тщанием книг. В 1811 году он напечатал маленькое прекрасное издание на веленовой бумаге «Душеньки» Богдановича, которое до выпуска в продажу почти все погибло во время нашествия французов; уцелело только всего одиннадцать экземпляров.

Бекетов в 1803 году печатал на свой счет журнал «Друг просвещения», памятный только тем, что в нем архиепископ Евгений начал печатать «Словарь светских писателей».

В типографии же Бекетова была напечатана в весьма небольшом количестве экземпляров книга «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия». К этой книге была приложена виньетка, на ко-

торой изображен Вас. Льв. Пушкин, очень похожий. Он представлен слушающим Тальму, который дает ему урок в декламации. Шутка эта написана стихами И. И. Дмитриевым еще в начале 1803 года. Вас. Льв. Пушкин, как мы уже говорили, очень любил читать свои стихи, «хоть слушай, хоть не слушай их», как говорит И. И. Дмитриев в этой книге. Пушкин был большой библиофил; у него была роскошная библиотека, сгоревшая в Москве в 1812 году. Потом он собрал другую, но не столь уже замечательную. В числе книг, изданных Бекетовым, замечательно еще «Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году, февраля 5-го, при бракосочетании государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича, с государынею царицею Евдокиею Лукьяновною из рода Стрешневых» 1810 года. Особенно известен его «Пантеон Российских Государей», три тома с гравюрами. Граф Ростопчин у Бекетова напечатал свои «Мысли вслух на Красном крыльце» и т. д. Семья Бекетовых принадлежала к одной из аристократических в Москве – сестра его была замужем за Дмитриевым, сын которой, Ив. Ив. Дмитриев,

был министром и поэтом; одна из дочерей Бекетова была замужем за Балашевым, который был долгое время обер-полицеймейстером в обеих столицах и министром полиции.

В тридцатых годах нынешнего столетия все диковины домов, бывших Воронцова, не существовали – пруды и фонтаны давно там иссякли.

В одном из главных домов помещалась Медико-хирургическая академия, и в помещении, где была типография Бекетова, стояли, в анатомическом кабинете, страшно оскалив зубы, человеческие скелеты.

По старой Калужской, или Серпуховской, дороге, в нескольких верстах от Москвы, была дача этого же Бекетова: это был препозитический уголок, никому не доступный, обнесенный сплошным тыном, орошаемый с одной стороны небольшою речкою, с другой – защищенный оврагом.

Как заколдованная, стояла дача между распутий, и только по седым ветлам, видным издали, догадывался об ее существовании проезжий. Два крутых холма, расступясь, дали место даче, поднимающейся из долины в гору.

С соседнего холма виднелось ровное зеркало пруда в зелени.

Вдоль изгороди шла дорога, которая доходила до деревянных ворот с будкою сторожа. Широкая, прямая дорога вела к подъезду под одно крыло полукруглого дома. Она была огорожена некогда стриженными шпалерами акаций. Перед задним фасадом дома – луг с добрую версту, опушенный парком из берез, лип, кленов, сосен, кедров, ели, лиственницы, тополя и ясеня, расположенных группами в перспективе, на которой ничто не останавливает взора.

Дом, стоя на холме, разделял дачу пополам: спереди тоже луг, под лугом зеркальный пруд; рощи, понижаясь кругом, давали вид вдаль на реку; еще далее виднелся Симонов монастырь, как и на картинке.

«Все местоположение, – по словам современника, – гористое, нет ста шагов ровных; вьются дорожки в чаще леса, по окраине лугов, наводя на живописные виды; там курган, тут – пруд, длина, чаща, кривое дерево, обрыв к речке и т. д. Гуляя по парку, думаешь быть далеко, а всего три версты за заставою. Дом

очень старой архитектуры, комнат немного, но прекрасных. Зала, библиотека и столовая с мраморными каминами и колоннами, расписанными Скотти. Из библиотеки комната, канареечная, усыпанная песком, усаженная деревьями, где было сотни птиц. Из нее сход в оранжерею, бывшую единственной после Горенской. Там не стояло кадок, горшков; все растения сидели в грунту, между ними вились дорожки, и посетитель гулял, как на воздухе, между огромными музами, пальмами; над водоемом стлались водяные растения; стены скрывал плющ, виноград; камелии росли кустами, магнолии – деревьями. Из второго этажа на луг идет сход без ступеней, обложенный дикими камнями и заросший кругом деревьями».

Такова была дача еще до тридцатых годов; в пятидесятых же, отворив дверь из дома в оранжерею, вы натыкались на кучу мусора. Дача тогда продавалась под кирпичные заводы и кедры уже были намечены на топливо, в залах с колоннами предполагалось наставить ткацких станков для выделки нанки, в пруде – мочка миткаля, набойки и т. д. Прошли и

эти времена, и не осталось уже и ничего от парка, превращенного в трехчетвертные сажени дров. На лугу также уже не растет и картофель.

На Арбате, в приходе Бориса и Глеба, в петровские еще времена стояли богатые каменные палаты ближнего боярина царя Алексея Михайловича, Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, бывшего при Петре главным начальником монастырского приказа, управляющим петербургской типографией и сенатором.

Мусин-Пушкин обладал большим умом и находился в большой милости при дворе. Семейное предание в роду Мусиных-Пушкиных объясняет эту милость родственными отношениями тишайшего царя к жене Ивана Алексеевича.

По этому преданию, старший сын Пушкина, Платон, был сыном царя Алексея. П. Ф. Карabanов по поводу этого рассказывает, что Пушкин добровольно уступил свою супругу царю. И царь, утешась и любя этого Платона, иначе не называл его, как «мой сын Пушкин». Он был замечательно похож на Петра. За это

сходство Петр Великий сильно благоволил к нему и любил называть его своим братом.

Род Мусиных-Пушкиных один из древнейших русских боярских родов, известный еще в XII веке. Император Петр произвел Ивана Мусина-Пушкина в действительные тайные советники и пожаловал его первым русским графом.

Старший сын его Платон воспитывался за границей и, возвратясь в 1714 году из Парижа, хотел жениться на дочери князя М. П. Гагарина; но молодая княжна не пошла за него и предпочла идти лучше в монастырь. Вскоре Петр отправил его опять за границу для обучения дипломатической части; сперва он был послан в Голландию к князю Б. А. Куракину. Государь снабдил Мусина-Пушкина рекомендательным письмом следующего содержания: «Господин подполковник! Посылаем мы к вам для обучения политических дел племянника нашего Платона, которого вам яко свойственнику свойственника рекомендую. Петр».

Спустя три года он уже является уполномоченным при датском короле и после посыла-

ется в Париж для переговоров. Но недолго продолжалось дипломатическое служение графа Платона: престарелый его отец упросил императора вызвать его в Москву – у старика он был тогда один сын, два других уже не были в живых; один утонул, купаясь в Москве-реке; другой умер семнадцати лет.

Прибыв в Москву, он был назначен присутствовать в московской конторе Правительствующего сената и произведен в статские советники. При вступлении императрицы Анны на престол граф Платон был назначен смоленским губернатором, вскоре переведен в Казань и оттуда в Эстляндию, и затем ему велено быть президентом коммерц-коллегии и сенатором.

Возвышением своим в это царствование он был обязан своему другу Артемию Волынскому, тогда сильному кабинет-министру императрицы. Но эта дружба и приязнь впоследствии навлекла на графа большое несчастье. 14 февраля 1740 года он был пожалован орденом Св. Александра Невского, а 27 июня, по доносу герцога Бирона, лишен чинов, орденов и с отрезанием языка сослан в Соловецкий

монастырь за дерзкие будто бы слова против государыни. А его богатые вотчины и многие тысячи душ крестьян отписаны в казну; из одного богатого его московского дома на Арбате взято множество драгоценных камней и золотых вещей и одного серебра несколько десятков пудов. Самый же дом отдан жене его с детьми. Помимо этого дома у графа было несколько домов и в Петербурге: так, один его дом на Мойке отличался богатою мебелью, фарфоровыми вещами, попугаями и другими предметами роскоши; дом этот достался князю Н. Ю. Трубецкому, с частью близлежащего места. Другой его дом, тоже каменный, между набережной и Немецкою линиею, приписан к дворцу для помещения дворцовых служителей. Третий его дом, на Васильевском острове, тоже взят в казну; дача между Петергофом и Стрельною отдана в вечное владение фельдмаршалу Миниху, а Клопицкая мыза в Копорском уезде – генералу Густаву Бирону, брату временщика.

Публичная казнь над Мусиным-Пушкиным происходила на Сытном рынке 27 июля, в восьмом часу утра; он был выведен вместе с

Волынским и другими на площадь, где было прочитано объявление о смертной казни и помилование; язык ему был урезан еще в казарме. Граф Платон был послан в Соловецкий монастырь и посажен в так называемой Головленковой тюрьме, которая устроена внутри стены, сделанной из дикого камня, за линиею монастырских келий, в четырех саженях от озера.

Вход в нее был со стороны монастырской, чрез деревянный, в виде полукружия, острог; двое дверей, каждая на замке, вели во внутренность казармы, где стоял часовой при свете ночника с тюленьим жиром и мог согреть себя возле печи; далее, с обеих сторон казармы, находилось по одной колодничьей тюрьме в шесть аршин длиною, без печей и без свету, запираемой двумя дверьми с железными засовами. В одной из них сидел лет четырнадцать какой-то писарь Патока, а потом около года князь Мещерский, который зимою согревал себя единственно шубами и которого вывели в другое место, чтобы дать место Мусину-Пушкину.

В сентябре месяце посылали к нему гвар-

дии подпоручика Вындомского допросить его о некоторых пожитках, векселях и т. п. Вындомский нашел его в твердой памяти, однако ж больного, страждущего кровохарканьем. 28 октября Бирон смягчил его участь, дав именем императора указ освободить его и отправить на житье в дальнюю деревню его жены. Он поехал в Симбирский уезд.

Императрица Елисавета Петровна повелела вину ему отпустить, прикрыв его знаменем и отдав ему шпагу, но быть ему в отставке, а к делам его не определять.

Карабанов рассказывает, что когда по смерти графа жена его просила канцлера Бестужева-Рюмина исходатайствовать возвращение отписанного в казну большого имения, по сиротству детей, на воспитание, то канцлер сказал, что он сомневается, чтобы императрица Елисавета Петровна на все без изъятия согласилась, прибавя: «Вы сделайте-де записку лучшим деревням». В поданной записке означены были лучшие волости и более трех тысяч душ. Что ж последовало? Вместо покровительства несчастным, канцлер убедил императрицу все сие пожаловать ему в

собственность. Екатерине II, по восшествии на престол, пришлось подписать указ, чтобы оставшееся в казне Пушкиных описанное имение возвратить им сполна.

Хотя государыня и подписала указ о возвращении детям графа Платона Ивановича его имений, оставшихся еще в казне, но едва ли много оставалось их в ту пору, когда производилась такая щедрая раздача деревень.

Сын графа Платона, Валентин Платонович, в день коронования Екатерины II произведен в камер-юнкеры, до этого времени он служил секунд-ротмистром конной гвардии. По рассказам современников, этот вельможа отличался необыкновенно добрым сердцем, был очень ласков и обходителен со всеми, правил был самых честнейших, собой красавец, высокого роста и, как говорит Бантыш-Каменский, в молодых годах очень счастлив и любим прекрасным полом.

Под старость он очень пополнил, сделался сутуловат и имел лицо красноватое, покрытое угрями. На военном поприще он дослужился уже при императоре Павле до звания генерал-фельдмаршала и шефа Кавалергард-

ского полка. Император Павел ему пожаловал четыре тысячи крестьян в день своего коронации. Он умер в Москве 8 июля 1801 года и погребен в Симоновом монастыре, где жена его графиня Прасковья Васильевна соорудила придел во имя св. мученика Валентина, упрочив вечное поминовение взносом двадцати тысяч рублей.

Сын его, Василий Валентинович, по словам Карновича[161], был по жене своей одним из первых русских богачей. Он женился на графине Е. Я. Брюс, прапрадед которой, Вилим Брюс, прямой потомок королей шотландских, служил в русских регулярных войсках и умер в Пскове в 1680 году. Младший из его сыновей, генерал-фельдцейхмейстер, а потом генерал-фельдмаршал Яков Вилимович, умер в 1735 году холостым, а старший, Роман Вилимович, умер еще в 1717 году, имел сына и внука графа Якова Александровича, бывшего московским главнокомандующим и имевшего одну только дочь графиню Екатерину Яковлевну.

Неизвестно, как составилось богатство графов Брюсов, но оно было значительно, так

как за наследницею их, вышедшею замуж за графа Мусина-Пушкина, было 14 000 душ.

У нее не было детей, а у графов Брюсов – и родственников, так что имение этих последних должно было считаться выморочным. Женившись на графине Брюс, Мусин-Пушкин выхлопотал в 1796 году к своей фамилии прибавку – Брюс.

Несмотря на колоссальное богатство графов Мусиных-Пушкиных-Брюс, дела их одно время были сильно запутаны, и Державину вверена была тогда опека над имениями жены его. Из письма графини видим, что Державин во время своего попечительства над имениями заплатил долгов на 165 000 рублей и привел ее состояние в столь хорошее положение, что графиня «даже терялась в способах изъявить Державину благодарность».

Ранее этого всеми имениями графини управлял муж ее, и, как видно из записки, поданной им императору Александру в 1801 году, поправляя имение жены, он пробовал закладывать свои, чтоб поддерживать дома, заводы и фабрики, принадлежавшие ей. На поддержку всего этого он издержал более полу-

миллиона, продав свой дом за 370 000 рублей и более 2000 своих крестьян.

Граф был богат и сам; он имел более 20 тысяч душ крестьян и за женой взял еще 14 тысяч. Он жил очень расточительно. Болотов говорит, «что он был во всех щегольствах и во всем луксусе[162] первый во всей Москве».

Никто не равнялся с ним ни в экипажах, ни в нарядах, ни в образе жизни. Одному управителю давал он в каждый месяц по тысяче, а сыну управительскому дал на одни лакомства и увеселения три тысячи! Нынешние графы Мусины-Пушкины происходят по другой линии – от Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, получившего графское достоинство в 1797 году. Этот граф владел замечательной библиотекой, погибшей во время московского пожара 1812 года. Он также собирал и биографические сведения о русских писателях; заготовленные им материалы, вероятно, тоже сгорели вместе с библиотекой его.

В местности, где стоял дом Мусиных-Пушкиных, в старину ютилась слобода мастеровых Колымажного двора. П. М. Строев, в своем указателе к «Выходам», производит назва-

ние последней – Арбат, от татарского слова «арба», то есть телега. По другим, слово «арбат» по-татарски значит жертвоприношение и здесь некогда приносились жертвы татарам.

Несомненно только то, что в царствование Алексея Михайловича здесь жили ремесленники и придворные поставщики. Московский двор никогда не был так пышен, как в век тишайшего царя. Царь окружен был величайшим блеском во всех своих придворных выходах и торжественных появлениях перед народом. За этими местами, где были поселены многочисленные ремесленники царского двора, удержались по сейчас названия улиц, соответствующие старым урочищам, как, например, Поварская, Хлебная, Скатертная, Трубная, Курьи Ножи, Калачная и проч.

Кто бы подумал, что у нас за триста лет с большою тонкостью обращалось внимание на розничную торговлю хлебом и мукою, что мука ржаная разделялась на 25 сортов, а пшеничная – на 30? В «Временнике московского Общества истории и древностей российских» мы находим замечательный памятник древ-

ней администрации, это «Указ о хлебном и калачном весе». Из последнего видим, как заботливо тогда правительство смотрело за правильностью розничной хлебной торговли и с какой точностью определяло цены хлебу; точность эта даже изумительная по разнообразию цен, которые в ржаной муке простирались до 26 сортов, а пшеничной – до 30 сортов.

Эта заботливость правительства и точность не только важны как исторический факт, указывающий на степень развития гражданственности в Московском государстве в начале XVII века, но даже некоторым образом поучительны как образцовая полицейская мера, необходимая в благоустроенном государстве.

Правительство, как видно из самого устава, поступало в этом деле с большою осторожностью и знанием дела. Кроме лиц, назначенных разрядом, тут же участвовали выборные люди от торговых сотен; мука покупалась на торгу по торговым ценам, потом просеивалась в дело: ржаная на хлебы ситные и решетные, а пшеничная на калачи тертые и

коврищатые. Причем накладывалась цена по четвертям: на провоз с торгу в пекарню и обратно, из пекарни на торг на подквасье, на соль, на дрова, на помело, на сеянье, на свечи, за работу мастеровым, на промысел и на пошлины и подати за право торговли; и все это разлагалось на хлебы и калачи по весу и по числу хлебов и калачей алтынных, грошовых, двуденежных и денежных на четверть; и для всего этого составлялась особая роспись, или такса, по которой торговцы хлебом и калачами должны были продавать свой товар, не отступая от таксы ни в цене, ни в весе хлебов и калачей.

Далее определенные правительством надсмотрщики обязывались ходить вместе с ценовальниками по торгам и торжкам для наблюдения за точным соблюдением цен и веса против определенной таксы, и на их же ответственности лежало смотрение, чтобы хлебы и калачи были надлежащим образом выпечены и не заключали в себе какой-либо подмеси; причем на торговцов, отступающих от таксы или делающих какую-либо подмесь к своему товару, налагались пени от полупол-

тины до двух рублей с четырьмя алтынами и полуторы денежками, каковые деньги, равно как и имена подвергавшихся пене, вносились в особо заведенные книги, которые хранились у надсмотрщиков и по истечении известных сроков представлялись в разряд.

В том же указе находим, что в первой половине XVII века в Москве на рынках ржаная мука продавалась от шести алтын четырех денежек до 31 алтына за четверть, или на теперешние деньги от рубля тридцати копеек серебром до шести рублей двадцати копеек серебром, а пшеничная мука – от десяти алтын до сорока алтын, или на нынешние деньги от двух рублей серебром соответственно сортам муки, а может быть, и по разности рыночных цен, смотря по времени года и привоза хлеба.

Цена московским деньгам первой половины XVII столетия определялась по сравнительному весу металла: три деньги царя Михаила Феодоровича по весу металла равняются нынешнему серебряному десятикопеечнику 84 пробы; следовательно, шесть тогдашних денег, или алтын, равняется по весу нынеш-

нему серебряному двадцатипятикопеечнику. В рубле же тогдашнем было тридцать три алтына две деньги, следовательно, тот рубль по весу равнялся нынешним шести рублям семидесяти копейкам серебром; качество же или проба металла в тех и других деньгах одинаковы.

Калачи в древнем русском быту играли немаловажную роль. Калачи подавались на пышных пиршествах, посылались от царя патриархам и другим духовным особам, нищим, тюремным заключенцам, раненым стрельцам; в день рождения Петра I отпущено было гостям гостиной сотни и чернослободцам между прочими яствами 240 калачей толченых. Затем еще и посейчас в провинции, отпуская слугу, дают ему мелкую монету «на калач». Про московские калачи живет поговорка: «В Москве калачи как огонь горячи» или «Куда лезешь с суконным рылом в калашный ряд» и т. д.

Считаем также не лишним рассказать, откуда явилось упоминавшееся выше название Курьи Ножки. Еще в царствование Алексея Михайловича была отведена для жилья пова-

рам слобода, названная впоследствии Поварскою, и заведен при ней тут большой куриный двор, а стоял этот двор у часовни Никольской, огорожен он был тыном узорочно, и важивались в нем куры голландки, не редкостью там были и петухи гилянские.

Но не было у поваров погоста, или буйвища, и жаловались они царю, и говорили их старики: «Государь! ты наш царь отец милосердный, смилуйся! А чем де лучше нас кречетники да конюшие, но ведь богаты они раздольем в буйвище? У нас только грешных теснота родителям». И пожаловал царь поварам грамоту на Николину часовню при курином дворе, «где от того двора ножки». С той поры и прослыло то урочище Никола на Курьих Ножках. В старину у нас всякий земляной размер, особенно в лесных порослях, назывался «ножкой», то есть полоской или долей.

И Снегирев весьма верно замечает, что с изменением вида и назначения урочищ заменяются время от времени прежние их названия другими и даже иногда прежние названия совершенно выходят из употребления. Другие, напротив, удерживаются в памяти на-

родной и тогда, когда уже не существуют на них те памятники, которые дали повод к названиям, так что нередко одним только названием ограничивается вся память и вся история этих памятников.

Давно уже нет в Москве ни Арбатских, ни Покровских, ни Тверских, ни Семеновских, ни Яузских, ни Пречистенских, ни Серпуховских, ни Калужских, ни Петровских, ни Таганских ворот; давно уже нет и Кречетного двора и т. п., но названия их доныне еще живут в памяти народной.

Так, например, последний остаток Белого города, башня у Арбатских ворот, была сломана в 1792 году.

Арбатские ворота богаты многими историческими преданиями. Когда в 1440 году царь казанский Мегмет явился в Москву и стал жечь и грабить первопрестольную, а князь Василий Темный со страху заперся в Кремле, тогда проживавший в Крестовоздвиженском монастыре (теперь приходская церковь) схимник Владимир, в миру воин и царедворец великого князя Василия Темного, по фамилии Ховрин, вооружив свою монастыр-

скую братию, присоединился с нею к начальнику московских войск, князю Юрию Патриковичу Литовскому, кинулся на врагов, которые заняты были грабежом в городе. Не ожидавшие такого отпора казанцы дрогнули и побежали. Ховрин с монахами и воинами полетел вдогонку за неприятелем, отбил у него запертых жен, дочерей и детей, а также бояр и граждан московских и, не вводя их в город, всех окропил святою водою на самом месте ворот Арбатских. Кости Ховрина покоятся в Крестовоздвиженском монастыре.

Другой подобный случай у Арбатских ворот был во время междоусобия, когда польские войска брали приступом Москву. У Арбатских ворот командовал отрядом мальтийский кавалер Новодворский. Отважный воин с молодцами с топорами в руках вырубал тын палисада; работа шла быстро. С нашей стороны, от Кремля, защищал Арбатские ворота храбрый окольный Никита Васильевич Годунов. Раздосадованный враг начал действовать отчаянно; наконец, сделав пролом в предвратном городке, достиг было до самых ворот, — но здесь Новодворский, прикрепляя

петарду, был тяжело ранен из мушкета. Наши видели, как его положили в носилки, как его богатая золотая одежда обагрилась вся кровью, как его шишак, со снопом перьев, спал с головы и открыл его мертвое лицо. Вслед за ним Годунов кинулся с молодцами на врагов, и поляки, хотя держались в этом пункте до света, но, не получая подмоги, поскакали наутек. На колокольне церкви Бориса и Глеба ударил колокол, и Годунов пел с духовенством благодарственный молебен.

В 1619 году к Арбатским воротам подступал и гетман Сагайдачный, но был отбит с уроном.

В память этой победы сооружен был придел в церкви Николая Явленного, во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Начало этой церкви, как полагает Ив. Снегирев, относится к XVI столетию, когда еще эта часть Москвы была мало населена и называлась Подем.

Профессор Петр Ив. Страхов (1757–1813) рассказывал, что помнил эту церковь, когда она имела каменную ограду с башенками. Видом тогда она походила на монастырь. Близость этой церкви к Иоанновой слободе дала

повод к догадкам, что она была свидетельницей иноческой набожности грозного царя.

При работах у этой церкви в 1846 году было открыто множество костей человеческих; в числе здесь погребенных было немало могил и именитых людей.

В этот храм часто ездила молиться императрица Елисавета Петровна; она приезжала сюда служить панихиды над гробницею Василия Болящего, скончавшегося 7 ноября 1727 года и погребенного в трапезе. Из вкладов этой государыни известен в приделе образ во имя Ахтырския Богоматери.

У Арбатских ворот некогда стоял театр, очень величественной постройки, напоминающий видом здание Петербургской биржи. Театр этот сгорел во время пожара 1812 года. Здесь же вблизи был и дом известного театраля и директора московских театров Ф. Ф. Кошкина; в его доме помещалась и театральная типография.

По рассказам старожилов, Арбатская площадь еще лет пятьдесят тому назад была почти непроходима от грязи и топей, и нередко можно было видеть, как бились лошади, вы-

возя из невылазной грязи тяжелую карету или колымагу.

Троицкие ворота Кремля. Литография А. Дюрана. 1847

Глава XIX

Спасские ворота. – Откуда идет обычай снимать шапки перед ними? – Зодчий Петр Медиоланский. – Большие часы с курантами. – Попытка французов взорвать Спасскую башню в 1812 году. – Лобное место. – Его историческое прошлое. – Легенда. – Рассказы иностранцев о Лобном месте. – Празднество входа в Иерусалим. – Раздача вербы и вай. – Всенародные молебствия в эпоху тяжелых годин. – Иверская часовня. – История образа. – Драгоценная риза. – Храм Св. Василия Блаженного. – Легенда о постройке. – Сборные места нищих. – Первые благотворительные дома. – Китай-город. – Исполинские боевые часы. – Большой рынок на Красной площади. – «Великий Голицын». – Богатство и роскошь дома Голицына. – Государственная деятельность этого вельможи. – Опала и ссылка Голицына. – Конфискованные богатства. – Внук его Квасник-Голицын. – Мытный двор. – Мытники и целовальники.

Мы ранее говорили о некоторых московских воротах, уже не существующих в настоящее время. Теперь мы скажем о Спасских воротах в Кремле, особенно чтимых в древней столице. Народ глубоко благоговеет пред

этим памятником Кремля и не проходит в ворота, не снявши шапок.

Обычай этот – снимать шапки, проходя Спасскими воротами – теряется в глубокой древности; официальную же силу закона этот благочестивый обычай получил только, по словам И. Н. Николаева[163], в царствование Алексея Михайловича, который переименовал, в 1658 году, Флоровские ворота в Спасские (именование Флоровских они получили от бывшей когда-то подле них церкви во имя свв. Флора и Лавра) в память торжественной встречи в них перенесенной из Вятки иконы Спаса Нерукотворенного и тогда же указом постановил навсегда, чтобы в эти ворота никто не проходил, не сняв шапки. Спустя двенадцать лет тишайший царь подтвердил еще раз этот указ, запретив даже стольникам, стряпчим, дворянам и всех чинов людям приезжать на лошадях в Кремль.

В начале нынешнего столетия лицо, дерзнувшее проезжать или пройти с покрытою головою в Спасские ворота, останавливал часовой-солдат и, невзирая на чин и звание, заставлял положить перед воротами до пятидесяти

сяти земных поклонов.

Над воротами с наружной стороны находится большой образ Спасителя, под ним видна надпись на латинском языке, сделанная при царе Иоанне III; вот ее содержание в переводе: «Иоанн Васильевич Божию милостию великий князь владимирский, московский, новгородский, тверской, псковский, вятский, угорский, пермский, болгарский и иных и всея России государь, в лето тридцатое государствования, велел построить сию башню, а строил ее Петр Антоний, Селарий Медиоланский в лето воплощения Господня 1491 г.».

Этот зодчий был прислан в Москву из Рима с прочими художниками. В Степенной книге находим о нем: «И град Москва камень поставлен бысть нов округ древняго града. Старейшина же мастером бяше фрязянин Петр Архитектон...»

В нынешнем своем виде Спасские ворота остаются со времени Петра Великого; этот государь для них выписал из Голландии боевые часы и велел поставить их в башне над воротами.

Всех колоколов в башне тридцать шесть, из них девять бьют четверти, а десятый – часы; по надписи на последнем, в нем весу 135 пудов 32 фунта; остальные двадцать шесть колоколов без действия; они били некогда куранты. На больших колоколах имеются надписи и на некоторых изображения Св. Богоматери и Св. Троицы[164].

Икона над воротами изображает Спасителя в стоящем виде; правая его рука благословляет, а в левой – раскрытое Евангелие; св. Сергей под правую руку Спасителя, а св. Варлаам – под левую изображены в коленопреклоненном виде; с правой и левой стороны главы Спасителя изображено по одному Серафиму, и они занимают собою углы иконы.

Точная копия этого образа в часовне у Спасских ворот. В Спасские ворота с древнейших времен следовали все торжественные и церковные ходы; в XVII столетии из этих ворот, в день Вербного воскресенья, пред обеднею, из Успенского собора бывал крестный ход, изображающий вход Христов в Иерусалим; в этом крестном ходу патриарх ехал на осляти к Покрову на ров и на Лобное место.

Ров с восточной стороны Кремлевской стены существовал до 1813 года; он повелением великого князя Василия Иоанновича IV был обделан кирпичом, и самые стены Кремля построены в 1508 году. Бока этого рва были укреплены бастионами с двумя кирпичными на арках мостами для проезда в Кремль как в Спасские ворота, так и в Никольские, впоследствии же на одном из мостов, на Спасском, по обеим сторонам сделаны были небольшие лавочки, в которых производилась книжная торговля, а у самого въезда в ворота по сторонам стояли две часовни.

Это все существовало до 1812 года; после изгнания французов ров был засыпан и бастионные башни сломаны, а арки моста засыпаны; их не ломали, а просто завалили, как и боковую отделку; ров тоже не разбирали, а просто засыпали.

В прошедшем столетии из одиннадцати крестных ходов в году девять проходили Спасскими воротами, а в нынешнем столетии из тринадцати крестных ходов восемь проходят этими воротами.

Внутренность свода ворот заставляет пред-

полагать, что в четырех сделанных в стенах его углублениях или выемках некогда были поставлены иконы, потому что в других кремлевских проездных воротах этих углублений в стенах нет. С западной стороны, вовнутрь Кремля, изображена Печерская икона Богоматери, наверху главы изображен Нерукотворный образ Спасителя; по сторонам Богоматери предстоят великие святители московские свв. Петр и Алексей.

В 1813 году киота этого образа была возобновлена и колонны у ней обиты медными, латунными золочеными листами.

Здание башни трехэтажное, вся постройка четырехугольная, окончательная часть здания в восьмигранном виде, наверху которой сделана восьмиарочная часовая колокольня и над ней восьмигранный шпиль, наверху этого шпиля поставлен медный вызолоченный шар, а на нем вызолоченный двуглавый орел, или герб, сделанный из листовой меди. Но в половине XVII столетия, по словам Л. Белянкина[165], на этой башне был устроен герб деревянный. Он основывается на следующем повествовании, «что когда, в 1633 году, в ав-

густе месяце, горел в Кремле двор князя Ал. Ник. Трубецкого, и Спасское подворье, и переходы, и Чудов монастырь, и Вознесенский, и подворье монастырское, князя Ивана Борисовича двор из огня отняли, и Кирилловское подворье и на Флоровской башне орел сторел...»

Часы же на этой башне едва ли не первые по величине своей в России. Куранты на них без действия. При Петре I была измерена Спасская башня; в ней оказалось вышины $29\frac{1}{2}$ сажени, длины $6\frac{2}{3}$ сажени, ширины также $6\frac{2}{3}$ сажени.

В 1812 году, когда французы были в Кремле, несколько хищников покушались снять с образа башни ризу, но попытки остались безуспешными; также и взорвать Спасскую башню на воздух французам не удалось; под нее был сделан подкоп, и уже тлел пороховой фитиль, но отряд казаков, под предводительством генерала Иловайского, успел не допустить оставленному зажженному фитилю добраться до пороха.

О первых постройках двух часовен у ворот нет никаких преданий или известий. Существующие же построены по повелению импе-

ратора Александра I в 1802 году, когда и Спасская башня была возобновлена. До возобновления над образом Спаса в прежде бывшей жестяной киоте была следующая надпись: «1737 года, обновлен сей святой образ всея твари создателя Христа Бога, по бывшем великом пожаре, который, в 1737 году мая 29-го, в самый день праздника сошествия Святого Духа, во время коленопреклоненных молитв начался и продолжался даже до утра, в таком том огненном горении и сей святой образ опалился; ныне Его Всемогущаго Творца поспешением, в 1738 году, изрядно обновлен пожеланием и иждивением некоего человека Иоанна». В 1785 году киота была вновь возобновлена, и в образе звезды и резная рамка червонным весовым золотом вызолочены были иждивением доброхотным дателей.

Ближайшие к этой башне древние здания с восточной стороны против самых ворот – это не менее историческое Лобное место, единственный в России памятник, существующий около четырех веков. Он давно утратил свое первоначальное значение в жизни государственной и народной, но удержал одно

религиозное; здесь еще по сей час во время крестного хода архиерей с духовенством и св. иконами восходит на Лобное место, обставляемое хоругвями, и, после молитвословия, осеняет народ благословением на все четыре стороны. Карамзин предполагает, что на месте, где стоит теперь амвон, собрался народ на вече в XIV веке, во время нашествия Тохтамыша, когда великий князь оставил с двором своим Москву, а народ, выпустив из города митрополита с боярами, позвонил во все колокола к вечу, чтобы на нем, по древнему праву, решить свою судьбу большинством голосов.

О Лобном месте существует еще легендарное предание. В начале XVI века Москве угрожало гибельное нашествие Магмета-Гирея «за беззакония, в ней умножавшаяся».

В это время одна благочестивая монахиня Вознесенского монастыря, что в Кремле у Спасских ворот, чудесно получившая прозрение после долговременной слепоты, ночью, когда усердно молилась Богу об избавлении от бедствия города, внезапно услышала звон колоколов и узрела видение: ей привиделось,

будто из Кремля, во Флоровские ворота, выходит целый собор святителей московских с священниками и диаконами, в сонме видны были многие митрополиты и епископы, в числе которых можно было распознать и великих чудотворцев московских Петра, Алексея и Иону и ростовского Леонтия, некоторые из них несли чудотворную икону Божией Матери; навстречу им явились преподобные Варлаам Хутынский и Сергей Радонежский у того места, где теперь Лобное место, и молили их не оставлять отечественного города на жертву врагам. Святители вняли молитве чудотворцев, совершили с ними молебствие пред подворотною иконой Спасителя и потом возвратились в Кремль, а татары вскоре побежали из пределов московского царства.

В память этого, вероятно, изображены на иконе Спасителя, осеняющей Спасские ворота, свв. Варлаам и Сергей, а на другой иконе, на внутренней стороне, изображены московские святители Петр и Алексей.

На Лобном месте, по свидетельству иностранцев, совершались торжественные священные обряды, обнародовались царские

указы и сам царь или боярин обращал свое слово к народу. Олеарий называл Лобное место *Theatrum proclamationum*. Польские послы, в донесениях своих к королю в 1671 году, при описании этого места говорят, что, между прочим, здесь государь однажды в год являлся пред народом и, когда минет наследнику его шестнадцать лет, объявлял его подданным своим. Это подтверждает и Колинс, английский доктор царя Алексея Михайловича: «Царевича, – пишет он в книге своей о России, – ни народ, ни дворянство не видят до пятнадцати лет его возраста, но когда ему исполнится пятнадцать лет, он является пред народом; его несут на плечах и ставят на Лобное место на площади, чтобы предохранить государство от самозванцев, которые часто возмущали Россию».

Лобное место носило название также Царевы, и никто из иностранцев не говорит, что на нем совершались казни, да и можно ли было допустить, что, при благоговении царя и народа к этому месту, его попирали палач и преступник.

Многие из наших писателей смешивают

Лобное место с Лобною площадью и Лобным рынком, каким в начале XVII века называлась Красная, или Старая, площадь в Китай-городе.

Карамзин, живописуя нам ужасную эпоху казней при Иоанне Грозном, говорит: «В смиреннии великодушном страдальцы умирали на Лобном месте».

Лобное место наружным видом есть не что иное, как круглый каменный помост, с таким же вокруг обводом и лестницею. На годуновском чертеже Москвы так объясняется этот амвон городской: «Налобное место, или возвышенный помост, конклав, построенный из кирпича; там во дни молебствий патриарх возглашает некоторые молитвы, также объявляются царские указы».

По словам г. Снегирева, в московском Лобном месте соединено значение Иерусалимского Краниева места и Лифостротона, ибо оно, как подобие крестного жертвенника, освящалось молебствиями и благословениями святителей и вместе было судейским трибуналом и царским троном и кафедрою.

В святом граде оно заимствовало свое имя,

как полагают, или от сходства холма с лбом, то есть Кранием (черепом человеческим), или от поверженных там черепов, или, по преданию всего Востока, от Адамовой головы, там погребенной. В Москве оно сооружено на взлобье горы в Китай-городе, у позорища казней на Лобной площади, где также валялись лбы (головы) преступников.

Как в Иерусалиме Лобное место возвышалось пред одними из шести ворот городских, за коими, по исконному обычаю на Востоке, исполнялись приговоры суда, так и в Москве оно сооружено пред одними из шести главных ворот Кремля, именовавшихся прежде Иерусалимскими, от смежной с ними церкви Иерусалим, то есть Вход Иисуса Христа в Иерусалим. Как в этом священном памятнике, так и в некоторых других, очевидно подражание святым местам Иерусалима. Московские великие князья и цари, получая сведения о них от святителей, паломников и зодчих, хотели видеть в своей столице подобие и название таких памятников.

На Лобном месте Иоанн Грозный, после всех ужасов и жестокостей своего царствования,

ния, в 1550 году собрал со всего государства избранных людей. Со страхом явились народные представители на Красную площадь перед Лобным местом, но не гневного, а кроткого нашли избранные люди царя – они увидели Иоанна, со смирением восходящим на Лобное место и со слезами на глазах обращающимся к патриарху, который следовал за ним в недоумении, колеблясь между страхом и надеждою, с просьбою, чтобы он был ходатаем у Престола Всевышнего за все зло, доселе им соделанное, представляя в оправдание свое нерадивое попечение о его воспитании, коварство и смуты боярские. Грозный просил архипастыря быть свидетелем пред лицом Бога и представителями народа его обета – загладить прежние проступки любовью и попечением о своих подданных, быть обороною слабого перед сильным, защитою угнетенных, утешителем сирых и убогих.

В «Степенной книге» приведена речь царя. После речи народ рыдал вместе с царем, забыл жестокости и славил одни его милости. Грозный требовал всеобщего примирения, и враги кинулись в объятия друг друга.

С Лобного места читали грамоту самозванца Лжедмитрия, и москвичи, забыв присягу, данную незадолго юному сыну Годунова, провозгласили Отрепьева царем русским, а через несколько месяцев обезображенный и окровавленный труп Димитрия Самозванца лежал уже на Лобном месте с маскою, дудкою и вольнкою в руке, а труп его клеветы Басманова валялся тут же у ног его.

В 1610 году с Лобного места мятежным Ляпуновым было изречено свержение с престола Шуйского. С Лобного же места окроплял святою водою патриарх Никон царя Алексея Михайловича и рать его, готовую выступить в славный поход против поляков, исходом которого было возвращение древних городов русских: Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска и Киева. Здесь же, на Лобном месте, патриарх Иоаким благословлял, окропляя святою водою грозное ополчение, собранное на защиту Киева и Украины от турок, и возложил на князя Черкасского крест Константина, а на Долгорукова – икону Сергия Радонежского. На этом же Лобном месте честный слуга-араб боярина Матвеева, во время стрелецкого бунта,

когда никто не смел приблизиться к Лобному месту, собрал из грязи останки своего боярина и перенес в церковь Божию.

Здесь же, как мы выше упоминали, совершалось празднество Входа Иисуса Христа в Иерусалим. В Вербное воскресенье с этого места совершал патриарх ход в Покровский собор, причем царь или близкий к царю родственник вел патриархова осла. В книге Московского стола, за № 19[166], описана церемония, происходившая в Вербное воскресенье: «13-го апреля 1679 года строили и отпускали окольник Алексей Головин, да разрядный думный дьяк Василий Семенов с товарищами, а за золотчиками везли вербу, а на вербе стояли и пели стихари цветоносию патриархии поддьяки меньших статей, а за вербою шли протопопы и священники немногие. А как великий господин святейший Иоаким, патриарх московский и всея России, у Лобного места всел на осла и пошел к собору в Кремль к соборной церкви, и великий государь Феодор Алексеевич изволил в то время у осла узду принять по конец повода и везть в город к соборной церкви, а посреди повода

держал и осля за ним, великим государем, вел боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков, а перед великим государем и по обе стороны его государя шли бояре и окольные и думные, и ближние люди, а за святейшим патриархом шли преосвященные митрополиты и иные власти, а за ними гости; а по сторонам осляти шли и святейшего патриарха оберегали его патриаршие боярин и дьяки. А во время государского шествия по пути стлали сукна и портища суконные разных приказов стрельцы по наряду из Стрелецкого Приказа. И изволил великий государь идтить, а святейший патриарх на осляти ехал до соборной церкви до западных дверей, и, пришед к дверям, государь изволил идтить, и святейший патриарх со властью пошел в соборную церковь, а за великим государем были бояре и окольные, и думные, и ближние люди. А золотчики, пришед к соборной церкви, стояли от западных дверей с головы по обе стороны пути до северных дверей и рундуков к церкви Архангела Михаила. И был великий государь в соборной церкви идтить в свои государевы хоромы; а святейший патриарх божествен-

ную литургию совершал в церкви Успения Пресвятыя Богородицы. А во время всего действия в Кремле и в Китае по обе стороны по площади и около Лобного места стояли полуполковники и полуголовы и сотники стрелецкие, а с ними стрельцы и солдаты в цветном платье ратным обычаем, с ружьем и со всяким полковым строем по наряду из Стрелецкого Приказа».

С Лобного места патриарх раздавал освященные им вербы и вайи царю, архиереям, боярам, окольниковым и думным дьякам. В продолжение чтения Евангелия протодиакон приводил к подножию Лобного места белого коня, снаряженного наподобие осла; патриарх садился на него боком и ехал с Евангелием в одной руке и с напрестольным крестом в другой; на пути сто отроков постилали красные сукна и бросали к стопам патриарха одежды свои. В этом шествии везли белые кони на великолепных санях огромную вербу, обвешанную искусственными цветами и плодами.

В этот день у патриархов бывал парадный стол, и на стол патриарху подавали: «...сель-

ди, паровые сниманы с огурцы, икра осенняя, блюдо икры осетры свеже, блюдо икры сига-вые, сельди свежие под взваром, на пар лещи живые, спина белой рыбицы, спина лосося, яз жареный, труба белужья, сход белужий» и другие бесчисленные рыбные яства.

С кончиною последнего патриарха отправление этого обряда в Вербную неделю не исполняется, но как бы в воспоминание о нем сохранилась ежегодно продажа вербы около Лобного места и в Лазареву субботу гулянье в экипажах по Лобной площади. Последнее началось с царствования Анны Иоанновны. Снегирев говорит, что митрополиты и патриархи, по вступлении своем на святительский престол, по три дня шествовали на осляти вокруг города и с Лобного места преподавали благословение пастве своей.

1 декабря 1812 года, когда стояла жестокая зима в Москве, преосвященный Августин, к утешению пострадавших от французов москвичей, после водосвятия на Лобном месте, окропив св. водою город на все четыре стороны, произнес: «Вседействующая благодать Божия кроплением св. воды освящает град сей,

богоненавистным в нем пребыванием врага нечестивого, врага Бога и человека, оскверненный».

В 1830 году, когда Москву посетила холера, когда город был оцеплен, по улицам тянулись возы с умирающими и умершими, на дворах курился навоз и можжевельник. В это скорбное и тяжелое время митрополит Филарет с одними монашествующими совершил в день преподобного Сергия, 25 сентября, крестное хождение и на Лобном месте служил молебен с коленопреклонением.

Недалеко от Лобного места существует еще другое место, мимо которого не проходит москвич не снявши шапки. Это Иверская часовня. Икона Богоматери, находящаяся в часовне, в таком почтении, что нет в целом году дня, в который бы она с утра до вечера не переходила из дома в дом. История этого образа следующая: в 1653 году патриарх Никон предположил соорудить на Валдайском озере монастырь во имя чудотворной иконы Иверской Божией Матери, находящейся на Афонской горе. Для этого он послал архимандрита Пахомия на Афон для точного снятия списка с

образа.

В 1666 году Пахомий привез требуемый список, но в это время Никон был под гневом царя и жил в Вологодской губернии, царь не приказал ставить ее в Никонов монастырь, а указал для нее поставить у Курятных ворот [167] часовню. В 1791 году эта Иверская часовня пришла в ветхость, Екатерина II приказала ее перестроить, и она была перестроена при митрополите Платоне.

Золотая риза на иконе Иверской Божией Матери сделана при императрице Елисавете Петровне, в 1758 году, от вклада доброхотных дателей художником Василием Кункиным. Много драгоценных камней на ризе пожертвованы известным откупщиком Твердышевым. Золотая риза с венцом весит 27 фунтов 59 $\frac{1}{2}$ золотника. Икона эта в ночь пред вступлением французов в Москву, в 1812 году, была увезена в Муром викарием Августином и возвращена в Москву в том же году, 10 ноября.

Недалеко от описанных нами Спасских ворот останавливает на себе внимание прохожих оригинальная по неправильности постройки, вычурности, пестроте и затейливо-

сти украшений церковь, весьма важная в историческом отношении. Это Покровский собор, известный более под именем церкви Василия Блаженного; его еще называли Иерусалимским и «на Рву»[168]. Предание говорит, что царь Иоанн, завоевав Казань, дал обет построить храм в память этого события и по окончании храма, в 1557 году, призвал к себе зодчего этой церкви (имя его неизвестно) и спросил: может ли он построить храм лучше этого? Тот отвечал, что может. Царь велел ослепить его, говоря: не хочу, чтоб где-нибудь была святыня лучше этой.

На месте, где поставлен был храм, стояла деревянная церковь Св. Троицы над Кремлевским рвом, при которой было погребено тело св. Василия Блаженного. В ту эпоху все церкви были с кладбищами. Так, на Красной площади, от Спасских, или Флоровских, до Никольских ворот, стояло пятнадцать церквей с кладбищами, которые были огорожены надолбами и решетками. В то время как в Кремле, так и у других больших церквей, особенно на Варварском крестце, в Китае и на других крестцах были сборные места нищих; там

сходились удрученные бедностью, старостью или неудачами певцы богатого и убогого Лазаря и Алексия Божия человека, по большей части слепые, и жалобными, заунывными голосами испрашивали себе подавание у прохожих и проезжих; там же выставлялись гробы и даже тела убогих для сбора на их погребение, а божедомы[169] вывозили из убогого дома в тележке подкидышей.

При царе Иоанне Грозном между нищими на Флоровском мосту нередко являлся и летом и зимой один блаженный «нагоходец», нищий духом, от нищих охотнее принимавший подавание, чем от богатых; он был другом и утешителем убогих; этот нищий и был Василий Блаженный, в память которого называется вышеупомянутый храм, оригинальнейший во всем свете по своей архитектуре.

Иностранцы, бывшие в XVI веке в Москве, говорят про русских, что «москвитяне весьма заботятся о нищих, которым всякий подает по своему достатку, одевает, кормит и вводит к себе в дом».

Православная церковь искони была попечительницей и кормилицей нищих, убогих и

калек, которых она, как видно из церковных судов великого князя Владимира, причисляла к церковным людям; священные притворы и паперти церквей служили для них надежным пристанищем и убежищем; к их оградкам примыкали скудные их избышки, клетки и кельи.

В XVII веке нищие в Москве делились на соборных, монастырских, патриарших, гуляющих и богаделенных. Последние жили при устроенных при церквях богадельнях; первый устроитель таких общежитий был патриарх Иоаким. Царь Феодор Алексеевич особенно умножил такие благотворительные дома, велел нищих кормить и содержать на иждивение патриаршего дома, и на этот предмет общественного призрения указано было собирать в патриарший дом по три алтына с церковью митрополичьих, архиепископских и епископских. Такие пошлины собирали чиновники святительского двора: десятинники, недельщики и наместники.

Петр Великий в 1701 году учредил тоже до шестидесяти нищенских богаделен при московских церквях для помещения в них самых старых, дряхлых, больных и увечных, при ко-

торых назначено было воспитывать и малолетних до десяти лет.

До половины XVIII столетия нищие жили при церквах, большею частью «под кровом бревенным», то есть в скудных избушках. Императрица Елисавета в 1748 году указала строить при церквах вместо деревянных богаделен каменные, с крепкими каменными сводами, длиною в жильё 5 сажен, а шириною 3 сажени 3 аршина. Первым примером в делах милосердия были нищелюбивые цари и пастыри. Отправляясь, например, на богомолье или в путь, цари и патриархи во всю дорогу раздавали ручную милостыню нищей братии, которая ожидала их на перекрестках, мостах, у городских ворот, на крыльцах у церквей и монастырей.

В старину не было той улицы, где бы не было сотни нищих, а в церквах и рядах от них не было прохода. Были нищие, которые просили по привычке из ремесла: от подаяния они только богатели.

По старинным рассказам, тогдашние ростовщики все прежде были нищими; они вначале собирали себе с миру по нитке да шили

себе рубашки; но после тот же мир не расплачивался с ними и кафтанами. Эти же нищие держали у себя размен мелкой монеты и получали почти всегда на промен вдвое и втрое сбора денег против вынесенного ими на сутки. Вот откуда берут начало наши меняльные лавки и биржевая звонкая валюта.

Возвращаясь к церкви Василия Блаженного, мы видим, что спустя 126 лет после постройки этого храма царь Феодор Алексеевич и патриарх Иоаким приказали в 1680 году разобрать за ветхостью бывшие в то время на Красной площади деревянные придельные церкви, а вместо них построить новые, сколько было старых на монастыре Покровского, или Св. Василия Блаженного, собора.

Старых церквей было восемь, такое же число было устроено и новых, и некоторые из них помещались под сводами древнего собора, а некоторые близ собора на монастыре. Всего при Покровском соборе в 1680 году было двадцать церквей, которые были устроены и сверху и снизу этого собора и существовали до 1783 года.

При этих церквях до 1771 года, при каж-

дой, были особые священники, но во время бывшей в Москве моровой язвы при этом соборе умерли один протоиерей и четырнадцать священников; оставшиеся придельные священники были распределены по приходским церквам, и с этого времени наместо умерших ко всем приделам никто не был произведен. Во время чумы оставался один священник и диакон.

В старину на Покровском соборе вокруг, на черепице, была древняя надпись, изображенная желтыми литерами. В ней говорилось о годе (1554), когда начата церковь и по какому случаю, затем о времени возобновления храма царем Феодором Иоанновичем и о покрытии его железом.

Позднее императрица Екатерина II на прибитой к стене медной доске добавила, что церковь ею «с приделами возобновлена в 1784 году, при главном начальстве и дирекции Святейшаго Правительствующаго Синода члена Платона, архиепископа московскаго» и проч.

Возобновление производилось на выданную казенную в десять тысяч рублей сумму,

«под смотрением оного собора протоиерея Иоанна Герасимовича».

В этом храме замечательны два древних иконостаса в соборной Покровской церкви и в придельной церкви Входа в Иерусалим. Первый в два яруса убран сплошь оловянными позолоченными узорчато-сквозными штуками, с подложенною под них разноцветною слюдою и по сторонам икон с винтообразными позолоченными колоннами и карнизами. Второй иконостас – одноярусный, весь высе-ребрен, по сторонам икон с винтообразными золочеными колоннами и местами украшен оловянными штуками, золочеными над разноцветною слюдою. Из исторических досто-примечательных вещей в соборе замечателен покров для накрытия надгробия св. Василия Блаженного: он шелковый, с изображением св. Василия, над головою его изображена Св. Троица; все это вышито шелком и обведено ниткою крупного жемчуга; венец тоже жем-чужный с пятью драгоценными камнями. На краях покрыва вышито: «Представися преблажене Василие стекашася царие и кня-зи вси собори, русстии юноши и девы, старцы

твоим телесным мощам поклониться и воскликнуша купно вси память успения твоего Христа величающе». Под самым изображением выткано, что покров сделан повелением царя Феодора Иоанновича и царицы Ирины, в лето 1589. Лампада серебряная перед иконою Покрова Богородицы принесена в дар царем Михаилом Феодоровичем в 1638 году. В соборе имеется также замечательный по древнему иконописному письму образ; этот образ написан на стене вне церкви; изображено на нем Знамение Пресвятыя Богородицы; образ этот почитается чудотворным.

В 1812 году, во время пребывания французов в Москве, собор был разорен неприятелем и, исключая внешности, во всех приделах все было разбросано, с престолов сняты одежды и все остальное поломано. В церкви стояли лошади. Первого декабря 1812 года, после разорения, собор был освящен преосвященным Августинном. Возобновлен храм был в 1813 году на сумму 13 тысяч рублей, выданную из Святейшего Синода. Окончательно же этот собор возобновлен был, как снаружи, так и внутри, только начиная с 1839 по 1845 год.

В это время все стены во всех придельных церквах были расписаны иконным изображением; до этого времени стены были только выбелены.

Местность от церкви Василия Блаженного в старину считалась богатою хорошим строением, притом здесь производилась главнейшая московская торговля и были ряды и лавки, в которых продавались всевозможные необходимые товары, – лавки купцов кишели как иногородным, так и местным купечеством; в числе заезжих торговцев наибольший процент составляли азиатцы. Этот округ города назывался исстари Китаем; с этим словом в простонародии связывался всемирный рынок, и всякая иноземная ткань называлась «китайкою». Имя Китая в Москве до сих пор еще необъяснимо, но, вероятно, оно произошло у нас от торговли с этою странюю. В Рязанской губернии в простом народе слово «китай» составляет насмешливое прозвище всякому барышнику и торгашу.

С распространением большого посада, или Китай-города, где сосредоточивалась всякая торговля и всякого рода промышленность и

где, следовательно, нужно было знать всякому время, на Спасской башне, как мы уже упомянули, были поставлены большие боевые часы – последние в то время являлись также необходимостью и для должностных лиц крупного и мелкого чина, обязанного являться в Кремль ко двору государя к назначенному часу, в думу, на выход, на потеху и т. д. Карманных, или «зипных», часов в то время в Москве едва ли было с десятков, да и те по своему разделению времени не соответствовали русским часам и, следовательно, были неудобны для употребления. Тогдашние часы делили сутки на часы дневные и на часы ночные, следуя за восхождением и течением солнца[170], так что в минуту восхождения на русских часах был первый час дня, а при закате – первый час ночи; поэтому почти каждые две недели количество часов дневных, а также и ночных постепенно изменялось. В 1625 году старые боевые часы на Спасских воротах были проданы на вес ярославскому Спасскому монастырю, а вместо них построены новые англичанином Христофором Галовеем; последний для них и выстроил над во-

ротами, наместо деревянного шатра, существующий посейчас каменный, в готическом стиле; при этом русский колокольный литец Кирилло Самойлов слил к часам тринадцать колоколов.

Часы были сделаны с «перечасьем», или с музыкою. Хотя в следующем году их значительно попортил пожар, но они снова были устроены тем же мастером. На Спасской башне часы были длиною в 3 аршина, вышиною $2\frac{1}{2}$ аршина, поперек $1\frac{1}{2}$ аршина; колеса, на которых были указные слова, в диаметре имели $7\frac{1}{4}$ аршина. Указные, или узнатные, колеса, то есть циферблаты, были с двух сторон, одно в Кремль, другое в город, и состояли из дубовых связей, разборных на чеках, укрепленных железными обручами.

Каждое колесо весило около 25 пудов. Средина колеса покрывалась голубою краскою, лазурью, а по ней раскидывались золотые и серебряные звезды с двумя изображениями – солнца и луны. Очевидно, что это изображало небо. Вокруг в кайме располагались указные слова, то есть славянские цифры, медные, густо вызолоченные, а между ними помеща-

лись получасовые звезды посеребренные. Указные слова на Спасской башне мерою были в аршин.

Так как в этих часах вместо стрелки оборачивался самый циферблат, или указное колесо, то вверху утверждался неподвижный луч или звезда с лучом, вроде стрелки, и притом с изображением солнца.

При Петре Великом, в 1705 году, старинные русские часы вышли из употребления, и по указу царя спасские часы были переделаны и против немецкого обыкновения на 12 часов, для чего государь выписал из Голландии боевые часы с курантами за 42 474 рубля. Часы эти были «с танцами против манера, каковы в Амстердаме». Ставил их в 1705–1709 годах часовой мастер Еким Гарнов. При тех же башенных часах находились особые колокола-набаты, выбивавшие тревожные повестки на случай пожара.

Мейербер в своем описании Москвы говорит, что в Китай-городе, близ Лобного места, стояла еще церковь Св. Меркурия Смоленского, а с другой стороны находился земский приказ, здание, покрытое землею, с двумя

огромными орудиями наверху и с другими двумя внизу, на земле.

На Красной площади, по словам Олеария, пред лицом Кремля был большой рынок, где постоянно толпились и продавцы, и покупатели, и празднующие, а вблизи Лобного места сидели женщины, продававшие свои изделия.

На восток от рынка простиралась торговая улица; их было множество, потому что для каждого товара был свой торговый ряд. В Китай-городе была типография, многие приказные, дома знатных бояр, дворян и гостей, английский двор, по упразднении привилегии англичан обращенный в тюрьму, три гостиных двора; от последнего из них, персидского, на юг шла Овощная улица, состоявшая из лавок с овощными товарами; она упиралась в рыбный рынок, по рассказам иностранцев сделавшийся известным своей нестерпимой вонью и непроходимой грязью.

В XVII еще столетии в Москве улицы не имели порядочной мостовой; на улицах лежали круглые деревянные, сложенные плотно сплошь одна с другою. Где же не было такой

настилки и где особенно было грязно, там через улицы просто перекидывали доски. В Москве собирали с жителей побор, под именем «мостовщины», и земский приказ занимался мощением улиц, но мостили больше там, где было близко к царю.

Такая мостовая не препятствовала, впрочем, женщинам ходить не иначе, как в огромных сапогах, чтоб не увязнуть в грязи. В Москве еще существовал особый класс рабочих, называемых «метельщиками», обязанных мести и чистить улицы, и хотя их было человек пятьдесят, однако в переулках столицы валялось немало дохлой скотины и другой падали.

Кому обязана старая допетровская Москва украшением улиц, постройками и первыми мостовыми, это князю Василью Васильевичу Голицыну, боярину, прозванному иностранцами «Великим Голицыным». По образованию Голицын в свое время был первый в России; он говорил по-латыни как на родном языке; носил он сан «царственныя большия печати, государственных великих и посольских дел оберегателя».

В молодые годы он уже служил при дворе стольником и чашником; красотой, умом, учтивостью и великолепием своего наряда он превосходил всех придворных. По рассказам иностранцев, он не терпел крепких напитков и свободное время проводил за беседой. Дом его отличался великолепием; он был покрыт снаружи медью, а внутри убранство комнат ничем не отличалось от лучших европейских дворцов; здесь были богатые восточные ткани, венецианские зеркала и картины известных иностранных художников. Невиль, посланник польского короля, пишет: «Я был поражен богатством его дворца и думал, что нахожусь в чертогах какого-нибудь итальянского государя». Голицын построил в Кремле здание для Посольского приказа, по образцу своего дома, и затем великолепные каменные палаты для присутственных мест, потом каменный мост на Москве-реке с двенадцати арками и поделал деревянные мостовые на всех улицах в Москве.

Подражая ему, жители Москвы украсили в его время эту столицу каменными домами. Голицын выписал из-за границы двадцать

докторов и множество редких книг; он убеждал бояр, чтобы они обучали детей своих, отправляя их за границу и приглашая к себе иностранных наставников. Голицын любил беседовать с иезуитами, которых изгнали из Москвы на другой день после его падения. Во время его управления иностранными делами голландцы получили позволение присылать в Астрахань своих лоцманов и плотников, которые построили там два фрегата; они содействовали плаванию по Каспийскому морю до Шемахи, но татары сожгли их, и после голландцам не дозволено уже строить новых фрегатов. Голицын велел отыскать кратчайшую дорогу в Сибирь, и при нем были построены от Москвы до Тобольска избы для крестьян, род первых стационарных почтовых дворов, на каждых пятидесяти верстах, с предоставлением крестьянам смежных земель; при этом каждый хозяин получил по три лошади, с условием, чтобы их содержал всегда в том же комплекте, взимая с проезжающих, исключая отправляемых по казенной надобности, за десять верст по три копейки на лошадь. Голицын велел расставить длин-

ные шести по всей России, вместо верст, а в тех местах Сибири, где лошади не могли ходить, по причине глубоких снегов, водворил ссыльных, снабдив их деньгами, провиантом и большими собаками.

Но Голицын при всем своем просвещенном уме не мог освободиться от предрассудков и суеверия своего века. Так, например, дворянин Бунаков, шедший за ним по улице, внезапно упал вследствие припадка падучей болезни и по суеверию взял с того места горсть земли, которую завязал себе в платок. Голицын, сочтя Бунакова чародеем, велел пытать его за то, что «он вынимал будто бы след его для порчи».

По его же приказанию сожжен в Москве мечтатель Квириин-Кульман, будто бы за ересь.

Также бесславными подвигами этого сновника были и его крымские походы с двухсоттысячною армиею; он мечтал о завоевании полуострова, полагаясь на свое счастье и силы, но крымский хан велел сжечь за Самарою на 200 верст степь, чрез которую надлежало им проходить. Голицын принужден был

возвратиться, поход его оказался вполне неудачным, но правительница Софья своего любимца наградила жалованной грамотой, золотой медалью в 300 червонцев, украшенную алмазами, на золотой цепи, с изображением на одной стороне двух царей, на другой – царевны (на наши деньги эта медаль теперь стоила бы более 30 000 рублей), кафтаном на черных соболях и кубком золоченым и увеличением получаемого им жалованья.

Ранее этого Голицын за подписание в Москве выгодного договора о действиях против турок и татар с полномочными польского двора награжден был золотою чашею весом в два фунта с половиною и атласным кафтаном на соболях. Подобного рода подарки в то время ценились весьма дорого, не только как знаки особой царской милости, но и как вещи чрезвычайной стоимости.

Голицын получил еще на придачу волости, на которых считалось более трех тысяч дворов крестьянских. По приезде в Москву из крымского похода Голицын не был допущен юным Петром к себе на аудиенцию, и в это же время, когда открылись властолюбивые за-

мыслы царевны Софьи против Петра, Голицын, по повелению Петра, был взят под стражу, потом перед царским крыльцом ему и сыну его был прочтен приговор думным дьяком Деревкиным.

Главные вины Голицына состояли в том, что он и его приверженцы о всех делах докладывали ранее царевне, а не государям, писали от нее грамоты и печатали имя Софьи в книгах без соизволения царского и что вследствие неудачных походов его в Крым казна понесла великие убытки. За все это Голицын был лишен боярства, всего имения и выслан в город Яренск. Голицын с твердостью выслушал приговор и произнес вслух: «Мне трудно оправдаться перед царем!»

В тайниках его палат были найдены скрытыми в погребке 100 000 червонцев и 400 пудов серебряной посуды; кроме других сокровищ, ему принадлежало богатое подмосковное село Медведково, принадлежавшее прежде князю Д. Пожарскому.

При этом еще обнаружилось, что знаменитый боярин, не довольствуясь милостью царевны, приобретал богатство и другими еще

нечестными способами. Так, в числе разных описанных у него драгоценностей найдена была осыпанная алмазами булава, отнятая им у малороссийского гетмана Дорошенки, получившего ее в подарок от турецкого султана Селима IV. Другая такая же булава была пожалована ему царями при отправлении его в крымский поход. Желябужский пишет, что в 1686 году, при заключении мира с Польшею, из 200 000 рублей, следовавших к уплате Польше, Голицын выговорил себе тайно половину этой суммы. Он же говорит, что князь, остановившись у Перекопа, взял от крымских татар две бочки с золотой монетой, почему и донес в Москву, что дальше идти нельзя, так как нет ни хлеба, ни воды. Татары, однако, надули Голицына; когда взятые им у них золотые монеты явились в продаже в Москве, то они оказались медными, с тонкою лишь позолотою. Впоследствии Голицын был переведен в Пинегу, где ему на каждый день выдавалось на содержание по 30 алтын и 2 деньги.

Князь Голицын там и умер в 1713 году, восьмидесяти лет; тело его погребено в Красногорском монастыре, в шестнадцати верстах

от Холмогор.

У князя Василия было двое сыновей: князь Михаил, умерший бездетным, и князь Алексей, женатый на М. И. Квашниной, от которой и имел двух сыновей; один из них, князь Михаил, состоял шутом при дворе императрицы Анны Иоанновны, он известен под именем Квасника; название это он получил за обязанность свою подавать императрице квас, а также присматривать за любимой собачкой; за охранение последней он при заключении Белградского мира получил 3000 рублей. Внук знаменитого боярина был от природы слабоумным; он служил при Петре I в полевых полках, где дослужился до майорского чина. Потеряв первую свою жену, он испросил себе позволение отправиться за границу, где, во время пребывания во Флоренции, влюбился в простую итальянку, женился на ней и перешел в католичество. По приезде в Москву он тщательно скрывал от всех свое ренегатство и жену, но это скоро обнаружилось и дошло до государыни. Поступок его был объяснен крайним слабоумием; его велено было представить ко двору. Государыня осталась от

него в восхищении[171] и писала к Салтыкову: «Благодарна за присылку, он здесь всех дураков победил; ежели еще такой же в его пору сыщется, то немедленно уведомь». Голицын был вскоре обвенчан в историческом Лебяном доме на Неве с калмычкою Авдотьею, по прозванию Бужениновой.

Через девять месяцев после этой свадьбы императрица скончалась, и должность придворного шута упразднилась. Голицын отправился в Москву, где жена его вскоре умерла, и князь уже около семидесяти лет вступил в четвертый брак с А. А. Хвостовой, с которой прижил трех дочерей. Он умер в 1778 году, в глубокой старости; могила его еще видна в с. Братовщине, по дороге от Москвы в Сергиевскую лавру.

В описываемый нами Китай-город в старину выезжали через Москворецкие ворота, у которых стоял Мытный двор, и здесь, по всей вероятности, был осмотр всех привозимых товаров в Москву. В старину казна взимала пошлины со всего, что покупалось и что продавалось, отчего внутренняя торговля тогда весьма стеснялась.

Старый Мытный двор лежал постройкой к Москве-реке; это было большое, обширное каменное здание в виде параллелограмма с двором внутри, где помещались товары, по большей части привозимые на барках. Название «Мытный» происходит от слова «мыт», то есть пошлина, и «мытник», сборщик податей. Оба эти слова – наидревнейшие и известны уже были в 1037 году: они упоминаются в «Русской Правде» Ярослава I.

На Мытный двор свозились товары и лежали до уплаты пошлины и осмотра их мытными головами и мытными целовальниками. Название последних чиновников происходило от присяги или, вернее, целования креста.

Князь Щербатов говорит, что в древности были некоторые холопы и другого звания люди, которые платили дань определенным для сбора чиновникам; но как эта дань не была приведена в известность, то эти сборщики и должны были присягать или целовать крест в том, что все, что ни соберут, без утайки доставят своему государю. Но иногда вместо целовальников собирали пошлины служилые

люди, например стрелецкие головы, а целовальники были при том только свидетелями.

Палаты бояр Романовых в Москве. Фото-гравюра по рисунку Н. Мартынова. 1886

Глава XX

Родовой дом бояр Романовых. – Прапрадед царя Михаила Феодоровича. – Жизнь боярина Никиты Романовича. – Патриарх Филарет. – Знаменский монастырь. – Возобновление каменных палат Романовых. – Заиконоспасский монастырь. – Славяно-греко-латинская академия. – Печатный двор. – Монастырь Старого Николая. – Старый дом князя Воротынского. – Древние поединки. – Церковь Св. Троицы в Полях. – Боярин Мих. Мих. Салтыков. – Судьба старых могил в Москве. – Храм у «Красных колоколов». – Царь-колокол. – История его отливки. – Другие исторические колокола. – Аристократический центр древней Москвы. – Московские дворяне, бояре и ближние люди. – Грабежи и разбои в Москве. – Замечательные разбойники. – Кабаки и повальное пьянство. – Первый табак и чай. – Жизнь при царе Алексее Михайловиче.

В Китай-городе уцелел древнейший памятник гражданского зодчества – боярская каменная палата, в которой родился царь Михаил Феодорович.

При восшествии на престол царя Михаила Феодоровича этот родовой дом бояр Романо-

вых отдан был государем под Знаменский монастырь; он стал тогда называться «старый государев двор, что на Варварском крестце, или у Варвары горы». Вопрос о времени основания дома бояр Романовых на Варварской улице связан с вопросом о доме предков их близ Георгиевской церкви на Дмитровке. Несомненно, что дом прапрадеда царя Михаила Феодоровича, Юрия Захарьевича, умершего в 1505 году, был при каменной церкви Св. Георгия на Дмитровке.

Таким образом, начало старого государева двора на Варварке не может восходить ранее XVI века. Хотя дочерью Юрия Захарьевича, Феодосиею, основан был при Георгиевской церкви монастырь, но самый дом был его, Романа Юрьевича, давшего фамилию ныне царствующему роду; по свидетельству записок Георгиевского монастыря, в доме своего деда и отца при Георгиевском монастыре воспитывалась Анастасия Романовна и отсюда взята в супруги царю Иоанну Васильевичу; близ Георгиевского монастыря бывшая церковь Анастасии узорешительницы, разобранная в 1793 году, основана Анастасиею Романовною, в па-

мять воспитания ее около этого места.

В жизнеописании Геннадия Любоградского сказано, что этот подвижник был в доме вдовы Романа Захарьевича и благословил детей ее, Даниила и Никиту Романовичей, и, благословляя Анастасию, пророчески сказал: «Ты еси розга прекрасная и ветвь плодоносная, будеши нам государыня царица», что исполнилось 3 февраля 1547 года, когда совершен брак ее с царем Иоанном Васильевичем, и царица впоследствии много благодетельствовала монастырю Геннадия в костромских пределах. Двор на Варварской улице поступил во владение младшему сыну Никите Романовичу.

В 1541 году, во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея, когда вся Москва, кроме Кремля, была предана пламени, по всей вероятности, пострадал много и двор Никиты Романовича.

Спустя десятилетие после этого и сам хозяин дома подвергся опале грозного царя. После брака своего с Мариєю Нагою царь Иоанн Васильевич послал на двор Никиты Романовича 200 стрельцов: они расхитили оружие, по-

суду, лошадей и все пожитки на 40 000 фунтов стерлингов. Никита Романович, кроме того, лишился всех своих поместьев, остался в такой бедности, что на другой день после разграбления послал в соседнее с ним английское подворье, близ церкви Максима Исповедника, просить бумажной ткани на одежду себе и детям.

Англичанин Иероним Горсея, бывший в то время в России, рассказывает, что Никита Романович не чуждался сближения с англичанами, и один из них, приказчик торгового дома, давал его сыну, Феодору Никитичу, уроки латинского языка; впоследствии этот Феодор был патриархом Российским. Умирая, грозный царь возвратил милость свою своему шурина по первой своей жене и назначил Никиту Романовича в числе четырех ближайших советников сыну своему царю Феодору Иоанновичу.

Со времени заключения Феодора Никитича царем Борисом в темницу в 1599 году и пострижения его с именем Филарета в Сийском монастыре Архангельской области дом Романовых, надо полагать, долго оставался без хо-

зяина, и хотя потом Филарет Никитич был в Москве при самозванцах, но не на долгое время и, как монах, не жил в своем доме. По избрании Михаила Феодоровича на престол родовой дом был исправлен, и при нем уже тогда, как показывают росписи того времени, был там в Знаменской церкви протопоп Иаков с двумя священниками и другими лицами клира. В те времена степень протоиерейства, предполагавшая большой клир, была редка и показывает особенное внимание царя к старому своему дому.

В 1626 году, мая 3-го, пожар, опустошивший Москву, не пощадил и Государева двора; следствием его было расширение Варварской линии; но каменная палата на углу этой улицы и Псковского переулка оставлена на старом месте. Знаменский монастырь из домово́й церкви бояр Романовых был основан в 1631 году, в год кончины матери царя Михаила, инокини Марфы Иоанновны.

В этот же год грамотою царя Знаменский монастырь был наделен родовыми царскими населенными имениями и угодьями, бывшими за инокинею Марфою Иоанновною.

В 1668 году, во время большого пожара, пострадал и Знаменский монастырь; по этому случаю игумен Арсений доносил царю Алексею Михайловичу: «Бьют челом богомольцы твои Знаменского монастыря, что на вашем Государеве старом дворе твое царское богомолie – монастырь выгорел со всеми монастырскими службами и с запасем, на церквах кровли обгорели и ваше государское старинное строение – палаты – от ветхости и от огня развалились, а нам, богомольцам твоим убогим, ныне построить нечем; место скудное; погибаем вконец».

Но скоро нашлись богатые царские родственники Милославские, и их иждивением восстановлены старинные палаты и другие многие здания монастырские, и вместо бывшей деревянной ограды возведена новая, каменная. Монастырь обновился, но по слабости грунта все, от ограды до собора, было выстроено на дубовых сваях, и притом на косогоре, и потому долговечности не обещало.

В выходах государей находим, что в XVII веке Знаменская обитель часто принимала величественный вид; государь с боярами и

патриарх со властями бывали в монастыре на праздник у малой вечерни, всенощной и у обедни. Перед праздником на Сытном дворе наливалась в монастырь лампада воску. От монастыря в этот день подносились иконы Знамения Богородицы, со святою водою в вощанках, всем членам царской фамилии, патриарху и именитым боярам.

В царствование императора Петра Знаменский монастырь претерпел многие невзгоды; в это время слабость грунта и косогор оказали свое действие на каменные здания и ограду монастырскую. Крыши тоже разрушились. Вдобавок в 1704 году сюда поместили колодников и арестантов с солдатами, в кельях у задних ворот. Последние криком и прошением милостыни отгоняли богомольцев от монастыря; к довершению бед последовавший в 1720 году указ о каменных мостовых вконец разорил этот монастырь, окруженный со всех четырех сторон улицами; имея еще в городе за Москвою-рекою землю, он должен был вымостить более 500 квадратных сажен. Троицкий пожар 1737 года, испепеливший большую и лучшую часть Москвы, нанес также

немалый вред монастырю.

Императрица Елисавета в 1743 году повелела исправить ветхости в монастыре и возобновить старинное жилище Романовых. В 1776 году профессор Чеботарев еще видел остатки «родительского дома фамилии Романовых». Позднее, для поддержания монастыря, «Романовская палата» отдавалась внаем разным лицам; здесь жили московский купец Иван Болховитинов, грек купец Метакса и затем другой нежинский грек Георгий Горголи. Последний кое-как починил палаты.

В год Отечественной войны в монастыре помещался французский провиантмейстер, бывший прежде в русской службе, и монастырь уцелел от огня и разрушения; по выходе французов здесь на время жил архиепископ Августин. Архив монастырских дел от основания монастыря до конца XVIII века во время 1812 года был заставлен в ризнице в углублении каменной стены неподвижными шкафами и сохранился тоже в целости.

После 1812 года монастырь кое-как поправили, но делать дальнейшие поправки в нем комиссия не допустила, потому что здание

выступало за проектированную линию по Варваринской улице. В 1821 году архимандрит Аристарх входил с прошением к митрополиту Филарету, предполагая сломать палату Романовых и вместо нее построить новую, но разрешения на это не получил.

В 1858 году, по повелению императора Александра Николаевича, августа 31-го, начали возобновлять прародительскую палату бояр Романовых, находящуюся на углу монастыря по Варваринской улице и Псковской горе. На закладке при входе на паперть государя встретил митрополит Филарет, с напрестольным крестом в руке – вкладом матери царя Михаила, великой инокини Марфы. При митрополите стоял придворный протодиакон с кадилом патриарха Филарета Никитича. Под сению хоругвей оба иеромонаха держали в руках храмовой образ Знамения Богородицы, родовой бояр Романовых, царское моленье Михаила Феодоровича.

В приготовленное место для закладки государем и августейшей фамилией были положены новые и древние монеты, поднесенные членами комиссии по постройке. Так, И. Сне-

гиревым были поданы на блюде серебряные и золотые монеты чекана 1856 года, в память коронавания государя, – год, в который повелено возобновить Романовскую палату; А. Вельтманом – золотые и серебряные монеты 1858 года в свидетельство действительного начала работ для обновления этого древнего памятника; г. Кене – золотые и серебряные монеты времен царя Михаила Феодоровича в память того, что в означенном доме родился и возрос этот государь, первый из поколения Романовых; известным нашим археологом архитектором А. А. Мартыновым – серебряные монеты царствования Иоанна Грозного как свидетельство, что здание было построено при этом государе.

Возобновление палаты было окончено 22 августа 1859 года, и она освящена в этот же день в присутствии государя императора. Древняя боярская палата была построена в четыре этажа: первый, подвальный этаж, или так называемое в древности погребье с ледником и медушею; второй, нижний этаж, или подклетье с людскою, кладовою, приспешнею, или поварнею; третий, средний этаж,

или житье с сениями, девичьею, детскою, крестовою, молельною и боярскою комнатою; четвертый, где находятся вышка, опочивальня и светлица.

Все комнаты внутри были убраны старинными предметами или сделанными по старинным образцам. На восточной стороне палаты в среднем жилье выступает висячее крыльцо, или балкон, глядельня. Над ним в клейме – герб Романовых; под ним в нише – надпись на камне, начертанная уставною вязью, гласящая, при ком и когда начата и окончена постройка.

До 1771 года в Знаменском монастыре существовало кладбище, на котором было погребено значительное число разных лиц, что доказывают часто находимые в земле надгробные памятники при новых постройках.

Ив. Снегирев говорит, что в 1748 году, по высочайшему повелению, были деланы запросы: где находится палатка в Знаменском монастыре, где погребен был Карп юродивый и не было ли от него чудес, не поют ли над ним панихиды и проч.

В числе исторических зданий в Китай-го-

роде находится Заиконоспасский монастырь. Название свое он получил от того, что стоит за Иконным рядом, и главная церковь в нем во имя Нерукотворенного Образа Всемиловитого Спаса. Построен монастырь по повелению царя Алексея Михайловича и по обещанию боярина Федора Волконского в 1660 году. Монастырь этот особенных достопамятностей не имеет, он замечателен тем, что в нем существовала сто тридцать лет Славяно-греко-латинская академия, давшая многих замечательных лиц, приобретших в науке и государственной деятельности известность.

Дом, где помещалась академия, был каменный трехэтажный, с хорами, над воротами была надпись: «Славено-греко-латинская Академия», поверх надписи висела картина с изображением горящей свечи, с надписью: *Non mihi, sed aliis*[172]. Эта вывеска существовала до 1812 года. История возникновения этой академии следующая. Иерусалимский иеромонах Тимофей первый представил царю Феодору Алексеевичу о необходимости учебного заведения в Москве. «Царь[173], услыша сие, умилился и, взяв совет от патри-

арха Иоакима, дозволил Тимофею „насадити и умножити учение“».

Известно, что еще царь Борис Годунов думал о заведении в Москве училищ и приглашал немецких ученых в столицу, но в исполнении своего желания встретил сильное противодействие со стороны духовенства. Благодушная старина боялась западной новизны; наше образование тогда ограничивалось немногим более знания букваря.

В академию в первое время было принято тридцать человек; в помощь Тимофею были даны еще два учителя, из греков же. Для чтения, письма и языка «греческого мира» – Мануил, и на тот же предмет и для свободных наук – греческий иеромонах Иоаким. Царь и патриарх ежедневно посещали не только училище, но и заведенную при нем типографию. Вскоре потребованы были царем от вселенских патриархов и другие учителя, но их уже государь не дождался: они прибыли после его кончины. Это были братья Лихуды, иеромонахи Иоанникий и Софроний. Первыми учениками типографскому искусству поступило шесть человек: Алексей Кирилов, Ни-

колай Семенов, Федор Поликарпов, Федор Агеев, Иосиф Афанасьев и монах Чудовского монастыря Иов. В то же время указано синклитским и боярским детям учиться в той же новозаведенной школе. Из наук на двух языках – греческом и славянском – преподавались риторика, диалектика, логика и физика; грамматика же и пиитика – только на греческом. Переводчиками необходимых книг были ученики, и ученое дело шло весьма хорошо; но тут явились Сильвестр Медведев и друг его Федор Шекловитов, и училище едва не было закрыто. Медведев[174] и Шекловитов были казнены, но друзья и родственники казненных продолжали питать начатую злобу.

Патриарх Адриан поверил клевете и разослал учителей по монастырям. Место их заняли ученики их, Николай Семенов и Федор Поликарпов; но они учили только на одном эллино-греческом языке. Дальнейших исторических сведений об академии мы не приводим.

В истории академии различают три периода. Первый – от Лихудов до Палладия Рогов-

ского[175], 1685–1700 годы; в это время преобладает образование греческое и академия называется эллино-греческою. Второй – от Палладия Роговского до времен митрополита Платона, 1700–1775 годы; характер образования в эту эпоху чисто латинский и академию зовут латинскою или славяно-латинскою. Третий период – от времен Платона до преобразования академии и перемещения ее в Троицкую лавру, 1775–1814 годы; в это время называется она – академия славяно-греко-латинская; с последнего года сюда переводится из монастыря Св. Николая на Перерве московская семинария, а там остается низшее духовное училище. Академия управлялась ректором и префектом, или инспектором; по уставу академии последние должны быть такими, «которых учение и труды уже известны», а префект должен быть «не вельми свирепый и не меленхолик», и оба должны быть «тщательны в своем деле».

Начальнику академии давались многие ученые поручения. Так, ректору в 1722 году были даны взятые в лавках на Спасском мосту писанные подозрительные тетради и так

называемые волшебные тетради; пойманных с такими тетрадями наказывали плетьюми и потом отсылали к ректору на увещание. Полиция, находя волшебные записи, гадательные книги у простодушных людей, зараженных суеверием и обольщавших колдовством, отсылала их к ректору академии.

Так, в 1726 году были найдены такого рода письма у одного иеродиакона Прилуцкого монастыря, Аверкия, который для вразумления был представлен ректору Гедеону. Любопытный также случай рассказывается в бумагах этого же года. К ректору Гедеону из полицеймейстерской канцелярии был прислан дворовый человек князя Долгорукова, Василий Данилов, который, вступив в сношение с дьяволом, украл по его наущению золотую ризу с иконы Богоматери и попался в руки правосудия, от которых, несмотря на просьбы, не был избавлен дьяволом. Ректор должен был выслушать историю его видений и, по двухдневном увещании, возвратил его в полицию. Присылали для увещевания «записного бородача и раскольника» и иконоборца, который в воскресную литургию зажег смоляными ще-

пами образ Спасителя.

К лицам, требовавшим увещания, относили и таких, которые впадали в задумчивость и в душевное расстройство. В этих случаях предписывалось психическое врачевание больного. В 1744 году к ректору Порфирию был прислан студент Академии наук, Яков Несмеянов, впавший в «меленхолию». В бумаге предписано: «...определя его к кому из учителей, велеть разговаривать и увещевать, и притом усматривать, не имеет ли он в законе Божии какого сомнения». Ученики в академии были всякого звания. В 1736 году сюда поступило 158 детей дворянских, между которыми были князья Оболенские, Прозоровские, Хилковы, Тюфякины, Хованские, Голицыны, Долгорукие, Мещерские и другие. Среди этого общества находились подьяческие, канцелярские, дьяческие, солдатские и конюховы дети. А также во главе общества учеников почти во время каждого курса находились лица, имевшие уже иерархические степени, священники, дьяконы и монашествующие.

Часто студента богословия, не окончивше-

го курса, определяли в одну из церквей священником, но он обязан был ходить в академию до окончания курса. Число учеников простиралось от 200 до 600, годы учения иногда тянулись до двадцати лет, и нередко случалось, что студенты богословия кончали тридцати пяти лет. Не имевших способности к учению, но отличавшихся добрым поведением держали в академии, ожидая, не откроется ли у них со временем дарования, и если ожидания были тщетны и ученик приходил в зрелые лета, его исключали. В 1736 году таких «непонятливых и злонравных» было исключено сто человек, двух новокрещенных калмыков держали в одном классе девять лет и наконец исключили по неспособности к учению.

Вообще начальство не любило карать учеников исключением и выгоняло только тогда, когда «буде покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник, непокорив и, буде чрез годовое время ни увещании, ни жестокими наказаниями одолеть ему невозможно, хотя бы и остроумен был, выслать из академии, чтобы бешеному меча

не дать».

Экзамены в академии были торжественные и продолжались три дня в собрании многочисленных посетителей. Диспуты открывались пением учеников, иногда с присоединением оркестра. Диспуты риторические и политические состояли в разговорах нескольких учеников о каком-нибудь предмете из области природы, науки или искусства, в чтении стихотворений, в произнесении речей и т. д.

К торжественным действиям, в которых принимали участие ученики, принадлежали встречи царственных особ; так, после Полтавской победы учениками на Никольской улице, около академии, были говорены разные орации, у академии были устроены триумфальные ворота, украшенные эмблематическими картинами с латинскими и греческими надписями. Когда процессия приблизилась, ученики в белых одеждах, с венками на головах и ветвями в руках вышли на встречу государя, полагали пред ним венки и ветви и пели канты.

Из академии вышло много замечательных лиц прошедшего столетия. Здесь получил об-

образование известный сатирик князь Антиох Кантемир; он, еще будучи одиннадцати лет, сочинил на греческом языке похвальное слово Дмитрию Солунскому, которое и говорил, с дозволения Петра Великого, в его присутствии в церкви Заиконоспасского монастыря. В этой же академии был первый по успехам Ломоносов и, вступив в класс пиитики, написал свой чуть не первый опыт стихами:

*Услыхали мухи
Медовые духи,
Прилетевши сели,
В радости запели;
Едва стали ясти,
Попали в напасти,
Увязли бо ноги.
Ах! Плачут убоги,
Меду полизали,
А сами пропали.*

За этот поэтический опыт учитель его, Федор Кветницкий (впоследствии архиепископ Феофилакт), подписал ему: pulchre[176].

Здесь же получил свое образование сын купца из Гороховца Михаил Ширяев, бывший впоследствии любимцем Петра Великого; он

писал стихотворения и жил у царя при дворе, государь называл его князем, великим оратором; Петр любил его за острый ум. В этом же заведении воспитывался известный своими лирическими произведениями Василий Петров, любимец светлейшего князя Тавриды и придворный библиотекарь императрицы Екатерины II.

Также значится учеником академии Иван Магницкий, сочинитель первой арифметики, напечатанной в 1703 году. Первый профессор философии Московского университета, Николай Поповский, тоже был один из учеников академии. Поповский считается также первым издателем «Московских ведомостей». Известный своим описанием Камчатки С. П. Крашенинников тоже получил свое образование в этой академии.

Первый переводчик Гомеровой «Илиады», не менее популярный пиит своего времени, Ермил Иванович Костров тоже обучался сперва в этой академии и затем уже окончил курс в университете со степенью бакалавра.

Здесь же окончил курс богословских наук другой пиита, Петр Буслаев, служивший дья-

коном в Успенском соборе. Он напечатал в 1734 году поэму на смерть Строгановой, про которую Тредьяковский сказал: «Если бы в стихах Буслаева было падение стоп, возвышающихся и понижающихся, что могло б быть и глаже и плавнее Буслаева стихов?»

Из числа учеников академии можно назвать еще В. Г. Рубана, издававшего три журнала, написавшего историю Малороссии, описание городов Петербурга и Москвы, затем нескольких любопытных календарей и переводившего много книг с греческого и латинского языка; затем Н. Н. Бантыш-Каменского; Антона Барсова, соредактора первого редактора «Московских ведомостей»; и знаменитого архитектора В. И. Баженова, украсившего Москву и Петербург многими капитальными зданиями. В аудитории академии стекались слушатели всех сословий.

Из всегдашних посетителей здесь встречались обер-камергер князь А. М. Голицын, граф Ив. А. Остерман. Из посетителей были и такие, что приводили к кафедре своих детей, повторяя им, чтобы они слушали и помнили здешних проповедников.

Из замечательных зданий Китай-города по Никольской улице находим «дом Синодальной типографии», в древности известный под именем Печатного двора, построенного в 1553 году по повелению царя Иоанна Васильевича. В первое время это большое каменное здание было о двух житиях, или этажах, с подклетами, или погребами; оконницы в нем были слюдяные, кровли и другие пристройки деревянные.

Самый типографский двор был огорожен острым деревянным тыном, а на Никольскую улицу выходили большие деревянные ворота с кровлею. В 1643 году, по повелению царя Михаила Феодоровича, на Печатном дворе, на пространстве в длину 39 сажен по Никольской улице, были сооружены двухэтажные каменные палаты, а два года спустя была окончена постройка каменных ворот с башнею. Надворная башня имела в вышину 13 сажен.

Здание этого двора красивой готической архитектуры, смешанной с арабским и итальянским вкусом; в середине ворот над створами в большом овале лепное изображение все-

видящего ока в лучах. В бельэтаже над воротами находятся вернейшие солнечные часы; последних двое, и помещены они по сторонам в симметрии.

На середине над бельэтажем английский герб. Последний повел к предположению, что будто дом этот некогда принадлежал английским послам и что царь Алексей Михайлович, разгневанный на них за то, что они умертвили своего законного короля Карла I, отнял его от них.

Но это предположение вполне опровергается следующей надписью на доме: «Божиею милостию и повелением благоверного и христоролюбиваго царя и великаго князя Михаила и сына его государева царевича великаго князя Алексея Михайловича всея Руси, сделана бысть сия палата на дворе над воротами книгопечатнаго тиснения в лето 7155 (1645) месяца иуния в 30 день».

Эта надпись, как видим, относится только к наружному на улицу строению, а не к тому, что находится внутри двора. Последнее, как известно, построено Иоанном Грозным, который первый завел в Москве печатный двор;

думать надо, что фигуры коня и единорога, почитаемые за герб Англии, есть не что иное, как герб самого грозного царя московского, который употреблял фигуры этих животных на своей печати.

В царствование Феодора Алексеевича на Печатном дворе была совершена следующая еще пристройка, в сентябре 1681 года: по царскому указу велено весь иконный ряд, который находился на Никольской улице, идя от Кремля налево вперед Заиконоспасского монастыря, переместить на Печатный двор, где и выстроено было для иконных торговцев по обеим сторонам двора десять деревянных лавок.

Торговля иконами на большой проезжей улице найдена была в это время неприличною – царь указал по своему именному указу, что в Китай-городе, на Никольском крестце, чтоб промен св. икон и иконный ряд были в сокровенном месте, а не на большой проезжей улице.

В царствование Михаила Феодоровича в Москве уже получались многие печатные немецкие ведомости; при царе Алексее Ми-

хайловиче Москва уже получала до двадцати иностранных газет и журналов.

В посольском приказе тогда было 50 переводчиков и 70 толмачей для греческого, латинского, шведского, немецкого, польского и татарского языков. Для государя и двора они переводили из газет статьи о замечательных явлениях в мире физическом и политическом, о достопамятностях исторических и географических в чужих краях и т. д.

Такие их выписки, известные под именем «Курантов», хранятся в Москве. В архиве Министерства иностранных дел «Куранты» в форме свитков столбцами и переписаны на нескольких листах склеенной бумаги; переписываемые досужными грамотеями, газетные статьи нередко входили в состав сборников-альманахов того времени: письменные «Куранты» послужили предуготовлением к печатным русским газетам.

Первое путешествие Петра за границу показало ему, какое имеют значение, ход и нравственную силу в народе газеты; это внушило ему мысль заменить письменные «Куранты» печатными русскими газетами, кото-

рые бы сообщали народу известия о военных и гражданских делах; 16 декабря 1702 года последовало именное повеление Петра о печатании газет. Первый номер «Ведомостей» появился в Москве 2 января 1703 года. Относительно появления первых «Ведомостей» в печати было высказано много библиографических противоречий и неточностей. Академик Георги говорит, что они восприяли начало в 1708 году, Сопиков высказывает, что они появились в 1728 году, очевидно смешивая их с петербургскими академическими, которые действительно явились на свет в это время. Теперь доказано, что «Ведомости» появились в начале 1703 года, и с этого времени издание непрерывно продолжалось до 1728 года. Печатали их в восьмую долю листа, церковными буквами, но уже с 1704 года царь стал заботиться о перемене шрифта, придавая ему округленность латинских букв. В следующем году он заказал такой шрифт в Амстердаме. «Ведомости» печатались в количестве тысячи экземпляров; предполагают, что редактором их был граф Ф. А. Головин. Тип нынешней нашей гражданской печати «Ведомости» имеют

только с 1717 года; по преданию, Петр сам держал иногда корректуру. Но как в Москве немного было «охочих грамотеев», то и газеты не имели большого распространения и действия, хотя царь и завел для этого, по образцу иностранному, австерию, то есть рестораны, куда заманивал читать даровым угощением. «Наш народ, – говорил Петр I, – яко дети, не учения ради, но которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены будут, которым сперва досадно кажетя, но когда выучатся, потом благодарят».

Первыми же заводчиками и художниками типографского дела в Москве были при царе Иоанне Васильевиче диакон Кремлевской церкви Николая Гостунского Иоанн Федоров и Петр Тимофеев, по прозванию Мстиславец. Напечатанная ими книга была «Апостол»; издана книга была «под надзиранием датчанина Ганса, или Ивана Бодбиндера, копенгагенского уроженца, как гласит предисловие или, вернее, «послесловие», потому что в старых книгах до Никона титул и предисловие печатались не в начале, а в конце.

Где стоит нынешний Николаевский грече-

ский монастырь, в старину там находился монастырь, основанный в XIV веке, известный под именем Николы Старого и Большая глава и «что у крестного целования», как говорит Н. Соловьев[177]; последнее название обитель носила потому, что в ее церкви были приводимы к присяге подсудимые в сомнительных случаях. Видевший эту обитель в XVII веке Рейтенфельс рассказывает, что она «малым чем уступала греческому кварталу в Риме».

Набожные обитатели этой местности, проходя по вечерам мимо часовни, заходили помолиться и брали из нее огонь в сумерки, которым зажигали свечи и ночники в своих домах. Этот обычай существовал до царствования Екатерины II. Иоанн Грозный дал монастырь афонским монахам для временного пребывания; позднее, при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче, это подворье называлось Афонским, и здесь в первое время помещалась Иверская икона Богородицы. В этой церкви погребены молдавский господарь князь Дмитрий Кантемир и несколько грузинских князей.

На месте, на котором помещается теперь

гостиница «Славянский базар», при царе Алексее Михайловиче стоял дом ближнего его боярина и стольника (чашника) князя Ивана Алексеевича Воротынского, последнего из рода этих князей; женатый на одной из дочерей Спешнева, он приходился свояком царю.

Князь был любимцем царя: в путешествиях он сидел с ним в одной карете по правую руку; ему в отсутствие государя поручаем был город; он был в числе первых советников царя в государственных делах и при торжественных заседаниях и церковных обрядах, как старший сановник, нередко заменял самого царя. Воротынскому поручался также прием иностранных послов, которым царь хотел оказать особую почесть. Князь умер в 1680 году и погребен в Кирило-Белозерском монастыре.

В числе замечательных церквей в Китае-городе находится древний храм во имя Живоначальной «Троицы в Полях»; слово «в полях» понимается не в прямом его значении, а в смысле «поединка». Татищев говорит в примечании своего «Судебника»: «Поле ра-

зумеем поединок – пред судьями биться палками во делах, неимущих достаточного доказательства; ибо ротою, то есть клятвою или присягою, утверждать или оправдаться опасались душевредства». Судебным делом решались самые важные запутанные тяжбы – такой суд звали «Судом Божеским». Приступающие к поединку облакались всегда в полные доспехи и вооружались ослопами, то есть дубинами, но уже с XVI столетия употребляли и другие оружия. Бой происходил на назначенном месте на обширной поляне, со всех сторон огороженной, в присутствии судей.

Кто одолел, тот был прав, а уступивший силе своего противника признавался виновным и платил пошлину чиновнику и служителям, которые должны были присутствовать при бое и наблюдать за порядком. Алексеев, составитель церковного словаря, говорит, что такое поле – «у Троицы в Полях»[178], за городской стеною на берегу речки Неглинной, где были три полянки с нарочно канавой; здесь тягавшиеся дрались до крови, а иногда и друг друга до смерти убивали. Он же описывает и более легкие поединки; например, спо-

рящие становились там один по ту, другой по другую сторону канавки и, наклонив головы, хватали один другого за волосы, и кто кого перетягивал, тот и прав бывал. Побежденный должен был перенести победителя на своих плечах чрез Неглинную. Пред таким поединком иногда предлагали соперникам и мировую, о чем напоминает нам старая поговорка: «Подавайся по рукам! Легче будет волосам». В противном случае они хватались за волосы.

Церковь «Троицы в Полях» была построена в 1657 году боярином Мих. Мих. Салтыковым, родным племянником матери царя Михаила Феодоровича, впоследствии принявшим схиму под именем Мисаила. Про этого Салтыкова рассказывает Яблочков[179], что он со своим братом Борисом, до приезда государева отца, патриарха Филарета, из Польши пользовались мягкосердием и малоопытностью молодого царя, только и делали, что себя и родню свою богатели, земли крали и во всяких делах делали неправду, промышляли тем, чтобы при государевой милости, кроме себя, никого не видеть.

Они из личных выгод расстроили брак государя с девицей Хлоповой, оговорив ее в неизлечимой болезни. По приезде Филарета из Польши патриарх обнаружил преступления Салтыковых, сослав их в ссылку, мать их заключили в монастырь, поместья и вотчины отобрали в казну за то, что они государственной радости и женитьбе учинили помешку. Но по смерти Филарета Никитича царь немедленно возвратил Салтыковых с прежними чинами.

До постройки церкви во имя Живоначальныя Троицы Салтыковым здесь была прежде церковь во имя Св. Георгия Победоносца, построенная, как полагают, каким-нибудь оправданным судом Божиим в знак благодарения.

При земляных работах в близлежащих к этой церкви домах найдена в разное время большая масса костей человеческих, хорошо сохранившихся парчовых лоскутков, башмаков и т. п. вещей, свидетельствующих, что здесь когда-то было большое кладбище.

Так, в 1825 году при рытии рвов, на глубине семи аршин, были найдены две каменные растреснувшиеся гробницы из цельных кам-

ней, с крышами из белой плиты, без надписей. Обе гробницы были сделаны в меру чело- века; в таких в древности погребали богатых и знаменитых умерших вместо нынешних склепов или могильных сводов. В одной из них видны были остатки длинных волос и по- дошвы от башмаков, а костей мало.

Много намогильных плит, камней и монументов было уничтожено повсеместно при церквях в 1722 году. Когда в этом году последовал указ, по которому предписывалось «обретающиеся в Москве у приходских церквей, также и у монастырей положенные над гробами погребенных тамо человеческих телес камни, которые лежат неуравнено с землею, окопав, опустить в землю такую умеренно- стию, дабы оные с положением места лежало ровно, а ежели множество тех камней надле- жащему уравнию будет неудобовместно, то излишние камни употребить в церковное строение». С этого времени, полагать надо, многие исторические могилы навсегда уни- чтожены.

В Китай-городе, в Юшковом переулке, име- ется церковь Св. Николая, названная «У Крас-

ных колоколов». Храм этот построен в 1626 году, но стиль строения, как говорит Ив. Снегирев, гораздо древнее XVII столетия. Храм замечателен тем, что здесь похоронена голова мятежного Соковнина, посягавшего на жизнь Петра Великого; труп его был отвезен в убогий дом, но голову с честью похоронили его родственники при этой церкви. Название церкви «У Красных колоколов», потом «У Красного звона» и даже «У хороших колоколов» показывает, что она славилась еще за два века своими колоколами, или звоном. Предание, будто она так названа от колоколов, покрытых красною краской, не имеет основания; звон красный – значит веселый, благозвучный, усладительный.

В церковном уставе звон на Святой неделе именуется красным. Из древнейших колоколов на этой церкви уцелел только один замечательный полиелей: на стенках его отлиты в клеймах три лилии с буквами «Е. Т.» и сбивчивая надпись: *Exhoir en tout... de se cloche es Chenaem st. tas en frací*. Неизвестно, откуда и когда поступил этот древний колокол. Но известно, что во время счастливой войны царя

Алексея Михайловича с Польшею во многие города России и даже в Сибирь были посланы вместе с поляками и литовцами и пленные колокола. Колокола на Руси делятся на царские, пленные, ссыльные, золоченые и лыковые.

Первые колокола при церквях на Западе введены в употребление в конце VI века. Изобретение колоколов приписывают Павлину, епископу нольскому, что в Кампаньи; думают, что от этого и произошло латинское их название Campana и Nola; во Франции они введены с 550 года. В XI веке построены в Аугсбурге при главном соборе обе колокольни, и на них повешены два больших колокола. В Париже при церкви Богоматери повешен большой колокол в 1680 году; он имел в окружности 25 футов и весил 310 центнеров. Но вылитый в Вене в 1711 году весил 334 центнера; один язык его в 8 центнеров и в длину 9 футов. Величайшим колоколом в Австрии считается ольмюцкий; вес его 358 центнеров.

Но все эти колокола перед колоколами на Иване Великом, на храме Спасителя и в Тро-

ицкой лавре кажутся пигмеями, не говоря уже о том, который лежит в Кремле и носит название «Царь-колокол». Последнее название имел у нас в старину еще другой колокол, висевший в брусном срубе между Ивановской колокольной и соборами Успенским и Архангельским. Он был весом в тысячу пудов и отлит около половины XVI века. В него ударили три раза, с большою расстановкою, в редких случаях: как, например, при смерти царя или патриарха. Впоследствии он был перелит, с добавлением меди, назван «Праздничным» и повешен на пристройке к Ивану Великому.

Сведения о большом колоколе, лежащем в земле, близ Ивановской колокольной, крайне сбивчивы. Одни полагают, что отломок края у него произошел от неискусного литья, другие, напротив, уверяют, что он был отлит, поднят и висел под шатром на столбах, но от действия огня в случившийся пожар, в 1737 году, упал в яму, причем вышибен ему край ударившимся в него брусом. В записках графа Миниха находим о нем следующее: «Вскоре потом, когда императрица вознамерилась

вместо прежнего разбитого преогромного московского колокола, висевшаго на Иване Великом, заказать вылить другой – в десять тысяч пуд, то и препоручено мне отыскать в Париже искусного человека, дабы сделать план колоколу купно со всеми размерениями. По сей причине обратился я к королевскому золотых дел мастеру и члену академии наук Жерменю, который по сей части преискуснейшим считается механиком. Сей художник удивился, когда я объявил ему о весе колокола, и сначала думал, что я шутил; но как после его уверил, что имею про то Высочайшее повеление, то он взялся сие исправить. Принесши ко мне план, вручил я его графу Головкину для отсылки; но колокол после отлит не по назначенному плану, а по другому, еще в две тысячи пудов тяжелее вышешепоказаннаго веса. Он вылился весьма красиво и удачно и стоял уже в готовности, чтобы поднять на колокольню, как по несчастию в бывший, в 1737 году, в Москве большой пожар от упавшего на него разгоревшегося бревна расшибся».

Отливка колокола происходила в 1735 году

по чертежам и моделям артиллерии колокольных дел мастера Ивана Федоровича Маторина и вышла очень удачна. Колокол пострадал от пожара, жертвою которого сделалась бóльшая часть Кремля. Пожар произошел во время обедни в день Св. Пятидесятницы, от зажженной перед образом копеечной свечки женкою Марьею Михайловою, в доме отставного прапорщика Александра Милославского (с этого времени стала известна на Руси пословица «Москва от копеечной свечи сторела»). Предположения о перелитии расшибленного уже колокола начались с 1747 года, брался его перелить мастер Слизов, который переливал другие колокола, находящиеся на Ивановской колокольне.

Потом еще в 1770 году архитектор Форстенберг придумал впясть вышибленный край в колокол, уверяя, что от этого нимало не страдает звук колокола. В настоящее время такая починка возможна при электрической спайке, изобретенной г. Бернадосом.

Царь-колокол превосходит своею величиною все известные колокола на земном шаре. Он первоначально отлит был с прибавкою

меди от разбившегося Годуновского колокола и содержит в себе весу 12 327 пудов 19 фунтов, вышиною в 19 футов 3 дюйма, а окружностью в 60 футов 9 дюймов; стены его толщиною равняются 2 футам. С наружной стороны, вверху, отлиты грудные изображения царской фамилии, а в середине – лики московских патриархов. Надпись на нем следующая: «Блаженные и вечно достойныя памяти вел. гос. царя и вел. кн. Алексея Мих., всея Вел. и Мал. и Бел. Руси самодержца повелением к первособорной церкви Пресвятыя Успения Богородицы, слит был великий колокол осмь тысяч пуд меди в лето 1654 г.; из меди сего благовестить начал в лето 1668 г. и благовестил до лета 1700 г., в которое месяца июня 19-го дня от великаго в Кремле бывшаго пожара поврежден... до 1731 г. пребыл безгласен. Благочестивейшия, самодержавнейшия вел. гос. имп. Анны Иоанновны, в славу Бога в Троице славимаго в честь Пресвятыя Богородицы к первособорной церкви славнаго Ея Успения отлит колокол из меди прежняго, осмь тысяч пуд колокола, пожаром поврежденнаго с прибавлением материй двух ты-

сяч пуд от создания мира в 7... от Рождества же по плоти Бога Слова 1734 г. благополучного ея величества царствования в четвертое лето...»

Иван Великий служит колокольной для всех больших кремлевских соборов. На нем всех колоколов тридцать четыре, из которых самых больших четыре. Замечательный из них «Праздничный», или «Успенский»; весу в нем 4000 пудов. Отлит он Богдановым из старого, разбившегося при взрыве 1812 года. В этот колокол звонят в большие праздники и ударяют три раза по смерти государей. Этот колокол дает начало торжественному звону всех московских церквей в великую ночь перед Пасхой. Второй после него «Реут», в 2000 пудов, отлитый в 1689 году мастером Чеховым; в 1812 году он упал, но не разбился. Третий – «Вседневный», в 1017 пудов, отлитый из старого в 1782 году, и четвертый – «Семисотенный», литый в 1704 году. Колокола эти работы русских мастеров: Богданова, Чехова, Завьялова и Маторина, но между другими есть здесь древнейшие иностранного литья. Торжественный большой колокол на храме Спа-

сителя, весом 1654 пуда, отлит на заводе Н. Д. Финляндского. По большей части все наши глашатаи общественного богослужения отлиты в Москве, Ярославле, Костроме и Вятке, но немало есть колоколов и иноземных, не только в России, но и в далекой Сибири. Так, один из колоколов тобольской Богоявленской церкви, как гласит надпись на колоколе, отлит в Амстердаме Иван де Граве: *me fecit Jean Albert de Grave Amsterodami Anno Domini, 1719*; в том же Тобольске висит и ссыльный углицкий колокол, самый замечательный в историческом отношении. Он называется также «карноухий», – это тот самый, в который били в Угличе в набат по случаю умерщвления царевича Димитрия. Борис Годунов, не терпя изобличителей своего преступления, одушевленных – отправил в Пелым, а неодушевленного, с отсечением уха, сослал в 1593 году в Тобольск. Присланных благочестивыми царями в разные города колоколов насчитывается несколько десятков.

Имеются также еще колокола, как мы выше говорили, – «золоченые». Таких небольших в городе Таре штук шесть; вызолочены

они одним любителем церковного благолепия. Существуют еще колокола и лыковые: это тоже опальные, сначала разбитые, а потом перевязанные лыком, – такой есть в одном из монастырей Костромской губернии.

На колокольне Ивана Великого некогда имелось несколько колоколов с историческим прошлым, но впоследствии они были перелиты; из таких переделанных в екатеринское время известен так называемый «Лебедь», он вылит был в 1532 году, на нем была надпись «Нікіwas obraker 537» и напротив этих слов – по-русски: «делал Никола», весу в нем 445 пудов. Другой такой колокол был перелит во времена царицы Анны, ранее он был вылит при царе Иоанне Васильевиче, в 1556 году, и назывался «Новгородским». Затем целы еще там посейчас колокола: «Широкий», отлитый в 1679 году, затем «Слободский», вылитый в 1641 году, еще «Ростовский», вылитый в домовый белогостинный монастырь, при царях Петре и Иоанне Алексеевичах; из замечательных там же имеется колокол «Медведь», вылитый в Новом-городе в 1501 году, затем два иностранной работы –

один без имени, другой прозванный «Немчин»; после этих – колокола «Глухой», «Даниловской», «Марьинский», «Кореунский», «Новый» и многие другие.

Китай-город, как ближайший к жилищу царя, исстари был самым аристократическим местом; здесь стояли дома многих знатных сановников, бояр, дворян и именитых людей.

По тогдашним правилам московские дворяне все были люди служилые, должны были постоянно жить в столице и не могли отлучаться из Москвы без царского отпуска, под страхом жестокого наказания без всякой пощады[180]. Но чтобы облегчить им службу, царь приказал, в 1653 году, стольников, стряпчих, московских дворян и жильцов расписать в четыре перемены и до службы указал им быть в Москве, переменяясь по три месяца. Московские дворяне различались по чинам и должностям.

При родовом составе дворянского сословия лица из одного рода были постоянно в одних и тех же чинах. Так, например, самый первый чин боярина при Алексее Михайловиче получали только немногие представители знат-

нейших фамилий; члены этих фамилий поступали прямо в бояре, минуя чин окольниковичего.

Даже любимцев своих, большею частью из худородных, царь с трудом проводил до боярства. Второй чин окольниковичего возводился из родов менее знатных, окольниковичие были придворными, распоряжались при придворных церемониях. Третий чин были думные дворяне; они назначались из добрых и высоких родов, «которые еще в честь не пришли, за причиною и недостижением»; последующие чины были: думные дьяки, спальники, стольники, стряпчие, московские дворяне, дьяки и затем жильцы.

Последний чин был самый многочисленный, их было до 2000 человек; это были дети дворянские, дьячьи и подьяческие, они сидели на царском дворе для всяких посылок. Из них выслуживались в стряпчие, стольники и думные люди – они назначались начальниками к коннице, пехоте, к рейтарам и солдатам; все чины исполняли должности как придворные, так и другие. Котошихин говорит: «Что всем боярских и окольниковичих и думных людей

детям первая служба бывает при царском дворе такова же, только по породе своей одни с другими не ровны».

При царском дворе были царевичи касимовские и сибирские, крещенные в христианскую веру. Честью они были выше бояр, но в думе не сидели, служба их была: когда в праздник царь идет в церковь, они ведут его под руки и каждый день последние обязаны были быть у царя на поклонении; получали они от царя ежемесячно денежный корм; дети и внуки этих царевичей назывались тоже царевичами.

По взятии в плен семейства сибирского царя Кучума все семейство последнего содержалось в Посольском подворье в Китай-городе. Только одни потомки удельных князей назывались князьями. Котошихин говорит: «Царь московский не может никого пожаловать вновь князем, потому что не обычай тому есть и не повелось. Также не бывает и графов и вольных господ».

При пожаловании в дворяне не давали ни грамот на дворянство, ни гербов. Давались только грамоты на поместья и вотчины. Все

чины обязаны были ежедневно съезжаться к царскому дворцу. Бояре, окольные, думные и ближние люди приезжали каждый день рано утром к царю ударить челом. Государь с ними разговаривал, слушал дела, они стояли перед царем, а уставши выходили сидеть на двор. Приезжали они к царю и после обеда, к вечеру. Они собирались все наверху, в передней палате, и ждали царского выхода из покоя.

Ближние же бояре входили прямо к царю в палату. Стольники, стряпчие, жильцы, московские дворяне, полковники, головы не входили в палату, оставались на крыльце перед палатами непокоевыми, другие же чины не имели права доходить и до этого места, оставались на площади, ожидая приказаний от царя. Так ежедневно толпились перед дворцом все чиновники.

Ко дворцу старики ехали в каретах, зимою в санях, молодые – верхом; не доезжая до царского дворца, вдалеке от крыльца, выходили из карет, слезали с лошадей и уже пешком шли к крыльцу. На царский двор не пускали лошадей, также не смели ходить по нем с ору-

жием, и кто шел с оружием, того пытали и казнили.

Как мы уже сказали, дома бояр и ближних людей находились по большей части в Китай-городе. Котошихин говорит: «Бояре и ближние люди живут в домах своих каменных и в деревянных без всякаго устройства и призрения. И живут с женами и с детьми своими покоями и держат в своих домах мужского и женского полу человек по 100 и по 200, 300, 500 и 1000, сколько можно, смотря по своей чести и животам. Таким же образом и иных чинов люди держат в домах своих кому сколько можно прокормити, вечных и кабальных, а не кабальных людей в домах своих держати не велено никому».

О числе людей на боярских дворах можно судить по следующему. В 1653 году в Москве была моровая язва. На боярских дворах у Бор. Морозова умерло 343 человека, осталось 19, у князя Ал. Ив. Трубецкого умерло 270, осталось 8, у Ник. Ив. Романова умерло 352 человека, осталось 134 человека и т. д.

Содержание значительного количества слуг при боярских домах в Москве с одной

стороны вызываемо было необходимостью, так как бояре со своими людьми хаживали на войну и по наряду царскому обязаны были высылать более или менее значительное количество даточных конных людей навстречу иностранным послам, часто приезжавшим в Москву, а с другой стороны – основывалось на честолюбии, потому что бояре за честь себе считали при езде по городу иметь человек пятьдесят слуг, предшествующих им пешком.

Жены бояр стыдились даже показываться на улицу без свиты в 20 или 30 слуг, они даже иначе не ходили к обедне в свою приходскую церковь.

Историк Соловьев отмечает, что в Москве в XVII веке чем выше и обширнее был дом, тем опаснее он был для прохожего, не потому чтобы сам владелец дома, боярин или окольник, напал на прохожего и ограбил его, но у этого знатного боярина или окольника несколько сот дворни, праздной и дурно содержимой, привыкшей кормиться на счет каждого встречного, будь это проситель к боярину или просто прохожий. Разбои особенно усилились в XVII и в начале XVIII века. Как в

глубине лесов, среди непроходимых болот, в ущельях, оврагах, так и в городах и в столице были шайки и станы разбойников. Шайки не были многочисленны, но всегда отчаянно дерзки в своих нападениях. Разбойники были из беглых холопов, бездомных горожан и обнищавших крестьян, но случилось, что в их страшное общество вступали люди и других сословий, потомки некогда славных родов. Так, известен был разбойник и смертный убийца князь Иван Лихутьев и товарищ его гор. Зарайска дьячков сын Михаил Афанасьев. Действия их были ужасны, многих подробностей, сохранившихся в преданиях, и передать невозможно, до того они отвратительны и ужасны. Теперь проехать всю Россию из конца в конец значит сделать прогулку, а было время, когда отправившегося за двадцать верст оплакивали как обреченного на верную гибель.

Путешественника в то время никакие предосторожности не спасали, если не от убийств, то по крайней мере от грабежа. С трепетом путник выезжал в пригородный лес, приближался к оврагу; из глубины леса

или из оврага раздавался свист или крик, и не было спасения несчастному путнику. Названия многих оврагов: Греховый, Страшный, Бедовый – посе́йчас сохраняют ужасную славу их. Не безопасны были в то время для путешественника и некоторые постоялые дворы. Случалось, что нередко, остановившись в каком-нибудь доме на ночной покой, он успокоиваем был навек.

По Владимирской и Рязанской дорогам еще известны в устных рассказах похождения знаменитых воров и удальцов, как, например, Федотыча, Козьмы Рощина, Перфильича, Краснощокова и Веревкина; кто не слышал, как Федотыч ходил один на сотню подвод обозных.

Про Веревкина, например, расскажут и покажут место, где он остановил многолюдную свиту богатого рязанского помещика Волынского и взял у него все, оставив ему только по расчету, сколько было нужно на проезд, на молебен и на свечу к чудотворной иконе. На этой дороге укажут место на крутой горе, где он спускал богатых купцов кубарями и для примера двоих лихоимцев отправил за рыб-

ными процентами на дно Оки.

Про этого Веревкина много рассказывали небылиц; так, его, например, неоднократно окружала военная команда; но Веревкин выпивал заветный ковш вина и сам исчезал в том же ковше; в другой раз его совсем было схватили и связали, но вдруг вся изба обнялась дымом и пламенем. Долго и никогда, может быть, Веревкин не попался бы, если бы не изменила ему женщина: одна прелестница, выведав тайные чары Веревкина, выдала его. Это случилось во время Екатерины II. Удалец не стал, однако ж, ждать конца своей судьбы: он отравился. М. Н. Загоскин многие из чудес этого разбойника приписал разбойнику Рощину.

Шайку воров и убийц в Москве в XVII и XVIII веках еще составляли так называемые «кабацкие ярыги»; этот класс пьяниц был из людей хорошего происхождения – дворян и детей боярских, допившихся донага. Они жили во всеобщем презрении, толпились у кабаков, где просили милостыню.

Со введением Борисом Годуновым казенных кабаков, или «царевых», пьянство у рус-

ского народа сделалось поголовное. Чтобы положить границы такому неистовому пьянству в кабаках, правительство вместо их завело кружечные дворы, где продавали вино мерою не более кружек, но и это не помогало, пьяницы сходились толпами и пили там по целым дням или ходили в тайные корчмы или ропаты.

В этих притонах разврата вместе с вином были игры, продажные женщины и табак; последний в XVII веке был всенародно распространен на Руси. Русские получали его с Востока и отчасти от малороссиян.

Табак в России был строго запрещен, им торговали удалые головы, готовые из-за копейки рисковать всем. При продаже табаку его не называли настоящим именем, а условным названием, например свекольным листом, яблочным и др. Табак курили не из чубука, а из коровьего рога, середине которого вливалась вода и вставлялась трубка с табаком большой величины. Дым проходил через воду; курильщики затягивались до того, что в два-три приема оканчивали большую трубку и падали без чувств.

Несколько таких молодцов сходились «попить заповедного зелья – табаку» и передавали друг другу трубку до одуряющего действия.

Что же касается до чая, то последний только при царе Михаиле Феодоровиче появился в первый раз в России, как редкость и новость. Он был прислан в дар царю от монгольского государя, и во второй половине XVII столетия знатные лица употребляли его как лекарство, приписывая ему целительную силу.

Иностранные вина, вроде: мальвазии, бастр, алкан, венгерское, ренское, романея, явились в Москве при дворе еще в XVI веке, но в следующем столетии в Москве завелись винные погреба, где не только продавали этих сортов вина, но туда уже сходились пить веселые компании.

В царствование Алексея Михайловича жили в Москве гораздо свободнее, чем прежде; тишайший царь имел прекрасные качества души и покорял сердца своих подданных добротою и снисходительностью. Он удивлял своею милостью, но не пользовался правом сильного.

Иностранные писатели увековечили его

имя хвалами. Рейтенфельс, бывший в Москве в 1670 году, когда царю было тридцать лет, описывает его наружность так: «Росту он среднего, имеет лицо полное, несколько красноватое, тело довольно тучное, волосы цвета среднего между черным и рыжим, глаза голубые, поступь величавая, на лице его выражается строгость вместе с милостью, взглядом внушает каждому надежду и никогда не возбуждает страха.

Нрав его истинно царский: он всегда важен, великодушен, милостив, благочестив, в делах государственных сведущ и весьма точно понимает выгоды и желания иностранцев.

Большую часть дня употребляет он на дела государственные, немало также занимается благочестивыми размышлениями и даже ночью встает славословить Господа песнопениями; на охоте и в лагере бывает редко, посты, установленные церковью, наблюдает строго.

В напитках очень воздержан и имеет такое острое обоняние, что даже не может подойти к тому, кто пил водку. Благотворительность царя простирается до того, что бедные почти каждый день собираются ко дворцу и

получают деньги целыми горстями, а в большие праздники преступники освобождаются из темниц и, сверх того, еще получают деньги».

Мейерберг точно так же восхваляет человеческий нрав царя. Он присовокупляет: «Истинно достойно удивления то, что облеченный высшею неограниченною властью над народом, преобывшим безмолвно повиноваться воле своего владетеля и всяким действиям оной, царь сей никогда не позволял себе оскорблять кого-либо из своих подданных как лично, так и в имуществе или чести их. Хотя, подобно всем великим людям с живыми чувствами, он подвержен иногда порывам гнева, но и тогда изъявление оного ограничивается несколькими ударами или толчками».

Теремной дворец в Кремле. Литография А. Дюрана. 1839

Глава XXI

Старые боярские дома на Никольской улице. – Наталья Борисовна Долгорукова. – Князь Ив. Мих. Долгоруков. – Характеристика его. – Родовой дом князя Долгорукова в Москве. – Рассказы Лаврентия о французах. – Портретная галерея. – Сыновья князя. – Старый русский обычай давать разные имена детям. – Царская невеста Мария Хлопова. – Доброта князя Долгорукова. – Судьба невесты Петра II. – Князь Василий Долгоруков. – Упадок построек в Китай-городе. – Сломка части стены Китай-города.

В настоящее время почти все дома на Никольской улице принадлежат торговым людям, за исключением одного дома Шереметевых, но было время, когда там, как мы упоминали выше, возвышались одни дворы бояр.

Руководствуясь описью Китай-города 1626 года, мы видим, что в шести сажнях от Спасского монастыря стояли каменные палаты князей Юрия Хворостинина и Феодора Волхонского, а подле Никольского монастыря был двор князя Юрия Буйносова и потом князя Кантемира. Между Мироносицким монастырем и двором немчина Юрия Клинкина находился двор князя Феодора Телятевского.

Далее были дворы бояр: князя Воротынско-

го, Ивана Шереметева, Марии Воронцовой, у старых полей к пушечным воротам, дворы Алексея Левашова, князей Дм. Трубецкого, Ив. Хованского, Мих. Долгорукова; в 1644 году, по словам И. Снегирева, на Никольской улице, упоминается двор князя Ал. Юр. Сицкого, против церкви Успения Богородицы.

В 1793 году в приходе Жен Мироносиц имел дом генерал крйгс-комиссар Мих. Серг. Потемкин. Изо всех боярских домов, как мы уже заметили, уцелел на этой улице один только дом Шереметева, прежде бывший князя Черкасского; строение его занимало обе стороны улицы; на одной были его палаты, а на другой, где дом Глазунова, стоял потешный двор.

На главном дворе возвышались обширные палаты фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. В январе 1730 года в хоромах его выставлено было несколько оконниц на улицу; под одним из окон стояла в слезах убитая горем молодая дочь его Наталья Борисовна и с ужасом глядела на печальную процессию, которая проходила по улице.

На колеснице, увенчанной императорской

короной, везен был гроб юного монарха, покрытый державной мантией; шнуры от балдахина с золотыми кистями держали полковники.

Пред ними шли архиерей и архимандриты с знатным духовенством; генералы и полковники несли на бархатных подушках короны и государственные регалии; орден Св. Андрея Первозванного нес жених Шереметевой, князь Иван Алексеевич Долгорукий, в гвардейском майорском мундире, сверх его в длинной черной епанче, с флером на шляпе до земли; волосы у него были распущены, сам бледен как смерть.

«Поравнявшись с окном, – как пишет княгиня Наталья Борисовна, – Долгорукий взглянул плачущими глазами с такою миною: кого погребаем? Кого в последний раз провожаю? Я так обеспамятела, что упала на окошко, не могла усидеть от слабости. Потом и гроб везут – отступили от меня уже все чувства на несколько минут, а как опомнилась, оставя все церемонии, плакала, сколько мое сердце позволяло, рассуждая мыслию своей: какое это сокровище земля принимает!..»

Дочь Шереметева оплакивала благодетеля своего жениха, императора Петра II, скончавшегося от оспы в Головинском дворце, на пятнадцатом году своего возраста. Она хорошо знала, что теряют они с кончиною императора; ждала опалы, но никак не думала, что ей предстоит ссылка в Сибирь, а мужу ее – четвертование в Новгороде.

Князь Иван Алексеевич был старший из внуков знаменитого князя Григория Феодоровича. Родился он в 1708 году и воспитывался в Польше под надзором деда своего. В 1725 году он был назначен гоф-юнкером ко двору царевича Петра Алексеевича, вскоре сделался его любимцем и неразлучным собеседником с утра до ночи и спутником всех его поездок и забав.

По вступлении на престол Петр II был призван, к собственному несчастью, принять деятельное участие в событиях той бурной и жестокой эпохи. В то время при дворе враждовали две партии; самую многочисленную составляли приверженцы старинных обычаев: князья Долгоруковы, Трубецкие, Голицыны, Репнины, Ромодановский, Нарышкины, силь-

ные огромным богатством и родством с царским домом; не менее богатые Апраксины и такие же состоятельные Лопухины, изгнанные от двора и близкие родством с юным императором, родная бабка которого, первая супруга Петра Великого, разведенная и постриженная царица Евдокия Феодоровна, была из рода Лопухиных.

К этой партии примыкало почти все духовенство и большая часть родовитого дворянства. Вожаком этой партии был при воцарении Петра II князь Дмитрий Михайлович Голицын, старший брат фельдмаршала, человек очень умный и, по словам современников, «муж надменности великой, ненавидевший чужеземцев и беспрестанно повторявший: „Какая нужда нам в обычаях заморских, деды наши обходились и без них, а мы разве глупее своих дедов?“». Ненавидела эта партия особенно князя Меншикова, графа Петра Андр. Толстого и барона Остермана. Вторую партию составляли все иностранцы, служившие в России, и несколько русских, веровавших в предначертания Петра Великого.

Из числа немцев были: вице-канцлер ба-

рон Остерман, воспитатель юного Петра II, затем генерал Миних, полководец блистательный, недавно поступивший на русскую службу, но уже приобретший большое влияние на войско, затем граф Левенвольде, тайный агент герцогини Курляндской, граф Девьер, князь Меншиков, отец обрученной невесты императора, Толстой, П. И. Ягужинский и затем родня Анны Иоанновны – Салтыковы и Спешневы. Возрастающее могущество главного лица этой партии, Меншикова, внушало общее опасение, и молодой князь Иван Алексеевич Долгорукий, снабжаемый наставлениями врагов Меншикова, сумел в разговорах поколебать во мнении юного Петра честолюбивого Меншикова.

Наговоры подействовали, и всемогущий баловень судьбы, в течение целой четверти века сокрушавший все козни придворные, пал пред происками девятнадцатилетнего юноши. По словам испанского посла, Дюка де Лириа, Петр II одарен был умом от природы необыкновенно беглым, соображением быстрым, душою доброю и благородною – но был молод! Неограниченный властелин своей осо-

бы и желаний на тринадцатом году от роду, уже юноша в отношении крепости телесной, юный монарх жил без руководителей на свободе.

Царица Евдокия Феодоровна, освобожденная юным внуком, хотя и думала управлять им, но ей это не удавалось. Петр ежедневно бывал у ней в монастыре, ласкал ее, но избегал даже оставаться с нею наедине. В чаду забав Петр не слышал наставления поседевшего в делах своего министра Остермана, и когда тот решался говорить ему истину, то Петр обнимал его, целовал, называл своим другом, но чрез полчаса отправлялся на охоту или к забавам другого рода. Царевна Елисавета Петровна тоже не любила говорить о делах, и хотя сперва к ней племянник и питал нежную привязанность, но вскоре охладел и перестал с нею видеться.

В январе 1728 года Петр II со всем двором отправился в Москву для коронации. Пребывание в Москве понравилось царю; обширные леса, в то время окружавшие Москву, представляли много удобств и приволья для охоты, так любимой Петром, а его придвор-

ным приверженцам старинных обычаев не трудно было убедить его навсегда основать пребывание в Москве, оставив Петербург провинциальным городом.

Юный монарх в частые поездки свои на охоту в окрестностях Москвы посещал подмосковное село Горенки, отца князя Ивана Долгорукого; здесь он увидел сестру его Екатерину, красавицу, пленявшую стройностью своего стана, белизною лица, глазами томными, очаровательными, полюбил ее и решился на ней жениться. Княжна уже любила молодого секретаря австрийского посольства графа Милезино, но по просьбе родных отказала ему и согласилась на брак с Петром. Петр II, прожив в Горенках девять недель, возвратился в Москву и, собрав весь двор, велел Остерману объявить о предстоящем своем браке, и все шли целовать руку княжны, которую в то же время велено было поминать на эктении [181], и дан ей титул «ея высочества государыни-невесты». 30 ноября, в день Св. Андрея, совершилось обручение.

В этот день весь двор и дипломатический корпус собрались в большой зале. По словам

князя Щербатова, во время обручения «государь и его невеста были окружены Преображенского полка гренадерами, которые круг их под начальством своего капитана князя Ив. Ал. Долгорукова батальон каре составляли»: князь Иван ранее обряда сам отправился за своею сестрою в Головинский дворец, где она пребывала со своею фамилиею. Из Головинского дворца торжественное шествие отправилось в золотых каретах.

По приближении невесты к дворцу вдовствующая царица с царевнами вошла в залу, среди которой был послан большой персидский ковер; на верхнем конце поставлен был стол, покрытый золотою парчою, на столе золотое блюдо с крестом и двумя золотыми тарелками, а на тарелках лежали обручальные кольца. При входе княжны ее встретил гофмаршал Д. А. Шепелев и обер-церемоний-мейстер барон Абисбах.

Прибыв в залу, она села в кресла, подле аналая, имея около себя вдовствующую царицу, царевен и свою мать с родными. Кресла для императора были приготовлены напротив. По правую сторону было назначено сто-

ять иностранным министрам, а по левую – князьям Долгоруким. Обер-камергер подвел невесту под балдахин, который держали шесть генералов.

Архиепископ Новгородский Феофан Прокопович совершил обручение. Все, за исключением вдовствующей царицы, целовали руки обрученных. Существует рассказ: когда подходили к руке невесты, то эту руку, лежавшую на подушке, поддерживал сам император; вдруг невеста встает со своего кресла и сама подает свою руку одному из подошедших; этот один был граф Милезино. Друзья подхватили его тотчас под руки и увезли домой. Потом отправились смотреть фейерверк, а с фейерверка – на бал, недолго продолжавшийся по случаю усталости невесты, которая возвратилась домой в семь часов пополудни в карете, запряженной восемью лошадьми, в сопровождении кавалергардов, пажей и гайдуков.

Свадьбе назначено было совершиться 19 января. Император пожаловал отцу невесты 12 000 дворов крестьянских. За обручением следовали непрерывные празднества. Так, 6

января, в день Крещения, при совершении водосвятия, полки Преображенский и Семеновский выстроены были на льду Москвы-реки, под начальством князя Ивана. Невеста прибыла на эту церемонию в санях, на запятках которых стоял сам государь. Их сопровождала большая свита и кавалергарды. Они пробыли на льду четыре часа.

В тот же вечер Петр жаловался на головную боль, а на другой день у него открылась оспа. Во время болезни император по неосторожности подошел к раскрытой форточке и простудился еще сильнее, и 17 января всякая надежда на выздоровление была потеряна. Петр II скончался в половине второго часа с 18 на 19 января, в тот самый день, когда назначено было бракосочетание.

Опасность болезни императора была известна всему двору, и потому в ночь его смерти было большое собрание как сановников государства, так и духовных лиц.

После кончины императора князь Иван Долгоруков вышел из его опочивальни и, сказав всему собранию, что умерший император объявил своею преемницею на престол свою

обрученную невесту. «Да здравствует императрица Екатерина!» – закончил он, обнажая свою шпагу; но ни один голос не раздался в ответ ему.

Такое недоверие сильно смутило брата провозглашенной императрицы; он, вложив шпагу в ножны, вышел из дворца и уехал домой. Политическая его роль была сыграна, но права невесты скончавшегося императора были еще раз предъявлены в верховном совете его отцом.

Князь Алексей Долгорукий представил верховному собранию духовную, подписанную будто бы императором Петром II, о назначении его невесты наследницей русского престола, но, потеряв вскоре всякую надежду защитить это завещание, он должен был взять его назад.

Вскоре члены совета решили избрать курляндскую герцогиню Анну Иоанновну, но просили, однако ж, до получения ее ответа не объявлять народу ни о кончине Петра II, ни об избрании новой государыни, ни для того, чтоб не поминали ее на ектении самодержицею, ибо объявить об условиях, ограничиваю-

щих власть ее, члены совета не решались до получения ее собственного согласия на эти условия.

Между тем необходимо было поминать на эктении или императора, или императрицу, и потому хотя вся Москва знала о кончине Петра II, но все-таки в церквах после его смерти долго молились о его здравии и долгоденствии. Впрочем, это подлежит еще большому сомнению. Но прежде еще вступления на престол Анны Иоанновны все уже предвидели падение семьи Долгоруковых.

В то утро, когда скончался Петр II, родные графини Натальи Борисовны Шереметевой съехались к ней в дом так рано, что она еще спала; когда она проснулась, ей объявили о смерти императора. Это известие поразило ее ужасом. «Ах, пропала, пропала! – твердила она. – Я довольно знала обыкновение, что все фавориты после своих государей пропадают: чего было и мне ожидать?» Вечером того же дня приехал ее жених, и они возобновили друг другу клятву, что их ничто не разлучит, кроме смерти.

Долгоруким между тем становилось все

опаснее и опаснее. Бирон о них публично отозвался, что не оставит дома этой фамилии. Каково было тогда княжне Наталье Борисовне!

Родные не переставали убеждать ее, чтобы она кинула Долгорукова, но она была непреклонна и не хотела оставить человека, которому дала слово любить его неизменно и навсегда. Попробовали было отложить свадьбу, но и это не помогло; тогда все отступились от непоколебимой девушки: она может выйти замуж, но никто из родных не повезет ее к венцу. «Сам Бог отдавал меня замуж, а больше никто», – говорит она в своих записках.

Старший брат ее был болен оспой, младший, боясь заразиться этой болезнью, жил в другом доме; все родные оставили ее, и только две старушки, дальние ее родственницы, решились проводить ее из Москвы в село, в котором жили Долгоруковы и где назначена была в апреле свадьба.

Свадьба была самая скромная и ничем не походила на пышное обручение, на котором была вся императорская фамилия, все чуже-

странные министры и весь генералитет.

Обручение было в доме Шереметева накануне Рождества Христова; совершал его архиерей с двумя архимандритами. Кольца жениха и невесты стоили 18 000 рублей. Родственники жениха одарили невесту богатыми дарами: часами, бриллиантовыми серьгами и прочими галантереями, а брат невесты подарил жениху шесть пудов серебра, старинные великие кубки и фляги золоченые. На третий день, когда княгиня Наталья Борисовна с мужем собралась ехать с визитами к родным молодого, приехал из Сената секретарь и объявил отцу князя, чтоб он со всем своим семейством немедленно ехал из Москвы в дальние деревни, из которых без указа никуда бы не выезжал.

Отправились они в дорогу в самую распутицу, на тяжелых городских лошадях с неопытными кучерами; ночевать им приходилось иногда прямо в поле, даже на болоте, и не раз несчастной женщине приходилось испытывать смертельный страх; однажды им пришлось ночевать в деревне, которая ожидала нападения разбойников.

Скоро их нагнал капитан гвардии и объявил им Высочайший манифест, что они, князь Алексей и Иван Долгоруковы, состоя при Петре II, не хранили его здравия, не допускали его жить в Москве, но, под видом забав и увеселений, увозили его в дальние места; несмотря на его молодые лета, которые еще к супружеству не приспели, довели его до стова с дочерью князя Екатериною, расстроили его здоровье, разграбили императорские дорогие вещи на несколько сот тысяч рублей, которые у них отобраны, и потому за все эти продерзости и преступления лишаются они чинов и кавалерий.

Объявленные преступники по приезде в деревню поместились в крестьянской избе. Здесь думали они прожить в забвении, но за быты Бироном они были только три недели. После этих дней приехал сюда гвардейский офицер с солдатами, расставил караульных у всех дверей и объявил князю указ, которым повелено сослать его с женою и детьми в Березов и держать их там безвыездно за крепким караулом.

По приезде на место ссылки у нее родился

сын Михаил. Более девяти лет прожили в Березове несчастные князья Долгоруковы. Князь-отец и жена его там скончались.

В 1739 году муж Натальи Борисовны был схвачен ночью и увезен из своего семейства под строгим караулом. Это новое гонение Бирона было уже окончательное.

Всех Долгоруких свезли в Новгород, там их судили, пытали в разных преступлениях и, наконец, осудили и казнили 8 ноября. Князьям Василию Лукичу, Сергею и Ивану Григорьевичам отрубили головы, а князя Ивана Алексеевича колесовали.

Все они умерли героями, с твердостью. Князь Иван Алексеевич во все время страшной казни молился Богу.

О несчастной судьбе своего мужа Наталья Борисовна не знала до восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны; в ее царствование последняя была возвращена в Петербург. Здесь она не могла привыкнуть к светской жизни и удалилась в Киев в монастырь, где и окончила свою трудную и скорбную жизнь схимницею 3 июля 1771 года.

Несчастья и житейские напасти не щади-

ли княгиню Наталью Борисовну даже и тогда, когда она была под схимой. Один из ее сыновей, князь Димитрий Иванович, воспитанный в Москве, статный красавец, одаренный прекрасным сердцем, влюбился в одну бедную и незнатную девушку. Родственники вооружились против этого брака. Он долго боролся с чувством сильной любви, но сердце превозмогло рассудок, и он сошел с ума – ему было только двадцать лет; под присмотром матери он жил в Киеве и в Никольском монастыре проходил монашеский искуc. Жизнь пустынная успокаивала его, но не исправляла рассудка; мать его, ни о чем уже не помышлявшая, как о душе и спасении ее, захотела постричь его – она просила на то дозволения у Екатерины, но царица не согласилась на это, и князь остался только послушником, ходил в церковь, постился, надел власяницу и вскоре умер.

Родной внук этой Натальи Борисовны был известный поэт своего времени князь Иван Михайлович Долгоруков, прозванный современниками «губаном» и «балконом» за непомерно широкую нижнюю челюсть и толстую

губу. Он десяти лет был полковником – этот чин выпросил ему у короля польского, Станислава Понятовского, дядя, барон Ал. Ник. Строганов, командовавший тогда Кирасирским полком где-то на границе с Польшею. Четырнадцать лет князь поступил в Московский университет; он так отлично говорил по-латыни, что на этом языке объяснил римскому императору Иосифу II устройство одной машины, которую ему там показывали. Двадцати лет он поступил в военную службу, сперва в московский гарнизон и затем в гвардию. Служба гвардейская сделала его известным великому князю Павлу Петровичу, наследнику престола. Князь очень понравился ему за свое остроумие. Долгорукий часто играл на тогдашних благородных спектаклях; актер он был очень талантливый и раз, играя у принцессы Гольштейн-Бек, был принят даже за известного актера Офрена, до того игра этого любителя была превосходна. Слава первоклассного актера довела его до двора цесаревича в Гатчине; здесь в спектакле, который давала великая княгиня Мария Феодоровна для сюрприза своему супругу, ему привелось

играть роль отца в драме «L'honnête Criminel». Долгоруков, чтобы не попасться на глаза великому князю, проживал в какой-то нежилой комнате дворца, выходил гулять только по ночам и питался чуть ли не одним печеным картофелем. Этот спектакль утвердил вполне славу хорошего актера за Долгоруким. В награду за спектакль ему хотели подарить золотые часы, но ему выпала еще лучшая награда: он жил в Гатчине еще три дня, обедая и ужиная за столом великого князя; с этого времени начинается его личное знакомство с великим князем, и в это же время он познакомился со своею будущей женой Смирной, играя с нею в придворных спектаклях.

Жена его многим была обязана своему несчастью; отец ее был казнен Пугачевым. Мать с четырьмя сыновьями и двумя дочерьми осталась в самом бедственном положении. В одно из путешествий Екатерины она нашла случай подать ей просьбу об определении детей в учебные заведения. Первая супруга Павла, княгиня Наталья Алексеевна, взяла четырехлетнюю дочь ее под свое покровительство, поместила в Смольный мона-

стырь и затем по окончании взяла себе во фрейлины. Смирная и жила во дворце. Свадьба ее с Долгоруковым была отпразднована великолепно при дворце.

Как о самой свадьбе, так и об этом времени Долгоруков воспел в стихах, под заглавием «Везет».

*Везло и мне...
Везло, когда в дворянску шайку
Попал театрить во дворце!..*

.....
*Ходил за стол к его обеду;
И на вечернюю беседу
Дверей никто не затворял!
А как женился я, то, право,
Такой был бал, огонь, забава,
Каких я вечно не давал!*

Князь Долгоруков был женат два раза, второй раз на вдове Пожарской, урожденной Безобразовой; обе его жены были красавицы и очень его любили, несмотря на то что он был очень некрасив или, вернее, даже безобразен. Долгоруков это знал и чувствовал и очень мило над собою подшучивал, говоря: «Мать натура для меня была злою мачехой, оттого у

меня и была такая скверная фигура, а на нижнюю губу материала она не пожалела и уж такую мне благодатную губу скроила, что из нее и две могли бы выйти, и те не маленькие, а очень изрядные».

Князь также очень мало обращал внимания на свой туалет и был очень неряшлив в домашнем быту и с короткими своими. Его современница Е. П. Янькова рассказывает: несмотря на свою неприглядность, князь заставлял забывать в разговоре, что некрасив собой; бывало, слушаешь его умные речи и замысловатые шутки, а каков он из себя – об этом и позабудешь.

Преосвященный Августин отзывался о нем как о человеке большого ума. «Князь, – говорил он, – вельми умен, но не вельми благоразумен». А. Т. Болотов говорит о нем, что он на проказы был большой ходок и в бытность пензенским вице-губернатором в провиантских делах и подрядах так напакостил, что на все государство был разруган от Сената. Та же Янькова говорит про него, что он человек честный и хороший, в дружбе очень преданный, он все имел, чтоб сделать себе карьеру,

и при этом, как сам говаривал, «никогда не мог выбиться из давки».

Он всю жизнь свою провел под тяжелым гнетом долгов и врагов. Это потому, быть может, что он был великий мастер на всякие приятные, но ненужные дела, а как только представлялось какое-нибудь дело важное и нужное, точно у него делалось какое затмение ума: он принимался хлопотать и усердно хлопотал и все портил, и много раз совершенно бы погиб, если бы влиятельные друзья и сильные помощники не выручали его из беды!

Долгоруков место вице-губернатора получил довольно отважно; он адресовал на имя императрицы письмо, в собственные руки, в котором говорил, что желал бы трудиться и быть полезным. Ответом было назначение его вице-губернатором.

О своей службе в Пензе он говорит, что тогда он еще любил службу страстно, «в восхищении юного человека, который на все смотрит с желанием – образовать свет и сделать лучшим, я писал не приказным слогом и не авторским, а вдохновенным самой природою,

то есть так, как я думал и чувствовал».

Возвращаясь к характеристике князя И. М. Долгорукова, мы видим, что в Пензе он прослужил до самой кончины Екатерины II. Довольный своей судьбою, здесь он написал «Камин в Пензе»[182]. Это произведение имело большой успех, было переведено на французский язык, и даже Делиль просил прислать ему в Париж этот перевод. В Пензе князь испытал много неприятностей. Так, его даже «в клуб с подпиской не пускали».

Живя в этом городе, князь любил по вечерам поиграть в карты без чинов, со всяким даже разночинцем. По этому случаю он говорит: «Везде выказывать свой чин, по-моему, есть самое низкое свойство; я любил в своем месте быть настоящим председателем, а дома или в гостях человеком лет в тридцать, резвым и веселым. Что за польза государю и отечеству в принужденной измене наших нравов, когда они в настоящем виде не ведут к разращению нравов». На этот случай князь написал комедию в стихах: «Дурылом, или Выбор в старшины». Главное лицо в ней был владимирский оригинал Дуров, кроме него,

еще три лица списаны с натуры; прочие характеры вымышлены.

При восшествии на престол императора Павла он был отставлен от дел, но вскоре опять получил место в Москве; здесь он продолжал службу до восшествия на престол императора Александра I.

В 1802 году князь получил место владимирского губернатора; здесь Долгоруков выстроил здание для сохранения ботика и остатков дома Петра I и богадельню для матросов-инвалидов и открыл, в 1805 году, Владимирскую губернскую гимназию.

После этого он был избран в почетные члены Московского университета; он надел университетский мундир с чувством благородной гордости. «Этот кафтан, – пишет он в своих записках, – который я поистине могу назвать благоприобретенным, будет во всю жизнь мою лучшим моим нарядом. Ни клевета, ни зависть его с меня не снимут!»

Про эксцентричный характер Долгорукова много рассказывал М. Дмитриев – последний говорит, что он дурачился до безумия. Бывало, придет к нему и скачет по стульям, по сто-

лам, так и уйдешь от него, не добившись слова благоразумного. Любил хорошо есть и кормить; как скоро заведутся деньги, то задавал обеды и банкеты. Долгоруков, как добавляет Дмитриев, весьма странно одевался и ходил по улицам в одежде полуполковой и полукатерской, из платья игранных им ролей.

В 1812 году он получил отставку от службы – этот тяжелый год был во всех отношениях черным годом для Долгорукова; он выехал из Москвы 31 августа, за два дня до вступления неприятеля; родовой дом уцелел от пожара – спас его лакей Лаврентий, «препьяный человек», как его характеризует князь. Он остался в доме самовольно.

Во время нашествия французов в дом Долгорукова были поставлены два генерала. Лаврентий у них сделался и шутом, и слугой; он с солдатами вместе пил и гулял, а начальникам прислуживал и так им понравился, что был у них дворецким и распорядителем по части увеселений.

Этого слугу сперва били и даже раз ранили, но потом уже он сам бил и покровительствовал другим. Он служил при столе генера-

лов, прибирал трупы солдат, которых они расстреливали, таскал к ним, вместе с их денщиками, всякую добычу, причем, вероятно, не забывал и себя, но при всем этом, когда загорелся дом, он упросил генералов, чтобы они помогли его отстоять, и генералы приказали солдатам работать. Дом, таким образом, спасся от всеобщего пожара, и стены его остались целы. Важнее всех услуг в глазах Долгорукова была еще услуга Лаврентия та, что он успел из домово́й церкви вытащить антими́нс[183], найденный им на полу, – с сохранением последнего Долгоруков не лишился права возобновить свою домашнюю церковь. После московского разгрома Долгоруков поселился в этом уцелевшем доме.

Дом князя был в приходе Воздвижения на Вражке[184]: большие старинные тесовые хоромы в один этаж стояли среди обширного двора. Позади дома, к Москве-реке, был большой заброшенный тенистый сад.

Вдали, за Москвой-рекой, виднелись сады, леса, деревня Фили и кладбище, на которое постоянно, мечтая, смотривал хозяин дома. Внутренность дома была не только некраси-

ва, но даже неопрятна, особенно передняя, где даже старые обои висели лоскутьями. Под конец жизни князь хотя и переделал две-три комнаты, но непорядок все так же царил в хоромах.

В доме также не было никаких украшений, но на стенах, и в доме и во флигеле были развешаны фамильные портреты князей Долгоруковых. Тут были портреты Якова Федоровича Долгорукова и несчастного фаворита Петра II, князя Ивана, портрет жены его, Натальи Борисовны, висел в домово́й церкви. Был здесь и портрет императора Петра II и княжны Екатерины Долгоруковой, на которой он был помолвлен, над портретом была надпись: «Добрая надежда».

В одной из зал был построен домашний театр. Дом князя всегда был полон родных и гостей; здесь жили его сестра с мужем и воспитанницей, какая-то еще дальняя родственница-старушка с племянницей и простодушный старичок, И. Н. Классон; большой почитатель Наполеона и доктора Гала, он служил когда-то в военной службе и потом жил тридцать лет в доме князя. Некогда он с князем

подвизался в приготовлении французских кушаний.

В доме же Долгорукова жили и все его дети, которые, по странностям отца, имели по два имени: одно – данное им при крещении, а другое – данное им самим отцом, которым они и назывались. Так, Рафаил назывался Михайлой, Антонина – Варварой, Евгения – Наталией. Обычай такой давать два-три имени у нас, на Руси, употреблялся издавна и водился еще в удельные времена. У русских, по словам Н. Костомарова, долго было в обычае, кроме христианского имени, иметь еще другое прозвище, или некрестное имя.

В XVI и XVII веках мы встречаем множество имен или прозвищ, которые употреблялись чаще крещеных имен, например: Смирный, Козел, Паук, Злоба, Шестак, Неупокой, Беляница, Нехорошко, Поспелко, Роспута, Мясоед, Кобяк, Китай[185]; даже священники носили такие имена. Прозвища классические, столь обыкновенные впоследствии в семинариях, были в употреблении еще в XVII веке; так, еще в 1635 году встречается фамилия Нероновых.

Иногда у некоторых было три имени: прозвище и два крещеных, одно явное, другое тайное, известное только тому, кто его носил, духовнику да самым близким.

Это делалось по верованию, что лихие люди, зная имя человека, могут делать ему вред чародейственными способами и вообще иногда легко сглазить человека.

Случалось, что человека, которого все знакомые знали под именем Дмитрия, после кончины, на погребении, духовник поминал Федотом, и только тогда открывалось, что он был Федот, а не Дмитрий.

Иногда крещеное имя переменялось на другое по воле царя; например, девицу Марию Хлопову, взятую в царский двор с намерением быть ей невестою государя, переименовали в Анастасию; но когда государь раздумал и не захотел взять ее себе женою, тогда она опять стала Мария.

Судьба этой несчастной красавицы, жертвы интриг придворных страстей, очень романтична. Считаем не лишним привести вкратце ее скорбную повесть. Мария Хлопова была подруга детства царя Михаила Феодоро-

вича, по вступлении на престол царя была выбрана им себе в невесты и жила уже в «верху». Но вследствие неприятных отношений родственников Хлоповой к Салтыковым последние решились погубить ее во что бы то ни стало. Будущую царицу окружили всякими предосторожностями, но ее враги достигли своей цели.

Предание говорит, что в селе Покровском, куда ездил царь с невестой на гулянье, он вручил Марии на прощанье ларец с сахарными леденцами и заедками, зная, что она их любит, но одна из подкупленных женщин подменила некоторые из них отравленными; Мария, не подозревая последнего, поела, у нее ночью явилась ужасная боль в желудке, а затем рвота и упадок сил.

Недоброжелатели ее встревожили двор словами: «Черная немочь, черная немочь!», и этого было достаточно для пагубы Хлоповой. Слухи эти были приговором для Марии, следствием которого вышло распоряжение сослать нареченную Анастасию с «верху», а затем последовал и указ о сослании несчастной Марии с родственниками в Сибирь, в То-

больск.

В ссылке Мария провела, в Тобольске, четыре года, после чего она была перемещена по указу царя в Верхотурье; здесь ей дано хорошее помещение, в половине воеводского дома. Затем Хлопову переместили по указу опять же царя из Верхотурья в Нижний Новгород.

Посылая последний указ, государь тайно вручил посланцу письмо к Настасье и несколько подарков. Царь Михаил опять объявил царице-матери, что он хочет вступить в брак с Хлоповой, но последняя на то ему согласия не дала; назначенный осмотр невесты подтвердил, что Анастасия во всем здорова. Салтыковы же, признанные в этом деле виновными, были удалены в ссылку и подверглись опале патриарха Филарета Никитича. После этого уже был послан в Нижний боярин Шереметев, который и объявил отцу Хлоповой, что царь взять ее себе в супруги не изволил. И повелено Хлоповой со всем семейством жить в Нижнем и велено давать им корм против прежнего более и ежегодно отпускать значительную сумму денег. Мария

вскоре умерла, боготворимая всеми за свою кротость и любовь к ближним.

Но, возвращаясь к Долгорукому, мы видим, что он, несмотря на недостаточность состояния, умел делиться и с другими.

Сам князь не нажил ничего, отец его не оставил ему тоже наследственного богатства. Главную причину упадка их состояния было падение фамилии князей Долгоруких при Бироне.

Как мы уже выше говорили, неожиданная кончина Петра II уничтожила могущество этой фамилии и конфискация развеяла все их богатство.

Таким образом, несмотря на свое более чем скромное житье, князь И. М. Долгоруков иногда давал званые вечера или домашние благородные спектакли, на которые к нему приезжала вся московская знать.

Театр был его страстью, спектакли у князя были лучшие в Москве; на его театре играли Ф. Ф. Кокошкин, Ал. Мих. Пушкин, лучшие тогдашние актеры-любители. Сам князь являлся всегда в ролях комических, его игра была превосходна, непринужденно-естественна и

свободна и ничем не напоминала декламаторскую игру его учителя Офрена. Глядя на него, все помирали от хохота.

Многие из тогдашних москвичей осуждали страсть Долгорукова играть на театре. Это дошло до князя, и он в записках своих на это обвинение отвечает так: «Говорили, что мне не под лета и несогласно с моим чином выходить на сцену. Об этом да позволят мне поспорить. Я сделаю только один вопрос: позволительно ли было мне в мои года и моем чине играть по целым дням в карты и разоряться в больших партиях и с большими господами, из одного подлого им угождения, или, спрятавшись дома, кое с кем осушивать за жирным столом дюжину бутылок шампанского? или, наконец, держать втайне сераль наложниц и наполнять Воспитательный дом несчастными жертвами? Спрашиваю: простительнее ли это театра? О! если бы я все делал по примеру других, я уверен, что меня менее бы злословили! Мне было пятьдесят лет, это правда; но я был здоров и жив! Я был тайный советник, но в отставке; следовательно, не занимая никакой должности в государстве, об-

ращался в массу граждан, свободных распоряжаться своими забавами!»

В Великом посту у князя собиралось литературное общество, членами которого были С. Т. Аксаков, М. Н. Загоскин, А. А. Волков, А. Д. Курбатов и М. П. Телегин. Умер князь Долгоруков в Москве 4 декабря 1823 года и похоронен в Донском монастыре.

Князь при жизни много писал стихотворений; он, как сам выражается, сделался поэтом потому только, что ему некуда было девать излишество мыслей и чувствований, переполнявших его душу. К собранию своих стихотворений он поставил эпитафию:

*Угоден – пусть меня читают,
Противен – пусть в огонь броса-
ют!
Трубы похвальной не ищу!*

Трудно определить общий характер стихотворений князя Долгорукова: по внешней форме они принадлежат к лирическим, а по содержанию – к сатире. Песни князя Долгорукова в свое время многие были положены на музыку и пелись.

Из других Долгоруких, занимавших также

видную роль при Петре II, был еще князь Василий Владимирович Долгоруков (1667–1746), крестный отец императрицы Елисаветы Петровны. Молодость свою он провел в Малороссии, где отец его был городовым воеводою, сам же он служил в корпусе Мазепы и затем состоял при Скоропадском.

Князь считается одним из лучших представителей боярства XVII века; он был строгой честности и говорил всегда одну только правду. Скупой на похвалы, испанский посол Дюк де Лириа про него говорит следующее: «Фельдмаршал Долгоруков был человек с умом и значением, честный и достаточно сведущий в военном искусстве. Он не умел притворяться, и его недостаток заключался в излишней откровенности и искренности. Он был отважен и очень тщеславен, – друг ревностный, враг непримиримый. Он не был открытым противником иностранцев, хотя не очень их жаловал. Вел он себя всегда благородно, и я могу сказать по всей справедливости, что это был русский вельможа, более всех приносивший чести своей родине».

Князь Долгоруков отличался храбростью

во время шведской войны и прутского похода; Петр, зная его безупречную честность, выбрал его в председатели комиссии для рассмотрения злоупотреблений князя Меншикова, и последний был жестоко, но справедливо обвинен Долгоруким.

Долгоруков, будучи генерал-поручиком и андреевским кавалером, лишился в 1718 году, по делу царевича Алексея Петровича, чинов, ленты и всего имения и был отправлен в ссылку в Казань. По розыску открылось, что он хулил Петра за строгие реформы, и на него пало еще подозрение, что он помог царевичу бежать за границу.

В день коронавания Екатерины I он был принят на службу полковником, и через год ему были возвращены прежние ордена и чины и даже часть имения, оставшаяся после раздачи другим лицам.

Но Меншиков не мог терпеть Долгорукого, и он был отправлен на Кавказ главнокомандующим Низовым корпусом, расположенным во вновь завоеванных персидских землях. Князь здесь привел в подданство России девять провинций, лежащих на юг от Каспий-

ского моря, основал новые крепости и улучшил состояние наших войск.

С восшествием на престол Петра II князь был вызван в Москву и возведен в фельдмаршалы, и ему подарены были богатые волости и более тысячи душ крестьян. Но недолго князь Василий Владимирович пользовался своими наградами; с воцарением императрицы Анны Иоанновны он впал, как и все Долгорукие, в немилость; имение было отобрано, сам он сослан сперва в Ивангород и затем, после, в Соловецкий монастырь, где и пробыл до восшествия на престол Елисаветы Петровны.

Эта государыня возвратила ему все отнятое у него. Он умер в Москве, в 1746 году, бездетным, имение его перешло к родным его братьям, в числе которых был предок недавно скончавшегося князя Владимира Андреевича Долгорукого, бывшего долгое время московским генерал-губернатором.

Возвращаясь опять к описанию Китай-города, мы видим, что во время Петра Великого, по перенесении столицы в Петербург, эта часть Москвы стала заметно падать и прихо-

дить в разрушение. Стены Китая в эти годы стали обваливаться, в башнях открыты были лавки мелкими чиновниками.

К стенам также были пристроены лавчонки, погреба, сараи, конюшни от домов. Нечистота при стенах все больше и больше увеличивалась, заражала воздух. Более всего таких лачужек и плохих построек в этом центре города было на землях, захваченных духовными властями. Церковное духовенство не только в подворьях, но и на церковных землях завело погреба, харчевни и даже под церквями поделало цирюльни[186].

Начальник кремлевской канцелярии П. С. Валуев входил к обер-полицеймейстеру А. А. Беклешову в 1806 году с прошением; последний предлагал митрополиту Платону свести такие заведения с церковных земель. Платон не согласился, представив в ответ, что оттого много потерпят как церковные доходы, так и церковнослужители, которых состояние было весьма посредственно и близко к бедному.

Особенно во всем Китай-городе было место самое грязное и неблагообразное, так называемое «певчие», большая и малая, то есть дома,

принадлежавшие владению синодальных певчих, которые сами здесь не жили, а отдавали постройки внаймы. Дома эти были большею частью деревянные, разделенные перегородками на маленькие комнаты, углы и чуланы, в которых в каждом помещалось особое заведение или жила семья.

Здесь с давних пор были «блинни», харчевни, малые съедобные, трактиры, кофейные и разные мастерские, чрезвычайно набитые мастеровыми и жильцами. На случай пожара эта местность представляла большую опасность вследствие близости к торговым рядам и невозможности тут действовать пожарным. В 1804 году здесь все деревянные строения, как противозаконные, были сломаны и оставлен был один трактир.

При китайской стене были построены 204 деревянные лавки в 1783 году, с дозволения графа З. Г. Чернышева, а каменные – в 1786 году, по воле графа Я. А. Брюса; земля для них дана была без платы, с тем, чтобы только застроили пустое место и содержали тут мостовую. Прочие здания при стенах построены, по словесному дозволению обер-полицеймейсте-

ра Архарова, около 1780 года, а бóльшая часть владельцев и сами не знали, как они достались их предкам, и не имели на них никаких документов.

За стеною от Воскресенских до Никольских ворот стояли постройки не менее безобразные. В старину предполагали стену от Никольских до Варварских ворот сломать для площади и для сделания удобной проезжей дороги, вместо тогда здесь бывшей тесной и излучистой, проходившей мимо церкви Иоанна Богослова, что под Вязом, между Ильинскими и Никольскими воротами.

От Варварских ворот до Москворецкого моста стена была больше других всех, по неизменности места и потому, что больше других была заложена пристройками от домов, лавками и амбарами, так что одни только ее зубцы были видны. К этой-то стене больше всего стекали нечистоты, застаивались и производили смрад.

Скоплению нечистот много содействовали фортификационные земляные укрепления, бастион и ров, которых в древности никогда не было. Ими были заложены все стоки из го-

рода, издавна проведенные и прежде строго оберегавшиеся.

В 1807 году часть стены Китая в поле, против Воспитательного дома, мимо которой был запрещен и проезд, обрушилась на 2¹/₂ сажени, а смежные растрескались. На починку их нужно было 190 000 рублей серебром. А. А. Беклешов еще в 1805 году представлял стену Китая с башнями от ворот Никольских до Москворецкого моста сломать, как ненужную и ветхую, а на месте ее сделать бульвары для гулянья. Император Александр I на это не согласился, желая сохранить все древние строения в Москве в их первобытном виде.

Ров подле стены Китай-города был везде завален мусором, особенно против присутственных мест. Он служил свалкою всяких нечистот и ямою для окрестных жителей и прохожих; его расчистили только в 1802 году.

Никольские ворота Кремля. Литография А. Дюрана. 1839

Глава XXII

Дом гетмана Мазепы. – Любовные похождения этого авантюриста. – Смерть и похороны последнего полновластного гетмана Малороссии. – Лопухины. – Первая супруга Петра Первого. – Абрам Лопухин. – Несчастливая судьба Натальи Лопухиной. – Дом бригадира Н. А. Сумарокова. – Родовая усыпальница Сумароковых. – Комнатный стольник И. Б. Сумароков. – Панкратий Сумароков. – Дети Василия Сумарокова. – П. П. Сумароков. – Ссылка в Сибирь. – А. П. Сумароков. – Несколько анекдотов из его жизни. – П. С. Сумароков и служебная его карьера. – Его московский дом с минералогическим кабинетом.

В Козьмодемьянском переулке, на Покровке, где теперь стоит лютеранская церковь Свв. Петра и Павла, находился некогда дом малороссийского гетмана Ивана Степановича Мазепы, известного авантюриста петровского времени.

Он родился в селе Мазепинцах, в Киевской губернии, и происходил родом из малороссийских дворян. Предок его, будучи полковником, сожжен поляками в медном быке, вместе с гетманом Наливайкою. Мазепа воспитывался в Польше у иезуитов и в совершенстве знал многие иностранные языки; в молодости он отличался приятною наружностью и нравился польским дамам.

Существует предание, что один польский магнат застал его со своею женою, приказал раздеть его, облить дегтем, обсыпать пухом, привязать веревками к дикой лошади и пустить в степь. Это случилось на границе Малороссии; казаки спасли его от неминуемой смерти. Такое жестокое наказание не вылечило Мазепу от ухаживания за чужими женами и девицами. Впоследствии мы видим, в числе многих обольщенных им женщин, крестницу его Матрену (названную Пушкиным Марию), дочь генерального судьи Кочубея и родственницу короля Лещинского, княжну Дульскую, для получения руки которой Мазепа хотел привести Малороссию в подданство польское.

Любовные похождения Мазепы в его юности, подробно рассказанные шляхтичем Паском, не раз служили канвою поэтических вымыслов, начиная с Байрона, Пушкина и Булгарина. Роман Мазепы с дочерью Кочубея в подробностях мало известен. По-видимому, он стал сватать дочь Кочубея, Матрену, свою крестницу. Кочубей, не желая быть законопреступным отцом и маловерным христиани-

ном, на брак не согласился. Мазепа, однако, до того приворожил к себе крестницу, что она стала «бегать» к соблазнителю из отцовского дома, стала «плевать» на отца и мать.

Из сохранившихся «рукописных грамоток» Мазепы к Матрене видно, что страсть разгоралась постепенно, что у гетмана достаточно было времени одуматься. В одном письме, вероятно в начале этой любви, Мазепа пишет: «Запечалился я, услышав о твоём гневе, что отослал тебя домой, а не оставил у себя. Посуди сама, что б из этого вышло: во-первых, родные твои не преминули бы разгласить, что, захватив дочь их, ночью держу у себя за наложницу; а другое – оставаясь у меня, ни я, ни ты не смогли бы сохранить благоразумия, стали бы жить, как в браке живут, а засим явилось бы неблагословение от церкви и клятва, чтоб нам вместе не жить. Куда же бы я тогда поделся? Да и тебя было бы жаль, чтобы потом на меня не плакала».

Но благоразумие старого гетмана было недолгое; в следующих письмах встречаем уже такие фразы: «Вспомни только свои слова, вспомни свою присягу, посмотри на свою

руку, которую не раз давала мне в залог, что до смерти любить будешь, что будешь женою, хоть не будешь! Целую уста коралевии, ручки беленькие, и все члонки тельця твоего беленького, моя любенько коханая». Благоразумие исчезло; Мазепа стал жить с Матреною «як малженство (брак) кажет». Но этого мало; соблазнив Кочубеевну, Мазепа, для поддержания ее страсти, заставлял ее смотреть на отца и мать как на врагов.

Сам Кочубей про страсть Мазепы писал к царю так: «Прельщая своими рукописными грамотками дщерь мою, непрестанно к своему зломыслию, посылая ей дары различные, яко единой от наложниц, дабы аз от печали живот погубил; но едва не возмог лестию преклонися к обаянию и чародеянию и сотвори действием и обаянием ее дщери моей возбеситесь и бегати, на отца и мать плевати».

Любовь Мазепы не была продолжительна; отринутая Мазепой и родными, Матрена умерла от горя.

Мазепа был и женат, но о жене его только известно, что она была вдова какого-то заднепровского шляхтича Фридрикевича; по край-

ней мере, не раз встречаются в архивных бумагах известия о пасынке Мазепы, Криштофе Фридрикевиче.

Мазепа был росту среднего, смугл, худощав, имел небольшие черные, огненные глаза, брови густые, взор гордый и суровый, улыбку язвительную, усы воинственные.

Феофан Прокопович, знавший лично Мазепу, описывает его следующим образом: «Мазепа был скрытен и осторожен в величайшей степени; но когда надо ему было выведать какую тайну, он прикидывался откровенным и в подобных случаях прибегал обыкновенно к вину, притворялся пьяным, нападал на хитрых людей, выхвалял чистосердечных и неприметным образом доводил разгоряченных вином до откровенности».

Намереваясь присоединить вновь к Польше Малороссию и зная, как жители этого края не любили поляков за вводимую ими унию, он стал оказывать мнимое усердие к православию, созидал каменные церкви, снабжал разные монастыри и храмы богатыми утварями; любочестие Мазепы доходило до того, что он на колоколах, иконостасах, окнах церквей

и в алтарях ставил изображение своего герба.

На одних царских воротах в Киеве, по словам Бантыш-Каменского[187], в начале царствования Елисаветы Петровны еще виднелся портрет Мазепы. Обманывая набожностью малороссиян, он отдалял у них всякое подозрение к отступничеству от русских. Когда нужно было ему бездействие, то он притворился тяжело больным и дряхлым; доктора не покидали его ни на одну минуту, и он лежал в постели, обложенный пластырями и мазями, и стонал, и говорил языком полумертвого человека.

Притворные его страдания иногда увеличивались до того, что он прибегал и к кощунству. Так, не желая участвовать в военном совете и идти с войском на подкрепление к Шереметеву, он слег в постель, не поворачиваясь в ней без помощи слуг и просил киевского митрополита Иоасафа пособоровать его маслом.

Долго Мазепа прикрывался мнимой своей верностью к царю и усердием к престолу русскому, и когда Ян Собеский, хан Крымский и Станислав Лещинский старались в разное

время преклонить его в свою сторону, он оставался непоколебимым и отправлял в Москву привезенные ими бумаги.

Петр не раз награждал Мазепу по-царски; жаловал его кафтанами на соболях, с алмазными запонками, саблями в драгоценных оправах и многими другими наградами.

Мазепа два раза был в Москве. В первый раз, 8 февраля 1700 года, он получил новоучрежденный орден Св. Андрея Первозванного – он был вторым кавалером этого ордена, и во второй – в 1702 году, для поздравления Петра с победой над шведами при Эрестфере. В 1703 году получил он от царя 1900 душ крестьян, а от польского короля Августа – орден Белого Орла.

Узнав о болезни Мазепы, в 1686 году государь посылал ему в Батуриин лекаря Романа Николаева и три года спустя – нового доктора, Яна Комнина. Мазепа находился в большом уважении у царя.

Во время проездов гетмана на дороге были расставлены для него по триста пятидесяти подвод. Каждый день отпускалось ему в Москве по восьми чарок вина двойного, по

полведра меда вареного, по ведру меда белого, по два ведра пива доброго. Свите были выдаваемы напитки особо.

Стряпчему Текутьеву велено смотреть, «чтобы гетман и всех чинов люди, имеющие с ним приехать, были во всяком удовольствии и челобитья о том великому государю не было». Два капитана с двадцатью четыремя стрельцами провожали Мазепу до границы украинской.

Осыпанный милостями Петра I, честолюбивый Мазепа завел связи с польским королем, которому обещал Украину, и наконец, запутавшись в своих собственных политических расчетах и боясь разоблачения своих планов, в 1706 году передался Карлу XII.

Изменническую присягу в верности королю шведскому Мазепа принял в Горках, местечке Могилевской губернии Оршанского уезда, на речке Проне.

По словам летописца, у старика Мазепы сверкали еще глаза, когда он вошел к королю. Его провожали генеральный обозный, судья, писарь, два есаула, несколько полковников и около тысячи казаков; перед ним несли зна-

ки его достоинства – бунчук и гетманскую булаву. Мазепа произнес королю речь на латинском языке; он просил его принять казаков под свою защиту, благодарил Бога за то, что король решился освободить Украину и от московского ига. После этого поцеловал руку короля и, как страдавший подагрой, получил позволение сесть.

Петр Великий очень огорчился изменою «нового Иуды», как назвал его царь, и немедленно было приказано избрать нового гетмана. Меншиков, взяв Батурин, обратил в пепел прекрасный дворец Мазепы. 12 ноября малороссийское духовенство в Глухове, в присутствии государя, предало вечному проклятию Мазепу и его приверженцев.

В тот же день вынесли на площадь набитую чучелу изменника. Прочитан приговор о преступлении и казни его; разорваны князем Меншиковым и графом Головиным жалованные ему грамоты на гетманский уряд, чин действительного тайного советника и орден Св. Апостола Андрея Первозванного и снята с чучела лента. Потом бросили палачу изображение изменника; все топтали его ногами, и

палач тащил чучелу на веревке по улицам и площадям городским до места казни, где и повесил.

Вскоре, к чувствительному огорчению изменника, князь Голицын овладел Белою Церковью и вместе с тем всеми сокровищами Мазепы, простиравшимися до двух миллионов; скрытое в Печерском монастыре богатство Мазепы также досталось русским.

После Полтавской битвы Мазепа бежал с Карлом XII в Бендеры, и когда потребовал Петр от султана его выдачи, 22 сентября 1709 года Мазепа отравился. Приняв яд, Мазепа велел сжечь при себе все бумаги, находившиеся в его ларце. «Пускай один я буду несчастлив, – сказал он, – а не многие, о которых враги мои, может быть, и не думали или думать не смели; но судьба жестокая все разрушила на неизвестный конец!»

На третий день происходили похороны его тела. Впереди шли музыканты, за ними один штаб-офицер нес гетманскую булаву; несколько казаков с обнаженными саблями окружали дроги, запряженные в шесть белых лошадей; за гробом следовали многие казач-

ки-плакальщицы.

Старшины и рядовые с опущенными знаменами и обращенными вниз ружьями оканчивали шествие. Тело Мазепы предано земле в Варнице, близ Бендер; имя Мазепы, прокли-наемое церковью, сделалось нарицательным каждого изменника. После дом Мазепы в Москве принадлежал брату царицы Евдокии Феодоровны – Абраму Феодоровичу, известному ненавистнику иностранцев, оскорблявше-му Лефорта даже в присутствии царя.

Шведский резидент Кохен рассказывает, что однажды, когда государь обедал у Лефор-та, в жару спора Лопухин стал поносить Ле-форта самыми непристойными выражения-ми и наконец схватился врукопашную и в драке сильно измял прическу первого адми-рала. Петр сейчас же вступился за своего лю-бимца и наказал дерзкого драчуна несколь-кими пощечинами.

В первое время по женитьбе государя на Лопухиной все ее родственники пользова-лись расположением и вниманием царя. Сва-дьба царя на Лопухиной была, по рассказам придворных, предназначена еще царицей На-

гальей Кирилловной.

Обряд венчания совершался не в Благовещенском соборе, а в небольшой придворной церкви Свв. Петра и Павла; венчал царя протопоп Меркурий.

По случаю этого брака все родственники царицы были пожалованы царем в почетные звания и наделены дарами. Отец царицы Евдокии, Илларион Абрамович, после бракосочетания дочери был переименован царем в Феодора. В первое время после женитьбы царь жил с женою в согласии, но спустя восемь лет Петр охладел к своей жене. Чем провинилась царица перед супругом – остается тайною посейчас.

Предполагать надо, что Евдокия Феодоровна охладела царю оттого, что мучила его своею ревностью и упреками за привязанность к иностранцам. Трудно согласиться, чтоб без важных причин Петр решился заточить свою супругу в Суздальский Покровский девичий монастырь. Царица Евдокия не признала осуждения царя и через несколько недель после пострижения сняла монашеское платье и надела мирское.

Здесь явился Степан Глебов, красавец собой, сострадавший бедствиям царицы; он начал ухаживать за ней, дарил ее парами и соболями; приближенные царицы помогали ему. Только когда началось дело царевича Алексея, царь узнал о Глебове и делал Евдокии с ним очную ставку на генеральном дворе и не пощадил царицу, приказав подтвердить сознание собственноручным подписом.

Покровский монастырь считается неблагонадежным местом ссылки, и Евдокия переводится в Новоладожский монастырь, где, под страхом смертной казни, с ней запрещается говорить. Ссылка ее в Ладожский монастырь была известна только немногим, и в народе даже говорили, что она сожжена в Петербурге во время пожара на Конюшенном дворе в 1721 году.

В это же время и брат ее, Абрам Феодорович, был привезен в оковах вместе с другими несчастными, прикосновенными к делу царевича, в Петропавловскую крепость, и 9 декабря 1718 года над ним был исполнен смертный приговор.

Лопухин был казнен последним. Гордый

брат царицы принял смерть бесстрашно: смело вошел на эшафот, перекрестился и положил голову на плаху. Он все время был верен своим убеждениям и, негодуя на нововведения царя, упорно воздерживался от дел, отстранялся от службы и отказывался от должностей.

Три года спустя после этих казней Бергхольц еще видел на площади шести с воткнутыми на них головами.

После смерти Петра Екатерина I приказала перевезти царицу Евдокию Феодоровну в Шлиссельбург и заточила ее в тесную каморку.

Бергхольц пишет, что в 1725 году, обозревая внутреннее расположение Шлиссельбургской крепости, он приблизился к большой деревянной башне, в которой содержалась Лопухина. «Не знаю, – говорит он, – с намерением или нечаянно вышла она в это время прогуливаться по двору. Увидя меня, она поклонилась и громко говорила, но слов за отдаленностью нельзя было расслышать».

Со вступлением на престол юного Петра II царица была возвращена из ссылки. Трога-

тельно было свидание бабки с внуком; царица заливалась слезами и целый час не могла промолвить слова.

Измученная горем царица тяготилась придворной жизнью и вскоре переехала в Москву и поселилась там в Вознесенском девичьем монастыре. При ней был составлен особый двор и назначен гофмейстером Измайлов. Она умерла шестидесяти двух лет, в 1731 году, и погребена в этом же монастыре; на гробнице ее следующая надпись: «1731 года, месяца августа, 27-го числа, преставися раба Божия государя царя, перваго императора Петра Алексеевича, супруга его первая Евдокия Федоровна, родилась 17..., в монахинях Елена».

Такою же несчастною судьбою отличалась в елисаветинское время и Наталья Федоровна Лопухина, бывшая замужем за двоюродным братом Евдокии. Наталья Федоровна – дочь генерала Балк-Полева; по словам современников, она затмевала красотой всех придворных дам и даже возбудила зависть самой царевны Елисаветы. Толпа поклонников окружала ее; с кем танцевала она, с кем говорила,

на кого посмотрела, тот считал себя уже счастливейшим из смертных.

Из всех поклонников у ней был один только, который обращал внимание Лопухиной, это граф Левенвольд; счастливец этот состоял камергером Высочайшего двора при Екатерине I. Левенвольд был первым вельможею в свое время, отличался щегольскою одеждою и великолепными праздниками и вел большую картежную игру. В государственные дела он не вмешивался, но при правительнице Анне Леопольдовне против воли принял участие в важнейших делах; когда Елисавета вступила на престол, в тот же день Левенвольд был заключен в крепость и предан суду; его приговорили к смертной казни, но Елисавета смягчила наказание лишением чинов, орденов, дворянства, имения и ссылкой в Сибирь, куда последовала за ним и его жена. Манштейн говорит, что Левенвольд перенес свое несчастье с удивительною твердостью.

Князь Шаховской, которому поручено было отправить его в место ссылки, отзывается иначе. «Лишь только я вступил в темную и пространную казарму, — говорит он, — вдруг

неизвестный мне человек обнял мои колени и весьма в робком виде, в смущенном духе говорил так тихо, что нельзя было вслушаться в слова его: всклоченные волосы, седая борода, бледное лицо, впалые щеки, оборванная неопрятная одежда его внушали мне мысль, что это какой-либо мастеровой, содержащийся под арестом. „Отдалите этого несчастного, – сказал я сопровождавшему меня офицеру, – и проводите меня, где находится бывший граф Левенвольде“. – „Он перед вами“, – отвечал офицер.

Тогда живо представились воображению моему долговременная служба его при дворе, отменная к нему милость монаршая, великолепные палаты его, где он, украшенный всеми орденами, блистал одеждою и удивлял всех пышностью».

По словам Дюка де Лириа, Левенвольд возвысился посредством женщин, едва верил бытию Бога и жертвовал всем для достижения своей цели. Но вместе с тем он был умен, великодушен, благороден в поступках, обходителен и умел придать блеск празднествам императрицы. Левенвольд умер в ссылке в

1758 году.

Со ссылкой в Сибирь Левенвольда негодование и досада овладели сердцем Натальи Лопухиной, она отказалась от всех удовольствий, посещала только одну графиню Бестужеву, родную сестру графа Головкина, сосланного также в Сибирь, и, очень понятно, осуждала тогдашний порядок вещей. Этого было достаточно; двое приближенных Елисаветы, князь Никита Трубецкой и граф Лесток, ради своих планов стали искать несуществующий заговор против императрицы в пользу младенца Иоанна! Агенты Лестока – Бергер и Фалькенберг – напоили в одном из гербергов подгулявшего юного сына Лопухиной и вызвали его на откровенность; Лопухин дал волю языку и понес разный вздор.

Из этого вздора Лесток составил донос или, лучше, мнимое Ботто-Лопухинское дело. Лесток и Трубецкой старались замешать в это дело бывшего австрийского посла при нашем дворе маркиза Ботта д'Адорна, который был в хороших отношениях с Лопухиной, и выставить его как главного зачинщика. Концом процесса было присуждение Лопухиных: Сте-

пана, Наталью и Ивана бить кнутом, вырезать языки, сослать в Сибирь и все имущество конфисковать.

Казнь Лопухиной описывает аббат Шапдатрош.

Казнь происходила на Васильевском острове, у здания Двенадцати коллегий, где теперь университет. Наталья Федоровна Лопухина пострадала очень от наказания, потому что отбивалась из рук палача. Лишившись части языка, она могла объясняться впоследствии только с теми, кто довольно привык к звукам ее голоса. При казни Лопухиной палач, когда вырвал ей часть языка, громко крикнул, обращаясь с насмешкой к народу: «Купите, дешево продам».

В ссылке вместе с мужем и сыном она пробыла восемнадцать лет; возвращена она оттуда в 1762 году императрицею Екатериною II и снова жила в высшем свете, где уже толпа любопытных, а не поклонников окружала ее. Она умерла в 1763 году, за пять лет до смерти Лопухина, из лютеранства перейдя в православие.

В екатерининское время в Бахметьевском

переулке, в приходе Успения на Могильцах, стоял дом бригадира Н. А. Сумарокова, приходившегося племянником известному в летописях нашей литературы А. П. Сумарокову.

Дом этого бригадира отличался всеми затеями прошлого барства и с утра до вечера кишел гостями и многочисленной челядью. Владелец богатых имений в Пензенском и Калужском наместничествах и более 3 тысяч душ крестьян, Сумароков жил каким-то владетельным князьком. Так, отличаясь набожностью, он выходил из дому в церковь с особенною торжественностью, окруженный своим семейством и большой свитой гайдуков, гусаров, лакеев и женской прислуги, сопровождавшей его жену и дочерей. Такие выходы Сумароков совершал из своего дома к церкви Св. Николая в Столпах, где погребены многочисленные родственники его фамилии. У Сумарокова был большой хор своих певчих, одетых в богатые парчовые кафтаны; хор этот славился стройностью своего пения; им одно время управлял славный композитор Галуппи.

Род Сумароковых был известен еще в XVI

столетии; родоначальником его считается ученый иностранец, «зело искусный в землемерии», происхождением швед.

Из потомков его первый известен комнатный стольник царя Алексея Михайловича, Иван Богданович, отличавшийся необыкновенною силою и охотничьею удалью: он неоднократно вступал в единоборство с рассвирепелым медведем, и раз, когда на охоте царю Алексею Михайловичу угрожала опасность, он в одно мгновение заслонил царя, принял зверя на рогатину и распорол ему живот ножом.

Этот Сумароков носил прозвище Орел – за свою лихость. Во время правления царевны Софьи мятежники, заговорщики против Петра, посадили Сумарокова в казематы в Девичьем монастыре, истязали там пытками, желая склонить его на свою сторону, и, подстрекая тайно убить брата Петра, царя Иоанна, говорили: «Орел, убей ты нам того орла, который часто летает на Воробьевы горы». У царя Иоанна на Воробьевых горах был любимый летний дворец, который он очень любил и часто живал там. Измученный пытками, вер-

ный присяге Иван Сумароков не вынес страданий и под истязаниями скончался в одном из застенков Девичьего монастыря.

Меньшой его брат, Панкратий, был вызван впоследствии Петром из каширского имения и записан в «потешные». По преданию, Панкратий был такой же красавец, как и его брат, и не было той красавицы на Москве, которая не сходила бы с ума от любви к нему.

Женитьба последнего отличалась романтической подкладкой: он увез у богатого и гордого боярина Зиновьева единственную его дочь-красавицу. На этот увоз сам царь посмотрел вначале грозно, но, залюбовавшись на красоту новобрачных, простил их и вдобавок еще подарил им богатые пензенские вотчины.

Когда родился сын у Сумарокова, Петр, то он уже не числился в потешных, а был по документам стряпчим с ключом. Петр Панкратьевич Сумароков с самого младенчества был благодетельствован царем – Петр Великий сам крестил его и пожаловал ему на зубок тысячу душ. Он служил в гражданской службе и умер действительным тайным советником.

Крестник царя, Петр Панкратьевич, жил в своих богатых имениях по-барски; он был женат на П. И. Приклонской, у него было три сына и четыре дочери. При разделе их богатое имение отца распалось на семь частей и потом пошло дробиться до бесконечности. Над потомками его тяготел какой-то несчастный фатум.

Две его дочери были очень несчастливы в замужестве. Муж одной из них был в свое время известный всей Москве скряга, которого родной брат жены его, Александр Петрович, заклеил именем Кащея и осмеивал в своих комедиях и сатирических песнях, нанимая фабричных петь эти песни под его окнами. Муж другой был тоже крайне недобропорочный человек. Две другие дочери также были очень несчастливы, и одна из них с горя даже помешалась.

Но особенно преследовала судьба потомков старшего сына, Василия. Сам он еще пользовался почетом и хорошим достатком; чин его был генеральский, и занимал он должность президента московской берг-коллегии. По делам службы он жил постоянно в Москве

и именьями занимался мало, поручив управлять ими ловкому и хитрому мошеннику, при котором соседями, от которых он брал взятки, и было отрезано имение по частям при генеральном размежевании.

В то время, по рассказам, отрезку земли от прежнего владельца делали очень нехитро, закормив и подарив землемера. Помнившие генеральное размежевание описывали его так. Выедет, бывало, богатый помещик в поле вместе с землемерами, в длинной линейке в шесть лошадей, с двумя форейторами да с вершниками в охотничьих кафтанах, и едет он вокруг своей дачи по смежным землям, которые задумалось ему захватить. Остановится где надо. Народ и смежные владельцы собраны. Землемер и закричит: «Слушайте, господа и народ православный, вот эта вся земля, по которой мы едем, принадлежит этому владельцу», то есть тому, с кем он сидит. «Помилуйте, батюшка, — плачут крестьяне, — эта земля с исстари наша или такого-то помещика». — «Вздор! — закричит землемер. — Это неправильно, я вижу по писцовым книгам, что земля принадлежит ему, и как мне закон

велит, так я отрежу». Бедный человек, у которого отрезали землю, идет домой и кулаком утирает слезы, а богатый на той же меже с землемером и своими приспешниками задает пир горой. Часто случалось, что какой-нибудь сильный вельможа, отрезавший землю у бедняка, дарил землемеру за это только какого-нибудь иноходца или немудреного рысачка своего завода.

У этого Василия Сумарокова был сын Платон, служивший в межевой канцелярии; последний был пристрастен к крепким напиткам и впоследствии сошел с ума; в числе его пяти детей известен по своей печальной судьбе Панкратий Платонович, поэт и издатель многих журналов в свое время. Панкратий Сумароков до двенадцати лет жил в деревне, потом был взят в Москву, в дом своего родственника, генерал-майора И. И. Юшкова, проживавшего в приходе Флора и Лавра, на Мясницкой улице; здесь он получил блистательное образование с полным знанием нескольких языков. Когда ему исполнилось восемнадцать лет, его отвезли в Петербург и записали в Конногвардейский полк; через год

он был уже корнетом гвардии, что в те времена составляло огромный шаг; через два года после того в Петербурге разнесся слух, что гвардейские офицеры подделывают ассигнации, – слух этот возник вследствие обыска, сделанного в квартирах трех офицеров. Фальшивых ассигнаций при обыске не было найдено, но один из них признался в сбыте фальшивой бумажки.

Наряженная военно-судная комиссия нашла, что это не была подделка ассигнаций, а простой рисунок бумажки, набросанный пером на обыкновенной почтовой бумаге. Началось разбирательство, и вот подробности этого дела. Сумароков сидел больной дома и скуку развлекал рисованием копии с гравюры пером, в это время пришел к нему товарищ по полку, Куницкий, и долго любовался его мастерской работой, наконец сказал:

– Что за страсть марасть бумагу и портить глаза?

Между тем как они разговаривали, вошел человек просить денег на покупку провизии. Сумароков достал бумажник, в котором было несколько ассигнаций, и дал ему одну из них.

– Вот, – сказал Куницкий, – если бы ты рисовал ассигнации, тогда бы ты точно придавал цену бумаге и я бы согласился, что ты делаешь дело. Впрочем, я готов биться об заклад, что, несмотря на все твое искусство в рисовании, у тебя не достанет искусства нарисовать ассигнацию.

– Похожее на ассигнацию сделать легко, – сказал Сумароков, взял ассигнацию и принялся ее срисовывать, желая доказать своему товарищу, что это не так мудрено для него, как он думает.

Роковая ассигнация была готова. На дворе стало смеркаться. Куницкий зашел опять к Сумарокову, и тот показал ему нарисованную им ассигнацию.

– Неужели это ты нарисовал? – спросил Куницкий, подойдя к окну и рассматривая подделку. – Естественно, очень естественно, признаюсь, я от тебя не ожидал этого и теперь согласен, что ты большой мастер рисовать.

– Подай же ее назад, – сказал Сумароков, – я сейчас велю зажечь свечку, и мы сожжем ее.

– Нет, братец, позволь мне ее рассмотреть

получше на дворе: там светлее, я здесь хорошо не вижу, – и, не дожидаясь ответа, Куницкий вышел из комнаты.

Проходит десять минут – он не возвращается; Сумарокова начинает брать беспокойство. Он посылает человека на двор поискать Куницкого. Проходит час, Куницкого нет. Сумароков приходит в отчаяние; наконец часа через два является Куницкий, завернутый в лисий мех. Сумароков спрашивает, где он взял эту обновку.

– Не правду ли я говорил, – говорит Куницкий, – что гораздо выгоднее рисовать ассигнации, чем картинки?

Тут он рассказал, что был в Гостином Дворе, где, купив лисий мех, воспользовался темнотою лавки и отдал за него ассигнацию, которая была нарисована совсем не для такого употребления. Легко себе представить испуг Сумарокова: он бранил товарища, просил его, чтобы он указал ему лавку, в которой он обманул купца, но товарищ, наскучив его упреками, ушел, сказав, что это все пустяки и об этом не надо думать.

На другой день пришел к Сумарокову дру-

гой его товарищ, Ромберг. Сумароков рассказал ему, как было все дело, и пошел вместе с ним к Куницкому, чтоб уговорить его идти выкупить ассигнацию. Но Куницкий боялся показаться купцу и сказал, что он действительно отказывается его отыскать, так как за ночную темнотою наверно не может отыскать лавку.

Несколько дней прошло в нерешительности и беспокойстве; но наконец беспечность юности и время уменьшили первый ужас. Тайна осталась между троими, и казалось, в самом деле нельзя было опасаться, чтобы она когда-либо открылась.

Купец, продавший мех Куницкому, тотчас, по выходе его, запер лавку, и ассигнация, которую он положил в ящик, осталась наверху прочих денег, полученных им во время торговли того дня.

Темнота не позволила ему хорошенько рассмотреть бумажку, но на другой день он ее узнал. Лицо последнего покупателя у него хорошо врезалось в памяти. Недели через две после этого происшествия Куницкий раз очень спокойно шел по улице; вдруг на пово-

роте, выйдя из-за угла, столкнулся нос с носом с обманутым им купцом. Тот останавливается, всматривается, узнает его, кричит: «Караул!» Куницкий струсил и пускается в бегство; его схватывают, спрашивают, кто он, и ведут к Михельсону, который в то время командовал полком.

Там он во всем признался. Посылают за Ромбергом и Сумароковым, и они подтверждают сказанное им, и их всех троих отправляют на гауптвахту. Судившая их комиссия не взяла в оправдание их молодость и не оправдала их, а приговорила к лишению всех прав состояния и ссылке на жительство в сибирские города: первого – как сбытчика фальшивой ассигнации, другого – как ее рисовальщика, третьего – как укрывателя преступления.

История эта наделала много шума в Петербурге. Местом жительства ссыльных был назначен Тобольск, где в то время был губернатором А. В. Алябьев. Последний взглянул на молодых офицеров не как на преступников, а как на странников, занесенных несчастьем в край чужой и далекий; он доставил им пол-

ную свободу, а Сумарокову дал возможность заниматься науками и литературой, в которой последний еще в Петербурге делал стихотворные опыты.

При обыске квартиры Сумарокова, в числе некоторых его литературных произведений, были найдены сатирические стихи на одного из начальствующих лиц – командира полка. Эти-то стихи, как носились тогда слухи, много повредили исходу его дела. Сумароков в Тобольске стал издавать журнал «Иртыш», превратившийся в «Иппокрену»[188] и потом в «Библиотеку ученую, экономическую, нравоучительную, историческую и увеселительную»; она состояла из двенадцати довольно объемистых книг.

В 1799 году он выпустил первый том своих стихотворений. Но, несмотря на все эти занятия, родина все мечталась невинному изгнаннику. В 1801 году он написал Александру I просительное письмо и получил прощение. Возвратившись в Россию, он поселился в деревне своей в Тульской губернии, где не покидал своих литературных трудов и в 1803 году издавал «Журнал приятного, любопытного

и забавного чтения», а в 1804 году начал было издавать с Карамзиным «Вестник Европы», но вскоре занемог и бросил его. Панкратий Сумароков умер в 1814 году, на сорок девятом году от рождения[189].

Средний сын крестника Петра был известен в летописях нашего театра. Александр Петрович родился в 1718 году в городе Вильманстранде, в Финляндии. Драматические произведения Сумарокова теперь преданы забвению, но было время, когда смотрели на них как на гениальные произведения.

Александр Петрович Сумароков был горд, раздражителен и самолюбив до крайности; самолюбие его происходило не от пустой самоуверенности в своем таланте, но от успехов, какие он имел тогда на театре, от внимания самой императрицы и от похвал Вольтера.

Трудно обвинять в самолюбии и гордости человека, которому рукоплескали образованные люди тогдашней эпохи.

Он жил в Москве, на Кудринской площади, и часто его видели, как он отправлялся пешком в кабак через Кудринскую площадь, в бе-

лом шлафроке, а по камзолу через плечо – Анненская лента.

Современники видели в нем только человека беспокойного, неуживчивого и смешного. Невозможно было удержаться от смеха, говорит один из них, видя перед собою высокого, стройного мужчину, довольно приятной наружности, щегольски разодетого, беспрестанно суетящегося, готового из-за всякой безделицы рассердиться до невозможности.

В обоих карманах камзола у него лежал нюхательный табак: он то из одного, то из другого вынимал его горстями, поспешно нюхал и обильно посыпал им свой щегольской наряд, и в особенности тонкие кружевные манжеты.

Трудно было также удержаться от смеха, как этот господин из пустяков выходил из себя, топал ногами, кричал и прочее. Особенно недолго любил Сумароков подъячих и полицейских чиновников.

Раз на подмосковной даче Волынского, в Троицын день, простой народ веселился, пел и гулял. Полиция вздумала вмешаться и унижать развеселившихся мужичков и грубо рас-

талкивать их. Сумарокова это сильно раздосадовало; он вскочил на какую-то скамейку и закричал полицейским: «Наша матушка бережет народ, а вы что тут вздумали озорничать!» Приятели еле могли его увести.

Он долго не мог успокоиться и все твердил: «Да разве можно позволять полиции так расталкивать народ! Ведь это такие ж люди, как и мы». Он, например, не мог хладнокровно слышать, если в каком-нибудь доме прислугу называли «хамовым отродьем». Стоило только сказать эти два слова, как он весь краснел и, забывая в досаде проститься с хозяевами, бежал вон из дома.

Сумароков не боялся сильных вельмож тогдашнего времени. Он много перенес от своего бешеного, неукротимого, но при всем том доброго и великодушного характера. Сумароков умер в бедности в Москве; никто из родных его не пришел отдать ему последнего долга, за исключением только одного дальнего родственника, Юшкова; похоронили его московские актеры на свой счет; могила его на кладбище Донского монастыря – ее отыскать нельзя, в ней лежит другой покойник.

Женат Сумароков был два раза: в первый раз на бывшей фрейлине Екатерины, когда последняя была еще великой княгиней; второй раз Сумароков был женат чуть ли не на своей кухарке.

В сочинениях Сумарокова есть сторона очень важная и любопытная: это взгляд на любовь и женщину. Женщина русская, только что выпущенная из терема, была в XVIII веке еще странным явлением в обществе, несмотря на стечение многих благоприятных обстоятельств. Каковы были по большей части женщины того времени – мы можем судить по современным запискам, например хоть по письмам леди Рондо. Преобладающих типов было два: щеголиха и не совсем еще освободившаяся от идей XVII века женщина.

Оба типа выводимы были много раз Сумароковым, например: Деламида (в «Пустой ссоре») и Минодора («Мать совместница дочери»), щеголиха и Хавронья (в «Рогоносце по воображению») – совершенно старорусская барыня.

Так представлял Сумароков отрицательные женские типы; но у него есть стремление

представить и положительный тип.

Такой тип он представлял в своих трагедиях и, разумеется, создал тип идеальный, в котором преобладает нежность и вместе с тем верность долгу, так что часто драма происходит от столкновений этих чувств.

Выводя в трагедиях женщину, Сумароков изображает и любовь. Любовь в его представлении отзывается большою сентиментальностью. Причина понятна, и происходило это, разумеется, большею частью вследствие подражания, а подражать в этом случае приходилось потому, что действительность была слишком далека от идеала.

Поэтому не удивительно, что героини трагедий Сумарокова, как и Озерова, отзываются Расином, а пастушки – Фонтенелем.

Известен в летописях дворцовых событий XVIII века еще Петр Спиридонович Сумароков (родился в 1705 году, умер в 1786 году). В начале своей карьеры он служил камер-юнкером у гольштинского герцога, после был посылаем в Митаву Ягужинским и врагами Долгоруких уведомить герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну, что она может принять условия

верховников, а при восшествии на всероссийский престол их уничтожить. Сумароков хотя и успел исполнить поручение, на обратном пути был, однако, задержан князем Василием Лукичом Долгоруким, закован в кандалы и чуть ли не наказан батогами и освобожден был только прибывшею в Москву императрицею Анною Иоанновною. Несмотря на свое усердие, он не был любим императрицею.

Эта нелюбовь объясняется тем обстоятельством, что Сумароков служил при ненавистном ей гольштинском дворе. Сумароков был впоследствии обер-шталмейстером, при Елизавете и Екатерине II, и, кроме этого, состоял директором Шляхетного кадетского корпуса.

Сумароков был также в вечной вражде с Орловыми и в силу этого обстоятельства жил всегда, как недовольный двором, в Москве. Дом его в Москве был недалеко от Лубянской площади и отделан был роскошно; владелец его обладал очень хорошим минералогическим кабинетом, в числе редкостей которого был огромный кусок магнита, державший двухпудовый якорь. Магнит этот был подарен ему Никитой Акинфиевичем Демидовым. По

смерти Сумарокова эта диковинка была поднесена императрице Екатерине II.

Вознесенский монастырь. Литография О. Кадоля. 1830-е

Вид Тверской улицы. Литография О. Кадо-
ля. 1830-е

Глава XXIII

Бульварная Москва допожарной эпохи.

В первых годах нынешнего столетия в Москве появились сатирические стихотворения, написанные на тогдашнее общество; обыкновенно стихи эти или, вернее, вирши затрагивали излюбленные места прогулок москвичей: вокзал, Тверской бульвар и Пресненские пруды. Тогда в Москве существовал только один бульвар – Тверской, насаженный березками. Позднее березки заменили липами и устроили другие бульвары уже после нашествия французов.

На бульвар и в другие места в то время являлись москвичи каждый день. Гуляли они, держа шляпы под мышкою, потому что высокая прическа, пудра, помада и шпильки, особенно у дворян, следовавших законам моды, так отягчали и парили головы, что невозможно уже было, особенно летом, ходить с накрытой головой.

Купцы и нечиновный люд стояли рядами по бульвару, не сближаясь с аристократией; у купцов, ходивших в немецком платье, на шляпах были темные кокарды, у дворян – с такими же пуговками светлые. Вельможи носили чванливо звезды на плащах, камзолы их были по большей части красные, с позументами, с раззолоченными ключами на спинах. Орденские знаки и ленты в то время не покидали, даже когда езжали в баню.

Встречались тогда на улицах во множестве и бригадиры в своих белоплюмажных шляпах; отставные военные носили панталоны из трико в обтяжку и высокие гусарские сапоги с кистями; на фраках были пуговицы золотые, воротники торчали высокие, жабо тоже большое, часовые цепочки две, со множеством огромных печатей; у некоторых были кожаные перевязи, а у большей части франтов виднелись в ушах серьги.

Молодежь ходила обыкновенно в очках, нередко сильно набеленная, нарумяненная и с насурмленными бровями; у некоторых из военных были приделаны искусственные плечи, чтобы казаться молодцеватее.

Чтобы прослыть модником, тогда нужно было иметь своих собственных лошадей с рыдваном, в котором иной повеса и катался целый день:

*С кладбища на сговор, с крестин
на погребень,
С бульвара на пруды, с прудов в
дворцовый сад... и т. д.*

В описываемую нами эпоху прекрасный пол появлялся на улице одетый в очень короткие платья, почти открытые, на зарукавьях были змейки, пояса находились очень высоко, почти у самой груди; косы в то время были обрезаны, головы завиты барашками. Некоторые модницы попадались с гребенками в курчавых волосах величиною до полуаршина; у пожилых дам волосы были взбиты башней и на лбу виднелось несколько мушек.

В первый раз уличная сатира коснулась москвичей в девяностых годах прошедшего столетия. В это время в Москве вошел в большую моду «английский вокзал». Последний стоял близ Рогожской заставы и Дурного переулка.

Место это теперь застроено домами, после

пожара 1812 года. Вокзал содержал иностранец Медокс, происхождением грек или англичанин.

В вокзале был устроен красивый летний театр; тут играли небольшие комические оперетки и такие же одноактные комедии. За представлением на театре следовал бал или маскарад, который заканчивался хорошим ужином; за вход в вокзал платили один рубль меди, а с ужином пять рублей.

По обыкновению, сюда стекалось до пяти тысяч человек и более. Вокзальный театр был подготовительным для молодых артистов: здесь они учились и испытывали свои способности перед публикою. Для открытия вокзала В. И. Майков сочинил небольшую оперу «Аркас и Ирика», к ней написал музыку Керцелли. Этот капельмейстер и композитор, как уже говорено было раньше, был глухой, но знал свое дело превосходно.

В этом вокзале часто гулял пленный шведский адмирал граф Вахтмейстер, взятый адмиралом Грейгом 6 июля 1788 года, близ острова Гохланда, вместе с семидесятипушечным кораблем «Prince Gustave».

Присутствие на гуляньях Вахтмейстера возбуждало самое нескромное любопытство. За ним бегали толпами женщины. На это неизвестным обличителем было написано следующее стихотворение:

*Умы дамски возмутились,
У всех головы вскружились,
Как сказали, что в вокзал
Будет шведский адмирал.*

Далее зоил пел:[190]

*Дочерей и внук толкают,
Танцовать с ним посылают:
«Пошла, дура, не стыдись,
С адмиралом повертись!»*

В песне также говорилось, что шведский адмирал весьма неосторожно сделал какой-то даме глазки. Здесь пиита уже впадал в оплошность. Граф Вахтмейстер был крив и не мог делать глазки.

Впоследствии императрица Екатерина II, рассердившись на шведского короля, приказала пленного адмирала взять из Москвы и отослать в Калугу.

На этот вокзал была сложена еще другая

песенка, в которой была воспета какая-то «знатная и многолетняя богатая барыня», которая мастерски переманивала женихов от невест. В песне говорилось, что «она сперва приголубливала их сама, а потом, скучая то тем, то другим, впоследствии выдавала их за таких невест, за каких хотела, со своим приданым», и т. д.

Автором этих стихотворений в то время называли молодого Мамонова, только не графа М. А. Дмитриева-Мамонова, а служившего под его начальством; тогдашний московский главнокомандующий граф И. В. Гудович посадил Мамонова под арест. Это взорвало Дмитриева-Мамонова, и он в сенате, после заседания, наговорил дерзостей Гудовичу; последний пожаловался на него императору. Впоследствии стихи эти приписывали одному молодому военному красавцу, сатира которого в то время заставляла трепетать многих и отворяла ему двери во все дома, со многими привилегиями.

Тогда считали благоразумнее обезоружить автора гостеприимством, чем мстить или бежать от него. Где появлялся этот красавец,

там, по словам современника, и настоящий поэт прижимался к углу.

Всякий боялся попасть в стихи к рифмоплету, который, пожалуй, навяжет ему жену дуру «Фетинью» или назовет в своих виршах и самого скотом. Про этого воина-красавца тогда все знали, что он не отличается нравственною чистоплотностью и что победы его самого мирного сорта у какой-то пребогатой графини, предавшейся ему и сердцем, и карманом. Тогда не проходило ни одного дня, в который бы этот ловелас не притащил от старухи бриллиантов или денег к зеленому столу и не поставил бы всего этого к ногам карточных дам.

Был у этого молодца и приятель, всегда готовый к его услугам; это был товарищ его по оружию; последний только и знал что дуэли; вечно зашнурованный рукав сюртука, два больших шрама, один на щеке, другой на бороде, свидетельствовали о его подвигах на таком бранном поприще. Кажется, намек о нем находим у графа Л. Н. Толстого, в его романе «Война и мир». Затем, позднее, авторами бульварного острословия были два известных

тогда в высшем обществе молодых человека, А. Д. Копьев и С. Н. Марин.

Первый из них был сын пензенского вице-губернатора Д. С. Копьева; говорили, что последний был еврейского происхождения, но верно только то, что он принадлежал к числу благородно мыслящих людей.

Про сына Копьева, которого тогда знала вся Россия, пишет князь Долгоруков[191], что он славился необыкновенным пострельством, был умен, остер, хороший писец, «ну, просто сказать, петля». Кто не помнит его бесчисленных проказ! Славиться такими проказами он стал почти в юношескую пору своей жизни.

Про него существует рассказ, что раз, в бытность свою в карауле во дворце, он побился об заклад с товарищами, что тряхнет косу императора Павла за обедом. И однажды, будучи при нем дежурным за столом, схватил он государеву косу и дернул ее так сильно, что государь почувствовал боль и гневно спросил, кто сделал. Все были в испуге. Один он не смутился и спокойно отвечал:

– Коса вашего величества криво лежала, я

позволил себе выпрямить ее.

– Хорошо сделал, – сказал государь, – но все же мог бы ты сделать это осторожнее.

Тем все и кончилось[192].

Князь Вяземский рассказывает: в другой раз Копьев бился об заклад, что он понюхает табуку из табакерки, которая была украшена бриллиантами и всегда находилась при государе. Однажды утром подходит он к столу возле кровати императора, почивающего на ней, берет табакерку, с шумом открывает ее и, взяв щепотку табуку, с усиленным фырканьем сует в нос.

– Что ты делаешь, пострел? – с гневом говорит проснувшийся государь.

– Нюхаю табак, – отвечает Копьев. – Вот восемь часов уже дежурю; сон начинал меня одолевать. Я надеялся, что это меня освежит, и подумал лучше провиниться перед этикетом, чем перед служебной обязанностью.

– Ты совершенно прав, – говорит Павел, – но как эта табакерка мала для двух, то возьми ее себе.

Вигель говорит про Копьева, что он принадлежал к числу тогдашних молодых людей,

которые щеголяли безбожием и безнравственностью, но более в речах, чем в поступках, и это давало им вид веселого, но нестерпимого бесстыдства: Копьев же старался и их превзойти. Будучи офицером в Измайловском полку, он прославился насмешками над честным и довольно строгим, но не отличавшимся умом начальником своим – Арбеновым. Ему все сходило с рук по доброте этого начальника.

Репутация его как остряка и балагура дошла до князя Зубова; последний, по примеру князя Потемкина, имел свиту огромную, составленную из адъютантов, ординарцев и т. д. Он поместил при себе и Копьева, который в продолжение последних лет царствования Екатерины, пользуясь безнаказанностью, проказил немилосердно; Копьев был еще довольно молод, а молодости многое прощается. Проказничал же он более речами.

По вступлении Павла на престол Копьев остался без опоры со своими пресловутыми фарсами. Все тогда роптали на перемену мундирной формы по старинному прусскому образцу, и Копьев выкинул штуку: заказал себе

в преувеличенном виде все – ботфорты, перчатки с раструбами, прицепил уродливые кошу и букли и в этом шутовском наряде явился к императору, который, впрочем, удовольствовался тем, что виновного посадил на сутки под арест и велел отправить в драгунский полк, который стоял в Финляндии.

Анекдотов про Копьева была куча; он не унимался: по старой привычке не переставал врать и проказничать. Это ему даром не прошло, и он вскоре был разжалован в рядовые и записан в гарнизонный полк в Финляндии.

В бытность рядовым он влюбился в дочь одного богатого помещика; впоследствии император Павел сжалился над ним и приказал его отставить от службы с его прежним подполковничьим чином, но оставить его на жительстве в Финляндии.

В первые месяцы царствования Александра I он был возвращен из ссылки и сравнен с чинами его сверстников; ему прямо был дан чин генерал-майора.

В пожилых годах он отличался необыкновенною скупостью; как сам он, так и его люди были оборваны, в заплатках и засалены. Он

век проходил в зеленом фраке; тогда уверяли, что последний был сшит из остатков с бильярдных и что заметны были даже пятна, напоминающие места, где становились шары.

Рассказывали, что он, чтобы убедить крестьян своих внести ему разом годовой оброк, говорил им, что взнос будет последний, а что с будущего года станут они уплачивать все повинности и отбывать воинскую поставкою одной клюквы.

Копьев был известен не одними только остроумиями, но не менее также и худобою своей малокормленной четверни лошадей. Князь Вяземский рассказывает:

«Однажды ехал он по Невскому проспекту, а Сергей Львович Пушкин (отец поэта) шел пешком по тому же направлению. Копьев предлагает довести его.

– Благодарю, – отвечал Пушкин, – но не могу: я спешу».

Копьев был очень смугл, с черными выразительными глазами, которыми поминутно моргал; говоря, он несколько картавил и вместе с тем отчеканивал слова свои с каким-то особенным ударением. Он любил, как говори-

ли тогда, русить иностранные слова; он выдумал слово «апропее»; про лифляндских помещиков говорил он, что у кого из них более помещьев, тот и «фоннее».

Вигель говорит, что он всегда острил над семейными и супружескими добродетелями и для красного словца не щадил ни отца, ни матери, ни сестер, к которым, впрочем, как и к детям своим, был нежно привязан и жене своей верен и предан.

Особенно много доставалось от Копьева графу Хвостову; последний его иначе не называл, как «с позволения сказать». Копьев умер 5 июля 1846 года. Помимо множества сатирических стихотворений, которые писал он не для печати, известны его комедии: «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмарка», в пяти действиях, СПб., 1791 г., и «Что наше, та во нам и не нада», ком. в одном действии, СПб., 1794 г., затем «Княгиня Муха» и другие. Все эти пьесы были играны в свое время на театре с успехом. Брат его, М. Копьев, известен как переводчик многих романов.

Другой такой же светский шутник, веселый товарищ и образованный человек, вла-

девший стихом очень бойко, хотя писал довольно небрежно и мало для печати, был Сергей Никифорович Марин, преображенский офицер.

В бытность в Преображенском полку портупей-юнкером, Марин как-то на вахт-параде, на площади Зимнего дворца, проходя мимо императора Павла, сбился с ноги; государь прогневался и разжаловал его в рядовые. Спустя некоторое время стоял он на часах у проезда императора, государь заметил молодца-солдата, который отдал ему честь.

– Кто этот молодец?

Тогда ему доложили, что это разжалованный дворянин.

– Марин, – сказал государь, – поздравляю тебя прапорщиком, – и ударил его по плечу.

Марин оставался в роте его величества в Преображенском полку до смерти Павла. Впоследствии он был флигель-адъютантом Александра I и играл блистательную роль в кругу петербургской молодежи.

Еще в конце царствования Екатерины II и при Павле I стали появляться разные шуточные стихотворения его, по большей части па-

родии на известные тогда оды Ломоносова и Державина. Бóльшая часть его сатирических стихотворений посвящена описанию разных личностей; из числа таких стихотворений в свое время большою известностью пользовалась его ода на учителя истории в кадетском корпусе Гаврила Васильевича Геракова[193]. Марин был другом Ал. Львовича Нарышкина, в доме которого и жил почти безвыездно. Марин скончался тридцати шести лет от роду и похоронен в Невской лавре, на Лазаревском кладбище.

В старые годы в Москве, до появления Грибоедова и Пушкина, жадно переписывались сотнями рук сатирические стихотворения, написанные на Тверской бульвар, Пресненские пруды и т. д. Стихи эти не отличались литературными достоинствами, но злость и ругательства, как говорит князь Вяземский, современник той эпохи, тогда имели соблазнительную прелесть в глазах почтеннейшей публики.

Самыми популярнейшими в то время стихами были – на Тверской бульвар; вот образчики этого бульварного остроумия:

*Жаль расстаться мне с бульва-
ром!*

Туда нехотя идешь...

*Там на милых смотришь даром,
И утехи даром рвешь.*

*Везде группою прекрасны
Представляются глазам,
А сколь стрелы их опасны
И сколь пагубны сердцам.*

*Там в зелененьком корсете
Тихо Дурова идет,
Ее в плисовом жилете
Братец под руку ведет.*

*Оба нежно воздыхают,
И бульвар уж им не мил,
От любви они страдают,
Целый свет для них постыл...*

Д. П. Дуров, о котором здесь говорится, был владимирский и тамбовский помещик, оба – брат и сестра – отличались глупостью и большим суеверием, притом Дуров был еще большой охотник до всяких церемоний; про него известный поэт того времени, князь И. М. Долгорукий, написал комедию «Дурылов»

[194].

Далее бульварный песнопевец рисует большого франта Ив. Андр. Евреинова, богатого московского домовладельца, вышедшего из купечества, имевшего два дома на Тверской улице, где теперь дома Мамонтова и Фирсанова.

*К ним Евреинов прекрасный
Тож под пару подстает,
Женщин милых враг опасный,
Склоня голову, идет...*

Евреинов служил в главном кригс-комиссариате; он был большой Дон Жуан своего времени, ходил вечно раздушенный и накрашенный. Позднее его изображение находим и у Долгорукова, в его сатире. Вот и пятистишие по его адресу:

*..... Душистый автомат,
Ходячий косметик, простеган
весь на ватке,
Мурашки не стряхнет без лайко-
вой перчатки,
Чинится день и ночь, напудрен-
ный скелет,
Поношен как букварь и стар как*

этикет!

Евреинов был из числа тех «бульварных лиц», по выражению Грибоедова, «которые полвека молодятся».

Следуя далее, в бульварной сатире находим изображения и других известных личностей того времени:

*Вот Анюта Трубецкая
Слома голову бежит,
На все стороны кивая,
Всех улыбками дарит.*

*За ней дедушка почтенный
По следам ея идет,
Покой внучки драгоценной
Пуще глазу бережет.*

*Ветерок ли тихо веет —
Он платочком заслонит,
Или солнце жарче греет —
Он от жару защитит.*

Трубецкой, князь Сергей Николаевич, отставной генерал-поручик, жил на Покровке; дом князя, по странной архитектуре, называли «дом-комод», а по дому и все семейство

Трубецких – «Трубецкие-Комод». Князь Вяземский[195] говорит, что Москва тогда особенно славилась прозвищами и кличками своими (этот обычай, впрочем, встречался и в Древней Руси). Так, был в Москве князь Долгоруков «Балкон», прозванный так по сложению своих губ. Был князь Долгоруков «Каламбур», потому что он каламбурами так и сыпал. Был еще князь Долгоруков l'enfant prodigue[196], который в течение немногих лет спустил богатое наследство, полученное от отца. Дочь его была прозвана:

*Киргизкайсацкая царевна,
Владычица Златой орды,*

потому что в ее красивом и оживленном лице было что-то восточное. Была еще красавица княгиня Масальская (дом которой был на Мясницкой) la belle sauvage – прекрасная дикарка. Муж ее – «Князь-мощи», потому что он был очень худощав.

Затем известен был в Москве Раевский, уже довольно пожилых лет, которого не звали иначе, как «Зефир-Раевский», потому что он вечно порхал из дома в дом. Наезжал еще

в Москву помещик Сибилев, краснолицый и очень толстый, который являлся безмолвно на бульварах и имел привычку в театрах ходить по ложам всех знакомых, что тогда не принято было в свете. По красноте лица и круглой его фигуре он был назван «арбуз», а по охоте его лазить по ложам – «ложелаз»; последняя кличка была смешнее: она напоминала ловеласа, на которого Сибилев был совсем не похож.

Был еще князь Трубецкой по прозвищу «Тарара», потому что это слово было его любимая и обыкновенная поговорка. Существовал еще один Василий Петрович, которого все звали Василисой Петровной. Были на Москве баре, которых называли одного неаполитанским королем, а другого польским; первый был генерал Бороздин, имевший много успехов по женской части, второй был Ив. Никол. Корсаков, один из временщиков царствования Екатерины II, прозванный за то королем польским, что всегда по жилету носил ленту Белого орла.

Далее бульварный борзописец пел:

А за ними адъютантом

*Князь Голицын там бежит.
С камергерским своим бантом
Всех нас со смеху морит.*

Этот князь Голицын, в конце минувшего и начале нынешнего века, славился своими забавными и удачными карикатурами на тогдашнее общество; в молодую свою пору он был соперником Карамзина по части сердечных похождений.

По рассказам одного из современников [197] нашего историографа, последний, проживая в описываемые нами годы в Москве, вел образ жизни, общий всем молодым людям: вставал рано, в 6 часов утра, одевался тотчас если не во фрак, то в бекеш, в сюртуке его редко видали, и шел в конюшню, смотрел свою верховую лошадь, заходил в кухню поговорить с поваром, затем возвращался в кабинет и занимался там до 12 часов, завтракал и потом ехал верхом, обыкновенно по бульварам; здесь встречали его друзья, и они ехали вместе. Ни в какое время года – ни осенью, ни зимою, ни в дождь, ни в ветер – прогулка эта не прерывалась. Зимою костюм Карамзина был следующий: бекеш подпоясывалась крас-

ным шелковым кушаком, на голову надевалась шапка с ушами, на руки – рукавицы, на ноги – кенги[198]; так что ноги с трудом входили в стремяна. Прогулка длилась час. В гости он ездил редко и то к людям самым близким. Говорил Карамзин тихо, складно, в спорах не горячился. Взгляд его на вещи был добрый и снисходительный, хотя, вместе с тем, в нем было глубокое чувство правды и независимости; росту Карамзин был среднего; видом он был худощав, но не бледен; на впалых щеках его играл румянец здоровья, свежие губы и приятная улыбка выражали приветливость, а в светло-карих его глазах видны были ум и проницательность. В сорок лет волосы у него уж редели, но не серебрились еще, и он их тщательно зачесывал. Одевался он просто и всегда опрятно. Обыкновенно на нем был белый галстук, белые гофрированные манжеты, жилет с полустоячим воротником, казимировый, оранжевого цвета с узорами панталоны в сапоги с кисточками. У него не было тогда камердинера, а горничная Наташа; гардероб его висел в кабинете в переднем углу; в стену были вбиты гвозди, и на них висели

шуба, шинель, или по-тогдашнему капот, бекеш, кушак и шапка. Карамзин был необыкновенно любезен со всеми, поклоны отдавал первый, тихо снимал шляпу и т. д.

Допожарная Москва на улицах поражала роскошью и картинностью женских уборов и нарядов; на шеях и на груди и платьях знатных барынь укладывались целые капиталы. Особенно такими богатыми уборами щеголяли купчихи – у них на голове наместо шляпок возвышались кики, разукрашенные золотом, жемчугом и драгоценными камнями; из-под кики, ниже ушей, спадали жемчужные шнуры; задняя часть кики делалась из соболиного или бобрового меха. На окраине всей кики шла жемчужная бахрома, называемая поднизью – у небогатых женщин были на головах просто кокошники, обложенные бусами. Жемчуг в старину употреблялся при нарядном платье во всех сословиях. Без жемчужного ожерелья, которое называли «перло», считали за стыд показаться в собрание.

Дамы высшего общества появлялись на улицах в платьях фуру, – этот фасон платьев долго держался в моде, но только с небольшо-

ми переменами: иногда обшивали его блондами, накладками из флера или дымкой, бахромой золотой или серебряной, смотря по тому, какая лучше подходила к материи. Лиф у старинных фуру был очень длинный и весь в китовых усах, рукава были до локтя и обшиты блондами, перед распашной; чтоб платье казалось пышнее, надевали фижмы из китовых усов и стеганые юбки.

В конце царствования Екатерины II вошли в большую моду платья молдаваны; затем, при Павле, стали носить сюртучки. Лиф у сюртучка был не очень длинный, рукава в обтяжку и длиною до самой кисти; если сюртук был атласный, то юбка к нему была флеровая на тафте; к сюртучку надевали камзольчик газетовый или другой какой, только из дорогой материи. У сюртучков и фуру были длинные шлейфы.

Для прогулок и верховой езды надевали сюртучки почти такие же, как у мужчин, со светлыми пуговицами. Дамы высшего общества на голову накладывали цветы, страусовые перья, ленты, бархат. Был одно время в моде убор вроде берета, с цветами и страусо-

выми перьями; его называли тюрбан и шарлотка. Перчатки дамы носили длинные, шелковые, до локтя; чулки тоже шелковые. Башмаки матерчатые или шитые золотом, серебром, шелком; они делались из газета, парчи или другой плотной материи, каблучки были высокие, обтянутые лайкой. Французские новые моды перешли к нам в конце прошлого столетия. Первые поклонницы мод произвели на московских улицах целую сенсацию. В бульварном стихотворении описаны две такие модницы. Первая из них – это жена известного тамбовского помещика и коннозаводчика Болховская; вот что писал о ней бульварный песнопевец:

*Вот летит и Болховская,
Искрививши правый бок,
Криворукая, косая,
Точно рвотный порошок.*

*Да и младшая сестрица
Не уступит ей ни в чем,
Одинаких перьев птица,
Побожиться можно в том...*

Белокаменная в то время была особенно

обильна девицами. Князь Вяземский говорит [199], что в Москве на одной улице проживали княжны-девицы, которые всякий день сидели каждая у особенного окна и смотрели на проезжающих и проходящих, выглядывая себе суженого. Копьев сказал о них: «На каждом окошке по лепешке», и с тех пор другого имени и не было, как княжны-лепешки. В до-пожарной Москве жили еще старые девицы, три сестры Левашовы. Их прозвали «тремя парками». Эти три сестрицы были непременно посетительницами всех балов, всех съездов и собраний. Как все они ни были стары, но все же третья была меньшая из них; на ней сосредоточивалась любовь и заботливость старших сестер, они не спускали с нее глаз, берегли ее с каким-то материнским чувством и не позволяли ей выезжать одной из дома. Приезжали на бал они первые и уезжали последние. Кто-то раз заметил старшей:

– Как это вы, в ваши лета, можете выдерживать такую трудную жизнь? Неужели вам весело на бале?

– Чего тут веселого, батюшка, – отвечала она. – Но надобно иногда и потешить нашу

шалунью.

Этой шалунье в то время было шестьдесят два года.

Из больших московских модниц в то время была жена Д. Д. Шепелева, известного впоследствии героя Отечественной войны. Про эту модницу пел бульварный борзописец следующее:

*Дольше взоры поражает
Блеск камней дорогих...
Шепелева то блистает
В пышных утварях своих.*

*Муж гусар ея в мундире
Себе в голову забрал,
Что красавца, как он, в мире
Еще редко кто видал...*

*Усы мерой в поларшина
Отрастил всем на показ,
Пресмешная образина
Шепелев в глазах у нас...*

Этот Шепелев отличался большою напыщенностью и говорил со всеми высокопарным слогом. Шепелевы были очень богаты; богатство они получили от жен: один Шепе-

лев был женат на дочери железного заводчика Баташева, а другой – на племяннице князя Потемкина, Надежде Васильевне Энгельгардт.

Описана бульварным стихотворцем урожденная Баташева; последняя отличалась еще наивностью в разговорах. Так, возвратившись из-за границы, она рассказывала, что в Париже выдумали и ввели в большую моду какие-то прозрачные рубашки, о которых она отзывалась с восторгом:

– Вообразите, что это за прелестные сорочки: как наденешь на себя да осмотришься, ну так-таки все насквозь и виднехонько.

Далее пиита на бульваре видел молодого человека, вышедшего из купечества в гусарские офицеры, собою очень красивого, любезного, вежливого, принятого в лучшие дома и известного в Белокаменной по долголетней связи с одною из милейших московских барынь. Пиита рисовал его следующими строфами:

*А Гусятников, купчишка,
В униформе золотой,
Крадется он исподтишка*

В круг блестящий и большой.

Жихарев про этого Н. М. Гусятникова рассказывает, что он был большой англоман и только и говорил что про графа Фед. Гр. Орлова, который, по его словам, был человек большого природного ума, сильного характера, прост в обхождении и чрезвычайно оригинален иногда в своих мыслях, суждениях и образе их изъяснения. Например, он никогда не предпринимал ничего, не посоветовавшись с кем-нибудь одним, но терпеть не мог советовать со многими, говоря: «Ум – хорошо, два лучше, но три – с ума сведут». Он уважал науки и искусства, но называл их прилагательными; существительною же наукою называл одну «фифиологию», то есть умение пользоваться людьми и своевременностью, равно как и важнейшим из искусств – искусство терпеливо сидеть в засаде и ловить случай за шиворот.

После Гусятникова следует описание двух известных в то время в Москве господ – Малиновского и Ватковского:

Вот попович Малиновский

*Выступает также тут.
За ним полненький Ватковский,
В коем весу тридцать пуд.
Он жену ведет под ручку
Наравне с ним толщиной.
Как на смех, все жирны в кучку
Собралися меж собой.*

Малиновский Алекс. Фед. (1763–1840), сын протоиерея Московского университета, был начальник московского архива иностранной коллегии, известный литератор своего времени, написавший оперу, пользовавшуюся большим успехом, под названием «Старинные Святки». Он издал также театральные пьесы Коцебу, которые заставлял переводить молодых людей, служивших у него в архиве. Эти пьесы тогда носили название «коцебятины». Малиновский не знал ни слова по-немецки, он только исправлял слог, печатал и отдавал за деньги Медоксу, содержателю вокзала; лучшие из этих пьес были «Сын любви» и «Ненависть к людям и раскаяние». Его опера «Старинные Святки» так понравилась публике, что ее играли лет тридцать сряду.

Малиновский был очень дружен с Петро-

вым, известным поэтом времен Екатерины; про Петрова он рассказывал, будто тот писал некоторые оды, ходя по Кремлю, а за ним носил кто-то бумагу и чернильницу. При виде Кремля он приходил в восторг, останавливался и писал. Петров имел важную наружность. Он познакомился с Потемкиным, когда они оба были студентами, и дружба их продолжалась до конца жизни. Стансы, посвященные им Потемкину, исполнены искреннего чувства; он хвалил в Потемкине не одного полководца, но более вельможу доступного, человека просвещенного, любителя литературы и поэзии.

Ватковский, о котором говорит пиита, состоял камергером при Большом дворе, а младший брат его, Ив. Федор., служил в Семеновском полку и был замешан в известную шварцовскую историю. Ватковские были сыновья известного Федора Ивановича, который, командуя Семеновским полком, содействовал Екатерине ко вступлению на престол. Ватковский, о котором говорится в стихах, отличался необыкновенною тучностью – он под конец своей жизни так и не выходил из вольте-

ровских кресел. Ватковский известен также был в обществе как занимательный рассказчик.

*Вот и Майков, муз любитель,
Декламируя идет.
Как театра управитель,
Он актеров всех ведет.*

*Мочалов, Зубов, Колпаков
Его с почтеньем провожают,
Лисицын, Злов и Кондаков
Ему дорогу очищают.*

*За ним все авторы стремятся,
В руках трагедии у них.
Они все давятся, теснятся,
Приносят дар умов своих.*

*Возьми, возьми, – провозглаша-
ют, —
О, Майков, ты труды сии!
И с этими словами все швыряют
В него трагедии свои.*

Бригадир Аполлон Алекс. Майков, писатель, состоял старшим членом при Ал. Льв. Нарышкине с правом исправлять должность

директора театров, на случай отсутствия последнего. Полновластно он управлял московскими театрами только впоследствии.

Актер Мочалов, отец известного трагика, играл роли серьезных молодых людей, отличался необыкновенно красивою сценическою наружностью и имел большой успех в опере «Иван-царевич». Позднее он играл в Петербурге.

Зубов, актер и певец, имел превосходный голос, но был невзрачен по фигуре на сцене. Колпаков был актер на роли благородных отцов. Лисицын, по словам С. П. Жихарева[200], был любимец райка. Гримаса в разговоре, гримаса в движении – словом, олицетворенная гримаса даже и в ролях дураков, которых он представлял. Злов, умный актер и хороший собеседник, играл в трагедиях, драмах и операх и всюду был хорош; был неподобен в драме «Сын любви», в роли пастора. Кондаков, резонер[201], был превосходный Тарас Скотинин.

Затем бульварный пиита восклицает:

*Но какое вдруг явленье
Поражает весь народ,*

*На всех лицах удивленье,
Все глядят, разиня рот,*

*Уж не чудо ли морское
На беду нашу катит.
Иль страшилище какое
К нам по воздуху летит.*

*Нет, пустое. Это вздоры.
То Кирилушка бежит,
Всем умильно мечет взоры,
На всех ласково глядит...*

Кирилушкой песнопевец называет сына графа Разумовского, который жил в Москве в конце прошлого столетия в великолепном своем доме.

Далее неразборчивый бульварный пиита затрагивает безукоризненно честного и благородного вельможу Юрия Алекс. Нелединского-Мелецкого, занимавшего весьма почетное и видное место в московском обществе, которое в то время, вместе с именем Нелединского, могло еще гордиться такими именами, как Ив. Ив. Дмитриев, И. В. Лопухин, Н. М. Карамзин, Ханьков (бывший посланник наш в Дрездене, писавший французские стихи),

князь Я. И. Лобанов-Ростовский, П. В. Мятлев, князь Белосельский, князь А. И. Вяземский и другие. Дом последнего из этих бар был в Москве средоточием жизни и всех удовольствий тогдашнего просвещенного общества. На Колымажном дворе в это время устраивались «московские карусели». Это была лучшая школа верховой езды тогдашнего барства. Палаты князя стояли у Колымажного двора, окруженные обширным тенистым садом; они не блистали богатством и роскошью – единственное богатство их была большая библиотека. В двух маленьких комнатах теснилось здесь обширное московское общество; тут молодежь танцевала под аккомпанемент флейты-самоучки и доморощенной скрипки. Все путешественники (особенно англичане: князь был женат на шотландке д'Орелли), ученые, художники находили в этом доме русское гостеприимство. «Любезные женщины, красавицы той эпохи, которая была золотым веком светской образованности и утонченности, поочередно, а иногда и совместно, в сей избранной и мирной области царствовали», как говорит Неледин-

ский-Мелецкий в своей «Хронике»[202].

Ю. А. Нелединский-Мелецкий, которого за-трагивает пиита, был самым любезным и симпатичным человеком, в высшей степени привлекательным своею безыскусственною простотою и всегда веселым юмором. Острый и наблюдательный ум его никогда не касался личностей. Низенький ростом, довольно плотный, с виду флегма, с добродушной улыбкой при невозмутимом спокойствии, он умел придавать особую прелесть своим неожиданным, свободным выходкам остроумия. Но не таким видит его дешевый бульварный остро-слов.

Вот каким описывает он его:

*Вот катится чудный шарик,
С красной лентой, со звездой.
То Нелединской сударик
И пьянчуга дорогой*

*Иноходцем запускает,
Не жалея ничего;
В галерею поспешает —
Там мадера ждет его.*

Банк ли пометать пуститься

*Или штос[203] сделать порой,
Он всегда на все годится,
Малый этот золотой.*

Юр. Ал. Нелединский служил статс-секретарем у принятия прошений при императоре Павле. В то время обязанности между статс-секретарями были разделены следующим образом: тайный советник Троцинский докладывал государю прошения, присылавшиеся по почте, Нелединский – прошения, подававшиеся лично на высочайшее имя, статский советник Брискорн – как те, так и другие, писанные на немецком языке.

Нелединский был человек самый мягкий, самый добрый и сострадательный, по своим обязанностям мог делать много добра и делал его. Склонять монарха на милость, на всеильное заступничество угнетенных и обиженных было постоянно его заботою, нередко находившею себе награду в успехе.

Из многочисленных рассказов и анекдотов о том времени приведем один случай. Однажды был назначен развод на плацу против дворца, к концу доклада Нелединского. Час подходил, а площадь была пуста. Император

Павел беспрестанно вскакивал, подбегал к окну и обнаруживал заметные признаки крайнего раздражения. Оно сказывалось и в тех отрывочных резолюциях, которые он давал своему статс-секретарю: все они были не в меру строгого содержания. Видя, что дело плохо, Нелединский незаметно собрал все дела и бумаги, еще недоложенные, раскланялся и вышел. Но доложенным и решенным явно несправедливо он не делал никакого исполнения, а отложил их в сторону и, пропустив месяц или более, стал докладывать их вторично как бы вновь поступившие, пропуская по одному или по два в массу других дел. Таким образом сошло благополучно три или четыре дела, но на пятом император прервал своего докладчика и, уставив в него глаза, сказал ему: «Это дело вы, сударь, мне уже докладывали». Нелединский обомлел. Император несколько секунд смотрел на него в упор, пока в нем, как видно, боролись противоположные побуждения, наконец он проговорил: «Я вас, сударь, понял и не осуждаю, продолжайте». Таким образом спасено было несколько несчастных.

Биограф Нелединского говорит[204]: можно сказать три лица – императрица (Мария Феодоровна), Нелидова (Ек. Ив.) и Нелединский в начале царствования Павла стояли как бы на страже у престола, действуя заодно в духе любви и примирения.

К сожалению, этот союз трех близких к государю лиц продолжался недолго. Нелидова была удалена опять в Смольный монастырь, а потом в замок Лоде, близ Ревеля, а затем и Нелединский был уволен в отставку.

Гнев государя на Нелединского навлек его недруг, граф Кутайсов, воспользовавшись следующим случаем, чтоб возбудить страшно развитую подозрительность Павла Петровича.

Нелединский, проходя раз довольно поздно внутренним коридором Петергофского дворца из комнат императрицы, встретился с императором, шедшим в сопровождении Кутайсова. Увидев Нелединского, Кутайсов сказал государю: «Вот кто следит за вами днем и ночью и все передает императрице». Легко себе представить, какое действие произвели эти слова на вспыльчивого и подозрительно-

го Павла. Немедленно приказано было Нелединскому удалиться от двора, но так как следующий день был высокаторжественный, то исполнить это было невозможно без огласки, а потому Нелединский с женою и детьми должен был провести весь этот день в своей квартире, выходявшей окнами на гулянье, с опущенными шторами, взаперти, не смея ни сам выходить, ни выпускать детей из комнаты.

Уволенный от службы, Нелединский переехал с семейством в Москву, где он и нашел прежний кружок друзей и литераторов. Свободный от всякого злобного чувства, он без ропота переносил свою опалу. Нелединский с чувством глубокой скорби проводил ежегодно день кончины императора Павла.

Князь Вяземский в своих записках говорит: «Я видел слезы отца своего и Нелединского, оплакивающих Павла. Слезы таких людей – свидетельства похвальные. В императоре Павле были царские великодушные движения могущества. Они пленяли приближенных к нему и современников, искупая порывы гнева и исступления».

Домашняя жизнь Нелединского отличалась необыкновенной простотой. Передав все состояние детям, он жил одним жалованьем. Большой охотник покушать, он не был разборчив в выборе утонченных блюд, но ел очень много, и преимущественно простые русские кушанья. При дворе, когда он приезжал летом к императрице в Павловск, государыня приказывала готовить для него особые блюда, в числе которых любимая им была «щучина».

Вот как описывал сам Нелединский свое недельное меню: «Маша повариха точно по мне! Вот чем она меня кормит, и я всякий день жадно наедаюсь: 1) рубцы, 2) голова телячья, 3) язык говяжий, 4) студень из говяжьих ножек, 5) щи с печенью, 6) гусь с груздями – вот на всю неделю, а коли съем слишком, то на другой день только два соусника кашицы на крепком бульоне и два хлебца белых».

Далее он пишет: «Крепко теперь взялся за экономию, сию за одной сальной свечой. Восковая свеча стоит полтину, а сальная свеча 12 копеек, следовательно, 38 копеек эконо-

мии в день составляет в неделю с лишком половину расхода моего на разные удовольствия!»

Он был дома образцовым, безукоризненным супругом, проникнутым самою теплою любовью к детям, вне дома же имел всегда кумир, пред которым страстно благоговел и, как Петрарка, страстно воспевал его; когда ему было уже пятьдесят шесть лет, его впечатлительное сердце все еще сохраняло первобытную свежесть молодости.

Из литературных трудов Нелединского известно несколько од и песен; из последних самая популярная еще живет поныне, это «Выйду я на реченьку».

Нелединский умер в Калуге в 1829 году на семьдесят седьмом году от рождения.

Следуя далее, мы в стихотворении встречаем фамилии двух Алябьевых; это были дети сенатора А. Алябьева; старший из сыновей был известный в то время спортсмен, младший, А. А. Алябьев, служил в военной службе и был позднее адъютантом у корпусного генерала Н. Бороздина; он был известен как очень талантливый композитор романсов – один из

них, «Соловей мой, соловей», посеи́час у всех на памяти. Когда в 1824 году был возобновлен в Москве Петровский театр, простоявший двадцать лет в развалинах, он был открыт прологом «Торжество муз», а музыка к этому прологу была написана А. А. Алябьевым и А. Н. Верстовским. А. А. Алябьев кончил жизнь очень печально, чуть ли не в Сибири, за убийство товарища во время азартной карточной игры. Стихи на Алябьевых следующие:

*Выпив водки близко бочки,
Вот Алябьевы идут,
То-то, милые дружочки,
Едва голову несут.*

Затем бульварный стихотворец описывает известных гуляк того времени: коннозаводчика Меснова и безобразника Измайлова. Последний, по рассказам, бывало, напоит мертвецки пьяными человек пятнадцать небогатых дворян, посадит их еле живых в большую лодку на колесах, привязав к обоим концам лодки по живому медведю, и в таком виде спустит лодку с горы в реку; или проиграет тысячу рублей своему другу Шиловскому, вспылит на него за какое-нибудь без умысла

сказанное слово, бросит проигранную сумму мелкими деньгами на пол и заставит подбирать его эти деньги под опасением быть выброшенным за окошко.

После упоминается еще в стихах о князе Волконском, у которого в Самотеке был собственный театр, устроенный в виде большого балагана; в нем помещалось до трехсот человек.

Для открытия на этом театре играли «Беглого солдата»; пьеса, как и исполнение, были не особенно удачны. Про хозяина этого театра стихотворец пишет следующее:

*И Волконский с карусели
В шпорах звонких прикатил,
Весь растрепан, как с постели,
Парень этот, право, мил.*

В бульварном острословии находим еще одно описание двух известных тогдашних московских жителей – артиллерии генерала Мерлина и великого картежника, ходившего на костыле, Вл. Калин. Благово.

Неизвестный пиита заканчивает свое стихотворение «К бульварам» следующими словами:

*Но не всех же ведь до крошки
Нам сюда переписать,
Не пора ли сесть на дрожки
Да домой уж ехать спать.*

Тверской бульвар был любимым местом прогулок москвичек лишь до двенадцатого года. С приходом французов в Москву лучшие липы этого бульвара были срублены неприятелем для топлива и на фонарных столбах бульвара, перед домом генерала И. Н. Римского-Корсакова, были повешены жители города, заподозренные неприятелем в поджигательстве.

С уходом неприятеля из столицы бульвар был снова обсажен липами, по сторонам дорожек расположены были куртины с цветами; посредине бульвара выстроена арабская кондитерская, сделаны два фонтана, поставлены скамейки и т. д.

Но жизнь на бульваре уже более не принималась. В то время стал модным гуляньем только что разбитый Кремлевский сад, на месте, где протекала по оврагу болотистая речка Неглинная; до 1820 года сюда сваливалась всякая нечистота, лежали кучи навоза и т. п.

Сад был открыт 30 августа 1821 года. Главный вход в сад был с красивою чугуною решеткою, отлитую на заводе Чесменского А. В. Немчиновым. В саду был сделан павильон, где играла по воскресеньям и середам полковая музыка. Затем насыпана была искусственная земляная гора, внутри которой был устроен грот. Говорят, что на постройку этого грота вместо камней пошли каменные ядра, лежавшие в Кремле во множестве; последние в древности употреблялись вместо чугунных. Самое аристократическое гулянье в Кремлевском саду начиналось во втором часу дня, и в эти часы вся площадь перед Воскресенскими воротами и все протяжение улицы до экзерцирсауза уставлено было экипажами. В четыре часа из гуляющих в саду уже никого не было, но в шестом часу картина вновь оживлялась, и в этот час видели все высшее отборное общество, щегольски одетую молодежь с очками и лорнетами и целые семейства, разгуливавшие толпами. Зимой здесь гуляли от двенадцати до трех часов дня.

Вид на Воспитательный дом из Кремля.
Литография Ф. Бенуа и Ж. Обрена. Ок. 1850

Глава XXIV

Пресненские пруды.

Помимо описанного нами Тверского бульвара, в первых годах царствования императора Александра I самым аристократическим гуляньем в Москве считались и Пресненские пруды. Гулянье на Пресненских прудах, как говорит С. Н. Глинка, москвичам напоминало о той эпохе, когда здесь, на речке Пресне, царь Михаил Феодорович встречал великого страдальца за родину, Филарета Никитича, возвращавшегося из литовского плена. Глинка мысленно видел здесь памятник среди зелени со следующей надписью: «Здесь царь Михаил Феодорович встретил своего родителя, великаго верою и добродетелью». Место, где лежат Пресненские пруды, было прежде болотистое, топкое; прекрасным своим нынешним положением они обязаны Петру Степановичу Валуеву[205], главноуправляющему Кремлевской экспедицией и оружейной палатой, – автору известного описания древнего российского музея и исторического

исследования о селе Коломенском[206]. Неизвестный поэт прудов в первых своих строфах говорит:

*Я приду к прудам широким,
То к сему, к тому пруду,
И с почтением глубоким
Ниц Валуеву паду.*

*Там мы слушаем каскады,
Здесь лесок к себе манит,
За усталость ног награду
Часто мягкий луг дарит.*

*Но милей лесков и луга
Женщин-бабочек здесь рой,
Между них любовь-подруга
Поздней тащится порой.*

По вечерам, по словам певца прудов, гулянье здесь принимало вид таинственности.

Далее поэт пишет:

*Не жемчужная росина
На листке цветов блестит,
То Катюша-Катерина
Вельяминова глядит.
На сестрице не сияют
Штукатурка, алебастр... и т. д.*

Мать этой Вельяминовой жила с известным тульским наместником М. Н. Кречетниковым; в записках Болотова находим, что муж Вельяминовой, тульский вице-губернатор, «жертвовал женою своею в угодность сему вельможе». Известно, что Кречетников очень любил прекрасный пол; он имел сам очень красивую наружность и отличался щегольским нарядом, даже под старость всегда носил шелковые чулки, башмаки с красными каблуками, белые перчатки и очки новомодные[207].

Потемкин ему особенно покровительствовал и, зная его слабость к женскому полу, иначе его не называл, как «мадам», любимое слово Кречетникова. Бантыш-Каменский говорит, что он имел еще и другую слабость – высокомерие и еще непомерную хвастливость, и по этому случаю приводит следующее.

Когда Екатерина II посетила Калугу, на хлеб был плохой урожай. Ожидая прибытия императрицы, Кречетников распорядился, чтобы по обеим сторонам дороги, по которой ей надлежало ехать, на ближайшие к проезду

десятины свезли сжатый, но еще не убран-
ный хлеб и оставили бы копны как можно ча-
ще; при въезде в город были устроены триум-
фальные ворота и украшены снопами ржаны-
ми и овсяными.

Государыня знала об обмане, но обошлась
с наместником милостиво. Она спросила его,
однако, хорош ли был урожай? Кречетников
отвечал: прекрасный. Когда после стола на-
местник доложил ей, что в городе есть театр
и хорошая труппа и не соизволит ли госуда-
рыня осчастливить театр своим присутстви-
ем, она потребовала список играемых пьес и,
возвращая его, прибавила:

– Ежели у вас разыгрывается «Хвастун», то
хорошо бы им позабавиться, – и пригласила
наместника в свою ложу.

Во время комедии государыня часто по-
сматривала на Кречетникова и милостиво
ему улыбалась; он сидел как на иголках. В тот
же вечер был бал, данный калужским дворян-
ством; после ужина государыня сказала Кре-
четникову:

– Вот вы меня угощаете и делаете праздни-
ства, а самым дорогим угостить пожалели.

– Чем же, государыня? – спросил Кречетников, не понимая, чего могла пожелать императрица.

– Черным хлебом, – отвечала она и тут высказала ему свое неудовольствие. – Я желаю знать всю правду, а от меня ее скрывают и думают сделать мне угодное, скрывая от меня дурное!.. Здесь неурожай, народ терпит нужду, а вы еще делаете триумфальные ворота из снопов!

Екатерина была очень милостива к Кречетникову: он был пожалован в графы, но это известие было привезено курьером на другой день его смерти.

Затем в уличной сатире поэт описывает известного драматурга Федора Федоровича Иванова:

*Вот Иванов наш в мундире:
То ни Марс, ни Феб,
Пусть бренчит себе на лире,
Продает стихи на хлеб.
Водит в рынок Мельпомену,
За бесценок отдает,
Марфу-дворницу на сцену
Пусть заикую ведет.*

Иванов служил комиссионером 9-го класса в комиссии московского комиссариатского депо. Он написал трагедию в пяти действиях «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода», драму в трех действиях «Награжденная добродетель, или Женщина каких мало». С большим успехом последняя была играна в Петербурге и в Москве в 1805 году. Затем комедии: «Не все то золото, что блестит, или Урок для отцов»; «Женихи, или Век учись»; «Хоть не рад, да будь готов»; «Семейство Старичковых, или За Богом молитва, за царем служба не пропадает». Иванов умер в 1816 году; жизнь его описана Мерзляковым в «Трудах Московского Общества любителей российской словесности». По словам последнего, Иванов отличался благородством характера и добротой чисто евангельской.

Далее встречаем описание гг. Эхользиных и П. А. Обрезкова, молодых московских франтов, служивших в коллегии иностранных дел.

*Что Эхользины уныли,
Саша-душенька так худ?
Ах, вспорхнул румянец милый,
След бубновый виден тут.*

*Точно глист в карикатуре
В зал судейский входит пить,
В гибкой тоненькой фигуре
Наш Обрезков-сibarит.*

Ниже в стихотворении находим описание старухи, Настасьи Дмитриевны Офросимовой, вдовы генерал-майора, очень известной в то время в Москве по почету и уважению, которое ей все оказывали. Офросимова, в сущности, была своенравная и сумасбродная старуха: она требовала, чтобы ей все, как знакомые, так и незнакомые, оказывали особый почет.

Все трепетали перед этой старухой. Как говорит Благово[208] про нее: «Бывало, сидит она в собрании, и Боже избави, если какой-нибудь молодой человек или барышня пройдут мимо нея и ей не поклонятся».

– Молодой человек, пойдика сюда, скажи мне, кто ты такой, как твоя фамилия?

– Такой-то.

– Я твоего отца знала и бабушку знала, а ты идешь мимо меня и головой мне не кивнешь; видишь, сидит старуха, ну и поклонись, голова не отвалится; мало тебя драли за

уши, а то бы повежливее был.

Тогда говорили, что она и в своей семье была презлая: чуть что не по ней, так и взрослых своих сыновей оттреплет по щекам. В то время, бывало, когда матери со своими дочерьми ехали на бал или в собрание, то непременно твердили им:

– Смотрите же, что, если увидите старуху Офросимову, подойдите к ней да присядьте пониже.

В стихотворении о ней говорится следующее:

*Вот и мамушка Ратима
Офросимова бежит,
С ней ухваточка любима,
Кулаками всех дарит.*

*Урожденна Шаховская
Чемоданчик ей несет,
Слышно: маменька милая,
Дай скорей увидеть свет.*

Офросимова любила также заниматься сватовством и множество устроила браков в Москве. Очень подробно характеристику этой старухи находим в романе Л. Н. Толстого

«Война и мир». Жихарев[209] про нее говорит, что она дама презамечательная своим здравомыслием, откровенностью и безусловною преданностью правительству.

Далее в стихотворении находим описание одного из франтов того времени и большого игрока Г. Шиловского; про него говорит поэт, что он дорогу

*К модной лавке проложил,
Шить чепцы, обувь и ногу
Шаркать мило научил.*

В те годы в Москве, как рассказывает С. Н. Глинка, высшее общество стало во всем подражать французам и вместе с Доринами, Парни нахлынули волокитство и любезность педиметров. Вечером пошли балы и маскарады и домашние французские спектакли, а по ночам закипел банк – тогда ломбарды все более и более наполнялись залогом крестьянских душ, и в обществе быстры, внезапны были переходы от роскоши к разорению.

В большом свете в то время завелись менялы. Днем разъезжали они в каретах по домам, с корзинками, наполненными разными без-

делушками, и променивали их на чистое золото и драгоценные камни, а вечером увидались около тех счастливых, которые проигрывали свое имение, и выманивали у них почтенное подаяние.

При Павле был запрещен банк и всякие ночные собрания. Вот один случай захвата игроков в павловское время, рассказанный в записках С. Н. Глинки. Однажды московский обер-полицеймейстер Эртель, проезжая ночью по Арбату, увидел огонь в одном доме, входит туда и застаёт игру; на беду здесь случился сибиряк Бессонов, поручик Архаровского полка[210], казначей этого полка. Не участвуя в игре, он спал в комнате на диване. Эртель разбудил его.

– Оставьте меня, – сказал Бессонов, – вы видите, я спал. Не стыдите меня перед начальником. Для меня честь дороже жизни.

– Ступайте! – прикрикнул обер-полицеймейстер.

– Иду! Но только смотрите, чтобы вы не раскаялись.

В четыре часа ночи привели игроков и Бессонова в дом начальника полка, где, по-то-

гдашнему, обыкновенно стояли и полковые знамена. Выходит Архаров в колпаке и халате. Взглянув на Бессонова, он сказал:

– Как, и ты здесь?

Посадили приведенных под знамена. После допроса Архаров узнал, что Бессонов был взят спящий.

– Грешно было тебе будить! – сказал Архаров полицеймейстеру. – Поди, братец, поправь свой грех.

Полицеймейстер пошел к Бессонову и объявил ему, что он свободен.

– Поздно! – закричал Бессонов. – Я говорил тебе, не веди меня сюда. Ты привел: вот тебе!

Последовал удар; Бессонов был отдан под суд.

Офицеры полка были судьями; они плакали, но, в силу устава Петра I, вынесли приговор: лишить руки. И только вследствие просьбы тогдашнего московского градоначальника князя Ю. В. Долгорукова у императора Павла I приговор не был приведен в исполнение.

Следуя далее за пресненским рифмоплетом, мы встречаем описание всех тогдашних московских волокит-петиметров. В ту эпоху

такие франты являлись на улицу во фраках с длинными и узкими фалдами, жилеты были из розового атласа, сапоги с кистями, на шее огромные галстуки, закрывающие подбородок; галстуки были длиною в несколько аршин – их надо было обматывать до двадцати раз вокруг шеи. Затем множество ювелирных вещей виднелось на каждом; часов непременно двое, с двумя цепочками и с брелоками, которые длинно висели из жилетных карманов; последними обязательно владелец должен был побрякивать. На пальцах множество колец и перстней, затем большая запонка на груди в рубашке в виде застежки и поверх жилета еще две цепочки, которые висели крестообразно.

Записной фронт непременно должен был румяниться, сурмить брови и белить лицо; в руках щеголя того времени должна была быть соболья муфта, называемая «манька».

Про таких щеголей говорит песнопевец следующее:

*Вот они, что тянут тоны,
Сильна рвота модных слов,
В точь французски лексиконы*

В кожу свернуты ослов.

Затем пиита отмечает одного из таких франтов-волокит, Баташева, про которого он говорит:

*Не отвыкнув от привычки
Подбираться, – Баташев —
Это сеть для бедной птички,
Это славный птицелов.*

Ив. Ив. Баташев – сын Ивана Родионовича, купца, получившего дворянство за образцовое устройство железных заводов на Выксе.

Баташев владел громадным богатством в Нижегородской, Тамбовской и Владимирской губерниях. Там у него имелось до семи заводов, при них 17 тысяч душ крестьян и 200 тысяч десятин строевого леса. Баташев Ив. Род. имел сыновей, которые умерли еще при жизни его; сам он отличался особенным долголетием и умер чуть ли не ста лет от роду. От сына его, Ивана, о котором здесь говорится, женатого на Резвой, осталась дочь Дарья, которую дед выдал в 1817 году за Шепелева. Последняя получила все богатство деда в приданое, вместе с ним и роскошнейший в Москве

дом, под названием Шепелевский дворец на Вшивой горке, построенный ее дедом и возобновленный им же после пожара 1812 года. Про эту Шепелеву упомянуто в XXIII главе.

В этом доме стоял Мюрат, когда занял Москву Наполеон. По рассказам, отделка дома после пожара обошлась Баташеву в 300 000 рублей. Всем богатством Баташев был обязан брату своему, Андрею Родионовичу, человеку необыкновенного ума и непреклонной воли [211]; для достижения своей цели он не останавливался ни перед чем, все средства казались ему удобными; при всей своей алчности он отличался еще самым необузданным нравом.

Баташев наживался правдой и неправдой, к нему на заводы стекались толпой беглые и каторжники; он принимал всех и заставлял работать за ничтожную плату. Он покровительствовал открыто разбойникам, скрывавшимся в Муромских лесах, пограничных с его заводами, и получал от них свою долю грабежа.

Баташев, ободренный безнаказанностью, дошел наконец до неслыханных границ дес-

потизма и жестокости. До сих пор еще на Выксе о нем говорят с ужасом и старики рассказывают о безобразии его оргий, о возмутительном его кощунстве над святыней, о несчастных, спущенных в колодцы, где добывалась руда, распятых на кресте или замороженных голодом.

Когда, несколько лет тому назад, было приступлено к перестройке в обветшалом его доме, то плотники открыли проведенный из комнаты его потайной ход в подвал, в котором нашли множество человеческих костей.

В преданиях рода Баташевых сохранились две страшные драмы. Первая из них: один из его соседей отказался ему продать свое имение; Баташев видимо не рассердился на него, но пригласил его, наоборот, в отъездное поле. Охота продолжалась несколько дней, после которой помещик возвратился к себе в усадьбу, но, бедный, не отыскал и следа своей усадьбы: в его отсутствие она была снесена до основания и даже по месту, где она стояла, прошел плуг и было засеяно.

К другому соседу грозный Баташев обратился уже с более бесцеремонным требовани-

ем: ему понравилась его жена, и он просил его уступить ее. Муж не повиновался и прекратил свои посещения к Баташеву.

Прошел месяц, другой, Баташев зовет его обедать под предлогом – помириться. Сосед принял предложение и поехал к Баташеву; последний угостил гостя на славу, не сделав и намека о прошлом, и после обеда предложил всем гостям отправиться на завод; как скоро гости подошли к домне[212], Баташев подал знак и вмиг рабочие схватили несчастного и бросили в печь.

Все эти поступки Баташева под конец дошли до Екатерины, и она приказала снарядить следствие. Чиновника, которому поручено было дело Баташева, он не принял к себе, а приказал отвести ему квартиру у мастерового и на другой день послал ему блюдо фруктов, под фруктами лежал пакет с деньгами и записка следующего содержания: «Фрукты съешь, деньги возьми и убирайся, пока жив». Следовательно, по преданию, исполнил совет в точности.

Андрей Род. Баташев был высокого роста, брюнет; в смуглых, правильных и красивых

чертах его лица виднелась гордость, сила и мощь; прожил он очень долго; год смерти его неизвестен.

Ниже в стихах следует характеристика другой личности, тоже вышедшей из купечества, именно К. В. Злобина, сына знаменитого в екатерининское время откупщика-благотворителя В. А. Злобина. Отец последнего был крестьянин и служил писарем в Мальковской волостной избе; прежняя его фамилия была Половник, но так как он отличался буйным и задорным характером, то от своих односельчан и был прозван Злобою или Злобиным; эта уличная кличка впоследствии и перешла в его фамильное прозвание.

Родоначальник фамилии Злобиных прежде тоже исправлял должность отца своего и был так же беден, как он, ходил в холщовом халате и поярковой шляпе и к тому же еще заикался в разговоре, но нравом он был не таков, как отец, и не только не пил водки, но берег каждую копейку и скоро успел накопить небольшой капиталец. С приездом в Поволжский край генерал-прокурора князя А. А. Вяземского Злобин умел понравиться князю;

покровительствуемый им, он сделался городским головою, потом вскоре Вяземский вызвал его в Петербург и предложил ему взять винные откупа.

Злобин, при помощи князя, взял откуп; тут счастье повезло ему, и он из бедного мещанина сделался миллионером.

Злобин держал вино на откупу в нескольких восточных губерниях России и в Сибири; он имел также на откупу соль из Эльтонского озера и других понизовых озер. Злобин вместе с надворным советником Чоглоковым был также откупщиком игральных карт во всей России.

Живя в Петербурге, он вошел в связи с государственными людьми; по словам Костомарова[213], его приветливость, добродушие и роскошные обеды привлекали к нему толпы гостей. Памятником его возвышения и его необыкновенной деятельности остается прежнее село Малыковка, теперь город в Саратовской губернии Вольск.

Есть предание, что Екатерина хотела назвать это село Злобинском, но что Злобин отказался от этой чести и предложил вместо

этого название Екатериновольска (как учрежденного волею Екатерины), откуда будто бы и произошло настоящее имя этого города[214]

Как много Вольск обязан Злобину, видно между прочим из того, что когда после бывшего там пожара правительство готово было назначить жителям пособие, то они отозвались, что благодаря щедрости своего согражданина не нуждаются в помощи от казны. Злобин не любил обязательств на бумаге и говорил, что обоюдное честное слово драгоценнее и крепче всяких бумажных сделок. Вследствие этого его доверенные лица часто обманывали его. Когда ему замечали об этом, он говорил, что у него не достанет духа показать недоверие к тому, кого он прежде облек своим доверием, что это значило оскорблять его и что, если бы подозреваемый оказался невинным, совесть не давала бы ему покоя до смерти. Один из его агентов в Сибири представил дела в самом жалком виде, но одна генеральша приезжает к Злобину и говорит ему, что этот агент торгует у ней медный завод; как ни был удивлен этим известием Зло-

бин, но спокойно сказал: «Ваше превосходительство, можете продать ему». Вслед за тем Злобин отправился в Сибирь, призвал своего агента, обличил в воровстве и прогнал его; этим ограничилось его мщение.

Вся семья Злобина были заклятыми раскольниками, и когда ближние обличали его, что он ходил в нашу церковь, то он им отвечал: «Я христианин и принадлежу душою всем церквам, где призывается имя Христо-во»[215].

Злобин пережил свое благополучие: неудачные винные откупа в 1812 и 1813 годах, затем недостаток соли в озерах и недобросовестность его агентов подорвали его коммерческое могущество, и он был объявлен банкротом, и все его состояние продано с молотка.

Есть предание, что причиною его падения было одно неуместное и заносчивое слово, сказанное им во время неудач государственному сановнику; по другим рассказам, сановник этот был граф Гурьев и случай этот произошел у тогдашнего министра Кочубея. Злобин незаметно крупно заспорил с Гурьевым

и, раздраженный спором, бросил в него булкой. Присутствовавший тут обер-полицеймейстер, желая отвлечь спорщика, сказал ему:

– Поезжайте домой, Василий Алексеевич, в вашей квартире пожар, ваши откупные дела горят.

– Вы обер-полицеймейстер, – отвечал Злобин, – ваша обязанность быть на пожаре, а не мне.

Гурьев впоследствии вспомнил про обиду и когда вместо Кочубея сделался министром, то немедленно потребовал от Злобина уплаты всех неустоек по откупам, которые до этого отсрочивал Кочубей; это-то и разорило Злобина. Злобин был последний в России «именитый гражданин»[216], звание это он носил по смерти: император Александр I именным своим указом оставил ему одному это звание.

Сыну Злобина, Константину Васильевичу, пресненский стихотворец посвящает следующее:

*Вот и немец милотворный
Злобин рожницу несет.
Королевич Бова вздорный,*

С карусели он бредет.

Злобин, к которому относится это послание, был человек многостороннего образования. Державин, у которого он числился на службе, выразился о нем так[217]:

*Поэт душой, купец породой —
Двойк в себе с твоей свободой... и
проч.*

Злобин воспитывался в Сарепте, у немецкого пастора, знал древние и новые языки, занимался литературой и оставил в печати несколько стихотворений.

Женат он был на англичанке Марианне Стивенс, родной сестре жены графа Сперанского. Злобин был масоном, покинул гражданскую службу в 1803 году. За учреждение в родном городе Вольске училища, под названием «ПроPILEи», он получил от императора Александра I орден Св. Владимира 4-й степени; умер он ранее своего отца, в 1813 году. Последний скончался в 1814 году от горя, что потерял нежно любимого сына.

Затем ниже в стихотворении находим имя поэта Карина, про которого стихотворец пи-

шет:

*За Барановой унылой
Тихо селезень плывет:
То поэт наш, Карин милый,
По-гвардейски он идет...*

Ф. Г. Карин, друг поэта Кострова, отставной военный, богатый помещик, сибарит, известен был в Москве как ярый последователь Вольтера и друг Дидро, для которого нарочно приезжал в Петербург.

Под старость Карин не покидал колпака и костюма, в котором ходил фернейский философ; на пальце у него был драгоценный перстень и на столе всегда табакерка с портретом Екатерины, усыпанная бриллиантами. Карин жил в Москве, между Петровкой и Дмитровкой, близ церкви Рождества в Столпниках. В молодости он служил в гвардии и отличался ловкостью и остроумиями. С. Н. Глинка говорит: однажды на пиру у Я. Б. Княжнина Потемкин за бокалом шампанского сказал Карину:

*Ты, Карин,
Милый Крин[218]*

*И лилеи
Мне милее.*

Карин отвечал князю Таврическому, что цветы скоро вянут, а лавры его бессмертны.

Все литераторы того времени были друзьями Карина. «Сам Карин, – как говорит его биограф, – боялся имени сочинителя, и особенно стихотворца, и для того мало вверял произведения своего пера печати. Непроступный страж красот и правил языка, он был ценитель строгий, но справедливый и весьма полезный для друзей своих, с музами знакомства ищущих».

Карин, по словам своего биографа, весь жил в трагедиях Расина и переводил его «Ифигению» несколько раз. У Карина было до семи тысяч крестьян, впоследствии у него осталась только половина и он был взят в опеку. Опекуном его был известный Нелединский-Мелецкий.

У Карина был целый полк нарядных егжей, псарей и стрелков и большие стаи гончих и борзых собак. За борзых он плачивал по тысяче и более рублей. В отъездные поля, во Владимирское поместье, за Кариным тянулся

обоз с винами и со всеми роскошными причудами бывшего барича. На охоту к нему стекались со всех сторон приятели. Пиршества его на охоте не уступали пирам древних азиатских сатрапов. Карин был несчастен в женитьбе. Женат он был на княжне А. М. Голицыной, родной внучке князя М. А. Голицына, женатого на калмычке Бужениной, свадьба которого праздновалась в Ледяном доме в 1749 году, при Бироне. С. Н. Глинка рассказывает про Карина, что у него сердце было предоброе. Что по одному только имени он усыновил сирот своего однофамильца и даже ему раз подал бумагу, сказав: «Это ваше». То была купчая или дарственная на шестьдесят калужских его душ. Тот изорвал запись и сказал: «Не возьму; я никогда не буду иметь человека как собственность» и пр. Карин выкупил из крепостной зависимости, от Бибикова, известного композитора Д. Н. Кашина[219].

Карин очень любил театр и много перевел пьес для него. Так, если верить Макарову[220], то «Ифигения», напечатанная в Москве в 1796 году графом Хвостовым, перевод не последнего, а Карина. Помимо этой пьесы, из-

вестны еще его переводы «Медеи» и «Фанелии, или Заблуждение от любви».

После Карина пресненский стихотворец упоминает о Нелединском-Мелецком, характеристику которого мы уже выше дали. Нелединского здесь стихотворец описывает в следующих строфах:

*Тихо, сладко, нежно, плавно
По траве катит кубарь —
То Нелединский наш славный
И «смазливых теней» царь.*

«Смазливыми тенями» в то время называли всех девиц легкомысленного и не строгого поведения; ранее этого времени, в царствование Екатерины, последние известны были под кличкою Матрон и Неонил, по имени двух героинь известных тогда романов: «Пригожая повариха»[221] и «Неонила»[222]. Первая из этих книг в свое время имела большой успех. Известен анекдот про Суворова, рассказанный Ростопчиным[223]. Однажды последний, желая узнать мнение Суворова о знаменитых воинах и военных книгах, приводил всех известных полководцев и писателей, но «при каждом названии он крестился. Нако-

нец, сказал мне на ухо: „Юлий Кесарь, Аннибал, Бонапарте“, „Домашний лечебник“, „Пригожая повариха“ и заговорил о химии...»

В двадцатых годах женщин описанной категории называли Аспазиями, Омфалами, Доринами, Клеопатрами и другими именами классической Греции. В тридцатых годах они известны были под кличкою ветреных Лаис; в сороковых годах их звали Агнессами нижних этажей; в пятидесятых годах Камелиями и т. д.

В стихотворении находим и описание ветреных Лаис:

*Вот китайские обои —
То П-ва между нас,
Кирпичу белил в них слоц,
Стену сложишь в добрый час.*

*Вот Алenuшка-соловка
В сад к прудам бежит,
Маслит глазки очень ловко
И кудрями говорит.*

*С нею разных птиц подборы,
Где Загряжский[224], бес косой,
Ей кукует нежны взоры,*

А Давыдов[225] хоть не пой.

В то старое время ловкий и счастливый волокита считался весьма почтенным в обществе; любовные похождения придавали светскому человеку блеск и известность; нравы регентства были не чужды москвичам.

Князь Вяземский[226] рассказывает про некоего г. Хитрово, который на разные проделки в любовном роде был не очень совестлив. Не удавалось ему, например, достигнуть где-нибудь цели в своих любовных поисках, он вымещал неудачу, высылая карету свою, которая часть ночи стоит неподалеку от жительства непокорившейся красавицы. Иные подмечали это, выводили из того заключения свои, а с него было и этого довольно.

Похождения с «ветренными Лаисами» в то время процветали широко; в Петербурге даже было веселое общество под названием «Галера», специально трудившееся над своего рода женским вопросом. Вот одно из приглашений этого общества в последний день Масленицы:

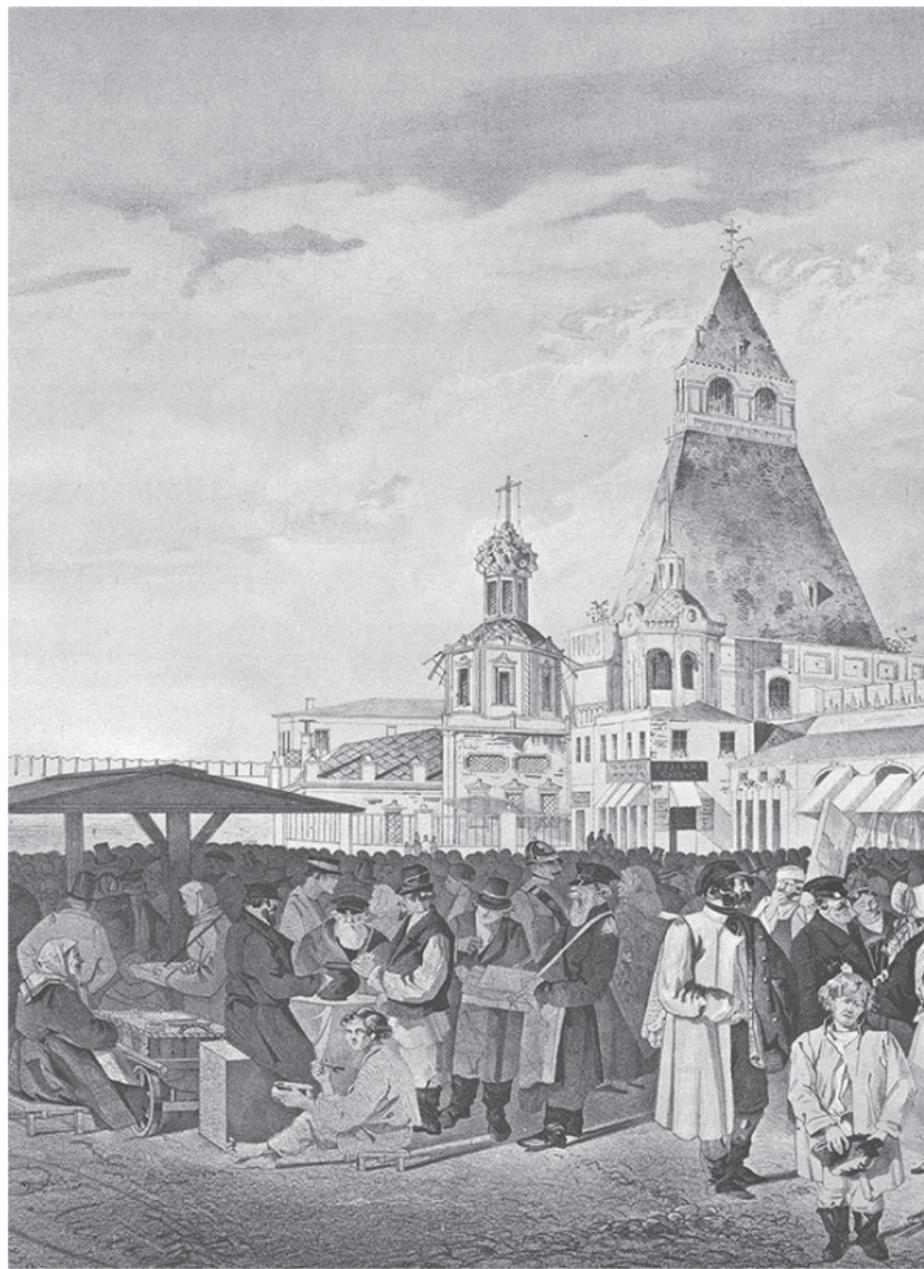
*Пльви, Галера, веселися!
К Лиону[227] в маскарад пусти-
ся,*

*Один остался вечер нам,
Там ждут нас фрау баронесса
И сумасшедшая повеса,
И Лиза Карловна уж там.*

Всего стихотворения на Пресненские пруды мы не выписываем, так как полагаем, что приведенные строфы дают уже полное понятие об этой уличной сатире начала XIX века. Прибавляем только для полноты заключительные строфы этой поэмы:

*Но пора к своей постели,
Месяц стал среди воды,
Ах, до будущей недели
Адью, милые пруды!*

Толкучий рынок на Новой площади. Фото-гравюра по рисунку Н. Мартынова. 1886

Глава XXV

Историческое прошлое рынка Москвы. – Торговые дни. – Старый и Новый Гостиный двор; разряды торговых и промышленных людей. – Люди гостиной, суконной и черной сотен; обязанности сотен в отношении городского благоустройства. – Приезжие гости. – Гречане и персы. – Гильдии. – Шестигласная дума. – Именные граждане. – Права всех гильдий. – Московские ряды в 1626 году. – Очистительная присяга у Казанского собора. – Крестное целование. – Поединки. – Ограда Казанского собора. – Триумфальные ворота. – Страшное место «яма». – Несостоятельные должники. – Жертвователи. – Приказные «от Казанской» и Иверских ворот. – Деление рядов. – Общая картина рядов и Гостиного двора. – Зазывальщики и мелкие торговцы.

С незапамятных времен рынком Москвы был Китай-город; там с седой древности были ряды, лавки, подворья всех главных торговых русских городов, посольский двор для послов иноземных и Гостиный двор для иноземных гостей-купцов, приезжавших с товарами.

«Площадь перед Кремлем, – писал Олеарий в 1630 году, – есть главный рынок города. В продолжение целого дня тут кишит народ. Вся эта площадь полна лавками, а равно и все примыкающие к ней улицы (ряд) и свой квартал (чет); так что купцы, торгующие шелком,

не мешаются с продавцами сукна и полотна, ни золотых дел мастера с седельщиками, сапожниками, портными, меховщиками и другими ремесленниками. Каждое производство и каждое ремесло имеет свою улицу. В средних рядах, в лавках с бельем, сидят торговки. В образном ряду не продаются, но меняются без всякаго торга образами. Есть такой пушной ряд, который завален пуховыми матрацами».

Из древних других сказаний видно, что церковь Пречистой Казанской Божией Матери построена близ ряда, где ножевщики имеют свои лавки. Каждому товару в Москве был назначен свой ряд и свое место. Были ряды: пряничный, птичий, харчевой, калачный, крашенинный, сапожный, шапочный, коробейный, медовый, восчаный, домерный, где продавались бубны, домры и барабаны.

В Китай-городе был «свежий рыбный ряд». На берегу Москвы-реки существовал другой такой же ряд, где лежала соленая и мороженая рыба; летом в этом месте вонь была такая нестерпимая, что иностранец не мог пройти мимо, не зажимая себе носа, но русские, по за-

мечанию иноземцев, не чувствовали этого запаха.

Перед Кремлем, на Красной площади, можно было закупать всякие домашние потребности. Этот рынок постоянно кишел народом. Близ полукруга, устроенного для торжественных церемоний, было особое место, где женщины продавали преимущественно свои домашние изделия. Около самого Кремля было расставлено множество шалашей, рундуков, скамей, где мелочные торговцы торговали всякой всячиной. Близ главного рынка был ряд винных погребов; по словам иностранцев, в конце XVII столетия их было до двухсот; в одних продавались иноземные вина, в других меда и проч. На Ивановской площади происходил торг людьми; русские продавали пленников своим и чужим и совершали купчие крепости, которые писались площадными подьячими.

Торговля производилась в известные дни и по указу царя Алексея Михайловича должна была прекращаться в субботу, как начнут в соборе благовестить к вечерне. За три часа до вечера ряды и торговые бани затворялись.

По воскресеньям, с пятого часа дня, рядов не отпирали и ничем не торговали, а как четыре часа минет, начинали торговать всяким товаром и харчем; скотский же корм, овес и сено, продавали во всякие дни и часы. В Господние праздники наблюдалось то же самое, что и по воскресеньям; во время крестных ходов запрещено было торговать и отпирать ряды до тех пор, пока из хода со крестами придут в соборную церковь. Кто торговал и работал в воскресные дни, тех брали, привозили в съезжую избу, доправляли два рубля «заповеди» и записывали в книги; если кого заставляли в другой раз за таким делом, то брали четыре рубля «заповеди» и сажали на неделю в тюрьму.

В старину в Москве и Новгороде были и такие ряды, о которых теперь не имеют никакого понятия. Так, был ряд книжный, где сидели попы и дьяконы, и ряд саадашный, где продавали военные люди все, что нужно для вооружения. Торговля съестными припасами в старину производилась большею частью на улице. Мелочные рядские торговцы размещались, придерживаясь старинного обычая, и

ставили свои товарные избы – пирожни, блинни, квасные кади, шалаши под суслевые кувшины и всякие другие торговые скамьи и лавочки, выдаваясь на улицы. Нынешних повинностей тогда не существовало, а были пошлины вроде: мыти, сотое, тридцатое, десятое, свальное, складки, повороты, статейное, гостиное и другие мелкие, которые уже лет двести как позабыты и отменены. Указом 1679 года сентября 4-го повелено: «Всякими товары торговать в рядах, в которых коими указано и где кому даны места. А которые всяких чинов торговые люди ныне торгуют на Красной площади и на перекрестках и в иных не в указанных местах, поставя шалаши и скамьи, и рундуки, и на веках всякими разными товары: и те шалаши и скамьи, и рундуки, и веко с тех мест великий государь указал сломать и впредь на тех местах никому, ни с какими товары не торговать, чтобы на Красной площади и на перекрестках и стеснения не было».

Самые ценные товары и оптом продавались в Гостином дворе. Здание Гостиного двора сначала было каменное; строилось оно

царскою казною, которая собирала с нее доход, – гости нанимали в нем лавки и палатки от казны; часто доходы с лавок Гостиного двора давались в награду царским дворянам за службу, точно так же как поместные земли или дачи на известное время, по жизнь или в отчину, то есть в наследие.

В Гостином дворе были места и постройки, принадлежащие и многим ведомствам: камер-коллегии, медицинской конторе, сибирскому приказу; кроме того, были там ростовское подворье с церковью Введения Пресвятыя Богородицы, на котором были дома церковного причта, затем и казенные питейные дома; владения здесь были очень перемешаны; были и такие здесь постройки, что низ принадлежал частному лицу, а второй этаж казне.

Первый каменный Гостиный двор был выстроен в 1626 году июля в 17-й день, по указу царя Михаила Феодоровича: «Устроили разного звания ряды по государеву указу окольничий князь Гр. Кон. Волконский, да дьяк Волков после Китайского пожара». Гостиный двор в первое время разделялся на два двора:

Старый и Новый.

Над воротами Старого Гостиного двора, против церкви Великомученицы Варвары, была надпись: «Божиею милостию, повелением благочестиваго и христоролюбиваго великаго государя Михаила Феодоровича и сына его христоролюбиваго царевича, лета 6641».

Над воротами Нового двора была другая надпись: «Божиею милостию повелением благовернаго и христоролюбиваго великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца и иных многих государств и земель восточных и западных, и северных отчича и дедича, и наследника и обладателя, сделали сей Гостиный двор в 25-тое лето благочестивыя державы царствия его...» Всей подписи мы не приводим; год постройки поставлен 1664-й, началась же она с 1661 года. Гостиный двор после уже разделили на четыре двора: Старый, Новый, Соляной и Рыбный. В первых двух были ряды с лавками и амбарами; в последних лавки, шалаши и шалашные места. Из рядов первыми были: Панской, Стекловый, Астраханский и Хрустальный. Ко-

гда увеличились торговые обороты, то ряды Рыбный и Икорный, бывшие в Старом Гостином дворе и состоявшие из шалашей и амбаров, переведены на Соляной рыбный двор.

Описывая Гостиный двор, не излишним считаем объяснить различие торговли прежних времен с нынешней и разряды торговых и промышленных людей. Первыми из них мы видим гостей, гостиные и суконные сотни торговых людей и затем черные сотни. Эти разряды пополнялись переводом из низшего разряда в высший, также переводом зажиточных посадских людей из городов, и, по челобитью гостей и гостиной сотни торговых людей, сотни их пополнялись из московских черных сотен, из слобод и из городов лучшими людьми.

Посадскими людьми подразумевались в городах все торговые, ремесленные и промышленные люди, имевшие в городе свои тягловые (обложенные податью) дворы.

Число московских черных сотен при Михаиле Феодоровиче простиралось до десяти; кроме сотен, были еще полусотни, как, например, такие: «мясичная»; название послед-

ней указывает на ее занятие. Также название сотен давалось по местности, где они жили в частях города: например, Дмитровская, Средненская, Покровская, а некоторые носили название тех городов, откуда они первоначально переведены, например Новгородская, Устюжская.

Обязанности черных сотен, по словам Костомарова, лежали в поддержании городского благоустройства, как то: мощение улиц, держание разного рода лиц, которым отводились квартиры; они давали за земский двор целовальников. Последнее слово в старину имело совсем другое значение, чем теперь, – происходило оно от слова «целование», означавшего присягу. Князь Щербатов говорит: «В древности некоторые холопы и другого звания люди, которые платили дань определенным для сбора чиновникам, но как дань не была приведена в известность, то эти первые собиратели ее должны были присягать или целовать крест в том, что они все без утайки доставят своему государю».

Гостями назывались приезжие из других стран торговые люди и те из посадских лю-

дей, которые по знанию какого-либо рода промысла избирались на царскую службу по внешней торговле и посылались с товарами в иностранные земли. Из них собственно и составлены были гостиная и суконная сотни.

За доставленную прибыль по царской службе и радению давалось им в награду почетное звание гостя, с правом на вольный промысел и на откуп некоторых статей казенной внутренней и внешней торговли.

Бывали примеры, что гости были возводимы в сан думных дьяков. Гости бывали призываемы царем на совет; они подавали разные финансовые проекты. Так, например, гость Веневитинов подал проект брать с мордвы дань. Случалось, что и иноземцы были возводимы в сан гостей; так, например, в 1660 году братьям Бернардам пожалован титул гостей. Котошихин рассказывает о иноземных гостях, или купчинах персидских и гречанах, что приезжали со своими товарами ко двору царя и «подносили их в дарех, а после того те товары ценились торговыми людьми, и по оценке им давалось соболями и рухлядью; и таких товаров на всякой год по-

купалось множество, потому что боярам и иных чинов людям купить окромя царя никому невольнo...»

«Таких гречан и персиан на год в Москву приходило по 50 и 100 человек, и живут они для продажи многие годы, и дается им корм и питье, довольное от царя. Персидские купчины приезжали с шелком сырцом и вареными и всякими тамошними товарами, а гречане приезжали ежегодно, привозя товары всякие: сосуды столовые и питейные, золотые и серебряные с камением, с алмазы, и с яхонты, и с изумрудами, и с лалы, и золотны портища, и конские наряды, седла, и муштуки, и узды, и чапраки со всяким камением, и царице и царевнам венцы и зарукавники, и серги, и перстни с разными ж камением не малое число». При царе Феодоре Иоанновиче в гостинной сотне гостей и гостинной сотне торговых людей лучших, средних и младших было 350 человек, а в суконной сотне – 250 человек.

Торговые люди много теряли в Смутное время, и число их быстро падало и требовало пополнения зажиточными людьми из других городов.

В Москве торговали и некоторые служилые люди, так, например, «стрельцы, которые набирались из людей гулящих от отцов дети, от братьев братья, от дядей племянники, подсоседники и захребетники, нетяглые, непашенные и некрепостные люди, которые были собою бодры и молоды, и резвы, те имели право торговать и промыслять своим рукодельем и покупали не в скуп, что носящее не от велика», от полтины или от рубля бестаможно и беспошлинно, а которые из них торговали на сумму более рубля или в лавках сидели, те платили в казну тамгу, полавочные и всякие пошлины, как и торговые люди.

Суконной сотни купцы торговали сукнами и другими шерстяными материями. Все эти сотни, взяв от правительства проезжую грамоту, ездили в заграничные земли.

Черных сотен и слобод купцы и посадские имели только право торговать мелочным товаром и внутри государства. Из гостиной сотни избираемы были во внутренние таможни в бургомистры и головы, а из черных сотен – в целовальники, к продаже казенных питей и соли.

Купечество ведомо было сперва в общих судебных местах, но когда учреждены были приказы, то в Земском приказе, а иногда в казенном дворце, как в 1664 и 1665 годах; иногда же купечеством управляла и большая московская таможня. Государственные подати платили купцы с промыслов и с достатка своего по мере возвышения или упадка своего. Петр Великий в 1720 году учредил купеческий магистрат и городских купцов разделил на три гильдии.

Слово «гильдия», как уверяет Татищев, происходит от слова «гильда», означającego то же, что теперь цех.

В первую он поместил крупных торговцев, во вторую – торгашей, или лавочников, и хороших ремесленников, а в третью – всяких простых ремесленников и мастеров. Древняя наша внутренняя торговля была ярмарочная. Каждый производитель, земледелец, ремесленник, платя подать своим произведением, вез его в известное время года на ярмарку или в город, торговал на возу, раскидывал палатку или заводил лавку.

Внешняя торговля была собственно цар-

ская, до времен Петра Великого; точно так же учужные[228] рыбные и соленые промыслы оставались за дворцовым обиходом, и только то, что оставалось, за царским расходом, продавалось всякого чину людям. Обычай выбирать из купленных или вымененных у иностранцев товаров лучшие сорта для царской казны не только лишал торговца хороших сортов товаров, но и отнимал у него время простым и ожиданиями.

Царская казна вообще вела торговлю всеми предметами: она покупала чрез своих агентов воск, поташ, пеньку и проч. и променивала на заграничные товары; все, что оставалось на долю купца, было обложено множеством пошлин и стеснено казенными монополиями.

Купец в старое время был всегда под надзором власти; не обеспеченный законом, он никогда не выходил из-под произвола воевод, таможенных и приказных людей. Флетчер говорит, что русский купец, раскладывая свои товары, боязливо осматривался на все стороны, не идет ли к нему какой чиновник, чтобы взять у него что получше и притом даром. Со-

биратель пошлин непременно постарается сорвать с торговца что-нибудь лишнее на заставах, мостах, перевозах и проч. Кроме установленных поборов, его не пропустят без взятки.

Правильные повинности купцы стали нести при императрице Екатерине II, по объявленному ими капиталу в шестигласной думе, с которого они платили в казну по одному проценту со ста. Объявивший капитал от одной тысячи до пяти принадлежал к третьей гильдии и мог отправлять мелочной торг; объявивший капитал от пяти до десяти тысяч принадлежал ко второй гильдии и торговал чем хотел, исключая торговли на судах, да еще не мог держать фабрик; объявивший от десяти до пятидесяти тысяч и платящий с них по одному проценту принадлежал к первой гильдии и мог, сверх промыслов второй и третьей гильдии, производить иностранную торговлю и иметь заводы.

Имевшие корабли и дело не менее как на 100 000 рублей или избранные два раза заседателями в судах отличались от купцов первой гильдии тем, что назывались «имениты-

ми гражданами».

Это звание давало им право ездить в городе в четыре лошади, иметь загородные дачи, сады, также заводы и фабрики; они, наравне с дворянами, освобождались от телесного наказания.

К именитым гражданам причислялись также ученые, которые могли предъявить академические или университетские дипломы и письменные свидетельства о своем знании или искусстве и которые, по испытаниям российских главных училищ, такими признаны. Также к именитым гражданам причислялись художники четырех отраслей: архитектуры, живописи, скульптуры и музыкосочинители. Внукам именитых граждан, если дед, отец и сами они беспорочно сохранили именитость, дозволялось старшему, по достижении тридцатилетнего возраста, просить о возведении в дворянство. Звание именитых граждан было уничтожено при императоре Александре I.

Купечество первой и второй гильдии тоже освобождалось от телесного наказания. Купцам первой гильдии дозволялось ездить в го-

роде в карете парю; второй – в коляске парю; третьей же гильдии купцам запрещалось ездить в таких экипажах и дозволялось в экипажи впрягать зимою и летом только одну лошадь. В екатерининское время иностранное купечество, торговавшее оптом, носило название «иностранных гостей», и если они не были записаны в гильдию, то должны были платить пошлину: одну половину – голландскими ефимками, стоимость которых была 1 рубль 25 копеек, а другую – российской монетою.

Возвращаясь к описанию московских рядов, мы видим, что уже в 1626 году, после пожара, по новому чертежу на Никольской улице были ряды: Иконный и Саадачный, или Саадашный. Рыбный, Сапожный и Красный ряды были отведены на другое место. Как мы выше уже заметили, близ этих рядов гнездились в шалашах и прилавках мелочная торговля; здесь же на выносных очагах варились и жарилось кушанье; кадки суслеников и квасников предлагали прохожим вкусное питье, а колодцы у дворов – чистую воду, которую черпали из них бадьями. На Никольском

крестце стояли бочки, кади и скамьи. Там с утра до вечера толпились московские купцы, греческие гости, торговые люди, слободчане и стрельцы.

В соборе Казанской Богоматери приводили купцов к очистительной присяге; в такие часы раздавался унылый благовест с колокольни этой церкви.

Близ Никольской находилось особое место у городской стены, в переулке, у церкви Троицы, в Старых полях, где, кроме крестного целования, тяжущимся предлагались поединки. Здесь было некогда позорище судебных поединков, которые, подобно крестному целованию и испытанию железом, составляли судебные доказательства. Это поле, или польце, называлось Божьею правдою, Божьим судом; там истец с ответчиком бились в присутствии окольничего и дьяка, также боярина, дворецкого, казначея, недельщика, праветчика и подьячего, а со стороны польщиков – при стряпчих и поручиках, но посторонние туда не допускались. С каждого дела, решенного полем, польщики вносили пошлину в пользу судей. Приступая к такому доказательству правоты,

судьи спрашивали истца: «А ты лезешь ли на поле биться?» – «Лезу», – отвечал тот. Оружием у ответчика и истца были ослопы (дубинки).

По свидетельству Рафаила Барберини, в Европе в XVI веке польщики сражались в доспехах; наступательным их оружием было надетое на левую руку железо с двух остриях, а в правой руке вилообразное копье, за поясом топор.

Из актов XVI столетия узнаем, что нередко польщики, став у поля, мирились и даже от поля бегали. Уставы церкви преследовали таких поединщиков: убитых на судебном поединке лишали честного погребения – церковь отвергала от общения с собою убийц и семь лет не допускала к приобщению Св. Тайн даже и того, кто, и вышед на поле, сойдет не бившись.

Если верить старому преданию, по словам Алексева, автора церковного словаря, то в Китай-городе, близ Никольских ворот, прежде были три полянки с канавою, у которой, по сторонам ставши соперники и наклонивши головы, хватали друг друга за волосы,

и кто кого перетянет, тот и был прав. Побужденный должен был перенести победителя на плечах через речку, которая была за стеною на север у «Троицы в Полях». Последние поединки были в обычае только у простонародия.

До 1812 года ограда собора Казанской Богоматери служила местом выставки лубочных картин, какие продавались и на Спасском мосту.

Пред вступлением наполеоновских войск в Москву здесь вывешивались карикатуры Тербенева и Яковлева на Бонапарта и на французов; они питали и укореняли в народе ненависть к врагам; сюда стекались московские жители глядеть и читать их; они любили слушать толки и рассказы словоохотного торговца этими картинами, которые выходили из фабрики Татьяны Ахметьевой.

Лет полтораста тому назад у этого же собора возвышались богатые триумфальные ворота, сооруженные в 1742 году от Святейшего синода для коронации императрицы Елисаветы Петровны. На воротах был изображен св. благоверный князь Владимир лежащим, а из

чресл его выросшее дерево, на ветвях которого изображался род царский, начиная от равноапостольного Владимира до императрицы Елисаветы, над ликом которой виднелась следующая надпись на двух языках: *Et documenta damus qua sumus origine nati*. «Довольно показуем, откуда начало рождения нашего имени».

Ближе к Иверским воротам, у собора Казанской Богоматери, во дворе губернского правления помещалось еще в недавнее время страшное место для купца – «яма». Место это теперь занято новым зданием присутственных мест.

В «яму» сажали несостоятельных купцов; перед этим купец скрывался. Искали его всюду, ездили в Угреши, к Троице. Искавшему предлагали сходить даже к Василию Блаженному к ранней, там его не застанет ли? Накрывали больше купца или на улице, или в пьяном виде у подруги сердца. Случалось так, что тот же квартальный надзиратель, который у купца пил и ел, препровождал его и в «яму». Обыкновенно, это бывало вечером. Шли они друг от друга на благородной ди-

станции, – купец норовил не подпускать квартального к себе на пистолетный выстрел. Но у ворот «ямы» квартальный быстро настигал купца и здесь уже сдавал его вместе с предписанием.

У входа в «яму», где сидели неисправные должники, перед дверьми стоял солдат с ружьем, и еще ходил дежурный сторож, отставной солдат, который опрашивал и пускал через цепь приходивших. Бывало, солдат угрюмо спрашивал подходившего: «Вы с подайником, что ли?» – «Нет, так, посмотреть», – говорил праздный зритель. «Тут смотреть нечего», – сурово замечал служивый. «А вы зачем?» – обращался он к пожилой женщине, видимо из купчих. – «Так, поплакать пришла», – отвечала благочестивая купчиха, утирая глаза.

В большие праздники купечество присылало в «яму» корзины с съестными припасами; более всего приносились калачи. Бывали и такие пожертвования: один благочестивый купец на помин души бабушки к рождественскому разговению пожертвовал пятьсот бычачьих печенок.

Жертвовали и вещами: присылались к празднику бумажные платки, правда слежавшиеся, выцветшие и в дырках, или приносилось несколько пар резиновых галош, и все на одну ногу или детские.

«Яма» носила также название временной тюрьмы. Временною она называлась потому, что здесь содержались должники до тех пор, пока выплатят долг. Название же «ямы» она получила от крутой отлогости к стороне Белого города. По другим преданиям, здесь нарочно было вырыто углубление для монетного двора, – это-то углубление и дало описываемой тюрьме название «ямы». И действительно, подойдя к ней с дворика и облокотясь на перила, можно было видеть внизу, сажени на три глубины, другой небольшой продолговатый дворик, устланный плитным камнем, и вокруг него жильё.

Замечательно также, что у ворот «ямы» всегда впервые в Москве появлялись у разносчиков на лотках свежие огурцы, и первые свежие грибы весной можно было найти тут же.

Не менее замечательно было еще одно ме-

сто: в доме присутственных мест, где теперь свечные лавки, прежде был винный погреб; многие помнят еще, как в мрачном и длинном подвале его заседали разные чиновники, выгнанные за темные дела из службы: здесь обделывались всевозможные дела, платились деньги, писались просьбы и т. п. В погребе и около дверей его целый день толпились подьячие.

По уничтожении погреба подьячие разместились от Воскресенских ворот до Казанской, отчего и получили оставшееся до сих пор за ними название – «от Казанской». Здесь ежедневно, в десять часов утра, собирались они, выстраивались в ряд по тротуару, совершали разные дела на улице, в трактирах и в низших присутственных местах и потом расходились. Несколько лет тому назад их и отсюда прогнали; их место заняли торговцы, а они перешли к трактирам, что против присутственных мест, к Маленькому Московскому и Егорову.

К ограде Казанского собора примыкал Ножевой ряд.

Этот ряд составляли каменные лавки, па-

латки и пещуры, которые тянулись уступами по улице. Против собора и этого ряда, на другой стороне, где были еще недавно бумажные, книжные и табачные лавки, был прежде Саадачный ряд, где, как мы выше говорили, продавались колчаны с луками и стрелами; за Саадачным рядом следовал Седельный, Манатейный, то же что Епанечный, Кружевный и Ветошный, где торговали не только старым платьем, но и пушным товаром.

На левой стороне, между маклерскими конторами, на месте, где теперь книжная лавка, кажется Свешникова, прежде был главный вход в Управу благочиния. На этом месте, пред вступлением неприятеля в 1812 году в древнюю столицу, раздавались и жадно схватывались афиши графа Ростопчина, возвещавшие о печальном жребии Москвы.

Ограду Заиконоспасского монастыря по Никольской улице до 1812 года занимали иконные лавки и ступени. По указу 1753 года повелено было сломать их, потому что ими стеснялась и без того тесная улица, вымощенная деревом, а вместо них сделать каменную стенку. В это время засыпаны колодези на

улице у дворов и вырыты новые на самых дворах.

Книжная торговля в этом месте открыта позднее. В елисаветинское время торговали бумагою, церковными книгами, немецкими потешными листами, молотковыми и простыми картами в Овощном ряду, потом на Спасском мосту, где первый из русских букинистов, Игнатий Ферапонтов, начал производить торг древними и старинными книгами и рукописями. В 1710 году, кроме Овощного ряда, продавались заморские листы в Иконном и Ветошном рядах. Такая торговля там существовала еще при Тредьяковском, который ссылался на стихотворцев Спасского моста, этого старинного приюта для слепых певцов Лазаря и Алексея Божия человека.

Отдавались от монастыря иконные лавки; впоследствии в них стали торговать книгами. Из первых торговцев известны Тараканов, Полежаев, Акохов, Козырев, Матушкин, Василий Глазунов, Сопиков, Селивановский.

Московские торговые ряды разделялись на три отделения.

В первом отделении, против Красной пло-

щади, пространство от Никольской улицы до Ильинской, в длину заключало в себе восемь дальних рядов, имеющих свои названия по роду товаров. Каждая линия заключала в себе еще различные ряды. Так, линия торговых рядов первого отделения имела восемь названий: Ножевая (лицевая, с площади), Овощная, Шапочная, Суконная Большая, Суконная Малая, Скорнячная, Серебряная и Большая Ветошная, или Покромная, – ряды линий первого отделения; линия Ножевая имела ряды: Новый Овощной и Съедельный; линия Шапочная имела четыре ряда: Колокольный, Холщовый, Кафтанный и Шапочный; Большая Суконная линия – четыре ряда: Железный, Лапотный, Малый Золотокружевный и Смоленский Суконный; линия Суконная Малая – пять рядов: Сундучный, знаменитый своими пирожками и квасом, Нитяной и Малый Крашенинный, Большой Золотокружевный, Трапезный и Московский Суконный, поперек этой линии шел Большой ряд Крашенинный; линия Скорняжная делилась на Бумажный, Епанечный, Скорнячный и Шелковый ряды; линия Серебряная – на Иконный, Женский

Кружевной, Малый Ветошный и Серебряный; линия Большая Ветошная – на Перинный ряд, затем Большой Ветошный и Сальный, лицом на Ильинку – Панский.

Второе отделение между улиц Ильинской и Варваркой и между Москворецкой набережной и переулком Хрустальным или Гостиным двором имело 10 отдельных линий, которые содержали еще несколько рядов. Линии второго отделения носили названия: Лицевая, Игольная, Кушачная, Овощная, две Суровские, Москательная, Скобяная, Зеркальная и Хрустальная, или Лицевая к Гостиному двору. Ряды линий второго отделения – на лицевой два ряда: Фряжский (погреб с винами) и Восковой; линия Игольная с Верхней Игольной; линия Кушачная с рядом Кушачным. Овощная имела два ряда: Овощной и Сафьянный; линия Суровская делилась на линии: Суровскую, Юхотную, Судовую и Медовую; другая Суровская линия имела Малый Юхотный и Большой Новый Суровский ряды; поперек всех линий шла Москательная линия, которая делилась на два ряда: Нижний Игольный и Медно-москательный; линия Скобяная име-

ла два ряда: Скобяной и Большой Юхтяный. Линия Зеркальная имела два ряда: Зеркальный и Старо-Сняточный; здесь торговали шелковым товаром. Линия Хрустальная имела ряды: Бумажный и Хрустальный.

Третье отделение – между улицами Варваркой и проулком Зарядья, лицевая сторона – на Москворецкую улицу, а задняя в линии с Хрустальным рядом заключала четыре линии: на первой – ряды Семянный и Кулечный; на второй – Мясной и Коренной Рыбный и Нижний Медовой; третья и четвертая линии состояла из двух Юхотных рядов. Отделение это отделялось от Мытного двора Мясным переулком.

Кроме упомянутых рядов, находились ряды: Книжный по Никольской улице, против первого отделения; затем по Ильинке, от Лобного места: Сапожный, Шапочный, Платьяной – существует еще Шапочный на Ильинке, близ ворот, с правой стороны. Затем на той же Ильинке, с правой стороны под посольским домом: Табачный, Мыльный, Нюрембергский – против Гостиного двора, в переулке – и общественный Рыбный; подле церкви

Василия Блаженного – Масляный; за этим рядом по обеим сторонам Москворецкой улицы: Меловый и Бакалейный, и затем, по обеим сторонам той же улицы к мосту: Мучной и Живорыбный. Гостиный же рыбный двор в старину стоял против церкви Варвары Великомученицы; он сломан в 1792 году, построен же был в 1641 году царем Михаилом Феодоровичем. Что же касается ряда в Охотном ряду, то он основан только в 1791 году; по плану Москвы 1786 года вся площадь, где он помещается, была застроена.

В старые времена и времена, близкие до ломки, общая картина московских рядов и Гостиного двора представляла самую кипучую деятельность. Ночью вся эта часть, запертая со всех сторон, представляла какой-то необъятный сундук с разными ценностями, охраняемый злыми рядскими собаками на блоках да сторожами. Но лишь только на небе занималась заря и вставало солнце, как вся эта безлюдная и безмолвная местность вдруг растворялась тысячами лавок, закипала жизнью и движением. Длинной вереницей тянулись к рядам тяжело нагруженные

возы от Урала, Крыма и Кавказа. Любопытствующий мог здесь услышать имена всех значительнейших городов земли русской и увидеть всевозможные произведения как сырья, так и отделанные, начиная с пеньки и железа и кончая бархатом, замком, самоваром и т. д. Куда глаз, бывало, ни взглянет, всюду движение и кипучая деятельность: здесь разгружают, там накладывают возы; артельщики так и снуют; тюки, коробка, мешки, ящики, бочки – все это живой рукой растаскивается, скатывается в лавки, в подвалы, амбары и палатки или накладывается на воза.

Длинные, извилистые полутемные ряды построены без плана и толку, в которых без путеводителя непривычному не пройти; все эти ряды сохраняли и вмещали в себя товары ценою на миллионы рублей. Посмотрите эти склады товаров, они едва обозначены скромными вывесками; присмотритесь к товарам, к продавцам и к покупателям, и удивление вас встретит на каждом шагу. Здесь есть лавки, где блеск серебра переливается с жемчугами и бриллиантами, и недалеко от них навален чугун, свинец плитками. Тут, например:

парчи, бархат и атлас, а у соседа продаются рогожи, цыновка. Здесь галантерейная лавка, и рядом с ней тряпичник; там чай и сахар, а напротив москательный товар: скипидар, вохра; там сукно, полотно, кожа, писчая бумага. Помимо, так сказать, главных магазинов во всем городе по светлой Ножевой линии, от Никольской улицы к Ильинке, тянутся еще многочисленные шкафчики; они пристроены к простенкам, находящимся между множества одиноких высоких и широких стеклянных дверей, в несколько растворов, служащих входом в Ножевую линию с Красной площади. Как на длинной черте в равном расстоянии расставленные точки представляются взорам вашим эти шкафчики, стоящие задом к площади. Они окрашены белой масляною краскою; когда заперты, то имеют вид полуколонн, когда же отперты, то нижняя часть их служит прилавком, а верхняя привлекает взоры мимоходящих размещенными в ней разными недорогими товарами. Об этих товарах вам кричат мальчишки, будто глухим: «Ленты, шпильки, булавки, гребни, тесемки, шнурки, духи, помада, Самохотов бальзам,

перчатки... Что угодно? Пожалуйте-с... пожа-
луйте-с! У нас покупали». Или уже несется го-
лос более взрослого из внутренних темных
рядов: «Почтенный господин, что покупае-
те-с?.. У нас фундаментальные шляпы, обстоя-
тельные лакейския шинели, солидные брас-
леты, нарядные сапоги, сентиментальные ко-
лечки, помочи, восхитительная кисея, пре-
зентабельные ленты, субтильные хомуты,
милютерные жилетки, интересное пике,
немецкие платки, бор десау, бархат веницей-
ской, разные авантажные галантерейные ве-
щи, сыр голландский, мыло казанское, гар-
лемские капли... У нас покупали!» и пр.

Часто такие выкрики заглушаются более
неистовым криком, непонятым для обыкно-
венного смертного. Это вдруг прокричит ка-
кой-нибудь торгаш с большим лотком на го-
лове, и сколько другой ни бьется, а крика та-
кого парня не разберет и не поймет, продает
же он самую обыкновенную вещь: или бара-
нину, или бычьи почки; товар его всегда по-
крыт сальною тряпкою, и потребитель его –
местный купец-торговец. Идут здесь и другие
мелкие торговцы, которые назойливо приста-

ют к проходящим; вы видите их тут и с корзиночками, и с метелочками, и со стеклянными фигурками, и с статуэтками, и душат же они вас своими причитаниями; ходят и бабы, кричащие пронзительно: «Ниточек, ниточек!», причем с визгом ударяется на букву «и». Далее кричат: «Шнурочков, чулочков». Такие торговки зорко глядят, нельзя ли где что-нибудь украсть или вытащить у зазевавшегося из кармана. Ходили еще и старцы, продававшие светильни для лампадок и курительные монашки и пр. Словом, здесь была всегда пестрая ярмарка с самыми разнородными товарами и всевозможными сортами покупателей.

Старый Петербург Рассказы из былой жизни СТОЛИЦЫ

От автора

В настоящей книге собраны сведения об истории и жизни Петербурга в конце XVIII и начале XIX столетия. Источниками для нашего труда служили не одни только русские и иностранные сочинения, подробно указанные в конце книги, но и изустные рассказы петербургских старожилов.

Собор в Петропавловской крепости. Литография А. Дюрана. Ок. 1842–1847

Глава I

Петербургский край до основания столицы. – Ландскрона. – Новгородские погосты в пределах нынешнего Петербургского уезда. – Дубовые леса на островах. – Прозвища первых новгородских поселенцев. – Клады. – Торговый город Ниеншанц. – Шведские фермы в черте нынешней столицы. – Насильственные меры против православия. – Племя воль и идолопоклонство. – Взятие Ниеншанца. – Пленные шведы. – Охта. – Основание Санкт-Петербурга. – Пути и дороги к возникающему городу. – Первые строения. – Усиленное заселение города. – Жилища поселенцев. – Рабочий день Петра I. – Дворцы сановников царя. – Улицы. – Летний сад. – Адмиралтейство. – Первый корабль «Полтава». – Численность Петровского флота. – Адмиралтейство в последующие эпохи. – Перестройка здания Адмиралтейства при Александре I.

С первых лет существования Древней Руси местность, где лежит теперь Петербург, входила в состав обширной Новгородской области. Летописец Нестор говорит, что по Неве [229] ходили новгородцы в Варяжское море, а там и до Рима. В 1300 году, в самый Троицын день, на берега Невы приплыл с войском и с итальянским архитектором, присланным от самого папы, шведский маршал Торкель и основал там крепость Ландскрона (Венец края) на месте, где теперь стоит Александро-Нев-

ская лавра. Такое опасное соседство шведов сильно встревожило новгородцев, и не прошло года, как на призыв последних прибыл из Суздаля великий князь и уничтожил шведское поселение. В летописях находим[230], что в 1348 году двинулась против Орешка шведская флотилия под предводительством короля Магнуса. Войдя в устье Невы, король остановился на Березовом острове (нынешняя Петербургская сторона) и отправил отсюда гонцов в Новгород о присылке «философов» для препирательства о вере. Более двухсот лет после того новгородцы владели этою местностью. В обыскных, платежных и оброчных книгах XVI и XVII столетий находим, что вся местность, лежащая узкою полосой по обеим сторонам Невы, вплоть до Финского залива, составляла погост Спасский и Городенский и была присуд, или округ, ведомства города Орешка (Шлиссельбурга). Все же острова, составляемые протоками Невы при ее устье, у новгородцев носили название Фомени, от испорченного финского слова *tamminen* – «дубовый». Вероятно, в старину в здешних лесах дуб составлял редкость; на пе-

тербургских же островах он встречался во множестве, о чем свидетельствуют еще до сего времени растущие на Елагином и Каменном островах пятисотлетние огромные дубы. Из книг новгородских видно, что в волости государевой на Фомени состояло пришедших в запустение 35 обж[231], или 525 десятин, пахотной земли.

Вот прозвища русских жителей, обитавших в пределах нынешнего Петербурга: Вергуцины, Гаврилкины, Звягины, Мишкины, Омельяновы. В отказных и обыскных книгах 1587 года сказано: «В прошлых годах ореховский наместник и воевода князь Богдан Гагарин послал Будашева на государеву службу в подъезд под немецкие люди в Ижерский погост, и тут взяли его в полон немецкие люди свейские». Там же написано: «Усадище, где живал Субота Похабный на Неве-реке, на паруге (пороге), двор выжгли немецкие люди, как шли под Орешек».

Об исторической былой жизни этой местности тоже свидетельствуют найденные в земле в разные времена серебряные монеты, битые в VIII и XI веках. Так, в 1797 году в Га-

лерной гавани вырыт был котелок с монетами, битыми около 780 года; одна из этих монет, доставленная С. М. Усову, была выбита в правление третьего халифа аббасидов, Мегди. В 1799 году, при истоке Невы, найден был сосуд с серебряными монетами арабскими. В 1809 году на берегу Ладожского озера рыбак отрыл в земле целую бочку серебряных куфических монет весом несколько пудов. Вот как описывали эту находку газеты: «Крестьянин г-жи Бестужевой в 12 верстах от устьев Волхова увидел однажды, что дерево, к которому он привязывал свой челнок, вырвано бурей; желая прикрепить челн к корням дерева, он заметил, что земля под ним подмыта и унесена волнами; вглядываясь, он поражен был изумлением, увидев вдруг множество серебряных монет; при осмотре он увидел, что здесь была закопана бочка денег и дерево посажено над нею, как знак для отыскания. Дважды должен был крестьянин возвращаться на своей ладье для перевозки клада в деревню. Скоро о находке проведала земская полиция и помещица. Крестьянин должен был часть возвратить и отдал семь пудов серебра, оставив, вероят-

но, при себе бóльшее количество, потому что через несколько лет выкупился сам и, выкупив семью, переехал в Тихвин, купил там дом и завел торговлю. Клад этот, к сожалению, перешел в плавильные горшки».

В 1616 году знаменитый шведский полководец Яков Делагарди представил королю Густаву II Адольфу, что недурно было бы возобновить крепость на Неве и заложить город при устье Охты. (В обыскных книгах 1586 года говорится: «Пустошь Корабельница, верхняя Ахкуя и нижняя Ахкуя», т. е. верхняя и нижняя Охта; по-фински река Охта называется Оха-иоки.) Мысль Делагарди была осуществлена только после утверждения Столбовского договора (27 февраля 1617 года), и вскоре после того, в 1632 году, шведы поставили, где находился некогда русский торговый городок Ниен, разграбленный и опустошенный в 1521 году морскими разбойниками, новое укрепление Ниеншанц; русские называли это место Канцы. По словам современников, в Ниеншанце было много превосходных пильных заводов и там строились хорошие и красивые корабли; помимо шведского, финского и

немецкого прихода, в нем находился и православный с церковью. От Ниеншанца ходил паром на левый берег Невы, к лежащему здесь русскому селению Спасскому, названному на шведской карте также Сабиную и находившемуся там, где теперь Смольный монастырь.

Миллер[232] говорит: «Не один Любек, но и Амстердам стал с Ниеншанцем торги иметь; водяной путь оттуда до Новгорода весьма тому способствовал; словом, помалу и российское купечество в Ниеншанц вошло и привело сие место в такую славу, что в последние годы один тамошний купец, прозванный Фризиус, шведскому королю Карлу XII в начале войны с Петром Великим мог займы давать немалые суммы денег, за что после пожалован был дворянством, и вместо прежнего дано ему прозвание Фризенгейм, и учинен судьей в Вильманстранде». Ниеншанц вскоре после отстройки выгорел почти дотла. На том месте, где теперь раскинулась столица с ее окрестностями, по шведскому плану, составленному в 1676 году, известно около 40 населенных местечек; вот некоторые из этих

мест: где теперь Невская лавра, местность названа Rihtiowa; местность между Невою и Мойкою носит имя Usadissa-saari; Sabola показана в нынешней Рождественской части; где кладбище Волково, местность названа Antolala; Выборгская часть Петербурга названа Avista; между Мойкою и Фонтанкою место названо Peryka-saari, т. е. земля, смешанная с навозом; старинное имя реки Фонтанки забыто, но есть основание, что имя Кеме принадлежит Фонтанке, – слово «кеме» значит по-фински «крутобережье»; деревня Кеме-joki находилась до основания Петербурга на левом берегу Фонтанки, около теперешних казарм Измайловского полка; прилежащий к Петербургской стороне Аптекарский остров на карте 1676 года написан Korpi-saari и удерживает и посейчас свое древнее имя на речке Карповке, – по-фински Korpi – необитаемый, пустынный лес. Имя Голодай происходит от финского halawa – ивовое дерево; по новгородским записям, Голодай назван Галевой; Лахта, по-фински lahti – залив. На месте нынешней Гагаринской пристани была Враловщина деревня, у Прачечного моста в нынеш-

нем Летнем саду – Парвушина, или Кононова, мыза и т. д. Существующий теперь перевоз от Смольного на Большую Охту остался неизменным с 1676 года. Известно, что русский язык был довольно распространен во время шведского владычества: король учредил даже в Стокгольме русскую типографию с целью печатать и распространять между православными жителями Карелии и Ингерманландии лютеранские духовные книги частью в русском переводе, а частью на финском языке, но все же напечатанные славянскими буквами, как более известными православному духовенству[233]. Позднее шведское правительство приняло насильственные меры против православия и стало склонять насильно вступать в лютеранскую веру. Все эти насильственные меры произвели между православным народонаселением Ингерманландии сильное неудовольствие, особенно племя водь оказало большое сопротивление, и многие обратились с жалобами к русскому правительству, которое, путем дипломатических сношений, потребовало соблюдения условий мирного договора касательно свободы веры в

уступленных Швеции областях[234].

По словам летописцев, в XVI веке в Вотской и Ижорской земле многие держались крепко язычества. Так, в некоторых местах существовали «скверные мольбища идольские, поклонялись лесам, горам, рекам, приносили кровные жертвы, закалывали собственных детей» и т. д. Новгородский архиепископ Макарий прилагал большие старания об истреблении язычества; посланный им инок Илья порубил и сжег священные рощи, потопил обожаемые камни и много «разорил злых обычаев», как говорит летописец. В числе таких языческих святых мест долго считалось место в 10 верстах от Петербурга, по Рижской дороге[235], где стояла большая липа, ветви которой переплелись со стволами ближайших деревьев, так что составляли природную беседку, в которой нередко и Петр Великий отдыхал. На этом месте собирались ижорки на Иванов день и проводили ночь при большом огне, с плачем, пением и пляской; в конце собрания здесь сжигали белого петуха, делая заклинания.

В апреле 1703 года русские войска под ко-

мандой Шереметева обложили Ниеншанц; сам Петр I принимал участие в осаде. Город сдался Шереметеву 1 мая и был переименован Петром в Шлотбург. Спустя 11 лет после осады ездил осматривать его нарочно мекленбургский посланник Вебер и нашел там только несколько развалин, глубокие рвы, колодцы, подвальные ямы; все же строительные материалы из разрушенных домов пошли на постройку петербургских зданий. После взятия Ниеншанца бóльшая часть жителей уведена в плен. Незамужние женщины, по словам Вебера, поступили в услужение к царице и придворным дамам и впоследствии времени выданы замуж. В 1714 году поселились в Ниеншанце новые жители, высланные по указу Петра из других городов Российской империи. Бóльшая часть таких жителей были плотники[236]. Многие из них завели торги лесные. Поселились они на том месте, где раньше было шведское строение, по берегу вниз Невы-реки, другие построили себе дворы повыше города, на том месте, где было шведское наружное крепостное строение. Слобода эта теперь Малая Охта, остатки же го-

рода Ниеншанца приходится между Большой и Малой Охтой. Первое известие о постройке Петербурга находим в «Ведомостях» 1703 года[237]: «Его царское величество по взятии Шлотбурга, в одной миле оттуда ближе к восточному морю, на острове новую и зело удобную крепость построить велел, в ней же есть шесть бастионов, где работали двадцать тысяч человек подкопщиков, и тое крепость на свое государское именование прозванием Питербургом обновити указал». Земляными работами занимались пленные шведы, а также присланные из внутренних губерний как русские, так и татары, калмыки и другие инородцы, разделенные на две категории: казенные рабочие получали только пищу, а вольные и плату, по три копейки в сутки. По недостатку землекопных орудий и других инструментов бóльшая часть работ производилась голыми руками, и вырытую землю люди носили на себе в мешках или даже в полах платья.

Государь положил первый камень постройке 16 мая 1703 года, в день Св. Троицы [238]. Вот предание об основании города. Петр I, осматривая остров, взял у солдата багинет

[239], вырезал два дерна и, положив их крестообразно, сказал: «Здесь быть городу»; затем, взяв заступ, первый начал копать ров; в это время в воздухе появился орел и стал парить над царем. Когда ров был выкопан около двух аршин, в него поставили ящик, высеченный из камня; духовенство этот ящик окропило святою водою, государь поставил в него золотой ковчег с мощами св. апостола Андрея Первозванного; после того царь покрыл ящик каменною доскою, на которой была вырезана следующая надпись: «От воплощения Иисуса Христа 1703, мая 16-го, основан царствующий град С.-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем, самодержцем всероссийским». Затем государь приступил к обложению другого раската; здесь было сделано из двух длинных тонких берез, воткнутых в землю и связанных верхушками, нечто вроде ворот. Парящий над островом в это время орел спустился с высоты и сел на этих воротах; ефрейтор Одинцов снял его выстрелом из ружья. Петр очень был рад этому, видя в нем доброе предзнаменование; перевязал у орла ноги платком, посадил

себе на руку и, сев на яхту с орлом в руке, отплыл к Канцам; в этот день все чины были пожалованы столом, веселье продолжалось до двух часов ночи при пушечной пальбе.

Островок, на котором Петр создал крепость, назывался Енисари, т. е. Заячий. Вместе с этим государь предназначил быть и городу на соседнем острове Койвисари (Березовом), а на другом острове Хирвисари (Оленьем), где теперь биржа, воздвигнул батарею. Спустя год на этом мысе, называемом Стрелкою, были построены первые ветряные мельницы; и затем летом здесь сжигались увеселительные огни, или фейерверки. 22 июня 1703 года вся гвардия и полки, стоявшие в Ниеншанце, перешли в крепость, где 29 июня, в день св. Петра и Павла, и был отправлен банкет уже в новых казармах. Спустя два месяца по закладке Петербурга Петр ходил оттуда с войсками против шведского генерала Краниорта и разбил его на реке Сестре[240]. В ноябре этого же года к крепости пришел первый купеческий голландский корабль с вином и солью. Петр в награду за приход к Петербургу подарил капитану 500 золотых, а матро-

сам дал по 30 ефимков[241] и обещал второму кораблю дать 300, а третьему 150 золотых. Второй корабль был английский, а третий опять голландский, под названием «Daas». Первый корабль был назван «Петербургом», ему даны были особенные преимущества перед прочими, и он совершал лет пятьдесят к Петербургскому порту рейсы. До Полтавского боя государь не думал здесь устроить столицу и только предполагал создать порт и сильную крепость, но после Полтавской битвы он писал графу Апраксину: «Ныне уже совершенной камень во основание Санктпетербурха положен с помощью Божию». Победа над шведами уверила Петра, что он стал твердо на берегах Невы, и с этого времени Петр деятельно занялся постройкой нового города.

Грунт земли, на которой построен Петербург, как известно, болотистый, хотя ранее вся местность, где расположен был город, была возделывана под пашни. Так, еще в 1713 году повсюду были заметны борозды плугов, дорога к городу тоже была топкая и очень плохая, шла она по направлению, где теперь Лиговский канал, и весь путь весною и осе-

нью был усеян лошадьми, павшими в упряжи между трясиными. В 1718 году была сделана плотина, где теперь улицы Литейная и Сергиевская, а также Смольный собор, но и это не помогло, плотина скоро пришла в запустение. Немного далее от первой дороги шла другая, тоже плохая, к Ямской слободе; она пересекала Фонтанку между Обуховским и Семеновским мостами. По словам Вебера, в 1720 году она была уже вымощена. Окрестности Петербурга не имели ни дорог, ни тропинок, на всю страну существовал тоже один или два пути, и если путешественник не попадал на него, то встречал тундру или болото.

По рассказам современников, во времена Петра в Петербурге если нужно было найти чью-либо квартиру, то необходимо было описать местность, причем расспросам не было конца, пока не попадался сосед, хорошо знавший дом. Берггольц рассказывает, что в его время, чтобы избавиться длинных переходов сухим путем, обычно брали барки или верейки и водою доезжали скорее и удобнее.

Мощение улиц камнем было начато в 1716 году под руководством немецких каменщи-

ков; в этом году вышло предписание, чтобы всякий домовладелец перед своим домом мостил улицу шириною в сажень; через год ширина улиц была увеличена на два аршина. Вскоре, впрочем, мощение улиц было приостановлено вследствие ходивших тогда слухов по городу, что через улицы предполагается, в подражание Венеции и Амстердаму, прорыть каналы. Мощение главных петербургских улиц было окончено только в 1787 году. Тротуары же из каменных плит начали настилать, как и обставлять их чугунными тумбами, только в 1817 году (вся длина тротуаров в шестидесятых годах составляла линию в 222 версты); до этого времени на главных улицах лежали узкие деревянные мостки.

Первое строение в Петербурге была крепость. «Для оно́го строения, – как говорит в своем журнале Гизен, – для поспешения в работе по больверкам надсматривали знатные особы: на первом, для примера других, сам Петр своею высокою особою, на втором – генерал-губернатор А. Д. Меншиков, на третьем – обер-камергер Головин, на четвертом – Никита Зотов, на пятом – князь Трубецкой, на

шестом – Кир. Ал. Нарышкин». Укрепление составляло продолговатый неправильный шестиугольник; с 1710 года землю с прежних бастионов стали раскидывать и возводить массивные стены из камня; над бастионами трудились шведские военнопленные; во флангах были сделаны крепкие казематы со сводами. Некоторые из этих казематов первоначально нанимали купцы, которые хранили там вино и другие товары, но с февраля 1718 года крепостные казематы стали наполняться политическими преступниками, замешанными в деле царевича Алексея. 25 мая привезена в крепость царевна Марья Алексеевна, тетка царевича, а 14 июня и он сам переведен в Трубецкой раскат. 26 июня, вечером, в Трубецком раскате царевич скончался.

Внутри крепости стояло несколько небольших домиков, в которых помещался комендант с офицерами и солдатами гарнизона, при гауптвахте была площадь, которая называлась плясовою: здесь стояла деревянная лошадь с острою спиною и был вкопан столб с цепью, около которого втыкались острые спицы. Провинившихся солдат или садили на ло-

шадь, или, замкнув руки в цепь, заставляли стоять на спицах[242]. Первым комендантом крепости был Рен, обер-комендантом – Брюс. В крепости находилась главная аптека и помещался в мазанковом здании переведенный из Москвы Сенат (на месте, где теперь казначейство) и стояла довольно красивая церковь во имя Петра и Павла, сперва деревянная, потом, уже в 1714 году, начата постройка существующего и посейчас каменного Петропавловского собора, деревянная же церковь перенесена была на Петербургскую, в Солдатские слободы, и освящена там во имя апостола Матфия. На Березовом острове, на берегу Невы (нынешняя Петербургская), Петр построил небольшой домик для себя. По преданию, при первом обозрении места под столицу Петр, идя пешком вверх по берегу Невы, топором ссек ракитовый куст, затем, немного пройдя, еще ссек другой куст; затем, сев на шлюпку, отъехал рекою в Канцы; на том месте, где ссечен второй куст, построен вскоре первоначальный дворец Петра, а на месте первого ракитового куста, впервые срубленного, государь 1 октября 1703 года, в день По-

кровя Богородицы, положил основание нынешнему собору Св. Троицы. Вскоре после постройки домика для царя возле него стали строить свои палаты и его приближенные. Так, недалеко от домика Петра стоял дом Меншикова, а отсюда, по левому берегу Большой Невки, располагались шалаши и хижины рабочих; недалеко отсюда был и первый Гостиный двор[243]. Направления и названия многих улиц этой части Петербургской стороны и посейчас могут определить расположение и заселение города на первых порах его существования. Улицы[244] Дворянская, Посадская, Пушкарская, Ружейная, Зелейная, Монетная[245] и т. п. своими названиями указывают на состав их населения, на роды занятий жителей и проч.

К важнейшим из произведенных в это время построек в Петербурге нельзя не причислить построенного на Выборгской стороне (повыше госпиталя) первого сахарного завода.

С 1711 года начинается усиленное заселение Петербурга. Первые жилища столицы строили в один этаж, или жильё, как тогда го-

ворили. Образчиком для домов петербургских послужил мазанковый дом, собственноручно построенный Петром I на Петербургской стороне для типографии; дом этот был назван «образцовым на прусский манер». По этому образцу было построено в 1714 году семь домов для чиновников Министерства иностранных дел.

Великий основатель Петербурга полагал расположить главную часть столицы за крепостью, на правом берегу Невы, из Васильевского острова сделать торговую часть города, прорезанную каналом, вроде Амстердама [246]. Кстати, здесь надо сказать, что название Васильевского острова произошло не от имени командира батареи острова Василия Корчмина, как полагали многие, но еще гораздо ранее, а именно в 1640 году, в писцовых новгородских книгах этот остров носил название Васильевского[247]. На левом же берегу Петр предполагал поместить разные учреждения для флота и полковые светлицы.

Император в своих занятиях был скор и неутомим. Вот как описывает его рабочий день иностранец, бывший в Петербурге

в 1713 году: «Государь встает очень рано, так что в три и четыре часа утра присутствует в Тайном совете. Потом идет на верфь, где смотрит за постройкой кораблей и даже сам работает, зная это мастерство превосходно. В девять или десять часов занимается токарной работой, в которой так искусен, что решительно ни одному художнику не уступит. В одиннадцать часов кушает, но не любит прохлаждаться за столом, а после обеда, отдохнув немного по русскому обычаю, идет опять посмотреть какую-либо постройку или другую работу. Вечеру отправляется куда-нибудь в гости или на ужин, откуда, однако, спешит возвратиться, чтобы ранее лечь в постель. Петр любил ходить к своему мундкоху-шведу, [248] куда собираются знатнейшие господа и офицеры, русские и немцы, за угощение каждый платит по червонцу. Царь не любит никаких игр и охоты или других увеселений. Лучшее его удовольствие – быть на воде. Вода составляет его настоящую стихию, он целый день иногда проводит на яхте, буере или шлюпке, в этом он никому не уступает, разве только одному адмиралу Крюйсу. Однажды,

когда Нева уже почти замерзла и незамерзшей воды осталось только перед дворцом на сто шагов, он не переставал, однако, плавать взад и вперед в каком-то кораблике до тех пор, пока было возможно. Когда Нева совсем замерзла, то он приказал вдоль берега прочистить дорогу шагов на сто в длину и на тридцать в ширину и здесь каждый день катался на гладком льде на буере. Лица, все служащие во флоте, если имеют до него просьбу, то должны говорить ему не *ваше царское величество*, а *Mon Heer Schout by Nacht*, после чего он выслушивает и просителя отсылает к адмиралу».

Позднее при Петре Великом в Петербурге бывала особая церемония при замерзании и вскрытии реки Невы. Замерзание возвещалось жителям через одного из придворных шутов барабанным боем. Он же был обязан прежде всех перейти по льду в каком-нибудь странном наряде, в сопровождении нескольких членов, из которых один нес холщовое знамя, а другие следовали с лопатами, веревками и крючками. О вскрытии Невы возвещалось тремя пушечными выстрелами из крепо-

сти, и первый переезжал Неву сам царь или, в его отсутствие, генерал-адмирал или комендант города.

Один из членов польского посольства, посетивший Петербург спустя 17 лет по постройке города[249], говорит следующее: «Здесь всякий сенатор, министр и боярин должен иметь дворец; иному пришлось выстроить и три, когда приказали. Счастливым был тот, кому отведено сухое место, но кому попало болото и топь, тот порядком нагрел себе лоб, пока установил фундамент; еще и теперь хотя дома и отстроены, но они трясутся, когда около них проезжает экипаж. Здесь есть церкви, коллегии, дворцы и лавки, где можно получить все. Лавки – это четырехугольное строение, в котором как по одну, так и по другую сторону живут купцы. Дворцы громадные, каменные, с флигелями, кухнями и удобствами, но только они наскоро построены, так что при малейшем ветре валятся черепицы. Сады очень красивые. Я слышал от самого царя, который сказал нам: „Если проживу три года, буду иметь сад лучше, чем в Версале у французского короля“. И в самом деле,

сюда привезена для сада морем из Венеции даже целая беседка из алебастра и мрамора, расположенная у самой реки между каналами. За дворцом Меншикова находится Французская улица, где живут одни ремесленники, как то: скульпторы, плотники, мастера, делающие фонтаны, а также и те, которые выделывают разные вещи из олова и других металлов, но все это для царя. На берегу Невы есть длинный двухэтажный каменный дом, в котором шесть комнат внизу и столько же наверху. С одного берега до самого дома проложен мост, на котором находится избушка и балкон столярной работы. В каждой из комнат этого дома стоят станки для выделывания полотна. На противоположной стороне реки есть другое здание, где выделывают крахмал. Есть два стрельбища, где учат стрелять из пушек» и т. д.

В числе зданий, построенных в эпоху возникновения Петербурга, одно из первых было Адмиралтейство.

Адмиралтейство Петр I заложил в 1705 году. Первоначально оно было большое четверугольное место, застроенное с трех сторон

десятью эллингами[250], деревянными магазинами[251] и деревянною посреди башнею с железным шпицом; все строения были обведены земляным валом. С 1711 по 1718 год Адмиралтейство окружено было рвами, одетыми камнем и плитами, позади их возвышался вал и парапет с шестью бастionsами; застрое-но оно было с трех сторон и открыто на Неву; против открытой стороны находился большой въезд, или главные ворота; над последними были устроены палаты для заседания адмиралтейств-коллегии; вокруг здания лежали строительные материалы и шли разные мастерские, большие кузницы, в одном из флигелей была рисовальная зала, где чертили планы кораблей. Вот как описывает Адмиралтейство тот же поляк-очевидец[252]: «Нас пригласили в Адмиралтейство, где ожидал царь. Пройдя мост на канаве и ворота, мы вошли через сени в громадное помещение, где строятся корабли; здесь мы осматривали нововыстроенный большой, красивый корабль, затем отправились в кузницу, где было 15 горнов и при каждом 15 кузнецов с мастером. Оттуда мы прошли через другой канал к боль-

шому трехэтажному дому, выстроенному в виде треугольника на прусский манер. Царь ходил с нами по разным магазинам, находящимся в этом здании; мы осматривали все корабельные принадлежности: были там канаты, навощенные, насмоленные, намазанные разным жиром; некоторые были толщиной в половину человека, гвозди для прибивки досок лежали большими кучами и т. д. Несколько палат завалены были большим количеством тяжелого, как олово, дерева, привезенного из Ост-Индии; царь говорил, что если бы у бояр его было столько дерева, то ему хватило бы его на два года. Это дерево употреблялось для выделки колес, вращающих канаты; далее царь им показывал несколько других вещей; затем в двух комнатах они увидели множество меди, взятой у шведов, и царь при этом сказал послу, что это шведы ему пожаловали. Гости после отправились в галерею, находящуюся в среднем этаже, где адмирал Апраксин угощал их одними корабельными блюдами, т. е. копченой говядиной, языком, морскими рыбами и т. д.; давали и полпиво, очень холодное. В это время на башне играла

музыка. Посидев немного, мы отправились в коллегии, где было много молодежи. Там столы накрыты были зеленым сукном, на стенах развешаны зеркала, чертежи, гравюры. Преподаватель здесь объяснял военное искусство. Отсюда мы сошли к каналу, в котором стояло несколько судов с насосами. Потом пошли в комнату, где была библиотека, в которой были большие запасы разного рода бумаги, белой, серой, черной. Несколько комнат было занято готовым платьем разного цвета на 24 000 человек. Затем пошли мы через канал, где живут разного рода ремесленники, видели, где цирюльники готовят мази и пластыри для ран, было здесь около восьмисот портных, работающих над парусами. Было там тоже здание большое и широкое на сваях, в два этажа; здесь готовили модели кораблей. Вечером, когда стал идти дождь, мы отправились в комнаты, где было много вина и пива и где начальник кораблей Головин нас угощал. Он носит постоянно золотой циркуль, украшенный драгоценными камнями, в знак своего достоинства. Царь его на каждом пиру сажает с собой рядом, пьет его

здоровье и делает с него гравюры. Во время пира царь привстал и, кланяясь, налил вино, ходил и раздавал нам всем рюмки, исполняя свою обязанность так, как если бы не сделал этого, то должен был бы уплатить штраф».

Первый корабль военный, 50-пушечный, был заложен Петром в Адмиралтействе в 1709 году в ноябре и спущен 15 июня 1712 года; назван он им был «Полтава». В 1718 году был спущен самим государем 90-пушечный корабль под именем «Старый Дуб».

Тогда все суда строились из казанского дуба. По словам английского посла Витворта, в 1710 году флот царя состоял из 12 фрегатов, 8 галер, 6 сосновых кораблей, 2 бомбардир-галиотов и нескольких мелких судов. По словам Вебера, в 1718 году у царя было 40 военных кораблей и 300 галер. В конце царствования Петра число всех его морских судов было на $\frac{1}{5}$ больше, всех же матросов на флоте было 14 960 человек и 2106 пушек. Спуск корабля в прежние времена отличался большою торжественностью. Мастер в день спуска построенного им корабля одевался весь в черную одежду и получал из рук царя или морского

министра на серебряном блюде по три серебряных рубля за каждую пушку или борт.

На другой год по кончине Петра Великого на месте мазанкового здания Адмиралтейства было сооружено вновь каменное с сохранением прежнего расположения. Старинную же деревянную башню заменили каменной башнею в 1734 году, и в конце 1735 года шпиц над ней обит весь и с куполом медными, в огне позолоченными листами. На позолоту шпица употреблено было 5081 червонец весом $43\frac{1}{2}$ фунта, что, по тогдашнему курсу, составляло 11 076 рублей 38 копеек. Все же издержки на позолоту шпица стоили 12 907 рублей $84\frac{1}{2}$ копейки. Императрица Елисавета Петровна соорудила в середине башни, под шпицом, церковь во имя Воскресения Христова. При императрице Екатерине II, после наводнения 1777 года, было приказано выставить в углах средней башни днем флаги, а ночью зажженные фонари. В царствование императора Павла I здание Адмиралтейства было исправлено. Работы были поручены инженер-генералу Герарду, и поправка всего здания была сделана в один год; земляные

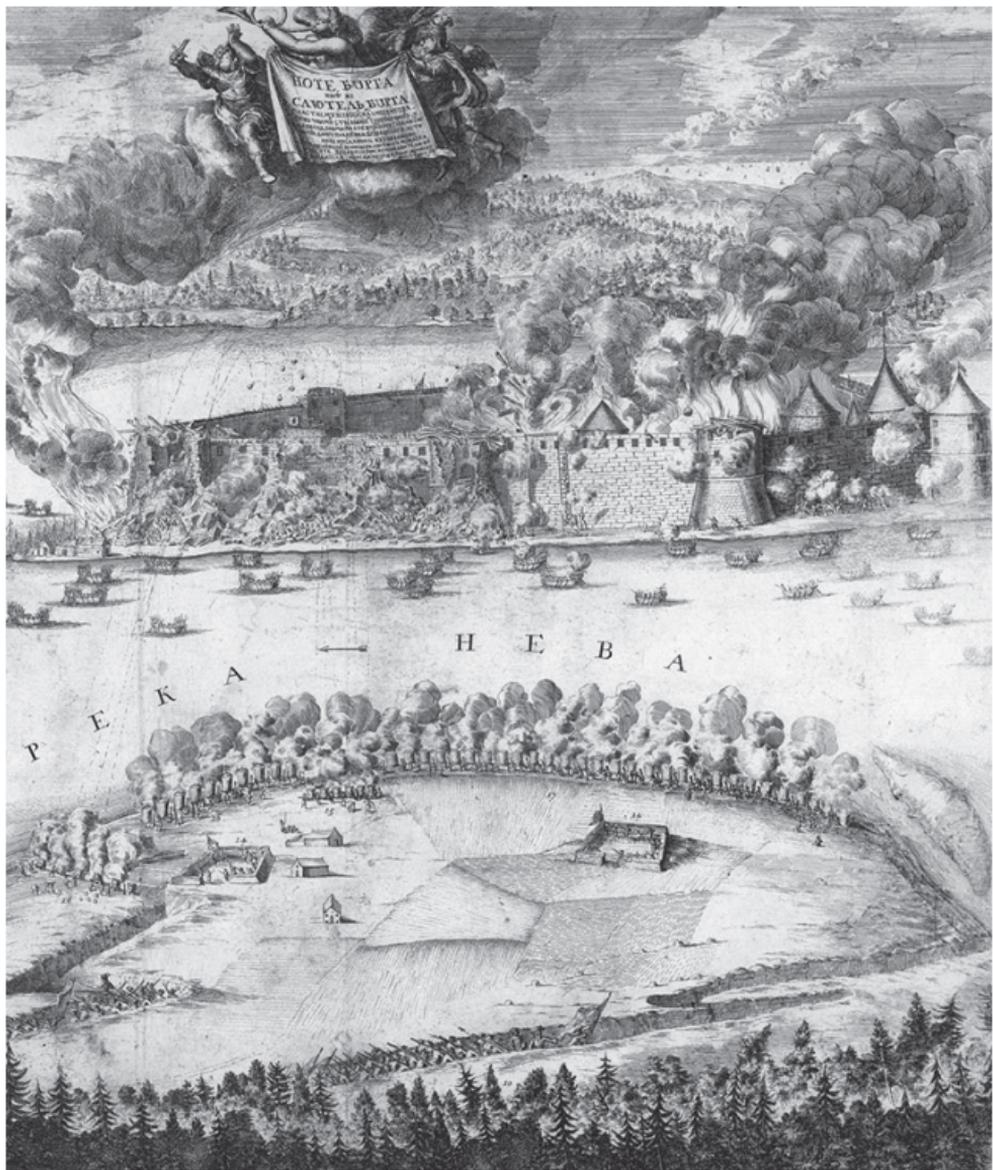
окружные валы были скрыты, и вместо них сделаны новые, гораздо выше; все место окружили палисадом, который ограничивался гласисом[253] с одним балюстрадом; первый был одет дерном, второй окрашен тогдашнею военною краскою, а на двух угловых к площадям бастионах поставили новые срубы с флажштоками для подъема флагов. Внутренняя площадь Адмиралтейства также много изменилась; ей придали лучший вид постройкой новых мастерских, которые были оштукатурены и потом окрашены по-голландски, т. е. под цвет и форму кирпича. В царствование Павла адмиралтейская площадь сделалась местом учения войск. В царствование императора Александра I Адмиралтейство было перестроено, на место бывшего гласиса и открытого пути сделан широкий и тенистый бульвар в три аллеи, который вскоре и стал самым модным гуляньем петербуржцев, и фельетонист того времени, начиная свои весенние еженедельные обозрения, писал: «В нашей столице севера и наводнений дни становятся все лучше, светлее, суше, пыльнее. Шпиц Адмиралтейства постоянно от восхода

до заката солнца горит, как золотая игла, а ночью перерезывает воздух серебристою полосой. В канцеляриях и департаментах чиновный мир ежедневно торопится исполнить свои экстренности, чтобы поскорее поспеть на гульбище на бульвар, повидаться со знакомыми, покалякать» и т. д.

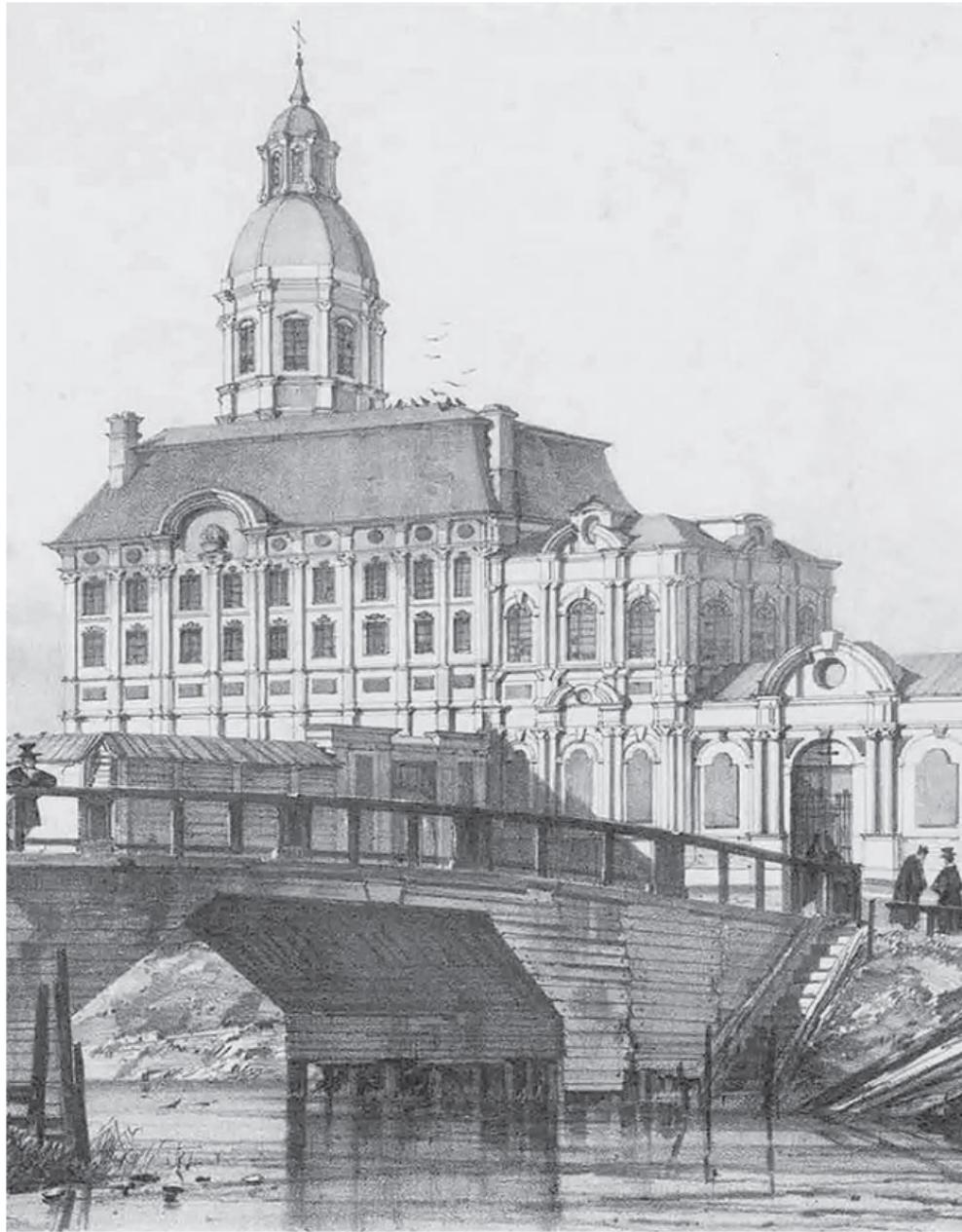
Наружный вид Адмиралтейства при Александре был перестроен архитектором Анд. Дмит. Захаровым: вся длина адмиралтейского фасада в 200 сажен с тремя выступами была отделана заново. В середине первого выступа находится арка, служащая главными воротами, по сторонам на гранитных пьедесталах – две огромные группы, изображающие морских нимф, поддерживающих небесную сферу. Над аркою барельеф работы Тербенева, представляющий основание в России флота; тут вы видите Нептуна, вручающего трезубец Петру Великому в знак владычества его над морями; над барельефом, по краям выступа, находятся четыре сидящие фигуры: Ахиллеса, Аякса, Пирра и Александра Македонского. Отдельно от них возвышается башня, первая часть которой состоит из 28 колонн иониче-

ского ордена – они образуют галерею, на которую в старину в 12 часов дня выходили музыканты и трубили в трубы; поверх этих колонн, над карнизом, стоят 28 круглых фигур из пудожского камня. От карниза башня идет круглым столбом и оканчивается куполом, в котором вставлены часы на три стороны; выше его фонарь, окруженный небольшою галереею с легкими железными перилами. От фонаря начинается шпиг, на самом верху его изображен корабль (высота его $1\frac{1}{2}$ сажени), ниже его корона и яблоко, имеющее в диаметре $3\frac{1}{2}$ фута, пространство от корабля до яблока полсажени, вся высота шпица от земли 33 сажени. По правую и левую стороны среднего выступа здание идет на 37 сажений, здесь, вместо барельефа, оно украшено военною арматурою[254], потом снова следуют небольшие выступы и т. д. Адмиралтейство при Александре I имело пять доков, в нем с 1710 по 1825 год было построено 253 корабля, кроме значительного числа фрегатов и мелких судов.

Вид осады крепости Нотебург (Шлиссельбург) войсками Петра I 11 октября 1702 года.

Гравюра А. Шхонебека. 1703. Фрагмент
Александровская лавра. Литография А.

Глава II

*Александро-Невская лавра. – История постройки монастыря; перенесение мощей св. благоверного князя Александра Невского из Владимира. – Благовещенская церковь – усыпальница семейства Петра I. – Лаврское кладбище. – Могила императора Петра III. – Торжественное перенесение его праха. – Сказания современников о похоронах Петра III и Екатерины II. – Первая богадельня в Петербурге и первая колыбель для подкидышей. – Плакальщицы. – Похороны Суворова, князя Гики, Ломоносова, Крылова. – Церковь Св. Лазаря. – Памятники литераторов. – Замечательные и курьезные эпитафии. – Лаврский схимонах Алексей. – Посещение его кельи императором Александром I. – Ложный брак. – *Princesse Nocturne*. – Церемония освящения главного собора. – Первое русское серебро. – Замечательные богатства монастыря. – Ризница, библиотека, типография, обер-инквизитор, число архимандритов. – «Подхожий стан».*

В ряду монументальных построек Петербурга, где встречаются неизгладимые следы трудов Петра Великого, первое место занимает Невский монастырь. По преданию, монастырь построен на том месте, где св. благоверный Александр Невский разбил шведов 15 июля 1241 года. В ознаменование победы Нев-

ского место это было названо Петром «Виктори». Император, обозревая эту местность в 1710 году, указал здесь строить монастырь во имя Св. Троицы и св. Александра Невского, и в то же время хутынский архимандрит Феодосий водрузил здесь крест с надписью: «На сем месте создатися монастырь». В 1712 году было приступлено к работам, и 25 марта следующего года здесь была освящена деревянная церковь Благовещения и началось монашеское общежительство. В 1717 году император утвердил план архитектора Андрея Трезина [255] для будущих каменных монастырских построек, над которыми главным наблюдателем поставил князя А. Д. Меншикова. На постройку употреблялись суммы, дарованные от казны, а также сборы от погребения в монастырских церквях, главный же доход монастыря был и от крестьян, которых было приписано к Невскому монастырю до 25 464 душ.

По заключении Нейштадтского мира с Швецией Петр вздумал перенести сюда мощи Александра Невского из Владимирского Рождественского монастыря, и в 1724 году, в июле месяце, императором была послана во Влади-

мир комиссия из духовных и светских лиц «подъять святыя мощи с теми же обрядами, с коими были перенесены мощи святого Филиппа из Соловецка в Москву, и доставить до Новгорода сухим путем»; после мощи были поставлены на яхту и везены водою по Волхову, Ладожским озером и Невою. У села Усть-Ижоры Петр встретил шествие, перенес мощи угодника к себе на лодку, на которой стал сам у руля, а своих сподвижников превратил в простых гребцов. Лодка, сопутствуемая множеством судов, прибыла в Петербург, где ее первый встретил ботик Петра под императорским штандартом, а затем императрица, весь двор, все духовенство, вся гвардия и народ. Государь с приближенными поднял с лодки святыню и под богатым балдахином перенес в освященную только в этот день новую Александровскую церковь, где она и пребывала до постройки главного собора.

По смерти Петра строение лавры продолжалось. По его плану предполагалось сделать полукруглую ограду и внутри двор с замковым вокруг строением; подле монастыря думали выкопать пруд, обвести монастырь су-

доходным каналом, а на западе от монастыря разбить большой итальянский сад. До 1731 года была сделана стена по обе стороны собора, разбит сад с главными аллеями, сделаны цветники, пирамиды и галереи с гербами и около монастыря стена с воротами. Стены монастыря до 1930-х годов окрашивали в светло-кирпичную краску, что придавало зданию совершенно оригинальный вид. Храм Св. Троицы, строенный по плану Петра, был окончен вчерне только в 1753 году[256], но так как вскоре в стенах были замечены трещины, то по приказанию императрицы Елисаветы Петровны (29 марта 1753 года) собор был разобран до основания, и щебень пошел на усыпку Невского проспекта. По расчистке места новый храм был заложен 30 августа 1774 года, в присутствии императрицы, под алтарем была заложена серебряная доска с частичкою мощей Андрея Первозванного. Храм был окончен и освящен только в 1790 году, 30 августа.

В историческом отношении замечательна в Невском монастыре Благовещенская церковь, освященная уже после смерти Петра в

1725 году. Храм этот с первых дней Петербурга служил усыпальницей царственных особ и знаменитых лиц в истории России. Здесь погребены граф Пав. Ив. Ягужинский, фельдмаршал В. В. Долгорукий, Ал. Гр. Разумовский, А. М. Голицын, Н. Ив. Панин, А. И. Ушаков, граф Брюс, И. И. Бецкий, кн. Безбородко, Ив. Ив. Шувалов, Ив. Гр. Чернышев, Ал. В. Суворов и многие другие. Из царственных особ здесь покоятся царица Прасковья – супруга Иоанна Алексеевича, Наталья Алексеевна – сестра Петра, сын Петра I – Петр Петрович, правительница Анна Леопольдовна, дочь Петра III – Анна, первая супруга Павла I – Наталья Алексеевна, дочь Павла I – Ольга и дочери Александра I – Мария и Александра. Посередине церкви, где теперь лежит прах грузинской царицы Дарии Георгиевны, здесь 34 года и 4 месяца покоилось тело Петра III.

В Благовещенскую церковь, эту единственную в первое время по созданию Петербурга усыпальницу как особ из царствующего дома, так и первых вельмож государства, перенесены были 24 октября 1723 года, во время еще стройки храма, тела любимой сестры Петра,

Натальи Алексеевны, и сына императора, Петра Петровича. Царица Наталья была погребена ранее, в 1716 году, в Лазаревской церкви. Царица отличалась большой набожностью; у нее в доме, по нынешнему Воскресенскому проспекту, была церковь во имя Воскресения Христова (отсюда название улицы и проспекта Воскресенскими), и здесь же была устроена первая в Петербурге богадельня, куда принимались старые и убогие женщины. Впрочем, это не был первый пример благотворительного приходского учреждения в Петербурге; за два года до нее купеческий человек Емельян Яковлевич Москвин построил при церкви Сампсона Странноприимца, что на Выборгской стороне, богадельню для 10 человек мужеского пола. Лет через семь после Москвина церковный староста той же церкви построил новую богадельню, в которой уже помещалось 20 старух и 9 мужчин. После смерти царевны Натальи Петр приказал в ее богадельне воспитывать подкидышей, для которых был с улицы устроен чулан, куда могли приносить детей, не объявляя об их родителях. 13 октября 1723 года в Благове-

ценской церкви была погребена супруга царя Иоанна Алексеевича, царица Параскева Федоровна. На похоронах последней Петр в первый раз запретил за гробом идти плакальщицам, нанимавшимся, по обыкновению, в старину для эффекта; они шли впереди и по бокам похоронного шествия, с распущенными волосами и нарочно искаженными лицами. Они кричали, вопили, кривлялись и громко заливались плачевными причетами, то заводили тихим, плаксивым голосом, то вдруг умолкали и потом заводили снова; в своих причетах они изображали заслуги покойного и скорь родных и близких[257]. Когда гроб готовились опустить в могилу, плакальщицы показывали свое искусство хором. Помимо этого обычая, в старину существовал и другой еще остаток язычества, который, кажется, у некоторых купцов в Петербурге существует посейчас. Так, как только заметят, что человек испускает дыхание, то на окне или на столе тотчас ставят чашу или стакан с водою, чтобы душа отходящего успела омыться. Также в рот умершего кладут мелкие деньги, будто бы для издержек в дальней дороге.

Приводим малоизвестные подробности о погребении Петра III[258]. Император скончался в Ропше от геморроидальной колики, как гласил указ[259]. Тело покойного императора было вскрыто. Екатерина упоминает, что сердце Петра III оказалось очень малым. Как повествует митрополит Казанский Вениамин (Пуцек-Григорович), бывший в 1762 году архиепископом С.-Петербургским, тело императора было привезено на утренней заре в лавру и поставлено в зале тех деревянных покоев, в которых жил архиепископ; три дня приходили сюда, по обычаю древнему, для отдания государю последнего христианского долга, вельможи, всякого звания люди и простой народ. Указ новой государыни приглашал подданных проститься с телом Петра «без злопамятствия». Государь лежал в бедном гробе, четыре свечи горели по сторонам гроба. Сложенные на груди руки одетого в поношенный голштинский мундир покойного были в больших белых перчатках, на которых запеклась кровь (от следов небрежного вскрытия). Без пышности, с одною подобающею церковною церемониею, тело перенесе-

но было в церковь, где «по отпелии запечатлено земною перстию преосвященным Вениамином». На отпевании присутствовали члены Синода. По словам преосвященного[260], сенаторы убедили императрицу в монастырь не ходить и при погребении мужа не присутствовать.

При восшествии на престол Павла I тело императора было вынута[261] из могилы 13 ноября 1796 года, 2 декабря перенесено во дворец и поставлено на троне подле гроба супруги, а 5 декабря оба гроба перенесены в Петропавловский собор. На гробницах сделана следующая надпись, могущая ввести в заблуждение многих: «Император Петр III родился 10 февраля 1728 года, погребен 18 декабря 1796 года. Екатерина II родилась 21 апреля 1729 года, погребена 18 декабря 1796 года». По свидетельству современников, вторичному погребению Петра III предшествовали следующие церемонии. Дня за два до вырытия из могилы тела императора из Зимнего дворца в Невскую лавру потянулась процессия траурных карет в 7 часов вечера, при 20 градусах мороза. По словам очевидца Ф. П. Лубяновско-

го[262], более тридцати карет, обитых черным сукном, цугом в шесть лошадей, тихо тянулись одна за другою; лошади с головы до земли были в черном же сукне, у каждой шел придворный лакей с факелом в руках, в черной епанче с длинными воротниками и в шляпе с широкими полями, обложенной крепом; в таком же наряде, с факелами же в руках лакеи шли с обеих сторон у каждой кареты. Кучера сидели в шляпах как под наметами[263]. В каждой карете кавалеры в глубоком трауре держали регалии[264]. Мрак ночи, могильная чернота на людях, на животных и на колесницах, глубокая тишина в многолюдной толпе, зловещий свет от гробовых факелов, бледные от огня лица – все вместе представляло глубоко унылое, потрясающее зрелище. Тело императора, вынутое из земли 19 ноября[265], было положено вместе со старым гробом в богато обитый золотым глазетом гроб и поставлено посреди церкви, в которой он был ранее погребен. Император Павел в сопровождении великих князей, государыни и придворного штата прибыл в церковь в 5 часов, вошел в Царские врата, взял с престола

приготовленную корону, возложил на себя и потом, подойдя к останкам отца своего, снял с головы своей корону и положил ее на гроб Петра III. При гробе находились в карауле по обеим сторонам шесть кавалергардов в парадном уборе, в головах стояли два капитана гвардии, в ногах четыре пажа. При гробе, пока он стоял в Благовещенской церкви, с 19 ноября по 2 декабря, дежурили первых четырех классов особы, под главным начальством генерал-фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова[266]. Государь с августейшим семейством за все это время присутствовал на панихидах пять раз и каждый раз прикладывался к руке покойного императора; по преданию, гроб вскрывали только на этот момент. Из останков императора уцелели только кости, шляпа, перчатки и ботфорты.

В день перенесения праха императора из Александро-Невского монастыря в Зимний дворец был назначен торжественный церемониал. Накануне этого дня состоялся особенный военный совет по поводу этой церемонии. Все полки гвардии и все бывшие армейские полки в столице были от лавры до само-

го дворца построены шпалерами. Генералы, штаб- и обер-офицеры имели флер на шляпах, шарфах, шпагах и знаках, а все войско на штыках ружей. Командовал войсками князь Н. В. Репнин; во время шествия печальной процессии производился войсками троекратный беглый огонь, с крепости пушечная пальба и колокольный звон по всем церквам. Печальная процессия с первого шага еще в церкви замялась. Графу Ал. Григ. Орлову было назначено нести императорскую корону, но он зашел в темный угол церкви и там навзрыд плакал. С трудом его отыскали и еще с большим трудом убедили следовать в процессии. Государь и великие князья шли за печальной колесницей пешком, мороз стоял в этот день довольно большой, впрочем, по имеющимся официальным сведениям, от стужи потерпел один только траурный рыцарь. Гроб Петра III был отвезен с подобающей честью в Зимний дворец и поставлен на катафалк подле тела Екатерины. Н. И. Греч[267] в своих воспоминаниях говорит: «Я видел это шествие из окна в доме Петропавловской церкви. Гвардия стояла по обеим сторонам

Невского проспекта; между великанами-гре-надерами в изящных светло-зеленых мунди-рах, с великолепыными касками, теснились пе-реведенные в гвардию мелкие гатчинские солдаты, в смешном наряде пруссаков Семи-летней войны. Но общее внимание было об-ращено на трех человек, несших концы по-крова, – это были граф Ал. Григ. Орлов[268], князь Барятинский и Пассек. Далее, – продол-жает Н. Греч, – я видел оба гроба на одном ка-тафалке и видел шествие обоих гробов по Миллионной и по наведенному на этот слу-чай мосту[269] от Мраморного дворца в кре-пость».

Об этих похоронах в крепости сохранилось следующее[270]: «При начатии панихиды, во время ектении, при раздаче свеч митрополит Гавриил кадил гробы их величеств; по окон-чании каждения, во время пения панихиды, несен и опущен в землю гроб императрицы Екатерины Алексеевны, и когда потом несен гроб императора Петра III, в то время духо-венство с левой стороны пришло к Царским дверям и при опущении окончена панихида и возглашена „вечная память“. Потом понесе-

ны регалии, и за ними изволил из церкви идти государь с высочайшею фамилиею».

Императрица Екатерина II скончалась 6 ноября 1796 года; если верить суеверным преданиям, то за несколько еще месяцев до ее смерти были предзнаменования. Так, в июле ужасный громовой удар повредил многие украшения в любимой ее комнате в Эрмитаже. В исторических записках, вышедших в Париже под именем Людовика XVIII, находим другое предзнаменование кончины государыни. Автор рассказывает, что императрица была вызвана каким-то привидением в тронную залу и что там увидела свою тень, сидящую на престоле. Очевидно, автор записок повторяет уже известное предание о видении императрицы Анны Иоанновны. Рассказывают также, что государыня, садясь в карету, чтобы ехать на бал к графу Самойлову, увидела, как яркий метеор упал за ее каретою. На другой день Екатерина сказала своей приближенной, графине А. А. Матюшкиной: «Такой случай падения звезды был перед кончиною императрицы Елисаветы, и мне это тоже предвещает».

Де Санглен в своих записках рассказывает, что накануне удара императрица много говорила о смерти короля сардинского и страдала собственной своею кончиной Л. А. Нарышкина. Не было ли это предчувствием? – говорит он. Позднее ему передавала Мар. Сав. Перекусихина и камердинер покойной, Захар Зотов, что в среду, 5 ноября, встав, по обыкновению, в 7 часов утра, императрица сказала вошедшей к ней Перекусихиной: «Ныне я умру, – и, указав на часы, прибавила: – Смотри! В первый раз они остановились». – «И, матушка, пошли за часовщиком, и часы опять пойдут». – «Ты увидишь, – сказала государыня и, вручив ей 20 тысяч рублей, прибавила: – Это тебе». После этого государыня выкушала две большие чашки крепкого кофе, шутила с Перекусихиной и пошла потом в кабинет, где приступила к обыкновенным своим занятиям. Это было в 8 часов; в 10 часов утра комнатные служители удивились долгому ее отсутствию, в тревоге отворили дверь за нишей и увидели императрицу лежащую на полу. Перекусихина и Зотов в ужасе поднимают государыню, выносят и кладут на пол на са-

фьянном матраце. Доктор Роджерсон тотчас пускает кровь и кладет к ногам шпанские мушки. Государыня не приходит в чувство. Роджерсон делает два прижигания раскаленным железом по обоим плечам императрицы, пытаясь привести ее в чувство, но и это не помогает. Тридцать шесть часов организм государыни борется со смертью. Перекусихина не отходит от тела Екатерины, доктора ежеминутно переменяют платки, которыми обтирали текущую из уст ее материю. Только одно движение живота указывает еще на жизнь в организме; в девятом часу дыхание императрицы становится труднее[271], и, наконец вздохнув в последний раз, государыня умирает в 9 часов 55 минут.

Башилов в своих «Записках пажа» говорит: «Я был дежурным у дверей той комнаты, где лежало тело государыни; перед этой комнатой сидели все сенные девушки, мамушки и камердинеры и горько плакали по своей благодетельнице. Вдруг отворились двери, и государь с государыней пришли на поклонение к усопшей. Все пали ниц. Государь сказал нам: „Встаньте, я вас никогда не забуду, и все

остаётся при вас“. Мы стали на колени, государь сказал нам: „Подите к обер-камергеру, графу Н. П. Шереметеву“». Император Павел I прибыл из Гатчины за сутки до кончины императрицы. Первый его поздравил со вступлением на престол капитан Талызин, за что получил Св. Анну. Болотов рассказывает, что когда узнал о смерти Екатерины князь П. А. Зубов, ему сделалось дурно, он упал в обморок. Так как при этом было мало людей, то император Павел, забыв свою нелюбовь к этому фавориту, первый подал ему стакан холодной воды и брызгал ему водою в лицо, чтоб привести скорее в чувство.

Вот как описывает свое дежурство в первую ночь после смерти императрицы фрейлина Е. В. Новосильцова: «Мы вошли в опочивальню покойной государыни. Она лежала в спальном платье на кровати; при ней тут находились доктор и священник, который читал Евангелие. Рука ее была протянута, я подошла, поцеловала, и как я ни была молода, но мне все пришло в голову, что вчера за какое счастье считали целовать эту руку сколько людей. В комнате было очень холод-

но; я, закутавшись, села в угол, поодаль, подруга моя скоро заснула, доктор вышел за чем-то, а священник подошел ко мне и сказал: „Сударыня, мне очень дурно, я выйду и пришлю другого“. Я ему предложила одеколон и хотела подать воды, но он мне опять сказал: „Нет, этого мне недостаточно, я чувствую, что упаду и только вам наделаю хлопот“. – „Ну, делайте как знаете“, – отвечала я ему, и он вышел.

Тут я осталась совершенно одна с телом императрицы в горнице полутемной, но я не боялась. Взглянув кругом себя, я увидела вдали какую-то картину, которая мне показалась замечательна; я подошла, чтоб ее рассмотреть поближе, оперлась на что-то, перед ней лежащее, – я и не могла сделать иначе. И вдруг из этой массы выскочила голова и закричала: „Что надобно?“ Тут я увидела, что это был камергер Н. Н., который от холода вернулся в свою шубу. Я его успокоила и просила извинения, что потревожила его. Он опять завернулся в шубу, а я возвратилась на свое место и стала глядеть на императрицу, лежащую с покрытым лицом. Вдруг я увиде-

ла, что покрывало на груди ее стало подниматься как бы дыханием; это показалось мне страшным. Я глядела еще пристальнее, и движение стало еще заметнее. Я пошла прямо к постели, чтоб удостовериться в том, что мне виделось. Пока я стояла над нею, не зная, что мне делать и как в этом случае поступить, вошел доктор и спросил, что я делаю и зачем стою... Я ему показала вздымающуюся грудь покойницы и сказала тихо: „Ах, посмотрите; может быть, она жива, какая радость!“ Он мне на это сказал: „Это – движение последней влаги!..“»

По рассказам современников, на улицах Петербурга происходили весьма трогательные сцены, точно каждый терял нежно любимую мать. Люди всех сословий пешком, в санях и в каретах, встречая своих знакомых, со слезами на глазах, выражали сокрушение о случившемся. Площадь перед дворцом была полна народом; в течение ночи выпал глубокий снег, к утру настала оттепель и заморосил дождь; войска шли ко дворцу в лучших нарядах и шляпах с дорогим плюмажем, увязая в глубоком снегу. На Литейной, на Марсо-

вом поле и на других улицах, перед казармами, стояли аналои со священниками, перед которыми войска и приносили присягу. Утром 8 ноября, в 9 часов, столичная полиция уже успела обнародовать новые правила на счет формы одежды и езды в экипажах. Ряд строгих полицейских приказов предписывал носить пудру, косичку или гарбейтель, и запрещались: круглые шляпы, высокие сапоги, также завязки на башмаках или «culottes» [272]; волосы следовало зачесывать назад, а не на лоб; экипажам и пешеходам вменялось при встрече с императорскою фамилиею останавливаться...

В Благовещенской церкви погребен величайший из полководцев, Суворов; над его могилой вделана в стене бронзовая доска, украшенная военными атрибутами, с простою надписью: «Здесь лежит Суворов». По преданию, эпитафию эту сочинил сам Суворов; по другим рассказам, ее сказал Державин. Существует такой рассказ. Перед смертию Суворов пожелал видеть маститого поэта. В разговоре с Державиным он, смеясь, спросил его: «Ну, какую же ты мне напишешь эпитафию?» –

«По-моему, – отвечал поэт, – слов много не нужно: тут лежит Суворов!» – «Помилуй Бог, как хорошо», – в восторге сказал Суворов[273]. Фельдмаршал скончался в доме своего родственника, графа Д. И. Хвостова, на Никольской набережной, близ Никольского моста. Похороны его происходили в Николин день. Во время выноса из квартиры гроб Суворова никак не мог пройти в узкие двери старинной лестницы, долго бились с этим и наконец гроб спустили с балкона. Император Павел, верхом на коне, нетерпеливо ожидал появления тела фельдмаршала, но, так и не дождавшись, уехал и уже потом встретил останки Суворова на углу Малой Садовой и Невского. Этот рассказ нам передавал генерал А. М. Леман, который слышал его от управляющего домом гр. Хвостова[274]. Существует еще другой рассказ, что будто уже в церкви при погребении фельдмаршала катафалк в двери не проходил, и не знали, как этому помочь. Но вдруг из числа несших гроб воинов кто-то скомандовал: «Вперед, ребята! Суворов везде проходил!» – и действительно, катафалк прошел в двери.

Царских особ и первых сановников возили на кладбище на дрогах с факельщиками; средний и простой класс, по обыкновению, носили на руках. Над покойниками ставились памятники, по большей части путиловские плиты, а иногда чугунные с простыми надписями. По кончине царевен накладывали траур на шесть недель, и все, не исключая царя, исполняли его строго и нашивали флер и креп на шляпах, шпагах и рукавах.

Из числа великолепных памятников над могилами великих людей славного века Екатерины, которые покоятся в темном помещении Благовещенской церкви, называемом «палаткой», достойны внимания художественные изваяния из бронзы и мрамора над могилами графа Н. И. Панина, князя Безбородко, Л. А. Нарышкина; на могиле последнего памятник с надписью: «От племени их Петр Великий родился»; затем бюст князя А. А. Вяземского со следующими строками: «28 лет, до изнеможения сил, отправлял он генерал-прокурорскую должность с твердостью и правотою и скончался защитником угнетенных и другом несчастных». Мраморная пира-

мида – Ив. Ив. Бецкого, на которой видна медаль, поднесенная ему Сенатом в 1772 году. Кроме того, здесь покоится основатель Московского университета Ив. Ив. Шувалов, граф Ягужинский, и видна вделанная в стене скромная мраморная доска архиепископа Иннокентия, с двустижием Державина:

*Вития о тебе не возгласит похвал:
Глас красноречия для праведника мал!*

Над останками великих княжон Марии и Елисаветы, дочерей императора Александра I, виднеются два ангела, вылитые из серебра. Они представлены парящими над урнами, с венцом и трубою в руках.

Церковь Св. Лазаря, по преданию, устроена Петром I над прахом любимой сестры Натальи Алексеевны, тело которой впоследствии перенесено в Благовещенскую церковь. Храм этот освящен в 1717 году, затем к нему несколько раз делались пристройки усердием почивающих здесь Ив. Перф. Елагина (бывшего при Екатерине директором театра), графов Шереметевых и князей Белосельских. В этой

церкви, как мы уже прежде говорили, погребен сподвижник Петра граф Б. П. Шереметев. Шереметев погребен 10 апреля 1719 года. В 1718 году, накануне Рождества, в склепе этой церкви был похоронен в присутствии царя с большою пышностью его лейб-медик Арескин. Затем здесь лежат: статс-секретарь Теплов, граф А. П. Шувалов, Мелиссино, адмирал Шишков и А. П. Ганнибал, дед поэта Пушкина. На могиле Ганнибала следующая стихотворная эпитафия:

*Зной Африки родил, хлад кровь его
покоил,
России он служил – путь к вечности
устроил.*

На могиле князя Белосельского виднеется эпитафия поэта Ив[ана] Ивановича] Дмитриева:

*Пусть Клио род его от Рюрика
ведет, —
Поэт, к достоинству любовью
привлеченный,
С благоговением на камень сей
кладет
Венок, слезами муз и дружбы оро-*

шенный.

У самой церкви, при входе, стоит памятник адмирала Чичагова со следующим стихотворением Екатерины II:

*С тройною силою шли шведы на
него;
Узнав, он рек: Господь защитник
мой!
Они нас не проглотят. —
Отразив, пленил и победу полу-
чил.*

В начале нынешнего столетия и в конце прошлого на Лазаревском кладбище происходили два погребения, выходявшие из ряда обыкновенных. Первые похороны отличались необыкновенной скромностью. Хоронили в простом гробе известного своей благотворительностью графа Н. П. Шереметева. По воле усопшего, все деньги, которые должны бы пойти на богатое погребение, приличное его званию и большому богатству, были розданы бедным. Такая воля завещателя в день похорон привлекла на кладбище толпу бедняков в несколько тысяч человек. Другие похороны, происходившие в конце царствования

Екатерины II, собрали тоже немало число любопытных: хоронили валахского и молдавского князя Гику. Церемониал погребения был следующий: впереди шествия ехали трубачи, затем шло до сотни факельщиков, за ними несли богатый порожний гроб, за последним шли слуги, держа в руках серебряные большие блюда с разварным сарачинским пшеном[275] и изюмом, на другом блюде лежали сушеные плоды, а на третьем – большой позолоченный каравай; затем следовали в богатых молдавских костюмах молдавские бояре с длинными золочеными свечами в руках, после них шло с пением духовенство, с греческим архиепископом во главе. Затем уже несли тело умершего князя, сидящее в соболей шубе и шапке в креслах, обитых золотую парчю. Тело было отпето сперва на паперти, потом внесено в церковь, и там снята с него шуба, одет саван, и затем умерший был положен в гроб.

На Святой неделе, сто двадцать лет тому назад, был похоронен на кладбище Невского монастыря первый русский ученый и славный писатель Ломоносов. На погребении его

присутствовали два архиепископа вместе с высшим духовенством и множество знатных вельмож. В числе провожавших его был и всегдашний его антагонист Сумароков. Существует рассказ, что Сумароков, указав на покойника, сказал академику Штелину: «Утомился дурак и не может более шуметь!» Штелин отвечал ему: «Не советовал бы я вам сказать это ему при жизни». Но не один Сумароков при жизни враждовал с Ломоносовым. Известно, как ревниво тормозили ему путь в деле расширения русского просвещения его товарищи по Академии – немцы Шумахер, Тауберт, Миллер.

После смерти Ломоносова императрица Екатерина II повелела выбить в небольшом числе золотую медаль с надписью, которую сама составила: «Российскому слову великую пользу принесшему».

Граф А. П. Шувалов написал на его кончину оду на французском языке, в которой были превознесены заслуги Ломоносова и унижены зависть и невежество Сумарокова. Спустя несколько дней по кончине Ломоносова канцлер граф Р. И. Воронцов поручил Штели-

ну сочинить надпись и составить рисунок монумента в флорентийском вкусе. То и другое было вскоре отослано графом в Ливорно, и на следующий год памятник был получен, сделанный из каррарского мрамора. Существующий теперь на могиле Ломоносова монумент возобновлен уже внуком графа Р. И. Воронцова, графом М. С. Воронцовым, в 1832 году. Все записки и бумаги Ломоносова приобрел у вдовы его граф Гр. Гр. Орлов, поручив разобрать их секретарю Козицкому и поместить в Гатчине, у себя во дворце, в особой комнате. Вот краткое извлечение из конспекта похвального слова, набросанного на латинском языке Штелином[276]: «Характер Ломоносова: физической отличался крепостью и почти атлетической силою[277]. Образ жизни общий плебейам. Умственной исполнен страсти к науке; стремление к открытиям. Нравственный. Мужиковат; с низшими и в семействе суров, желал возвыситься, равных презирал. Религиозные предрассудки его. Сатиры на духовных, гимн бороде. Преследует бедного Тредьяковского за его дурной русский слог».

После похорон Ломоносова еще большею

торжественностью отличалось погребение тела Крылова. В день похорон, 13 ноября 1844 года, Адмиралтейская церковь не могла вместить всех желающих проститься с телом дедушки Крылова. Первые государственные сановники почтили своим присутствием память Крылова. Крылов умер от несварения пищи в желудке. За несколько часов до смерти он сравнил себя с крестьянином, который навалил на лошадь непосильно большую поклажу рыбы, не думая тем обременить лошадь, ввиду того что рыба сушеная.

Вынесли гроб Крылова и поставили на дроги; военные генералы, сенаторы и другие первые сановники, студенты университета окружили гроб, поддерживали балдахин и несли ордена. Множество народа следовало за гробом. В лавре после литургии отпевание совершал митрополит Антоний с двумя архиереями. На голове покойного лежал тот самый венок, которым чело его было украшено в день пятидесятилетнего его юбилея; на груди были цветы, которые императрица иногда присылала ему и которые он сберегал, как святыню. Вместо герба на траурных принад-

лежностях был изображен тот же лавровый венок. При закрытии гроба министр народного просвещения положил в гроб медаль, которая была вычеканена для увековечения памяти юбилея.

В день похорон друзья и знакомые Крылова вместе с приглашением получили по экземпляру изданных им басен, на заглавном листе которых под траурною каймою было напечатано: «Приношение на память об Иване Андреевиче, по его желанию». Крылова положили в землю рядом с его другом, Н. И. Гнедичем, переводчиком «Илиады»; короткая их связь закрепилась общим сожительством в доме Императорской библиотеки. Гнедич был совершенная противоположность по внешности. Крылов был неряха, мало заботившийся о своей внешности, Гнедич же был усердным поклонником мод и всегда одевался по последней картинке, волосы его были завиты, шея повязана огромным платком. Несмотря на непригожество свое (Гнедич был тощ и крив, лицо имел изрытое оспой), он считал себя красавцем. Речь его звучала гекзаметрами[278]; в манерах он был чопорен. Впрочем,

все это не мешало ему быть человеком самой строгой честности, притом очень забавным рассказчиком и метким на острое слово. На могиле его следующая надпись: «Гнедичу, обогатившему русскую словесность переводом Омира. „Речи из уст его вещей сладчайшие меда лились“» («Илиада», песнь I).

В числе памятников людей, которые трудились со славой и оставили светлый след в истории отечественного просвещения, здесь находится монумент на могиле Д. И. Фон-Визина, скончавшегося 1 декабря 1792 года. Смерть постигла творца «Недоросля», по преданию, внезапно: он накануне еще беседовал с Державиным и с жаром следил за чтением своей комедии «Гофмейстер», напечатанной под названием «Выбор гувернера».

В лавре же лежит прах поэта Евгения Баратынского, с эпитафией, взятой из его стихотворения:

*В смиренье сердца надо верить
И терпеливо ждать конца.*

На могиле поэта Жуковского скромный памятник воздвигнут стараниями и приноше-

ниями почитателей «бессмертных трудов его и дарований»; надпись на нем: «В память вечную знаменитого певца в стане русских воинов».

Прах нашего историографа Карамзина также покоится на Невском кладбище. Над прахом лежит надгробная белая мраморная плита с бронзовым вызолоченным лавровым венком и надписью «Карамзин». Недалеко от могил Карамзина и Жуковского лежит поэт-слепец Ив. Ив. Козлов.

На кладбище Невской лавры встречаются могилы следующих писателей: Н. Ф. Щербины, князя П. А. Вяземского, П. А. Плетнева, В. И. Панаева (идиллика), П. Н. Арапова (известный театрал), М. Н. Лонгинова (библиограф), М. А. Корфа, Ф. М. Достоевского, А. Н. Оленина, президента Академии художеств, автора многих археологических сочинений и мецената; А. В. Храповицкого, автора известного «Дневника»; С. Н. Марина, очень недурного стихотворца, малоизвестного в печати. В конце царствования Екатерины и при Павле были известны в петербургском обществе многие его шуточные стихотворения, по большей ча-

сти рукописные, разные пародии на оды Ломоносова и Державина, как, например: «О ты, что в горести напрасно на службу ропщешь, офицер» или «С белыми Борей власами». Последнюю оду он применил на рождение корпусного учителя Геракова[279], известного сочинителя разных путешествий. Марин служил в Преображенском полку и был флигель-адъютантом Александра I. Это был светский шутник, веселый товарищ и образованный человек, игравший блистательную роль в кругу петербургской молодежи. К числу литераторов прошедшего века, погребенных на кладбище Невской лавры, можно причислить и А. В. Олешева, известного предводителя дворянства Вологодского наместничества, женатого на сестре великого Суворова. Вот стихотворное надгробие этого сочинителя «Начертания благоденственной жизни»[280].

*Останки тленные того сокрыты
тут,
Кой вечно будет жить чрез свой
на свете труд.
Чем Шпальдинг, Дюмулин и Юм
себя прославил,*

*То Олешев своим соотчичам
оставил.*

*Был воин, судия, мудрец и эконом,
Снискавший честь сохой, и шпа-
гой, и пером,*

*Жил добродетельно и кончил
жизнь без страху.*

*Читатель, ты, его воздав почте-
нье праху,*

*К Всевышнему мольбы усердны
вознеси,*

*Да дух блаженствует его на небе-
си!*

Невдалеке от этого монумента поставил надгробие в память любезной и добродетельной супруги Ек. Як. Державиной, урожденной Бастидон, огорченный и благодарный муж Гав. Ром. Державин. При этом поэт не забыл сказать и стихотворной эпитафии:

Где добродетель? Где краса?

Кто мне следы ее приметит?

Увы! Здесь дверь на небеса...

*Сокрылась в ней – да солнце
встретит!*

К числу лиц, причастных к литературе, нельзя не отнести и похороненного здесь на

Лазаревском кладбище Петра Кир. Хлебникова, генерал-лейтенанта, служившего при графе А. Гр. Разумовском, умершего в 1777 году. Хлебников происходил родом из коломенского купечества; у него была собрана самая редчайшая библиотека, богатая многими очень ценными рукописями; впоследствии частью этой библиотеки владел известный библиограф С. Д. Полторацкий[281]. П. К. Хлебниковым изданы: «Древняя степенная книга», Москва, 1775 г.; «Японская история», Москва, 1773 г.; «Летопись Малыя России», 1777 г.; его же иждивением все гравюры приложены к книге Рубана «Описание С.-Петербурга». Сведения о жизни П. К. Хлебникова напечатаны в С.-Петербурге, в 1778 году.

На кладбище Невского монастыря лежат композиторы: М. И. Глинка[282], Серов, Даргомыжский и Мусоргский. Художники-граверы: Чемесов, Шубин; архитекторы: Старов и А. Н. Воронихин; могил актеров и актрис здесь нет; впрочем, из числа последних здесь похоронена на Лазаревском кладбище умершая в 1804 году первая тогдашняя танцовщица придворного театра Наст. Парфентьевна Берилова. На

памятнике у ней следующая эпитафия:

*Какое зрелище плачевное явилось!
Приятных дней ее течение пре-
кратилось,
Она уж мертвая, и все сокрылось
с нею и т. д.*

Здесь находим также могилы лиц, отличавшихся необыкновенным долголетием: могила молчальника Патермуфия, скончавшегося на 126 году своей жизни, затем могилу инока Авраамия, прожившего 115 лет, и известного елисаветинского и екатерининского героя, 107-летнего старика Василия Романовича Щегловского, сосланного в Сибирь Потемкиным из ревности; он пробыл в ссылке 49 лет.

На старом кладбище встречаем надгробные памятники следующих еще лиц, известных в истории: Адама Адамов. фон дер Вейде, одного из храбрейших генералов Петра I. Вейде был почти неразлучным спутником царя в его походах против шведов. Петр Великий почтил погребение Вейде своим присутствием; затем имена двух известных в истории грозного «слово и дело» графа Андр. Иван. Ушакова, генерал-аншефа, и не менее его известно-

го нашим дедам Степ. Ив. Шешковского, прослужившего отечеству 56 лет и умершего в 1794 году в чине тайного советника. Много в лавре лежит министров, фельдмаршалов: граф Милорадович, адмирал Сенявин, Рикорд, граф Сперанский, Блудов.

Много на кладбище также встречается памятников, явно обнаруживающих невежество и малограмотность поставивших их; большая часть принадлежит умершему купечеству. Вот одна из эпитафий: «Здесь лежит, любезные мои дети, мать ваша, которая на память вам оставила последнее сие завещание: живите дружелюбно... притом помните и то, что Ириной звали ее, в супружестве была за петербургским купцом Васильем Крапивиным 19 лет и 44 года, 10 месяцев и 16 дней; к несказанной моей и вашей печали, разлучилась с вами, оставя мир с вами и благословение»; или другая: «Под сим камнем, воздвигнутым петербургским 2-й гильдии купцом Ник. Ив. Похотиным, погребено тело его, прошедшего жизнь в Петербурге безмятежно 42 года собственными трудами и без покрова мнимых приятелей во славу же Божию и тру-

дов своих» и т. д.

В числе эпитафий, невольно вызывающих улыбку, находим следующие: «Пров Константинович, князь Волосский, граф Австрийский, происходивший от рода греческого императора Иоанна Кантакузина, который царствовал в 1198 году (sic), и праправнук бывшего в Валахии господарем 1619 года Сербана Константиновича Кантакузина, родившегося в Трантавании (sic) от Погоны Михайловны, урожденной княгини Кантакузиной в августе месяце, пребывавший в службе при российском императорском дворе пажем и имевший наследственное право на орден Константиновича Св. Велик. и победоносца Георгия, умер 4 м. 1787 года в цвете молодых своих лет. От роду имел 16 л. 8 мес.»; или: «Попов, Алекс. Сем., камер-фурьер подполковничьего чина, камердинер Екатерины II:

Царице Росских стран сей ревностно служил

И милости ея по смерть свою носил.

Днесь Вышнему Царю на службу преселился;

Но чтобы милостив к нему сей
Царь явился,
Усердную мольбу, читатель, ты
пролей,
И о жене его и дочери пожалей.
Когда родитель был ее уже во гробе,
Во матерней тогда была она
утробе.
В дни сетования произойдя на
свет,
Отцова вида зрит единый сей
предмет;
С скорбящей матерью она по нем
рыдает,
А мрамор сей печаль сердец их
представляет».

На могиле генерал-майорши Екатерины
Алексеевой, умершей в 1804 году, читаем:

От горестей отшедшая к покою
Сокрыта здесь под мраморной до-
скою.
Любя истину и добродетель,
Воздвиг сей монумент ее невинно-
сти свидетель.

Над могилой иерея Андрея, мужа отменно-

го благонравия и примерного жития, красуется следующая эпитафия:

*Под камнем сим лежит тот пас-
тырь и отец,
Кой двадцать девять лет словес-
ных пас овец;
Пучину жития толь свято пре-
пывал,
Что кормчим всяк его себе иметь
желал.*

На одной могиле отца находим лаконическую надпись сына: «Кого родил, тот сей и соорудил». Весьма загадочны надписи на могилах трех жен подполковника Деласкари[283], похоронившего их в течение девяти месяцев: первая жена Деласкари умерла 16 августа 1772 года, а последняя – 29 апреля 1773 года. Читая их, можно смело подумать, что Деласкари был опереточный герой Рауль Синяя Борода. Самый роскошный памятник в Невской лавре был некогда Демидова: в огромной мраморной нише колоссальное и хорошо исполненное распятие итальянской работы. Теперь этот памятник запродаан и привезен в другое место. Замечательны еще обелиск адмиралу

Ханыкову, памятник графу Завадовскому, где гений жизни угашает светильник свой; мраморные гробницы Измайлова, графини Салтыковой, Чичерина, с простой, но прекрасной фигурой возрождающегося феникса; Охотникова, Муравьева, прелестный мавзолей Яковлевой с гнездом, в котором семь голубков просят пищи и печальный голубь сидит на ветке; ионический храм над гробом графини Потемкиной – работы Крылова, с превосходными барельефами, изображающими разлуку матери с детьми и христианскую покорность добродетельной женщины: доверчиво опираясь левой рукой на символ спасения, она спокойно предается Вере, против нее стоящей (произведение известного ваятеля Мартоса). Памятник Турчанинова, вылитый из чугуна, и огромный саркофаг Кусова, кубическая масса чудесного гранита, на котором черный мраморный пьедестал поддерживает гробницу с крестом; по углам бронзовые канделябры. Памятник этот обошелся в 60 000 рублей.

На новом Лазаревском кладбище лежит прах известного схимонаха Александро-Нев-

ской лавры Алексия; с этим схимонахом беседовал в келье император Александр I перед своим отъездом в Таганрог. Вот рассказ об этом посещении[284]. Император был у него вместе с митрополитом Серафимом. При входе государя Алексей, пав пред распятием, пропел тропарь «Спаси, Господи» и в то же время, обратясь к высокому гостю, сказал: «Государь, молись!» Государь положил три поклона. Схимник, взяв крест, прочел отпущение и осенил императора. После этого монарх сел с митрополитом на скамью и, посадив схимника, вполголоса разговаривал с митрополитом и, между прочим, сказал: «Все ли здесь имущество его? Где он спит? Я не вижу постели его?» – «Спит он, – отвечал митрополит, – на том же полу, пред сим самым распятием, пред которым и молится». Схимник, вслушавшись в эти слова, встал и сказал: «Нет, государь, и у меня есть постель. Пойдем, я покажу тебе ее». С этими словами он повел императора за перегородку в своей келье. Здесь на столе стоял черный гроб, покрытый черным покрывалом, в гробу лежала схима[285], свечи, ладан и все принадлежащее к погребению.

«Смотри, – сказал схимник, – вот постель моя, и не моя только, а постель всех нас. В ней все мы, государь, ляжем и будем спать долго»; государь несколько времени стоял в размышлении. Когда государь отошел от гроба, то схимник обратился к нему со следующими словами: «Государь, я человек старый и много видел на свете: благоволи выслушать слова мои. До великой чумы в Москве нравы были чище, народ набожнее, но после чумы нравы испортились; в 1812 году наступило время исправления и набожности, но по окончании войны сей нравы еще более испортились. Ты – государь наш и должен бдеть над нравами. Ты – сын Православной церкви и должен любить и охранять ее. Так хочет Господь Бог наш». Государь обратился к митрополиту и сказал: «Многие длинные и красноречивые речи слышал я, но ни одна так не нравилась, как краткие слова старца. Жалею, что я давно с ним не познакомился». Затем, приняв благословение, государь сел в экипаж и прямо отправился в путь. После этого посещения государь не возвращался в Петербург и вскоре скончался в Таганроге.

Посетившая в двадцатых годах нынешнего столетия лавру г-жа Янкова (см. «Рассказы бабушки, записанные ее внуком Д. Благово») говорит, что монашествующей братии в то время было там немного, и все больше люди средних лет и молодые послушники; стариков же всего было три или четыре. Про одного из них она рассказывает следующую историю. Он был гвардейским офицером, служил при императоре Павле I; вместе с ним находился в том же полку его родственник. Этот последний полюбил одну молодую девушку и задумал ее увезти. Но девушка хотя и любила его, но хотела сперва обвенчаться и потом уже бежать из дому родительского; влюбленный же офицер был женат, стало быть, ему венчаться не было возможности. Что делать в таком затруднении? Он открылся приятелю, тот и придумал сыграть комедию – обвенчать приятеля своего на дому, одевшись священником в ризу. Предложили молодой девице венчаться по секрету дома, под предлогом, что тайный брак в церкви священник венчать не станет. По неопытности своей девушка не поняла, что тут обман, согласилась и, в

известный день обвенчавшись, со своим мнимым мужем бежала... Он пожил с нею некоторое время, она родила дочь, и потом он ее бросил. Нашлись люди впоследствии, которые помогли ей напасть на след ее мужа, и она узнала, что он уже женатый и от живой жены на ней женился. Она подала прошение на высочайшее имя императора Павла, объясняя ему свое горестное положение. Император вошел в положение обманутой молодой девушки и положил следующее замечательное решение: похитителя ее велел разжаловать и сослать, молодую женщину признать имеющей право на фамилию соблазнителя и дочь их законною, а венчавшего офицера постричь в монахи. В резолюции было сказано, что «так как он имеет склонность к духовной жизни, то послать его в монастырь и постричь в монахи».

Кроме описанных нами кладбищ лавры, целая церковь Сошествия Святого Духа наполнена памятниками, весь пол церкви состоит из продольных квадратов с надписями имен похороненных под плитами знатных и богатых особ. В этой церкви покоятся петер-

бургские митрополиты Михаил (под жертвенником), Серафим (по правую сторону Царских врат), Антоний (налево от них), Никанор (в Царских вратах, перед крестом), Григорий (у южной стены алтаря). В числе множества памятников в Духовской церкви видна одна надпись на могиле княгини Евдокии Голицыной, урожденной Измайловой, 1780–1850 годы, со следующими словами: «Прошу православных русских и проходящих здесь помолиться за рабу Божию, дабы услышал Господь мои теплые молитвы у престола Всевышнего, для сохранения духа русского». Лежащая здесь княгиня в свое время была замечательная личность в петербургском высшем обществе. Княгиня была красавицей до старости; красота ее напоминала древнее греческое изваяние. Про нее говорит ее современник[286]: «Не знаю, какова была она в первой своей молодости, но и вторая и третья молодость ее пленяли какую-то свежестию и целомудрием девственности. Черные выразительные глаза, густые темные волосы, падающие на плечи извилистыми локонами, южный матовый колорит лица, улыбка добродушная и грациоз-

ная: придайте к тому голос, произношение необыкновенно мягкое и благозвучное – и вы составите себе приблизительное понятие о внешности ее».

Княгиня жила в своем богатом доме на Большой Миллионной[287], убранном, как музей, редкими художественными произведениями. Избранное петербургское общество собиралось к княгине ночью и вело свои беседы вплоть до рассвета.

В Петербурге княгиню называли «ночной», *Princesse Nocturne*; по рассказам, она боялась ночи, так как ей когда-то известная девица Ленорман предсказала, что она умрет ночью... Салон этой русской г-жи Рекамье посещали все знаменитости того времени, как приезжие, так и отечественные. Беседы у княгини отличались большой свободой и непринужденностью. Это тогда хоть не подходило к уставу светского благочиния, но репутация княгини осталась безупречною. Княгиня жила врозь с мужем, но в границах чистой нравственности. В числе многих известных поклонников княгини были наш поэт Пушкин, Карамзин, М. Ф. Орлов и князь И. М. Дол-

горуков; последний долго искал руки княгини, но упрямый муж не давал развода. После 1812 года княгиня сделалась ярой патриоткой и явилась в Москву на бал в благородное собрание в кокошнике и сарафане. Отстаивая все русское, позднее княгиня объявила войну входящему в сельское хозяйство картофелю; в этом немецком овоще она видела посягательство на русскую национальность и упорно вела войну с министром государственных имуществ графом Киселевым. В последние годы своей жизни княгиня занялась высшею математикой и метафизикой и стала писать брошюры на французском языке; жила она тогда по большей части в Париже; при ней всегда находилась в качестве секретаря дочь С. Н. Глинки. Под старость княгиня отличалась большою набожностью.

Как мы уже выше говорили, торжественное освящение главного собора лавры во имя Св. Троицы состоялось 30 августа 1790 года. В этот же день праздновался мир с Швецией. На освящение в 10 часов утра в лавру прибыла императрица с августейшим семейством. Высокие посетители отправились в Благове-

ценскую церковь, из которой надлежало перенести мощи Св. Александра Невского. Мощи несли кавалеры ордена Св. Александра Невского, балдахин – кавалеры ордена Св. Владимира. За св. мощами шла императрица, а по сторонам ее кавалергарды под начальством Зубова. Во время шествия производились колокольный звон и пальба из пушек; последняя – из лаврской верфи, основанной еще при Петре Великом. Освящение собора совершал митрополит Гавриил в сослужении с архиепископами Евгением Булгаром и Иннокентием. Накануне освящения императрица пожаловала Гавриилу розовую панагию с изумрудами и приказала ваятелю М. Козловскому сделать из белого мрамора барельефный поясной бюст митрополита, который и был поставлен в нише против мощей 9 августа 1790 года; за работу бюста было заплачено 10 000 рублей. Еще в 1752 году императрица Елисавета украсила мощи св. благоверного князя богатою ракою[288] из серебра, в первый раз добытого на Кольванских заводах. Всего серебра здесь употреблено было девяносто пудов. В барельефах серебряной раки вид-

неется стихотворная надпись сочинения Ломоносова. Всех драгоценностей, хранящихся в соборе, мы не выписываем, так как перечисление богатств лавры займет не один том. Из художественных произведений здесь: «Спаситель» – работы Ван-Дейка, «Богоматерь» – кисти Гверчино, «Воскресение Лазаря» – работы Бассано, «Воскресение Христово» – Рубенса; его же работе приписывают и «Снятие со креста». Из работ русских художников там имеются образа Угрюмова, Мошкова, Дрождина, Вельского, Пустынина, Уткина и других.

В соборе находятся четыре напрестольные Евангелия, напечатанные в Москве в 1644, 1663, 1681 и 1698 годах; напрестольный золотой крест с драгоценными камнями весом 1 фунт 82 золотника, – крест сделан в 1660 году для церкви Богородицы в Кирилловом монастыре; золотые священные сосуды, пожертвованные Екатериною в 1791 году, один золотой дискос и потир[289] со множеством финифтяных изображений, весом в 9 фунтов; затем писанный на лаписе образ «Моление о чаше», присланный в дар от папы Пия IV Екатерине II; золотая риза этого образа украшена брил-

лиантами, и особенно замечателен на ней превосходный изумрудный камэ[290] с изображением св. Магдалины.

Из предметов не священных, хранящихся в ризнице и библиотеке, достойны внимания трость императора Петра I, трость янтарная Екатерины II, маршальский жезл Петра I, кровать Петра Великого, на которой царь почивал, когда говел в лавре, на Страстной неделе, собрание старинных монет, серебряный крест, найденный на Куликовом поле, и многие другие вещи.

В Александро-Невском монастыре в Петровское время жил обер-инквизитор[291]. Это характерное учреждение царь хотел развить по всей России, по примеру существовавших уже в Сенате фискалов, над которыми был Нестеров обер-фискалом[292], и при Св. Синоде обер-инквизитором был поставлен иеромонах Макарий Хворостинин, до этого бывший иеромонахом на острове Котлине. В 1721 году 27 августа, по выбору последнего, к нему просто инквизитором был назначен иеродиакон Невского монастыря Венедикт Коптев.

В инквизиторы Св. Синодом предписыва-

лось избирать в братстве «добрых монахов и достойных тому инквизиторскому званию, кроме начальствующих»; обер-инквизитор с помощниками имел обязанность наблюдать в своем ведомстве за исполнением указов Св. Синода и его царского величества и, проведав о каких-либо делах и беспорядках, доносить начальству. У Хворостинина при делах состояли двое молодых неопытных приказных, которые и писать не умели. По-видимому, иеромонах Макарий был вполне «достоин своего звания», потому что с большим жаром хлопотал устроить при себе особую контору с опытными подьячими, хорошенько обеспечить трактamentом существование инквизиторского учреждения и собирался лично ехать по всей России для выбора инквизиторов, «понеже в Петербурге из монахов выбрать было некого». Только Св. Синод несочувственно относился к порывам обер-инквизитора, которого не только служба, но и самое название вызывали в каждом отвращение. В других епархиях, например Московской, Псковской, инквизиторы поднимали «страшные дела» из-за пустяков и личных интересов; эти дела

ведались в Преображенской канцелярии с розысками и стоили жизни тем, на кого делались доносы. Но в архиве петербургской консистории не нашлось ни одного дела, начатого обер-инквизитором или его помощником.

Всех архимандритов со дня основания Невской лавры было числом 40. При лавре в 1720 году была учреждена типография, в которой в первое время было издано книг около двадцати, из них известен «Букварь, или Первое учение отрокам с катехизисом», «Духовный регламент», «Пращица духовная», «Славянская грамматика» сочинения иеродиакона Феодора Максимова, «Феатрон, или Позор исторический» и другие.

При Елисавете и Екатерине в палатах Невского монастыря был и «подхожий стан» китайских, турецких и персидских послов, для приготовления их к торжественному шествию во дворец. При Петре в монастыре было введено стройное нотное пение. Указом императора велено списать у певчих государя копии «со всех знаменного напеву переводов, для знания в Невском монастыре клирошаном».

В 1809 году в лавре стал славиться хор митрополичьих певчих, который тогда ничем не уступал придворным певчим. Этот хор был доведен до совершенства регентом и протоиереем П. П. Турчаниновым; последнему наша церковь обязана превосходными переложениями древних греческих и знаменных напевов в правильный, стройный, гармонический склад.

При Екатерине II в лавре повелено было одному иеромонаху, чтецу и певцу, отправлять службу на греческом языке.

Крестный ход, совершаемый в лавру, установлен Св. Синодом в 1748 году, по желанию императрицы Елисаветы Петровны.

Экстумация останков императора Петра III в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге в 1796 году. Аллегорическая гравюра Н. Анселена. Фрагмент

Вид по реке Фонтанке от Грота и Запасного

Глава III

Домик Петра Великого. – Шкипер первого иностранного судна. – Дома Меншикова, Головкина, Брюса, Шафировва. – Дворец Екатерины в Летнем саду. – Летний сад. – Посадка деревьев в нем. – Гроты. – Буря 1777 года. – Площадки: Архиерейская, Шкиперская и т. п. – Решетка Летнего сада. – Галерея с залами. – Арест Бирона. – Видение императрицы Анны Иоанновны. – Описание дворца и его редкости. – Почтовый двор. – Готторпский глобус. – Зверовой двор. – Привод слона. – Слоновой мастер. – Продовольствие слонов. – Буйство слонов. – Красный канал. – Аристократическое место «Le ras de Calais». – Дома Мошкова и Густава Бирона.

В числе самых старинных дворцов в Петербурге, созданных руками Петра I, известны: домик царя на Петербургской стороне, дворец его в Летнем саду (или, вернее, Екатерины) и затем Екатерингофский дворец. Первый из этих дворцов построен сардамскими плотниками по образцу домов рабочих в Сардаме. Здание домика, длиною около 9 сажен и шириною в 3, сделано из обтесанных с обеих сторон бревен, крыто дощечками в виде черепицы и состоит из двух небольших комнат,

разделенных узкими сенями и кузнею; домик вначале был выкрашен под кирпич в голландском вкусе, на крыше посередине была укреплена мортира, а по обоим углам две пылающие бомбы. Как первая, так и вторая деревянные. Внутренние стены комнат были обиты выбеленною холстиною; косяки, двери, ставни и все 17 окон были расписаны букетами разных цветов; рамы в окнах сделаны из свинцовых желобков. В комнате, при входе с правой стороны, Петр обыкновенно занимался делами и принимал своих сановников, а другая служила столовою и спальнею. В одной из этих комнат теперь устроена часовня, где поставлен образ Спасителя и висит молитва «Отче наш», написанная рукою дочери Петра, Елисаветы; часовня открыта императором Николаем. В другой комнате из предметов петровских времен можно видеть два шкафа, два комода, деревянный стул с кожаную подушкою, собственной работы Петра Великого; скамейка, в футляре, сделанная также самим императором, на которой он летом, в ясную погоду, часто сиживал у дверей своего домика и любовался кейзер-флагом[293], раз-

вевавшимися на государевом бастионе; рама оконная со свинцовым переплетом – также его работы; все вещи из дубового дерева. Затем, там же хранятся: деревянная рюмка, точенная самим царем, изорванный парус и ялик с веслами и шестом, работы государя. К сожалению, многие эти вещи подкрашены и подновлены в пятидесятых годах. На стене около двери висит план Петербурга начала XVIII столетия, очень плохой; он помещен в позднейшее время.

К этому домику, по преданию, Петр в качестве кормчего привел первое торговое фрисландское судно с товарами, угостил обедом шкипера, который никак не мог себе представить, что был во дворце у императора, и обошелся с Петром по-товарищески. Государь, заметив его ошибку, представил ему жену. Шкипер подарил ей сыр, сказав, что подобного она никогда не ела, и, довольный ее ответом, вынув из-под полы кусок полотна, просил принять на рубашки. «Ну, Катя, – сказал Петр, – ты теперь будешь нарядна и горда, как императрица! Какая ты счастливая! Тебе бы век не видать таких рубашек!» Шкипер про-

сил поцеловать его за подарок. В эту минуту, как рассказывает Штелин, вошел к царю Меншиков в орденах и, не зная ничего, стал докладывать почтительно о делах. Шкипер смутился. Но царь приказал выйти Меншикову и убедил голландца, что в Петербурге господа со звездами и лентами нередко являются с любезностями ко всякому, кто имеет деньги, чтобы занять у него, и советовал беречься их. Голландский купец поверил царю и стал продавать ему свои товары, и только под конец, когда к царю явился капитан с рапортом о смене, купец понял шутку царя, упал к его ногам и просил извинения. Петр милостиво поднял его, купил все его товары и вдобавок пожаловал ему многие привилегии на будущее время.

Саженья в двадцати от дворца, где теперь дома церковнослужителей Петропавловского собора, стоял дом князя Меншикова, своею архитектурю очень походивший на кирку. В этом доме в 1716 году жил герцог Курляндский, муж Анны Иоанновны, впоследствии императрицы. Напротив домика Петра (где теперь пеньковый буян) стоял в 1712 году де-

ревянный дом петербургского обер-коменданта Романа Вилимовича Брюса[294]. Десять лет спустя здесь помещался Синод. Против дома Брюса шли казенные постоянные дворы для всех приезжающих в Петербург; в то время указом было воспрещено принимать на квартиры в частные дома. Перед постоянными дворами находились первые в городе мясные и рыбные лавки и садки. На мысе, к Большой Невке, стоял дом канцлера графа Головкина, построенный в 1710 году из камня, добытого в развалинах укреплений Ниеншанца; внизу дома к реке был мост; соседом Головкина был заклятый враг его, вице-канцлер барон Шафиров; дом последнего впоследствии, когда он впал в немилость, был от него отобран в казну. В этом доме в 1726 году происходило первое публичное заседание Академии наук; по словам Берггольца, зала в этом доме была самая обширная и лучшая во всем Петербурге. Возле дома Шафирова стоял дом Н. П. Строева, – в этом доме после помещалась гимназия; соседом Строева был Кон. Ник. Зотов, сын известного шута князя-папы. Невдалеке от него же в Большой Дворянской находился

дом и другого шута, тоже князя-папы, Бутурлина. На доме последнего был выстроен большой купол, украшенный изображением Бахуса. Этого Бутурлина по смерти Зотова насильно женили на вдове последнего. По словам Бергхольца, новобрачные провели первую ночь в пирамиде на Троицкой площади. Пирамида была освещена только внутри и сделана была вся в скважинах, в которые было видно все, происходившее там внутри.

Кроме князя-папы, при Петре была еще «князь-игуменья санктпитербургская», разбитная и угодливая пьяная старуха Ржевская. Шутиху эту Петр приставил к жене своего наследника для надзора и тайных доносов о ее поведении.

Екатерина II велела покрыть домик Петра каменным футляром для сбережения на будущие времена. Домик Петра во время наводнения, бывшего 7 ноября 1824 года, потерпел незначительные повреждения, которые тогда же были исправлены.

Существующий посейчас дворец в Летнем саду, как гласит предание, был построен Петром для возбуждения в первоначальных обы-

вателях Петербурга охоты строиться на Адмиралтейской стороне, потому что до того времени (1711 г.) все строились в заречных частях города[295].

Дворец этот строился четыре года и назначался для императрицы Екатерины I; стены, как и фундамент дворца, выводил Микети. Вот указ Петра I о постройке этого дворца: «На Летнем дворце в палатах штукатурною работою делать вновь между окнами верхними и нижними, как баудиректор[296] даст; фреджи делать так, как начата лестница, которую в сенях сделать столярную работу дубом, как шар; круглую лестницу, что на переход, сделать голландским манером, с перилами из дуба же; в поварне выкласть плитками стены и наверху сделать другую поварню и также плитками выкласть; железо, которое в поставках, медью окрыть; в огороде сделать грот с погребами и ватеркунтом, о чем пропорцию взять у баудиректора, о котором ему же приказали; оранжереи отделать по тексту, каков даст он же, баудиректор». Над верхними строками этого указа Петр написал: «Чтоб сделать нынешним летом».

Петр особенно заботился о лесах и садах Петербурга и, желая возбудить примером охоту к лесоводству, сам сажал дубовые леса. Так, он выбрал на петербургской дороге место для питомника дубовых деревьев, огородил его частоколом и собственноручно прибил указ, чтобы никто не смел портить деревья. Против порубки дерев он издал строгие законы; главный лесничий Кафтырев, чтоб удержать порубку, вынужден был, в виде угрозы, поставить чрез каждые пять верст виселицы. При Петре и позднее, в царствование Екатерины II, почти при каждом доме были сады; лет пятьдесят тому назад в центре Петербурга числилось 1688 садов. Особенно богата была садами местность вблизи Владимирской церкви и по Загородному проспекту. Здесь на нашей памяти напротив мещанской управы существовал роскошный сад с затейливыми беседками, мостиками и вековыми деревьями, в числе которых рос большой вековой клен, перевитый посредине в кольцо; по преданию, это сделал Петр. Дом этот когда-то был дворцом, затем принадлежал купцу Нечаеву. Он сломан в восьмидесятом году нынешнего

столетия; в этом доме в пятидесятых годах жил М. И. Глинка.

В прошедшем столетии в Петербурге существовало три летних дворца, которые могут быть названы дворцами Петра I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны. Все они находились в разных концах Летнего сада; первый из них, который мы и теперь видим на берегу Фонтанки, основан Петром в 1711 году одновременно с Летним садом.

Петр I особенно любил свой новый Летний сад, в котором сам трудился над разбитием плана, посадкою деревьев и т. д. Он всюду искал мастеров и, в Ревеле встретив ганноверского уроженца садовника Гаспара Фохта (1718), разговорился с ним об его искусстве. Фохт очень понравился ему и был приглашен приехать в Петербург. Не смея отказать государю, Фохт, однако, отнекивался, ссылаясь, что скучает о жене и детях, оставленных им в отечестве. Петр требовал настоятельно и назначил срок, к которому он должен был явиться в Петербург. Фохт к назначенному времени приехал в Петербург. Но каково же было удивление Фохта, когда, явясь к царю во

дворец, он встретил там жену и детей! Летний и Аптекарский сады разведены Фохтом.

Летний сад занимал пространство всего нынешнего сада и части Марсова поля; длинные его аллеи были усажены липами, частью еще живыми, но, к сожалению, погибающими, частью дубами и частью плодовыми деревьями. Из Москвы Петру привозили ильмовые деревья, из Киева – грабины; голландский резидент Брандт посылал царю цветы «красивые», но Петр требовал «душистых», удивлялся, как пионы (шесть кустов) присланы были в целости, жалел, что не присылают калуферу, мяты. Из Нарвы было приказано выкопать с землею и прислать майорану, белых лилий, лип толщиною в объеме до 15 дюймов.

В последние годы Петр особенно заботился о своем любимом «парадесе», выписывал из Соликамска кедры, из Данцига барбарисовые семена и розаны, из Швеции яблони и т. д. Дорожки Летнего сада были обсажены сибирским гороховником, таволгой и зеленицею. Как уже мы упоминали, в Летнем саду было несколько фонтанов, в бассейне одного из

них сидел тюлень. Фонтаны были устроены в 1718 году, к которому относится прорытие Лиговского канала, проведенного единственно для снабжения водой фонтанов и каскадов Летнего сада. Фонтаны действовали до половины царствования Екатерины II, приказавшей уничтожить их по совету Бецкого и Остермана, которым государыня подарила водопроводные трубы и свинцовые статуи. Эти свинцовые фигуры из Эзоповых басен, с письменными объяснениями за стеклами в рамках, были поставлены на небольшой площадке перед гротом. Причиной уничтожения фонтанов, как и многих вековых деревьев в Летнем саду, была страшная буря 10 сентября 1777 года. Сохраняющиеся доньше с железными скобами деревья и на боку с подставленными костылями остались от того времени.

В саду был устроен искусственный грот с лестницею наверх, украшенный морскими раковинами; он существовал еще в начале нынешнего столетия; точно такой же грот сохранился на Литейной, в саду графа Шереметева, в котором торгует букинист. На месте грота в двадцатых годах был построен камен-

ный кофейный дом, где лет тридцать содержал кондитерскую итальянец Пияцци, содержавший еще и другую кондитерскую в так называемом Палерояле (теперь дом, принадлежащий театральной дирекции, у Александрийского театра) и ресторацию «Феникс» в Толмазовом переулке.

Перед гротом, как мы уже сказали, помещались площадки со свинцовыми фигурами. Здесь стояли скамейки и столы с играми и питьями. Площадки эти назывались: Архирейская, Шкиперская, Дамская. На месте, где теперь стоит решетка Летнего сада (начата она в 1778 г. и окончена в 1784-м), при Екатерине I, по случаю бракосочетания великой княжны Анны Петровны с герцогом Голштинским, была построена для торжеств большая деревянная галерея и зала с четырьмя комнатами по сторонам; зала имела 11 окон по фасаду вдоль набережной Невы.

В 1731 году императрица Анна велела сломать эту залу и на ее месте выстроить новый дворец. Последний, по вступлении на престол Елисаветы, был сломан. Дворец был одноэтажный, но очень обширный, и отличался

чрезвычайно богатым убранством, которое можно было видеть сквозь зеркальные стекла окон, бывшие тогда редкостью. Здесь жил император Петр II; здесь же умерла Анна Иоанновна и выставлено было ее тело до погребения; отсюда же перевезли в Зимний дворец младенца императора Иоанна Антоновича; тут же было прочтение завещания императрицы, провозглашение регентства Бирона и присяга малолетнему императору, и затем из этого же дворца, в ночь на 8 ноября 1740-го, был арестован Бирон Минихом. Когда Бирон был арестован и отвезен в Шлиссельбург, то с этого дворца был сорван с фронтона огромный медный герб Бирона (этот герб в 1847 г. сохранялся в сенатском архиве; цел ли он еще теперь, не знаем).

По преданию, здесь же было известное неразгаданное явление перед смертью Анны Иоанновны. Вот как рассказывают этот случай современники[297]: «За несколько дней до смерти Анны Иоанновны караул стоял в комнате, возле тронной залы, часовой был у открытых дверей. Императрица уже удалилась во внутренние покои; было уже за пол-

ночь, и офицер уселся, чтобы вздремнуть. Вдруг часовой зовет на караул, солдаты выстроились, офицер вынул шпагу, чтобы отдать честь. Все видят – императрица ходит по тронной зале взад и вперед, склоня задумчиво голову, не обращая ни на кого внимания. Весь взвод стоит в ожидании, но наконец странность ночной прогулки по тронной зале начинает всех смущать. Офицер, видя, что государыня не желает идти из залы, решается наконец пройти другим ходом и спросить, не знает ли кто намерений императрицы. Тут он встречает Бирона и рапортует ему. „Не может быть, – говорит Бирон, – я сейчас от государыни, она ушла в спальню ложиться“. – „Взгляните сами, она в тронной зале“. Бирон идет и тоже видит ее. „Это что-нибудь не так, здесь или заговор, или обман, чтобы действовать на солдат“, – говорит он, бежит к императрице и уговаривает ее выйти, чтобы в глазах караула изобличить самозванку, пользующуюся некоторым сходством с ней, чтобы морочить людей. Императрица решается выйти, как была, в пудермантеле[298]. Бирон идет с нею. Они видят женщину, поразительно по-

хожую на императрицу, которая нимало не смущается. „Дерзкая!“ – говорит Бирон и вызвал весь караул; солдаты и все присутствующие видят „две Анны Иоанновны“, из которых настоящую и призрак можно было отличить от другой только по наряду и по тому, что она пришла с Бироном. Императрица, постояв минуту в удивлении, подходит к ней, говоря: „Кто ты? Зачем ты пришла?“ Не отвечая ни слова, привидение пятится, не сводя глаз с императрицы, к трону, всходит на него и на ступенях, обращая глаза еще раз на императрицу, исчезает. Императрица обращается к Бирону и произносит: „Это моя смерть“, – и уходит к себе».

В настоящее время, как и в старину, дворец в Летнем саду имеет стены белые; наличники у окон и дверей обиты деревянными планками, а над окнами сделаны барельефы; карниз, архитрав и фриз под орнаментом выкрашены желтою краскою. Крыша белого железа, на ней кровельные листы положены накрест. По углам крыши сделаны были четыре дракона, выкрашенные белою краскою, на вершине крыши флюгер с медным вызоло-

ченным конем. В нижнем и верхнем этажах по одиннадцати комнат. Стены в большей части комнат покрыты в виде шпалер выбеленною холстиною и обнесены филенчатыми панелями с разными фигурами. Плафоны живописные, с аллегорическими изображениями, в лепных рамках; двери везде из ореха и дуба с резною работою на некоторых, как, например, в спальне изображено распятие работы самого императора.

Стены в кухне и очаге выложены глазурными синими изразцами.

Из редкостей в этом дворце сохранились часы голландские с тремя циферблатами, показывавшие время, ветры и атмосферу; часы были куплены в Голландии самим императором. Они в футляре из орехового дерева; первый циферблат с тремя стрелками, медным маятником и гирей; второй, показывающий ветры, имеет бронзовую стрелку, в которой утверждён в стене медный станок с колесами, а от него кверху крыши железный шпиль, поддерживающий флюгер; третий циферблат указывал состояние воздуха посредством одной стальной стрелки, в которой в стене при-

делан железный станок, а к нему барометр. Над циферблатами три круглые, орехового дерева, рамки с восьмью стеклами каждая. Император Павел приказал эти часы перенести в Михайловский дворец, но в 1820 году они опять поставлены в Летнем дворце на прежнем месте.

Во дворце хранится портрет Петра Великого, писанный в рост, в латах, с датским орденом. В 1833 году он, по приказанию Николая Павловича, был передан из коллекции Мраморного дворца в домик Петра, но, за неимением там удобного места, поставлен в Летнем дворце. Из других достопримечательностей в этом дворце имеется шкаф орехового дерева, работу которого приписывают Петру; в одном из ящиков этого шкафа, по преданию, царь прятал свои ботфорты, а в другом белье; затем две рамы с жестяными переплетами, – из них одна вделана в стене коридора, а другая хранится в особой верхней комнате, также работы императора; здесь же хранится часть мебели, бывшей в кабинете Петра Великого, тоже его работы, из простого дерева, окрашенного желтою краскою: три стула и одно

кресло. Сюда же доставлена в 1835 году из Зимнего дворца стальная мебель, поднесенная Екатерине II тульскими оружейниками.

Несомненно, что Летний сад получил свое название от этого Летнего дома. В описываемое время, как уже мы упомянули, Летний сад занимал большее пространство: теперешний Царицын луг тоже входил в него. Этот луг был весь усажен красивыми низкими кустарниками, между которыми извивались широкие дороги для экипажной езды; в саду били фонтаны, шумели каскады, фруктовая школа сменялась тенистыми крытыми аллеями, цветниками, прудами. От Летнего дворца большая деревянная пристань вела на Неву и на Фонтанку. Вдоль берега Невы, который был тогда в саду, как нынче берег Фонтанки, можно было пройти к почтовому двору (где теперь Мраморный дворец). У последнего тоже была большая пристань, перед которой играла по праздникам музыка.

В мазанковом почтовом дворе сначала была открыта виноторговля, где, по обычаю голландских городов, в полдень играло двенадцать музыкантов на рожках и трубах. Впо-

следствии сюда был выписан из Данцига почтмейстер, которому было приказано за деньги кормить и давать помещение приезжающим в Петербург. Бергхольц рассказывает, что в его время на этом почтовом дворе стоять было неудобно, потому что все должны были выбираться оттуда, когда царь давал там празднества; это случалось нередко зимой и в дурную погоду. Против почтового двора было устроено особенное помещение для приведенного в первый раз в Россию, в подарок от персидского шаха, слона; место, где он стоял, называлось «Зверовой двор». Вебер говорит, что его привели в Петербург в апреле 1714 года и прежде всего заставили поклониться до земли перед дворцом. Персиянин, приведший слона, рассказывал, что когда он с ним прибыл в Астрахань, то слон возбудил такое любопытство, что сотни людей провожали его более 40 верст. По смерти слона в этом здании помещался известный готторпский глобус, подаренный Петру голштинским герцогом. В Петербург привезли его с большими затруднениями, так как по огромности его надобно было расчищать но-

вые дороги и вырубать леса, причем многие из рабочих лишились жизни. Глобус имел 7¹/₂ сажени в поперечнике, внутри его стоял стол и скамья, на которой могли свободно помещаться 12 человек; глобус приводился в движение механизмом, приделанным к столу.

В 1736 году был выстроен новый Слоновый двор для присланного из Персии слона; построен он был на Фонтанке, близ Летнего дворца Елисаветы Петровны (нынешний Михайловский замок); до половины 1741 года в нем был только один амбар, но после, в сентябре, были выстроены еще два (амбары эти стояли, где теперь Михайловский манеж). Об этом слоне имеются сведения, что во время следования его в Петербург, зимою 1736 года, он остановился на некоторое время в Москве, и тогда, по распоряжению кабинета, к нему были посланы два зверовщика: персиянин Ага-Садък и араб Мершариф, состоявшие при прежнем слоне: «дабы оный слон мог к ним признаться так, как и к другим персидским слоновщикам».

Кроме означенных лиц, при Слоновом дворе находился еще «персидский слоновой ма-

стер», или «слоновой учитель», Асатий; на по-
печение последнего было возложено также
лечение и гигиенические прогулки; прогулки
эти не всегда обходились благополучно. На
Прешпективную улицу, по которой водили
слона, всегда собиралось много народа смот-
реть редкого зверя, преимущественно лейб-
гвардейских солдат. Зрители вели себя весь-
ма непристойно, смеялись над жожаками,
бранили их и даже бросали в них и в слона
палками и камнями. Вследствие этого Ага-
Садык жаловался своему начальству, что во
время провожания слона бросали как в него,
так и в слона камнем и палками и много-
кратно избили, за тою опасностью он уже то-
му более месяца принужден слона не выво-
дить. Вследствие жалобы был приказ «о объ-
явлении обывателям с подпискою о неучине-
нии помешательства слоновщику в провожа-
нии слона». На корм слона употреблялось в
год сухого тростника 1500 пудов, пшена соро-
чинского 136 пуд. 35 фун., муки пшеничной
365 пудов, сахару 27 пуд. 36 фун. 4 зол.; кори-
цы, кардамону, гвоздики, мушкатных орехов
по 7 фун. 58 зол., шафрану 1 фун. 68 зол., соли

45 пуд., виноградного вина 40 ведер, водки 60 ведер и т. д.; водка употреблялась для слона лучшего качества; так, раз слоновщик доносил: «К удовольствию слона водка неудобна, понеже явилась с пригарью и некрепка». В конце сентября 1741 года прибыло в Петербург от персидского шаха Надира многочисленное посольство с богатыми дарами для двора; в числе подарков приведено 14 слонов, которые 9 октября были помещены во вновь выстроенных амбарах.

К прибытию слонов в Петербург с конца августа начались приготовления к принятию их. Так, 25 августа столярного дела мастер фон Болес доносил, что Аничковский мост (через Фонтанную речку) находится «в немалой ветхости», настилка на нем во многих местах сгнила и «насквозь пробивается» и что надобно заблаговременно починить. Кроме этого моста, перемощены и укреплены были следующие: чрез канал, по Немецкой улице, близ Зимнего дворца; подъемный, близ двора ее высочества Елисаветы Петровны; чрез речку Мойку, против Мошкова переулка, в Греческую улицу; близ Слонового двора, про-

ложенный от ворот до Прешпективной дороги через грязь (перемощен на 10 сажень). Против Слонового двора к речке Фонтанке для прогулки слонам сделана была площадь, которую приказано именовать Слововой, и «для лучшей способности всем слонам ради купанья сделать в реку скатом удобный мост». Ранее этого еще комиссия приказывала архитекторам Земцову и Шумахеру «обискать» новые, удобные для означенной цели места. Последние доносили, что хотя место для слоновых амбаров ими и «обискано» сверх Лиговского канала, при бассейне, которое песчано и высоко, сухо и обросло сосновым лесом; но после тщательного обсуждения дела и по совету персидского слоновя мастера Асатия, они пришли к убеждению, что на существующем Слоновом дворе, на Фонтанке, для купанья слонов вода лучше и здоровее, чем в Лиговском канале, которая «известковата и твердость в себе имеет». Позднее, в 1744 году, Слоновья двор был все-таки переведен сюда, на угол Невского и Лиговского канала; урочище это тогда называлось Пеньки. В царствование Екатерины II

место это носило название уже Старого егерского двора; оно было огорожено частоколом, на нем рос лес и стояли развалившиеся деревянные постройки, носившие при Анне Иоанновне название Волынского двора. Другой загородный Волынский двор был за Фонтанкой, у Обуховского моста; в деревянных покоях этого двора в то время жил командующий охотою полковник фон Трескоу, поступивший на место казненного обер-егермейстера Волынского.

О прибытии слонов в Петербург находим описание в «С.-Петербур. ведомостях» 1741 года, в № 80. Вскоре после прибытия слоны начали буйствовать, «осердясь между собою о самках», и некоторые из них сорвались и ушли. 16 октября Ага-Садык донес, что утром три слона сорвались и ушли, из которых двоих вскоре поймали, а третий «пошел через сад, и изломал деревянную изгородь, и прошел на Васильевский остров, и там изломал чухонскую деревню, и только здесь был пойман». Другим упущением представляется также отсутствие правильного надзора за служителями при слоновых амбарах, в особенности же

за истопниками, от небрежности которых в одно время едва не произошел пожар.

Где теперь стоят Павловские казармы, в 1721 году стоял каменный дом, в котором жил герцог Голштинский, женившийся впоследствии на старшей дочери императора Петра, Анне; здесь после жила Елисавета, и с ней Разумовский; рядом с этим домом жил известный составитель воинского устава генерал Вейде; невдалеке отсюда, на углу, стояла казенная аптека, от нее шел на Мойку переулок, удержавший и посейчас название Аптекарского.

Среди этого переулка стоит уже лет семьдесят массивная гранитная глыба, некогда назначавшаяся для изваяния апостола Петра, по рисунку Мартоса, на площадь к Казанскому собору.

Из старинных домов, уцелевших по настоящее время в этой улице, существует дом Апраксина (теперь графа Игнатьева); этот дом в начале царствования Елисаветы принадлежал графу Лестоку, но, когда последний был сослан в Сибирь, дом достался осудившему его фельдмаршалу Ст. Ф. Апраксину.

На плане елисаветинского Петербурга видно, что в то время существовал уничтоженный теперь Красный канал, шедший от того канала, который проведен вдоль сада Михайловского дворца и соединяет Мойку с Фонтанкою; Красный канал протекал мимо линии, где теперь Павловские казармы, дом Игнатьева и Горяйнова (бывший Офросимова), вплоть до Невы, параллельно с каналом Лебязьим и Фонтанкою. От него загибался, теперь тоже уничтоженный, бассейн, или рукав, на месте, которое находится между фасом дома Громова, выходящим к линии Миллионной, и фасом Павловских казарм, выходящим к противоположной стороне той же улицы. Бассейн отделял дом бывший графа Скавронского (теперь Громова) от дома Апраксина, стоящего невдалеке фасадом на Царицын луг. Этот бассейн при Елисавете носил прозвание *Le ras de Calais* и был самым аристократическим местом в Петербурге. Здесь, в палатах графа Скавронского, квартировало английское посольство, в нижнем этаже палат жил король Станислав Понятовский в качестве секретаря английского посольства, когда

пользовался особенною благосклонностью великой княгини Екатерины Алексеевны; в доме же Апраксина помещалось французское посольство.

Из лучших домов вблизи Красного канала были известны дом Петра Мошкова, бывшего домашнего расходчика при дворе Екатерины I, по имени которого до сих пор еще известен Мошков переулок; затем дома корабельных мастеров Гаврилы Меньшикова и Пальчикова. Филипп Пальчиков известен как строитель церкви Вознесения Господня. Из домов каменных, стоявших близ этого места, остался по сей час один на Миллионной улице, с четырьмя колоннами из черного с белыми полосками мрамора, привезенного из северной части Карелии, взятого на церковной земле Рускеале; дом этот был построен по плану академика Крафта (известного строителя Ледяного дома) для брата временщика, Густава Бирона. Дом по постройке считался самым красивейшим в Петербурге; на него приезжали любоваться издалека.

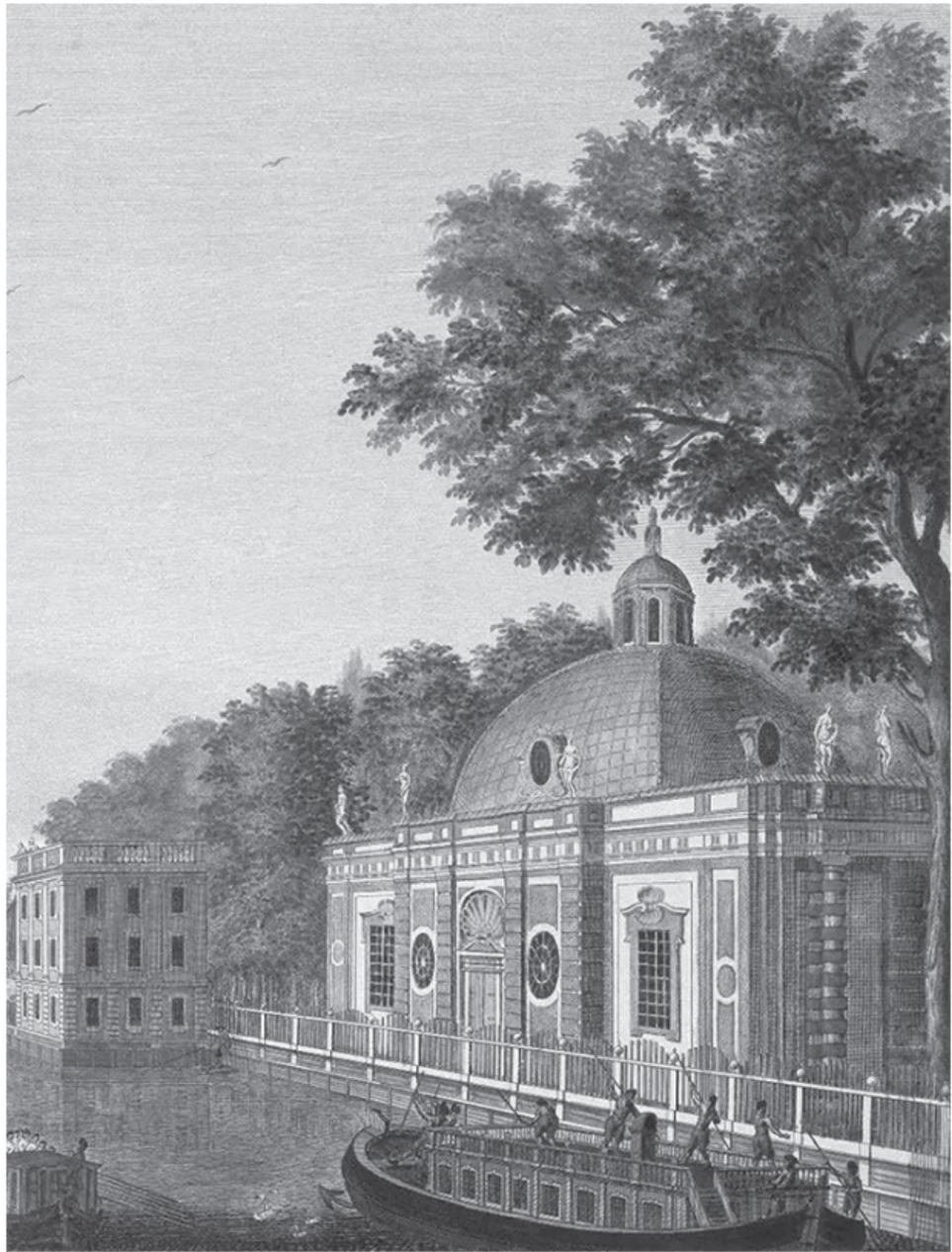
Из этого дома в ночь на 9 ноября 1740 года Густав Бирон был взят Манштейном и отве-

зен в Шлиссельбург. Измайловский караул, находившийся при доме в ночь его арестования, долго не хотел выдавать Манштейну своего любимого командира.

Густав Бирон душевными качествами не походил ни на одного из своих братьев; он казался только грубым, но был добр, снисходителен, щедр, принадлежал к числу храбрейших генералов и добросовестнейших начальников своего времени.

Дом Бирона по настоящее время удержал свою прежнюю форму с колоннами; лет десять тому назад он принадлежал Потемкину, теперь – г. Игнатьеву.

Вид по реке Фонтанке от Грота и Запасного дворца. Гравюра Г. Качалова. 1753. Фрагмент

Глава IV

Продолжение описания Летнего сада. – Празднества в нем. – Обношение водкой. – Печальные последствия одного народного гулянья. – Роговая музыка. – Обитатели Летнего дворца. – Императрицын сад. – Дворец на Фонтанке и другой запасный. – Дворцы на Царицыном лугу и у Полицейского моста. – Домашняя жизнь Елисаветы. – Сказочницы-старухи. – Боязнь покойников. – Основание Екатерингофа. – Подзорный остров и бывший там дворец. – Смерть фельдмаршала Апраксина в нем. – Прядильный дом. – Екатерингофский дворец и его редкости. – Зверинец. – Кладбища. – Присоединение Екатерингофа к городу. – Новые работы. – Вокзал, ферма, мосты и пр. – Каждогодное гулянье в нем. – Дача театральной дирекции. – Шпалерный мануфактурный двор. – Екатерингоф в настоящее время.

План Летнего сада представляет площадь в 27 000 кв. сажен, или $11\frac{1}{4}$ десятин; в саду главных аллей 4 и перекрестных 10; во всем Летнем саду до 15 000 деревьев, в числе которых десятая часть, как, например, на главной аллее, у дворца и напротив Царицына луга, сохранились от времен Петра I. Всех статуй и групп в саду считается 92 штуки, работы следующих скульпторов: Paulo, Irelli, Bonazzo, Bianchi, Varatta и других, имена которых, впрочем, не включены в число знаменитых

скульпторов; очень небольшое число из них недурны, как, например, изображение Веры и Закона, работы Корнадини, затем Бахус и Меркурий, большая же часть отличается изломанностью и фигурностью поз. Некоторые из них уже наглядно грызет всеразрушающий зуб времени, и мраморная ринопластика уже подделала статуям новые носы. Коллекция этих статуй относится ко времени Екатерины II и составляет трофей Суворова, покорителя Варшавы. При Петре I на нынешней набережной, на спуске к Неве, стояла на высоком пьедестале превосходная мраморная статуя Венеры, купленная императором у Папы за 3000 скуди. Петр так дорожил ею, что во время гуляний и праздников всегда ставил к ней часового. На площадке, подле пруда, в 1833 году поставлена урна, или ваза-плакательница, из эльдальского порфира, подарок шведского короля. На месте галерей, о которых мы уже раньше говорили, в 1778 году начала строиться превосходная железная решетка на гранитном фундаменте. Окончена она была в 1784 году. Решетка утверждена между колонн серого гранита, в 2 сажени вы-

шины и в 3 фута в диаметре каждая; они стоят на гранитных же кубах в 6 футов, и над капителью каждой поставлены вазы двух различных рисунков, которые, как и концы копий, розасы решетки и орнаменты ворот, вызолочены через огонь. Некогда англичане приезжали в Петербург только посмотреть эту решетку. В Летнем саду в старину ежегодно бывало гулянье в День Святого Духа; в этот день в саду стекалось невероятное количество публики; сюда являлось купечество для смотрин невест. Тут выказывались красота и богатство, весь год прятавшиеся дома. Петербургские старожилы еще помнят роскошные русские женские наряды, бриллианты, бурмицкие зерна[299], помнят и свах, шмыгавших за деревьями...

Летний дворец в царствование императора Александра I служил многим нашим сановникам в летнее время жилищем: в нем жили военный министр князь Горчаков в 1815 году, в следующем году – бывший министр юстиции князь Лобанов-Ростовский, в 1822 году – военный генерал-губернатор граф Милорадович и после него министр фи-

нансов граф Канкрин.

В прошедшем столетии все общественные развлечения давались на Царицыном лугу и в Летнем саду. В дни таких празднеств на одном из бастионов Петропавловской крепости выставляли флаг и производились пушечные выстрелы, по которым все и должны были спешить на гулянье. (Царицын луг при Петре назывался Потешным полем. В 1818 году его уже начали называть не Царицыным лугом, а Марсовым полем.)

При императоре Петре в Летнем саду обносили посетителей вином, и даже дамы не были изъяты от угощения водкой. Церемониал угощения совершался в следующей форме: в сад являлись гвардейские солдаты с носилками, на которых был поставлен большой ушат с простым вином. Обходя гостей, они подносили каждому большой ковш за здоровье полковника, т. е. царя. Отказывавшиеся были насильно принуждаемы к питью майорами, которые нарочно для этой цели ходили за ушатом. Сад во время подношения запирался, и никто не смел без позволения царя выйти из него. Такие празднества обыкновен-

но кончались всегда фейерверком, или «огненной потехой».

Летний сад и позднее был местом различных гуляний. Уильям Кокс, посетивший Петербург в 1778 году, описывает одно своеобразное пиршество, которое давал откупщик [300], наживший в четыре года огромное состояние (вероятно, он намекал здесь на Лонгинова). Сдавая откуп, он счел нужным в виде благодарности устроить праздник народу, обогатившему его; праздник, по обыкновению, дан был в Летнем саду, о чем заранее по всему городу были разосланы афиши; вот что гласила эта любопытная афиша: «В честь высочайшего дня тезоименитства ее императорского величества представляется от усердия благодарности, от здешнего гражданина, народный пир и увеселение в разных забавах с музыкою на Царицыном лугу и в Летнем саду сего ноября 25-го дня, пополудни во 2-м часу, где представлены будут столы с яствами, угощение вином, пивом, медом и проч., которое будет происходить для порядка по данным сигналам ракетами:

1-е к чарке вина,

2-е к столам,

3-е к ренским винам, пиву, полпиву и прочего.

Потом угощены будут пуншем, разными народными фруктами и закусками; представлены будут разные забавы для увеселения, горы, качели, места, где на коньках кататься, места для плясок: все ж сие будет происходить по порядку от определенных хозяином для подчивания особливых людей, кои должны довольствоваться всем, напоминая только тишину и благопристойность; „ссоры ж и забиячества“ от приставленных военных людей допущены быть не могут; ибо оное торжество происходит от усердия к народу и от благодарности к правительству; следовательно, и желается только то, чтоб были довольны и веселы, чего ради со стороны хозяина просьбою напоминается хранить тишость и благочиние; в заключение же всего представлена будет великолепная иллюминация».

Гости собрались около двух часов, как говорит Кокс; огромный полукруглый стол был завален всякого рода яствами, сложенными самым разнообразным способом: высокие пи-

рамыды из ломтей хлеба с икрой, вяляной осетриной, карпов и другой рыбы, украшались раками, луковицами, огурцами. В различных местах сада стояли рядами бочки и бочонки с водкой, пивом и квасом. В числе других диковин был огромный картонный кит, начиненный сушеной рыбой и другими съестными припасами и покрытый скатертью, серебряной и золотой парчой. Кроме того, были устроены различные игры и увеселения: ледяные горы, карусели и т. п.; два шеста, около 20 футов высоты, виднелись своими флагами, и на верхушке была положена монета, в виде приза. Праздник вышел очень оживленным, в нем было участвующих до 40 000 душ обоего пола. Праздник этот, впрочем, ознаменовался довольно печальными последствиями. Многие из валявшихся на земле пьяных замерзли; немало людей погибло в драке; другие, возвращаясь по домам поздною порою, были ограблены и убиты в уединенных кварталах города. Число таких жертв, по наведенным справкам, доходило до 400 человек.

По поводу этого праздника написана импе-

ратрицею Екатериною II записка к генерал-полицеймейстеру С.-Петербурга Д. В. Волкову. Государыня упоминает в ней о 370 лицах, погибших от пьянства.

Печальную репутацию приобрел в мае 1830 года и пруд в Летнем саду: в нем утонула влюбленная безнадежно молодая девица.

В екатерининское время в Летний сад привлекала толпы гуляющих роговая музыка придворных егерей; хор придворной роговой музыки отличался великолепною обмундировкою: сперва одежда музыкантов была зеленого цвета, отделанная золотым позументом; потом зеленые камзолы были заменены красными, а небольшие шапочки с изображением золотого сокола – трехугольными черными шляпами с плюмажами из белых перьев. В торжественных случаях егеря-музыканты являлись в штиблетах и с напудренными волосами. Частные хоры роговой музыки одеты были также на манер придворных егерей.

При исполнении пьес музыкантами требовалось самое напряженное внимание: музыкант не мог спустить глаз с бывших перед

ним нот, отсчитывая мысленно паузу, после которой ему следовало брать приходившуюся на его инструмент ноту. Для каждого музыканта обозначалась в нотах только та, которую он должен брать на своем инструменте. Роговая музыка была так громка, что звуки ее в безветренную погоду были слышны в округности на 7 верст. В бальных залах роговая музыка ставилась подле обыкновенного оркестра, и притом так, чтобы ее не было видно; она аккомпанировала оркестру, разыгрывавшему полонезы, менуэты, контредансы. Производимый ею эффект, по свидетельству современников, был поразителен; инструменты были на вид некрасивы, снаружи обтянуты кожей, но внутри были сделаны очень искусно, покрыты лаком и тщательно отделаны. Звуки, которые они издавали, были очень похожи на гобои, фаготы, кларнеты и охотничьи рожки, только тон их был нежнее, приятнее. По общему впечатлению, производимому этою музыкою, она приближалась к духовому органу. Помимо императорского хора роговой музыки, в России таких хоров у богатых бар было около девяти. Лучшим считался

Нарышкинский, основанный в 1754 году капельмейстером Марешом, изобретателем этой музыки. Затем славился хор роговой музыки графа Кир. Григ. Разумовского; впоследствии его купил князь Потемкин. Хор состоял из 36 человек и сопровождал князя во всех его походах и переездах. Когда император австрийский Иосиф II, посетивший Екатерину II в Херсоне, услышал в первый раз исполнение этого хора, то был изумлен от восторга; он потом рассказывал, что в жизни никогда не испытывал такого сильного впечатления... Управлял хором Потемкина капельмейстер Лау. После Нарышкинского и Потемкинского хора славилась еще роговая музыка Вадковского, хором которого дирижировал русский капельмейстер Сила Дементьевич Карелин. Роговая музыка в России просуществовала только до 1812 года.

На месте нынешнего Инженерного замка был построен Петром для Екатерины небольшой летний дом, комнаты которого были роскошно отделаны и убраны превосходною мебелью и лучшими картинами. Вокруг дома был разведен сад, названный Императрицы-

НЫМ.

В 1740 году на обширном лугу за этим садом, почти вплоть до Итальянской улицы, начали разводить другой сад.

В 1747 году его еще увеличили до нынешнего Михайловского дворца, в глубину всей Михайловской площади, а в ширину до Екатерининского канала. Он был изрезан множеством крестообразных узких аллей и дорожек и представлял совершенно другой характер, нежели Летний сад императора Петра I. Этот обширный сад был украшен фигурно стриженными деревьями, узорчатыми клумбами, а в Итальянской улице имел огромный цветник, по бокам с прудами, с множеством зеленых переходов и с большим лабиринтом позади. Посередине сада тянулся так называемый Глухой канал. Все это место впоследствии было неоднократно изменяемо, расширяемо, урезываемо и постепенно вошло в настоящие границы. Сад, по преданию, разбивал пленный швед, по фамилии Шредер. Дворец, построенный для Екатерины, редко был посещаем государыней и мало-помалу пришел в такую ветхость, что при вступлении

своим на престол Анна Иоанновна приказала его разобрать и выстроить новый, гораздо обширнее. Постройка дворца хотя и была окончена при жизни императрицы, но переехать в него удалось только Елисавете Петровне в 1742 году. Она приказала убрать его роскошной мебелью, взятою из конфискованного имущества Миниха. Императрица полюбила дворец и часто жила в нем; там родился 20 сентября 1754 года император Павел I и долго жил во время своего малолетства. В этом дворце происходили праздники и торжества по случаю мира, заключенного Петром III с Пруссиею. В этом же дворце Екатерина II принимала официальные поздравления дипломатического корпуса по вступлении на престол. Сюда же она возвратилась торжественно с войском на третий день по восшествии на престол из Петергофа. Здесь же она получила известие о кончине Петра III.

Дворец вскоре императрица разлюбила, а Павел I в феврале 1797 года приказал сломать его. Дворец был построен графом Растрелли.

Против Летнего дворца, на другой стороне Фонтанки, несколько наискось, стоял доволь-

но обширный деревянный дом с мезонином; он назывался запасным дворцом или двором; сюда из дворцовых волостей привозили отовсюду разные припасы. Излишние припасы продавались за самую дешевую цену жителям города.

Затем, еще в прошедшем столетии, пониже Екатерингофа, на берегу, существовали два летних дворца: Анненгоф и подле него Елисаветгоф. Дворцы эти были деревянные, одноэтажные, с небольшими садиками. Оба дворца были подарены Петром цесаревнам: Анне Петровне и Елисавете Петровне. В конце царствования Екатерины II от них оставался один фундамент.

Императрица Елисавета жила в своем дворце на Царицыном лугу, но больше в другом, у Зеленого моста (теперь Полицейский); она имела обыкновение спать в разных местах, так что заранее нельзя было знать, где она ляжет. Это приписывали тому, что она превращала ночь в день и день в ночь. В 11 часов вечера она отправлялась только в театр, и кто из придворных не являлся за нею туда, с того брали 50 рублей штрафа. По рас-

сказам современников, государыня кушала немало и каждое блюдо запивала глотком сладкого вина. Она в особенности любила то-кайское вино. В среду и пятницу у государыни вечерний стол был после полуночи, потому что она строго соблюдала постные дни, а покушать любила хорошо, и чтоб избежать постного масла, от которого ее тошнило, она дожидалась первого часа следующего непостного дня, когда ужин был сервирован уже скоромный. У государыни был превосходный фарфоровый сервиз, все блюда которого были с крышками, сделанными наподобие кабаньей головы, кочня капусты, окорока и т. п.

В числе особенных странностей государыни, она терпеть не могла яблоков, и мало того что сама их не ела никогда, она до того не любила яблочного запаху, что узнавала по чутью, кто ел недавно, и сердилась на тех, от которых пахло ими; от яблок ей делалось дурно, и приближенные остерегались, даже накануне того дня, когда им следовало являться ко двору, до яблоков дотрагиваться. Спать государыня ложилась в пять часов утра; утро и часть дня посвящались сну. Засыпая, Елисавете

та любила слушать рассказы старух и торговок, которых для нее нарочно брали с площадей. Под рассказы и сказки их кто-нибудь чесал Елисавете пятки, и она засыпала. Когда императрица спала, то в это время по соседнему Полицейскому мосту запрещалось ездить экипажам, чтобы стук езды не будил императрицы; иногда не пускали и пешеходов. Императрица была очень суеверна и боялась покойников: она не входила в тот дом, где лежал покойник. Когда граф Апраксин умер в Царском Селе, в казенном здании, то тело его вынесли под шатер. Больного Чеглокова отправили домой, чтобы он не умер во дворце. При ней, в 1755 году, вышел указ, запрещавший носить мимо дворца покойников. Императрица скончалась в самое Рождество 1761 года, на 53-м году жизни, во дворце у Полицейского моста (теперь дом Елисеева). Там же Петр III, в тот же вечер, принимал присягу гвардии, построившейся против окон дворца, и после того ездил по всему городу с факелами.

Екатерингофский дворец заложен Петром весной 1711 года, в память первой победы,

одержанной им в виду того места 6 мая 1703 года; здесь Петр, в звании капитана бомбардирской роты, взял два шведских судна и вместе с любимцем своим Меншиковым награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Адмирал Головин, первый кавалер этого ордена, сам украсил царя знаками оногo. Император назвал дворец Екатерингоф и подарил его супруге своей Екатерине. Дворец, построенный Петром, был деревянный, одноэтажный; вместе с этим дворцом был им сооружен на небольшом островку между Екатерингофом, Гутуевым островом и входом в Неву каменный дворец с башнею, названный Подзорным; там Петр любил жить в уединении и ждать прихода кораблей из Кронштадта. Позднее, при императрице Елисавете, в Подзорном дворце содержался под арестом фельдмаршал Апраксин, где и был над ним совершен кригсрат[301]. Апраксин сидел под присмотром капрала. Раз императрица Елисавета, едучи в Петербург, заметила на крыльце Апраксина и приказала немедля кончить его дело, и если не окажется ничего нового, то объявить ему тотчас и без доклада

ее монаршую милость. Презус[302], как рассказывает И. В. Лопухин, надоумил ассессоров [303], что когда по допросе он скажет им: «приступим к последним», то это будет значить объявить монаршую милость: «Что ж, господа, приступим к последнему?» Старик от этого слова задрожал, подумав, что станут пытаться его, и тут же умер с испуга. Остров, где стоял Подзорный дворец, у шведов назывался Овчий остров. Островок этот сохранил название Подзорного до настоящего времени, но дворец обращен в адмиралтейские магазины.

В царствование Елисаветы Петровны Екатерингофский дворец был возведен в двухэтажное здание, но боковые стены остались те же самые, как были при Петре, хотя дворец сделали обширнее, нежели прежде, пристроили еще отделение от каминной комнаты с двухэтажною залюю. В обоих этажах дворца сделали 21 комнату; в нижнем этаже сохранили убранство комнат в том самом виде, как было при Петре, вверху же покои убрали довольно пышно, во вкусе новейшего уже времени. Вот в каком виде был возобновленный дворец: перед спальней императора стоял

шкаф, в котором хранился его синий кафтан с золотым шитьем по борту и рукавам; этот кафтан Петр носил в сражениях. В спальне стояла старая сосновая простая кровать, по преданию сколоченная руками императора. Наволочки, как и одеяло, были шелковые, некогда зеленые, с нашивными золотыми орлами. В спальне висела картина фламандской школы с изображением морского вида; напротив кровати находилось старинное зеркало и стоял поставец с китайскими чашками; перед постелью висела икона Владимирской Богоматери.

В столовой стоял штучный банкетный стол, сделанный из лиственницы, доставленной Петру из Архангельска. За этим столом государь любил беседовать с Апраксиным, Шереметевым, Меншиковым. Каминная комната в нижнем этаже дворца была приемной, в ней он давал аудиенции, принимал рапорты о выходящих кораблях и т. д. Над камином в этой комнате был помещен большой компас, имевший сообщение с флюгером на крыше дворца.

В верхнем этаже, в угловой комнате, было

резное, в виде барельефа, изображение Петра в лаврах, потом под чехлом деревянная табакерка его работы, пожалованная им поручику Иосифу Ботому. Тут же лежала другая табакерка, подаренная им жене купца Марье Барсуковой, часы, жалованные вышневолоцкому купцу Сердюкову, подрядчику при постройке Вышневолоцких шлюзов. Часы эти Сердюкову Петр подарил по случаю следующего приключения. На Сердюкова был сделан ложный донос в отсутствие Петра; Сердюков был взят в крепость. При осмотре канала Петр заметил, что работы шли не так, как он приказывал. Он потребовал строителя. Государю донесли, что Сердюков взят под стражу; царь разгневался и тотчас поехал в Петербург, сам пошел в крепость, где содержался Сердюков, расспросил его, за что его арестовали, и, узнав, что он невиновен, поцеловал его и приказал тотчас же отправиться в Вышний Волочёк, на работы канала; при прощании подарил ему на память эти часы[304].

Во дворце стояли также большие английские часы с музыкой, работы Торнтон, бой и музыку которых император так любил, что в

1693 году писал из Вологды к боярину Тихону Никитичу Стрешневу: «Пожалуй, отпиши, что мои любезные органы станут играть, и какие танцы». Эти часы здесь сохранялись еще в сороковых годах нынешнего столетия, в футляре с хрустальными столбиками; на маятнике этих часов было миниатюрное изображение Петра Великого в голубом русском полукафтани и в порфире. Петр изображен был в самой цветущей своей молодости, двадцати четырех лет. Играли эти часы 12 пьес, название которых было выписано на стальном круге. Кроме этого миниатюрного изображения императора, в Екатерингофском дворце до сего времени сохраняются три его портрета, списанных с него при жизни.

Наверху в одной из комнат помещалась библиотека, касающаяся только до жизни и дел императора Петра. Всех книг по реестру было 100 томов, в красивых переплетах с золотыми гербами и надписью: «Екатерингофского дворца». До сих пор наверху имеются две комнаты, убранные китайскими вещами; в одной из них, при входе с лестницы, модель китайской галеры и два китайских фонаря;

в ближней к ней комнате хранятся китайские лакированные фарфоровые ширмы с живописным изображением церемониального шествия китайского императора со свитой; там же стоят китайские шкафы, комод и бюро и две большие картины на дереве с наклеенными и раскрашенными фигурами из слоновой кости. Картины имеют и обратную сторону.

Здесь же хранятся несколько еще и других китайских вещей. Все эти вещи привезены при жизни Петра из Пекина нашим полномочным посланником лейб-гвардии капитаном Львом Измайловым, на покупку которых при отъезде из Петербурга Измайлову было выдано 10 000 рублей. Две крайние комнаты с противоположной стороны дворца сохранили также первобытное богатое убранство времен Елисаветы Петровны. Стены этих комнат обиты: крайняя богатым белым бархатом с цветами, а следующая – атласным штофом, изделия С.-Петербургской мануфактуры 1729 года. К сожалению, штоф и бархат, украшавший некогда мебель здешнего дворца, лет двадцать тому назад снят придворным обойщиком Туром и заменен дешевым ситцем и

шерстяной материей. В настоящее время дворец оклеен китайскими шелковыми обоями, найденными на чердаке Таврического дворца. В одной из комнат верхнего этажа имеется 12 тканых картин работы русских художников; работы эти относятся ко времени существования мануфактур-коллегии. Из картин заслуживают внимания: «Апостол Иаков», «Купающаяся Вирсавия», вытканная в 1727 году, «Орел, схвативший голубя» – в 1733 году, «Сусанна» – в 1739 году, «Собаки в бойне», вытканные в 1755 году, тканый вензель Петра I. Одна из картин в этой комнате, с изображением цветов и плодов, принадлежит иностранному художнику Бароку. Несомненно, что эти картины имеют ценное значение, как первые наши русские гобеленовые обои.

По лестнице, ведущей в нижний этаж, на стене вместо обоев висит большая на холсте карта Азиатской России. Карта написана, видимо, для шутки: вряд ли найдутся реки в учебниках с такими названиями, как здесь; на карте также и страны света поменялись местами: вверху море Индейское и Песчаное,

внизу север и Ледовитое море, Акиан (sic), к западу Камчатка и царство Гилянское на берегу реки Амура, с курьезною надписью: «до сего места Александр Македонский доходил, ружье спрятал, колокол оставил». По преданию, по этой карте Петр экзаменовал ради смеха нетвердо знающих географию. Тут же в одной из комнат сохраняется небольшая картина, писанная масляными красками, с изображением Екатерингофского дворца в первое время. В большой зале, пристроенной уже при Елисавете Петровне, находится фарфоровая люстра из цветов и два фонаря стиля Louis XV, затем виднеется огромная печка из синих разрисованных изразцов. На стенах несколько старинных картин голландской школы и большое бюро превосходной художественной работы, с изображением на первом плане: «Вид Кремля из Замоскворечья между Каменным и Живым мостами, к полудню»; по бокам изображены виды Эрмитажа и павильона в зверинце в Царском Селе.

Большая часть описанных нами вещей и теперь сохраняются в Екатерингофском дворце; их любовно, более тридцати лет, сберегает

старик, придворный служитель Шатров, каждый день бережно стирая с них вековую пыль.

Вся местность, где лежит Екатерингоф, не раз терпела от наводнения; так, в числе документов, хранящихся в московском архиве, имеется одна бумага, в которой говорится, что по определению Канцелярии от строений 12 мая 1741 года, состоявшемуся вследствие рапорта спичного и столярного дела мастера Фонболеса, велено было последнему в Екатерингофском дворце произвести починки повреждений, происшедших от больших прибылых вод.

В царствование Елисаветы лес, находящийся между речкою и большою дорогою в Екатерингоф, был обнесен высоким частоколом, и в нем был зверинец для оленей.

Императрица Елисавета не очень часто ездила в Екатерингоф; она, как известно, была характера веселого и не любила картин грустных, а чтобы посетить Екатерингофский дворец, ей надо было проехать два кладбища: Екатерингофское и Вознесенское. Раз, во время такого проезда в Екатерингоф мимо та-

мошнего кладбища, императрица обратила на него особенное внимание, и оно ей очень не понравилось. Действительно, картина была непривлекательна: дурно зарытые тела издавали запах, могилы представляли одни ямы, крестов не было. Все это произвело на императрицу удручающее впечатление, и она на другой день послала указ генералу П. С. Сумарокову, гласивший следующее: «Имеющему за Калинкиным мостом, едучи к Екатерингофу, кладбище мертвых тел, тако ж и у Вознесенской церкви, насыпать землей выше, чтоб от того духу происходить не могло» и т. д. Кладбище, которое видела императрица Елисавета за Калинкиным мостом, теперь находится во владении г. Гейнца; в начале нынешнего столетия место это называлось «огородом на могилах». Таких огородов на могилах в Петербурге существует, помимо этого, еще два: самый большой из них находится на Выборгской стороне, в ограде Сампсониевской церкви, а другой на Карповке, близ сада графини Лаваль.

Екатерингоф в 1796 году присоединен к городу и причислен к новоучрежденной тогда

4-й Адмиралтейской части. Несмотря на то что по новому положению Екатерингоф лежал в черте города, ему дали привилегию, по которой гуляющим дозволялось курить табак.

В 1800 году император Павел поручил Екатерингоф графу фон дер Палену, бывшему тогда генерал-губернатором Петербурга.

В 1804 году Екатерингоф был передан в ведение графа А. С. Строганова. Этими мерами, однако, Екатерингоф не выходил из запустения; дворец приходил в ветхость; лес был еще обнесен частоколом; в саду, топком по самому местоположению, образовались болота, и осенью и в дождливое лето Екатерингоф был непроходим.

В 1823 году с. – петербургский военный генерал-губернатор граф М. А. Милорадович обратил особенное свое внимание на это место и представил на высочайшее утверждение план нового устройства Екатерингофа и немедленно приступил к работам. С весны до осени 1828 года все было приведено к окончанию под надзором инженер-полковника Сакера и градского главы Жербина. Красивей-

шие постройки, павильон, беседки и вокзал [305] были возведены молодым архитектором Монферраном, тогда еще не прославившимся постройкой Исаакиевского собора. В одно лето вырыт канал, по сторонам его сделана насыпь, отделяющая два пруда, близ которых, из уважения к памяти великого строителя, сохранены деревья, при нем насаженные. Через канал переброшен легкий чугунный мостик. При входе на мостик с двух сторон сделаны в виде трех арок фигурные ворота. Против лежащий Гутуевский остров был тоже расчищен, и самые рыбачьи дома на нем возведены в стиле сельских строений окрестностей Рима. На правой руке от трехаркового моста, на выдавшейся песчаной косе, омываемой Невой, было выведено большое готическое деревянное здание на каменном фундаменте, с решетчатыми фигурными окнами, галереями и высоким бельведером. Здание это носило имя Фермы, здесь жил летом граф Милорадович.

Кроме этого здания, по Екатерингофскому парку было рассеяно множество и других построек. В чаще от дороги стояла продолгова-

тая четырехугольная палатка, красиво драпированная, где была кондитерская, и затем еще восьмиугольный павильон с четырьмя портиками; перед каждым из них лежали два чугунных льва, на которых были утверждены столбы павильона. Шпиль был обит белым железом, с боков кровли были изображены прыгающие зверьки. На лугу был устроен детский садик с китайской беседкой, стояли качели, маленькая карусель, гимнастические игры, кегли и т. д. В лесу к Черной речке выстроена русская изба с широкими распашными тесовыми воротами, с пестрою высокою голубятнею, с деревянным кружком на окнах и крыше; на створчатых ставнях были размаляваны яркими красками цветы в горшках; на широком дворе возвышались висячие качели на зеленых столбах, в палатке дымился огромный самовар, продавался янтарный мед, бархатное пиво, московская селянка, ботвинья с лососиной, жиром подернутая, и другие яства. Главным зданием в саду Екатерингофа был вокзал, в мавританском вкусе, с огромной ротондой, к которой примыкали с двух сторон два павильона; купол ротонды

был голубой с золотыми полосами, на высоком шпиле веял флаг; перед ротондою, на больших пьедесталах, поставлены были две огромные вазы, наполненные цветами. В самой ротонде помещалась круглая зала для летних балов и концертов; хоры в ней, построенные полукружием, предназначались для музыкантов. В прочих отделениях шли красивые залы и комнаты. Содержателем этого вокзала долгое время был купец Егарев, отец известного петербургского антрепренера В. Н. Егарева.

В сороковых и пятидесятых годах особенно славились в Екатерингофе песенники с табачной фабрики В. Г. Жукова. Здесь они кочевали лагерем во время сенокоса на Екатерингофских лугах, сопровождая работу пением и плясками. Екатерингоф в эти годы служил любимым местом воскресных прогулок жителей Коломны, Семеновского и Измайловского полков, отправлявшихся туда обыкновенно водою. В то время там настроено было много дач, и даже наше тогдашнее театральное начальство в лице известного драматурга князя Шаховского перевозило сюда взрослых та-

лантливых воспитанниц театральной школы. На этой даче, по словам Р. М. Зотова[306], граф Милорадович проводил свои вечера, любясь развивающимися дарованиями. Об этой даче было много толков в городе, и толпа волокит осаждала по вечерам заборы дачи, и сквозь решетки происходили разные переговоры, размен писем и все, что можно было, как передает тот же Зотов в своих автобиографических записках.

Перерождение Екатерингофа в 1823 году внушило графу Д. И. Хвостову написать на этот случай торжественную оду. Благодарный устроитель Екатерингофа гражданин Милорадович приказал на вечные времена повесить портрет поэта в зале вокзала, и долгое время посетители Екатерингофской ротонды любовались чертами певца Кубры с оригинальной подписью «Э Катрингофа Бард».

В 1840 году Екатерингофский дворец было повелено ремонтировать. В пятидесятых годах часть редких вещей Петровского времени перешла на хранение в Императорский Эрмитаж.

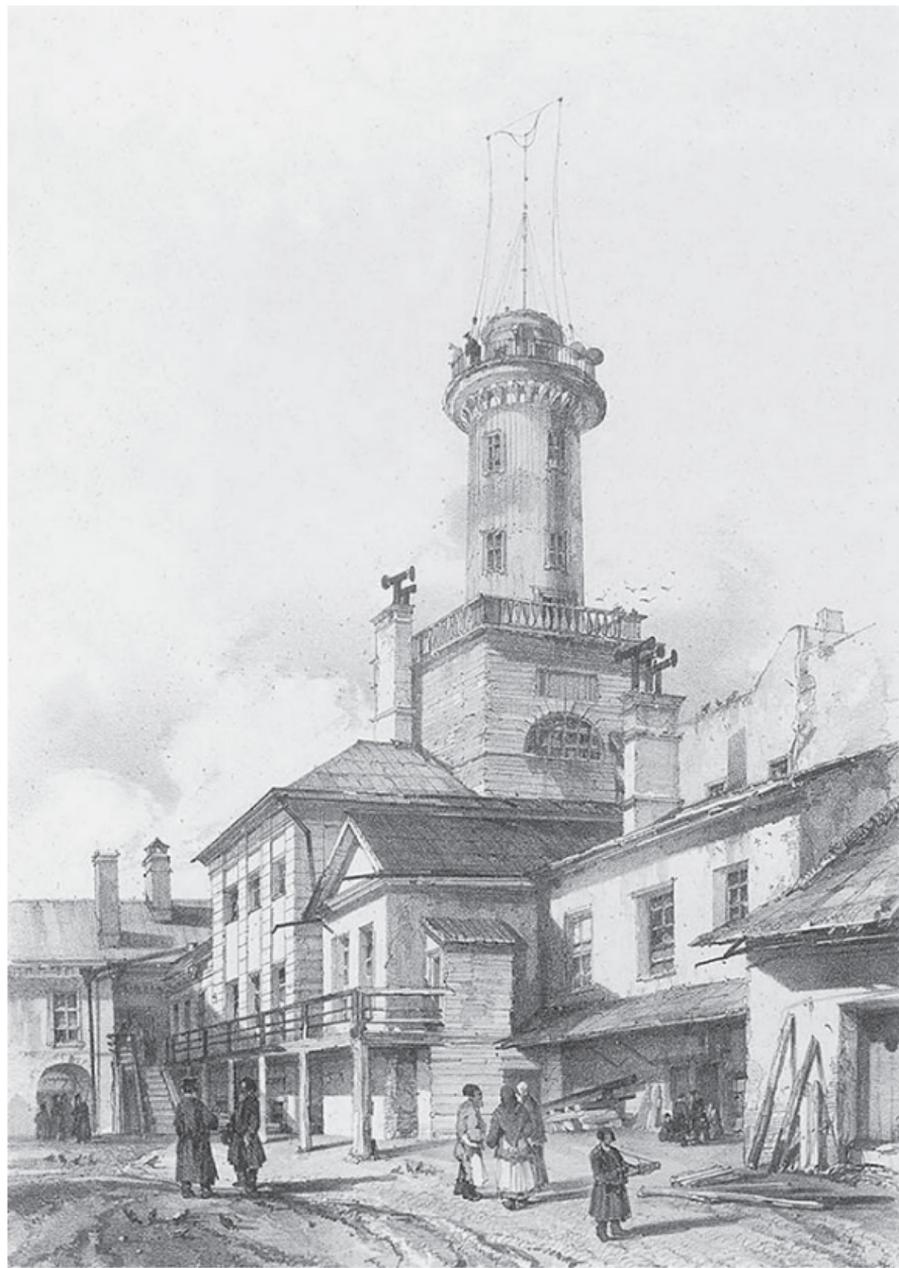
Недалеко от Екатерингофа, в Калинин-

ской деревне, Петр выстроил двухэтажный каменный дом (тот самый, где теперь Калининская больница), назвал его «шпалерным мануфактурным двором» и выписал сюда из Парижа мастеров, и в числе их известного художника Бурденя, к которому и отдал несколько русских мальчиков для изучения этого ремесла. На фабрике, кроме шерстяных шпалер, делали шторы и парчи.

Вправо от этой мануфактуры, по левому берегу Фонтанки, царь завел прядильный дом, где до 80 старух, под надзором старой голландки, ткали пряжу, добротой и тонкостью не уступавшую голландской.

В этот прядильный дом позднее, при императрице Елисавете, заключали женщин за разгульную жизнь.

В Екатерингофе установлено ежегодное гулянье 1 мая, повторяющееся и в Троицын день. В настоящее время Екатерингоф представляет полное запустение, пруды покрыты плесенью, а окружающая атмосфера пропитана зловонием и удушливым запахом, распространяемым вблизи стоящим костеобжигательным заводом.

Смотровая башня и Управление полиции на Большой Морской улице в Петербурге. Литография А. Дюрана. Ок. 1842–1847

Глава V

Петербург при императоре Петре II. – Первый большой пожар в столице. – Второй большой пожар на берегу Невы. – Исторический пожар 1736 года. – Меры против поджигателей. – Пожары при Екатерине II. – Пожар Большого театра в 1811 году. – Пожар другого театра у Чернышева моста. – Четверостишие на этот пожар. – Пожар в церкви Преображения Господня. – Горящие леса кругом Петербурга. – Большой пожар в Московской и Ямской. – Катастрофа в балагане Лемана. – Число погибших жертв. – Пожар Зимнего дворца. – Причина его. – Рассказы очевидцев. – Спасенные вещи. – Незначительная пропажа последних. – Анекдот про императора Николая I. – Возобновление дворца. – Большие пожары: Апраксина и Шукина двора в 1862 году.

С кончиною Петра I многое, начатое им, осталось неоконченным. Его преемники, Екатерина I и Петр II, ничего не сделали для Петербурга. Петр II думал даже столицу перенести в Москву; в его время Петербург особенно запустел и на Васильевском острове, который тогда назывался Преображенским остро-

вом, многие каменные дома были брошены недоконченными и стояли без крыш, окон и потолков. Такое запустение города вызвало со стороны правительства принудительные меры, и вскоре явился указ (15 июля 1729 г.), по которому заселение Петербурга опять сделалось поголовным налогом: велено было немедленно выслать на бессрочное житье в Петербург всех выбывших из него купцов, ремесленников и ямщиков, с их семействами; а за неисполнение или медленность повелено было отбирать все имение и ссылать вечно на каторгу. Эти строгие меры не привели ни к чему, народ тяготился житьем в Петербурге, и, по всей вероятности, это и было причиною, что в Петербурге образовались шайки поджигателей, наведшие панику на всех жителей.

История Петербурга представляет несколько примеров ужасных пожаров. В первое время существования Петербурга, когда строения были всюду деревянные, пожары были весьма часты, но редко опустошительны. Постройки в то время делались низкие, необширные, со службами, далеко стоящими от

жилья; тогда, при первом появлении огня, достаточно было сломать два-три дома, чтобы остановить продолжение пожара. Впоследствии же, с возрастанием населения, стали строить дома сплошные, двухэтажные, с разными деревянными пристройками; такие дома стали требовать большого искусства при тушении огня. Вот самые большие пожары, бывшие в Петербурге за все время его существования: первый значительный пожар случился в 1710 году, причем сгорел ночью в один час Гостиный двор, состоявший из нескольких сотен бревенчатых лавок, помещавшийся на Троицкой площади[307]. Купцы потерпели большой убыток, многие товары из лавок не только сгорели, но были расхищены в суматохе, четверо из двенадцати грабителей были повешены на четырех виселицах, крестообразно поставленных на углах сгоревшего Гостиного двора. Второй большой пожар в Петербурге случился 1 августа 1727 года; огонь вспыхнул в магазинах на берегу Невы; сгорело несколько смежных домов, потом загорелись стоявшие на Неве барки; все они, числом 32, с грузом с лишком на 3 миллиона

рублей, были истреблены огнем. Людей по-гибло до 500 человек. Молодой император Петр II сам действовал на пожаре и с «горькими слезами» бросался в опасности[308]. На другой день треть потери выдана была из казны пострадавшим.

11 августа 1736 года, в полдень, загорелся дом на Мойке, близ Зеленого моста (Полицейского), от неосторожности слуг жившего в нем персидского посла Ахмед-хана. Они курили трубку на дворе, искра запала в сено, и через полчаса дом пылал. Пламя распространилось с чрезвычайной быстротою и вскоре охватило многие деревянные здания на берегу Мойки и Гостиный двор, стоявший на месте нынешнего дома Елисеева (где Благородное собрание). Пожар продолжался восемь часов и истребил все здания от Зеленого моста до церкви Вознесенья.

24 июня 1737 года огонь снова вспыхнул разом в двух местах и обратил всю часть города, от истока Мойки до Зеленого моста, в пепелище. Сгорело более тысячи домов и несколько сот человек. Позднее, в этом же году, сгорела часть города от Вознесенья до

Крюкова канала. Этим пожарам, как было до-
знано, предшествовали поджоги. Так, 6 июня,
рядом с дворцом Елисаветы Петровны (где те-
перь Павловские казармы), в доме Линзена
найден был на крыше горшок с воспламеняю-
щимися веществами. Пожары вызвали пра-
вительство на одну меру, замечательную в
статистическом отношении: для открытия
поджигателей велено было разделить город
на несколько частей и затем в каждой части
произвести обстоятельную перепись жителей
в три дня. Мера эта послужила к открытию
злоумышленников, которые впоследствии и
понесли заслуженную кару.

После пожаров 1737 года город был разде-
лен на пять частей, и в первый раз даны офи-
циально названия петербургским улицам.

16 июля 1739 года против Выборгской сто-
роны, за Литейным двором, горели барки с
пенькой и маслом, рыбой и хлебом. На пожа-
ре погибло немало людей, сторел и виновник
катастрофы, принесший горящую лучину на
барку, от которой и загорелась пенька. В 1748
году в Петербурге пожары были опять часты.
В этом году указом от 2 июня предписано рас-

ставить в Петербурге гвардейские пикеты около дворцов для сберегания их от поджигателей; в указе, между прочим, сказано, что частые пожары, бывшие в этом году, были произведены злоумышленниками. Поджигатели явились в обе столицы, и в Москве, в продолжение 16 дней, с 10 мая по 26-е число, ежедневными пожарами навели такой ужас, что жители, как говорит в своих записках Нащокин, принуждены были из домов выезжать в поля. Одновременно с этим предписанием было повелено полиции, дабы по происходящим от летнего времени опасностям находящиеся на больших улицах, как то: на набережной по Неве-реке, в Миллионной и Луговой у палат, деревянные крыльца и внутри домов мелкие деревянные строения немедленно, в присутствии полицейских чинов, все сломать и принуждать строить каменные... Приказ этот был исполнен в одну ночь, как говорит князь Шаховской в своих записках.

26 мая 1761 года в Мещанских улицах был большой пожар, продолжавшийся целый день; сама государыня присутствовала на пожаре. После этого пожара повелено было для

облегчения строившим остановить все дворцовые и казенные работы, а также «установить умеренную цену» на строительные материалы и на дни рабочих.

В мае 1763 года сгорел Гостиный двор и смежные с ним здания на Васильевском острове. После этого пожара назначена была поощрительная награда тем из пожарной команды, кто являлся первым на пожар[309].

В мае 1771 года сгорели все дома по 10-й, 11-й, 12-й и 13-й линиям Васильевского острова, от набережной Большой Невы до Большого проспекта; огонь начался в доме графа Миниха, где помещался Морской корпус; здание все было обращено в пепел.

В 1774 году между Адмиралтейством и Мойкой был большой пожар, выгорело более 140 домов, в том числе более сотни каменных построек. В 1780 году, в самый Духов день, горел Гостиный двор на Невском проспекте. Одна только сторона, обращенная к Невскому, была каменная, остальное же строение, деревянное, сгорело до основания, а вместе с ним обращена была в пепел часть домов, расположенных за ним. 16 мая 1782 года, в два часа

пополудни, произошел пожар на бойне, находившейся близ Большого рынка; несмотря на скорую помощь полиции, все деревянные лавки сгорели, но, к счастью, купцы успели спасти свои товары – убыток простирался более нежели на 200 000 рублей. Впрочем, эти лавки были настолько ветхи, что правительство уже имело намерение их перестроить.

Самое деятельное участие на этом пожаре принимали князь Репнин, Потемкин и Орлов, вместе с гвардейскими солдатами. Императрица Екатерина, как гласит камер-фурьерский журнал[310], на это ужасное зрелище смотрела на Садовой улице, против дома Воронцова (где Пажеский корпус), у каменных рядов. Государыня приехала на пожар вместе с Ланским прямо с обеда от И. И. Бецкого.

После этого пожара вышел указ, по которому всем русским и иностранным купцам дозволялось открывать особые магазины во всех кварталах столицы. Цель этого распоряжения была та, чтобы предупредить огромные убытки, которые может причинить торговле другой пожар, если все лавки будут находиться в одном месте. Императрица Екатерина имела

даже намерение не допустить торговли в таком обширном здании, как вновь создаваемый тогда Гостиный двор.

В 1795 году сгорел на Васильевском острове Андреевский рынок, выстроенный в 1789 году. Лавки торговцев вскоре были опять отделаны.

В следующем году, в мае месяце, пожар был в Гавани, на Васильевском острове, и в Эрмитаже. Вот как описывает пожар Екатерина II в письме к Гримму: «В один прекрасный и очень жаркий день, 25 мая, собралась гроза и молния ударила в сарай, где хранятся галеры, и все они сгорели вместе с канонерскими шлюпками; это случается во второй раз в мое существование. Все необходимое будет уже это лето выстроено, а старый хлам сгорел, и Бог с ним! Зато гавань очистилась. На другой день после этого приключения молния ударила в одну из труб Эрмитажа, которую расколола пополам между старой библиотекой и бильярдной; дым шел сильный, но огня не было. Весь Петербург сбежался туда, и народ оставался на пожаре с трех часов пополудни до полуночи, то есть не в самом Эрмитаже, а в

прилегающих к нему улицах и на набережной, выражая горячие желания, чтобы Эрмитаж был спасен от огня, которого там и не было».

В 1804 году сгорел немецкий театр в доме Кушелева (где теперь здание Главного штаба).

В ночь на 1 января 1811 года загорелся Большой театр через два часа после представления «Русалки». Театр горел ужасно, страшное зарево освещало все улицы Петербурга. Замечательно, что в день его открытия, в 1803 году, тоже случился пожар, хотя небольшой. Давали балет «Медея и Язон», на представлении присутствовала вся высочайшая фамилия; в то время, когда представлялось разрушение чертогов в огне, одна из кулис загорелась и обломок упал на ногу первого танцовщика Балашова. Балашов был уволен с полным пенсионом, и переломленная нога не мешала ему быть танцевальным учителем; в лучших домах в то время учиться русской пляске у Балашова даже считалось необходимой принадлежностью воспитания девиц.

2 мая 1825 года[311] сгорел очень краси-

вый театр у Чернышева моста, фасадом на Фонтанку, где теперь здание Министерства внутренних дел; на Масленице был открыт театр, а на первой неделе Великого поста он сгорел в три часа; театр этот освещался газом, и по этому случаю все подозрение в несчастье пало на газ, но оказалось, что пожар произошел от треснувшей печки.

После этого пожара явилось четверостишие на тогдашнего военного губернатора графа Милорадовича:

*Строителя забав не любят, видно,
Музы;
Его несчастливы с Харитами союзы:
Что он ни затевал,
То все вода снесла или огонь пожрал.*

8 августа 1825 года сгорел собор всей гвардии во имя Преображения Господня; пожар начался в первом часу и прекращен в 8 часов вечера. Огонь сперва показался в главном куполе около креста и затем обнял все здание; причиною пожара, как оказалось, была неосторожность рабочих, которые производи-

ли пайку железных листов вверху главного купола и, идя обедать, оставили на месте своей работы жаровню с горячими углями. От собора остались одни стены.

После пожара собора богослужения отправлялись в доме генеральши Булатовой (дом этот теперь принадлежит г-ну Лисицыну), где устроена была походная церковь. На площади перед домом были поставлены козлы, где повесили новые колокола; старые колокола от сильного жара растопились.

В 1826 году все окрестности Петербурга, покрытые лесом, горели несколько недель, и дым расстилался повсеместно в городе. Ф. Н. Глинка, описывая этот лесной пожар, пел:

*От блеска не было ночей,
И солнце грустно, без лучей,
Как раскаленный уголь, тлело!..*

8 июня 1832 года сгорело большое пространство в Московской и Каретной частях: истреблена огнем значительная часть Ямской по обеим сторонам Лиговского и Обводного каналов; всех домов сгорело 102 каменных и 66 деревянных со службами и флигеля-

ми. Император Николай Павлович на пожар прибыл из Петергофа и лично успокаивал на пожаре пострадавших. Пожар начался в половине первого часа на Болотной улице, в пространстве между Свечным переулком и Разъезжею улицею. Затем огонь обхватил Ямскую и после перекинулся на другую сторону Обводного канала. Замечательно, что дом Никольского, стоявший в самом жерле пожара, был спасен почти чудесным образом. Людей на этом пожаре погибло тридцать человек. На другой день после пожара в одном из полуразрушенных домов вспыхнул вновь пожар: загорелось от тлевших еще балок сало в количестве 7000 пудов.

По числу жертв, погибших в огне, самый страшный пожар в летописях Петербурга был в воскресенье 2 февраля 1836 года, в балагане Немана на Адмиралтейской площади. Пожар вспыхнул в пятом часу, во время начала представления; вот как описывают это несчастье полицейские известия: актеры, действующие в пантомиме, одеваясь в уборной, вдруг увидели, что от одной лампы, слишком высоко повешенной, загорелась стропила. Желая за-

благовременно предостеречь публику, подняли занавес, чтобы показать ей приближающуюся опасность. В то же время были открыты настежь восемь широких дверей, и все зрители, находившиеся в креслах и в первых и во вторых местах, выбрались заблаговременно, и остальные могли бы выбраться, если бы не случилось суматохи. Пламя появилось с правой стороны балагана, и на этой же стороне были широкие выходы, но зрители, наполнившие амфитеатр, бросились влево по узким лестницам к тесным дверям. Шедшие впереди были сбиты с ног задними, эти были опрокидываемы в свою очередь. Таким образом, дверь вскоре загромодилась, и нельзя было найти выхода. Упавшие задыхались от напора других. Между тем пламя обхватило весь балаган, крышка обрушилась и накрыла толпу горящими головнями. Из 400 человек с лишком, наполнявших балаган, лишились жизни сто двадцать шесть человек и десятеро были ушиблены тяжко. Трупы лишившихся жизни отвезены в летние палаты Обуховской больницы; к 5 февраля все эти тела были разобраны явившимися туда родственника-

ми. Людей, подававших признаки жизни, немедленно перенесли в здание Адмиралтейства, отведены были для них особые комнаты. Император Николай сам распоряжался всеми мерами спасения и оставил пожарище не прежде того, как было отыскано и вытащено последнее тело. Народная толпа на Адмиралтейской площади возросла до многих десятков тысяч и, не удерживаемая никакими иными средствами, кроме присутствия государя, безмолвно расступалась широкою улицею для пропуска труб[312], саней для перевозки раненых и убитых... Поэт Жуковский, живший тогда в Зимнем дворце, подал голос о необходимости отслужить панихиду по сгоревшим людям. Государь Николай Павлович благодарил Жуковского за эту мысль, и панихида была отслужена на самом пожарище [313].

Вот как рассказывает про эту катастрофу молодой очевидец, кадет Д. Чаплин: «Как только заиграла музыка, так на сцену с правой стороны из-под занавеса выскочил какой-то человек и громко закричал: „Господа, пожар, горим!“ – и сейчас же исчез. В балага-

не сделалась суматоха; многие вскочили с мест, а большая часть зрителей, думая, что Леман потешается над публикой, начали громко смеяться и кричать: „Браво!“ Но в этот самый миг откуда-то повторился новый неистовый крик: „Пожар, горим, спасайтесь!“ Тогда все бросились со своих мест, и вот тут-то сделался страшный переполох. Никто никого не щадил; друг друга сбивали с ног, один другого давил, толкал, пробиваясь к дверям и думая найти там для себя спасение. Между тем показалось пламя, и весь балаган в несколько мгновений наполнился дымом. Трудно что-нибудь представить ужаснее этого хаоса, который происходил в балагане; каждый искал возможности спастись, и каждый всю свою силу напирал на двери, забывая, что тем самым еще более заграждал путь к спасению». Очевидец рассказывает: «Меня придавили так, что не только пошевелинуться, но и закричать было нельзя, чтобы облегчить боль груди; в это время, – говорит он, – я уже не стоял на ногах, а весь мой корпус как будто прилип к какой-то живой массе, по воле которой я бессознательно дви-

гался то в одну, то в другую сторону, то поднимался, то опускался, не имея возможности сделать какое-либо движение. Густой дым разъедал мне глаза, и, кроме нестерпимой горечи во рту, я чувствовал, как сжималось горло, силы меня покидали. Сколько времени несчастная толпа боролась около запертых дверей, определить не могу, но в тот момент, когда я осознал неизбежную гибель, с шумом и с треском что-то обрушилось, и я вместе с толпой полетел вниз. Тут я почувствовал, что лежу на чем-то мягком и страшная тяжесть давит меня сверху. Нестерпимая боль во всех членах мучила меня страшно. От сильной боли я только стонал... Затем почувствовал я кружение в голове, тошноту, а вслед за этим потерял всякое сознание. Вдруг окружила меня свежесть воздуха, я стал приходить в себя и увидел, что лежу на тротуаре, окруженный какими-то незнакомыми людьми» и т. д.

Народная молва в этом бедствии обвиняла полицию, которая, как только заметила, что пожар в балагане, распорядилась никого не допускать к балагану до прибытия пожарных

и воинских команд. Но, к несчастью, пожарные явились, когда уже половина балагана сгорела, и на долю их досталось не тушить огонь, а вытаскивать из огня трупы. Нам передавал очевидец этого страшного бедствия, генерал А. М. Неман, что когда прибыл на пожар император Николай I, то дежурный квартальный отрапортовал государю, что в балагане никого нет и что загорелось во время антракта. Государь после этого хотел уже удалиться, но ропот в публике заставил его опять подойти к горевшему балагану и принять энергические меры.

17 декабря 1837 года в восемь часов вечера начался пожар в Зимнем дворце; огонь показался сперва из отдушника, проведенного от дымовой трубы между хорами и деревянным сводом залы Петра Великого и оставленного, при перестройке Фельдмаршальской залы в двухэтажную, незаделанным. Эта дымовая труба прилегала весьма близко к деревянной перегородке, и огонь, пробравшись по ней до стропил, тесно связанных с потолочною системой, мгновенно охватил массу, иссушенную многими десятилетиями, и затем с яро-

стью стал прокладывать себе дальнейший путь.

Барон Э. Мирбах, бывший в ночь пожара дежурным во дворце, рассказывает: «Увидев дым[314], я спросил старого лакея, где горит. Он отвечал: „Даст Бог, ничего, дым внизу, в лаборатории, где уже два дня, как лопнула труба; засунули мочалкою и замазали глиною; да какой это порядок. Бревно возле трубы уже раз загоралось, потушили и опять замазали; замазка отвалилась, бревно все тлеет, а теперь уже горит“» и т. д.

Государь в этот вечер был в Большом театре на представлении балета («Le Dieu et la Bayadère»); танцевала роль Баядерки Тальони; весть о пожаре пришла к государю во время спектакля; император поспешил тотчас же уехать из театра; по прибытии во дворец государь вошел на половину великих князей, которые уже были в постели, и приказал их немедленно отвезти в Аничковский дворец.

Вот как описывает очевидец пожара, генерал Баронович, приезд государя в Зимний дворец: государь, успокоясь насчет детей, в сопровождении князя Волконского прошел

ротонду, Концертную залу и Большую аванзалу; но, вступив в Малую аванзалу, был уже встречен стремительным потоком огня. Несмотря на видимую опасность, государь пошел через Фельдмаршальскую и Петровскую залы, первые добычи огня, и, наконец, вступил в Белую (гербовую). Здесь уже, казалось, не было возможности идти далее: густо клубящийся дым занимал дыхание, а карнизы и потолки, по которым вилось пламя, грозили всякую минуту падением; но в этом критическом положении государь успел благополучно миновать опаснейшие места и вошел в Статс-дамскую залу, дивя и пугая своей отважностью своего спутника. Достигнув части дворца, не тронутой огнем, государь велел полкам Преображенскому и Павловскому и командам гофинтендантского ведомства[315] выносить мебель и прочие вещи и складывать на Дворцовой площади. Толпы гвардейских солдат бросились в горящее здание и спешили выносить различные вещи.

Спасенные предметы складывались у Александровской колонны; за исключением небольшого числа громоздких предметов, все

драгоценности из дворца были спасены. Так, например, переноска из огромных дворцовых кладовых серебра, стоящего несколько миллионов рублей, была исполнена матросами в необыкновенном порядке: ни одна ничтожная мелкая вещица не была затеряна или сломана. Барон Мирбах говорит: при переноске вещей суетня происходила страшная; люди, выносившие вещи, были бог знает кто; вытаскиваемые вещи складывались в места каминов на площади, где грелись кучера. Картины первейших мастеров, малахитовые вещи, стенные и столовые часы, бронза и множество других разнородных ценных предметов лежали тут как ни попало на снегу. Часы с музыкою, приведенные в ход своим падением, заиграли вдруг прелестную арию, в ироническую противоположность с окружавшею сценою.

По поводу картин барон Э. Мирбах рассказывает следующий эпизод, рисующий черты супружеской заботливости императора Николая в такую грозную минуту: «Государь, осторожно пробираясь между раскиданными на снегу перед дворцом вещами, спросил у меня:

„Не знаешь ли, где императрицыны картины?“ Я указал на три разных места, где они были положены. „Пойдем же со мною, дружок, поискать любимую картинку жены“ (Доминикина). И вот при свете пожара мы отправились вдвоем приподнимать одну картину за другую: искомая нашлась во второй куче. „Прошу же тебя, – сказал государь, – велеть отнести эту картину в Адмиралтейство и там сдать на особое попечение Блоку“» (смотрителю Аничковского дворца).

Пропал с пожара только один большой серебряный кофейник, да и тот, как узнали потом в городе, никто не захотел купить, и вор был схвачен. Граф В. Ф. Адлерберг в своей заметке к статье о пожаре добавляет, что из множества вынесенных вещей из дворца и лежавших на площади более суток, кроме этого кофейника, ничего не было ни похищено, ни потеряно. Одна только незначительная золотая вещица, принадлежавшая императрице, сначала не отыскивавшаяся, потом, с наступлением весны, также была найдена в оттаявшем снегу и ей представлена. Еще одна из картин с изображением головы императо-

ра Петра Великого, принадлежащая теперь его высочеству Николаю Николаевичу Старшему, тоже до весны пролежала в снегу на Дворцовой площади. Бриллианты императрицы были вынуты из ящика доверенной камер-фрау[316] императрицы, госпожой Рорбек, и спасены все в целости. Все вынесенное и спасенное из дворца было сложено в Адмиралтействе, частью в здании Главного штаба и в экзерциргаузе[317], и по разборе поступило в комнаты их величеств; вещи же, как, например, фарфоровые вазы и вся мебель, отправлены в Таврический дворец. По выноске вещей было приказано остановить все работы и отступить от главного здания дворца, а все усилия и средства к тушению обратить на спасение Эрмитажа. В это время, когда пламя пожирало здание дворца, в Галерной гавани загорелось несколько бедных домиков. Государь на этот пожар посылает своего сына. Наследник спешит, на пути ломается экипаж; цесаревич садится на лошадь казака и верхом прибывает к месту пожара, который вскоре был потушен. В стараниях же отстоять здание Эрмитажа с ночи до 11 часов утра деятельно

принимает участие великий князь Михаил Павлович. Три дня горел дворец, пока огонь не пожрал всего в нем без изъятия. Остатки же пожарища курились после того более недели. Площадь перед дворцом с утра до вечера была полна толпами народа. В ночь пожара стоял в Петербурге жестокий мороз. Императрица, узнав о пожаре дворца под конец спектакля, поспешила приехать на пожар; здесь, спросив, не погиб ли кто из народа, она отправилась в квартиру министра, графа Несельроде, из которой и смотрела на горящий дворец.

По словам графа В. Ф. Адлерберга[318], император Николай думал спасти половину императрицы и приказал для этого пересечь крышу и заложить кирпичом те двери, которые вели из покоев государыни в остальную часть дворца, и уже приказал графу с баталионом Семеновского полка подняться на чердак разрубить стропила и балки и вывести кирпичную стену, но когда последний вошел, в голове баталиона, на покрытую гололедицей крышу, то уже нашел под собою все в огне[319]. Государь, видя грозившую опасность

людям, тотчас отменил свое приказание. Когда же граф А. Ф. Орлов счел обязанностью доложить государю, не нужно ли вынести бумаги из его кабинета, то император ответил: «У меня нет там никаких бумаг. Я оканчиваю свою работу изо дня в день, и все мои решения и повеления тогда же передаю министрам, из кабинета надо взять всего только три портфеля, в которых собраны дорогие моему сердцу воспоминания»[320]. Черты рыцарского характера императора Николая рисуются также в следующем эпизоде: в одной из зал император нашел целую толпу гвардейских егерей, силившихся оторвать вделанное в стену огромное зеркало, между тем как вокруг все пылало. При виде опасности, он несколько раз приказывал бросить эту работу, но усердие храбрецов брало верх над повиновением; тогда император бросил в зеркало свой бинокль, от которого оно разлетелось вдребезги. «Вы видите, ребята, – сказал он, – что ваша жизнь для меня дороже зеркала, и прошу сейчас же расходиться».

На пожаре спасены были в совершенной целости вся богатая утварь, великолепная

ризница и все образа с их дорогими окладами, а также вынесены без потери все императорские регалии и бриллианты. Добычею пламени сделались только некоторые вещи, вделанные в стены, и мебель. После пожара в высочайшем указе, данном министру внутренних дел 25 января 1838 года, было сказано: «Пожар, истребивший часть Зимнего дворца нашего, был случаем к новым изъявлениям усердия наших верных подданных. По доходящим до нас отовсюду сведениям, люди всех состояний ревнуют каждый по мере средств своих содействовать добровольными приношениями восстановлению сего здания[321]. Сии приношения не будут нужны; мы не принимаем их; но чувства, к ним побуждающие, чувства верноподданнической привязанности к нам и престолу, всегда при всяком более или менее важном событии обнаруживающиеся с новою силою, глубоко трогают наше сердце» и т. д.

После пожара в городе рассказывали: раз государь ехал в санях по Дворцовой набережной. У Троицкого моста, видит он, стоят двое без шапок, в руках блюдо с хлебом-солью, по-

крытое салфеткой. Государь велит остановиться. «Мы, Белый Царь, посланные от гостиных дворов Москвы и Петербурга просить у тебя милости, дозвожь нам выстроить тебе дом». – «Спасибо, – отвечал государь, – от души благодарю вас, Бог даст, я сам смогу это сделать, но передайте, что вы меня порадовали, я этого не забуду» (см. «Рус. арх.», 1878 г., с. 263).

К Пасхе 1839 года Зимний дворец был вновь отделан. Слово царя исполнилось. Император сказал: «Через год я буду встречать светлый праздник в стенах возобновленного дворца!»

Наибольшим пожаром после этого был в Петербурге 28 мая 1862 года пожар Апраксина и Щукина двора; за неделю еще до этого бедствия в Петербурге ежедневно стало происходить по несколько пожаров, так что пожарные команды должны были разбиваться на отряды и действовать в различных пунктах. Они не успевали возвращаться, утомленные, домой, как вновь сигнальные знаки призывали их к деятельности.

Ужасный пожар 28 мая начался около пя-

ти часов пополудни, в самый Духов день. Огонь сперва показался из одной лавчонки, близ новой часовни, и в час, не более времени, вся местность, занятая лавками, была залита огнем. Всех лавок на Апраксином и Толкучем сгорело около 6000 номеров. Убытки от этого страшного пожара, неслыханного в летописях нашей столицы, высчитывают в десятки миллионов.

Вид Дворцовой площади во время наводнения 1824 года. Литография конца XIX в. по рисунку современника. Фрагмент

Глава VI

Причины наводнений. – Невыгодное положение Петербурга. – Проекты к предотвращению бедствий. – Наводнения в первые годы по основании столицы. – Большое наводнение в 1777 году. – Письмо о нем императрицы Екатерины II Гримму. – Указ Екатерины II. – Описание наводнения 1824 года. – Записки о нем современников: Булгарина, Мартынова, Башуцкого и других. – Анекдотическая сторона. – Скряга Копейкин. – Спасители утопавших. – Участие правительства в общественном бедствии. – Миллионные пожертвования. – Данные о высоте воды. – Наводнения в позднейшие годы.

С самых отдаленных времен почти все пространство земли, занимаемое теперь Петербургом, покрывалось водою от 15 до 25 футов; так, известно по летописям, что между 1060 и 1066 годами вода прилива покрывала всю нынешнюю окрестность города на 20–25 футов; такая прибыль воды зависела единственно от силы и продолжительности западных или юго-западных ветров; пространство, занимаемое Петербургом и островами, находящимися между различными рукавами Невы, состоит из почвы частью песчаной и болотистой; оно возвышается от 4 до 6 футов над меженным уровнем Невы, отмеченным

на водомере при устье Фонтанки =0; гранитная набережная выше этого горизонта от 6 до 8 футов. Из сказанного очевидно, что устье Невы, превосходящее почти в семь раз ширину не разделенной на рукава реки, при противоположных течению ветрах может принять весьма много морских волн, которые, сообразно возвышению над меженным уровнем и силе ветра, останавливают исток, потому что падение и быстрота так незначительны, что течение не в состоянии не только в правых рукавах Невы противодействовать входу морских волн, но даже и самое стремление большой Невы не в силах преодолеть их напора. Поэтому сначала прекращается исток Невы, потом самое течение во всех рукавах ее устья делается обратным, а затем вода начинает быстро выступать из берегов и заливать все низменные части этого побережья. Чтобы предотвратить частые наводнения в Петербурге, еще в первых годах при его основании архитекторы Петра Великого Леблонд и Трезин думали весь Васильевский остров и Петербургскую сторону поднять на $1\frac{1}{2}$ сажени. Петр предполагал застраховать Васильевский

остров от наводнений, перерыв его большими каналами, как в Венеции, но в исполнении своего проекта, видимо, встретил неудачу, потому что в 1723 году указом от 27 июня повелел на острове, где надлежит по чертежу быть каналам, выкопать пруды, чтобы везде иметь воду в случае пожара. Но и пруды тоже не были выкопаны. После уже, в 1736 году, последовал высочайший указ: от пожара сделать на дворах колодцы. Император Петр II после наводнения 12 октября 1729 года думал перенести столицу навсегда в Москву, оставив в Петербурге одно Адмиралтейство и 40 000 войска. При императрице Елисавете отец светлейшего князя Кутузова, Илларион Матвеевич Кутузов, представил проект государыне: «О проведении канала для предотвращения жителей столицы от губительных последствий наводнения». Проект этот был приведен в исполнение только в царствование Екатерины II; в 1764 году приступили к работам канала, или углублению и отделке глухого протока; название каналу дали «Екатерининский», в честь императрицы. Он был вырыт на 8 сажен ширины и одну глубины, берега

его были одеты тесаным камнем с железными перилами; работы эти окончились в 1790 году. Кутузов получил за эту работу золотую табакерку, осыпанную бриллиантами (см. «Жизнь и военные и политические деяния князя М. Л. Голенищева-Кутузова-Смоленского», СПб., 1813 г., т. VI, с. 7).

Затем для такой же цели при Александре I в 1805 году была начата постройка Обводного канала генерал-лейтенантом Герардом и окончена в 1834 году генералом Базеном. Этот канал имеет до 10 сажень в ширину, а длина его составляет 8 верст. При Александре I, в 1810 году, архитектор Модюи представлял свои предположения об устройстве города на Васильевском острове и Петербургской стороне; на этот проект государь сказал: «Проект ваш был проект Петра Великого, он хотел сделать из Васильевского острова вторую Венецию, но, к несчастью, он должен был прекратить работы столицы, ибо те, коим поручено было исполнение его мысли, не поняли его: вместо каналов они сделали рвы, кои до сих пор существуют» (см. «Критич. обзор проектов для предохранения СПб. от наводнения»,

соч. В. Киприянова, СПб., 1858 г., с. 10). Затем в последующие царствования были представлены проекты: гг. академиком В. П. Петровым, Третером, Рокуром, Дестремом, Парротом, С. Усовым, Дефонтемом, Вибекингом, Базеном, Гуллетом и еще многими другими.

В летописях Петербурга насчитывается до двадцати наводнений, причиною которых, как мы уже говорили, служат ветры. Масса воды, приносимой Невою из Ладожского озера, по Штукенбергу, каждую секунду, составляет до 116 000 кубических футов и, следовательно, превосходит самый Нил и только немного уступает Гангу (183 970 к. ф.), далеко оставляя за собою Рейн (64 160). Неву Штукенберг называет самую непостоянную рекою в мире. Непостоянство Невы замечается в том, что она на всем своем шестидесятиверстном течении из Ладожского озера почти на каждой полверсте переменывается в ширине, и максимум таких колебаний широты Невы доходит до 200 сажен в некоторых местах. Самое узкое место – у Исаакия (170 сажен), у Смольного – 400 сажен, у крепости – до 300. Глубина Невы также не равна и уменьшается по мере

уменьшения быстроты: выше Невского монастыря она в $5^{1/10}$ сажень, выше Охты $7^{3/10}$, у Смольного $8^{5/10}$, ниже Таврического $8^{4/10}$, у Летнего сада $6^{9/10}$, против Бердова завода $5^{6/10}$. Быстрота Невы не во всех местах одинакова, она увеличивается по мере впадения других речек и уменьшается по мере разделения на рукава и каналы. Вот числа, которыми выражаются относительные скорости. Нева выше Невского монастыря дает в одну секунду воды: 114 659 529 куб. фут.; выше Охты 114 842 732 куб. фут.; ниже Охты 115 703 291 куб. фут.; близ Летнего сада 89 932 799 куб. фут.; против завода Берда 73 983 406 куб. фут. Путем Невы изливается в море богатейшая во всей Европе система вод, наполняющая собою всю северо-западную часть России.

В первых годах основания Петербурга жители довольно часто терпели бедствия от наводнений; по преданию, первые обитатели побережья Невы никогда не строили прочных домов, но небольшие избушки, которые, как только приближалась бурная погода, тотчас ломали, складывали доски на плоты, привязывали их к деревьям, а сами спасались на

Дудерову гору. Первое большое наводнение случилось до постройки Петербурга в 1691 году. В этом году, по шведским летописям, вода покрыла все места, занимаемые теперь городом, на двадцать пять футов высоты. Такое же наводнение, по рассказам старых рыбаков, повторялось почти каждые пять лет. Об одном из наводнений в Петербурге на третий год по его основании, в 1706 году, есть известие в письме Петра к Меншикову. Император писал: «Третьяго дня ветром вест-зюйд такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах было сверху пола 21 дюйм, и по городу и на другой стороне по улице свободно ездили на лодках. Однако ж недолго держалась: менее трех часов. И здесь было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям, будто во время потопа, сидели – не точию мужики, но и бабы. Вода хотя и зело велика была, беды большой не сделала». Письмо это помечено «из Парадиза».

В книге «Das veränderte Russland» (Frankfurt, 1721) автор рассказывает, что в 1713 году в Петербурге два раза случались наводнения, все острова были покрыты водою, в

первый раз буря случилась ночью, и жители, почти сонные, с трудом спасались в уносимых водою постройках.

В 1715 году, ноября 5-го, вода возвысилась на 7 футов и 4 дюйма; все мосты и больверки [322] были снесены водою; береговые укрепления тоже размыты и повреждены; жители по улицам ездили на лодках.

В 1720 году в С.-Петербурге явился пророк, который предсказывал, что 23 сентября, к зачатию Предтечи, с моря нахлынет вода на город, выше всех бывших вод. Она изведет весь народ и затопит город за отступление их от православия, т. е. за новые гражданские порядки. На Петербургском острове, у Троицкой пристани, недалеко от крепости стояло старое дерево, ольха или сосна; чухны, жившие здесь еще до построения города, к этому дереву относили следующий суеверный рассказ. Будто бы в 1701 году, в ночь на Рождество Христово, они увидели свет наподобие пожара, а это на дереве, на всех сучьях его, горели восковые свечи. Тогда, надев на жердь топор, чухны собрались рубить у дерева сук с горящими свечами, думая, что свечи спадут или

самую ветвь со свечами они отсекут. Но как только они несколько раз ударили по дереву, свет угас, от ударов же топора образовалась на суку впадина пальца на два, сук с пометкой был от земли на две сажени. Пророк уверял, что вода 23 сентября покроет город по сук с зарубкой. Рассказы эти поддерживали и чужны. Население Петербурга впало в уныние. Многие стали переселяться на возвышенные места. Чтобы уничтожить суеверие, Петр приказал срубить старое дерево, и солдаты Преображенского полка, в присутствии царя, срубили его; только пень еще в 1725 году существовал, и его приходили смотреть как редкость. Пророк был наказан у этого дерева, и собравшимся зрителям у пня срубленного дерева царь говорил, чтобы впредь не верили басням. Однако же наводнение в 1720 году, по свидетельству современной записи, действительно было, только не в тот день, в который указывал пророк.

В 1721 году, 5 ноября, Нева затопила весь город; перед этим девять дней дул сильный юго-западный ветер. Крепость, которую начали строить в 1706 году, и Ладожский канал

были повреждены и занесены песком; убытки от этого наводнения доходили до 7 миллионов рублей. Камер-юнкер Берггольц описывает его так: «С ужасом смотрел я на разные суда, оторванные ветром и уносимые бурными волнами; вода с необыкновенною силой проникала в дома, ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш. Около половины второго часа вода наконец начала уменьшаться. 10-го числа того же месяца, после обеда, вода опять начала подниматься, и 11-го числа было тоже наводнение».

После воды, случившейся 5 ноября, был читан на всех перекрестках, при барабанном бое, указ: «Как вода начнет прибывать, то весь рогатый скот и лошадей отсылать в лес». В этот вечер все придворные лошади были отосланы в лес, а некоторые, как посланника Бассевича, стояли во втором этаже в покоях. Сам император Петр, бывший с утра в гостях у цесарского посла, графа Кинского, с невероятным трудом возвратился во дворец, от которого во время самой высокой воды выехал на буере на луг, окружавший Адмиралтейство, где лавировал около церкви Святого Исаакия.

В 1723 году, 2 октября, вода в городе была выше на два вершка, чем в предыдущее наводнение.

В 1725 году, 1 ноября, вода возвысилась на 8 футов и 2 дюйма, с этого времени вода почти ежегодно по 1777 год доходила в разное время выше трех футов. Академик Крафт рассказывает, что 5 ноября 1725 года было опять наводнение и жестокий юго-западный ветер дул с 9 часов утра до полуночи. Берггольц заносит в свой дневник, что 1 ноября, в 10 часов утра, государыня в шлюпке ехала из Летнего дворца, где она еще тогда жила, на другую сторону, чтобы помолиться в церкви Святой Троицы, но вода была так высока, что нельзя было дойти до кареты. Государыня обратно отправилась уже не в свой Летний дворец, а в государев Зимний, с намерением остаться там жить. После обеда 2 ноября возвратился государь в Петербург; во время бывшего шторма он испытал много опасности на пути от Дубков. Одно из следовавших за ним судов погибло, и два только человека спаслись. Царь поставил свою яхту на два якоря и так провел всю ночь.

В 1726 году в Петербурге было опять наводнение; профессор Лейтман нашел, что оно было на 8 английских футов и 2 вершка выше обыкновенного уровня воды. После этого наводнения Екатерина I издала указ: «Для опасности от такой же воды всякое строение впредь, кому где надлежит строить, выше нынешней бывшей воды на фут, и для того везде на строениях поставить знаки».

После наводнения 1726 года на Неве образовался новый остров, который от пустоты назван «остров Буян», на нем вскоре были построены пеньковые и масляные амбары.

В этом году, как говорит адмирал А. И. Нагаев, было два наводнения: 18 сентября и 1 ноября; последнего числа он находился во время прибытия воды в Кронштадтской цитадели на карауле; вода, выгнав их из караульного дома, стоняла с банкета на банкет[323], потом покрыла всю пушечную платформу и принудила их отсиживаться на цитадельских пушках, где они, окачиваемые морскими волнами, пребывали до полуночи «в отчаянии живота, однако Бог спас всех без упаду».

В 1729 году, октября 12-го дня, было опять

наводнение, вода доходила до 7 футов и одного дюйма. 15 сентября 1732 года опять была высокая вода.

В 1736 году, сентября 10-го, почти весь город был покрыт водою, ветер дул западный, очень большой. 13 декабря того же года вода снова выступила из берегов.

В 1744 году наводнение было 17 августа, вода доходила при северо-западном ветре до 7 футов. Сентября 9-го того же года поутру сильный западный ветер выгнал почти всю воду из каналов, к вечеру ветер задул юго-западный, нагнав большое наводнение.

В 1752 году, октября 22-го, в 10 часов утра, при западном ветре вода поднялась до высоты 8 футов 5 дюймов, по другим сведениям, до высоты $9\frac{1}{2}$ футов, все острова и части города, за исключением Литейной и части близ Невского монастыря, были залиты водою; вода как поднялась быстро при жестоком шторме, так и убыла с тою же быстротою.

В этом же году Нева возвышалась несколько раз: 25, 27 и 28 октября; в последний день, несмотря на безветрие, вода стояла целые сутки. В 1755 году вода в октябре доходила до

7 футов; 29 сентября 1756 года вода, при жестокой буре, поднималась до высоты 7 футов 3 дюймов. Августа 25-го 1762 года была чрезвычайная буря, причинившая много крушений на реке. В 1764 году с 18 по 22 ноября вода стояла от 7 до 8 футов при совершенном безветрии.

Самое ужасное наводнение произошло, как мы уже говорили, 10 сентября 1777 года. В этот день в 10 часов утра вода поднялась на 10 футов и 7 дюймов, залила город, только Литейная и Выборгская части не были под водою; в седьмом часу пополудни вода начала сбывать и в полдень вступила в берега. За два дня до этого бедствия в Петербурге стояла бурная погода; сильный юго-западный ветер был настолько велик, что отогнал воду к восточным берегам Ладожского озера, и все стоявшие у Шлиссельбурга суда обмелели. Буря особенно много принесла вреда садам и рощам Петербурга. В «Академических ведомостях» этого года есть объявление о продаже с дачи г. Яковлева на Петергофской дороге 2000 мачтовых деревьев, вырванных с корнем этою бурей. В Летнем саду буря причинила много

вреда: сохраняющиеся до сих пор липы с железными скобками и с костылями пострадали именно тогда; в это же время, как мы уже упоминали, разрушены были бурей и фонтаны в Летнем саду, не возобновленные уже с тех пор.

Во время этого наводнения, по словам Георги, небольшой купеческий корабль переплыл мимо Зимнего дворца через каменную набережную. Любское судно, нагруженное яблоками, занесено было ветром на 10 сажен от берега в лес; почти по всем улицам ездили на маленьких шлюпках, и тогдашний обер-полицеймейстер Н. И. Чичерин проехал на ялике от своего дома (теперь дом Елисеева, у Полицейского моста) прямо в Зимний дворец. Множество оград и заборов опрокинуто было, не говоря о домах; одна изба переплыла на противоположный берег Невы. Все лавки с товарами размыло, уцелели одни только каменные в Гостином дворе, где вода была вышиною на $1\frac{1}{2}$ сажени, в мучных лавках в 2 куля[324] с половиною вышиною, в Большой и Малой Коломне и в Мещанской более ста домов со всем строением и с людьми разнесло;

на взморье смыло острог, в котором было до трехсот человек; вокруг Петербурга на 11 верст находили в полях трупы животных и людей. Екатерина рано утром приказала выбить стекло в окне Зимнего дворца, откуда и смотрела на бушующие волны. Затем государыня приказала служить молебен священнику и сама молилась на коленях. Императрица очень подробно описывает это наводнение в письме к Гримму. Вот оно: «Я очень рада, что вчера в полдень возвратились в город из Царского. Была отличная погода; но я говорила: „Посмотрите, будет гроза“, потому что накануне мы с князем Потемкиным воображали себе, что берем крепость штурмом. Действительно, в десять часов пополудни поднялся ветер, который начал с того, что порывисто ворвался в окно моей комнаты. Дождик шел небольшой, но с этой минуты понеслось в воздухе все что угодно: черепицы, железные листы, стекла, вода, град, снег. Я очень крепко спала; порыв ветра разбудил меня в пять часов. Я позвонила, и мне доложили, что вода у моего крыльца и готова залить его. Я сказала: „Если так, отпустите часовых с внутренних

дворов; а то, пожалуй, они вздумают бороться с напором воды и погубят себя“; сказано, сделано; желая узнать поближе, в чем дело, я пошла в Эрмитаж. Нева представляла зрелище разрушения Иерусалима. По набережной, которая еще не окончена, громоздились трехмачтовые купеческие корабли. Я сказала: „Боже мой! Биржа переменила место, графу Миниху придется устроить таможду там, где был эрмитажный театр“. Сколько разбитых стекол! Сколько опрокинутых горшков с цветами! И как будто под стать цветочным горшкам, на полу и на диванах лежали фарфоровые горшки с каминов. Нечего сказать, тут таки похозяйничали! И к чему это? Но об этом нечего и спрашивать. Нынче утром ни к одной даме не придет ее парикмахер, не для кого служить обедню и на куртаге[325] будет пусто. Кстати, десерт[326] Бретеля (который давно прибыл и покончил после трудов и опасностей, весь целый, не надтреснутый и не разбитый, в последней комнате Эрмитажа) нынешнею ночью едва не сделался жертвою урагана. Большое окно упало на землю подле самого стола, весьма прочного, на котором де-

серт расставлен. Ветром сорвало с него тафтяную покрывку, но десерт остался целехонек». Далее пишет государыня, после обедни: «Обедаю дома. Вода сбыла, и, как вам известно, я не потонула. Но еще не многие показываются из своих берлог. Я видела, как один из моих лакеев подъехал в английской коляске; вода была выше задней оси, и лакей, стоявший на запятках, замочил себе ноги. Но довольно о воде, подбавим о вине. Погреба мои залиты водою, и Бог весть, что с ними станется. Прощайте; четыре страницы довольно во время наводнения, которое с каждым часом уменьшается».

Вред это наводнение принесло гораздо больший, чем наводнение, бывшее 7 ноября 1824 года; следы первого, несмотря на то что вода не подымалась так высоко, были более ужасны в отношении гибели людей и животных, не нашедших спасения в ночное время. После этого бедствия государыня в указе от 21 сентября 1777 года, данном г. вице-президенту адмиралтейств-коллегии и главному галерного флота командиру графу Ив. Г. Чернышеву, повелела учредить знаки и сигналы, по

которым жители должны были принимать спасительные меры; вот эти правила: «Когда в Коломнах и в Галерной гавани вода начинает выходить на берег, то дан будет сигнал: тремя выстрелами из пушек, и будет поднято на шпиге всех четырех сторон по красному флагу, а ночью три фонаря; также пойдет барабанщик бить в барабан; в случае же сильной опасности для всех жителей из Адмиралтейства крепости будет сделан сигнал пятью выстрелами из пушек и выставлены будут на адмиралтейском шпиге со всех сторон белые флаги, а ночью по два фонаря». В то же время императрица приказала генералу Бауру составить план Петербурга с обозначением мест наводнения.

В 1788 году, 26 и 27 сентября, вода в Петербурге выше обыкновенного уровня доходила до 7 футов.

В сентябре 1802 года вода поднималась на 7 футов и 5 дюймов.

В январе 1822 года, в час ночи, вода также выступала из берегов, разметав по улицам лес и дрова, и была выше ординарной на 8 футов и 5 дюймов.

Но особенно много бед натворила вода в Петербурге 7 ноября 1824 года; в этот день она достигла в некоторых местах города 13 футов и 7 дюймов, по знаку же в Петропавловской крепости была выше горизонта обыкновенной воды на 12 футов и 10 дюймов.

День, предшествовавший наводнению, был самый неприятный: с самого утра шел дождь и дул холодный ветер. Барометр упал вдруг на один дюйм. К вечеру непогода уже усилилась. Булгарин пишет: «В 7 часов я уже видел на адмиралтейской башне сигнальные фонари для предостережения жителей от наводнения. В ночь настала ужасная буря; сильные порывы юго-западного ветра потрясали кровли и окна, стекла звучали от плесков крупных дождевых капель. Беспечные жители столицы спокойно почивали. С рассветом мы увидели, что вода чрезвычайно возвысилась в каналах и сильно в них волновалась. Сначала появлялись на улицах только люди, вышедшие из домов своих за делами, но около 10 часов утра, при постепенной прибыли воды, толпы любопытных устремились на берега Невы, которая высоко поднималась пе-

нистыми волнами и с ужасным шумом и брызгами разбивала их о гранитные берега. Когда жители Адмиралтейской стороны еще не предвидели несчастья, низменные места, лежащие по берегам Финского залива и при устье Невы, были затоплены, и жители Гавани, Канонирского острова, Гутуевского, деревень Емельяновки, Тентелевой и казенного Чугунного завода, близ Екатерингофа, терпели бедствие. Невозможно описать того ужасного явления, которому были свидетелями люди, бывшие в это время на берегу Финского залива и чудесно спасшиеся от гибели. Необозримое пространство вод казалось кипящею пучиною, над которою распростерт был туман от брызгов волн, гонимых против течения и разбиваемых ревущими вихрями. Белая пена клубилась над водяными громадами, которые, беспрестанно увеличиваясь, наконец яростно устремились на берег. Множество деревянных построек не могли противостоять огромной массе воды и с треском обрушились. Люди спасались как могли: в уцелевшие дома, на бревнах, плавающих кровлях, воротах и т. д. Многие погибли, как и домаш-

ний скот и пожитки. Вода беспрестанно прибывала и наконец ринулась на весь город. В одно мгновение вода полилась через края набережных реки и всех каналов, через подземные трубы она хлынула в виде фонтанов.

Трудно представить себе смятение и ужас жителей: погреба, подвалы и все нижние этажи тотчас наполнились водою; каждый спасал что мог и выносился наверх, оставляя в добычу воде свое имущество. Некоторые, слишком заботливые о вещах и товарах, погибли в погребах; толпы народа, бывшего на улицах, бросились в дома, другие спешили в свои жилища, но прибывавшая вода принудила их искать спасенья где кто мог. Кареты и дрожки, которые сперва разъезжали по воде, начали всплывать и спасаться на высоких мостах и по чужим дворам. В первом часу пополудни весь город, за исключением Литейной, Каретной и Рождественской частей, был залит водою везде почти в рост человека, а в некоторых низких местах (как, например, на перекрестке Большой Мещанской и Вознесенских улиц и у Каменного моста) более нежели на полторы сажени. Вид из окон дома Кото-

мина (дом, где лавка Елисеева, у Полицейского моста) был ужасный и необыкновенный.

Разъяренные волны свирепствовали на Дворцовой площади, которая с Невой составляла одно огромное озеро, изливавшееся Невским проспектом, как широкою рекою, до самого Аничковского моста. Мойка, подобно всем каналам, скрылась от взоров и соединилась с водами, покрывавшими улицы, по которым неслись леса, бревна, дрова, мебель. Вскоре мертвое молчание водворилось на улицах. Около двух часов появился на Невском проспекте, на двенадцативесельном катере, военный генерал-губернатор граф М. А. Милорадович для подания помощи и ободрения жителей. Несколько небольших лодок проехало по Морской, и еще большой катер с несколькими людьми разного звания, спасшимися от гибели на берегу Невы, причалил к дому Косиковского. Близ Смоленского поля, на Петербургской стороне и вообще в местах низких, занятых деревянными строениями, вода смыла последние до основания и улицы загромодила лесом, дровами и даже хижинами; кое-где лежали изломанные бар-

ки; одно паровое судно большой величины, с завода Берда, очутилось в Коломне, возле сада католического митрополита. На Неве все мосты были сорваны, за исключением Сампсониевского и соединяющего Каменный остров с Петербургскою стороною. Каменные и чугунные мосты все уцелели, но гранитная набережная Невы сильно пострадала, многие камни были сдвинуты с места или опрокинуты. В третьем часу пополудни вода начала сбывать, в 7 часов начали уже ездить в экипажах по улицам».

Другой очевидец этого наводнения, Башуцкий, описывает его так: «Зрелище уничтожения и гибели было ужасно. Зимний дворец, как скала, стоял среди бурного моря, выдерживая со всех сторон натиск волн, с ревом разбивавшихся о крепкие его стены и орошавших их брызгами почти до верхнего этажа. На Неве вода кипела, как в котле, и с неимоверной силой обратила вспять течение реки; набережные дома казались парусами кораблей, нырявших среди волн; мосты были сорваны и разнесены на части; два тяжелых плашкоута[327] сели на гранитный парапет

против Летнего сада; барки и другие суда с быстротою молнии неслись, как щепки, вверх по реке; люди с отчаянием, с распростертыми руками в оцепенении ожидали неминуемой гибели; огромные массы гранита были сдвинуты с места или вовсе опрокинуты.

На площади против дворца – другая картина: под небом, почти черным, темная вода вертелась, как в огромном водовороте; по воздуху, высоко и быстро крутясь, носились широкие листы железа, сорванные с крыши нового строения Главного штаба; буря играла ими как пухом; два длинных деревянных тротуара поперек между заборов недоконченного здания сделали плотину, на которую волны упирали с ревом и, достигнув высоты ее, полились в Малую Миллионную; в Большую Миллионную, через узкий переулок, выходящий на Неву, вдвинуло водою огромную барку, перегородившую улицу. Люди, застигнутые водою, лезли в окна, на фонари, цеплялись за карнизы и балконы домов, прятались на вершинах деревьев, посаженных вокруг бульвара, садились на империалы карет. На

Неве плыли товары в тюках, у 1-го кадетского корпуса стояли барки, возле здания Двенадцати коллегий (нынешний университет) тоже две барки с сеном.

По линиям Васильевского острова всюду были разметаны барки с дровами и угольями; к балкону одного дома пристали два больших транспортных суда, два таких внесло в узкий переулок, часть разбитого сельдяного буяна [328] занесена была бурей на Петербургскую сторону.

У Троицкой церкви стояло несколько барок с огромным грузом. По улицам Адмиралтейской части плавали могильные кресты, занесенные с кладбища» и т. д.

Еще один очевидец этого несчастья, Самуил Аллер (см. его книгу «Описание наводнения 1824»), говорит, что улица перед Летним садом, да и самый сад, завалены были дровами и бревнами, деревянными крестами с могил, и подле сада на возвышение набережной взошли два плашкоута Троицкого моста, а между ними барка и железная решетка, приготовленная у Суворовской площади для нового через Неву моста.

Все берега Невы были завалены судами, будками и разным хламом. Особенно был загроможден проспект 9-й линии, где со всех сторон под грудами развалин были видны трупы людей и домашнего скота; также множество животных лежали полумертвыми от усталости после борьбы с водой и т. д.

Много рассказов про это наводнение находим в письмах Ив. Ив. Мартынова, известного профессора и журналиста карамзинской эпохи. Наводнение 1824 года совершенно разорило почтенного ученого и вконец лишило его всего движимого и недвижимого имущества. Вот несколько эпизодов, записанных им: по словам Мартынова, вода на Васильевском острове стала прибывать в 8 часов утра; в это время она разливалась по 11-й линии, у стен его дома; через час ученый уже плакал, видя, как вся его библиотека, которую он собирал более тридцати лет, составленная большею частью из редких и дорогих книг, преспокойно уплывала из разбитого окна на улицу. «Прошло три часа, – продолжает он, – но вода все прибывает; казалось, ветер свистит и свирепствует еще сильнее; волны на очищенных

ими от заборов и всякого лесу огородах вздымаются, как на море; брызги воды отрываются от валов, сердитых и белых, и часто пошатывается наш мезонин, и сердце замирает. Без сомнения, сорвало бы и наш мезонин и нас унесло бы, если бы с той стороны, откуда дул ветер, не было довольно высокого сарая. Вдруг затрещали в зале и в других комнатах стекла, и вот мимо моего дома несет сорванный парник, сарай, хлев или домик, с живыми или с мертвыми, придавленными людьми или животными; там плывут на бревнах; влезают на попадающиеся на дороге деревья...» При этом Мартынов рассказывает, как один работник, сидя верхом на лошади и держась за ее уши, горько обливался слезами и прямо приплыл к ним верхом. «Себя-то мне не жаль, – говорит он, когда ввели его наверх, – а что подумает хозяин, коли лошадь не сбережена».

Вода, по свидетельству Мартынова, была около его дома выше сажени. Прислуга его, жившая во флигеле, разломала потолок и вылезла на чердак, потому что вода была до самого потолка и пробиралась уже на чердак...

Одна женщина, лишась приюта, бежит по воде, выбирая для этого высокие места, с малолетней дочерью, но вода быстро прибывает... мать уже не находит возможности к спасению жизни дочери, о своей уже не думает, вдруг видит позади себя солдата, плывущего на бревне, и бросает к нему через голову свое детище. Солдат подхватывает дитя, а бедная мать на его глазах погружается в воду и утонет.

Сосед Мартынова спасся со своей женою на большой двери, сорванной бурей; трепещущий муж держал в руках курицу, а жена собачку. Они, как после сами рассказывали, прощались друг с другом и приготавливались к смерти. Невеселые картины видел Мартынов из своего домика. Здесь человек спасает свою жизнь, плывя в чане, там – ухватясь за гвоздь плывущего домика, на разрушенной крыше которого сидит кошка или собака; оторванная дверь служила опорой голове лошади и т. д.

Даже такие забавные эпизоды, как сиг, заплывший в подвал Императорской публичной библиотеки, не могут потешить при об-

цем бедствия. В переполохе один армянский священник на армянском кладбище привязал себя в церкви к стене веревкою, дабы в случае если он потонет, то по крайней мере не унесло бы его труп без вести, так как это и случилось действительно с другими.

К одному англичанину принесло водою гроб, вырытый из земли, его приятеля, которого он похоронил за два дня до наводнения. От полиции была повестка с объявлением, кто из обывателей нашел гроб с непогребенным покойником, унесенный со Смоленского кладбища, и кто представит его, тому дано будет 500 рублей. К одному владельцу дома на Выборгской стороне принесло водою в пустом сахарном ящике грудного младенца; утром после наводнения он слышит детский крик, идет к месту, где слышен крик, и находит ребенка, он улыбается; нашедший принимает его к себе на воспитание. Мартынов говорит, что на другой день наводнения иные плакали, другие радовались, одни разорились, другие пользовались их разорением. Так, после воды Мартынову попадались солдаты, мужики и женщины с полными ведрами какой-то

жидкости. «Что это?» – спросил он. «Патока», – отвечали. «Откуда?» – «А вот на бирже размыло сахарный песок». На бирже убыло сахару до 300 000 пудов, соли столько же, вина более нежели на $\frac{1}{2}$ миллиона рублей, 900 000 пудов муки и других товаров на многие миллионы. Уж какое раздолье! «И действительно, – замечает он, – я посмотрел на показанное место и увидел множество людей, с ведрами и другою посудю собирающих патоку у забора, где навалены были горы сахарного песку, и весело болтающих о том, кто сколько поймал утопших. Этого мало, едва успела войти вода, как начались грабежи». Мартынов в первое же утро застал у себя одного такого доброго молодца с дубинкою, собиравшего что ему угодно. «Что ты делаешь?» – спросил он его с негодованием. «Ищу вчерашнего дня!» – мрачно отвечал он, укладывая чужое добро в свой большой мешок.

Были, впрочем, и такие добрые люди, которые на чужом несчастье не создали своего, но с опасностью для своей жизни спасали других. Так, один мужичок в продолжение нескольких часов спас 14 душ; затем Соколов,

секретарь Российской академии, живший в верхнем этаже, спас 15 человек погибающих, подавая им веревки.

Содержавшиеся в исправительном доме преступники во время наводнения были выпущены на свободу, но не все захотели ею воспользоваться и с самоотвержением бросились спасать утопавших в соседнем доме старых бедных женщин и по пояс в воде выносили их.

Генерал Бенкендорф сам перешел через набережную, где вода доходила ему до плеч, сел не без труда в катер, которым командовал мичман гвардейского экипажа Беляев, и при опаснейшем плавании, продолжавшемся до 3 часов ночи, успел спасти множество людей. Полковник Герман, получив высочайшее приказание отправиться в Коломну, в казармы гвардейского экипажа, для рассылки судов на помощь погибающим, поехал из дворца в курьерской тележке, но должен был бросить ее на дороге и сесть верхом на лошадь, которую вскоре переменял, и наконец с величайшим трудом и опасностью доехал в лодке до казарм и исполнил возложенное на него

поручение. В шесть часов вечера он возвратился во дворец пешком, по пояс в воде, поддерживаемый отправленным с ним матросом. Мичман Миллер спас 12 человек, едзя от Галерной улицы к Исаакиевскому мосту и по Неве, принимая погибающих к себе на катер. Капитан Скрыдлов на небольшом судне спас 100 человек. Государь наградил Бенкендорфа бриллиантовой табакеркой. Герман получил Св. Анну 2-й степени, Миллер и Беляев – Св. Владимира 4-й степени. Часовой лейб-гвардии Преображенского полка Михаил Петров не оставлял во время наводнения своего поста у Летнего сада, пока не приказал ему того ефрейтор Фома Малышев, подвергавшийся сам опасности для спасения его, потому что должен был брести к нему по пояс в воде и бороться с яростью валов, покрывавших тогда набережную.

Другой гвардейский солдат, посланный с заставы с донесением, проходя Сенную, слышит плач ребенка, плавающего на столе в нижнем этаже. Служитель останавливается, борется несколько времени с обязанностью службы и с состраданием, но последнее чув-

ство берет верх; он, перекрестясь, кидается в воду и спасает ребенка. Между тем вода прибывает; он, не колеблясь, кидает свой кивер, сажает ребенка на голову и таким образом выносит его из опасности.

Сострадание к утопающим во время наводнения в Петербурге особенно ярко высказывалось между простолюдинами. Так, крестьянин Иван Сысин видит, что в квартире Степана Морейского вода была вышиною более двух аршин и что там погибают четыре женщины, и в числе последних старуха 90 лет; он верхом на лошади подъезжает к дому, выбивает стекла в окнах и спасает погибающих.

Шкипер шхуны, принадлежавшей купцу Бруну, подавал помощь весь день утопающим и спас 23 человека. Аудитор Климов спас от потопления 12 человек. Плотники казенного Чугунного завода, бывшие в одном доме на Петергофской дороге, пообедав, легли отдыхать; двое из 14 человек пошли спать на чердак. Когда вода стала прибывать, 12 товарищей стали кричать; крики, к счастью, разбудили двух спавших на чердаке, которые тотчас принялись за топоры и, прорубив отвер-

стие в потолке, вытащили их на чердак одного за другим, и потом все спаслись на крыше.

Купец Ларионов, живший в Чекушах, видя близкую гибель своего жилища, сколотил наскоро из бревен и досок плот, на который и перебрался с женою и двумя малолетними детьми. Плот этот понесло бурей прямо к дому брата его, но вдруг порывом ветра он неожиданно разделяется, и на одной половине остались дети, которых и понесло через Неву к заводу Берда; здесь их спасают заводские рабочие, а другую половину плота принимает брат Ларионова.

К происшествиям, заслуживающим особенного внимания, нельзя не отнести и следующего случая. Бедная вдова, жившая в Гавани в низеньком домике, при наступлении воды должна была со всеми детьми влезть на крышу, но, к ее ужасу, вскоре она увидела большое судно, с быстротою несшееся прямо на их дом. Вдова, видя неминуемую смерть, уже отчаивалась быть живой, как вдруг, на их счастье, судно засело вблизи от них между большими деревьями и стало для них так удачно, что защитило их не только от волн и

наноса других судов, но даже от ветра.

Другой чиновник, живший в той же Гавани, был вынужден во время наводнения со всем своим семейством перебраться на чердак, куда успел также втащить и необходимые вещи. Вода, впрочем, все прибывала и уже касалась потолка. Несчастные стали помышлять перебраться на крышу, как вдруг увидели несшееся на них судно; ужас объял их, и они уже ждали гибели; но судно набегает на дом и, к общей радости, срывает только крышу с потолком...

В той же местности бедный чиновник, отправляясь на службу, оставил больную жену с большим семейством в убогой лачужке, приказав для плотников, которые придут для поправки крыши, поставить в печь большой котел с картофелем. Печь еще не истопилась, как вода наполнила хижину; все семейство успело перебраться на печь, бедная мать ежеминутно видела с ужасом, как вода все более и более прибывала и готовила ей с детьми неизбежную смерть. Дети стали просить есть, мать вспомнила про картофель и с трудом достала его из печки. Утолив голод, дети усну-

ли. К счастью, вода не дошла на полвершка до того места, где они сидели, и скоро сбыла. Настало уже утро, но никто не приходил освободить их, тщетно они кричали и просили помощи. Наконец на третий день крики их услышали, и они были спасены отцом, который уже отчаивался их найти в живых, так как вся та местность была завалена хламом и развалинами домов, так что не видно было и следов домика, и только через двое суток он мог до него добраться. Дети и жена его все время заточения питались картофелем.

Жена одного солдата пошла за покупками в рынок и заперла комнату, оставив там двух малюток своих. По дороге она была застигнута водою и принуждена искать спасения в чужом доме. С рассветом, на другое утро, спешит она домой и с горестью думает, что не найдет в живых своих детей. Но, отворяя двери, к величайшей радости и счастью, она находит своих малюток, спящих на столе посредине комнаты. Приход матери разбудил детей, которые ей рассказывали: «Мама, мы играли в комнате, и как вода стала входить сюда, то мы вскочили на стул, а потом на стол.

Нас очень забавляло, как стол начал плавать по комнате, а когда он стал подниматься, то мы не могли устоять на нем, а легли и проспали, покуда ты не пришла к нам».

В одной из частей, более других потерпевшей от наводнения, жили три сестры, снискивавшие себе пропитание рукоделием. Две из этих сестер долго трудились, отказывая себе часто в необходимом для того, чтоб отложить что-нибудь для своей младшей сестры на приданое. Таким образом они сберегли и накопили в небольшом сундуке несколько нужных вещей из белья и деньгами до 2000 рублей. Неожиданное бедствие умчало и разрушило все ими накопленное богатство. Полуразвалившаяся их светелка, кое-как державшаяся на нескольких бревнах, была прибита волнами к берегу, где под разным хламом был найден сундучок, по раскрытии которого увидели чистое белье, платье и деньги, бережно завернутые в узелок, но кому принадлежал сундучок, не было признака; в вещах, впрочем, еще было найдено Евангелие, на белом листе которого видна была отметка, что оно подарено такой-то. И вот эта-то надпись и дала воз-

возможность полиции отыскать владельца сундучка и вернуть его им в целости.

Рассказам после наводнения не было конца. П. А. Каратыгин в своих воспоминаниях говорит о скряге Копейкине, проживавшем на Каменноостровском проспекте (дом Копейкина стоял на площади, где теперь Большой проспект), что он во время наводнения сидел у себя на заборе с багром в руках и, пользуясь даровщинкой, ловил приплывающие к нему дрова; иные несчастные, застигнутые водою на улице, искали спасения и карабкались на его забор, и он не только не подавал им помощи, но с жестокостью спихивал их багром в воду. Этот отвратительный скаред не остался, однако, без наказания: по приговору суда он был посажен в тюрьму и лишен доброго имени.

Точно такую же бессердечностью отличался еще житель Выборгской стороны, купец Семилоров. Тот же Каратыгин рассказывает, что он утром на следующий день пошел по улицам Петербурга – многие заборы были повалены, с домов снесены крыши, на площадях были барки, гальоты, катера, улицы загро-

можжены бревнами, дровами и разным хламом; на дворе стоял сильный мороз, что, конечно, увеличивало бедствие обитателей нижних этажей; сырые стены обледенели, печи разрушились, и бедные страдальцы дрожали от холода. Правительство приняло тогда самые энергичные меры для облегчения участи этих несчастных, в каждой части города были устроены комитеты, в члены которых были избраны следующие особы: граф Кутайсов, Хитрово, Уваров, Болгарский, Кушелев, князь Куракин и Энгель. Для пособия пострадавшим развозили по улицам хлеб и теплую одежду, учреждены временные приюты в больницах и частных домах. Государь пожаловал миллион рублей для раздачи бедным безвозвратно, примеру его последовали и многие частные лица; всего собрано было в пользу пострадавших 4 066 486 рублей 62 копейки серебром, розданы эти деньги 53 529 беднякам. По словам других очевидцев, бедствие было тем более ужасно, что рабочих рук, кроме домашних, трудно было достать, в особенности требовались печники, стекольщики, плотники, и их-то ни за какие деньги

найти было нельзя, платили таким рабочим по 6 рублей в день; также и необходимый материал для работ был в недостатке: стекло перебито, глина размыта, кирпич засырел, доски на лесных дворах были большею частью унесены Невою в море. Даже очень богатые люди чувствовали недостаток, белый хлеб в Петербурге появился только на четвертый день, также и другая необходимая провизия, как, например, картофель, огурцы и капуста. Приготовленные же припасы на зиму в домах все были перемешаны со всякой вонючей нечистотой и с подземной дохлой гадиной.

В. А. Каратыгин, который во время наводнения был с товарищами на репетиции, рассказывал, что, между прочим, их забавляла в театре возня подпольных крыс и мышей, которые подняли пронзительный писк, прыгая по креслам, лезли на стены и искали спасения в верхних ложах[329]. Наводнение, как ватерпас, ясно обозначило низменную и возвышенную местности Петербурга. Так, например, на Невском проспекте вода поднялась не более полуаршина, за Аничковым мостом количество воды было весьма незначительно,

за Троицким переулком ее уже почти не было, на Песках и на Охте никто и не подозревал этого бедствия. Зато на Петербургской и местами на Выборгской стороне она возвысилась более сажени, а в Галерной гавани доходила до крыш домов. Особенно сильно бушевала вода на Смоленском поле и кладбище, представляя картину полного разрушения.

Вода хлынула на кладбище со страшною силою, все кладбищенские заборы были свалены, мосты и мостки уничтожены; кресты с могил унесены на Выборгскую сторону, где в морском госпитале всю зиму ими топили печи; также земляные насыпи на могилах смыты, каменя и металлические надгробные плиты сдвинуты с места и занесены землею.

Деревянная церковь была размыта, в большой каменной вода влилась в подвал и уничтожила хранившиеся там церковные документы. Вода затопила и богадельню; три старушки думали спастись на печке и потонули, другие убежали на чердак и там спаслись.

11 ноября император Александр I, осматривая следы разрушения на Смоленском кладбище, вошел в церковь, в которой, установ-

ленной во всю ширину гробами, служили вечерню. Государь приложился к образу и вышел на паперть, утешал пострадавших от наводнения богаделенок и приказал снабдить их теплою одеждою[330].

На Смоленском кладбище также и многие свежие могилы были размыты водою, и множество гробов всплыло. Рассказывали, как передает П. А. Каратыгин, что одна молодая вдова, проживавшая в одной из линий Васильевского острова, накануне похоронила на Смоленском своего старого супруга, над прахом которого не расположена была долго плакать и терзаться, потому что покойный сожитель мучил ее своею ревностью. Проводив его на место вечного упокоения, она также думала найти наконец душевное спокойствие, но каков же был ее ужас, когда вечером рокового дня она увидела гроб своего сожителя у самого крыльца ее дома! Нечего делать, пришлось бедной вдовушке вторично хоронить своего неугомонного супруга.

После наводнения весь утонувший скот в Петербурге был отвезен на Смоленское поле, где и курилась огромнейшая жертва Посейдо-

ну-истребителю; всего скота: свиней, лошадей, коров, быков в Петербурге погибло 3600 голов. Между 4-й и 5-й линиями на Васильевском острове затонуло целое большое стадо черкасских быков.

Известный поэт того времени, граф Хвостов, почтил четвероногих утопленников следующим стихотворением:

*...Свирепствовал Борей,
И сколько в этот день погибло
лошадей!..
И представлялась страшная картина, как:
...По стогнам валялось много
крав,
Кои лежали там, ноги кверху
вздрав...*

Император Александр Павлович изыскивал все способы, чтобы облегчить и утешить несчастных, пострадавших от этой страшной катастрофы. Мартынов пишет, что он видел на Чугунном заводе ужасы опустошения, которые превосходили ужасы Галерной гавани; здесь государь открывал трупы семейств, потонувших на этом заводе: «какими потоками

слез орошал ангел наш, при вопле и рыдании окружавших его несчастливцев, переживших наводнение, как он утешал их, сам неутешный». Мартынов рассказывает [331], что это зрелище было тем трогательнее, что трупы не походили на обыкновенных утопленников и были как живые; особенно на щеках детей, казалось, играл еще румянец.

Объезжая наиболее пострадавшие прибрежные места на Петергофской дороге, Александр I посетил одно селение, которое было совершенно уничтожено наводнением. Разоренные крестьяне собрались вокруг императора и горько плакали. Вызвав из среды их старичка, государь велел ему рассказывать, кто и что потерял. Старик начал по-своему: «Все, батюшка царь, все погибло: вот у афтово домишко весь унесло и с рухлядью, и с животом, а у афтово двух коней, четырех коров затопило, у афтово» и т. д. «Хорошо, – сказал император, – это все у Афтова, а у других что погибло?» Тогда объяснили государю, что старик употреблял *афтово* вместо *этого*. Посмеясь своей ошибке, государь приказал выстроить на высокой насыпи нынешнюю краси-

вую деревню и назвать ее «Афтово».

Тысячи семейств, пострадавших от наводнения, тотчас же получили помощь; дом военного губернатора был немедленно открыт и обращен в приют несчастным, лишившимся крова; одного хлеба в первый же день было роздано на 3500 рублей. Каждый день сюда приходило до 500 человек и жило более 250 человек. Разоренным наводнением также щедро выдавались и денежные пособия. По поводу щедрой выдачи денег рассказывают следующий забавный случай. Одна дама является к графу Милорадовичу, вся в слезах. «Верно, вы не получили вспоможения?» – спрашивает ее военный губернатор. «Нет! На нас Бог прогневался, – отвечает рыдающая дама. – У всех вода была, а у нас ее не было; все получили вознаграждение, а мы не имели этого счастья!..»

Мартынов в своих письмах говорит: «Чрезвычайно замечательно то обстоятельство, что нашлись люди, которые наперед предчувствовали общее бедствие – одни с помощью инстинкта, другие с помощью примет, третьи при пособии наук. Аптекарь Имсен за два дня

до наводнения перебрался из нижнего этажа в верхний. Приятель спрашивал, зачем он это делает, и стал над ним подшучивать. „Я буду смеяться, когда вы будете плакать“, – услышали от него в ответ. Тогдашний физик и механик Роспини за несколько дней до наводнения увидел, что барометр его упал так низко, как он никогда не слышал. Это обстоятельство его так встревожило, что он чуть не помешался в уме».

Одна дама передавала Мартынову, что в августе 1824 года, гуляя на Петровском острове, она заметила, что муравьи необыкновенно высоко сделали свои запасные магазины, именно на верхней перекладине ворот. «Что это значит?» – спросила она прогуливавшегося с нею старого начальника брандвахты [332] Лебедева. «Это весьма дурно, сударыня, – отвечал старик. – В тот год, когда быть наводнению, муравьи всегда делают гнезда свои на местах возвышенных. В нынешнем году быть большой воде; советую вам поселиться как можно выше».

В одном доме кошка, окотившаяся за несколько дней до наводнения, перенесла

своих котят накануне наводнения на ту ступеньку лестницы, до которой вода не возвысилась.

Приводим главные отметки высоты воды: на Елагином острове от 7 до 10 футов; на Каменном острове – от 6 до 9 футов; на Крестовском – от 3 до 8 футов; на Аптекарском – 6 и 7,6 фута; на Петербургской стороне, у лазарета Гренадерского полка, – 7 футов; у встречи Большого проспекта и Каменноостровского – 7,6; у второго кадетского корпуса – 5,3; на Васильевском острове, у больницы Марии Магдалины, – 7 футов; в Галерной – 10,8 фута; у биржи, в сквере, – 6,5 фута; у Академии художеств – 5,4; на левой стороне Невы, у Адмиралтейства, – 5 футов; на Невском, против Казанского собора, – 4,1; у Большого театра – 5 футов; на набережной Фонтанки, при начале, у Училища правоведения, на 5 футов; у Чернышева моста на 6 футов; на Садовой улице и Сенной площади – 5,3 фута; у станции Царскосельской железной дороги – 5,4; в конце Обводного канала и Эстляндской улицы – 6,3 фута.

По плану Петербурга, хранящемуся в прав-

лении первого округа, с отметками высоты поднявшейся воды и очертанием, где была граница наводнения, черта последнего, начиная с северо-востока, проходила следующим образом: на Выборгской стороне, вдоль Большого Сампсоньевского проспекта, еще переходя несколько чрез него; потом, огибая Медико-хирургическую академию, по Ломаному пер. и Нижегородской улице, черта проходит по нынешней Самарской улице, приближаясь к Неве, потом продолжается вдоль Симбирской улицы и несколько выше Нового арсенала сливается с берегом Невы; к северу черта пересекала Сердобольскую улицу на половине, так что на Ланском шоссе спасался от воды скот. На левой стороне Невы черта наводнения отделялась от Невы у самого перевоза, у Смольного монастыря; далее черта идет прямо вниз по Неве, между нею и Воскресенскою набережною, и у Литейного проспекта отходит от Невы по Гагаринской улице. Здесь площадь наводнения быстро уширилась, и граница шла прямо к выдающемуся углу Фонтанки, где Екатерининский институт, и далее захватывала более половины Се-

меновского плаца, перерезывая угол, где от Обводного канала отделяется Введенский канал, позади Егерской церкви. Границею наводнения на левой стороне Невы были: Сергиевская улица, у штаба генерал-фельдцейхмейстера, и Невский проспект, у Аничкова моста, на правой стороне Фонтанки.

Высокие места города, где воды не было: Охта, Пески, Литейная, Александро-Невская и Московская, отчасти Адмиралтейская, 1-й участок. Некоторые места Александро-Невской и Московской частей возвышаются над поверхностью воды более двух сажен. Известно, что почва Петербурга при постройке города постепенно возвышалась; так, еще в Павловское время, во время работ у Исаакиевской церкви найдено насыпи 14 футов; при рытии водопроводных труб, у Полицейского моста, к дому Росмана, не могли отыскать материка на 9 футов глубины; у Владимирской церкви найдено насыпи $3\frac{1}{2}$ фута, у Знаменья, как и у церкви Рождества, так и по всей Ямской, нет нисколько насыпи (отсюда даже вывезено, со времени существования Петербурга, несколько миллионов кубических саже-

ней песку).

В 1842 году считалось, что с основания Петербурга Адмиралтейская часть поднялась на $4\frac{1}{2}$ фута, Литейная и Рождественская – на 7 футов, Васильевская – от 2 до 4 футов, Петербургская и Выборгская – на $2\frac{1}{2}$ фута.

На Невском проспекте, против Казанского собора, в 1861 году была открыта бревенчатая дорога на $1\frac{1}{2}$ аршина ниже нынешней поверхности улицы.

После наводнения 1824 года губительной высоты воды в Петербурге уже не было, хотя за последние шестьдесят лет она и возвышалась несколько раз. Так, 29 июня 1827 года, в 12 часов ночи, она поднялась на 4 фута 11 дюймов, но вскоре, через час, начала сбывать. Такое возвышение воды в июне месяце было необыкновенное.

Обыкновенная эпоха наводнений в Петербурге – вторая половина осени и редко в первой половине августа.

В 1830 году, декабря 15-го в 12 часов утра, вода возвышалась до 5 футов и одного дюйма, недоставало 11 дюймов, чтобы вода сровнялась с берегами.

Через три года, 17 августа, при сильном ветре вода сильно пошла на прибыль и достигла уже 5 футов, как вдруг ветер переменялся, и вода быстро сбыла.

Затем возвышение воды в Петербурге, принадлежащее к числу выдающихся по своим размерам и последствиям, случилось дважды в семидесятых годах. Во время первого наводнения она держалась около суток на высоте более 3 футов против ординара, а в 1879 году вода достигла высшего предела – 6 футов 8 дюймов. В этот день Галерная гавань была затоплена до 17-й линии; на Смоленском поле бушевали волны, и гаванские чиновники на челноках разъезжали довольно свободно. Большой и Средний проспекты, на протяжении Смоленского поля, представляли одно сплошное водное пространство. Елагин, Крестовский и Каменный острова были потоплены, на Большой Неве, против Горного корпуса, вода тоже выходила из берегов и затопляла часть сложенных товаров на берегу.

Несчастий с людьми в последнее наводнение не было: в городе были приняты надлежащие меры предосторожности, и ежеминут-

но учащавшаяся пальба с Петропавловской крепости давала знать об угрожавшей опасности жителям подвальных и нижних этажей.

Проспект летнего Ее Императорского Величества дома с северной стороны (Летний дворец Елизаветы Петровны). Гравюра М. Махаева. 1750-е. Фрагмент

Глава VII

Петербург в царствование императрицы Елисаветы. – Граница и предместья города. – Аничковская слобода. – Первый мост в Петербурге. – История Аничковского дворца. – Прежняя церковь в Аничковском дворце. – А. Г. Разумовский, первый вельможа времен Елисаветы. – Малый театр. – Тайная канцелярия. – Обитатели дворца в нынешнем столетии. – Церкви и богослужения во времена Елисаветы. – Духовенство и прихожане. – Торжественные богослужения в придворной церкви. – Православие императрицы Елисаветы. – Посты. – Духовное сословие. – Телесные наказания. – Указы о нарушении благочиния в церкви. – Указ против юродивых. – Школы. – Разбойник Лихутьев. – Грабежи на Фонтанке. – Число сосланных в Сибирь при Анне Иоанновне. – Облыжные доносы и казни. – Почтение императрицы Елисаветы к духовенству. – Ее духовник Федор Дубянской. – Отношение к духовенству императрицы Екатерины II. – Дрезден-

ша. – Потворенные бабы. – Похождение одной престлестницы старого времени.

Петербург в царствование Елисаветы, по свидетельству иностранцев, представлял одни противоположности – из великолепного квартала вы вдруг переходили в дикий и сырой лес; рядом с огромными палатами и роскошными садами стояли развалины, деревянные избышки или пустыри; но всего поразительнее было то, что чрез несколько месяцев эти места нельзя было узнать: вдруг исчезали целые ряды деревянных домов, и вместо их появлялись каменные дома, хотя еще не оконченные, но уже населенные. С точности до этого времени определить границы города было трудно; существовавшие планы Елисаветинского времени представляли только одни проекты. Границею города считалась Фонтанка, левый берег которой представлял предместья, от взморья до Измайловского полка – Лифляндское, от последнего до Невской перспективы – Московское и от Московского до Невы – Александро-Невское. Васильевский остров, по 13-ю линию, входил в состав города, а остальная часть, вместе с Петербургскою стороною, по речку Карповку, составляла тоже предместья. Разделение столи-

цы на девять частей: первую, вторую и третью Адмиралтейские, Литейную, Рождественскую, Московскую, Каретную, Васильевскую и Выборгскую было сделано в 1782 году, устройство же Нарвской части последовало только в 1810 году.

В предместьях определялось строить дома: на набережной Невы – каменные, не менее как в два этажа, а по Фонтанке можно было делать и деревянные, но не иначе как на каменном фундаменте. Весь берег Фонтанки был занят садами и загородными дачами вельмож того времени.

Первый деревянный мост через Фонтанку был Аничков, сделанный в 1715 году; название он получил от примыкавшей к нему Аничковской слободы, построенной подполковником М. О. Аничковым; позднее, в 1726 году, Аничков мост был подъемный, и здесь был караульный дом для осмотра паспортов у лиц, въезжающих в столицу.

Аничков мост перестраивали в 1742 и 1749 годах; тогда его утвердили на сваях, на которых он простоял 34 года. В царствование Екатерины II Аничков мост был уже каменный, в

два свода, из дикого тесаного камня; между сводами был подъемный мост, с черными каменными башнями, в 3 сажени вышины; на мосту находились четыре колонны с восемью фонарями на железных рукавах; начали его строить в 1783 году и окончили в 1787 году. Вместе с ним было выстроено семь других каменных мостов.

В нынешнем виде Аничковский мост выведен в 1841 году и украшен колоссальными бронзовыми группами, вылепленными и отлитыми бароном П. Клодтом. Открыт он был в день восшествия на престол императора Николая.

Первый же исторический мост в Петербурге был Петровский, на речке Ждановке, – он соединял Петербургский остров с крепостью.

После него было выстроено еще три моста на Фонтанке, и затем, уже в 1739 году, стало вдруг в Петербурге сорок мостов; все эти мосты были тогда безымянные.

Где стоит теперь дворец великого князя Сергия Александровича (бывший дом кн. Белосельских), в Елисаветинское время находился дом князя Шаховского; рядом с ним бы-

ло Троицкое подворье, затем дом гоф-интенданта Кормедона, купленный после Бироном и при Елисавете конфискованный и отданный духовнику императрицы Дубянскому, теперь дом Зиновьева; напротив, на другой стороне Фонтанки, стоял на углу, где теперь кабинет Его Величества, двор лесоторговца Д. Л. Лукьянова, купленный Елисаветою в августе 1741 года для постройки Аничковского дома для графа Алексея Григорьевича Разумовского. Ранее этого Елисавета подарила Разумовскому дворец, в котором сама жила до восшествия своего на престол; дворец этот был известен под именем «Цесаревнина», находился он на Царицыном лугу, недалеко от Миллионной, на месте нынешних Павловских казарм.

По принятии двора Лукьянова в казну императрица приказала гоф-интенданту Шаргородскому, архитектору Земцову и его гезелям [333], чтобы они «с поспешением» исполняли подготовительные работы; вскоре после того начали вбивать сваи под фундамент дворца, делать гавань на Фонтанке и разводить сад. Спустя три года были представлены императрице архитектуры гезелем Гр. Дмитриевым

для апробаций 16 чертежей дворца. Елисавета одобрила планы, и постройка больших каменных палат была начата. Главным наблюдателем над работами был назначен граф Растрелли. Отделка дворца продолжалась до 1749 года. В 1746 году Елисавета приказала на крыше палат поставить два купола: один с крестом, на Невском, где будет церковь, и для симметрии на другой противоположной части дворца на куполе утвердить звезду. Железный крест, четырехаршинной величины, был сделан на сестрорецких заводах; на золочение креста пошло 1 фунт 68 золотников червонного золота, или 202 иностранных червонца.

Аничковский дворец был очень большой, стоял он в те времена на открытом месте, в высоту был в три этажа и имел совершенно простой фасад. На улицу выходил на сводах висячий сад, равный ширине дворца. Другой обыкновенный дворцовый сад и службы занимали все пространство до Большой Садовой и Чернышева моста, т. е. все места, где теперь находится Александрийский театр, Екатерининский сквер, Публичная библиотека,

здания театральной дирекции и дом против него, который принадлежит Министерству внутренних дел, по Театральной улице. Подъезд со стороны Фонтанки, теперь не существующий, в былое время давал возможность подплыть на лодке к ступеням дворца. Впрочем, и в то время главные ворота были так же, как и теперь, с Невского проспекта.

На месте Александрийского театра стоял большой павильон, в котором помещалась картинная галерея Разумовского, а в другой комнате, напротив в том же павильоне, давались публичные концерты, устраивались маскарады, балы и проч. За дворцом шел вдоль всего Невского пруд с высокими насыпными берегами, и против нынешней Малой Садовой бил фонтан. Нынешняя решетка Аничковского дворца, говорят, сделана по рисунку прусского короля Фридриха-Вильгельма III.

Долгое время, еще в тридцатых годах текущего столетия, видны были фрески работы Гонзаго на полуобвалившихся стенах садовых павильонов, и у решетки на Невском проспекте держался еще небольшой храмик Фе-

миды.

Где стоит Публичная библиотека, был питомник растений, назади шли оранжереи, по Садовой улице жили садовники и дворцовые служители, а на углу, против Гостиного двора, стоял дом управляющего Разумовского, Ксиландера.

На другой стороне, на углу Невского и Большой Садовой улиц, находился дом Ив. Ив. Шувалова, в то время только что оконченный и назначенный для жительства саксонского принца Карла. Шувалову принадлежал весь квартал, образуемый теперь двумя улицами – Малой Садовой и Итальянской.

В этой же местности, где теперь дом Министерства финансов, помещалась Тайная канцелярия при Елисавете, и затем при Екатерине II Комиссия нового уложения.

При переделке последнего здания, в сороковых годах нынешнего столетия, здесь были открыты неизвестно куда ведущий подземный ход, остовы людей, заложенных в стене, застенок с орудиями пыток, большой кузнечный горн и другие инквизиторские ужасы, будто целиком выхваченные из таинств

Удольфских г-жи Ратклиф.

В 1747 году, 4 декабря, Елисавета указом повелела выстроить церковь в новостроящемся дворце, что у Аничкова моста, во имя Воскресения Христова, в больших палатах, во флигеле, что на Невской перспективе. Работы по устройству церкви продолжались до конца 1750 года, под надзором графа Растрелли. Место для императрицы было поручено сделать столярному мастеру Шмидту, по рисунку Баджелли, резная же работа была отдана мастеру Дункорту.

В 1751 году церковь торжественно освящена в честь Воскресения Христа Спасителя[334] всеми жившими тогда в Петербурге архиереями-малороссами, приятелями графа А. Г. Разумовского. Императрица и весь двор присутствовали на освящении храма.

Церковь занимала второй и третий этажи флигеля, выходящего на Невский. Иконостас был тоже трехъярусный, вызолоченный, богатой резьбы, вышиною в 5 сажен, шириною в 1 сажень 2 аршина 10 вершков. В настоящее время он находится в верхней церкви Владимирской Божией Матери, вместе с образами

и Евангелием, взятыми из Аничковского дворца; только Царские врата теперь заменены новыми.

Елисавета, как известно, никогда не жила в Аничковском дворце, но, как гласит камер-фурьерский журнал, по праздникам нередко посещала храм.

В 1757 году Елисавета Петровна пожаловала свой «собственный Каменный дом, что у Аничкова моста, со всеми строениями и что в нем наличностей имеется» графу Ал. Григ. Разумовскому «в потомственное владение». По смерти последнего дворец перешел во владение родного брата его графа Кир. Григ. Разумовского. (См. указ Екатерины II от 7 сентября 1771 года.)

Разумовский при жизни императрицы не жил в Аничковском дворце; он переехал в него только со смертью Елисаветы и прожил в нем до самой своей смерти (6 июня 1771 года).

Первейший вельможа времен Елисаветы, А. Г. Разумовский, как известно, происходил из певчих и был сын простого казака; родился Разумовский в 1709 году в селе Лемешах

Черниговской губернии. Не имея никакого образования, он обладал широким умом. Осыпанный почестями, он не отличался гордостью. Наружностью он был красивый и видный, чертою его характера была щедрость и великодушие.

Разумовский был крут нравом и тяжел на руку в нетрезвом виде. Графиня М. Е. Шувалова каждый раз служила молебен, когда муж ее, граф Петр Иванович, возвращаясь с охоты, не был бит батожем от Разумовского под пьяную руку. Известие это хотя для нашего времени может показаться невероятным, но то же самое подтверждает и английский посланник сэр Вильямс в своих депешах об Апраксине, называя его трусом, и приводит в пример, что Алексей Разумовский его чуть-чуть не избил за завтраком, и он промолчал.

Граф Разумовский не жил в Аничковском дворце и в 1767 году продал его в казну. Императрица Екатерина II подарила его князю Потемкину. Последний продал его откупщику Никите Шемякину. Купец Шемякин, вместе с купцом Барминым, в 1759 году перевозил из Петербурга морем в Пруссию до гавани Пилау

провиант для нашей армии. В царствование Петра III он с другим своим компаньоном, Саввой Яковлевым, понес значительные убытки, впоследствии значительная часть его состояния была конфискована; единственная его дочь была замужем за Полторацким [335].

От Шемякина дворец был снова куплен Екатериною и опять подарен императрицею князю Потемкину; последний здесь не жил, но давал иногда в садовом павильоне дворца великолепные праздники.

В 1785 году Аничковский дворец был снова куплен в казну от Потемкина и в 1794 году перестроен для помещения Кабинета и его драгоценностей; на перестройку пошло 50 000 рублей. (Кабинет прежде помещался в Кабинетской улице, близ Владимирской церкви [336].)

С 1794 по 1809 год Аничковская церковь стала называться «Кабинетскою и Капитульскою».

В 1794 году в павильоне дворца артисты стали давать публичные концерты и маскарады. Через год в этом же павильоне временно

поместили привезенные из Польши книги Залусского, послужившие основанием Императорской публичной библиотеки.

В 1801 году архитектор Бренна построил на месте этого павильона, иждивением некоего Казасси, театр, на котором играли сначала итальянские оперы, а потом и другие пьесы.

Вскоре театр этот, прозванный «Малым», был куплен в казну и затем сломан, и вблизи него архитектором Росси был выстроен нынешний Александрийский театр; открыт последний 31 августа 1832 года.

Император Николай Павлович осматривал его 29 августа 1832 года; по словам К. К. Мердера, он приехал для осмотра в 5 часов дня, обошел все ряды лож, а потом, поместившись в императорской ложе, смотрел дивертисмент[337], после чего благодарил архитектора Росси.

В 1804 году главный фасад Аничковского дворца, выходящий на Фонтанку, был заслонен постройкою того здания с колоннами, загибающегося углом и на Невский, которое было предназначено для хранения произведений императорских фабрик хрустальной и

фарфоровой, а также и для отдачи внаймы нижнего этажа под магазины. В то же время построена и колоннада, параллельная Фонтанке.

В том же году приказано было исправить дворец для жительства в нем помолвленной за принца Ольденбургского Георга сестры императора Александра I, Екатерины Павловны. После брака, происходившего в апреле 1809 года, великая княгиня переселилась на житье в подаренный ей дворец, который с этого времени стал называться «дворцом ее высочества великой княгини Екатерины Павловны». В начале 1812 года во дворце случился пожар, убытки от которого вычислялись в 140 000 рублей серебром.

По вступлении Екатерины Павловны во второй брак (12 января 1816 года) с королем Виртембергским дворец ее поступил в ведение департамента уделов. В 1817 году император Александр I жалует дворец в дар брату своему, великому князю Николаю Павловичу; в это время дворец отделяется заново, запущенный сад приводится в порядок, в павильонах помещается арсенал; церковь, зани-

мающая два этажа, переводится в один верхний этаж, патроном храма избирается св. благоверный великий князь Александр Невский. С переездом великого князя в Аничковский дворец дворец называется «дворцом великого князя Николая Павловича». В этом дворце великий князь живет до самого своего восшествия на престол (14 декабря 1826 года). По вступлении на престол император издает высочайшее повеление о наименовании его «собственным его императорского величества дворцом». Император Николай I особенно любил Аничковский дворец и, отличая его от других, называл его «своим собственным», говоря, что он «провел в нем счастливые и лучшие годы своей жизни»[338]. По переезде в Зимний дворец император Николай[339] каждый год по несколько раз на довольно продолжительное время переселялся в Аничковский дворец с августейшим семейством; на первой и на Страстной неделе он говел и приобщался в дворцовой церкви с высочайшей фамилией; здесь же он нередко назначал крещение младенцев, которых сам воспринимал от купели, и бракосочетания знатных

особ, которых желал почтить своим присутствием. Когда не было певчих, обыкновенно во дворце пел хор певчих Егерского полка; император Николай Павлович сам участвовал с псаломщиками в пении литургии. После пожара Зимнего дворца, в декабре 1837 года, император на все время, пока поправлялся дворец, переселился в свой «собственный». По смерти императора вдовствующая императрица Александра Феодоровна жила в нем со своими августейшими детьми. В 1859 году в Аничковском дворце жил великий князь Николай Николаевич до постройки своего дворца на Конногвардейском бульваре. Теперь к Аничковскому дворцу принадлежат десять каменных домов и два павильона, примыкающих к решетке сада. Дворец существует более 130 лет, и впервые со времени существования дворца в нем жительствоет зимою государь император с августейшим семейством.

В царствование Елисаветы церквей в Петербурге было немного. Все церкви тогда были низкие, невзрачные, стены в них увешаны вершковыми иконами, перед каждою горела

свечка или две-три, от этого духота в церкви была невообразимая. Дьячки и священники накладывали в кадиланицы много ладану, часто подделанного из воска и смолы, от этого к духоте примешивался еще и угар. Священники, отправляясь кадить по церкви «на хвалитех», держали себя так, что правая рука была занята кадиланицей, а левая протянута к публике. Священники, во время каждения иконам, к прихожанам подносили левую руку. Добрые прихожане сыпали в руку посильные подачки – кто денежку, кто копейку, рука наполнялась и быстро опускалась в карман, и опять, опорожненная, была к услугам прихожан (см. «Опис. СПб. епархии», т. III, с. 68). Доходы священников в то время не отличались обилием: за молебен платили им три копейки, за всенощную – гривенник, за исповедь – копейку и т. д. Иногда прихожане присылали им к празднику муку, крупу, говядину и рыбу. Но для этого нужно было заискивать у прихожан. Если же священник относился строго к своим духовным детям, то сидел без муки и крупы и довольствовался одними пятаками да грошами; а эти пятаки и в ту пору далеко

не могли служить обеспечением. Случалось тогда и то, что во время богослужения явится в церковь какой-нибудь пьяный, но богатый и влиятельный прихожанин и, чтобы показать себя, начнет читать священнику нравоучение, поправлять службу, и бедный, нуждающийся в его подачках священник должен был выносить все это безобразие. Иногда в церкви подгулявшие прихожане заводили между собою разговоры, нередко оканчивавшиеся криком, бранью и дракой.

Случалось также, что во время службы раздавался лай собак, забежавших в церковь, падали и доски с потолка. Деревянные церкви тогда сколачивались кое-как и отличались холодом и сыростью. Причинами такого положения построек храма были, с одной стороны, печальное положение государственных финансов, а с другой – крайняя недобросовестность строителей, прежде всего заботившихся о том, чтобы поскорей и получше найти себе в постройках источник для обогащения.

Торжественностью богослужения отличалась только одна придворная церковь. Импе-

ратрица Елисавета очень любила церковное пение и сама певала со своим хором; к Страстной и Пасхальной неделе она выписывала из Москвы громогласнейших дьяконов, и почтмейстер барон Черкасов, чтобы как можно лучше исполнить державную волю, не давал никому лошадей по Московскому тракту, пока не приедут дьяконы.

Как мы уже говорили, православие Елисаветы Петровны было искренно, и наружные проявления религиозности были в обычае и ее придворных. Из документов тогдашнего времени мы видим, что императрица не пропускала ни одной службы, становилась на клиросе[340] вместе с певчими и в дни постные содержала строжайший пост и только одному своему фавориту Разумовскому позволяла во дворце есть рыбное кушанье, а остальных так преследовала за недержание поста, что другой ее приближенный, граф Бестужев, был вынужден обратиться к Константинопольскому патриарху за разрешением не есть грибного. К сожалению, это строгое религиозное настроение имело свою темную сторону. Тогдашние руководители православия – архи-

епископ Феодосий и протоиерей Дубянской – были скорее ловкие, властолюбивые царедворцы, прикрытые рясою, целью которых было не истинное благо духовенства, а скорее достижение личных выгод и личного влияния на дела. Рядом с печатанием Евангелия и духовных книг для грузин и нового издания всей Библии[341], не появлявшейся в печати с самого 1663 года, к сожалению, для улучшения быта духовенства или ничего не было сделано, или так мало, что не стоит о том и говорить. Законы того времени позволяли принимать и ставить в духовный чин лиц из всех сословий, лишь бы нашлись способные и достойные к служению в церкви. Если прихожане церкви просили о ком-нибудь, чтобы определить его к службе церковной, то от них требовалось свидетельство, что они знают рекомендуемое ими лицо: «не пьяницу, в домостроении своем не ленивого, не клеветника, не сварливого, не злободейца, не убийцу, в воровстве и мошенничестве не обличенного; сии бо наипаче злодейства препинают дело пастырское и злообразие наносят чину духовному». Из дел консистории видим в духовных

чинах лиц всех званий: сторожей, вотчинных крестьян, мещан, певчих, купцов, солдат, матросов, канцеляристов, как учившихся в школе, так и не обучавшихся. Хотя указом еще от 8 января 1737 года требовалось, чтобы в духовные чины производились лишь те, которые разумеют «силу букваря и катехизиса», но на самом деле церковные причты пополнялись выпускаемыми из семинарии лицами «по непонятию науки», или «по безнадежности в просодии», или «за урослием». Ставили на иерейские должности и с такими рекомендациями: «школьному учению отчасти коснулся», или: «преизряден в смиренномудрии и трезвости», или: «к предикаторскому делу будет способный». Поступали с аттестациями и такого сорта: «без всякого подозрения честен», «аттестован достойным за благонравие и обходительство», или: «дошел до реторики и за перерослостью, будучи 27 лет, уволен». Встречались «нотаты» и такие: «проходил фану и инфиму на своем коште, и за непонятие уволен». Не отличаясь грамотностью, петербургское духовенство поражало грубостью нравов. В среде его то и дело слышалась

брань, частые ссоры между собою и даже с прихожанами в церквах. Картина просвещения и нравственности, как видим, была самая темная. Так, священник Ямской Предтеченской церкви Иларион Андреев, на заутрени в церкви, во время чтения канонов, повздорил с капитаном Иваном Мамонтовым, а в квартире, продолжая ссору, они подрались. За сие Андрееву учинено в духовном правлении наказание плетьюми, и был он полгода в подначальных трудах в Александровском монастыре. Тогда духовенство законом не было ограждено от телесных наказаний, и потому всякий власть имеющий считал себя вправе, без суда и расправы, по своему усмотрению, наказывать лиц духовного звания, не говоря уже об архиереях, по мановению которых хватали священника, тащили на конюшню и там нещадно били борбарами, плетьюми и шелепами[342]. Помимо телесных наказаний, существовали также и штрафы денежные. Так, указом 1 декабря 1736 года постановлено: в высокаторжественные и викториальные дни, на молебнах и панихидах в соборной церкви, священникам стоять в пристойных

себе местах благочинно, не выступая вперед и не уступая назад, и разговоров никаких вслух и шепотом не употреблять и не кривляться, а за отступление от правила сего брать штраф по 50 копеек с человека. Церковное благочиние в то время редко соблюдалось. Назначенный обер-прокурором Св. Синода князь Я. П. Шаховской вскоре по вступлении в должность заметил, что в церквах во время службы приходящие молеельщики, вместо того чтобы молиться с благоговением, производят многие о разных светских делах разговоры. При Анне был указ против юродивых, которые, по «неблагообразию своему, одеаяся в кощунствующую одежду», наводили молеельщикам в церквах в помешательство, смех и соблазн. В 1743 году вышел указ относительно нищих, которые стали производить свой сбор в самых церквах и тем развлекали молящихся. Сотские и десятские находили неприличным ловить их здесь, дабы, как сказано в полицейской промемории[343], при ловле не произошел мятеж (т. е. замешательство). Св. Синод препоручил поимку нищих церковным сторожам, а за нарушение тиши-

ны и благочиния по церквам возбудил вопрос о штрафных деньгах, собираемых в храмах «за разговоры и неблагочиние». По прежнему указу сбор этот чинили обер- и унтер-офицеры; деньги записывали при священниках и причетниках в особые шнуrowые книги.

Жалки были дьячки и пономари в то время, но не лучше их были учителя в казенных школах. Вот что говорит майор Данилов (см. его записки) про тогдашнюю Артиллерийскую школу[344], где учились князья и дворяне: «Великий тогда недостаток в оной школе состоял в учителях. Сначала вступления учеников было для показаний одной арифметики из пушкарских детей два подмастерья; потом определили, по пословице, волка овец пасти, штык-юнкера[345] Алабуева. Он тогда содержался в смертном убийстве третий раз под арестом. Он хотя разобрал несколько арифметику Магницкого и часть геометрических фигур, однако был вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителем благородному юношеству. Училища, заведенные при Петре, были тогда заброшены и скорее портили, чем воспитывали молодое поколе-

ние, домашнее же образование в высших классах ограничивалось только внешним наведением лоска».

Тот же современник императрицы Анны и Елисаветы, майор Данилов, рассказывает, что в его время был казнен на площади разбойник князь Лихутьев: «голова его взогнута была на кол». Разбои и грабежи тогда сильно распространились в самом Петербурге. Так, в лежащих кругом Фонтанки лесах укрывались разбойники, нападая на прохожих и проезжих. Фонтанка в то время, как мы говорили, считалась вне черты города[346]. Дом графа Шереметева считался загородным, как и другой такой дом, графа Апраксина, где жил Апраксин, когда был сослан с запрещением въезда в столицу; сюда к нему съезжались все его друзья, чтобы веселиться и пировать с ним. Полиция обязала владельцев дач по Фонтанке вырубить леса, «дабы вора́м пристанища не было»; то же самое распоряжение о вырубке лесов последовало и по Нарвской дороге, на тридцать сажен в каждую сторону, «дабы впредь невозможно было разбойникам внезапно чинить нападения». Были грабежи

и на Невской перспективе, так что приказано было восстановить пикеты из солдат для прекращения сих «зол». Имеется также известие, что на Выборгской стороне, близ церкви Сампсония, в казачьей слободе, состоящей из 22 дворов, разные непорядочные люди имели свой притон. Правительство сделало распоряжение перенести эту слободу на другое место. Бывали случаи грабительства также в Петербурге, которые названы «гробокопательством». Так, в одной кирке оставлено было на ночь тело какого-то знатного иностранного человека. Воры пробрались в кирку, вынули тело из гроба и ограбили. Воров отыскивали и казнили смертью. Для прекращения разбоев правительство принимало сильные меры, но меры эти не достигали своей цели: разбойников преследовали строго, сажали живых на кол, вешали и подвергали другим страшным казням, а разбои не унимались. В то время начальником Тайной канцелярии более 17 лет был Андрей Иванович Ушаков. Клеврет Бирона безжалостно проливал человеческую кровь, с бессердечностью палача, присутствуя лично на жесточайших истязаниях. Наказы-

вал он не только престарелых или несовершеннолетних, но и больных, даже сумасшедших. В царствование Анны Иоанновны одних знатных и богатых людей было лишено чести, достоинств, имений и жизни и сослано в ссылку более 20 000 человек. Одно подозрение в поджоге тогда неминуемо влекло смерть. Так, по пожару на Морской улице Тайная канцелярия признала поджигателями, «по некоторому доказательству», крестьянского сына Петра Петрова, называемого «водолаз», да крестьянина Перфильева; их подвергли таким тяжким смертным пыткам, что несчастные, «желая продолжать живот свой», вынуждены были облыжно показать, будто их подучали к поджогу другие люди, которые на самом деле не были причастны. В конце концов Петрова и Перфильева сожгли живыми на том месте, где учинился пожар.

Вообще, облыжные показания и доносы в то время делались даже от самых близких людей, например от жен на мужей и т. д.; доносчики получали хорошие награды. Капитан морской службы Александр Возницын, православной веры, будучи в Польше у жида Воро-

ха Лейбова, принял жидовство с совершением обрезания. Жена Возницына, Елена Ивановна, учинила на него донос. Возницын был жестоко пытан на дыбе и сожжен на костре, а жена, сверх законной части из имения мужа, от щедрот императрицы получила еще сто душ с землями «в вознаграждение за правый донос».

Императрица Елисавета особенное почтение питала к духовенству и очень часто приглашала во дворец членов Святейшего Синода, беседовала с ними и особенно приблизила к себе своего духовника Федора Дубянского. Это был человек внушительно-благообразной физиономии, обладавший даром слова и, что важнее, умевший пользоваться благоприятною для себя минутою. Императрица часто от увеселений переходила к посту и молитве. Начинались угрызения совести и плач о грехах. Она требовала к себе духовника. И являлся он, важный, степенный, холодный, и тихо, плавно лились из уст его слова утешения. Мало-помалу успокаивалась его державная духовная дщерь и в знак благодарности награждала его землями, крестьянами, угодьями и

т. д. Одно его имение на Неве, теперь Зиновьева, стоило ему немало денег.

Совсем другими глазами глядела на духовенство императрица Екатерина II. По воле ее весь Святейший Синод посещал придворные театральные зрелища. «Святой Синод, – пишет она Гримму („Рус. арх.“, 1878 г., кн. 9, с. 124), – но не в одиночку, а в полном составе, присутствовал на представлении последней комедии; все они очень хохотали и хлопали оглушительно». Также довольно странны были ее отношения к своему духовнику Памфилову. После исповеди, 4 апреля 1767 года, писала она к Храповицкому: «Адам Васильевич, заплатите за мои грехи; я получила от них разрешение» («Рус. арх.», 1868, с. 200). Там же находим (с. 199): «Адам Васильевич! Отец духовник у вас не будет ли просить для переводу шесть тысяч, с возвратою на Москве. Держите ухо остро! Желаю вам силы льва и осторожности змия!»

Из записок Екатерины II видим, что и она часто, бывши еще великой княгиней, прибегала к содействию Дубянского, когда ей нужно было выпросить у императрицы что-ни-

будь. Его влиянию также приписывают издание некоторых касающихся общественной нравственности указов. Так, известное в то время по скандалу «дело Дрезденши» было вызвано им, и по его же настоянию была наряжена особая комиссия разыскивать гулящих женщин, как русских, так и иноземок. Данилов в своих записках говорит, что великолепное заведение у Вознесенья какой-то приезжей из Дрездена аферистки произвело немалый переполох в тогдашнем обществе. Дрезденша повела свои дела в таких широких размерах, что жалобы дошли до императрицы, и вследствие этого наряжена была строгая комиссия под председательством кабинет-секретаря Демидова. Дрезденша была арестована и на допросе оговорила всех, кого только знала. Комиссия не довольствовалась закрытием заведения Дрезденши и отсылкой ее красавиц на Прядильный двор, в Калинкину деревню, но повела свои розыски по всему Петербургу и его окрестностям, отыскивала и тех заморских красавиц, которые жили и в других домах, и забирала даже жен от мужей по оговору Дрезденши, которые езжали к ней

в дом выбирать себе мужей по нраву.

Дрезденша не была новым типом; разврат на Руси уже давно имел эти формы. Еще до Петра были известны женщины, которые назывались «потворенные бабы» или «что молодые жены с чужими мужи сваживают». Эти соблазнительницы уже и тогда вели свое занятие с правильностью ремесла и очень искусно внедрялись в дома, прикидываясь торговками, богомолками и т. д. В то время у нас разврат юридически помещался в одном разряде с воровством и разбойничеством. Но тогдашнее общество, видимо, не вменяло его в тяжкое преступление.

Сохранились предания, что гроза комиссии скоро пронеслась, и вместо закрытого заведения Дрезденши открылись новые, по крайней мере разврат не сократился. Для дополнения оставшихся преданий о нравах слабого пола приводим отрывок из письма одной прелестницы старого склада, живо рисующий тогдашнее женское дело, по народному выражению, «перелестливое, перепадчивое». Вот эти признания: «Расставшись с тобою, я отошла от госпожи, у которой мы вместе с то-

бою жили. Я пришла к Агафье, которая расхвалила меня, клялась, что я похорошела и сделалась видна и ловка. „Ты пришла очень кстати, – сказала она, – только перед тобою вышел от меня богатый господин, который живет без жены и ищет пригожую девушку с тем, чтобы она для благопристойности служила у него под видом разливательницы чаю. Нам надобно сделать так, чтобы ты завтра пришла немного ранее вечера, у меня есть прекрасная казимировая шинелька, точно по твоему росту; я ее на тебя надену, дам тебе мою шляпу, ты сама распустишь кудри на глаза, приукрасишься как надо, и когда все будет готово, то пошлем за господином“. Как было говорено, так и сделано. Я понравилась господину, и мы условились, чтобы я в следующее утро пришла к нему с какою-нибудь будто матерью, под видом бедной девушки, которая бы и отдала меня к нему в услужение за самую незначущую цену. Ты знаешь плаксу Феклу; я наняла ее за рубль в матери, и она жалкими рассказами о моей бедности даже прослезила всех слуг. При первом изготовленном самоваре господин за искусство опреде-

лил мне в месяц по 50 рублей. Две недели все шло хорошо, но в одну ночь жена моего господина возвратилась из деревни и захотела нечаянно обрадовать его, подкралась на цыпочках и вошла в спальню. Остальное ты сама можешь понять. Кончилось тем, что меня выгнали; долго бы прошаталась, если бы опять Агафья не пристроила меня к месту. Старый и страдающий бессонницею больной аптекарь искал смиренного и честного поведения девушку, которая бы большую часть ночи не спала и переменяла бы свечи. За самую небольшую цену вступила я к нему исправлять трудную должность полунощницы. Аптекарь сделался мне противен, и мне казалось, что не только он сам, но и деньги его пахли лекарством. У аптекаря я познакомилась с молодым продавцом аптекарских товаров, у которого жена была дурна и стара. Мы условились, чтобы я отпросилась у аптекаря, будто я должна ехать в Москву, а пришла и нанялась к нему в няни. Я успешно обманула аптекаря, а и того удачнее жену нового любовника. Я сделала башмаки на тонких подошвах, вымыла волосы квасом, выучилась

говорить потонее прежнего и потуплять глаза в землю ежеминутно. Фекла-плакса опять была моей матерью и до слез разжалобила жену моего любовника. Молодой купец заметно сделался нежнее к детям прежнего и ежеминутно стал приходить к ним и даже ночью уходил от жены, чтобы посмотреть на них. Вскоре эти осмотры подсмотрела сама жена и уверилась, что я была нянька не детей, а взрослых шалунов. Я опять бросилась к Агафье» и т. д. Целая одиссея любовных похождения, обирательства и плутовства, которые и теперь практикуются особами прекрасного пола. Похождения прелестницы окончились тем, что полиция отправила ее на исправление в Калинкину деревню.

Много также и клеветали в то время на петербургских дам. Леди Рондо в своих мемуарах рассказывает о поступке петербургских знатных дам с одним любезником. Возвратившись из путешествия домой, он встретил трех или четырех красавиц в доме своего знакомого, где он танцевал, пел, смеялся и был свободен с дамами *á la mode de Paris*[347]. Показав опыты своей ловкости, он начал хва-

стать, что успел возбудить к себе любовь в каждой из красавиц. Это дошло до слуха мужей; последние высказали женам, что они ими недовольны. Дамы пожелали, чтоб им позволено было привести с собою этого господина к своим мужьям. Все эти четы условились, чтоб одна из нимф пригласила его на ужин к себе в дом, не объявляя, что с ним еще будет. Он полетел на крыльях любви на свидание, и его приняли как нельзя лучше; но в минуту его высочайших надежд хозяйка начинает его упрекать за речи, которые он говорил. Он заперся; но к ним входят другие дамы со своими мужьями, свидетелями его вины, и обличают его совершенно. Мужья произнесли приговор, чтобы жены его высекли. Одни говорят, что они в самом деле это сделали, другие – что они препоручили экзекуцию своим девкам.

Перспект Старого Зимнего дворца с каналом, соединяющим Мойку с Невой. Гравюра М. Махаева. 1750-е. Фрагмент

Глава VIII

Замечательные дома Елисаветинского времени. – Анненский зимний дом. – Зимний дворец. – Залы и их убранство. – Дворцовый театр. – Закладка нового здания. – Кончина императрицы Елисаветы. – Предсказательница Ксения. – Ее могила на Смоленском кладбище. – Дом мецената Шувалова. – Литераторы прежнего времени. – Их странности и привычки. – Ловля подписчиков. – Антагонизм Ломоносова и Сумарокова. – И. Ф. Богданович и Е. И. Костров.

К замечательным постройкам Елисаветинского времени должно отнести дома графов Строгановых на Невском, Воронцова на Садовой улице, теперь Пажеский корпус, Орлова и Разумовского (ныне Воспитательный дом); Смольный монастырь, Аничковский дворец и затем составляющий резиденцию императорского дома – Зимний дворец[348]. Все эти постройки тогда производились знаменитым итальянским зодчим, графом Растрелли, выписанным из-за границы еще императором Петром I. Постройки этого художника отличаются особенным характером величия; в ряду лучших произведений зодчества XVIII столетия, бесспорно, первое место занимает Зимний дворец, построенный им,

как сказано в указе: «не подрядом, а нарядом», при сотрудничестве только двух лиц: «архитектургии гезеля» Федора Шанина и ученика Николая Васильева. Первый Зимний дворец, в царствование императрицы Анны, расположен был в виде неправильного квадрата в четыре этажа, имел в длину 65, в ширину 50 и в вышину около 11 сажен. Он занимал место, на котором при Петре находился обширный дом графа Ф. М. Апраксина, по смерти которого дом, по завещанию, достался императору Петру II. Императрица Анна Иоанновна, возвратясь из Москвы с коронации, остановилась в этом доме, ранее этого, в декабре 1730 года, приказав гоф-интенданту Мошкову сделать к нему пристройки, как то: церковь, четыре покоя для кабинета, четыре для мыльни, три для конфектных уборов и т. д. Работы были возложены на полковника Трезини, который и выполнил их в семь месяцев, и к осени все было готово для принятия государыни. Императрица медлила, ожидала зимнего пути, в январе выпал снег, и весь двор в трое суток прибыл из Москвы в Петербург; императрица, ступив на крыльцо

адмиральского дома, навсегда утвердила его дворцом русской столицы. Несмотря на сделанные пристройки, адмиральские палаты не могли доставить всех удобств, каких требовал двор императрицы. Крытые гонтом[349], тесные, они не заключали в себе ни одной порядочной залы, где бы прилично можно было поместить императорский трон. Явилась настоятельная потребность строить новый дворец, и 27 мая 1732 года он был заложен и окончен с внутренней отделкою к 1737 году. Для работ употребили почти все находившиеся в Петербурге рабочие силы, даже от строения Александро-Невского монастыря были отняты каменщики и другие мастера.

Все здание вмещало в себе церковь, тронную залу с аванзалю, 70 разной величины покоев и театр. Дворец первоначально покрыт был гонтом; впоследствии, однако же, перекрыт железом, а весь гонт из разобранной крыши императрица пожаловала на казармы Измайловского полка. Девяносто печей согревало все здание; печи в среднем этаже положены были из живописных изразцов и покоились на деревянных золоченых нож-

ках; осенью и зимою ежемесячно на отопление дворца выходило по сорока сажень дров. Наружный вид здания был очень красивый; главных подъездов во дворце было два: один с набережной, а другой со двора; подъезды были украшены каменными столбами и точеными балясами, с поручнями столярной работы; балконов было три: один на сторону Адмиралтейства, другой на Неву, третий на луг; лестницы на невский подъезд и невский балкон были сделаны из белого камня; на крыше, для стока воды, проведены были желобы, которые оканчивались 28 большими медными драконами, весом каждый в 3½ пуда; на фронтисписе[350] две лежащие деревянные фигуры держали щит с вензелем императрицы; фронтиспис был весь вызолочен. Комнаты были расположены в следующем порядке: в средних этажах главного корпуса помещались парадные покои с разделяющею их темною галереею, которая примыкала к зале, где теперь столовая; из этой залы, через небольшой кабинет, был ход в большую залу; к ней от угла примыкали четыре малых покоя, или кабинета; из большой залы был ход в аванза-

лу. К последней вела лестница, проведенная с внутреннего и неевского подъездов. Аванзала была отделена глухою стеною; при ней стояла резная пирамида с фарфоровой посудой, называемая буфетом. У лестницы, что вела к аванзалу, была церковь, ныне Малая[351]. В луговой стороне здания находился небольшой театр. На нижнем этаже, кроме кухонь, сеней, галерей и лестниц, было 15 комнат; из них в двух некоторое время помещалась камер-цалмейстерская[352] контора, в четырех – гоф-интендантская, а три назначены были для караульных и дежурных. На верхнем этаже 24 жилые комнаты. Всех окон в главном среднем этаже было 180, в нижнем 111 и в верхнем 116; во всем дворце дверей было 130, в среднем этаже все из дуба.

В большой зале стоял резной трон; к нему вели шесть ступенек, разделенных уступом, или площадкою; балдахин на четырех точеных колоннах «композического» ордена; на других четырех точеных колоннах хоры для музыкантов, с точеным же балюстрадом; 54 резных пилястра поддерживали потолок, или, вернее, один целый великолепный пла-

фон, написанный Л. Караваком[353] при сотрудничестве 9 живописцев и 22 учеников, маляров и московских «писателей» икон. На цепях, обернутых гарусом и усыпанных медными золочеными яблоками, висело огромное паникадило. В 1737 году оно упало, но вскоре его опять укрепили на месте. Между окон расставлены были 24 кронштейна с подсвечниками; «уборный пол» сложен был из 400 дубовых штук с трехцветною посредине звездою, в 4 сажени в диаметре; в окнах и некоторых дверях были вставлены зеркальные стекла, присланные из Франции. Аванзала была также украшена пилястрами, штучными полами, зеркальными окнами и плафоном работы того же Каравака. У стены, отделявшей новый зимний дом от адмиральских палат, возвышалась, как мы уже сказали, резная с позолотою пирамида; на ней симметрически расположена была фарфоровая и металлическая дорогая посуда. Из остальных комнат только галерея была украшена 12 картинами и 12 барельефами, 6 хрустальными люстрами, с такими же 12 кронштейнами с подсвечниками и резными головками и фигу-

рами с яркою позолотой, как их называет Растрелли – «мушкарами и купидами». По исполнению этой кудрявой резной работы заслуживают похвалу имена следующих мастеров этого дела: Сен-Лоран с сыном, Соломон Цельбрехт, столяр Мишель и штукатурной композиции или лепной работы Александр Мартели.

Прочие комнаты дворца были украшены белеными панелями и обоями; где не было паркета, там положены полы дубовые и сосновые. Лестницы были из полированной плиты с точеными поручнями, украшенные статуями; пол в сенях из мрамора и потолки отделаны лепною работою. Театр в здании дворца был довольно обширен; он имел 25 сажен в длину и 10 в ширину и отоплялся 10 печами. Рисунок театра составлял тоже Растрелли, но исполнял по этому рисунку, а также писал декорации и строил машины «комедийных дел мастер» итальянец Диронбон, или, вернее, Джироламо Бон. Первая репетиция в этом театре была исполнена 13 января 1736 года, а первое представление – 20 января; во время игры на театре передвигали декора-

ции 40 человек солдат. Нет сомнения, что этот зимний придворный «Театр-комедия» находился в особом флигеле, отделенном от адмиралтейского тремя проходными покаями и светлую галерею. В 1742 году он был значительно распространен и назывался то «Комеди опера», то «Оперным домом». Елизавета, как известно, положила первое прочное основание русскому театру и множество мелочных театральные удобств придумывала сама лично. Чертежи, впрочем, составлял Растрелли, и уже по ним исполняли Валериани и Джибелли. Так, находясь в Москве в 1749 году, государыня приказала Растрелли, чтобы возле большой царской ложи «сделать решетку створчатую, чтобы можно было отворять и растворять, и вызолотить, да для теплоты камин, по препорции, с закрышкою трубы». В 1750 году императрица приказала Растрелли сделать вновь небольшой переносный театр, который бы можно вносить и выносить в скорости в проходные залы. Представления во времена Елизаветы происходили в неопределенное время, по предварительному назначению государыни, иногда за две недели впе-

ред, а иногда указано было представлять комедии и «трагедии» два раза в неделю – каждый вторник и пятницу, а действовать начинать в семь часов пополудни. В Анненском зимнем доме, до постройки и даже в первые годы работ нового дворца, Растрелли ежегодно в день коронации устраивал в большой зале и галерее фонтаны, «кашкады, банкетные столы» и украшал стены великолепными огнями. Здесь же праздновались дни «вечного замирения с короною шведскою в 1743 году» и по случаю бракосочетания государя наследника с великою княгинею Екатериною Алексеевною в 1745 году. Последнее было великолепнее всех других торжеств ее царствования. Для фонтанов выкопали особые из Невы каналы; устроили огромные бассейны, 16 лошадей поднимали в них воду; для каскадов сходы и другие украшения расписали под мрамор; 6000 шкаликов освещали большую залу; на лугу и у дворца для народа поставлены были крашеные пирамиды и били фонтаны из меда и других напитков.

Пристройки и переделки к Зимнему дворцу не могли все-таки сообщить зданию

удобств; притом же самая странность вида дворца, примыкающего одной стороной к Адмиралтейству и с противоположной стороны к ветхим палатам Рагузинских, не могла нравиться императрице. От ворот по правую руку с луговой стороны местность представляла пестрый, грязный, недостойный места вид: длинный ряд деревянных построек, сараи, конюшни – все это некрасиво, кое-как лепилось в виду дворца. Наконец, в 1754 году императрица решила заложить новое здание, сказав, что «до окончания переделок будет жить в Летнем новом доме», приказав строить временный дворец на порожном месте бывшего Гостиного двора, на каменных погребках (у Полицейского моста). В июле начали бить сваи под новый дворец. Нева усеялась множеством барок, и на всем пространстве, от дворца и Мойки, рассыпались шалаши рабочих. В ведомостях явилась публикация о вызове к поставке 140 000 бочек извести свинорецкой и сяжской, а затем и других материалов; постройка шла медленно; для работников не могли найти крова, рабочие жили в шалашах и землянках на лугу или в отдаленных частях

города. Лучших мастеров с трудом разместили в казенных домах на Крюйсовом дворе, в Мусин-Пушкинском, Панинском и т. д. Несмотря ни на какие усилия, Растрелли не мог исполнить приказания императрицы насчет поспешного окончания работ. Первою остановкою работ была невыдача денег рабочим, так, вместо 120 000 отпускали в год 70 000 или 40 000. Растрелли от огорчения заболел; больной он, однако ж, не переставал действовать; предписания и рапорты подписывал за него бывший при нем помощник Фельтен.

К осени 1761 года, согласно обещанию Растрелли, императорский Зимний дворец был окончен вчерне. Елисавета изъявила желание обозреть работы, для чего приказала Растрелли «очистить место, где будет стоять карета для приезда к дворцу», и затем сделать подъемный стул и тот покой, где будет стул, обить бумажными обоями. На Святой неделе государыня посетила свой новый дворец, осталась всем довольна и изъявила желание видеть поскорей свои покои оконченными. Растрелли просил только о правильном от-

пуске денежных сумм и обещал окончить в сентябре 1762 года. Но время шло только в переписках, и Растрелли денег не получал. В ноябре государыня приказала, чтобы большая церковь непременно была готова для освящения к 25 апреля 1762 года и к освящению исправлено пять-шесть покоев, где бы полы были гладкие, столярной работы, без клея, а панели и коробки выкрашены были под золото. Растрелли приказал исправить подъемный стул и покой, где он находился, каждую неделю делать пробу, а от стула в другие покои настлать дорожку. Но императрица не только была лишена удовольствия видеть оконченным лучший архитектурный памятник ее времени, но и присутствовать при освящении большой церкви. 25 декабря 1761 года государыня внезапно скончалась.

По преданию, смерть императрицы предсказала петербургским жителям известная в то время юродивая Ксения, могила которой на Смоленском кладбище и до сих пор пользуется особенным уважением у народа. Ксения накануне кончины императрицы ходила по городу и говорила: «Пеките блины, вся Рос-

сия будет печь блины!» Ксения Григорьевна была жена придворного певчего Андрея Петрова, состоявшего в чине полковника; она в молодых годах осталась вдовою; тогда, раздав все свое имение бедным, она надела на себя одежду своего мужа и под его именем странствовала 45 лет, изредка проживая на Петербургской стороне, в приходе Святого апостола Матвея, где одна улица называлась ее именем. Рассказывают, что Ксения пользовалась особенным уважением у петербургских извозчиков, которые, завидя ее где-нибудь на улице, наперерыв один перед другим предлагали ей свои услуги в том убеждении, что которому из них удастся хотя сколько-нибудь провезти Ксению, тому повезет счастье. Год смерти ее неизвестен; одни уверяют, что она умерла до первого еще наводнения (1777 года), другие же – что при Павле. Могила Ксении издавна пользуется особенным почитанием и уважением; в скором времени после ее похорон посетители разобрали всю могильную насыпь; когда же была усердствующими положена плита, то и плита была разломана и по кусочкам разнесена по домам.

Сделана была другая плита, но и та недолго оставалась целою. Ломая камень и разбивая землю, посетители бросали на могилу деньги. Тогда к могиле прикрепили кружку, и на собранные таким образом пожертвования построили памятник в виде часовни, с надписью: «Раба Ксения, кто меня знал, да помянет мою душу для спасения своей души». И действительно, ни на одной из могил на Смоленском кладбище не служитя столько панихид, как здесь.

Одним из красивейших домов Елисаветинского времени был дом знаменитого «предстателя муз», первого русского мецената Ивана Ивановича Шувалова; стоял он на углу Невского и Большой Садовой, где так долго на нашей памяти помещался трактир Палкина, а теперь фортепьянный магазин Шредера. Дом был выстроен в два этажа по плану архитектора Кокоринова[354]. Шувалов праздновал в нем новоселье 24 октября 1754 года великолепным маскарадом, про который М. В. Ломоносов сказал следующие стихи:

*Европа что родит, что протчи
части света,*

*Что осень, что зима, весна и кро-
тость лета,
Что воздух и земля, что море и
леса:
Все было у тебя, довольства и
краса...*

Богатая анфилада комнат дома Шувалова была вся увешана портретами и картинами. В главной зале, выходящей окнами на Невский, сидели у дверей за столиком два старика, вечно играя в пикет; один из них был огромного роста, другой – низенький старичок в черном кафтане; первый был гайдук-силач, спасший Шувалову жизнь в Швейцарии, другой – камердинер, француз Бернар. Оба старика жили на пенсии и ежедневно безотлучно дежурили в картинной зале. Как раз над их головами висела большая картина с изображением печального эпизода из жизни Шувалова, чуть-чуть не стоившего ему жизни. На картине был представлен швейцарский пейзаж, где на высоте большой горы виднелась повисшая над пропастью карета, которую поддерживает своими плечами огромный гайдук. В светлой угловой комнате о семи окнах, в большом

кресле у столика, окруженный книгами и друзьями, сидел маститый седой старик, сухощавый, среднего роста, в светло-сером кафтане и белом камзоле. Видевший Шувалова уже семидесятилетним старцем, Тимковский говорил о нем так: «Речью и видом он был бодр, но слаб ногами, лицо у него было всегда спокойное, поднятое; обращение со всеми упредительное, весело-видное, добродушное. В разговорах он имел речь светлую, быструю, без всяких приголосков. Русский язык его был с красивою обделкою в тонкостях и тонах, французский он употреблял, где его вводили и когда, по предмету, хотел что сильнее выразить».

В этой угловой гостиной у него собирались образованнейшие люди того времени: Ломоносов, Сумароков, Костров, Богданович, Державин, Шишков, княгиня Дашкова, Оленин, Перепечин (известный тоже меценат, директор банка), Кирилло Каменецкий (его домашний врач), автор знаменитого в свое время «Травника». Из гостиной боковой выход вел в кабинет, оттуда шли его жилые комнаты окнами на двор, прямо же вдоль Садовой улицы

шла длинная галерея с библиотекою, а за ней и домовая церковь, в которой сановитого вида дьячок читал малороссийскою речью. Шувалов в церкви по большей части сидел в креслах с подостланным ковром; вельможа имел привычку во время разговоров задумываться и креститься у груди небольшим крестом. Это была его давнишняя привычка, которую он приобрел, живя в век вольнодумства. Дом Шувалова видел многих монархов. Императрица Елисавета в течение года очень часто у него обедала и ужинала; сюда же, в дом Шувалова, привозили в 1756 году бывшего императора Ивана Антоновича для свидания с императрицею. Здесь же почти ежедневным гостем был император Петр III, и позднее очень часто приезжала Екатерина Великая. Перед этим же домом на другой день кончины Шувалова, проезжая мимо верхом, император Павел остановился, снял шляпу, поглядел на окна и низко поклонился.

У Шувалова собирались все литераторы того времени. В юной возникавшей тогда журналистике происходили такие же споры, что и теперь, каждый превозносил себя, и каждое

издание хотело превзойти остальные и стать во главе всех. Poleмика, зависть, даже личные, не совсем церемонные намеки так и сыпались перекрестным журнальным огнем и при встрече пишущих. Ловля подписчиков в то время происходила самым комическим образом: особенно рьяные журналисты раздавали даром нерасходившиеся номера своего издания, с тем чтобы получивший даровой номер не подписывался на другие журналы. Издатель «Поденщины», Василий Тузов, глубокий провинциал, на одном вечере у Шувалова прямо сказал жене Рубана, издателя еженедельного журнала «Ни то ни сё»: «Скажите вашему мужу, что я его не боюсь и что он неосновательно думает, что у меня нет денег на издание; вот оне», – и он показал при этом пачку ассигнаций.

При встречах литераторы того времени редко церемонились, и, как рассказывал сам Шувалов Тимковскому (см. его записки в «Москвитянине» 1852 г.), особенно были такими непримиримыми врагами Ломоносов с Сумароковым. «В спорах Сумароков чем более злился, тем более Ломоносов язвил его; и если

оба не совсем были трезвы, то оканчивали ссору запальчивою бранью, так что я был принужден высылать их обоих или чаще Сумарокова. Если же Ломоносов занесется в своих жалобах, то я посылаю за Сумароковым, а с тем, ожидая, заведу речь о нем. Сумароков, услышав у дверей, что Ломоносов здесь, или уходил, или, подслушав, вбегает с криком: „Не верьте ему, ваше превосходительство, он все лжет; удивляюсь, как вы даете у себя место такому пьянице, негодяю“. – „Сам ты пьяница, неуч, под школой учился, сцены твои краденые!“ Но иногда, – замечает Шувалов, – мне удавалось примирить их, и тогда оба были очень приятны». Примирение, впрочем, не всегда удавалось. Существует письмо Ломоносова к Шувалову от 19 января 1761 года (см. альманах «Уrania»): «Никто в жизни меня больше не избидел, как ваше высокопревосходительство: призвали меня сегодня к себе; я думал, может быть, какое-нибудь обрадование будет по моим справедливым прошениям... Вдруг слышу: помирись с Сумароковым! т. е. сделай смех и позор! Не хотя вас оскорбить отказом при многих кавалерах, показал

вам послушание; только вас уверяю, что в последний раз, — ваше превосходительство, имея ныне случай служить отечеству спомоществованием в науках, можете лучшие дела производить, нежели меня мирить с Сумароковым. Не только у стола знатных господ, или каких земных владетелей, дураком быть не хочу...» и т. д.

Если Ломоносов и Сумароков всегда шумели на вечерах Шувалова, то встречались из литераторов того времени и такие, которых в обществе считали образцами светскости. К таким принадлежал всегдашний гость Шувалова, автор «Душеньки» Ипполит Федорович Богданович. Ходил он всегда щеголем, в французском кафтане с кошельком[355] на спине, с тафтяной шляпой (клак) под мышкою; если он не садился играть в карты, то всегда рассказывал о дневных и заграничных новостях. Он только не любил говорить или даже напоминать о своих стихах и был очень щекотлив насчет произведений своего пера. После выхода «Душеньки» он сделался гостем большого света, все вельможи наперерыв приглашали его и почитали большою честью, чтобы ав-

тор «Душеньки» дремал за их поздними ужинами. По выходе в свет «Душеньки» (в 1778 году) носилась молва, что Богданович не был ее автором. Злые языки говорили, что у Богдановича жил молодой талантливый человек в качестве переписчика, который, тайком от Богдановича, читал в своем кругу отрывки из своей «Душеньки». Этот молодой человек вскоре умер, оставив все свои произведения Богдановичу. Вскоре после этого времени и вышла «Душенька». Может быть, тут и говорила зависть, но современники твердили: в «Душеньке» не Богдановича перо и не его изображение. Как бы в контраст опрятному Богдановичу, у Шувалова постоянным гостем бывал человек и самой неряшливой внешности, – это был известный поэт Ермил Иванович Костров. Видом переводчик Гомера был человек невысокий, с лицом большим, по которому у него выступали красные пятна, особенно нос его отличался багрово-красным цветом. Платье его было всегда изношено, особенно локти всегда были протерты, зато парик его был напудрен, убран в букли и пригусто на помаженной косе. Этого требовал то-

гда этикет... Впрочем, нередко случалось, что лицо Кострова было все засыпано мукою, булки и прическа растрепаны, и из них выпадали шпильки; коса тоже лезла из ленты и рассыпалась по плечам, а худой испачканный камзол едва держался на плечах, и сам поэт шатался.

Впрочем, Костров и трезвый был не тверд на ногах. Бекетов рассказывает: когда Костров шел по улице, то какая-нибудь старуха, увидев его, скажет с сожалением: «Видно, бедный больнехонькой!» А другой, встретясь с ним, пробормочет: «Эк нахлюстался!» Ни того ни другого: и здоров, и трезв, а такая была походка! Дмитриев говорит, что домашние Шувалова обращались с Костровым, почти не замечая его в доме. «Однажды, – рассказывает Дмитриев, – спросил я, дома ли Ермил Иванович? Лакей отвечал: „Дома, пожалуйста сюда“ – и привел меня в девичью, где девки занимались работой, а Ермил Иванович сидел в кругу и сшивал разные лоскутки. На столе, возле лоскутков, лежал Гомер; на вопрос, чем это он занимается? – Костров отвечал: „Да вот девчата велели что-то сшить“ – и продолжал

свою работу».

Граф Д. И. Хвостов, известный певец Курбы, спросил однажды Кострова, отчего он так позабыл себя? – «Меня не разгадали... – отвечал поэт, – мне хотелось учить поэзии с кафедры».

Перспект здания Государственных Коллегий с частью Гостиного двора. Гравюра Е. Внукова и М. Махаева. 1750–1753. Фрагмент

Глава IX

Воцарение Петра III. – Новоселье в Зимнем дворце. – Комната императора. – Освящение церкви во дворце. – Образ жизни государя. – Его шут. – Милости императора. – Отделки в Зимнем дворце при императрице Екатерине II. – Жизнь государыни во дворце. – Ее привычки и ежедневные занятия. – Анекдоты из жизни Екатерины. – Туалет государыни. – Приемы в уборной вельмож и придворных. – Обед императрицы. – Одежда государыни. – Подарки приближенным. – Прогулки государыни по улицам. – Конюшня императрицы. – Парадные выезды государыни и ее придворных. – Извозчики. – Почтовая езда. – Приказ Павла I о высылке всех извозчиков из Петербурга. – Мостовые и загородные дороги. – Поездки помещиков и вельмож в деревни. – Путешествия Потемкина. – Орловский помещик Неплюев. – Эрмитаж. – Приобретение разных коллекций. – Придворные увеселения. – Маскарады,

большие и малые. – Интимные собрания в Эрмитаже. – Театр в Эрмитаже. – Знаменитости тогдашнего артистического мира. – Список пьес Эрмитажного театра. – Парадные спектакли.

Зимний дворец стал обитаем с воцарением Императора Петра III; этот государь первый поселился в нем 7 апреля 1762 года, накануне дня Светлого воскресенья. Зимний дворец, построенный Елисаветой, внутренней отделкой не был еще готов в первые дни царствования Петра III; также и вся площадь перед дворцом была загромождена сплошь разными сараями и лачужками, в которых жили мастеровые и рабочие. Кроме того, здесь же лежали целые горы мусора, щебня, кирпича и т. д., так что подъехать к дворцу не было возможности. Генерал-аншеф барон Корф, исполнявший тогда должность генерал-полицеймейстера в Петербурге, предложил государю, чтобы очистить эту местность от хлама, отдать всю рухлядь бедным жителям города. Императору понравилось это предложение, и он приказал немедленно объявить, что отдает все это народу. Не успело пройти несколько часов от позволения, как со всех сторон и из всех улиц бежали и ехали целые тысячи на-

рода, всякий спешил ломать и отвозить в дом свой постройки и опять возвращался за хламом. Площадь, по рассказам современников, представляла зрелище довольно любопытное; сам государь долго не мог оторваться от окон, смотря, как народ рвал и тащил все; к вечеру от всего этого несметного количества хижин, лачужек, шалашей и т. д. не осталось ни бревнушка, ни одной дощечки, все было свезено и очищено, и даже на щебень и мусор нашлись охотники. Не успели еще площадь хорошо очистить, как государь уже переехал в новый дворец, где занял часть фасада, выходящего окнами на площадь и угол Миллионной. Эти апартаменты известны были потом под названием комнат короля прусского. Переезд императора не отличался никаким особенным церемониалом; покои, которые он занял, отделявал для него известный в то время ученик Растрелли, архитектор Чевакинский. Штучные полы и живописные плафоны для этих комнат были выписаны из Италии. Спальней государя была угловая комната на площадь, рядом с нею помещалась его библиотека. Государь приказал также над

подъездом (нынешним Комендантским) устроить шатер (фонарчик) и в нем отделать себе кабинет; обделка последнего обошлась в 3643 рубля. Государыня Екатерина Алексеевна заняла после переезда во дворец комнаты, известные после под наименованием комнат императрицы Марии Феодоровны.

В день переезда императорской фамилии в Зимний дворец, в Великую субботу, была освящена придворная соборная церковь Новгородским архиепископом Дмитрием Сеченовым во имя Воскресения Господня. Позднее, в 1763 году, при перенесении в церковь древнего образа Христа Спасителя на убрусе, по воле Екатерины II храм был вновь освящен 12 июля преосвященным Гавриилом, архиепископом Петербургским и Шлиссельбургским, во имя Спаса Нерукотворного образа[356].

Император не присутствовал при освящении храма; воспитанный в правилах лютеранства, он не любил ходить в русскую церковь и подчиняться ее обрядам. Пока Петр III жил еще в Голштинии ребенком и была надежда, что он вступит на русский престол, его учили Закону Божию у иеромонаха Греческой

церкви; но по вступлении Анны Иоанновны на престол надежда эта рушилась, и к Петру был приставлен пастор для обучения «лютеранской догме». После приезда его в Петербург и объявления наследником русского престола он опять стал исповедовать православную веру, и к нему был назначен императрицей Елисаветой законоучитель Симон Тодорский[357]. Елисавета даже сама учила его креститься по-русски. Но Петр не особенно охотно подчинялся ученью и догматам Православной церкви, он спорил с Тодорским, и часто так горячо, что нередко бывали призываемы его приближенные, чтобы охладить его горячность и склонить к более мягким выражениям. Петр также никогда не соблюдал постов, он ссылался всегда по этому поводу на пример своего деда Петра I, который тоже не мог есть ничего рыбного. При вступлении своем на престол Петр III послал предложение духовенству ходить в светском платье и обратить внимание на излишек икон в церквях. Новгородский архиепископ Димитрий воспротивился этому нововведению и получил приказание тотчас же выехать из Петер-

бурга. Впрочем, через неделю император простил его. Позднее, в царствование Екатерины II, духовенство, бывшее на службе за границей, по возвращении в Россию имело уже право брить бороды и ходить в светской одежде. Первый из православных священников брил бороду Самборский, известный друг Сперанского, занимавший в царствование Екатерины, Павла и Александра весьма почетное место в духовной иерархии. Такое бритье бороды очень скандализовало многих наших священников, и раз по этому случаю у Самборского был спор с митрополитом Гавриилом; Храповицкий характеристично описывает этот спор в своих записках: «Когда в 1788 году, 20 мая, духовенство собралось для освящения царскосельской Софийской церкви, то пред освящением в алтаре, до прибытия императрицы, произошла ссора у митрополита Гавриила с Самборским из-за бороды, которую брил Самборский» и т. д.

Если верить рассказам современников Петра III, то он довольно регулярно ходил в придворную церковь к концу обедни, но только вот по какому случаю: между новыми

придворными обычаями французская мода заменила русский обычай низко кланяться, т. е. нагибать голову в пояс. Попытки старых придворных дам пригибать колена, согласно с нововведением, были очень неудачны и смешны. И вот, чтоб дать волю смеху, смотря на гримасы, ужимки и приседания старух, Петр бывал у выхода из церкви. Государь в частной жизни обходился с приближенными очень снисходительно и добродушно, пил с ними пушш из одной чаши и курил табак кнастер из глиняной трубки. Петр был большой охотник до курения и желал, чтоб и другие курили. Он всюду, куда ни ездил в гости, всегда приказывал за собою возить целую корзину голландских глиняных трубок и множество картузов с кнастером и другими сортами табаку; куда бы государь ни приезжал, вмиг комнаты наполнялись густейшим табачным дымом, и только после того Петр начинал шутить и веселиться.

Любимой карточной игрой Петра III была «sampris». В этой игре каждый имел несколько жизней; кто переживает, тот и выигрывает; на каждое очко ставились червон-

цы, император же, когда проигрывал, то, вместо того чтобы отдать жизнь, бросал в пульку червонец и с помощью этой уловки всегда оставался в выигрыше. Обыкновенными его партнерами были двое Нарышкиных с их женами, Измайлов, Елисавета Дашкова, Мельгунов, Гудович и Анжерн. У государя был любимец негр-шут Нарцис. Про этого негра, отличавшегося необыкновенною злостью, существует несколько анекдотов. Раз государь заметил своего любимца, яростно оборонявшегося и руками, и ногами от другого служителя, который бил его немилосердно. Петр, узнав, что соперник его шута был полковой мусорщик, с досадой воскликнул: «Нарцис для нас потерян навсегда, или он должен смыть свое бесчестие кровью!» – и для того, чтобы привести эти слова в дело, приказал тотчас же из побитого шута выпустить несколько капель крови. Кроме этого негра, у императора был любимец камердинер Бастидон, родом португалец, на дочери которого был женат поэт Державин.

Петр III плохо говорил по-русски и не любил русского языка, зато он души не чаял во

всем немецком и до обожания любил короля прусского Фридриха II, у которого считал за честь числиться лейтенантом в службе. Петр постоянно носил на пальце бриллиантовый перстень с изображением короля; он также любил играть на скрипке и затем всякие военные экзерциции, хотя пугался выстрела из ружья, очень боялся грозы и не мог без страха подойти к ручному медведю на цепи; императрица Екатерина рассказывала о том, как крыса, раз забравшаяся в его игрушечную крепость, съела картонного солдатика, за что, по военному уставу, была им повешена. Петр III не лишен был и суеверных предрассудков: так, он очень любил гадать в карты. Кто-то сказал императору, что есть офицер Веревкин [358], большой мастер гадать на них; послали за ним. Веревкин взял колоду в руки, ловко выбросил на пол четыре короля. «Что это значит?» – спросил государь. «Так фальшивые короли падают перед истинным царем», – отвечал он. Фокус оказался удачным, и гаданье имело большой успех. Император рассказал про мастерство Веревкина на картах Екатерине; императрица пожелала его видеть, Верев-

кин явился с колодою карт.

– Я слышала, что вы человек умный, – сказала государыня, – неужели вы веруете в подобные нелепости?

– Нимало, – отвечал Веревкин.

– Я очень рада, – прибавила Екатерина, – и скажу, что вы в карты наговорили мне чудеса.

Князь Вяземский рассказывает, что Веревкин был рассказчик и красноречив, каких было немного; его прихожая с шести часов утра наполнялась присланными с приглашениями на обед или на вечер; хозяйка сзывала гостей на Веревкина. Отправляясь на вечера, он спрашивал своих товарищей:

– Как хотите: заставить ли мне сегодня слушателей плакать или смеяться? – И с общего назначения то морил со смеха, то приводил в слезы.

Петр III начал свое царствование рядом милостей: он возвратил из ссылки множество людей, сосланных Елисаветой, уничтожил ненавистное «слово и дело»[359]; но важнейшими его правительственными мерами были дарования дворянам различных льгот. Дворя-

не хотели в память этого события вылить статую Петра III из золота[360]. Петр III первый стал награждать женщин орденами: он дал орден Святой Екатерины Елизавете Романовне Воронцовой; первый же этот женский орден имел мужчина – князь А. Д. Меншиков.

После переезда государя во дворец внутренняя отделка Зимнего дворца все еще продолжалась. Поправляли потолки и крышу, которая оказала течь, расписывали плафон в комнате камер-фрейлины Елизаветы Воронцовой, отделявали мрамором стены аванзалы и античной комнаты, поправляли также и набережную у Зимнего дворца. Затем строили манеж и над ним навели висячий сад, в котором были посажены деревья до 4¹/₂ сажень вышины; работы производились под надзором архитекторов Жеребкова и Фельтена.

Года через два был разобран оставшийся несломанным деревянный флигель и отвезен в Красное Село. Связи и кровельное железо с него были отданы для строившейся в то время Владимирской церкви, что в придворных слободах. Название это получила она оттого, что первоначально к приходу ее принадлежала

ли одни придворные служители, о чем также свидетельствует и название окружающих ее улиц, населенных одними придворными ремесленниками. Так, например, хлебники жили в Хлебном переулке, гребцы – в Гребецкой улице, повара – в Поварском переулке, стремянщики – в Стремянной улице, кузнецы – в Кузнечном переулке и т. д. В 1746 году Владимирская церковь [361] помещалась в доме комиссара Главной дворцовой канцелярии Федора Якимова, на углу улиц Басманной (теперь Колокольная) и Грязной (Николаевская); дом этот теперь принадлежит г-же Сироткиной.

Екатерина II довершила начатые Петром III перестройки и отделки в Зимнем дворце. Общий расход всех потраченных сумм на отделку дворца к 1768 году достигал 2 622 020 рублей 19³/₄ копейки. Главным директором внутренних работ в Зимнем дворце в это время был известный любитель художеств и искусств Ив. Ив. Бецкий.

В 1767 году приступлено было к новой пристройке к дворцу для Эрмитажа; здание выводилось архитектором де Ламотом, и продолго-

ватая постройка его тянулась от Миллионной до Невы, между двумя дворцовыми переулками. Спустя четыре года начали строить, по проекту архитектора Фельтена, другую часть постройки, тоже для Эрмитажа, по Миллионной и набережной, от Ламотовского здания до Зимней канавки; ее называли Шепелевским дворцом по находившемуся здесь дому Шепелева[362]. В 1780 году были сделаны еще пристройки за Зимней канавкой на месте, где были прежде дома купца Крейца, г. Кошелева и других. По окончании этих построек в 1783 году императрица приказала архитектору Гваренги на месте, где был Лейб-кампанский корпус[363], пристроить театр и непременно его окончить к августу 1784 года. Архитектором Гваренги была тоже построена и арка, соединяющая Эрмитаж с театром, и часть, заключающая Рафаэлевы ложи, под которыми была расположена в четырех комнатах купленная Екатериною библиотека Вольтера и Дидеро, состоящая из 50 000 книг; здесь же хранилась библиотека географа Бюшинга, старинные рукописи, собрание карт и любимые книги императрицы на русском языке:

это была собственная ее величества библиотека. Вместе с этими постройками Гваренги устроил для государыни из Эрмитажа пологий, почти неприметный скат[364], по которому императрица скатывалась в креслах к самым дверям, расположенным у эрмитажного подъезда. На эти постройки было израсходовано всего 300 000 рублей.

Рассказывают, что когда Гваренги построил арку, то завистники этого зодчего донесли государыне, что она очень непрочна и грозит падением. Императрица приказала тщательно со всею возможною строгостью ее освидетельствовать, и когда было найдено, что арка тверда и во всех частях пропорциональна, то государыня приказала дать в ней роскошный пир.

Больших и малых зал в возведенных пристройках тогда считалось около сорока. В 1786 году начато было архитектором Гваренги строение мраморной галереи (Георгиевский и Тронный зал). В 1787 году сделаны своды во всех кухнях и службах нижнего жилья, где их прежде не было, также под мыльнею на половине государыни; для их высочеств сделаны

мыльни под строением, переделанным из большого зала, который был разобран, и вместо его построены комнаты и внутренний непроездный дворик; в то же время, «по умножении фамилии государыни», повелено сделать третью кухню под этими покоем. На постройки было отпущено 100 000 рублей. В 1793 году отделялись две аванзалы и огромная между ними мраморная разноцветная галерея; работы производились сперва под распоряжением генерал-майора Попова, а после генерал-поручика Тургенева; употреблено было всего 782 556 рублей 47½ копейки, из числа которых пошло на мрамор 291 502 рубля, на бронзу 283 792 рубля; на живопись, лепную работу, потолки и прочее 43 000 рублей. В 1794 году в Георгиевском зале был устроен великолепный трон; неизвестно только, когда он был переделан и заменен нынешним[365]. Должно предполагать, что первый рисунок был превосходный. К трону вели шесть мраморных ступеней, на которых возвышались боковые стены с арками, орнаментами, и задняя с богатым поверху архитектуром из мрамора, по сторонам стояли две

большие мраморные вазы и статуи «Вера и Закон», взятые в 1795 году от садового инспектора Крока. Трон устроен был архитектором Старовым.

В шесть часов утра, когда все в Зимнем дворце спало, императрица Екатерина вставала, одевалась, никого не беспокоя, сама зажигала свечи и разводила камин. Государыня не любила тревожить прислугу; она говорила: «Надо жить и давать жить другим». Если она звонила, чтобы ей подали воды, и камер-лакей спал в соседней комнате, то она терпеливо ждала. От постели государыня переходила в другую комнату, где для нее была приготовлена теплая вода для полоскания горла, брала лед для обтирания лица от густо разруганной девицы, камчадалки Алексеевой; последняя была часто неисправною и забывала приготовить нужное. Императрице нередко долго приходилось ее ждать, и раз Екатерина сказала окружающим: «Нет, это уже слишком часто, взыщу непременно». При входе виновной императрица ограничилась следующим выговором: «Скажи мне, пожалуйста, Екатерина Ивановна, или ты обрела

себя навсегда жить во дворце? Станется, что выйдешь замуж, то неужели не отвыкнешь от своей беспечности; ведь муж не я; право, подумай о себе». После утреннего туалета императрица шла в кабинет, куда приносили ей крепкий кофе с густыми сливками и гренками. Кофе варили ей из одного фунта на пять чашек, после нее лакеи добавляли воды в остаток, после них истопники еще переваривали.

Раз, заметив, что секретарь императрицы Кузьмин дрожал от холода, государыня приказала ему выпить чашку своего кофе: с Кузьминым сделалось сильное биение сердца, так был крепок кофе. Под старость императрице был запрещен кофе ввиду ее полнокровия, но она все-таки продолжала пить и в день смерти выпила его две чашки. Гренки и сахар государыня раздавала своим собачкам, которых очень любила и клала спать у себя в ногах, подле кровати, на маленьких тюфячках, под атласными одеялами. Пока государыне читали секретари бумаги и докладывали о делах министры, она вязала или шила по канве. Обед государыни был в час, кушала она обык-

новенно три или четыре блюда. Пила одну чистую воду, которую доставляли ей даже в Царское Село, на что выдавалось в лето 10 000 рублей. Вино государыня стала пить под старость, по совету доктора, одну рюмку мадеры в день. Также императрица очень любила смородинное желе, разведенное водою. После обеда государыня сама читала или читывала ей книги Иван Иванович Бецкий. Императрица очень любила нюхать табак, но никогда не носила с собой табакерки; последние, впрочем, у нее лежали на всех столах и окнах в ее кабинете. Привычка не носить с собой табакерки произошла у ней оттого, что Петр III не позволял ей нюхать табак; но страсть у Екатерины к табаку была настолько сильна, что она не могла долго обходиться без нюхания, и при жизни Петра III всегда просила князя Голицына садиться за обедом возле нее и тихонько под столом угощать ее табаком. Раз император заметил это и очень рассердился на Голицына, сделав ему серьезный выговор. Императрица впоследствии нюхала табак только тот, который для нее сеяли в Царском Селе; нюхала же его всегда левой рукой на

том основании, что правую руку давала целовать своим верноподданным.

Государыня садилась после кофе за дела; в кабинете все бумаги лежали по статьям по раз заведенному порядку, на одних и тех же местах; перед нею во время чтения бумаг ставилась табакерка с изображением Петра Великого; императрица говорила, смотря на него: «Я мысленно спрашиваю это великое изображение, что бы он повелел, что бы запретил или что бы он стал делать на моем месте?» Занятия государыни продолжались до 9 часов. В это время она никогда не беспокоила других: сама выпускала собачек, отворяла им дверь. Под старость только государыня завела колокольчик, на зов которого являлась всегда Мария Савишна Перекусихина. В бытность еще цесаревной Екатерина любила потешаться с колокольчиком: раз она спряталась под кровать и, держа в руке колокольчик, звонила; прислуга несколько раз входила в спальню в недоумении и долго искала ее, пока сама забавлявшаяся великая княгиня не открыла им своей шутки. До чего она дорожила спокойствием своих слуг, существует мно-

го анекдотов. Так, однажды она услышала громкий, неизвестно откуда происходящий голос: «Потушите, потушите огонь!»

– Кто там кричит? – спросила она.

– Я, трубочист, – отозвался голос из трубы.

– А с кем ты говоришь?

– Знаю, что с государыней, – ответил он, – погасите только огонь поскорее, мне горячо.

Екатерина тотчас сама залила дрова и, заметив, что труба от самого верха прямая, приказала сделать в ней решетку.

Государыня раз рано утром увидела из окна, что старуха ловит перед дворцом курицу и не может поймать. «Велите пособить бедной старухе; узнайте, что это значит?» – повелела императрица. Государыне донесли, что внук этой старухи служит поваренком и что курица казенная, украдена. «Прикажите же навсегда, – сказала Екатерина, – чтоб эта старуха получала всякий день по курице, но только не живой, а битой. Этим распоряжением мы отвратим от воровства молодого человека, избавим от мучения его бабушку и поможем ей в нищете». После того старуха каждый день являлась на кухню и получала би-

тую курицу.

Раз, прогуливаясь в садике, государыня заметила в гроте садового ученика, который имел перед собой четыре блюда и собирался обедать. Она заглянула в грот и сказала:

– Как ты хорошо кушаешь! Откуда ты это получаешь?

– У меня дядя поваром, он мне дает.

– И всякий день по стольку?

– Да, государыня, но лишь во время вашего пребывания здесь.

– Стало быть, ты радуешься, когда я сюда переселяюсь?

– Очень, очень, – отвечал мальчик.

– Ну, кушай, кушай, не хочу тебе мешать, – и государыня пошла от него прочь.

Придворная прислуга при ней наживалась и тащила все; государыня смотрела на эту поживу глазами доброй хозяйки. Например, при ней показывали на один обед караульного офицера во дворце 70 рублей, дворцовое серебро чистили таким порошком, что значительная доля серебра оставалась чистильщикам. Великому князю Александру Павловичу раз потребовалась ложка рому, и с тех пор в

расход записывалась бутылка рому. Эта бутылка рому показывалась на ежедневный расход даже в царствование Николая: ее открыла императрица Александра Феодоровна. Императрица со всяким истопником и лакеем обращалась приветливо, прибавляла к словам: потрудись, пожалуйста, спасибо, очень довольна и т. д.

Все служащие при ее особе имели к ней такую привязанность, что малейшее неудовольствие государыни повергало слуг в большое горе. У государыни было пять камердинеров, три при ней и два при Эрмитаже, у каждого были особые должности. Один смотрел за гардеробом, другой надзирал за чистотой в комнатах, третий был начальником «казенной», в которой хранились бархаты, материи, полотна, парчи и другие вещи. Был при ней посыльный, старичок Федор Михайлович. Все важные бумаги и дела она посылала с ним незапечатанными. Письма отправлялись следующим образом: старик открывал свой карман, говоря: «Положите сами, государыня». Императрица укладывала в нем бумаги, как в сумке. Когда же он являлся к посланному, то

тот уже сам вынимал из кармана почту. Любимый ее камердинер Попов отличался необыкновенною правдивостью, хотя и в грубой форме, но императрица на него не гневалась. Раз Екатерина приказывает ему принести часы. Попов отвечает, что нет у нее таких. Императрица приказывает ему принести все ящики. «Я сама осмотрю, когда ты упрямишься». – «Зачем их понапрасну таскать, когда их нет». Граф Орлов, случившийся при этом разговоре, делает за грубость замечание Попову; тот ему, в свою очередь, отвечает: «Еще правда не запрещена, она сама ее любит». Наконец ящики были принесены, и часов не нашли. «Кто же теперь не прав, государыня?» – сказал Попов. «Я, – сказала государыня, – прости меня». Другой раз, не находя на своем бюро нужной бумаги, Екатерина сделала этому камердинеру выговор, сказав: «Верно, ты ее куда-нибудь задевал?» Попов грубо отвечал: «Верно, вы сами куда-нибудь ее замешали». Государыня в досаде приказала ему выйти вон из комнаты. Скоро государыня, найдя бумагу в другом месте, приказала позвать Попова к себе. Попов не шел, говоря: «Зачем я к

ней пойду, когда она меня от себя выгнала?» Только по третьему зову предстал на глаза государыни угрюмый камердинер.

Раз Попов доложил государыне, что крестьяне одной деревни просят его, чтобы он их купил, и предлагают ему в пособие 15 000 рублей. Государыня велела ему напомнить ей, когда он будет совершать купчую. Через несколько времени, вспомнив об этом, она спрашивает Попова: «Что же твоя деревня?» Попов отвечает ей, что по этому имению явилась тяжба. «А когда так, – сказала Екатерина, – то я запрещаю тебе судиться, потому что судьям известно, что ты один из моих приближенных, и потому, наверно, решат в твою пользу». Государыня сутяжничество и взяточничество преследовала сильно. Раз, узнав, что владимирский наместник берет взятки, Екатерина послала ему в подарок в день Нового года кошелек длиною в аршин. По словам Сегюра, этот кошелек наместник развернул на глазах всех гостей за обеденным столом у себя.

По смерти Попова князь Барятинский на место умершего хотел определить своего лю-

бимца. Государыня прямо воспротивилась этому, говоря: «Сии господа выбирают мне камердинера для себя, а я хочу его иметь для себя», – и приказала дворцовым служителям найти ей камердинера в среде их же самих.

После девяти часов первый к ней входил с докладом обер-полицеймейстер. Государыня расспрашивала его о происшествиях в городе, о состоянии цен на жизненные припасы и что говорят о ней в народе. Узнав раз, что говядина от малого пригона скота из 2 копеек дошла до 4 копеек, приказала выдать ему денег для закупки скота, чтобы от этого снова цена понизилась. После обер-полицеймейстера входили: генерал-прокурор – с мемориями от Сената, генерал-рекетмейстер[366] – для утверждения рассмотренных тяжб, губернатор, управляющий военной, иностранной коллегиями и т. д. Однажды, когда государыне докладывал кто-то о делах, в соседней комнате придворные играли в волан, и так шумно, что заглушали его слова. «Не прикажете ли, – сказал он, – велеть им замолчать?» – «Нет, – отвечала государыня, – у всякого свои занятия. Читай немного погромче и оставь их

веселиться». Для некоторых членов назначены были в неделе особенные дни, но все чины в случаях важных и не терпящих отлагательства могли и в другие дни являться с докладом. При входе к государыне соблюдали установленный этикет, на который она отвечала поклоном и давала целовать руку. Фельдмаршал Суворов, входя в комнату, делал сперва три земных поклона перед образом Казанской Богоматери, стоявшим в углу на правой стороне дверей, а потом императрице; государыня каждый раз старалась его до этого не допускать и, поднимая его за руки, говорила: «Помилуй, Александр Васильевич, как тебе не стыдно это делать». Входящие военные чины были в мундирах со шпагами и в башмаках, в праздники же в сапогах; статские же в простых французских кафтанах. Из кабинета государыня переходила в парадную уборную, сюда приводили к ней внуков, здесь же представлялись некоторые вельможи, происходили разговоры, шутки и т. д., в то время когда чесали и убирали голову императрицы; волосы государыни были очень длинные, так что касались пола, когда она сидела

в креслах; убирал их парикмахер Козлов. Раз государыня спросила у него, как здоровье его жены. «Пишет, государыня, что здорова». – «Как, неужели она не приезжает видеться с тобой?» – «Да на чем? Нанимать дорого, казенных же теперь не дают: вы нам много хлопот наделали изволили, сократив конюшню». (В то время только что вышли сокращения по конюшенному ведомству.) «Не верю, однако же, чтобы с такою точностью исполняли мое приказание и чтобы по знакомству выпросить было невозможно. Скажи мне откровенно». – «Сказал бы, – продолжал Козлов, – но боюсь, чтобы не дошло то до обер-штальмейстера». – «Нет, ручаюсь, что все останется между нами». – «Так знайте, – говорил он, – что все старое по-старому: лишний поклон – и коляска подвезена; однако не проговоритесь, не забудьте обещания». – «Ни-ни», – проговорила царица и хранила тайну.

Туалет государыни продолжался не более десяти минут; прислуживали ей четыре пожилые девицы: известная калмычка Алексеева, гречанка А. А. Палакучи накалывала ей наколку, и две сестры Зверевы подавали бу-

лавки. Прием в уборной государыни почитался знаком особенной милости царской. Обедала она, как мы говорили, в час, а под старость – в два. Кушала кушанья все жирные и любила говядину с солеными огурцами. За столом с нею всегда обедали до 10 человек приближенных. В числе ее поваров был один очень плохой, но государыня не желала его уволить, и когда наступала очередная его неделя, то она говорила: «Мы теперь на диете; ничего – попостимся; зато после хорошо поедим». После обеда она садилась за шитье по канве; в шесть часов были приезды ко двору. Государыня редко каталась по городу – не более трех-четырёх раз в зиму. Однажды, почувствовав головную боль, императрица села в сани, проехала – и получила облегчение. На другой день у государыни была та же боль головы, ей советовали употребить вчерашнее лекарство, опять ехать в санях, на это она ответила: «Что скажет про меня народ, когда бы увидел меня два дня сряду на улице?» Императрица имела хорошее здоровье, единственно чем она страдала – это коликами и головной болью; да еще под старость у нее опухли

ноги и открылись раны. Она обыкновенно не ужинала, за исключением праздничных дней. Императрица ложилась спать в десятом часу и в постели пила стакан отварной воды. Она была религиозна и строго исполняла все правила церкви, ходила на литургии и все-нощные. В Вербное воскресенье она переезжала в Таврический дворец, где постилась, а в Великую субботу перебиралась опять в Зимний дворец.

Первый день Пасхи во дворце праздновался необыкновенно торжественно; по окончании заутрени все сановники двора подходили к руке императрицы, за ними следовали военные, гражданские чиновники, а вечером дамы в роскошных нарядах поздравляли государыню с праздником.

В посту, в Киеве, государыня посетила все пещеры, питалась одним картофелем, подходила к руке духовных лиц. Она любила проповеди и увлекалась красноречием митрополита Платона[367].

Государыня усвоила как русскую речь, так и многие русские привычки. Она парилась в русской бане, употребляла часто пословицы

в разговоре. Государыня как по-французски, так и по-русски писала неправильно, хотя умно и своеобразно. Храповицкий часто поправлял ее русское письмо, а граф Шувалов французское. Последний, между другими письмами, исправлял и письма ее к Вольтеру. Даже и тогда, когда бывал в отсутствии, например в Париже, он получал черновую от императрицы, поправлял ошибки, затем исправленное отправлял в Петербург, где уже Екатерина переписывала письмо и, таким образом, в третьем издании отправляла в Ферней. Государыня, по обыкновению, писала на бумаге большого формата, редко зачеркивая написанное; но если приходилось ей заменить одно слово другим или исправить выражение, она бросала написанное, брала другой лист бумаги и заново начинала свою редакцию.

Екатерина ввела при дворе своим изящную простоту русского платья; прежние цветные платья были заменены на выходах белыми, парча вышла совсем из моды; сама императрица являлась на торжествах одетой в длинное белое платье, в маленькой короне, иногда в порфире; прическа была в длинных

локонах на плечах; позднее государыня придумала себе костюм, похожий на старинный русский, с фатою и открытыми проймами на рукавах. Шуба на ней была с тальей, на груди ожерелье из жемчуга в несколько рядов. Еще позднее костюм государыни имел характер мужского: свободный кафтан без талии (молдаван) и меховая венгерская шапка с кистью. Под старость государыня ходила в простом чепце, шапочке и капоте и одинаково умела сохранить величавость в осанке и поступи до конца жизни. Улыбку императрицы все находили необыкновенно приятною. Государыня до вступления на престол не употребляла ни белил, ни румян для лица, как ни прилагала свои заботы о лице ее Елисавета Петровна, посылая ей румяна и белила; но императрица Екатерина II, подобно всем ее подданным, употребляла различные притиранья. За 60 лет государыня сохранила все зубы и прежнюю прекрасную форму руки; зрение императрицы несколько ослабело, и она надевала очки с увеличительными стеклами, когда читала бумаги. Слух у государыни был развит как-то прихотливо: она не находила гармо-

нии в музыке и всегда была к ней равнодушна. Однако она никогда не выказывала этого и всегда на концертах, при пении и игре музыкантов, поручала кому-нибудь из знатоков подавать ей знак, когда надо было аплодировать. Выслушав однажды квартет Гайдна, она подозвала к себе Зубова и сказала: «Когда кто играет solo, я знаю, что как кончится, то аплодировать должно, но в квартете я теряюсь и боюсь похвалить некстати, – пожалуйста, взгляни на меня, когда игра или сочинение требует похвалы». Императрица часто говорила, что музыка на нее производит то же впечатление, что уличный шум. Екатерина была совершенной противоположностью в этом случае своей тетки, императрицы Елисаветы: последняя серьезно понимала толк в музыке и была даже большая охотница до таких негармонических вещей, как, например, кваканье лягушек, которых она очень усердно распложила в своих садах.

Всевозможные животные, дичившиеся всех, ласково встречали государыню и давали себя ласкать, чужие собаки со двора прибежали к ней и ложились у ее ног. После сильного

пожара, бывшего в Петербурге в начале ее царствования, голуби слетелись тысячами к ее окнам и нашли там пристанище и корм. П. И. Сумароков[368] говорит, что в шелковых ее платках и простынях нередко замечались электрические искры, и от прикосновения к ее обнаженному телу раз Перекусихина почувствовала сильный толчок в руку – так велики были жизненные силы Екатерины. Не любя разных попрошаек, государыня любила щедро награждать. Подарки она делала с таким уменьем и тактом, что их нельзя было не принять. Императрица дарила всегда неожиданно: то пошлет плохую табакерку с червонцами, то горшок простых цветов с драгоценным камнем на стебле; то простой рукомыльник с водою, из которого выпадет драгоценный перстень; то подложит под кровать имениннице 2000 серебряных рублей или подарит невесте перстень со своим изображением в мужском наряде, сказав: «А вот и тебе жених, которому, я уверена, ты никогда не изменишь и останешься ему верна»; или пошлет капельмейстеру Паизиелло, после представления его оперы «Дидона», табакерку, осы-

панную бриллиантами, с надписью, что карфагенская царица при кончине ему ее завещала. Бывали примеры, что государыня посылала подарки и обличительного свойства для исправления нравов своих придворных. Так, узнав, что один из ее вельмож полюбил очень крепкие напитки, государыня дарит ему большой кубок; другому старику, поклоннику женщин, взявшему к себе в дом на содержание танцовщицу, государыня послала попугая, который то и дело говорил: «Стыдно старику дурачиться!» Другому, большому охотнику до женских рукоделий, поднесшему Екатерине расшитую шелками подушку, подарила бриллиантовые серьги.

Государыня в начале своего царствования принимала все просьбы лично, но, когда в Москве просители во время коронации стали перед ней на колени полукругом и преградили ей дорогу в соборы, а грузины подали вместо просьбы свои паспорта, государыня лично уже просьб не принимала.

Внутренние комнаты императрицы отличались большою простотою, в них было очень мало позолоты и драгоценных тканей;

государыня, как мы уже говорили, жила на среднем этаже дворца, под правым малым подъездом, против бывшего Брюсовского дома (где недавно еще находился экзерциз-гауз). Собственных ее комнат было немного: взойдя на малую лестницу, входили в комнату, где, на случай скорейшего исполнения приказаний государыни, стоял за ширмами для статс-секретарей письменный стол с чернильницей. Комната эта была окнами к малому дворику; из нее вход был в уборную; окна последней комнаты были на Дворцовую площадь. Здесь стоял уборный стол, отсюда были две двери: одна направо, в Бриллиантовую комнату, а другая налево, в спальню, где государыня обыкновенно в последние годы слушала дела. Года за два до смерти Екатерина вставала уже не в шесть часов, как мы ранее говорили, а в восемь часов утра. Из спальни прямо выходили во внутреннюю уборную, а налево – в кабинет и зеркальную комнату, из которой один ход в нижние покои, а другой прямо через галерею в так называемый ближний дом; здесь государыня жила иногда весною. Выходы и приемные аудиенции были двух

родов: малые по воскресеньям и церемониальные в особо назначенные дни. В первом случае государыня приходила в 10 часов утра в церковь из внутренних покоев через столовую, малою боковою церковною дверью, без большого штата, и становилась на своем месте позади правого клироса; за нею стояли два камер-пажа с мантильей и с платками; несколько отступя назад, стояли (в торжественные дни) наследник с супругою и далее молодые великие князья со своими супругами. После обедни выходили из алтаря архиереи для поздравления, благословляли государыню, давали ей целовать руку и сами, в свою очередь, у нее целовали. После этого государыня выходила в западную большую дверь через так называемую большую приемную залу, где представлялись ей иностранные министры и другие особы через обер-камергера или старшего по нем камергера. По возвращении шли впереди камер-юнкеры и камергеры по шести человек, по два в ряд; после государыни по правую сторону обер-камергер, по левую шталмейстер. За ними статс-дамы и фрейлины. Государыня входила

В Тронную залу со всею своею свитою, куда входили также и все особы, имевшие вход за кавалергардов. Здесь государыня, вошедши в залу, отдавала по-мужски три поклона: один направо, другой налево и третий к середине, и принимала поздравления, допускала к руке и со многими разговаривала; стояла она шага на четыре перед собранием и подходила к тому, с кем говорить хотела; разумеется, что никто с нею разговора начинать не мог; аудиенция более получаса никогда не продолжалась.

Большие выходы отличались только тем, что государыня по особому церемониалу выходила в церковь слушать литургию через Бриллиантовую, Тронную и Кавалерскую залы с большой свитой. Вот как описывает такой выход англичанин Кокс, бывший в Петербурге в 1778 году: «Императрица в церкви стояла за решеткой. После обедни потянулся длинный ряд придворных обоюго пола, идущих попарно; императрица шла одна, подвигаясь вперед тихим и торжественным шагом, с гордо приподнятой головой и беспрестанно кланялась на обе стороны. При входе она

остановилась на несколько секунд и приветливо разговаривала с иностранными послами, которые приложились к ее руке. Государыня была одета в русском наряде: светло-зеленом шелковом платье с коротким шлейфом и в корсаже из золотой парчи, с длинными рукавами. Она казалась сильно нарумяненной, волосы ее были низко причесаны и слегка посыпаны пудрой; головной убор весь унизан бриллиантами. Особа ее очень величественна, хотя рост ниже среднего, лицо полно достоинства и особенно привлекательно, когда она говорит. Екатерина вышла из приемной тем же медленным шагом; никто из придворных не последовал за нею».

Императрица в высокотожественные дни надевала на себя бриллиантовую корону и две орденские ленты, с цепями этих орденов и двумя звездами, приколотыми на корсаже одна над другой. По словам того же иностранца, богатство и пышность русского двора превосходили самые пышные описания; следы старого азиатского великолепия смешивались с европейскою утонченностью; всегда огромная свита следовала впереди и позади

государыни. Роскошь и блеск придворных нарядов и обилие драгоценных камней далеко оставляют за собою великолепие других европейских дворов. На мужчинах французские костюмы; платья дам с небольшими фижмами, длинными висячими рукавами и с короткими шлейфами; петербургские придворные дамы носили очень высокие прически и сильно румянились. Из других предметов роскоши ничто так не поражало, как обилие драгоценных камней, блестевших на различных частях их костюма. Много драгоценных камней в то время в Европе можно было встретить только на женщинах. У нас же и мужчины в этом отношении соперничали с женщинами. Почти все вельможи были усыпаны бриллиантами: пуговицы, пряжки, рукоятки саблей, эполеты и нередко шляпы были унизаны бриллиантами в несколько рядов.

Как мы уже говорили, государыня редко выезжала гулять по улицам Петербурга, но зато на Масленице или в хорошую погоду зимою составлялись необыкновенные катанья в санях. Закладывали за заставой трое саней 10–12 лошадьми и к каждому саням прицепля-

ли веревками по 12 салазок. Екатерина садилась одна в большие сани, посредине; дамы и мужчины помещались поодиночке, и таким образом тянулся целый ряд странного поезда; задние салазки нередко опрокидывались, слышны были крики, смех и т. д. Такой поезд нередко приезжал к Чесменскому дворцу. Победав там, путники пускались проселочною дорогой на Неву, на казенную дачу Горбылевскую. Здесь придворные катались с гор, а государыня глядела на них из павильона, и затем все отправлялись в Таврический дворец, где ужинали и разъезжались по домам. Простые выезды государыни также отличались пышностью. Впереди открывали путь лейбгусары в мундирах с галунами, позади замыкал такой же отряд; вечером дорогу освещали факелы; толпа народа всегда бежала вслед за нею с громкими криками. У государыни бывало на императорской конюшне до 1200 лошадей. Екатерина очень любила ездить верхом по-мужски перед войсками; у нее был любимый бурый, в мелкой гречке, жеребец Бриллиант[369], красивый, варварийской породы. Тетка ее, императрица Елисавета, за-

прещала ей так ездить, но Екатерина купила себе складное седло, которое из женского превращалось в мужское. Государыня очень любила свое конюшенное ведомство и в день праздника 18 августа посылала каждому служащему там штаб-офицеру по бутылке шампанского и обер-офицеру по бутылке красного вина, конюхам же выдавали водку, пиво и мед, и чтобы не мешать им праздновать, строжайше было запрещено в этот день брать из конюшни лошадей. В екатерининское время ездили очень красиво, сани были двухместные, с дышлами, запрягались парой, четвернею или шестернею в цуг; бывали и беговые сани одиночные, без кучерского места; на запятках у них была сидейка, на которой мог сидеть верхом человек; снаружи их отделывали нарядно бронзою или серебром, внутри обивали ярким бархатом или трипом, полость бархатную подпушала мехом, оба конца саней своими загнутыми головками сводились вместе на высоте аршин двух от земли и замыкались какою-нибудь золоченою и серебряною фигурою, например головою Медузы, сатира, льва и медведя, с ушами сквозны-

ми для пропуска вожжей. Лошадь манежная, кургузая, в мундштуке с кутасами[370] и клапанами, в шорах с постромками, впрягалась в две кривые оглобли с седёлкою, без дуги. Любитель садился в барское место, спереди запахивался полостью, сам правил вожжами; на запятках на сидейке, похожей на английское легкое седло и обитой под стать саням, садился верхом лакей, одетый по-гусарски; лакей держал в руках гибкий плетеный бич, щелкал по воздуху и кричал встречным и поперечным: «Пади, пади, берегись!» Такое катанье называлось «кадрилью»; тогдашние молодые петиметры[371] собирались парами и более вместе с молодыми дамами и, одетые в «санную шубу» или куртку с чихчирями[372], с верховыми жокеями, наряженными греками, албанцами, черкесами или гусарами, представляли довольно красивую зимнюю сцену на Неве или на набережной у дворца. Нередко ездили и на оленях; последних пригоняли из Кеми самоеды, которые располагались чумами на Неве, близ здания Арсенала, где теперь Литейный мост. Езда на оленях по городу существовала до двадцатых годов ны-

нешнего столетия. При Екатерине II Нева напротив Охты и в слободе Лейб-гвардии конного полка кипела жизнью: в этом месте были устроены катки, несколько дальше, в огороженном пространстве, проезжали лошадей; там толпа зрителей смотрела на бег. Ледяные горы тоже представляли не менее красивое зрелище благодаря убранству деревьями, фонарями и другими украшениями.

При императрице Елисавете кто хотел ей угодить, тот выезжал возможно пышнее. О зеркальной карете С. К. Нарышкина на свадьбе Петра III долго говорили в Петербурге. Не менее была известна в старину также карета Кир. Григ. Разумовского[373], сделанная в Лондоне, с таким механизмом, что в нее вкатывалась постель; до отправки этой кареты в Россию она была выставлена в Лондоне, где ее показывали за деньги; мастер, как в то время уверяли, выручил таким образом до 5000 рублей. На ввоз иностранных карет было в царствование Павла I наложено запрещение, и надо было иметь особенное дозволение от государя на провоз кареты. Император разрешил его и, когда карета прибыла в Петер-

бург, потребовал, чтобы ее привезли для осмотра сперва на Каменный остров, а потом к государыне, в Павловск. С доставкой в Батурин она обошлась в 18 000 тогдашних рублей. Разумовский захотел ее попробовать, но она оказалась слишком грузною, восемь лошадей после четырехверстной езды едва могли довести ее домой. Славилась также карета Скавронского, вся отделанная снаружи стразами, стоившая ему 10 000 рублей.

В царствование Анны Иоанновны в целом Петербурге не было ста карет, при императрице Екатерине их было более 4000; ездили тогда в них шестериком, с двумя форейторами «на унос»; передовой фореитор был важное лицо, ему вменялось в особую честь и было в «тоне» при разъездах с балов никак не выдать или осрамить своего господина, но непременно вывезти его первого, хотя бы в разбитой карете. При разъездах тогда не было полиции, а потому беспорядок, давка, крик, свалка доходили до невероятия; не только вдребезги ломали экипажи, но давили насмерть лошадей и людей; после каждого бала если крепостные кучера кого-нибудь задави-

ли, то хвастались, как будто выигранной победой. Сцены этого рода чаще всего происходили на Царицыном лугу, где находился театр, и у дома Апраксина, у которого знать часто танцевала. С воцарением императора Павла варварская мода езды с форейторами быстро приутихла, и не слышно было больше громких криков: «Пади, пади!» Зато со смертью Павла опять все экипажи на улицах перестали смотреть немецкими и французскими закладками, но тотчас появилась вновь старая русская упряжь с кучерами в русских костюмах и форейторами на передних лошадях, и все эти экипажи с прежнею быстротою и с криками форейторов понеслись по улицам. Впрочем, потребности у простых граждан в то время не были так прихотливы, как у бар, и извозчичьи экипажи летом состояли из роспусков или волочков, вроде ломовых дрог, с фартуками для завешивания ног от грязи. Постепенно после этих дрог образовались одноколки и дрожки; зимою санки были также самого первоначального вида.

В извозчичьих одноколках надо было править самому, извозчик стоял назади; дрожки

имели ступеньки, спинки и подушки; хорошие извозчичьи экипажи были покрыты плисом, убраны «франьями» и раскрашены пестрыми красками. Извозчики носили летом шляпы с желтыми лентами, а зимою желтые шапки, одеты были они в кафтаны с желтыми кушаками; на спине между плечами висела из белой жести дощечка, на которой масляными красками была написана часть города, где извозчик стоял, и номер; за такой билет извозчик платил ежегодно в управу благочиния 2 рубля. Цена за проезд была самая ничтожная, например от Невской лавры до Адмиралтейства 2 гривны (6 копеек). На извозчиках в старое время не находили низким ездить даже вельможи, и нередко извозчик тащил на своей кляче и первого сановника, и простого мужика. Одни только майоры и ассесоры считали обязанностью ездить по городу на четверках, так как восьмой класс позволял им в первый раз эту роскошь. Что же касается до езды на почтовых, то таковая у нас процветала и отличалась необыкновенной скоростью. Еще Герберштейн (посол австрийский при Василье Иоанновиче) писал в

1516 году, что он из Новгорода до Москвы проехал 600 верст в 72 часа. Рассказывают, что Екатерина II, желая удивить скоростью езды в России императора Иосифа, приказала найти ямщика, который бы взялся на перекладных доставить императора в Москву за 36 часов. Такой ямщик нашелся и был приведен перед государыней. «Берусь, матушка, – сказал он, – доставить немецкого короля в 36 часов; но не отвечаю, будет ли цела в нем душа».

При императоре Павле вышел приказ выслать всех извозчиков из города; приказ этот последовал по донесению императору, что один извозчик задавил прохожего.

Видя крайнюю надобность в них, их скоро опять воротили, но запретили им дрожки, а велели иметь коляски. Извозчики, впрочем, нашлись: сняли подушку с дрожек, навязали на них сверху сани, – вот и вышла коляска.

В то время поездка за 20–30 верст по ухабам, пескам и бревенчатой мостовой представляла немало трудностей, и люди богатые в такой путь выезжали целым караваном: с поварами, кухней, с приспешниками и т. д.

Когда граф Шереметев с женой ездил в Москву, то всегда в одной карете с ним сидели шут и дура. Многие уродливые привычки старины тогда еще исполнялись свято, и какой-нибудь псковский помещик выезжал в деревню с целой свитой: например, впереди ехала «восьмиместная линия» в восемь лошадей, за линиею следовала дорожная карета, потом коляска, две кибитки и в заключение огромная фура, изукрашенная колоссальным гербом; фура наполнялась скарбом дворни; в числе последней находился один «настоящий казак», один такой же гусар, два собственных казака, переряженных из конюхов, и человек пять солдат, выпрошенных в отпуск у разных начальников. К ним прицепляли сабли, шпаги, кинжалы; тогда еще не умолкали слухи о разных разбойниках и дорожных удальцах. В «линии» сидели, кроме помещика, какой-нибудь проторговавшийся купец, уволенный Шкловский кадет, гувернер-француз, певец, гитарист или флейтраверсист и затем какой-нибудь дворянин-бедняк, также необходимый человек свиты. Коляска служила местом отдохновения поме-

цику, в карете же ехала его жена с дочерью, с мадамой и компаньонкой. Все спутники мужского персонала отличались характерными костюмами и составляли пестроту необыкновенную; одеты они были все по-военному, в черкесских или военных полукафтанах, в узорчатых картузах и шапках.

На заставах в то время не записывались своим именем: тогда проезжему оставлялось на совесть говорить, что ему вздумается. В караульне сидел в худом колпаке и в позатасканном халате квартальный отставной прапорщик, герой очаковский; распахнув халат, из-под которого выглядывал красный военный камзол, он спрашивал, кто едет. Если проезжий величал себя майором, то все колпаки и шапки почтительно летели с головы, и не всегда трезвый страж быстро откидывал рогатку, которая стояла на полуизломанном колесе. Шлагбаумов в то время еще не было, их учредил император Павел. У казаков и гусаров главная путевая обязанность была по приезде на станцию отводить квартиры и содержать неусыпный караул при экипажах. Земская полиция такой поезд встречала без

шапок; чинопочитание тогда составляло необходимую обязанность каждого малочинного пред высшим. Один только фрак, который нашивали и служащие, и не служащие, все без исключения, иногда уравнивал между собою и полковника, и гвардейского сержанта. Люди с большими средствами и первые вельможи в дальний путь ехали еще с большим караваном, слуг бывало более ста человек; гораздо раньше до проезда вельможи по всей дороге отправлялись обойщики с коврами, занавесками, постелями и бельем, в деревнях выбирали почище избу и отделяли коврами, занавесками для приличного и опрятного вида, и затем уже господа отправлялись с шутами, карликами, охотниками и т. д. Во время путешествия Потемкина[374] впереди его ехал англичанин-садовник с помощниками и с невероятною поспешностью разбивал сад в английском вкусе на том месте, где должен был остановиться князь хотя бы на один день. Являлись дорожки, усыпанные песком и окаймленные цветочными клумбами, сажались деревья и кусты всякого рода и величины; если князь жил дольше од-

ного дня, то увядшие растения заменялись свежими, привозимыми иногда издалека.

В еде во время пути также себе не отказывал Потемкин и ел с большим аппетитом как яства самые дорогие, вроде, например, ухи в 1300 рублей из серебряной ванны в 7–8 пудов весом, так и самые простые пирожки и бисквиты, запас которых у него стоял всегда неистощимый даже у постели. Но иногда Потемкин отправлялся в далекое путешествие, скакал в простой кибитке день и ночь сломя голову и питался самой грубой пищей, черным хлебом, луком, солеными огурцами и т. п.

Считаем также нелишним для полноты нашего рассказа здесь упомянуть о поездках по имениям известного орловского богача, генерала Неплюева, в блаженное время царствования Екатерины. В поезде Неплюева всегда были три осьмиместные линии, две или три кареты четвероместные, множество колясок, кибиток, фур, дрожек, телег, и все это было переполнено разным народом. Подле главных экипажей, тянувшихся ровным шагом, шли скороходы и гайдуки, на запятках висели и сидели вооруженные гусары и казаки.

Вся внутренность экипажей разбита была как сад, из всякого рода колоритных компаньонов, компаньенок, шутих, шутов, дур и дураков; последние припрыгивали и кричали голосами разных животных. Сам хозяин в богатом гродетуровом[375] зеленого цвета халате, украшенном знаками отличий, лежал на сафьянном пуховике в одной из колясок; на голове его был зеленый же картуз с красными опушками, отороченный где только возможно галунами. Из-под картуза виднелся белый колпак, ярко-пунцовый, рубчик которого, оттеняя зелень картуза, составлял на самом лбу помещика радужного цвета кайму. Руки генерала держали гигантской величины трубку с янтарным мундштуком, красный шелковый носовой платок и ужасную дорожную табакерку с изображением одного из мудрецов Греции.

Мысль создать Эрмитаж у императрицы Екатерины явилась вот по какому случаю. В 1766 году, проходя через кладовую Зимнего дворца в комнаты верхнего этажа, где тогда собиралась депутатская комиссия, государыня нечаянно обратила внимание на большую

картину, изображающую «Снятие со креста» [376]. Картина эта после кончины императрицы Елисаветы была перенесена сюда из ее комнаты. Государыня долго любовалась ею, и здесь-то у Екатерины родилась мысль завести у себя картинную галерею; вскоре государыня повелела собрать все лучшие картины, находившиеся в других дворцах, а также приказала своим министрам и агентам при иностранных дворах скупать за границей хорошие картины и присылать к ней. Через несколько лет после того государыня приобрела для своего Эрмитажа известные богатые картинные коллекции: принца Конде, графов Брюля и Бодуэна, берлинского купца Гоцковского, лорда Гаугтона и еще многих других. Помимо покупок, императрица приказала снять копию лучшим художникам с ложи Рафаэля. К собранию картин Екатерина присоединила также коллекцию античных мраморов, приобретенных в Риме, купила также все мраморные статуи у известного в то время мецената Ив. Ив. Шувалова; затем государыня приобрела у герцога Орлеанского богатейшую его коллекцию резных камней и антич-

ных гемм[377] и стала покупать открываемые в раскопках древности, как то: монеты, кубки, оружие и т. д. Государыня особенно пристрастилась к собиранию резных камней и сама стала снимать с них слепки. В одной из комнат, окнами на двор в том же здании Эрмитажа, приказала сделать горн, где вместе с химиком Кенигом и медальером Лебрехтом стала делать из композиции копии с них. Храповицкий в своем дневнике часто рассказывает, что государыня «для разбития мыслей» рассматривала камни. Внук Екатерины, Александр I, присоединил к богатой коллекции своей бабушки еще несколько других, в числе которых особенно драгоценная коллекция была куплена им за 2 миллиона у французской императрицы Жозефины из ее загородного дворца Мальмезона.

Положив основание художественной части Эрмитажа, государыня избрала его местом отдохновения в часы свободные от государственных занятий; здесь она делила свой досуг в беседе с Дидро, Гриммом, Сегюром, принцем де Линь, Потемкиным, Шуваловым, Строгановым, Безбородко и многими другими

остроумнейшими людьми того времени. В Эрмитаже собрания были большие, средние и малые.

В первые годы царствования Екатерины придворные увеселения были распределены по дням: в воскресенье назначался бал во дворце; в понедельник – французская комедия; во вторник – отдых; в среду – русская комедия; в четверг – трагедия или французская опера, причем в этот день гости могли являться в масках, чтобы из театра прямо ехать в вольный маскарад; в то время почти все вельможи тешились самым беззастенчивым образом. Безбородко, Храповицкий, Завадовский были известны как гуляки; первый из них, Безбородко, был уличным ловеласом, он почти каждый день после обеда надевал простой синий сюртук, круглую шляпу, брал трость, клал в карман кошелек с деньгами и отправлялся в разные дома в городе. Зимой по воскресеньям его всегда можно было встретить в маскараде у Лиона, на Невском (где был Купеческий клуб, у Казанского моста); здесь он проводил время до пяти часов утра. В восемь часов утра его будили, окачи-

вали холодной водою, одевали и полусонного отправляли во дворец, где только у дверей императрицы он становился серьезным и дельным министром. Существует рассказ, что раз царский посланный, явившийся из дворца, застал его среди самой широкой оргии. Вельможа приказал пустить себе кровь из обеих рук и отправился к государыне. Про Безбородко говорил граф Сегюр, что он в теле толстом скрывал ум тончайший. Завадовский был также гуляка широкой руки; он и умер за трапезой со своим старым другом, князем П. В. Лопухиным.

Секретарь императрицы А. В. Храповицкий был тоже известен своею скифскою жаждою, проказами и дебоширством. Про него существует следующий анекдот. Один приезжий помещик, явившийся в Петербург по важному делу, заходит к нему с письмом и не застаёт его дома. Помещик едет за город победать, входит в трактир и, видя накрытый стол, садится и велит себе подать обедать. Прислуга, полагая, что он принадлежит к компании, заказавшей обед, спешит исполнить его желание. Во время обеда приезжает

компания и начинает трунить над ним. Помещик сперва отшучивается, но потом на дерзость отвечает дерзостью и дает пощечину; завязывается общая драка, помещик выходит победителем, оставив под глазами своих противников источники света. Утром, выспавшись, он едет к Храповицкому. «Дома барин?» – спрашивает он. «Дома, – отвечают, – но нездоров и никого не принимает». Помещик отдает письмо, по которому его тотчас просят пожаловать; помещик входит в спальню, завешенную со всех сторон. Но только что вошедший произносит приветствие, как Храповицкий говорит ему: «Ваш голос мне что-то знаком, я вас видел, а где – не помню». – «Быть не может, – говорит приезжий, – я только что вчера приехал». – «Нет, точно я вас знаю», – сказал Храповицкий и велел поднять стору. Помещик взглянул и обмер: это был тот человек, которого он приколотил накануне. Храповицкий посмеялся, подал ему руку и сказал: «Ну полно, помиримся, я сделаю для вас все, что могу, а кто старое помянет, тому глаз вон».

Государыня сама езжала в маскарады, где

садилась в ложу замаскированная. Екатерина ездила на такие маскарады всегда в чужой карете, но полиция тотчас же узнавала государыню по походке и по неразлучной при ней свите. Она очень любила, когда перед ней маски плясали вприсядку. Существует автобиографическая заметка Екатерины II, где она описывает свое приключение в маскараде[378]: государыня рассказывает, что в один из таких маскарадов она надела офицерский мундир и накинула на него розовое домино и, войдя в залу, стала в кругу, где танцуют. «Здесь княжна Н. С. Долгорукая, – пишет императрица, – стала хвалить знакомую девушку. Я, позади ее стоя, вздумала вздохнуть и, наклонясь к ней, вполголоса сказала: „Та, которая хвалит, не в пример лучше той, которую хвалит“. Она, обратясь ко мне, молвила: „Шутишь, маска, кто ты таков? Я не имею чести тебя знать. Да ты сам знаешь ли меня?“ На это я отвечала: „Я говорю по своим чувствам и ими влеком“. Она еще спросила: „Да кто же ты таков?“ Я отвечала: „Обещайте быть милостивы“. Тут подошли к ней подруги и увели ее. Затем, немного погодя, я нашла ее опять.

Она оглянулась и спросила меня: „Маска, танцуешь ли?“ Я сказала, что танцую. Она подняла меня танцевать, во время танца я пожала ей руку, говоря: „Как я счастлив, что вы удостоили мне дать руку, я от удовольствия вне себя“. Оттанцевав, я наклонилась так низко, что поцеловала у нее руку». Государыня долго преследовала княжну на бале своими объяснениями в любви...

П. Ф. Карабанов[379] рассказывает, что раз государыня пожелала неожиданно дать маскарад. В назначенный день, на вечернем собрании в Эрмитаже, государыня, играя в карты, вдруг услышала звук расстроенной скрипки и объявила присутствующим гостям о том; через несколько времени такой звук повторился ближе и яснее; она приказывает разведать, но посланный явился назад без ответа. Наконец звук раздался в третий раз, и очень громко; императрица положила карты, пошла, и все общество за ней последовало; проходя множество комнат, вошли в такую, где на обе стороны растворялись двери, ведущие в две комнаты: одну для дам, другую для кавалеров, здесь лежали маскарадные наряды. На-

скоро и без разбора все оделись и вышли в масках, так что одни других не скоро узнавали. Екатерина, одетая волшебницей, отдала приказ, что когда она снимет маску, чтобы все общество размаскировалось.

Государыня, заметя, что у новопожалованной фрейлины, графини Потоцкой, в сравнении с прочими нет жемчугов, пожелала ее наградить; заблаговременно было приказано ее одеть молочницей, и когда начались танцы, то государыня приняла кувшин под сохранение и, поставя у ног, опустила в него дорогие жемчуги. Потоцкая, обратно принимая кувшин, заметила подарки и сказала: «C'est vous, madame, c'est votre majesté...» – «Non, c'est du lait caillé»[380], – отвечала императрица. По пятницам маскарады давались при дворе, в субботу полагался отдых.

На большие эрмитажные собрания приглашались все первые особы двора, иностранные министры, на средние – одни только лица, пользовавшиеся особенным благоволением государыни. На малые собрания приглашались только лица близкие к государыне. Гостей обязывали отказаться от всякого этике-

та. Кроме того, были написаны самой императрицею особые правила, выставленные в рамке под занавескою. Вот эти правила: 1) оставить все чины вне дверей, равномерно, как и шляпы, а наипаче шпаги; 2) местничество и спесь оставить тоже у дверей; 3) быть веселым, однако ж ничего не портить, не ломать, не грызть; 4) садиться, стоять, ходить, как заблагорассудится, не смотря ни на кого; 5) говорить умеренно и не очень громко, дабы у прочих головы не заболели; 6) спорить без сердца и горячности; 7) не вздыхать и не зевать; 8) во всяких затеях другим не препятствовать; 9) кушать сладко и вкусно, а пить с умеренностью, дабы всякий мог найти свои ноги для выхода из дверей; 10) сору из избы не выносить, а что войдет в одно ухо, то бы вышло в другое прежде, нежели выступит из дверей. Если кто против вышеписанного проступился, то, по доказательству двух свидетелей, должен выпить стакан холодной воды, не исключая дам, и прочесть страничку «Телемахиды»; а кто против трех статей провинится, тот повинен выучить шесть строк из «Телемахиды» наизусть. А если кто против де-

сяти проступится, того более не впускать. При входе висели следующие строки, написанные государыней:

*Asseyez vous, si vous voulez,
Où il vous plaira
Sans qu'on vous le répète cent fois
[381].*

На эрмитажные собрания малые, «les petites soirées»[382], приглашалось избранное общество приближенных к императрице. Тут находился французский посланник граф Сегюр, принц де Линь, Кобенцель, Лев Ал. Нарышкин, Строганов, Дашкова. Государыня здесь была самая радушная хозяйка; самую любимую игрою на этих вечерах была игра в вопросы и ответы. Во избежание каких-нибудь личностей, гости описывали события при дворе «Бамбукового Короля», например его праздники, привычки, также характеристику его придворных; иногда предлагались вопросы для философских трактатов; последние были разделены на главы: так, например, 37-я глава этого трактата, написанная рукою императрицы, носит название: «Что меня смешит?» Затем следуют ответы, написанные

каждым. Вот эти ответы: первый написал: «Гордость»; второй пишет: «Так, так, я согласен с мнением моего соседа и с правой и с левой стороны»; другой писал: «Меня смешит умная шутка или меня смешит г. обер-штальмейстер». «Что меня смешит? Иногда это сама я». «Надутость, довольная собою». Рукою императрицы находим написанное: «Я смеюсь над гордым человеком, потому что он как две капли воды похож на индейского петуха; смешны также ленивцы, потому что они по доброй воле скучают»; далее шли заметки: «Муж мой часто смешит меня до слез. Я смеюсь охотно, слыша умные слова, но только неожиданные. Я очень смеюсь над людьми, которые смеются из угождения!» и т. д.

Театр в Эрмитаже представлял здание в виде римского цирка, только в небольшом размере. Стены и колонны в нем были мраморные; места для зрителей, обитые зеленым бархатом, подымались ступенями и образовывали полукруг; для самой императрицы особенных мест не было, для нее ставились кресла. На сцене Эрмитажного театра в екатерининское время игравали все известные ев-

ропейские знаменитости артистического мира; здесь были капельмейстерами Сарти, Чимароза, Галуппи, Паизиелло; играли в оркестре Диц, Лолли, Виоти, Буньяни, Жерновик, Роде, Ромберг, Хандошкин, Зорин; пели Габриэли[383], Маркези[384], Тодди[385], Можорлети, Мара, Шевалье, Мандини[386], Марокети[387], Сандунова, Самойлов; танцевали ле Пик, Дюпор, Росси, Сантини, Канциани, Бубликов; восхищали в комедии Жорж, Лефрен, Лесаж, Бурде, Флоридор Офрен, Волков, Дмитревский, Шумский, Крутицкий, Черников, Шушерин, Яковлев, Троепольская, Семенова большая и многие другие; писали декорации для этого театра Гонзаго[388] и Иосиф Губерти; машины и превращения делал механик Бригонци[389].

Но гораздо ранее в Зимнем дворце существовал Малый театр, на котором представлялись придворными дамами и кавалерами комедии императрицы. Так, января 28-го 1773 года там в первый раз была представлена комедия Екатерины «О, время!»[390]. Пьеса эта была дана в присутствии государыни и 257 избранных зрителей. Государыня очень лю-

била театр, и особенно русский, для которого и написала много пьес. Эти пьесы игрались на придворных театрах Петергофа и Царского Села и затем уже переходили и на публичные театры. Из пьес государыни, помимо названной, известны: «Госпожа Вестникова с семьей», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Передняя знатного барина», «Невеста-невидимка» и затем несколько французских пьес-пословиц (proverbes), которые государыня писала в сообществе своих вельможных сотрудников: графа Кобенцеля, Сегюра, принца де Линя, Д'Еста, графа А. М. Мамонова, Ал. С. Строганова, Ив. Ив. Шувалова. Таких пословиц известно до семи: «Les voyages de M-r Bontemps»; «Le flatteur et les flattés»; «Il n'y a point de mal sans bien»; «La rage aux proverbes»; «Un chien vaut toujours mieux que deux tu l'auras»; «За мухой с обухом»; «За вздор пошрины не платят». Последние две нам известны по дневнику Храповицкого, который упоминает, что первая из них, «За мухой с обухом», была написана государыней по поводу ссоры, затеянной княгиней Дашковой с Л. А. Нарышкиным из-за свиньи, которая за-

шла по соседству в ее огород. Эта шутка без обиняков прямо потешалась над княгиней, и потому государыня приказала Храповицкому, когда он поднес ей переписанную, отложить с тем, чтобы сделать в ней некоторые поправки. Вторая из этих пьес, «За вздор пошрины не платят», была написана Мамоновым, и только конец государыня к ней приделала. Помимо этих мелких пьес, государыней было написано еще несколько больших комедий, как, например: «Расстроенная семья осторожками и подозрениями», «Недоразумения», «Сказка о Горе-богатыре Косометовиче», «Начальное управление Олега». Увлечение шарлатанством графа Сен-Жермена и Калиостро государыня осмеяла в своих трех пьесах: «Обманщик», «Обольщенный» и «Шаман Сибири». Во всех этих пьесах действует личность, которая с помощью различных фокусов дурачит простаков и обогащается на их счет.

Русский театр при императрице Екатерине открылся представлением при дворе оперы «Олимпиада», музыка сочинения Манфредина, декорации Градиция, балеты венского балетмейстера Гильфердинга. И затем на тре-

тий год ее царствования состоялось открытие в Петербурге и частного народного театра под открытым небом, за Малой Морскою, на пустыре, называвшемся Брумберговой площадью. Первое такое представление было дано во второй день Пасхи, 4 апреля 1765 года, в день смерти Ломоносова. Представления в этом театре начинались в четыре часа дня; играли в них охотники, преимущественно мастеровые, в переводных комедиях Мольера, Гольдберга и некоторых оригинальных.

Из «С.-Петербургского вестника»[391] видно, что по возвращении двора в Петербург, после коронавания, во дворце играли придворные дамы и кавалеры «Семиру», трагедию Сумарокова, после чего следовал балет «Галатея и Ацис», в котором великий князь Павел Петрович, в виде брачного бога Гименя, являсь на сцену, удивлял всех зрителей искусными и благородными танцами. В числе любителей, принимавших участие в спектакле, были гвардии капитаны Кропотов, Волков, Титов, три сестры девицы Бибиковы и Титова; танцевали гр. А. П. Шереметева, фрейлина Хитрово и другие; роль Семиры

представляла графиня Брюс, в мужских ролях участвовали графы Г. Гр. Орлов, А. П. Шувалов, Ан. П. Нарышкина и другие[392].

На репетициях государыня сажала в первом ряду вместе с собою старика актера Оффрена, учителя драматического искусства в кадетском корпусе. Оффрен нередко забывал, где сидит, и забавлял государыню своими восклицаниями. Однажды, слушая монолог в «Магомете», которого играл П. С. Железников, Оффрен то и дело твердил довольно громко: «*Bien! Très bien! Comme un Dieu! Comme un ange! Presque comme moi!*»[393]

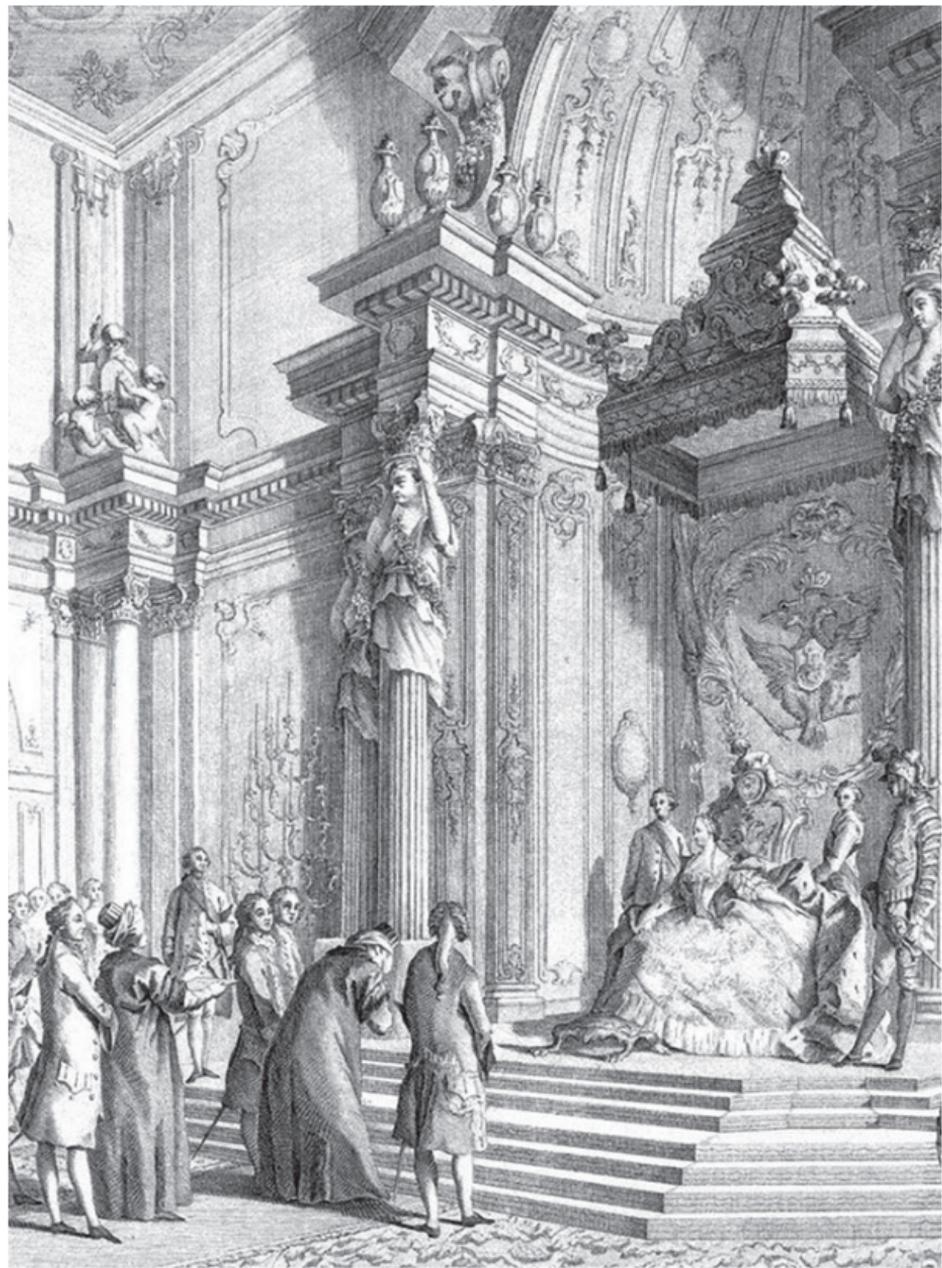
Все артисты в то время носили прилагательные имена: так, Оффрена называли «чувствительным», Флоридора – «благородным», Бурде – «увлекательным» и т. д. Актеры века Екатерины отличались всеми достоинствами придворных – вежливостью и светскостью. Про известного Ив. Аф. Дмитриевского рассказывали современники, что это был старец замечательной наружности, с правильными чертами лица и с умною, выразительною физиономиею. Голова его имела в себе много живописного, особенно белые как снег воло-

сы, зачесанные назад, придавали ей вид, внушавший невольное уважение. Все его движения были изучены и рассчитаны, а речь была тихая, плавная, и выражения, употреблявшиеся им в разговоре, большею частью изысканные. Впрочем, товарищи его не верили этой вежливости и называли его «куртизаном» и «эффекщиком». Про игру и характер этого отца сценического искусства тогдашний знаток театра Ап. Алек. Майков говорил: «Дмитревский похож на заколдованный сундук, в котором перемешано множество драгоценных вещей с разною ветошью и всяким хламом; этот сундук отворяется для всякого, и всякому дозволяется в нем рыться и выбирать любую тряпицу, но драгоценности ни за что никому не даются: они видны, но неуловимы». Отцом сценического искусства в России, или учителем, как говорит С. П. Жихарев в своих воспоминаниях, он никогда тоже не был: сидит, бывало, на почетном кресле на репетициях и в спектаклях, прослушивает иногда роли у молодых, вновь поступающих на сцену актеров, и только. При всей также своей театральной опытности, он нередко не понимал ро-

лей; так, существует рассказ, что раз, исполняя роль царя в какой-то пьесе, он, отдавая тайные приказания послу, кричал немилосердно. По окончании репетиции государыня подозвала его и заметила, что так о государственных делах не говорят громко, и ей, как царице, он может поверить на слово...

На парадных эрмитажных спектаклях царствовала та же всегдашняя непринужденность, как и на репетициях. Вот как описывает один из таких спектаклей граф Эстергази в письме к своей жене: «Все общество отправилось в великолепную театральную залу. Императрица заняла стул во втором ряду, пригласив сесть возле себя графа Кобенцеля, а по другую сторону меня. Старший внук ее сел впереди. Зубов возле меня, а граф Брюс возле Кобенцеля. Дамы поместились в первом ряду, а остальное общество где кому вздумалось. Пустых мест было довольно. Представляли „Щедрого человека“ и „Школу мужей“. Пока шла первая пьеса (без пения и музыки), императрица то и дело заговаривала то с тем, то с другим».

Торжественная аудиенция турецкому по-

сольству в Зимнем дворце. Литография XIX в.
по оригиналу И. Девейли. Фрагмент

Глава X

Переезд Екатерины II в Зимний дворец. – Обновление улиц. – Новые здания. – Карусели. – Кадрили и призы. – Святочные игры и другие забавы двора. – Участие в танцах наследника. – Забавный маскарад. – Большое собрание Эрмитажа. – Пышность двора. – Придворный оркестр. – Солисты. – Искусство сновников в гримировке. – Алмазная комната. – Диковинки Эрмитажа. – Работы императорской шпалерной фабрики. – Висячий сад и зверинец. – Аллегорические статуи Эрмитажа. – Биллиардная комната. – Анекдот. – Необыкновенная вежливость Екатерины II. – Часы Рентгена и Стазеровы. – Различные античные изображения. – Ложь Рафаэля. – Собрание гемм, монет, эстампов. – Библиотекарь Лужков. – Анекдоты о нем. – Клубы. – «Подлые поступки». – Карточная игра и азартные игры. – Анекдоты о них. – Английский клуб. – Коммерческое общество. – Танц-клуб, музыкальный клуб. – Роскошь и великолепие домов наших аристократов. – Дворянские балы. – Общество гостиных. – Дешевизна жизни. – Обилие медной монеты. – Анекдот о Шумском. – Чекан медных денег. – Первые ассигнации. – Упадок денежного курса. – Евреи – подделыватели монеты. – Шкловские фальшивые ассигнации. – Графы Зановичи – распространители фальшивых денег. – Суд над ними и их судьба.

С переездом императрицы Екатерины II в Зимний дворец смежные с дворцом улицы и площади стали украшаться и отстраиваться. Царицын луг был обращен в огромный сад с множеством беседок для государыни и отдельных домиков и кухонь, в которых гуляющие могли готовить себе кушанье; вслед за этим стали устраивать Адмиралтейскую площадь. В это время половина места по Невскому, от Полицейского моста до Малой Морской, после сломки бывшего тут дворца, была подарена императрицею обер-полицеймейстеру Чичерину, и им уже выстроен дом, существующий и до сих пор (дом бывший Косиковского, теперь Елисеева). Другая половина, от Большой Морской до Малой Морской, оставалась незастроенною до 1804 года. С другой стороны дворца к Неве, берег которой был укреплен деревянным парапетом в 5 футов вышины, начатое еще в 1754 году строение гранитной набережной приводилось к окончанию; для гранитной набережной вбивали под водою сваи в $2\frac{1}{2}$ сажени, сплошь одна возле другой, на три сажени в ширину; на них клали ростверк[394], потом фундамент из

пудовской плиты в $2\frac{1}{2}$ и 3 сажени, а верх одевали гранитом на одну сажень выше самой высокой воды. Парапету дали $2\frac{1}{2}$ фута вышины и $1\frac{1}{2}$ толщины, а тротуару сажень в ширину; общая длина набережной к 1788 году была 3 версты. В это же время принялись за важную постройку к луговой стороне дворца; нужно было маскировать конец Невского, выходявшего к Адмиралтейству: дома были строены лицом на проспект, следовательно, все надворные строения были на стороне ближайшей ко дворцу, так что из окон императрицы открывался самый некрасивый вид. Она приказала строить полукруглый дворец из трех соединенных домов, с тремя воротами, над которыми поддерживались двумя мраморными колоннами портики. Одна часть этого колоссального здания была подарена государыней графу Брюсу, который был тогда петербургским губернатором; другая отдана была флигель-адъютанту Ланскому, по смерти последнего постройка снова была куплена императрицею; впоследствии эта часть принадлежала Кушелеву, а по смерти его поступила к князю Волконскому. Большой Мил-

лионной в это время дано новое направление, и начаты постройки богатых домов, от которых она и получила свое название. Прежде эта улица была проведена искривленною линией от первого почтового дома (нынешний Мраморный дворец) и называлась сперва Троицкою; потом, застроенная деревянными домиками немецких мастеров, она называлась Немецкою и после Греческою. Так обстроились смежные с дворцом места и открылась нынешняя обширная Дворцовая площадь, на которой в царствование Екатерины устраивались народные праздники, били фонтаны вина и ставились жареные быки. Вокруг всего дворца были поставлены железные грелки, точно такие же, какие и теперь находятся у Большого театра. По всем улицам, о которых мы говорили, также и по Литейному проспекту, были окончены к тому же времени генералом Бауером подземные кирпичные трубы в 3 фута ширины и в 4 вышины для стока нечистот, с общим наклоном их к Неве.

16 июня и 11 июля 1766 года на Дворцовой площади была дана карусель в нарочно по-

строенном амфитеатре. Карусель была устроена по инициативе князя Н. И. Репнина. «Изобретатель и директор, – как гласит рескрипт государыни, – показал не токмо талант своего знания в таковых экзерцициях и изобилие вкуса в пристойных нарядах и аллегорических украшениях, заимствуемых от довольного сведения древней и новой истории, но и все оное распорядил и произвел самым действием до самой малейшей части сего увеселения без всякого помешательства, будучи и сам при том шефом кадрили индийской. К неоспоримо в том должной его сиятельству справедливости, всемилостивейшая государыня, в знак своего к нему удовольствия, при милостивейших изображениях по окончании каруселя, пожаловать ему соизволила часы золотые и с цепочкою, осыпанные бриллиантами, в четыре тысячи рублей».

Карусель вскоре повторилась еще 11 июля. Назначена она была еще в 1765 году, но за худую погоду отсрочена до следующего года. Церемониймейстером карусели был гвардии Измайловского полка секунд-майор князь П. А. Голицын, от которого и были розданы би-

леты для входа в амфитеатр, начиная от знатнейших персон обоего пола, как для всех чинов военных и гражданских, так и для всех прилично одетых. Карусель состояла из четырех кадрилией: славянской, римской, индийской и турецкой. Места для зрителей были расположены также по кадрилиям: так, с правой стороны от ложи государыни была славянская и римская, с левой – индийская и турецкая; напротив ложи государыни была ложа наследника.

В день карусели, в два часа пополудни, был дан сигнал из трех пушек с крепости адмиралтейской, чтобы дамы и кавалеры каждой кадрили собирались в назначенные им места. Первые две кадрили, славянская и римская, собрались у Летнего дворца, в поставленные на лугу шатры, индийская и турецкая собрались в приготовленных шатрах в Малой Морской. В четыре часа дан был второй сигнал, дабы дамы вступали на колесницы, кавалеры садились на лошадей, а зрители занимали свои места в амфитеатре. В половине пятого был дан третий сигнал, по которому все четыре кадрили вступили маршем в

следующем порядке: славянской кадрили шефом был граф Ив. Петр. Салтыков, римской – граф Гр. Орлов, индийской – князь Н. И. Репнин и турецкой – граф Ал. Орлов. Кадрили разделились на две части и одновременно шли к амфитеатру; народу по улицам было бесчисленное множество, так как зрелище было редкое. Когда кадрили стали входить в амфитеатр, звук музыки поразил всех. Мелодия музыкальных инструментов оказалась до этого времени неслышанною; все инструменты были сделаны на манер существовавших в глубокой древности. При входе в амфитеатр кадрили остановились за ложею своих судей, вне барьера, и по данному сигналу начались «курсы»[395], сперва дамские на колесницах, а потом кавалерийские на лошадях. Судьи записывали в таблицы дам и кавалеров, которые имели успех и неудачу, как в «ристаниях на коне», так и в «метании жавелотов»[396]. Окончив эти все кадрили, сделали кругом амфитеатра марш и пошли перспективою до Летнего дворца к большому крыльцу, где государыня, стоя на верхнем балюстраде крыльца, на шествие смотрела. И когда все кадрили

были введены в большую залу обер-церемониймейстером, каждая из них знак своего народа подавала музыкою. Главный судья, фельдмаршал Миних, со всеми судьями выступил из конференц-залы, вслед за ними были вынесены пажами на золотых подносах богатые «прейсы» (призы), которые после речи фельдмаршала были розданы. Первый приз, состоящий из богатой бриллиантовой тресиле, получила графиня Н. П. Чернышева; второй приз, табакерку с бриллиантами, А. В. Панина; третий приз, перстень бриллиантовый, графиня Е. А. Бутурлина. Из кавалеров первый приз получил князь И. А. Шаховской – бриллиантовая пуговица и петлица на шляпу; второй – полковник Ребиндер – трость с бриллиантовою головкою; третий – граф Штейнбок – перстень бриллиантовый. Кавалеры возницы дам получили: первый приз – Ферзен, поручик конной гвардии, записную золотую книжку с финифтью; второй – А. Н. Шепотьев, табакерку золотую с финифтью; третий – граф Д. М. Матюшкин, готовальню золотую с финифтью и т. д. Судьями были граф Бутурлин, Нарышкин, князь Голицын,

граф Панин и многие другие.

Как мы уже сказали, вскоре была дана и вторая карусель с тем же церемониалом, которая закончилась представлением в Зимнем дворце оперы «Дидона». Победителем на второй карусели единогласно был признан граф Орлов, которому фельдмаршал Миних вручил первый приз и от себя тайно заготовленную лавровую ветвь. Дамы тоже каждая сняли со своей головы живые цветы и поднесли увенчанному победителю.

В ряду забав двора нередко бывали и святочные игры. Вот как описывает такие игры в день Рождества 1765 года Порошин: «Сперва, взявшись за ленту, все в круг стали, некоторые ходили в кругу и других по рукам били. Как эта игра кончилась, стали опять все в круг, без ленты, уже по двое, один за другого гоняли третьего. После сего золото хоронили; „Заплетися, плетень“ пели; по-русски плясали; польский, менуэты и контрдансы танцевали. Императрица во всех этих играх сама быть изволила и по-русски плясала вместе с Н. И. Паниным. Великий князь тоже очень много танцевал; во время этих увеселений

вышли из внутренних государынинных покоев семь дам: это были в женском платье граф Гр. Орлов, граф А. С. Строганов, граф Н. А. Головин, Петр Богд. Пассек, шталмейстер Л. А. Нарышкин, камер-юнкеры М. Е. Баскаков, князь Анд. Мих. Белосельский[397]. На всех были кофты, юбки, чепчики; князь Белосельский был проще всех одет: он представлял гувернантку или маму и смотрел за прочими дамами. Ряженных посадили за круглый стол, поставили закуски, подносили пунш, и потом все плясали и шалили».

На больших собраниях Эрмитажа, которые начинались в седьмом часу и кончались в девять, императрица первая танцевала менуэт, но обыкновенно открывал их великий князь польским с одной из старейших придворных дам.

По словам иностранцев, в такие дни вся Дворцовая площадь была запружена каретами и другими экипажами; толпы народа тоже многочисленными группами собирались поглядеть на прибывающих шестерней вельмож. Полиция исполняла свою обязанность при помощи палочных ударов, раздаваемых

налево и направо. На лестницах от толпы слуг доступ в покои делался почти невозможным. Глухой шум и говор в покоях стоял неумолкаемый, и только стихал он тогда, когда появлялась императрица, с удалением же монархини опять все снова приходило в беспорядок и комнаты снова оглашались гулом громкого разговора на разных языках. В екатерининское время пышность двора и разнообразие характерных костюмов разных инородцев заставляли каждого превратиться в зрелище. Блеск драгоценных камней и воинственный вид покрытых орденами мундиров смущал многих и приводил в робость.

Во время балов играл придворный оркестр под управлением капельмейстера Галуппи [398]. На малых собраниях играл на скрипке Диц, на виолончели Дельфини, на арфе В. Кардон, на фортепиано Ванжура. На эрмитажных собраниях государыня всегда являлась в русском платье; ее примеру следовали и все приглашенные дамы. Здесь уже господствовал русский язык. Каждый гость занимался чем ему угодно было. Кто играл в жмурки, кто в билетцы, кто ворожил, гадал, играл в вер-

вочку, кто читал стихи и т. д. Любимой игрой, как мы уже выше говорили, была литературная в мысли; но как только государыня замечала, что гости начинали писать колкости и личности, то тотчас брала перо и зачеркивала написанное. Всякое стеснение, всякая церемония были изгнаны из общества; особенно запрещено было государынею вставать со стула перед нею, и тот, кто не исполнял этого, нес штраф по червонцу в пользу бедных или выучивал шесть стихов из «Телемахиды». Рассказывают, что Л. А. Нарышкин чаще других подвергался этому наказанию. Читал же он стихи Тредьяковского с таким пафосом, что вызывал всеобщий неудержимый смех. Вельможи со способностями выделывать различные гримасы и изменять свою физиономию особенно ценились на этих вечерах и получали в шутку разные военные чины. Так, барон Ванжура вместе с кожей спускал до бровей свои волосы и, как парик, передвигал их направо и налево; за это качество он получил там звание капитана. Сама государыня тоже умела спускать правое ухо к шее и опять поднимать его вверх; за эту способ-

ность она числилась только поручиком. Безбородко превосходно представлял картавого.

Собрания эти происходили в той комнате, где теперь хранятся эскизы и рисунки Рафаэля и других великих художников. Эта уединенная комната дала Эрмитажу свое имя. Из этой комнаты был выход в так называемую Алмазную комнату, в которой по повелению императрицы были собраны из всех дворцов и кладовых и из Московской Оружейной палаты разные редкости из финифти и филигранна, агата, яшмы и других драгоценных камней. Тут поместили все домашние уборы русских царей и бывшие у них в употреблении вещи: часы, табакерки, кувшины, зеркала, бокалы, ножи, вилки, цепочки, солонки, чайные приборы, перья, букеты. Из таких редких вещей здесь хранились: филиграновые туалеты царевны Софии Алексеевны и царицы Евдокии Лукьяновны; хрустальный кубок императрицы Анны Иоанновны; серебряная пудреница Елисаветы Петровны; золотая финифтяная чарочка царя Михаила Феодоровича; часы, служившие шагомером царю Алексею Михайловичу; модель скромного домика, в

котором обитал Петр Великий в Саардаме; кукла, одетая по-голландски, – это была копия с хозяйки дома; изображение Полтавской битвы и морского сражения при Гангоуде, выточенное резцом Петра; табакерки, шашки и наперсток работы Екатерины. Позднее все эти достопамятности были расставлены по галереям Эрмитажа. Первой из этих галерей считалась та, которая примыкала к южной части висячего сада. Все три галереи были со сводами и имели около трех сажен ширины и четыре вышины; окна выходили только в сад. Из первой галереи выстроен на своде переход через переулок в придворную церковь Зимнего дворца. Вторая галерея, западная, примыкала к застройке флигеля, через который государыня из внутренних покоев ходила в Эрмитаж. По обеим сторонам дверей находились вазы из белого прозрачного мрамора с барельефами, на подножке цветного мрамора, в 4 фута вышины. Подле них стояли два женских портрета в восточных нарядах, в подвижных рамах. Они были сделаны на императорской шпалерной фабрике мастерами Андреевым и Ивановым. В третьей, восточ-

ной галерее были еще такие же две вазы; в этой галерее копировались обыкновенно картины профессорами и воспитанниками Академии художеств. В последней комнате все стены и промежутки между окон были покрыты картинами.

Окруженный с трех сторон галереями, а с северной залом Эрмитажа, висячий сад имел вид продолговатого четвероугольника, около 25 сажен длины и 12 сажен ширины. Своды были покрыты землею на 3 фута, так что сад имел такую же вышину, как пол в галереях. В этом открытом саду росли со всех сторон ряды прекраснейших больших берез, а на деревянной поверхности были сделаны дорожки для прогулок, украшенные цветами, в конце каждой дорожки стояли статуи из белого мрамора работы Фальконета, на подножьях из дикого камня в 3 фута вышины. В северной части сада была устроена высокая оранжерея с галереею наверху; в этом зимнем саду содержалось множество попугаев и других тропических и наших птиц, а также множество обезьян, морских свинок, кроликов и других зверьков. От галереи по западной стороне

шли три комнаты, в одной из которых стоял бюст Вольтера в натуральную величину из красноватого состава, на столбе из дикого камня; в примыкающих к этой других комнатах стояло еще несколько бюстов Вольтера: один из фарфора, другой из бронзы, сделанный с оригинала, работы Гудона; все эти комнаты были украшены бронзовыми историческими группами из жизни Древней Греции и Рима. Подле угольной комнаты к оранжерее находился зал, вместо стены с одной стороны были громадные окна в сад; рядом с залом была столовая комната: пол здесь состоял из двух квадратов, которые вынимались, и из них подымались и опускались посредством простого механизма два накрытых стола на шесть приборов. Государыня здесь обедала без присутствия слуг. В этой комнате по углам стояли два бюста работы Шубина: графа Румянцева и графа Шереметева. Из этой комнаты шла арка через переулок ко второму дворцу Эрмитажа; здесь находилось аллегорическое изображение мира со Швецией. Екатерина, изображающая Россию, подавала Швеции, представленной тоже в виде жен-

щины, лавровую ветвь, показывая на сноп. Пограничная река Кюмень была представлена лежащим старцем; из находившегося в руках у старика сосуда вытекала вода.

Во втором дворце, в первом овальном зале со сводами и высокою галереею, поддерживаемою 13 столбами, никаких украшений не было, только висели два рисунка с изображением цветов, писанные великою княгинею Мариєю Феодоровною, и несколько географических карт. В небольшой угловой комнате за тем залом сохранялся токарный станок Петра Великого и разные выточенные им работы из слоновой кости. Подле, в овальной комнате, стоял большой бильярд и маленькая «фортуна»[399]. Стены этой комнаты были увешаны картинами. Государыня очень любила играть на бильярде и пред тем, чтоб начать играть, всегда спрашивала партнера, удобно ли ему играть этим кием или не нужно ли опустить шторы, когда замечала, что солнце неприятно ему светит в глаза. Однажды в то время, когда государыня играла с кем-то на бильярде, вошел Ив. Ив. Шувалов. Императрица низко ему присела. Присутствующие придвор-

ные сочли это за насмешку и засмеялись. Государыня приняла серьезный вид и сказала: «Вот уже сорок лет, что мы друзья с господином обер-камергером, а потому нам очень извинительно шутить между собою». Государыня, как известно, отличалась необыкновенной вежливостью в обращении с людьми; любимая ее поговорка была: «*Ce n'est pas tout que d'être grand seigneur, Il faut encore être poli*» (Не довольно быть вельможею, нужно еще быть учтивым). По рассказам, императрица имела особенный дар приспособлять к обстоятельствам выражение лица своего[400]; часто после вспышки гнева в кабинете подходила она к зеркалу и, так сказать, сглаживала, прибирала черты свои и являлась в залу со светлым и царственно-приветливым лицом. Однажды на бале хотела она дать приказание пажу и сделала знак, чтобы подзвать его, но он того не заметил, а граф Остерман принял, что знак был сделан ему, и подошел к государыне, опираясь на свою длинную трость; императрица встала со своих кресел и подошла с ним к окну, где несколько времени с ним проговорила. Потом, возвратясь на место,

спросила графиню Головину, довольна ли она ее вежливостью. «Могла ли я иначе поступить! Я огорчила бы старика, давши ему почувствовать, что он ошибся, а теперь, сказав ему несколько слов, я оставила его в заблуждении. Он доволен, вы довольны, а следовательно, довольна и я!»

В другой раз князь Барятинский ошибкою вместо графини Паниной пригласил на вечер в Эрмитаж графиню Фитингоф. Увидя неожиданную гостью, императрица удивилась, но не дала этого заметить, а только приказала тотчас послать приглашение графине Паниной; графиню же Фитингоф велела внести в список лиц, приглашаемых на эрмитажные собрания, для того чтобы она не догадалась, что была приглашена ошибкою.

В небольшой комнатке, «диванной», рядом с биллиардной, стоял драгоценный столик из разноцветных камней, а в углах бюсты адмиралов графа А. Г. Орлова и В. Я. Чичагова, оба работы Шубина; рядом с этой комнатой, окнами на двор, как мы уже упоминали, государыня занималась химическими сплавами для камеев, вместе с Кенигом и Лебрехтом выре-

зала печати и т. д. Рядом с этой комнатой стояли две драгоценные вазы: одна из стекла аметистового цвета и другая, фарфоровая, с тонкою живописью, работы здешнего завода. Тут же было одно из первых и древнейших фортепьян с флейтами. В комнате подле этой помещались две мраморные группы: одна – работы Шубина, другая – Щедрина – и большой фарфоровый сосуд на круглом пьедестале в 4 фута вышины из голубого состава, работы Кенига. В следующей полукруглой зале находились изображения римских императоров Иосифа и Леопольда на одной картине и бюст князя Потемкина-Таврического, работы Шубина; рядом с этой комнатой хранилась коллекция рисунков. Уборная, или спальная, комната императрицы, кроме обыкновенной мебели, имела следующие редкости: играющие часы работы Рентгена[401], бюсты Цицерона и Вольтера, античное изображение Дианы с собакой из слоновой кости, античный стол, горку из уральских драгоценных камней, с каскадами из аквамарина, работы Ямышева. В следующем большом зале висело шесть хрустальных люстр, перед софой стоял

стол, четырехугольная доска которого в 8 футов длины и 4 ширины была сделана из амethystового стекла, по бокам на ней были начерчены планы турецких крепостей: Очакова, Бендер, Килии и Акермана, завоеванных князем Потемкиным; сделана эта доска на стеклянном заводе[402]. В комнате подле зала были размещены разные китайские редкости. Первая комната, на восточной стороне, по каналу, вела к лестнице главного входа в Эрмитаж, сделанной из одноцветного камня; напротив ее был на своде переход через канал в придворный театр; в комнате перед проходом построен был древний греческий храм, в котором стояло античное изображение из мрамора Амура и Психеи. В той же комнате стояло бюро с изображением разных эпизодов из путешествия государыни по Таврической области; делал это бюро крестьянин графа Салтыкова. Далее во всю длину по каналу (30 сажень длины, около 3 ширины) шла «ложа Рафаэля», расписанная *al fresco* [403]. Затем следовали кабинеты минералогический и императорская картинная галерея и скульптурных и античных мраморов; за кар-

тинною галереей первое время надзирал придворный живописец Фензельт, известный реставратор древних картин (после него, с 1780 года, был смотрителем венецианец г. Мартинели). Над собранием гемм, монет, эстампов и других произведений художеств был начальником библиотекарь императрицы, коллежский советник Петров, но так как последний был часто посылаем в Москву, то большею частью заведовал этими собраниями унтер-библиотекарь, коллежский асессор Алексей Иванович Лужков. Императрица очень его ценила и оказывала ему большую доверенность, присылая к нему драгоценные вещи без всяких записок. Однажды государыня, отворяя у него разные шкафы, по рассеянности положила ключи от них в свой карман. Лужков на это обиделся и просил государыню, чтобы она дала ему отставку. Государыня очень удивилась и просила его сказать, что за причина, почему он хочет ее оставить. «Я, государыня, честен, всегда пользовался вашим доверием, а вчера заметил, что вы в первый раз меня заподозрили и взяли ключи от меня, – после этого я вам уже не слуга». – «Поми-

луй, – сказала императрица, – я сделала это по ошибке, без всякого умысла, вот твои ключи, не обижайся, извини меня, я впредь буду осторожнее». Этот Лужков по кончине государыни представил в казну серебра и золота, не записанного в книгах, более чем на 200 000 рублей и немедленно после того вышел в отставку.

В круг общественных увеселений в царствование Екатерины стали входить в моду клубы, или «клобы», как их тогда называли; всех их, начиная с 1770 года по 1795-й, было основано в Петербурге семь. Поводом к основанию первых таких клубов хотя и послужила благотворительная цель, но вскоре по открытии их было замечено, что посещали их люди не только такие, что ищут в длинные зимние вечера средства лишь «рассыпать мысли свои», но и такие, которые впадают в «подлые поступки» и особенно умножают страсть к карточной игре. Императрица строго преследовала азартные игры и по временам издавала указы, строго запрещающие их, но они скоро забывались; особенно много играли у князя Потемкина и Орлова. Екатерина

говорила про игроков: «Эти люди никогда не могут быть полезными членами общества, потому что привыкли к праздной и роскошной жизни. Они хотят всю жизнь свою провести в этой пагубной игре и таким образом, лишая себя всего своего имущества и нисколько об этом не заботясь, делают несчастными и других, которых они обманывают и вовлекают в игру!» Наказанием для игроков был арест в тюрьме под крепким караулом.

Узнав, что в Москве завелись карточные игроки, она писала к главнокомандовавшему: «Иностранцев высылайте за границу, а своих унимайте; а если нужно будет, то пришлите ко мне именной список их. Я велю публиковать об них в газетах, чтобы всякий мог их остерегаться, зная ремесло их». Раз до сведения Екатерины дошло, что генерал Левашев ведет сильную азартную игру. Государыня при встрече говорит ему: «А вы все-таки продолжаете играть?» – «Виноват, ваше величество, играю иногда и в коммерческие игры». Двусмысленный ответ обезоружил гнев Екатерины. Она только рассмеялась. Этот В. И. Левашев не изменял своего образа жизни до

самой смерти, то и дело проигрывал крупные суммы денег. Император Александр I, по вступлении на престол, издал указ «об истреблении непозволительных карточных игр», где, между прочим, было сказано, что «толпа бесчестных хищников, с хладнокровием обдумав разорение целых фамилий, одним ударом исторгает из рук неопытных юношей достояние предков, веками службы и трудов уготованное». На этом основании всех уличенных в азартных играх приказано было брать под стражу и отсылать к суду.

Государь, однажды встретив Левашева, сказал ему: «Я слышал, что ты играешь в азартные игры?» – «Играю, государь», – отвечал Левашев. «Да разве ты не читал указа, данного мною против игроков?» – «Читал, ваше величество, – возразил Левашев, – но этот указ до меня не относится: он обнародован в предостережение „неопытных юношей“, а самому младшему из играющих со мною – пятьдесят лет».

Императрица Екатерина, узнав, что у статс-секретаря Попова по ночам съезжаются для большой игры, спросила его: «Играете ли

вы в карты?» – «Играем, государыня», – отвечает он. «В какую игру?» – «И в ломбер (l'ombre) играем». – «Ваш ломбер разорительный», – рассмеявшись, сказала государыня.

Сама Екатерина любила играть в карты, и нередко даже на бриллианты; государыня играла преимущественно в макао, которое в прошлом веке было весьма распространено. Каждые девять очков оплачивались бриллиантом весом в один карат; в Екатерининское время карат бриллианта стоил сто рублей. Перед играющими на бриллианты ставились ящички с бриллиантами. Игра в бриллианты Екатерины обходилась гораздо дешевле другой нынешней. Любимыми играми императрицы были также: бостон, пикет, крибэдж; у нее часто был партнером пренеприятный и задорный игрок Чертков. Раз, играя с нею и проигрывая, он с досады бросил карты на стол. Она ни слова не сказала ему и, когда кончился вечер, встала, поклонилась и молча ушла в покои. Чертков просто остолбенел от своего поступка. На другой день, когда гофмаршал вызывал лиц, которые были назначены к ее столу, Чертков стоял в углу ни жив ни

мертв. Когда гофмаршал произнес его имя, он просто ушам не верил, и когда нерешительно подошел, то государыня встала, взяла Черткова за руку и прошла с ним по комнате, не говоря ни слова. Возвратясь же к столу, сказала ему: «Не стыдно ли вам думать, что я могла быть на вас сердита? Разве вы забыли, что между друзьями ссоры не должны оставлять по себе никаких неприятных следов».

Обедать с государыней за одним столом имели право, данное Екатериною раз навсегда, следующие придворные: граф Разумовский, Потемкин, Голицын, Ангальт, Чернышев, Брюс, Строганов, князь Юсупов, Бецкой, Нарышкин, Чертков, князь Барятинский, Румянцев, Кутузов, Эстергази, Мордвинов и дежурный генерал-адъютант. Из дам: Нарышкина, Матюшкина и графиня Браницкая.

В екатерининское время самый «степеннейший» из клубов был Английский. Основан он был 1 марта 1770 года Гарнером, богатым банкиром; вскоре этот банкир сделался банкротом, и земляки его, англичане, желая пособить ему, сделали его экономом и хозяином этого клуба. Членов в первое время здесь счи-

талось не более пятидесяти. Плата не превышала сорока рублей; для помещения нанялся небольшой дом на Галерной улице за 1500 рублей. Через сорок лет Английский клуб уже имел более 300 членов, в числе которых находились высшие государственные сановники, как, например, граф М. А. Милорадович, Аракчеев, Сперанский, П. Х. Витгенштейн и многие другие.

Почти каждый вечер посещал это собрание И. А. Крылов; над тем местом, где он сидел обыкновенно, впоследствии был поставлен его бюст; в столовой зале висел портрет и учредителя этого клуба. Английский клуб очень долго занимал великолепный дом у Синего моста, в котором некогда жил фельдмаршал князь Трубецкой и давал пышные пиры и балы.

В пятидесятых годах нынешнего столетия в Английском клубе считалось около 400 членов и более 1000 кандидатов, которые по старшинству и занимали открывавшиеся вакансии. Первейшие люди домогались, как бы вступить в число членов этого клуба. Князь Чернышев и граф Клейнмихель так и умерли,

не попав в члены Английского клуба.

В одно почти время с Английским клубом был основан другой клуб немцем Шустером, тоже некогда богатым купцом, но потом разорившимся. Клуб этот сперва помещался в двух скромных комнатах; 1 февраля 1772 года он уже был переведен в большую квартиру и стал называться Большим Бюргер-клубом. Этот клуб, впрочем, более известен как Шустер-клуб. Клуб одно время представлял довольно дружное общество, состоящее из заслуженных чиновников, артистов, богатых русских и иностранных купцов и зажиточных ремесленников; не ограничиваясь одними увеселениями, клуб этот преследовал многие благотворительные цели: он давал пенсии 150 престарелым, неимущим и постоянно воспитывал несколько беднейших сирот.

27 ноября 1784 года было основано «Коммерческое общество», с целью доставить биржевому купечеству возможность собираться для совещания по делам коммерческим и проводить время в беседе и карточных играх. Клуб этот и теперь считается одним из солиднейших, а после Английского – первым.

В 1783 году открылся еще Американский клуб, получивший свое начало от Бюргер-клуба; помещался он в первое время близ Исаакиевской церкви в доме Погенполя. Лучшей эпохой его существования было начало 1800-х годов: тогда считалось в нем членов более 600 человек; впоследствии к этому клубу было присоединено танцевальное заведение г. Квятковского, после чего клуб стал называться «Клубом соединенного общества». В 1785 году был учрежден Танц-клуб гробовым мастером Уленгуглом; в первое время этот клуб носил название «Кофточного клуба»; членами его могли быть исключительно нечиновные лица мещанского и купеческого сословий.

Впрочем, нынешнее слово «мещанин» в екатерининское время было в полном смысле слова переводом французского *bourgeois*, или немецкого *bürger*, и купец первой гильдии, по тогдашнему смыслу, был не что иное, как мещанин, записавшийся в гильдию. Мещанами называли также всех свободных художников, переименованных впоследствии в именитых граждан, т. е. почетных граждан.

Танц-клуб помещался у Полицейского моста, где теперь Благородное собрание. В пятидесятых годах это общество славилось своими скандалами малого и большого сорта. После открытия последнего клуба вскоре возникло и второе мещанское общество для танцевания, праздновавшее день своего открытия 6 января 1790 года. Гораздо прежде этих клубов, в 1772 году, в Петербурге был учрежден Музыкальный клуб из 300 членов, вносивших в год по 10 рублей с человека на содержание оркестра. В Музыкальном клубе два раза в неделю давались концерты, которые посещались многочисленной публикой. Этот клуб просуществовал до 1777 года, затем он был закрыт, но через год основалось другое музыкальное общество, которое зимою, в продолжении восьми месяцев, давало каждую субботу концерты и ежемесячно один бал и маскарад. Членов здесь было до 500 человек, каждый платил по 15 рублей. Для этого клуба был нанят большой дом петербургского обер-полицеймейстера Чичерина и роскошно убран. В оркестре этого клуба играло 50 превосходных музыкантов и часто участвовали первые при-

езжие солисты; здесь пели придворные певчие и лучшие приезжие певицы. Разовые деньги эти артисты получали по тогдашнему времени весьма высокие: от 100 и до 200 рублей за один вечер. В 1787 и 1788 годах дела этого клуба шли блистательно; но вскоре излишняя роскошь, с какою давались здесь маскарады и балы, совершенно расстроила дела, и в 1792 году проданы были с аукциона все прекрасные музыкальные инструменты этого клуба, также серебряная и фарфоровая посуда и даже мебель.

В 1794 году известные богачи гг. Демидов, Сикстель и Бланд создали новый клуб, членом в котором вскоре было до 400 человек. Каждый платил по 50 рублей. Помещался этот клуб в доме Бутурлина. Это музыкальное общество просуществовало не более четырех лет и со смертью учредителей распалось. В 1802 году было положено начало «Филармонического общества» и потом уже «Симфонического».

Высшее общество в екатерининское время отличалось широким гостеприимством, и каждый небогатый дворянин мог во весь год

не иметь своего стола, каждый день меняя дома знакомых и незнакомых. Таких открытых домов, не считая в гвардейских полках, находилось множество. Первыми аристократическими домами тогда в Петербурге признавали царские чертоги следующих сановников: графа Разумовского, князя Голицына, Потемкина, вице-канцлера графа Остермана, князя Репнина, графов Салтыкова, Шувалова, Брюса, Строганова, Панина, двух Нарышкиных, Марьи Павловны Нарышкиной. Приемы у этих вельмож бывали почти ежедневно; на вечерах у них гремела музыка, толпа слуг в галунах суетилась с утра до вечера.

Роскошь и великолепие палат вельмож доходили до высшей степени азиатского сказочного волшебства. Графиня Головина рассказывает про Потемкина, что в те дни, когда у него не было бала, гости собирались в диванной комнате. Мебель обита была тканью серебряной и розовой, в таком же виде был обит и пол. На красивом столе стояла филигранная курильница, в которой горели аравийские благовония. Князь обыкновенно носил платье с собольей опушкой, алмазную

звезду и ленты: георгиевскую и андреевскую. За столом служили великорослые кирасиры, одетые в красные колеты[404]. На голове были черные меховые шапки с султаном. Перевязи их были посеребрены. Они шли попарно и напоминали театральные солдат. В продолжение ужина роговой оркестр исполнял лучшие симфонии и т. д.

В описываемое время в большом обыкновении были прекрасные балы публичные, под названием «дворянских». Число гостей на них было ограничено, и сюда съезжалась лучшая публика. Были также балы, называвшиеся «английскими». В этих балах участвовали иностранные негоцианты. Билеты для входа на бал продавались по 25 рублей с персоны.

Общество в гостиных разделялось на молодых и пожилых. Старики говорили со стариками, молодежь слушала последних почти-тельно, не смея вмешиваться в разговор. Вежливость с женщинами простиралась до того, что подать салоп, поднять платок, отыскать лакея, карету незнакомой дамы, проводить ее – входило в обыкновенную обязанность

каждого.

Дешевизна всех жизненных припасов в то время делала жизнь в Петербурге для всех сословий возможною. В то время ходили в обращении деньги более всего медные. Даже жалованье и пенсии выдавались из присутственных мест медными монетами. Так, известный ветеран русской сцены, современник обоих Волковых и Дмитревского, актер Шумский, проживший более ста лет на свете, находясь на пенсии, квартировал у кого-то из своих родственников на седьмой версте по Петергофской дороге. Шумский каждый месяц приходил за своим месячным пенсионом в Кабинет, который помещался в доме, где теперь находится здание Императорской Публичной библиотеки; здесь он получал обыкновенный двадцатипятирублевый мешок медных денег, взваливал его на плечи и относил домой, никогда не нанимая извозчика. Мешок таких денег весил полтора пуда. До вступления на престол Екатерины чекан медных денег выходил в 32 рубля из пуда[405]; всех выпущенных медных денег с 1700 по 1762 год было на 80 707 453 рубля[406]. «Для

улучшения обращения денег, от которого, – как сказано в указе от 29 декабря 1768 года, – зависит благоденствие народа, цветущее состояние торговли, и дабы отвратить тягость медной монеты, затрудняющей ее оборот и перевоз», были введены в России к употреблению бумажные деньги, или ассигнации[407]. При самом начале ассигнаций было выпущено на 40 миллионов рублей четырех достоинств: в 100, 75, 50 и 25 рублей. Материал для делания первых ассигнаций состоял из старых дворцовых салфеток и скатертей. Новость предмета и появление фальшивых ассигнаций затрудняли вначале обращение бумажных денег. В 1786 году Екатерина велела уничтожить 75-рублевые ассигнации и прежде выпущенные обменять на новые, другого вида и пяти достоинств – в 100, 50, 25, 10 и 5 рублей. В то же время число выпущенных ассигнаций увеличено было еще 60 миллионами рублей. В 1796 году число всех ассигнаций достигло до 150 000 000 рублей. По 1815 год было выпущено в обращение ассигнаций на 577 000 000 рублей. Затем, уже к 1 января 1857 года, находилось в обращении кредит-

ных билетов на 689 299 884 рубля.

По выпуске ассигнаций в 1769 году средняя цена ассигнационного рубля на серебряную монету была 99 копеек, в 1771 году – 98 копеек, в 1772 году – 97 копеек, в 1774 году – 100 копеек, с 1775 по 1783-й – рубль стоил в 99 копеек; затем по 1786-й – 98 копеек. В 1788 году опустился до $92\frac{3}{5}$ копеек, в 1790 году стоил 87 копеек, в следующем году – $81\frac{1}{3}$ копеек, в 1792 году – $79\frac{1}{3}$ копеек и в 1794 году дошел до 70 копеек, а в 1795 году до $68\frac{1}{2}$ копеек.

Для объяснения причины такого значительного упадка нашего денежного курса поручено было князю Юсупову и графам Миниху и Воронцову, приглася знатнейших российских и иностранных купцов, узнать от них мнения о способах к повышению курса.

По обсуждении этого предмета признан был причиною падения денежного курса чрезмерный привоз иностранных товаров. Комиссия нашла для возвышения курса необходимым: убавить привоз к роскоши служащих иностранных товаров, разрешить выпуск хлеба, для прекращения между торгующими подлогов и обманов издать «Банкрут-

ский устав», завести Купеческий банк для ссуды купцам денег под заклад товаров, учредить должность банкира для выгоднейшего производства денежных за границу переводов[408]. Количество взимаемого роста на занятые деньги в то время было по 12, 15 и 20 процентов в год, с вычетом процентов вперед.

Первый преобразовал в России монетную систему Петр Великий. В 1701 году были чеканены первые русские золотые червонцы 118 на фунт $93\frac{1}{3}$ пробы, также двойные червонцы, двухрублевики и рублевики золотые; до Петра золотой монеты в торговом обороте не было. Государи только в редких случаях чеканили золотые деньги и давали в награду лицам, которых желали отличить по заслугам. В том же году была чеканена первая серебряная полтина, а в 1704 году первые серебряные рубли. В 1700 году Петр повелел чеканить медные денежки и полушки – 12 рублей 80 копеек из пуда меди.

Подделка ассигнаций, как и медной монеты, производилась преимущественно в Польше евреями, в сообществе разных иностран-

цев. Подделка монеты была очень легка, так как нарицательная цена пятикопеечников петровского чекана в шесть раз превосходила действительную цену меди[409]. Эта высокая цена медных денег приносила большой вред государству. Польские жидаы подделывали пятикопеечники, привозили в Россию и разменивали их на серебряные рубли, приобретая этим путем прибыли до 400 процентов и более.

Фальшивые ассигнации были известны в то время шкловской работы, фабриковали их два брата графы Зановичи, родом далматы, вместе с карлами известного екатерининского фаворита, генерал-лейтенанта Семена Гавриловича Зорича, основателя Шкловского кадетского благородного училища.

Около 1781 года стали распространяться слухи о подозрительных сторублевых ассигнациях, которые ходили в Шклове. Следуя в Могилев, князь Потемкин заехал в Шклов к Зоричу. Вечером, когда князь был у себя в комнате, к нему явился шкловский житель, еврей Давид Мовша, и настоятельно просил позволения поговорить с ним наедине. Князь

велел допустить его. Оставшись вдвоем, Мовша подал князю сторублевую ассигнацию. Князь долго и внимательно рассматривал ее и, не найдя в ней ничего особенного, с досадой спросил Мовшу:

– Ну, что же тут, покажи!

Тогда еврей показал, что вместо «ассигнация» написано «ассишация».

– Где ты ее взял? – спросил Потемкин Мовшу.

– Если вашей светлости угодно, я вам через полчаса принесу несколько тысяч.

– Кто же их делает?

– Камердинер графа Зановича и карлы Зоричевы, – отвечал Мовша.

Потемкин, дав Мовше 1000 рублей, приказал променять их на фальшивые и доставить ему в местечко Дубровку. (Местечко это принадлежало Потемкину и находилось в 70 верстах от Шклова.) Сюда были вызваны князем губернатор Энгельгардт и председатель Уголовной палаты Малеев. Немедленно было приступлено к делу. Графы Зановичи были арестованы. Следствие показало, что один из братьев виновен в привозе из-за границы за-

ведомо фальшивых ассигнаций, и, кроме того, оба были заподозрены в самом делании их. Зановичи были заключены в Нейшлотскую крепость на пять лет, а по прошествии этого времени были отправлены в Архангельск для высылки за границу.

Вид Коломны. Литография А. Дюрана. Ок. 1842–1847. Фрагмент

Глава XI

Фонтанка. – Обделка ее берегов камнем. – Раздача земель по Фонтанке. – Баур. – Партикулярная верфь. – Всеобщее катание по водам. – Церковь Св. Пантелеймона. – Дворец на Фонтанке и другие дома по этой речке. – Молельня князя Голицына. – Раскольница. – Симеоновская церковь. – Хамовая улица. – Зверовой двор. – Праздник Нарышкина. – Аничков мост. – Барские усадьбы по Фонтанной речке. – Дом историка Татищева. – Кассир Кельберг. – Пропажа в банке. – Суд над казнокрадами. – Князь А. М. Белосельский. – Троицкое подворье. – Духовник Варлаам. – Дома Дубянского, Деденева, графа Воронцова, Куракина, царицы Прасковьи. – Шуты царицы Прасковьи. – Дом графа Лестока. – Лейб-камpanцы. – Кутежи и буйство последних. – Дальнейшая судьба графа Лестока. – Двор Волынского. – Царская охота. – Масонская ложа Св. Михаила. – Дом графа И. Л. Воронцова. – Дом Зубова. – Дом поэта Державина. – Описание дома. – Внеш-

ность поэта. – Дом Гарновского. – Дом Вильбуа. –

Постройка Сенновской церкви. – Богач Савва Яковлев. – Каменный храм Успения Божией Матери. – Сенная площадь. – Сенновские евреи. – Праздники Кущей. – Тауров дом. – Типография Воейкова.

Фонтанка в старину была болотным ручейком; получила она название от фонтанов в Летнем саду, которые она снабжала водою. Императрица Елисавета приказала ее очистить и берега одеть деревом с деревянными же перилами. С 1780 по 1789 год ее стали обдывать гранитом с железными перилами. Работы при реке Фонтанной производил подрядчик Долгов; на этого подрядчика, крайне притеснявшего рабочих, последние принесли жалобу императрице. Гарновский в своих воспоминаниях отмечает по поводу этого следующее: «1787 года 7-го августа поутру появились на площади против дворца 400 мужиков, присланных депутатами от общества четырех тысяч работников, у производства при реке Фонтанной, с жалобою к ее императорскому величеству на подрядчика Долгова. Собравшиеся на площадь мужики тотчас дали знать о себе, что они не простые зрители, а челобитчики. Всякий раз, когда случалось какой ни есть даме подойти к окошку, то они,

признавая ее за государыню, кланялись низко и показывали в руках жалобу. Государыня неоднократно высылала к ним несколько особ, одну за другою, которые обнадеживали их, именем царицы, скорым удовлетворением их просьбы, с тем только, чтобы они разошлись восвояси и отнюдь бы толпою праздно на площади не собирались. Но средство это не имело желаемого действия. Мужики упорно настаивали на том, что хотят просить государыню, и уверяли увещевавших их господ, что они не собирались бы толпою, если б прежде присланные от них в Царское Село с жалобою к императрице два мужика не были взяты под стражу, а особливо досадили они дежурному генерал-адъютанту графу Ангальту, сказав последнему, что они с ним, как с немцем, не знающим по-русски, и говорить не хотят. Пополудни, не знаю каким образом, удалось захватить из них семнадцать человек, которые и были отправлены за караулом в уголовный суд, с тем чтоб осуждены были в учинении скопа и заговора. Сие увидя, прочие немедленно разбежались». Того же числа под вечер и спустя целую ночь велено было разъ-

езжать около дворца конногвардейской и донской командам, дабы не допустить мужиков до новых собраний. Два дня спустя после сего, как отмечает Гарновский, «настраивавши довольно, взятых под стражу мужиков выпустили на волю, а дело их с Долговым производится с нарочитою строгостью в губернском правлении».

Фонтанка сохраняла характер загородной местности до начала нынешнего столетия; в восьмисотых годах придворные служители стреляли на ней весной и осенью уток и даже еще в тридцатых годах нынешнего столетия предполагалось начать отсюда строить дебаркадер железной дороги[410], как от наиболее близкого конечного пункта столицы.

Император Петр I раздавал землю по Фонтанке под загородные дворы без всякой платы. Такая раздача земель нашла многих охотников здесь строиться, и вскоре первые вельможи того времени разбили по Фонтанке сады и построили свои дачи. Особенно при Екатерине II Фонтанка стала украшаться богатыми постройками. Набережная и углубление Фонтанки[411] обязаны более или менее сво-

им существованием генерал-поручику Федору Вилимовичу Бауеру, жившему в то время на углу Большой Невы и Фонтанки при Прачешном мосте[412], в построенном им каменном доме (дом этот до настоящего времени носит название Баурского, в нем живут пансионеры и служащие при Министерстве императорского двора). Около Баурского дома при Петре I был первый огород в Петербурге, где огородником находился большой знаток этого дела пленный швед; затем позднее стояли здесь службы герцога Бирона. Народная молва долго приписывала этой местности недобрую славу, люди суеверные видели здесь по ночам тени замученных злым герцогом людей; особенно дурной славой пользовалось место, которое занимает сад Училища правоведения. На месте же, где теперь находится Школа правоведения, в старину был Сытный дворец, где хранились запасы разной живности для царской кухни, а позднее помещалось и Водоходное училище, существовавшее до девяностых годов прошлого столетия. Граф Милорадович в своей истории Пажеского корпуса рассказывает, что будто здесь сто-

ял прежде дом Неплюева и в нем помещался в 1796 году Пажеский корпус; но, кажется, это ошибочно: первый Пажеский корпус помещался у Певческого моста (дом, принадлежащий Министерству двора).

Где теперь стоит Политехнический музей и был некогда Соляной и Винный городок, находилась «Партикулярная верфь», учрежденная Петром Великим для того, «дабы при С.-Петербурге и в окрестностях онаго, на морских и речных водах, во время бываемых великих ветров и штурмов, мог всякий ездить без страху, к тому же бы оныя суда при сем новом приморском месте были деланы по образцу европейскому. Его величество повелел довольно таких судов наделать и всем знатным господам безденежно раздать; приказал также и знатныя команды таковыми судами удовольствовать, дабы на оных судах могли безпрестанно всюду ездить, а для лучшаго обучения определил ездить здешним жителям, в воскресные дни на оных судах на Неве для гуляний и нарочной экзерциции во время благопопутнаго ветра ездить на буерах, а в тихую погоду на шлюпках и верейках собрав-

шимся всем вместе, т. е. целым флотом и т. д.».

О таких катаньях на Неве извещалось поднятием флагов в шести местах города, при этом делался один выстрел из пушки, после чего все городские яхты и буеры отправлялись к Троицкой площади, где стоял кофейный дом четырех фрегатов. Потом все суда начинали лавировать по Неве, следуя за комиссаром, начальником флотилии, который плыл всегда впереди: его никто не смел обгонять и без воли его никто тоже не смел возвращаться домой. В хорошую погоду эти прогулки были приятны, но в дурную приходилось немало терпеть от волнения. Иногда флотилия по воле государя отправлялась в Кронштадт, и дорогою вдруг начиналась буря. Пекарский рассказывает, что в 1714 году посланнику узбекского хана довелось испытать от такой бури немало страха. Несчастный азиатец, ни разу не бывавший на море, по неопытности командира шнявы как раз попал на бурную погоду и провел три дня в заливе, не достигнув Кроншлота. Думая, что пришел его конец, он лег на пол, заставив пе-

ред собою муллу на коленях читать книгу пророка Али. Когда царь увидел потом узбекского посланца и бывших с ним иностранных министров и русских сенаторов, то очень подсмеивался над храбрыми моряками, но тем во время опасности совсем было не до смеха.

При Партикулярной верфи «в палатех» была построена в 1721 году, по ходатайству заведовавшего верфью И. С. Потемкина, полотняная церковь во имя Св. великомученика Пантелеймона, так как в день празднования этого угодника, 27 июля, русский флот, созданный Петром, одержал две победы над шведами: одну в 1714 году при Гангеуде и другую в 1720 году при Гренгаме. Год спустя был построен уже мазанковый деревянный храм; позднее, в 1734 году, вместо деревянной церкви был воздвигнут по повелению императрицы Анны каменный храм, внешний вид которого продолговатый, в виде корабля, остается до сих пор тот же. Пантелеймоновская церковь до 1784 года была в ведении адмиралтейств-коллегий, но с упразднением в этом году Партикулярной верфи перешла в ведомство епархиального начальства.

Нынешнего Пантелеймоновского моста в старину не было: он был построен в начале настоящего века; до этого времени здесь существовал перевоз, воспетый известным пиитой Д. И. Хвостовым в следующих рифмах:

*В Петрополе жил двувесельный
бот.
Без дальних он забот
Перевозил народ
От Пантелеймона через Фонтан-
ку к саду.*

На том месте, где теперь находится Инженерный замок при выходе Мойки из Фонтанки, некогда стоял деревянный дворец на каменном фундаменте; сломан последний был в феврале 1797 года, при постройке Михайловского замка. Еще в пятидесятых годах многие из старожилы помнили это простое невысокое здание, два флигеля которого упирались в Мойку и составляли площадку, посреди которой бил фонтан. В этот дворец, по вступлении на престол, Екатерина II явилась с войсками из Петергофа и в нем принимала тогда официальные поздравления дипломатического корпуса. К этому дворцу на другой

день подгулявший Измайловский полк собрался без ведома начальства и офицеров, требуя, чтоб императрица к нему вышла и уверила их «персонально», что она здорова, а не увезена хитростями прусского короля, как они слышали. Несмотря на все уверения дежурных придворных: Шувалова, Орлова, Разумовского и других, солдаты не верили и непременно желали, чтобы государыня явилась к ним. Государыня была вынуждена встать, одеться в гвардейский мундир и проводить солдат до их светлиц.

По рассказам современников, в день вступления на престол императрицы погода стояла жаркая, все кабаки, трактиры, погреба для солдат растворены, пир шел на весь мир, солдаты и солдатки в неистовом восторге и радости носили ушатами вино, водку, пиво, мед, шампанское и всякие другие вина и лили все вместе без всякого разбору в кадки и бочонки, что у кого случилось.

В Летнем дворце на Фонтанке родился Павел I и там провел свои младенческие годы. По вступлении на престол Екатерина прожила в нем полторы недели и там получила из-

вестию о смерти Петра III. После того она жила в нем только в первые годы своего царствования.

В числе построек на другой стороне Фонтанки, против Михайловского замка, выделялись следующие дома вельмож: графа В. П. Кочубея (дом теперь III Отделения), министра внутренних дел в царствование Александра Благословенного, директором у которого был известный М. М. Сперанский. По словам Державина, этот молодой сановник «был набит конституционным французским и польским духом», он одно время сильно хлопотал о дозволении иезуитам вводить католическую веру и даже насильно склонял в оную через миссионеров всех магометан и идолопоклонников, живущих в Сибири, в Астраханской и Оренбургской губерниях.

Далее стоял дом госпожи Пашковой (теперь дом Министерства двора), жены известного богача, винного заводчика и откупщика из дворян; в этом доме некогда жил известный мистик, министр духовных дел, князь Александр Николаевич Голицын. В аскетическом жилище князя, рядом с его домашнею

церковью, в сырых и темных двух чуланчиках была устроена молельня. Вот как описывает эту молельню Ю. Н. Бартенев[413]: «Окно этих уединенных каморок прилегало к соседнему дому и было наглухо закладено; из них можно было явственно слушать все, что происходило в церкви. Комнатки эти очень тесны, и в первой из оных, служащей преддверием к другой, повешено на голых и сырых стенах несколько икон, подаренных разными лицами князю. Перед некоторыми теплятся скромные и небогатые лампы. Около сырых стен комнатки обведены узкие лавки; к стороне стоит низенький деревянный стул, напоминающий нам, как некогда православные отшельники наши, сидя на таковом, творили Иисусову молитву. Направо от входа в другую комнату, в которой нет дверей, висела простая икона без оклада Спаса Нерукотворенного. Обе комнаты разделялись входом, и, взойдя в них, смотря на лампы, никак вдруг не можешь различить окружающих предметов. В середине второй комнатки стояло подобие гроба. Оно приставлено к подножию огромного деревянного креста, на гробе

положена плащаница, на плащанице уложены различных видов кресты, подаренные в разное время и от разных людей князю. В комнате нет лампы, но пред гробом вместо люстры сделано из пунцового стекла изображение человеческого сердца, и в этом сердце теплится неугасимый огонь. Комнатка эта, освещенная красным унылым пламенем, сильно поражала чувство и воображение: сгорающее сердце кажется кровавым и раскаленным. По утрам уходил князь в эту уединенную сень свою. В этом же сыром и темном чулане маливался вместе с князем и император Александр I».

Рядом с этим домом был дом неаполитанского посланника дюка Серра Каприоли, женатого на дочери князя Вяземского, другая дочь которого была за бароном Розенкранцем, датским посланником, сперва в Петербурге, а потом в Неаполе. Внутри этого барского дома был превосходный сад с фонтаном; позднее дом принадлежал купцу Грому, затем им владела княгиня Голицына, а теперь он принадлежит госпоже Вонлярлярской.

Дом, бывший Безобразова, принадлежал купчихе Голашевской, которая была закоренелой раскольницей: у нее в доме скрывались беглые попы. Здесь также долгое время помещалась масонская ложа, которую, по преданию, посещал император Александр I [414]. Рядом с этим домом стоит дом наследников В. И. Струбинского, наружность свою он сохраняет с первых дней постройки; выстроен же он был вместе с Михайловским замком, строителем его был купец Межуев, подрядчик по постройке дворца. Далее в старину шли дома купца Садофьева и тайного советника Ходнева.

В этой местности, невдалеке от Фонтанки, на углу Моховой, или по-прежнему Хамовой, улицы, была построена по повелению Петра I в 1712 году деревянная церковь во имя Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы, в честь тезоименитства старшей его дочери цесаревны Анны Петровны; церковь была построена тщанием и попечением государя цесаревича Алексея Петровича. Место, где стояла первоначальная Симеоновская церковь, было к востоку в 11 саженях от алтаря ныне существующей.

ющей церкви[415]. Церковь не отличалась прочностью постройки и в 1731 году была заложена новая, существующая до сих пор. Храм был воздвигнут по повелению императрицы Анны Иоанновны, тезоименитство которой праздновалось в день этих святых; через три года по закладке церковь была освящена. Императрица причислила новый храм к придворным, и в высокаторжественные дни здесь собиралось все духовенство до постройки Казанского собора.

В 1737 году в церковь были привезены для постановки на колокольне часы с курантами, снятые с церкви Воскресения Христова, что на Васильевском острове, и для игrania курантов было вылито мастером Петром Леклером 25 колоколов по данным моделям от колокольного мастера Ферстера; часы эти впоследствии куда-то исчезли, и в воспоминание их остался один разбитый колокол около 10 пудов весом с английскими надписями 1685 года; этот колокол тоже неизвестно где теперь находится.

По смерти императрицы Анны Иоанновны в церковь был перенесен и поставлен над

главным престолом балдахин, шитый по малиновому бархату золотом с бахромою и кистями золотыми, служивший при погребении царицы. В память рождения императора Павла устроен был в середине придел во имя Св. великомученика Евстафия Плакиды. В 1797 году император Павел I присвоил этой церкви орден Св. Анны и велел поставить над главным входом в нее с западной стороны деревянный знак этого ордена; при переделке церкви в 1885 году его закрасили.

В приходе Симеона находился в старину на Хамовой улице (Моховой) Зверовой двор, который занимал значительное пространство земли, обнесенное вокруг деревянным забором вышиною до 4 футов; стороною, где были ворота, он примыкал к каналу, через который был мост; на дворе было несколько помещений для разных зверей. В покоях помещались следующие звери: в одном, в особых светлицах, две львицы, из которых одна перевезена была в Петербург еще до 1737 года, а другая, с маленькой собачкой, доставлена из Англии в 1739 году (в корм этим львицам ежедневно отпускалось по 24 фунта говяди-

ны), и еще два бобра (леопарда), один старый и годовая самка, доставленные в Петербург с прибывшим в 1740 году посольством из Хивы; за ними ходил хивинец Шафий Гадаев. Кроме этих зверей, здесь содержались чернобурые лисицы, сидели в остроге белые медведи, в амбаре черные и в клетках три мартышки, на корм которых отпускалось 30 яблок и 5 кружек молока; на Птичьем дворе содержался орел. Затем недалеко от Зверового двора был еще Ауроксов двор, где стояли дикие быки; последние в числе 8 были присланы императрице от прусского короля.

На другом берегу Фонтанки стояли оранжереи, к которым примыкал Слоновый двор; от него шли по берегу лаковые мастерские и двор спичечного и столярного дел мастера фон Болеса. Старый деревянный Симеоновский мост стоял ниже нынешнего и прямо шел от площадки Слонового двора, где теперь дом Клушина и на другой стороне начинается дом графа Шереметева. Последний дом надо считать одним из первых на Фонтанке; год постройки его неизвестен, имеются только сведения, что церковь в нем устроена в 1733

году. Эта церковь по богатству церковной утвари и собранию святых образов в драгоценных окладах считается первой из домашних церквей в столице; дом Шереметева в двадцатых годах нынешнего столетия был перестроен известным русским зодчим Ворониным; существующая перед домом решетка сделана гораздо позднее, по рисунку архитектора Корсини.

Рядом с домом графа Шереметева в 1711 году был заложен Петром дворец для великой княжны Анны Петровны, называвшийся Итальянским. Но в нем никто не жил, за исключением придворных служителей, которые были переведены из Летнего сада в 1743 году. В 1796 году здание дворца поступило под военный сиротский дом и спустя три года после перестройки – под Екатерининский институт. Сад дворца занимал большое пространство и доходил до Лиговки; в конце сада был устроен огород, который носил название Дворцового. Позднее часть сада пошла на постройку Мариинской больницы, – последняя открыта в 1803 году в ознаменование совершившегося столетия города Петербурга. Две Итальянские

улицы получили свое название от этого дворца. На другом берегу, напротив дворца, место называлось «Караванная набережная»; угловой дом, выходявший тогда на Фонтанку и на Караванную улицу, принадлежал в начале нынешнего столетия обер-егермейстеру Дмитрию Львовичу Нарышкину; дом этот славился по величине своих комнат и по картинной галерее. Здесь 29 апреля 1834 года, в день совершеннолетия наследника престола Александра Николаевича, петербургское дворянство дало великолепный праздник. Огромных комнат этого дома для бала оказалось недостаточно, потребовалось вновь построить большую столовую залу в соседнем доме, которая и заняла все пространство правильного четверугольного двора, длиною в 14, шириною в 8 сажен. Переделка дома была поручена архитектору А. П. Брюлову. Зала была устроена в виде большого шатра, два огромных венца посреди ее уставлены были свечами, от них шли огненные гирлянды к гигантским пальмам. Стол для августейшего семейства был накрыт на возвышенной эстраде и убран цветами; над эстрадою была

большая картина, изображающая Кремлевский дворец, в котором родился цесаревич; напротив, на парапете хор, вид Петербурга с монументом Петра, а по сторонам гербы Петербургской губернии. Во время стола пели придворные певчие и играл оркестр. Всего в зале ужинало за пятью столами 521 человек и в других комнатах 600 человек. При входе в зал была устроена из редких растений беседка, вокруг стоявшей здесь софы была с обеих сторон и сверху решетка, по которой извивались свежие виноградные лозы; зрелые грозды винограда висели сверху. В десятом часу, с прибытием императора и высочайшей семьи, открылся праздник, который и длился до утра. Гости разъехались только утром. Пригласительных билетов было разослано более 1500. Не одно дворянство принимало участие в этом празднестве: несметная толпа народа кипела вокруг дома, посреди улиц тянулись непрерывным рядом экипажи зрителей. На противоположном берегу Фонтанки горела великолепная иллюминация, представлявшая вензеля императора и наследника, окруженные гербами уездов С.-Петербургской гу-

бернии. По Фонтанке разъезжали иллюминированные разноцветными фонарями шлюпки, в которых Жуковские песенники оглашали воздух песнями.

Аничков мост, или Аничкин, как его и теперь еще называют, был построен в 1715 году; название он получил от примыкавшей к нему Аничковской слободы, построенной подполковником М. О. Аничковым; позднее, в 1726 году, Аничков мост был подъемный, и здесь, при въезде к нему, стоял караульный дом для осмотра паспортов у лиц, въезжавших в столицу. В 1720 году такие заставы стояли в конце каждой улицы, их закрывали ежедневно вечером в одиннадцатом часу, а поднимали утром после пробития утренней зори. Ночью чрез заставы, или шлагбаумы, пропускались все команды, вельможи, священники, лекари, повивальные бабки и посланные по делам службы, но только все должны были иметь зажженные фонари. Тогда было подтверждено: «Когда шлагбаумы ночью опустятся, в такие часы знатных персон и при них служителей пропускать с фонарями без задержания, а без фонарей не про-

пускать, а из подлых в такие неуказные часы, разве кто за крайнюю нуждою пойдет один с фонарем, спрося у него, по указу пропускать же, а ежели два или три человека и более из подлых, хотя и с фонарем пойдут, тех брать под караул». Голландец фон Гавен приводит следующий рассказ по этому случаю. Однажды шел по улице генерал и перед ним слуга его с фонарем. Сторожа окружили генерала и задержали его, а слугу пропустили без затруднения, так как у него был фонарь. Позднее при Екатерине II уже о приехавших и выехавших из города не спрашивали, часовые никого из проезжающих через заставу не останавливали и ни о чем их не допрашивали, шлагбаумов тогда не было, выезд за долги из столиц не был запрещен, каждый получал от губернатора подорожную во всякое время и без всякой платы и выезжал из города когда хотел. Но, по старой привычке, многие лица считали обязанностью говорить о своем проезде, имена их вносили в реестр, который обер-полицеймейстер на другой день и докладывал императрице. При императоре Павле I еще до заставы в городе каждого проезжаю-

щего останавливали раз пять пикеты и подвергали подробным расспросам. На городской заставе ехавшего опять подвергали длинному и томительному допросу. Выехать за черту города тоже без подорожной нельзя было. Проезд через заставу при императоре Александре I был делом тоже государственной важности, и все проезжающие должны были записываться. Иногда это записывание вызывало немало комических сцен. Так, например, несколько проказников сговорились, проезжая чрез петербургские заставы, записываться там самыми смешными и хитрыми именами и фамилиями: это обратило внимание начальства. Приказано было задержать первого, кто даст повод к подозрению. Несколько дней спустя после такого распоряжения проезжает чрез заставу государственный контролер Балтазар Балтазарович Кампенгаузен и заявляет свое звание, имя и фамилию. Караульному офицеру это имя показывается странным, он грубо говорит ему: «Знаем мы вашу братию шутников, извольте-ка здесь посидеть, а потом мы отправим вас к коменданту для спроса, существует ли такой шут гороховый!»

Аничков мост стали перестраивать в 1742 году, и в 1749 году его утвердили на сваях, на которых он простоял 34 года.

В царствование Екатерины II Аничков мост был уже каменный, в два свода, из дикого тесаного камня, между сводами был подъемный мост с четырьмя каменными башнями в 3 сажени вышины, на мосту находились четыре колонны с восемью фонарями на железных рукавах; начали его строить в 1783 году и закончили в 1787 году. Строителем его, как и других семи каменных мостов, в одно время с ним выстроенных, был генерал Модерах, который позднее был пермским губернатором. В нынешнем виде Аничков мост возведен в 1841 году и украшен колоссальными бронзовыми группами, вылепленными и отлитыми бароном Клодтом. Открыт Аничков мост был в день восшествия императора Николая на престол.

Первый же исторический мост в Петербурге был построен на Петровском острове, на реке Ждановке; он соединяет крепость с городом.

После него были выстроены три моста на

Фонтанке, в числе которых был и Аничковский; затем уже в 1739 году в столице стало вдруг сорок мостов. Все эти мосты были в первое время безымянные.

Каменные палаты наших вельмож, стоявшие на широких дворах, с прудами, оранжереями и обширными садами на Фонтанной речке, давали всей этой местности вид приволья и простора. Здесь в старину проводили лето наши сановники, а некоторые из опальных живали и по зимам; известный своими дебошами в екатерининское время граф Апраксин, не имея права на въезд в столицу, жил здесь как бы за городом, на своей даче, где теперь стоит торговый Апраксин двор.

Из построек, замечательных историческими воспоминаниями, в старое время у Аничкова моста по левой стороне, где теперь дом Семянникова, стоял дом известного администратора и историка В. Н. Татищева, религиозные убеждения которого так пугали многих своею смелостью, что доставили ему между современниками репутацию «афеиста»[416], чего на самом деле за ним не было. Татищев восставал против «пустосвятства» и «суесвят-

ства», боязни дьявола и разных бабьих предсказаний. Суеверие массы, эксплуатируемой ханжами, у Татищева – большое место. По рассказам[417], Татищев умер как редкий христианин. Накануне дня смерти он поехал верхом за три версты от своего имения Больдина (Клинского уезда) в приходскую церковь. Отправляясь из дома, он велел прийти людям к церкви с лопатами. Когда обедня кончилась, он пригласил священника с собою на погост. Пришедши туда, выбрал себе место и велел рабочим приступить к копанию могилы; на завтра он просил священника приехать к нему со Святыми Дарами, чтобы его исповедать и причастить. На другой день священник исповедал его и причастил. Простившись со всеми, он просил священника читать отходную и тихо, безболезненно скончался. Когда послали за столяром, чтобы снять мерку для гроба, то оказалось, что давно по приказанию покойного гроб сделан и ножки под него он сам точил. От дома Татищева, на Невской перспективе, стояли триумфальные ворота; на них было поставлено изображение императрицы Анны Иоанновны в короне и порфи-

ре; ворота были выстроены по случаю торжественного въезда в столицу государыни 16 января 1732 года. В этих воротах граф Миних, губернатор Петербурга, принес поздравление государыне и рапорт о состоянии столицы. Эти ворота простояли до 1751 года. Напротив дома Татищева, где теперь дворец великого князя Сергия Александровича, стоял дом князя Ал. Ив. Шаховского, известного противника немцев-правителей, за что он подвергался преследованию Миниха и гневу Бирона. Князь Як. Петр. Шаховской, обер-полицеймейстер времен Бирона, отличавшийся также необыкновенной честностью и правдивостью, был родной племянник этого Шаховского. Он воспитывался в его доме, и, как заявляет в своих записках, нравственными основами он был обязан дяде. При Екатерине II этим домом владел директор Ассигнационного банка Мятлев. В его доме собиралась следственная комиссия, учрежденная по случаю растраты денег в Заемном банке; в комиссии участвовали Державин, Мятлев и Архаров (петербургский генерал-губернатор). Похищена была кассиром Кельбергом сумма в 600 000

рублей. Из следствия оказалось, что в течение долгого времени, при освидетельствовании банка, кассир Кельберг клал в сундуки запечатанные пакеты с надписью 10 000, в которых вместо ассигнаций, однажды сосчитанных, лежала белая бумага. Кассир, как говорит Болотов[418], подделал казенную печать, все деньги вынул, а сам дал было стрелка, но Архаров не выпустил его из Петербурга. Жена его, как рассказывает Державин, чтобы приготовить средства к пополнению дефицита, продавала ко двору при праздновании Шведского мира бриллиантовые вещи; это подало повод императрице еще в 1790 году заподозрить честность банковских чиновников. Так говорит Державин, но Грибовский[419] упоминает о доносе, поданном на главного директора Заемного банка Завадовского каким-то Морозовым. Во время производства дела Завадовский подал просьбу об увольнении. При следствии открылось, что он поставил себя сам в неловкое положение: в ночь после открытия покражи он велел вывезти из банка к себе на дом два стоявших там сундука; это дошло до императрицы, она приказала

ла Архарову потребовать у Завадовского объяснения. Последний отвечал, что в этих сундуках хранились принадлежавшие ему старые золотые и серебряные вещи и что когда пришлось запечатать банк, то он счел нужным вывезти их. Державин же в своих записках[420] объясняет это тем, что Завадовский, вопреки правилам банка, брал свое жалованье серебром и, кроме того, променивал ассигнации на серебро без платежа лажа[421], а для прикрытия этого держал в одном сундуке серебряную монету, в другом ассигнации, переводя деньги из одного в другой, для пополнения же происходившего при этом дефицита стали брать с заемщиков непомерные проценты. Державин повел дело круто, со свойственной ему правдивостью. Граф П. В. Завадовский упал духом, слег в постель, и даже считали его жизнь в опасности. Кассир Кельберг показал, что по уставу банка деньги должны были храниться в сундуках в кладовой, а вне кладовой в обоих сундуках могло находиться не более как по 10 000 в каждом; между тем на деле вне кладовой находились гораздо большие суммы, из которых директо-

ра временно брали деньги на свои надобности. Кроме того, Кельберг говорил, что в 1790 году первому директору Алексееву поверены были в особый присмотр Завадовским 240 000 рублей, из которых он, Кельберг, взял на покупку бриллиантов 80 000 рублей, а когда бриллианты были куплены, то потребовались еще 40 000. Сумма эта с позволения Алексеева и была взята из казенных денег, на место же ее положены четыре пакета с пустыми бумагами за печатью. Это и было началом расхищения банка. Державин не находил нужным смягчать падавшую тень на начальников банка.

По свидетельству Грибовского, Екатерина, прочитав доклад комиссии, назвала Державина «следователем жестокосердным»; по повелению императрицы доклад был передан в Сенат, где приверженцы Завадовского дали делу такой оборот, что произведенное следствие признано недостаточным; поэтому назначен был пересмотр, результатом которого было полное оправдание принадлежавших к высшему управлению банка лиц; осуждены были только кассир Кельберг с женою и

несколько человек, признанных его сообщниками. Приговор был только исполнен в царствование Павла I. Присуждено было: Кельберга лишить чинов и сослать с женою в тяжкую работу, других же сообщников наказать кнутом, сослать или присудить к денежным взысканиям. На этот приговор 4 декабря 1796 года последовала высочайшая резолюция: Кельберга выводить по три дня на площадь и ставить у столба с привешенною на груди таблицей: «Вор государственной казны», сообщников его второй степени от наказания кнутом освободить «из единственного человеколюбия и милосердия нашего»...

После Мятлева дом купил князь А. М. Белосельский, известный представитель французской музы в Петербурге: он переводил Державина, Ломоносова и даже Баркова на французский язык; его поэтические вольности были безграничны до невозможности: написанная им оперетка «Оленька» в свое время наделала много шума; она, по словам князя Вяземского, была приправлена пряностями такого соблазнительного свойства, что публика, не дождавшись конца спектакля, поспешно разбежа-

лась. Все эти игривые качества князя не мешали ему быть просвещенным вельможей своего времени. Князь долго был посланником в Турине, единственная дочь его Зинаида Волконская наследовала от отца любовь к литературным занятиям и с 1825 года считалась членом Московского общества истории и древностей российских, умерла она в 1862 году.

Рядом с этим домом стоит Троицкое подворье, построенное в 1718 году на земле, пожалованной Петром I в 1714 году Александро-Невской лавре[422]. Но собственно первое каменное строение, как и освящение церкви, было в 1753 году. В пятидесятых годах нынешнего столетия дом и церковь пришли в ветхость, и вместо нее выстроена нынешняя в 1857 году. Главным строителем теперь богатого подворья был архимандрит Варлаам, в миру Василий Антипьев-Высоцкий. Этот иерей был духовником шести высочайших особ, в том числе двух императриц – Екатерины I и Анны Иоанновны. Первую императрицу он присоединял к православию, когда она была еще мариенбургской пленницей Мар-

той[423] и проживала в Москве тайно в нанятом для нее царем частном доме; здесь же он крестил у нее дочерей Анну и Елисавету. Варлаам впоследствии, занимая почетное звание царского духовника, пользовался от императрицы и двора особым уважением. В числе знатных лиц, которым должны быть отпускаемы по востребованию казенные суда от Адмиралтейства, показано имя и Варлаама: ему положена одна восьмивесельная шлюпка без гребцов. По свидетельству современников, Варлаам вел жизнь благочестивую, строгую, по уставам церкви, которую осмеивал в сатире к Феофану Прокоповичу известный вольнодумец того времени Кантемир. По рассказам, келья Варлаама была всегда наполнена просителями разных званий и состояний; все просители не уходили от него неудовлетворенными. Императрица Анна по кончине своей сестры царевны Екатерины Ивановны[424] подарила Варлааму принадлежавшую царевне мызу на Петергофской дороге[425]. Варлаам здесь построил монастырек, куда уединялся по временам в последние годы своей жизни. Год спустя императрица отдала своему ду-

ховнику деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы, которая была при загородном доме покойной матери ее, царицы Прасковьи Федоровны, на Фонтанке, близ Лештукова переулка; по перенесении этой церкви на приморскую дачу Варлаам устроил в ней храм во имя преподобного Сергия и освятил его 12 мая 1734 года.

Варлаам переехал в Петербург вместе со своей духовной дочерью, императрицей Анной Иоанновной; по его ходатайству были возвращены Троицкой лавре те села и деревни, которые при императоре Петре I были отчислены к новооснованной Александро-Невской лавре (указ 1730 года 15 июля). Варлаам был противником Феофана Прокоповича; он был одним из главных действующих лиц древнерусской партии, мечтавшей о восстановлении в России патриаршества. На Троицком подворье, в келье архимандрита Варлаама, был образ преподобного Сергия-чудотворца; предание говорит, что образ написан на доске от гроба чудотворца Сергия, взятой тотчас по открытии его мощей. Образ этот теперь находится в Сергиевской пустыни. Архи-

мандрит Варлаам умер в Петербурге в двадцатых числах июля 1737 года. Императрица Анна очень скорбела о потере своего духовника и, живя в Петергофе, сама делала письменные распоряжения о погребении его. Один из священников провожал тело его всю дорогу из Петербурга до Сергиевской пустыни; над прахом его там воздвигнута небольшая каменная часовня.

Где теперь стоят дома Зиновьева и угловой дом к Графскому переулку и затем примыкавшие к углу Троицкого переулка большие новые дома, – здесь стояла загородная дача духовника Елисаветы, Ф. Я. Дубянского[426], бывшего при дворце в большой силе; придворные считали его недалеким простячком, которого никто не боялся, но на самом деле это был ловкий и умный царедворец; по его представлениям совершались все перемены в составе духовенства, а также объявлялись разные распоряжения по церковному ведомству. По преданию, Дубянский жил очень открыто на своей даче; в записках Марковича встречаются следующие заметки: «Бывали у отца духовного Дубянского... бокалов по деся-

ти венгерского выпили и подпихом». В доме Дубянского была церковь во имя Преображения Господня.

По смерти Дубянского загородный дом поступил во владение его племянников, и в сороковых годах здесь жили его наследники. Вероятно, петербургские старожилы помнят одного из потомков духовника Елисаветы, камергера Дубянского, низенького бодрого старичка, в легком пальто и всегда со шляпой в руках, несмотря ни на какой мороз; его коротко обстриженные волосы были буквально залиты маслом или помадой. Позади Дубянского всегда следовала низенькая модная карета. Жил он в своем доме, в Графском переулке, который так назван от дома графа Головина; по другим сведениям, он получил название от дома графа Ротари, к дому которого он вел с Фонтанки. Граф Ротари, известный богач-художник, ученик Балестры и Тревизани, был вызван Екатериною II на должность придворного живописца; он написал в Петербурге множество портретов, исторических картин и более трехсот девичьих головок, служащих теперь украшением одной из зал Большого

дворца в Петергофе. Ротари умер в Петербурге.

На месте дома на углу Графского и Фонтанки, где теперь помещаются квартиры духовенства Аничковского дворца, в старину стоял загородный дом Алексея Деденева, женатого на дочери В. И. Разумовского. Про этого Деденева говорит Гельбиг[427], что он был человек весьма странный и в обществе неуживчив, у него был сын камергер, умерший в Дрездене в 1793 году; от сына последнего, камер-юнкера, великий князь Николай Павлович в 1818 году и купил деревянный дом со всеми строениями и землею.

Далее стояли дома сторонников Елизаветы Петровны, шталмейстера[428] Р. М. Кошелева и гофмейстера[429] Д. А. Шепелева; женаты оба были на двух родных сестрах, дочерях пастора Глюка, в семействе которого некогда жила Марта Скавронская; родственница Шепелева, Мавра Егоровна, была лицом очень близким к императрице и впоследствии вышла замуж за графа П. И. Шувалова; дом Шепелева примыкал к углу Чернышева переул-ка. По словам Гельбига, Шепелева все ненави-

дели за его грубость; предание говорит, что он был при Петре смазчиком экипажей. Напротив этого дома, по Фонтанке, тянулся большой сад графа М. И. Воронцова, в глубине которого, к Гостиному двору, стоял великолепный дворец, построенный графом Растрелли. Граф Воронцов был в то время вице-канцлером, женат он был на двоюродной сестре императрицы Анне Карловне Скавронской. В 1763 году императрица Екатерина купила его дом за 217 000 рублей, дом стоял пустым до осени 1770 года; в этом году там отвели квартиру принцу Генриху Прусскому, брату Фридриха II; потом жил в нем принц Нассау-Зиген, служивший в нашем флоте адмиралом, одержавший победы над шведами. Затем помещался в нем вице-канцлер граф Ив. Ан. Остерман. Император Павел устроил в нем капитул Мальтийского ордена, церковь была построена архитектором Гваренги и освящена 17 июня 1800 года митрополитом Сестренцевичем; она состояла в заведовании графа Литты до смерти его; в 1810 году дом этот был пожалован Пажескому корпусу, хотя вовсе не был приспособлен к помещению

учебного заведения и носил все признаки жилища богатого вельможи XVIII столетия[430]. Великолепная двойная лестница, украшенная зеркалами и статуями, вела во второй этаж, где помещались дортуары и классы. В огромных залах в два света были спальни для воспитанников; все дортуары и классы имели великолепные потолки. Картины этих плафонов изображали сцены из Овидиевых превращений с обнаженными богинями и полубогинями; в одной из таких комнат на потолке было изображение освобождения Персеем Андромеды. Без всяких покровов прелестная Андромеда стояла прикованная на скале, а перед нею Персей, поражающий дракона. По рассказам современников, после дворца Воронцова по роскоши был один дом в Петербурге – это Шувалова, который в то время полагал основание императорской Академии художеств.

Около Чернышева переулкa в старину стоял загородный дом отца знаменитых деятелей царствования Екатерины II: Ивана, Петра и Захара Чернышевых. Про этого денщика Петра I, графа П. Чернышева, говорит джук де

Лириа, испанский посол, что он «был умен, храбр и исправен в службе, но отличался чрезвычайной скупостью, лживостью и ненавистью к иностранцам». Здесь же вблизи был дом князя А. Б. Куракина, сына известного дипломата времен Петра Великого. Куракин был тип версальского придворного, усвоившего вполне внешний лоск; прожив всю свою молодость в Париже, он вынес безукоризненное знание французского языка, элегантные манеры и модное в то время легкомысленное отношение к вопросам религиозным и нравственным. При императрице Анне Иоанновне Куракин был неременный член всех интимных вечеров и празднеств, на которых имел привилегию напиваться допьяна[431] и потешать государыню каламбурами и островами. Куракин был также усердным слугой Остермана и Бирона.

За домом Куракина стоял загородный двор царицы Прасковьи Федоровны, вдовы царя Ивана Алексеевича, брата Петра Алексеевича и матери императрицы Анны Иоанновны. Жила ли здесь царица – неизвестно; по приезде в Петербург ей был отведен с дочерью дом

на Петербургской стороне, недалеко от крепости, вверх по Неве, близ Петровского домика. Жизнь этой царицы в Петербурге была непривлекательна, в Москве она жила в Измайлове гораздо лучше, полной помещицей: там у ней все было, что нужно для самого обширного хозяйства[432]. Про двор своей невестки император Петр говаривал: «Госпиталь уродов, ханжей и пустосвятов». По словам Татищева, в низеньких покоях ее обширного дома в толпе челядинцев не только были терпимы ханжи, пустосвяты и всякие уроды физические и нравственные, но некоторых из них почитали чуть-чуть не за святых; были здесь и гадальщики, и пророки; в последнем звании состоял один отставной полупомешанный «подьячий» Тимофей Архипыч; некогда он занимался иконописанием, но потом бросил, стал юродствовать миру. «Меня, – рассказывает Татищев, – Тимофей Архипыч не любил за то, что я не был суеверен и руки его не целовал. Однажды перед отъездом в Сибирь я приехал проститься с царицей; она, жалуя меня, спросила этого шалуна: „Скоро ли я возвращусь?“ Он ответил на это: „Руды

много накопишь, да и самого закопают“». Пророчество, однако, не исполнилось. Царица верила каждому слову Тимофея Архипыча и считала себя счастливою, что такой человек удостоился жить в ее доме: он прожил у нее 28 лет; говорят, что он предрек царевне Анне Иоанновне ее дальнейшую судьбу».

Впоследствии загородное место царицы императрица Елисавета подарила своему первому лейб-медику Лестоку, для которого здесь построил загородный дворец архитектор Растрелли; три года тому назад дом Лестокка еще был цел, он стоял на углу Лештукова переулка, в глубине крайнего двора от Фонтанки, напротив дома известного фабриканта В. Г. Жукова. В настоящее время он переделан.

Граф Герман Лесток, по происхождению француз, имел на Елисавету сильное влияние в начале ее царствования. Лесток приехал в Россию в 1713 году, определен доктором Екатерины и в 1718 году сослан Петром в Казань, как уверяет Штелин в своих анекдотах. Со вступлением на престол Екатерины I Лесток был возвращен из ссылки и определен врачом к цесаревне Елисавете; здесь он умел по-

нравиться ей своим веселым характером, французской любезностью. При дворе принцессы Лесток ловко повел интригу в пользу своей повелительницы и представил ей план овладеть престолом. Вначале Елисавета не решалась отважиться на такой шаг, но позднее, спустя одиннадцать лет, во время младенчества императора Иоанна Антоновича, она согласилась на его план. По его совету царевна обратилась к содействию французского посланника, маркиза де ла Шетарди, последний передал Лестоку до 130 000 дукатов для этого дела. Все переговоры были ведены очень хитро: если нужно было переписываться, то заговорщики клали записочки в табакерки и таким образом вели корреспонденцию. Но как ни были ловки заговорщики, тайные сношения были открыты. Елисавета имела горячий разговор с регентшей и, возвратясь домой, объятая страхом, умоляла Лестока бросить все затеи. Елисавета наконец решилась и в ночь с 24 на 25 ноября 1741 года взошла на престол своего отца. Услуги Лестока были вскоре забыты императрицей; последний это предвидел и не раз намекал об

этом Елисавете, но государыня уверяла его в своей неизменной благодарности. В первые дни своего царствования она наградила его по-царски: помимо большого жалованья, он получал за каждый раз, когда пускал кровь императрице, по 2000 рублей. Елисавета пожаловала ему свой портрет, украшенный бриллиантами. Но вскоре своим беззаботным поведением, кутежами и в особенности преданностью наследнику Петру III он возбудил в императрице подозрительность. Этими ничтожными обстоятельствами и воспользовались его враги: граф Апраксин и Бестужев-Рюмин, которые донесли, что он находится в тайной связи с враждебным императрице прусским двором и затем хочет возвести на престол Петра III. Как ни были нелепы эти обвинения, но Елисавета поверила им; над Лестоком был учрежден суд. Ведение этого суда возмущало всякого беспристрастного человека; только для веселого Лестока оно было новым источником забавы, но скоро веселость покинула его; для обвинения нужно было собственное сознание, чего никак нельзя было добиться от графа. Варварская пытка подей-

ствовала, несколько ударов кнутом вынудили его сознаться в несовершенных преступлениях. Но несмотря и на это, враги ни в чем не могли изобличить его, они начали тянуть процесс, члены которого, по существовавшему тогда закону, содержались на счет виновного Лестока; превосходный дом его на Царицыном лугу (теперь дом Игнатьева) взял себе граф Апраксин, капитал тоже был отобран, дело тянулось долго. Только в 1756 году он был осужден к ссылке сначала в Углич, потом в Устюг. При вступлении Петра III на престол Лесток был возвращен государем. Когда его возвратили, то жена Лестока, принося благодарность Петру III, пророчески сказала императору: «Ваше величество все такой же любезный, человеколюбивый государь, каким и были; ваше великодушное сердце прощает своим врагам, но, поверьте мне, ваша доброта погубит вас!» По преданию, Петр III позволил Лестоку отыскивать разграбленные у него вещи, и последний смущал придворных своим появлением в их гостиных. Лесток был талантливый человек, он обладал проницательным умом, глубоким знанием людей и доб-

рым сердцем; он владел неунывавшей веселостью, был вечно жив, резв и остер и до последних дней жизни беззаботен и крайне невоздержан на язык: этим недостатком он вредил скорее себе, чем другим. Лесток умер в 1767 году, по одним сказаниям, от каменной болезни, по другим – он был заеден насекомыми вследствие своей невероятной нечистоплотности под старость.

Известный, по уличному прозванию, на Фонтанке, у Семеновского моста, «Глебов дом», где помещаются теперь казармы, получил свое прозвище от своего прежнего владельца, генерал-прокурора А. И. Глебова, происходившего родом из духовного звания, возвышением же своим обязанного графу П. И. Шувалову, в руках которого, по выражению императрицы Екатерины II, «он находился и напоился его дурными принципиями, хотя и не весьма полезными для общества, но достаточно прибыльными для их самих». Глебов владел миллионами, начало которых положил в Сибири, где был откупщиком и винозаводчиком в Иркутской губернии. Впоследствии Глебову за взятки и разные беззакония

было воспрещено жить в обеих столицах. В это время он выстроил себе дом на Ходынке, близ Москвы, где и умер. Глебов еще при жизни своей продал дом своему однофамильцу, богатому ярославскому купцу, который в доме устроил большую суконную фабрику.

В царствование императора Павла в Глебовом доме стояли два эскадрона Кавалергардского полка; потом при Александре I были казармы Московского и Литовского полков; по возвращении первого из заграничного похода в 1814 году в казармах была отстроена церковь (освящена 27 апреля 1815 года) во имя Святого архистратига Михаила. Когда здесь стоял Литовский полк, то в церкви хранилась тамбур-мажорская трость, отбитая у верховного визиря во время войны с Турцией в 1829 году. Трость эта была пожалована императором Николаем в память победы, одержанной над турками. С переводом в эти казармы фельдъегерского корпуса здесь снова был освящен храм в память Сретения Господня.

За Глебовым домом жил в царствование Анны Иоанновны прославившийся своими мрачными деяниями в Тайной канцелярии

во время бирановщины шестидесятилетний старик граф А. И. Ушаков.

Андрей Ив. Ушаков, сын бедного дворянина Новгородской губернии, осиротев в ранней молодости, до тридцатилетнего возраста жил в деревне с четырьмя братьями, владел обще с ними всего одним крестьянином Анохою (Онуфрий) и одним же холстяным балахоном с парюю лаптей-семиричков, ходил с девками по грибы и, отличаясь большою телесною силою, перенашивал деревенских красавиц через грязь и лужи, за что и слыл детиною. В 1700 году Ушаков в числе прочих недорослей явился на царский смотр в Новгороде; записанный государем в Преображенский полк, он скоро обратил внимание Петра и через семь лет был уже капитаном. Императрица Екатерина I произвела его в генерал-поручики. Императрица Анна пожаловала его сенатором и генерал-аншефом. Императрица Елисавета пожаловала его графом и первым из трех своих генерал-адъютантов. Ушаков был смел, честен, некорыстолюбив, отличался очаровательным обхождением и даром выведывать чужие мысли, но его обви-

няют и в пристрастных действиях по Тайной канцелярии, и в жестокости, с какою он производил ужаснейшие истязания. Одно имя его заставляло трепетать каждого.

Где теперь Казачий переулочек, там при Екатерине II размещаемы были приходившие в столицу казаки; место это носило в то время название Казачьего подворья.

На набережной Фонтанки, между мостом и каналом, проведенным из Фонтанки в Обводный в 1803 году Герардом, основана в 1784 году, по плану лейб-хирурга Кельхена, по образцу венской лечебницы, одна из обширнейших столичных больниц – Обуховская. Как название больницы, так и мост этой местности получили свое прозвание от строителя-подрядчика Обухова. Место, где стоит теперь Обуховская больница, некогда было загородной дачей Нарышкина.

Этот Нарышкин отличался преданностью старинным московским обычаям. После смерти Петра Великого он числился при Екатерине I своим прежним московским чином «ближнего стольника». Вся эта местность, которая теперь занимает угол от Обуховской

больницы и вплоть до Загородного проспекта, где теперь дома Технологического института, при Петре и Екатерине I принадлежала обер-шталмейстеру Петра, С. А. Алабердееву, известному своими знаниями и близкими отношениями к царю. Алабердеев начал службу во флоте. Петр возложил на него, вместе с Любрасом, поручение отыскать и исследовать новое водное сообщение между Волгой и Ладожским озером; поручение это Алабердеев исполнил скоро и искусно. Затем при Анне Иоанновне здесь стоял загородный дом известного своими несчастиями кабинет-министра Артемия Петровича Волынского. В 1740 году этот дом считался отписанным от Волынского под псовую охоту и в нем жили шесть пикеров[433][434], прибывшие в этом же году в Петербург с собаками, купленными в Англии и Франции для придворных охот. Вот подробная опись дома Волынского, которая была представлена в канцелярию егермейстерских дел полковником фон Трескою. Приводим ее дословно, так как она дает понятие о загородных домах вельмож того времени: «Опись загородному двору, что на Фонтан-

ке, Артемия Волынского. А в нем покоев три горницы и одна каморка детиных. Из оных в одной горнице обито камкою красною; в двух горницах печи синие кафленые, а в третьей белая; обиты полотном и выбелены. Подле тех трех горниц, через сени, светлица, в ней два окошка, окончины стеклянные; печь белая, пол выстлан кирпичом; в той же горнице 22 рамы в окно, без стекол. В его покоях: 1) в одной светлице обиты стены голубою камкою от полу до потолка, в двух углах от окошка до окошка; 2) светлица, в ней печь и камин кафленые синие; и в первой, и во второй двери за стеклом, обиты белым полотном; 3) светличка, против нее другая; в них камин штукатурный, белый; обита полотном; 4) спальня с одним окном столярным; в ней две печи кафленые синие; в ней двери двои со стеклами; обито по панели камкою таусиною, травы красные; 5) светлица подле спальни, обита камкою голубою от полу и до потолка стены все кругом, печь белая; 6) зал, в нем печь кафленая синяя; по панели обито обоями воцанкою цветною; 7) светлица без печи, в ней четыре скамьи; 8) горница, в ней печь кафленая

синяя; в ней две скамьи столярные; на другой стороне, в детиных же горницах: в первой обито полотном, стол дубовый с полами, две скамьи столярные и в другой тоже. Каморка без печи, в ней семь стулов ореховых плетеных. Еще светлица чрез сени; обита полотном, в ней печь белая, скамья столярная. На переднем дворе: повареная изба с сеньми и при ней кухня с очагом и печью, в них восемь окончин со стеклами. Баня с прибаником; в ней печь, в прибанике камины; чрез сени столярная изба; а в них, в избе и в бане, семь окончин стеклянных. Восемь изб людских. Пять амбаров, два погреба, конюшня, в ней трой двери отворчатые на крючьях железных и запоры железные, в ней стоел 28, затем еще три конюшни, в них по 15 стоел, два сарая деревянных. Кругом всего двора огорожено барочными досками».

О существовании здесь псарного придворного двора имеются следующие довольно подробные сведения. Так, в 1740 году псовая охота на этом дворе пополнилась собаками, описанными от Волынского, в числе 57, от Бирона 68 и купленными во Франции и Англии

194; во Франции куплены были для императрицы русским послом, князем Кантемиром, 34 пары бассетов (коротконогих), в том числе несколько ищущих трюфли, за 1100 рублей; в Англии в том же году куплены русским посланником, князем Щербатовым, у министра Вальполя 63 пары разных пород собак: гончих, биклесов, борзых и хортов. Приобретение этих собак обошлось в 481 фунт стерлингов 17 шиллингов и $5\frac{1}{2}$ пенса, по существовавшему тогда курсу – 2234 рубля 77 копеек. Позднее, при императоре Павле и даже в первых годах царствования Александра I, здесь происходили травли медведей, на которые съезжалась вся петербургская знать [435]. Это место долго в народе называлось Волынским двором; теперь этот двор занят мастерскими, принадлежащими Технологическому институту, основание которому положено в 1829 году графом Канкриным. Институт был открыт в конце 1831 года. Недалеко от института, по Обуховскому проспекту, на углу 4-й роты, стоит дом Вольно-экономического общества, основанного в 1765 году графом Г. Г. Орловым; Общество прежде помещалось на углу Адми-

ралтейской площади и Невского проспекта. В доме, теперь принадлежащем Обществу, при императоре Александре I происходили заседания масонской ложи Святого Михаила.

На просторном участке земли, ограниченном с одной стороны Фонтанкою, на протяжении до $\frac{1}{4}$ версты, с другой – Обуховским проспектом и с третьей – частью 1-й роты Измайловского полка, где стоит теперь Константиновское военное училище, при Петре был первый Аптекарский ботанический сад. Затем позднее место это перешло к графу И. И. Воронцову, женатому на дочери А. П. Волынского; потом И. И. Воронцов передал его брату своему Р. И. Воронцову, отцу известной княгини Дашковой и графа А. Р. Воронцова, покровителя и друга Радищева. Граф Роман Илларионович, генерал-аншеф, построил здесь в 1757 году роскошный загородный дворец, строителем которого был известный Гваренги. В деньгах, как известно, он не нуждался, он носил в тогдашнем обществе прозвище Роман Большой Карман. Женат он был на богатой сибирячке Марфе Ивановне Сурминой, бывшей до ссылки первого ее мужа в Сибирь

княгиню Долгорукой. Император Павел в 1797 году купил дворец Воронцова и поместил в нем военно-сиротский дом, основанный им в 1793 году для сыновей бедных инвалидов; школа эта сперва помещалась в одном из флигелей Каменноостровского дворца, затем, в 1795 году, в Гатчине, где надзирателем за малолетними детьми был подполковник А. А. Аракчеев; в 1796 году заведение это было помещено в Летнем дворце близ Итальянского сада и после, в день восшествия на престол императора Павла I, переведено в дом бывший Воронцова. В то время в пользу этого дома поступало много пожертвований от частных лиц и преимущественно от купца Нащокина и графа Румянцева. В 1829 году император Николай приказал основанный Павлом военно-сиротский дом называть Павловским корпусом; впоследствии он был переименован в Константиновское училище. Церковь в училище взята с Волынского двора по приказанию императора Павла I; там она была во имя Воскресения Христова, здесь – в память святых равноапостольных Константина и Елены. К достопримечательностям церкви

принадлежат две иконы Богородицы – Тихвинская и Знамения, переданные из Волынской церкви и бывшие в роду несчастного Артемия Волынского. К числу церковного дохода причта принадлежат проценты с 2000 рублей, положенных женою Державина за поминовение рода их. Рядом с домом училища стояла в екатерининское время обширная усадьба, заросшая кругом вековыми деревьями; часть этого сада уцелела до наших дней; она принадлежит к дому Тарасова. Здесь в Павловское время в глубине роци стояли деревянные хоромы одного из графов Зубовых, где по временам жилал и Платон Зубов, постоянно проживавший, впрочем, после смерти императрицы на Дворцовой набережной в доме сестры своей Жеребцовой. В то крутое время за всякими ночными собраниями полиция зорко следила; здесь же, в глуши, почти в лесу, ей трудно было видеть поздние беседы недовольных вельмож того времени.

К дому Зубова примыкал дом сенатора Захарова, купленный в 1791 году нашим поэтом Г. Р. Державиным[436]; теперь здесь стоит Римско-католическая коллегия. Главное зда-

ние, в котором жил поэт, находилось в глубине большого двора; над фасадом его высились сохранявшиеся долгое время статуи четырех богинь; со стороны фасада были, как и теперь, два боковых подъезда, третий был позади дома, вел в сад, разведенный стараниями жены Державина. От фасада по обоим краям двора шли колонны, которые потом продолжались и вдоль стены параллельно с Фонтанкой. Дом состоял из двух этажей. Кабинет поэта был наверху, с большим венецианским окном, обращенным на двор[437]; за кабинетом находилась небольшая гостиная, влево был так называемый диванчик, а далее столовая; другая большая столовая внизу служила и залом для танцев. Прямо с подъезда входили в аванзалу, а вправо от нее была большая галерея в два света, где впоследствии происходили заседания пресловутой шишковской «Беседы» [438], еще далее вправо был театр, также в два света. На втором этаже находились, между прочим, комнаты для приезжих, одна для секретаря и другая для доктора. Державин имел от 60 000 до 70 000 рублей дохода; подобно большинству наших бар, поэт жил выше

своих средств, оба принадлежавшие ему дома были заложены в Опекунском совете. Образ жизни его был таков: вставал он рано, часов в пять или в шесть утра, а вставши, пил чай; в два часа обедал, ужинал в десять; вина почти не пил, кофею не любил, не увлекался картами, проигрывал не более 1000; раз в неделю у него собирались гости, танцы продолжались далеко за полночь; сам Державин уходил часов в одиннадцать спать; жена его, уложив мужа, возвращалась к гостям. Державин любил музыку, особенно Баха и Крамера; часто, слушая ее, ходил по комнате и ударял такт; если он при этом ускорял шаги и наконец уходил в кабинет, то все знали, что надо ожидать новых стихов. Почти до конца жизни он сберег хорошее зрение и только для самого мелкого шрифта иногда употреблял лупу. Дома, когда не было гостей, он обыкновенно носил шелковый шлафрок, подбитый беличьим мехом, и колпак; молодые дамы ему вышивали кушаки, которыми он подпоясывал халат. Державин был давно лыс и, одевшись, являлся в парике с мешком; выезжал во фраке, в коротеньких панталонах и гусар-

ских сапожках, над которыми видны были чулки. Камердинер Державина был Кондратий, в его доме находились еще два Кондратия: садовник и музыкант, по этому поводу поэт написал шуточную комедию «Кутерьма от Кондратьев».

Посещавшие поэта молодые литераторы С. П. Жихарев, В. И. Панаев, С. Т. Аксаков оставили нам следующее описание внешности Державина. Один видел его в халате, опущенном соболями, во фланелевой, плотно застегнутой фуфайке, на шее был у него белый кисейный платок, а на голове белый же вязаный колпак. Другой застал Державина за письменным столом, стоявшим посредине кабинета; поэт сидел в таком же домашнем наряде; из-за пазухи его торчала головка белой собачки, которая носила имя Тайки (сокращенное от Горностайки), она не оставляла своего господина ни на минуту, и если не была у него за пазухой или не вместе с ним на диване, то лаяла, визжала и металась по целому дому. Собачка эта была для поэта воспоминанием одного доброго дела; прежде она принадлежала одной бедной старушке, которую Державин

благодетельствовал.

Посещавший его вечера Панаев нашел Державина в коричневом фраке с двумя звездами, в хорошо причесанном парике, очень любезным хозяином и т. д. С. Т. Аксаков видел нашего поэта, сидевшего на диване с аспидной доской и грифелем в руках. По его описанию, Державин был довольно высокого роста, широкого, но сухощавого сложения; на нем был колпак, остатки седых волос небрежно из-под него висели; он был без галстука, в шелковом зеленом шлафроке[439], подпоясан такого же цвета шнурком с большими кистями, на ногах у него были туфли; портрет его походил на оригинал, как две капли воды. Аксаков был восторженный почитатель Державина, он знал множество его стихов наизусть, которые и читывал превосходно в присутствии поэта. При чтении Аксаковым стихов Державин входил в полный экстаз, он не мог сидеть, часто вскакивал, руки его, как и голова, были в постоянном движении; но эти чтения кончались, как пишет Аксаков, дурно для поэта, он после них всегда прихварывал, несмотря на то что столько еще энергии, жи-

вности и теплоты сохранилось в этом 75-летнем старце.

Соседом Державина был богач Гарновский, построивший свой огромный дом рядом с его выше законной меры и затемнивший тем свет своему соседу, на что Державин жаловался в полицию и написал даже стихи «К второму соседу»[440], где пророчески предвещал соседу дальнейшую его печальную судьбу.

Великолепное здание Гарновского дома (теперь Измайловские казармы, у Измайловского моста) должно было примыкать к дому Державина эрмитажем, в котором предполагалось устроить сад и фонтан. Гарновский строил свой дом в надежде, что его купит казна для кого-нибудь из великих князей или княжон.

Полковник Михаил Гарновский, статный, красивый мужчина, по происхождению шляхтич, был поверенный в делах князя Потемкина и английской графини Кингстон, известной по своей красоте и приключениям в Европе; с последней Гарновский состоял в связи и унаследовал ее имения в России. По

смерти Потемкина Гарновский лучшие вещи из Таврического дворца вывез к себе, как то: статуи, картины, мебель и даже строительные материалы; узнав об этом, наследники остановили расхищение через полицию, перехватывая барки на Фонтанке с добром; от этого, как пишет Державин, нередко были крики и споры[441]. Впоследствии, при Павле, Гарновский пострадал жестоко; он, как поверенный в делах князя Потемкина, переводил в армию во время турецкой войны большие денежные суммы, не отдавая в том никому отчета.

Вскоре по восшествии на престол Павла, он за это подвергся преследованию, был посажен в крепость, откуда уже выпущен под надзор полиции. От суда Гарновский был освобожден только в царствование императора Александра I. Великолепный дом Гарновского в это время поступил в казну, и в нем были помещены сперва конногвардейские конюшни, потом сделаны казармы Измайловского и Лейб-егерского полков.

Дом Гарновского, впрочем, не был им достроен и стоял непокрытый долго; после

смерти Потемкина Гарновский даже просил у Екатерины пособия на постройку его, подавая императрице не раз прошения. Это подало повод Державину написать эпиграмму «Челобитная о достройке дома».

*Возри, монархиня! на дом, покрова не имущий,
В столице от крупниц царя Тавриды сущий.
Возри! и украси сей хижиной твой трон:
Прибавь к украденным еще хоть миллион.*

Большое имение, завещанное ему графинею Кингстон, Гарновский потерял, скитаясь во время невзгоды своей по судебным местам. Лишась состояния, он сделался шулером и за картежную игру был выслан из С.-Петербурга в Тверь под надзор полиции; впоследствии через ходатайство принца Ольденбургского, тверского губернатора, он был возвращен в Петербург с обязательством его подпискою, чтоб он впредь в карты не играл. Гарновский умер в Петербурге в 1810 году.

На другой стороне Фонтанной речки, у Се-

меновского моста, где теперь стоит дом Гуна, в Елисаветинское время стояла загородная дача вице-адмирала Вильбуа, француза по происхождению, вступившего на службу к Петру во флот. Вильбуа был женат на дочери пастора Глюка, известного воспитателя императрицы Екатерины I. Гельбиг про этого Вильбуа говорит: «обладал горячею кровью и приятностью своей нации, но, кажется, не отличался ни особыми познаниями, ни заслугами». Вильбуа написал известные анекдоты о русском дворе в царствование Петра I и Екатерины I.

В 1743 году проживавшие вблизи этой местности купцы Гроздов, Краснощеков, Соломяков, Кокушкин, Рогов, Попов и Важин просили Никодима, епископа Санкт-Петербургского, позволить им своим коштом построить деревянную церковь на каменном фундаменте, в пристойном порожнем месте, за Морским рынком, по Большой Садовой улице, против Загородного, по Фонтанной речке, двора вице-адмирала Вильбуа. На всепокорнейшее прошение купцов из кабинета ее величества позволение не вышло[442]. Поз-

воление тогда только последовало, когда при Петре III в этой местности появился богатейший домовладелец, коллежский асессор Савва Яковлевич Яковлев[443], родом из города Осташкова Тверской губернии, известный колоссальный богач, владелец железных рудников на Урале (Невьянских заводов) и откупщик всех русских таможен при Петре III.

В Петербурге Савва Яковлевич приобрел в собственность и «тыном огради» громадный участок земли формой четырехугольника: от Сенной площади, по Обуховскому проспекту, до моста (в этой местности он построил себе дачу, главное здание которой, изящной архитектуры, лицом на Фонтанку, сохранилось до наших дней, теперь фабрика бронзовых вещей Шопена). Дача была сооружена в 1766 году по плану знаменитого архитектора Растрелли; во дворе был распланирован большой сад; место Яковлева отсюда шло по набережной Фонтанки до Семеновского моста, потом по Гороховой улице до Большой Садовой, вплоть до площади. На углу Садовой и Гороховой он построил громадный дом (дом этот до сего времени стоит в том же виде, как он был

построен, не поднятый ни на один этаж; им владели наследники Яковлева более столетия, теперь он продан купцу Воденикову). Рядом со своим домом Яковлев заложил и построил каменную церковь; заложена она была 20 июля 1753 года и строилась 12 лет. Храм сперва думали освятить во имя Сретения Господня, но потом передумали и осветили во имя Успения Божией Матери. Внешний вид храма был окончен в год коронавания Екатерины II, и, чтобы это увековечить, на кресте главного купола водрузили корону. Строитель храма, воздвигая корону на кресте, хотел сделать новой императрице приятное; Екатерина II, въезжая в столицу после коронации, первую церковь в черте города от Московской заставы увидела увенчанную короною.

В 1763 году строитель храма перенес в построенную им церковь тела своих родителей с Сампсониевского кладбища и положил их под придел Трех Святителей. Престол в главном храме Яковлев снаружи обложил серебряными досками, весу в них 5 пудов 37 фунтов 51 золотник, на верхней доске изображено положение Иисуса Христа во гроб, на боко-

вых – те святые, имена которых носило семейство Яковлевых, чеканка досок сделана в 1786 году. Из замечательных исторических образов в этом храме имеется образ Христа Спасителя в серебряной ризе, устроенный вологодскими гражданами за избавление Вологды от моровой язвы в 1605 году; Евангелие, напечатанное в 1689 году, затем ковчег серебряный, больше пуда весом, устроенный в 1770 году строителем, и масса сосудов, кадил и крестов серебряных, современных началу церкви. Из 15 колоколов на большом, кроме изображений престольных праздников церкви, есть портрет императрицы Екатерины II и следующая надпись: «Асессора Саввы Яковлева, в церкви Успения, что на Сенной, весу 542 пуда 18 фунтов. 1780 года января 20-го, лит в Москве на заводе Ясона Струговицкого, язык при нем железный, 17 пудов 5 фунтов». Есть предание, что при жизни Яковлева звонили в этот колокол только тогда, когда он позволял, и у него от языка был ключ, который он сам выдавал, когда хотел.

До 1869 года вокруг церкви была красивая ограда и прекрасный сад, носивший название

Настоятельского, но впоследствии, в видах крупного дохода с домов в этой местности, здесь выстроили большой четырехэтажный дом с магазинами. Что же касается до домов строителя церкви, Саввы Яковлева, то они сохранились до наших дней, хотя и не принадлежат уже потомкам его. Существующий и теперь дом в прежнем наружном своем виде, у Обухова моста, еще в тридцатых годах принадлежал одному из Яковлевых, в комнатах тогда еще были видны следы великолепия, роскоши и блеска первого владельца. В большой зале стены были обтянуты кожаными обоями, расписанными масляными красками по золотому полю, зало было украшено большими портретами высочайших особ в рост; кроме того, здесь было несколько картин итальянской школы, в числе которых были две превосходные: одна «Усекновение главы Иоанна Предтечи» и другая «Архимед в раздумье над геометрическими фигурами». В сороковых годах в этом доме был детский приют великой княгини Ольги Николаевны.

Сенная площадь с первых дней существования Петербурга была складом сельских

произведений, ввозимых по Московской дороге; она находилась на рубеже города. Крестьяне, въезжая в Петербург, останавливались прямо здесь, продавая сено, солому, овес, телят, баранов и куриц. От имени первого продукта площадь получила название Сенной, и при Екатерине II она была исключительно занята продажей сена. Торг живностью производился на Обуховской площади, откуда после переведен на скотный двор. Площадь эта, составлявшая вначале часть Сенной, отделилась сама собою в то время, когда отошло от Сенной место на берегу Фонтанки. На Сенной продавались и лошади близ того переулка, который от имени их назван Конным. С 1800-х годов крестьяне на Сенную стали доставлять мясо, рыбу и масло, потом появились и огородники; до пятидесятых годов на Сенной производился торг деревьями и цветами, которыми преимущественно торговали крестьяне из слобод Пулковой и Кузьминой. С первых дней весны на правой стороне площади раскидывался импровизированный сад. К Троицыну дню деревья распродавались, и фантастический сад исчезал.

Дома на Сенной в старину исключительно населялись евреями. Утром, при закупке припасов, они толпами расхаживали на площади. В это время они не приписывались ни к одному из торговых сословий и не были обложены никакими податями. При таком выгодном положении своем в столице евреи богатели в короткое время и стали заниматься ростовщичеством. Когда состоялось положение об евреях, им пришлось приписываться в городские сословия. Бóльшая часть еврейских семейств оставила столицу, следовательно, и Сенную площадь.

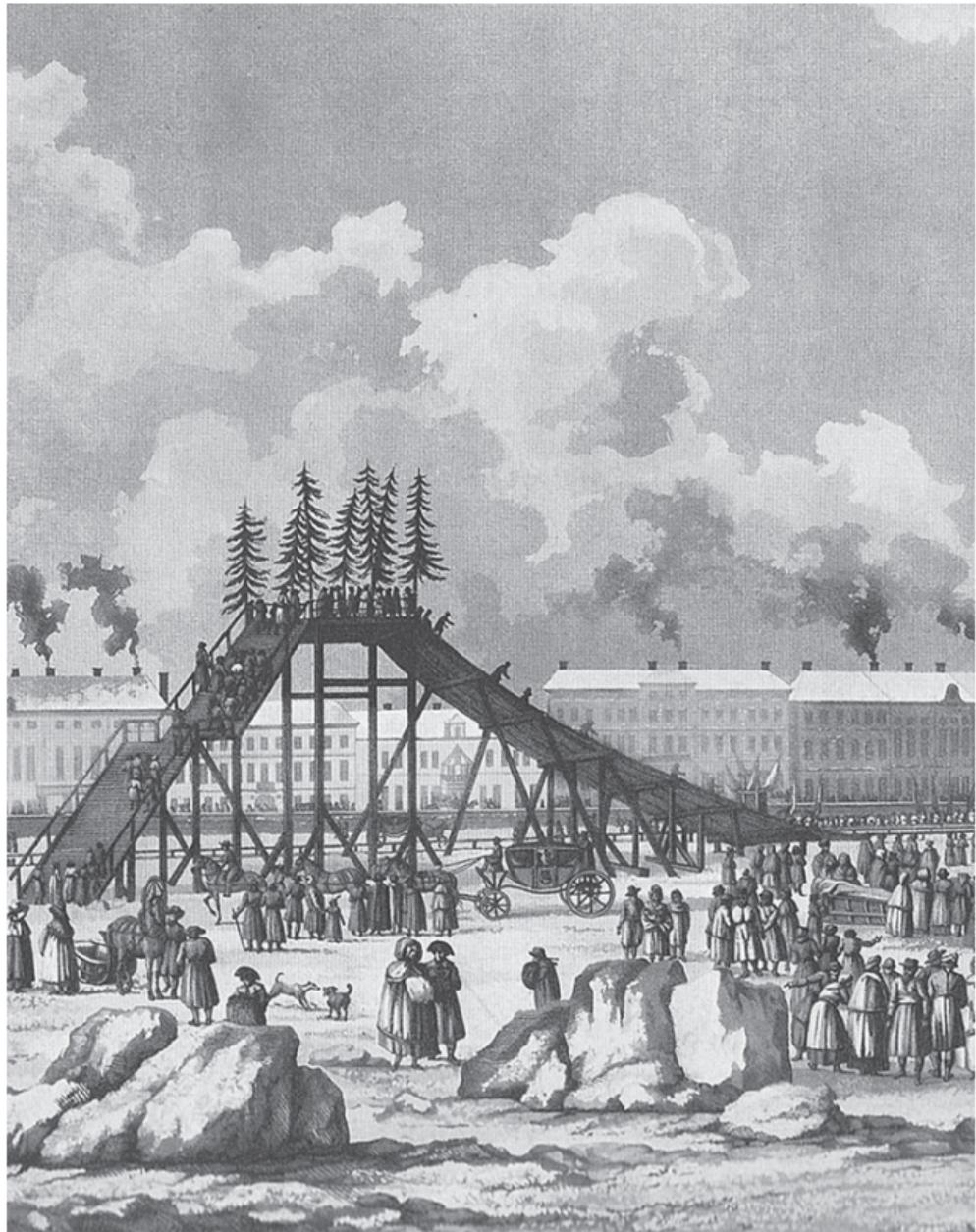
В счастливые дни пребывания евреев на Сенной на них приходили смотреть столичные жители во время их праздников Кущей. В эти дни сенновские евреи имели обыкновение строить внутри двора временные деревянные шалаши при домах, в которых жили. Снаружи шалаш сходил с четырехсторонними башнями и примыкал к дому с нижнего яруса до крыши; одна сторона шалаша сообщалась с внутренними покоем, а три, составленные из стеклянных рам, выходили на двор; шалаш разделялся на столько отделе-

ний, сколько дом заключал в себе ярусов, и каждое отделение состояло из одного покоя. Вечером шалаши освещались множеством свечек, евреи с величайшим волнением, шумно располагались на лавках лицом к той стороне стены, которая присоединялась к дому; еврейки обносили мужей разными яствами и вином; евреи, предаваясь торжеству, кричали оглушительно, и под конец веселье переходило в шумную оргию. Тысячи зрителей толпились по дворам, любуясь странными празднествами евреев.

Близ Сенной площади существовал грязный, запущенный дом Таирова; в нем была устроена холерная больница во время эпидемии 1831 года, из окон которой взбунтовавшая чернь выбрасывала на улицу докторов. Впоследствии в этом доме существовала типография Воейкова, автора «Сумасшедшего дома». На новоселье у последнего при открытии книгопечатни присутствовали все литераторы того времени. Характерное описание этого праздника находим в воспоминаниях Ив. Ив. Панаева, И. П. Сахарова, В. Бунашева и других.

В конце Фонтанки в екатерининское время стоял дом академика Штелина. Дом стоял в той местности, где теперь Калининская больница. Яков Штелин числился при Академии наук «профессором аллегорий». Штелин родился в Меммингене, он был вызван в Петербург для преподавания истории великому князю Петру Феодоровичу; при вступлении последнего на престол он состоял у него библиотекарем и домашним человеком. В несчастные дни этого государя, 28 и 29 июня, он находился неотлучно при своем повелителе. Штелин оставил записку о последних днях царствования Петра III и издал известные анекдоты о Петре Великом; затем выгравировал еще несколько гравюр с изображениями торжественных фейерверков, иллюминаций и видов Петербурга.

Ледяные горы на Неве. Гравюра М. Ф. Дамам-Демартре. 1813. Фрагмент

Проспект вверх по реке Неве от Адмиралтейства и Академии наук к востоку. Гравюра Е. Виноградова и М. Махаева. Ок. 1751–1753. Фрагмент

Глава XII

Разные постройки при Екатерине II. – Первый мост через Неву. – Плата за проход и проезд. – Мысль императрицы поставить Петру I монумент. – Проекты художников. – Фальконет и его модель. – Гром-камень. – Перевозка его. – Отливка статуи. – Отъезд Фальконета. – Стихи Рубана. – Медаль на открытие памятника. – Столетние сподвижники Петра. – Торжество открытия. – День столетия Петербурга. – Рассказы столетнего старика об императоре. – Торжество в Петербурге по случаю столетнего юбилея города. – Аристократический квартал Петербурга. – Дом эпохи Петра I. – Английская набережная. – Жилища наших вельмож. – Дом графа Воронцова-Дашкова. – Домашние спектакли и балы. – Беспрецедентная деликатность графа Воронцова-Дашкова. – Анекдоты о нем. – Дома Нарышкиной, генерала В. И. Асташева. – Замечательный вековой погреб. – Дом графа Румянцева, пребывание в нем шведского короля Карла XIII. – Дом Шереметева. – Английская церковь. – Палаты вельмож: князя Лобанова, канцлера Безбородко, Салтыкова. – Семейные вечера генерал-аншефа Арбенева.

Несмотря на те улучшения и новые по-

стройки, которые были сделаны Екатериною, Петербург все еще имел вид возникающего города. Улицы были очень нешироки, из них три только главные, примыкающие к Адмиралтейству, были вымощены камнем[444], другие выстланы были досками; дома в лучших улицах стояли тесно друг к другу, в других же местах, как на Васильевском острове, беднейшие деревянные лачужки перемешивались с большими кирпичными зданиями. Лучшие постройки находились на набережной, а около Адмиралтейства были сосредоточены дома вельмож, и здесь же, близ Исаакиевской площади, был наведен в 1727 году первый через Неву мост – Исаакиевский[445], по которому указом 1741 года велено было пропускать безденежно только дворцовые кареты, церемонии, курьеров и едущих на пожар. После 1750 года мосты Санкт-Петербургские были отданы на откуп купцу Ольхину. С пеших за проход брали по копейке, с лошади по три деньги. Такая тягостная плата мостовых денег была отменена только в 1754 году по случаю рождения Павла Петровича.

На площади, между Невой, Адмиралтей-

ством и домом, в котором присутствовал правительствующий Сенат, Екатерина II изустно повелела 15 мая 1768 года г. Бецкому: «Во славу блаженные памяти императора Петра Великого поставить монумент».

Мысль же о постановке памятника у ней явилась гораздо ранее: еще в 1765 году она приказала нашему посланнику в Париже, князю Голицыну, найти ей опытного и талантливого ваятеля. Голицын предложил государыне четырех художников: Фасса, Кусту, Файю и Фальконета. Выбор Екатерины пал на последнего, бывшего ученика профессора Лемуана, приобретшего уже себе славу талантливого ваятеля созданием художественного жертвенника в храме Св. Роша и статуями Флоры и Помоны. В 1766 году Фальконет приехал в Петербург и в десять месяцев изваял в малом виде модель будущего памятника[446]. Фальконет обязывался свою работу окончить в восемь лет. После отлития модели императрица приказала отыскать камень для подножия, и в июле 1768 года от Академии художеств явилась публикация, в которой была описана потребная величина такого камня. В

описании говорилось: «Камень сей должен быть пяти сажень и одного аршина в вышину». В том же году, в сентябре месяце, в Академию явился крестьянин из деревни Лахты, Семен Вишняков, и заявил, что у них, в 12 верстах от Петербурга, имеется такой, годный к подножию статуи, камень. Камень этот был у них известен под именем Гром-камня; на этот камень, по словам крестьянина, неоднократно всходил император для обозрения окрестностей. Камень этот лежал в земле на 15 футов глубины, наружный вид его уподоблялся параллелепипеду, верхняя и нижняя часть его были почти плоски, камень зарос со всех сторон мхом на два дюйма толщиной. Произведенная громовым ударом в нем расщелина была шириной в полтора фута и почти вся наполнена черноземом, из которого выросло несколько березок вышиною почти в 25 футов. Вес этого камня был более 4 000 000 фунтов. Государыня приказала объявить, что кто найдет удобнейший способ перевезти этот камень в Петербург, тот получит 7000 рублей.

В записках часовщика Фази (см. «Русскую

старину», 1875 г., т. XI, с. 588), женевца, бывшего при Екатерине II придворным мастером, находим, что он предложил Бецкому перевезти эту огромную скалу для памятника Петра в 20 дней с помощью только 40 человек; при этом он еще требовал только, чтоб ему предоставлены были в полное распоряжение казенные кузницы. Этот Фази пользовался особенным расположением Потемкина. Последний занял у него однажды 14 000 рублей и несколько лет не платил ему долга. Накануне отъезда князя на юг, в действующую армию, императрица пригласила его к обеду и вместе с ним позвала своего любимого часового мастера. Фази захотел воспользоваться случаем и написал Потемкину, немножко в республиканском духе, письмо, которое и положил на его прибор, а сам занял место по другую сторону стола. Любопытство государыни было возбуждено, и она торопила Потемкина вскрыть пакет. Пробежав письмо, Потемкин бросил на смельчака многозначительный взгляд. Узнав, в чем дело, Екатерина много смеялась, и средство, которое придумал Фази для получения своих денег, очень ей понра-

вилось. В тот же вечер вся сумма была отвезена к Фази, но только медными грошами, которыми и наполнились целые две комнаты.

Способ перевезти камень придумал некто Карбури, он же граф Цефалони[447], но, вернее, этот способ нашел простой кузнец, а Карбури у него купил за ничтожную сумму[448]. В октябре того же года было приступлено к работам для поднятия камня; нужные рычаги для этого были придуманы петербургским слесарем Фюгнером. В первый день, 15 ноября, камень оттащили на 23 сажени. 20 ноября 1770 года Екатерина посетила работы, и при ней камень был подвинут на 12 сажен[449]. Память этого происшествия была ознаменована выбитием медали, на главной стороне которой видно грудное изображение императрицы и на другой стороне изображен самый камень, как его везут с помощью машин и как его обсекают во время пути. Тут же виднется надпись: «Дерзновению подобно», в обрезе поставлено: «генваря 20-го 1770 года». Камень во время пути пять раз погружался в землю, проваливаясь на 18 и более дюймов; во время следования на камне находились ба-

рабанщики, которые и давали знак рабочим начинать и кончать работы; наверху одного края камня была устроена кузница и прицеплена караульня.

Перевозка камня привлекала множество любопытных из города. От самого места, где лежал камень, дорогу очистили от леса на 10 сажен в ширину. Весь путь был утрамбован, везли камень 400 человек на медных санях, катившихся на медных шарах. Камень ежедневно подвигался на 200 сажен. Как скоро камень достиг берега, его спустили на построенную подле реки плотину и затем на судно в 180 футов длины, 66 ширины и 17 вышины. В день коронации Екатерины, 22 сентября, камень торжественно провезли мимо Зимнего дворца, и на другой день судно причалило благополучно к берегу, отстоящему на 21 сажень от назначенного места для памятника. Причалка камня совершилась в присутствии прусского принца Генриха.

В июле 1769 года Фальконет окончил гипсовую модель памятника, и она была выставлена на две недели для всенародного обозрения; голову всадника сделала приехавшая

француженка девица Коллот; для того чтобы вернее изучить мах лошади, перед окнами дома Фальконета было устроено искусственное возвышение, вроде подножия памятника, на которое по несколько раз в день въезжал вскачь искусный берейтор, попеременно на лучших двух лошадях царской конюшни, жеребцах: ле Бриллиант и ле Каприсье. Скач коня на монументе сделан на десять градусов от горизонтальной линии. Вся высота всадника с конем $17\frac{1}{2}$ фута, высота одного всадника 11 футов.

Профессор Академии художеств Лосенков, по заказу Фальконета, нарисовал картину с модели. Фальконет заплатил ему за нее 300 рублей и тотчас же отослал картину в Париж. Камень имеет $7\frac{1}{2}$ сажени длины, 3 ширины и $2\frac{1}{2}$ вышины. При отделывании камня на месте Фальконет велел от передней высоты убавить два фута с половиною. Это произвольное уменьшение камня вызвало неудовольствие со стороны Ив. Ив. Бецкого, и он поручил дальнейшее надзирание за работами архитектору Фельтену.

Фальконет обиделся и решительно отка-

зался выливать статую. Правительство стало искать мастера, писали литейному мастеру Гоору в Копенгаген, тот запросил за вылитие 400 000 ливров. Сумма эта показалась высокою, и более двух лет не находили литейщика; наконец 1 мая 1772 года приехал литейный мастер Бенуа Ерсман, который и обязался вылить статую за 140 000 ливров, с ним прибыли также три подмастерья; через два года Ерсману было отказано[450], и Фальконет опять отлитие принял на себя; 25 августа 1775 года начата была отливка, надзор за которой был поручен русскому литейному мастеру Хайлову. Меди было заготовлено 1351 пуд[451], и когда она, растопленная, была уже пущена и в то время, когда нижние части формы все уже наполнились, вдруг медь из глиняной формы вытекла и разлилась по полу. Фальконет, увидя, что его девятилетние труды рушились и честь его погибает, со страха и с горя выбежал из мастерской; его примеру последовали и все остальные рабочие, один только Хайлов не растерялся и, с опасностью для своей жизни, остался там и стал подбирать вытекшую расплавленную медь и сно-

ва вливать ее в форму.

Отлитие удалось с небольшими погрешностями. Передние ноги коня вышли прекрасно, только та часть коня не удалась, откуда вытекла медь. Но это горе взялся поправить г. Сандоц и в два года выполировал и обделал статую. За эту работу ему было заплачено 20 000 рублей.

Модель змеи делал ваятель Академии художеств Гордеев. Фальконет покинул Петербург в сентябре 1778 года; он получил за свою работу 92 261 рубль, три его подмастерья 27 284 рубля, а литейный пушечный мастер Хайлов 2500 рублей. Сумма, заплаченная конто-рою с 1776 года по день окончания работ, простирается до 424 610 рублей.

По отъезде Фальконета всеми работами стал заведовать коллежский советник Фельтен. Открытие памятника происходило 7 августа 1782 года. За несколько дней перед торжественным освящением памятника вместо деревянного забора монумент был обнесен полотняной оградой, на которой были изображены горы и скалы; ограда была 5 сажень вышины и имела 32 сажени в окружности. В

день открытия статуи погода стояла дождливая, но в 12 часов прояснилась; в это время двинулись полки под предводительством фельдмаршала князя А. М. Голицына. Число войск простиралось до 15 000 человек. В четвертом часу прибыла государыня на шлюпке, при выходе из которой была принята всем Сенатом во главе с генерал-прокурором князем А. А. Вяземским, и, сопровождаемая отрядом Кавалергардского полка, отправилась в Сенат, откуда и явилась на балконе в короне и порфире; со слезами на глазах императрица преклонила голову, и тотчас же спала завеса с памятника, и воздух огласился криками и выстрелами из пушек.

Поэт того времени, В. Рубан, по этому случаю сочинил следующее восьмистишие:

*Колосс Родосский, днесь смири
свой гордый вид!
И нильски здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами!
Вы смертных бранными соделаны
руками.
Нерукотворная здесь Росская го-*

*ра,
Вняв гласу Божию из уст Екате-
рины,
Прешла во град Петров чрез нев-
ские пучины
И пала под стопы Великого Пет-
ра!*

День открытия памятника был ознаменован многими милостями, и на открытие выбита была медаль. Большую такую золотую медаль первый получил присутствовавший на этом торжестве столетний старец, капитан-командир Рейзер, вступивший в морскую службу еще в 1715 году. Разные милости народу были объявлены особенным манифестом. В этот день был прощен И. И. Голиков, несостоятельный должник. По преданию, он пришел на площадь, упал перед памятником на колени и здесь дал клятву всю свою жизнь посвятить на написание истории деяний Петра, что и исполнил честно, издав такой истории 30 томов.

В 1803 году, 16 мая, в день столетия Петербурга, перед памятником Петра праздновался столетний юбилей города; 20 000 войска,

предводительствуемого самим императором Александром I, проходили церемониальным маршем и салютовали преклонением знамен перед монументом Петра.

В день юбилея от города была поднесена государю золотая медаль с изображением в профиль Петра, увенчанного лаврами, с надписью по кругу: «От благодарного потомства». Медаль была по воле монарха отнесена с церемонией в Петропавловский собор и положена на гроб Петра.

На Неве в этот день, против памятника, стоял 110-пушечный корабль «Гавриил» с императорским штандартом, имея на хребте своем ботик, известный под именем «Дедушки русского флота»; четыре столетних старца были его стражами, из них один был 107 лет от роду. Он хорошо помнил Петра I, при котором служил морским офицером. Другой из них, тоже современник великого монарха, некогда носил за государем межевые шести, когда он вымерял болотистую местность под Петергофом. Он дожил до двадцатых годов нынешнего столетия, проживая в деревне Ольховой, близ Ропши. Этот старик как свя-

тыню хранил один из двух серебряных рублей, пожалованных ему царем за его работу. В день столетнего торжества Петербурга монумент, дворец Петра на Петербургской стороне и в Летнем саду были убраны флагами, а вечером пышно иллюминированы; тоже и весь город горел в этот вечер огнями.

В конце царствования Екатерины II стала славиться в Петербурге рядом своих великолепных каменных домов Английская набережная, которая до этого называлась Галерным двором и Галерною набережною. В половине Английской набережной, еще лет пятьдесят тому назад, впадал в Неву Крюков канал, чрез который был перекинут подъемный мост с великолепными гранитными столбами. Канал этот теперь течет под сводом, и на нем выведена широкая улица от Благовещенской церкви к Николаевскому мосту. В прежние годы на этой набережной собиралась для прогулки лучшая петербургская публика в феврале и марте месяце; эти прогулки прекратились с постройкой Николаевского моста. В 1710 году Английская набережная имела непривлекательный вид, здесь жили одни

бедные рабочие в жалких избушках. В 1716 году первый здесь выстроил князь Меншиков длинное и высокое мазанковое строение, покрытое черепицею, для постоянного двора, в которое и стал пускать за «постоянные деньги от казны» разных приезжих иностранцев-мастеровых. Рядом со строением Меншикова стоял кабак, в который заходили адмиралтейские рабочие. По словам Вебера, кабаки в то время были крайне неряшливы, пиво в них стояло в больших открытых кадках, из которых теснящийся народ зачерпывал пиво деревянным ковшом и, чтобы не проливать ничего даром, выпивал пиво над кадкой, в которую стекало, таким образом, по бороде то, что не попало в рот. Притом если у пришедшего выпить не оказалось денег, то он оставлял в заклад свой старый тулуп, рубаху или другое какое-нибудь носильное белье, без чего мог обойтись до вечера, когда получит поденную плату свою и заплатит за пиво; такой заклад, по обыкновению, вешался тут же на кадку, которая часто была кругом обвешена этой грязной рухлядью, но никто этим не брезговал, хотя нередко эта ветошь от тесноты сва-

ливалась в чан и там преспокойно плавала в пиве по несколько часов.

Впоследствии князь Меншиков построил каменный дом, и когда впал в немилость, то дом этот был отдан Миниху. Тот, в свою очередь, променял его канцлеру Остерману, и когда тот тоже был сослан в Сибирь, то дом перешел в пользование канцлера Бестужева-Рюмина. Последний его перестроил заново и вывел обширные каменные палаты с церковью, но и сам в нем жил недолго и был также, как и прежние домовладельцы, сослан.

В 1764 году сюда был переведен Сенат, который и до настоящего времени там находится.

В первое время до постройки каменных домов здесь жили в небольших домах следующие лица: корабельные мастера Ней, Иван Немцов (дом последнего стоял крайним к Галерному двору), затем гвардии майор Юсупов, генерал Полянский, Иванов, вице-адмирал Синявин, А. П. Волынский, граф П. Б. Шереметев, Матюшкин, граф Головкин, Бутурлин, Муханов, князь Хованский, архитекторы Чевакинский и Еропкин.

В блестящий век Екатерины II и в начале нынешнего столетия на Английской набережной возвышались дома следующих вельмож: от Сената был первый дом графа А. И. Лавалля (теперь дом г. Полякова); в этом доме, по преданию, собирались декабристы, здесь хозяйка дома вышивала им знамя шелками. После рокового дня на Сенатской площади на этот дом пало немало упреков; петербургское просто-народье иначе не называло графиню, как Лавальшей-бунтовщицей. Через дом, где теперь дом Паскевича, стоял дом С. С. Потоцкого; рядом с ним был дом графа А. И. Остермана-Толстого, после дом принадлежал княгине Бутера-Радали, в настоящее время дом этот графа И. И. Воронцова-Дашкова. В этом роскошном доме, со статуями Торвальдсена, в сороковых годах устраивались изящные праздники и давались благородные спектакли, лучшими исполнителями на которых были следующие аристократы артисты: два графа – Б. и С.; один из них особенно был хорош в роли безрассудного певца-студента в комедии «Les vieilles amours»; граф владел замечательным голосом. Сама хозяйка дома в этой пьесе с боль-

шим успехом играла роль молодой бедной певицы. В другой пьесе Скриба «Le Chareron», здесь тоже игранный не раз, большой фурор производил сын сенатора; г. Ж. Граф Воронцов-Дашков первый стал устраивать в своем доме благотворительные базары; он, по своей прекрасной наружности, считался самым блестящим придворным кавалером своего времени. Этот вельможа имел внешность дипломата и сохранял таковую, даже играя на бильярде, до которого был большой охотник; граф был посланником в Турине и участвовал в Веронском конгрессе. В «S.-Petersbourger Zeitung» за 1878 год находим следующую черту его беспримерной деликатности. «Летом 1834 года я приехал на почтовых в Петербург, – пишет анонимный рассказчик, – и, проезжая в два часа ночи мимо ресторации Лиграна, впоследствии Дюссо, ощутил зверский аппетит. Видя в окнах свет, я вошел и заказал себе что-то. Какой-то господин, в одиночку забавлявшийся на бильярде, обратился ко мне с предложением, не сыграю ли я партию, пока мне готовят кушанье.

– Почему нет, – отвечал я, не зная, что гос-

подин этот игрок по ремеслу. Игрок сначала маскировал свою игру, делал грубейшие ошибки, но в конце концов всегда выигрывал. Я проиграл ему в заключение вечера 200 рублей.

– Завтра я пришлю сюда деньги на имя Леграна, – сказал я.

– Хорошо, – отвечал он, – а меня зовут Долгушев.

На другой день я послал деньги к Леграну, но слуга мне принес их обратно. Деньги, по уверению Леграна, были уже заплачены, и притом человеком, выдававшим себя за моего слугу. Я рассказал о происшествии графу Виельгорскому, который тоже не мог решить, кто бы это мог сделать. Год спустя однажды Воронцов пришел к своему другу Виельгорскому.

– Слушай, Воронцов, – сказал последний, – я подозреваю, что ты это сделал.

– Очень просто, – отвечал он, – я находился в соседней комнате, узнал его по голосу и подумал, что он, вероятно, не при деньгах. Что его обманули, это не подлежало сомнению; я оставался до конца игры и потом обделал

все дело. Если б он пошел далее, то я вышел бы и запретил ему играть».

Балы графа Воронцова были самые блестящие в Петербурге; в день каждого бала дом графа представлял великолепное зрелище: на каждой ступени роскошной лестницы стояли ливрейные лакеи, внизу в белых кафтанах (ливрея Дашковых), на второй половине лестницы в красных кафтанах (ливрея Воронцовых); мажордом Воронцова (итальянец) в черном бархатном фраке, коротких бархатных панталонах, чулках и башмаках, со шпагою на боку и треуголкой под локтем; ужин императрицы в этом доме всегда сервировался на отдельном небольшом столе, на посуде из чистого золота. Вообще все приемы графа Воронцова-Дашкова отличались царским величием и носили характер врожденного барства. Граф В. А. Сологуб, называя женщин петербургского большого света сороковых годов, говорит, что в то время не было женщины в Петербурге, которая бы могла походить по чарующей грации и по тонкости ума на графиню Алек. Кирил. Воронцову-Дашкову.

Рядом с домом графа Воронцова стоял дом

графа Н. А. Татищева, теперь Шереметева; соседним с ним был дом супруги обер-егермейстера М. А. Нарышкиной. Этот дом в то доброе, старое время, время скороходов, пудры и гвардейских сержантов, можно вполне было назвать домом торжеств; владельцы его жили открыто, широко, и почти ни один день здесь не обходился без праздника. У дома Нарышкина в летние вечера, на реке, на плотках и на лодках, играло несколько оркестров музыки, особенно большой эффект производила роговая музыка, эта, так сказать, собственность фамилии Нарышкиных, изобретенная в 1751 году обер-егермейстером Сем. Кир. Нарышкиным[452]; Державин гостеприимный дом Нарышкиной воспел в следующих стихах [453]:

*Где дружеский, незванный стол,
Важна хозяйка, домовита...*

По рассказам современников, Нарышкина управляла домашним хозяйством сама; муж получал от нее по рублю на карманные расходы. Далее поэт говорит:

Оставя короли престолы

И ханы у тебя гостят...

Посещавший Екатерину II император Иосиф, короли прусский и шведский, французский граф д'Артуа[454], а также и азиатские ханы, приезжавшие ко двору императрицы, считали своим долгом побывать и пообедать у Нарышкиной.

*Пред дом твой соберется
чернь... —*

здесь поэт намекает о разных масленичных удовольствиях – горах и качелях, которые Нарышкина строила зимой на Неве перед своим домом.

Рядом с домом Нарышкиной стоял дом деда нынешнего владельца, г. Дурново. Следующий дом был князя Лобанова-Ростовского, и затем дом Коммерческого общества. Зимой в этом клубе для постоянных членов давались по подписке балы, с гостей же брали довольно высокую плату за вход на бал. Балы эти считались самыми приличными. В первое время, лет шестьдесят тому назад, когда балы лишь только учредились, было постановлено правилом, чтобы дамы приезжали не иначе

как в ситцевых платьях; балы эти были прозваны «ситцевыми». Правило это продержалось только до конца первой зимы, впрочем, уже и тогда начали появляться шелк, бархат и кисея. Далее следовали дома сенатора Митусова, князя В. А. Шаховского, действительного камергера Жеребцова; затем несколько домов принадлежали богатым купцам-иностранцам.

Перейдя через постоянный мост на Крюковом канале (теперь не существующий), стояли по набережной следующие дома: угловой Борха, теперь Кларка, рядом с ним один из старейших вековых домов Петербурга, принадлежащий теперь генералу В. И. Асташеву. В 1740 году домом этим владел камергер князь В. П. Хованский; от него дом перешел к сыну его, А. В. Хованскому, который в 1761 году продал его за 7000 рублей профессору философии и английскому купцу Генриху Клаузенгу. Тот перепродал его за 13 000 рублей негоцианту Фоме Бонару, от него купил дом в 1814 году за 40 000 рублей иностранный гость Генрих Томсен, от которого в 1852 году и приобрел за 110 000 рублей отец нынешнего вла-

дельца, камергер И. Д. Асташев, давший громадный толчок отечественной промышленности открытием в двадцатых годах золота в Восточной Сибири, в Енисейском округе, по реке Ангаре. Вместе с домом был куплен и вековой погреб с несколькими сотнями бутылок старого вина. В погребе нынешнего владельца В. И. Асташева, этого петербургского широкого благотворителя, теперь хранятся тысячами бутылок портвейн закупки 1782 года, вековые токайское, рейнвейн, арманьяк и таких же патриархальных годов «литовский мед», ровесник царствования саксонских королей, ценою чуть ли не по червонцу за глоток.

О доме соседнем, г. Полежаева, сохранилось следующее предание: в нем жил более полувека добродушный старик, действительный камергер А. А. Яковлев, слывший в петербургском свете за алхимика и астролога.

В доме, бывшем канцлера графа Румянцева, жил в царствование Екатерины король шведский Густав IV с дядею, герцогом Зюдерманландским, после бывшим королем Карлом XIII. Простой народ во время пребывания

герцога в Петербурге называл его Сидором Ермолаевичем. Далее шли дома вельмож: князя Юсупова, генералов Потемкина, Юшкова, Левашова; иностранных купцов Кея, Венинга, Молво, М. С. Перекусихиной. Замечательно также, что в конце Английской набережной всегда жили придворные лейб-медики – так, здесь имел свой дом лейб-медик Екатерины II Роджерсон, затем проживал лейб-медик императора Александра I баронет Вилье, и в наши дни имеет здесь дом светило врачебной науки нынешнего царствования С. П. Боткин. В этой также местности просуществовал более 81 года банкирский дом барона Штиглица. Приводим, кстати, оригинальное обстоятельство, касающееся английской церкви, существующей рядом с домом Штиглица. В первое время и даже в сороковых годах на ее молитвенниках была напечатана надпись: English Factory at St.-Petersbourg[455], чем англичане как бы применяли Петербург к своим колониям на берегах Тихого океана или Африки. На месте теперешней английской церкви стоял в былые годы дом сподвижника Петра Великого, Б. П. Шереметева. Славный

генерал-фельдмаршал граф Б. П. Шереметев умер в Москве. Он завещал предать свое тело земле в Киеве, в лавре, но по воле Петра I тело его перевезено из Москвы в Петербург и похоронено в Невской лавре, в Лазаревской церкви. Петр Великий не хотел расстаться и с останками своего сподвижника и друга и желал подарить их своей новой столице в воспоминание его знаменитых дел. За гробом Шереметева от Москвы до Петербурга следовали пешком два полка в продолжение шести недель.

В описываемую нами эпоху все дома на Английской набережной были каменные, в два и три этажа, не имея ворот на набережную; ворота были только в одном доме госпожи Плещеевой; до 1800 года в Петербурге лучшие дома строились в два этажа и редко в три, это продолжалось до двадцатых годов, потом постепенно дома стали расти вверх. Первый дом в пять этажей был выстроен в 1830 году Зверковым у Кокушкина моста, и на него в первое время приходили смотреть как на редкость[456]. До настоящего времени на Английской набережной нет ни одного мага-

зина, и только сравнительно недавно здесь поселились вывески банков и купеческих контор.

Впрочем, в пятидесятых годах в угловом доме, бывшем Вонлярлярского, где теперь помещается аптека, существовал недолго ресторан Бореля; в доме, где теперь Военная академия, квартировала в старину Коллегия иностранных дел.

В начале текущего столетия Петербург, полный еще богатым барством бывшего царствования Екатерины II, жил открытыми домами, хлебосольно, нараспашку. В эту эпоху почти ежедневно у кого-нибудь из вельмож давались праздники и большие обеды, на которые стекались «званные и незванные». Дома таких бар были еще живою летописью прежнего славного царствования; по большим праздникам здесь отставные военные гости [457] являлись в пудре, в красных камзолах, с золотыми позументами и разнообразными обшлагами. На этих парадных пиршествах толпы раззолоченных слуг толпились по залам с яствами и питиями. Хоры и оркестры крепостных артистов гремели победоносны-

ми маршами и польскими. Богатый помещицкий быт еще блистал внешнею пышностью.

Когда гость приезжал в дом такого амфириона[458], то в передней 30 или 40 слуг в богатых ливреях кидались снимать с него шубу. Затем, в конце целого блестящего ряда украшенных и ярко освещенных комнат, показывался хозяин, с сановитою почтительностью медленно шел к гостю навстречу, в дверях передней, с постоянными поклонами, брал его под руку и провожал к столу, уставленному водками, икрой, хреном, сыром, маринованными сельдями и т. д. Вокруг стола обыкновенно стояло все общество и лакомилось в ожидании карт, за которыми обычно сидели почти до утра. По окончании закуски каждый мужчина подставлял свой локоть даме, и вся эта процессия из 40, 50 и более пар торжественно выступала под звуки полонеза и садилась за четырехчасовое обеденное пиршество[459]. Вся женская прислуга, образующая целый хор, стояла толпою в дверях и пела песни с аккомпанементом скрипок и других инструментов. Малолетние дети дворовых, в костюмах китайских, арабских, черкес-

ских, калмыцких и т. д., бегали кругом стола. Гости оделяли их сладостями. После обеда следовали танцы. В дверях и в углах комнат теснились дети хозяев, разряженные, как куклы, в новые платья, с пудрою, с их наставниками французами. Последние следили издали за их первыми шагами в обществе.

В числе домов таких вельмож в двадцатых годах жил роскошно в своем громадном доме на углу Исаакиевской площади и Малой Морской (теперь дом Военного министерства) блестящий вельможа Александровской эпохи, князь Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский. Дом князя, великолепно отделанный в стиле *empire*[460], вмещал несколько редкостных музеев; князь имел редкую, даже в Европе, библиотеку, в которой, в числе многих исторических отделов, был один, где было собрано все, что было писано на всех языках о жизни несчастной королевы Марии Стюарт. Впоследствии, по смерти жены, когда князь задумал продать свою библиотеку и большой свой дом, то не нашлось покупателя, и Лобанов уже предполагал разыграть ее вместе с домом в лотерею, по рублю за билет, выпу-

стив билетов на миллион рублей, но император Николай не допустил лотереи и купил как дом, так и библиотеку; за последнюю государь назначил князю пожизненную пенсию. Князь Лобанов был женат на самой богатой невесте в России – графине Клеопатре Ильинишне Безбородко. Лобанов в высшем обществе пользовался всеобщую любовью; это был прямодушный человек, безупречного, благородного характера. Князь служил флигель-адъютантом у императора Александра I; с вступлением на престол императора Николая он как-то заслужил выговор нового государя, явившись во дворец в старой форме. После этого князь вышел в отставку и долго жил в Париже. Здесь он предался страстно охоте вместе с друзьями своими князем Голицыным и Бутурлиным; арендовал знаменитый королевский парк Фонтенебло. Лобанов жил в этом замке по-царски, каждый вечер приглашал первых артистов к себе на ужины. Почтовые тройки в русской упряжи привозили актеров. Эти пиры наших русских бар заставили говорить весь Париж. Князь Лобанов, вместе с князем Тюфякиным (бывший дирек-

тор театров), основал в Париже яхт-клуб, где он и был долго командором. В числе различных редкостей, которыми владел князь Лобанов, у него была превосходнейшая коллекция драгоценнейших тростей и палок, принадлежавших королям и другим историческим лицам. Эту коллекцию впоследствии у него приобрел граф Воронцов-Дашков.

Под конец своей жизни князь Лобанов жил в Петербурге, на углу Большой Морской и Гороховой улиц, в доме Штрауха, где и давал один раз в год, Великим постом, роскошный раут для мужчин. На этом великосветском рауте устраивали всегда турнир на бильярде. В то время в знатных русских домах везде были заведены бильярды, в подражание французам. Иностранные посланники и другие высокие гости состязались на бильярде во фраках и со всеми звездами. Маркером у игроков был известный в то время Тюрин, из Английского клуба. Победителем на этих турнирах был всегда граф И. И. Воронцов-Дашков.

В последние годы царствования Екатерины стал в Петербурге греметь своими пирами

дом канцлера Безбородко. Дом князя Александра Андреевича стоял в Ново-Исаакиевской улице; прежде на этом месте было подворье Курско-Знаменского монастыря. Безбородко купил его в 1781 году за 6000 рублей. В это время канцлером были куплены для возникавшего в то время почтамта дом графа Ягужинского за 30 000 рублей и еще два пустых места, принадлежащие профессору Урсиносу и нотариусу Медеру. Дом Безбородко блистал как внутренним, так и наружным великолепием – на одну его картинную галерею, как выражался по-татарски канцлер, «чек акча вирды», т. е. много денег пошло. Наружный вид дома поражал своими четырьмя стоявшими при входе колоннами из полированного гранита, с бронзовыми основаниями и капителями, мраморным наверху балконом с бронзовыми перилами, задняя часть которого выходила на Большую Исаакиевскую улицу. Князь обладал большим вкусом и приобретал почти ежедневно новые художественные вещи и украшал ими свое жилище. По свойству построек его дома, как писал Реймерс[461], видно, что они возникали один са-

лон за другим, одна галерея за другой. Особенно красивы были в доме Безбородко столовая и танцевальная залы, великолепно была и большая парадная зала с колоннами под мрамор, превосходно исполненная по проекту архитектора Гваренги. По обеим сторонам этой залы стояли две большие мраморные вазы, сделанные в Риме, с барельефными фигурами. По обеим сторонам других стен возвышались две высокие, почти до потолка, этажерки, сверху донизу уставленные редчайшим китайским фарфором. В комнатах была расставлена замечательная мебель, некогда украшавшая дворцы французских королей; в начале революции она была вывезена, и ее успел купить князь за большую цену. В числе комнатных украшений здесь были: бюро, жирандоли, вазы, урны, гобеленовые занавесы и шелковые материи на креслах любимого кабинета несчастной Марии-Антуанетты из Малого Трианона. Великолепная люстра из горного хрусталя, взятая из Palais-Royal'я герцога Орлеанского, и чрезвычайно редкая мебель с художественной инкрустациею работы Шарля Буля, бронзовые статуи работы Гудона и

затем замечательная по своей большой величине севрская ваза бирюзового цвета с прекраснейшими украшениями из бронзы и белого бисквита. Канцлер купил ее почти за бесценок, за 12 000 рублей. Рядом с кабинетом с мебелью несчастной королевы французской стояли превосходные севрские сервизы. Стены парадной спальни канцлера были обиты красным бархатом и отделаны бронзовыми украшениями; в нише здесь помещались бюст императора Павла I, а на двух сторонах двери два портрета – императрицы и императора. Перед бюстом Павла на цоколе стояло прекрасное серебряное атланта, с медалями российских государей в знак благодарности. В голубой бархатной гостиной висел портрет императрицы Екатерины, работы Левицкого. Государыня изображена во весь рост, стоит она подле жертвенника, на котором курится фимиам из маковых цветов, а на столе возвышается пьедестал с медалями ее царствования; здесь же помещалась чаша работы Бунцеля. За этой комнатой находилась обыкновенная спальня князя, в которой он и умер. После смерти канцлера там был поставлен за

решеткою бюст покойного из белого мрамора, работы Шубина. Замечательны особенно были в спальне 22 картины Вернета с изображением по большей части морских видов. В картинную галерею вход был из танцевальной залы, где при входе особенное внимание заслуживала статуэтка из белого каррарского мрамора с изображением амура работы Фальконета. Под амуром виднелась следующая надпись:

*Qui que tu sois, voici ton maître
Il l'est, le fut, ou doit l'être[462].*

По смерти Безбородко купидон достался его брату, И. А. Безбородко. В настоящее время эта статуя хранится в Императорском Эрмитаже.

В каталоге галереи Безбородко было 330 оригинальных картин, большая часть которых принадлежала некогда герцогу Орлеанскому и частью последнему королю польскому. Помимо этих богатств, в доме Безбородко было большое собрание великолепных золотых и серебряных сосудов, драгоценнейших плато[463], особенно одно было необыкновен-

но изящно – с изображением храма Геркулеса, с колоннами из ляпис-лазури. Затем, еще в нынешней церкви почтамта, помещающейся теперь в бывшей танцевальной зале князя, имеются древние иконы: «Спаситель в Эммаусе», работы Рубенса, «Положение Спасителя в гроб», икона Страстей Господних, великомученица Варвара, «Взятие Богородицы на небо» и еще некоторые. Во время управления почтамтом князем А. Н. Голицыным богослужение в этом храме отличалось необыкновенной торжественностью: церковь освещалась лампадами, а в алтаре горели особенные светильники, разливая неяркий свет, как в римских катакомбах во времена первых дней христианства, также и хора певчих не было видно. Стройное пение неслоь откуда-то издалека, невидимо. Дом, в котором жил Безбородко, можно было назвать целым музеем. Канцлер не жалел денег на приобретение картин, статуй и других редкостей искусства.

Безбородко был самый приветливый и радужный хозяин; на его обедах, балах и праздниках собирались все знатнейшие иностранцы, первые сановники и образованные люди.

Вельможа-холостяк иногда устраивал вечера, которые ему обходились в 50 000 рублей[464]. Во время таких празднеств ставились горки золотых и серебряных сосудов в 6 футов вышиной и 3 фута в ширину. В кругу людей близких и родных он был всегда весел, откровенен и увлекателен, но на парадных собраниях несколько неловок и тяжел. Терещенко (см. «Жизнь сановников») рассказывает про него, что он, являясь к императрице в щегольском французском кафтане придворного, нередко не замечал осунувшихся чулок и оборвавшихся пряжек на своих башмаках. Гулял же по городу Безбородко всегда в простом синем сюртуке, в круглой шляпе и с тростью с золотым набалдашником. Граф Комаровский пишет в своих воспоминаниях: «На обедах его, кроме знатных гостей, обыкновенное общество его состояло из живущих в его доме. Ничего не было приятнее слышать разговор Безбородко; он был одарен памятью необыкновенною и любил за столом много рассказывать, в особенности о фельдмаршале графе Румянцеве. Безбородко особенно покровительствовал своим землякам-малороссам;

приемная его была постоянно наполнена ими, приезжавшими искать мест и определять детей. Канцлер имел доброе сердце и никогда не отказывал просителям, хотя нередко и забывал просьбы просителей. По рассказам, он имел привычку повторять последние слова просителей: „Не оставьте! Не забудьте“. На просьбу одного просителя о деле, которое должно было решиться на другой день, „не забыть“, Безбородко отвечал: „Не забуду, не забуду“. – „Да вы, граф, забудете“, – слезно замечал его проситель. „Забуду, забуду“, – подтверждал Безбородко, любезно отпуская просителя. Иногда он успокаивал просителя словами: „Будьте, батюшка, благонадежны“, которые обычно произносились настоящим малороссийским выговором». Н. Григорович (см. его книгу «Канцлер Безбородко») рассказывает несколько анекдотов по этому случаю. Раз один из названных просителей серьезно обратился к вельможе с просьбой определить его в должность театрального капельмейстера, «чтобы палочкой махать да по шести тысяч брать»; снисходительный сановник только ласково улыбался и объяснял просителю,

что для маханья палочкой в оркестре и получения шести тысяч нужно знать музыку, хотя немножко. Другой раз, работая у себя в кабинете, Безбородко услышал в приемной комнате топанье ног и протяжное зевание с разными переливами голоса; осторожно взглянув в полуотворенную дверь, он увидел толстого земляка с добродушной физиономией, явно соскучившегося от ожидания. Вельможа улыбался, глядя из-за двери, как посетитель, не привыкший ждать никогда, все потягивался, зевал, смотрел картины и наконец, соскучившись окончательно, принялся ловить мух. Одна из них особенно заняла малоросса, и он долго гонялся за ней из угла в угол; улучив затем минуту, когда назойливое насекомое село на огромной вазе, охотник поспешно размахнулся и хватил рукой. Ваза слетела с пьедестала, загремела и разбилась вдребезги. Гость побледнел и потерялся, а Безбородко вышел в приемную и, ударив по плечу малоросса, ласково сказал: «Чи, поймав?» Иногда масса одолевавших Безбородко просителей заставляла его уходить по черной лестнице, но и в таких случаях хитрые малороссы не терялись, и раз

один из земляков Безбородко, не застав его дома, забрался в его карету, стоявшую у крыльца. Канцлер был крайне удивлен, найдя в карете просителя, но, узнав дорогой о нужде земляка, сделал ему угодное. Безбородко был большой любитель карточной игры и нередко целые ночи проводил за зеленым столом; в картежной игре он не был счастлив. Безбородко также очень любил пение русских песен. У него почти жил тульский купец Иван Гаврилович Рожков, сын знаменитого некогда барышника лошадьми и поставщика их ко двору. Этот Иван Рожков обладал превосходным голосом и до такой степени был мастер петь русские песни, что, как говорит С. П. Жихарев в своих «Воспоминаниях», вошел даже в пословицу: «поет, как Рожков», – говорили про певца, которого хотели похвалить. Но дар песен был только второстепенным качеством Рожкова, а главным – были необыкновенное удалство, смелость и молодечество. Это-то и сблизило его с тогдашними знаменитыми гуляками: графом В. Д. Зубовым, Л. Д. Измайловым, А. А. Безбородко. Раз эти господа держали за него пари в 1000 рублей, что

он, Рожков, на своем сибирском иноходце въедет в четвертый этаж одного дома в Мещанской, в квартиру балетной танцовщицы Ол. Дм. Каратыгиной, дочери эконома театрального училища (последняя жила с канцлером, впоследствии она вышла замуж за правителя его канцелярии, статского советника Н. Е. Ефремова, который за ней получил дом и значительную сумму денег). Рожков не только въехал, но, выпив залпом бутылку шампанского, не слезая с лошади, той же лестницею съехал обратно на улицу. Тысяча выигранных рублей была наградой Рожкова. Этот подвиг у петербургской Аспазии передавал герой Жихареву следующими словами: «Когда я въехал к ней в фатеру, окружили меня гости, особ до десяти будет, да и кричат: браво, Рожков! шампанского! И вот ливрейный лакей подает мне на подносе налитую рюмку; но барышня сама схватила эту рюмку и выпила не поморщась, промолвив: это за твое здоровье, а тебе подадут целую бутылку».

Любовь к прекрасному полу в тот век была в большой моде, и ею отличались почти все придворные современники Безбородко. О

жизни канцлера на его даче в Полюстрове и о существовавшем там крепостном гареме мы поговорим в другом месте. Все сказанное нами о петербургском доме Безбородко, богатом художественными коллекциями, не может равняться с московским его домом по великолепию и роскоши. Последний был куплен императором Павлом и назывался Слободским дворцом, от Немецкой слободы, в которой находился. По величине и по внутренним украшениям он был первый в Москве. Путешественники, видевшие Сен-Клу, утверждали, что в украшении Безбородкина дворца и более пышности, и более вкуса. После смерти Безбородко в петербургском его доме жил директор почтового департамента К. Булгаков. Это был тоже тип вельможи прошлого века, и богатые апартаменты канцлера жили опять жизнью придворного человека старого времени. Должность Булгакова доставляла ему ежегодного дохода до 100 000 рублей, источником которого была подписка на иностранные газеты.

Из домов нашей русской знати, отражавших старинный блеск царствования Екатери-

ны Великой, был известен дом еще в тридцатых годах нынешнего столетия на Малой Морской, на месте, которое теперь занимает гостиница «Гранд Отель», каменный двухэтажный дом Сер. Вас. Салтыкова. Этот вполне барский дом был построен итальянцем-архитектором Вендрамини. Вход в него вел прямо с тротуара в роскошные, длинные сени, между колоннами которых вечно пылал камин. К Салтыкову по вторникам собиралось высшее общество столицы на танцевальные вечера, на которых играл его собственный бальный оркестр. Эти вторники в петербургском обществе называли «Les mardis euoréens»[465]. Помимо вторников, к изысканному, богатому столу Салтыкова можно было иметь свободный доступ всякому дворянину, но должно было являться только во фраке. Салтыков был очень состоятельный человек, он владел богатейшей коллекцией табакерок, которые, по большей части, были все исторические, приобретал он их за дорогую цену в Париже и Лондоне, содержал с этою целью агентов за границей. Салтыков любил нюхать табак и каждый день брал но-

вую табакерку, одну богаче другой, из своей коллекции; он любил, чтоб их замечали, и тогда с большим удовольствием рассказывал историю каждой. В его доме была также богатейшая библиотека, заключавшая всевозможные книжные редкости. Салтыков был библиограф и не позволял даже никому прикасаться к своим книгам; он каждый день ходил от трех часов до шести по книжникам, где отбирал все, что ему казалось интересным. В его библиотеке хранились подлинные записки ювелиров Бемеров по поводу ожерелья королевы Марии-Антуанетты, с раскрашенным рисунком ожерелья в его натуральную величину, с описанием всех его больших, приобретших историческую известность алмазов. Помимо множества мелких бриллиантов, было 17 великолепных бриллиантов, почти в орех величиною. Это была, собственно, не книга, но переплетенное собрание тех судебных документов, которые были напечатаны и изданы разными сторонами, замешанными в этом знаменитом процессе об ожерелье. Эти бумаги, переплетенные в два тома in quarto [466], с портретами, картинами, заметками и

разными песнями и стихотворениями, иногда самого непечатного свойства, и составляли это «Affaire du Collier»[467]. Второй том, озаглавленный «Suite de l'affaire du Collier» [468], был еще курьезнее, он относился к интриге и процессу некоего Bette d'Etienville, выставляющего себя бедным молодым парнем, которого похитили и, с повязкою на глазах, ввели к прелестным дамам и пригласили отыскивать для них мужей; принявшись за это дело, он был мало-помалу одурачен и отуманен, без всякого сомнения стараясь одурачивать и отуманивать других где ни попало, и все это вследствие этого процесса об ожерелье и того шума, который он наделал.

Салтыков очень любил рассказывать разные невероятные вещи из нашей новейшей истории, в которые очень искусно приплетал действительно совершившиеся факты. Нередко эти рассказы выходили очень нецензурными. Но постоянный его гость, граф Бенкендорф, нанимавший себе квартиру близ Салтыкова, говаривал либеральному хозяину: «Почуда я живу возле вас, вы можете быть покойны». В те годы Салтыков, как и все баре,

разыгрывал роль недовольного. В детстве Салтыков воспитывался вместе с наследником престола Александром Павловичем и как-то, играя с ним, забылся против своего высокого товарища и был удален из дворца. Чином он был только корнет. Наружность имел красивую, тип старого придворного барина, голову держал всегда вниз, отчего казался горбатым. Он никогда нигде не бывал, ни на балах, ни в театрах; за исключением часов прогулки, остальное время проводил все в своем кабинете, который называл «мое инкогнито». Салтыков умер в 1846 году. После его смерти все движимое и недвижимое его имение было продано. Его богатая библиотека долго продавалась в Москве, у Готье[469].

Дочь этого Салтыкова была пожалована во фрейлины в 1826 году, и когда явилась во время коронации императора Николая Павловича в Москве на бале, то обратила на себя общее внимание медальоном, в котором был вделан редкий и известный камей, исчезнувший из придворной коллекции в пятидесятых годах XVIII века. Он достался ей от покойного деда, елисаветинского камергера.

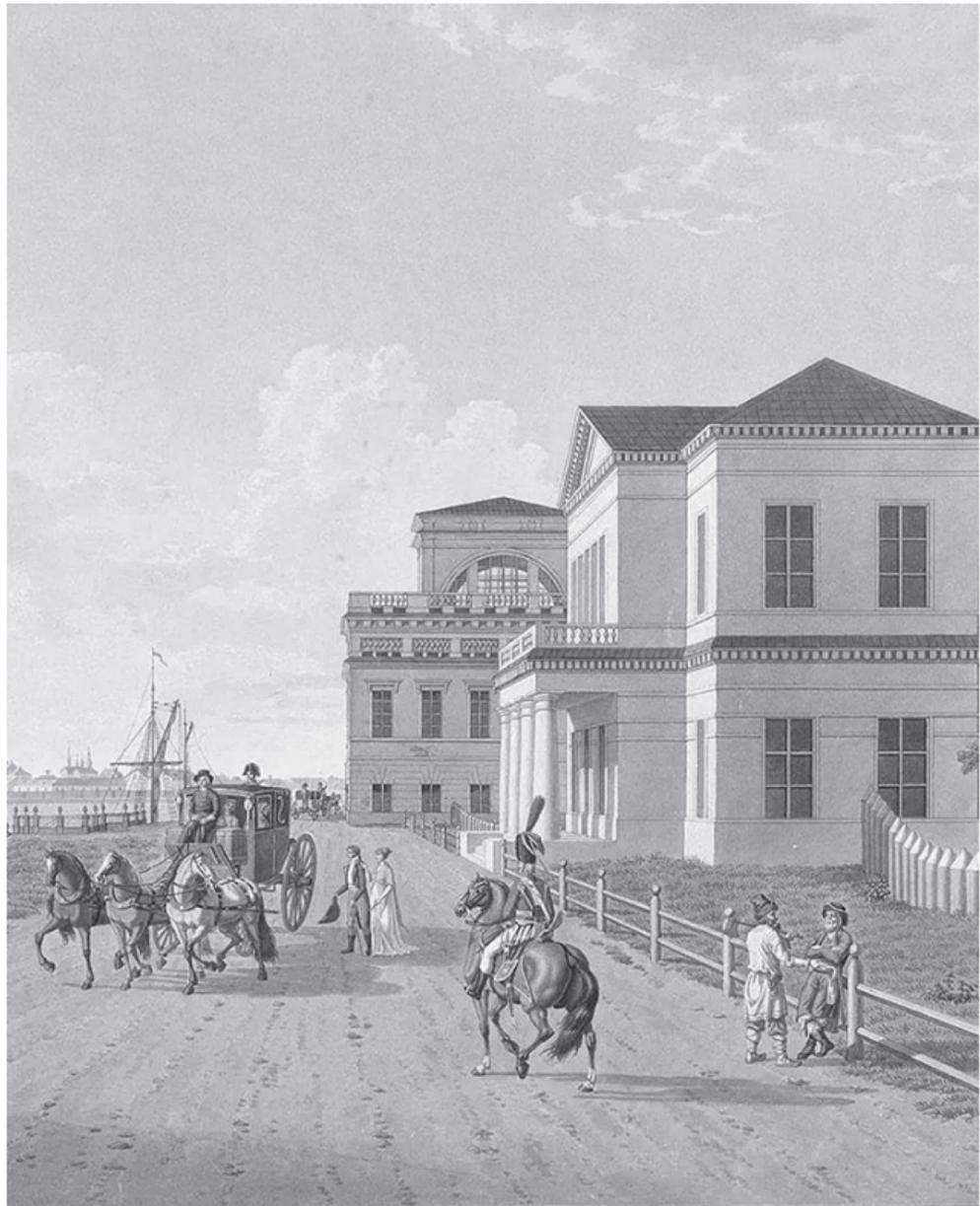
На той же Малой Морской в начале восьмисотых годов существовал еще один барский дом, хотя не такой роскошной наружности, где самый высший петербургский круг встречался с второстепенным и даже с третьеклассным. Люди всех состояний знали дом Асафа Ивелича Арбенева, генерал-аншефа в отставке. Честный и добрый старик был служакой при Екатерине, оттого он казался очень странным в гостиных, все его манеры отзывались фронтом. Он долго командовал Измайловским полком и при Павле вышел в отставку. Жена его, Марфа Ивановна, несмотря на свои преклонные года, очень любила молодиться и краситься и делала это единственно для того, чтобы лучше понравиться мужу, с которым они жили как голубки. Ей Державин посвятил следующее восьмистишие:

*Ну же, муза! ну, ну, ну!
Настрой арфу,
Воспой Марфу
Мне, Арбенева жену.
Что Марфа прекрасна,
В том муза согласна;*

*Что Марфа умна,
В том муза скромна.*

По словам Вигеля, «знатные люди говорили, что ездят в дом Арбенева посмеяться, а если бы сказать правду, то для того, чтобы повеселиться. Радущие в этом доме было старинное, всякий вечер наедет молодежь, дом набьется битком, все засмеется, все запляшет; правда, зажгутся сальные свечи, для прохлады разнесется квас; уж ничего прихотливого не спрашивай в угощении, но зато веселье, самое живое веселье, которое, право, лучше одной роскоши, заменившей его в настоящее время».

Вид Таврического дворца и дачи графа Безбородко в Петербурге. Гравюра Г. Л. Лори (?). 1800-е. Фрагмент

Глава XIII

Таврический дворец, или Конногвардейский дом. – Переделка дворца Потемкиным. – Празднование в нем взятия Измаила. – Приготовления во дворце к большому празднеству. – Участие Державина. – Празднество. – Число приглашенных на праздник. – Убранство дворца. – Столы с яствами. – Танцы и балет. – Печаль Потемкина. – Отъезд его в армию. – Платон Зубов. – Весть о смерти Потемкина. – Подробности о его кончине. – Стихи Державина на его смерть. – Горе императрицы. – Похороны Потемкина. – Церемониал. – Дальнейшая судьба останков Потемкина. – Осмотр могилы. – Описание склепа. – Комиссия об исследовании места погребения Потемкина. – Судьба Таврического дворца при императоре Павле. – Модель Кулибинского моста. – Обитатели Таврического дворца в царствование императора Александра I.

В числе памятников блестящего века Екатерины II на Воскресенском проспекте сохранился Таврический дворец с прежним обширным садом, каскадами, прудами, беседками на островках и другими украшениями.

Первоначально Таврический дворец был построен князем Потемкиным в виде небольшого дома, но вскоре, по присоединении Крыма, императрица Екатерина II приказала архитектору Старову вместо прежнего дома построить роскошный дворец, наподобие Пан-

теона, назвать его Таврическим, и затем подарила его великолепному князю Тавриды. Главное здание дворца сохранилось до сих пор в своем первоначальном виде; вышиной оно около 6 сажен, с большим высоким куполом и перистилем из шести колонн, поддерживающих фронтон. К двум сторонам дворца пристроены флигеля, которые выведены до самой улицы; перед дворцом обширная площадь, огражденная невысокою чугунною решеткою. Внутреннее расположение дворца, вместе с пространством между обоими флигелями, представляет одну огромную залу, в середине освещенную окнами, сделанными в куполе; два ряда колонн придают зале необыкновенно величественный вид. В одной стороне залы расставлены мраморные статуи, на другой стороне зимний сад. После подарка Екатерина купила дворец опять у Потемкина, заплатив ему за него 460 000 рублей. А когда в феврале 1791 года Потемкин прибыл из Ясс, увенчанный победными лаврами, императрица, в числе многих милостей и наград, подарила ему опять Таврический дворец.

Здесь 28 апреля 1791 года Потемкин торжественно праздновал взятие Измаила. По словам современников, подаренный вторично Потемкину дворец, или, как его тогда называли, Конногвардейский дом, не был вполне отделан: перед главным подъездом дворца тянулся забор, скрывавший какие-то развалины (на том месте, где теперь стоит башня общества водопроводов); по приказанию Потемкина в три дня был уничтожен забор, место расчищено и устроена обширная площадь до самой Невы. Здесь воздвигнуты были триумфальные ворота. Устройством дворца, как и сочинением программы праздника, распоряжался сам Потемкин. В приготовлениях к этому празднику принял участие и Державин, который, по вызову Потемкина, написал для пения на празднике стихи. Это были четыре хора, тогда же и напечатанные в большую четверку[470], без заглавного листа. Стихи шли в таком порядке: 1) для концерта «Открыл орлов парящих»; 2) для кадрили «Гром победы раздавайся»; 3) для польского «Возвратившись из походов» и 4) для балета «Сколь твоими мы делами». Довольный хорами, По-

темкин пригласил к себе автора обедать и просил его составить описание праздника. Исполнив это желание князя, Державин сам отвез ему свою работу; Потемкин пригласил его было остаться обедать, но, прочитав тетрадь и увидев, что в описании нет никаких особенных ему похвал и что ему отдана честь наравне с Румянцевым и графом Орловым, рассердился и уехал со двора, пока Державин дожидался в канцелярии у секретаря его, В. С. Попова[471].

По слухам, сумма, затраченная на праздник, была баснословна. Для шкаликов и освещения зал дворца был скуплен весь наличный воск, находившийся в Петербурге, и за новой партией был послан нарочный в Москву; всего воску было куплено на 70 000 рублей. Масса всякого рода художников и мастеров в течение нескольких недель трудились во дворце за работами. Множество знатных дам и кавалеров несколько недель собиралось там же для разучивания назначенных им ролей, и каждая из этих репетиций походила на особое празднество, так была она роскошна и пышна.

В назначенный день, в пятом часу, на площади перед Таврическим дворцом были построены качели, поставлены столы с яствами, открыты разного рода лавки, в которых безденежно раздавали народу платье, обувь, шапки и тому подобные вещи. Народ во множестве толпился на площади. Богатые экипажи один за другим подъезжали к дворцу, на фронте которого красовалась надпись, сделанная металлическими буквами, выражавшая благодарность Потемкина «великодушную его благодетельницы». Императрица прибыла на праздник в седьмом часу; перед дворцом она была задержана толпой. Народу было объявлено, что раздача питей и одежды должна начаться в то самое время, когда будет проезжать государыня. Но тут вышло недоразумение: кто-то по ошибке принял карету одного вельможи за экипаж императрицы. Народ крикнул: ура! и, не дожидаясь раздачи приготовленных для него подарков, бросился расхватывать их сам. Произошла суматоха, давка, и настоящий экипаж императрицы должен был остановиться, не доехав до площади, и простоять более получаса. Нако-

нец императрица подъехала ко дворцу. Потемкин принял ее из кареты, а в передней комнате императрицу встретил наследник престола. Сопровождаемая всею императорскою фамилиею, Екатерина прошла на приготовленную для нее эстраду, по вступлении на которую тотчас и начался балет, сочинения знаменитого тогдашнего балетмейстера Ле Пика[472]. В балете танцевали 24 пары из знаменитейших фамилий, на подбор красавицы и красавцы, одетые в белых атласных костюмах, украшенных бриллиантами, которых в итоге было на несколько миллионов рублей! Распоряжались танцами великие князья Александр и Константин вместе с принцем Виртембергским; в конце балета сам Пик отличился каким-то необыкновенным соло.

Всех приглашенных на праздник было 3000 человек, и все, как дамы, так и мужчины, были в костюмах. На самом Потемкине был алый кафтан и епанча из черных кружев, осыпанная бриллиантами, а на шляпе последних было так много, что ему стало тяжело держать ее в руке, и он отдал ее своему адъютанту, который и носил ее за ним.

Обстановка и убранство дворца походили на волшебное воссоздание одной из сказок «Тысячи и одной ночи». Под куполом устроены были хоры, на которых стояли невидимые снизу часы с курантами, игравшие попеременно пьесы лучших композиторов того времени. Здесь же помещалось 300 человек музыкантов и певцов. Эстрада, предназначенная для императрицы, была покрыта драгоценным персидским шелковым ковром. Такие же эстрады были устроены вдоль стен, и на каждой из них стояло по огромнейшей вазе из белого каррарского мрамора на пьедестале из серого; над вазами висели две люстры из черного хрусталя, в которых вделаны были часы с музыкою. Люстры эти стоили Потемкину 42 000 рублей. (Купил он их у герцогини Кингстон, урожденной мисс Чодлей; эта герцогиня была известна своею красотою, приключениями, и особенно по процессу с мужем, из-за которого едва не лишилась головы. Герцогиня приехала в Петербург в 1777 году искать счастья, здесь она сошлась с управляющим Потемкина, полковником Гарновским, купила на Неве себе имение и поручи-

ла Гарновскому заведование им; впоследствии она ездила в Дрезден, где жила у вдовствующей курфюрстины, затем опять приехала в Петербург. Герцогиня умерла за границей, по смерти все ее недвижимые имения в России достались Гарновскому.) Кроме больших люстр, в зале было еще 56 малых люстр и 5000 разноцветных лампад. Считают, что в этот вечер горело всего 140 000 лампад и 20 000 восковых свеч. При входе в залу, по обеим сторонам дверей, были устроены ложи, драпированные роскошными материями. Но особенно пышностию отличались комнаты, предназначенные для игры императрицы, в них одни стулья и диваны стоили 46 000 рублей[473] (с этого праздника вошли в особенную моду введенные Потемкиным диваны). Обои в этих комнатах были гобелены с вытканными на них изображениями из истории Мордохея и Амана; здесь же стоял «золотой слон» в виде часов перед зеркалом (слон этот был в 1829 году подарен императором Николаем I персидскому шаху), обвешанный бахромами из драгоценных камней; сидевший на нем автомат-персиянин, ударив в ко-

локол, подал сигнал к началу театрального представления. В театре были даны следующие комедии с балетами «Les faux amants» [474] и «Смирнский купец»; в последней продажными невольниками явились жители всех стран, за исключением России. Из театра императрица отправилась в танцевальную залу. Бал открылся при громе литавр и грохоте пушек, под звуки польского:

*Гром победы раздавайся!
Веселися храбрый Росс! и т. д.*

Из большой залы был выход в зимний сад; сад этот был чудом роскоши и искусства и в шесть раз больше эрмитажного; тут был зеленый дерновый скат, густо обсаженный цветущими померанцами, душистыми жасминами, розами; в кустарниках виднелись гнезды соловьев и других птиц, оглашавших сад пением. Между кустами были расставлены невидимые для гуляющих курильницы и бил-фонтан из лавандовой воды. Посреди зимнего сада стоял храм изящной архитектуры, в котором помещался бюст императрицы, иссеченный из белого паросского мрамора. Импе-

ратрица была представлена в царской мантии, держащею рог изобилия, из которого сыпались орденские кресты и деньги. На жертвеннике была надпись: «Матери отечества и моей благодетельнице». Перед храмом виднелась зеркальная пирамида, украшенная хрусталями, а близ нее еще несколько таких же пирамид поменьше. Все окна залы были прикрыты искусственными пальмами, листья которых были сделаны из разноцветных лампад. Из таких же лампад по газону были расставлены искусственные плоды: арбузы, ананасы, дыни и проч.

Настоящий сад тоже был отделан великолепно; всюду виднелись киоски, беседки; ручейку, протекавшему в саду по прямой линии, дали извилистое течение и устроили мраморный каскад. Сад горел тоже множеством огней и оглашался роговой музыкой и пением хора песенников.

В двенадцатом часу подан был ужин. Стол, на котором ужинала императрица с августейшим семейством, был сервирован золотой посудой; Потемкин сам прислуживал государыне. Позади стола императрицы был накрыт

другой стол, на 48 персон, для лиц, участвовавших в балете. Здесь же было поставлено еще 14 столов амфитеатром. Гости проходили посредине и садились за столы в один ряд, лицом к императрице. Все столы были освещены шарами из белого и цветного стекла. В комнате перед залом находился стол, на котором стояла суповая серебряная чаша необъятной величины, а по сторонам ее две еще большие вазы, доставленные из имения герцогини Кингстон. В других комнатах было еще 30 столов, да кроме того, множество столов стояло вдоль стены, где гости ужинали стоя. После ужина бал продолжался до утра. Императрица уехала во втором часу. Когда она уходила из залы, слышалось нежное пение под орган. Пели итальянскую кантату, слова которой были следующие: «Здесь царство удовольствий, владычество щедрот твоих; здесь вода, земля и воздух дышат твоей душой. Лишь твоим я благом живу и счастлив. Что в богатстве и почестях, что в великости моей, если мысль – тебя не видеть, ввергает дух мой в ужас? Стой и не лети ты, время, и благ наших не лишай нас! Жизнь наша – путь печал-

лей; пусть в ней цветут цветы».

Екатерина выразила Потемкину свое живейшее удовольствие за праздник. Потемкин упал к ногам государыни, прижал ее руку к губам, на глазах его были слезы. Императрица была растрогана и тоже плакала.

Замечательно, что о великолепном празднике Потемкина не было упомянуто ни слова в ведомостях того времени. Причина такого молчания заключалась в начинавшемся могуществе другого любимца, Пл. Зубова.

После этого праздника императрица еще раз посетила Потемкина в июне, а через два месяца и сам владелец покинул дворец, чтобы не возвращаться уже сюда более. В последние месяцы жизни Потемкина празднества уже его более не развлекали. Малодушный страх смерти обуял его; он хандрил и тосковал.

Когда Екатерина II получила известие, что Потемкин очень болен, то поехала ко всеобщей в Невскую лавру и пожаловала в церковь Благовещения большое серебряное паникадило, золотую лампаду к раке святого Александра Невского и несколько сосудов с брил-

лиантами. Когда же пришла весть, что Потемкина не стало, императрица заплакала и несколько дней сильно грустила. Екатерина говорила про Потемкина: «Он имел необыкновенный ум, нрав горячий, сердце доброе; глядел волком, и потому не был любим, но, давая щелчки, благодетельствовал даже врагам своим. Трудно заменить его; он был настоящий дворянин, его нельзя было купить. C'était mon élève, – писала она к принцу Нассау-Зигену, – homme de génie, il faisait le bien à ses ennemis, et c'est par cela qu'il les désarmait»[475].

Потемкин умер 5 октября 1791 года на пути из Ясс в свой любимый Николаев; отъехав от станции 37 верст, он приказал остановиться.

– Будет теперь... – произнес он, – некуда ехать... я умираю! Выньте меня из коляски, я хочу умереть в поле.

Его вынесли на постели и положили на траву; полежав более трех четвертей часа, он стал отходить, вздохнул три раза и скончался. Один из казаков, бывших в его свите, положил покойному на глаза два медных пята-

ка, чтобы веки сомкнулись.

Державин сказал о кончине Потемкина:

*Чей одр, земля, кров – воздух синь,
Чертоги, вокруг пустынные виды?
Не ты ли, счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды,
Не ты ли с высоты чести
Внезапно пал среди степеней?*

Труп Потемкина, окруженный факелами, был привезен обратно в Яссы. По прибытии тело было анатомировано и бальзамировано; на месте кончины князя был оставлен казацкий пикет с воткнутыми пиками и затем воздвигнут каменный круглый столб; столб этот существовал еще в 1811 году.

Отпетое тело Потемкина стояло в Яссах до ноября и затем было перевезено в город Херсон и поставлено в подпольном склепе крепостной церкви Святой Екатерины. Гроб оставался неопущенным в землю с 23 ноября 1791 года по 28 апреля 1798 года. Жители Херсона здесь служили панихиды и приходили, как рассказывают, поклониться праху Потемкина; то были преимущественно старообрядцы, которых Потемкин вызвал из Турции.

Император Павел не любил Потемкина; у него ничего не было общего с ним, мнения и убеждения одного шли вразрез с образом мыслей другого. При вступлении на престол из бумаг Потемкина он увидел, как много тот вредил ему в мнении императрицы.

Дошедший до императора Павла слух, что тело Потемкина более семи лет стоит не преданным земле, вызвал распоряжение похоронить его, как гласил указ: «Без дальнейшей огласки, в самом же том месте, в особо вырытую яму, а погреб засыпать и загладить землею так, как бы его никогда не было». Все это подало основание молве, быстро облетевшей Россию и проникнувшей за границу, будто тело князя Потемкина из гроба вынуто и где-то во рву Херсонской крепости зарыто бесследно. Между тем тело оставалось в гробу неприкосновенным; так, в 1818 году[476], при объезде епархии, екатеринославский архиепископ Иов Потемкин, по родству, пожелал убедиться в справедливости носившегося слуха; поэтому ночью, 4 июля, в присутствии нескольких духовных лиц поднял церковный пол, проломал свод склепа и, вскрыв гроб, удосто-

верился в присутствии тела в гробу. Говорят, что родственник вынул из склепа какой-то сосуд и поместил в свою карету; в сосуде этом, по догадкам, находились внутренности покойного. Одни сказывали, что сосуд отправлен был в сельцо Чижово Смоленского уезда, на родину князя. Предание гласит, что, захватив из склепа сосуд, иерарх взял и портрет императрицы Екатерины II, осыпанный бриллиантами, лежавший в гробе. В 1859 году, по случаю внутренних починок в церкви, пять лиц спустились через пролом в склеп и, вынув из развалившегося гроба, засыпанного землею, череп и некоторые кости покойного, вложили их в особый ящик с задвижкой и оставили в склепе. Около того же времени, как рассказывают, из склепа взято все до последней пуговицы, куски золотого позумента и даже сняты полуистлевшие туфли с ног Потемкина.

27 августа 1874 года комиссия из нескольких лиц, при участии уполномоченного от Одесского общества истории и древностей Н. Н. Мурзакевича, приступила к исследованию места погребения князя Потемкина. По

вскрытии пола в церкви обнаружился свод склепа, последний оказался проломанным в двух местах; из них одно было заложено наглухо камнями, а другое просто досками. В склепе найден деревянный ящик небольшой величины, в нем лежал цельный с нижнею челюстью череп, с выпиленной с задней стороны треугольною частью и наполненный массою для бальзамирования, на затылке черепа видны клочки темно-русых волос; тут же лежало несколько других человеческих костей. Здесь же, в разрыхленной земле, найдены части истлевшего деревянного ясеневго гроба и куски свинцового гроба, разрушенного, очевидно, не временем, а человеческими руками; также остальные кости с истлевшими частями роскошного одеяния, на котором три шитые канителью звезды первой степени: Георгия, Владимира и Андрея Первозванного. Тут же лежал небольшой железный лом, куски позумента, бархата и несколько серебряных скоб и подножий. Комиссия положила: собрать все кости покойного Потемкина и положить в особый свинцовый ящик, отверстия в своде заделать, уложить на него

мраморную надгробную доску, обнеся ее приличною чугуною решеткою, а позументы, скобы, звезды уложить в особый ящик, который оставить в ризнице крепостного собора на память о покойном. В 1873 году херсонское земство повесило в церкви в память князя Таврического небольшую мраморную доску с надписью.

По смерти Потемкина указом Екатерины в сентябре 1792 года дворец Потемкина объявлен императорским дворцом под именем Таврического. Дворец поступил в казну и сделался любимым местопребыванием императрицы весною и осенью. Грибовский в своих «Записках» говорит: «Государыня любила жить в этом дворце оттого, что главный корпус его был в один этаж, а государыня высоким входом не любила быть обеспокоена. Покои ее здесь были просторнее, чем в Зимнем дворце, особенно кабинет, в котором она дела слушала». Государыня этот дворец описывала Гримму в своих письмах так: «На дворец этот пошла мода; он в один этаж, с огромным, прекрасным садом; вокруг же все казармы по берегу Невы; напротив – Конногвардейская, на-

лево – Артиллерийская, а позади сада – Преображенская. Для осени и весны нельзя желать ничего лучшего. Я живу направо от галереи со столбами; такого подъезда, я думаю, нет еще нигде на свете. Александр помещается налево. Правда, что прежде в этом дворце было не немного, а чрезвычайно сыро, так что из-под колонн в зале текла вода и на полу стояли лужи; происходило это оттого, что фундамент залы был ниже уровня воды в пруде. Но я помогла горю, приказав вырыть между домом и прудом сточную трубу и выложить ее камнем; труба идет вокруг всего дома и так хорошо отводит воду, что теперь совсем нет сырости в доме и не пахнет гнилью, как прежде».

При императоре Павле в Таврическом дворце царствовало полное запустение. Второв[477], посетивший его в это время, пишет: «На развалины великолепного Таврического дворца взглянул я со вздохом. Видел обломанные колонны, облупленные пальмы, и теперь еще поддерживающие своды, а в огромном зале, с колоннадой, украшенной барельефами и живописью, где прежде царствовали утехы,

пышность и блеск, где отзывались звуки „Гром победы раздавайся!“ – что бы, вы думали, теперь? – Дымящийся лошадиный навоз!.. Вместо гармонических звуков раздается хлопанье бичей, а вместо танцев бегают лошади на корде; зал превращен в манеж! Романический сад поныне еще привлекает всех для прогулки в нем. На беседках и храмиках стены и двери исписаны сквернословными стихами и прозой».

«Тут поставлена, – продолжает Второв, – через один пруд славная модель механического моста для Невы. Кулибин делал эту модель на дворе Академии наук в продолжение четырех лет, на постройку которой Потемкин дал ему тысячу рублей. Потемкин очень любил Ивана Петровича Кулибина за его честность и за его открытый, благородный характер. Прямота и откровенность, часто не нравившиеся в других людях Потемкину, нравились в Кулибине. Он был рад, что явился такой необыкновенный русский самоучка. Потемкин говаривал, что он любит Кулибиным побесить немцев. Модель моста была в десять раз менее против настоящего предполагаемо-

го через Неву моста. Дугообразный мост Кулибина предполагался деревянный. Он должен был иметь 140 сажен в длину, состоять из 12 908 частей разной меры дерева, из 49 650 железных винтов и 5300 железных же четырехугольных обоев. Он был бы связан и укреплен стоячими и лежащими решетками, собранными из брусьев. Все части, составляющие дугу, подкреплялись бы взаимно, и вся тяжесть моста имела бы только две точки опоры на противоположных берегах реки. Брусья, находящиеся у этих точек опоры, должны были иметь шесть вершков ширины и столько же толщины. В середине же свода, от нижних частей строения до горизонтальной линии, высота предполагалась в 12 сажен, что было бы достаточно для прохода кораблей с мачтами и парусами. Для предохранения моста от напоров сильного ветра были устроены двойные решетки. Начало въезда на мост предполагалось за 94 сажени от берега. Это можно было весьма удобно сделать на Адмиралтейской стороне, но на Васильевском острове надобно бы было для этого снести здания Кадетского корпуса. Для избежа-

ния этого Кулибин придумал сделать два въезда по берегу, из которых один начинался бы от здания Двенадцати коллегий, а другой от 1-й линии. Концы дуги должно было прикрепить к каменным прочным фундаментам.

Модель моста была рассмотрена в Академии 27 декабря 1776 года. Кулибин предстал перед собранием ученых и многочисленной толпой любопытных, окруживших его постройку, твердо уверенный в правильности своих исчислений; он выдержал испытание блистательно: на модель положили не 3300 предполагаемых пудов тяжести, а 5700; по ней прошло еще пятнадцать человек рабочих один за другим, и под середину ее подвесили гири на веревочках. В таком положении модель простояла долгое время. Тогда написали всеподданнейший доклад императрице, в котором сказали, что мост, построенный по проекту Кулибина через Неву, будет легко поднимать до 55 000 пудов».

В царствование императора Александра I другой такой же самоучка-инженер, мещанин Торгованов, подал графу Милорадовичу проект устройства туннеля под Невою со сто-

роны Адмиралтейской площади на Васильевский остров. Прочитав поданный проект, граф сказал Торгованову, что он пустяки затевает. Торгованов отвечал, что это может быть славным делом, достойным России, и что он за него отвечает своею головою. Изобретатель просил на коленях у графа, чтобы он, хотя ради курьеза, доложил государю о его проекте. Граф доложил и вынес следующую резолюцию: «Выдать Торгованову из кабинета 200 рублей и обязать его подпискою, чтоб он впредь прожекетами не занимался, а упражнялся в промыслах, состоянию его свойственных».

По кончине императрицы Екатерины II Павел повелел из Таврического дворца перенести все находящиеся в нем драгоценности, а паркетный пол в Михайловский замок, и приказал называть его замком, а смотрителя его – капитаном замка. В 1798 году он велел в замке над церковью сделать главу и поставить крест. Постройка купола не осуществилась по недостатку средств. В 1799 году 11 апреля Павел повелел передать Таврический дворец под казармы лейб-гвардии Конного

полка, а в 1801 году сюда переведен был вновь сформированный тогда лейб-гвардии Гусарский полк и простоял здесь по май 1802 года; оттуда он был выведен на стоянку в Павловск, а по окончании Наполеоновских войн переведен в Царское Село, где квартирует и теперь.

Указом, данным Александром I, замок велено переименовать во дворец и возвратить в него все драгоценности из Михайловского замка. Император Александр I провел в нем часть осени 1803 года; временно жила в нем и императрица Мария Федоровна. В 1829 году в нем жил наследник персидского престола Хозрев-Мирза. В этом дворце провел также последние годы и скончался историкограф России – Н. М. Карамзин. Он умер в мае месяце от чахотки; государь Николай Павлович ездил к его праху и очень плакал.

Князь Потемкин-Таврический при взятии Очакова. Гравюра Г. Харитонова. 1790-е

Гостиный двор и перспектива Невского проспекта. Гравюра Б. Патерсена. Ок. 1804–1815. Фрагмент

Глава XIV

История Гостиного двора. – Первые торговые ряды на Петербургской стороне. – Рассказы Бергхольца. – Первая книжная лавка и первые книгопродавцы. – Название линий Гостиного двора. – Мебельный ряд. – Апраксин и Шукин дворы. – Серебряные лавки. – Владелец их Яковлев. – Сын его журналист. – Нападки на Яковлева семьи Каратыгиных. – Гильдии. – Именитые граждане. – Первый петербургский городской голова Березин. – Купцы-миллионеры. – Богач Савва Яковлев. – Чужачество его детей, мотовство и кутежи. – Петровские законы о чистоте улиц. – Торговля в деревянном Гостином дворе. – Опера «Гостиный двор». – Образ жизни купца в XVIII веке. – Оригиналы прежнего времени: майор Щегловский и бригадир Брызгалов. – Прогулки замечательных лиц и разных попрошайек по Гостиному двору. – Юродивая Аннушка. – Пустосвятка Макарьевна. – Проезды позорной колесницы с преступниками. – Селиванов, пророк скопцов. – Гостинодворский зоил Булгарин. – Его рекламы. – Старинные торговые дома и торговцы-старожилы. – Скрипичный мастер Батов. – Газовое освещение и отопление в Гостином. – Позднейшие перестройки лавок.

Первые торговые ряды в Петербурге были построены в 1705 году на Петербургской

стороне, вблизи домика Петра Великого, где теперь стоят дома церковнослужителей Петропавловского собора; по словам первой монографии о Петербурге, отпечатанной в 1713 году в Лейпциге, ряды заключали в себе несколько сотен грубо обтесанных брусчатых лавок без окон и печей. Эти лавки в ночь на 28 июля 1710 года сгорели дотла. На пожаре не обошлось без крупного грабежа. Чтобы наказать грабителей, вскоре по углам площади, занятой до пожара лавками, были построены четыре виселицы, на которых повесили по жребию четверых из числа двенадцати человек, принадлежащих частью к гарнизону и уличенных в воровстве. После пожара 1710 года мелочные торгаши воспользовались уцелевшими брусьями и досками и сколотили из них против Кронверка в два ряда шалаши. Это был первый в Петербурге толкучий рынок, который народ называл «татарским табором». Воспоминание о нем до сих пор сохранилось в названии одного переулка Татарского, примыкающего к описываемой местности. По словам другого описания Петербурга, изданного в 1718 году во Франкфурте, около

этих шалашей толпилось всегда множество народа, отчего была такая теснота, что проходившие там должны были зорко смотреть за своими кошельками, шпагами, даже самыми шляпами и париками; все это, чтобы сохранить в целости, необходимо было носить в руках. Неизвестный автор рассказывает: «Однажды гвардейский полковник с женою, проходя по рынку, не приняли нужных предосторожностей, почему и возвратились домой — один без шляпы и парика, а жена без фонтанжа. Это приключение с ними случилось на рынке весьма просто: какой-то человек верхом на малорослой татарской лошаденке, проезжая мимо помянутых лиц, стащил их головные уборы особенного устройства вилами. Толпа, видя это, смеялась и отпускала остроты, но никто не оказал содействия к возвращению похищенного, и все продолжали идти своей дорогой». Вблизи этого рынка в то время совершались казни и выставлялись на каменном столбе и железных спицах тела казненных. Здесь видел Бергхольц, рядом с четырьмя другими головами, голову брата прежней царицы, урожденной Лопухиной, и

голову сибирского воеводы, князя Гагарина, тело последнего было повешено уже в третий раз. Лицо казненного было закрыто платком, одежда его состояла из камзола, сверх которого была надета белая рубашка. Тела казненных отдавались спустя некоторое время родственникам для погребения, головы же долгое время оставались на площади. На этой же площади прогуливались и выдывали разные фокусы маски на уличных маскарадах, длившихся иногда целые недели. Эта же площадь была свидетельницею разных торжеств по случаю побед над неприятелями.

В 1713 году построен был другой Гостиный двор, называвшийся долго Новым. Он стоял на той же площади, шагах в двухстах выше прежнего. Новый Гостиный двор был обширное мазанковое строение в два яруса, крытое черепицею и с большим двором внутри, который пересекался поперек каналом. Во всю длину здание было перегороджено стеною надвое, так что лавки выходили двойные – одни на площадь, другие же на внутренний двор. В этом-то Гостином дворе помещалась первая книжная лавка в Петербурге; в ней продава-

лись печатные указы, азбуки учебные (шесть денег каждая), «считание удобное», т. е. таблица умножения (по 5 алтын), затем из гравюр: портреты «персоны», т. е. царя, Шереметева, виды монастырей, Москвы и т. д. Бойче всех книг в тогдашнее время здесь шел календарь Брюса; публика особенно ценила его за предсказания. Вовсе не покупались и лежали в лавке книги: «Разговоры на голландском и русском языках», затем множество еще других печатных изданий. Как мало дорожили тогда книгами, об этом есть множество свидетельств: так, в конторе Московской Синодальной типографии накопилось такое множество напечатанных при Петре Великом книг, не находивших покупателей, что в 1752 году их приказано сжечь. О равнодушии тогдашнего общества к книгам ярким примером является также и указ 1750 года (см. «Полн. собр. зак.», т. XIII, № 9, 794), в котором говорится, что «в Синод беспрекословно было представлено для истребления множество книг и карт, которых представлять вовсе не следовало». Книги эти были после свезены в «десианс академию»[478]. Позднее, впрочем, в русском об-

ществе, особенно в провинции, явилась страсть хвастаться книжками, и нередко сельские библиотеки наших бар состояли из тысяч томов, выточенных из дерева. Вся эта деревянная мудрость стояла в роскошных шкафах, с блестящею сафьянною накладкою на корешках и с надписью: Racine, Voltaire, Encyclopedie[479] и т. д. В это время в быту дворянском книги составляли последнюю вещь из всех вещей. Орловский или тульский помещик говаривал, что оследить русака не то что прочесть книгу. Книгу может прочесть всякий, а петли русачьи по выбору бредут на разум; порóша – дело, а книгу читаешь от безделья. С почтенными помещиками думали тогда более или менее все одинаково.

Книжная лавка, о которой мы говорили, была единственная в Петербурге до 1760 года; она управлялась фактором[480]. Вторая книжная лавка была открыта г. Вейтбрехтом, носила она название Императорской книжной лавки. Затем уже, с 1785 по 1793 год, открылось около десяти новых книжных магазинов: гг. Клостермана, Еверса, братьев Гей, Миллера, Роспини, Логана и Герстенберга, за-

тем Ив. Глазунова, Тимофея Полежаева, Василия Сопикова и Василия Алексеевича Плавильщикова. Из всех книгопродавцев того времени имя Плавильщикова отличается наибольшими заслугами в области просвещения. Ему принадлежит слава основателя первой русской библиотеки для чтения: до него книги для чтения можно было получать от книгопродавцев не по выбору читателей, а по воле последних, которые и выдавали книги испорченные или старые. В. А. Плавильщиков[481] прибыл из Москвы в Петербург в 1788 году; он сперва взял в аренду губернскую и после театральную типографию и затем открыл первую книжную торговлю в Гостином дворе, в лавке под № 27-м. По словам современников, его магазин представлял «тихий кабинет муз, где собирались ученые и литераторы делать справки, выписки и совещания, а не рассказывать оскорбительные анекдоты и читать на отсутствующих эпиграммы и сатиры». Все почти литераторы безденежно пользовались его библиотекой, даже и после его смерти (1823 года, 14 августа), по духовному завещанию.

Открытие первой библиотеки в Петербурге состоялось 15 сентября 1815 года. Первая же библиотека в смысле книгохранилища была основана Петром во дворце в Летнем саду и затем передана в Академию, где с 1728 года (22 октября) и сделалась доступной для общественного пользования.

В старом здании Гостиного двора помещалась и биржа, которая позднее, в 1725 году, перенесена в особое строение перед Гостиным двором. Вне Гостиного двора никому не дозволялось ни складывать, ни продавать товары. Здание принадлежало царю; для безопасности у четырех углов и при воротах Гостиного двора стоял солдатский караул. Этот Гостиный двор существовал до 1735 года, потом в нем хранилась полковая амуниция.

Что же касается места, где теперь стоит Гостиный двор, то сначала здесь в 1734 году предполагалось устроить Морской рынок, бывший при Петре на Адмиралтейской площади[482], но в 1735 году купцы, торговавшие в первоначальном Гостином дворе, на Петербургской стороне, просили, по случаю ветхости здания, отвести им места «на новоотве-

денном, вместо Морского рынка, месте от Большой и другой перспективных дорог на 180 лавок земли, длиннику по обе стороны по 130 сажень, поперечнику от новой перспективы 107 сажень, а в заднем конце, что явится по мере».

4 июля 1735 года позволение было дано. Место в указе определялось так: «От Адмиралтейства к Невскому монастырю, по правую сторону перспективной дороги, в ширину от первых шпенделей до двора Антона Девьера, а в длину от Девьерова двора прорубленною перспективною дорогою к церкви Вознесенья Господня до переулка, который мимо Апраксина двора». Гостиный двор построен был «коштом» всего купечества для того, как говорит Н. Богданов (см. «Историч. географ. опис. Петербурга», СПб., 1779 г.), что бывший каменный Гостиный двор на Мойке, у Зеленого моста (Полицейского), от пожара в 1735 году сгорел и за неисправностью в скором времени от казны выстроиться не мог. По словам Георги (см. «Описание С.-Петербурга 1794 года»), каменный Гостиный двор существующего вида был начат строением в 1755 году и

окончен только в 1785 году[483]. Он имеет вид косоугольного четырехугольника, длиною около 150 сажен, шириной с одной стороны в 100 и с другой – около 50 сажен. В каждом его ярусе имеется 170 лавок; он разделен на четыре линии, из которых каждая сохранила свое старинное название, показывающее прежнее назначение рядов. Так, сторона, обращенная к Невскому, называется Суконной линиею, по Садовой – Зеркальною линиею, против Думы – Большую Суровскую линией, а в тыле – Малою Суровскою линиею. Под словом «суконный» в старину подразумевался всякий шерстяной товар; под словом «зеркальный» – всякий светлый товар, а «суровским» или, вернее «сурожским», называли всякий шелковый товар. Эта торговля получила свое название от Сурожского моря[484]; на жаргоне гостинодворцев, продавцы суровскими товарами назывались сурогами. Против Большой Суровской линии, через улицу, впоследствии был построен Бабий ряд, или Перинная линия; здесь до сороковых годов торговлей занимались одни женщины.

За Бабьим рядом, сбоку, был выстроен в

1800 году купцом Нащокиным Мебельный ряд, и напротив его вытянулась Банковская линия, или, по-старинному, Глазуновские лавки, в которых засели менялы. Далее, по Садовой, в 1791 году после постройки Ассигнационного банка был сооружен Москотильный ряд. Москотильным товаром в русской торговле называются краски, пряные корни и аптекарские материалы. Это имя тоже очень древнее и перешло к нам от арабов, торговавших в Болгарах и Атели (нынешней Астрахани) этим товаром, получаемым из города Москота, или Муската.

Участок земли пространством более 20 000 квадратных сажен, окаймленный с одной поперечной стороны Большою Садовою улицею, с противоположной – набережною реки Фонтанки, известен с 1740 года под именем торгового Апраксина двора; это вполне упроченный народный рынок с кустарным товаром.

В 1780 году в переулке от Большой Садовой улицы к Фонтанке уже находился Охотный, или Птичий, ряд, где уже в то время продавались живые и битые птицы, собаки, кошки, обезьяны, лисицы и другие живые звери;

здесь же были ряды: лоскутный, ветошный, шубный, табачный, мыльный, свечной, луковый, седельный, нитяный, холщовый, шапочный и «стригальный» ряд, «где фельдшеры сидят для стрижения волос и бород». Рядом с Апраксиным двором был Щукин двор; там торговали ягодами и плодами в огромном, гуртовом виде.

В 1787 году на Невской перспективе, подле Большого Гостиного двора, был выстроен каменный в три этажа дом, где в нижнем ярусе поместились 14 лавок с серебром, жемчугом и драгоценными камнями.

Эти лавки некогда принадлежали богатому купцу Яковлеву, сын которого служил в Министерстве иностранных дел и писал театральные рецензии в «Северной пчеле». Петербургские сторожилы-театралы хорошо помнят его, ходившего в театр всегда в вицмундире. За строгий разбор бенефиса актера В. А. Каратыгина, по приказанию министра двора кн. П. М. Волконского, он был выведен в водевиле «Горе без ума» в смешном виде и, по словам Каратыгиной[485], был узнан всею публикой, громко смеявшеюся в сцене, когда отец

водевильного рецензента, почтенный богатый купец, торгующий серебряными изделиями, уговаривает сына не позорить его имени и не срамить себя самого статьями, писанными под хмельком:

*Не разбирай тогда актеров,
Когда тебя поразберет!*

Старик оканчивал куплет словами:

*Ну, брат, я вижу, ты дурак
Восемьдесят четвертой пробы.*

Нападки были несправедливы. Яковлев был известен как честный критик, талантливый переводчик и остроумнейший человек в обыденной жизни. Остроумие его в городе вошло в поговорку; остроумия, каламбуры у него так и сыпались. Про него между товарищами сохранилось множество воспоминаний.

По несчастью, Яковлев не мог похвалиться сильным характером и не был расположен оставить некоторых вечерних привычек молодости, что и свело его в могилу. Он умер 19 июля 1861 года. По рассказам, он писал свои фельетоны на службе в канцелярии, озаглавив их титулом докладных записок к покой-

ному министру финансов Егору Францовичу Канкрину.

За два года до постройки Гостиного двора был дан купечеству устав о гильдиях. Преимущество гильдий единственно зависело от суммы объявленного капитала в шестигласной думе. Объявивший капитал от 1000 до 5000 рублей принадлежал к третьей гильдии и мог отправлять мелочной торг, держать трактиры, бани и т. д.

Внесший капитал от 5000 до 10 000 рублей принадлежал ко второй и торговал чем хотел, за исключением держать фабрики и иметь торговлю на судах.

Заявивший капитал от 10 000 до 50 000 рублей и платящий с этой суммы по одному проценту со ста принадлежал к первой гильдии и мог отправлять иностранную торговлю и иметь заводы и проч. Купцы же, объявившие у себя капиталу более 50 000 рублей, имевшие свои корабли и производившие вексельные обороты более чем на 100 000 рублей или два раза избранные заседателями на судах, носили звание «именитого гражданина». Они могли ездить в городе в четыре лошади, иметь

загородные дома и сады, также заводы и фабрики и наравне с дворянством освобождались от телесного наказания.

Особенно богатых купцов в половине XVIII столетия было очень немного. Все рассказы о богатых наших именитых гражданах представляют более вымысла, нежели правды. Богатым в то время был только двор и некоторые царедворцы. При Екатерине II все высшие государственные сановники торговали и пускались в разные спекуляции. По словам Храповицкого, в это время самыми известными винными откупщиками были князь Ю. В. Долгорукий, князь С. Гагарин и князь Куракин. Трудно было купцам при такой сильной конкуренции наживать капиталы. Богатели только такие из них, которые участвовали в предприятиях вместе с вельможами.

Одно время, как рассказывает тот же Храповицкий, императрица хотела воспользоваться капиталами купцов, предлагая им за проценты чины и баронский титул. Но этот проект, порученный генерал-прокурору Соймонову, потерпел неудачу.

Известному в то время богачу, петербург-

скому городскому голове А. Н. Березину, за постройку первой народной школы в Петербурге был предложен начальством чин, но Березин отказался.

– Чин взять – пешком носить его тяжело, а надобно возить его в карете; пусть он охотникам достанется, – ответил он.

В конце царствования Екатерины II купцов-миллионеров уже было гораздо более. Из числа таких славились своими богатствами Шемякин, Лукин, Походяшин, Логинов, Яковлев, Горохов. Последний в Петербурге был настолько популярен, что заставил жителей забыть название улицы Адмиралтейской, на которой жил и торговал, и называть ее Горохового, по своей фамилии.

По преданию, он выстроил в 1756 году первый каменный дом в этой местности. Прокупца Логинова, откупщика и приятеля князя Потемкина, Державин рассказывает, что он раз, устроив у себя зимой народный праздник, выставил народу такое количество водки, что на другой день полиция подобрала множество мертвых тел. По смерти этого Логинова долг его в казну простирался до 2 000

000 рублей.

Другой такой же откупщик, Савва Яковлев, по уличной фамилии Собакин, при вступлении императрицы Екатерины II на престол стал отказывать народу и не отпускать даром водку против повеления государыни; народ произвел буйство на улицах. Екатерина приказала объявить ему свое неудовольствие. Опала Яковлева стала известной в столице; народ рассказывал на улицах, что государыня пожаловала ему чугунную пудовую медаль, с приказанием носить на шее по праздникам. Державин на него написал стихотворение «К Скопихину».

Вскоре государыня отправилась в Москву для коронации, следом за ней поехал и Яковлев; на пути Екатерина заметила в одном небольшом селении ветхую деревенскую церковь, грозившую разрушением, и приказала по возвращении своем в Петербург напомнить ей о церкви. Яковлев, узнав об этом, поспешил тотчас же восстановить храм и украсить богатыми вкладами. По окончании коронационных празднеств государыня на обратном пути в Петербург, проезжая это селение,

была встречена крестным ходом с колокольным звоном; императрица была удивлена таким быстрым и превосходным возобновлением церкви и пожелала знать виновника.

К крайнему удивлению, ей представлен был Яковлев; Екатерина выразила ему свою признательность, сказав: «Я забываю прошедшее». Прибыв в Петербург, Яковлев покинул все дела по откупам, вступил в гражданскую службу и впоследствии оставил ее с чином коллежского асессора. Племянник этого Яковлева, Иван Алексеевич Яковлев, отличался тоже крупною благотворительностью; он в чине корнета Конногвардейского полка был один из всех обер-офицеров российской армии, который имел орден Св. Владимира на шею; эту генеральскую награду он заслужил за то, что покрыл железом из своих сибирских заводов все казенные строения в Москве, пострадавшие во время исторического пожара 1812 года.

В 1850 году этот же И. А. Яковлев пожертвовал миллион рублей серебром в инвалидный капитал, растраченный правителем дел Комитета раненых Политковским. Брат его Сав-

ва отличался самодурством мота. Он при содействии безграничного кредита, открытого отцом, успевал проматывать более миллиона рублей в год. Отец его говорил ему: «Савва! Будешь у меня кость глотать, как положу тебе в год на прожитье только сто тысяч». Савва служил в Кавалергардском полку и был одно время ремонтером. По рассказам, он поставлял в полк таких коней, каких никто не ставил. Служил он недолго, пьянство и скандалы заставили его выйти из полка, особенно один крупный скандал в театре ускорил его отставку: он бросил из боковой ложи дохлую кошку в кульке немецкой актрисе Нерейтер. По выходе в отставку Савва предался самому непробудному пьянству; не находилось между пьяницами человека, который мог бы перепить его. Мотовство и самодурство наконец значительно расшатали его баснословное богатство, он стал занимать деньги под векселя за подписью своего родственника, молодого гвардейского полковника А. И. Угримова, со своим поручительством. Векселей таких выдано было более чем на миллион рублей. Когда же пришло дело к расплате, Савва не при-

знал своей подписи; Угримов был арестован и кончил жизнь самоубийством в тюрьме (подробности этого дела изложены в «Журнале Министерства юстиции» за 1861 г.). Неповинная смерть приятеля повлияла на самодура, и он в припадках сплина стал стрелять из пистолета по драгоценным фигурам старого саксонского и севрского фарфора, хранившимся в богатых покоях своего отца. Вскоре он, впрочем, утешился, сойдясь с наездницею из цирка Лежара, Людовикою Слопачинскою. Красавица, впрочем, недолго терпела его самодурства и променяла его на известного тоже богача-красавца Вадковского, который и дал Савве публично в цирке пощечину за какой-то неблаговидный поступок с Слопачинскою; Яковлева из цирка привезли в обмороке домой, и так как он непременно желал стреляться с Вадковским, то был подвергнут домашнему аресту. Последний скандал на него подействовал весьма сильно, он предался пьянству еще больше. По рассказам, «серебряный гроб» уже не сходил с его стола; гробом он называл кубок, сделанный формой обыкновенного гроба, в который входила бутылка

шампанского. Процесс же питья из гроба был следующий: в конце каждой своей попойки он хриплым голосом кричал: «Гроб!!!» В тот же момент слуги вносили ящик с шампанским, один за ними нес на подносе кубок «гроб», а другой вносил заряженный пулею пистолет. После них входил дворецкий и называл по имени одного из присутствовавших гостей. Гость вставал и подходил к хозяину; слуга подавал кубок, а хозяин поднимал над головой гостя пистолет, гость должен был выпивать вино до дна и, поцеловав хозяина, отправляться домой, если же гость не мог уже осушить «гроба» и падал к ногам Саввы, то он приказывал «похоронить мертвого», что означало положить в спальню на диван. Так, угостив всех гостей, хозяин сам выпивал чашу и успокаивался тут же на раздвижном своем стуле. Яковлев кончил жизнь самоубийством: раз прокричав «гроб» и осушив его до дна, повернул дуло пистолета себе в рот, и, прежде чем прислуга и гости успели вскрикнуть, раздался выстрел и Савва, обливаясь кровью, пал, никем не оплаканный.

Родной брат покойного, известный под

именем Корнета, умер от скоротечной чахотки, с мелом в руке, отмечая на стене ежеминутно припадки своей болезни (подробности эти берем из книги В. П. Бурнашева «Чудодеи» и пр.).

Торговые части Петербурга, где теперь стоят Гостиный и Апраксин дворы, в половине XVIII столетия были наполнены топями и болотами, так что в дурную погоду не было возможности ни пройти, ни проехать. Невский проспект, на котором теперь красуется лицевой своей стороною Гостиный двор, получил свое название при императрице Анне (20 апреля 1738 года); в это время было постановлено: «По коммисскому рассуждению, впредь именовать Большую проспективу, что следует от Адмиралтейства к Невскому монастырю, – Невскою проспективою». Невский проспект был тогда не что иное, как длинная, терравшаяся в отдалении аллея, вымощенная бревнами и обсаженная по обеим сторонам деревьями. Проложили и работали над нею при Петре пленные шведы; на обязанности их было также мести ее каждую субботу. По улицам Петербурга предписывалась величай-

шая чистота; каждый домовладелец обязан был против своего двора рано утром или вечером, когда по улицам не было ни езды, ни ходьбы, сметать с мостков всякий сор; а камни, которые выламывались в продолжение дня, поправлять.

За неисполнение этого правила взыскивался штраф, по две деньги с сажени в ширину его двора. Особенно строго наказывались те, кто вывозил на Неву и другие реки помет и сор. За такие проступки у знатных – их слуги, а незнатные домовладельцы самостоятельно должны были быть биты кнутом и ссылаемы в вечную каторжную работу. Постановлено было, чтобы все торгующие съестными припасами на улицах и в лавках «ходили в белом мундире по указу, а мундиры бы делать по образцу, как в мясном и рыбном рядах у торговых людей». С неисполнителей брали штраф, а товар отбирали «на великого государя».

Было также запрещено: «чтоб никто никакого чину по малой речке Мье и по другим малым речкам и по каналам днем и ночью, на лошадах, в санях и верхом, кроме пеших,

отнюдь не ездил, того ради, что от коневого помета засариваются оные речки и каналы». Также замечено было, что извозчики в Петербурге ездили на невзнузданных лошадях и топтали пешеходов, почему было постановлено за первую подобную вину – кошки, за вторую – кнут, за третью – ссылка на каторгу. «Имеющим же охоту, – сказано в указе, – бегать на резвых лошадях взапуски или взаклад, и тем людям такое бегание позволяется чинить, выезжая в Ямскую слободу» и т. д.

Не менее интересно было в описываемое время запрещение нищим шататься по улицам и просить милостыню, «понеже в таких многих за леностями и молодые, которые в работы и наймы не употребляются, милостыни просят, от которых ничего доброго, кроме воровства, показать не можно». С подавших милостыню взыскивался штраф в 5 рублей, потому что желающие помогать бедным обязывались делать пожертвования на богоугодные заведения. Многие из вышепищенного недурно было бы принять в соображение и в настоящее время.

В деревянном Гостином дворе, что стоял

на месте нынешнего Гостиного двора, торговали на ларях, в шалашах и вразноску. Здесь нередко происходили драки и даже разбои. По рассказам иностранцев, бывших в это время в Петербурге, иногда и проезд по преспективе от тесноты был невозможен, особенно от возов с дровами и сеном. Купцы того времени, или, вернее, торгаши, пользовались весьма дурной славой. В то время явился даже обличитель купцов, Матинский, написавший комическую оперу «С.-Петербургский Гостиный двор», где был выведен разными плутнями и мошенничеством нажившийся гостинодворец Феропонт Сквалыгин и товарищ в его плутовских проделках, взяточник, подьячий Крючкодей. Опера была дана в первый раз 26 ноября 1783 года на Царицыном лугу в театре Книпера и Дмитревского. Как гласила афиша, сочинения она «путешествующего по Италии крепостного человека Матинского графа Ягужинского, музыка тоже Матинского». Опера имела необычайный успех и в короткое время выдержала три издания: в 1791, 1792 и 1799 годах.

Роль Сквалыгина играл актер Сем. Соко-

лов, а Крючкодея – Ан. Крутицкий.

Образ жизни купца XVIII века, как говорит П. И. Страхов[486], был таков, что блаженство его состояло в том, чтобы иметь жирную лошадь, толстую жену, крепкое пиво, в доме своем особенную светелку, баню и сад. Утром сидел он в лавке, где со знакомыми и покупателями выпивал несколько так называемых галенков[487] чаю. После обеда спал три часа, а остальное время проводил с приятелями, играя в шашки на пиво. Богатый купец имел свою пословицу, которая в кругу его знакомых заменяла остроумие, возбуждала смех и часто давала предлог к выпивке. Купцы за особенное качество ума считали бестолковость в разговорах; речь их иногда делалась совсем непонятной от излюбленной пословицы, которую они употребляли без всякой надобности, почти чрез несколько слов.

При первом с кем-нибудь свидании или знакомстве купец тотчас старался закидать его пословицами и прибаутками и тем дать знать, что он, как говорится, «сам себе на уме». Купец всегда любил выпить и, помимо разных семейных празднеств: именин, родин,

крестин, искал случая напиться, особенно баня также еженедельно давала предлог к пьянству и созывам гостей.

Летом в праздники купцы с друзьями ездили за город с пирогами, самоварами и водкою. Смотрение кулачных боев, медвежьей травли, катанья с гор составляли любимейшие зимние удовольствия. Жены купцов не пили пива и не играли в шашки, но хозяйка дома свою гостью отводила потихоньку в спальню, как будто для разговора, и подносила ей там по чарочке тайком, пока не напавала допьяна.

Приказчики где-нибудь в отдельном жилье подражали хозяевам, с тою только разницей, что напивались допьяна при игре одного из товарищей на гусях. Достоинство молодого купеческого сына состояло в том, чтобы он умел твердо читать и писать и знал бы проворно выкладывать на счетах. Но тот считался с большими способностями, кто умел быстро и звонко звать покупателя, скоро говорить, хвалить товар, божиться, обвешивать и присчитывать. Дочери богатых купцов всегда составляли лакомый кусок для промотавшихся

дворян. Было время, говорит Страхов, что из Петербурга разорившиеся моты на последние деньги скакали в Москву для поправления своего состояния женитьбою на них. Видные и красивые осаждали миллионы, как крепости, брали их иногда хитростью, а иногда штурмом. Женившись на богачке, из всей силы продолжали мотать до смерти, оставляя детям при нищете одно удовольствие – вспоминать, что мать их была миллионщица. Эти гордые бедняки представляли подобие тех голых веников, которые домогались уважения, выдавая свое происхождение от самого древнего и густого дуба!

Дед нынешнего купца носил русское платье, ходил «при бороде», летом был в чуйке, зимою в шубе. Жил он в своем деревянном домике, где-нибудь на Песках или у Владимирской; вид его был смиренный, богобоязливый, почитал он после Бога власть, поставленную от Бога, стоял почтительно за прилавком, снявши шапку пред благородною полициею, боялся военных, чиновников, целый век обдергивался, суетился. Жену, детей держал в черном теле и в страхе Божьем. Умирал такой

отец семейства, выносили его в дубовой колоде ногами в ворота на «Большую Охту» или на «Волково».

По смерти старика-купца всегда оказывался капитал значительный, наследник его на месте отеческого диконького домика выводил огромный домина и сам облакался в особенный вариант европейской моды, об которой теперь едва сохранилось воспоминание: такой коммерсант носил длинный сюртук, вправляя брюки в сапоги, и брил бороду. Платье его чистил старший приказчик, но сапоги вверял он сыну или мальчику. Чищение последних требовало долгой работы и особенно-го умения. Вакса употреблялась восковая, накладывать ее на кожу нужно было понемножку, разогревая дыханием, затем сейчас же растирать и намазывать следующий слой. Такое подравнивание слоев отнимало много времени и могло быть благополучно окончено только опытной рукою. Сапожный глянец высоко ценился купцами.

Вставал купец рано и являлся в лавку зимой вместе с первым проблеском света, летом он приходил в шесть часов утра. Отпирая лав-

ку, пили сбитень, съедали несколько калачей и принимались за торговлю. В торговле в то время первое дело было зазвать к себе покупателя и отбить последнего у соседа. Потому молодцы с зычным голосом, неотвязчивые и умеющие в зазывах своих насулить покупателю с три короба, высоко ценились хозяевами. Когда покупатель в лавку был зазван, торговец старался улестить его, отвести ему глаза, продать товар втридорога. На такие уловки нужна была опытность. Платье, походка, речь покупателя, тут все берется в расчет. С одним надобно кланяться, упрашивать, сделать уступку «из уважения», с другого заломить сразу цену и вести себя гордо, не уступать копейки, третий, как, например, мужичок, требует фамильярного обращения: стукнуть по плечу, по животу, и «что ты, мол, брат, со своими торгуешься, со своего человека земляка лишнего не возьмем». С духовенством можно заговорить от Писания, следует подойти под благословение, в самой физиономии выразить некоторую святость.

Всякий товар надобно было показать лицом. Например, материи торговец старался

на прилавок накидать такую грудку, что у покупателя разбегаются глаза. Кусок материи развертывался так, чтобы на него прямо падал свет, и т. д. Купцы из лавок ходили обедать домой и после обеда ложились отдыхать. Это был повсеместный обычай; спали купцы, затворив свои лавки; в то время спали после обеда все, начиная от вельмож до уличной черни, которая отдыхала прямо на улицах.

Не отдыхать после обеда считалось в некотором смысле ересью, как всякое отступление от прадедовских обычаев. Когда смеркалось, купец запирает лавку замком, потом прикрепляет восковую печать и, помолившись, шел домой. При однообразии торговой жизни в рядах Гостиного доставляла развлечение игра в шашки; около почти каждой лавки стояла скамейка, на середине которой была нарисована «шашельница». Около играющих иногда образовывалась целая толпа зрителей, которые в игре принимали живейшее участие, ободряли игроков и смеялись над их оплошностями. В игре, как и в торговле, главное взять не столько знанием, сколько хитростью, воспользоваться оплошностью против-

ника. Зимой, в морозные дни, приказчики грелись, схватываясь руками и похаживая по-среди линии, перегоняя друг друга на сторону, или прозябнувшие молодцы вступали двумя станами в ратный бой и тянули веревку. Бывали в то время такие силачи, как живший еще в конце сороковых годов шкатулочник – большой оригинал, Евграф Егорыч, ходивший зимой и летом в большой боярской меховой шапке; он, бывало, ухватится за один конец веревки, и все усилия противников сдвинуть его с места пропадали даром.

Немало в то время развлечения доставляла торговцам и публика, гулявшая по линиям Гостиного двора. Вероятно, теперь уже нет в живых гостинодворцев, которые бы помнили приезжавшего к Гостиному двору в карете цугом высокого мужчину в черном доломане [488] с металлическою мертвою головою на груди. Это был барон Жерамбо, гусар из полка наполеоновских гусаров смерти. По рассказам, он вел большую карточную игру, писал латинские стихи и был отчаянный бретер [489], загубивший не одну христианскую душу на дуэли. Возбуждала здесь тоже общее

любопытство своею ловкостью фигура старого немца с длинными волосами на плечах; это был известный в свое время фокусник Аффельбаум, отмеченный Гоголем в одной из его повестей; затем памятны всем были екатерининский секунд-майор Щегловский и павловский бригадир Брызгалов. Первый, уже столетний старик, одетый в мундир светло-зеленого цвета, с красными отворотами, с широким золотым галуном, в треугольной шляпе, с большим белым султаном, в парике с буклями и с тростью в руках, бодро еще ходил по линии, заходя в лавки, чтоб отдохнуть и словоохотливо поболтать с купцами о штурме Бендер, о походе за границу во время Семилетней войны. Жизнь его была крайне интересна: он вступил в службу солдатом при Елисавете, сделал поход в Семилетнюю войну, при штурме Бендер находился в армии графа Панина. В 1777 году был в походе в Судацких горах, там ранен в шею и в голову стрелою и в руку кинжалом, после чего взят турками в плен с майором Зоричем и находился в Турции четыре года, до заключения мира. По возвращении из турецкого плена

был избран для сопровождения императрицы Екатерины из Киева в Херсон. Здесь, танцуя на бале у императрицы, он переменял в малороссийской мазурке четырех дам; государыня, смотря на ловкого танцора, в знак удовольствия рукоплескала; после бала он был пожалован золотою табакеркою.

В Таврической области, при переезде императрицы из Кинбурна, снесло бурей мост через проток Сиваша. Необходимо было устроить новый. Императрица спешила выехать, а еще неизвестно было, поспел ли мост; Щегловский был послан Потемкиным за 27 верст узнать, готов ли мост. Часа через три, когда государыня села за обеденный стол, он возвратился, загнав несколько лошадей и проскакав 54 версты не более как в три часа. Войдя в столовую императрицы, где находился и Потемкин, Щегловский, с трудом переводя дыхание, едва мог промолвить:

– Ваша светлость! Мост поспел!

– Как? – сказала императрица. – Он уже и съездил? – и так была довольна, что сняла с руки свой богатый бриллиантовый перстень и подарила Щегловскому. В следующем году

он был пожалован золотою саблею и капитанским чином за храбрость, а за взятие в плен паши – орденом Св. Георгия; потом он отчаянно дрался под стенами Очакова; за долгое сопротивление город был предан Потемкиным на три дня в добычу победителям. 18 солдат из отряда Щегловского возвратились к нему с мешками золота и, поощренные удачей, отправились снова на поиски.

Тогда была ужасная зима: лиман замерз, войско в лагере укрывалось в землянках. Телеги, кровати, все было пожжено; нечем было ни топить, ни сварить похлебки. Несколько раз возвращались с мешками серебра и золота разгоряченные вином солдаты Щегловского, и раз пошли и не вернулись более. Щегловский должен был вскорости выступить; взять натасканные сокровища не было возможности и даже опасно; завалив землянку с сокровищами, он покинул Очаков. С тех пор ему не удалось уже быть там, и неизвестно, сохранились ли в целости его сокровища. В 1790 году он получил ордер сдать турецких пленных поручику Никорице. По прибытии в Яссы Щегловский получил рапорт, что из чис-

ла пленных девять турецких офицеров бежали, и не прошло пяти дней, как за это упущение пленных, даже без всякого допроса и суда, он был, по повелению Потемкина, в кандалах отправлен в Сибирь, где и пробыл 52 года в ссылке. Причина гнева и немилости князя Потемкина, по словам Щегловского, лежала в особенном обстоятельстве. Он имел несчастье понравиться одной польской княгине, которая была предметом внимания Потемкина. В 1839 году император Николай I повелел сосланного в Сибирь Щегловского освободить и наградить 1000 рублями. Взяв на шеститысячеверстный путь 10 рублей деньгами и простившись с 80-летней своей женой, Щегловский отправился в Петербург. Здесь в дворцовых сенях он упал к ногам царя и на другой день получил 300 рублей деньгами, а от императрицы – мундир полный формы майорской одежды Екатерининских времен. В этой форме майор был представлен государю, и на вопрос, за что был сослан в Сибирь, отвечал: «За одну вину: потерпел за Еву!»

В 1843 году стосемилетний бодрый старик, в полном мундире екатерининских времен,

присутствовал в числе зрителей на параде на Суворовской площади, и по милостивому вниманию императрицы ему предложено было кресло. Как Елизаветинский столетний рядовой, он получил в сравнении с другими, бывшими на параде, в сто раз более – 1750 рублей.

Из рассказов и воспоминаний Щегловского интересен рассказ про известного фаворита Екатерины Зорича, который жил впоследствии в пожалованном императрицею местечке Шклове в полной роскоши, среди наслаждений, как сатрап. Вот что рассказывал о нем стосемилетний Щегловский: «Храбрый майор Зорич был окружен турками и мужественно защищался, но когда наконец увидел необходимость сдаться, то закричал: „Я капитан-паша!“ Это слово спасло его жизнь. Капитан-паша у турок – полный генерал, и его отвезли к султану в Константинополь. Здесь его важный вид, осанка, рассказы, все побуждало султана отличить его и даже предложить ему перейти на турецкую службу, впрочем, с тем, чтобы он переменял веру. Но ни угрозы, ни пышные обещания не могли поколебать Зо-

рича. И когда политические обстоятельства переменились, султан, желая склонить императрицу к миру, согласился на обмен плененных, в письме своем поздравлял императрицу, что она имеет такого храброго русского генерала, как храбрый Зорич, который отверг все его предложения. Государыня велела справиться, и по справкам оказалось, что никакого генерала Зорича не было взято в плен, а был взят майор Зорич. Возвращенный в Петербург Зорич был представлен императрице.

– Вы майор Зорич? – спросила Екатерина.

– Я, – отвечал Зорич.

– С чего же, – продолжала императрица, – вы назвались русским капитаном-пашою, ведь это полный генерал?

– Виноват, ваше величество, для спасения жизни своей и чтобы еще иметь счастье служить вашему величеству.

– Будьте же вы генералом, – продолжала императрица, – турецкий султан хвалит вас, и я не сниму с вас чина, который вы себе дали и заслужили.

И майор был сделан генералом. У этого Зорича в Шклове давались лукулловские пиры,

учреждались летом поездки в саних по рассыпанной по дороге соли и сожигался фейерверк, деланный несколько месяцев, один павильон состоял из 50 000 ракет. Его крепостной балет был настолько хорош, что туда посылался в начале царствования Павла балетмейстер Вальберх и привезены танцовщицы» и т. д.

Другой такой же свидетель прошедшего века, бригадир Брызгалов, ходил в длиннополом русском мундире, ботфортах, крагенах, со шпагой назад и с длинной тростью. Этот старик некогда служил кастеляном в Михайловском дворце и при Павле исполнял должность смотрителя за подъемным мостом; он редко гулял один, всегда его сопровождали дочь и два сына. Часто дети впереди несли его длинную трость. Зимой Брызгалов надевал волчью шубу на малиновом сукне. Брызгалов был очень сварливого нрава и вечно заводил ссоры с купцами. Посещал также ежедневно Гостиный несколько недель гостивший в Петербурге известный сподвижник Александра Благословенного, герцог Веллингтон. Знаменитый гость разгуливал в круглой

шляпе и в узком, длинном черном плаще без рукавов (cols). В старину в Гостином дворе гуляли все известные лица тогдашнего общества. Здесь меценат Н. И. Перепечин, директор банка, отыскал в щепетильной[490] лавке, под № 67, молодого сидельца Яковлева, впоследствии знаменитого трагического актера. В Гостином же, на верхней линии, осенью и зимою, в дождливые и ненастные дни гулял наш баснописец Иван Андреевич Крылов. Он обходил Гостиный двор ежедневно пять раз. Существует анекдот про эти прогулки Ивана Андреевича: раз сидельцы, обыкновенно надоедавшие своими криками всем гуляющим, атаковали Крылова.

– У нас лучшие меха[491], пожалуйста-с, пожалуйста-с! – схватили его за руки и насильно втащили в лавку.

Крылов решился проучить рыночника.

– Ну, покажите же, что у вас хорошего?

Приказчики натаскали ему енотовых и медвежьих мехов. Он развертывал, разглядывал их.

– Хороши, хороши, а есть ли еще лучше?

– Есть-с.

Притащили еще.

– Хороши и эти, да нет ли еще получше?

– Извольте-с, извольте-с!

Еще разостлали перед ним несколько мехов. Таким образом он перерыл всю лавку.

– Ну, благодарствуйте, – сказал он наконец, – вижу, у вас много прекрасных вещей. Прощайте!

– Как, сударь, да разве вам не угодно купить?

– Нет, мои друзья, мне ничего не надобно; я прохаживаюсь здесь для здоровья, и вы настолько затащили меня в вашу лавку.

Не успел он выйти из этой лавки, как приказчики следующей подхватили его.

– У нас самые лучшие, пожалуйста-с! – и втощили в свою лавку.

Крылов таким же образом перерыл весь их товар, похвалил его, поблагодарил торговцев за показ и вышел. Приказчики уже следующих лавок, перешептываясь между собою и улыбаясь, дали ему свободный проход. Они уже знали о его проказах из первой лавки, и с тех пор он свободно проходил по Гостиному двору и только раскланивался на учтивые по-

клоны и веселые улыбки своих знакомых сидельцев.

Утром по Гостиному двору, от создания его до семидесятого года, проходили целые бесконечные нити нищих; шли бабы с грудными младенцами и с поленами вместо последних; шел благородный человек, поклонник алкоголя, в фуражке с кокардой, рассказывая публике мнимую историю своих бедствий; шел также пропойца-мастеровой, собирали чухонки на свадьбу, гуляя попарно, со словами: «Помогай невесте»; возили на розвальнях пустые гробы или крышку от гроба старухи, собирая на похороны умершему; шли фонарщики, собирая на разбитое стекло в фонаре. Ходил и нижний полицейский чин с кренделем в платке, поздравляя гостинодворцев со своим тезоименитством. Бродил здесь и нищенствующий поэт Петр Татаринов[492] с акrostихом на листе бумаги, из заглавных букв которого выходило: «Татаринову на сапоги». Проходил и артист со скрипкой, наигрывая концерт Берио или полонез Огинского. Такой скрипач, бродивший в конце сороковых годов, был весьма недюжинный крепостной ар-

тист князя Потемкина. Брели, особенно перед праздниками, разные калеки, слепцы, уроды, юродивые, блаженные, странники и странницы; между последними долго пользовалась большою симпатией у торговцев старушка лет шестидесяти, в черном коленкоровом платье, с ридикюлем в руках, полным разными даяниями. Происхождением она была из княжеского рода, воспитывалась чуть ли не в Смольном и говорила по-французски и по-немецки. Звали ее Аннушкой и Анной Ивановной. В молодости она имела жениха — гвардейского офицера, который женился на другой. Обманутая невеста покинула Петербург и только спустя несколько лет явилась опять в столицу, но уже юродивою. Одета всегда почти в лохмотья, она ходила по городу, собирала милостыню и раздавала ее другим. На улице заводила ссоры, бранилась с извозчиками и нередко била их палкой. Жила она у одного богатого купца, а больше на Сенной, у священника о. Василия Чулкова, тоже очень замечательного духовного лица, вышедшего в первую холеру из простого звания, популярнейшего священника между просто-

народием и купцами. Аннушка отличалась прозорливостью и предсказаниями. Раз, встретившись в Невской лавре с одним архимандритом, она предсказала ему получение епископского сана; действительно, архимандрит вскоре получил епископство и был сделан викарием в Петербурге. Впоследствии он поместил Аннушку в Охтенскую богадельню, под вымышленной фамилией Ложкиной. В богадельне она не жила. Незадолго до своей смерти она пришла на Смоленское кладбище, принесла покров и, разостлав на землю, просила протоиерея отслужить панихиду по рабе Анне. Когда панихида была отслужена, она покров пожертвовала в церковь с тем, чтобы им покрывали бедных умерших, и просила протоиерея похоронить ее на этом месте. При погребении ее присутствовали тысячи народа.

В числе разных пустосвяток, бродивших по Гостиному двору, обращала на себя внимание толстая баба лет сорока, называвшая себя «голубицей оливаной». Носила эта голубица черный подрясник с широким ременным поясом; на голове у ней была иерейская скуфья,

из-под которой торчали распущенные длинные волосы; в руках у нее был пучок восковых свечей и большая трость, которую она называла «жезлом иерусалимским». На шее у нее были надеты четки с большим крестом и образ, вырезанный на перламутре. Народ и извозчики звали ее Макарьевной и вдовицей Ольгой. Говорила она иносказательно и все больше текстами; на купеческих свадьбах и поминках она играла первую роль и садилась за стол с духовенством. Занималась она также лечением, оттирая купчих разным снадобьем в бане; круг действий Макарьевны не ограничивался одним Петербургом. Она по годам жила в Москве, затем посещала Нижегородскую ярмарку, Киев и другие города. По рассказам, она выдала свою дочь за квартального надзирателя, дав ему в приданое тысяч двадцать. Подчас Макарьевна жила очень весело, любила под вечерок кататься на лихаках, выбирая такого, который помоложе и подюжее.

Немало также толков и разговоров вызывали у гостинодворцев утренние провозки преступников на Конную площадь; в то вре-

мя такие экзекуции случались довольно часто; телесные наказания производились публично: по обыкновению, преступника везли рано утром на позорной колеснице, одетого в длинный черный суконный кафтан и такую же шапку, на груди у него висела черная деревянная доска с надписью крупными белыми буквами о роде преступления; преступник сидел на скамейке спиною к лошадям, руки и ноги его были привязаны к скамейке сыромятными ремнями. Позорная колесница следовала по улицам, окруженная солдатами с барабанщиком, который бил при этом особенную глухую дробь. В отдельном фургоне за ним ехал, а иногда шел пешком палач в красной рубашке, под конвоем солдат, выпрашивая у торговцев подачки на косушку водки.

По прибытии позорной колесницы к месту казни преступника вводили на эшафот; здесь к нему первый подходил священник и напутствовал его краткою речью, давал поцеловать крест. Затем чиновник читал приговор. Тюремные сторожа привязывали его к позорному столбу; снимали с него верхнее платье и передавали осужденного в руки па-

лачам. Эти разрывали ему как ворот рубашки, так и спереди рубашку до конца, обнажая по пояс, клали преступника на кобылу[493], прикрепляли к ней руки и ноги сыромятными ремнями; затем палачи брали плети, становились в ногах преступника и ждали приказа начать наказание. Начинал сперва стоявший с левой стороны палач; медленно поднимая плеть и с криком: «Берегись, ожгу!» – наносил удар, за ним бил другой и т. д. При наказании наблюдалось, чтобы удары следовали в порядке, с промежутками.

По окончании казни отвязывали виновного, накидывали на спину рубашку и после наложения клейм надевали шапку, сводили под руки с эшафота, клали на выдвижную доску с матрасом в фургоне в наклонном положении и вместе с фельдшером отвозили в тюремную больницу. При посылке на каторгу палачом вырывались ноздри нарочно сделанными клещами. Вора́м ставились на щеках и на лбу знаки «вор» и затем их затирали поро́хом.

В 1801 году император Александр I, вступив на престол, отменил как знаки, так и пытку; в указе было сказано: «Самое название

пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, должно быть изглажено навсегда из памяти народной».

По гостинодворским преданиям, в малом Гостином ряду, или в Ямщиковых лавках (рядом с Думской улицей, нынешний мебельный ряд), нередко видели в начале нынешнего столетия довольно тучного, вялого, семидесятилетнего старика, известного распространителя скопческой ереси, Кондратия Селиванова; по рассказам, его всегда сопровождал Солодовников, в то время еще приказчик богатого купца-сектанта Сидора Ненастьева; впоследствии сыновья Солодовникова были известные петербургские богачи. Про Селиванова старожилы рассказывали много таинственного и чудесного: говорили, что он предсказывает будущее, а этого уже было достаточно, чтобы привлекать суеверную публику. Петербургские барыни толпами приезжали к этому пророку, чтобы послушать пророчества. Селиванов жил у купца Ненастьева, в Басковом переулке, близ Артиллерийских казарм, второй дом от угла. Здесь нередко стояло по десяти карет, заложенных, по тогдашне-

му обыкновению, четвернями и шестернями. Даже такие особы, как министр полиции Балашов и петербургский генерал-губернатор граф Милорадович, не брезговали беседовать с этим старцем и получать от него благословение. Селиванов принимал гостей, лежа на пуховиках на кровати, в батистовой рубашке, под пологом с кисейными занавесками и золотыми кистями; комната, где он лежал, была устлана цельным большим ковром, на котором были вытканы лики крылатых юношей. Впоследствии Селиванов жил в своем доме, построенном для него Солодовниковым в Литейной части, близ Лиговки. Это был первый в Петербурге скопческий корабль, или, как его называли скопцы, «Новый Иерусалим». В этот храм стекались скопцы со всех концов России. Приходивший встречал самое широкое гостеприимство. Лица, приставленные к пришлецам, незаметно выведывали от последних про их домашние нужды и обстоятельства и затем все передавали Селиванову, который этим при разговорах с ними и пользовался. Таким образом, слава лжепророка росла, как и усердные приношения в его кас-

су, казначеем которой был Солодовников. Селиванов в своем корабле прожил до 1820 года, т. е. до ссылки его в монастырь. В этом корабле была устроена зала, где могло радеть более 600 человек. Построена она была в два света и разделена на две части глухою перегородкой, в один этаж. В одной половине радели мужчины, в другой женщины. Над этой перегородкой была устроена ложа, вроде кафедры, под балдахином, где сидел Селиванов, одетый в короткое зеленое шелковое полукафтанье. Молящиеся кружились внизу, одетые в двойных белых рубашках. В одной из комнат, при-мыкающих к храму, помещалось всегда до десятка и более молодых бледнолицых мальчиков; здесь они излечивались от той операции, которая делала их навек дискантами. «Настало золотое время воскресения», – говорили скопцы. Полиция знала обо всем, что делается в этом доме, она знала, что число скопцов в Петербурге значительно умножается. Никаких, однако, мер для пресечения распространяющегося зла предпринимаемо не было; в это время еще не существовало никаких узаконений против скопчества; на эту секту

смотрели снисходительно, на основании принципа веротерпимости в самых широких размерах. Народ же на скопцов смотрел благодушно и в шутку называл их «масонами».

В эпоху фельетонов Ф. Булгарина Гостиный двор переживал много тревог. Отзывы его о магазинах по большей части появлялись всегда перед праздниками. Начинал он их всегда колко и ядовито для гостинодворца и потом переходил в хвалебный тон; обычно в это время мифическое лицо его бесед, г. Добров, спрашивал[494]: «Итак, скажите нам что-нибудь о Гостином дворе?» – «На это надобно много времени, – отвечал Фаддей Бенедиктович, – и я обещаю предпринять особое путешествие в Гостиный двор, в котором я, однако ж, не люблю часто прохаживаться». – «Как! Вы такой приверженец Гостиного двора, всегдашний его защитник и поборник!» – возражал г. Добров. «Это правда, но я не люблю беспрестанных вопросов: „Чего вам угодно-с? Чего вам надо-с?“ Это вежливое „с“, превращаясь в несносное для ушей шипенье, изгоняет из-под прекрасных сводов Гостиного двора всякого любопытного посетителя. Неужели

купцы думают, что, перебегая дорогу, снимая шляпу, кланяясь и делая неуместные вопросы с шиканьем в конце речи, можно заставить человека войти в лавку и купить ненужную вещь...» В другом месте Булгарин писал: «Однажды, проходя по Зеркальной линии, увидел я в одной из лавок серебряную табакерку, имевшую вид собачки. „Что хочешь за эту вещь?“ – спросил я приказчика или хозяина, не знаю. „Тридцать пять рублей“, – отвечал купец. „Дам пять“, – сказал я в шутку и пошел. В двадцати шагах от лавки мальчик догнал меня и, подавая табакерку, сказал: „Извольте-с! Пожалуйста пять рублей“. Я заплатил и ужаснулся: я предложил цену в шутку и угадал настоящую цену. Спрашиваю: сколько бы я потерял, если б в этой пропорции ошибался по двадцать четыре раза в год, запасаясь всем нужным в Гостином дворе?» Иногда Булгарин писал и более неприятные вещи про гостинодворцев. Так, какая-нибудь девица Полина отписывала своей приятельнице: «Я хотя и патриотка, но не люблю покупать в Гостином дворе. Для меня несносен этот обычай зазывать в лавку. Беда быть неопытной; запросят

здесь в двадцать раз более настоящей цены, заплатишь гораздо дороже; я присела в лавке и раздавила блин, который положил на стуле второпях завтракавший сиделец. Другой раз моей знакомой при выходе из лавки икорник провел черту лотком по белому салопу!» Гостинодворцы знали, что это значит, и несли дары из своих лавок к сердитому фельетонисту. Следующие уже отзывы о лавках были в ином роде: «Где вы мне советуете купить часы?» – спрашивал тот же г. Добров или девица Полина. «Во всяком магазине Гостиного двора их множество... здесь вам поручатся за целый год за исправность проданной вещи. Если вам угодно купить цепочку, перчатки и даже бриллианты, то ступайте в лавку К-ва. Его вещи уважаются даже за границую, а в пробе золота и доброте камней вы можете верить его слову!» – «Я давно намереваюсь украсить мой кабинет несколькими бронзовыми вещами, – говорил г. Добров. – Здесь в Гостином три магазина славятся бронзовыми товарами, а именно...» – следуют фамилии купцов. Если Булгарин чувствовал особенную признательность к владельцу магазина, то писал: «Я ви-

дел однажды чиновника, украшенного орденами, который дружески беседовал в магазине с купцом, своим сотоварищем по училищу. Я знаю несколько случаев, в которых школьные друзья выручали из несчастья старых своих товарищей, принадлежавших к высшему сословию». Часто реклама была и такого сорта: «Главная отличительная черта этого магазина – честность. Пошлите ребенка, его так же примут, как вельможу, и за одинаковую цену отпустят товары. Сею добродетелью издавна славится меховой магазин Л-ых. Здесь находятся драгоценные плоды дикой промышленности сынов зимы, камчадала, алеута и канадца, т. е. великолепная и вместе спасительная одежда, заимствованная человеком от животных, щедро наделенных природою предохранительными средствами от действий климата; от оконечностей северо-восточных берегов Америки, через всю пространную Сибирь, Китай, Европу и Соединенные Штаты простираются отрасли обширной торговли гг. Лем-х. Покупателю у них не надобно быть знатоком, чтобы избегнуть обмана» и т. д. «Продолжайте, продолжайте! –

воскликает г. Добров. – Я всегда с удовольствием слушаю рассказы о честности купцов...»

В двадцатых годах пользовалась большой популярностью лавка купца Ко-ва, торговавшего, как значилось на вывеске, «разными минералиями и антиквитетами». Лавка этого продавца была целый драгоценный редкий музей: картины, оружие, фарфор, драгоценные камни и нумизматические диковинки. Иностранец, приезжавший в Петербург, редко уезжал, не видав его любопытных товаров; правда, в то время не было моды на амфоры времен Сарданапала, вазы Аннибала и кровати Марии Медичи и т. д. Тогда более была мода на отечественные диковинки. Так, за медную монету с надписью «гроши» 1724 года платили 600 рублей, за другую такую же редкую монету, четырехугольной формы, с гербами по углам и в середине со словами «Цена рубль. Екатеринбург, 1725 года», и затем надпись кругом: «Первая плата из меди Верхотурских Лялинских заводов, которые построены при воеводе господине Беклемишеве», – было заплачено 3000 рублей, первую купил

купец Лаптев (автор редкой книги «Опыт старинной русской дипломатики»), вторую – известный литератор тех времен П. П. Свиньин.

На Суконной линии был еще другой такой торговец – антикварий Дергалов; торговал он орденами и особенно музыкальными инструментами, у него, например, были всевозможные скрипки, начиная от кремонских Андреа и Николо Амати, Франческо Руджиери, Гварнери до Антонио Страдивари; были скрипки и основателей этих школ, также тирольские: Якова Штайнера, Клотца, Гваданини и Маджини из Бресции и т. д. Но особенно хорошие тогда продавались у него скрипки работы наших петербургских мастеров Иосифа Вахтера Штейнингера и русского Страдивариуса, Ивана Андреевича Батова. Скрипки Батова новые продавались от 500 до 800 рублей ассигнациями за штуку, старые же, т. е. давно сделанные, ценились от 1000 до 2000 рублей. Его произведения отличались необыкновенно тонкой работой и имели много общего с инструментами Жозефа Гварнериуса; дерево прекрасного качества, лак чрезвычайно гибкий, превосходного оттенка, не уступающий

лаку Страдивариуса; размер скрипки Батова был невелик; очертания правильны; своды дек не очень высоки и понижались мало-помалу до самых усов; внутренние части сделаны из ели хорошего качества. Был у него один только недостаток – нижняя дека в центре имела значительную толщину, что сильно вредило звучности инструмента, ослабляя гибкость деки и препятствуя свободному распространению звуков волн. Скрипки Батова так близко подходили к произведениям Жозефа Гварнериуса, что все по большей части покупались за границу или продавались в Петербурге за работу этого итальянского мастера.

Вот некоторые собранные нами подробности о жизни этого мастера. Батов был крепостной графа Н. П. Шереметева, родился он в 1767 году, учился ремеслу у инструментального мастера в Москве Владимирова. В бытность свою еще учеником, Батов отличался тем, что все его изделия были сделаны с необыкновенною точностью и чистотою; в мастерской Владимирова он снял копию с одной старинной скрипки с богатой резьбой,

так что ее никто не отличил от настоящей. Батов за это выиграл большой заклад. Оставив своего учителя, Батов уехал в деревню графа Шереметева, где и снабжал прекрасными инструментами капеллу графа. Вскоре граф переехал на житье в Петербург, куда вытребовал Батова, где и определил его для изучения нового тогда мастерства – делать фортепиано. Батов попал к фортепианщику Гауку и через год уже умел исполнять фортепьяно. Батов, несмотря на большие заказы, никогда не принимал работ без позволения своего барина. Граф позволял ему делать только музыкантам. Все знаменитые виртуозы того времени пользовались его работами и отдавали ему полную справедливость. Таким образом, его заказчиками были: Гандошкин, знаменитый скрипач и балалаешник князя Потемкина; по преданию, Батов сделал ему по дружбе такую балалайку из старой, вырытой из могилы гробовой доски, что за нее впоследствии Chesменский герой, граф А. Г. Орлов, предлагал ему 1000 рублей; давальцами[495] Батова были и все иностранцы: Диц, Фодор, Френцель, Роде, Бальо, Лафон, Ламар, Борер, Ромберг и

другие. В 1814 году Батов поднес императору Александру I (которому и прежде неоднократно исправлял инструменты) скрипку своей работы; три месяца он безостановочно и неутомимо делал ее. По свидетельству знатоков, эта скрипка была нес plus ultra[496] совершенства в отделке. Государь щедро наградил мастера. После этой скрипки Батов занялся устройством новой виолончели и, трудясь без отдыха более пяти месяцев, окончил ее с успехом. Виолончель эта, по словам Батова, красовалась и телом, и душою. Знаменитый виолончелист Бернгард Ромберг даже не верил первое время, что она была сделана Батовым, и отдавал за нее свою старинную итальянскую. Эту виолончель мастер впоследствии поднес своему барину, графу Дм. Ник. Шереметеву, который за нее дал ему вольную со всем его семейством. В течение своей деятельной жизни Батов сделал 41 скрипку, 3 альты, 6 виолончелей и, по просьбам друзей, 10 гитар, контрбасы он делал только в мастерской Владимирова, считая эту работу неблагодарной и почти никогда не оцененною по справедливости. Множество знаменитых ита-

льянских скрипок были им реставрированы и спасены от преждевременного уничтожения; уважение его к старинным мастерам было беспредельно. Работая много лет сряду, он особенно обращал внимание на заготовление хорошего дерева, на которое нередко употреблял значительные деньги, покупая его даже в вещах, как, например, в дверях, старинных воротах и т. д. У него до последних дней сохранялись запасы такого дерева, заготовленные еще в царствование Екатерины II. Он умер в 1839 году, оставив сыновьям не деньги, а дерево и разные рецепты для делания лака и разные лекалы, шаблоны, прорези и множество полезных приспособлений, извлеченных из результатов более пятидесятилетней постоянной практики. После его смерти осталась одна виолончель и две неоконченные скрипки, которые купил за большие деньги один итальянец банкир и увез за границу.

В тридцатых годах в Гостином дворе книжных лавок было счетом восемь: Тюленева, Глазунова, Плавильщикова, Исакова, Фарикова, Свешникова (две), Воробьева и Сленина.

Отец последнего торговал винами, но, видя в сыне страсть к книжному делу, открыл ему книжную лавку; И. В. Сленин немолодых уже лет выучился французскому и немецкому языкам; сперва он торговал в Гостином вместе с братом. Но в 1817 году основал другой еще магазин, где и занялся изданием «Истории» Карамзина (второе издание восемь томов и первое XI тома). Издание это ему обошлось в 165 000 рублей. Сленин замечателен тем, что не издал ни одного романа, песенника и т. д.

Имена старых купцов беспрестанно исчезают из списков купечества; насчитать много купцов, чей дед и отец были купцами 1-й гильдии, едва ли возможно; у нас купеческая фамилия почти всегда кончается со смертью основателя фирмы. Одно время богатые купцы тянулись в дворянство[497], хлопотали о получении чинов и спешили во что бы то ни стало родниться со знатными дворянскими фамилиями; так, известный симбирский заводчик Твердышев весь свой громадный капитал раздал своим дочерям, которых повыводил замуж за генералов и князей. Большие

имения Пашковых, Шепелевых, Баташевых, князей Белосельских есть не что иное, как клочки огромнейшего капитала, составленного этим купцом. Впрочем, были и исключения. Так, Прок. Акин. Демидов выдал своих дочерей за фабрикантов-купцов, несмотря на то что сам уже был дворянином. Когда же одна из его дочерей объявила, что пойдет замуж только за дворянина, то Демидов велел прибить к воротам дома доску с надписью, что у него есть дочка дворянка, и потому не желает ли кто из дворян на ней жениться? Случайно проходивший в это время мимо чиновник Станиславский первый прочел это объявление, явился к Демидову, сделал предложение и в этот же день был обвенчан с его дочерью. Получивших дворянство купцов и торговавших после весьма немного; из таких известны фирмы Кусовых, Погребова, Глазуновых, кажется, и только.

Кусов первый завел транзитную торговлю и имел свои корабли. Кусов отличался большою благотворительностью; император Александр Павлович часто ездил к нему запросто в гости с императрицею. Дом его стоял у Туч-

кова моста, после смерти он завещал его в казну для постройки на этом месте Мариинской больницы. Кусов был масоном и служил в ложе «Астреи» казначеем, у него был сын, полковник Кавалергардского полка. Лет двадцать тому назад род Кусовых получил баронство.

Родоначальник фамилии Кусовых был Василий Григорьевич, уроженец Троицко-Сергиевского посада; он в 1766 году переписался в петербургское купечество. Ив. Вас. был патриархом русского купечества. Слово его было верный вексель, совет – закон. Когда хоронили его, то все купечество было на ногах, самые почетнейшие несли гроб на руках. После него осталось 117 живых членов его семейства. В праздники за стол Ив. Вас. садилось до 80 его родных, помимо разных артистов, чиновников и т. д. Старшие сыновья его, Алексей и Николай, продолжали портовую торговлю под фирмой «Ивана Кусова сыновья», невзирая на то что были в чинах и орденах, следовательно, и дворяне. Дом Кусовых отличался необыкновенным радушием и хлебосольством. В старину так жили не только бо-

гачи и дворяне, но и купцы чуть-чуть зажиточные; теперь уж все это переходит в предание!

Другой такой богатый купец, Жербин, вышел в дворянство также очень давно. Торговал он лесом у Калинкина моста, где и имел великолепный дом, роскошная зала в котором, в два света, отделана была с царскою роскошью. Один из наследников Жербина владеет теперь большими домами на Михайловской площади; по преданию же, первый купец в Петербурге, получивший дворянство, был Меншиков (его наследники тоже известные петербургские домовладельцы); возведен он был в это звание за услуги, оказанные его дедом, московским купцом, царям Иоанну и Петру Алексеевичам; в числе царских наград в его роду сохранялся серебряный кубок, пожалованный деду царевною Софьей. Самый старейший купеческий дом, торгующий в Гостином дворе, — это дом Погребова; он основан в 1781 году. В этом доме были два редких сотрудника, гг. А. П. Зайцев и П. П. Гласков, которые, если бы магазин не закрылся, отпраздновали бы свое пятидесятилетнее пре-

бывание в стенах торгового дома; из просуществовавших сто лет купцами известны фамилии гг. Меншуткиных и Лейкиных. Из старожил Гостиного двора нам называли г. А. Сергеева, торговавшего в Суровской линии более шестидесяти лет, затем Ив. Ив. Ванчукова, П. Ф. Самохвалова и на Суконной линии г. Масляникова.

Гостиный двор со дня постройки не изменил наружного вида, только к Невскому проспекту он в 1886 году переделан; к удобству магазинов много содействовала пневматическая топка, устроенная с 1837 года.

Первый теплый магазин был купца Бобренкова на Малой Суровской линии. При постройке Гостиного двора будущее отопление лавок строителем было предусмотрено, и в каждом номере были выведены дымовые трубы; на случай же пожара внутри Гостиного был выкопан обширный пруд для воды. До 1803 года в Гостином дворе на линии перед лавками были устроены шкафы; кроме того, что от них на галерее была теснота, прохожие еле проходили, рвали платье и т. д., но еще наемщики лавок терпели и ту невыгоду, что

хозяева лавок отдавали лавку внаймы одному, а шкаф – другому. Наемщику лавки от этого происходил подрыв в торговле. В 1803 году торговцы подали жалобу тогдашнему военному губернатору графу Толстому; узнав о жалобе, лавковладельцы явились с просьбой; лавковладельцам отказали. В дело даже был пущен подкуп в 25 тысяч рублей кому следовало (см. «Записки» В. Н. Гетуна «Истор. вест.», янв. 1880, с. 283). Дело доходило до императора Александра I. Государь решил оставить только те шкапы, которые на углах против лавок устроены в стенах и не мешают проходу, а прочие все снять нимало не медля, галерею очистить и впредь ее ничем не загромождать.

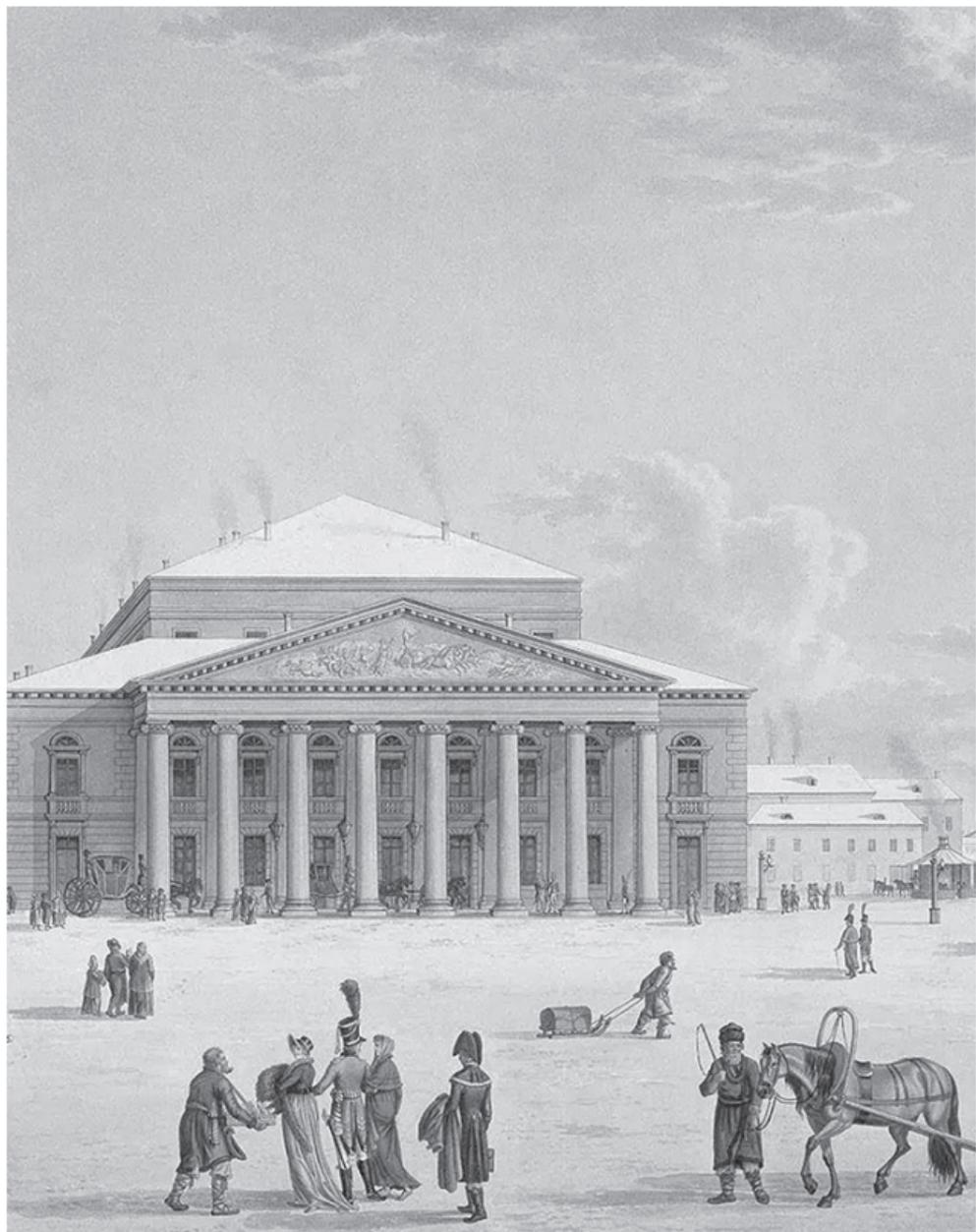
В начале нынешнего столетия Гостиный двор имел пять гранитных ступенек при входе; с поднятием тротуара и мостовой; последние ушли в землю. Стены Гостиного, как и фундамент, отличаются необыкновенною прочностью; что же касается фундамента кладовых внутри двора, то он сделан из одного крупного булыжника и при кладке новых этажей всегда требует переделки.

Газовое освещение в Гостином уже явилось в сороковых годах. Владельцы лавок долго не решались проводить его, их сильно пугали частые взрывы и пожары от газа; проведение газа в Петербурге было предпринимаемо в двадцатых годах. Первый осветился газом Главный штаб, затем, в 1825 году, только что построенный графом Милорадовичем, в самое короткое время, очень красивый деревянный театр у Чернышева моста, фасадом на Фонтанку (где теперь здание Министерства внутренних дел). Цена лавки (стен) в Гостином, лет 30 назад, не превышала 12 000 рублей, теперь же на Большой Суровской линии доходит до 80 000 рублей. Наем в год прежде ходил не дороже 600 рублей, теперь 4, 5 и 6 тысяч. Наибольшим количеством лавок владеют в Гостином гг. Е. Е. Куканов и Миняев; у первого, по слухам, вместе с кладовыми их 18 номеров. Внутри Гостиного, параллельно наружному зданию, идет второй ряд лавок, вмещающий в себя кладовые, а также лавки с железными и медными изделиями; в среднем дворе помещается важня (большие весы) и столовая.

В 1853 году чуть-чуть Гостиный двор не потерял своей вековой наружности с Невского проспекта; в этом году подпоручик Нелидов выхлопотал дозволение впереди Суконной линии построить новое здание с магазинами; на это позволение комитет Гостиного двора принес жалобу военному генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву и доказал указом, данным 21 мая 1758 года императрицею Елисаветою, «что земля против Суровской линии не есть соседственное ему место, а есть непременно принадлежность выстроенных по этой линии лавок, определенная для свободного проезда к ним, а потому в отношении чистоты и мощения и освещения в продолжение 90 лет содержится на средства владельцев лавок».

В 1881 году было еще другое посягательство на перестройку Гостиного двора: какая-то французская компания предлагала свои услуги.

Вид Большого театра в Санкт-Петербурге. Гравюра М. Г. Лори. Начало XIX в. Фрагмент

Глава XV

Большой театр. – Спорный вопрос о дне его открытия. – Празднество открытия театра. – «Il tonde della luna». – Содержание пьесы. – Постройка театра. – Наружное и внутреннее его устройство. – Реймерс и Георги о дне его открытия. – Полицеймейстер Чулков и сатира на него Копьева. – Постановка пьес при Екатерине II. – «Начальное управление Олега». – Актеры и рецензенты старого времени. – Актрисы Семенова и Жорж. – Пожар Большого театра. – Перестройка его. – Открытие после перестройки.

Вопрос о дне открытия петербургского Большого театра до сих пор является спорным. Одни (и в том числе Дирекция императорских театров, праздновавшая столетие Большого театра 21 октября 1883 года) говорят, что театр открыт в 1783 году; по нашему же мнению, сто лет ему вышло только в 1884 году, и это мнение основывается на следующих источниках:

«Описание С.-Петербурга», 1794 г., с. 96; Ив. Пушкарев: «Описание С.-Петербурга», ч. III, с. 120; князь А. Шаховской: «Летопись русского театра», эпоха II, с. 1; «Театрал», карманная книжка любителей театра, СПб., 1853 г., с. 117, и многие другие. Все эти источники говорят,

что Большой театр открыт не в 1783 году, а в 1784 году[498].

Кроме того, мы просматривали все временные издания 1783 года на русском и немецком языках и нигде не могли найти дня открытия названного театра. Удивительнее всего, что такие люди, как П. Н. Арапов и Н. И. Греч, целую жизнь собиравшие все сведения по истории нашего театра, не знали верно года и дня открытия. Греч в своей статье «Взгляд на историю русского театра», напечатанной в «Русской Талии» 1825 года, говорит, что Большой каменный театр был открыт в 1783 году. П. Н. Арапов в своей «Летописи» прямо перепечатывает это известие, и затем эта величайшая неверность повторяется несколько раз в разных «Театральных альманахах» и доходит в ошибке до наших дней.

Наиболее последовательный из летописцев нашего театра князь Шаховской первый сообщает, что каменный театр был открыт в 1784 году итальянской оперой: «Il monde della luna» («На луне»). Приводим здесь интересную заметку об этой опере музыкального критика М. М. Иванова; по словам его, опера при-

надлежала перу двух знаменитостей своего времени – Гольдони и композитору Паэзиэлло, или, правильнее, Паизиелло. Последний долго жил в Петербурге, где занимал место дирижера в опере и инспектора театральных оркестров. Днем открытия театра был день коронации императрицы. Об этом ясно сказано на заглавном листе пьесы Гольдони, напечатанной[499] в Петербурге (у Брейткопфа): «„На луне“ – веселое театральное празднество, имеющее быть представленным в новом каменном императорском театре по случаю дня первого открытия, назначенного на торжественный день коронования ее императорского величества Екатерины II». Отсюда видно, что, во-первых, с празднованием юбилея дирекция опоздала ровно на месяц, ибо Екатерина короновалась 22 сентября 1761 года, а во-вторых, что Р. Вагнер, взяв для своих опер обозначенье Bühnenweihfestspiel[500], только вернулся к старому и пустил в ход выражение, употреблявшееся итальянцами в театральном мире задолго до него. Итак, нет ничего нового под луною: ни промахов театральных дирекций, ни употребления теат-

ральных терминов.

Комедия «На луне» была написана Гольдони сперва в трех актах. Но так как торжественный спектакль не может очень долго продолжаться, то пьесу переделали, составив из нее одно довольно большое действие в пяти картинах. Паизиелло раньше приезда в Петербург написал и дал в Неаполе оперу на этот же сюжет под названием «Праведный легковерный». Для открытия же петербургского театра он сочинил совсем новую музыку. Она состоит из нескольких хоров, ансамблей, дуэтов и инструментальных интермедий, размеров не особенно значительных, по обычаю времени. Содержание пьесы следующее. Молодой человек, Эклитико, ухаживает за Кларисой, дочкой некоего Буонафедде, любителя последних слов науки. Увлечение наукой не мешает ему держать дочерей под замком. Но давно уже известно, что взрослых девушек не спрячешь, а человек идет к гибели именно путем своих увлечений. На увлечении старика Эклитико строит план соединения с возлюбленной. Вместе со своим приятелем Эрнестом, влюбленным в другую дочь

старика, Фламинию, ему удается одурачить легковерного Буонафеде. Он убеждает его, что ему, в качестве астролога, удалось войти в сообщение с луною и получить приглашение переселиться туда навсегда. Буонафеде, видевший уже в телескоп Эклиптико разные диковинные туманные картины, поддается раскинутым сетям и желает сопровождать своего молодого друга на луну. Ему дают сонных капель и переносят в сад Эрнеста, где устраивается ряд волшебных сцен: старику поют деревья, эхо говорит на разные голоса, пастушки танцуют с нимфами и т. д. Буонафеде в восторге и просит только, чтобы и дочерей его перенесли в очаровательный лунный мир. Желание его исполняется, а монарх луны, изображаемый слугою Эрнеста, приказывает Буонафеде обвенчать молодежь. Обман в заключение, конечно, раскрывается, но исправить его немислимо, и Буонафеде остается покориться своей судьбе.

Такова эта незамысловатая пьеса. Некоторые положения в ней, впрочем, очень милы и забавны. Музыка оперы Паизиелло должна, вероятно, находиться в театральной библио-

теке.

Артисты, исполнявшие оперу «На луне», были: Бальдассаре Маркетти (Буонафедде), Бернуччи (Клариса), Фермольи (Эклитико), Бен. Маркетти (Фламиния), Брокки (Эрнест) и Маццони (слуга). Хористы – из придворной капеллы. Танцовщики и танцовщицы – итальянцы. Балетмейстер Анджиолини, декораторы и машинист – Градицци, Бигарри и Домпьеры – тоже итальянцы.

Вот что говорит Реймерс (автор известного труда о Петербурге на немецком языке) об основании Большого театра: «Ко времени восшествия на престол Екатерины в столице было два маленьких театра, но собственно оперного театра еще не было. Поэтому в 1784 году императрица приказала выстроить большой каменный театр; он был воздвигнут известным художником Тишбейном, под наблюдением генерала Бауера, на одной широкой площади, на правой стороне Николаевского канала, недалеко от Матросской церкви, но хотя величина его была довольно значительна, однако скоро он стал слишком мал для быстро возраставшего населения города.

Внутренность театра, вмещавшего до 3000 человек, неоднократно переделывалась. Сначала царская ложа находилась на середине, как раз в уровень с эстрадой, так что для сидевших в ней всякая перспектива в декорациях исчезала, что было причиной частых оптических обманов. При Павле амфитеатр уничтожили и все очищенное место заняли под кресла и партер, а царскую ложу, которая до той поры находилась напротив эстрады, перенесли в первый ряд лож. В начале настоящего царствования театр снаружи был увеличен, а внутри переделан совершенно и превосходно разукрашен французским архитектором Томо [501]. В первом ряду лож, теперь значительно выдвинутых вперед, находится и царская ложа; по желанию монарха, вполне согласному с обычным благородством образа мыслей Александра, она ничем не отличается от прочих. Самая театральная зала, с тех пор как ее осветили аргантовыми лампами и украсили великолепной люстрой, представляет величественное сооружение, которое вполне соответствовало бы своему назначению, если бы не один важный ее недостаток: отсутствие ре-

зонанса; в ложах, расположенных напротив эстрады, голоса актеров едва слышны». Затем он описывает внешность театра и площадь. «В хороших актерах для национального театра чувствовался до сих пор решительный недостаток, – продолжает он. – Чтобы помочь этому, монархиня учредила в 1785 году в одном из зданий на левом берегу Невы, недалеко от императорского Летнего сада, императорское Театральное училище». Эта связь между учреждением Большого национального театра и Театральным училищем еще более говорит в пользу того, что Большой театр действительно основан в 1784 году. При Екатерине II учреждения возникали в известной системе, и недостаток актеров тотчас же должен был сказаться, и тотчас же учреждена и Театральная школа, наполнявшаяся преимущественно из воспитанников и воспитанниц Воспитательного дома.

Реймерс напечатал свою книгу спустя двадцать лет со дня открытия театра, следовательно, ошибки в таком важном факте, как основание Большого театра, не могло быть уже потому, что автор был современником

этого события. Книга Реймерса не скороспелая компиляция, а серьезный труд. Другой очевидец этого же события, Георги, говорит в своей книге:

«Повелением Екатерины Второй построенный в 1784 году под смотрением славного театрального живописца Тишбейна и под главным надзиранием г. генерал-поручика Бауера. Снаружи представляет он громадное здание величественного вида. Над главным входом стоит изображение сидящей Минервы из каррарского мрамора с ее символами, а на щите надпись: *Vigilando quiesco* (покоясь, продолжаю бдение). Все здание определено для комедий, трагедий, опер, концертов и маскарадов. Поелику в комедии и трагедии требуется, чтоб можно было явственно слышать говоренное и различать черты лиц актеров, то и неудобно было сделать залу весьма великую. Для достижения же первого отверстие театра сделано столь велико, как обширность места позволяла. Императорская ложа находится в середине, против театра, в горизонте оно и так, что все перспективные линии в оной смыкаются, отчего разнообраз-

ные представления здесь наиболее пленяют. Под кровлей находятся четыре больших водохранилища с восьмью мехами и двумя насосами; сверх того, в этом здании 8 крылец и 16 выходов, которые все имеют взаимную связь между собою. Ради громовых ударов сделан при сем театре профессором Кольрейфом громовой отвод, где копье Минервы управляет молниею.

На прекрасной обстроеной площади около театра во время Святой недели бывают качели для увеселения черни, и стоят шесть беседок из дикого камня, коих предмет и построение равен с находящимися на Дворцовой площади. На последних зимою раскладывается огонь для кучеров, стоящих на улице во время съезда». Здесь же сменялись гвардейские караулы и во время торжественных празднеств давались народу жареные быки и били фонтаны с вином. В этих же беседках в дни тезоименитства императрицы производились поздравления музыкою и барабанным боем. Цены на места в Большом театре установлены были в следующем порядке: за ложу 1 яруса 12 рублей, за кресло сначала по 2 руб-

ля, потом 2 рубля 50 копеек, вход в партер стоил рубль медью. Кресел всего в то время было три ряда; в кресла садились одни старики, первые сановники государства; офицеры гвардии и все порядочные люди помещались в партере, на скамьях. В ложах второго яруса нередко можно было видеть старых женщин, с чулком в руках, и купцов-стариков в атласных халатах, с семьей, по-домашнему. В эту эпоху спектакли начинались обычно в 5 часов и кончались не позднее десятого часа; цензура пьес была подведомственна с. – петербургскому обер-полицеймейстеру и совершалась очень немногосложно. В канцелярию полицеймейстера, куда собиралось множество всякого народа: кто с прошением, кто забранный на улице за пьянство или буйство, приходили и авторы с рукописями, просмотр которых совершался очень быстро, на ходу. Тут же обер-полицеймейстер прочитывал их и подписывал. Особенно отличался своею грубостью в конце царствования Екатерины и в начале царствования Павла полицеймейстер Чулков. Раз, осыпая насмешками известного в то время остряка-поэта А. Д. Копьева, автора

комедии «Лебедянская ярмарка», пришедшего к нему по делу, он стал приставать к нему со словами: «Говорят, что ты пишешь стихи? Напиши же сейчас мне похвальную оду, вот перо и бумага». – «Хорошо», – отвечал Копьев, подошел к столу и написал:

*Отец твой Чулок,
Мать твоя тряпица,
А ты сам?
Что за птица?*

В царствование Екатерины об актерах и театре говорили в обществе с большим интересом; в то время еще существовали записные театралы из людей всех слоев общества; тогда первое представление какой-нибудь трагедии, комедии или оперы возбуждало всеобщий интерес и порождало всюду толки и суждения. Новая пьеса была тогда настоящею новостью; в бенефисы брали старые пьесы, и зрители являлись. Тогдашнее однообразие репертуара и привычка зрителя к однообразию всего сценического были почти изумительны; теперь невозможно понять, как доставало терпения 10–20 раз смотреть одно и то же. Такое же однообразие было и в самой

игре актеров. Театральные традиции переходили от одного к другому. Все актеры, и хорошие, и дурные, постоянно тогда пели или читали, но не говорили. У хороших выходило лучше, у худых хуже, но манера была у всех общая и одинаковая, да и стихи и проза того времени не позволяли от нее отступления.

Обстановка пьес и костюмировка того времени тоже не могут идти ни в какое сравнение с нынешним. Смешно было смотреть на бедность декораций, машин и одежды. Герои все тогда являлись в каких-то однообразных балахонах. Бывали, впрочем, исключения, но такие существовали только на Эрмитажном театре. Так, например, в 1788 году были пожалованы императрицею роскошные костюмы и весь гардероб ее двух царственных предшественниц для великолепного представления «Олега».

Вот заглавие этой пьесы: «Начальное управление Олега, подражание Шекспиру, без сохранения театральных обыкновенных правил, в 5 действиях. Музыка соч. Сарття, с его же объяснением, переведенным Н. Львовым, СПб., 1791 года». Это по своему времени

роскошное издание сочинения Екатерины II не было в продаже. По слухам, эта величайшая теперь библиографическая редкость недавно отыскана в количестве нескольких сотен экземпляров.

Содержание пьесы относится к веку великого князя Рюрика, когда он при конце жизни, оставляя сына своего Игоря в несовершеннолетнем возрасте, передал княжение шурину своему, урманскому князю Олегу. Театр представляет место, где соединяются реки Москва, Яуза и Неглинная. Являются бояре новгородские, киевляне, вожди и народ. Жрецы подносят первый камень для заложения города Москвы. Затем происходит торжественный обряд заложения города и отъезд Олега в Киев. Второе действие открывается шествием утров через Киев. Театр представляет луг на берегу Днепра. На противоположной стороне реки видна часть города; на первом плане сцены шатры княжеские, Олег с Игорем принимают киевских бояр, пришедших с жалобой, будто бы Аскольд, князь киевский, не соблюдает веры предков и изменяет праотцовские обычаи. Олег отрешает Ас-

кольда от княжения и отдает его под стражу. Третье действие самое интересное. Театр представляет великолепную палату княжеского дома в Киеве. Две боярыни-свахи вводят под руки нареченную невесту Игоря, изборскую княжну Прекрасу. Сваха сажает Прекрасу за дубовый стол, за скатертьюми браными; четыре боярыни-свахи и четыре сидячие боярыни помещаются по обеим сторонам сцены на лавках; затем свахи наряжают Прекрасу, надевают на нее верхнее русское платье и накрывают покровом с убрусцем[502], украшенным золотом, жемчугом. Затем садятся по местам; появляется Олег и нарекает Прекрасу Ольгою. Действие оканчивается балетом и торжественным шествием к венцу.

В четвертом действии представлен Константинополь. На заднем плане сцены видна городская стена и шатры Олеговых войск. Олег осаждает город, остается победителем и заключает с Леоном, царем константинопольским, достославный мир.

В пятом действии театр представляет внутренность императорского дворца в Константинополе. Император Леон, царица Зоя и

Олег идет рядом, перед ними стража греческая и придворные сановники и царедворцы Олега. Хор поет:

*Коликой славой днесь блистает
Сей град с прибытием твоим!
Он всех веселий не вмещает
В пространном здании своем.
Но воздух наполняет плеском
И нощи тьму отъемлет блеском.*

Стихи эти были взяты из сочинений Ломоносова. Замечательно, что стихи эти были еще петы и в 1826 году, при некоторых торжествах, во время коронации императора Николая. В последней сцене представлен ипподром константинопольский, Леон, Зоя и Олег сидят на возвышенном месте. Начинаются разные игрища: бег, борьба, конские ристалища, и оканчивается все балетом.

Постановка этой пьесы стоила около 15 000 рублей.

Театр времен Екатерины можно было назвать отражением тогдашнего утонченного тона, источником изящества, стиля и т. д. Театры, как и актеры, в то время были мастера при случае сложить мадригал и расшаркать-

ся по всем правилам салона. На сцене как ни была пламенна любовь Федры, Андромахи или Роксаны, но они всегда умели сохранить в обращении приемы придворных. Федра, Андромаха, Роксана, испуская дух, произносили правильные периоды и умирали с подобающим чином...

Старые театральные рецензенты были тоже учтивые и вежливые люди, все их печатные отзывы об игре артистов были писаны на тему мадригалов; перед именами первых артистов непременно ставили ласкательные эпитеты: единственный, незабвенный, славный и т. д., а некоторых величали и виршами, например: «Вальберхова Дидона достойна трона».

Как мы уже заметили, закулисная жизнь и разные анекдоты артистов возбуждали общее любопытство и переходили от одного к другому в ежедневных рассказах. В десятых годах нынешнего столетия поклонники артисток Семеновой и Вальберховой гонялись за каретами этих актрис, останавливали их на улице, выражая им свое обожание, и нередко заводили ссоры с противниками за превосход-

ство каждой из них. Про Семенову современники говорили, что эта актриса обладала всем тем, что только может иметь женщина, посвящающая себя театру. Мода на вечера с чтением Семеновой была настолько велика, что ей платили по 500 рублей и более за вечер. Нелединский в своей книге «Хроника недавней старины» пишет: «Для забавы твоей матери я пригласил к себе Семенову. Она декламировала роли Арианы, Гермионы, Ксении из „Эдип“ Озерова; подарок был 500 рублей. Вчера Семенова декламировала у графа Строганова, где имела большой успех. Завтра она будет у Вяземских» и т. д. Про игру этой артистки говорили, что она прежде отличалась необыкновенною простотою и естественностью, но с приездом в Петербург знаменитой французской актрисы Жорж она рабски стала подражать последней и «запела растянутою декламациею». Эта неслыханная до того на русской сцене дикция сильно понравилась публике, и Семеновой стали восхищаться еще более, чем прежде, провозгласив ее первую актрисою в свете.

Но если Жорж и пела, то у этой артистки,

приехавшей в 1808 году в Петербург, 24 лет от роду, во всем блеске своей красоты и силе таланта, были минуты истинного вдохновения в ролях Федры, Меропы, Клитемнестры, Семирамиды и проч. Жорж, сводившая с ума весь Париж и прославившаяся связью с Наполеоном I [503], вызвала целую бурю восторга в петербургском обществе. Первый дебют г-жи Жорж в Большом театре был 13 июля 1808 года, в трагедии Расина «Федра». Вот что пишет о ней в «Драматическом вестнике» неизвестный театральный критик характерным языком прошлого столетия: «К нам приехала из Парижа новая актриса, г-жа Жорж, которая может включена быть в малое число славных трагических лиц. Всеобщая молва о ее дарованиях заставила меня с лорнетом в руках замечать в театре все ее движения, голос, взгляды. Г-жа Жорж, лет 22 девица, роста большого, стройна, прекрасна собою, волосы черные, овал лица греческий, и по тому самому с первого уже появления вселяет в зрителях охоту ее видеть, замечать... К тому же все ее телодвижения ловки, игривы, как говорят живописцы. Словом, для кисти и резца она луч-

ший образец. Голос у нее свободный, громкий, выговор внятный; многие замечали, будто она слишком уже протяжно говорит, даже поет; но забыли, что самое лицо, ею представленное, того требовало; известно нам, что так произносили на театрах древних, в роде которых сия трагедия писана. На этот самый случай фернейский драматург пишет, чтобы отнюдь не произносить стихи как прозу, он даже бранит тех, которые дерзают сей язык великих людей унижать обыкновенным выговором: поверим ему в этом, он не лгал, когда касалось до вкуса. К тому же, как я замечал, актриса в некоторых только местах употребляла протяжное произношение, когда того требовало ее положение, страсти, перемена разговора... Нужно только предупредить наших молодых актрис, чтобы они с большей осторожностью принимали такой напев... Пожалуй, иная пропоет нам трагедию на голос „Nel cor più non mi sento“». Далее критик говорит: «Пора мне следовать за Федрою от первого ее явления в трагедии до последнего» – и следует за игрой артистки, разбирая ее очень толково, со знанием дела. Заканчивая свой

разбор, критик описывает наряд г-жи Жорж. «Одежда актрисы, – говорит он, – соответствовала представляемому лицу; на голове царская повязка или диадема золотая; белое, золотом шитое покрывало; белая, с золотой бахромою туника, на плечах мантия, руки обнаженные, на них запястья, или браслеты. В пятом действии она была без повязки и покрывала, волосы вверх забранные. Некоторые зрители желали, чтобы она распустила свои волосы, но они, конечно, позабыли, что в древние времена при каких-либо несчастиях или горестях не распускали волосы, а, напротив, совсем их обрезывали».

В 1802 году Большой театр был перестроен архитектором Томо. Он сгорел в ночь на 1 января 1811 года, и в 1818 году был возобновлен архитектором Модюи. Для открытия давали пролог князя Шаховского «Меркурий на часах». Р. М. Зотов в своих воспоминаниях пишет: «Подобного литературного падения я не запомню. Представлена была заставка на Парнасе, и Меркурий со строгим разбором пропускал в нее разные роды пьес. Публике показалось, что автор выставил личности, и оши-

кала пьесу самым жестоким образом. Из 129 пьес Шаховского имели подобную участь только драма „Лилия Нарбонская“ и трагедия „Роксана“».

В 1826 году Большой театр был перестроен архитектором Кавосом и значительно поднят для возвышения потолка залы и для удобства машин на сцене, устроенных машинистом Роллером.

Открытие последовало 26 октября 1836 года первым представлением оперы «Жизнь за Царя» М. И. Глинки. С этого времени на Большом театре стали происходить только оперные и балетные представления; впрочем, в пятидесятых годах давали и небольшие водевили, для съезда публики, иногда перед балетами. В 1856 году, 30 августа, в Большом театре состоялся торжественный столетний юбилейный спектакль в память обнародования указа об учреждении русского театра.

Вид Михайловского замка с набережной Фонтанки. Гравюра Г. Л. Лори по рисунку Б. Патерсена. Ок. 1800–1804. Фрагмент

Глава XVI

Михайловский замок, жилище императора Павла I. – Легенда о построении дворца. – Распорядители над постройками. – Работы днем и ночью. – Анекдот и стихи Копьева. – Торжественная закладка замка. – Жизнь императора Павла в Зимнем дворце. – Парады и разводы. – Балетные танцовщицы на параде. – Анекдот. – Наружное и внутреннее величие замка. – Полная реформа военного быта. – Первые дни царствования императора. – Строгости и новые порядки. – Рассказ А. И. Тургенева. – Внутреннее убранство дворца. – Картины. – Серебряные балюстрады. – Обед государя. – Рассказы современников. – Шут императора Иванушка. – Анекдот из гатчинской жизни. – Гарнизонная служба в Михайловском замке. – Перемены в армии. – Опочивальня императора. – Рассказы А. Коцебу. – Комната, в которой скончался император. – Присутственный день в Павловское время. – Судьба Михайловского замка. – Инженерный замок. – Хлыстовский корабль.

На месте, где находился деревянный Летний дворец императрицы Елисаветы, «в третьем саду», император Павел в 1796 году приказал выстроить Михайловский замок. Дворец этот сохранялся только как последний памятник Елисаветинской эпохи; все ею основанные дворцы в царствование Екатерины обращены в богоугодные и другие заведения. Причину постройки нового дворца тогда

в Петербурге объяснили каким-то загадочным случаем. Известно, что Павел Петрович принадлежал к масонству[504], он верил в сны и предзнаменования. Рассказ его о видении ему его прадеда, Петра I, приводится многими его современниками; также известен и сон его перед днем вступления на престол, переданный в записках графа Растопчина. Ему снилось, что его три раза поднимает к небесам какая-то невидимая сила. Сон его накануне смерти тоже описан[505]. Тут ему привиделось, что ему на спину надевают узкий парчовый кафтан, и с таким усилием, что он готов был закричать от боли. Постройка дворца также находится в прямой связи с этой верой в видения. Вот как рассказывали тогда об этом случае. Однажды солдату, стоявшему в карауле при Летнем дворце, явился в сиянии юноша и сказал оторопевшему часовому, что он, архангел Михаил, приказывает ему идти к императору и сказать, чтобы на месте этого старого Летнего дворца был построен храм во имя архистратига Михаила. Солдат донес об этом ему видении по начальству, и когда об этом доложили императору, он ответил:

«Мне уже известно желание архангела Михаила; воля его будет исполнена». Вслед за этим он распорядился о постройке нового дворца, при котором должна быть построена и церковь во имя архистратига Михаила, и самый дворец было приказано называть Михайловским замком. Главным распорядителем всех работ назначен сперва тайный советник В. С. Попов, потом гофмаршал граф Тизенгаузен. Первым архитектором был Бренна, помощниками его: Руско, Соколов, Насонов и Пильников, к ним еще было прикомандировано несколько архитекторских учеников и несколько каменных мастеров, и учреждена была «особая экспедиция для строения», которой отпускалась из кабинета и казначейства единовременно сумма в 791 200 рублей и ежегодно по 1 173 871 рублю 10 копеек в течение трехлетнего срока; экспедиции было вменено в обязанность, чтобы замок был окончен вчерне непременно в 1797 году. При такой поспешности работы производились и днем и ночью; очевидцы рассказывали, что в ночное время работы освещались факелами и фонарями; рабочих ежедневно на работах было от

2500 до 6000 человек, не считая тут мастеров и надзирателей. Материалы доставлялись тоже с большою поспешностью, и, кроме заготавливаемых по подрядам, для замка были разобраны каменные галереи дворца в Пелле и перевезены сюда, а также брали мрамор и камни от строившегося в ту пору Исаакиевского собора, который после того и стали достраивать из кирпича.

Известный в то время своими проказами, стихами и остротами Алек. Данил. Копьев написал на эту тему стихотворение[506]:

*Се памятник двух царств,
Обоим столь приличный:
Основа его мраморна,
А верх его кирпичный.*

Император Павел за это стихотворение приказал в тот же день зачислить его в один из армейских полков солдатом. Н. И. Греч в своих записках говорит, что Чулков пал вместе с Архаровым за непомерное вздорожание сена в Петербурге, вследствие его глупых распоряжений. На их падение Копьев нарисовал карикатуру: Архаров лежал в гробу, выкрашенном новою краскою полицейских будок

(черною и белою полосою); вокруг него стояли свечи в новомодных уличных фонарях, у гроба же Архарова стоял Чулков и утирал глаза сеном. Копьев, помимо своих острог, был известен в Петербурге и худобою своей малокормленной четверни. Однажды он ехал по Невскому, а отец поэта Пушкина шел пешком по тому же направлению. Копьев предлагает довезти его. «Благодарю, – отвечает тот, – но не могу: я спешу». Под старость Копьев занимался подрядами и торгами и отличался скупостью и неопрятностью.

26 февраля, в пятом часу, происходила торжественная закладка Михайловского замка с церемониею, на которой присутствовал сам государь с императрицею и все августейшее семейство. Император с императрицею по выходе из кареты шествовали в сопровождении придворных, иностранных посланников и всего двора; государь был встречен архиереем Иннокентием и всем столичным духовенством. Процессия остановилась у мраморного камня, приготовленного для закладки, с высеченною на нем надписью: «В лето 1797-е, месяца февраля в 26 день, в начале царствова-

ния государя императора и всея России самодержца Павла Первого, положено основание зданию Михайловского замка его императорским величеством и супругою его, государынею императрицею Мариєю Феодоровною». По обеим сторонам камня были поставлены богато убранные столы, на которых на серебряных блюдах лежали серебряные лопатки с именами их величеств, известка, яшмовые камни, наподобие кирпича, с вензелями императора и супруги его, серебряный молоток с надписью и на особых столиках разные новые монеты, золотые и серебряные. После молебна и пушечной пальбы с крепости началась закладка замка. Государю подносили: лопатку – коллежский советник Пушкин, известь – архитектор Соколов, камень – действительный статский советник Ходнев, блюдо с монетой – граф Тизенгаузен. Императрице известь подавал архитектор Бренна, камень – подполковник и капитан Михайловского замка Жандр; великим князьям и княжнам – архитекторы гг. Баженов, Ильин, Крок и Зайцев.

По восшествии на престол император Па-

вел жил в Зимнем дворце; здесь у него в первое время в нижнем этаже, под одним из коридоров дворца, было устроено большое окно, в которое всякий мог бросать свои прошения на имя императора. Павел сам хранил у себя ключ от этой комнаты и никогда не манкировал[507] отправляться в нее каждое утро в семь часов, где собирал прошения, собственноручно их помечал и затем прочитывал их сам или заставлял одного из своих статс-секретарей читать их себе вслух. Ответы на них или решения всегда были либо написаны, либо подписаны им самим и затем сообщены печатно в газетах. Это все делалось без замедления. Иногда просителю предписывалось обратиться в какое-либо ведомство и затем известить его величество о результате этого обращения. Этим путем, по словам современников, было обнаружено много несправедливостей. Император особенно не любил взяточничества, лжи и обмана и крайне был заботлив о правосудии. Малейшее колебание в исполнении его приказаний, малейшая неправильность на службе влекли за собою строжайший выговор и даже наказание без всяко-

го различия лиц. Император иногда легко приходил в гнев от малейшего противоречия; в действительности Павел был человек доброжелательный и великодушный, склонный прощать обиды, готовый каяться в своих ошибках. Нередко государь оплакивал свою вспыльчивость, но, к несчастью, не имел достаточно силы воли, чтобы победить себя. В его царствование часто за ничтожные недосмотры и ошибки в команде офицеры прямо с парада отсылались в другие полки на большие расстояния. Это случалось довольно часто, и в то время все офицеры имели обыкновение носить свои бумажники с деньгами всегда за пазухой, чтобы не остаться без копейки на случай внезапной ссылки. Часто также вспышки гнева императора кончались одним смехом самого же государя.

Раз при разводе император, прогневавшись на одного гвардейского офицера, закричал: «В армию, в гарнизон его!» Исполнители подбежали к офицеру, чтобы вывести его из фронта. Убитый отчаянием офицер громко сказал: «Из гвардии да в гарнизон! Ну уж это не резон!» Император расхохотался. «Мне это

понравилось, господин офицер, – сказал он, – прощаю вас».

Михайловский замок был готов в 1800 году, и 8 ноября состоялось его освящение, одновременно с освящением и его церкви. Освящение отличалось большою торжественностью. Государь и великие князья ехали верхом. Государыня и великие княжны и первые чины двора ехали в церемониальных каретах, от Зимнего дворца к замку, между выстроенными полками, при колокольном звоне по всему городу. Церковь освящал митрополит Амвросий в сослужении со всем Святейшим Синодом. Митрополит после освящения удостоился получить от Павла в награду бриллиантовый иерусалимский крест[508].

Наружное великолепие замка при основании его было очень разукрашено; на всех фасадах красовались мраморные статуи, вазы и разные фигуры, служащие теперь украшением Зимнего дворца. Замок представлял образец архитектуры итальянского Возрождения; его тогда окружали рвы с подъемными мостами, брустверы, чугунные решетки и т. д. Замок имел 20 бронзовых пушек двадцатифун-

тового калибра, со всеми снарядами, расставленных в разных местах на платформах. Внешний вид замка – четырехугольник, в поперечнике 49 сажен. Внутри замка три двора, в середине главный в виде осьмиугольника, к Фонтанке имеющий форму пятиугольника и на углу к Царицыну лугу – треугольный. Вход в замок через трое ворот: *Воскресенские*, с портиками и колоннами полированного гранита, с украшениями из пудожского камня, ведут на главный двор; на этот двор позволялось въезжать лишь членам императорского семейства и посланникам; *Рождественские*, чугунные, со стороны Большой Садовой улицы, и *Зачатейские* ворота, с Фонтанки. Наружные фасады замка не одинаковы, и каждый принадлежит к особому ордену. Главный фасад из красного и серого мрамора, подвалы и нижний этаж выстроены из тесаного гранита; остальные части стен окрашены в красноватый цвет, происхождение которого, по достоверному преданию, приписывается рыцарской любезности императора; говорят, что одна из придворных дам явилась однажды в перчатках этого цвета и что император по-

слал одну из этих перчаток в образец составителю этой краски. Говорят, что после окраски замка в этот цвет многие петербургские домовладельцы поспешили окрасить и свои дома в такой колер.

По сторонам Воскресенских ворот стояли две большие пирамиды с трофеями, вензелями и медальонами. Сверху карниза возвышается фронтон, украшенный историческим барельефом из пудожского камня; над фронтонным мраморный аттик и императорский герб, поддерживаемый двумя фигурами Славы. Две ниши в нижнем этаже, по обеим сторонам среднего выступа, украшены 12 колоннами ионического ордена. Главный карниз и парапет из разноцветных мраморов, как и фриз, на котором бронзовыми буквами надпись: «Дому твоему подобает святыня Господня в долготу дней». Противоположный этому главному фасад, обращенный к Летнему саду, имеет большое крыльцо из сердобского мрамора, на котором размещены 10 дорических колонн, поддерживающих балкон; на самой середине фасада возвышается аттик с лепными украшениями; по сторонам спуска назна-

чено было поставить колоссальные бронзовые статуи Венеры и Геркулеса Фарнезского. На третьем фасаде, к Фонтанке, сделан полуциркульный выступ с шестью колоннами дорического ордена, архитравом, карнизом, фризом и балюстрадом, окружающим балкон. Над выступом купол и сторожевая башня с древком, которое назначено было для поднятия штандарта, когда государь находился в замке. К Большой Садовой улице, четвертый фасад был с обширным высоким крыльцом из серого гранита длиной в 14 сажен, шириною в 5, служащим для входа в церковь. На двух углах крыльца поставлены были вазы, по бокам входа – четыре мраморные половинчатые колонны; в нишах первого этажа – лепные украшения, а второго – статуи, изображающие Веру и Надежду; над окнами второго этажа, где теперь окна третьего этажа, – барельефы четырех евангелистов из белого каррарского мрамора; на аттике по бокам изображения св. апостолов Петра и Павла, а посредине вызолоченный крест, на карнизе лепные ангельские головки. Купол, четыре канделябра над колонною и шпиц были вызоло-

чены. 27 августа 1840 года в 9 часов утра этот церковный шпиг сторел от молнии.

Михайловский замок окружала каменная стена вышиною в сажень; к замку от Большой Садовой вели три липовые и березовые аллеи, посаженные еще при императрице Анне; каждая из них упиралась в железные ворота, украшенные императорскими вензелями; перед замком расстилался обширный плац, окаймленный с обеих сторон садами. На плацу был поставлен и освящен вместе с Михайловским замком памятник Петру Великому. Император изображен в римской тоге с лавровым венком на голове и с фельдмаршальским жезлом в правой руке. На монументе надпись: «Прадеду правнук 1800 г.». Мысль соорудить этот памятник принадлежит императрице Анне Иоанновне, предполагавшей поставить его на Васильевском острове, на площади Коллегий (где теперь университет); отлит он был в царствование Елисаветы Петровны графом Растрелли или, вернее, литейщиком Мартилли. В царствование Екатерины II он лежал на берегу Невы у Исаакиевского моста под навесом, и только по по-

велению Павла поставлен на настоящее место. На другой стороне плаца возвышаются два каменных двухэтажных павильона, предназначенные тогда для жилья дворцовых служителей; теперь здесь помещается фехтовальный класс и гальваническое заведение.

От павильонов шла широкая кленовая аллея, разделяя с одной стороны Михайловский манеж и с другой – здание бывшей берейторской школы. Оба эти здания принадлежат ко времени Павла; они тогда входили в черту решетки, отделявшей пространство, занятое садами и дворцом императорским и простиравшееся от Симеоновского моста по Караванной и Итальянской до Екатерининского канала. Плац перед главным фасадом замка назывался Коннетабльским; здесь происходили смотры и парады, страсть к которым у императора Павла доходила до крайних пределов, – даже балетные танцовщицы были не изъяты одно время от этого удовольствия. А. М. Каратыгина в своих воспоминаниях рассказывает: «Раз Берилова (известная танцовщица) с моею матушкой пошли посмотреть развод у дворца. Государь увидел, узнал их и, подъехав к ним,

спросил: „Как они очутились тут?“ На ответ, что им очень нравится это зрелище, Павел Петрович только улыбнулся. Каково же было общее удивление и смущение, когда вслед за тем в театральную дирекцию прислан был высочайший приказ, чтобы все балетные актрисы присутствовали при каждом разводе войск у дворца!»

Император Павел ввел полную реформу военного быта и завел прусские военные порядки. Суворов говорил: «Русские всегда били пруссаков; так чего ж тут перенимать?» Когда Суворов получил палочки для меры солдатских кос и буклей, то сказал: «Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, я не немец, а природный русак». Слова эти повели к разрыву между императором и фельдмаршалом. Гораздо ранее, когда еще в Гатчине Павел стал вводить новые порядки, то Екатерина называла их «обрядами неудобноносимыми». По словам Болотова, Измайловский полк, которым командовал Константин Павлович, в одну ночь изучил новые приемы фронтовой службы и тем доставил такое удовольствие императору, что он заплакал от радости. Муф-

ты и шубы были изгнаны из гвардии, мундир, прежде стоивший 120 рублей, при нем обходился в 22 рубля. Служба в гвардии при Екатерине была самая легкая, офицеры, стоявшие на карауле, одевались в халаты, случалось иногда и так, что жена надевала мундир мужа и несла за него службу. В шведскую войну полковница Меллин заменила мужа, надев мундир и став перед войсками. В Павловское время мундиры были широки и свободны, узкие и обтянутые явились в царствование Александра I, зато букли, косы и треуголки доводили солдат до слез. Если солдат готовился к параду, то еще с вечера должен причесать голову, намазать ее салом и обсыпать мукой. Для солдат вместо пудры отпускалась ржаная мука. Причесанный солдат ночь спал сидя, чтобы не измять буклей; бывали случаи, что и крысы отъедали косы у сонных. Также неудобны были для солдат огромные треугольные шляпы. Когда на ученье скомандуют беглым шагом, так шляпы и летят с голов. На ученье тогда наряжалась особая команда для подбирания шляп.

А. М. Тургенев в своих записках (см. «Рус.

стар.», 1887) рассказывает, какие он должен был перетерпеть страдания по поводу этих военных реформ, когда его приготавливали к дежурству при дворе в один из первых дней нового царствования; вот что он говорит:

«В пять часов утра я был уже на ротном дворе: двое гатчинских костюмеров, знатоков в высшей степени искусства обдeldывать на голове волосы по утвержденной форме и пригонять амуницию по уставу, были уже готовы; они мгновенно завладели моею головою, чтобы оболванить ее по утвержденной форме, и началась потеха. Меня посадили на скамью посредине комнаты, обстригли спереди волосы под гребенку, потом один из костюмеров, немного чем менее сажени ростом, начал мне переднюю часть головы натирать мелко истолченным мелом; если Бог благословит мне и еще 73 года жить на сем свете, я этой проделки не забуду!

Минут пять или много шесть усердного трения головы моей костюмером привело меня в такое состояние, что я испугался, полагал, что мне приключилась какая-либо немощь: глаза мои видели комнату, всех и

все в ней находившееся вертящимися. Миллионы искр летали во всем пространстве, слезы текли из глаз ручьем. Я попросил дежурного вахмистра остановить на несколько минут действие г. костюмера, дать отдых несчастной голове моей. Просьба моя была уважена, и г. профессор оболванения голов по форме благоволил объявить вахтмейстеру, что сухой проделки на голове довольно, теперь только надобно смочить да засушить; я вздрогнул, услышав приговор костюмера о голове моей. Начинается мокрая операция. Чтобы не вымочить на мне белья, вместо пудромантеля окутали рогожным кулем; костюмер стал против меня ровно в разрезе на две половины лица и, набрав в рот артельного квасу, начал из уст своих, как из пожарной грубы, опрыскивать черепоздание мое; едва он увлажил по шву головы, другой костюмер начал обильно сыпать пуховкою на голову муку во всех направлениях; по окончании сей операции прочесали мне волосы гребнем и приказали сидеть смирно, не ворочать головы, дать время образоваться на голове кле-стеркоре[509]; сзади в волоса привязали мне

железный, длиной 8 вершков, прут для образования косы по форме, букли приделали мне войлочные, огромной природы, посредством согнутой дугою проволоки, которая огибала череп головы и, опираясь на нем, держала войлочные фальконеты с обеих сторон на высоте половины уха. К 9 часам утра составившаяся из муки кора затвердела на черепе головы моей, как изверженная лава вулкана, и я под сим покровом мог безущербно выстоять под дождем, снегом несколько часов, как мраморная статуя, поставленная в саду».

На первых порах такие реформы поглощали все внимание начальствующих лиц. Известно, что Павел шутить не любил...

Во внутренность Михайловского дворца вели четыре большие лестницы и две меньших размеров. Гранитные ступеньки парадной лестницы поднимаются между двумя балюстрадами из серого сибирского мрамора и пилястрами из полированной бронзы. Наверху лестницы стояли на часах два гренадера, лестницы наружно запирались большими стеклянными дверями. Наверху же, у входа, были великолепные красного дерева двери,

украшенные бронзой. Правая дверь вела в парадные комнаты императора; но, помимо этих дверей, можно было войти из передней налево в овальную залу, в которой дежурило 30 солдат с одним офицером. Этот караул постоянно сменялся из одного и того же полка, между тем как другие караулы во дворце исполняли солдаты из других полков.

В передней овальной комнате стоял бюст шведского короля Густава Адольфа, на потолке был плафон весьма плохой работы Смутлевича, здесь же висели шесть картин исторического содержания работы гг. Шебуева и Угрюмого и две картины английского художника Аткинсона.

В этой зале впоследствии было выставлено тело императора; лежало оно на парадной постели, ногами к окнам. Н. И. Греч в своих воспоминаниях говорит: «Я раз десять ходил в Михайловский замок и мог видеть только подошвы его ботфорт и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лоб. Едва войдешь в дверь, указывали на другую, с увещанием: „Извольте проходить“». Императора Павла похоронили накануне Светлого Христова Вос-

кресения, 23 марта. Когда везли его тело, то по обеим сторонам улиц стояли войска в беспорядке, с большими интервалами.

Следующая тронная зала имела до 12 сажен в длину и около 5 в ширину; стены залы были обиты зеленым бархатом, затканым золотом, в ней помещалась огромная печь в 13 аршин, вся обделанная бронзою, и стоял трон, обитый красным бархатом, богато затканый и вышитый золотом, над ним виднелся герб России, окруженный гербами царств: Казанского, Астраханского, Сибирского и т. д. Вокруг всей залы висели гербы остальных городов и областей России и знамена Мальтийского ордена. В этой зале помещалось самое большое зеркало во всем дворце, вылитое в Петербурге на стеклянном заводе. Из тронной залы шла галерея арабеск, последние были работы Пьетро Скотти; далее широкие зеркальные двери вели в галерею Лаокоона; четыре великолепных гобелена украшали стены этой комнаты, с изображением сцен из Священного Писания; здесь же стояли мраморные статуи: Амура и Психеи, Дианы и Эндимиона; в конце этой галереи де-

журили на страже два унтер-офицера лейб-гвардии, с эспонтонами[510] в руках: они охраняли вход в овальную гостиную, убранную с необыкновенной роскошью; мебель в ней была обита бархатом огненного цвета, с серебряными кистями и шнурами. Эта гостиная была смежна с обширною мраморною залою, в которой стоял караул мальтийских кавалеров; зала имела в длину 15 сажен, 5 в ширину и 7 в вышину. Она была построена в два яруса, стены ее были разделаны инкрустациями из черного мрамора и бронзы. На одном из концов залы был устроен оркестр из белого мрамора, с балюстрадаю из полированной бронзы, на которой стояло десять больших бронзовых канделябров в форме ваз. Потолок был еще не доделан – в Риме писался «Парнас», который предназначался для украшения потолка. В конце залы находилась обширная ниша, через нее был вход в круглую тронную залу, стены которой были обтянуты красным бархатом, затканым золотом. Окна были тоже завешены такою же материею, за исключением одного из цельного стекла в массивной серебряной раме.

Трон, стоявший в этой зале, отличался от того, который стоял в первой тронной зале, лишь количеством ступенек: у первого было восемь ступенек, у этого только три. 9 люстр из чистого серебра, отчасти матового и отчасти полированного, украшали эту залу. Большая люстра была вышиною в 4,25 аршина, 8 других по 3,5 аршина; работал эти люстры датчанин фон Баух. Плафон был расписан художником Карлом Скотти «en samée». Незадолго до своей смерти император Павел приказал красный бархат заменить желтым с серебряным шитьем, и в углах этой комнаты должны были явиться медальоны, лавровые венки из массивного серебра, и мастерам уже было отпущено с монетного двора 40 пудов серебра; из этой залы была дверь, которая вела во внутренние апартаменты императрицы, в кабинет и парадную спальню; стены комнаты были отделаны под мрамор и обрамлены золотыми гирляндами; за балюстрадаю из массивного серебра, длиною в 13 аршин и весом в 14 пудов[511], стояла кровать, украшенная золотою резьбою, под светло-голубым бархатным балдахинном, подхваченным се-

ребрянными шнурами и кистями. Камин в этой комнате был отделан аметистами и другими драгоценными камнями. Зала рядом служила и столовою, и концертною комнатою, в ней играли постоянно великие князья, из этой комнаты был ход в тронную залу императрицы. Трон государыни стоял на одной ступеньке и был гораздо меньше, чем трон императора; около тронной залы императрицы была галерея Рафаэля, которая получила название от четырех превосходных ковров «en haute lice», покрывавших почти во всю длину одну из четырех стен. Это были копии с превосходных картин, находящихся в Ватикане. За этой галереей шла продолговатая четырехугольная зала, в которой находилась прекрасная античная статуя Вакха и затем несколько новейших бюстов, статуй, древних ваз, барельефов и саркофагов. К этой зале соприкасалась караульная комната, где постоянно дежурил взвод конногвардейцев.

Во внутренние апартаменты императора и императрицы вела дверь из Рафаэлевой галереи; прихожая была расписана просто и украшена семью картинами работы Ван Лоо, изоб-

ражавшими сцены из жизни св. Григория. Вторая комната была тоже самой простой отделки: белая с золотыми разводами, в полях стен представлены ландшафты и виды дворца. На плафоне была изображена сцена из жизни Клеопатры, когда она на пиру бросает жемчужину в уксус. В третьей комнате стены были разрисованы ландшафтами Мартынова, представляющими виды дворцов Гатчинского и Павловского. В шести шкафах из красного дерева заключалась библиотека императора. В этой комнате стоял караул из лейб-гусаров. Потайная дверь вела отсюда в кухню, исключительно предназначенную для государева стола, в которой готовила кушанье кухарка-немка. Незадолго перед смертью он велел устроить точно такую же кухню в Зимнем дворце, рядом со своими жилыми апартаментами. Павел приказал отказать всем дворцовым подрядчикам и велел покупать для дворца все припасы на рынке по рыночным ценам. Расходы дворца тотчас же значительно сократились.

Император говорил, что если каждый частный человек не лишен удовольствия обедать

в своей семье, то зачем лишаться его государю. Поэтому он положил за правило, чтобы члены его семейства обедали всегда с ним вместе, и особые столы во дворце были уничтожены. Изгоняя роскошь при дворе и желая приучить подданных к умеренности, он назначил число кушаньев по сословиям, а у служащих по чинам: майору определено было иметь за столом три кушанья. Як. Кульнев [512], впоследствии известный генерал, служил тогда в Сумском гусарском полку и не имел почти никакого состояния. Павел, увидя его где-то, спросил: «Господин майор, сколько у вас за обедом подают кушаньев?» – «Три, ваше императорское величество». – «А позвольте узнать, господин майор, какие?» – «Курица плашмя, курица ребром и курица боком!» – отвечал Кульнев. Павел расхохотался.

Несмотря на известную всем воздержность в пище императора Павла, обеденный стол его убирался роскошно и в особенности изобиловал десертом. Вот как описывает стол императора Павла старый его паж К. К. Бошняк [513]. Ровно в известный час император в сопровождении всех лиц императорской фа-

милиии, с их воспитателями, вступал в столовую. Он шел обыкновенно впереди всех с императрицею. Грозно кругом оглядываясь, он отрывистым движением снимал с рук краги, которые вместе со шляпой принимал дежурный камер-паж. За столом царило глубокое молчание, прерываемое иногда государем да воспитателем графом Строгановым, дерзавшим иногда вступать в спор с Павлом. Случалось, когда царь был в особенно хорошем расположении духа, к столу призывался придворный шут Иванушка, изумлявший иногда самого Павла смелостью своих речей. Этот Иванушка нередко был отличным орудием для лиц, которые хотели обратить на кого-нибудь гнев или милость монарха. От себя он ничего не выдумывал, но как попугай повторял выученное, причем при вопросе, от кого он слышал какую-нибудь чересчур смелую выходку, указывал не на тех, кто его действительно научил, а на лиц, о которых его учителя нарочно запрещали ему говорить, зная наверно, что их-то имена он и назовет. Однажды государь, выслушивая его далеко не глупые ответы на вопрос: «Что от кого родится?»,

обратился к Иванушке: «Ну, Иванушка, а от меня что родится?» Шут, нисколько не оробев, бойко ответил: «От тебя, государь, родятся чины, кресты, ленты, вотчины, сибирки [514], палки...» Разгневанный этим ответом государь приказал немедленно бедного шута наказывать палками. С трудом могли его умиловать, и все ограничилось лишь тем, что дурака удалили из Петербурга. (Шута этого впоследствии хорошо знали в Москве, где он коротал дни свои в доме известной красавицы Н. В. Нащокиной. И у нее тоже, пользуясь положением невменяемости, он часто заставлял гостей своей хозяйки глотать горькие пилюли.) По окончании стола Павел, сняв со стола вазы с остатками конфет и бисквитов, бросал последние в угол зала, видимо забавляясь, как пажи, толкая и обгоняя друг друга, старались набрать как можно более лакомств.

Император после обеда всегда садился в большие кресла и отдыхал, если он жил летом в Гатчине или Петергофе, то всегда прямо у растворенных дверей балкона. В это время вся окрестность замирала в молчании; ма-

хальные от дворцового караула выставлялись по улицам, езда в городе прекращалась. Раз в такую-то пору, как рассказывает В. И. Даль, пробираясь по направлению ко дворцу, паж Яхонтов вздумал пошалить и, вскочив на простенок к окну, из которого глядели фрейлины, во все безумное горло пустил сигнал: «Слушай!» Можно себе представить, какая тревога поднялась во дворце; император вскочил и позвонил: «Кто кричал *слушай?*» – спросил он вне себя. Вышедший бросился искать в караулке. Последовал второй, третий и четвертый звонок и опять спрос, кто кричал, но виновного не находили. Коменданта уже давно дрожь пробрала до костей: он кидается на колени перед караулом и умоляет солдат: «Братцы, спасите, возьми кто-нибудь на себя, мы умиловитим после государя, не бойтесь, отстоим, он добр, сердце отляжет!..» Гвардеец выходит из фронта и говорит смело: «Я кричал, виноват». Чуть не на руках вносят много виноватого к государю. «Ты кричал *слушай?*» – говорит Павел. «Я кричал, ваше императорское величество!» – «Какой у него славный голос! В унтер-офицеры его и сто рублей

за потеху».

Павел не ел скоромного по средам и пятницам; в его время посты в обществе редко соблюдались. Император, раз будучи доволен на смотре войсками, наградил их деньгами и, сверх того, велел раздать солдатам и офицерам рыбы. Так как это случилось в рождественский пост, то многие видели в этой раздаче намек на соблюдение поста. Император был религиозного направления: он издал указ о неработании в воскресенье и о соблюдении этого дня; затем указ (3 декабря 1796 года) об освобождении от телесного наказания судимых за уголовные преступления священнослужителей; в этом указе, между прочим, было сказано: «Чинимое судимым из священнического сана наказание, в виду тех самых прихожан, кои получают от них спасительные тайны, располагает народные мысли к презрению священнического сана». Император Павел стал первый давать приходскому духовенству наперсные кресты и другие орденские знаки.

В той же третьей комнате, где стоял шкаф с книгами и была потайная дверь в кухню,

имелась еще другая потайная дверь, которая вела в небольшую комнату, где дежурил иногда караул лейб-гусаров. К этой комнатке примыкала витая лестница, которая вела на двор, где у двери стоял один часовой.

Из библиотеки была дверь в спальню императора. Павел в ней часто сживал днем, и здесь же он скончался[515]. Перед смертью Павел вел жизнь скучную и одинокую. Он сидел в запертом Михайловском замке, охраняемом как средневековая крепость. Единственные прогулки императора ограничивались тем, что называлось «третьим Летним садом», куда не допускался никто, кроме него самого, императрицы и ближайшей его свиты. Аллеи этого сада постоянно очищались от снега для зимних прогулок верхом. Гарнизонная служба в Михайловском замке отправлялась как в осажденной крепости. После пробития вечерней зари немногие особы допускались в замок по малому подъемному мостику[516], который опускался только для них. В числе последних был плац-адъютант замка. Он был обязан доносить лично императору о всяком чрезвычайном происшествии в городе, на-

пример о пожаре и т. п. Караулы в замке содержали поочередно гвардейские полки. Внизу, на главной гауптвахте, находилась рота со знаменем, капитаном и двумя офицерами. В бельэтаже расположен был внутренний караул, который наряжался только от одного лейб-баталиона Преображенского полка. Павел особенно любил этот баталион и поместил его в здании Зимнего дворца, смежном с Эрмитажем, отличил офицеров и солдат богатым мундиром – первых с золотыми вышивками вокруг петлиц, а рядовых петлицами, обложенными галуном по всей груди. Гатчинские же баталионы были одеты совершенно по-прусски: в коротких мундирах с лацканами, в черных штиблетах; на гренадерах были шапки, как теперь у Павловского полка, а на мушкетерах маленькие треугольные шляпы без петлицы, только с одною пуговкою. Офицеры этих баталионов до вступления еще императора Павла на престол одевались крайне неряшливо, в поношенные мундиры, нередко перекрашенные. Офицеры сюда поступали из кадетов морского корпуса, оказавшиеся неспособными к морской службе. По вступле-

нии Павла на престол им была обмундирована вся армия в новую форму.

Вот описание павловского нового костюма: он состоял из длинного и широкого мундира толстого сукна, не с отложным, а лежащим воротником и с фалдами, которые спереди совсем почти сходились; из шпаги между этими фалдами, воткнутой сзади, из ботфорт с штибель-манжетами или штиблет черного сукна, из низкой сплюснутой треугольной шляпы, узкого галстука, которым офицеры казались почти раздавленными, перчаток с огромными раструбами, простого дерева форменной палки с костяным набалдашником и, наконец, из двух насаженных над ушами булавок с длинною, тугой проволокой и лентой, перевитую косою. Исключая кавалерии, все одеты были в мундиры одинакового цвета, но зато отвороты и обшлага были розовые, абрикосовые, песочные, кирпичные, всех в мире цветов. Вместе с тем были сделаны и такие перемены: бесчисленные толпы гвардейских сержантов и вахмистров потребованы на службу, и многие малолетние за неявку исключены вовсе из полков. При одном Преоб-

раженском полку тогда числилось до 2000 таких лиц, во всей же гвардии до 20 000. Бывало в екатерининское время, что получали полковые свидетельства на детей, еще не родившихся. Такие военные люди в детстве достигали порядочных чинов. Жихарев в своих воспоминаниях рассказывает о Горяйнове, который еще в пансионе имел чин надворного советника. При Екатерине приписанных к гвардейским полкам производили в армию несколькими чинами выше. Павел стал выпускать в армию одним чином выше. Он хотел лейб-баталион отделить от Преображенского полка и переименовать лейб-компанией, т. е. исключительной стражей, охраняющей его особу; адъютант этого лейб-баталиона Аргамаков исправлял должность плац-адъютанта дворца и имел право даже ночью входить в царскую спальню.

Спальня Павла была довольно большая комната; множество картин работы Берне, Вувермана и Вандермейлена украшали ее стены. Посредине комнаты стояла маленькая походная кровать без занавесок, за простыми ширмами (кровать эту после смерти импера-

тора хранила в своей спальне, в Павловске, вдовствующая императрица), над кроватью была картина с изображением ангела, работы Гвидо Рени, и висели шпага, трость и шарф его величества, в углу портрет старинного рыцаря-знаменосца, работы Жана Ледюка, также на одной из стен этой комнаты висела картина, изображавшая все военные мундиры русской армии. Павел всегда спал в белом полотняном камзоле с рукавами, в ногах его лежала любимая его собака Шпиц; император особенно любил собак, не разбирая пород, и иногда простая дворняжка была его фаворитом! Шишков рассказывает, что в Павловске, во дворце, во время вечерних отдохновений императора на половине императрицы, простая дворная собака лежала всегда на шлейфе платья государыни. Павел очень любил этого пса, брал его на парады и в театр, где он сидел в партере на задних лапках и смотрел на игру актеров. В день смерти императора эта собака, никуда прежде не отлучавшаяся, вдруг пропала.

Письменный стол императора в спальне был замечательной работы, он стоял на ко-

лоннах из слоновой кости с бронзовыми капителями, два подсвечника из слоновой же кости на кубах из янтаря поддерживали четыре пасты, изображающие императора, императрицу и великих князей. Эти подсвечники, как и стол, были сделаны под наблюдением самой императрицы. Тогда уверяли, что в спальне императора был трап и несколько потаенных дверей. Август Коцебу[517], у которого мы заимствовали описание некоторых комнат дворца, говорит: «Могу засвидетельствовать неточности этих показаний: великолепный ковер, покрывавший пол, исключал возможность существования их, сверх того, печь стояла не на ножках, и, следовательно, под нею не было свободного пространства, как многие уверяли». В спальне, правда, было две двери, скрытых занавесью: одна вела в известный чуланчик, другую запирался шкаф, в который складывались шпаги офицеров, взятых под арест. Проход из библиотеки в спальню состоял из двух дверей, и благодаря необыкновенной толщине стен между этими двумя дверьми оставалось пространство, достаточное для того, чтобы могли устроить

направо и налево две другие потаенные двери. Тут они действительно были: дверь направо служила к тому, чтобы запирать помещение для знамен, дверь налево открывалась на потаенную лестницу, через которую можно было спуститься в апартаменты императора, находившиеся на нижнем этаже.

В царствование императора Александра II на собственные суммы его величества устроена была здесь домовая церковь во имя Св. Павла, в ней замечателен иконостас резной работы из дуба. По преданию, покойный император раз в год приезжал сюда и уединенно молился.

Император Павел вставал в пять часов утра, умывался и обтирал лицо льдом; в шесть часов он принимал государственных людей с докладами, в восемь часов кончалась аудиенция министров, в двенадцать часов он обедал вместе с семейством, после обеда он отдыхал немного и затем отправлялся по городу на прогулку. После вечерней прогулки у императора во дворце бывало частное домашнее собрание, где императрица, как хозяйка дома, сама разливала чай. Император

ложился спать иногда в восемь часов вечера, и вслед за этим во всем городе гасили огни. По рассказам современников, жители Петербурга старались всячески скрывать ночью свет в окнах, завешивая и запирая последние ставнями.

Присутственный день в Павловское время начинался в пять часов утра, во всех канцеляриях и коллегиях в это время уже горели свечи на столах, и сенаторы уже с восьми часов утра сидели за красным столом. Запущения дел, особенно в Сенате, император не терпел; он помнил, что после кончины Екатерины II в нем осталось более чем 30 000 нерешенных дел; желание императора было, чтобы и в самых отдаленных местах его государства указы и его повеления исполнялись быстро. В его время курьеры ездили из Петербурга в Москву менее чем в двое суток, таких курьеров тогда было до 120 человек.

Богато убранных покоев в Михайловском замке, помимо описанных нами, было еще несколько в нижнем этаже; здесь много дорогих вещей помещалось в комнатах, обделанных деревом. Этим способом обивки стен де-

ревом была устранена сырость, которая покрывала все стены и потолки дворца. По рассказам современников, следы разрушающей сырости в большой зале, в которой висели картины, несмотря на постоянный огонь в каминах, виднелись в виде полос льда сверху донизу по углам и потолку. Настолько был сыр дворец, что в первый раз, когда император дал в нем бал, в комнатах стоял такой туман от зажженных восковых свечей, что везде была густая мгла и тысячи свеч мерцали, как тусклые фонари на улице. Гостей можно было с большим трудом различать в конце каждой из зал; они как тени двигались в потемках. Все дамские наряды и уборы отсырели и в полутьме казались одного цвета. Дворец для всех был крайне неудобен, беспрестанно было нужно проходить по коридорам, в которых дул сквозной ветер.

В числе особенно драгоценных вещей в замке было несколько великолепных северских ваз, люстра из превосходного хрусталя, стоившая 20 000 рублей, несколько ваз работы Петербургского фарфорового завода, затем большая каменная из красного порфира и

несколько оригинальных картин Греза, одна Рубенса, восемь пейзажей Щедрина с видами Павловска, Гатчины и Петергофа. Два прекрасных плафона, писанных И. П. Скоти, изображающих один Кефала и Прокриду, а другой Венеру, выходящую из воды; затем несколько картин Анжелики Кауфман, Карло Марати и множество еще других. По рассказам, крыша на дворце была из чистой меди, подоконники мраморные, а ручки у окон бронзовые, изящной работы. Обычай снимать шляпы далеко еще до дворца с переездом императора в Михайловский замок был отменен. Новый обычай, по словам современников, было вывести тогда очень трудно. Полицейские офицеры стояли на углах улиц, ведущих к Михайловскому замку, и убедительнейше просили прохожих не снимать шляп, а простой народ даже били за такое выражение почтения. Когда государь жил в Зимнем дворце, то прохожие должны были снимать шляпу при выходе на Адмиралтейскую площадь с Вознесенской и Гороховой улиц. Ни мороз, ни дождь не освобождали от этого. Кучера, правя лошадьми, обыкновенно брали шляпу или

шапку в зубы. Императором также был установлен этикет, чтобы при встрече с ним мужчины выходили из своих экипажей и отдавали честь, а дамы выходили на подножку только экипажа. Говорили тогда, что император нарочно придумал такой сопряженный с неудобствами обычай, чтобы вывести из моды шелковые чулки и башмаки, в которых тогда щеголяли все мужчины. Очень понятно, что в грязь и снег мужчинам было очень неудобно выходить из экипажа. Павел вводил ботфорты, он был враг роскоши, а шелковые чулки в то время стоили в три раза дороже, чем куль муки в 9 пудов. При дворе был введен также и другой этикет Павлом: при встрече мужчины должны были становиться перед государем на колени и целовать у него руку.

По смерти императора Павла двор вскоре покинул Михайловский замок, и в том же году, по повелению Александра I, замок поступил в гоф-интендантское ведомство, а мебель, статуи, картины и прочие вещи отосланы отсюда для хранения в Таврический, Мраморный, Зимний дворцы и в императорский кабинет. Большая половина бельэтажа дворца

оставалась пустою, в остальной помещалась Конюшенная контора и Конская экспедиция; на нижнем этаже жили генералы Дибич, Сухтелен, архитектор Камерон, придворные служители и чиновники, всего до 900 человек. Затем здесь же доживал свой век старый кастильян[518] замка Иван Семенович Брызгалов. В 1840 году он бродил еще по Петербургу бодрым девяностолетним старцем, в однополном мундире, ботфортах и крагенах, с тростью в сажень, в шляпе с широкими галунами. Брызгалов был родом из крестьян и дослужился при Павле до чина майора; в замке он наблюдал за своевременным подниманием и опусканием подъемных мостов.

Михайловский замок служил императору Павлу I резиденцией только сорок дней.

После смерти императора Павла много перемен произошло как снаружи, так и внутри церкви. Многие украшения, как, например, вазы, стоявшие снаружи и внутри, сняты, нет изображений апостолов, стоявших на аттике, нет канделябр в простенках первого и второго этажей, серебряных царских дверей и лампад, золотой лампы и позолоты в куполе. В

1822 году дворец, до того времени называвшийся Михайловским, был переименован в Инженерный замок; до этого года в замке и в принадлежащих к нему зданиях в разное время помещались многие учреждения. Так, здесь стоял лейб-гвардии жандармский полукэскадрон, был институт слепых, комитет по благотворительной части, канцелярия министра духовных дел и просвещения.

В наружной стороне Михайловского замка со дня постройки не сделано особенно важных изменений, за исключением того, что мраморные статуи и другие фигуры сняты и отправлены в другие дворцы и уничтожены укрепления и подъемные мосты. От прежних внутренних украшений осталась теперь одна только Тронная зала с другою круглою комнатою, да еще в некоторых комнатах сохранилась на потолках живопись.

В 1817 году в Михайловском замке был открыт Тайною полициею в квартире жены полковника Татаринова, урожденной Буксгевден, хлыстовский корабль. К этому хлыстовскому обществу принадлежали князь А. Н. Голицын, В. М. Попов, Лабзин, богатый по-

мещик Дубовицкий, князь Энгальчев и другие. Здесь утром по воскресеньям к Татариновой собиралось до 40 человек, и при этом совершались хлыстовские сборища. Солдатка Осипова показала, что ее, приведя в квартиру Татариновой, положили на постель, затем она была приведена в беспамятство; к ней ввели человека, которого называли пророком, и он ей говорил что-то не совсем понятное. В этом хлыстовском корабле купцы первой гильдии Фролов и Тименков достигали такой быстроты в кружении, что гасили свечи и люстры. Рассеянное общество Татариновой тайно продолжало существовать до конца тридцатых годов.

Публика на выставке «сельских произведений». Литография из журнала «Всемирная иллюстрация». 1852. Фрагмент

Глава XVII

Театр в старину. – Его репертуар. – Примадонны. – Крепостные артисты. – Опера-буфф. – Указ о сохранении благочиния в театрах. – Первые вызовы артистов. – Метание кошельков. – Первый вызов автора. – Начало поспектакльной платы. – Доступ артистов в дома меценатов. – Дом А. И. Оленина. – Кутежи. – Актеры Яковлев и Пономарев. – Директора театров Юсупов, Нарышкин, Тюфякин и другие. – Цыганские хоры. – Их история. – Иван Соколов. – Цыганская Каталани Стеша. – Солистки позднейшего времени.

Театр в царствование Екатерины всегда был полон, все лучшие места были заняты по абонементу. Кресла так и назывались годовыми; кресел всего было три ряда, стоили они два рубля с полтиною; в них садились одни старики, первые сановники государства; офицеры гвардии и все порядочные люди помещались в партере на скамьях, за рубль место Публика в ложах отличалась полнейшей патриархальностью, нередко можно было видеть женщин в чепчиках с чулком и купцов в атласных халатах, с семьей, по-домашнему.

Мода держать актрис на содержании процветала, как и ратование за приятелей-актеров. Все люди образованного класса делились

на театральные партии. Так, в 1800-х годах существовали партии Семеновой и Вальберховой. За каретами их бегали, останавливали их, выражали им свои похвалы и ссорились на улице за превосходство каждый своей актрисы.

В конце царствования Екатерины русский репертуар стал оскудевать отечественными произведениями и стал обогащаться переводными итальянскими пьесами, и, наконец, опера-буфф, наша теперешняя оперетка, вполне овладела русским театром.

Первыми русскими опереточными артистками были Лизанька (Сандунова), Дуняша (Янковская), Наталья и Маша (Айвазовы). Эти артистки вскружили головы всей придворной и гвардейской молодежи. Театральный критик того времени, князь Шаховской, писал: «Эти артистки не дарованием действовали, а облетом искрометного взгляда по всем зорким глазам и самонадеянным сердцам».

Позднее, чтобы поддержать оперу-буфф [519], была вызвана в Петербург актриса домашнего театра Д. Столыпина – В. Б. Новикова, известная в Москве под именем Вареньки

Столыпинской. Актриса эта очень понравилась публике, но не удержала падения оперетки на русской сцене. Из столыпинских крепостных артисток известные были: Бутенброк, до замужества Лисицына; по характерному выражению критика того времени, это была баба плотная, белая и румяная, но зубы – уголь углем, пела она очень недурно. Из опереточных актеров был известен Уваров, превосходный певец.

Перед фамилией крепостных артистов на афише не ставилась буква «Г», т. е. господин или госпожа, и когда они зашибались, что случалось нередко, то им делался выговор особого рода.

Но в старину нередко и начальство зависело от подчиненных артистов. Раз вышел такой случай: по желанию кого-то из сильных мира был назначен спектакль, но в самый день представления вбегают к директору режиссер и заявляют, что спектакль идти не может, так как первый певец совсем без зубов. «Как это случилось?» – спрашивает изумленный директор. «Он разломил верхнюю челюсть». – «Какое несчастье!» – «Не особен-

ное, – отвечает режиссер, – он послал ее к дантисту, и дня через три ее починят». Очень понятно, что при современных успехах дантистики подобный казус не может случиться.

Про народившуюся в то время оперетку князь Шаховской писал: «Опера-буфф приучила толпу к безотчетному удовлетворению ленивой праздности, пустодельным шутовством и чувственной потехой глаз и ушей отвлекла от благородных наслаждений ума и сердца драматического театра не только зрителей, но и писателей, могущих сделать пользу ему и русскому слову».

Кроме И. А. Дмитриевского, Вьени, ученого секретаря Медицинской академии, В. И. Хомякова, и другие стихотворцы не пожалели своих талантов на угождение причудливой моде. «Дианино древо», «Редкая вещь», «Школа ревнивых», «Венецианская ярмарка», «Хитрая любовница» и другие буффонства торжественно насмехались над опустелостью разумнейшего, благороднейшего и полезнейшего из всех общественных увеселений. Нашу, или насильственно привитую к нам, оперу-буфф можно назвать развратительницей

целомудрия русского театра. В ней появились, как говаривали наши предки, «гнилые слова», или экивоки.

Если в комедиях Фонвизина и Княжнина встречались иногда вольные намеки, то они легко скользили в быстром разговоре, а не принуждали бесчинным смехом и рукоплесканием скромность краснеть, а невинность интересоваться. Плоские обиняки заразили комедии Клушина, Эмина. Страсть к цинизму перешла и к актерам. Сандунов и подражатель его Сторожев объясняли зрителям взглядом, улыбкой и жестами всю сальность авторов.

Подобные выходки принудили дирекцию употребить строгие меры для удержания артистов от такого бесчинного промысла рукоплесканий!

Указ, изданный в 1782 году, о сохранении в публичных зрелищах должного благочиния подвергал нарушителей строгой ответственности; в то время игра и пение артистов хотя и приводили зрителей в восторг, но не вызывали тех оглушительных вызовов и неистовых *bis*, свирепствующих в наше время. Жи-

харев говорит (см. «Отечественные записки», 1859 г., «Дневник чиновника»), что в 1802 году вызов актера был таким происшествием, о котором неделю толковали в городе.

Но несомненно, что в то время существовал обычай кидать любимым артистам на сцену кошельки с деньгами. О достоверности этого факта свидетельствует «Драматический словарь», изданный в 1787 году и недавно перепечатанный в ограниченном числе экземпляров А. С. Сувориным. Там, между прочим, сказано, что в первое представление оперы «Земира и Азор» певица Соколовская при исполнении арии Горлицы была аплодирована метанием кошельков.

Впрочем, было немало в то время артистов, которые очень усердно искали таких аплодисментов. Так, в Харькове актеры просто бесцеремонно выманивали деньги у зрителей. Известный провинциальный актер Дмитрий Москвичев, представляя мельника в пьесе Аблесимова того же названия, на сцене позволял себе такие, например, вольности, распевая куплеты:

Я вам, детушки, помога,

У Сабурова денег много.

Сабуров, известный богач, сидевший в первом ряду, только улыбался... и больше ничего. Москвичев, чтобы поправить свою ошибку, пел снова:

*Я вам, детушки, помога,
У Карпова денег много.*

Рукоплескания подтверждали, что актер пел правду, но Карпов не кидал на сцену кошелька, а только утерся и покраснел. Москвичеву надобно было добиться своего, и он снова запел:

*Я вам, детушки, помога,
У Манухина денег много.*

Манухин был богатый купец, богачу это понравилось, и вслед за припевом на сцену к ногам актера летел кошелек, актер подымал его и трижды кланялся. Все смеялись находчивости артиста, и часто подобные сцены повторялись.

Про первый дебют этого Москвичева рассказывают «Харьковские ведомости» следующее. Москвичев, раз исполняя в Харькове

роль трубочиста в пьесе «Князь-трубочист», выпал на сцену из камина, упал, приподнялся... и остолбенел! Не может выговорить ни слова и приготовился уже бежать со сцены.

Причиной испуга был губернатор Орловского наместничества, сидевший в театре в первом ряду кресел. Актер Москвичев был в орловской губернской роте сержантом и, тайно оставив знамена орловского губернского Марса, предложил услуги харьковской Талии; являсь на сцену и заметив губернатора, он постигнул все последствия побега и потерялся совсем. Но бывший начальник сжалился над ним и, чтобы не лишать публику удовольствия, закричал ему: «Не робей, Дмитрий, не робей! Продолжай, не бойся ничего». И Дмитрий оправился и благополучно кончил пьесу, ко всеобщему удовольствию. В тот же вечер оба губернатора кончили на бумагах, что сержант Москвичев переведен на службу из орловской роты в харьковскую.

Обычай вызова автора в первый раз случился в 1784 году, во время представления «Рослава» Княжнина. В этот спектакль по окончании трагедии публика вошла в такой

восторг, что единогласно потребовала выхода автора на сцену. Это требование поставило Княжнина в недоразумение, из которого выручил его актер Дмитриевский, вышедший на сцену перед публикой со словами, что «для автора восхитительно лестное благоволение публики, но так как его в театре нет, то он, в качестве его почитателя и друга, осмеливается за него принести благодарность публике».

С этого времени, когда пьеса имела успех, принято было за обыкновение вызывать автора.

В старину также существовал обычай делать со сцены анонсы к публике о предстоящих спектаклях и бенефисах. Обыкновенно это делалось так. После первой сыгранной пьесы или перед последним действием выходил второстепенный актер, почтительно кланялся и называл день и театр, на котором будет играна такая-то пьеса. При представлении пьес многосложных (*à grand spectacle*), как, например, комедии «Мещанин во дворянстве», одной из первых пьес, игранной в петербургском театре еще в 1758 году, где требовалось много людей и принадлежностей на

сцене, при объявлении назначалась за вход всегда двойная цена. Комедия «Мещанин во дворянстве» была торжеством актера Крутицкого.

В старое время актеры, помимо жалованья, получали деньги на квартиру и на гардероб, также им давали казенные дрова. Так, первая артистка драматической труппы получала 8 сажень дров ежегодно. Кроме этого, еще существовало правило отпускать актерам по две восковые свечи, отчего и произошло название *argent feu*.

Начало перспективной платы в нашей драматической труппе относится к 1810 году. В это время знаменитая актриса Семенова первая начала получать ее. В 1802 году был издан указ, чтобы бенефисы были впредь назначаемы одним отличным актерам, представляющим первые роли. До этого времени переводчики и авторы многих пьес получали бенефисы. Обыкновение же давать утренние спектакли на Масленице началось в 1827 году. Первый такой спектакль был дан на Сырной неделе в субботу. Шла вторая часть «Днепровской русалки».

В старину спектакли начинались обыкновенно в пять часов и кончались не позднее десятого часа. Император Павел, не любивший, чтобы спектакли были продолжительны, в 1800 году 25 апреля отдал приказ, чтобы представления, даваемые на публичном театре, не продолжались более как до 8 часов вечера, разумея начало их непременно в 5 часов пополудни.

Выдающиеся артисты имели доступ на вечера известных меценатов того времени: Л. А. Нарышкина, Н. Б. Юсупова, А. С. Строганова, А. Н. Оленина.

Даровитые актрисы, великосветские дамы, художники, актеры, музыканты, литераторы – все встречались в домах этих вельмож вместе с государственными мужами и знатью. Все были как в родном доме. Дачи их были публичными садами, стол открыт для всех раз представленных, балы давались почти для всего города.

Дом А. Н. Оленина соединял все, что было замечательного в Петербурге по части литературы и искусства. Здесь Озеров читал в первый раз свою трагедию «Эдип в Афинах»; тут

раздавались роли артистам: Яковлеву, Шушерину, Семеновой; здесь писал свои чудные декорации Гонзаго и строил свои театральные машины славный механик итальянец Бриганций.

Про Гонзаго рассказывали, что его декорации заставляли зрителя забываться и поражали удивительным соблюдением перспективы и необыкновенной прелестью композиции; он первый писал декорации прямо на полу, не картинною живописью, а набросом и толстою кистью, и часто растушевывал просто ногою, и это ножное мارانье при искусственном освещении превращалось в полное очарование. Его декорации в театре Фениче в Венеции во время карнавалов выставлялись как образец возможного совершенства сценической живописи; одна из его декораций года четыре тому назад была еще цела на сцене Александрийского театра в Петербурге.

В доме же Оленина читал свои басни И. А. Крылов и жил по несколько недель в его Приютине, обитая в особом домике, называемом «Крыловскою кельею» (в 1849 году, когда Приютино принадлежало доктору Адамсу, были

еще следы этого домика, служившего сараем для картофеля). Здесь же И. А. Крылов составил свои пьесы для домашнего театра этого вельможи.

Домашние спектакли в это время были в большой моде; известный в летописях русского театра князь Шаховской говорит, что, участвуя почти каждый день на таких спектаклях, ему приходилось учить по две роли зараз где-нибудь в карауле в Новой Голландии или Новом Адмиралтействе.

Актеры часто сходились к любителям театра; в то время жили на английскую или древнерусскую статью, и возлияния Бахусу приносились ежедневно. Особенно отличались этим гусары и молодые богатые купцы: попасть в их общество – запоят! В загородных трактирах: в Красном кабачке, в Желтеньком, в Екатерингофе, на Крестовском острове, происходили настоящие оргии! Зимой туда, бывало, катят сотни саней, летом приезжают на каретах с музыкою и песенниками. Заехав в трактир, шампанское спрашивали ящиками, а не бутылками. Вместо чаю пили пунш. Музыка, песенники, плясуны и мертвая чаша!

Тогда все это считалось молодецкою забавою.

Молодежь искала знакомства с актерами и, по тогдашнему обычаю, потчевала их донельзя. Таким образом на гибельную стезю были увлечены почти все лучшие наши актеры: Яковлев, Рыкалов, Пономарев, Сандунов, Воробьев. Про Яковлева рассказывали, что когда он разогревался веселою беседою и пенистою влагою, то пел духовные песни Бортнянского или принимался декламировать различные трагедии и так увлекался, что воображал, что он и в самом деле герой, и раз, возвращаясь с попойки, на вопрос часового у заставы, кто он такой, отвечал: князь московский Дмитрий Донской; на другой день по рапорту узнали, кто этот московский князь, и, разумеется, помылили ему порядком голову. Также любимым собеседником на таких попойках был комический актер Пономарев, неподражаемый в ролях подьячих и слуг.

Пономарев пел плачевным голосом жалобу об уничтожении питейного дома на Стрелке (на Васильевском острове, вблизи Биржи), куда собирались преимущественно закоренелые подьячие того времени. Пономарев был

первым певцом куплетов, он появлялся в дивертисментах, одетый в светло-зеленый мундир, в красном камзоле, красном исподнем платье и в низкой треугольной шляпе, как тогда одевались подьячие (могила этого актера доныне цела, невдалеке от могилы П. А. Каратыгина, на Смоленском кладбище).

Про Сандунова рассказывали, что он был добряк, каких мало, и отличался с старшим своим братом, известным переводчиком «Разбойников» Шиллера и сенатским секретарем, большим остроумием.

Раз, заспорив о чем-то, в пылу спора последний сказал брату: «Тут, сударь, толковать нечего, вашу братью всякий может видеть за рубль медью!»

– Правда, – отвечал актер, – зато вашей братии без красненькой и не увидишь!

Князь Н. Юсупов, о котором мы выше упомянули, был назначен директором императорских театров в 1791 году; по счету это был седьмой, а по управлению театрами первый: он привел в порядок все дела дирекции, уволил нескольких актеров, учредил до сих пор здравствующую театральную контору и пере-

делал партер, сделав места за креслами. На него тогда явилась эпиграмма:

*Юсупов, наш директор новый,
Партер в раек пересадила,
Актеров лучших распустил
И публику сковал в оковы.*

Но эти оковы, или, вернее, перегородки, долго не просуществовали.

Рассказывали, что какой-то толстяк-силач взял рядом оба билета в партере, выломал железную перегородку и так просидел весь спектакль.

Юсупов очень следил за порядком. Одна из актрис, по капризу, вздумала сказать себя больною. Князь приказал, чтобы ее не беспокоить: кроме доктора, никого к ней не пускать. Больная выздоровела на другой же день.

При нем оклады были значительно увеличены: балетмейстер Канциани получал жалованья 5500 рублей, танцор Пик 6500 рублей, танцор Гианфонелли 3400 рублей, и то же жалованье получали многие из русских: Ив. Гальберг, Троф. Слепин, В. Балашов и др.; танцовщице Росси при нем платили 5000 рублей.

В последнее время своего управления

князь Юсупов соблюдал очень строго казенный интерес и даже принял на свой счет дорогих итальянских певцов и понес большой убыток. С этой труппой прибыл известный в России капельмейстер Кавос. При Юсупове инспекторы репертуарной части выбирались из актеров пополугодно, из которых в 1794 году были Крутицкий и Тамбуров. Преемником князя Юсупова в царствование императора Павла I был обер-камергер Нарышкин. Это был вполне русский вельможа великолепного двора Екатерины, меценат и хлебосол в самом широком смысле слова: его обеды и праздники гремели в Петербурге.

На даче и в городе его стол был открыт для всех званных и незванных. Он был отцом всех артистов, и в устах его: «Господа, прошу вас» – значило более всяких приказаний; а «Господа, я недоволен» приводило всех в отчаяние, а слово «благодарю» возбуждало полный восторг.

В доме его толпилось все, что отличалось умом или талантом: шитый камзол вельможи здесь стоял рядом с кургузым сюртуком какого-нибудь разночинца; все были как в

родном доме.

Особенно роскошны выходили у него праздники на его даче по Петергофской дороге. На этих праздниках сюрпризы встречали публику на каждом шагу. Все театральные труппы участвовали в празднествах, и, конечно, не даром, а за весьма приличное вознаграждение.

Раз такой праздник удостоил император Александр Павлович своим присутствием и в разговоре при прощании, любопытствовав узнать, во что обошелся праздник, спросил Нарышкина. «Кажется, двадцать пять или тридцать рублей», – отвечал вельможа. «Что за пустяки!» – «Божусь вам, ваше величество! Лист вексельной бумаги, который я подписал за расходы, обошелся мне не дороже этих денег...»

В 1812 году, во время войны, Нарышкину кто-то хвалил храбрость его сына, находившегося в армии, говоря, что он, заняв одну позицию, храбро отстоял ее от неприятеля.

– Это уже наша фамильная черта, – сказал Нарышкин, – что *займут*, того не отдадут!

Раз при закладке одного корабля государь

спросил Нарышкина: «Отчего ты так невесел?» – «Нечему веселиться, – отвечал Нарышкин, – вы, государь, в первый раз в жизни закладываете, а я каждый день».

– Он живет открыто, – отозвался император об одном придворном, который давал балы чуть ли не каждый день.

– Точно так, ваше величество, – возразил Нарышкин, – у него два дома в Москве без крыш.

Один старик-вельможа жаловался Нарышкину на свою каменную болезнь. «Вам нечего бояться, – сказал Нарышкин, – всякое деревянное строение на каменном фундаменте долго живет».

Министр финансов хвалился Нарышкину, что он сжег много ассигнаций. «Нечего хвалиться, – сказал Нарышкин, – они, как феникс, возродятся из пепла».

Нарышкин славился также своим крепостным хором великолепной музыки. Дом его называли тогда в Петербурге «Новыми Афинами».

Петербургские театры во время директорства Нарышкина достигли значительного со-

вершенства. Ему также много способствовал и его помощник, известный в летописях русского театра, князь Шаховской.

Но блистательная деятельность Нарышкина имела и обратную сторону: так, известный в то время драматург В. А. Озеров частенько жаловался в письмах к Оленину на несправедливость директора. И, говоря о постановке своей трагедии «Поликсена», за которую Нарышкин обещал заплатить 3000 рублей «выводу» (т. е. гонорара), но не заплатил: «Последнюю несправедливость терплю от Александра Львовича, — писал он, — не он ли обещал, что даст предписание требуемых сочинителем трех тысяч, после второго ее представления, по заведенному порядку. Два раза „Поликсена“ играна. Почему ж он отлагал платеж до третьего представления? Убедительно прошу вас требовать моей трагедии от дирекции обратно, не допуская, чтобы она была в третий раз играна. Для моей славы довольно и двух представлений, для имени Нарышкина довольно и сей его неправды против меня».

Вот еще и другой случай. За несколько

дней до первого представления оперы «Леста» певица Болина вышла замуж за чиновника М. и подала просьбу об увольнении ее со сцены, но Нарышкин, не желая лишиться актрисы, оставил ее просьбу без уважения. Накануне представления молодая чиновница получила повестку явиться на репетицию. Разумеется, она не явилась и решительно отказалась от роли. Помощник Нарышкина князь Шаховской, известный своей вспыльчивостью, послал театрального чиновника объявить ее мужу, что не принимает никаких отговорок.

– Скажите князю, – отвечал супруг, – что жена моя титулярная советница и что я в таком только случае позволю ей играть роль Русалки, если его сиятельство согласится взять на себя роль Тарабара.

Современники Нарышкина рассказывали, что расточительность его не имела границ и он частенько нуждался в небольших суммах, а потому кругом был в долгах. Однажды, желая куда-то съездить, он приказал слуге заложить карету, и тот, поняв приказание барина в кредитном смысле, заложил ее какому-то

ростовщину.

Остроты, каламбуры и шутки Нарышкина долго жили в памяти петербургского общества. Сам император Павел Петрович очень любил Нарышкина и прощал ему самые смелые его выходки. Раз в театре, во время балета, государь спросил Нарышкина, отчего он не ставит балетов со множеством всадников, какие прежде давались часто.

– Невыгодно, ваше величество! Предместник мой ставил такие балеты потому, что когда лошади делались негодны для сцены, он мог их отправлять на свою кухню... и... съесть.

Предместник его, князь Юсупов, был татарского происхождения.

Балет в управление Нарышкина театрами процветал. Танцовщик Дюпор, приглашенный им из Парижа, получал за каждое представление по 1200 рублей за спектакль, или в год 60 000 рублей (180 000 франков по тогдашнему курсу).

При Нарышкине в 1812 году был еще определен вице-директором театров действительный камергер князь Петр Иванович Тюфя-

кин.

Первоначально звание вице-директора было только почетное место, но впоследствии, когда Нарышкин уехал за границу, управление театров было вверено князю Тюфякину, который оказался весьма хорошим хозяином, так что в 1814 году, по возвращении главного директора, долги дирекции были уплачены собственными своими средствами.

С тех пор подобного чуда уже не было. Но тогда оно послужило поводом к составлению знаменитой инструкции вице-директору, по которой ему поручалась вся хозяйственная часть театров, и с тех пор, с 1826 года, действительно долгов не было.

Князь Тюфякин хотя и был человек образованный, но далеко не похож на своего гуманного предшественника. Обращение с артистами у него доходило до самоуправства, а с артистками, особенно молодыми, до полного цинизма. Особенно свиреп был до обеда. Чтобы дать понятие о его замашках, мы приведем два случая из закулисной хроники, рассказанной его современником. Однажды он заметил восьмилетнего воспитанника теат-

рального училища, пробежавшего позади сцены во время какого-то действия балета. Князь выскочил из своей директорской ложи, схватил мальчика и подбил ему глаз своей большой подзорной трубкой (тогда небольших биноклей еще не было, и театралы посещали театры с большими, длинными трубками в руках).

Другой случай был в драматической труппе. Актер Булатов, принятый на сцену из чиновников девятого класса, отказался от неподходящей к его амплуа роли. За такую дерзость князь приказал посадить его на съезжую и продержал там с неделю.

Князь платил щедро за переводы пьес и давал весьма крупные цифры разовых некоторым артистам. Так, своей фаворитке, немецкой певице госпоже Миллер-Бендер, он платил за каждое представление по 300 рублей.

При нем был установлен общий абонемент для русских и французских спектаклей в Большом театре; дневной абонемент тогда доходил до 1000 рублей в вечер.

Тюфякин отличался набожностью и каждый праздник ходил в Казанский собор. В

1812 году в этом соборе с ним случился довольно серьезный эпизод, причем он чуть-чуть не поплатился жизнью.

В грозный год Отечественной войны простой народ останавливал на улице каждого, имевшего привычку говорить по-французски, подозревая в шпионстве всякого. Князь Тюфякин, стоя в соборе, увидел своего приятеля и заговорил с ним по-французски. Вблизи стоявшие молеельщики обратили на это внимание, стали перешептываться, переглядываться и тесниться к разговаривающим. Кто-то дал знать квартальному; тот, пробившись сквозь толпу, учтиво попросил князя последовать за ним к главнокомандующему генералу Вязьмитинову. Князь сперва обиделся и не хотел идти, но угрозы и шум толпы заставили повиноваться, и князь, сопровождаемый толпою в несколько сот человек, последовал в Большую Морскую в дом генерал-губернатора. Толпа по дороге все возрастала; все твердили, что поймали важного шпиона. Расположение толпы было самое враждебное, и без конвоя полиции дело кончилось бы весьма печально. Генерал Вязьмитинов князя выпу-

стил из других ворот дома, а к толпе выслал полицеймейстера Чихачева, с объяснением, что приведенный человек был вовсе не шпион, а русский природный князь.

В 1816 году князь Тюфякин остался единственным главным директором. Он возвысил все цены на места в театрах (кроме райка) и кресла с 2 рублей 50 копеек вдруг увеличил до 5 рублей ассигнациями. Сначала публика начала роптать, и кресла часто бывали пусты, но мало-помалу все привыкли к такой надбавке.

В 1817 году при князе Тюфякине был открыт возобновленный архитектором Модюи Большой театр.

В этом же году был выписан знаменитый хореограф Дидло, отец самого блистательного периода существования нашей балетной труппы. С ним были приглашены танцоры Антонен, получавший 25 000 рублей жалованья ежегодно, и потом Веланж, которому платили по 20 000 рублей в год.

Около этого же времени русский театр понес крупную потерю. Князь Шаховской, по личным неудовольствиям с князем Тюфякиным, вышел в отставку. На место его сперва

был назначен переводчик «Весталки», действительный статский советник Волков, но он пробыл несколько месяцев, после него занял его место известный тогда московский литератор Ф. Ф. Кокошкин, который по любви к театральному искусству принес немалую пользу театру, служа на этой должности.

Князь Тюфякин провел последние годы своей жизни в Париже. Когда русским приказано было выехать из Парижа, Поццо-ди-Борго исходатайствовал у императора Николая позволение ему остаться в нем по причине болезни. Князь Тюфякин был очень плохого здоровья. Верон, французский писатель и содержатель парижской оперы, рассказывает в своих записках, что он посетил Тюфякина в день смерти его. Князь очень страдал и страданиями был ослаблен. Завидя Верона, он с трудом выговорил: «А Плонкет (известная танцовщица) танцует ли сегодня?» Вот автонадгробное слово, которое произнес себе бывший директор императорских театров.

После князя Тюфякина назначен был директором Аполлон Александрович Майков.

Отставка князя Тюфякина произошла

вследствие доноса на него за весьма небрежное содержание Театрального училища.

Назначенные для осмотра князь Волконский и граф Милорадович нашли, что в училище царствовал величайший беспорядок: простыни и одеяла были грязные, старые, в заплатках, белье на детях тоже; комнаты нечищены, не метены; везде пыль, грязь и духота; обед детей самый бедный, провизии недостаточно на сто человек; одним словом, все было найдено в самом дурном виде, результатом чего и было увольнение князя Тюфякина.

Под управлением Майкова положение артиста было крайне незавидное. Произвол царил над их личностью безгранично. Князь Вяземский в своих записках рассказывает про этого Майкова, когда он еще был московским директором театров: «Нас забавляло смотреть, как некоторые из актеров на сцене, в самом пылу действия или любовного объяснения, одним глазом ни на минуту не смигнут с директорской ложи, чтобы видеть, доволен ли их игрою директор Майков».

Майков, будучи директором петербургских театров, чуть не загубил вконец известного

трагика В. А. Каратыгина за то только, что он в его присутствии, в театральной зале, позволил себе прислониться к столу. Трагик был посажен в Петропавловскую крепость. Грозили отдать в солдаты, и только мольбы и слезы матери у ног графа Милорадовича, тогдашнего генерал-губернатора, спасли участь артиста.

При Майкове же был выслан из столицы известный театрал и литератор Катенин за то, что он осмелился шикать в театре бездарной молодой актрисе Семеновой. При нем же пострадал другой молодой литератор хорошей фамилии, имевший неосторожность напечатать свой водевиль, на заглавном листе которого была представлена сцена из пьесы, где книгопродавец кланяется автору; с намерением или случайно, автор был похож на князя Шаховского, друга директора, а книгопродавец – на господина Майкова, а потому, по жалобе Майкова, всемогущий тогда граф Милорадович отправил автора под арест.

Также один из зрителей вздумал однажды в театре шикать Ежовой (актрисе, которая долгое время пользовалась покровитель-

ством князя Шаховского), и так как оказалось, что шикавший – иностранный подданный, то граф Милорадович, тоже по просьбе Майкова, выслал его за границу...

Про князя Шаховского, этого театрального заправителя в начале нынешнего столетия, ходила в публике следующая эпиграмма, сочиненная одним из арзамасцев:

*Он злой Карамзина гонитель,
Гроза баллад,
Он маленьких ежей родитель,
И им не рад.*

Майков жил, по приезде в Петербург из Москвы, в двух уборных в Большом театре, в одной из которых была сделана канцелярия, а в другой – спальная и приемная комната начальника. Парадные же обеды и завтраки этот директор давал у танцовщицы Азаревичевой, с которой был в дружеских отношениях.

На руках этого директора скончался известный герой, граф Милорадович, рыцарь без страха и упрека, бывший во всю свою военную жизнь более двухсот раз в огне, не получив ни одной раны, и павший от руки

убийцы на Сенатской площади в роковой день 14 декабря.

В этот день граф завтракал у Азаревичевой, откуда был вызван на площадь, где и был смертельно ранен пулею, которую в тот же вечер показывал Майкову, говоря: «Вот что после твоего сытного завтрака не могу переварить».

Умирая, граф Милорадович успел написать к государю две строчки, ходатайствуя Майкову о пенсии, которая вскоре и последовала вместе с отставкой.

После Майкова был назначен статский советник Остолопов, вскоре же после назначения умерший.

На место его поступил князь П. С. Гагарин; он также управлял театром очень недолго, кончив жизнь весьма печально, в припадке белой горячки.

На место последнего был назначен брат его, князь Сергей Сергеевич Гагарин. Выбор был самый удачный, и дела театра пошли с той минуты блистательно. В его управление стали платить аккуратно артистам жалованье и подрядчикам деньги за поставки;

прежде него по несколько месяцев ни те ни другие ничего не получали.

В то время рассказывали следующий анекдот: танцор Дембровский всякий день ходил к управляющему конторою Гемниху просить жалованье, и тот все отвечал: «Зайдите завтра». Однажды, придя в контору и отворив дверь в присутствие, он заглянул туда и спросил только: «Прикажете завтра прийти?»

Князь Гагарин был человек в высшей степени добрый, благородный и приветливый, хотя имел наружность довольно гордую и даже суровую. Но под этою наружною корою скрывалось самое доброе и великодушное сердце. Всем он делал добро, зла – никому и никогда. Беспристрастие его в делах службы было образцовое. Не выходя ни копейкою из предписанного штата, князь Гагарин не мог с небольшими средствами заплатить старых долгов дирекции. Он просил прибавки к содержанию театров и не получил ее. Три года боролся он с этим трудным положением. В его время управления ужасный год первой холеры посетил столицу и заставил закрыть театры на несколько месяцев. Наконец, в 1833

году, он просил опять прибавку артистам; просьба его не была исполнена, и он подал в отставку.

На место его был назначен прибывший из Москвы церемониймейстер, действительный статский советник Александр Михайлович Геденов, деятельность которого еще в памяти у многих и до сих пор служащих при театре.

Цыганское хоровое пение стало входить у нас в моду во времена Екатерины II; первые цыгане-певцы выписаны были чесменским героем, графом А. Г. Орловым, из Молдавии. Молдавия считается колыбелью этого кочующего племени; многие историки предполагают, что цыгане переселились сюда из Индии в 1417 году, во время Александра Доброго. Толпы цыган из Молдавии распространились по Валахии, Трансильвании, Венгрии и шли далее по Европе. Цыгане приписывали себе египетское происхождение, и потому венгерцы называли их «фараоновым отродьем». В разных странах цыган называют различно. Французы зовут их Bohemiens, англичане – Gypsies, испанцы – Gitanos, голландцы –

Heudens (идолопоклонники), датчане и шведы – татарами; но, за исключением этих названий, другие народы называют их одним именем, с небольшой разницей: так, русские зовут цыганами, турки – чингене, персияне – цингарами; в Германии называют Zigeuner, молдаване – Cigani, поляки – Zigani и т. д. Несомненно, что все эти названия имеют одну этимологию, изменяясь лишь по местному произношению слова «цинкали», как иногда именуют себя испанские цыгане. Сами себя цыгане обычно называют «романи»; слово это по-санскритски значит «мужья»; некоторые называют себя «романичель» (сын жены) и «ром» (т. е. люди); у московских цыган употребительно также слово «чавалы»; последнее значит в переводе «ребята». Кочующие цыгане в религии крайне шатки; они соотносятся с верой и обрядами не только страны, но даже города и деревни, где поселились; цыгане нередко крестят одного и того же ребенка в десяти местах; часто и двадцатилетние цыгане принимают снова крещение. Цыгане верят в переселение душ и утверждают, как буддисты, что их души, переходя из одно-

го тела в другое, приобретают такую чистоту, после которой могут наслаждаться совершенным спокойствием. Не зная религии, они не знают и брачных союзов; у них нет законного обряда свадьбы. Четырнадцатилетний мальчик берет первую попавшуюся ему девушку, даже из родных, и женится на ней. При этом случае новобрачные разбивают кувшин, как было у Гренгуара и Эсмеральды, и брак совершен. Цыгане легко переносят голод и стужу; нередко их шатры можно встретить раскинутые на снегу. До шестнадцатого года в Молдавии цыган ходит почти голый. Существует следующий анекдот: во время холодной зимы нагой цыганенок жаловался, что ему очень холодно. «На, дитяtko, – отвечала ему мать, – веревку, опояшься ею, тебе будет теплее».

Цыганское племя принадлежит, конечно, к красивейшим племенам, и между детьми часто встречаются лица почти кисти Мурильо; но цыган, насколько он красив в молодых летах, настолько ужасен под старость. Между цыганами есть немало и уродов. Это случается оттого, что супруги при ссоре дерутся детьми; отец берет малютку и бьет им жену, а

жена хватает другого ребенка и отражает им удары. Цыгане, живущие в Москве и Петербурге, представляют отдельное, исключительное явление в цыганском мире, они давно уже приобрели себе место в гражданском обществе: это уже не бродяги, не отчужденные люди, неспособные понимать удобства оседлой жизни.

Современные физиологи уверяют, что потребность к бродяжничеству у них является вследствие большого малокровия всей цыганской расы. Цыгане не могут жить вне своих семейств, хотя бы их осыпали золотом. Старый кочевой цыган бросит все житейские удобства и уйдет в родные палатки. Кочевая жизнь, палаточный дым необходимы цыгану, как вода необходима рыбе, воздух – птице. Даже петербургские и московские цыгане, давно отвыкшие от жизни номадов[520], и те не живут в домах каменных, а выбирают себе деревянные: там им легче дышится.

В Петербурге цыган селится на Песках, на Черной речке, в Москве живет он в Грузинах; в комнатах у него, когда вы войдете, вас поразит какая-то пустота, вы не увидите многих

необходимых вещей в домашнем быту: цыган не привык заводить хозяйство, два-три стула, стол-калека, деревянная большая кровать с множеством подушек, пуховиков, несколько грязных ребятишек в запачканных рубашках – вот и весь его домашний скарб; разные диваны, кресла цыган называет вздором, от которого делается только тесно в комнатах. Цыган всякое занятие для себя считает унизительным и потому все свое время проводит в бездействии, за исключением двух-трех дней в неделю, когда он выезжает на конную для продажи лошадей. Тут он в своей сфере, бегаёт, кричит, божится, бранится и неотвязчиво пристаёт к покупателю. В сумерки он идет домой, оттуда идет с семьей в трактир, здесь начинаются жаркие споры, крики и т. д. Через час-два семья расходится, женщины едут в загородный ресторан, где проводят время до утра, поджидая посетителей. Сам же глава семьи заваливается спать или бренчит на гитаре, лежа на кровати. Гостей слушать цыган в их трактиры в старину ездило множество. Самые постоянные из них носили кличку «гуляк»; такой гость являлся

каждый день в трактир, пил здесь донское, бросал деньги цыганкам за песни, давал и половому на водку по синенькой; кланялись ему там чуть ли не в землю, величали «сиятельством»; по обыкновению, это был гусарский корнет в отставке или просто помещик, проживающий без дела в столице, по вольности дворянства. Одет был такой гость в гусарскую венгерку, кисет с табаком висел у него за пуговицей, носил он предлинные усы и военную фуражку. Этот гость не всегда благополучно сходил с лестницы из трактира. Самый же желанный гость у цыган появлялся, как метеор, вдруг; появление последнего производило в трактире целую революцию. Гость этот был веселого звания, купеческий сын или приказчик богатого приезжего купца; иногда заезжал загулявший купец древнего благочестия, одетый в длинную сибирку[521] и в сапоги бутылками; последний посетитель денег в пьяном виде не жалел и кидал их пригоршнями, бил посуду, зеркала, делал и другие безобразия. Существовал еще разряд гостей, который являлся к ним периодически; приезжал такой гость с приятелем, смирно

садился к столу, требовал графин сотерну и полчетверки табаку. Гость этот был студент сороковых годов, тоже цыган, только литературный. Заезжал он сюда, чтобы, вдали от театрального хлама и всяких эстетических тонкостей, послушать простым, отзывчивым сердцем, под хриплое гитарное арпеджио, поразительные по певучести и по сердечности общего тона цыганские песни, в которых то звучит тоскливый разгул погибшего счастья, то слышится в ноющих звуках беспредельная женская ласка.

Цыганская мелодия прямо идет в душу, и неудивительно, что цыганка Таня доводила Пушкина своими песнями до истерических припадков, а другой поэт, Языков, лежал у ее ног. Про цыганку Таню существует рассказ, что сама знаменитая Каталани, слушая ее, плакала и раз, сняв с себя дорогую кашемировую шаль, подарила своей сопернице, сказав: «Эту шаль прислали мне, как несравненной певице, но я вижу, что она следует вам более, нежели мне».

В прошлом столетии как хороший оркестр, так и цыганский хор составляли необходи-

мую принадлежность каждого знатного вельможи. Граф А. Г. Орлов первый приказал собрать цыган для хора. Цыгане эти были приписаны к находящемуся в 20 верстах от Москвы селу Пушкину. Хор этот забавлял вельмож Екатерины и услаждал досуги светлейшего князя Потемкина, Зубова и Зорина. Первым начальником этого хора был Иван Трофимов. Впоследствии хор получил вольную, и когда настал достопамятный 1812 год, то весь наличный мужской персонал поступил в ряды гусар и улан. Старики и женщины жертвовали деньгами. Самая небольшая из пожертвованных сумм была 500 рублей ассигнациями, тогда большие деньги. Иван Трофимов известен как ревностный собиратель русских песен. В его хоре образовалась знаменитая цыганская Каталани – Стеша, которую в 1817 году нарочно ездили слушать в Москву из всех концов России. Жихарев рассказывает, что в этом хоре был цыган-плясун; немолодой, необычайной толщины, плясал он в белом кафтане с золотыми позументами. Это был мастер своего дела, чрезвычайно искусный и даже красноречивый в своих телодвижениях.

Он как будто и не плясал, а так просто, стоя на месте, пошевеливал плечами, повертывая в руках шляпу, изредка причикивая и притопывая по временам одной ногою, а между тем выходило прекрасно: ловко, живо, благородно. В другом месте своих записок Жихарев говорит, что один поручик, встретив какую-то барышню, хотел тотчас же увезти ее, но не удалось. Начальство узнало об этой проделке, и молодец был посажен под арест. На этот случай тотчас же сложили песню на голос: «Пряди, моя пряха», которую записной цыганofil Андрей Новиков ввел в моду под названием: «Верные приметы».

Все ездили слушать ее. Цыганка Степанида, что твой соловей, так и разливалась; песня начиналась:

*Ах, зачем, поручик,
Сидишь под арестом,
В горьком заключении,
Колодник беспшпанный? – и т. д.*

После 1812 года в Москве вошли в большую моду парадные обеды в трактирах с цыганами; на таких обедах за столом все блюда (а их было не менее ста) подавались в рус-

ском вкусе и все носили особый национальный отпечаток. Для полноты картины хозяйка трактира, украшенная золотыми парчовыми тканями, жемчугами и бриллиантами, помещалась во главе стола, с намалеванными, как у куклы, лицом, шеею и руками; этот способ раскрашивания тела тогда существовал еще в неприкосновенном виде с незапамятных времен. Прислуги было до 40 человек, все мужчины с бородами, в желтых, красных и пестрых рубашках, с приподнятыми рукавами; так что половина рук оставалась обнаженными. Тут же находился мальчик, который играл на органе; последний за это платил хозяину трактира несколько сот рублей, так велик был доход, получаемый им с посетителей трактира за музыку.

За такими обедами, после кофе, призывался, по обыкновению, хор цыган, одетых очень красиво; цыганки были в своих расшитых золотом шальях, пристегнутых к одному плечу, в серьгах из разных мелких золотых монет. По словам иностранцев, они плясали свои танцы с таким огнем, что напоминали пляшущие фигуры Геркуланума! Живость пляски у них

доходила до исступления, телодвижения их, сопровождаемые прерывающимися возгласами, производили такое дикое и сверхъестественное действие, что мудрено было бы вообразить их обитателями нашей сонной планеты!

После смерти Ивана Трофимова начальником цыганского хора был его племянник, Илья Осипов Соколов. По словам фельетониста сороковых годов, это был блистательный остаток цыганской веселой старины; он, семидесятилетний старик в 1847 году, еще плясал как 18-летний юноша и одушевлял своим голосом хор и публику, у него в хоре были отличные образцы и типы цыганской красоты. Примадонна его табора, Танюша, как мы уже упоминали, сводила всех с ума. Другая племянница Ильи Соколова, Аннушка, славилась как плясунья в венгерке. Илья Соколов управлял своим хором более сорока лет; он первый дал цыганским песням известные законы музыки; его песни «Хожу я по улице», «Гей вы, улане» или переделанная им русская песня «Слышишь ли, мой сердечный друг» до сих пор живут и поются цыганами. В его хоре сла-

вились также солистки; сестра его Марья Осипова пела хорошо русскую песню «Не одна ли в поле дороженька». Не менее известна была и дочь его Лиза, по прозванию *Косая*; она пела превосходно «Коровушку» и «Чоловик сие жито». О хоре Ильи Соколова находим в воспоминаниях А. Мартынова следующее. Когда в 1843 году в Москву приехал Лист, чтобы дать несколько концертов, в честь его был устроен обед в летнем помещении немецкого клуба; пели цыганы, хор Соколова; Лист приходил в восторг от их песен, после обеда снял с себя ордена, уложил их в карман и весь отдался цыганам.

Через несколько дней после данного Листу обеда назначается его концерт в Большом театре, начало объявлено в восемь часов, зала театра полным-полнехонька, ждут великого пианиста, назначенный час наступил, но Лист не показывается; вот четверть, вот половина девятого, а Листа нет и нет, публика в смущении. Еще несколько минут, и Лист быстрыми шагами входит на сцену, садится за рояль и, проиграв мотив из цыганской песни «Ты не поверишь, как ты мила», которой и

в программе не значилось, начинает импровизировать вариации. Публика, разумеется, была в восторге от этой неожиданности, затем концерт продолжался. В первом же антракте выяснилось, что Лист перед концертом заехал к цыганам и до того увлекся их пением, что позабыл о своем концерте.

На последнем его концерте в числе слушателей находился в полном составе цыганский хор Ильи Соколова, которому Лист прислал билеты.

Все ученики Ильи Соколова выходили хорошими подражателями своего наставника; из последних особенно известны были Иван Васильев и брат первого дирижера Петр Соколов, хороший исполнитель цыганских национальных песен и пляски со шляпой. У него в хоре была красавица Катя, вместе с красотой обладавшая чудным контральто; она неподражаемо пела русскую песню «Сарафанчик-расстегайчик»; в честь Кати в Москве в трактирах пошли в моду пироги расстегаи. Не менее известны были и племянники его, Матвей и Григорий Соколовы; последний любим был особенно в Москве. Пользовалась боль-

шим успехом и жена его, Марья Николаевна, певшая впоследствии у Дорота. Двоюродные братья его, Сергей и Матвей Соколовы, известны были больше в провинции, на ярмарках: в Лебедяни, Коренной, в Полтаве и Харькове; у них превосходная была певица Паша, неподражаемо исполнявшая русскую песню «Мне моркотно, молоденьке»; затем пользовались успехом еще две певицы: Аня, по прозванию *Лучек*, и Елизавета *Турчиха*. Не менее был известен в провинции и хор В. В. Шишкина; в этом хоре славились солистки Настя, Паша, Стеша и Варя. Из них вторая превосходно исполняла романс Гурилева «Тройка мчится, тройка скачет». Позднее в этом хоре были еще две певицы: Анна Терентьевна и Наташа; первая была замечательная красавица, пела превосходно малороссийскую песню «Ой, чумаче, чумаче»; вторая славилась как неподражаемая исполнительница теперь забытого романса «Полюби ты меня, не скажу я про то». У него же в хоре была превосходная плясунья Груша и еще другая, Марфуша *Татарка*. Из мужского персонала там был превосходный октавист Николай Шишкин. В пя-

тидесятых годах явился Иван Васильев, ученик Ильи Соколова; это был большой знаток своего дела, хороший музыкант и прекрасный человек, пользовавшийся дружбой многих московских литераторов, как, например, А. Н. Островского, Ап. Г. Григорьева и др. У него за беседой последний написал свое стихотворение, положенное впоследствии на музыку Ив. Васильевым. Вот слова этого ненапечатанного романса:

*Две гитары за стеной зазвенели,
заныли, —
О мотив любимый мой, старый
друг мой, ты ли?
Это ты: я узнаю ход твой в ре ми-
норе
И мелодию твою в частом пере-
боре.
Чимбиряк, чимбиряк, чимбиря-
шечки,
С голубыми вы глазами, мои ду-
шечки!..*

Сам Иван Васильев был хороший баритон, его романсы в то время имели большой успех и распевались всеми; вот некоторые его композиции: «Дружбы нежное волненье», «Тебя

ль забыть» и другие.

В хоре Васильева славилась сестра его, Любовь Васильева, певшая превосходно русскую песню «Я вечер своего дружка» и романс «Густолиственных кленов аллея». У Ивана Васильева особенно процветали квартетное пение и трио; первое *сopra*но пела жена Аграфена, второе – Маша, по прозвищу *Козлик*; последняя исполняла особенно хорошо вместе с Грушей песенку «Ох болит» на переключку и русскую песню «Не будите меня, молодую». Такой улыбки и мимики, говорят старые цыгане, как у Груши, теперь и не встретишь. Маша известна была более как «вторка». В цыганском трио был хорош тенор Михайло, брат Груши, певец, богатый умением фразировать каждое слово.

Весь персонал хора, как женский, так и мужской, у Ивана Васильева был вполне прекрасен; особенно выдавались у него старухи: Матрена Сергеевна, необыкновенно лихо исполнявшая с хором песню «В темном лесе»; весьма красиво у нее выходила при паузах трель. Она же не менее типично плясала, скинув шапочку, мазурку «Улане, улане», и дела-

ла с легкостью девчонки во время пения вихрем «круг». За ней стояла еще другая плясунья, старуха Алена, хромая, по прозванию *Бурбук*; она обладала превосходным хоровым голосом, лицом была очень некрасива, но типична, и особенно смешила всех широкою усмешкою своего большого и некрасивого рта. Из мужского персонала в этом хоре был превосходный тенор, красавец цыганского типа, Петр Алексеев, по прозванию *Бирка*, он пел превосходно песню Бантышева «Молодость» и мн. др. Славился также у него октавист, по прозванию *Скипидар*, горчайший пьяница, и другой тоже октавист, брат Ивана Васильева, Николай, цыган-красавец, по прозвищу *Хапило*. В 1860 году, во второй приезд Ивана Васильева в Петербург к Излеру, у него появилась превосходная певица (контральто) Маня, певшая с большим успехом романс Ивана Васильева «Я, цыганка, быть княгиней не хочу». Это solo, с аккомпанементом хора, как говорят сами цыгане, теперь невозможно; затем очень нравились публике петые ею романс «Его уж нет» и трио «Собирайтесь, девки красны»; в это время в хоре выступила певи-

ца Матрена, голос mezzo soprano.

В этих же годах пел в Петербурге другой хор московских цыган Петра Соколова, брата знаменитого Ильи. Этот хор славился «венгерской» и удалой цыганской пляской; особенно был превосходен плясун Егор, исполнявший с женой своей дикую молдаванскую цыганскую пляску с саблей. Из певиц у Соколова известны были soprano Саша и Варя. Последняя особенно прекрасно пела песню «Травушка» и романс «Не хочу я, не хочу»; Саша исполняла хорошо деревенскую песню «Лен, ты, мой лен». Из мужчин у него был знаменитый крамбамбулист Иван Пугаев, его «Тужур фидель и сансуси» вызывал целую бурю рукоплесканий.

В конце шестидесятых годов и в начале семидесятых выдающихся хоров и певиц не было, хотя и существовали хоры Григория Соколова, в Москве же славилась те же старинные певицы Маня и Александра Ивановна; еще отличалась осмысленной фразировкой и выразительной мимикой Марья Николаевна Пузина. В конце семидесятых годов в Петербург явилась Паша, с замечательным контральто,

при типичной цыганской красоте; пение ее отличалось весьма своеобразной щеголеватостью фразировки. Эта певица пела в хоре известного цыганского композитора Родиона Аркадьевича Калабина, в «Ташкенте». Она вскоре сошла со сцены, выйдя замуж за помещика. За последние годы хороших цыганских хоров не было, и если и появлялись какие, то, по цыганскому выражению, «без картин», т. е. без красавиц-цыганок.

В наше время в Петербурге получил большую известность хор молодого, но опытного дирижера Н. И. Шишкина. В его хоре пользовался громадным успехом тенор Димитрий, прозванный цыганским Рубини. В женском персонале выделяется сестра Димитрия, Ольга Андреевна, затем Маня, по прозвищу *Цыпочка*, и молодая певица Леночка, исполняющая необыкновенно своеобразно, с гибкими переливами молодого свежего голоса, очень грациозную по мелодии венгерку «Соцо Гриша», и затем другой еще романс – «Очи черные»; в хоре Н. И. Шишкина также пользуются большим успехом Ольга Петровна, по прозвищу *Лётка*, и еще другая певица, Алек-

сандра Васильевна Хлебникова, с весьма сильным контральто. Сам Н. И. Шишкин известен также как виртуоз на гитаре.

В Москве поют за последнее время два хора цыган: Николая Хлебникова и Федора Соколова; у первого известны певицы Паша *Ратничиха*, Саша *Ветерочек* и Ольга Дмитриевна *Разорва*; первая превосходно исполняет песню «Вьюшки», вторая – песню «Попляши, Настенька, попляши, милая моя», и третья – «Доля моя»; в этом хоре превосходен плясун Алексей. В хоре Соколова хороши певицы Сергеевна и Феша, а затем *Малярка*, превосходная вторка.

Публика на выставке «сельских произведений». Литография из журнала «Всемирная иллюстрация». 1852. Фрагмент

Глава XVIII

Общественные увеселения; дешевая жизнь в Петербурге, дешевизна жизненных припасов; привоз на биржу гастрономических товаров; привоз гуввернанток. – Увеселительные сады. – Гулянья на островах Елагином и Крестовском и на Черной речке. – Петергофская дорога, Шлиссельбургский тракт, сады откупщиков, кулачные бои, азартная игра в карты, шулера. – Концерты и музыкальные собрания, клубы, публичные балы и маскарады. – Балы, танцы, вечера вельмож-меценатов; оргии купцов. – Гостиницы, ледяные горы и качели на Масленице, число гуляющих и экипажей; моды и модники прежнего времени. – Сатиры на моды, непомерная роскошь, указ, как должно ездить всякому, гонение на моду при Павле I, франты и франтихи.

В начале текущего столетия и в конце прошедшего наши публичные увеселения кипели жизнью и не были так бесцветны и вялы, как теперь; правда, и жизнь в Петербурге в то время была баснословно дешевая. Первый, например, в столице дом графа Шереметева, на Фонтанке, отдавался внаймы за 4000 рублей. Лучшая квартира в 8–10 комнат на лучшей улице стоила не дороже 20 рублей в месяц; фунт говядины стоил 1½–2 копейки, полтеленка – 1 рубль, курица – 5 копеек, десяток яиц – 2 копейки, пуд масла коровьего – 2

рубля, пуд свечей сальных – 2 рубля, овса четверть – 80 копеек, пуд сена – 3 копейки, дров березовых сажень – 70 копеек, хлеб белый в полфунта – 2 копейки, бутылка шампанского вина – 1½ рубля, портера английского – 25 копеек, пива – 2 копейки, десяток апельсинов – 25 копеек, лимонов – 3 копейки. По цене высоко стоял только один сахар, и то оттого, что был заграничный: цена рафинада была за фунт 2–3 рубля. Особенно высока цена была после 1812 года, в это время во многих домах подавали самый последний сорт сахара, называвшийся «лумп»; он был неочищенный, желто-соломенного цвета; лучшего сорта сахар назывался «мелюс», а второй сорт носил имя полурафинада. Наемная карета с четверкою лошадей в месяц стоила 60 рублей. За обед в первом трактире с пивом платили у Френцеля на Невском, рядом с домом графа Строганова, и в трактире «Мыс Доброй Надежды», на Большой Морской, 30 копеек. За 2 рубля можно было иметь самый гастрономический обед с десертом и вином в Демутовом трактире у Юге. У Фельета в маскараде платили за жареного рябчика 30 копеек, за бутылку

красного бордоского вина – ту же цену. Ранней весной любимейшим местом гулянья всего фешенебельного Петербурга был Невский проспект и Адмиралтейский бульвар; также и Биржа в это время года делалась всеобщим сходбищем; открытие навигации и прибытие первого иностранного корабля составляли эпоху в жизни петербуржца.

Биржевая набережная и лавки тогда превращались в целые импровизированные померанцевые и лимонные рощи, с роскошными пальмовыми, фиговыми и вишневыми деревьями в полном цвете. Рощи эти населяли златокрылые и сладкогласные пернатые экзотических стран; ботаник, лошадиный, птичий и собачий охотники, каждый здесь находил себе богатую пищу.

Привезенные на кораблях английские буцефалы[522] в виду многочисленной публики выгружались и поднимались на блоках в деревянных ящиках и моментально обступались знатоками-покупателями.

В лавках за накрытыми столиками пресыщались гастрономы устрицами, только что привезенными с отмелей в десять дней из-

вестным в то время голландским рыбаком на маленьком ботике в сообществе одного юнга и большой собаки.

Коренастый голландец, в чистой кожаной куртке и в белом фартуке, с простым обломком ножа в руках, спешил удовлетворить желание своих многочисленных гостей, быстро вскрывая на тарелках своих жирных затворниц. Молодой юнга сновал между столами с подносом, уставленным стаканами со свежим пенящимся английским портером.

Специалисты по части прекрасного пола любовались хорошенькими розовыми личиками в соломенных шляпках, пугливо выглядывающими из маленьких окошечек трехмачтового корабля. Груз этот предназначался в лучшие барские дома и состоял из немок, швейцарок, англичанок, француженок, на известные должности гувернанток, нянек, бонн и т. д. Интересные пленницы ждали своих будущих хозяев и полицейского чиновника для прописки паспортов.

Первый общественный увеселительный сад открылся весной в 1793 году на Мойке (теперь Демидовский дом трудящихся); учредил

его поддиректор императорских театров барон Ванжура; увеселительный сад именовался «Вокзал в Нарышкиновом саду».

Здесь каждую среду и в воскресенье давались праздники, балы, танцевальные вечера и маскарады с платою по рублю с персоны. Увеселения начинались с 8 часов вечера; посетители могли приходиться в масках и без маски. В зале, предназначенной для танцев, играло два оркестра музыки: роговой и бальный. На открытом театре давали пантомимы и сожигали потешные огни. Иногда здесь шли и большие представления, как, например, «Капитана Кука сошествие на остров с сражением, поставленным фехтмейстером Мире», или «Новый год индейцев», народные пляски и т. д. При этих представлениях публика платила 2 рубля.

Здесь показывали свое искусство, как глаasila афиша того времени, и путешествующие актеры, и мастера разных физических, механических и других искусств, музыканты горлые, на органах и лютне, искусники разных телодвижений, прыгуны, сильные люди, великаны, мастера верховой езды, люди со

львами и другими редкими зверьми, искусными лошадьми, художники искусственных потешных огней и т. д.

Нарышкинский вокзал не просуществовал долго, скоро он закрылся, хотя его артисты, по словам современников, имели вначале великий успех. Вообще летних частных увеселительных садов в начале нынешнего столетия было гораздо больше, чем теперь. Первым в ряду их бесспорно стоял императорский Летний сад, затем другой в Литейной части, под названием Итальянский.

В этих садах в праздничные и воскресные дни играла императорская роговая музыка.

Был также в городе «Вольфов сад» при оспопрививательном доме, потом славился еще «Фридериксов» при ситцевой фабрике. Затем известны были загородные сады: Аптекарский, или Ботанический, и еще графа К. Гр. Разумовского на Крестовском острове; в этом саду, у каменного охотничьего замка, для увеселения публики закидывалась тоня для ловли рыбы; тут же находился трактир, где угощали прохожих напитками и кушаньями. Каменный остров со своими тенистыми аллея-

ми был также один из любимейших народных садов; где теперь стоит летний дворец великой княгини Екатерины Михайловны, в то время был разведен графом Бестужевым-Рюминым прелестный увеселительный сад в голландском вкусе, с каналами, выложенными известковым камнем, с беседками для охотников, с увеселительными тонями и другими барскими затеями.

На Елагином острове, или, как его прежде называли, на Мельгуновом острове, публика тоже пользовалась самым широким гостеприимством от владельца, гофмаршала И. П. Елагина.

Здесь строго было приказано дворецкому угощать всех желающих обедом и ужином.

В праздничные дни в саду играла музыка, кривлялись паяцы и пускались увеселительные потешные огни.

В Выборгской части существовали сады графа Ал. Сер. Строганова и графа А. А. Безбородко.

В Строгановском саду в праздничные дни происходили танцы на открытом воздухе; раскинуты были палатки, где угощали также

даром вином и яствами.

Существовал также увеселительный сад на острове Круглом, перед самым главным устьем Невы, напротив Подзорного дворца. Здесь, впрочем, бралась плата за вход с чело- века по 25 копеек, а за все лето по 2 рубля с полтиной.

Любимыми удовольствиями петербуржцев считались также прогулки по Неве в шлюпках и больших лодках, в 3, 4, 6, 10 пар весел, с ловкими гребцами, одетыми в голландские куртки. В летние ночи такие шлюпки были видны ежеминутно, с гребцами, распеваящими песни и играющими на рожках.

Шлюпки эти содержались присутственными местами для переезда через Неву, когда не было мостов.

В «Красном кабачке», в «Желтеньком», в Екатерингофе происходили настоящие оргии. На катерах с музыкою и песенниками, на тройках, на лихих рысаках туда съезжалась публика. Заехав же в трактир, спрашивали шампанское не бутылками, а целыми ящиками. Вместо чаю пили пунш. Цыгане, крик, шум и мертвая чаша! В старину все это счита-

лось молодецкою забавою.

На Петергофской дороге существовал великолепный сад А. Л. Нарышкина у Красной мызы, простиравшийся чуть ли не на 7 верст, тоже доступный для публики. Здесь даже была выставлена при входе доска с надписью: «Приглашаем всех городских жителей воспользоваться свежим воздухом и прогулкою в саду, для рассыпания мыслей и соблюдения здоровья».

По Шлиссельбургскому тракту были загородные великолепные сады со свободным входом для всех: князя Вяземского, Зиновьева, Апраксина, Потемкина, Шереметева и многих других.

Для дальних прогулок существовали уже в полной царственной красе императорские и великокняжеские дворцы и сады: Петергоф, Ораниенбаум, Гатчина, Царское Село, Павловск и прочие.

Некоторые откупщики и богатые люди давали праздники в своих садах, ничуть не отличавшиеся от царских праздников. Так, в 1820-х годах недалеко от Большого Охтенского перевоза жил богач Ганин, известный сво-

ими лукулловскими праздниками, своим садом и затеями. Он нередко устраивал праздники в своем саду, стоившие ему не менее 5000 рублей. По приказу его, как по волшебству, созидались из зелени и цветов в саду множество храмов, беседок, роскошно иллюминированных разноцветными фонарями и венецианскими люстрами.

В каждой из этих беседок для гостей был сервирован роскошный ужин. Вся крепостная прислуга этого барина при таких случаях была закостюмирована: женщины – нимфами, наядами, сильфидами, мужчины – гениями и силенами, дети – амурами. Сильфиды прислуживали у стола, наяды разливали вина, фавны носили кубки и блюда с яствами. Сатиры и нимфы с амурами в это время кружились в веселых плясках. Музыка, песни, бенгальские огни придавали всему этому вид полного очарования.

Нередко, впрочем, природа омрачала эти пиршества на открытом воздухе. Небо покрывалось тучами, гром заглушал музыку, а сильный дождь разводил вино. Картина общей внезапной сумятицы выходила пресмешная.

Стихия тешилась, и непризнанные боги и богини промокали до костей, у сильфид ветер срывал туники, амуры теряли башмаки, нимфы вязли в грязи, а бедным фавнам и сатирам нечем было даже промочить горло.

В старину наши баре, давая такие роскошные праздники, часто не думали о расплате за них, а давали их прямо в кредит.

Гулянье Первого мая обычно праздновалось в Екатерингофе; в этот день в роще разбивались нарядные палатки и устраивались кавалькады. Сколько народу, сколько разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, песен, плясок и проч. было там.

Богатые вельможи делали свои палатки из турецких дорогих шалей, в палатках на столах стояла роскошная трапеза, рядом помещались оркестры дворовых музыкантов. Сколько щегольских модных карет и древних прапрадедовских колымаг и рыдванов, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасных коней и тощих старых кляч, прелестнейших кавалькад и прежалких всадников можно было встретить там. Всюду азиатская роскошь. Впрочем, местами проглядывала и

непокрытая голь и нищета. Нередко из-за богатой палатки виднелся чуть-чуть прикрытый рогожей и тряпками шалаш с единственным украшением: дымящимся самоваром и простым пастушеским рожком для аккомпанеента поющих и пляшущих поклонников алкоголя.

Вельможи, приезжая сюда со свитой в несколько десятков человек, пировали по три и по четыре дня; перед их палатками плясали и пели песенники-цыгане в белых кафтанах с золотыми позументами. Здесь же на потеху народу завязывался кулачный бой, в который вступая, по русскому обычаю, соперники троекратно целовались и обнимались. Победителем на таких боях долго славился целовальник[523] Гордей.

Кулачные бои происходили также каждое воскресенье на Неве, в Великом посту; боролись и дрались охтяне с фабричными Стеклянного и Фарфорового заводов.

Что же касается боев на зеленом поле, то в старину они в Петербурге процветали. Петербургские старожилы, вероятно, еще помнят, как на одной из главных, самых многолюд-

ных улиц, в двух угловых, стоявших один против другого и ярко освещенных домах, почти каждый вечер кипела очень сильная, азартная игра и манила проезжающих по улице то направо, то налево.

Лет семьдесят тому назад один из содержателей таких домов выстроил себе в Петербурге великолепный дом, окруженный садом (дом этот принадлежит теперь одному из наших богатых князей). В его кабинете, между разными картинами, висела золотая рамка со вставленной в нее пятеркой, в знак признательности, что она рутировала[524] ему в штос, который он когда-то метал на какой-то ярмарке и выиграл миллион рублей.

В старину было немало бар, принадлежавших к высшему кругу общества, с которыми даже в коммерческие игры садились играть не иначе как с условием, чтобы они никогда не тасовали и не сдавали карт, и они покорялись этому требованию с величайшим хладнокровием.

Концерты и музыкальные вечера в Петербурге начались в 1772 году; в этом году был учрежден первый музыкальный клуб из 300

членов, вносявших каждый по 10 рублей в год на содержание оркестра. По два раза в неделю назначались в клубе музыкальные вечера, стечение публики на них было многочисленное.

Каждую зиму также составлялось одно английское и одно немецкое купеческое общество для балов; последние давались в доме Нарышкина, у барона Ванжура (теперь дом Демидова, на Мойке).

Публичные балы и маскарады в начале нынешнего столетия славились у Фельета. Здесь высшее петербургское общество освобождалось от оков этикета и вполне предавалось веселости и даже шалости, конечно не выходя из пределов приличия.

В начале двадцатых годов славились придворные маскарады в Зимнем дворце. Более 30 000 билетов раздавалось желающим быть на этом маскараде, которому не было подобного по разнообразию костюмов и многочисленности посетителей.

С восьми часов вечера бесконечный ряд великолепных комнат дворца открывался и в какой-нибудь час наполнялся пестрой тол-

пою купцов и лавочников, с окладистыми бородами, в длиннополых сибирках и в круглых шляпах, с женами их и дочерями, в парчовых и шелковых платьях, в алмазах и жемчугах.

Грузины, черкесы, армяне, татары в национальных костюмах, офицеры, иностранное посольство в парадной одежде и присутствие монарха с высочайшею фамилиею и двором делало этот маскарад вполне торжественным. Государь являлся всегда приветливым хозяином и удостоивал некоторых посетителей разговором и вниманием.

Во время маскарада раздавался желающим чай, мед, разные лакомства и закуски. В маскарадах царствовал необыкновенный порядок, сохранялся он без содействия полиции, которая сюда не допускалась.

Особенно многолюден был маскарад накануне Нового года; в этот вечер весь двор являлся одетый в домино и совершал процессию через все покои дворца, затем двор ужинал в Эрмитаже. Народу во дворце собиралось несколько тысяч, в том числе немало бараньих тулупов. И над всей этой многотысячной массой высилась высокая фигура импера-

тора Николая в треугольной шляпе с развевающимися перьями.

Также блестящие маскарады давались и в Дворянском собрании, и в Большом театре; особенно на Масленице и также раннею весною ежегодно так называемый маскарад с лотереей-томбола[525].

На этом маскараде в час ночи, на особой эстраде, при звуках труб, разыгрывали разные галантерейные вещи. Этим маскарадом оканчивались бальные и маскарадные собрания петербургской публики до осени.

При императоре Александре I было в обыкновении спрашивать имя того, кто первый входил в маскарад, и у последнего, кто его покидал; имена этих господ на другое утро докладывали императору. По поводу этого обыкновения вышел следующий курьезный случай. Один начальник отделения военного министерства, состоявшего под управлением графа Аракчеева, никогда еще не бывал ни в маскараде, ни в театре; всю жизнь он ложился спать в 10 часов вечера и вставал вместе с курами. Сестра его жены приезжает из провинции в Петербург, и обе дамы просят, что-

бы старик ехал с ними на маскарад. На свое несчастье и он соглашается; он не знал, что такое выходить из дому или возвращаться в 11 часов. В огромном нижнем этаже дворца, в проходных комнатах, есть маленькие, неосвещенные кабинетцы, снабженные креслами. Этот господин юркнул в один из таких, сказав своим дамам, чтобы они следовали за толпой, совершали бы свой маскарадный обход и потом пришли за ним. Но этого им не удалось сделать, кабинетцев множество, давка страшная. Дамы в отчаянии отправляются домой одни, старика же утром будят полотеры. Проходит год; Аракчеев делает представление к наградам. Его лучший работник, наш начальник отделения, тоже не забыт. Представление государь утверждает, вычеркивая одного начальника отделения. Аракчеев решается замолвить за него слово, но государь прерывает его: «Вы ничего не знаете; этот чиновник посещает все маскарады; он первый появляется и последний уезжает – это уже не работник!» Никакие доводы не подействовали: старику пришлось выйти в отставку. Он только и покидал свою квартиру, чтобы идти

в канцелярию, где и был первым и последним.

Балы богатых вельмож представляли следующую картину. Зал освещался множеством восковых свеч, горевших в хрустальных люстрах и медных стенных подсвечниках. По двум сторонам залы, у стен, стояло множество раскрытых ломберных столов, на которых лежало по две колоды нераспечатанных карт. Музыканты размещались у передней стены, на длинных, установленных амфитеатром скамейках: когда гостей съезжалось довольно, то музыка открывала бал польским, при торжественных случаях с аккомпанементом хора певчих. Протанцевав минут пять, знатнейшие пожилые особы садились за карты, а вместо них начинали отличаться молодые. Употребительнейшие танцы в то время были: полонез, а-ла-грек, английский променад, альман, хлопушка, уточка, экосезы, мазурка, котильон, матрадуры, галопад, менуэты *en deux* и *en quatre*. Во всех этих танцах соблюдали все правила, выделявая каждое па самым добросовестным образом. Известные до этого времени стройные круги хорово-

дов, веселые плетни, метелицы, буйные трепаки, казачки, камаринские танцевались только уже в провинции.

Во время танцев старики и старушки за карточными столами потешались в вист три-три, рокамболь, макао, рест, квинтич, басест, шнип-шнап-шнур, кучки, а-ла-муш, юрдон (самая азартная игра, от которой произошло известное выражение «проюрдонился»), тен-тере, панфил, ерошки или хрюшки, никитишны и т. д.

Вельможи века Екатерины щеголяли роскошью своих балов. Но и семейные вечера наших бар, даваемые запросто, отличались торжественностью и великолепием; про графа А. Г. Орлова рассказывают его современники, что он еженедельно давал вечера, на которые съезжались все званые и незваные. Сам могучий хозяин встречал гостей, сидя в передней гостиной вместе с некоторыми почетными лицами, распивая чай и другие напитки. Здесь все были веселы, громко смеялись и рассказывали друг другу новости.

На таких вечерах в десятом часу накрывался ужин кувертов на 200. На одном столе

ставился сервиз серебряный, на другом – из саксонского фарфора; за первым столом служила прислуга все старая, в седилах, за вторым – суетились молодые официанты. Подавали аршинные стерляди, судаки из собственных прудов; спаржу толщиной чуть ли не в добрую дубину, из своих огородов; телятину белую как снег, выхоленную в люльках на своем же скотном дворе. Персики и ананасы были также из своих оранжерей; даже вкусное вино из ягод, вроде шампанского, было домашнего приготовления. Хозяин почти никогда не садился за стол, а только заботился о гостях. После ужина, который обыкновенно кончался в одиннадцатом часу, по знаку хозяина музыканты играли русскую песню «Я по цветикам ходила», под звуки которой дочь графа, разодетая в богатейший русский сарафан, плясала по-русски. Гости тоже усердно за ней пускались в пляс. В половине второго танцы прерывались, и хозяин возглашал: «Пора по домам!» – музыка умолкала, и всякий торопился убраться домой, ранее поблагодарив радушного хозяина, который коротко знакомых обнимал, других дружески трепал

по плечу, у дам целовал ручки и всем говорил не иначе как «ты». При разъезде почти вся улица была запружена экипажами. Кучерам раздавали по калачу и разносили по стакану пенника.

Особенно роскошны выходили разные празднества и домашние спектакли у известного петербургского богача Всеволода Андреевича Всеволожского, даваемые им на своей мызе Рябово. Имение этого креса стоило ему многих миллионов рублей. К сожалению, следы бывшего великолепия и былой роскоши этого барича теперь уже не существуют. Изящный дворец, с оранжереями, густыми подстриженными французскими ленотровскими [526] аллеями, с каналами, водоемами и прочими затеями, обвалился, зарос и продан по частям. Барский дом этого магната состоял из 160 комнат, расположенных в двух этажах. В Рябово съезжалось из Петербурга ко дню именин хозяина 24 октября более 500 человек гостей. Для всех гостей устроены были особые помещения, причем были приняты меры, чтобы привычки и обычаи каждого гостя и гости не встретили ни малейшего стесне-

ния; празднование длилось трое суток. В рябовском манеже давались костюмированные турниры, карусели, на которые выезжали рыцари в латах. Обеды этого креза славились на всю Россию. Разварные осетры, полученные по почте с Урала, подавались целиком в паровом котле; последний, обернутый массой салфеток, подавали четверо дюжих кухонных мужиков, одетых в белых как снег русских рубахах. На театре играли крепостные актеры и актрисы Всеволожского, составлявшие у него довольно многочисленную труппу. Эта же рябовская труппа вместе с тем исполняла и обязанности хора певчих в домашней церкви и отчасти музыкантов во время балов. В заключение спектакля становился особенный пролог, который разыгрывали родственники и близкие знакомые хозяина. За прологом следовало представление в лицах, также гостями, различных шарад, загадок, каламбуров, логогрифов, омонимов, анаграмм и т. д. Во время ужина в столовую то и дело являлись различные персонажи в костюмах, один другого забавнее и замысловатее. Шатался около столов какой-то господин с красным носом, в

шутовском наряде; он был украшен надписью «Gastronome ambulant»[527]. Этот гастроном преловко допивал недопитые рюмки у гостей, доедал объедки и т. д. Несколько старых французских эмигрантов в шитых шелковых и глазетовых кафтанах, в розовых чулках и башмаках, со стразовыми пряжками и с напудренными париками, важно нюхали здесь табак и очень забавно толковали о временах регентства и Людовика XVI. Известный в то же время богач, чудаки Ганин, почти полудиот, над которым так часто подсмеивался Измайлов в своем «Благонамеренном», давал также спектакли в своем загородном доме, на которых, впрочем, всегда исполнялись безграмотные пьесы самого хозяина. Здесь между актерами являлся сам творец этих бездарностей, исполнявший всегда роль львицы на четвереньках. Про этого Ганина в то время ходило много анекдотов. Император Александр Павлович, будучи наследником, раз возвращался на яхте с командою гвардейского экипажа и с роговою музыкою Д. Л. Нарышкина. Проезжая по Неве мимо дачи Ганина, в довольно значительном расстоянии от берега,

он увидел на берегу целую вереницу голых людей. Полагая, что эти люди вышли из находившейся здесь же бани Ганина или из публичной купальни, государь нашел эту прогулку в одежде прародителей неприличною и велел одному из бывших при нем адъютантов отправиться на берег и сделать об этом распоряжение. Но каково было удивление адъютанта, когда он, подъезжая к берегу, увидел, что хороводы голых людей были не что иное, как ряд ганинских алебастровых статуй, ни с того ни с сего выкрашенных по распоряжению владельца в светло-розовый цвет. Во избежание подобного рода недоразумений тогдашний обер-полицеймейстер Гладкий приказал их выбелить.

На домашних спектаклях наших бар давали и французские комедии. Из Франции, как известно, в то время нахлынуло к нам вместе с эмигрантами волокитство и любезности петиметров. С. Н. Глинка в своих записках пишет: «Модный московский свет наряду с петербургским размежевался на два отделения: в одном отличались англومانь, в другом — галломань. В Петербурге было более англома-

нов, в модных домах появились будуары, диваны, и с ними начались истерики, мигрени, спазмы и так далее. По ночам кипел банк, тогда уже ломбарды более и более наполнялись залогом крестьянских душ. Быстры и внезапны были переходы от роскоши к разорению. В большом свете завелись менялы, днем разъезжали они в каретах по домам с корзинами, наполненными разными безделками, и променивали их на чистое золото и драгоценные камни, а вечером увивались около тех счастливицев, которые проигрывали свое имение, и выманивали у них последние деньги. В утренние разъезды и на обеды ездили с гайдуками, скороходами, на быстрых четвернях и шестернях; тогда езда парюю называлась мещанскою ездою».

В 1800 году в Петербурге дома были небольшие, деревянные, и только в самом центре города каменные. Мосты, исключая Каменного и Казанского, были тоже деревянные, даже на Невском дома были почти все деревянные, как и церковь Казанской Божией Матери. Тротуаров тоже не было, а были дощатые дорожки. О богатых гостиницах даже

не было и помина. Иногородние, приезжая в Петербург, останавливались, по старинному русскому обычаю, у своих родных и знакомых, а для богачей нанимали в городе заблаговременно квартиры. Магазинов с иностранными товарами было всего три; убранство магазинов отличалось полной простотой, богатые товары лежали на полках или шкафах из простого выкрашенного дерева. Но годовые заборы товаров из этих магазинов некоторыми барскими домами выходили на несколько десятков тысяч. Так, известный богач, граф Б-ский, чтобы рассчитаться с английским магазином, должен был отдать свой дом в уплату долга. Самыми модными магазинами также были «Нюренбергские лавки», слава которых гремела по всей России. Здесь было все, от булавки до дорогой ткани; помещались они на Невском, в доме католической церкви.

Зимой строили ледяные горы и учреждались парадные катанья в санях; дамы сидели с кавалерами в бархатных шубах с соболями или в атласных с золотыми бранденбургами. Лошади были под фартуками, украшались пе-

рьями, и араб, или егерь, позади держал зажженный факел. Такой щегольской поезд тянулся цугом и заезжал к знакомым, где пили чай, ужинали и т. д.

Ледяные горы во время Масленицы в Петербурге строили обыкновенно на Охте, на Крестовском острове и на Неве перед дворцом. Ледяные горы делали до 8 и более сажен в вышину. Простой народ катался с них на лубках, ледянках и на санях.

Такие же горы устраивались и на дворах наших богатых бар, где дамы в собольих шубках неслись с горной зеркальной поверхности и составляли кадрили и экосезы с кавалерами.

Вокруг невских гор строились сараи, в которых показывали разных животных, давалась кукольная комедия, китайские тени, плясали на канате и т. д. Поездки на Крестовский остров, в «Красный кабачок», составлялись целым обществом. Сама императрица нередко принимала участие в таких забавах и ездила в больших санях, к которым для свиты привязывали еще попарно 14 или 16 маленьких санок. В большие сани закладывали

12 прекрасных лошадей, великолепно убранных; вечером у каждого санок зажигали разноцветные фонари; зрелище выходило великолепное.

Как горы зимою, так летом качели привлекали толпы народа. Качели строились к Святой неделе и оставались все лето. Ставили их на Исаакиевской площади, и они были круглые, маховые, подвесные, расписные и украшены разными изображениями и флагами. У качелей воздвигались также деревянные горы, с которых спускались по покатым желобам на маленьких колясках. Горы эти вошли в употребление с того времени, когда императрица приказала выстроить в Ораниенбауме две горы, одну против другой, и так искусно, что, спускаясь с одной, поднимаешься нечувствительно на другую.

Вокруг качелей разбивались шатры для продажи крепких напитков, разносчики на каждом шагу предлагали лакомства, закуски; фокусники на балконах и паяцы дурачились, выделывая штуки; музыка и песни гремели со всех сторон.

Если же где случалась драка или шум, то

по приказу императрицы ссорящихся обливали водой из пожарных труб. Кругом качелей прогуливалось в пышных, великолепных костюмах все что ни есть богатого и знатного в столице. В последние дни праздника обычно императорская фамилия посещала гулянье.

В двадцатых годах, в субботу, здесь насчитывалось более 4000 карет. Число это по тому времени казалось почти невероятным, если взять во внимание, что в царствование Анны Иоанновны в целом Петербурге число карет едва доходило до 100 штук.

На бульваре и тротуаре вдоль Исаакиевской площади толпились жители среднего класса и любовались на проезжающих на четверках вороных, в экипажах Иохима, лучшего каретника в Петербурге. Здесь же в стройных, пестрых рядах стояли купцы и мещане с женами и детьми в богатых национальных одеждах.

Самые прихотливые наряды и уборы перешли к нам в конце прошлого столетия. В эти года понемногу начала у нас ослабевать привязанность к национальной одежде; в особенности женщины поспешили следовать моде,

избравшей своим местопребыванием Париж. Прихоти этой капризной богини в то время бывали до того безумны и несообразны, что просто удивительно, как находились несчастные, готовые испытывать добровольную пытку и уродовать себя. Сколько жалоб и преследования претерпели наши прабабушки и со стороны печати. Вместе с появлением модных ежемесячных журналов вроде «Библиотеки дамского туалета», «Магазина английских, французских и немецких мод» явились и сатирические сочинения, цель которых, как гласила публикация в «Московских ведомостях» 1791 года, «состояла в том, дабы предъявить вред, причиняемый модою, роскошью и вертопрашеством и прочими пороками, которые видны во многих сценах нынешней жизни». К таким, не лишенным дозы остроумия, книгам принадлежала изданная в Москве в 1791 году «Переписка моды», содержащая письма безруких мод, размышления неодоушевленных нарядов, бессловесных чепцов, чувствования мебели, карет, записных книжек, пуговиц, старозаветных манек, кунташей, шлафоров, телогрей и проч. Книга вы-

шла без имени автора, но из предисловия видно, что она принадлежит издателю «Сатирического вестника», следовательно, одному из известнейших наших прежних литературных деятелей – Н. И. Страхову. В своем предисловии последний говорит: «С тех пор, как правда, или, по-ученому, истина, сделалась неприятнее для глаз едкого дыма, то она должна, чтобы не быть узнанною, являться в свет не иначе как инкогнито или в платье на выворот. Многие из авторов заставляли мыслить и философствовать чертей и духов, а иные и зверей, то для чего бы и нам не заставить чувствовать знаменитые и особенно модные платья, уборы и вещи». Моду автор представляет такой сильною властительницею и особою, к покровительству которой прибегают все люди. В конце он выражает желание, чтобы все те, которые здесь по необходимости названы и наряжены смешным образом, могли бы хотя несколько научить юношество любить истину в настоящем ее виде, открыть глаза и убедить их во вреде, причиняемом модами, роскошью, вертопрашеством и другими пороками, которые явля-

ются повсюду в современном обществе.

Книга начинается письмами Моды к Непостоянству; затем идут различные просьбы от разных старинных головных уборов, вроде кокошника с перепелами, собольей бархатной шапочки корабликом, рогатой шапки, от колпаком шапки, чепца бармотика, нахтыш-чепца, от кривого чепца с шишкой и т. д. Приводим ответ письма Моды к старинным модам: «Mesdames! Ваша бономи и семплисите [528] заставили меня так смеяться, что я едва от того не лопнула. Фуй! фуй! Как вы меня уморили! Сюр-мон-онер[529], вы, видно, пре-забавные твари! Одни ваши имена: кокошник с перепелами... шапочка корабликом... рогатая шапка-чепец бармо-так... Косой с шишкою... Ну! Совершенно я интересуюсь вас видеть и узнать персонально. Определить в подлинный свой штат я вас не могу, ибо ныне вместо кокошника с перепелами на головах прекрасного пола находятся целые страусы. Старинные женские головы, может быть, любили плавать, и потому нужны были шапочки корабликами, но нынешние головы имеют единственным своим основанием воз-

душную стихию и потому любят ветреность и парение по воздуху. Рогатая шапка также не может быть употребляема, ибо ныне на мужских лбах рога только терпимы» и т. д. Интересно также прошение «Карточной игры», чтобы повесить следующие денежные игры: банк, рест, квинтич, вент-эн, кучки, юрдон, гора, макао, и ввести во всеобщее употребление новые игры: штос, три-и-три, рокамболь, и затем переместить в службу солидных людей карточные игры: ломбер, вист, пикет, тентере, а-ла-муш, и уволить в уезды и деревни следующие: панфиль, тресет, басет, шнип-шнап-шнур, марьяж, дурачки с пар, дурачки внавалку, дурачки во все карты, ероши или хрюшки, три листка и семь листов; а игры в «носки» и «никитишны» отпустить в чистую отставку. Далее идут письма: от женского башмачка стерлядкою к ботинку, от шляпы а-ла-шарлот – к шляпе а-лондросман и шляпке корнету. В письмах «от бюро к комоду» и «от комода к бюро» описывается «жизнь» молодого вертопраха, «бездарного писца», т. е. литератора, «прелестницы» и «корыстолюбивого судьи». В этих письмах автор доказывает, что

люди бывают сами причиной своих заблуждений и пороков; он говорит, что «вертопрашество», «торговые дарования», умножение прелестниц и корыстолюбивых судей обязано происхождением своим любви к деньгам, необходимым для поддержания роскоши, сообразующейся с законами моды.

Непомерная роскошь в начале XVIII века настолько была сильна, что императрица Екатерина II вынуждена была издать манифест с постановлением, как должно было ездить каждому. Двум первым классам определялось ездить цугом с двумя вершниками; 3, 4, 5-м классам – только цугом; 6, 7 и 8-м классам – четвернею; обер-офицерам – парюю; не имеющим офицерских чинов – верхом, в одноколке или в санях в одну лошадь. Ливреи по указу также были разные: лакеи двух первых классов имели басоны по швам; 3, 4, 5-х классов – по борту; 6-го – на воротниках, обшлагах и по камзолам; 7 и 8-го классов – только на воротниках и обшлагах; обер-офицерам – ничем не обкладывать. Купцам запрещены были кареты с золотыми и серебряными украшениями; допускались кареты, одно-

колки и сани, просто выкрашенные под лак. Отступления от этих форм наказывались штрафами. Позье в своих записках рассказывает, что придворный ювелир Дюваль не следовал этому правилу и ездил по городу на трех лошадях. Генерал-полицеймейстер Чичерин объявил Сенату, что на доклад его словесный, какой штраф положить повелено будет золотых дел мастеру Дювалю, что ездит не по званию его, ее императорское величество высочайше изустно повелеть соизволила, как оный присвоил себе из чужого права, то есть штаб-офицерскую впряжку лишней лошади, то и взыскать с него штрафа три доли из оклада, подлежащего ко взысканию, а четвертой доли не взыскивать, потому что не все полное право присвоил.

На экипажи в то время не обращали большого внимания, только бы лошади были запряжены да колеса вертелись, одно выше другого на пол-аршина, хомуты из ремешков, веревок; на козлах, по болезни кучера, сидел иногда и повар с щетинистой бородою, в нагольном тулупе; назади портной в ливрее из солдатского сукна, в картузе, с платочком на

шее.

Люди богатые ездили четверкою и шестеркою; в наше время не увидишь кареты шестеркою, кроме разве в какой-нибудь процессии. Такая езда в старину, кроме приписываемой страсти к пышности, на самом деле была только следствием весьма неприятной необходимости. В те времена ездили шестернею, потому что с меньшим числом лошадей можно было увязнуть в грязи; часто и шести лошадей было недостаточно; лошади, взятые по большей части из-под сохи у крестьянина, не могли предохранить семейной колымаги от увязания в грязи.

На гуляньях смесь разных берлинов, рыдванов, колымаг поражала зрителя; в то время еще не знали рессор, и кареты делали на пазах. Самая лучшая такая карета стоила не дороже 100 рублей.

В 1860-е годы стал входить костюм à la française[530] у всех наших бар в большую моду. Он делался из разных материй: из бархата, плиса и шелковой материи; при нем всегда носили шпагу, которая прицеплялась так, что приподымала талию и торчала концом квер-

ху. Камзолы, шитые золотом и шелками, были почти всегда голубого, малинового, коричневого и зеленого цветов; темных цветов не носили. Придворный и бальный наряд был следующий: цветной кафтан, штаны белые, атласные или гроденаплевые[531], иногда черные, застегнутые ниже колена пряжками серебряными, а иногда и с дорогими камнями; камзол, шитый золотом, блестками или шелками, иногда из глазета, бархата; волосы причесаны и напудрены, – последняя операция для франта того времени обходилась не менее двух-трех часов в сутки. Битых два часа ему припекали волосы разного рода щипцами, чтобы они держались *à l'oiseau royal* или *à la grecque*. Потом страдалец прятал лицо в бумажную маску, чтобы не задохнуться в облаках надушенной пудры, носившихся около него; позднее стали волосы прятать в мешок (*bourse*); перчатки шелковые; часы с короткой цепочкой, на которой привешены одна или две печати; белье тонкое, манжеты шитые или кружевные; знатные носили их из богатейшего кружева, продававшегося по баснословной цене; у Пл. Зубова кружева сто-

или более 30 000 рублей; галстух белый батистовый, накрахмаленный, повязанный невысоко; носили и деланные галстухи; после Французской революции галстухи совсем исчезли из употребления; считалось более красивым носить шею и часть груди открытыми, но они вскоре у нас снова вошли в моду, и их начали делать самых больших размеров, так что голова почти уходила в них. Чулки носили шелковые, белые и полосатые, башмаки с пряжками серебряными, иногда осыпанными стразами. Позднее вместо камзола стали носить жилеты; точно так же и прическа стала меняться: некоторые носили букли и косы, другие стригли коротко волосы и оставляли косу. Таковую стрижку волос называли а-ла-вьерж (*à la vierge*)[532].

После Французской революции ввелись в моду жабо выше подбородка, остриженные головы *à la Titus*, *à la guillotine*[533], лорнеты и коротенькие косы *flambeau d'amour*[534]. Императрице Екатерине такие франты очень не нравились. Она приказала Чичерину нарядить всех будочников в их наряд и дать им в руки лорнеты. Франты после того быстро ис-

чезли. К описанному наряду необходима была и треугольная шляпа, которую носили прежде под мышкой, чтобы не смять волос. В 1785 году явилась голландская и цилиндрическая англо-американская шляпа. И тогда только додумались, что шляпа существует для того, чтобы носить ее на голове; в это же время стали носить двое часов на длиннейших цепочках, которые болтались по ногам, и вместе с этой модой между мужским и женским костюмом водворяется странное смешение: женщины носят камзолы, жилеты, жабо, мужские рубашки, зато мужчины начинают носить муфты. В руках щеголя того времени непременно должна была быть соболья или сделанная из длинной шерсти украинских овец белая муфта, называемая «манька». Эти муфты составляли необходимую принадлежность во время прогулок пешком, и всякий, имея их в руке, входил даже в гостиные. Зимнее верхнее платье были шубы, почти такие же, как нынче, только с той разницею, что их крыли иногда шелковой материею, а иногда китайкой, и опушали бобром. Чиновники носили, кроме шуб, киреи и винчуры.

Киреи крыли бархатом, казимиром и плисом; их делали с небольшим меховым воротником и с рукавами. Винчуры носили богатые баре, потому что они делались из дорогих мехов; особенно славились драгоценные меха волков туруханских. У графа А. М. Мамонова была такая шуба, стоящая ему 15 000 рублей. Шапки носили зимою с бобровыми околышками, шириною вершков в пять, крытые бархатом и с большой шелковой кистью; чиновники носили бобровые и собольи картузы. Сапоги употребляли козловые; лакированные появились только в 1800 году.

С воцарением императора Павла I появились гонения и указы против французских мод. В 1797 году указом наистрожайше подтверждено, чтобы никто в городе, кроме треугольных шляп и обыкновенных круглых шапок, никаких других не носил; затем позднее воспрещалось с подпиской всем, в городе находящимся, ношение фраков, жилетов, башмаков с лентами, а также не увертывать шеи безмерно платками, галстухами или косынками, а повязывать ее приличным образом, без излишней толстоты. В 1800 году было обяза-

тельно для всех жителей Российской империи, как состоявших на службе, так и бывших в отставке, с каким бы то ни было мундиром, военным, морским или гражданским, носить длиннополый, прусской формы мундир, ботфорты, крагены, шпагу на пояснице, шпоры с колесцами, трость почти в сажень, шляпу с широкими галунами и напудренный парик с длинною косою.

По выражению Державина, в это время зашумели шпоры, ботфорты, тесаки, и будто по завоевании города ворвались в покои везде военные люди с великим шумом.

С воцарением императора Александра мгновенно все изменилось.

Булгарин рассказывает: «Откуда-то вдруг явилось у всех платье нового французского покроя à l'incroyable[535], представлявшее собой резкую и даже до карикатуры преувеличенную реакцию прежней ощипанной, кургузой прусской формы. В прическе франтов появились какие-то неведомые oreilles de chien, эсперансы[536], и, к невыразимому ужасу павловских блюстителей благочиния, первые модники вместо форменной трости вооружи-

лись, по парижской республиканской картинке, сучковатыми дубинами с внушительным названием: *droit de l'homme*»[537].

Интересно, что первым таким франтом на петербургских улицах появился в такой отчаянно-вольнодумной форме и с такой либеральной палкой в руках известный в истории просвещения М. Л. Магницкий. Такие «невероятные» львы тогда назывались «петиметрами»; они щеголяли также в шляпах *à la Robinson*, в чрезвычайно узких брюках с узорами по бантам, в сапогах *à la hussard*[538]. Портных в Петербурге иностранных было только два, а самая дорогая фрачная пюсовая пара из лучшего английского сукна и панталоны с узорами по бантам *à la hussard* стоили 30 рублей, что считалось весьма дорого. Мужские наряды в это время стали делать из разноцветных сукон, а также в парадных случаях надевались бархатные фраки с металлическими и перламутровыми пуговицами, при панталонах из кашемира или шелкового трико, но всегда не одного цвета с фракком, надеваемых под сапоги в виде ботфорт, с желтыми иногда отворотами по утрам, но без них

после обеда. Черный галстух не существовал при фраке, а был в употреблении белый, или атласный, или батистовый, с батистовой рубашкой, манжетами и накрахмаленными брызжами; позже стали носить черные атласные галстухи с бриллиантовыми булавками, и это называлось американскою модою. В это же время стали появляться изредка нынешние брюки сверх сапогов со штрипками; называли их тогда «веллингтонами»; первый их ввел в Петербурге известный герцог Веллингтон, генералиссимус союзных держав и российский фельдмаршал, пожалованный императором Александром I в самый день Ватерлооского сражения. Этот же герцог также ввел в Петербурге в моду свой узкий, длинный черный плащ без рукавов, плотно застегнутый, в котором он каждое утро прогуливался по Адмиралтейскому бульвару. Такой плащ назывался в то время воротником (cols).

В это время входит в моду и другой еще плащ à la Quiroga, самый старинный; его носили чуть ли не римляне; им можно было обертывать себя три раза вокруг тела; вместе с ним стали входить в моду сапоги со шпорами

и усы, а также шляпы à la Bolivar, поля которой так были широки, что невозможно было пройти в узкую дверь, не обнажая своей головы.

Что касается до женской одежды и нарядов, бывших в употреблении сто лет назад, то разных кофт и шушунов в то время не носили. Самым нарядным женским платьем были фуру и роброны. Мода эта держалась весьма долго, но в фасоне фуру были перемены; иногда обшивали его блондами, накладками из флера или дымкой, а также серебряной и золотой бахромой, смотря по тому, какая лучше подходила к материи. Лиф старинных фуру был очень длинный и весь в китовых усах; рукава были до локтя и обшитые блондами, перед распашной, юбка из той же материи, из которой фуру; чтобы платье казалось полнее, надевали фижмы из китовых усов и еще стеганые юбки. В 1793 году были в моде платья, которые назывались «молдаванами» (любимый наряд императрицы Екатерины II); носили также еще сюртучки, лиф у которых был не очень длинный, рукава в обтяжку, юбка к ним была из другой материи; если сюртучок

атласный, то юбка флеровая, на тафте. К сюртучку надевали камзольчик, глазетовый или другой, только из дорогой материи; у сюртучков и фуру были длинные шлейфы. Умение грациозно управлять длинным шлейфом считалось признаком аристократичным. В это же время появляется *corps* – ужасная машина, сжимающая женщину до того, что она превращается в статую; скоро *corps* изгоняется корсетом, фижмы также перестают носить, а заменили их *des bouffantes*, которые делались из волосяной материи; кроме того, чтобы сделать платье пышнее, употреблялось проклеенное полотно, называемое *la criarde*[539]. Эта ткань шумела страшным образом при малейшем движении. Модные цвета носили следующие названия: цвет заглушенного вздоха (*soipir étouffé*), совершенной невинности (*candeur parfaite*), сладкой улыбки (*doux sourire*), нескромной жалобы (*plainte indiscreète*) и т. д.

Ко двору надевали робы, вышитые золотом, камнями, шелком, с глазетовыми юбками, с длинным, аршина в полтора, хвостом или русскими рукавчиками назад.

Прическа волос много раз изменялась; была низкая и высокая, посредине головы делали большую квадратную буклю; будто батарея, от нее шли по сторонам косые крупные букли, назади шиньон; всякая такая прическа была не менее полуаршина вышины и называлась *le chien couchant*[540]; накладывали на голову также вроде берета убор с цветами и страусовыми перьями; его называли «тюрбан» и «шарлотта».

Пудру употребляли всевозможных цветов: серенькую, белую, палевую. Щеголиха одевала «пудер-мантель» и держала длинную маску со стеклышками из слюды против глаз, парикмахер пудрил дульцем. Богатые имели особые шкафы, внутри пустые, в которых пудрились; щеголиха влезала в него, затворяла дверцы, и пыль нежно опускалась на голову. Фижмы, обшитые обручи, по аршину с боков, сжимали одетую даму; издали таких барынь легко было принять за бочку или шлюпку с парусами. Смешно было видеть таких двух франтих в большом четырехместном берлине. Они корчились, прическа возносилась до империаля, а огромные фижмы торчали из

окон кареты.

Искусство разрисовывать себе лицо было доведено до невероятности: даме неприлично было являться в обществе не нарумянившись; мало того, надобно было раскрашиваться до того, чтобы природные черты лица совершенно скрывались под прикрасами. Иногда, как рассказывают современники, дамы сурмили брови так неловко, что одна бровь была толще, выше или ниже другой.

Налепляли тафтяные мушки, начиная от величины гривенника до маленькой блески. Эти мушки размножались до бесчисленности; вырезать их и размещать по лицу было хитрым искусством. Они имели разные имена, смотря по своей фигуре и по той части лица, на которую наклеивались; мушка, обыкновенно вырезанная звездочкою, на середине лба, называлась величественною, на виске, у самого глаза, – страстною, на носу – наглою, на верхней губе – кокетливою, у правого глаза – тиран, крошечная на подбородке – «люблю, да не вижу», на щеке – согласие, под носом – разлука.

Модница того времени не выезжала в об-

щество без коробочки с мушками, на крышке которой было маленькое зеркальце, при помощи которого она налепляла новые мушки сообразно с обстоятельствами, потому что мушки давали возможность говорить молча.

Перчатки носили шелковые, длинные до локтя при коротких рукавах и короткие – при длинных. Чулки для выезда были шелковые, башмаки – матерчатые, или шитые золотом, или из парчи, каблуки высокие – до 3 вершков. Узоры на передней половине башмаков назывались «вероломством» (*cours perfides*), на задней – «*venez u voir*».

Также у прекрасного пола существовала мода нюхать табак; даже 16-летние красавицы нюхали его; табакерки юных красавиц носили поэтическое название: «кибиточки любовной почты». Название таких табакерок произошло от обычая волокит класть во время нюханья любовные послания.

Вигель в своих записках (см. т. 2, с. 83) очень характерно описывает франта того времени; по словам его, в пятьдесят лет он румянился, сурмил брови, чернил себе волосы и, следуя рабски моде, носил двое часов или, по

крайней мере, от них две цепочки, томпаковые и семилоровые с брелоками, которые висели из жилетных его карманов и которыми он побрякивал; табакерки из яшмы, перстни бирюзовые, аметистовые покрывали его пальцы, и, наконец, две цепочки из разных камешков поверх жилета носил он крестообразно. Всего же примечательнее в его туалете был огромный лал[541], который при важных случаях в виде застежки являлся у него на груди.

Необходимыми в туалете дамы также были блошные ловушки, которые модницами носились на ленте на груди. Делались они из слоновой кости или серебра. Это были небольшие трубочки со множеством дырочек, снизу глухих и вверху открытых. Внутрь их ввертывался стволик, намазанный медом или другою липкою жидкостью.

Жемчуг употреблялся при нарядном платье; считалось за стыд показаться в собрании без жемчуга на шее. Называли жемчуг «перло». Бриллианты были исключительно принадлежностью высшего круга общества. Самые модные духи были для богатых «уследи-

тельные», т. е. розовое масло и душистая цедра.

Теплая одежда была тоже разнообразна: «шубка длинный рукав», у которой один рукав был обыкновенной длины, а другой висел до полу. Шубы эти надевали в парадных случаях. Затем была эпанча разных фасонов, сапопы, польки, мантильи, шельмовка, душегрей, шамлук, кантус. Материи модные были: петинет, штоф, изарбат, белокос, грезет, транцепель, капфа, тафта, свистун, счир, камка и голевая камка.

В одно время все эти хитрые наряды заменяли простые: неглиже, полунеглиже и дезабилье[542]. С появлением в 1811 году кометы все делалось *à la comète*: сапоги, шляпки, экипажи, платье, ленты, мебель. В следующем году пошли цвета *à la Deghen* (имя воздухоплавателя, который изумлял в то время весь Париж). В последние годы империи, кроме *le bleu de Marie-Louise*[543], не было другого цвета. До этого излюбленного всеми цвета искусство наряжаться состояло в том, чтобы наряжаться пестро: и дамы являлись в красных шалях, зеленом платье, в розовых шляпках и

серых ботинках. Пробовали англичанки в то время ввести зеленые вуали, от которых падает на лицо такой отсвет, что всякая красавица кажется безобразною, – и зеленый вуаль потерпел полное поражение. В это время стали оставлять пудренные прически и фижмы. Волоса убирали мелкими буклями, прикалывая к ним цветы, пунцовые ленты, жемчуг, склаважи, золотые цепочки. Явились платья вырезные, рукава короткие в обтяжку, длинные шелковые перчатки без пальцев, башмаки с длинными носками опять «стерлядкою», как в старину.

Примечания

1

Фашинник – хворост, пучки которого применяются для укрепления дорог.

[^^^]

См. И. Забелина «Домашний быт русских царей». «Отеч. Зап.», 1851 г., № 3.

[^^^]

3

См. «Хроника общественной жизни в
Москве», ст. И. Забелина, с. 7.

[^^^]

4

Блонды – шелковое кружево.

[^^^]

5

Петиметр – молодой франт, вертопрах.

[^^^]

6

Модные названия дней недели: «серинькой» – понедельник, «пестринький» – вторник, «колетцо» – среда, «медный таз» – четверг, «сайка» – пятница, «умойся» – суббота, «красное» – воскресенье.

[^^^]

Кумир моей души (фр.).

[^^^]

8

Монкер (фр. mon cœur) – сердце мое.

[^^^]

Метресса – любовница.

[^^^]

Китайка – старинная плотная, обычно синего цвета, ткань, сначала шелковая, которую привозили из Китая, позднее хлопчатобумажная, российского производства. *Нанка* – грубая хлопчатобумажная ткань, обычно желтого цвета.

[^^^]

Канават – старинная шелковая ткань.

[^^^]

Глазет – парча с шелковой основой и гладким серебряным или золотым тканым узором.

[^^^]

13

Отделанные тонкой серебряной или золотой нитью.

[^^^]

Пошевни – широкие сани, внутри обшитые лубом.

[^^^]

Трип – шерстяной бархат.

[^^^]

Кутас – шнур с кистями, бахромчатое украшение.

[^^^]

Описание коронации императрицы Екатерины II взято из имеющейся у нас рукописи того времени.

[^^^]

Государыня выехала из Петербурга почти инкогнито 1 сентября и прибыла в Подмосковье, в село Петровское, 9 сентября. На переезд государыни из Петербурга потребовалось 19 000 лошадей и около 80 000 народа.

[^^^]

Синклит – собрание высокопоставленных лиц.

[^^^]

Порфира – пурпурная мантия монарха.

[^^^]

Подробности о посещении Троицкой лавры императрицей Екатериной II берем из имеющейся у нас рукописи того времени.

[^^^]

«Торжествующая Минерва» была выпущена в крайне ограниченном числе экземпляров. Объяснительные стихи к этому маскараду писал М. М. Херасков, а хоры сочинял А. П. Сумароков. Машины и аксессуарные вещи к нему делал итальянец-машинист Бригонций.

[^^^]

Портшез – легкое переносное крытое кресло.

[^^^]

См. «Биографический словарь» проф. Московского университета, т. II, с. 447.

[^^^]

Херасков, действ. тайн. сов., 1733–1809, куратор Московского университета, автор первого русского романа «Кадм и Гармония» и также первых русских эпопей «Россиада» и «Владимир».

[^^^]

Гонт – короткая дранка.

[^^^]

До этого времени никаких приютов для бедных детей и подкидышей не было; только по указу Петра I их принимали в ничтожном числе и воспитывали в Новодевичьем и Андреевском монастырях. До Петра основал «приемницу сирот» митрополит Иов в Холмской Успенской обители. В Петербурге для бесприютных дом основан в 1714 году.

[^^^]

Прокофий Акинфиевич Демидов на разные благотворительные учреждения в течение своей жизни пожертвовал около полутора миллионов рублей.

[^^^]

П. А. Демидов умер в 1786 году, погребен в Донском монастыре, за алтарем Сретенской церкви. После него осталось несколько сыновей и дочерей – он был женат два раза. Сыновья Демидова воспитывались в Гамбурге и, возвратясь в Россию, с трудом говорили на родном языке. Демидов не любил их и давал им почти нищенское содержание. Императрица приказала ему выдавать более приличную сумму на их часть. Демидов купил им по тысяче душ и вместе с тем запретил показываться к себе на глаза. Дочерей своих отдал замуж за купцов и фабрикантов. Но когда одна из последних объявила, что она выйдет лишь за дворянина, то он отыскал первого такого попавшегося, Станиславского.

[^^^]

Не себе, но людям (*лат.*).

[^^^]

Фурманщик – владелец или возчик фуры – большой телеги.

[^^^]

Всего в Москве с апреля 1771 года по март 1772 года умерло от моровой язвы 57 901 человек; в других местах империи – 75 393 человека. Всего 133 299 человек.

[^^^]

См. Бантыш-Каменского: «Жизнь Амвросия».

[^^^]

От этого дома переулки называются Большой и Малый Еропкинский.

[^^^]

В июле 1770 г. в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. войска П. А. Румянцева разбили главные силы турецкой армии на реке Кагуле.

[^^^]

Пернат – род булавы.

[^^^]

Voyage en Siberie, Amsterdam, 1769.

[^^^]

На русском языке «Catechisme moral pour les vrais» был издан несколько раз. Позднее И. П. Тургенев, по плану Лопухина, сочинил книгу под заглавием «Кто может быть добрым гражданином и верным подданным?».

[^^^]

Мартинисты – мистическая секта, основанная в XVIII в. Мартинесом Паскалисом; члены ее считали, что могут иметь сверхъестественные видения.

[^^^]

Адепт – ревностный приверженец какого-либо учения.

[^^^]

Отец Походяшина был простой извозчик, возивший руду на заводах в Сибири; он составил себе миллионное состояние открытием медных рудников.

[^^^]

В. И. Майков во время пребывания Дидерота в Петербурге состоял при нем по приказанию Екатерины II, и замечательно то, что Майков совсем не знал французского языка.

[^^^]

CM. Notice historique sur la F. M. dans l'Empire de Russie, par M. Thory.

[^^^]

См. соч. Ешевского, т. III, с. 473, 499.

[^^^]

Розенкрейцеры – члены религиозно-мистических обществ XVII–XVIII вв., названных по имени их легендарного основателя Х. Розенкрейца.

[^^^]

Фармазоны – франкмасоны (*фр.* franc-maçons – «вольные каменщики»), то же, что масоны.

[^^^]

См. «Русский архив», 1878 г., ч. I, с. 158.

[^^^]

Существуют две старые гравюры с изображением дуба и кедра в Коломенском саду. На гравюрах надписи:

*Сей дуб присутствием Петровым
украшался;
Отец отечества под оным просве-
щался!
Под кедром Александр здесь в
юности своей
Учению внимал – для счастья на-
ших дней!*

[^^^]

План старинного царского дворца в Коломенском приложен к книге Малиновского «Исторические сведения о селе Коломенском». Москва. 1809 г.

[^^^]

См. А. Корсакова: «Село Коломенское».

[^^^]

См. Ив. Снегирева: «Русские простонародные праздники».

[^^^]

Русским ученикам-комедиантам положено было жалованья «смотря по персонам: за кем дела больше – тому дать больше, а за кем дела меньше – тому меньше».

[^^^]

Первым управляющим театральным делом
был боярин Матвеев.

[^^^]

Тип голландского шута, который перенесли на немецкую сцену английские актеры XVII века.

[^^^]

Другой театр у Красных ворот, выстроенный немцами, был уже в 1753 году сломан; он носил название «Деревянной комедии». См. Полн. собр. Закон. VII, учр. 10, 167.

[^^^]

См. «Русский архив» 1878 г., ч. 2, с. 478.

[^^^]

Вокзал (воксал) – музыкальный концертный зал (*англ.*).

[^^^]

См. книгу «Планы и фасады театра и маскарадной залы в Москве, построенных содержанием публичных увеселений, англичанином Михаилом Медоксом напечатанную (sic) в Универ. типогр., 1797» в лист.

[^^^]

После Шушерина его амплуа в Петербурге занял актер Яковлев.

[^^^]

Раёк (галерка) – верхний ярус театрального зала.

[^^^]

Пейзанка (фр. paysanne) – крестьянка.

[^^^]

Тавлинка – берестяная табакерка.

[^^^]

CM. Souvenirs d'une actrice par madame Louise Fusil.

[^^^]

«Французский театр в Москве. В следующую среду, 7 октября 1812 года, французские актеры впервые представят трехактную комедию Мариво „Азартная любовная игра“. Затем следует „Любовник, виновник и слуга“, одноактная комедия Серона. В „Любовной игре“ заняты актеры: Адне, Перу, Сен-Клер, Белькур, Бертран, актрисы Андре, Фюзи» (фр.).

[^^^]

«Да здравствует император! Да здравствует
Наполеон!» (фр.)

[^^^]

Дивертисмент (дивертисемент) – небольшой балетный спектакль.

[^^^]

«Господа, завтра мы будем иметь честь представить вам» (*фр.*).

[^^^]

«Сударь, завтра мы будем иметь честь...» (фр.)

[^^^]

На мосту Маршалов (*фр.*).

[^^^]

Вы хотите сказать, на Кузнецком мосту. В России нет маршалов, кроме меня (*фр.*). (Во французском языке слово *maréchal* означает «маршал», *maréchal-ferrant* – «кузнец».)

[^^^]

Атанде – в карточной игре: постой, не мечи
далее, я ставлю.

[^^^]

См. «Русский архив», 1873 г., с. 1889.

[^^^]

У Потемкина своего дома в Москве не было, он жил в доме светлейшего князя Таврического, в приходе Вознесения Господня, на Большой Никитской улице. Домов у князя Таврического в Москве было несколько; лучшие были в приходе Грузинской Божией Матери и в приходе Николы в Воробьиные на Гостиных горах.

[^^^]

Известие о визите Шешковского к Потемкину в марте 1796 года – совершенно ложно. Шешковского не было уже в живых в июле 1794 года, то есть с лишком за полтора года до смерти П. С. Потемкина.

[^^^]

См. «Русский архив», 1880 г., с. 385.

[^^^]

Я храню вас в моем сердце (*фр.*).

[^^^]

Шомьер – хижина (фр.).

[^^^]

Куверт – столовый прибор (фр.).

[^^^]

Равендук – парусина.

[^^^]

Подъемных мостов в Кускове было два: один при начале пруда и сада, чрез тот канал, где теперь простой деревянный мост и ворота, а другой – по левую сторону дома, против церкви, где теперь деревянный мост.

[^^^]

Дансеры и дансерки – танцовщики и танцовщицы.

[^^^]

См. «Русский архив», 1874 г.

[^^^]

9-й выпуск песней, собранных П. В. Киреев-
СКИМ.

[^^^]

*Мне чудится блуждающая здесь
Ее легкая тень.
Я приближаюсь – и тотчас этот
милый образ
Исчезает, возвращая меня моей
скорби... (фр.)*

[^^^]

По каталогу, изданному в 1781 году Палласом, редких ботанических растений в саду П. А. Демидова было 2224 сорта. См. *Enumeratio plantarum quae in horto viri Illustris atque excel. D-ni Procopii a Demidoff.*

[^^^]

Остальные кавалеры большого военного ордена Георгия Победоносца (лента через плечо) были: Суворов, адмирал Чичагов и фельд-маршал Репнин. Павел I никогда не носил его; он не получил его, бывши наследником престола, а став императором – не хотел носить его.

[^^^]

См. «Жизнь графини Анны Ал. Орловой-Чесменской», соч. Н. Елагина. СПб., 1853 г.

[^^^]

Пиетизм – набожность, благочестие.

[^^^]

См. «Русский архив», 1878 г., с. 292.

[^^^]

См. ст. «Архимандрит Фотий». «Рус. стар.»,
1875 г., т. XIII, с. 308.

[^^^]

См. «Русская старина», 1887 г., октябрь, с. 7.

[^^^]

Барская барыня – ключница, наперсница в барском доме.

[^^^]

См. «История царствования Александра I», т. I,
с. 97.

[^^^]

См. «Раздача населенных имений при Екатерине II».

[^^^]

См. «Русский архив», 1878 г., т. III, с. 493.

[^^^]

Милостивые государи.

[^^^]

См. «Русская старина» А. Мартынова и И. Снегирева.

По духовному завещанию, это имение князя Сергея Кантемира, вместе с 10 тысячами душ крестьян, было отдано императрице Екатерине II. Впоследствии император Павел I подарил его канцлеру Безбородко – в день своей коронации.

[^^^]

См. опыт Н. Полевого «Повествование о Петре Великом», «Сын Отечества», январь 1858 г.

[^^^]

См. «Царствование Петра II», соч. Арсеньева, с. 109 и 146.

[^^^]

Полтора (*φρ.*).

[^^^]

Игры светской молодежи, салонные игры (шарады, буриме, экспромты, эпиграммы и т. д.) (*фр.*).

[^^^]

Граф Вельегорский женился на графине Матюшкиной, бывшей княгине Гагариной, фрейлине императрицы. Граф Валер. Зубов – на Потоцкой. Родителям предоставлено было на волю избирать вероисповедание для их детей, в той уверенности, что в третьем поколении дети от русских отцов и матерей примут православную веру, что и исполнилось почти без исключения, – сын гр. Соллогуба был католик, а внук (известный писатель) православный, равно как и князя Любомирские.

[^^^]

У меня тоже есть здесь кадет (*фр.*).

[^^^]

Вот мой кадет (*фр.*). (Во французском языке слово *cadet* имеет также значение «младший».)

[^^^]

Кум-ворон сидел на дереве, держа во рту сыр
(фр.).

[^^^]

Вы уже обнялись сегодня с вашим кузеном Румянцевым? (*фр.*)

[^^^]

Нет, ваше величество, мы себя даже не утруждали (*фр.*).

(Игра слов, основанная на созвучии французских глаголов *embrasser* – «обниматься» и *s'embarrasser* – «утруждать себя».)

[^^^]

Не хочу, чтобы обо мне говорили, будто у меня нет ни начала, ни конца (*фр.*).

[^^^]

Не только меня влечет к финансам, но и их ко мне (*фр.*).

[^^^]

См. «Русская старина», 1878 г., т. 21, с. 538.

[^^^]

См. «Русская старина», т. 21, с. 539.

[^^^]

См. «Русский архив», 1873 г., с. 1102.

[^^^]

«Русская старина», г. Мартынова, II, с. 115.

[^^^]

Voyage en Pologne, Russie etc. par Wiliam Cox.

[^^^]

См. А. А. Васильчикова: «Семейство Разумовских».

[^^^]

Наш посланник в Неаполе, известный по связям с королевой неаполитанской, красавец собой, был необыкновенно горд. Граф Ростопчин рассказывает, что на одном из спектаклей в Эрмитаже цесаревич Павел Петрович подозвал его к себе и сказал: «Сообщи тебе новость – сегодня Разумовский первый поклонился мне».

[^^^]

«Архив князя Воронцова».

[^^^]

«Манька», так называли в то время модные мужские муфты.

[^^^]

Племянница Нарышкиной, дочь ее брата Вилима, переименованного по-русски в Даниила Петровича, была известная фрейлина Гамильтон, любовница Орлова, казненная по повелению Петра Великого.

[^^^]

См. очерк П. И. Мельникова (Печорского): «Авдотья Петровна Нарышкина».

[^^^]

Аksamитные – бархатные.

[^^^]

См. роспись Москвы 1793 г.

[^^^]

См. «Русская старина», соч. А. Мартыновым,
год второй.

[^^^]

См. «История академика Пекарского», т. II, с. 455.

[^^^]

Эльзевиры – книги, напечатанные в XVI–XVII веках в знаменитых голландских типографиях семьи издателей Эльзевир.

[^^^]

Ферлакур – от *фр. faire la cour* – «ВОЛОЧИТЬСЯ».

[^^^]

Фряжские – чужеземные, иностранные.

[^^^]

«Честь превыше всего» (*фр.*).

[^^^]

Известный дипломат граф Спренгпортен.

[^^^]

«Да здравствует прославленный талант, да
здравствует красота!» (*фр.*)

[^^^]

Эта историческая коллекция теперь принадлежит г. Мятлеву.

[^^^]

Известные впоследствии наши посланники.

[^^^]

Как у Карла Пятого (*фр.*).

[^^^]

Архалук – поддевка, стеганка.

[^^^]

«Глава заговора» (*фр.*).

[^^^]

В Петербурге «Жизнь игрока» давалась в переводе Р. М. Зотова.

[^^^]

Короткие панталоны (*фр.*).

[^^^]

«Как?» (*фр.*)

[^^^]

См. «Русские предания» Макарова.

[^^^]

Акафист – хвалебное песнопение.

[^^^]

Кроатки – хорватки.

[^^^]

«Это большой интриган... Его место там, а не здесь» (фр.).

[^^^]

См. С. П. Жихарева: «Дневник студента».

[^^^]

М. Г. Как вы развлекались? – М. Г. Хотя вы предупреждены.

[^^^]

Амурицук – волокита.

[^^^]

Берлин – старинная карета.

[^^^]

Универсал – грамота малороссийского гетмана.

[^^^]

Эпантон (эспонтон, эспадрон) – тупой палаш, сабля для учебной рубки (*фр.*).

[^^^]

См. А. А. Васильчикова: «Семейство Разумовских», с. 213.

[^^^]

Лапис-лазурь (ляпис-лазурь) – лазурит.

[^^^]

Анненков. «А. С. Пушкин, материалы для его биографии», с. 22.

[^^^]

В одном из этих старинных дворцов, Марлинском, жил князь Тюфякин, известный впоследствии директор театров.

[^^^]

Комплот (фр. complot) – заговор, сговор.

[^^^]

Там, где прежде стоял дом графа Каменского, ныне помещается земледельческое училище.

[^^^]

Евг. Ковалевский – автор книги «Граф Блудов».

[^^^]

См. воспоминания графини А. Д. Блудовой –
журнал «Заря».

[^^^]

CM. Voyage de Moscou à Wienne par le comte
Delagard en 1811.

[^^^]

Другая такая церковь, Св. Нила Столбенского, разобранная после 1812 года, стояла в том месте, где теперь дом Солодовникова.

[^^^]

См. Карновича – «Замечательные богатства частных лиц».

[^^^]

«Ломбер» и «шнип-шнар-шнур» – модные в екатерининское время карточные игры.

[^^^]

См. Карновича: «Замечательные богатства частных лиц».

[^^^]

Луксус (лат. *luxus*) – ПЫШНОСТЬ.

[^^^]

См. указатель чертежей московским церквам
И. Н. Николаева.

[^^^]

Описание этих часов на с. 513.

[^^^]

См. Л. Белянкина «Исторические записки о Фроловских воротах».

[^^^]

См. указатель чертежей московским церквам
И. Н. Николаева.

[^^^]

Эти ворота, известные теперь под именем Воскресенских и Иверских, прежде назывались Неглинными – от реки Неглинной, и Львиными, от львиного зверинца, некогда здесь бывшего. Воскресенскими они наименовались от надворотной иконы Воскресения Христова. Под зубцами воротных стен еще уцелели осадные стоки, через которые осажденные лили на неприятелей кипяток, смолу, свинец и серу. В верхних палатах, над воротами, помещался так называемый «огненный бой», где дежурили пушкарки и стрельцы. Теперь там помещается губернский архив.

[^^^]

Название «на Рву» происходило оттого, что он был построен на крутой горе Красной площади, имевшей к стороне реки Москвы очень неровный уступ, а к стене Кремля глубокий ров; до 1811 года между ним и Кремлем, да и с Москворецкой улицы, это возвышение осыпалось и представляло нечто безобразное. В этом году площадь вся выровнена, безобразный ров обложен тесаным камнем и крутом террасы поставлены железные перила.

[^^^]

Божедом – человек, живущий в богадельне.

[^^^]

См. «Быт русских царей», соч. И. Е. Забелина.

[^^^]

См. С. Н. Шубинского: «Очерки из жизни и быта прошлого времени».

[^^^]

Не себе, но другим (*лат.*).

[^^^]

См. «Описание о начатии греко-латинской академии в Москве», сочинено в 1726 г. справщиком Федором Поликарповым.

[^^^]

Сильвестр Медведев, родом из Курска, служил прежде подьячим, потом принял монашество; он имел главный спор с Лихудами «о времени пресуществления евхаристии», был предан анафеме, бежал в Польшу, но был пойман, судим и отрекся от своего учения. Обличенный в соумышленничестве с Милославским и Щегловитым, казнен отсечением головы.

[^^^]

Палладий Роговский был первый русский доктор.

[^^^]

Превосходно (*лат.*).

[^^^]

См. Н. Соловьева: «Летопись Московской Троицкой, что в полях, церкви», с. 266.

[^^^]

Таких «полей» в Москве было несколько: в Белом городе, у церкви Параскевы Пятницы, в Охотном ряду; церковь Св. Георгия на Всполье, в Кудрине, где храм Покрова, и пр.

[^^^]

См. Яблочкова «Историю дворянского сословия».

[^^^]

См. там же.

[^^^]

Эктенія (ектєнія) – заздравная молитва о гсударе во время церковной службы.

[^^^]

«Камин в Пензе» этот был напечатан у известного типографа-помещика Струйского в его с. Рузаевке.

[^^^]

Антиминс – шелковый платок с частицей святых мощей, которым накрывается престол в церкви для богослужения.

[^^^]

Дом князя И. М. Долгорукова в приходе Воздвижения на Вражке существовал в своем первоначальном виде до 1851 года – в этом году он был сломан, и на месте его построена какая-то фабрика.

[^^^]

Имя Китай имел князь Андрей Боголюбский, мощи которого почивают во Владимире под спудом.

[^^^]

Под Казанским собором по 1805 год была харчевня.

[^^^]

См. «Историю Малороссии» Бантыш-Каменского.

[^^^]

Журнал «Ипшокрена» он издавал в сотрудничестве с И. И. Бахтиным, губ. прокурором, и Воскресенским, учителем гимназии. Всего вышло 28 книжек с 1789 по 1791 годы. Журнал наполнен мелкими статейками и стихотворениями.

[^^^]

Похоронен Панкратий Сумароков в вышеназванной церкви – Николы в Столпах.

[^^^]

Зоил – придирчивый и недоброжелательный критик.

[^^^]

См. «Капище моего сердца».

[^^^]

Выходку с косою императора Павла I приписывают некоторые современники и князю А. Н. Голицыну.

[^^^]

Стихотворение это начиналось:

*Будешь, будешь сочинитель
И читателя тиран;
Будешь в корпусе учитель,
Будешь вечный капитан.
Будешь – и судьбы гласили —
Ростом двух аршин с вершком;
Лес и горы повторили:
Будешь век ходить пешком.*

Гераков был родом грек, очень небольшого роста, человек вертлявый и слабенький, жил в барских домах Нарышкина и Воронцова в качестве шута; он издал несколько книжек, написанных самым высоким слогом, где на каждом шагу он плачет или впадает в восторг от прекрасного пола, до которого он был большой охотник. Самая забавная его книжка – это «Путевые записки по многим российским губерниям». В этой книге описано его путешествие с графом Ив. Ил. Воронцовым-Дашковым. Затем из изданных им есть одна имеющая серьезное значение: это описание подвига капитана Ильина, который по приказанию

графа Алек. Орлова сжег турецкий флот при Чесме. До этого описания предполагали, что этот подвиг совершен английским офицером в русской службе, Элфингстоном. Иностранные писатели даже приписывали распоряжение это не Орлову, а англичанину, адмиралу Грейгу. Под конец своей жизни Гераков жил у князя М. С. Воронцова, в доме на Малой Морской, где и умер.

[^^^]

В комедии «Дурылов» выведен провинциальный честолюбец, все честолюбие которого заключается в том, чтобы быть старшиною губернского клуба, угощать на славу, властвовать над кухнею и экономом, распоряжаться пирами и быть первым и необходимым лицом в городе по этой части.

[^^^]

См. Сочинения П. Я. Вяземского, т. VIII, с. 167.

[^^^]

Блудный сын (*фр.*).

[^^^]

Билевича, записки которого еще не появились в печати.

[^^^]

Кеньги – калоши; теплая валяная, меховая или кожаная обувь без голенищ.

[^^^]

См. Сочинения князя П. А. Вяземского, т. VIII,
с. 467.

[^^^]

См. С. П. Жихарева: «Дневник студента».

[^^^]

Резонер – амплуа актера, играющего роль персонажей, устами которых автор высказывает свои мысли по поводу изображенных событий, поучает других действующих лиц.

[^^^]

См. книгу Нелединского-Мелецкого, вышедшую под названием «Хроника», с. 79.

[^^^]

Штос – карточная игра.

[^^^]

См. «Хроника недавней старины». СПб., 1876 г., с. 42.

[^^^]

Было даже предположение назвать Пресненские пруды – Валуевскими.

[^^^]

Обе эти, теперь редкие книги – «Описание древнего русского музея» и «Историческое исследование о селе Коломенском», соч. П. С. Валув, были изданы: первая в номере от 1807 года и вторая в 1809 году.

[^^^]

В конце XVIII столетия и в начале нынешнего носить очки считалось модою; вскоре по выходе этой моды на гулянье появилась лошадь в очках, с надписью на лбу «Только трех лет». Позднее Карамзин на эту моду молодых людей сказал:

*Взгляните на меня, я в двадцать лет старик —
Смотрю в очки, ношу парик.*

[^^^]

См. Благово: «Рассказы бабушки», с. 189.

[^^^]

См. «Дневник студента», С. П. Жихарева, с. 211.

[^^^]

Император Павел из всех сводных московских баталионов составил гарнизонный Архаровский полк. В этих сводных пехотных баталионах по большей части служили москвичи-гвардейцы – сержанты, не имевшие средств нести блестящую гвардейскую службу в Петербурге. Первый такой баталион квартировал тогда в Варсанофьевском переулке, в приходе Вознесения Господня. Командовали этими баталионами полковники: Сухотин, Замятин и Волынский. В приходе же Вознесения Господня была и школа московского гарнизона. По рассказам Макарова, эту школу в своих прогулках навещали Карамзин, Дмитриев и всего чаще князь Ив. М. Долгоруков (см. прибавление к «Москов. вед.», 1844 г., с. 260, № 22).

[^^^]

См. «Несколько слов о семействе Баташевых» – «Русский Архив», 1871 г., с. 2114.

[^^^]

Домна – большая (доменная) печь в несколько аршин вышины и ширины, где плавится железо.

[^^^]

См. «Поездка в город Вольск», «Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год», с. 88–98.

[^^^]

См. Я. Грота: «Соч. Державина», т. III, с. 445.

[^^^]

См. «Первое столетие Вольска», статья г. М. М. Владимирова.

[^^^]

Указом 3 января 1810 года отнималось у всех право носить звание именитых граждан. Причиной этого указа были какие-то именитые граждане, которые весьма недобросовестно поступили в коммерческих расчетах в Англии.

[^^^]

См. «Друг просвещения», 1804 г., кн. XI, с. 106.

[^^^]

Крин – лилия.

[^^^]

Д. Н. Кашин, умерший в 1844 г., ученик Сартти, автор многих народных оперетт и аранжировщик русских народных песен. Он был некоторое время капельмейстером московского театра и учителем музыки при университете.

[^^^]

См. «Маяк», 1846 г., кн. IV.

[^^^]

«Пригожая повариха, или Похождения раз-
вратной женщины», ч. I. СПб., 1770 г.

[^^^]

«Неонила, или Распутная дочь», справедливая повесть, сочинение А. Л., 2 ч. М., 1794 г.

[^^^]

См. М. Лонгинова, «Библиографические записки», с. 16.

[^^^]

Загряжский, Ник. Алекс, обер-шенк.

[^^^]

Партизан-поэт Денис Иванович Давыдов.

[^^^]

См. «Русский архив», 1877 г., кн. I, с. 512.

[^^^]

Маскарады Лиона в прошедшем столетии происходили в залах, где теперь помещается Учетный банк.

[^^^]

Учуг – перегораживающий реку сплошной частокол с проходом, за которым ставилась сеть.

[^^^]

Слово newo или newa на финском языке означает «болото».

[^^^]

См. «Полное собрание летописей», т. V, с. 225,
т. VII, с. 211.

[^^^]

Обжа – старинная мера площади пахотной земли, равная количеству пашни, обработанной одним человеком с лошадью за день.

[^^^]

См. Миллера «Sammlung Russ. Geschichte»
и его же «Ежемесячные сочинения», март,
1755 г.

[^^^]

14 апреля 1625 года словолитчику Петру Соловну (von Solovn) в Стокгольме выдана была грамота на звание русского типографщика.

[^^^]

См. соч. Я. Грота: «Петербургский край до Петра Великого».

[^^^]

См. «Абевега русских суеверий», соч. М. Чулкова, СПб., 1786 г.

[^^^]

Из охтенских поселян по указу Екатерины II (17 декабря 1764 г.) поступило 20 человек плотников из ведомства Адмиралтейств-коллегии в ведение императорских театров для исправления машин и декораций, по опытности их в этого рода работах. Таких театраль-ных охтян до сих пор числится при театрах более 25 человек; работы, на основании указа 1764 года, производятся при театрах ежедневно круглый год. Работникам полагается четыре оклада, по выслуге 30 лет им полагается отставка и полный пенсион. Из среды их выбирается один старостой.

[^^^]

«Первые русские ведомости», СПб., 1855 г., с.
202.

[^^^]

Положив основание Петербурга в 1703 году, Петр позаботился о выгравировании карты Ингерманландии. Это дело было исполнено состоявшим в его службе голландцем Адрианом Шхонбеком, который вырезал на меди карту под названием: «Географический чертеж над Ижерскою землею со своими городами, уездами, погостами, церквами, часовнями и деревнями, со всеми стоящими озерами, реками и потоками и прочая. Грыдыровал Адриан Шхонбек». На этой карте Петербурга еще нет и, к сожалению, гравером не означен год.

[^^^]

Багинет – ружейный штык.

[^^^]

Река Сестра составляла границу у новгородцев.

[^^^]

Ефимок – русское название западноевропейского серебряного талера (иоахим-талер), из которого в XVII – начале XVIII в. в России чеканились серебряные монеты; в 1704 г. принят за весовую единицу серебряного рубля.

[^^^]

См. Устрялова: «История Петра Великого», и
Пекарского: «Петербургская старина».

[^^^]

См. «Описание С.-Петербурга в 1710 и 1711 гг.».

[^^^]

См. «Городские поселения в Российской империи», СПб., 1864 г.

[^^^]

При Петре улицы не имели названий; впервые они получили названия в 1737 году.

[^^^]

Работа предстояла гигантская: по исчислению, каналов приходилось прорыть 259 верст, а укрепления возвести на 17 верстах.

[^^^]

См. «Журнал Министерства народного просвещения», ч. CIV, с. 38.

[^^^]

Мундкох – придворный служитель, заведовавший царской кухней (нем.).

[^^^]

См. «Петербург в 1720 году», «Русская старина».

[^^^]

Элинг – помещение для постройки и ремонта судов.

[^^^]

251

Магазин – складское помещение.

[^^^]

См. «Петербург в 1720 году». Записки поляка-очевидца. «Русская старина», 1879 года.

[^^^]

Гласис – пространство перед крепостным
рвом.

[^^^]

Арматура – лепное, живописное или резное изображение воинских доспехов и оружия.

[^^^]

После него заведовал работами архитектор Христофор Кондратов, затем строил архитектор прусской земли Федор Шверд-Фегер, после этого строение лавры было поручено архитектору Михаилу Земцову, при нем был комиссаром Петр Еропкин (казненный вместе с Волынским в 1740 году), затем уже был архитектором итальянец Фосати и, после него, Николай Жирард; впоследствии, при Екатерине II, строил главный собор архитектор Старов.

[^^^]

Причина такой медленной постройки была та, что рабочие руки отвлекались на постройку Смольного и Аничковского дворца.

[^^^]

См. Н. Костомарова «Очерк быта великорусского народа».

[^^^]

Историк Соловьев, см. т. XXV, с. 140, ошибочно говорит, что Петр III погребен в Духовской церкви.

[^^^]

См. «Полное Собрание Законов», № 11, 599.

[^^^]

См. «Историческое статистическое описание С.-Петербургской епархии», т. VI, с. 89.

[^^^]

О перенесении тела Петра III Павел издал указ 9 ноября 1796 года.

[^^^]

См. «Русский архив», 1872 г., с. 150.

[^^^]

Намет – шатер, палатка.

[^^^]

Регалии – знаки царского сана: корона, скипетр, держава.

[^^^]

См. «История Российской иерархии», Амвросия, ч. 2, с. 242.

[^^^]

По другим сведениям, барона Унгернштерн-берга.

[^^^]

См. «Русский архив», 1872 г., с. 690.

[^^^]

Де Санглен (см. «Русская старина», XII, с. 483) говорит, что Орлов нес за гробом корону; то же самое подтверждает и Лубяновский в своих воспоминаниях, см. «Русский архив», 1872 г., с. 150.

[^^^]

Вероятно, Греч видел мостки по льду. Трудно поверить, чтобы Нева в декабре, при сильных морозах, не была еще подо льдом.

[^^^]

См. о вторичном погребении Петра III в «Русском архиве», 1872 г., с. 2071.

[^^^]

См. «Екатерининский паж» – альманах за 1850 год, Москвитянина, с. 67.

[^^^]

Culottes – длинные штаны, которые носили простолюдины во время Великой французской революции (*фр.*).

[^^^]

См. «Русская старина», с. 201, т. XX.

[^^^]

Дом этот после принадлежал сенатору А. У. Болотникову, затем камергеру И. Д. Асташеву. За последние годы он переходил в руки многих владельцев.

[^^^]

Сарачинское (сарацинское) пшено – рис.

[^^^]

См. Тихонравова: «Материалы для биографии Ломоносова».

[^^^]

Будучи адъюнктom, он жил на Васильевском острове при химической лаборатории; однажды осенью, вечером, пошел он гулять к заливу по Большому проспекту Васильевского острова. На обратном пути, когда уже стало смеркаться, он проходил лесом по прорубленному проспекту, как вдруг из кустов выскочили три матроса и напали на него. Ни души не было видно кругом. Он с храбростию стал обороняться от этих трех разбойников и так ударил одного из них, что он не только не мог встать, но долго не мог опомниться. Другого он ударил по лицу, тот весь в крови кинулся в лес, а третьего уже ему нетрудно было одолеть. Он повалил его и пригрозил, что тотчас же его убьет, если он не скажет, что он хотел с ним делать; разбойник сознался, что только хотел ограбить и потом отпустить. «А, каналья, – сказал Ломоносов, – так я же тебя ограблю!» И вор должен был снять с себя все и связать своим же поясом в узел и отдать ему. Положив узел на плечи, он принес его домой и на другой день объявил о матросах в Адми-

ралтействе.

[^^^]

Гекзаметр – стихотворный размер античной эпической поэзии.

[^^^]

Вот начало этой сатиры:

*Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиран;
Будешь в корпусе учитель,
Будешь вечный капитан.
Будешь, – и судьбы гласили, —
Ростом двух аршин с вершком;
Лес и горы повторили:
Будешь век ходить пешком.*

[^^^]

И еще двух подобных нравственных книг, напечатанных в С.-Петербурге в 1780-х годах.

[^^^]

На могиле сестры Полторацкого – Агафоклеи, умершей в 1815 году и погребенной здесь же, в лавре, находим эпитафию, сочиненную В. А. Жуковским и не вошедшую в его собрание сочинений; вот она:

*Как радость чистая, сердца влек-
ла она;
Как непорочная надежда расцве-
тала!
Была невинность ей в сопутницы
дана,
И младость ей свои все блага обе-
щала.
Но жизнь ее – призрак! Пленил нас
и исчез.
Лишь плачущим о ней гласит ее
могила,
Что совершенное судьба определи-
ла
Не для земли, а для небес.*

В монументе вделан портрет его и над ним ноты из оперы «Жизнь за царя»: «Славься же, славься, святая Русь».

[^^^]

См. подробности об Деласкари в книге С. Н. Шубинского: «Рассказы о русской старине».

[^^^]

См. «Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии», т. VIII, с. 511. Рассказ этот записан со слов известного иподиякона Прохора.

[^^^]

Схи́ма – монашеское облачение.

[^^^]

См. «Русский архив», 1875 г., т. II, с. 174.

[^^^]

Летом, на своей даче, на Неве.

[^^^]

Рака – ковчег, ларец с мощами святого угодника.

[^^^]

Дискос и потир – блюдо с поддоном и чаша для совершения обряда богослужения (греч.).

[^^^]

Камэ (камея) – резное выпуклое изображение из камня (*фр.*).

[^^^]

См. «Историко-статистические сведения о Петербургской епархии»; описание Невского монастыря.

[^^^]

Фискал – государственный служащий для надзора за деятельностью различных (главным образом финансовых) государственных учреждений и должностных лиц.

[^^^]

Кейзер-флаг – штандарт императора или великого князя.

[^^^]

Первый обер-комендант Петербурга был Брюс, погребенный против алтаря в крепости; первый губернатор Петербурга – князь Меншиков, а вице-губернатор Яков Ник. Корсаков; первый петербургский обер-полицеймейстер был Девиер.

[^^^]

Первое заселение левого берега Невы небольшим числом иностранцев и служителей морского ведомства началось в 1705 году. Иностранцы строили себе дома вверх по течению реки от Адмиралтейства, а служители – в противоположную сторону – вниз по течению.

[^^^]

БAUDИРЕКТОР – надзиратель за строительными работами (нем.).

[^^^]

См. «Записки графини Блудовой».

[^^^]

Пудермантель – накидка, которую надевали перед тем, как посыпать прическу пудрой (нем.).

[^^^]

Бурмицкие зерна – крупные окатистые жемчужины.

[^^^]

Откупщик – человек, получивший от государства за определенную плату исключительное право на торговлю каким-либо товаром.

[^^^]

Кригсрат – военный суд (нем.).

[^^^]

Презус – председатель военного суда.

[^^^]

Ассессор – заседатель, младший судейский чин.

[^^^]

Часы Сердюкова доставил в Екатерингофский дворец инженерный генерал Сакер. Прочие же вещи были поднесены графу М. А. Милорадовичу потомками прежних владельцев при ремонтировке дворца.

[^^^]

Вокзал (воксал) – музыкальный концертный зал (*англ.*).

[^^^]

См. его: «Театральные воспоминания», СПб., 1859 г., с. 61.

[^^^]

См. Пекарский: «Петербургская старина», с. 147.

[^^^]

См. Ал. Греч: «Весь Петербург в кармане».

[^^^]

В Кронштадте 23 июня 1764 года сгорело в три часа до 1300 домов.

[^^^]

Камер-фурьерский журнал – журнал, в котором велись записи дворцовых церемоний и быта царской семьи (нем.).

[^^^]

12 мая 1820 года был большой пожар в Царском Селе, уничтоживший лицей и большую часть дворца с церковью. 9 июля 1876 года другой большой пожар в Кронштадтской гавани. Во время этого пожара большую услугу оказал капитан Гортон английского линейного корабля «Глостера», на котором прибыл герцог Девонширский.

[^^^]

Труба – пожарный насос.

[^^^]

См. заметку П. Бартенева, «Русский архив»,
1877 г., кн. III, с. 228.

[^^^]

По другим рассказам, дым во дворце был замечен за три дня до пожара, и в эти дни скороходы то и дело бегали по комнатам дворца с курильницами, чтобы ароматом духов заглушить дымный запах.

[^^^]

Гофинтендантское ведомство – учреждение, заведовавшее дворцовым хозяйством (нем.).

[^^^]

Камер-фрау – дама, заведовавшая уборной императрицы (нем.).

[^^^]

Экзерциргауз – просторное помещение для воинских занятий (*нем.*).

[^^^]

См. «Русский архив», 1865 г., с. 1692.

[^^^]

Архив с драгоценным собранием исторических актов и документов, начиная с 1768 года помещавшийся над главной гауптвахтой, благодаря распорядительности статс-секретаря Леонтьева, в количестве 69 больших шкафов, был перенесен в целости сперва на площадь против Салтыковского подъезда, затем отвезен в нанятый для этого частный дом.

[^^^]

И. Лыжин (см. «Русский архив», 1868 г., с. 847) говорит, что работы на оледеневшей крыше производились плохими ломами и тупыми топорами.

[^^^]

Граф Браницкий тотчас после пожара просил позволить ему пожертвовать миллион, один мещанин приносил весь плод своей бережливости – 1500 рублей.

[^^^]

Болверк (болверк) – раскат, крепостной бастион (*нем.*).

[^^^]

Банкет – небольшая насыпь, возвышение, с внутренней стороны бруствера или крепостного вала (*фр.*).

[^^^]

Размер мучного куля равнялся 1 аршину длины и 3 аршинам ширины. 1 аршин = 71,12 см.

[^^^]

Куртаг – приемный день при дворе (нем.).

[^^^]

Десерт – здесь: столовый прибор (*фр.*).

[^^^]

Плашкоут – плоскодонное беспалубное судно для наплавного моста или пристани (голл.).

[^^^]

Буян – речная пристань, место для выгрузки товаров и их хранения.

[^^^]

9 ноября театры, по высочайшему повелению, были закрыты. 24 ноября был первый спектакль в пользу бедных, пострадавших от наводнения; давали трагедию «Пожарский» и «Принцесса Требизондская», комедия-балет князя Шаховского. См. «Записки Каратыгина», с. 125.

[^^^]

См. свящ. Опатовича: «Смоленское кладбище».

[^^^]

Подобных сцен Мартынов видел множество; так он описывает: «У соседа моего, Гоф..., в подвале плавали две утонувшие женщины, у другого соседа, Геракова, потонуло семь человек; одна из этих жертв подносит ко лбу своему руку с тремя сложенными перстами, чтоб перекреститься; другая – держит в руке двадцатипятирублевую бумажку» и т. д.

[^^^]

Брандвахта – военное сторожевое судно на рейде перед портом (нем.).

[^^^]

Гезель – помощник, ученик (нем.).

[^^^]

Теперь дворцовая церковь во имя св. благоверного великого князя Александра Невского.

[^^^]

М. Ф. Полторацкий, возведенный в дворянство при Елисавете, которая лично сочинила его герб, был первым директором придворной певческой капеллы, умер в 1790 году в чине действительного статского советника.

[^^^]

Кабинетская улица ведет от Разъезжей улицы к 3-й линии Семеновского полка, пересекает Ивановскую (на углу Кабинетской прежде находился С.-Петербургский университет); теперь университетское здание обращено в Синодальное подворье.

[^^^]

Дивертисмент – небольшой балетный спектакль (фр.).

[^^^]

См. «Северная пчела», 1857 г., № 230, описание
Аничковского дворца.

[^^^]

См. «Описание церкви Александра Невского в Собственном Его Императорского Величества дворце», протоиерея Никандра Брянцева.

[^^^]

Клирос – место в церкві для хора.

[^^^]

28 февраля 1752 года в «Петербургских ведомостях» явилась публикация: «При канцелярии Святейшего Синода каждые недели, в пятток, по полудни, продаваться будет священного писания Библия, которая начата, по природно-благочестивейшему усердию, при жизни вседражайшего родителя Петра Великого и ее императорского величества, от Святейшего Синода всеподданнейше поднесена. Духовным и знатнейшим в Петербурге и находящимся в рангах военных и штатских, и купечеству всякому из них желающих купить по пяти рублей книгу, токмо для всякого его самого по единой с именною запискою» и т. д.

[^^^]

Борбары, шелепы – разновидности плетей и кнутов.

[^^^]

Промемория – выписка, записка (фр.).

[^^^]

Артиллерийская школа была близ Пушечного двора и Сергиевской церкви, на углу Захарьевской и Литейной. См. план С.-Петербурга 1728 года.

[^^^]

Штык-юнкер – военный чин в артиллерии, промежуточный между сержантом и поручиком (нем.).

[^^^]

Только при Павле Фонтанка вошла в черту города.

[^^^]

По парижской моде (*фр.*).

[^^^]

Приписываемая этому же архитектору церковь Св. Николая Морского построена по плану архитектора Чевакинского и Башмакова.

[^^^]

Гонт – дранка, щепка.

[^^^]

Фронтиспис – здесь: часть треугольного завершения фасада здания (*фр.*).

[^^^]

С 1744 года встречается постоянное различие между большою и малою церквами; вероятно, в этих годах на половине императрицы была устроена другая церковь. В 1749 году государыня приказала поставить над большою церковью пять, а над малою одну главу. Но Растрелли представил проект о невозможности поместить на крыше большой церкви более трех глухих глав. Императрица утвердила проект Растрелли. В придворной соборной церкви на подвижном амвоне, на оборотной его стороне, находится медная дощечка с надписью: «Устроен 1762 г., возобновлен 1837 г.»; следовательно, год освящения храма считается с помещения императорского семейства во дворце.

[^^^]

Камер-цалмейстерская контора – контора, осуществлявшая надзор за убранством дворца (нем.).

[^^^]

Людовик Каравак, гасконец, первоначально занимался миниатюрною живописью; лучшие такие портреты его списаны с Бирона и его жены. Помощники его были русские живописцы: Андр. Матвеев, Мих. Негрубов, Фед. Воробьев, Ив. Мелехов и Мих. Беляков. Иностраных художников при нем было двое: Барталомеа Тарсия и Гезель. Каравак пользовался особенным всеобщим уважением, чего в то время не удостаивался почти ни один художник. Живописец по декоративной части еще был при нем Гуэрра и машинист Джибелли.

[^^^]

Алек. Фил. Кокоринов, род. 29 июля 1729 г., умер 9 марта 1774 г., родился в Сибири, ученик графа Растрелли, первый директор Императорской академии художеств и строитель здания.

[^^^]

Кошелек – здесь: особый чехольчик, в который по тогдашней мужской моде убирались заплетенные в косичку волосы.

[^^^]

После пожара Зимнего дворца, бывшего в 1837 году, храм вновь освящен 25 мая 1839 года, во имя того же образа, митрополитом Киевским Филаретом.

[^^^]

Потом бывшій епископом Псковским.

[^^^]

Известный переводчик Корана и автор комедий: «Так и должно» и «Точь-в-точь» и многих других сочинений за подписью «Михалево» (название его деревни), сделался известен еще императрице Елисавете следующим образом: однажды перед обедом, прочитав какую-то немецкую молитву, которая ей очень понравилась, императрица пожелала перевести ее по-русски. Шувалов сказал императрице: «Есть у меня человек, который изготовит вам перевод к концу обеда», и тотчас отослал молитву к Веревкину. За обедом еще принесли перевод. Он так понравился императрице, что она наградила переводчика 20 000 рублями. Веревкин был другом Фонвизина и Державина.

[^^^]

«Слово и дело государево» – система политического сыска, существовавшая в России в конце XVI–XVIII в., обязывавшая каждого подданного доносить о ставших ему известными умыслах против царя.

[^^^]

Scherer, ч. 1, с. 125.

[^^^]

Настоящая каменная церковь заложена была 2 августа 1761 года и окончена и освящена 9 апреля 1783 года.

[^^^]

Сын мужика, Дм. Шепелев начал свою карьеру смазкою колес придворных карет при Петре, после был вагенмейстером [*Вагенмейстер* – военный обозный чиновник, надзиравший за лошадьми, повозками и упряжью (*нем.*)] при Петре II, получил Александровскую ленту; сын его, гвардии майор, при Екатерине был в немилости, и только сын последнего имел значительный чин и богатства.

[^^^]

По рассказам старожилов, в последних трех окнах этого дома была спальня Петра Великого, в которой он скончался. При постройке нового здания на этом месте, как передавал современник Екатерины II, старый дворцовый унтер-офицер, умерший в 40-х годах, государыня приказала в землю зарыть плиту с надписью.

[^^^]

Над скатом этим в 1804 году помещена французская галерея картин.

[^^^]

См. «Возобновление Зимнего дворца», А. Башуцкого, СПб., 1839 г.

[^^^]

Рекетмейстер – чиновник для принятия прошений (нем.).

[^^^]

Существует рассказ: «Раз, разговаривая с преосвященным Платоном, Дидро ему шутя сказал: „Ведь Бога нет!“ – „Что ж, вы не новость говорите, – ответил последний. – Гораздо ранее вас сказал царь Давид: *рече безумец в сердце своем: несть Бог*“».

[^^^]

См. его книгу: «Черты Екатерины Великой», СПб., 1819 г., и «Обозрение царствования и свойств Екатерины Великой», СПб., 1832 г.

[^^^]

Чучело этого коня и седло государыни до настоящего времени хранятся в Конюшенном музее.

[^^^]

Кутас – шнур с кистями.

[^^^]

Петиметр – молодой франт, вертопрах (*фр.*).

[^^^]

Чихчири – мягкие сапоги.

[^^^]

См. «Семейство Разумовского», соч. А. Василь-
чикова.

[^^^]

См. Кокса: «Travels into Poland Russia» etc.

[^^^]

Гродетур – плотная шелковая ткань (фр.).

[^^^]

В 1790 и 1794 годах Екатерина пожертвовала для украшения собора Невской лавры собрание картин фламандской школы, в числе которых была и эта картина работы Рубенса; там же на горнем месте из этих картин: «Благовещание», работы Рафаэля Менгса; «Вознесение», Рубенса; «Спаситель благословляющий», Ван Дейка, и много других.

[^^^]

Основой этой коллекции послужило собрание из 4500 экземпляров античных гемм, принадлежавших некогда маркизу дю Шатель.

[^^^]

См. «Русский архив», 1870 г., с. 1155.

[^^^]

См. «Русскую старину», 1872 г., т. V.

[^^^]

«Это ваше, ваше, ваше величество...» – «Нет, это простокваша» (*фр.*).

[^^^]

Садитесь, куда хотите, где вам нравится, чтобы вам не повторять это сто раз (*фр.*).

[^^^]

Малые вечера (*фр.*).

[^^^]

Когда капельмейстер Чимароза сделал в первый раз предложение этой артистке ехать в Россию, то Габриэль запросила 12 000 рублей жалованья в год на всем готовом. Чимароза ей ответил, что фельдмаршалы его государыни не получают такого оклада. Габриэль ему отвечала: «Ваша великая государыня может делать фельдмаршалов, сколько ей угодно, а Габриэль одна в свете».

[^^^]

Маркези, кастрат, пел высоким голосом женского регистра, выходил на сцену в ролях женских.

[^^^]

Тодди – певица-красавица, не имевшая соперниц в Европе. Известна была своей связью с графом Безбородко.

[^^^]

Мандини – известный баритон-красавец. Про него писал граф Ростопчин (см. «Русский архив», 1876 г., ч. 4): «Наши дамы обезумели. Певец оперы-буфф Мандини доводит их до крайних дурачеств. Из-за него они спорят, завистничают, носят девизы, которые он им раздает. Княгиня Долгорукая аплодирует ему одна, вне себя кричит из своей ложи: „фора“, „браво“, а княгиня Куракина с восторгом рассказывает, что Мандини провел у нее вечер в шлафроке и „ночном колпаке“; жена его, парижанка, легкомысленная женщина, повсюду принята ради мужа».

[^^^]

Марокети, или *Маркети*, очень талантливый буфф [*Буфф* – в итальянской опере бас, играющий комические роли (*ит.*)], славился в то время комическою игрою и пением; его ученик был Як. Степ. Воробьев. Он первый из русских артистов пел по-итальянски и в ролях комических обладал необыкновенно общительною веселостью. Дочь его была замужем за И. И. Сосницким.

[^^^]

Гонзаго, родом из Турина, ученик Гальмани, прославился своими декорациями в Венеции, откуда и был вызван в Петербург. Он первый постигнул тайну театральной живописи и начал писать декорации не как комнатные фрески, тщательно отделанные во всех подробностях, но прямо на полу, на разостланном холсте, и не картинною живописью, а набросом и нередко наливом красок, часто растушеванных ногою, и это ножное маранье при искусном освещении превращалось в божественные виды, с воздушною далью и красотою лунного и солнечного света. Его декорации, писанные им для театра Фениче в Венеции, во время карнавалов выставлялись как образец возможного совершенства сценической живописи. Эти декорации всегда возбуждали крики публики: «E vive Gonzago!» Лет восемь тому назад мы видели его работы декорацию, она висела на последней стене Александрийского театра, изображала она вид замка и уже лет двадцать не употреблялась как декорация. По рассказам, она дава-

лась в «Гамлете». Некоторые из его декораций еще недавно были целы в подмосковном селе князя Юсупова.

[^^^]

Бригонци – поэт, механик и архитектор Царскосельского театра, потом неудачный строитель фундамента Государственного банка на Садовой, последнее предприятие довело его до сумасшествия, в припадке которого он бросился в Фонтанку из Летнего сада. По смерти его императрица Екатерина запретила употребление в Эрмитажном театре машин и различных провалов.

[^^^]

Напечатанная в 1772 г. (см. «С.-Петербур. ведом.», 13 ноября 1772 г.), продавалась она по 70 копеек за экземпляр.

[^^^]

См. «С.-Петербур. вестник», 1779 г., сент., ст. Ште-
лина.

[^^^]

В екатерининское время в аристократическом обществе были в большом обыкновении спектакли из лиц высшего общества. Тогда славились две труппы благородных артистов: одна играла у графини Головкиной, другая – у княгини Долгорукой; в первой известны были своею игрою: сама графиня Головкина, девица Коннор, Растопчин, князь П. М. Волконский и Окулов; во второй – граф П. А. Шувалов, барон Строганов, граф Комаровский и известный посол римского императора граф Кобенцель. Он имел прекрасный талант к театру. Про него ходил анекдот: «Однажды после спектакля граф приехал домой так утомленный, что лег в постель не раздевшись. Едва он заснул, как камердинер его будит и вводит курьера, приехавшего к нему от имени императора. Граф Кобенцель вскочил с постели. Курьер, увидя его с насурменными бровями, наруганным и сделав несколько шагов назад, сказал: „Это не посол, а какой-то шут!“»

Существует рассказ, что бессмертный творец «Недоросля», Д. И. Фонвизин, тоже обла-

дал редким сценическим талантом подражать всякому голосу и представлять в смешном виде каждого. Императрица Екатерина, по совету графа Н. И. Панина, позвала его в Эрмитаж, где он и представил фельдмаршала, гр. Разумовского, князя Голицына, князя Вяземского и Фил. Ал. Кара, споривших за вистом, а г. Бецкого – рассуждавшего о казенных заведениях: Воспитательном доме и Ломбарде, беспрестанно останавливая их игру, – так искусно, будто сами тут находились. Государыня смеялась много и сказала Фонвизину, что остается довольна новым с ним знакомством.

[^^^]

«Хорошо! Очень хорошо! Как Бог! Как ангел!
Почти как я!» (фр.)

[^^^]

Ростверк – бревна, уложенные на сваи в основании здания (нем.).

[^^^]

Курсы – конские бега по кругу (фр.).

[^^^]

Жавелот – дротик (фр.).

[^^^]

Когда князь Белосельский был взят из полковников в камер-юнкеры, то он, по словам В. С. Попова (известного статс-секретаря Екатерины II), благодарил государыню и за себя, и за полк за избавление от худого полковника.

[^^^]

Бальтазар Галуппи, итальянец, был вызван Екатериною в Россию стариком 63 лет; он нашел наш оркестр в очень печальном виде, не умевшим отличить простых оттенков piano и forte.

[^^^]

«Фортуна» – рулетка (лат.).

[^^^]

См. рассказы графини Головиной, записанные князем Вяземским.

[^^^]

В Императорском Эрмитаже, в зале разных камней, теперь помещаются не менее этих замечательные часы, известные под названием «Стасеровы»; видом они представляют древний греческий храм. Музыка в них разделена на два оркестра и состоит из сочинений Моцарта и Гайдна. В первых годах нынешнего столетия часы эти разыгрывались в лотерею в Петербурге, где они и были сделаны. В этих годах в Либаве жила бедная старушка, вдова пастора Герольта. Раз осенью, вечером, проезжает через этот город русский офицер, следовавший в нашу армию за границу. Он просит приюта у старушки, та радушно принимает его, угощает ужином и дает на ночь спальню. При отъезде она не берет с него никакой платы, офицер просит хотя на память от него принять лотерейный билет, купленный им за 5 рублей в Петербурге, и от души желает ей на него выиграть разыгрываемые в 80 000 рублей часы. Билет этот старушка берет и кладет за зеркало, где он долго валяется всеми забытый. Между тем лотерея была разыг-

рана, и в третий раз был объявлен выигрышный номер, но счастливцев не являлся. Как-то к пасторше зашел почтмейстер и, заметив лотерейный билет, любопытствовал посмотреть, не выиграл ли он, и тотчас узнал, что на него пал выигрыш. Старушка долго отыскивала доброго офицера, подарившего ей билет, но последний, вероятно, погиб на войне. Пасторша наконец решилась продать часы, которые и были куплены нашим Эрмитажем за 20 000 рублей, с производством пожизненной пенсии по тысяче рублей в год.

[^^^]

Все время царствования Екатерины ее преследовала мысль о покорении Турции. Она даже заказала медаль, на одной стороне которой представлен был Константинополь в огне, падают минареты и мечети в развалинах, над всем этим сиял крест в облаках и видна была надпись: «Потщитесь, и низринется»; на другой стороне: «Божиею милостию Екатерина II, имп. самод. Всероссийская, заступница верным», и другая надпись: «Поборнику православия». Государыня всегда мечтала о возрождении греков и славян. Она дала новое имя дому Романовых, окрестя своего внука Константином, и приставила к нему няньку-гречанку и камердинера-грека (гр. Курута). Она также учредила греческий Кадетский корпус и Херсонскую епархию.

[^^^]

Аль фреско – стенная живопись по сырой штукатурке (*ит.*).

[^^^]

Колет – короткая куртка, которую носили уланы и кирасиры (фр.).

[^^^]

Екатерина II приказала их делать в 16 рублей из пуда, в том уважении, что колывано-вознесенские сибирские заводы в пуде меди содержат до 1 золотника золота и 31 золотник серебра, а отделение этих благородных металлов стоило дорого.

[^^^]

В царствование Екатерины II, по расчету Монетного двора, всего в обращении серебра было на 80 миллионов рублей, золота немного более, как на один миллион рублей, и медной монеты на 47 миллионов рублей.

[^^^]

Для размена на наличные деньги были учреждены два променных банка в Петербурге и Москве.

[^^^]

См. соч. Попова: «О балансе торговом», СПб., 1831 г.

[^^^]

Медь в то время покупали в Москве по 7 рублей за пуд.

[^^^]

При постройке Царскосельской железной дороги станцию предполагали сделать на Фонтанке, на углу Введенского канала, где был дом и место г. Парланда; последний, впрочем, не сошелся в цене с Обществом.

[^^^]

Издержки за каждую сажень каменной одежды обходились: сперва 182 рубля, под конец цена дошла до 300 рублей, всего пространства считалось до 3000 сажен.

[^^^]

412

Название дано от Прачешного двора.

[^^^]

См. «Русский архив» 1886 года, № 3, с. 370.

[^^^]

Всех таких масонских лож в Петербурге с 1787 по 1826 год существовало до двадцати. Про эти ложи в городе ходило немало таинственных рассказов; простонародье говорило, что в них творится одно нечистое, что там вызывают бесов, делают заклинания и т. д. Слово «фармазон» [Фармазон (от фр. franc-maçons) – «вольные каменщики», масоны.] считалось большим ругательством. Вот названия лож, существовавших в столице: «Бессмертия» (открытая в 1787 году), в числе братьев здесь были лица и духовного звания; «Розенкрейцерская» (основана в 1791 году) под управлением О. А. Поздеева; «Соединенных друзей» (1802 год), основана Жеребцовым; в 1805 году ложа Александра «des gekrönten Pelikans» [«Коронованные пеликаны» (нем.).], мастер Розенштраух; в 1808 году «Умиряющего Сфинкса» под управлением Лабзина; в 1809 году «Палестины» и «Елизаветы к Добродетели», великим мастером был богатый тульский помещик А. С. Сергеев; в 1810 году «Петра к Истине» и «Владимира к Порядку», первую управ-

лял Элизен, второй – Бебер; в 1814 году «Св. Георгия», основана была в Мобеже, мастером был А. И. Тургенев; в 1815 году «Пламенеющей Звезды», мастер барон Корф; в этом же году была основана «Великая ложа Астрея», мастер Остерман-Толстой; в том же году – «Ложа избранного Михаила», мастер гр. Ф. П. Толстой; затем «Трех Добродетелей» под управлением Павла Ланского; в 1817 году ложа «Северных Друзей» и «Соединенных Друзей», в последней был мастер французский эмигрант Оде-Сион, инспектор классов в Пажеском корпусе. Собрания друзей происходили в подzemелье Мальтийской церкви, подземный ход из которой вел чуть ли не на Фонтанку; подzemелье это, если не ошибаемся, существует еще до сих пор. В 1817 году была еще основана в Петербурге ложа «Дубовой Долины»; в 1818 году «Ложа Орла Российского», мастером стула в которой был князь Ив. Ал. Гагарин; в этом же году была открыта ложа «Орла Белого», где мастером стула был граф Ад. Ржевуский и после него Олешкович; в этом же году была открыта ложа «Орфея», мастером в ней был граф Гр. И. Чернышев. В 1822 году вы-

шло первое запрещение масонских лож, и в 1826 году явилось подтверждение этого запрещения.

[^^^]

См. «Истор. – статистич. сведения СПб. епархии», 1873 г., с. 389.

[^^^]

Афеист – атеист, безбожник (греч.).

[^^^]

См. «Воспом. Д. Благого», с. 14.

[^^^]

См. «Памятник протекших времен».

[^^^]

См. его «Записки о императрице Екатерине».

[^^^]

См. «Жизнь Державина», с. 65.

[^^^]

Лаж (от *ит.* l'aggio) – доплата, приплата.

[^^^]

Место, которым владело Троицкое подворье, выходило вглубь к нынешней Владимирской улице.

[^^^]

После этого Марта стала именоваться Екатериною Алексеевною Михайловою: Екатериною – по своей восприемной матери, царевне Екатерине Алексеевне, и Алексеевной – по своему восприемнику, которым был царевич Алексей Петрович, а Михайловой потому, что эту фамилию, как известно, носил сам царь, в честь своего державного деда.

[^^^]

Умерла в 1733 году.

[^^^]

Нынешняя Троицко-Сергиевская пустынь.

[^^^]

Федор Яковлевич Дубянский, бывший священник украинской вотчины цесаревны Елисаветы, села Понорницы. Местечко Понорница, Черниговской губернии, Новгород-Северского уезда, отобрано было у Шафирова.

[^^^]

См. его книгу «Russische Günstlinge».

[^^^]

Шталмейстер – главный придворный конюший (нем.).

[^^^]

Гофмейстер – придворный сановник для надзора за придворными чиновниками и служителями (нем.).

[^^^]

См. «Материалы для истории Пажеского корпуса», графа Милорадовича, Киев, 1876 г.

[^^^]

Манштейн в своих «Записках» говорит: «Со времени Петра I вошло в обыкновение при дворе много пить. Однако же сего сказать нельзя о времени императрицы Анны, поелику она не могла видеть пьяного человека. Только одному Куракину было позволено пить, сколько ему хотелось. Но, чтобы не предали вовсе в забвение столь старинный обычай много пить, 29 января, день восшествия императрицы на престол, обыкновенно посвящался Бахусу, т. е. пьянству. В сей день каждый придворный, стоя пред ее величеством на коленях, обязан был выпить большой бокал венгерского вина».

Но едва ли когда с. – петербургская администрация так заботилась о возвышении казенных интересов в ущерб народной нравственности и народного благосостояния, как в царствование Анны Иоанновны. Жадный к деньгам Бирон, стоявший во главе управления, злонамеренно спекулировал на наживу, опираясь на историческую слабость русского народа. Намерение же извлекать казенные

интересы из распространения в народе пьянства выразилось во многих печатных указах того времени. Так, указом 21 апреля 1734 года запрещалось под опасением штрафа продавать в Петербурге в трактирах и вольных домах вывозимую из-за моря гданскую водку, дабы не было остановки в продаже казенных дорогих российских водок и казне ее величества убытку не происходило. Указом 30 января 1736 года устроены были от казны для усиления продажи вина выставки на всех островах. На этих выставках вино продавалось в чарки, полукружки, кружки, четверти и т. д. Для сбора денег выставлены солдаты из людей добрых, чтобы продажа производилась без обмеров, а деньги опускали бы они в ящики за печатями. Всех вольных домов или кабаков было в 1736 году 120; в том же году было прибавлено еще 10 кабаков на Петербургской стороне.

[^^^]

См. М. И. Семевского: «Царица Прасковья».

[^^^]

Пикер – псарь, вожатый гончих собак (фр.).

[^^^]

Вот имена этих первых охотников: Вабершенц, Миллер, Вильсон, Броун, Жан Дюбуа и Люис Жое. Англичане получали жалованье по 280 руб., немцы по 180 руб. и французы по 200 руб. Для травли зверей были собаки борзые английские хорты и тарсиеры, биклосы, и затем были собаки для труфли. Клички собак были: Отлан, Скозырь, Трубей, Гальфест – в числе более 40 разных пород собак было до 20 русских разных пород.

[^^^]

См. Штретера: «Путеводитель Петербурга»,
1822 года.

[^^^]

У Державина был еще другой дом в Петербурге, на Сенной площади; он отдавал его внаймы под съезжую; полиция неисправно ему платила, и он не раз жаловался на то графу Палену, петербургскому военному губернатору. Прежде он жил в нем, здесь у него был соседом известный И. И. Голиков, тогда еще откупщик петербургский, впоследствии он приобрел известность изданием «Деяний Петра Великого».

[^^^]

Академик Грот рассказывает: «Когда я, в конце 1859 года, посетил этот дом, главные комнаты верхнего этажа занимал тогда епископ Станесский; кабинет поэта служил столовою; над венецианским окном была прибита досочка из белого мрамора, с надписью: «Здесь был кабинет Державина».

[^^^]

Литературное общество «Беседа любителей русского слова», созданное по инициативе А. С. Шишкова. Некоторые члены «Беседы» выступали против языковой реформы Н. М. Карамзина, отстаивая с позиций классицизма старославянский язык.

[^^^]

Шлафрок – халат (нем.).

[^^^]

См. соч. Державина, с примеч. Грота, часть I, с. 440: «Почто же, мой второй сосед!» и проч.

[^^^]

И, ах, сокровища Тавриды Средь полицейских
ссор? На барках свозишь в пирамиды

[^^^]

См. «Церковь Успения Божией Матери, что на Сенной», статья протоиерея Иоанна Образцова.

[^^^]

См. статью: «Столетие Гостиного двора», в «Новом времени», за 1885 г.

[^^^]

При Петре улицы мостились хворостом.

[^^^]

Этот первый через Неву мост был устроен на плашкоутах, число последних было около 30.

[^^^]

Впоследствии эту модель Фальконет уничтожил, после ссоры с Бецким. Другой первый опыт этого художника, по приезде в Петербург, был – отлить из бронзы фигуру, вытаскивающую из ноги терновую иглу.

[^^^]

CM. «Monument élevé à la gloire de Pierre le Grand par le comte Marin Carbouri de Ceffaloni», Paris, 1777.

[^^^]

Интересная жизнь этого авантюриста и отравителя своих трех жен описана в «Рассказах о русской старине», С. Н. Шубинского, СПб., 1871 г.

[^^^]

К 21 февраля камень был отвезен на 1 версту
126 сажень.

[^^^]

Содержание его с тремя подмастерьями обо-
шлось конторе строения домов и садов в 25
882 рубля.

[^^^]

На статую употреблено 11 001 пуд 1 фунт
бронзы, и, сверх того, для равновесия лошади
пошло 250 пудов железа.

[^^^]

Эту роговую музыку оркестровал придворный музыкант Мареш; он первый раз играл при дворе императрицы Елисаветы в 1753 году.

[^^^]

См. «Нарождение царицы Гремиславы». Ода посвящена Л. А. Нарышкину.

[^^^]

Граф д'Артуа, после бывший французский король Карл X, жил в Петербурге, на Большой Морской, в доме Левашова (впоследствии Дюнауровой) и в этом доме получил печальное известие о судьбе Людовика XVI. Граф д'Артуа в этот вечер должен был быть на празднике, данном Екатериной в честь его приезда, но праздник обратился в траур. На другой день в католической церкви происходила торжественная панихида. Державин на этот случай написал оду: «Звук слышу муссикийский в стоне» и проч.

[^^^]

Английская фактория в Санкт-Петербурге (англ.).

[^^^]

В 1860-х годах было установлено законом, что высота дома не должна превосходить ширину улицы, где он стоит, и не быть выше 11 сажен и не менее $5 \frac{1}{2}$ аршин. Это мудрое постановление теперь позабыто.

[^^^]

См. Грота: «Жизнь Державина».

[^^^]

Амфитрион – здесь: гостеприимный хозяин
(греч.).

[^^^]

См. «Записки Блудовой».

[^^^]

Ампир – стиль в архитектуре и декоративно-прикладном искусстве первых трех десятилетий XIX в. (*фр.*)

[^^^]

См. его книгу: «Петербург в исходе XVIII столетия».

[^^^]

Кто бы ты ни был, вот твой властелин, он есть, или был им, или должен им стать (*фр.*).

[^^^]

463

Плато – поднос без бортов, подставка (*фр.*).

[^^^]

См. книгу: «Князь Безбородко», соч. Н. Григоровича.

[^^^]

Европейские вторники (*фр.*).

[^^^]

В четвертую долю листа (*лат.*).

[^^^]

«Дело о колье» (фр.).

[^^^]

«Продолжение дела о колье» (фр.).

[^^^]

См. «Русск. архив» за 1877 год.

[^^^]

470

Четверка – четвертая доля листа.

[^^^]

См. «Записки Державина».

[^^^]

Имя этого танцмейстера сохранилось в Павловске, в названии Пикового переуллка, где последний имел свою дачу.

[^^^]

См. письма Екатерины к Гримму.

[^^^]

«Неверные любовники» (фр.).

[^^^]

Это был мой ученик, гениальный человек, он многих делал своими врагами, для того чтобы их разоружить (*фр.*).

[^^^]

См. «Русскую старину», 1875 г., т. XVI.

[^^^]

См. «Русский вестник», 1875 г.: «Отец и сын»,
статья де Пуле.

[^^^]

Де-сианс академия – Академия наук (фр.).

[^^^]

Расин, Вольтер, Энциклопедия (фр.).

[^^^]

Фактор – комиссионер, исполнитель чьих-то поручений (*лат.*).

[^^^]

В. А. Плавильщиков был родной брат П. А. Плавильщикова, известного актера и автора многих театральных пьес. У него был еще третий брат, А. А. Плавильщиков, статский советник, известный тоже своею ученою деятельностью.

[^^^]

На этом месте во времена Петра по праздничным дням собирались разные мастеровые, крестьяне и т. д.; подгуляв в кружале (кабаке), они разбивались на две стороны и вступали в кулачный бой. Обыкновенно такие схватки происходили с дикими криками и не без серьезного кровопролития. Иностранцы, видя, что в подобные беспорядки не вмешивалась полиция, думали, что они допускались для приучения молодых людей к бою, чтобы из них впоследствии выходили хорошие солдаты.

[^^^]

По другим источникам, с 1780 года; последнее известие надо считать более близким к правде.

[^^^]

Сурожское море – название Азовского моря в XIV–XV вв.

[^^^]

См. «Воспоминания Алекс. Мих. Каратыгиной».

[^^^]

П. И. Страхов (1757–1813), профессор опытной физики, друг Еф. Ив. Кострова, секретарь Хераскова и известный переводчик и сотрудник изданий Н. Ив. Новикова.

[^^^]

Галенок (от *англ.* «галлон») – мера жидкостей, равная $\frac{1}{2}$ штофа (ок. 0,6 л).

[^^^]

Доломан – гусарский мундир, расшитый шнурами (венг.).

[^^^]

Бретер – человек, ищущий малейшего повода для вызова на дуэль (*фр.*).

[^^^]

Щепетильная лавка – галантерейная лавка.

[^^^]

В то время верхней линии было 24 меховые лавки, торговали еще два травяника, Гокашкин и Балашов, и затем помещалось еще 18 мебельных лавок; в одной из последних, под № 123, купец Хабаров продавал и отдавал на прокат маскарадные костюмы.

[^^^]

Петр Татаринов, автор множества патриотических стихотворений во время Крымской войны, поэмы «Пассаж» и затем водевиля «Папиросы с сюрпризами».

[^^^]

Кобыла – доска или скамья, на которой наказывали преступников кнутом.

[^^^]

См. «Литературный листок», 1824 г., март, № 5;
«Северный архив» и «Северную пчелу».

[^^^]

Давалец – заказчик.

[^^^]

Дальше чего нельзя, т. е. верх совершенства
(лат.).

[^^^]

Аблесимов написал в своем журнале «Собрание забавных басен», СПб., 1781 г., следующую эпиграмму на таких купцов:

*Престранное то дело:
Купечество свое кидает ремесло,
Пускаясь из них иные смело,
Собой умножить чтоб военное
число, П*

*По-видимому, ясно:
И всяк степенный муж об оном
мнит согласно;
Дала судьба им хлеб, так дай же
им и честь,
У них де уж теперь довольно денег
есть...*

[^^^]

Кстати, сообщаем, что деревянный Александрийский театр был построен в 1801 году, а каменный, в нынешнем виде, в 1832 году; Михайловский – в 1833 году; Каменноостровский – в 1827 году.

[^^^]

Она напечатана на итальянском языке, без русского перевода. Обычай печатать итальянские либретто на двух языках явился гораздо позже.

[^^^]

500

Опера-драма (*нем.*).

[^^^]

У Пушкарева назван Томоном этот Томо
(Tomeau).

[^^^]

Убрус, убрусец – нарядный платок.

[^^^]

Вот один анекдот из жизни этой актрисы. Однажды, желая доказать свою привязанность к императору, она вздумала попросить у него портрета. Наполеон, взяв горсть бриллиантов и двадцатифранковую монету со своим изображением, подал их актрисе: «Le voici, – сказал он, – et que ceci vous contente»[Вот он, и пусть это вас удовлетворит (*фр.*)].

[^^^]

Павел был введен в несколько масонских лож своим наставником, графом Паниным, который был членом во многих масонских ложах.

[^^^]

СМ. «Memoires of the baroness Oberkirch».

[^^^]

Стихи эти де Санглен приписывает моряку
Акимову.

[^^^]

Манкировать – небрежно относиться к чему-либо, пренебрегать чем-нибудь (фр.).

[^^^]

Кавалерами Мальтийского ордена пожалованы были все придворные священники гораздо ранее, в 1798 году. Один митрополит Гавриил не принял Мальтийского ордена; он говорил, что русскому архиерею неприлично вступать в католический орден. Гавриил был первым митрополитом С.-Петербургским; он управлял епархией долее всех, бывших после него (1770–1801) митрополитов, исключая нынешнего митрополита Исидора.

[^^^]

Клестеркора – клеевая корка.

[^^^]

Эспонтон (эспантон) – тупой палаш для учебной рубки (*фр.*).

[^^^]

Работал эту балюстраду серебряных дел мастер Бух, исправлявший должность датского агента во время царствования Екатерины II. Императрица одно время подозревала его, что он сообщал ее разговоры в Копенгаген.

[^^^]

См. его рассказ: «Русская старина», 1874 г.

[^^^]

См. «Русская старина», январь, 1882 г.

[^^^]

514

Сибирка – здесь: арестантское помещение при полиции.

[^^^]

Стул и столик, у которого сиживал Павел, стоит во дворце в Павловске, в комнатке близ парадных сеней, на втором этаже, у окна.

[^^^]

Мостик этот снят вскоре после воцарения
Александра I.

[^^^]

См. «Достопамятный год моей жизни».

[^^^]

Кастелян – комендант, смотритель замка
(лат.).

[^^^]

Опера-буфф – комическая опера (*ит.*).

[^^^]

Номады – кочевники (греч.).

[^^^]

Сибирка – здесь: короткий кафтан в талию с большим количеством пуговиц и невысоким стоячим воротником.

[^^^]

Буцефалы – здесь: лошади (от имени коня Александра Македонского).

[^^^]

Целовальник – продавец в питейном заведении, кабаке.

[^^^]

Рутировать – здесь: помогать, обеспечивать
удачу, везение (*фр.*).

[^^^]

Томбола – вещевая лотерея (фр.).

[^^^]

Ленотровские – от имени французского архитектора и мастера садово-паркового искусства Андре Ленотра (1613–1700).

[^^^]

Бродячий гурман (*фр.*).

[^^^]

Добродушие и простота (*фр.*).

[^^^]

Sur mon honneur – здесь: выражение, соответствующее русскому «право слово» (*фр.*).

[^^^]

По французской моде (*фр.*).

[^^^]

Гроденапль – плотная шелковая ткань (*фр.*).

[^^^]

Целомудренной (*фр.*).

[^^^]

А-ля Титус, а-ля гильотина – короткие прически, появившиеся в период Французской революции (*фр.*).

[^^^]

Факел любви (*фр.*).

[^^^]

Щегольского (*фр.*).

[^^^]

«Собачьи уши», «надежды» (фр.).

[^^^]

Права человека (*фр.*).

[^^^]

А-ля гусар (*фр.*).

[^^^]

Крикливое, шумящее (*фр.*).

[^^^]

Легавая собака (*фр.*).

[^^^]

Лал – драгоценный камень, рубин.

[^^^]

Неглиже, полунеглиже, дезабилье – простое домашнее платье, не носимое при посторонних (*фр.*).

[^^^]

Голубого Марии Луизы (фр.).

[^^^]